

СОДЕРЖАНИЕ.

Май, 1884 г.

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ. М. К.	1
II. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. Д. Эварницкаго.	33
III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИОАХЪ. В. Мищенка	55
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦБАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. <i>(Продолжение).</i>	77
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). <i>(Продолжение).</i> И. Левицкаго	88
VI. ОБЪЯСНЕНИЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КНАЛѣ	117
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Издание киевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой! Сост. подъ редакцією Т.-Д. Флердинскаго, доцента имп. університета св. Владимира. Кіевъ. 1884. г.—б) Фольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографический этюдъ. Т. I. Krakowъ. 1884 г.—ц) Неймана.—б) Андріївский М. А. Козацкая дума о трезъ Азовскіи братъяхъ съ объясненіемъ и картой. Одесса. 1884 г.—Его-же.—в) Бібліографічний указатель трудовъ И. П. Чубинскаго.—П. Ефименка	123
VIII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣзивскій журналъ. Н. В. Гоголя. С. Пономарева—б) Добавки и поправки постоянного читателя «Кіевской Старины». — Н. Блюзевской.—в) Присяга духовенства.—Н. Ефименка.—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—Ц. Неймана.—д) Дѣдушкинъ венецъ (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестьянка Иванка Савченко.—е) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—В. О.—ж) Загадочное преданіе.—Е. Макоевской—з) Изъ паводныхъ усть (Одва пѣсни и два разсказа).—Сообщ. Д. Т.	143
IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) <i>(Продолжение)</i>	33—48

Подписька на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ^О

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ VIII.

МАЙ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1884 года.

ПУТЕВІЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ.

І.

Необходима біографічна свідчення єсть авторѣ.—Рассказъ о томъ, какъ и почему
ѣздали ониъ въ Подоліе.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, едва научившись читать и понимать прочитанное, и почувствовалъ страстное влечение къ путешесвіямъ. Въ гимназіи зачитывался Робинзономъ, приключениями героевъ Майпъ-Рида и Жюля-Верна, и хотя и не сбѣжалъ изъ гимназіи вслѣдствіе пристрастія къ этимъ авторамъ, и не былъ задержанъ въ ближайшей волости или стаповой квартирѣ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ вечеровъ мечталъ о краснокожихъ, о пустынныхъ островахъ, охотѣ на бизоновъ и каймановъ и, засыпая на разсвѣтѣ, давать себѣ клятвенное обѣщаніе: когда буду *богатырь*, немедленно отправиться по меныпей мѣрѣ въ Америку, а то, если судьба угодно будетъ въ то время подослать къ землѣ какую нибудь шальной комету, то конечно воспользоваться этимъ рѣдкимъ перевозочнымъ средствомъ для того, чтобы поближе познакомиться съ солнечной системой.

Но мечты мои такъ и оставались мечтами. Дѣлался я большими медленно и мало по малу скептицизмъ закрадывался въ душу: мечтать о кометѣ какъ-то сдѣлалось совсѣмъ, относительно краснокожихъ стала немчого я подумывать о неудобствахъ скальпировки; что-же касается пустынного острова, то онъ мнѣ почему-то сталъ казаться скучнымъ. Наконецъ рѣшилъ я однажды, что въ моемъ возрастѣ (мне было около 15 лѣтъ) стыдно заниматься сказками и принялъ за чтеніе „серезныаго“ сочиненій: читать Араго, началь, правда по выдержкамъ, знакомиться съ Ливингстономъ, прочитать Гумбольдта и др.

Мысли мои приняли новый оборотъ.—Нѣть, думалъ я, когда я буду „зрѣлымъ“ и „умнымъ“, т. е. когда досконально выучу всѣ необходимыя для моего дѣла науки, я долженъ сдѣлать нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Что именно я стану открывать, я конечно не зналъ, но полагалъ, что непремѣнно открою чѣмъ очень важное. Съ бѣшенствомъ бросился я дозубривать тонкости латинской грамматики, счастливо достигъ „зрѣлости“ и вступилъ въ храмъ науки, гдѣ годъ за годомъ металъ изъ аудиторіи въ аудиторію, посещалъ лекціи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ, слушалъ много мудрыхъ рѣчей, но какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что слышанное мною мало подвигаетъ менѣя на пути открытій. И вновь одна мечта за другой стали улетать; я постепенно сдѣлался скромнѣе, сдержаннѣе въ своихъ желаніяхъ, готовъ былъ уже отказаться отъ открытія не только новой Америки, но даже новыхъ истоковъ Нила, благо открытія эти перехватили у меня замѣ людѣи, но совсѣмъ отказаться отъ надежды обезсмертить свое имя, подобно Ливингстону, Гумбольдту и другимъ великимъ путешественникамъ, у меня не хватало силы.—„Хоть бы плугавую какую нибудь рѣченку оставили за мою долю“, думалъ я съ досадой, подводя итоги будущему путешествію, и, махнувъ рукой, побѣжалъ держать экзаменъ.

Экзамены къ счастью выдержалъ и дипломъ получилъ,—казалось-бы пора и въ путь, по тутъ явились два серьезныя препятствія. Во первыхъ, хотя я бытъ уже давно зрѣлъ и только что призналъ умнымъ, какъ это значилось на двухъ лежавшихъ передо мною пергаментныхъ листахъ, я все таки сознавалъ, что знаю не то, что подобаетъ знать Ливингстону и Гумбольдту, и сильно сконфузился, а затѣмъ послалъ нѣсколько велегкихъ пожеланій, разумѣется мысленно, жрецамъ науки, которые сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, кромѣ тѣхъ, какія были необходимы. Во вторыхъ-же, для того, чтобы начать путешествіе, не доставало мнѣ презрѣннаго металла, или по меньшей мѣрѣ кредитныхъ его знаковъ, которые, хотя нѣсколько уступаютъ въ цѣнѣ презрѣнному металлу, но, собранные въ значительномъ количествѣ, могутъ до нѣкоторой степени замѣнить его.

Сообразивъ послѣднєе обстоятельство, я рѣшился отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени и отправился служить

въ балкъ. Но сдѣлаться богатымъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ стать большимъ, зрѣлымъ и умнымъ: должность кассира въ банкѣ была занята и мнѣ не приходилось мечтать о ней—и слава Богу, подальше отъ соблазна; во всякомъ случаѣ я только издали видѣлъ текущіе рѣкой кредитные знаки, па мою-же долю сочился до того ничтожный ручеекъ, что не оставалось никакой надежды на возможность собрать кушъ, необходимый для кругосвѣтнаго плаванія. По мѣрѣ того, какъ я терялъ надежду, стала я относиться къ самой мысли о путешествіи спачала какъ-то сентиментально-меланхолически, какъ къ несбыточнымъ грезамъ, увлеченію молодости; потомъ меланхолію замѣнило озлобленіе. — Вѣдь въ далекіе края, думалось мнѣ, будутъ певѣжды,—чего они тамъ не видѣли, да съ чѣмъ возвращаются оттуда? Соберутъ справочныя цѣны по ресторанамъ, побываютъ раза два въ театрѣ, потолкаются по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, да посмотрѣть парижскихъ гризетокъ,—вотъ и все тутъ. Право бѣдить не зачѣмъ! Гораздо локойней жить на Козьемъ болотѣ, да регулярно каждый день ходить въ банкъ, слѣдить за текущими счетами и отъ времени до времени смотрѣть серьезную русскую драмму въ городскомъ театрѣ, пользуясь царящимъ тамъ просторомъ, тишиной и отсутствиемъ презрѣнной толпы.

Такъ разсуждалъ я въ гордыни сердца и справедливо былъ за нее наказанъ судбою.

Случилось нечто неожиданное: въ нашемъ банкѣ оказалась крупная растрата, при чѣмъ кассиръ печезъ съ лица земли, а остальные служащіе были заподозрѣны въ нособничествѣ, укрывательствѣ, сообществѣ и пр. и пр. Поднялась возня, попреки, начались посѣщенія судебнаго слѣдователя; словомъ скандалъ. Въ результатѣ оказалось, что выпадъ чистымъ изъ дѣла я одинъ, не потому, чтобы особенно превосходилъ всѣхъ остальныхъ чистотою побужденій, а просто потому, что должность моя была такого рода, что виновныи я и не могъ быть, даже при крайнемъ моемъ желаніи. Какъ бы то ни было,—я былъ чистъ.

Директоръ нальѣ былъ человѣкъ строгий, но справедливый. Поправивъ всѣхъ виновныхъ, онъ рѣшился вознаградить въ моемъ лицѣ добродѣтель и, призвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ мнѣ рѣчь примѣрно слѣдующаго содержанія. „Сердце мое упilitается при видѣ оказанной вами, молодой человѣкѣ, добродѣтели. Среди окружа-

ющей нась атмосфера хищенія вы сохранили невинность сердца, чистоту рукъ и кармана; такое феноменальное въ пане время явленіе не должно оставаться безъ награды. Я могъ-бы наградить васъ назначеніемъ на высшее мѣсто, но не хочу этого дѣлать, дабы впредь не подвергать васъ искушенію и не лишать лучшаго въ мірѣ блага — чистоты совѣсти (въ тотъ же день мѣсто кассира занялъ его племянникъ), но пусть пакетъ этотъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что добродѣтель никогда не остается незамѣченюю и невознагражденною". При этомъ онъ вручилъ мнѣ запечатанное письмо, заключить торжественно въ свои объятья и затѣмъ вѣжливымъ жестомъ указалъ на дверь.

Въ пакетѣ я нашелъ: 1) записку, въ которой директоръ совѣтовалъ миѣ небольшое путешествіе для отдыха и упражненія здравья; 2) отпускъ на два мѣсяца и 3) чекъ на 500 рублей.

Подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной благодати куда дѣвался мой скептицизмъ. Бѣгомъ пустился я въ свою квартиру, что на Козьемъ болотѣ, по дорогѣ забѣжалъ въ книжную лавку и купилъ всѣ имѣвшіеся въ ней „Бедекеры“: рѣшено, я по волѣ начальства въ теченіи двухъ мѣсяціевъ буду путешествовать. Цѣлый день перелистывалъ я „Бедекеры“, но никакъ не могъ решить, куда поѣду. Чѣмъ болѣе я вчитывался въ перечни вокзаловъ, гостиницъ, ресторановъ, театровъ, картиныхъ галлерей, красотъ природы и т. д., тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною хандра: чужіе края представлялись миѣ чѣмъ-то въ родѣ галантерейного магазина, гдѣ лежитъ подъ этикетками много хорошенькихъ вещицъ, но всѣ эти вещицы до того обыденны и общизвестны, что не только не представляютъ никакой прелести новизны, но уже давнѣмъ давно подлежать pris fix'у.

Къ вечеру мною овладѣло полное уныніе. „О, Господи, думалъ я, неужели мечта всей моей жизни—мыльный пузырь? Неужели вхать некуда и незачѣмъ? Неужели всѣ величія путеше-ствія и открытия не болѣе, какъ созданіе праздной фантазіи? Неужели?“... Но тутъ дверь моей комнаты отворилась и вошелъ мой старый товарищъ, Маринчукъ, подолянинъ, исходившій изъ шкіомъ свой родной край, известный оригиналъ и скептикъ, больше всего на свѣтѣ гордившійся своимъ подольскимъ происхожденіемъ. Я отъ всей души обрадовался ему, зналъ, что Маринчукъ всегда умѣлъ

найти выходъ, правда нѣсколько странный и неожиданный, но всегда почти удачный, изъ всякаго затруднительного положенія.

— Зашепель тебя поздравить, сказалъ Маринчукъ, закуривая папироску; слыхалъ, братъ, осуществилась замѣтная мечта: ты отправляешься вояжировать.

— Да, отвѣтилъ я, пѣсколько смущившись, хочуѣхать, но вотъ бѣда,—ломоги собѣтомъ,—не знаю куда и зачѣмъѣхать. Всё это—и я съ препреженіемъ указалъ на столъ, гдѣ лежала вся Европа въ лицѣ 12 „Бедекеровъ“—скучно, шаблонно, всѣмъ и каждому известно; все это изображено въ безчисленныхъ олеографіяхъ, аквареляхъ, либо и фотографіяхъ на стѣнахъ чуть-ли не всѣхъ гостиницъ и пивныхъ, въ альбомахъ гимназистовъ и пансионерокъ. Куда и зачѣмъ я пойду смотрѣть все это? — Я трагически встрихнулъ головой и, почувствовавши себя почти Гамлетомъ, откинулся на спинку кресель.

— А ты, братъ, все по части открытій, замѣтилъ Маринчукъ, что-жъ, можно попробовать, авось и на твою долю достанется что нибудь неизвѣдомое.

— Да вѣдь время и деньги, находящіяся въ моемъ распоряженіи, не позволяютъ мнѣ оставить Европу; а въ Европѣ вѣтъ абсолютно не то страны—деревушки не обслѣдованной на всѣ лады, не заполненной въ статистической таблицы, не истощенной ногами туристовъ, не отмыченной „Бедекеромъ“. Развѣ отправиться въ Исландію, что-ли?

— Зачѣмъ въ Исландію, можно и поближе. Выбери страну, куда во 1-хъ неѣздишь туристы, для которой во 2-хъ не составленъ еще „Бедекеръ“ и въ 3-хъ, что всего важнѣе, которую самъ ты всего меньше знаешь. Въ такомъ случаѣ пайдешь и свѣжесть впечатлѣній и открытія сдѣлаешь, конечно не абсолютныя, а относительныя, пайдешь факты и сгѣдѣнія, новые для тебя и для многихъ другихъ, подобно тебѣ не обращавшихъ вниманія на избранную тобою страну...

— Такой страны нѣть въ Европѣ,—отвѣтилъ я съ большими апломбомъ; вѣдь я столько читалъ о разныхъ странахъ и знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ я только что повѣрилъ свои свѣдѣнія: Швейцарію и Италію, Парижъ и Лондонъ, Дрезденъ и Мюнхенъ и проч., и проч. я знаю какъ свой карманъ,— неужели

прикажешь лишний разъ провѣрить безъ нужды Бедекера? сказаль я съ злобной улыбкой.

Пріятель съ минуту помолчалъ, нагъвавъ одну извѣстную малорусскую арію; это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался предложить неожиданный выходъ изъ затруднительлаго по видимому обстоятельства, поэтому я ждалъ съ большимъ интересомъ, боясь прервать его раздумье. Вотъ опъ медленно подымается со стула и произносить отрывисто: „Поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ Подоліе!“ и затѣмъ спокойно садится на свое мѣсто.

— Что!! вскричалъ я въ недоумѣніи, ты, братъ не шути! Это дѣло для меня весьма серьезно, развѣ въ Подоліе єздятъ туристы?

— Туристы не єздятъ—это разъ, „Бедекеръ“ для Подолія еще не составлень—это два. Что-же касается твоихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ—посмотримъ; а ну братъ, выложи чистосердечно весь запасъ географическихъ познаній.

Я нѣсколько обидѣлся; мнѣ показалось, что Маринчукъ улыбался.

— Кто-же изъ насъ не знаетъ Подолія: Подольская губернія лежитъ по Днѣпру, главный городъ Каменецъ-Подольскій; вдоль губернії пролегаетъ желѣзная дорога; на площади ея находится много сахарныхъ заводовъ, которыхъ траты учтываются въ банкѣ...

На этомъ я оборвалъ.

— Только? спросилъ спокойно пріятель и снова улыбнулся.

— Да это и все, горячился я, вѣдь больше о Подоліи и сказать нечего.—Тутъ въ головѣ невольно промелькнула мысль, что обѣ Эстремадурѣ или Новой Мексикѣ я могъ-бы сообщить гораздо больше подробностей, и я какъ-то конфузливо замолчалъ.

Собесѣдникъ мой продолжалъ улыбаться и какъ будто подсказалъ мнѣ: да ты, братъ, считался когда-то въ нашемъ кружкѣ историкомъ; не окажутся-ли историческая твои свѣдѣнія о Подоліи богаче географическихъ? Начни-ка съ этого копца, авось запасъ окажется богаче.

Въ этомъ, конечно, я и самъ не сомнѣвался и началъ въ нѣсколько поучительномъ тонѣ: на территорії нынѣшняго Подолія первоначально поселились Уличи и Тиверцы, затѣмъ въ удѣльное время... (я заинулъ,—чортъ знаетъ, что это такое—не могу ничего подыскать изъ удѣльного времени) ну, да впрочемъ это не важно, а вотъ впослѣдствіи... (вотъ бѣда: оказалось, что и впослѣдствіи я

ничего не знаю, а еще на выпускномъ экзаменѣ получилъ 5 по отечественной истории; оставалось только спасаться общими мѣстами), иу да, впослѣдствіи,—кончилъ я скороговоркою,—прострадавъ долго подъ шольскимъ владычествомъ. Подоліе наконецъ возсоединилось съ Россіею въ царствованіе Екатерины II. Я замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Браво! вскричалъ Маринчукъ, послѣднее препятствіе устраниено, значитъ мы єдемъ въ Подоліе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, братъ, что ты обрѣлъ паконецъ страцу, о которой ровно ничего не знаешь, значитъ открытия будуть на каждомъ шагу. Такъ по рукамъ!

— Однако, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, началь я съ достоинствомъ: хотя я очень уважаю наши старые товарищескія отношенія, но всему есть предѣлъ. Вы позволили себѣ...

Мой другъ покатился отъ смѣху.

— Такъ ты, братъ, сердишься, тѣмъ лучше: значитъ, я сказалъ истинную правду. Ну, успокойся, собирай пожитки, жду тебя завтра на вокзалѣ къ вечернему поѣзду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и удалился, отвесивъ церемонійный поклонъ.

На другой день въ 7 часовъ вечера мы сидѣли въ вагонѣ Брестско-Кievской желѣзной дороги и весело болтали. Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ прямаго сообщенія въ Ироскуровъ, дорожный мѣшокъ набитъ былъ трудами двухъ подольскихъ статистическихъ комитетовъ и всевозможными брошюрами и сочиненіями, касавшимися Подолія.

Въ Ироскуровѣ обрывается вѣтвь желѣзной дороги и отсюда уже въ разныя стороны расходятся почтовыя дороги.

Такъ какъ мой другъ обѣщалъ мнѣ много открытій географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ и всякихъ другихъ, а предпринимать открытія принято, начиная отъ извѣстного къ неизвѣстному, то мы и направились прежде всего въ столицу Подолія, вѣдь извѣстный Каменецъ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій въ разныя стороны, съ цѣлью нѣсколько ознакомиться съ краемъ, который оказался для меня совсѣмъ неизвѣданнымъ, какъ вѣроятно и для большинства изъ моихъ читателей, съ которыми я поэтому и рѣшаюсь подѣлиться своими впечатлѣніями. Не буду опи-

сывать дорогу до Каменца и первыя наши поездки,—впечатлѣнія отъ нихъ остались слишкомъ поверхности и отрывочныя, какія только можно получить, не выходя изъ экипажа;—сколько-нибудь обстоятельное знакомство съ краемъ началось только со времени поездки въ Смотричъ. Отсюда я и начну свой разсказъ.

II.

Рѣка Смотричъ.—Голтры.—Мѣстечко Смотричъ; его исторія.—Дорога въ Караковыи, берега рѣки.—Пистребленіе лѣсовъ.—Сокиль-гора.—Пещеры.—„Кирвицы“ Караковыи.—Легенда о возникновеніи села.—Остатки старины.—Наружность и характеръ жителей.—Изолированность подольскихъ поселений.—Преданіе о Каменицѣ.—Еврейская лавочка.—Промыслы жителей.

Общимъ своимъ характеромъ Смотричъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ рѣкъ Подолья. Вода въ немъ сѣроватаго цвѣта, также какъ и въ Днѣстрѣ; такую окраску придаютъ житѣмъ рѣкамъ известковая и сланцевая горная породы, среди которыхъ онъ прорыли свои русла. Въ обыкновенное лѣтнее время Смотричъ, по крайней мѣрѣ въ среднемъ своемъ теченіи, пенирокъ и довольно медленъ, такъ что во многихъ мѣстахъ можно переходить въ бродъ. Но во время весеннихъ разливовъ, или послѣ сильныхъ дождей, уровень воды сразу подымается до весьма значительныхъ размѣровъ, иногда на пѣщьюко аршинъ, благодаря тому, что маленькие горные рѣчки и ручейки, впадающіе въ Смотричъ, весьма быстро приносятъ огромныя массы воды. Тогда рѣка приимаетъ довольно грозный видъ и катить свои густыя, переполненные глиной и известью, волны съ ужасающей быстротой и шумомъ, который разносится на значительное разстояніе, усиливаясь и повторяясь эхомъ сосѣднихъ горъ. Дождевая вода также быстро спадаетъ, какъ и прибываетъ, оставляя послѣ себя толстый слой илу.—Таковъ характеръ всѣхъ рѣкъ въ гористой части Подолья, принадлежащихъ къ системѣ Днѣстра; къ этому можно еще прибавить, что всѣ онъ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Смотричъ беретъ начало въ юго-восточной части проскуровскаго уѣзда среди болотъ, расположенныхъ между двумя горными грядами. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ протекаетъ по мягкому черноземному пласту, затѣмъ русло его постепенно углубляется и,

начиная отъ мѣстечка Смотрича, рѣка обнажаетъ каменные породы.

Благодаря своему быстрому течению, Смотричъ прорызъ въ высокихъ известковыхъ скалахъ, въ нижнемъ своемъ течении, глубокую и узкую долину, на днѣ которой и пролегаетъ его русло. Прорываясь сквозь скалы, рѣка чрезвычайно извилиста, берега представляютъ множество мысовъ и глубокихъ заливовъ, такъ что зачастую береговая линія тянется на цѣлые десятки верстъ, между тѣмъ какъ перепоскъ, раздѣляющій два изгиба рѣки, иногда ме-лѣе версты въ лирипу, но за то всегда представляетъ довольно значительную возвышенность. За исключениемъ Камелца мы нигдѣ не видѣли моста на Смотричѣ, не видѣли также и паромовъ, представляющихъ обычный способъ переправы на Днѣстровъ. Изъ средствъ водяного сообщенія, или вѣрище—переправы черезъ рѣку, памъ ветрѣтились два: 1) небольшія плоскодонныя лодки весьма оригинальной и первобытной формы, сдѣланныя изъ досокъ, съ острымъ носомъ и тупой, ровной кормой; 2) тамъ, где существуютъ водяные мельницы, рѣчка напскось переграживается отъ одного берега до другого пластиной изъ хвороста и легкаго мѣстнаго камня, по которой ходить и ъздятъ. Каждую весну плотину размываетъ водою, послѣ чего ее подчиняютъ ровно настолько, чтобы ее снова прорвало въ сїдующемъ году.

Для жителя степной Украины долина Смотрича представляетъ картину, исполненную необычайной красоты: вдоль обоихъ береговъ рѣки сплошной стѣной тяпутся горы, то покрытая лѣсомъ, то усыпаны грандіозными отвесными скалами, а внизу шумитъ и пѣнится по камнямъ рѣка, переславаясь то серебромъ, то сталью. Острыя вершины горъ и отдаленно стоящія конусообразныя возвышенности называются въ народѣ „татары“ (нельзя не видѣть въ этомъ названіи аналогіи съ карпатскими *Татрами*). Низья „татары“ покрыты лѣсомъ, другія, на которыхъ лѣсъ уже вырубленъ, поросли тоцами дерномъ и усыпаны обнаженными скалами третичнаго известняка, различной величины и самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ; зачастую скалы идутъ рядами вокругъ горы, иногда они расположены группами, представляющими поразительное сходство то съ мегалитическими постройками, то съ развалинами замковъ и т. п.

При впадении рѣчки Яромирки въ Смотричъ, въ чрезвычайно живописномъ уголкѣ, образуемомъ течениемъ этихъ двухъ рѣкъ, расположено мѣстечко Смотричъ.

Поселеніе это весьма древнее и было пѣкогда однимъ изъ трехъ важнѣйшихъ центровъ Подолья. Мы не имѣемъ точныхъ сведѣній о времени возникновенія этого поселенія, бывшаго въ древности городомъ; правдоподобно, онъ принадлежалъ въ галицкому понизью и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ общую судьбу галицко-подольскихъ городовъ послѣ татарскаго наспеха. Послѣ изгнанія татаръ Ольгердомъ, этотъ великий князь поручилъ управление Подолы своимъ племянникамъ, князьямъ Корятовичамъ. Новыми владѣльцами пригнулось мѣстоположеніе старого Смотрича—скала, окруженнай почти со всѣхъ сторонъ водою и опоясанная вѣнцомъ другихъ скалъ; они основали здѣсь столицу своего княжества и укрѣпили ее сильнымъ замкомъ.

Въ настоящее время отъ старины уцѣлѣли только земляные валы, составлявшіе часть укрѣпленій, и костель, принадлежавшій пѣкогда доминиканскому монастырю, основанному при Корятовичахъ па мѣстѣ бывшаго прежде православнаго монастыря св. Богородицы. Князь Александръ Корятовичъ выдалъ доминиканамъ въ 1375 году сохранившуюся понынѣ въ подлиннике подтвердительную грамоту на поземельныя владѣнія.

Въ началѣ XV вѣка вся подольская земля перешла въ пожизненное владѣніе Витовта, извѣстнаго защитника русскихъ интересовъ въ Подольи, куда уже въ то время стремится колонизация польской шляхты. Въ 1430 году, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, поляки, поселившися въ Подолы по иниціативѣ пана Бучадзкаго, который стоялъ во главѣ движенія, овладѣли Смотричесмъ и другими замками, и вмѣстѣ съ большей частью Подолья обратили ихъ подъ свою юрисдикцію, отторгнувшись изъ состава литовско-русскаго княжества.

Съ этого времени начинается ополяченіе края, выразившееся прежде всего раздачей земель польскому дворянству. Что касается городовъ, то имъ, по принятому тогда обыкновенію, гарантировалось правительствомъ самоуправленіе привилегіями на магдебургское право. Въ числѣ другихъ городовъ и Смотричъ получилъ въ 1448 г. такую привилегію отъ Казимира Ягайловича.—Въ 1518 г. Сигиз-

мундъ I разрѣшилъ горожанамъ, въ видахъ большей ихъ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, въ то время часто опустошавшихъ подольскую землю, возстановить приходившій въ разрушеніе замокъ, при чёмъ гарнизонъ должно было составлять само населеніе города. Для скорѣйшаго возстановленія замка Смотричъ освобождался на два года отъ уплаты всѣхъ налоговъ.

Политическія события неизбѣжно должны были отразиться извѣстнымъ образомъ на населеніи края. Такъ напримѣръ въ промежуткѣ съ 1570 по 1665 г., населеніе Смотрича уменьшилось на 50 душъ, т. е. почти на половину и было обложено различными повинностями по отношенію къ своему старостѣ: налогами, рабочими днями и т. д. Въ тоже время мы видимъ изъ люстрацій, что главную часть населенія въ Смотричѣ составляютъ евреи, 163 души, занимавшіеся торговлей, винокуреніемъ и другими промыслами. Съ такимъ характеромъ еврейскаго мѣстечка, гдѣ вся торговля и промышленность сосредоточилась въ рукахъ евреевъ, Смотричъ остался и понынѣ.

Положеніе города, очевидно, представляло значительныя выгоды для поселенія, потому что уже въ концѣ XVIII вѣка (1791) Смотричъ заключалъ 287 домовъ. Посреди города красовалось каменное зданіе ратуши съ часами; на горѣ, среди валовъ старого замка, находился доминиканскій монастырь, основанный въ 1586 г., и двѣ церкви; черезъ обѣ рѣчки была построенаъ большой деревянный мостъ. Населеніе состояло изъ слѣдующихъ составныхъ частей: евреевъ 169, католиковъ 108 и православныхъ 87; эти послѣдніе, кроме обыкновенныхъ городскихъ налоговъ, были обложены всевозможными повинностями и данями натурою въ пользу старости. Вообще мѣстечко приносило дохода 35,000 золотыхъ въ годъ.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что они могутъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики положенія каждого мѣстечка юго-западнаго края, представляющаго извѣстныя выгоды для населенія. Смотричъ и до настоящаго времени служить торговымъ центромъ на вѣсколько десятковъ верстъ въ окружности для тѣхъ-же самыхъ селъ, которыхъ составляли смотрическое старство въ прошломъ столѣтіи.

Дорога изъ мѣстечка внизъ по течению р. Смотрича въ ближайшее село Нарачковцы пролегаетъ по берегу рѣки, такъ что путе-

щественникъ все время можетъ любоваться красотами обоихъ береговъ. Какъ мы уже говорили выше, рѣка проложила себѣ русло въ очень глубокой долинѣ съ крутыми скалистыми берегами, лѣвый берегъ покрытъ чрезвычайно густымъ лѣсомъ, который тянется вдоль по горѣ и далеко за гору. Только изрѣдка, среди сплошной темной массы зелени, видныются на склонѣ горы дикия грандіозныя скалы известковыхъ породъ, очень эффектно выдѣляющіяся своими свѣтлыми контурами на однообразномъ темнозеленомъ фонѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ съ 1831 года принадлежитъ казнѣ и благодаря этому обстоятельству не истребленъ и тщательно охраняется лѣсничими вѣдомства государственныхъ имуществъ. Противуположный берегъ еще до недавняго времени былъ также покрытъ лѣсомъ, но отъ него теперь уцѣлѣли одни жалкіе остатки. Крестьяне, получивши надѣль на правомъ берегу, принуждены были расчистить и выкорчевать лѣсъ, при чёмъ болѣе крутые склоны обращены подъ пастбища и сады, а болѣе пологіе подъ пахатныя поля. Результаты истребленія лѣсовъ уже сказываются самимъ печальнымъ образомъ: каждую весну вода вырываетъ новые глубокіе овраги по склону горы, гдѣ земля уже не сдерживается корнями деревьевъ. Слѣдствіемъ этого являются постоянные весьма значительные обвалы верхней почвы, а затѣмъ и лежащихъ подъ нею третичныхъ пластовъ, и обнажаются каменные породы, которыхъ залегаютъ подъ пыми; такимъ образомъ овраги все болѣе и болѣе врѣзываются въ полевые участки и постепенно поглощаютъ ихъ.—Конечно, ряды громадныхъ, дикихъ скалъ самой причудливой формы удивительно граціозно разнообразятъ пейзажъ, сообщая ему новые красоты, но и бытокъ такого украшенія береговъ угрожаетъ жителямъ серьезными затрудненіями въ будущемъ, когда весь культурный слой земли будетъ снесенъ въ долину, а на мѣстѣ пахатныхъ полей останутся только сплошные массы камня или твердыхъ третичныхъ пластовъ. Еще лѣть семь назадъ жители совершили свободно ходили по всему склону долины, поросшему дерномъ и лѣсомъ; въ настоящее-же время, вслѣдствіе ежегодныхъ обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ едва можно пробираться узенькой тропинкой, цѣпляясь за скалы, изрѣдка поросшія тощими кустами терна и дерена (кизиль), а еще черезъ нѣсколько лѣть многія мѣста сдѣлаются и совсѣмъ неприступными, такъ какъ мѣстныя каменные породы, большою частью различныя

породы известняковъ и сланцевъ, вывѣтряваясь чрезвычайно быстро, колются по вертикальному направлению.

Въ четырехъ верстахъ ниже м. Смотрича, на правомъ берегу рѣки возвышается очень крутая гора, поросшая лѣсомъ, называемая въ народѣ *Сокил-гора*¹⁾. Можетъ быть это название она получила вслѣдствіе своей высоты и крутизны, куда только соколь можетъ залетѣть, или можетъ быть пѣкогда на этой горѣ и дѣйствительно гнѣздились соколы, дорого цѣнившіеся еще въ XV и XVI ст. въ качествѣ охотничихъ птицъ, какъ это видно по литовскому статуту.

Прямо взбираться на *Сокил-гору* очень трудно, а для пашь, стенныхъ жителей, почти невозможно; для этого необходимы такая ловкость и привычка ходить по скаламъ, какими отличаются мѣстные жители. Намъ пришлось подняться на гору по болѣе отлогому склону въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Сокил-горы* и уже оттуда подойти къ краю возвышенности. Въ половинѣ высоты горы въ отвесной скалѣ виднѣются два входа въ пещеру, обращенные на югъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ доступъ къ нимъ былъ возможенъ, но съ того времени скала у подножія входа обрушилась и теперь представляеть соверинно отвесную стѣну. Смотря снизу, нельзя определить, принадлежать-ли оба отверстія двумъ пещерамъ, или это два выхода одной и той-же камеры.

Мѣстность здѣсь удивительно живописна. Гора, расположенная на другомъ берегу противъ *Сокил-горы*, отличается огромнымъ количествомъ источниковъ, „кирники“ по мѣстному названію, впадающіхъ въ Смотричъ. Проходя по лѣсу, вы со всѣхъ сторонъ слышите тихое журчаніе, которое, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, производить впечатлѣніе чего-то таинственнаго и величебнаго. Въ такой обстановкѣ особенно становится понятно поклоненіе роцамъ и источникамъ въ языческія времена.

Въ горахъ Подолья, состоящихъ изъ разныхъ породъ плинтика, здѣсь замѣчается особенное обилие источниковъ, иногда большихъ, проложившихъ себѣ широкое русло, иногда до того малыхъ, что вода по камѣ сочится по камнямъ, такъ что ее даже нельзя собрать въ

¹⁾ Название довольно распространено въ этой части Подолья. Въ каменецкомъ уѣздѣ пашь во многихъ мѣстахъ указывали соколью гору и всегда это была самая крутая и высокая среди окружающихъ горъ.

стаканъ. Есть два пласта въ этихъ горахъ, дающіе начало источникамъ: одинъ, болѣе богатый водою, лежитъ ближе къ подножію горъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ уровнемъ рѣкъ; другой встрѣчается только въ болѣе высокихъ горахъ и находится почти у самой вершины. Вода въ „хранилищахъ“ отличается большой легкостью и такъ чиста и пріятна на вкусы, что жители совсѣмъ не употребляютъ рѣчной воды. Случается, что мѣстные сибариты вѣсятъ воду изъ разныхъ „хранилищъ“ и ту, которая окажется самой легкой, употребляютъ предпочтительно передъ другими. Этотъ обычай сохранился отъ временъ крѣпостного права, когда помѣщикамъ за нѣсколько верстъ приносили воду для самовара.

Въ разстояніи около полуторы версты ниже Сокиль-горы, падающимъ берегу рѣки, на широкомъ полуостровѣ съ очень узкимъ перешейкомъ, образуемымъ извилинами Смотрича, расположено село Караковцы, утопающее въ садахъ, подобно вѣмъ подольскимъ селамъ. Положеніе села, почти со всѣхъ сторонъ окруженаго рѣкой, весьма выгодно для поселенія и потому очень рано привлекло оно вниманіе древнихъ жителей Подолья. У мѣстныхъ жителей существуетъ предавіе, что въ старину на мѣстѣ Караковца былъ стоячій городъ, въ которомъ жилъ князь; вношдѣствіи городомъ овладѣлъ Соловий Бунякъ и разрушилъ его¹). Несомнѣнныи доказательствомъ большой древности поселенія служитъ: 1) городище, расположенное во всю ширину перешейка и защищавшее городъ съ единственной доступной стороны. Городище, отрѣзанное отъ прилегающей горы глубокимъ искусственнымъ рвомъ, состоитъ изъ высокаго земляного вала, расположенного въ видѣ четырехъугольника съ поперечнымъ валомъ по серединѣ, отъчего получается три ряда укрѣплений, одинъ надъ другимъ; 2) огромное количество кургановъ, расположенныхъ группами во всѣ стороны около села по

¹) Можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что въ преданіи вспоминается половецкій ханъ Болякъ, называемый въ лѣтописи *шолудивымъ*, который около половины XII вѣка сильно разорялъ предѣлы южной Руси. Легенды о Болякѣ сохранились повсемѣстно въ Подольи, при чемъ онъ является то козакомъ, то татарамъ, который разрушаетъ города, а по другимъ вариантаамъ укрѣпляетъ ихъ; ему приписываютъ сооруженіе сохранившихся во многихъ яѣстахъ древнихъ земляныхъ укрѣплений. Всѣ оставшіеся памятники древности: курганы, пещеры и другое, народъ относитъ ко времени польско-турецкихъ войнъ.

обоимъ берегамъ рѣки. На пространствѣ трехъ верстъ мы встрѣтили семь могильниковъ, въ которыхъ насчитываютъ до 400 кургановъ.

Но есть основаніе думать, что нынѣшніе Караковцы были населеннымъ пунктомъ еще во времена самой глубокой древности, такъ какъ здѣсь находить въ значительномъ количествѣ орудія камен-паго вѣка, какъ отбивныя, такъ и полированныя. Намъ самимъ удалось найти нѣсколько довольно интересныхъ экземпляровъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Караковцы имѣствъ съ селомъ Цыковой образовали старство, которое описывается въ люстра-піяхъ, какъ очень бѣдное и незначительное, не имѣвшее ни ярма-рекъ, ни торгу, мало населенное и приносившее дохода отъ 6000 до 7400 златыхъ.

Мы не знаемъ, какой доходъ могли бы приносить Караковцы въ настоящее время, по теперешнему населенію повидимому очень зажиточно. Каждый хозяинъ имѣеть по крайней мѣрѣ пару лоша-дей, не говоря о коровахъ и овцахъ; лошади употребляются и для полевыхъ работъ, за то волы встрѣчаются въ очень маломъ коли-чествѣ и не идутъ въ работу, такъ какъ они часто „разбиваются“ на крутыхъ горныхъ дорогахъ;ѣздить же иначе, какъ парой,—во-обще во всемъ Подольи намъ ни разу не пришлось встрѣтить воза, запряженного въ одну лошадь, какъ то бываетъ на побережью Днѣпра. Количество хлѣба здѣсь тоже въ значительной мѣрѣ пре-восходить въ этомъ отношеніи хозяйство нашихъ крестьянъ.

Богатство и разнообразіе природы, прекрасный горный воздухъ и другія благопріятныя условія жизни отразились какъ на характерѣ жителей, такъ и на самой ихъ наружности. Мы нигдѣ не встрѣчали такого красиваго, доброго и развитаго народа, какъ по берегамъ Смотрича, особенно въ Караковцахъ. Здѣсь все жители, не исключая и женщинъ, отличаются высокимъ ростомъ и стройностью тела, свойственной всѣмъ горцамъ, красотой и необыкновенностью моложа-востью. На кого ни посмотринъ—всѣ какъ на подборъ саженные молодцы, очень худощавые, но широкоплечие и здоровые и чрезвы-чайно красивые. Намъ встрѣтились нѣсколько стариковъ лѣть шести-десети и больше, и между ними ни одного сгорбленнаго; всѣ они держатся прямо, какъ молодые, и показываются гораздо моложе сво-ихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ нашему проводнику было 65 лѣтъ, но па видъ ему можно было дать не болѣе 45,—держался онъ совер-

шенно прямо и ходилъ по горамъ¹⁾ не хуже мозодаго, такъ что мы не могли за нимъ поспѣть. Говорятъ, что многие доживаются здѣсь до ста лѣтъ и больше.

Богато одаренный физически, здѣшній народъ еще выше стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не приходилось намъ встрѣтить такого джентельменскаго отношенія къ людямъ, какъ въ здѣшнихъ крестьянахъ: къ кому ни обратитесь, въ каждомъ васъ поражаетъ исобыкновенное благодушіе и довѣрчивость по отношенію даже къ прѣзжимъ, чужимъ людямъ, соединяющее съ природнымъ юморомъ, большой вѣжливостью и полной готовностью, чѣмъ можно, помочь и услужить прѣзжимъ, но все это соединяется съ полнымъ чувствомъ собственного достоинства, безъ малѣйшаго упраздненія или стѣсненія. Видно, что даже продолжительное панское господство не могло искалечить нравственность этого богато одаренного народа. Поговоривши съ любымъ изъ крестьянъ, можно только пожалѣть, что для нихъ почти никогда не открывалася путь къ образованію.

Тутъ я позволю себѣ остановиться на одной особенности, которая рѣзко бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю,— это, при единствѣ общаго типа подолянъ, огромное количество этническихъ разновидностей, находящееся въ зависимости отъ мѣстности. Кажется, причина тому лежитъ въ географическихъ условіяхъ края. Всѣ поселенія—города и села—располагаются главнымъ образомъ по течению рѣкъ, въ глубокихъ долинахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой довольно высокими и крутыми горами, сильно затрудняющими сообщеніе между жителями разныхъ долинъ. Почти всѣ дороги проложены по берегамъ рѣкъ и всѣ сношенія ограничиваются узкимъ райономъ рѣчной долины. Поэтому жители извѣстнаго села прекрасно знаютъ всѣ села и мѣстечки, расположенные въ ихъ долинѣ по течению своей рѣчки отъ ся верховьевъ до устья, но въ тоже время имѣютъ весьма смутное представление о поселеніяхъ сосѣднихъ долинъ: 10—15 верстъ въ сторону отъ рѣки называется уже „дѣсь дуже далеко“. Этой изолированностью, кажется, и слѣдуетъ

¹⁾ Общепринятая у насъ выраженія лазить по горамъ, вѣзвратиться на горы совершаю всприятіемъ къ подольскихъ жителямъ, которые ходятъ по самымъ крутымъ обрывамъ, куда нашему брату и посмотреть странно, также легко и свободно, какъ по равнинѣ.

объяснить такое разнообразие типовъ, при которомъ опытный этнографъ съ первого взгляда можетъ определить, изъ какой долины происходитъ тотъ или другой крестьянинъ. Она-же объясняетъ намъ и отличительные черты исторіи Подолья въ удѣльный періодъ—единственную пору, когда развитіе каждого изъ русскихъ поселеній укладывалось въ такія рамки, какія болѣе всего отвѣчали естественному характеру племени.

Затруднительность сообщенія между отдѣльными долинами послужила причиной тому, что здѣсь удивительно долго сохраняются историческая преданія во всей ихъ чистотѣ, между тѣмъ какъ у пасъ, въ степной Украинѣ, гдѣ впечатлѣнія быстро смѣняются, не оставляя прочныхъ традицій, если известное преданіе и сохраниится въ народной памяти какихъ нибудь сто лѣтъ, то уже переходитъ къ потомкамъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что историку подчасъ невозможно бываетъ определить, какой фактъ послужилъ основой преданію. Для примѣра укажу на легенду объ основаніи Каменца, которую намъ удалось слышать изъ пародныхъ усть въ Караковцахъ и иѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно Каменецъ, какъ поселеніе, возникъ очень рано, но значеніе одного изъ укрѣпленныхъ центровъ древняго галицкаго княжества оно получаетъ въ началѣ XIII в. при Даниилѣ Романовичѣ, который, какъ известно, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ наиболѣе важные изъ существовавшихъ уже въ его время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Каменецъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ легенда.

„Жили соби два браты, вдовины сыны, панычи. Ниде имъ не можна було ся ужити,—де ся не оселять—скризъ ихъ женуть. Одного ранку поихали вони на полювання, не взявши й хліба зъ дому. Издили цілий день, дуже ся вморили и выголодали, и ничего не зловили; вже надъ вечиръ загнали лиса мижъ камъяніи скали у густый лісъ, пічо кругомъ его ричка тече. Тутъ вони й заночували. Другого дня вранци разгледили вдовиченки мисце, тай надумали, што гораздъ буlobъ тутъ збудовати городъ; а дали поихали до матери, тай й кажуть, просять порады. А мати имъ одказуе, пічо буде вашъ городъ голодный, бо не взяли-сте хліба, якъ я вамъ вчора казала. Отаке вони не послухали, ~~остановились~~ городъ и тамъ си оселили зъ матирью; а материно слово ся спрѣшило—буль той ~~городъ~~ голодный, черезъ те й до сего часу все таєтъ ~~городъ~~ у тому Каменци.“.

Нельзя не узнать въ этомъ разсказѣ двухъ братьевъ Романовичей, устроителей галицко-волынскаго княжения, судьба которыхъ изображается въ преданіи совершенно вѣрно исторически, а между тѣмъ дѣло происходитъ почти за $6\frac{1}{2}$ столѣтій. Кажется, мы не сдѣляемъ ошибки, относя это преданіе къ личности Даниила и Василька Романовичей, известныхъ колонизаторовъ волынско-галицкой земли, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ лѣтописяхъ сохранился совершенно аналогичный разсказъ о постройкѣ этими князьями города Раи, сдѣлавшагося любимой лѣтней резиденціей и мѣстомъ охоты волынско-галицкихъ князей. Подробности одинъ и тѣ-же, только названія городовъ различны.

Населеніе всѣхъ подольскихъ селъ состоитъ изъ мѣстнаго священника, нѣсколькихъ сотъ крестьянъ православнаго и иногда католическаго вѣроисповѣданія и нѣсколькихъ семействъ евреевъ. Число послѣднихъ прямо пропорционально богатству жителей и доходности ихъ запятій. Въ Караковцахъ живетъ три еврейскія семьи. Одна, повидимому болѣе зажиточная, держитъ въ аренду водянную мельницу, на которой работаютъ крестьяне. Эта семья представляетъ собою юбѣстную аристократію. Другая держитъ шинокъ, единственный въ селѣ. Это представитель среднаго сословія. Третья семья представляетъ собою еврейскій цирюльникъ въ селѣ. Каждому, входящему въ маленькую комнатку, где живетъ цѣлая семья и где буквально повернуться нельзя, бросается въ глаза удивительная чистота и порядокъ: веницей много, но все на своемъ мѣстѣ; въ углу полочка съ книгами, по стѣнамъ священные картины символического содержанія и заграчичные портреты знаменитыхъ раввиновъ. По всему видно, что здѣсь живутъ люди интеллигентные, выдавшіе лучшіе дни. Еврей и его жена занимаются мелочной торговлей и оригинальное впечатлѣніе производить на посѣтителя эта лавка, помѣщающаяся въ двухъ-трехъ коробкахъ и содержащая все, что можетъ понадобиться не только крестьянамъ, но и соседнимъ лѣсничимъ, случайному путешественнику и вообще представителямъ болѣе привилегированнаго сословія. На печи картонка съ чистымъ товаромъ: иголками, нитками, лентами, памистомъ и т. п.; въ другой картонкѣ—табакъ разныхъ сортовъ, есть даже довольно хорошій, бумага и другія принадлежности; въ третьей—нѣсколько бумажныхъ платковъ и вусковъ самаго дешеваго ситцу. Но настоящимъ музе-

емъ является ящики, стоящій подъ кроватью: чего только тутъ нѣть! Бутылка съ керосиномъ, спички и спичечки, мыло, повсемѣстно входящее въ употребленіе, пѣсколько чашекъ, блюдецъ и стакановъ, гвозди и много другихъ предметовъ—всего не припомнить. Однимъ словомъ эта микроскопическая лавочка представляеть нѣчто въ родѣ торгового микрокосма.

Хозяинъ съ грустью разсказываетъ о томъ, какъ еще недавно онъ жилъ въ городѣ и занимался хлѣбными подрядами, но прогорѣлъ, потерялъ все имущество и теперь принужденъ начинать съ зѣнова, кое какъ перебиваясь въ маломъ селѣ, гдѣ приходится продавать на гроши спичекъ, на два гроша мыла и т. д. Этимъ путемъ онъ надѣется со временемъ на столько поправить свои обстоятельства, чтобы перейти въ большее село, а затѣмъ перенести свою дѣятельность въ мѣстечко и наконецъ можетъ быть снова возвратиться въ городѣ. Остается только пожелать успѣха его энергіи и стойкости.

Впрочемъ и крестьяне въ Караковцахъ занимаются промысломъ, матеріяль для котораго доставляютъ имъ скальные обрывы окружающихъ горъ. Блуждая по Сокиль-горѣ, мы наткнулись на каменолому, изъ которой крестьяне извлекаютъ плиты бѣлого известняка и, обтесывая ихъ съ крайней осторожностью, изѣкаютъ кресты, достигающіе иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Кресты эти покупаются въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ или „фигур“¹⁾, которыми благочестивые жители западной Подоліи украсили всѣ дороги своей области¹).

Впрочемъ, я уже слишкомъ долго остановился на милыхъ моему сердцу Караковцахъ; пора извиниться передъ читателемъ и пригласить его, вооружась терпѣніемъ, продолжать прогулку.

¹⁾ Такое же производство мы встрѣчали еще во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочими въ Камениѣ, гдѣ изъ мѣстного известняка приготовляются надгробные памятники, отличающіеся большими изяществомъ и красотой отдѣлки. Эта третичный известнякъ въ отдѣлкѣ очень красивый бѣлый камень съ легкимъ желтоватымъ оттенкомъ, но въ короткое время совершенно темнѣетъ; сверхъ того онъ чрезвычайно быстро выѣтривается, таѣ что изображенія и надписи на памятникахъ въ короткое время подвергаются порчу и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно сглаживаются. Камень этотъ, идущій въ постройки, пытесь еще одно примененіе: во многихъ мѣстахъ, гдѣ обнаружены известковыя породы, евреи закупаютъ

III.

Мѣстечко Черче; его исторія.—Нѣгінь.—Пещеры.—Легенда.—Растительность.—Дорога въ Каменецъ.—Привороття.—Земляные насыпи.—Паневцы, замокъ; его исторія.—Академія и типографія.—Гробница Потоцкаго.—Турецкія и казацкія войны.—Устье; видъ села, Траиновъ валъ.—Колонизація и исторія Устья.

Спускаясь дальше по Смотричу, встрѣчаемъ верстахъ въ шести ниже Караковецъ мѣстечко Черче, а въ очень близкомъ отъ него разстояніи къ югу—село Залучье и Нѣгінь.

Мѣстечко расположено въ очень живописномъ угольѣ, окруженному высокими скалами. Въ старину Черче принадлежало къ имѣніямъ каменецкихъ епископовъ. Около половины XVI ст. было до чиста разорено татарами и въ 1578 г. снова возникло по инициативѣ епископа Мартына Бѣлобрежскаго, выхлопотавшаго у короля Стефана Баторія привилегію на магдебурское право и двѣ ярмарки въ году, съ подтверждениемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка мѣстечко поступило въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а въ 1795 г. подарено гетманшу Александру Браницкой. Памятникомъ старины остался въ Черчѣ каменный костелъ, въ архивѣ котораго, какъ говорять, хранятся важныя рукописи.

Къ югу отъ Черча по лѣвому берегу рѣки начинается цѣлый рядъ пещеръ, которыхъ тянутся до Залучья и Нѣгина. Существуетъ въ народѣ преданіе, будто это одна пещера, весьма обширная, идущая подъ землей отъ Черча до Нѣгина и имѣющая вѣсколько выходовъ. Не знаю, насколько это вѣрно. Намъ удалось осмотрѣть только нѣгинскія пещеры, расположенные въ слой силурійскаго известняка, достигающемъ около восьми сажень въ толщину; ихъ три числомъ, всѣ они совершенно самостоятельны и совсѣмъ не соединяются между собою.

Две изъ нихъ скорѣе можно назвать гrotами и только третья

у помѣщиковъ на известный срокъ изъѣла горы, ломаютъ камень и пережигаютъ на известіе. Такимъ образомъ уже исчезло значительное количество скаль. Такъ напримѣръ въ м. Кривчикѣ сломана цѣлая гора, въ которой находились двѣ очень обширныя пещеры съ озеромъ и купальней въ одной изъ нихъ; теперь и слѣда отъ нихъ не осталось. Сохранилась только третья пещера въ противоположной горѣ, служившая повидимому жилищемъ для человѣка въ доисторическую пору, но она недоступна для пѣdestрованія, такъ какъ входъ наглухо забытъ камнемъ.

представляется настоящей пещерой съ двумя выходами и множествомъ развѣтвлений. Въ настоящее время, вслѣдствіе частныхъ обваловъ съ одной стороны и заростанія сталактитовъ съ другой, внутренность пещеры представляется въ видѣ нѣсколькихъ развѣтвляющихся коридоровъ, очень узкихъ и до того низкихъ, что во многихъ мѣстахъ приходится пробраться ползкомъ, расчищая себѣ путь между свалившимися сверху камнями. Мѣстами попадаются камеры по нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, въ которыхъ свободно можно ходить; отъ нихъ идутъ радиусами новые коридоры и вообще пещера представляетъ столько рамификацій, что нѣть никакой возможности ориентироваться. Мы запаслись компасами, и то неизмѣнно заблудились бы, если-бы по примѣру Тезея не взяли шнурка въ видѣ предосторожности.

Дно пещеры покрыто довольно толстымъ слоемъ напосной земли, переполненной огромнымъ количествомъ звѣриныхъ и человѣческихъ костей. Послѣднія носятъ отпечатокъ различныхъ эпохъ; намъ попалось нѣсколько костей, которая по своимъ анатомическимъ особенностямъ должны быть отнесены къ самой глубокой древности; другія ничѣмъ не разнятся отъ современного скелета. Очевидно здѣсь покоятся остатки цѣлаго ряда поколѣній, населявшихъ берега Смотрича. Подтвержденіемъ тому служатъ находки какъ въ самой пещерѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ: здѣсь попадаются съ одной стороны каменные орудія неолитического периода и съ другой польскія монеты XVI и XVII вв.; одну изъ нихъ—полторакъ Сигизмунда III, 1623 г., намъ удалось найти па днѣ одной изъ извилинъ пещеры. По преданію пѣгинская пещера служила для окрестныхъ жителей мѣстомъ убѣжища во время татарскихъ набѣговъ. Рассказываютъ, что однажды въ селѣ праздновалась свадьба, какъ вдругъ налетѣли татары. Всѣ жители Нѣгина укрылись въ пещеру, словно сквозь землю провалились; татары не смотря на всѣ старанія, не могли ихъ найти и припались грабить хаты. Черезъ нѣсколько времени молодая „княгиня“ въ барвянковомъ вѣнѣ выпала изъ пещеры и тотчасъ была убита татарами. Такимъ образомъ убѣжище было открыто; хищники, не будучи въ состояніи проникнуть въ пещеру, завалили входъ деревомъ и заглѣ, вслѣдствіе чего всѣ находившіеся тамъ погибли отъ дыма.

Этимъ объясняютъ присутствіе такой массы человѣческихъ костей на всемъ протяженіи подземныхъ коридоровъ.

Въ настоящее время, вѣроятно въ силу такой легенды, гротъ при началѣ пещеры обращенъ въ часовню, стѣны его нѣсколько подтесаны и входъ запирается дверью; селяне снесли сюда нѣсколько старыхъ иконъ и сжегодно, въ день св. Онуфрія, здѣсь служится молебень, при чемъ стекаются на богослужбѣ жители окрестныхъ селъ. Въ остальное время года пещера посѣщается только пастухами, укрывающимися тутъ отъ непогоды, да туристами, которые довольно часто прїезжаютъ изъ Каменца.

Рассказываютъ, что барвинокъ, украшавшій голову молодой, растетъ попынѣ вѣнкомъ вблизи пещеры. Мѣстный польскій поэтъ, Гославскій, воспользовался этой легендой для весьма художественной поэмы, въ которой указывается даже мѣсто, гдѣ была похоронена „мѣлода князиня“ и гдѣ на могилѣ росъ еще въ его время знаменитый барвинокъ. Этого барвинку ищутъ на память о нѣгинской пещерѣ всѣ туристы, знакомые съ поэмой, однако намъ не посчастливилось, несмотря на указанія родственника покойнаго поэта, найти ни малѣйшихъ слѣдовъ барвника; вѣроятно онъ уже истребленъ прежними посѣтителями. Вмѣсто него въ указанномъ мѣстѣ намъ встрѣтилось нѣсколько кустовъ плюща, который въ большемъ количествѣ растетъ по всему лѣсу, покрывающему нѣгинскую гору.

Разъ упомянувшій о плющѣ, я позволю себѣ на минуту остановиться на подольской флорѣ. Я не ботаникъ и потому могу говорить только о такихъ особенностяхъ, которые сами бросаются въ глаза при поверхностномъ наблюденіи.—Всѣ притоки Днѣстра текутъ самыми прихотливыми извилинами, вслѣдствіе того склоны ихъ долинъ обращены поочередно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ горизонта. Каждый склонъ имѣть свою преобладающую растительность: въ то время какъ на сѣверномъ и восточномъ преобладаетъ чорный лѣсъ, чрезвычайно распространенный въ Подолії и „чагарникъ“, растущій повсюду въ нашихъ мѣстахъ, южный и западный склоны покрыты растительностью, которая своимъ характеромъ нѣсколько напоминаетъ крымскую флору. Здѣсь встречаются цѣлые лѣса изъ настоящаго крымскаго кизилу (въ Подолії „деренъ“), который очень хорошо дозрѣваетъ, также какъ и различные

сорта винограду; лѣсной папоротникъ достигасть вышины, необыкновенной въ нашихъ мѣстахъ; сверхъ того мы попались два сорта скального папоротника, которыхъ не приходилось встрѣчать въ по-днѣпровской Украинѣ. Также, какъ и въ Крыму, въ большомъ количествѣ растеть въ лѣсахъ плющъ, разводимый у насть, какъ комнатное растеніе, требующее большаго ухода. Наконецъ здѣсь растуть въ дикомъ видѣ вѣкоторые виды травъ и цветовъ, встрѣчающіеся у насть, какъ садовая растенія.—Конечно, специалистъ замѣтилъ бы несравненно большие особенности, но вѣдь я не специалистъ въ области ботаники, также какъ большинство моихъ читателей.

Изъ памятниковъ старины въ Нѣгина можно указать маленькую деревянную церковь, построенную въ прошломъ столѣтіи, какъ это значится въ надписи, вырѣзанной на церковныхъ дверяхъ. По преданию она выстроена семействомъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ Лаховедскихъ; впослѣдствіи этаотъ дворянскій родъ сильно размножился, обѣднѣлъ и въ настоящее время представители его приписаны въ крестьянство. Но и теперь члены его отличаются особыми благочестіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ два каменные креста съ распятиемъ, окрашеннымъ въ яркозеленый цветъ, поставленные ими па перекресткахъ въ селѣ.

Отъ Нѣгина до Каменца, опускаясь вдоль береговъ Смотрича, путешественникъ не встрѣтить уже ничего замѣчательнаго; поэтому лучше взять земскую почту и ближайшимъ путемъ отправляться въ Каменецъ. Дорога все время проходитъ среди чрезвычайно живописной мѣстности по равнинѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ рядами остроконечныхъ горъ съ скальными вершинами, большую частью покрытыхъ лѣсомъ; иногда попадаются *тоны*, едва покрытія травою и усыпанныя обнаженными скалами. Вообще красивый видъ съ дороги на Привороття; самого села не видно, такъ какъ оно расположено въ глубокой долинѣ между двумя высокими *тонырами*, покосившими густымъ лѣсомъ. Обѣ горы сходятся основаниями. У подножья одной изъ нихъ въ разстояніи 2—3 верстъ отъ дороги, очень живописно обрисовывается силуэтъ небольшого замка съ зубчатой стѣной, башенками, бойницами; однимъ словомъ со всѣми атрибутами средневѣковой постройки. Обращаетесь за свѣдѣніями къ ямщику и узнаете, что это зданіе, построенное въ не-

давнее время местнымъ помѣщикомъ, предназначалось для корчмы, которая въ немъ и помѣщалась въ сколько лѣтъ назадъ; теперь же корчма не дѣйствуетъ по недостатку практики. Странная идея строить корчму въ видѣ замка, но издали выходитъ очень красиво, а Приворотъ и безъ того считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ мѣсть въ уѣздѣ.—Впрочемъ я не берусь описывать красоты подольской природы, для этого нужно обладать тургеневскимъ талантомъ, который, разумѣется не у каждого бываетъ. Пусть читатель самъ, если захочетъ, представить себѣ рядъ прекраснѣихъ картинъ, какія только можетъ создать его воображеніе, и онъ не далеко будетъ отъ истинъ: не даромъ вѣдь называютъ этотъ край Подольской Швейцаріей.—Для интересующихся исторіей и археологіей родного края можно отмѣтить еще одну подробность.

Въ районѣ Каменца, вереть на 15—20 въ окружности, разсѣяны на поляхъ въ огромномъ количествѣ: земляные батареи, городища и курганы, едиличес и группами. По видимому виду первыя припадлежать къ позднѣйшему времени; городища болѣею частью относятся ко времени польско-турецкихъ войнъ; что касается могиль, то онѣ ждутъ еще своего изслѣдователя. Мѣстные археологи,—ихъ есть иѣсколько въ Каменцѣ,—могли бы оказать большую услугу наукѣ, взявшись за изслѣдованіе кургановъ; до сихъ поръ они занимаются болѣею частью сбираніемъ коллекцій изъ случайныхъ находокъ и время отъ времени отсылаютъ свои коллекціи въ краковскую академію.

Не берусь описывать самый Каменецъ; это потребовало бы слишкомъ много времени и места. Объ исторіи этого города, его памятникахъ и достопримѣчательностяхъ, о его физіономіи и населеніи такъ много написано, что читающая публика, вѣроятно, имѣеть уже ясное о немъ представлѣніе. Мои слова будутъ только бесполезными и слабыми повтореніемъ.

Подвигаясь на югъ отъ Каменца, по течению Смотрича, мы встрѣчаемъ еще два интересные пункта: Паневцы и Устье.

Село Паневцы—верстахъ въ семи отъ Каменца, на полдорогѣ изъ этого послѣдняго въ с. Устье; оно расположено въ глубокой долинѣ на правомъ берегу Смотрича, на полуостровѣ, образованномъ глубокой извилиной рѣки. На противуположномъ берегу находится самый возвышенный пунктъ всего лѣваго берега Смотрича. Полуостровъ, на

которомъ помѣщается село, представляетъ тоже довольно значительную возвышенность съ обросшей лѣсомъ вершиной, постепенно опускающуюся къ рѣкѣ. Почти у самой вершины, на обрывистой скалѣ, висящей надъ берегомъ, очень рельефно обрисовываются развалины громаднаго стариннаго замка. Вблизи развалинъ два огромныхъ каменныхъ зданія, построенные въ одно время съ замкомъ, вполне уцѣльвшія снаружи. Нѣсколько ниже расположена краси-
вая помѣщичья усадьба, выстроенная въ новомъ вкусѣ; на средней террасѣ, па самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ,—приходская церковь, а еще ниже, у самого берега, ряды крестьянскихъ хатъ. Все это окружено обширными фруктовыми садами, украшающими и разнообразными пейзажемъ густой массой зелени. Благодаря своему необыкновенно живописному мѣстоположенію и близости къ городу, Паневцы являются самыми любимыми мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ каменецкихъ жителей.

Поселеніе это относится къ XVI в. Оно основано Николаемъ Потоцкимъ, генераломъ подольскимъ, получившимъ это мѣсто, по мнѣнію польскихъ историковъ, въ силу конституціи 1589 г. Получивъ пустое мѣсто въ малозаселенномъ краѣ, почти у самыхъ границъ Молдавіи, подверженное всѣмъ случайностямъ частыхъ татарскихъ набѣговъ, Потоцкій, по обычаямъ колонизаціоннымъ того времени, долженъ былъ зазывать поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, объѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ возникло село Верхнє Паневцы, получивши название отъ небольшаго поселенія Нижніхъ Паневецъ, существовавшаго въ недалекомъ разстояніи еще съ начала XVI вѣка. Сынъ и наследникъ Николая, Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, построилъ здѣсь въ 1590 г. крѣпкій замокъ, обнесенный земляными валами, на высокомъ обрывѣ надъ Смотричемъ. Въ скоромъ времени вокругъ замка образовалось довольно значительное мѣстечко съ предмѣстями.

Будучи последователемъ реформатскаго ученія, охватившаго съ XVI в. лучшіе умы между дворянствомъ югоzapаднаго края въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ социанства и кальвинизма, Янъ Потоцкій одновременно съ замкомъ построилъ въ Паневцахъ кальвинскую часовню и основалъ академію, въ которой преподавателями были извѣстнѣйшие въ свое время ученые—еретики, какъ ихъ называли современники: между ними особеннымъ значеніемъ пользовался на-

стоятель общини, Янъ Зыгровичъ. Тутъ-же была основана типографія, въ которой этотъ ученый печаталъ свои труды полемического характера, направленные противъ католицизма.—Къ сожалѣвю просвѣтительная дѣятельность не имѣла успѣха среди мѣстнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ православшаго крестьянства и католической шляхты; первые, будучи крѣпостными, не нуждались въ схоластическомъ образованіи, а послѣдніе, хотя и пользовавшися всѣми правами свободнаго сословія, слишкомъ фанатически держались за свой католицизмъ и предпочитали лучше оставить своихъ дѣтей совсѣмъ безъ образования, чѣмъ отдать ихъ въ сретическую школу. Главный контингентъ воспитанниковъ академіи доставляли семейства мѣжной шляхты и пѣмѣцкихъ пушкарей, находившихся въ прямой зависимости отъ Потоцкаго, какъ воеводы и помѣщики. Сверхъ того комплексъ пополнялся желающими изъ Великопольши и даже изъ заграницы. По обычаю того времени академія состояла изъ двухъ отдѣлѣй—высшаго и низшаго, распадавшихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ, съ программою, общею всѣмъ современнымъ академіямъ.

Не долго просуществовали всѣ эти учрежденія. Янъ Потоцкій, принимавшій участіе въ московскомъ походѣ Сигизмунда III, погибъ при осадѣ Смоленска въ 1611 г.; тѣло его было перевезено въ Наневцы, похоронено въ склепу построенной имъ часовни и затѣмъ забыто потомствомъ. Лѣтъ 30 назадъ гробница Потоцкаго найдена была случайно садовникомъ, искавшимъ въ развалинахъ замка удобнаго зимняго помѣщенія для фруктовъ; пайденные въ гробѣ вещи взяты мѣстнымъ владѣльцемъ, кости покойнаго основателя Наневицъ, защищавшаго мѣстечко какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ поселенія въ пемъ іезуитовъ, зарыты подъ поломъ склепа, а самыи склепъ обращены въ зимній складъ для яблокъ.

Со смертью Яна Потоцкаго погибло все его дѣло. За отсутствіемъ прямыхъ потомковъ, Наневцы получили по боковой линіи племянникъ покойнаго, Станиславъ Реверга Потоцкій, бывший также кальвинистомъ, но вслѣдствіи вернувшейся къ учению католической церкви. Новый владѣлецъ началъ съ того, что упразднилъ всѣ протестантскія учрежденія своего предшественника: часовня была закрыта, также какъ и академія, ученики и преподаватели разошлись по свѣту, а типографія перенесена ея начальникомъ въ

другое мѣсто. Зданія академіи и типографіи, по распоряженію наследника, обращены въ сараи, копюшни, загоны для скота и т. п. и, благодаря необыкновенной прочности постройки, до настоящаго времени исполняютъ это назначение.—Со временемъ новаго владѣльца начинается военная слава Паневецъ. Два раза мѣстечко подвергается осадѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ и оба раза успѣшио отражаетъ нападеніе. Первый разъ это случилось въ 1621 году, когда султанъ Османъ, послѣ безуспѣшнаго хотинскаго похода, задумалъ овладѣть хоть однимъ изъ подольскихъ замковъ, поставить въ немъ турецкій гарнизонъ и положить этимъ начало своему господству въ краѣ. Потерпѣвши неудачу подъ Каменцемъ, Османъ обратилъ вниманіе на Паневцы; осадилъ мѣстечко, но, послѣ пѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, принужденъ былъ оставить Подолію. Въ другой разъ Паневцы успѣшио выдержали осаду 50,000 турецкой арміи въ 1633 г., когда турки, нарушивши перемиріе, вторглись въ Подолію, но были отражены гетманомъ Конецпольскимъ.

Но во время турецкой войны 1651—52 г., въ которой Богданъ Хмельницкій помогалъ туркамъ, козацкій гетманъ, потерпѣвши вмѣстѣ съ ханомъ неудачу подъ Каменцемъ, направился къ Жванцу и по пути соединенное козацко-татарское войско овладѣло Паневцами и разрушило до основанія мѣстечко, но всѣ сооруженія Яна Потоцкаго уцѣлѣли почти безъ поврежденій. Польскіе источники, не упускающіе случая очернить въ глазахъ современниковъ и потомковъ дѣятельность козаковъ и ихъ предводителя, сообщая о взятии Паневцевъ, рассказываютъ, будто Хмельницкій вошелъ въ соглашеніе съ начальникомъ гарнизона, Трилятовскимъ, обѣщая ему, въ награду за сдачу крѣпости, званіе полковника войска запорожскаго, но послѣ сдачи замка приказалъ будто-бы казнить коменданта за измену и вырѣзать весь гарнизонъ поголовно, а замокъ съ мѣстечкомъ отдать козакамъ на разграбленіе').—Послѣ того мѣстечко пришло въ полный упадокъ, почти всѣ его жители разбрѣжались и въ началѣ XVIII ст. въ немъ едва насчитывается нѣсколько семействъ. Когда улеглись козацкія волненія, оно снова возвратилось въ родъ Потоцкихъ, которому суждено было

¹⁾ Wójcicki I. c. II. 165.

колонизовать Паневцы, и начало снова заселяться по стародавнимъ обычаямъ. На этот разъ колонизація идетъ менѣе успешно: Паневцы остаются въ видѣ трехъ селъ, расположенныхъ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки, и никогда уже не достигаютъ значенія мѣстечка. На правой сторонѣ Смотрича, на полуостровѣ, гдѣ было первоначальное поселеніе, находится такъ называемые *Старые* или *Муроманые* Паневцы; рядомъ съ ними къ югу—*Нижніе Паневцы* и на лѣвомъ берегу *Выгине* или *Драчновка*.

Не смотря однако на относительную слабость колонизаціи, по визитѣ 1740 г., въ селѣ съ предмѣстями числятся двѣ униатскія церкви и католическая часовня. Всѣ онѣ передѣланы изъ существовавшихъ здѣсь гораздо раньше православныхъ церквей. По мнѣнію мѣстныхъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи Подолія, въ старыхъ Паневцахъ существовала церковь съ первыхъ годовъ XVII ст. и съ теченіемъ времени не сколько разъ возобновлялась и перестраивалась.

Со времени послѣдней колонизаціи село, въ теченіи не сколькихъ десятилѣтій, не сколько разъ перемѣнило владѣльца; въ 1765 г. оно перешло въ родъ Старжинскихъ, во владѣніи котораго пребываетъ и понынѣ.

Подъ часъ барской конфедерациіи паневецкій замокъ на короткое время былъ въ рукахъ конфедератовъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ и, не смотря на это, все таки поражаетъ зрителя своею громадностью и необыкновенной прочностью и массивностью постройки; толщина стѣнъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того больше; онъ былъ построенъ съ не сколькими башнями, обширными подземными ходами и обведенъ землянымъ валомъ. Зданіе бывшей типографіи въ одинъ этажъ; въ не скотобромъ разстояніи отъ него—огромное двухъ-этажное зданіе академіи съ примыкающей къ нему часовней, поставленной на четырехъ-угольномъ фундаментѣ съ восьмиугольнымъ куполомъ. Обѣ эти постройки спаружи сохранились безъ малѣшаго поврежденія, что объясняется прочностью кладки и толщиною стѣнъ, достигающею отъ 2 до 3 аршинъ.

О послѣдніхъ владѣльцахъ Паневецъ можно еще замѣтить, что одинъ изъ нихъ пользовался въ свое время извѣстностью, какъ поэтъ и *esprit fort*, другой оставилъ по себѣ память въ потомствѣ

тѣмъ, что путемъ постыднаго обмана отобралъ у мѣстнаго священника его усадьбу вмѣстѣ съ частью церковной земли.

Подвигаясь далѣше на югъ по дорогѣ, ведущей въ Бессарбію, верстахъ въ 5—6 отъ Шаневецъ встрѣчаемъ село Устье на лѣвомъ берегу Смотрича, при владеніи этой рѣки въ Днѣпстръ. Село расположено на продолговатомъ полуостровѣ, постепенно пониждающемся и съуживающемся къ концу,—на одномъ изъ многочисленныхъ полуострововъ, постоянно встрѣчающихся по теченію Смотрича, который въ нижнемъ своемъ теченіи становится особенно извилистымъ.

Грустный видъ представляетъ этотъ уголокъ съ его дикими скалами, едва покрытыми тощей растительностью и представляющими обнаженіе известковыхъ и песчанистыхъ пластовъ силурійской формациі. Скалы постепенно спускаются къ водѣ, переходя въ песчаный берегъ и здѣсь-то, въ самомъ углу между двумя рѣками, пріотилось гебольшое, бѣдное село, представляющее такой-же грустный, жалій видъ, какъ и самый полуостровъ, на которомъ оно расположено. На скалѣ надъ селомъ возвышается маленькая деревянная церковь, постоянно недостроенная или подчинаяющаяся; невдалекѣ отъ нея помѣщичій домъ въ швейцарскомъ стилѣ, придающій еще болѣе унылый видъ картинѣ своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ бѣдными крестьянскими жилищами.

Таковъ видъ Устья съ подольской стороны. Со стороны Днѣстра картина нѣсколько разпообразится длинной узкой полосой земли—фруктовымъ садомъ; на берегу робко пріотились нѣсколько хатъ и корчма у самаго перевоза, состоящаго изъ двухъ паромовъ. За то стоитъ подняться на вершину горы, на большую дорогу и отсюда, при поворотѣ дороги изъ Устья въ с. Свиковцы, лежащее на противоположномъ берегу Смотрича, открывается прекрасный видъ на окрестности.

Съ одной стороны—села: Козя и Свиковцы, расположенные на двухъ полуостровахъ и раздѣленные глубокимъ заливомъ, въ который врѣзывается длинный узкій мысъ, принадлежащий къ лѣвому берегу. Красивая, быстрая рѣка съ ея глубокими извилинами, съ высокими скалистыми берегами, въ свою очередь окруженнymi вѣнцемъ высокихъ горъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину, которая дополняется широкой серебристой полосой Днѣ-

стра на горизонтъ. Говорять, что въ старину горы здѣсь были покрыты дремучими лѣсами, въ которыхъ водились разные звѣри; при повсемѣстномъ истреблении лѣсовъ, отъ нихъ уцѣлѣли одни жалкие остатки.

Съ другой стороны открывается не менѣе живописный видъ на бессарабскій берегъ. На поляхъ, принадлежащихъ Устью, на лѣвомъ берегу Днѣстра, по вершинѣ возвышенности, параллельной течению Смотрича, тянется длинный земляной валъ, достигающій отъ семи до девяти саженъ въ ширину и около сажени въ высоту, который спускается къ Днѣстру, переходить на другой берегъ и снова продолжается на бессарабской сторонѣ. Это часть такъ называемаго мѣстными книжниками *Траянова вала*, который тянется на пѣсколько сотъ верстт; мѣстами валъ сильно распаханъ, иногда даже совсѣмъ исчезаетъ, но вскорѣ начинается снова, достигая въ иныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ размѣровъ.

На поляхъ на правой сторонѣ Смотрича, въ двухъ верстахъ отъ Устья находится небольшое круглое городище и пѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ носить название *Остаповой могилы*. По преданию здѣсь похоронены христіане, погибшіе во время турецкихъ и татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть это и вѣрно для данного случая, но вообще нужно замѣтить, что пародныя преданія относятъ всевозможные памятники старины, разсѣянныя по всему Подолью, ко времени польского владычества и турецкихъ войнъ. Это заблужденіе раздѣляется въ большинствѣ случаевъ интеллигенціей, даже относительно такихъ археологическихъ памятниковъ, которые несомнѣнно принадлежать болѣе глубокой древности.

Документальныя свѣдѣнія объ Устьи, какъ заселеніиѣ пунктиѣ, начинаются довольно рано—съ начала XV ст. Грамотою 1405 года король Владиславъ Ягайло отдалъ этотъ уголокъ во владѣніе пляхтичу Петру Качорску съ обязательствомъ доставлять трехъ вооруженныхъ воиновъ въ подольскую пограничную стражу. Источники умалчиваютъ о томъ, было-ли Устье уже заселено, или его колонизация началась съ этого времени. Переходя изъ руки въ руки и перемѣшивши пѣсколько владѣльцевъ, село въ 1599 г. перешло въ родъ Могиль, вывѣшихъ господарей Волоцкихъ, вынужденныхъ политическими обстоятельствами оставить свою родную землю.

Въ продолженіе всего XVII ст. судьба Устья была весьма печальна, благодаря его положенію на самой границѣ съ турецкими владѣніями, надѣ однимъ изъ семи днѣстровскихъ бродовъ, существующихъ и понынѣ. Почти противъ Устья пролегалъ по правому берегу Днѣстра одинъ изъ такъ называемыхъ „турецкихъ шляхъ“, т. е. путей, по которымъ производили свои набѣги на Подолію и Галичину отряды турокъ и орды бѣлгородскихъ татаръ. Прежде другихъ, конечно, приходилось терпѣть отъ такихъ набѣговъ жителямъ пограничныхъ селъ, лишенныхъ защиты, такъ какъ Рѣчи Посполитая не имѣла достаточно силъ, чтобы охранять свои предѣлы, и войско ея или храбро сидѣло по домамъ, или не менѣе храбро скѣдовало за непріятелемъ на почтительномъ разстояніи. Случалось впрочемъ, что, пропустивъ татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, отряды войска или же вольные дружины изъ мѣстной шляхты устраивали засады на тѣхъ дорогахъ, по которымъ должны были возвращаться хищники, обремененные пленниками и добычей. Польская засада нападала па нихъ върасплохъ и захватывала въ свою пользу награбленную татарами добычу;—это называли защищай края. Польские историки называютъ такія стычки, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія цѣлью грабежъ готовой добычи подъ благовиднымъ предлогомъ, геройскими подвигами, возвращавшими краю хоть часть того добра, которое непріятель такъ часто уносилъ изъ беззащитныхъ предѣловъ Подолії. Съ своей стороны и правительство не оставляло безъ награды героеvъ имѣціями или доходными должностями.

Около 1630 г., такой защитникъ появился и въ Устьи въ лицѣ простаго шляхтича, Стефана Хмѣлецкаго, который неоднократно нападалъ съ отрядомъ милиціи на возвращавшихся татаръ и отбивалъ у нихъ добычу. Однажды ему удалось захватить нѣсколькихъ знатныхъ пленниковъ, въ числѣ ихъ сына и племянника знаменитаго буджацкаго мурзы Кантемира; первый былъ выставленъ на показъ въ Устьи и затѣмъ обезглавленъ. За такие рицарскіе подвиги Хмѣлецкій получилъ во владѣніе мѣстечко Красное и сверхъ этого награжденъ званіемъ воеводы и сенатора.

Не задолго до взятія Каменца турками Устье, лишенное всякой защиты, пришло въ полный упадокъ и почти совсѣмъ опустѣло: большинство жителей разбрѣжалось, остались только немногіе дер-

жавшіе перевозъ, да тѣ, которые согласились потурчиться. Тогда Устье было обращено турками въ перевозочный пунктъ, черезъ который они переправляли подкрайлснія и припасы въ Каменецъ. Не будучи въ состояніи возвратить себѣ столицу Подолія, поляки расположились нѣсколькими отрядами вдоль границы, между Око-пами св. Троицы и Устьемъ и отсюда вели съ турками мелкую партизанскую войну, при чёмъ главною цѣлью является опять таки захватъ добычи. Найболѣе удачное столкновеніе случилось около 1694 г., когда поляки, подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ, напали на турецкій отрядъ съ подкрайленіемъ и обозомъ, во время его переправы черезъ Днѣстръ подъ Устьемъ, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали нѣкоторое время. Съ наступленіемъ ночи они прекратили погоню, чѣмъ и дали возможность туркамъ уйти. На другое утро, когда непріятеля и слѣдъ простыть, поляки снова бросились за нимъ въ погоню, но верстахъ въ шести отъ Устья наткнулись на брошенный турками обозъ и, овладѣвъ имъ, прекратили преслѣдованіе.

Польские историки на всѣ лады прославляютъ этотъ походъ, въ которомъ ихъ соотечественникамъ удалось захватить миллионную добычу и въ которомъ они, сами исцугавшись случайного перевѣса надъ непріятелемъ, во время остановились на ночлегъ. При этомъ они, сверхъ обыкновенія, умалчиваютъ о количествѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ турокъ; вѣроятно ихъ не было.

Съ прекращеніемъ турецкихъ войнъ въ XVIII ст. наступило болѣе спокойное время для пограничныхъ сель и они начали мало по-малу оправляться. Мало по-малу заселяется и Устье и снова начинаетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому.

К. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

Степь раздоильная
Далко вокругъ,
Широко лежить,
Ковылемъ-травой
Разстилается!

Ахъ ты степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась¹).

.... Витеръ вѣс—повивае,
По полямъ гуляе,
На могили кобзарь сидѣть
Та на кобы грае...
Кругомъ ёго степъ, якъ море
Широке, сине;
За могилу могила,
А тамъ тилько яріе²).

.... Иду шляхомъ; сонце сле,
Витеръ съ травами говоре,
Персьдъ мною и за мяю
Степъ колышетца, якъ море.
А затихне витеръ буйный,—
Степъ, мовъ камни, не двигнется
И, якъ килимомъ багатымъ,
Висе квітками уберетка.
Она пагнулась тирса бига,
Звиробой скрутнє стебельци,
Червоніе материкові,
Якъ вишки горять козельци;
Крикнути искрепель въ ярочку,
Стреметь приспучувъ надъ тернами,
По кущахъ мижъ деревою
Ходить дрохви табунами.
Тихо всюди; тилько де-де
Витерочко промесетца
Та на землю изъ-підъ неба
Писня жайворонка лятеця³).

» Малороссія, пространство земли отъ Словечни до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣверного-Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, её посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; бо-

¹) Кольцовъ. Собрание стихотворений. Издан. Солдатенкова. М. 1868. стр. 24.

²) Шевченко. Кобзарь. Слб. 1883 г., стр. 5.

³) Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 53.

гатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностю плодородныхъ степей, па съверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ пѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ся неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ся благородстворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее «ко-лыбелью послѣ потопа» ¹⁾. »То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Озаринскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводить одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копѣкъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностю. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Українѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ пихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медведи, донашившись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольского-Каменца и Ржончилскій зналъ одного пасѣчника, у которого 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Озаринскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собираетъ ежегодно не пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Озаринскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ ноголовицны былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній« ²⁾. »И бысть намъ сіе щутное шествіе исчально и уны-

¹⁾ Марковичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842 г., стр. 4.

²⁾ Кулешъ. Польская колонизация юго-западной Руси, Вѣстникъ Европы, 1874 г., III, II.

ливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велия и звѣрь множество: козы дикия, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣдо угодна и хлѣбородна, и овощу всякого много; сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣщу эту землю назвать златою, попече всего много въ ней родится»³⁾.

Такова была природа Малороссіи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссія, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. »Славнос войско запорожское низовое« занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже искони вѣковъ носились »киммерийскіе мрати«, волновались »скиескія тѣни«, сгущались »половецкіе туманы«, осаживалась »татарская мгла« и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенные, кровопролитныя боевые схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полу-осѣдлыми. Тутъ были уже за XII вѣковъ до Р. Х. киммерияне-тавры; за VIII вѣковъ—ионяне-греки; за VII вв.—калакиды, ко чующи и царскіе скиѳы, земледѣльцы, пахари и аазоны (въ теперешнихъ уѣздахъ: александровскомъ, ново-московскомъ и отчасти павлоградскомъ, екатеринославской губерніи); за сто лѣтъ до Р. Х.—геты или даки; во II вѣкѣ по Р. Х.—сарматы: роксолане, северы, алане (въ тѣхъ-же уѣздахъ); къ концу того-же вѣка—готы (собственно осты-готы); въ IV вѣкѣ—гунны или гуннівары (по китайски гіонъ-гю); въ половинѣ V вѣка—венеты или анты (славянскія племена); въ концѣ того-же вѣка—угры и болгары; въ VI в. авары или обры; въ IX вѣкѣ—русскіе словяне (главнымъ образомъ позяне); въ концѣ этого-же вѣка—касары или хазары; въ X вѣкѣ—печенѣги (у иѣмцевъ—пещепаты, у грековъ—нацкакиты, у венгерцевъ—бессы, бесенны) и между ними торки или узы, берендеи или черкисы клобуки (кара-полшаки); въ XI вѣкѣ—половцы или куманы (иначе сарматы) и, наконецъ, въ XIII вѣкѣ—татары. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по теперешнему опредѣляется двумя губерніями: екатеринославскою и херсонскою, за исключеніемъ въ этой по-

³⁾ Путешествие въ свѣтую землю святц. Іоанна Лукьянова. Месива. 1862. 16.

слѣдней уѣздовъ аяньевскаго и тираспольскаго и градоначальства одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у московитовъ Заднѣпровскою Украиною, а у поляковъ—Низомъ или Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности—по преимуществу степной. Много оригинальности, своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ теперь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Они представляли собой безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, много-водными рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими балками или долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ растягивается логъ, тянется оврагъ¹⁾; тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы выступаютъ изъ за скаль; тутъ melodически журчитъ ручей или живописно изливается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высится небольшіе пригорки, холмится курганы или могилы (*tumuli*), «звучащіе игрой труда и жизни человѣка»; а тамъ, у текучихъ водъ, чернѣютъ дремучіе, дѣственныя густолиственные лѣса. Все это чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безкрайной, неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыть о самомъ себѣ и любоваться лишь однѣми красотами природы. «Широко ты, степь, пораскинулась!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря степей, въ былинѣ времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраинамъ, изъ за густой »тирсы« и желтаго »бурунчука« показывалася здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимолетный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка-же изъ за высокаго »буркуна« и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля показывалася »чумацкая шапка та довгий батигъ«... Да, это была своего рода *terra incognita*—невѣдомая земля, это было своего рода *bonum nullius*—ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣстѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ

1) Оврагъ—это длинная долина съ крутыми берегами, въ которой снѣгъ-вы и дождевыя воды держатся не на поверхности, а уходять подъ почву, а ключевая вода совсѣмъ не просасывается. Пикифоровъ. Очеркъ александровъ. губерніи. 1876 г., ч. I, стр. 2.

новыхъ и двухъ старыхъ, отрѣчныхъ шляховъ. То были: Батурина-скій, Изюмскій и Калміусскій шляхи, и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ¹⁾. Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ они были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграницный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ на сторожѣ, ибо въ каждой балкѣ, подъ каждымъ яворомъ или чернокленомъ, подобно черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его, если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Таковы были тѣ степи, которыя достались въ удѣль запорожскімъ казакамъ. Границы ихъ, хотя и не ясно, начали обозначаться уже со времени польскихъ королей Казимира IV (1447—1492) и Сигизмунда первого (1505—1548). «Въ оныхъ времена (въ 1471 году, во время Казимира IV) казаки жили па островахъ, Днѣпромъ окруженнѣхъ, и были настоящіе морскіе наѣздники... А въ самомъ началѣ XVI ст. (при королѣ Сигизмундѣ первомъ) Дашикевичъ (запорожскій атаманъ) вооружился съ казаками противъ татаръ и нападающихъ на границы украинскія жестоко поражалъ и съ добычами изъ Польши и Россіи бѣгающихъ ловилъ, и въ учрежден-

¹⁾ Русовъ. Русскіе тракты, карта. Кіевъ. 1876 г., стр. 121. Шляхъ Черный шелъ изъ правобережной Украины въ Крымъ, по водораздѣламъ между бассейнами Буга и Днѣпра: начинаясь на Волыни, онъ доходилъ до г. Уманя, кіевской губерніи, отсюда шедъ до Балты къ Ольвіополю и до Никитинской переправы на Днѣпръ. Онъ назывался Чернымъ по причинѣ опасностей, случавшихся съѣздившими по немъ, и Шпаковымъ, по имени чумакаго атамана Шпака, умѣвшаго благополучно водить по немъ разныя валки. Муравскій шляхъ шелъ по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ: начинался отъ верховьевъ р. Ворсклы, онъ тянулся по рр. Орели, Самарѣ и Конкѣ, т. е. шелъ изъ глубины Малороссіи въ восточные степи Запорожья и отсюда въ крымскія владѣнія. Онъ могъ получить свое название или отъ имени травы муравы, или же отъ имени города Моравска (онъ же Монастыревскъ), известного уже въ XII ст., къ которому онъ шелъ чрезъ р. Сѣверный Донецъ. Карадзинъ. Истор. государ. Россійск. Сиб. 1818 г., т. II, стр. 290.

ныя мѣста ихъ отсылалъ; за что, въ 1505 году, въ награжденіе той службы козачей, испросилъ отъ короля польскаго, Жигимунда первого, земля въ киевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, для простиранійшаго поселенія сихъ воиновъ... При дачѣ имъ земли, одарилъ ихъ вольностями и разными преимуществами, и на то привилегію своею подтвердилъ¹⁾). Въ 1516 году тотъ-же польскій король, Сигизмундъ первый, но только при другомъ казацкомъ гетманѣ, Предславѣ Ляницкоронскому, «за услугу казацкую далъ въ прибавокъ имъ (казакамъ) къ прежней, по Днѣпру-жъ на обони стороны и ниже до пороговъ землю, на которую тѣ казаки, кои тамъ промышлять хотѣли, переходили и на то данымы отъ короля универсаломъ подтверждено, и наименованы они обоихъ сторонъ рѣки Днѣпра всеобще запорожскими казаками²⁾). Считая себя народомъ вольнымъ, наклоннымъ болѣе къ казакованію, нежели къ хлопской работѣ, избѣгая столковеній съ поляками, запорожцы все далѣе уходили въ пустыя и пежилыя мѣста и въ стени³⁾). Но такъ было до 1562 года: въ 1562 году польская республика, нуждаась въ запорожцахъ для охраненія своихъ границъ, постаралась привлечь многихъ изъ нихъ изъ-за Днѣпра, съ понизовыхъ мѣсть, торжественнымъ образомъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, обязалась выдавать имъ определенное жалованіе и отдала для ихъ жительства все пространство земель между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ къ татарскимъ границамъ, «кои были безъ нихъ ощущены татарскими наладеніями, дабы они тамъ поселились городомъ, въ которомъ-бы имъ собираться всѣмъ обще⁴⁾). Привилегія 1562 года подтверждена привилегіей и 1569-го, когда на польскомъ престолѣ былъ король Сигизмундъ-Августъ, сынъ Сигизмунда первого.

. Впрочемъ во всѣхъ этихъ королевскихъ привилегіяхъ мы не имѣемъ еще определенныхъ указаний на счетъ границъ запорож-

¹⁾ Ригельманъ. Лѣт. нов. о Малой Россіи. Москва, 1847, стр. 12, 14 и 15. Симоновскій. Краткое описание о казац. малор. вар. Москва, 1847 года, стр. 3 и 4.

²⁾ Ibid., стр. 16 и 17.

³⁾ Ibid., стр. 19; Маллеръ. Кратк. выш. о малор. нар. и о наз. Москва, 1846, 50.

⁴⁾ Ibid., стр. 21 и 22.

скихъ поселеній;—опредѣленность границъ мы находимъ лишь въ 1576 году¹⁾), въ царствованіе короля Стефана Баторія. »Надасть его королевская мосць, говоритъ грамота 20 августа, казакамъ ци-зовымъ запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтеміровъ²⁾ съ монастыремъ и перевозомъ, опручь складового старишаго ихъ запорожскаго города Чигирна и до пороговъ³⁾ и отъ того города Терехтемірова на нынѣ по-падъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и запорожскихъ степовъ и землямъ чигринскимъ подойпилыхъ, всѣ со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а винѣръ отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ, сель и футоровъ земли здавна находили и теперь такъ ся тое въ ихъ завѣдапіи масть захваты. Городокъ старинный же запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями въ югу Днѣпра по рѣчку Орель, а внызъ до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, на десять миль⁴⁾; а черезъ Днѣпъ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало, по очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Синюху. Отъ самарскихъ-же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали, и жебы тое все непорушно въ вѣки при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць грамотою своею козакамъ запорожскимъ утвердиль и укрѣшиль⁵⁾.

Такъ опредѣлились границы запорожскихъ владѣній при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ большой удѣль, по теперешнему вся Новороссія, кроме ногайской и крымской ея частей, въ общемъ удерживался и въ послѣдующее время запорожцами. »Разсуждая, колѣ полезны имъ сіи козаки..., польскіе короли наградили ихъ преимуществами и позволили имъ разпространяться вверхъ по

¹⁾ По князю Мышецкому въ 1580. Ист. о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 4.

²⁾ Теперь это мѣстечко Таутамировка, кіевской губерніи, черкасскаго уѣзда.

³⁾ Слова: »и до пороговъ« добавлены изъ Ригельмана. Лѣт. нов., ч. I стр. 25.

⁴⁾ Слова: »на десять миль« — добавлены изъ Ригельмана, Лѣт. повѣств. ч. I, стр. 25.

⁵⁾ Скальковскій. Ист. нов. Сѣчи, Одесса, 1846 г., ч. I, стр. 30.

Днѣпру отъ Сѣчи даже до Трехтемирова. Съ того времени гетманы запорожскіе съ большемъ частію народа возлюбили жительствовать въ городахъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ, въ Черкасахъ, въ Трехтемировѣ, въ Чигиринѣ и приходящею отовсюду вольницею обоего пола населяли по обѣимъ сторанамъ Днѣпра пустыя мѣста городами и деревнями¹⁾). Самъ Богданъ Хмельницкій, по проосьбѣ кошеваго атамана Демьяна Барабаша, относительно границъ запорожскіхъ казаковъ, дѣлаетъ лишь то, что універсаломъ, даннымъ въ 1655 году, 15 января въ Бѣлой-церкви, утверждаетъ грамоту короля Стефана Баторія.

Граница запорожскіхъ владѣній измѣнилась лишь съ 1705 года, когда постановлена была, у рѣки Буга, «межевая залисъ», заключенная между Россіей и Турцией и учрежденная русскимъ посланцемъ Емельяномъ Українцевымъ и турецкимъ пашею Кочъ-Мегметомъ. Тогда владѣнія запорожскіхъ казаковъ опредѣлились такъ: «Ночатокъ границы отъ польскихъ концовъ внизъ р. Бугомъ до р. Ташлыка (Черпаго), которая по турецки называется Великій-Конаръ, отъ Великаго-Копара, идучи полемъ поперекъ рѣки Мертвовъ (Мертвые-воды), а перешедъ Мертвовъ, полемъ чрезъ Еланецъ, который по турецки называется Еагулою²⁾), гдѣ впадаетъ въ Великій-Ингуль; потомъ перенесъ Великій Ингуль, полемъ до р. Исуны (Висуны), а Исунъ поперекъ перешедши, дор. Малаго-Ингульца, а перешедъ Мазый-Ингулецъ чрезъ бродъ Бекеневской, который отъ Кизикерменныхъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того брода прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ. А отъ Кизикирменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончается граница»³⁾.

Съ 1709 по 1733 годъ запорожцы живутъ на земляхъ турецкихъ, сперва по балкѣ и рѣчкѣ Каменкѣ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ тридцати верстахъ выше г. Кизикирменя (Верислава херсонской губерніи), а потомъ въ Алешкахъ (Алешки таврической губерніи), за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой сто-

¹⁾ Миллеръ. Рассуждение о запорожцахъ. Москва, 1846 г., 39 и 40; см. также стр. 50.

²⁾ Рѣчка Еланецъ или Гинной-Еланецъ впадаетъ въ Бугъ близъ с. Троицкаго, херсонского уѣзда, слѣдственно не можетъ принадлежать ей въ себя Ингуль».

³⁾ Скальковскій. Опытъ статистич. опис., Одесса, 1850 г., I, стр. 27.

роны Днѣпра. Это было время, когда запорожцы, во главѣ съ ко-
нцевымъ агаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, разсчитавъ, что
имъ выгоднѣе применѣть къ польскому королю Карлу XII, нежели
къ русскому царю Петру I, должны были поплатиться за это лише-
ніемъ своихъ угодьевъ въ предѣлахъ Россіи и перейти на житель-
ство въ турецко-татарскія земли. Но въ 1734 году запорожцы по-
лучили прощеніе и снова водворились на прежнихъ своихъ „воль-
ностяхъ“. Тогда, особенно послѣ победы Миниха и Лассія (1736—
1739), они считали своею палестиною весь теперешній новороссій-
скій край, кромѣ ногайскихъ и крымскихъ его частей, оканчивая
свои владѣнія далеко на сѣверѣ: селомъ Старыми-Кайдаками, съ
праваго берега Днѣпра, противъ первого кайдацкаго порога, се-
ломъ Новыми-Кайдаками, по той же сторонѣ, но ва 60 верстѣ
выше, и степью по-р. Самарѣ, въ 25 верстахъ отъ ея устья ¹⁾.
Тогда, съ 1740 года, „инструментомъ, заключеннымъ при Великомъ
Ингулѣ“ русскимъ уполномоченнымъ Неплюевымъ и турецкимъ му-
стафою-беемъ-Селихтаромъ Кятибы, послѣ бѣлградскаго трактата,
земли запорожскихъ казаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ,
съ западной стороны: „отъ окончанія польской границы (стъ впаде-
нія р. Синюхи въ Бургъ), внизъ Бугомъ до Ташлыка или Великаго
Копара, а отсюда ведена граница полемъ и разстояніемъ отъ онаго
(Ташлыка) въ десяти верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузилку, тою же
лишнею до р. Мертвыхъ воды, а оттуда до старой мечети у р. Громо-
кли, даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу
той рѣки державѣ оттоманской; далѣе до Бекеневскаго (бѣлаго)
броду (39 верстъ), до р. Исини и оттуда до Малаго Ингульца, въ
десяти миляхъ отъ Кизикирмепи и наконецъ до устья р. Каменки
въ Днѣпрѣ“ ²⁾; съ восточной же стороны: „начавъ отъ устья рѣчки
Конская воды въ Днѣпръ, вверхъ по ея течению, по рѣчкѣ Мок-
рой-Маковкѣ и по степени прямую лицію до вершинѣ рѣки Берды
и по течению сей последней до устья въ Азовское море“ ³⁾.

¹⁾ Миллеръ. О малор. вар. и о запорожц. Москва, 1846, стр. 23; см.
также: Рассужд. о запорожц., стр. 41.

²⁾ Скальковскій. Опытъ стат. опис. Одесса, 1850, ч. I, стр. 27. »Беке-
невскій бродъ былъ на Ингульцѣ, а не на Висунѣ«, Тамъ-же.

³⁾ Ibid., стр. 31.

Такъ было до 1742 года; когда граница запорожскихъ казаковъ съ юго-восточной стороны была нѣсколько нарушена новымъ „инструментомъ разграничія земель между Россіей и Портю“: тогда земли „отъ вершины рѣки Конскихъ-водъ до западной вершины рѣки Большой-Бердъ и между помянутыми рѣками, къ полу-дленной сторонѣ, остались къ оттоманскому имперію, съ полуноч-ной же стороны—вся земля всероссійскому имперію; рѣка же Кон-скія-воды, даже до впаденія ея въ Днѣпъръ, вмѣсто знаковъ гранич-ныхъ утверждепа, отъ впаденія Конскихъ-водъ внизъ рѣки Днѣпра отъ обѣихъ имперій оставлена“¹⁾).

Впрочемъ „запорожцы, мало или вовсе не знали о всѣхъ такихъ дипломатическихъ распоряженіяхъ, считали новороссійскія стечи свою собственностию и на основаніи жалованныхъ имъ грамматъ, и какъ первые обитатели края (*intra primi occupantis*). Къ тому же такъ какъ границы актовъ 1705 и 1740 гг. были обозначены только на бумагѣ, а не въ натурѣ, то они, зная край лучше, нежели современ-ные дипломаты и даже межевые комиссары, считали границу свою, и слѣдственно русскую, гораздо дальше къ западу, нежели ее опре-дѣляли въ трактатахъ; именно доводили ее до самаго Буга отъ впа-денія въ него Синюхи или Синей-воды до днѣпровскаго лимана. Этотъ рубежъ былъ и выгоднѣй и точнѣе первыхъ, ебо шелъ по живому и всѣмъ, даже древнимъ географамъ, извѣстному уроцищу“²⁾).

Съ этого времени границы запорожскихъ владѣній опредѣля-лись слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ „генеральной ландъ-карты“ инженеръ-подполковника де-Боксера и полковника Капписта, составленной въ 1740-хъ годахъ. *На сѣверѣ*, запорож-скія земли шли по-надъ лѣвымъ берегомъ р. Орели и правымъ—рѣки Сѣвернаго Донца, со стороны гетманщины и слободскихъ пол-ковъ; здѣсь граница начиналась отъ устья р. Тысмина, праваго притока Днѣпра, крайняго пунктапольскихъ владѣній и оканчива-лась у верховьевъ р. Бахмута, праваго притока р. Сѣвернаго Донца. *На востокѣ*, отъ верховьевъ р. Бахмута—по р. Калміусу до самаго Азовскаго моря, гдѣ теперь расположень г. Бердянскъ и стоитъ полу-развалившаяся цетровская крѣпость, со стороны земли войска

¹⁾ Зап. одес. общ. лист. и древн., т. II, стр. 834 и 835.

²⁾ Скальковский. Опытъ стат. опис., Одесса, 1850, ч. I, стр. 32.

донского. На югъ, отъ устья р. Калміуса по р. Бердъ и р. Конкѣ (конскія-воды), отъ верховья и до первого впаденія ея въ Днѣпръ, нѣсколько ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, со стороны кочевьевъ джедисалской и джамбулукской ордъ. На западъ отъ устья р. Буга, или отъ поста Черевицкаго, вверхъ по рѣкѣ до самого устья рѣки Сплюхи, лѣваго притока Буга, со стороны земель джидисанскихъ и буджацкихъ ордъ и польскихъ воеводствъ.

Но съ 1751 и 1753 годовъ границы запорожскихъ земель съуживаются вслѣдствіе появленія на нихъ новыхъ людей, переселенцевъ-сербовъ съ Иваномъ Хорватъ-отъ-Куртичъ и переселенцевъ-задунайскіхъ славянъ съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ-де-Прерадовичемъ во главѣ. Первые осѣлись въ сѣверо-западныхъ запорожскихъ стечахъ и образовали такъ называемую новую Сербію съ крѣпостью св. Елизаветы (теперь Елизаветградъ), названную въ честь импер. Елизаветы Петровны, позволившей имъ выселиться въ Россію; а вторые поселились на сѣверо-восточныхъ стечахъ запорожскихъ, отъ вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, и далѣе на востокъ и образовали такъ называемую Славяно-сербію съ крѣпостью Бахмутомъ (теперь уѣздный городъ Бахмутъ), названный по имени рѣчки Бахмута. Тогда отъ земель запорожскихъ козаковъ, съ сѣверо-запада, отошелъ большой уголъ¹, начавъ отъ устья рѣки Кагарлыка (херсонской губ., бобринецкаго у.) прямую линію до верховья р. Тура, а отъ верховья Тура по устье р. Каменки, а отъ устья р. Каменки на верховье р. Березовки, а отъ верховья Березовки на вершину Омелыники (александровскаго у.), и по той внизъ даже до устья ея, где она въ Днѣпръ впадаетъ, уступы отъ польскихъ границъ на двадцать верстъ²). Самая же граница сѣверо-западная опредѣлена была ново-слободскимъ козачимъ поселеніемъ, прошедшими чертою отъ устья р. Чернаго Ташлыка, вдоль рѣки Сугаклей-Каменоватой (праваго притока р. Ингула), черезъ р. Ингуль, рѣчу Аджамку (левый притокъ р. Ингула) и между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки. Такъ утверждается, по крайней мѣрѣ, „снимокъ“ запорожскихъ земель, представленный въ 1758 году геодезистомъ Семеномъ Леонтьевымъ²). Съ сѣверо-востока же отъ

¹⁾ Скальковский Ист. пов. Сѣчи. Одесса, 1846, ч. II, стр. 168.

²⁾ См. планъ, приложенный къ Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I.

запорожскихъ земель отошелъ сперва въ сокъ земли, заключенный между р. съвернымъ Донцомъ и рѣчками: Бахмутомъ и Луганью, а потомъ мало-по-малу запорожцы лишились и всего пространства земли почти до самой вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, у которой уже начинались запорожскіе хутора.

Теперь границы запорожскихъ земель установились на долго и въ 1766 году опредѣлялись, по словамъ очевидца, слѣдующимъ образомъ: „земли (запорожскихъ козаковъ), которая болѣею частію состоять изъ пустой и дикой степи и которая въ окружности про-стираются около тысячи семи сотъ верстъ... разпространяются отъ Сѣчи по правой сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизикермену до рѣки Камянки, гдѣ турецкая къ Очакову граница начинается около ста верстъ. Отъ устья сей рѣки Камянки идутъ по рѣкѣ Бугу чрезъ рѣки Ингулецъ, Исунъ (Висунь), Ингуль, Громоклею, Еланецъ, Солону, Мертвые-воды, Гарбузенку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной съ турецкою областью границѣ, болѣе ста шестидесяти верстъ. Съ другой стороны Сѣчи, вверхъ по Днѣпру, до устья рѣки Самоткани, по оной и чрезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣки Буга, разстояніемъ болѣе пятидесяти верстъ. Съ лѣвой стороны рѣки Днѣпра отъ устья рѣки Конскихъ-водъ вверхъ по Днѣпру, мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, вверхъ по оной на Волчьи-воды, до вершинъ ихъ, а оттуда чрезъ степь на вершины Калміуса, и по сей рѣкѣ до крымской границы, учрежденной прямою линіею отъ Калміуса до рѣки Берды, вверхъ по оной къ рѣкѣ Конскихъ-водъ, и по-надъ сею до устья оной въ Днѣпъ ниже Каменшаго-затона, который противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскими козаками перевозъ чрезъ Днѣпъ, на крымской дорогѣ держится; въ сей окружности болѣе восьмисотъ пятидесати верстъ“¹⁾).

Въ 1775 году, послѣ Кучукъ-кайнарджийскаго мира Россіи съ Турцией, запорожскія владѣнія увеличились небольшой частицей земли, заключенной между границею 1740 года и рѣкою Бугомъ (около нынѣшняго Ольвіополя). Тогда войско запорожское „разсе-лило людей по всѣмъ владающимъ въ Днѣпъ и въ Бугъ рѣкамъ,

¹⁾ Червяцкій. Опис. зап. Сѣчи. Приб. къ Ист. зан. каз. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 80.

почавъ съ самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Буга, при Гардѣ, Карабельнѣ, Мертвыхъ-водахъ, Еланчикѣ, Ингульцѣ, Громоклѣ, Каменкѣ, Подпольной, Бузулукѣ, Саксаганѣ, Чортомлыкѣ и при многихъ иныхъ рѣчкахъ и урочищахъ, и по самому Днѣпру и по рѣкамъ, впадающимъ въ оную: Орелѣ, Самарѣ¹⁾, Московкѣ, Конскимъ-водамъ, Волчей и прочимъ рѣчкамъ... Наконецъ простерли себя до Міуса рѣки, а потомъ по рѣкамъ же Калміусу, Кальчику, Бердѣ и по берегу той части Азовскаго моря, и прочимъ тамошнимъ рѣчкамъ²⁾). Тогда же, или около того времени, по словамъ самого запорожца Никиты Коржа, запорожцы раскинули свои владѣнія: „на полдень отъ Буга по Случь, а внизъ по Днѣпру до великаго лимана, гдѣ теперь Херсонъ и Николаевъ; на полночь по Днѣпру до р. Орели, что впадаетъ въ Днѣпръ около мѣстечка Китай-города (за Орелью уже начиналась гетманщина); на сходъ солнца, отъ рѣки Конки до земли донскихъ козаковъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ³⁾). Съ этимъ и окончили запорожцы свое историческое существование въ предѣлахъ Россіи.

Удѣльь запорожскихъ козаковъ, подъ разными названіями, известенъ былъ уже историкамъ и писателямъ древняго міра: Геродоту, Мелѣ, Плинію, поэту Скидину, безыменному автору Евксинскаго Понта, Прокопію, Валерію Флакку⁴⁾, Итоломею и другимъ. Геродотъ говорить собственно о такъ называемой Скиої,—странѣ, лежавшей въ нижней и средней частяхъ бассейна Дуная, Даѣстра, Буга и Даѣпра. Отличительныя черты Скиої— многоводность, плодородіе и въ нижней части, „по переходѣ черезъ Даѣпры со стороны Буга“, лѣсистость. „Когда пройдешь Борисеенъ (Днѣпръ), отъ

¹⁾ По Орели и Самарѣ, со стороны слободско-украинскихъ поселеній, запорожцы считали ту границу, которая проходила по Касогову валу. См. Шиханова: Предм. извѣз. борьба Запорожья. >Киевская Старина<, 1883 г., декабрь, 612.

²⁾ Ригельманъ. Лѣт. повѣсть. о Мал. Рос., Москва, 1847; прибавленіе, стр. 69 и 70.

³⁾ Никита Коржъ, по Стороженку, стр. 131.

⁴⁾ *Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trades: fessaeque prius redicere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere casum.*

моря, во-первыхъ Гилея. Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями¹⁾.

Но что-же это такое Гилея, о которой говорить Геродотъ? Слово Гилея—чисто греческое; оно означаетъ лѣсистую сторону (по гречески *бл̄п—лѣсъ*); на языкѣ тещерскихъ по-днѣпровскихъ жителей слово „Гилея“ скрывается въ словѣ „плавни“. Но изъ всѣхъ днѣпровскихъ плавней Гилея соответствуютъ собственно тѣ, которые находятся въ мѣстности около теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое название города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Алешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова „лѣсъ“, или же отъ слова „ольхи, слоха“, что въ стариинномъ топографическомъ языке означало болото, водяное, поѣмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелко-лѣсемъ²⁾. „Нынѣ лѣвый, пязменный берегъ Днѣпра, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, оцутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березою. Бѣзъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябалія берегового края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшения этой силы, разныя породы деревьевъ, никогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ налихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности изорамъ путешественниковъ, кроме древесныхъ породъ, иныхъ еще тамъ попадающихихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершиенно чуждны этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европеїскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, по-елику опѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются

¹⁾ Геродота Галикарнасскаго бытосказ. книга четвер., надпис. Мельюмена, стр. 18.

²⁾ Забѣзинъ. Ист. рус. жизни, Москва, 1876 г., стр. 16.

окрестности Алешекъ¹⁾). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилея, нужно прибавить еще то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народаовъ, и не однихъ только нагайцевъ, какъ полагасть баронъ Тоттъ, который въ проездѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узрѣвъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительны, нежели теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „лѣсѣ братьевъ“. Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соответствовать тому, въ которомъ переночевалъ Бургундскій рыцарь Гильбергъ-де-Ланнуа, въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманіе современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣдавшихъ Черио море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при рѣкахъ, въ него изливающихся, и въ томъ числѣ при нижнемъ Днѣпѣ, столь важномъ, съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась²⁾).

„Есть поводъ думать, замѣчасть па этотъ счетъ г. Иловайскій, что европейская Скиеія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественные рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиеіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ся части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дцей путь отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая по-

¹⁾ Это подтверждается между прочими и тѣль, что у Стефана Візаントійскаго Гилея называется Ἀβειχή,—страва елей: »abies« съ латинскаго на русскій значить »ель«.

²⁾ Бруцъ. О поэзии, назв. древней Гилеи.—Зап. одес. об. ист. и др., IV, 236—239.

лоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянныя по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII в. латинскій монахъ Рубруквісъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, что густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посыпали отъ себя отдѣльными группами до самыхъ береговъ Понтийскихъ и Каспійскихъ¹).

Но какъ-бы далеко ни распространялась Гилея, каковы-бы ни были породы ся деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно одно лишь сказать, что то былъ очень большой лѣсъ. О величинѣ его можно судить уже по тѣмъ окаменѣлымъ остаткамъ, которые находятся теперь въ Днѣпровской долинѣ: остатки показываютъ, что настоящіе Днѣпровскіе лѣса суть только ничтожная пародія того исполнителя лѣса, который нѣкогда своею могучею головою осѣнялъ широкій Днѣпръ.

Но одной Гилеей запорожскіе лѣса не исчерпывались: въ разныхъ мѣстахъ запорожскаго края росли и разныя породы лѣсовъ, теперь уже и много повыведенныхъ и много поизмельчавшихъ. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы тамъ росли сплошные лѣса, по нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждать, чтобы ихъ было очень мало или почти не было: много было истребителей запорожскаго лѣснаго царства въ видѣ степнаго пожара, скота, плуга и топора. Дикие кочевники выжигали запорожскіе лѣса, частію изъ опасенія какой-либо засады со стороны враговъ, частію-же изъ желанія добыть для своего скота подножный кормъ; въ послѣднемъ случаѣ они выжигали собственно сухую степную траву, препятствовавшую рости свѣжей, а отъ травы загорался и самий лѣсъ. Польскія войска и русскія рати истребляли запорожскіе лѣса, когда предпринимали продолжительные военные походы на козацкій югъ. Первые поселенцы, которые появились въ степи послѣ паденія Сѣчи, много уничтожили запорожскаго лѣса на хозяйственныхъ постройкахъ. Строители Екатериполиса, Херсона, Николаева, Одессы и другихъ городовъ и крѣпостей

¹) Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876 г. стр. 6 и 7.

также произвели достаточное опустошение между козацкими лѣсами; сами помѣщики, получившие на югъ дарственную земли, много произвели запорожскихъ лѣсовъ, и вслѣдствіе центрального веденія хозяйства, и вслѣдствіе постѣдовательной передачи своихъ имѣй наслѣдникамъ: переходя изъ руки въ руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, многіе изъ запорожскихъ лѣсовъ раздробились на самые мелкие участки, до десяти и даже до пяти десятинъ, составляя при этомъ припадлежность нѣсколькихъ лицъ¹⁾. Мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немногого менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными... Безъ сомнѣнія здѣсь не было сплошныхъ и большихъ лѣсовъ, но настоящее присутствіе ихъ доказываетъ, что они были въ достаточномъ для края объемѣ, а названія рѣкъ, рѣчекъ и другихъ урочищъ, заимствованныя отъ разныхъ породъ лѣсныхъ, указываютъ, гдѣ лѣса были. Сверхъ того, присутствію ихъ ничто не могло и не можетъ мѣшать: ибо почва для нихъ удобна, кромѣ, можетъ быть, ближайшихъ мѣсть къ поморью; а волнистая поверхность края, съ глубокими и частыми балками, гораздо, кажется для нихъ удобнѣе плоскихъ пространствъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей кіевской, волынской и многихъ среднихъ губерній²⁾). „Стѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защитить ихъ отъ порчи скота“²⁾.

Общее положеніе, высказанное о запорожскихъ лѣсахъ, подтверждается частными свидѣтельствами многихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ. Французскій инженеръ Бопланъ указываетъ на существованіе многихъ лѣсовъ въ запорожскихъ предѣлахъ: по берегамъ р. Самоткани, которая называется у него Замокапомъ, на островахъ Конскомъ и Хортицкомъ, по р. Бугу, но особенно по р. Самарѣ, притокѣ Днѣпра съ лѣвой стороны. „Окрестности Самары замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ... въ строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться съ ней въ этомъ. Оттуда доставляется быль лѣсъ для построекъ на

¹⁾ Струковъ. О повор. лѣс., Ж. М. Г. И. 1856 г., февр., стр. 170, 167 п 169.

²⁾ Кважевичъ. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I, стр. 488.

Койдакѣ¹⁾). Тоже подтверждаютъ и русскіе путешественники, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ: „вѣдомо да будетъ впередъ ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посламъ, яко и ратемъ царскаго величества, дубовыя и прочія деревья и вся угодья до того помянутаго стану (на р. Самарѣ) кончились. А отъ того стану даже до Крыма, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по угодіямъ, многіе тальники и терники, гдѣ звѣрь и птицѣ и рыбѣ множество есть, и по нуждѣ, безъ большихъ простоеvъ, великимъ ратемъ дровами проняться можно. На тѣхъ Овечьихъ-водахъ (притокъ Днѣпра, ниже Конки) и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ и на степяхъ дубравы (суть) великии, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великіе“²⁾). По сице подробнѣе о лѣсахъ запорожскихъ говорить писатель XVIII ст., Василій Чернявскій. По словамъ Чернявскаго, лѣса осѣняли какъ правый берегъ Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ, такъ одинаково и лѣвый; справа они начинались отъ устья Каменки къ Бугу и тянулись по рр. Ингульцу, Ингулу, Громоклѣ и „по другимъ въ опыне впадающимъ рѣчкамъ и борякамъ есть небольшія лѣсныя угодья“. Слѣва лѣса шли „знатные“, состоящіе изъ сосны и дуба, по р. Самарѣ, на Хортицкомъ островѣ, въ Великомъ лугу и по разнымъ степнымъ рѣчкамъ, каловы: Волчьи-воды, Калміусъ и другія, впадающія „въ сіи и въ Днѣпъ; прямую же линію, отъ устья р. Самары внизъ по берегу Днѣпра до Каменки и Кизикерменя“ (теперешняго города Берислава херсонской губерніи)³⁾. Какъ и Бопланъ, Чернявскій утверждаетъ, что

¹⁾ Опис. Украины. Спб., 1832 г., стр. 16, 18, 25, 30. Гильонъ ле-Вассерь-де-Бопланъ, родомъ французъ, въ званіи старшаго капитана артиллеріи и польскаго королевскаго инженера, служилъ въ Украинѣ семнадцать лѣтъ, отъ 1620 по 1637 г. Онъ хорошо познакомился съ бытомъ казаковъ, не разъ проѣзжалъ по запорожскимъ степямъ до нынѣшняго г. Александровска, екатеринославской губерніи, и составилъ послѣ себѣ бессмертное сочиненіе: >Description d'Ukraine—Описание Украины<.

²⁾ Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ отправлены были русскимъ правительствомъ, въ 1680 году, въ Крымъ для заключенія съ турками Бахчисарайскаго договора и по возвращеніи въ Москву представили >Статейный списокъ посольства<, во многіихъ отношеніяхъ весьма характерное сочиненіе.

³⁾ Василій Чернявскій занималъ должность секретаря московской иностранной дѣль коллегіи; въ 1760 году онъ посланъ былъ къ запорожцамъ для раз-

изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ особенно большиe были лѣса по р. Самарѣ: „изъ сихъ лѣсовъ, а главиѣшie изъ находящихся по р. Самарѣ.. запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепель обратилъ, главные курени, козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на огрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ“. Но уже тотъ же Чернявскій говоритъ и о страшномъ опустошеніи запорожскихъ лѣсовъ хищными татарами: „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (отъ устья р. Конскихъ-водъ и выше) лѣса крайне разорены, не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ, и вывозомъ въ аулы не малаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои стѣнныя аулы, подъ прокрытиемъ татаръ, провозили“¹⁾.

Самое расположение лѣсной растительности запорожского края показываетъ, что она держалась главиѣмъ образомъ и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напримѣръ, лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ-водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные зѣбри да дикия птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Шоражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т. е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышеностями и па днѣ увлажненнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разростался первѣко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни зѣбри да птицы господствовали въ немъ.

бора взялиныгъ жалобъ между козаками и татарами, по поводу пограничныхъ владѣній; возвратясь въ Москву, онъ представилъ »Описаніе Запорожской Сѣчи въ четырехъ разделеніяхъ«. Приложение къ »Исторіи запорожскихъ козаковъ«. Мишницкаго. Одесса, 1852 г., стр. 83—85.

¹⁾ Истор. о каз. запорож., Одесса, 1852 г. стр. 85.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ существуютъ и въ наше время въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерній. Въ екатеринославской губерніи извѣстны лѣса днѣпровскіе, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ около р. Днѣпра, начиная отъ верхняго и до нижняго предѣла его; то лѣса, по преимуществу, мягкой породы: осокоръ, ива, лоза, шелковица и другія; есть также лѣса по р. Самарѣ, особенно возлѣ самарскаго монастыря и уѣзда города Ново-Московска; далѣе, по р. Волчье, особенно около села Дибровки, александровскаго уѣзда; по р. Ганчулу, главнымъ образомъ у деревни Богодара, имѣвіи землевладѣльца Ф. И. Михеева; по р. Кумтуму, притоку Днѣпра съ лѣвой стороны, у сель Балабина-Петровскаго, Кушугумовки, Малой Катериновки, Царицына Кута и Васильковки; далѣе, по р. Чортомлыку, правому притоку Днѣпра, въ разныхъ мѣстахъ, но особенно у дер. Капулевки, екатеринославскаго уѣзда; по рѣчкѣ Подпольной, правому притоку Днѣпра, около села Шокровскаго того-же уѣзда; по р. Конкѣ, тамъ, где она въ первый разъ впадаетъ въ Днѣпъ; по разнымъ островамъ Днѣпра, на Монастырскомъ островѣ, противъ г. Екатеринослава; на Столовомъ, ниже Монастырскаго, противъ предмѣстія г. Екатеринослава, Мандрыковки; на Кайдацкомъ островѣ, у первого днѣпровскаго порога; по оврагамъ лѣваго берега Днѣпра, отъ впаденія въ него р. Самары и внизъ до порога Ненасытнаго, особенно противъ камня „Богатырь“, где, по преданію, въ 972 году былъ убитъ печенѣгами русскій князь Святославъ; въ уроцишѣ Сагайдакѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже колоніи Кичкасъ; на островѣ Хортицѣ, у г. Александровска; на островѣ Томаковкѣ, у села Чернышевки или Красногригорьевки, екатеринославскаго уѣзда и проч.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ видны теперь и въ херсонской губерніи. Такъ, въ херсонскомъ уѣздѣ, близъ впаденія рѣчки Грекомокли въ рѣку Ингуль, у деревни Позковничьей или Воеводской, есть лѣсъ, состоящій изъ четырехъ сотъ десятинъ, извѣстный уже съ 1740 года, когда заключенъ былъ «пограничный инструментъ» между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннопи, подъ названіемъ Соколиной дубравы. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ, цебольши лѣса около устья р. Базавлукъ, у села Грушевки; по р. Каменкѣ, у деревни Консуловки или Разоровки,

имъніи землевладѣльца М. Ф. Огаркова; наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Днѣпра, его острововъ, и между городами Крыловомъ, Елисаветградомъ, Ново-Миргородомъ, Ново-Архангельскомъ и Александріей; здѣсь, въ восточной половинѣ александрийскаго уѣзда, между многими мелкими лѣсами, находится *Большой лѣсъ*, отличающійся особеннымъ ростомъ и густотой своихъ деревьевъ; кромѣ Большаго лѣса—лѣса *Чута* и *Черныи*, въ сѣверо-западной половинѣ александрийскаго уѣзда, изъ коихъ послѣдній занимаетъ тысячу пятьсотъ десятинъ земли.

Есть полное основаніе думать, что все эти лѣспыя рощи, теперь разбросанныя, въ старину представляли изъ себя одно сплошное пространство, въ которомъ лѣса Чута и Черныи занимали лишь ничтожную долю. Тоже можно сказать и о лѣсахъ, растущихъ по верховьямъ рекъ Ингула и Ингульца; по преданию парода и по указанію карты Боплана, здѣсь въ прошлое время также были сплошные большие лѣса, превращенные теперь въ мелкія кустарнико-рощи. Кромѣ всѣхъ названныхъ лѣсовъ, по разнымъ балкамъ херсонской губерніи встрѣчаются сице небольшіе лѣса, называемые здѣсь татарскими словами »байраками и чагарниками«¹⁾; а по текущему рекѣ Тясминѣ, Выси, Синюхи и Днѣстру значительныя пространства покрыты рощами, въ коихъ преобладаетъ дубъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтрелная и немостоящая погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, дикая груша (ручия, *malus silvester*), берестъ (илимъ, *ulmus campester*), чернокленъ, глюдъ (боярышникъ), кизиль (*cornulus mascula*), кожевенное дерево (*rhus coriaria*), желтичникъ (*rhus cotinus*), крушица (*rhamnus frangula*), брумель (*evonimus europaeus*), жостеръ (*rhamnus catharticus*), толокнянка (*arbutus unedo*, *arbatus*

¹⁾ »Байракъ или буэракъ—небольшой лѣсъ, тоже что гай, но только съ болѣе толстыми и тяжелыми деревьями; а чагарникъ—лѣсъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго. Въ Крыму чагарами татары зовутъ лѣспыя огороженныя плетнемъ дачи.

uva ursi, или *autostaphylos*, *raisin d'ours*), таволга (*sipiraca crenata*), бузина (*sambucus nigra*), вязовникъ (*sambucus ebulus*), пищальникъ *sambucus racemosa*), гордовое дерево (*viburnum lantana*), верба (*salix triandra*, *salix aurita*, *salix caprea*), лоза (*salix purpurea*), ялиповникъ, ива, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, *acer pseudoplatanus*), шелковица, терновникъ, осокорь, яблонь, дули, барбарисъ, вишни, калина и др.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла называться богатою въ отпопеніи лѣса, то за то въ отпопеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленихъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ—съ сѣвера на югъ—разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ-же направленіи, по почти чрезъ самую средину свою, пропускала одну изъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпро со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Мамай-Сурки, коихъ число

Зъ устя Днїпра та й до вершины—
Сімъ сотъ річокъ ще й чотири.

Съ него и начнемъ мы очеркъ водной системы Запорожья.

Д. Эварницкій.

(Продолженіе с.мъдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКІОДАХЪ.¹⁾

Вниманіе къ скіоамъ, нѣкогда и долгое время занимавшімъ нашъ югъ, въ постѣдніе годы замѣтно усилилось. Извеніе этого вполнѣ согласуется съ оживленіемъ научного интереса къ старинѣ вообще, съ тѣмъ оживленіемъ, которое изъ сферы научныхъ распространяется и на эпачительную часть образованаго общества, что доказывается между прочимъ усиленіемъ спросомъ со стороны этого послѣдняго на такие труды, которые посвящаются изслѣдованію различныхъ сторонъ матеріальной и духовной культуры первобытныхъ народовъ или отдаленныхъ предковъ народовъ историческихъ.

Благодаря новому, болѣе широкому методу изслѣдованія, подобные труды получаются въ наши дни сверхъ исторического и интереса современности; они нерѣдко проливаются яркій и часто неожиданный светъ не только на прошлое того или другаго народа, но и на его настоящее. Дѣло въ томъ, что образованное общество, усвоившее себѣ и продолжающее усвоивать плоды науки и гражданственности, то есть весьма незначительное меньшинство населения любой европейской страны, живетъ въ такой средѣ, которая во многомъ остается вѣрною чертамъ быта и воззрѣній, давно пережитымъ образованнымъ меньшинствомъ. Если такимъ образомъ многія черты глубокой старины являются въ образованной средѣ лишь въ видѣ спорадическихъ остатковъ, такъ называемыхъ переживаній (survivals), то въ огромномъ большинствѣ населения они представляютъ все еще живую современность, а потому интересъ къ нимъ

¹⁾ Читано въ годичномъ собраніи »Истор. общества пр. Нестора лѣтописца«.

научный и общественный есть въ сущности интересъ къ современному положению пародныхъ массъ, къ разностороннему уясненію не только прошлой ихъ жизни, но и современной.

Вотъ почему мы рѣшились предложить пѣкоторыя свои соображенія объ одномъ изъ древнѣйшихъ и давно исчезнувшихъ племенъ южной Россіи вниманію ученыхъ специалистовъ только, но и образованной публики.

Въ виду сказаннаго настъ не могутъ не интересовать всѣ, даже мелкія на видъ подробности существованія, если, быть можетъ, не предковъ нашихъ по крови, по происхожденію, то во всякомъ случаѣ нашихъ предшественниковъ па занимаемой нами территоії. Въ этого рода изслѣдованіяхъ никакая подробность не можетъ быть признана не заслуживающею серьезнаго вниманія, потому главнымъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ того, какое мѣсто займетъ та или иная черта въ общей картины прошлаго быта, которую, можетъ быть, когда либо удастся восстановить съ достаточною полнотою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что какая-либо повидимому незначительная подробность находится въ органической связи съ чертами быта дѣйствительно существенными и характеристическими. Поэтому изслѣдователя старинны интересуютъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени и топографія и этнографія населенія, его физическое строеніе, данные языка, материальной культуры, общественного устройства, памятники и известія о его религіозныхъ и иныхъ возврѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ занимающемся настъ вопросѣ достигаемые результаты могутъ имѣть лишь цѣну значительной вѣроятности или отвѣчаютъ на слишкомъ частные вопросы. Виной такого положенія дѣла слѣдуетъ призывать прежде всего общія свойства свидѣтельствъ древнихъ писателей, не исключая и Геродота. Вообще они мало интересовались варварскими пародами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе; не заботились о знакомствѣ съ варварскими языками, о точной передачѣ ихъ именъ и иныхъ словъ; интересъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, культамъ варварскихъ народовъ имѣсть вообще слишкомъ мало общаго съ тѣмъ систематическимъ, строгимъ отношеніемъ къ предмету, которое отличаетъ новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ—ученыхъ. Поэтому сообщаемыя древними свѣдѣнія носятъ на себѣ обыкновенно характеръ отрывочныхъ,

случайныхъ замѣтокъ, обращенныхъ почти исключительно на явленія поразительныя, совершенно чуждая собственныхъ возвращеній и быту древнихъ повѣстователей.

Едва-ли не наименѣе надежными свидѣтельствами въ трудахъ древнихъ писателей являются передаваемыя ими имени варварскихъ народовъ, какъ собственныея, такъ и нарицательныя. Если греческіе писатели позднѣйшаго періода нерѣдко искажаютъ до неузнаваемости названія тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили продолжительное время, свои наблюденія надъ которыми они могли легко проверять многократными показаніями очевидцевъ, то, разумѣется, тѣмъ менѣе можно полагаться на ихъ лингвистическія данины о народахъ далекихъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ, каковыми были и скіоы для Геродота, Фукидіа, Страбона и другихъ. Вотъ почему уцѣлѣвшія немногія свидѣтельства языка о скіоахъ, находимыя нами преимущественно у Геродота, подаютъ поводъ въ наше время къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и къ такого же свойства осложненнымъ на нихъ заключеніямъ. Брунъ сожалѣстъ о томъ, что берлинскій академикъ Мюлленгофъ¹⁾, главный авторитетъ въ решеніи вопроса о національности скіоовъ въ смыслѣ иранства ихъ, не подвергаетъ критической оценкѣ этимологіи тѣхъ-же самыхъ имѣнь, приводящихъ другихъ исследователей къ заключенію о монгольствѣ или вообще о туранствѣ скіоовъ. Г. Киперть, одинъ изъ авторитетѣйшихъ современныхъ учныхъ въ области исторической географіи, не придаетъ выводамъ Мюлленгофа решающаго значенія. Признавая вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ за некоторые скіоскими именами безспорно арійскій характеръ, онъ находить возможнымъ заимствованіе этихъ имѣнь скіоскими племенами отъ арійскихъ, именно иранскихъ народовъ, съ которыми онъ долгое время жили на иранскомъ плоскогорье²⁾. «Что скіоскія имена», замѣчаетъ онъ, «тождественныя съ еракійскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скіоовъ, это доказывается вполнѣ совершеннымъ

¹⁾) *Ueber Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsber. der Berl. Akad.* 1866.

²⁾) *Lehrbuch der alten Geographie*. Leipz. 1878 г., стр. 344 сл.

отсутствиемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ самымъ правомъ можно было бы приписывать семитическое происхождение именъ османамъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительного употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ¹⁾). Гораздо большее значение въ решеніи подобнаго вопроса имѣютъ свидѣтельства древнихъ писателей о бытѣ народа и особенно о его физическомъ строеніи. Но и эти данные толкуются и въ значительной степени не могутъ не толковаться различно. Рѣшающую силу данныхъ такого рода получаютъ лишь тогда, когда они имѣются въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и касаются различныхъ сторонъ быта. Преимущество ихъ передъ данными лингвистическими обусловливается болѣе всего темъ, что здѣсь невозможно такое искаженіе и такая неточность въ описаніи, какая отличаютъ передачу варварскихъ именъ древними писателями. Возможность заимствованій впрочемъ слѣдуетъ допускать и здѣсь: вспомнимъ только о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли семитические культуры на древне-греческие.

Вообще по вопросу о расѣ геродотовыхъ скіеонъ ученые раздѣляются на двѣ главныя категории; одни считаютъ ихъ арійцами, другіе ураль-алтайцами, или турацами. Первые въ свою очередь раздѣляются на славянистовъ и германистовъ; въ рядахъ послѣднихъ одни считаютъ ихъ монголами, другіе турками, третыи финно-венграми. Арійское происхожденіе скіеовъ защищаютъ или принимаютъ Гrimmъ, Кlaprothъ, Цейссъ, Раулинсонъ, Мюлленгофъ, Бергманъ, Линднеръ, изъ русскихъ ученыхъ: Брунъ, Иловайский, Забѣличъ, Вс. Миллеръ, Боннель; въ числѣ представителей урало-алтайства скіеовъ находятся имена Нибура, Гаммеръ-Цургштадя, Ганзена, Карла Неймана, Кинерта, отчасти Васильевскаго и другихъ. Отъ времени до времени появляется въ литературѣ мнѣніе, что и у Геродота терминъ »скіеы« имѣть не столько этнографическое, сколько географическое значеніе, что понятіе геродотовыхъ скіеовъ— коллективное, и что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей, различныхъ по происхождению и по степени культуры. Наиболѣе рѣшительно мнѣніе это высказывается Фридр.

¹⁾ *Ibid.*, стр. 315.

Мюллеромъ¹⁾, Овелакомъ (Hovelaque)²⁾ и въ послѣднее время г. Вамбери³⁾). Рѣшительнымъ противникомъ его является К. Нейманъ въ своемъ капитальномъ труда: «Еслины въ странѣ скіоовъ» (1855. Стр. 101). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что греческій историкъ ясно и категорически отличаетъ скіоовъ, какъ особый пародъ, отъ сосѣднихъ не-скіоскихъ народовъ, указывая при этомъ и на иѣко-торыя точки соприкосновенія между ними. Но, кажется, главнымъ мотивомъ у иѣмѣцкаго ученаго для отрицательнаго отношенія къ этому мнѣнію служитъ то обстоятельство, что, принимая такое мнѣніе, слѣдовало бы считать вопросъ о національности геродотовыхъ скіоовъ пераарѣщимой загадкой⁴⁾). Съ своей стороны мы, говоря вообще, раздѣляемъ основное воззрѣніе Фр. Мюллера и Вамбери на смѣшанный составъ скіоскаго населенія южной Россіи и убѣждены, что только этимъ путемъ можно согласить разнорѣчивыя по-казанія древнихъ писателей о скіоахъ и примирить между собою два лагеря новѣйшихъ изслѣдователей геродотовскихъ скіоовъ. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ Вамбери въ томъ, что онъ изъ числа скіоовъ—не аріевъ—исключаетъ прежде всего царскихъ скіоовъ наравнѣ съ скіоами—земледѣльцами. Царскіе скіоны, какъ мы увидимъ ниже, кочевники по преимуществу; отъ остальныхъ скіоскихъ племенъ они отличаются большою грубостью нравовъ, болѣе первобытнымъ бытомъ⁵⁾). Авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ,

¹⁾ *Allgemeine Ethnographic*. Wien. 1873 г., стр. 35 сл.

²⁾ *Лингвистика*. Переводъ со втор. изд. Сиб. 1881 г., стр. 142.

³⁾ *Der Ursprung der Magyaren*. Leipzig. 1882 г., I.

⁴⁾ »Wenn diese Behauptung richtig wÄre, so wÄrden die ernsten Forschungen bedeutender Historiker ein so trauriges Bild fruchtlosen Be- mühens darstellen, dass ein zweiter Polygnot auf einem neuen Gemälde der Unterwelt für ein thörichtes, unerspriessliches Unterfangen kein be- zeichnenderes Symbol finden könnte als einen Gelehrten, den über die Ab- stammung der Skythen schreibt.« Opus. cit., стр. 101.

⁵⁾ О. с., стр. 11. Положение свое авторъ формулируетъ слѣдующимъ обра- зомъ: »jener Theil des herodotschen Skythien, der sich vom Mäeotischen See in nordöstlicher Richtung gegen die Wolga erstreckte, von Völkern Ural—altaischer Rasse, sehr wahrscheinlich von Türken bewohnt war, wo- bei jedoch die Möglichkeit nicht ausgeschlossen ist, dass sich einzelne Fractionen dieser Rasse oder des letzterwähnten Volks schon inmitten der sogenannten pontischen Skythen befunden haben.« Стр. 12. Въ иѣ- сколько иначе видѣ та же мысль высказана немного дальше. Стр. 19 сл.

что къ съверо-востоку отъ Меотиды, приблизительно въ нынѣшней оренбургской губерніи, обитала часть царскихъ скіоовъ, по Геродоту будто бы отдѣлившаяся отъ своихъ соціеменниковъ въ причерноморскихъ земляхъ. По остроумному замѣчанію К. Неймана¹), въ восточныхъ царскихъ скіоахъ слѣдуетъ видѣть остатокъ скіо-скаго приволжскаго населенія, занимавшаго этотъ край вмѣстѣ съ исседонами, до занятія понтическаго побережья. Наконецъ Вамбери на непонятномъ для насъ основаніи помѣщаетъ царскихъ скіоовъ, не-согласно съ Геродотомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, на Герросѣ и Меотидѣ, тогда какъ по ясному смыслу греческаго текста цар-скіе скіоы жили по ту сторону Герроса, т. е. къ востоку отъ днѣпровскихъ пороговъ до р. Дона и Азовскаго моря; на югъ жи-лица ихъ простирались до Таврики, до того рва, который отдѣ-ляетъ восточную оконечность крымскаго полуострова къ керчен-скому проливу. Нельзя также безусловно принять мнѣніе венгер-скаго ученаго, будто исторія не знаетъ никакого иралскаго народа въ кочевомъ состояніи.

Самъ Геродотъ раздѣляетъ скіоовъ на пѣсколько племенъ, причемъ первое мѣсто по многочисленности и могуществу отводить царскимъ или царственнымъ скіоамъ. Имъ подвластны скіоы-земледѣльцы и скіоы-пахари, а также »помады«. Занимающіяся земледѣліемъ скіоескія племена обитаютъ по Гипаниссу и Гипаки-рису, а »кочевники« къ съверо-западу отъ Азовскаго моря. Сами себя скіоы называли скіолотами, по имени царя, замѣчаетъ Геро-дотъ; у персовъ они назывались саками.

Что Геродотъ зналъ »царскихъ« скіоовъ, раздѣлъ, а не бар-сыасъ, какъ-то кажется Вивьелу Сен-Мартелу, Хвольсону и Н. Веселовскому, не подлежитъ сомнѣнію²); что не онъ далъ одному изъ скіоескихъ племенъ такое наименованіе, но что онъ принялъ его готовымъ отъ своихъ свидѣтелей, прежде всего конечно отъ черноморскихъ грековъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться. Подтвер-жденіе тому и другому содержится въ самомъ трудѣ греческаго

¹) О. с. стр. 128.

²) Срв. нашу статью въ »Университетскіхъ Извѣстіяхъ«, 1883 г. май: »Опыты этнографіи съ помощью этимологіи«.

историка. Такъ, въ одномъ мѣстѣ царскихъ скиоовъ онъ называетъ «храбрѣшими, многочисленнѣйшими и почитающими остальныхъ скиоовъ своими рабами»¹). Ихъ однихъ опѣ называетъ свободными (IV, 110). Въ другой главѣ (59) той-же книги Геродотъ обѣ этихъ самыхъ скиоахъ замѣчаетъ: «такѣ называемыс царскіе скиоем»²); слѣдовательно название это было употребительно и до Геродота. Страбонъ, относящейся, какъ известно, весьма скептически къ Геродоту, считающей показанія его менѣе достовѣрными, нежели гомеровскія, упоминаетъ однако о тѣхъ-же самыхъ скиоахъ съ прибавленіемъ «такѣ называемые»³). Съ полной увѣренностью можно отнести къ геродотовымъ царскимъ скиоамъ слѣдующее замѣчаніе позднѣйшаго географа, только распространяющаго характеристику ихъ у Геродота: «кочевники скорѣе воины, нежели разбойники, и воюютъ они изъ-за податей; ибо, предоставивши владѣніе землею тѣмъ, которые желаютъ обрабатывать ее, они довольствуются взиманіемъ за нее установленной подати, умѣренной, идущей не на роскошь, но на удовлетвореніе повседневныхъ насущныхъ потребностей; если тѣ податей не уплачиваются, кочевники идутъ на нихъ войною».

Ноелѣ сказаннаго сдавали можетъ быть рѣчь о томъ, будто Геродотъ въ начертаніи имени царскихъ скиоовъ (*Σ. βασιλέωις*) допустилъ описку, которая впослѣдствіи и получила право гражданства въ древней литературѣ; описка состояла будто-бы въ томъ, что вместо «барзилеи» историкъ написалъ «басилеи», «опустивши букву *ρ*. «Замѣтимъ по адресу не одного только Иловайскаго», говоритъ Н. Веселовскій, «а и многихъ другихъ, что никакихъ царскихъ скиоовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики, или издателя—что все равно) выпустилъ одну букву *ρ* послѣ *α* (*Βασιλέωις* вм. *Βαρζιλέωις*), т. е. скиоы барзилайцы. А пародъ барзилайцы извѣстенъ намъ и

¹) Σκύθαι οἱ ἥριστοι τε καὶ πλεῖστοι καὶ τοὺς ἄλλους νομίζοντες; Σκύθας δεύλους σφετέρους; εἶναι. IV, 20.

²) οἱ δὲ καλόερενοι βασιλέωις Σκύθαι.

³) οἱ δὲ καλεομένοι Βασιλεῖοι. VII, 4. 7. р. 312.

⁴) VII, 4, 6. р. 311.

по другимъ источникамъ, какъ известно и название страны Барзиліи, или Берзиліи¹⁾.

Правда, нѣкоторое основаніе для такой поправки геродотова текста содержится въ извѣстіи историка, что отъ общей массы царскихъ скиевъ отдѣлился отрядъ, занявши мѣстности приблизительно въ западной части оренбургской губерніи, на нынѣшнихъ земляхъ башкировъ и киргизовъ. По замѣчанію Хвольсона, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ жили барзулы Ибнъ-Даста, или барзилеи Моисея Хоренскаго²⁾). Но основаніе это кажется намъ слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы отвергнуть единогласную традицію древнихъ текстовъ, оправдываемую кромѣ того самимъ положеніемъ одного изъ скиескихъ народцевъ относительно остальныхъ. Нѣкоторость этого основанія слѣдуетъ особенно изъ того, что географическія свѣдѣнія Геродота объ этой части Сарматіи были весьма скучны и сбивчивы.

Какъ назывался этотъ скиескій народецъ самими скиоами, мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, это и было то сильнейшее скиеское племя, по имени которого названы были остальные скиевъ, т. е. цародцы, подчиненные царскимъ скиевамъ. Въ названіи «царскіе», *βασιλίον*, К. Нейманъ усматриваетъ искаженное варварское имя собственное, въ чемъ убѣждаетъ его колебаніе рукописей въ начертаніи этого имени и употребленіе его у Страбона въ качествѣ собственного имени³⁾). Но незначительное разночтеніе рукописей наблюдается нами въ сущности лишь въ одномъ мѣстѣ текста, а эпитетъ «базилеи» встрѣчается у Геродота нѣсколько разъ.

Если въ повѣствованіи о скиевахъ Геродотъ оставляетъ далеко за собою не только предшественниковъ, но и послѣдующихъ историковъ и географовъ, то въ его разсказахъ объ отдѣльныхъ племенахъ скиескихъ все-же остается не мало пробѣловъ, много неясного и спутанного. Название скиевъ встрѣчается впервые у Гезіода, имѣвшаго разумѣться лишь самая смутная представлениѳ о нашемъ югѣ и его обитателяхъ. Ближайшіе предшественники отца исторіи, Гекатей изъ Милета и Гелланикъ изъ Митилены,

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1882 г., сент.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. 1868 г., 12, стр. 702—703.

³⁾ О. с., стр. 179.

употребляютъ название скиоовъ въ слишкомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря: меланхлени, исседоны, меоты относились ими къ скиоамъ. У Страбона терминъ этотъ также имѣеть болѣе широкое значеніе, нежели у галикарнасскаго историка V вѣка до Р. Х. Сравнительно со всѣми этими писателями Геродотъ сдѣлать значительный шагъ впередъ въ различеніи народностей нашего юга задолго до начала нашей эры.

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи взаимныхъ этническихъ отношений между скиоскими племенами, которыхъ неясно различаются у Геродота, должно служить то положеніе, что въ описаніи скиоскихъ правовъ, образа жизни, религіозныхъ представлений греческій историкъ имѣеть въ виду прежде всего царскихъ скиоовъ. Обусловлено это тѣмъ, что царскіе скиоы были настоящими господами остальныхъ, и что весь бытъ ихъ представлялъ наиболѣе рѣзкія и любопытныя особенности сравнительно съ соотечественниками греческаго историка.

Войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиоы, раздѣленные ради военныхъ цѣлей на три отряда. «Это была одна часть царскихъ скиоовъ», замѣчаетъ историкъ, «наиравнившаяся тою дорогой, о которой я сказалъ; двѣ другія части царскихъ, большая подъ предводительствомъ Иданоирса, (меньшая) третья подъ предводительствомъ Таксакиса» и проч.¹⁾). Тѣ-же царскіе скиоы называются (VI, 84) общимъ именемъnomадовъ: «скиоы nomады послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, рѣшились ему отмстить». О лихъ-жс, какъ о nomадахъ, говоритъ Артабанъ Ксерксу передъ походомъ царя въ Елладу²⁾). Иданоирсъ, одинъ изъ вождей царскихъ скиоовъ, называетъ свой народъ не имѣющимъ ни городовъ, ни обработанной земли³⁾).

Очевидно къ господствующимъ скиоамъ относится замѣчаніе историка, что они «не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣплений, что дома свои посыпъ съ собою, сражаются на лошадяхъ, живутъ не хлѣбопашествомъ, но скотоводствомъ, жилица свои перевозятъ на

¹⁾ IV, 120.

²⁾ VII, 10 (1).

³⁾ IV, 127.

новозахъ и потому несбѣдимы и недоступны¹⁾). Въ самомъ началь IV книги историкъ говоритъ, что скиоы не пахари, но кочевники. Страбонъ въ приведенномъ выше мѣстѣ приписываетъ черты кочевой жизни именно царскимъ скиоамъ; у географа они изображаются народомъ бѣднымъ, нуждающимся въ дани на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей и потому отдающими свои земли какъ-бы въ аренду сосѣднимъ племенамъ, занимающимся земледѣльствомъ. На крайнюю бѣдность указываетъ и Геродотъ²⁾. Скиоопъ-кочевниковъ Геродотъ ясно отличаетъ отъ скиоовъ земледѣльцевъ. Упомянувши объ этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ, что скиоы-кочевники «ничего не сѣютъ и не пашутъ»³⁾.

Едва-ли позволительно сомнѣваться, что всѣ эти черты не могутъ быть распространены на скиоовъ-земледѣльцевъ и пахарей. Откуда-бы ни происходило название этихъ скиоскихъ народцевъ, было-ли оно искаженіемъ туземныхъ скиоскихъ именъ, или нарицательнымъ греческимъ именемъ по роду занятій ихъ, во всякомъ случаѣ ему не могъ не соответствовать земледѣльческий образъ жизни, следовательно по крайней мѣрѣ полукочевой, если не вполнѣ осѣдлый. Да и самъ историкъ замѣчаетъ объ одномъ изъ этихъ племенъ, что оно сѣть хлѣбъ не только для собственнаго употребленія, но и на продажу⁴⁾). Въ этомъ отношеніи онъ сближаетъ ихъ съ каллиидами, называющими у него еллинами-скиоами, и съ алазопами; первые представляли смѣшанное греко-скиоское населеніе. Историкъ категорически отличаетъ царскихъ скиоовъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству, названному Геродотомъ Посейдономъ, и почитавшемуся у царскихъ вмѣстѣ съ прочими божествами другихъ скиоовъ⁵⁾.

Прежде всего царскимъ скиоамъ приписываетъ отецъ исторіи чувство національной исключительности. Дѣйствительно, жертвами этой исключительности являются Анахарсисъ и Скилесъ, оба изъ среды царскихъ скиоовъ. Анахарсисъ былъ дядя Иданеира со

¹⁾ IV, 46. Сравни П, 167. IV, 97. 121. 123.

²⁾ IV, 83.

³⁾ IV, 19.

⁴⁾ IV, 17: Σ. ἀρστῆρες, οἵσι εἴπι σιτήσι επείρουσι, ἄλλοι εἴπι πρύται.

⁵⁾ IV, 59.

стороны отца (πάτρος), того самого Иданеираса, который командовалъ однимъ изъ отрядовъ въ войнѣ съ даріевыми полчищами: «Иданеиръ бытъ сынъ Савлія, а Савлій бытъ убійцею Анахарсиса». Ариадейъ, отецъ Скилеса, бытъ также царемъ скіоовъ¹). Что скіоскіе народы не всѣ относились съ такою нетерпимостью къ чужеземцамъ, особенно къ грекамъ, что иѣкоторые изъ нихъ легко сближались съ соседними греками, не возбуждая тѣмъ преслѣдованія противъ себя со стороны скіоскихъ царей, свидѣтельствуетъ самий фактъ существованія греко-скіоовъ, или калтипидовъ.

Мы полагаемъ, что почитаніе Арея, сверхъ животныхъ, человѣческими жертвами и выдѣленіе его такимъ образомъ изъ пантеона скіоскихъ божествъ болѣе всего приличествовало народу военному съ наиболѣе грубыми нравами. Въ честь Арея закалались пѣнищи, одинъ отъ каждой сотни. »Людей рѣжутъ надъ сосудомъ«, разсказываетъ Геродотъ, »совершивши предварительно возліяніе виномъ на головы жертвъ; потомъ, отесши кровь убитыхъ на кучу хвосту, выливаютъ ее на мечъ. Это относятъ они на верхъ, а внизу у сидѣлища совершаютъ стѣдующее: всѣмъ умерщвленнымъ людямъ отрѣзываютъ правый плечи и бросаютъ ихъ въ воздухъ; покончивъ съ приложеніемъ остальныхъ животныхъ, удаляются«²). Такой кульпъ Арею вполнѣ согласовался съ обычаемъ скіоскихъ воиновъ выливать кровь первого убитаго врага; божество получало въ жертву ту самую пищу, которая высоко цѣнилась самими почитателями³). Алогичное чествованіе бога войны тѣломъ военнопленныхъ Палладіасъ находить у монгольскихъ народовъ, при чемъ мѣстомъ жертво-приношенія служитъ вершина холма, а копье, на которое патыкается трупъ убитаго врага, представляетъ собою, подобно мечу скіоовъ, божество войны⁴). Кочевой образъ жизни царскихъ скіоовъ, положеніе ихъ, какъ господствующей части населенія, поддерживаемое войною и набѣгами, отвѣчаѣтъ варварскому почитанію меча съ человѣческими жертвами. Мы видѣли, что Страбонъ, предположительно называвшіе царскихъ скіоовъ воинами, полемизируетъ съ тѣми

¹) IV, 78.

²) IV, 62.

³) IV, 64.

⁴) Sammlung histor. Nachrichten über die mongol. Völkerschaften. II, 326 сл.

свидѣтелями, которые считали ихъ просто разбойниками. Сомнительно, чтобы подобный культъ согласовался съ земледѣльческимъ бытомъ остальныхъ скиевъ, подвластныхъ войнолюбивымъ хищнымъ »царямъ«.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что строгое различіе въ культахъ между разными скиескими народцами не имѣло мѣста во время Геродота. Но всей вѣроятности, долговременное господство царскихъ скиевъ въ причерноморскихъ земляхъ наложило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ печать единства на тамошнее скиеское населеніе вообще; при этомъ нѣкоторые нравы и обычай господъ могли перейти и къ ихъ подчиненнымъ, нѣкоторыя черты грубости менѣе культурной, но сильнейшей части населенія могли распространиться на болѣе культурную, но слабѣйшую часть жителей. Совершенныемъ безлѣсѣемъ Скиѳіи греческій историкъ объясняетъ одну изъ подробностей скиескаго жертвоприношеній, состоявшую въ томъ, что жертвенное животное варилось на горячихъ костяхъ, а не на древесныхъ прутьяхъ; подробность, не согласовавшаяся съ свойствами лѣсныхъ частей Скиѳіи, запятыхъ скиесами не царскими. Даѣже, предпочтительнымъ жертвеннымъ животнымъ у скиевъ была, по словамъ того-же историка, лошадь. Годъ спустя посты смерти скиесы чествовали умершаго царя закланіемъ въ память его пятидесяти пригоднѣйшихъ слугъ и такого-же числа лошадей. Удавленныхъ юношей они усаживали особеннымъ способомъ на убитыхъ лошадей, устраивая такимъ образомъ почившему жертвоприношеніе всадниками¹⁾), т. е. такое, которое могло быть особенно желательно и пріятно скиесу-помаду. Нейманъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи »Целины въ землѣ скиевъ«²⁾ упоминаетъ объ аналогичномъ обычай у монголовъ, а Бастіапъ въ своемъ труде »Человѣкъ въ истории«³⁾). Почти тождественный обычай сообщается Леббокомъ относительно патагонцевъ, на что обращаетъ вниманіе г. Воеводскій въ изслѣдованії: »Чаша изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизациіи трупа«⁴⁾.

¹⁾ IV, 72.

²⁾ Стр. 232 сл.

³⁾ Der Mensch in d. Geschichte. 1860. II., стр. 335.

⁴⁾ Одесса 1877 г., стр. 35 сл.

Съ давняго времени и по настоящее геродотовы скионы отождествляются съ тѣмъ дикимъ кочевымъ народомъ, который въ пророчествѣ Иезекиля и Иеремія носитъ название Гогъ (Gôg), и опустошительные набѣги котораго представлялись израильскимъ пророкамъ величайшимъ бѣдствіемъ. Объ этомъ-же вторженіи скиоовъ въ переднюю Азію разсказываетъ Геродотъ¹⁾), причемъ описанное имъ событие и со стороны хронологіи, и со стороны направленія скиоскаго похода совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображено у израильскихъ пророковъ и относится приблизительно къ половинѣ VII вѣка до Р. Х. Операдіоннымъ базисомъ скиоовъ въ этомъ походѣ служила Арменія, та именно часть ея, которая отъ нихъ получила название Сакасены. Объ этомъ-же говорить и Страбонъ въ слѣдующихъ словахъ: »саки совершили набѣги, подобные вторженію киммерійцевъ и треровъ, одни болѣе отдаленные, другіе менѣе далекіе. Они заняли Бактріапу, а другой разъ завоевали лучшую часть Арменіи, которой и оставили имя Сакасены. Оттуда они проникли въ Кашадокію, главнымъ образомъ въ ту часть, которая касается Евксинскаго Понта и называется теперь Чоптикой«²⁾). Въ 38 и 39 главахъ Иезекиля читатель находитъ мрачную картину опустошеній въ Палестинѣ, предвѣщаемыхъ своему народу пророкомъ и причиняемыхъ ордами Гогъ. Варвары спускаются съ сѣвера и изъ сосѣднихъ странъ, увлекая за собою всѣ пароды, живущіе между Кавказомъ и Месопотаміей. Варварскія полчища состоятъ главнымъ образомъ изъ всадниковъ, искусно владѣющіхъ лукомъ. На появленіи варваровъ съ сѣвера неоднократно настаетъ и Иеремія. »Вотъ съ сѣвера наступасть народъ«, восклицаетъ пророкъ, »движется великий народъ съ окраинъ земли. Они несутъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ напоминаетъ ревъ моря; они їдуть па лопадяхъ, вооруженныхъ также, какъ и волны. Противъ тебя, дочь Сиона! При вѣсти о наступлениі ихъ руки наши слабѣютъ, требога овладѣваетъ нами, какъ женщиною, которая рождаетъ. Не выходите въ поля, не показывайтесь на дорогахъ, вездѣ мечъ непріятеля, всюду царить ужасъ. Дочь моего народа! Накроися крестицемъ и повергнись въ прахъ, облекись въ трауръ,

¹⁾ I, 103—106.

²⁾ XI, 8, 4. p. 551.

какъ по единственному сынѣ, изливай горькія жалобы! Ибо разоритель наступитъ на насть внезапно»¹).

«Когда Геродотъ», замѣчаетъ Фр. Ленорманъ, »и другие древние писатели рассказываютъ о жестокости скиеовъ, ихъ алчности и грабительствѣ, то они употребляютъ почти тѣ-же самыя выраженія, въ какихъ Іезекійль описываетъ воинство Гога»²). Подобно этому послѣднему пароду скиеы сражались только на лошадяхъ, вовсе не имѣли въ своихъ рядахъ пѣхоты, были на столько совершенными стрѣлками изъ лука, что ихъ называли изобрѣтателями этого вооруженія и конными лучниками (πτκοτοβότα).

Едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что подобныя черты варварства и дикости не могутъ быть безъ крайней патажки пріурочены къ скиеамъ-землемѣльцамъ,—онѣ впослѣдствіи согласуются лишь съ правами и образомъ жизни царскихъ скиеовъ-воиновъ, которые и въ геродотовой Скиїи жили войною и грабежемъ. Геродотомъ записаны такія проявленія власти скиескихъ царей, которая по грубости не имѣютъ ничего общаго съ известными памятью чертами владыкъ арійскихъ народовъ. Священныя клятвы у скиеовъ совершаются во имя ценатовъ дара ихъ. »Когда царь заболеваетъ«, разсказываетъ Геродотъ³), »онъ призываетъ къ себѣ трехъ славѣйшихъ гадателей; они обязаны позвать лицо, должно поклонившееся ценатами (*Tabitî*) царя и тѣмъ причинившее ему болѣзнь; обвиняемаго тотчасъ схватываютъ, приводятъ къ царю и допрашиваютъ. Если обвиняемый упорно зацикается, то царь призываетъ шесть другихъ гадателей, и если эти послѣдніе показываютъ одинаково съ прежними, то виновнаго обезглавливаютъ на мѣстѣ, а состояніе его раздѣляютъ между тремя первыми гадателями. Если-же шесть призванныхъ гадателей оправдываютъ подсудимаго, то вызываютъ все новыя и новыя гадателей. Если большинство гадателей высказывается за оправданіе, три первые

¹) Переводъ Ленормана: *Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris. 1882.* II, стр. 440 и слѣд. Здѣсь-же читатель найдетъ подробный разборъ извѣстій о разорительномъ вторженіи скиеовъ въ Палестину.

²) *Ibid.*, стр. 439.

³), *Ibid.* IV, 68. 69.

гадателя должны поплатиться смертью. Ихъ привязываютъ къ по-
возкамъ, запряженнымъ быками и наполненнымъ хворостомъ, и
зажегши хворостъ, отдаютъ гадателей на жертву пламени и изсту-
плюю быковъ». Многіе быки сгораютъ вмѣстѣ съ гадателями;
другіе убѣгаютъ съ обжогами, когда сгоритъ дышло. Такимъ-же
образомъ цари сожигаютъ гадателей и за другія вины, уличая ихъ
въ ложномъ гадаліи. Царь казнить не только виновныхъ, онъ
умериваляетъ и дѣтей ихъ, истребляя все мужское поколѣніе». Та-
кою-же грубостью, которой не находимъ у арійскихъ народовъ,
хотя известія о пѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ за нѣсколько вѣ-
ковъ до Геродота, отличались похороны скіоскихъ царей, сопровож-
давшіеся между прочимъ избиеніемъ слугъ. Если къ этому прибавить
пѣкоторыя другія черты быта скіоевъ, прежде всего, разумѣется, цар-
скихъ, общія имъ съ нынѣшними монголами, напр. употребленіе въ пи-
щу конскаго мяса, сыру и кумысу (бѣзъяла), окураніе въ шаровыхъ ба-
пахъ копопльнымъ сѣменемъ и т. д., то мы получимъ такую совокуп-
ность бытовыхъ особенностей пѣкоторыхъ частей скіоскихъ оби-
тателей южной Россіи, что сравнительно съ иными данными языка,
объясняемыми въ смыслѣ Мюллера, получаютъ лишь весьма
относительное значеніе. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ Фр.
Лепормана, страна Mâgôg, откуда вышли орды Gôg, оставалась
свободною отъ влиянія арійства не только въ то время, о которомъ
идеть рѣчь, но и гораздо позже. Онъ категорически отвергаетъ
всякія попытки объяснить имена Gôg и Mâgôg изъ арійскихъ изы-
ковъ и этимологію этихъ имёнъ, предлагаемую Тухомъ и Кнобе-
лемъ и принимаемую Боннелемъ, по которой послѣднее изъ этихъ
словъ складывается изъ двухъ разнозычныхъ элементовъ, пазы-
ваетъ просто чудовищною.

Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ нашихъ соображеній,
основанныхъ главнымъ образомъ на чертахъ быта скіоевъ царскихъ
и вообще кочевыхъ, служатъ категорическая известія добросовѣст-
нѣйшаго греческаго изслѣдователя, почти современника галикарнас-
ского историка. Мы говоримъ о Гиппократѣ (460—377 до Р. Х.).
Знаменитый греческій врачъ пораженъ былъ необыкновеннымъ
внѣшнимъ видомъ скіоевъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ другихъ извест-
ныхъ ему народовъ и скрывавшимъ для него индивидуальные черты
различныхъ представителей этого народа: «они похожи только на

самихъ себя», замѣчаетъ онъ, «и нисколько на другихъ». Цвѣтъ кожи скиѳовъ, по словамъ того-же ученаго, желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ женщинамъ¹⁾.

Въ виду всего сказаннаго выше мы считаемъ невозможнымъ не признать въ средѣ геродотовыхъ скиѳовъ туранскихъ²⁾ или точнѣе урало-алтайскихъ племенъ. То обстоятельство, что Геродотъ ничего не говоритъ о физическомъ строеніи скиѳовъ, паходить себѣ объясненіе въ томъ, что онъ или не наблюдалъ лично собственныхъ скиѳовъ, или не обратилъ вниманія на такія черты, которыя не могли укрыться отъ болѣе испытанныго въ этомъ отношеніи глаза Гиннократа.

Что населеніе геродотовой Скиѳіи не было однородно, видно уже изъ раздѣленія его на скиѳовъ-землевладѣльцевъ и кочевниковъ. Оно становится еще яснѣе въ виду такихъ отзывовъ о скиѳахъ у древнихъ писателей, которыхъ менѣе всего соответствуютъ восенному хищническому строю и образу жизни скиѳовъ царскихъ. Гомеръ называетъ »домтелей кобылицъ« (*πτομόλυς*) справедливѣйшими людьми³⁾). Въ отрывкѣ, сохранившемъ намъ Страбономъ⁴⁾, Эсхилъ называетъ скиѳовъ народомъ благонравнымъ. Тотъ-же трагикъ въ своемъ »Промеоѣ« изображаетъ скиѳовъ мирнымъ наступлескимъ народомъ⁵⁾). Страбонъ сохранилъ изъ »Исторіи Ефора« пѣкоторые отрывки, относящицся къ скиѳамъ и сарматамъ. »Са-вроматы и скиѳы«, замѣчаетъ историкъ, »далеко не одинаковы по образу жизни; иные до такой степени свирѣпы, что ёдятъ человѣческое мясо, напротивъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ. Многіе писатели рассказываютъ объ ихъ дикости, писатели, которымъ лично приходилось наблюдать страшное, удивительное и поразительное; но, прибавляется онъ, слѣ-

¹⁾ *De aeri, aquis et locis.* 91. 94. τὰ εἶδες δριῶσα αὐτὰ ἐφιτέοισι εἰσ. 97. 98—10 2.

²⁾ Терминъ »туранство« вслѣдствіе своей неопредѣленности долженъ наконецъ уступить мѣсто другимъ болѣе точнымъ.

³⁾ *Ibid.*, XIII, 5.

⁴⁾ VII, 3 6.

⁵⁾ Стр. 709 сл.

дуетъ показать и примѣры противнаго. Между кочевниками скиѳами есть народы, которые считаются только кумысомъ и отличаются при этомъ замѣчательною честностью и справедливостью¹⁾). Впрочемъ у самого Геродота имѣются свидѣтельства подобнаго рода. Такъ, онъ отличаетъ скиѳовъ отъ первѣстvennѣйшихъ народовъ Понта и говоритъ о мудрости ихъ²⁾). Въ разсказѣ о даріевомъ походѣ онъ называетъ скиѳовъ народомъ мирнымъ.

Всѣ подобныя черты, несогласия съ общимъ характеромъ царскихъ скиѳовъ, попытки, если мы перенесемъ ихъ на земледѣльческіе скиѳскіе народы, слившіеся съ первыми въ одно политическое цѣлое. Скиѳы-земледѣльцы отличались отъ царскихъ не только по степени культуры и образу жизни, но и по національности. Въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы одинъ только Гильпократъ сохранилъ намъ извѣстія о физическомъ строеніи скиѳовъ—разумѣются царскіе,—о строенії, выдѣлявшемъ ихъ, по словамъ греческаго врача, въ народѣ совершенно особый.

Мы не знаемъ ни одного серьезнаго аргумента противъ принимаемаго нами раздѣленія скиѳскихъ обитателей южной Россіи въ V в. до Р. Х. Напротивъ, наше мнѣніе согласуется съ общимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу и съ топографіей скиѳскихъ народовъ, извѣстной намъ по Геродоту. Скиѳы царскіе, какъ пришедшіе сюда послѣ земледѣльческихъ, заняли земли къ востоку и съверу лежащія отъ ихъ предшественниковъ на скиѳской территоріи. Урало-алтайскія орды покорили древнее арійское населеніе, понизили его культуру, утвердили деспотический политический строй, стараясь къ тому-же оградить себя отъ всякихъ иноzemныхъ вліяній. Эти послѣднія усиія не увѣличились полнымъ успѣхомъ: арійская часть Скиѳіи уступала вліянію греческой культуры, она выдѣлила изъ себя каллипидовъ, смѣшившихся съ греческими колонистами и образовавшихъ сплошно-скиѳовъ.

Неразрѣшимымъ остается вопросъ о томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ соединены были въ геродотовой Скиѳіи племена арійскія и не-арійскія. Правда, у Геродота есть одно замѣчаніе, изъ котораго позволительно заключить, что господствующіе

¹⁾ VII, 3, 9. р.

²⁾ IV, 4 6.

скием не составляли по крайней мѣрѣ значительного большинства въ общемъ скиоскомъ населеніи. «Численности скиоовъ», замѣчаетъ историкъ, «я не могъ узнать; но слышалъ объ этомъ различныя мнѣния, потому что ихъ и очень много, и мало, какъ скиоовъ¹⁾). Само собою разумѣется, название скиоовъ употреблено здѣсь въ смыслѣ геродотовыхъ скиоовъ, а не въ общемъ смыслѣ всѣхъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Чернаго моря. Слѣдовательно самъ историкъ готовъ понимать подъ своими скиоами то одну часть ихъ, конечно, скорѣе всего царскихъ скиоовъ, то всѣ народы, пазванные имъ общимъ именемъ. Производствомъ провѣрки населенія, сдѣланной Аріантою, царь имѣлъ въ виду привести въ извѣстность всѣхъ плательщиковъ податей въ его владѣніяхъ; таковыми были прежде всего подчиненные царскимъ скиоскія племена; они-то и увеличивали до значительной цифры количество скиоовъ. Самый памятникъ общеноародной переписи Геродотъ видѣлъ не въ странѣ царскихъ скиоовъ, что по ту сторону Герроса, но въ Ексампай, въ землѣ скиоовъ-нахарей, по сю сторону Гишаниса (Буга). Весьма вѣроятно впрочемъ, что ближайшими по расѣ къ царскимъ были такъ пазванные у Геродота скиоы-номады, пазваніе, несомнѣнно представляющее передѣлку на греческий ладъ какого-либо туземнаго народнаго имени. Во всякомъ случаѣ пазванію этому долженъ быть отвѣтчать вполнѣ кочевой образъ жизни этого народца, являющагося у греческаго историка какъ-бы номадами по преимуществу.

Слѣдовательно, если Геродотъ превосходилъ своихъ предшественниковъ и пѣкоторыхъ изъ преемниковъ въ географической и этнографической точности описанія Скиїи, то все-таки свѣдѣнія его объ этой странѣ и ея населеніи были не на столько достаточны, чтобы дать намъ вѣрное представление о составѣ того населенія, которое по имени господствующей расы получило общее наименование скиоовъ.

Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть доводы почтеннаго московскаго профессора, Всев. Фед. Миллера въ пользу иранства скиоовъ²⁾). «Изъ всѣхъ догадокъ», говорить онъ, «предложенныхъ о

¹⁾ IV, 60.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1882 г., авг. Стр. 191—207.

національности сарматовъ и скіоовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основанії данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ) видѣть въ этихъ народахъ иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не индо-европейскими народами, постоянно падавшими съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скиевъ* и *иранецъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скіоовъ скрывались племена индо-европейской, и въ числѣ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиои, по єверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы».

Вс. Ф. Миллеръ, извѣстный между прочимъ изслѣдованіями объ осетинахъ, подкрѣпляетъ предположеніе свое ссылкою на нѣкоторые обычай осетинского народа, принадлежащаго къ иранцамъ, сходные съ обычаями геродотовскихъ скіеовъ. Такъ, въ народахъ осетинскихъ сказаніяхъ сохранились слѣды скальпированія, напоминающіе тотъ же обычай у скіеовъ. Но между двумя народами замѣчаются въ этомъ отношеніи и не маловажная разница, опускаемая почтеннымъ ученымъ: въ сказаніи объ осетинскомъ героѣ Созыко шубы спиваются изъ кожъ ближайшихъ родственниковъ: отцовъ, братьевъ, мужей, тогда какъ у скіеовъ жертвами скальпированія были только враги. Подобный обычай не чуждъ и урало-алтайскимъ народа姆ъ, а также дикарямъ європейской и южной Америки¹⁾.

Далѣе почтенный ученый обращаетъ вниманіе на способы гаданія осетиновъ, аналогичные скіескимъ, записаннымъ у Геродота²⁾, именно, носредствомъ палочекъ и личевыхъ лентъ, приготовленныхъ изъ лубка и наматываемыхъ на пальцы. Но второй способъ извѣстенъ также калмыкамъ, а первый гораздо ближе къ способу гаданія шамановъ, записанному Гмелінимъ въ его путешествіи по Сибири³⁾. «Послѣ непродолжительного тихаго бормотанія», замѣ-

¹⁾ K. Neumann, *O. c.*, стр. 304. Л. Воеводский, *O. c.*, стр. 26 сл.

²⁾ IV, 67.

³⁾ Gmelin, *Reise durch Sibirien*. I, 290. Neumann, *O. c.*, стр 265.

чаетъ путешественникъ, «колдунъ бралъ пучокъ мелкихъ палочекъ, какъ бы сѣрныхъ луchinокъ. Въ такомъ пучкѣ содержится 49 палочекъ, подобно тому, какъ гадатели черемисские, чувашские и вотякскіе имѣютъ (для этой цѣли) 49 бобовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выбиралъ изъ пучка пять палочекъ и клалъ ихъ особо. Съ остальными онъ игралъ, бросая ихъ то туда, то сюда, а затѣмъ вытягивалъ то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдунъ произносилъ гаданіе». У Геродота гадатели, которыхъ у скиевъ было много, влѣдуть на землю большие пучки палочекъ, развязываютъ ихъ, раскладываютъ по одной палочкѣ порознь и произносятъ прорицанія; потомъ опять собираютъ ихъ по одной и складываютъ въ пучки.

Въ похоронныхъ обрядахъ осетиновъ участвуютъ не одни родственники покойного, но весь ауль его или даже вся окрестность, какъ у скиевъ. Погребеніе сопровождается обильнымъ угожденіемъ; поминки по умершемъ повторяются въ теченіи первого года послѣ смерти до двѣнадцати разъ; при погребеніи обязательно для близайшихъ родственниковъ выраженіе сильнейшей скорби и горя, а въ прежнее время, о чмъ свидѣтельствуютъ надгробные памятники, съ покойникомъ погребали коня и различные нужные для него предметы.

Всѣ эти черты, разумѣется, близко напоминаютъ скиескіе похоронны¹⁾). Но дѣло въ томъ, что аналогіи болѣе многочисленныхъ и болѣе полныхъ содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ²⁾.

Вс. Ф. Миллеръ упоминаетъ еще о богатырской чашѣ, стѣды употребленія которой сохранились въ осетинскихъ сказаніяхъ. Это— чаша, подобная той, въ которой правитель каждой скиеской области (*чомархос*) ежегодно замѣшивалъ вино; причемъ изъ чаши имѣли право пить только тѣ скиеы, которые убивали непріятелей; никого не убившіе не допускались къ чашѣ и сидѣли въ отдаленіи³⁾.

Впрочемъ вообще мы полагаемъ, что придавать большое значеніе сближенію геродотовыхъ скиевъ съ вышними осетинами нельзя; нельзя и пользоваться этимъ сближеніемъ для подкрѣпле-

¹⁾ IV, 71—73.

²⁾ I. C. F. Baehr. *Herodotos*. Примѣчанія къ главамъ, сюда относящимся.

³⁾ IV, 66.

вія гипотезы объ иранствѣ скиевъ. Во-первыхъ, далеко недостаточно известны прошлые судьбы этого небольшаго горнаго народа, его отношеніемъ въ прошломъ къ другимъ народамъ, отличнымъ отъ него по расѣ и языку. Во-вторыхъ, на настоящей своей территории, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, осетины стиснуты многими народами никакъ уже не-арийскаго, но скорѣе всего урало-алтайскаго типа, каковы: чеченцы, грузины, кабардинцы и др. Самъ г. Миллеръ замѣчаѣтъ, что »многія имена цартовъ—богатырей общи у кабардинцевъ, балкарцевъ и осетинъ: все три народа знаютъ цартовъ Хамица, Сосреко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатану«. Между тѣмъ главнѣйшія черты быта осетиновъ, сближаемыя авторомъ съ скиескими обычаями, заимствуются имъ изъ сказаний о богатыряхъ Сосреко и Батразѣ. Авторъ самъ предостерегаетъ изслѣдователей дѣлать обобщенія относительно прошлой исторіи осетинъ на основаніи ихъ эпоса, детальная разработка котораго до сихъ поръ еще не начиндалась даже; онъ самъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы цартовъ; онъ даже дѣластъ догадку, что кабардинскій эпосъ сильно повлиялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій на сказанія балкарцевъ; по ни кабардинцы, ни балкарцы не принадлежатъ къ иранцамъ, ни вообще къ арійской семье народовъ.

Въ виду этого трудно, если не совсѣмъ невозможно отрицать многообразныя вліянія урало-алтайскихъ народовъ на иранскихъ осетиновъ; тѣмъ менѣе возможно полагаться на некоторые отдельныя черты сходства между геродотовыми скиеами и нынѣшними осетинами въ доказательство иранства первыхъ.

Положеніе и быть осетиновъ въ виду занимающаго пасъ вопроса представляется поучительнымъ въ другомъ смыслѣ: судьба этого иранскаго народа показываетъ намъ, какъ племя высшее по расѣ и по способности къ культурѣ можетъ при известныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ уступить вліяніямъ племенъ низшей расы, въ особенности, если эти послѣднія подобно царскимъ скиеамъ Геродота оказываются въ положеніи господъ. Присутствіе арійскихъ иранцевъ въ геродотовой Скиоеи, занимавшихся земледѣліемъ, отличавшихся миролюбивымъ характеромъ и охотно сблизившихся съ греческими поселенцами, весьма вѣроятно; но едва-ли можетъ под-

лежать сомнѣнію, что господствующую чаѣть населенія Скиѳіи были орды урало-алтайскаго типа, нѣкоторыя физическія черты котораго засвидѣтельствованы для настъ писателемъ, не уступающимъ по добродѣлности и достовѣрности отцу исторіи, именно Гипократомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Геродотъ съ своими пріемами изслѣдования, съ своимъ знаніемъ варварскихъ языковъ не исключилъ бы осетиновъ изъ общей группы кавказскихъ народцевъ, какъ онъ соединилъ однимъ именемъ скіевовъ-аріевъ и скіевъ—урало-алтайцевъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее географическое название скіевовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничили географическое понятіе скіескихъ народовъ; во политическое единство скіевовъ и недостаточность пріемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скіескаго населенія племена различныя по расѣ, арійскія и урало-алтайскія; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислять каллипидовъ, алазоновъ, скіевовъ-земледѣльцевъ и шахарей, остававшихся въ томъ полу涓чевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общиѣ арійскіе предки иindo-европейскихъ народовъ еще до разселенія ихъ на отдаленныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скіеы-кочевники, прежде всего царскіе скіеы, пришедши сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скіескихъ племенъ, которыхъ въ описаніи Геродота ограничиваются скіеское населеніе юга Россіи съ запада, съвера, востока, и отчасти съ юга (арійскіе народцы не чуждались еллинской культуры и содѣствовали распространению ея дальше къ съверу отъ греческихъ колоній, между тѣмъ скіеы-урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному) и 4) терминъ «царскіхъ» скіевовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ къ замѣнѣ «базилеевъ» «барзилеями» у настъ нѣть достаточныхъ основаній.

Ф. Мищенко.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

(Продолжение¹⁾).

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ иѣсколько дній, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертолдомъ, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепиано. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригиналной гармонизаціи съ шѣвучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, умный и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему гениальному таланту. Онъ просмотривалъ мои музыкальныя со-

¹⁾ См. „Кievская Старина“, 1884 г., апр. кн., стр. 609—623.

чиненія, нашесть ихъ очень удовѣсторительными для любителя, даль
нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ
Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контра-
пункта. Жена Мевдельсона, милая и привѣтливая дама, весьма не
дурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я перѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ,
Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливыя, но красивыя зда-
нія, узкія, но чисто содержанныя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ
царствовавшіе, патріархальный образъ жизни, простота и дешевизна
были мнѣ по сердцу. Я занялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ
комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ
Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дот-
цауеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музикальные
уроки. Каждъ тутъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно
и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно
порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепіано, постигъ всю пре-
мудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю,
по средамъ, собирались музикальныя знаменитости Дрездена, исполняли
квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шу-
берть, на віолончели монережко игравали Дотцауерь и Куммеръ.
Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не
пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ
кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное
существованіе и музикальныя развлеченія помирили меня съ моимъ по-
ложениемъ. Каждое воскресеніе я отправлялся въ католическую церковь
слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда
Рейсигерь. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ швѣцкой оперѣ въ
новомъ отлично отдѣленіи театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ
въ то время, и действительно состоялъ изъ первоклассныхъ артистовъ.
Достаточно сказать, что первымъ капельмейстромъ былъ Рейсигерь, что-

рѣмъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, віолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторнѣй: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенгау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девріентъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Поставовка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшицъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперофф, Гугеноты Мейербера и Ріэнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построено и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейснера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей оперѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиції; но тогда уже въ немъ проглядывала гениальность. Вагнеръ былъ прелестный и любезный собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непрѣстѣнь своимъ рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральными, радикальными образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я вѣрь съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣждений Вагнера, совершившаго противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Кранаха, что письмо мое передано, другихъ известій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирного шестимедѣльного пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свела меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардій поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетѣ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и приѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русские легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались приятелями. З. предложилъ мнѣ занять общую квартиру просториѣ моей, отыскать очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостиницѣ »Zum goldenen Hirsch«,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостинную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содергателя гостиницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; приобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, то вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбиль старого моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начинать имѣть уже пебольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированиемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлереи. Онь нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерею и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлереи не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому геніальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и Cristo della moneta Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюздаля.

Вскорѣ наши вечерніе пріемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаяу, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятіямъ въ Дрезденѣ обычаемъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятомъ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десять всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашнаго быта. З. очень скоро надоѣль мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно понима-
лый господинъ, не умѣвшій нравильно писать по русски и понимав-
шій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ твардейскихъ поддрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, но сти-
талъ нужнымъ дополнить образованіе пугачествіемъ и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпнулъ звучания фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончить чтеніе «Людовика XIV» Александра
Дюма, З. увѣрилъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нимъ аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ и ста-
рался я ему объяснить, что выражение: double сарасéтé вовсе не озна-
чаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, З.
не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началь спорить и остался при своемъ убѣж-
деніи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня по-
жалѣть объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наимы часто представлялся моему воображенію, нерѣдко
помышляя я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести оставлялъ
меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ
о предположеніи мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда пойду
и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе
въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполнѣ
Наимѣ. Первая часть: Allegro agitato въ F-мольномъ тонѣ заключаетъ
въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій
характеръ; вторая: Andante con moto, As dur, чисто въ рускомъ стилѣ
и напоминаетъ одну изъ великорусскихъ пѣсень; третья Scherzo Allegro,
минорная, но игривая мелодія, потомъ Trio въ мажорномъ тонѣ; чет-
вертая: Finale Allegro не богатая музыкальными идеями, но тщательно
разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я
показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три места въ инструмен-
товскѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфониче-
скихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена
королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія
музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевского оркестра
въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25
талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служив-
шихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно по-
рядочную сумму. Содержаніе же оркестра вообще не обходилось дорого.
Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Линнскій, получалъ
всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенгау полторы тысячи, Дот-
цауэръ и Куммеръ по шестисотъ; черезъ 25 лѣтъ службы жалованье
обращалось въ пенсію.

Исполнение моей симфонии было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ величаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ; музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музикальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе первого, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ комплиментами выразилось и недовѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэръ и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Гаффтенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставнаго полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ очѣмченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая; очень красива, но умная и привѣтливая, была девицей.

Гаффтенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чаю, я разсказывая имъ, какъ мы съ Гаффтенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, известной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣеть, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Гались стала укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ быть догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дома; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургѣ, и кредитива прислава

на мое имя для получения денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамиліи этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправлюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представитель богатаго банкирскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей плотили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умолчалъ; въ банкирѣ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ вербное воскресеніе въ зданіи старого театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Беттровена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я занялся билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. З. не пожелалъ слушать серьѣзной, но очень скучной, по его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба ветера; къ генеральной репетиціи приѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнizonъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Ляя и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдилъ въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но пе забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твой, на вѣкъ твой, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галерѣ, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посещае-

мая публикой. Здесь Нания сообщила мнѣ, что прѣхала съ Лейй по-гостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагалаѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданного моего отѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣять ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Нания не могла, а переговорить съ ней безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю »Hôtel de saxe«, съ которымъ былъ знакомъ, посѣща иногда знакомыхъ въ его гостиницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльного помѣщенія на короткое время для родственницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Нанию на площади не далеко отъ Саксонской гостиницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостиницѣ; я подопѣль, то была Нания; я ей подалъ руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я осталбенѣль отъ удивленія и восторга. Никогда еще Нания не представлялась мнѣ такою красавицою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и паль къ ея стопамъ. Въ безмолвії, въ уюеніи наслаждался я дивною ея красотой, вливался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла меня. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпить наши чувства навсегда. Въчно памятный день! Съ нимъ взошла новая зари моей жизни, предстала будущность, подная счастія и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостиницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великородніи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однімъ условиемъ, чтобы между наими никогда не былъ возбуждаемъ религіозный вопросъ,—какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденіемъ послѣдняго условия, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взамѣнъ громадныхъ жертвъ, ею приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословить Богъ, ствѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твою женой, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣть вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленія чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и далъ также обѣть осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблютъ непреклонность Наими въ религіозномъ отношеніи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Леи. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наими, она всегда была благосклонна ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделякатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшеніе.

— Не беспокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчіе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданія съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенія; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, знала твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствіе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и на другой день говорились мы собраться въ Саксонской гостиницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы въ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италію.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальная сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостиницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось беспокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наймъ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устраивались любящимъ сердцемъ: миѣ казалось, какой то тайный голосъ пашептывалъ мнѣ, что когда увидятъ мою Найму, когда узнаютъ ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжу съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы разстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаний на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Олена« и слугой, я уѣдался, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наймой въ Саксонской гостиницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Ляя. Ея появление привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой пре-восходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствие и препятствовать вашему счастію, въ этомъ отношеніи я покаряюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Найму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Pierre, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осипаль руки Ляя горячими поцѣлуями, увѣряль ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоценными залогами любви и дружбы и отвѣтиль, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее мою сестрою. Потомъ Ляя объявила намъ, что велѣла перенести въ нашъ

номеръ всѣ свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наймы, чтобы не беспокоить вечернимъ отъездомъ своихъ дрезденскихъ родственниковъ, и взяла иѣсто до Праги въ diligансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ уѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Триеста, а изъ Триеста на пароходѣ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ diligансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инсбрукъ и Верону въ Венецию.

Лея и Найма пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; они возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированому въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣда было очень оживленіе, къ концу намъ всѣмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточные средства для путешествія. На утвердительный ходъ отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наймѣ капиталъ, который слѣдовало ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наймы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякий случай. Въ вексель заключается четвертая часть имущества Наймы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца сей достанется еще сто тысячъ. До вѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наймѣ вексель.

Въ восемь часовъ мы простились съ Лею; разставанье было трогательное: всѣ плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы ячались скорымъ поѣздомъ, въ отдельномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе съподуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ¹⁾).

II.

Харитонъ Моссаковскій не выждалъ и »сорочилъ по батькови« Справивъ девятины, онъ пріодѣлся, подбрілся, надѣлъ новые, правда простые сапоги, подстригъ не много курчавые свои волосы, запрѣгъ плохенкую лошаденку и поѣхалъ въ Чайки къ Онисѣ Прокоповичевнѣ...

На той-же педѣль былъ въ Богуславѣ ярмарокъ. На ярмаркѣ были отецъ и мать Прокоповичи. Здѣсь встрѣтили они сосѣдей и сосѣди, какъ по писанному, рассказали имъ всю »гарбузовую« исторію, какую продѣала дочь ихъ съ академистомъ Балабухою.

Прокоповичи пріѣхавъ домой, накинулись на Онисю »мокрымъ рядомъ«.

— Гарбузуй, гарбузуй, дочки! вычитывала мать. Догарбузушася скоро, що зовсимъ одкинутця одъ тебо женыхи.

— Не бйтесь, мамо, не одкинутця! Мене ще никто рябымъ ко- немъ не обѣихавъ. А хотѣбы й обѣихавъ, то я того не боюсь. А валюго Балабухи таки не люблю: бо винъ гопоровитый, дивиться на мене згорда, та верзе щось таке, що я й не разберу:

¹⁾ См. »Кіївская Старина« 1884 г., явн. кн., стр. 83—110.—На основанії Высочайшаго повелѣнія 1876 г. о малорусскомъ правописанії, въ малорусскомъ текстѣ этой повѣсти и другихъ статей, вм. буквы і, употреблявшейся вами при переходѣ въ этотъ мягкий звукъ лъ, равно о, е и у, мы будемъ ставить всегда и, отличая эту букву надстрочныхъ знакомъ ꙗ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для устраненія сбивчивости произношенія и смѣшанія понятій, напр. йду (ѣду), а не идѣ, имъ (ѣмъ), а не имъ и проч.—Ред.

кви-кви-кви! кувикае по якомусь, нечистый ёго зна, по якому! Не-знаепъ, чи винъ тебе хвалить, чи зъ тебе сміется!

Только что кончила Онися, какъ на дворѣ залаяли собаки. Въ сѣняхъ кто-то спрашивалъ у наймички: чи батюшка и матушка дома? А панна дома?

Въ свѣтлицѣ скрипнули двери: то входилъ Харитонъ Моссаковскій.

Харитонъ принарадился, причесался. На немъ былъ длинный, до верху застегнутый сюртукъ темносиняго сукна, съ роговыми пуговицами; этимъ исчерпывался весь его костюмъ, и только широкій воротъ чисто вымитой рубахи, привольно покрывавшій сюртучный воротникъ, да ярко красная шелковая застежка прятно оттѣняли симпатичное лицо Харитона. Тогдашній дѣячекъ нашъ еще не успѣлъ выродиться въ ту типичную церковную фигуру, въ длинношоломъ кафтанѣ и съ косичкой назади, какая давно уже красовалась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и казалъ изъ себя мѣщанина средней руки или шляхтича низшаго разряда. Ровно подстриженные русые волосы Харитона густыми кудрями вились вокругъ его шеи. Высокій, стройный, съ легкимъ станомъ, зъ блѣдымъ матовымъ лицемъ, съ свѣтлосиними глазами, Моссаковскій представлялъ изъ себя изящную, неопределенного типа, фигуру блондина, и только загорѣлныя, широкія руки его, огрубѣвшія въ тяжелой работѣ, выдавали его невысокое соціальное положеніе. Не большие усы, ровныя, темные брови очень шли къ его свѣтлосинимъ очамъ и довершали общую пріятность его лица.

Не смотря на свое скромное положеніе дѣячка, Моссаковскій не пошелъ предварительно въ кухню, по прямо вошелъ въ свѣтлицу: въ тѣ поры не было еще такой разни между священниками и дѣячками, какая установилась впослѣдствіи, и дѣячки не выстаивали еще по цѣлымъ часамъ въ кухнѣ или на крыльцѣ, въ ожиданіи, пока доложать батюшкѣ обѣ ихъ приходѣ.

Старикъ Прокоповичъ поспѣшилъ въ гостю изъ »кимнаты« тѣ шла семейная бесѣда. Мать и дочь стояли за дверями и прислушиваясь къ начинавшемуся въ свѣтлицѣ разговору, въ свою очередь перекидываясь словами.

— Це прыѣхавъ дѣякъ зъ Карапишичъ, Моссаковскій, сынъ по-крайнаго священника вильшаницкаго, — чуть слышно проговорила

къ своей дочери мать и, настроенная раньше на тонъ укора, прибавила: ўздили до тебе академисты, а теперь почали вже дяки.

— Дяки дурнисинъко будуть ўздити. И вже я дячихою та не буду,—еще тише отозвалась Опися.

Но любопытство взяло свое. Между дверью и верхней притоло-
кой была значительная щель, во всю ширину двери. Опися при-
ставила стулъ, стала на немъ и приняласьглядѣть въ щелку на
гостя. Мать кивала ей пальцемъ, грозила кулакомъ, что-то грозно
шептала, дергала Описю за одежду, а Опися стояла и внимательно
рассматривала Харитона. Наглядѣвшись вдоволь, она тихонъко, какъ
колика, сполза со стула.

— А що-жъ? якій? Чи молодый, чи старый? не удержалась Прокоповичка, чтобы не спросить у дочери.

— Молодый, болявый, высокій, тонкій и говорить даже несъми-
ливо та тихо,—шептала Опися матери падъ ухомъ: але черта-зъ-два!
За дяка не пиду. Въ насъ высоки пороги для дяківъ.

Вскорѣ Прокоповичъ взглянуль изъ свѣтлицы и шепнулъ же-
нѣ подать водки и закуски, а Описю сказалъ, чтобы она сама вы-
несла все это въ свѣтлицу.

— А вже-жъ! Чого я до ёго выйду? Не бачила зроду дяківъ.
Нехай йде де инде! сказала Опися.

— Та его вильшаницька громада обибрала на свою паraphвю за
священника. Оде думаютъ ўхати въ Кыївъ до владыки зъ проше-
ніемъ. Ты линъ, дочки, не дуже кирпу задирай, та меріцій выходь
до гостя.

— Хиба такъ! якъ буде священникъ, та ще й въ Вильшаницы,
то може й выйду, сказала Опися.

— Прибираїся, дочки, та йди! Въ Вильшаницы церковного поля,
левадъ, синокосивъ конемъ не облихати за цилый день. Паraphвя
велика!

— Потривай-же лишень, мамо, роздивлюсь на жениха. Не вамъ
йти за ёго замижъ, а мени,—сказала Опися.

Немного погодя, Опися вышла разомъ съ матерью. Мосса-
ковскій низко поклонился и покраснѣлъ, какъ макъ. Онъ давно
уже не видѣлъ Описи и теперь она показалась ему въ десять разъ
милѣе, чѣмъ даже въ ту пору, когда она въ первый разъ по-
разила его своею красотою.

Всѣ усѣлись. Моссаковскій, положивъ руки на колѣни, сидѣлъ неподвижно, точно татарскій божокъ, опустивъ глаза внизъ. Онъ не рѣшался взглянуть даже на Онися. Онися окинула его быстрымъ взглядомъ и онъ съ перваго же глаза показался ей гораздо красивѣе Балабухи.

— Чи винъ смирный, чи тилько вдае зъ себѣ тихого, думала Онися, пристально глядя на его лицѣ, брови, усы, губы.

Для завязки разговора, хозяинъ выпилъ рюмку «до гостя», приподнесъ и ему. Гость выпилъ полъ-рюмки, робко поставилъ на столъ и не закусывая, снова усѣлся па стулъ, опустивъ глаза внизъ и положивъ обѣ руки на колѣни; при этомъ онъ протянулъ пальцы во всю ихъ длину, что означало уже некоторую степень развязности и то, что гость входилъ такъ сказать изъ сколько въ себя и какъ-бы набирался духу. Прокоповичъ завелъ рѣчъ о покойномъ отцѣ гостя, припомнилъ, где вмѣстѣ они встрѣчались, о чёмъ говорили и еще кое-что въ томъ-же родѣ,—гость едва поднималъ свои тихія очи, едва вставлялъ слово въ рѣчъ хозяина.

Разговоръ прервался, настала тишина. Прокоповишка сожалѣла о Балабухѣ и видимо отбывала, какъ панцину, молчаливое сидѣніе на капашкѣ.

— Чи вы пакъ були коли въ налії церкви?—неожиданно прервавъ томительное молчаніе Прокоповичъ. Чи бачили паппи нови образы?

— Дай, старый, покій зъ образами! прервала его матушка. Не встигли выпити по чарци...

— А, то-бъ то по другій? Добре, що нагадаза. То мы й по другій.

И онъ проворно потянулся къ фляшкѣ, выпилъ вновь до дна и поднесъ гостю, но тотъ едва губы обмокнулъ. Прокоповичъ не упрашивалъ; онъ радъ былъ чѣмъ нибудь разшевелить молчаливаго гостя, а еще болѣе тому, что есть предъ кѣмъ похвалиться своими заботами о церкви, и поспѣшилъ увлечь Харитона въ церковь. Тутъ онъ показать ему всѣ новые образы, даже Неопалимую купину въ алтарѣ; послѣдняя картина представляла огромный кустъ дикой розы, или терновника; кустъ весь обять быль пламенемъ, а около него стоялъ Мойсей на одной ногѣ, обутой въ сапогъ, другую-же, босую, онъ протянулъ къ купинѣ и точно пригрѣвалъ ее около огня; въ рукахъ у него торчалъ большой мужичій сапогъ съ длин-

нымъ голенищемъ, а поверхъ куپинъ виднѣлись Рось и церковь м. Богуслава.

— Ой дивни-жъ ваши образы! Господи, ика краса!—непрітворно отзывался Харитонъ и набожно крестился передъ каждымъ новымъ образомъ.—Якъ стану на царахвіи, то покличу того самого маляра, щобъ и мени намалюавъ и купину, и пекло, и того пророка, що на коняхъ огнястыхъ.

— Колибъ вы знали, яки тамъ апостолы въ бани! якій тамъ Андрей Первозванный! я вамъ скажу, такого и въ Лаври нема. Шкода, що дуже wysoko. Якъ-бы драбина, то можна-бъ полисты, та близъко придивитись,—хвалился старый Прокоповичъ, оглядываясь по сторонамъ ища глазами, нѣтъ-ли гдѣ драбины.

Харитонъ немного встревожился: у него кружилась голова, когда ему приходилось подниматься на какую нибудь высоту, напр. на стогъ сена, или скирду хлѣба, а тутъ отказаться было-бы не ловко, такъ какъ въ силу жениховскаго своего положенія онъ долженъ быть казать изъ себя молодца; ему нужно было притомъ подлаживаться подъ вкусъ отца неѣсты, чтобы заслужить его расположение.

— Гляньте, якій огонь въ пекли. Ну, таки горить, горить, неначе чорты дровъ лиടкидають! продолжалъ Прокоповичъ.

— Ой Господи! якъ горить, горить! зовсимъ горить, вторилъ Моссаковскій и перекрестился предъ изображеніемъ ада.

— А якихъ чортівъ повыдумувавъ капосный маляръ! Вы, пане даче, тильки придивитесь: отой, що пре въ пекло нагайкою блудницъ въ червоныхъ наਮистахъ, вгадайте, на кого похожий?

— Не вгадаю. Неначе на богуславскаго становового,—не рѣшительно промолвилъ Моссаковскій и—покрасилъ.

— Та це-жъ винъ самий! Це й нисъ его, неначе бульбашка, и очи вытрипкувати, тильки маляръ поставилъ ёму на голови роги, та причепивъ заду куцого хвоста.

— А отой, що лупитъ киемъ шинкаривъ, не вгадаете, на кого похожий? сказалъ Прокоповичъ.

— Цѣго вже не вгадаю, отвѣчалъ Моссаковскій, хотя и догадывался, на кого мѣтиль Прокоповичъ.

— Не вже не вгадаете? Це-жъ нашъ письмоводитель духовного правленія. Якось я проговорився передъ маляромъ: намалюй, кажу ты отого халтурника въ пекли, на самому дни, пидъ Іудою, щобъ

винъ знатъ, яка ему буде на тимъ свити честь. Коли дивлюсь, а винъ его й перерядывъ на черта, та ще й вія ему въ руку давъ. Глянте, якъ працює, бидораха.

— Дивно, дивно,—повторялъ, какъ заученное, Моссаковскій.

Прокоповичъ бытъ вполнѣ доволенъ, что нашелъ доброго цѣнителя художествъ, въ которыхъ посторонняя кисть воплотила не только занимавшія его, но такъ сказать личныя его идеи; но, выйдя изъ церкви, онъ вспомнилъ, что не все еще показалъ своему гостю и, взявъ за руку Моссаковскаго и отведа его отъ церкви подъ ограду, ткнулъ пальцемъ на церковные купола.

— А придивиться лишенъ, заговорить онъ, до нашихъ бань? Що тамъ намалёвано! Ото-же маєте тамъ дванадцять пророківъ малихъ и четыри великихъ. Тильки школа, що нема драбини! Отъ якъ бы вы вилизли хочъ за опасаня та придивились, якъ винъ намалюавъ тихъ пророківъ! Дивно, дивно!

Прокоповичъ оглянулся вокругъ, ища лѣстницу. У Моссаковскаго задрожали ноги. Тяжелая лѣстница лежала въ травѣ тутъ же въ оградѣ. А что если старикъ вздумаетъ приставить лѣстницу и заставить лѣзти «до опасання», а пожалуй и за опасання!—промелькнула мысль къ головѣ Моссаковскаго.

Прокоповичъ дѣйствительно бросился къ лѣстницѣ и сталъ поднимать ее, но онъ бытъ старъ, и малъ, и слабъ, и какъ ни силился, долженъ бытъ бросить лѣстницу въ траву.

Моссаковскій не только не рѣшился помочь ему, но старался отклонить его отъ безшоковиша его самого намѣренія.

— Не пиднимайте, говорилъ онъ, бо пидвередитесь. Та сказать правду, я трохи боюсь лазити wysoko, совсѣмъ уже откровенно признался Моссаковскій.

— Още! Такій-же зъ васъ парубокъ. Моя Онися лазила выше опасання; а якъ була малою, то зъ хлопцями, було, по латахъ лазить въ клуни горобцівъ выдирать, якъ та кішка, було, лизе, ажъ спидничина на ій гойдається,—неожиданно для гости закончилъ говорливый стариkъ и повелъ Моссаковскаго «до покою». Тамъ ихъ ждали уже давно. Мать не спускала очей зъ Ониси: она боялась, чтобъ та опять и новому жениху не положила въ возъ «гарбуза».

— А що, дочки, якъ тоби показався цей дякъ? спроекла мать.

— Винъ крацій одъ Балабухи, и такій тихій, спокійный. Я люблю тихихъ та добрихъ людей, сказала Онися.

— И вже й ты! Балабуха чоловикъ здоровый, сильный, ще й до того вченый. А це якійсь простакъ, сказано: дякъ.

— Я тихъ вченыхъ не дуже люблю, бо я й сама приста. Балабуха ще присилувавъ-бы мене говорити полатынськи, а я й по московськи не вмію.

Онися наклонилась къ окну и взглянула по направлению къ саду, а тамъ по тропинкѣ рядомъ съ отцомъ шелъ Моссаковскій. Высокій, тонкій, стройный, онъ показался ей сквозь стекло еще краше и милѣє.

— Дивиться, мамо, чимъ-же винъ поганый? Очи сини, якъ небо, брови тонки.....

— Уже й брови! знайшла красу. Та винъ зовсімъ безъ бривъ, сказала мать: отъ у твого батька, такъ правда, що брови,—прибавила она, глядя издали на взбитыя и крючковатыя брови старого своего мужа.

— Тирайте, мамо, бо нась видно згадвору, сказала Онися, отступая отъ окна, по не переводя съ него глазъ.

— Тирай бо дочки, бо винъ близько вже,—вглядитъ, сказала мать, отклоняя плечи, по не лице.

Прокоповичъ вошелъ зъ гостемъ въ свѣтлицу. Снова стали наливать и выпивать по чаркѣ. Моссаковскій сидѣль неподвижно, положивъ руки на колѣни и єдва осмѣливался приподнять рѣсницы и вскинуть глазами на Онисю. Та въ свою очередь почувствовала, что ее оставила природная ея смѣлость. Она сидѣла молча и сама опустила глаза къ низу. Другихъ жениховъ она сама затрогивала въ разговорѣ, говорила съ ними смѣло, игриво шутила, даже подшучивала надъ ними; теперь она чувствовала, что не можетъ слова произнести.

— Що це зо мною? думала Онися: чи вже-жъ оце я злякалась одѣгъ дяка?

Старий Прокоповичъ, выпивъ чарокъ съ десять, началъ затягивать » на гласы «. Моссаковскій сидѣль молча, не смѣя рта раскрыть, голосомъ повести. Онъ посидѣль, помолчалъ и предъ вечоромъ прощался и домой доѣхалъ.

— Чи пры́дзе, чи не пры́дзе вдруге? проговорила сама къ себѣ Прокоповичка.

Онися развела руки, поставила указательные пальцы другъ противъ друга; зажмутивши глаза, повертѣла пальцами въ воздухѣ и разведя ихъ далеко, стала быстро сводить, загадавъ при томъ: чи пры́дзе, чи не пры́дзе? Пальцы сопллись ногтями. Пры́дзе! крикнула она и подскочила.

— Шобачимо, сказала мать: Ѵздили до тебе академисты, а теперь почали Ѵздити дяки.

Попали дни за днями. Онися чувствовала, что она ждеть Моссаковскаго, что онъ не выходитъ у нея изъ ума. Прошло дней шесть; настала суббота. Онися принялась сама подмазывать да прибирать въ »покоихъ«, вытерла жолтымъ пескомъ полъ, помыла окна, повытирала образа, покѣшала на образа самые лучшіе шитыя полотенца; на окнахъ поставила стеклянки съ цѣѣтами. Насталъ воскресный день. Онися встала чуть свѣтъ, нарядилась въ новую плахту, старательно причесалась, падѣла па голову всѣ ленты и цѣѣты и пошла въ церковь. Ей почему то, казалось, что Моссаковскій пріѣдетъ въ церковь, что она тамъ его увидить...

Обѣдня отолила, а Моссаковскій не пріѣхалъ: Онися пасмурная пошла домой.

Сѣли обѣдать; она ѿла какъ-бы не ѿла, а послѣ обѣда ушла въ садъ. Гуляя по горѣ, Онися все посматривала на синій лѣсъ, на поля за лѣсомъ, густо покрытыя конвами, на дорогу изъ села Карапишевъ, что черной змѣйкой извивалась среди полей...

— Чого це я ёго жду? Не вже я люблю ёго? думала Онися, ходя по саду. Ея руки, помимо ея воли, протягивались къ цѣѣтамъ, и она срывала наиболѣшіе изъ нихъ и закладывала за ленты па головѣ, за складки хосъ. Долго ходила она по саду, пока солнце не ударило косымъ пламенемъ по горѣ и не пронизало на сквозь садокъ, раскинутый по крутымъ бокамъ горы. Онися прислушивалась, не застучить-ли возъ за Росью, около парома, либо въ дворѣ. А на дворѣ было тихо, тихо и душно. Онися вернулась въ »покои«, сѣла на канапѣ и смутно склонила голову.

— Оде, нема съ кимъ по чарци выпить,—сказалъ старикъ отецъ: колибѣ пры́хавъ хочъ карапишанскій дякъ.

Онися вспыхнула. Блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ. Не успѣть отецъ произнести эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій стукъ богуславскаго возка, залаяли собаки.

— Отже Богъ гостей несе! сказалъ Прокоповичъ, выглянувъ въ окно.

Онися встревожилась. У нея задрожали ноги и она не имѣла силъ, чтобы вскочить, какъ прежде, подлетѣть къ окну и посмотретьть, кто пріѣхалъ.

— Онию! ставай колупати пичъ!¹⁾) приѣхавъ Мосаковскій та ще й зъ братомъ, певне зъ сватомъ, отозвался отецъ.

Онися испугалась и поблѣдѣла, какъ мѣль. Она вся затряслась, застыла и стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Но когда раздался скрипъ дверей, на нее напалъ такой страхъ, что она кинулась бѣгомъ въ спальню, а оттуда въ садъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалася? Я не боялась академиста, а злякалася цѣго молодого хлоцца,—думала Онися, пробуя возвратить свою природную смѣлость. Но смѣлость не приходила къ ней.

Онися стояла надъ горою, вперила свой взоръ, свои испуганныя, горящія глаза въ зеленѣвшую подъ нею бездину, въ зеленое марево, разлитое надъ старыми деревьями сада, глядѣла и ничего не видѣла. Зеленый свѣтъ дрожалъ въ ея очахъ, переливался, какъ вода въ Роси, сновалъ, какъ густая зеленая мошка роями. Онися стояла, ничего не сознавая. Солнце кинуло горячій свѣтъ подъ яблоню, близъ нея стоявшую. Свѣтъ упалъ на щеку Ониси, облилъ ея лицо яркимъ пламенемъ, а она ничего не чувствовала и все глядѣла въ зеленую бездину, будто въ рѣку глубокую.

— Онию! Онию! де це ты сchezла? крикнула мать, выходя изъ яблони. Чого це ты стоишъ, якъ стояшъ? Ходи лишенъ до гостей. Вони не до мене, а до тебе пріѣхали.

Онися точно проснулася. Она тихо пошла въ хату за матерью, какъ малос дитя.

— Оде гарно! Глузувала зъ академистивъ, а одѣ цѣго жениха втикаешь у садоекъ. Великій страхъ! Не бачила зроду женыхивъ. Онъ уже ихъ перекипулась цила метка. Йди та кажи имъ, що хочешъ.

¹⁾ Ковыряютъ личинкой печь крестьянскія дѣвушки-невѣсты, чтобы этимъ занятіемъ прикрыть неловкость своего положенія при собственному говорѣ.

Онися вошла въ свѣтлицу, сложивъ руки, какъ праведница. У нея въ рукахъ былъ шитый платочекъ. Она подвела глаза, пріимѣтила священника и поцѣловала его въ руку, но не успѣла повернуться, какъ Моссаковскій наклонился и поцѣловалъ ее въ руку. Она ощутила прикосновеніе къ ея рукѣ полныхъ, мягкихъ, горячихъ губъ и покраснѣла, какъ маковка.

Онися отошла и сѣла на стулъ. Она едва приподняла глаза на Моссаковскаго и разглядѣла его тихія, свѣтлосинія очи, матово-блѣлое лицо, на которомъ вспыхнула чрезвычайно нѣжный румянецъ. Свѣтлый кудри блестѣли, насквозь пронизываемыя золотистымъ лучемъ солнца, проходившимъ чрезъ окно, у которого сидѣлъ Моссаковскій. Онъ не сводилъ глазъ съ Ониси. Она ощущала на своемъ лицѣ его ласкающей взоръ, не знала, что дѣлать и начала щипать цвѣточки, вышитые на платкѣ. Красныя и синія нитки сыпались съ платка на ея красную запаску.

— Не скуби, дочки, хустки, бо грихъ! Сѣгодня недиля,—сказала мать, слегка тронувъ дочь пальцами по рукѣ.

Онися съ трудомъ прервала это нервное невольное дерганье, но чрезъ минуту снова посыпались съ неповинного платочка красныя и синія нитки.

Хозяинъ разговаривалъ о семье—о томъ съ пріѣзжимъ священникомъ. Матушка надулась и сидѣла молча: ей не хотѣлось отдавать дочку за дѣячка. Но вотъ сватъ, братъ жениха, повель рѣчь о приближающихся »сороковинахъ« по ихъ отцѣ и закинулъ о томъ, что вотъ-де громада ольшаницкая, послѣ похоронъ старижа, избрала »на парофию« Харитона. Лице матушки при этихъ словахъ прояснилось; она навострила уши, замѣтно повеселѣла, весело заговорила, стала привѣтливѣе и послала Онисю принести наилучшей наливки. Гости примѣтили, что хозяйка стала добрые и сми какъ-то разшевелились. Харитонъ весело поднялъ глаза и ввернулъ нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но лично Онисѣ онъ не осмѣлился промолвить и слова и только любовно глядѣлъ то на ея брови, маленькия алые губки, то па красную запаску.

— Якъ Богъ поможе, сказалъ сватъ, то мы оце вырядимо Харитона до Клыива. Громада вже налагодилась послыпать до владыки прощеніе, щобъ Харитонъ зостався священникомъ на батьківській парофії. Якъ тильки владыка поблагословить, то мы заразъ, спра-

вивши по батькови сорочины, оженимо нашего Харитона, та й уберемо ёго въ рису.

— Отъ и добра! Слава Богу! отозвался Прокоповичъ: будемо близкими сусидами.

— Та намъ хотилось-бы бути не тильки вашими близкими сусидами, а навить ще близчими людьми: мы хочемо поридыться зъ вами, сказалъ сватъ: у васъ дочка на выданни, а въ насть, бачите, женихъ.

Блѣдное лице Ониси вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Она покраснѣла и опустила глаза внизъ. Руки замерли на платочекѣ, красная и голубая нитки перестали лестѣть на запаску. Харитонъ и самъ покраснѣлъ, какъ барышня, и не зналъ, куда дѣвать руки.

— Якъ же вы думаете, отець Степанъ? спросилъ сватъ.

— Я зъ дорогою душою, але треба спитати и матери, и дочки, сказалъ Прокоповичъ, посматривая на мать и дочь. Що ты, пани-матко, скажешъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я.... якъ дочка сваже, то такъ и я, едва отзвалась Прокоповичка съ неохотою: ей очень, очень жаль было Балабухи, но она была увѣрена, что тотъ больше не пріѣдетъ.

Доходило до Ониси. Она едва удержалась на стулѣ. Ей хотѣлось схватиться съ мѣста и уйти въ садъ.

— Якъ же ты скажешъ, дочко? заботливо спросилъ у дочери отецъ.

— Я згожуюсь, съ усилиемъ проговорила Онися, не поднимая глазъ.

— Коли такъ, закончилъ отецъ, то по людському звычаю, заминяемо святый хлібъ, а потімъ трохи межъ собою помиркуемо.

Онися по нѣсколькимъ оброненнымъ Харитономъ въ два посѣщенія словамъ не могла, конечно, составить объ немъ вѣрнаго попятія, но своимъ женскимъ чувствомъ отгадывала, что онъ пойдетъ къ ей энергичному и сильному темпераменту и что она будетъ настоящею хозяйкою въ своемъ домѣ. Помимо того Харитонъ очень понравился ей своимъ деликатнымъ лицемъ и свѣтлосиними очами.

Пока сыновья Моссаковскаго справляли «сорочины» по своемъ покойномъ отцѣ, пока состоялось формальное обрученіе Харитона

сь Онисею, пока ольшаницкая громада собралась отправить церковного старосту въ Киевъ съ прошеніемъ къ владыкѣ отъ лица всего прихода, прошло не мало времени. А тѣмъ временемъ Балабуха не сидѣлъ, сложа руки.

— Треба женитись! доки ёго байдыки бити! разсуждалъ Балабуха, ходя у себя по саду. Не схотила Онися, знайду кращу, десять такихъ знайду, а въ осени таки оженюсь. Треба шукати та пытати дивчини.

Нечаянно какъ-то Балабуха взглянула на прилегавшій къ саду огородъ и увидѣлъ на немъ широкіе листья »гарбуза«. Одинъ видъ этой огородной овощи вызвалъ въ немъ такую злость, что онъ трижды проклялъ Онисю и не могъ больше не только ъсть »гарбуза«, но даже глядѣть на него.

— Тату! дайте коней. Поиду ще въ Хохитву. Тамъ панни не прости, вбираются въ сукни по панськи. Цуръ имъ тимъ илахтамъ та запаскомъ! Попробую ще на сукняхъ...

— Про мене, спробуй ще и суконь, отвѣтиль отецъ. Тильки ти хохитвяцки сукни, може не для тебе, академисте, шыти. Панни тіі, кажуть, горди, кепкують поповичами, бо сами зъ панивъ, мають крепакивъ, мають багато поля. Але, якъ каже ляжъ, купитъ не купить, а сиробувать можна.—Ци вже, принаймци, ис причеплять гарбуза пидъ возомъ, прибавилъ, смѣясь, отецъ Степанъ.

— Не причеплять, то такъ ласкою та штуками якимись выпроводять съ хаты, отозвалась мать. Одначе въ Терлецкого четыри панни на выданні: може котру й отаддуть. Тильки, сину, якъ будешь туды збираться, то попереду сядь та добре паніжься, бо тамъ прыймають по шляхецьки: пундыками та лестными словами.

Не вдругъ собралса академистъ »на разглядини« къ священнику-помѣщику Терлецкому, а когда собрался, въ точности исполнить совѣтъ матери, и даже »шогоничъ«, когда узналъ, куда собрался ъхать паничъ, захватилъ съ собой въ торбу хлѣба и сала. Такъ съ запасомъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ ранніаго обѣда, отправился Балабуха въ Хохотову »на разглядини«.

Хохотова—это небольшое сельце въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка Богуслава. Раскинуто оно по правому берегу Роси, между рядами невысокихъ холмовъ. Отсюда дивный видъ на за-рѣчье. Надъ водою отвѣсная, высокая каменная стѣна, вдоль и поперекъ

изрѣзанная разсѣлинами и щелями, изъ которыхъ выглядывали пучки травы и жолтыхъ цвѣтовъ; кой-гдѣ, точно канделябы, развѣшанные по стѣнѣ, свѣшивались небольшіе кусты терновника, дикой розы, плюща, красной смородины. Ихъ нѣжная зелень смягчала угрюмый сѣрий фонъ сплошной скалы. Внизу, у подножія стѣны, зеленѣли лозы и тростникъ. Середь Роси, точно распластанное чудице, лежалъ небольшой островокъ изъ огромныхъ камней, въ беспорядкѣ вагроможденныхъ другъ на друга. Выше, за каменною стѣною, вдоль теченія Роси, тянулся рядъ невысокихъ горъ, которыхъ шли одна за другою, будто дуги, поставленные рядомъ. На горахъ зеленѣлъ густой старый лѣсъ. А тамъ далѣе, внизъ по-надъ Росью, привольно разстилались покрытыя зеленью и цвѣтами «луки». По обѣимъ сторонамъ островка шумѣла вода, спадая по террасамъ и уносясь вдаль по каменистому руслу; чернѣла, извилисто перекинутая по камнямъ, набросанная изъ хворосту плотина, а подъ самою крутою скалою чуть замѣтно пріотилась мельница. По холмамъ, по пригоркамъ и въ узкихъ ущельяхъ разбросалась Хохотва. Домъ священника Терлецкаго выходилъ на улицу, а обширный садъ разстился по-за домомъ чуть-ли не до самой Роси. Отъ дома вправо тянулся необычно длинный дворъ, по обѣ стороны которого стояли два ряда хатъ. Въ этихъ хатахъ жили когда-то «подданные»: священника Терлецкого, точнѣе его жены, которая была шляхетскаго рода и принесла въ приданое своему мужу именно эту небольшую часть села Хохотвы съ поселенными на ней людьми. Остальная часть села досталась ея брату, который продалъ ее одному богатому графу, а самъ умеръ. Терлецкій пригородилъ небольшой уголь села къ своему двору, не даль людямъ земли, отобралъ даже у нихъ огороды и хозяевъ обратилъ въ дворовыхъ работниковъ. Крестьяне не выдержали такого положенія: большинство ушли въ степи, пѣкоторые умерли, дѣвушки, съ выходомъ замужъ, перешли въ село и кончилось тѣмъ, что въ людныхъ нѣкогда хатахъ осталось лишь вѣсколько калѣкъ, которымъ не было уже никакого разсчета уходить со двора.

Балабуха вѣхалъ во дворъ. Передъ нимъ изъ-за повѣтей и хатъ выступалъ большой домъ съ высокими окнами, съ широкимъ крыльцемъ. Передъ окнами разбитъ былъ хороший полисадничъ: якумы засажены были не какими нибудь настурцами, помаками,

любисткомъ, но левкоими, резедой, фіялками и пр. Домъ былъ хороший и хорошо устроенный. Повѣтки, куны, загороды и хлѣва содержались въ порядкѣ и чѣлости; огорожа новая, во дворѣ чисто, а предъ домомъ даже подметено. Нѣкоторыя крестьянскія хаты, собственно тѣ, что поближе къ дому, кое-какъ сохранились, но тѣ, что стояли въ далевомъ углу неимовѣрно длиннаго двора, сильно подались; нѣкоторыя наклонились на бокъ, другія совсѣмъ разваливались, и сквозь прогнившую соломенную крышу свѣтились стропилы и латы, точно кости на разлагающейся и заброшенной падали.

Возкъ вкатился осторожно на дворѣ. Погоничъ остановилъ лошадей чуть не у воротъ. Балабуха потихоньку всталъ съ воза и несмѣлыми шагами направился къ крыльцу. Онъ долго отряхивался и оправлялся, смахнулъ пыль съ сапогъ полою собственной шинели, вытеръ платкомъ запыленное лицо, шею, пригладилъ широкою ладонью волосы на головѣ, расправилъ усы и вошелъ въ сѣни, похожія на комнату, съ двумя длинными узкими окнами по обѣ стороны дверей. Изъ сѣней вели въ комнаты трое дверей. Балабуха немного постоялъ, подумалъ, еще разъ пригладилъ волосы, поправилъ усы и паугадъ отворилъ дверь палѣво. Тамъ была кухня. Онъ замѣтилъ только, какъ, при видѣ его, цѣлая куча разнаго возраста «паничеевъ» махнула чрезъ двери въ комнату такъ быстро, какъ бѣгутъ мыши при видѣ кота.

Балабуха нерѣшительно притворилъ двери, постоялъ еще въ сѣняхъ, подумалъ и тихонько отворилъ дверь направо. Тамъ была просторная свѣтлица. Балабуха вошелъ въ свѣтлицу, но въ ней было пусто и тихо; раздавался лишь дребезжаній какъ-то стукъ маятника висѣвшихъ на стѣнѣ большихъ часовъ, да гдѣ-то здали за стѣнами слышался глухой шумъ, точно тамъ сильный огонь горѣлъ въ печи или въ котлѣ клокотала вода. Балабуха окинулъ глазомъ стѣны свѣтлицы: она скорѣе походила на пансскую гостиную, чѣмъ на единственную въ домахъ тогдашнихъ священниковъ чистую комнату, передняя стѣна которой представляла изъ себя цѣлый иконостасъ. Здѣсь иконъ совсѣмъ почти было не видно и лишь въ переднемъ углу висѣлъ большой образъ ченстоховской Богородицы съ польскою подписью, да посерединѣ стѣны, въ простой рамкѣ, за стекломъ, литографированное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, съ надписью: *Ecce Homo!* Вместо разшитаго «ру-

шника» на большомъ образѣ была устроена занавѣска изъ бѣлой ки-
ссы, но ни васильковъ, ни другихъ цветовъ за образами тутъ уже не
было. Остальное пространство стѣнъ ничѣмъ почти не было занято;
только у порога Балабуха замѣтилъ кунжутъ какого-то крылатагоупи-
дона, красными лентами привязанного къ дереву, да у печки—Герку-
леса, поражавшаго дракона. Въ простѣнкѣ между иконъ, надъ не-
большимъ раздвижнымъ столомъ, висѣло узкое и длинное зеркало,
въ которомъ стекло было меныше верхней части, шпалерами выкле-
енной, деревянной рамы и напоминало собою малого хлонца въ вы-
сокой батьковской шапкѣ. Вдоль стѣнъ чинно стояли стулья съ оваль-
ными вогнутыми спинками и не особой мягкости подушками, по-
крытыми пестрымъ ситцемъ, а у правой стѣны между ними гордо
выступала массивная, съ огромной спиной, канапа; спинки стульевъ
и канапы были форнированы корнемъ осокора. На окнахъ стояли
горшки мушкатки и герани.

Балабуха посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ на шеѣ толсто
повязанный шелковый платокъ, сѣхавшій немножко на бокъ, еще
разъ пригладилъ волосы и усѣлся на стулѣ, разставивъ ноги, точно
ѣхалъ верхомъ.

Тихонъко отворились двери изъ соѣдней комнаты. Балабуха под-
нялся со стула и хотѣлъ уже рекомендоваться, склонивъ на бокъ голову;
но изъ дверей вышла простая дѣвка, низкаго росту и съ двумя
горбами—сзади и спереди; лицо у нея было длинное, желтое, выра-
женіе черныхъ глазъ пугливое и скорбное! Она держала въ рукахъ
полотенце и прямо со входа направилась къ Балабухѣ. Балабуха
взглянула на свою одежду, на сапоги, потомъ на полъ, не оста-
виль-ли онъ пыльныхъ слѣдовъ; — ему пришло па мысль, не хо-
четъ-ли дѣвка полотницемъ обтирать его самого, или его сапоги,
или вытереть послѣ него слѣды пыли па полу. Дѣвка между тѣмъ,
подойдя къ Балабухѣ, поклонилась ему чуть не въ ноги, держа
полотенце въ рукахъ, точь въ точь какъ кланяется »молода«, когда
ходитъ по селу и просить всякаго па свадьбу.

— Чи на весилля просишъ, давчино? спросилъ ее Балабуха.

Дивчина усмѣхнулась, поцѣловала Балабуху въ руку, отопла
къ столу и начала стирать пыль со стола да стульевъ.

— Чи дома батюнка та матушка, чи може куды цовхали? спро-
силъ Балабуха.

— Дома, чуть слышино отвѣчала дивчина, возя полотенцемъ по столу.

— Можетъ одпочивають? опять спросилъ Балабуха.

— Ни, епѣ тише произнесла дивчина, посматривая на пріотворенную дверь.

Дивчина вышла. Въ свѣтлицѣ опять водворилась типина, только маятникъ докучливо дребезжалъ и стучалъ, да гдѣ-то за тремя стѣнами слышался глухой сдержанній шумъ, точно шумъ воды на порогахъ Роси.

Снова тѣ же двери отворились и въ нихъ появилась высокая, тонкая фигура отца Терлецкаго. Терлецкій былъ высокій, худощавый брюнетъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ короткими, какъ-бы подсѣченными волосами на головѣ и также короткою, круглою бородою, на которой блестѣли уже серебристыя линіи. Только чорные блестящіе глаза придавали жизнь и энергию его лицу и всей его фигурѣ.

— Добрыденъ вамъ! Зъ святою неделею будьте здорови, сказалъ Балабуха, кланяясь хозяину.

— Спасыби! будьте и вы здорови, какъ-то сухо произнесъ Терлецкій. Чи здалека прибули до насъ?

— Я зъ Хиліонъ, философъ¹⁾, Марко Балабуха, отца Павла, коли чули, сынъ, скончивъ философію.

— Дуже радый. Спасыби вамъ, що насъ одвидали. Я вашего панотца знаю. Чомъ же сами павотецъ зъ паниматкою не прибули до насъ? спросилъ Терлецкій: але чого-жъ це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави.

Балабуха какъ-то робко присѣлъ на стулъ: скорчился, сморщился, поднялъ плечи вверхъ, а шею и голову какъ-бы упряталъ въ широкое гнѣздо своего толстаго галстуха и высокихъ остроконечныхъ воротничковъ. Ему въ первый разъ пришлось быть въ такомъ домѣ, гдѣ ото всего вѣяло нѣкоторымъ панствомъ, шляхетствомъ и гдѣ не было ничего напоминающаго его родную хату «безъ помоста» и такую-же хату и катрагу въ Чайкахъ. Непри-

¹⁾ Названія: философъ, богословъ, т. е. студентъ философскаго, богословскаго курса, оставались тогда за студентами академіи и не вдругъ перешли на учениковъ семинаріі, о которыхъ и заочно говорили, напримѣръ: философъ зъ Медвина, точно: Аристотель изъ Стагиръ.

вычная обстановка видимо его стѣсняла, и онъ, не обладавшій вообще быстротою и свободою рѣчи, теперь рѣшительно не зналъ, съ чего начать и какъ повести рѣчъ.

— Чи вы скінчили академію, чи тильки прыѣхали на вакацію? спросилъ его отецъ Терлецкій.

— Ни, я тильки філозофію скінчивъ, але бильше не поїду въ Кыївъ, сказалъ Балабуха.

— Та й добре зробите. Я самъ дійшовъ до риторики та й подякувавъ ченцамъ, а про те маю паraphвю и живу тепрь, якъ у Бога за дверьми, сказалъ хозяинъ.

— Такъ и я оце думаю зробити, сказалъ Балабуха.

Терлецкій едва примѣтно улыбнулся и погладилъ бороду: ему не трудно было догадаться, па что намекалъ послѣдними словами Балабуха и зачѣмъ пожаловалъ тепрь къ нему въ домъ.

— Що-жъ тамъ у васть тепрь въ академії? Чи пишете вирши? Чи граєте комедії? спросилъ онъ Балабуху.

— А якъ-же! тотъ отвѣчаль, и вирши пишемо, и комедіи граємо, ще й якъ.

— О, за папи часы мы такъ грали, що тепрь наврядъ чи зъумієте такъ грati. И мени таки доводилось не разъ грati. Тильки разъ сталася зо мною на сцени така причта: сказали мени грati «Суєту» въ интермедії. Обголивъ я вусы й бороду, намазавъ щоки румъяпами, причепили мени довги косы, пакинули па плечи червону хламиду. Я доставъ у одної знакомої мищанки червони чоботы. Взувся въ ти чоботы, па шию почепивъ червоне памисто, роспуштивъ косы по плечахъ, надивъ на голову жидивську ярмулку, взявъ въ одну руку капшуку зъ грипами, въ другу плашку зъ горилкою, та й выхожу на сцену. Выхожу тайкажу: я Суєта! Сказавъ, та якъ глянувъ на людей... вси на мене очи повытрищали, а професоръ ельковенції, лютый прелютый, дивиться на мене, та неначе каже: потрываї, ось я тоби всыплю зъ пивсотии, якъ тильки въ чимъ помилишься! Глянувъ я єму въ очи, та й забувъ, що дали говорити! Ей Богу забувъ, а знатъ, якъ *Опіче наше*. Я Суєта! Я Суєта! сказавъ я тричи, а дали хочъ зарижъ! ве пригадаю! Давай зъ Еклезіаста: суета суетствїй, всяческая суета! Та вже, спасыбы, Злоба стояла за декораціями та підказала мени, що тамъ дальше говорити. Отъ я й почавъ:

О суета! колико ты прекрасна!
 О суета! толико ты ужасна!
 Днесъ піяна скачеть воля.....
 Утро вставши тщетна доля.....
 Сиренъ льстивыхъ океанъ,
 Сладкимъ гласомъ обуянъ!
 Едва лѣто запало,
 А козля напомъ стало,
 Цапъ бородатый.

Сказавъ я це, а дали й зновъ забувся! Плутаю я та плутаю! Пере-плутавъ уси вирши, перемишаць сирень съ козами та цапами, та вже не знаю, що дали й говорити. А професоръ мени показує зъ-за людей кулака. Я й охоловъ... Тутъ де взялась Злоба: якъ вскочила передъ мене та якъ крикне: Я Злоба! ховай свого лоба! Та на мене мечемъ! Я драла та за ширмы; ажъ уже тутъ професоръ добре памятаць мени чуба.

Ничто такъ не возбуждаєтъ человѣка, какъ школьныя воспоминавія. Куда дѣвалась застѣнчивость Балабухи. Онъ съ живостію заговорили:

— Гравъ и я оцио саму Злобу, та ще й якъ гравъ! Бѣло, якъ накину на плечи черпечу мантію, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крикну: я Злоба! ховай свого лоба!

Говоря это, Балабуха роспалася съ каждымъ словомъ, подъ конецъ-же вскочиль со стула, подняль руки къ верху и такъ рявкнуль послѣднія слова, что горбатая Килина, проходившая въ это время къ столу съ тарелкой въ правой, графиномъ и рюмкой въ лѣвой рукѣ, съ перепугу затряслась: тарелка съ булкой ввалилась, полетѣла на полъ и разбилась.

— Цуръ дурно! съ недовольствомъ произнесъ Терлецкій, принимая отъ Килины уцѣлѣвшій росписной графинъ съ рюмкой.

— Якасъ переликаны дивчина! сказалъ Балабуха, опускаясь на стуль. Килина молча позабирала куски разбившійся посуды и съ плачемъ вышла изъ свѣтлицы.

— Колись и я писаевъ вирши, знатъ на память Г'орація, а теперъ все чисто повылитало зъ головы, приговаривалъ Терлецкій, наливая рюмку.

А въ соседней комнатѣ начинался опросъ Килины.

— Пѣо то ты несешь въ хвартуси? крикнула на нее матушка: чи розбила тарилку, чи що? пѣо тамъ за крикъ?

— Ой, простить, матушко! отвѣтила Килина, цѣлую матушку въ руку: нашъ батюшка зъ тимъ панычевъ чогось полаялись, та икъ почали кричати та соватись одинъ до другого зъ кулаками! А я злякалась та й упстила.

— Ты сёгдня совсимъ здурила! перебила ее матушка и велѣла ей скорѣе пріискать другую тарелку, нарѣзать вновь булки и пести скорѣе на столъ.

Въ другое время такой казусъ не обошелся-бы такъ дешево Килинѣ; но теперь матушкѣ было не до того, она торопилась принарядить дочь къ выходу въ свѣтлицу, точно опасаясь, чтобы женихъ не уѣхалъ. Въ комнатѣ происходила невообразимая суета и возня. Гардеробный шкафъ, комодъ и большой сундукъ стояли открытые. Мать и дочери бѣгали по комнатѣ, кидались сюда и туда, звенѣли ключами, вынимали разные наряды, мылись, причесывались. Олеся, старшая дочь, стояла среди комнаты въ юпкѣ и корсетѣ, который никакъ не сходился на ея полной талии. Мать съ меньшою дочерью стягивали корсетъ, палрятгались, потѣли, а корсетъ все таки не сходился.

— Килино! ходи сюда! придави лишь ты руками, та дужче! кричала матушка.

Килина схватила Олесю за талию, по столько-же помогла, сколько въ извѣстной сказкѣ жучка. Шнурки въ рукахъ матушки трещали, а корсетъ все таки не сходился.

— Но какіе бабу Хиврю! крикнула матушка, бо ця Килина ни до чого не варта.

Прибѣжала Хивря, схватилась обѣими руками за спурки, а баба она была крѣпкая. Полная талия паны съузилась подъ ея руками и корсетъ былъ затянутъ. Мать накинула на Олесю бѣлое платье, помогла ей застегнуться, расправила складки, поправила волосы на головѣ. Принарядивъ дочь, мать принялась за собственный костюмъ, надѣла новое платье, набросила на плечи персидскій бѣлый, съ красными и желтыми разводами и фигурами, платокъ, еще разъ оглядела вокругъ дочь, точно солдата на смотру, и повела ее въ свѣт-

лицу. Младшія дочери устремились въ слѣдъ за ними, заглядывая въ свѣтлицу сквозь отворенную дверь.

Терлецкая входила медленно, важно, точно выплывала. Балабуха, увидѣть въ дверяхъ невысокую, но довольно полную даму, съ пухлымъ шлахетскимъ лицемъ, съ гладко причесанными, блестящими чорными начосами, надвигавшимися ко лбу, съ бѣлымъ въ оборкахъ чешечемъ на головѣ, отъ которого двѣ широкія синія ленты опускались концами на плечи. Онъ всталъ, еще глубже опустилъ короткую шею въ воротнички, робко подошелъ къ Терлецкой и поцѣловалъ ея пухлую бѣлую руку. За матерью слѣдовала дочь, та-кая-же черноволосая, какъ и мать, съ бѣлымъ, нѣсколько короткимъ лицемъ, съ темными карими очами. Дойдя до средины свѣтлицы, она какъ будто присѣла передъ Балабухою и ковырнула по полу правою ногою. Балабуха впервые во очію видѣть реверансъ и былъ имъ нѣсколько смущенъ; поцѣловалъ Олесю въ руку, отступилъ немножко назадъ и не зналъ, куда дѣвать свои большія руки. Матушка усѣлась на канапѣ и пригласила гостя сѣсть. Балабуха робко опустился на стулъ. Какъ разъ противъ него сидѣла Олесья, которой щоки зардѣлись, какъ піонъ. Балабуха слегка вскидывалъ глазами то па мать, то на дочь. Широкая синяя лента въ чепцѣ матери, бѣлое платье дочери, пупцовъ кушакъ, плотно обхватывавший ся станъ, и красный бантъ въ черной косѣ, все это такъ разило взоръ студента, что онъ сидѣлъ, какъ па шпилькахъ. Предъ его глазами явились снова пасѣка и ульи, темная катрага въ пасѣкѣ, орѣшикъ, чернобыль и крапива вокругъ пасѣкѣ, и онъ готовъ былъ теперь уйти туда и тамъ укрыться отъ этихъ лентъ и платьевъ.

— Чи здорови вашъ панотець та паниматка? спросила Терлецкая Балабуху.

— Дякую вамъ! Хвалити Господа, здорови, тихо отозвался Балабуха.

— Таки не добри: насъ николи не одвигаютъ. Я знаю вашего батюшку и вашу матушку, говорила Трелецкая громко, скоро и съ нѣкоторымъ тономъ.

Терлецкая спросила Балабуху про его отца и мать такъ себѣ въ видѣ любезности, а если-бы они вздумали прїѣхать къ ней, она отнюдь не была-бы имъ рада.

— И я бачила вашого батюшку, смеяло заговорила Олеся, обращаясь къ Балабухѣ: такій добрій, такій прывитный.

Балабуха перевелъ глаза съ матери на Олесю и теперь только замѣтилъ, что она была хорошенкая, хотя и малого росту, и не такія тонкія и оstryя были у нея брови, какъ у Ониси Прокоповичевны. Только круглые, небольшіе, черные блестящіе глаза полюбились ему сразу.

Олеся не сидѣла на одномъ мѣстѣ, и это входило въ ея манеры и тонъ: она схватилась со стула и выбѣжала въ соседнюю комнату, чтобы посмотреться въ зеркало и поправить на головѣ красный бантикъ, потомъ вернулась, опять сѣла и опять схватилась, подбѣжала къ вазонамъ, заглянула въ нихъ, опять выбѣжала, привнесла графинъ съ водою, полила цветы, снова выбѣжала и опять, погодя, прибѣжала и сѣла. Длинные концы кушака и банта летали, какъ-бы ихъ качалъ вѣтеръ. Олеся ловила ихъ рукою и проворно то откидывала въ сторону, то притягивала къ себѣ, то просто вытягивала. Въ слѣдъ за дочерью вышла мать, поправила что-то на шей, опять вернулась и опять вышла. Они сновали сюда и туда, будто «въ хренника» играли. Чрезъ растворяемую часто дверь Балабуха замѣтилъ въ соседней комнатѣ большущую кровать, напомнившую ему паромъ на Госи, а надъ кроватью — висѣвшій на стѣнѣ большой коверъ съ столь страннымъ узоромъ, что казалось, будто тамъ въ три ряда стояли на заднихъ ногахъ зеленые лягушки съ красными брюшками, сѣѣвшіеся передними лапами. Въ той-же комнатѣ Балабуха примѣтилъ другую панну, такого-же росту, какъ Олеся, но гораздо красивѣе ея, въ простомъ ситцевомъ платьѣ. То была вторая дочь Терлецкихъ, которую они и одѣвали плохо и прятали отъ жениховскихъ очей, чтобы она не отвлекала вниманія жениховъ отъ Олеси и не помышляла скорому выходу ея въ замужество.

Въ послѣдній возвратъ Терлецкой въ свѣтлицу, за ней вошла горбатая Килина, неся на тарелкѣ два-три ломти булки, только нарезанныхъ, да съ ложку масла на блюдечкѣ. Терлецкій взялъ прежде налитую рюмочку съ наперстокъ, поздоровался съ гостемъ, выпилъ самъ, попотчиваъ гостя и заткнулъ пробкой графинъ, какъ-бы давая тѣмъ знать, что не намѣренъ уже больше ни самъ пить, ни потчивать гостя. Балабуха глотнула, даже не почувствоваль, что выпилъ, и

взялъ тоненъкій ломоть булки, чтобы закусить. Ломоть свѣтился насквозь.

— А мы тутъ, паниматко, разговорились зъ Маркомъ Павловичемъ про академію, та такъ налякали Килину своими згадками, що вона впustила тарилку та й розбила, сказаль Терлецкій, обращаясь къ женѣ.

— То бачите, отозвался Балабуха, мы колись грали въ академії комедії, та почали пригадувати зъ отцемъ Петромъ.

— Вы грали комедії? спросила Олеся. Отожъ бы мені довелося хочъ разъ на вику побачити! Сидишъ тутъ у Хохітви и людей не бачишъ.

— Де вже ты хотила въ Хохітви побачити комедії, сказаль Терлецкій: це чудо показує тильки наша кыївська бурса.

— Напа кажуть, що й вони грали, смѣло, обращаясь къ Балабухѣ, проговорила Олеся, та ще й убирались за панну.

Матушка Терлецкая слегка усмѣхнулась, взглянувъ на бороду и усы своего мужа.

— Колись убираєшся за панну, а теперъ вже не вберусь, замѣтиль мужъ.

— Може й вы убирались за панну? сказала Олеся, обратясь къ Балабухѣ.

— Ни, я разъ убираєшся за.... *Славу*, какъ-то нехоча сказаль Балабуха, а другій разъ за прекрасного Іосифа.

— Отожъ бы я хотила побачити того прекрасного Іосифа, сказала Олеся, искоса поглядывая на Балабуху: мабуть воно вийшло дуже гарно.

Балабуха, продолжая такъ перекидываться словами то съ панною, то съ матушкою, то съ самимъ панотцемъ, мало по малу освоился и пересталъ прятать шею въ воротнички. Непринужденное обращеніе Олеси, привѣтливость Терлецкой отбили въ немъ охоту уходить въ паську и чернобыль.

Лице Балабухи не плѣнило Олеси, но его ростъ, крупная фигура, титло академика располагали ее въ пользу гостя, тѣмъ болѣе, что до той поры въ домъ Терлецкихъ заглядывали такие невзрачные и неотесанные поповичи, что она не только смотрѣть на нихъ не хотѣла, но и совсѣмъ не выходила къ нимъ. Мать въ свою очередь благосклонно отнеслась къ Балабухѣ, чувствуя, что пора уже выдавать Олесю замужъ.

Разговоръ однако не вязался; перекидывались отрывочными словами, обмѣнивались взглядами, наконецъ и совсѣмъ замолчали. Вдругъ Килина приотворила дверь и что-то шепнула матушкѣ. Олеся схватилась со стула и устремилась къ двери такъ быстро, что чуть не свалила съ ногъ Килину. Балабуха смотрѣла ей вслѣдъ; она любовалася тѣмъ, какъ быстро, проворно и легко бѣжала Олеся и какъ развѣвались около нея красныя ленты.

За Олесей вышла мать. Въ комнатахъ слышалась бѣготня, какая-то возня. Зазвенѣли, забренчали ложечки, стаканы и блюдечки, застучали ящики комодовъ и столовъ. Растворились потомъ двери и горбатая Килина внесла въ свѣтлицу высокій и тонкій самоваръ и поставила на столѣ, какъ некое диво. То былъ первый самоваръ въ околицѣ, и обѣ немъ, какъ о дивѣ, говорили всѣ, кому видѣть приходилось.

Килина вышла; вошла Олеся съ ложечками и чайникомъ въ рукахъ, за нею мать, за матерью опять Килина. Онѣ входили и выходили суетливо, выбѣгали и снова возвращались; выносили стаканы и другія приданки къ самовару. Самоваръ сперва шипѣлъ, потомъ шумѣлъ, пыхѣлъ, брызнулъ брызги отъ себя и наконецъ такъ заклокоталъ, что заглушилъ собой дребезжащей стукъ маятника у часовъ. И мать, и дочь, и Килина сутились около самовара, будто около утошаго, или по меньшей мѣрѣ больного. Самъ Терлецкій не безъ самодовольства посматривалъ на эту хитрую машину, которой не было ни у кого, а Балабуха диву дался, впервые видя самоваръ.

Началось священнодѣйственное наливанье чаю въ стаканы, и бренchanье ложечекъ и блюдечекъ, какъ бы куранты играли. Сама Терлецкая подала Балабухѣ стаканъ чаю. Килина снова принесла на тарелкѣ три тоненькихъ ломтика булки. Балабуха неохотно принялъ за чай, но когда выпилъ, съѣвъ притомъ прозрачный ломтикъ булки, тутъ только почувствовалъ, что ему хочется ёсть. Ёсть хотѣлось, по привычкѣ и выпить давно уже тянуло, но хозяинъ и не думалъ даже предложить »по другій«. Онъ только замѣтилъ, какъ-бы подразнивая Балабуху и не обращаясь ни къ кому:

— Не люблю я сёго зилля. Отъ такъ тильки звычай икійсь. Хто до ёго привыкшій, може воно ёму й пользуе, а старому животови пема, якъ добра чарка горилки.

Коли-бъ же добра чарка, а не така, якъ наперстокъ, подумавъ Балабуха, посматривая на крохотную рюмочку, стоявшую праздно на столѣ.

Терлецкая сердито взглянула на мужа, и онъ замолкъ и болѣе не развивалъ уже этой темы, на которую много могъ-бы сказать хранившій молчаніе Балабуха.

Вылили чай. Килина съ торжествомъ выпесла самоваръ, на который накинулись младшія дочери, какъ мухи.

— Озъми лишень, дочки, гитару та заграй, або й заспивай намъ якои, сказавъ Терлецкій, доставая гитару съ косого угольного столика и подавая Олесѣ.

— Я вже давно грала и мабуть все чисто позабувала, кокетливо промолвила Олеся.

Она взяла гитару, подтянула струны и неувѣренно начала братъ аккорды.

— Вы не граете на гусляхъ? спросилъ Терлецкій у Балабухи.

— Ни, не граю, отвѣтила Балабуха.

— Шкода. Я колись гравъ та позабувавъ. Отъ мій сусидъ, въ Богуслави, якъ утне, то ажъ помисть дрижитъ. Э, що то за гарній струментъ! сказалъ Терлецкій.

Олеся сыграла пѣсочко козачковъ, одного »сь переборомъ*. Ей хотѣлось спѣть, но она сама не рѣшалась начать и ждала, пока кто попросить.

— Засыпивайте, коли ваша ласка, несмѣло попросилъ ее Балабуха.

— Засыпивай, дочки, про Хлою, або про Нарциза, або лучше про студента.

Олеся усмѣхнулась, и, взявъ аккордъ на гитарѣ, запѣла то-нелькимъ голоскомъ сперва Хлою, потомъ Нарциза, а наконецъ и студента:

Охъ, велѣла меки мать
За купца да отдать!
А купецъ какъ идетъ,
Сундуки денегъ несетъ.
Сундуки денегъ не прйму,
За купца я не пойду.
Ой велѣла меня мать
За студента отдать!

А студентъ какъ идетъ,
Кучу книжекъ несетъ.
Кучу книжекъ я прійму,
За студента пойду.

Це до шмыги, подумать про себя Балабуха и затѣмъ громко сказаъ:

— Щиро дакую вамъ. Це дуже добре, якъ хто вміє грати, та ще до того й спивати. Отъ зо мною одинъ такій вчився: все було грає та спивас, спиває та грає. Інши пенса (урокъ) було вчать, други оккупацию роблять, а винъ поклавъ передъ себе гитару, та все затынає:

По дорози жукъ-жуки,	Подивися, дивчино,
По дорози чорный.	Якій я моторний.

Тильки винъ такихъ деликатнихъ, якъ оце вы спиваєте, пе вмивъ.

Олеся весело улыбнулась и кивнула Балабухѣ головой въ знакъ благодарности за такой лестный отзывъ.

Терлецкій воодушевился, всталъ со стула, началь припоминать и декламировать давнія вирши, пробовалъ даже импровизировать, но выходило какъ-то нескладно. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, улыбнулся и подойдя къ Балабухѣ, сказалъ:

— Оде вы нагадали мени, що і въ нась бувъ одинъ, що того Жука було разъ по разъ грає та высливує. Отъ разъ, тильки що винъ скінчивъ оце моторный и почавъ пальцами перебирати, а одинъ колега либы далій:

Такій ты моторный,
Якъ собака чорный...

Всѣ расхочатались. Наступило оживленіе.. Олеся продолжала играть и пѣть.

— Спивай, дочки, пока молодечка, говорилъ ей отецъ, бо якъ мине твоя весна, то перестанешъ спивати.—І онъ самъ затянуль:

Наслаждайся дній твоихъ,
Все бо вмалъ состарїться...

Но потомъ съ какою-то горечью махнуль рукой и закончилъ:

— Отъ бачите, и я колись спивавъ и вирши складавъ, а якъ ставъ старымъ, то вже й писня въ голову не йде.

Балабуха ничего не отвѣтилъ: мысль его была занята не тѣмъ. Слушая не безъ удовольствія игру и пѣніе чернѣвой Олеси, онъ еще раньше почувствовалъ, что въ его желудкѣ начинается музыка иная. На дворѣ вечерѣло, а перекусить доселѣ не давали. Графинъ съ водкой стоялъ будто припечатанный. Балабуха посмотривалъ на двери, це выпесутъ-ли чего оттуда закусить, но двери не отворялись, а сирены въ широкой его утробѣ пѣли такъ громко, что ему становилось даже неловко.

Солнце зашло, смерклось на дворѣ. Терлецкая встала и вышла изъ свѣтлицы, за нею выбѣжала Олеся. Въ смежныхъ комнатахъ началась вновь бѣготня: забренчали ключи, застучали двери, зазвенѣли ложки и тарелки. Въ приотворенные двери Балабуха видѣлъ, какъ мелькали на стѣнѣ тѣни головъ. Терлецкій ходилъ по свѣтлицѣ и фантазировалъ, а Балабуха сидѣлъ, опустивши голову и придерживая рукою опустѣвшій и ноющій животъ свой.

Спустя часъ широко распахнулись двери въ свѣтлицу. Баба съ Килиной внесли длинный столъ и накрыли скатертью. Килина за тѣмъ притащила кучу тарелокъ и начала разставлять по столу; баба отдельно вынесла ножи и вилки и раскладывала ихъ съ не-менышко, какъ и Килина, торжественностю и вдумчивостю. Въ концѣ этой комически-важной суеты вышла Терлецкая и попросила гостя къ столу. Усыались всѣ четверо и долго ждали. Опять двери отворились.

Наконецъ-то... подумать Балабуха, увидѣвъ бабу съ длиннымъ блюдомъ.

Но на большомъ блюдѣ оказалось всего лишь двое маленькихъ, какъ воробы, цыплятъ. Балабуха даже вздрогнулъ.

— Прошу покорно! обратилась къ нему Терлецкая.

— Цотривай, паниматко! мы, по старому звычаю, выпьемо цеи *aquaes vitae*, которы давни римляне певно не пили, сказалъ Терлецкій, наливая наперсточекъ.

Балабуха выпилъ и только жалобно поморщился. Сообразивъничтожный зашансъ лежавшаго на блюдѣ кушанья съ числомъ сидѣвшихъ за столомъ и не желая ни конфузить хозяевъ, ни безнадежно раздражать свой appetitъ, онъ отрѣзалъ ножку у цыпленка

и положилъ на тарелку. Олеся и мать отрѣзали по крылышку и давали видъ, будто ужинаютъ. Балабуха и самъ даваль такой же видъ: обгрызъ ножку и вилку и ножъ положилъ на тарелку. А въ его голодномъ воображеніи рисовалась, предъ его глазами носилась »макитра« варениковъ въ сметанѣ.

— Правду казала мати! подумалъ Балабуха: якъ бы умысне не пообидавъ, то-бъ не доихавъ живый до дому.

Посидѣли еще за столомъ, поговорили и встали. Пришла баба и унесла блюдо, на которомъ остался нетронутымъ одинъ цыпленокъ.

Послѣ столь сытаго ужина, терзаемый голодомъ, Балабуха стать прощаться. Терлецкіе просили его не забывать ихъ и прїѣзжать къ нимъ почаше.

Было уже около полуночи, когда Балабуха тронулся со двора. Только что выѣхали за село, Балабуха спросилъ погонича:

— Чи не зосталось въ тебе хлиба въ торбии?

— Та тамъ зостався окраець.—Ну, та й скучи-жъ ци люди! сказаль погоничъ, развязывая торбу съ хлѣбомъ: мабуть вони тимъ и багати, що скупи. Покликали мене полуднувати, чарки горилки не дали, а матушка вынесла хлебъ, одкрайла панську скібочку, та й зновъ взяла въ покой. Та горбата Килина мабуть живе Божимъ духомъ. А на попадю наймички й наймиты кажуть: *тани*, бо якъ котра назве матушкою, то вона, Господи, якъ сердиться.

Въ полночь Балабуха прїѣхалъ въ Хильки и разбудилъ мать.

— Мамо, давайте хочь шматокъ сала та хлиба: ѡсты такъ хочу, ажъ шкура трицить.

— А я тоби казала! Ци гарбуза не причеплять, але витають гостей вже дуже по паньски. Сидай, сынку, за стіль.

Мать высунула изъ печи »макитру« варениковъ. Балабуха принялъся за нихъ съ жадностью и не оставилъ въ »макитрѣ« ни одного.

— Якъ-же тоби показалась дочка? спрашивала мать.

— Дочка гарна, и грае добре, и съпиває добре, вбрана по паньски, сказалъ Балабуха и почувствовалъ, что Олеся заслонила въ его воображеніи тонкія брови Ониси.

— Та въ їхъ и грошай сила. Не знаю тильки, чи дастъ старый. А що вже багати, то багати, сказала мать.

Наѣвшись до отвалу, Балабуха завалился въ постель и заснула богатырскимъ сномъ.

Междуд тѣмъ въ Хохотвѣ, по выѣздѣ Балабухи, въ домѣ Терлецкихъ послѣ перемонного начался домашній ужинъ. На тотъ-же столъ Килина вскорѣ поставила большую вазу галушокъ съ саломъ. Были съ неменьшимъ аппетитомъ, какъ и Балабуха; даже Олеся, удовольствовавшаяся при гостѣ однимъ крылышкомъ маленькаго цыпленка, теперь опорожнила полную тарелку галушекъ, и съ разу ей стало такъ тѣсно въ корсетѣ, что она поспѣшила кликнуть Килину, чтобы поскорѣе распустить шнуровку.

— А ю, Олесю, якъ тоби показався Балабуха? спросилъ ее отецъ.

— Такъ соби.... ничего, отвѣчала Олеся, сдѣлавъ видъ равнодушный.

— Отъ и ничего! отозвалась мать: панычъ здоровый, огрядный, вченый, чисто вбранный.

— И латынь знае добре: такъ и сыпле латынскими приказками, добавилъ отецъ: ни, дочко! цѣго жениха шкода выпускати зъ рукъ. Ты будь зъ нимъ привитниша, якъ прибуде до насъ вдруге, та поговори зъ нимъ любелько.

— Коли-жъ випъ самъ не дуже охочій до розмовы. Сидить, та дивится, та очи пидводить, та чогось неначе стогне.

— То й добрае, коли мовчить. Меншє буде доликати тоби языкомъ, сказала мать, взглянувъ на своего »панотца«.

— Правда въ ёго очи й брови гарни, але губы... зовсімъ якись чудни. Чогось неначе кривиться, якъ середа на пятницю, сказала Олеся.

— Тоби, Олесю, мабуть треба жениха зъ Кывиа, або зъ Варшавы... сказаль съ недовольствомъ отецъ: дежъ тоби крацихъ на брати.

— Олеся хотѣла сказать, гдѣ она набрала-бы лучшихъ жениховъ, но промолчала: она видѣла въ »экономії« и на панскомъ дворѣ гораздо интереснѣе паничей изъ сосѣдній польской шляхты; но боятые не сватали, а за бѣдныхъ отецъ не хотѣлъ отдать.

Олеся легонько вздохнула и отправилась спать.

Скоро всѣ уснули въ домѣ Терлецкихъ, только въ пекарнѣ долго еще свѣтилось. Тамъ Килина зъ бабой, да съ другой, также

»подданной« Терлецкаго, долго мыли да вытирали посуду, да бра-
нили гостя. Килина и баба кончали работу уже черезъ сонъ. Ихъ
блѣдныя лица совсѣмъ осунулись, сонъ клонилъ ихъ головы внизъ.
Перевалило уже за полночь, а онѣ все еще стирали да прибирали, а
на другой день ихъ ждала также нескончаемая, съ колотушками и
бранью, подъ строгимъ присмотромъ, работа и голодная жизнь, отъ
которой бѣжали люди со двора Терлецкихъ, куда кто могъ.

И. Левицкій.

(Продолжение съдуется).

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛЪ¹⁾.

Высоко Правительствующему Сенату
Доношение.

При воздаянии раболѣцкого моего вашимъ свѣтлости и сиятельствомъ, черезъ нарочно посланихъ моихъ, до-земного поклоненія, всешокориѣ хотячи я въ напрасно нанесенномъ одѣ господина полковника Вѣтвера свѣтлѣйшому римского и росийского государства ижерскому князю, генералу фелть маршару и кавалеру, его милости, господину Александру Даниловичу Меншикову пороцѣ и оскарженіи козаковъ команда моей, на работѣ кавалной, по указу его императорскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, обрѣтаючихся, что будто они козаки лениво работаютъ (яко о томъ зъ копѣи его княжой свѣтлости листу до господина брегадира Леоптиева, а одѣ его милости комѣ присланного извѣстиямъ), праведное мое предъ высокое вашихъ свѣтлостей и сиятельствъ лице принести оправдание, сие въ отвѣтъ до-

¹⁾ Пожѣщаемый документъ заимствуется изъ вѣтхаго рукописнаго сборника разнаго рода записей, между которыми большинство составляютъ решенія полтавскаго полковаго суда. Это не подлинникъ, но современная копія, судя по почерку всего сборника.

Командиръ посланного на ладожскій каналъ полка пишеть съ иѣста работѣ и описываетъ ихъ процедуру въ томъ участкѣ, какой отведенъ на долю козаковъ. Мы слышимъ голосъ очевидца, и это даетъ цѣну памятнику, въ своемъ родѣ пока единственному. Полковникъ Чернякъ пишеть подъ очевидцемъ страхомъ гнѣва царскаго любилица, извѣстнаго Меншикова, предъ которымъ обнесли въ лѣни и нерадѣніи его и весь полкъ. Онъ старается оправдаться предъ сенаторомъ и пишеть въ самомъ унизенномъ тонѣ. Насколько вѣрно самооправданіе, судить не

ношу: что любо за прибутвемъ нашимъ оть Ладоги, въ первыхъ числахъ июня, къ Кобонѣ зъ командою мою, не можна было заразъ, для заводненія великого въ каналу, въ земляную въстущити роботу, однакъ казаки черезъ увесъ туть часъ, безъ жадного огурства и лѣнности еже-дня едни ручай, зъ болотъ въ каналъ текучий, гатили и плотини на многихъ мѣсцахъ черезъ увесъ каналъ займали, а прежніе направляли, возячи песокъ для засипанія оть мѣлу, други тежъ въ каналу, где вода надтигнена била, ровикопали, а третие указанное число фашинъ, сваевъ, дощокъ и колля зъ неменико трудностию за килка верстъ на своихъ плечахъ носили; когда засъ, по вліятю зъ канала воды, земляная настала работа и казаки, вирившіи болішъ аршина въ глибъ, а въ ширъ сажень триаршиний въ каналу посрѣдъ ровъ, для спущенія подъ машины воды, и оной належите винопленіемъ земль вичистивши, хотѣли по опредѣлению и размѣру за дѣло самое каналное взятысь, лечь господинъ полковникъ Вѣтверь для проби велѣль числа 9 июня ундеръ-офѣцеру своему въ горѣ едину плотину розрить, а потомъ видя, что каналъ увесъ по прежнему наполненъ водою, приказаль знову казакамъ одѣ полдня черезъ всю нощь оную плотину, понеже вода всю било поломила, вновь гатити изъ тихъ мѣсть. Покамѣсть одѣ числа 9 до числа 18 зънову зъ каналу вода витягнена, у роботъ канальной остановка чинилася, однакъ и тогда не бездѣлки казаки били, лечь по прежнему лѣснисе припаси готовили, гатки по всемъ дніи поправляли и гатили, а иные зъ полковъ въ тое время килкократне по телѣжки и колеса за 10 верстъ до подрадчика ходили и на себѣ носили, одколь другие и пѣши, что не вистарчено било, мусѣли ворочатися, а любо по пятиадцать коней государевыхъ для привозки помянутыхъ телѣжокъ въ полки и давани, однакъ-же тисе конѣ били весма вимордованіе и витягненіе, которое и порожніе вози въ

почему; предъ нами только процедура работъ, гибельная для работающихъ. Но въ ней, наравнѣ съ казаками, фигурируютъ драгуны, армейскіе солдаты и простые землекопы, согнанные съ разныхъ ковцовъ Петрова царства. Зная много о дѣяніяхъ Великаго Петра, мы сравнительно немногое еще знаемъ о тѣхъ жертвахъ отъ народа, какими созидались его слава и могущество Россіи. Приводимый документъ можетъ пытать значительную цѣну въ изслѣдованіяхъ этого послѣднаго рода.—Ред.

слу потягли, того ради назадъ зъ полковъ отдано. И скоро началась вода въ каналу уменьшатись, ровъ посредѣ скаго, одѣ пѣску замѣлений, знову рили, землю виносили и очищали. А особливѣ ю разъ по машинѣ ровчаки два для скорѣшаго проходу водного копали. И въ числѣ 18 и 19 іюня по витягненю воды, вступивши козаки другимъ разомъ въ земляную работу, со всякимъ радѣніемъ и милімъ прилежаниемъ, хотячи въ скорѣ опредѣленіи свои дѣлницѣ ку прислужѣ своей-же совершить, чтобы заранѣе, не входячи въ осѣнь, могли били ку домашь одиущени, безъ жадной лѣпости не только за себѣ, но и за болни, такожь и за умершие, ионеже ихъ дѣлница остается, при досмотрѣ офицеровъ работали; въ двохъ зась полкахъ, чериѣговскомъ и стародубскомъ, мусѣли козаки на мѣсце болнихъ и умершихъ, что не змогли сами за слабостию въ здоровью и своихъ дѣлницъ виробить, бурлаковъ наймати, которые нинѣ работаютъ. А въ числе 23 іюля, за прибутіемъ его милости, господина генерала маюра Писарева къ каналу до Кобояѣ, когда по осмотру нашей работы изволивъ повелѣть большъ въ каналу не копать, толко въ горѣ мало винять и зровнять, такожь и береги отдѣлать, для узанія въ каналу мѣри цриказаль во всю каналиную работу зъ гори воды упустить, то одѣ того числа, для наводненія великаго, ктомужъ еще и дожчъ частие спадали, знову остановка въ дѣлѣ канала до числа 9 и 12, а въ иныхъ полку и до 20 іюля показалась и черезъ все тое время, нѣмъ вода не уменьшилась, по осмотрѣ обоемъ, и ундеръ-офицера, такожь и старшини нашей полковой, по прежнему козаки на работѣ фашинной и сваевъ найдовались, а иные, за предложениемъ моимъ листовнимъ господину бригадиру Лебягтиеву, машина дѣѣ, для скорѣшаго води въ дѣлницахъ команди моей витягненія, зъ драгунской работи взявши, зъ немалою трудностію, по килка сотѣ человѣкъ зъ полковъ на себѣ не въ близкости переносили, а ктому и въ перенесеню на каждой полкѣ по килка капровъ, черезъ немалое разстояніе мѣсца, бѣди дознали, особливѣ тогдажъ поузъ каналъ по обоимъ сторонамъ иловерстви всѣми полками, для воспященія въ реку Кобонъ води зъ озеръ въ каналъ проривутись мѣючай, якая уже знатне стала била проходить, рови копали въ ширь большъ сажня, а въ глибъ полтора слоя.

Итакъ зъ сего моего неложного отвѣту благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство високимъ и премудримъ разсмотрѣнiemъ зважити и уважити, якая козаковъ моихъ подкомандныхъ въ роботѣ інтересу монаршаго (которий по нашей вѣриости и рабской къ своему всемилостивѣйшому государю, его імператорскому величеству должности всегда готови исполнять) показуется лѣнистю и нерадѣніемъ, одѣ кого барзѣй въ дѣлѣ каналию проходило и происходит препятие и лишняя остановка. Сего ради, надѣ предъ сенаторскими вашихъ свѣтлостей и сіятельствъ, стопами, всенайпокорище прошу жадного о роботѣ козацкой не имѣти инѣнїя и подзору, въ которомъ, безъ вини благословной, напрасно одѣ господина полковника Вѣтвера оскаржени зостали, и для лучшаго достовѣрія благоволѣте ваша свѣтлость и сіятельство, по своей милости, аще сие угодно будеть, росказать помянутую нашу работу, что впдѣлано, освѣдительствовать, и если-би не препятствиє наполненія въ каналѣ била вода, певне давнѣ-би земляное козаковъ дѣло пришло до совершенства, яко же и такъ при помощи Божій робота команди моей въ каналу зъ драгунскою и салдацкою, любъ они передомъ гараздъ зачали дѣлать, соравнилась, а отъ бурлацкой, хочай такожь они черезъ килка мѣсяцей работаютъ, получающи знатное государево награждение, послѣдние взятии до канала дѣла козаки стали первѣшие, понеже опредѣление свои дѣлници земль ви-копали, сваями береги забили и фашинами въ мѣру указанную соравнили, только уже надлежить въ горѣ по три фашины, когда виготовленіи будуть, положити, и тая надѣя въ Богъ, что зачатая козаковъ робота колечне желаемой своего окончания воспріимстъ скutoкъ. Обаче сіе токмо мене усумнѣваетъ и смущаетъ, же въ командинъ моей, такъ при Кобонѣ обрѣтающейся, яко и при Ладозѣ у канальной работы будучой, многое число козаковъ болнихъ и умершихъ найдутся, и що разъ въ болѣзни тяжкой, якая бардзѣй гарачка да опухъ ногъ вкоренилась, примножаются и умираютъ, якихъ вѣденіе явствуетъ, однакъ яя таковую беднихъ козаковъ между приставніе оффiceri не взирая, безъ жадного баченя, зъ повелѣнія господина брегадира Леонтиева, не милостиво бючи ихъ у роботи палками, хочай оную не только днемъ и ноччу, лечь и во дни недѣлніе і празничніе одираваютъ, безъ одпочивку приганиаютъ. Опасаяся теди я, чтобъ по прошлорочному козаковъ

зде не загубити, якихъ развѣ третья часть ку дому и въ прошлемъ году повернулась, предваряю въ сенатъ покорнѣйшимъ симъ моимъ писаниемъ и рабеко прошу, благоволѣте ваша свѣтлость и сіятельство, іле по указу его імператорскаго величества високою своею особою россійское правление содержите, не допустить команды моей въ конецъ при сей каналной роботѣ, не била-бъ надъ чужое мѣсто, якъ господинъ полковникъ Вѣтверь хощетъ, зъ согласиемъ господина брегадира Леонтиева, который къ дѣлнимъ козакамъ есть недоброхотъ и немилостивъ, учинить,— для зачинания другой работы переведена, якой отнюдь нѣкимъ (Богу самому свѣдущу, бо всѣ козаки въ сіль своей весьма ослабѣли и ели живи обрѣтаются) дѣлать, лечь-би, не уводячи въ глубокую осѣнь роскиса и плюскоти, одпущены зостали во свояси привамнѣй въ первыхъ числахъ сентября, такъ для лучшаго и безбѣднаго запроваженія болниихъ, зъ которими иле многимъ числомъ и теперь не вѣдаю, що чинити и куда ихъ обернути, и до лѣкарей зъ лѣкарствами для помощи хочай килка разъ о присилку онихъ и упоминалемся, не дано, яко и для вигоднѣйшаго такъ далечайшаго пути здоровимъ, якие всѣ опѣшили ходу. А понеже прошлого року, по милости его імператорскаго величества, для проходу одпущенихъ зъ каналу козаковъ високо повелителнѣмъ его величества указомъ опредѣленно было видавать привянть и для коней фуражъ, того ради да не лишени будуть и ниявтоеижъ монаршой милости работаючие козаки, благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство повелѣть високопочтеннѣйшимъ своимъ указомъ видать о получении въ шуті козакожъ, когда одпущени будуть изъ каналу, привянту и для коней, якихъ небольшое число можетъ бити, привамнѣй самого сѣна, ибо они козаки тутъ при каналѣ не тиляко позбули остатній грошевій запасъ, и иные при своей болезни для пропитанія и одежду, якую имѣли, попродали, албо вѣмъ до сего часу, по указу его імператорскаго величества, за видѣлку кубическими сажнями въ каналу землѣ и за виношение зъ немалою бѣдою и трудностию за пять и шесть верстъ фашинь и сваевъ, надлежащихъ денегъ имъ не видано, а любо изволивъ его княжеское сіятельство, господинъ Александръ Щакиловичъ Меншиковъ, фелть маршаль и многихъ ордновъ кавалеръ на листъ мой въ отвѣтномъ своемъ почтеннѣйшимъ писании предлагатъ, что велено видать денги, однакъ при тои дачи уѣ-

ють вичитать данине онимъ въ прошломъ 1721 году, за которые не заробили. А понеже его імператорское величество нашъ всемилостивѣйший государь, по своей высокомонаршой милости, благоизволивъ для всемирной радости получившаго зъ шведскою короною вѣчного мира, не тилко прорвавшиомъ, но грошми и лѣкарствами, якие давани били прошлого лѣта при каналѣ козакамъ ихъ безвозвратно и чого за приключившося слабостию противъ порции драгунской работы не додѣлали, того ва ихъ козакахъ въ сѣмь году не взыскывать; сего ради, при обятии стопъ сенаторскихъ вашихъ свѣтлостей и сіятельствъ, всенижайше прошу, подлугъ того его імператорского величества милостивѣйшаго указу, повелѣть такъ за работу канальную козакамъ надлежашie всѣ денги, не вичитая въ той суммѣ иѣчого, видать, яко и въ вижеи выраженномъ команди моей нужномъ требованіи милостивое свое явити благосклоненіе и дѣйствителнѣ рѣшительную учинить резолюцію.

Вашимъ свѣтлостемъ и сіятельствамъ нижайший рабъ
полковникъ полтавский Иванъ Чернякъ.

Одъ селг. Кобови при каналѣ.

Августа 2, року 1722 г.

Библіографія.

Славянський Ежегодникъ. Издание киевского славянского общества. Выпукъ шестой. Составленъ подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента императорскаго университета св. Владимира. Киевъ. 1884. (382 стр. Цenna 1 рубль).

Съ похвальнымъ постоянствомъ изъ году въ годъ киевское славянское благотворительное общество выпускаетъ по книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*, и даетъ этимъ добрый, но пока еще бесплодный, примѣръ другимъ киевскимъ обществамъ,—собственно ученымъ, а не благотворительнымъ, отъ которыхъ слѣдовательно естественнѣе было бы ожидать постоянной литературной производительности. Составъ посѣдняго выпуска *Славянскаго Ежегодника* довольно разнообразенъ. Есть тутъ и изящная словесность — *Горные рассказы* чешскаго писателя Алоиза Краска (Залишъ, Дивоусъ и Дворскій), рассказы очень милые и граціозные, особенно первый и третій. Къ отдѣлу же изящной словесности можно отнести и *вспоминаніе о событияхъ 1876 г.* болгарскаго писателя И. Вазова въ русскомъ переводѣ и его-же стихотвореніе *Россія* въ болгарскомъ подлиннике. Есть статьи болѣе серьезныя и тяжеловѣсныя, которыхъ можно причислить къ отдѣлу научному. Сюда относятся: «разборъ стихотвореній чешскаго поэта Яр. Верхлицкаю (псевдонимъ Эмиля Богуша Фреды), навѣмныхъ вліявіемъ философіи Шопенгауера; 2) *Фр. Кухачъ и его Сборникъ южно-славянскихъ пѣсень* (обѣ статьи принадлежать Л. Степовичу). 3. *Нынѣшнее положеніе Словаковъ*. Свѣтозара Гурбана-Вьянскаго (въ переводѣ Т. Д. Флоринскаго) и 4. *Изокущеніе Австріи весті въ Далмациї унію*. Статья Я. Головацкаго. Есть наконецъ и научная хроника, въ составѣ которой входятъ два некролога: В. В. Макушева († 2 марта 1883 г.) и Ю. Даничича († 4 ноября 1882 г.) и

два юбилея: Франца Мюклошича (8 ноября 1883 г.) и В. И. Ламанского (9 мая 1883 г.). Научная хроника во всемъ составѣ своемъ принадлежитъ перу редактора *Ежегодника* Т. Д. Флоринского. *Ежегодникъ* заканчивается *Славянской библиографией* за 1879—81 годы, составленной А. О. Поспилиемъ.

Выслушаемъ сначала отъ *Славянского Ежегодника* одинъ упрекъ, обращенный по адресу русского общества. Авторъ статьи о *сборнике южнославянскихъ пѣсень* Фр. Кухача въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: «Трудно представить себѣ большую степень равнодушія, чѣмъ ту, какую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянской жизни, особенно, если это явленіе не политическіе, а бытовыѣ, относящіеся всѣцѣю къ скромной сфере мирнаго общественнаго развитія... Изданіе (*южно-славянскихъ пѣсень*) предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованіи изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло бы очень поддержать такую полезную мысль и посодействовать распространенію щѣнаго изданія, но оно не знало о немъ (по своей-же винѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи лопнуло и прекратилось на пятомъ-же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что-нибудь подобное, въ разсчетѣ на поддержку русского общества!» (стр. 235). Даѣте (стр. 239—240) авторъ статьи припомните, что «въ началѣ семидесятыхъ годовъ и кievская публика по концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лысенка была знакома съ славянскими пѣснями. Таковы напр. пѣсни чешскія: 1) Въльтаво! 2) Тѣши се благой надѣи, же се врати злате часы! (гуситская пѣсня, прекрасная по нацѣву и содержанію), сербская: 1) Сви лайкаше одоше лако (всѣ корабельщики ушли легко) 2) Я подъо снуѣнье край дола (я пошелъ опечаленный около долины) и хорватская: Напрей застава славе, на бой юшалка кри! (Впередъ знамя славы, въ бой молодецкая кровь!) Всѣ эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ же почему-то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть обѣ этомъ, такъ какъ вуть публичного концертнаго исполненія—самый избранный для взаимного ознакомленія славинъ съ своими драгоценными произведеніями музыкально-народнаго творчества. Лучшее средство для популяризациіи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсень—это, повторю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ напр. еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лысенка. Нынѣ при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсень, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй,

начинать съезнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой».

Но, выслушавъ упрекъ отъ *Славянскаго Ежегодника*, отвѣтаемъ и ему такимъ же. Воспользуемся для этого словами покойнаго В. В. Макушева, приведенными въ его некрологѣ, помещенномъ въ этой же книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*. «Ни одно изъ славянскихъ племенъ (говорить В. В. Макушевъ) не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ ссѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнейшими временемъ и нынѣшніемъ. Поляковъ же мы знали и знаемъ менѣе, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или вѣрнѣ не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку¹⁾; нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ въ его прошломъ и настоящемъ». (Стр. 301—302).

Въ приведенныхъ словахъ рѣчъ идетъ не о политическомъ сближеніи между русскими и поляками, которое немыслимо при диаметральной противоположности стремлений русского и польско-шляхетскаго обществъ, но о сближеніи на нейтральной почвѣ науки, искусства и литературы, которое не можетъ быть чуждо и задачамъ киевскаго Славянскаго Общества. Между тѣмъ настоящій выпускъ его *Ежегодника*, давая русскому обществу нечто для знакомства съ чехами, болгарами и словаками, ничего не даетъ для знакомства съ польскою литературою. Польская литература принадлежитъ къ числу богатыхъ нѣрѣдко выдающимися научными и беллетристическими произведеніями; по для насъ она представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что по части южно-русской исторіи, этнографіи и пр. даетъ едва ли не болѣе, чѣмъ даемъ мы сами²⁾.

¹⁾ Разумѣются, конечно, переводы на польскій языкѣ нѣкоторыхъ сочиненій русскихъ писателей. Изъ недавно вышедшихъ въ польской библіографіи, приложеній въ концѣ см. *Ежегодника*, поименованы слѣдующіе: *Turgeniego, Iwan-Pamietniki maysliwca, przel.* Henryk Heng. tom I. В. 1880. *Pusskin. Cyganie, przekl膅d Mir. Dobrzanskiego*. Варшава. 1881. 31 стр. в *Gogol, Mikolaj. Martwe dasze*. Познавь. 1879. 363 стр.

²⁾ Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ хотя такія бѣглые указавія. Въ послѣдніе два-три года польская литература о Хильдінскомъ дала два выдающіяся историко-беллетристическія произведенія, какъ »Z burzliwej chwili« Ежа и »Ogniem i mieczem« Сенкевича (переводъ первого въ »Русской Мысли«, втораго въ »Живописномъ Обозрѣніи«), у насъ-же явилась только слабо-научная и претензіозная книжка Буцинскаго, да возобновленная 4-мъ типомъ монографія

Правда, что это условливается близостію нашей прежней и польской исторіи, отчасти же и особымъ взглядомъ польского общества на наши южныя и западныя области, которыхъ она не перестаетъ и теперь считать своими, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пользоваться ея произведеніями по этой части, когда нашихъ собственныхъ таѣь еще не много. Будемъ надѣяться, что наше Славянское Общество въ дальнійшихъ выпускахъ своего Ежегодника пополнитъ эту пробѣль, равно дасть намъ что либо изъ области вполнѣ родственной намъ литературы нашихъ галицкихъ братій, которыхъ, по своему уставу, Общество преимущественно имѣть въ виду.

Т. Ф.

Kolberg Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków 1883.
(Кольберг Оскаръ. Покутье. Этнографичекій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1883 г.).

Въ февральской книжкѣ »Кievskoy Stariiny« за текущій годъ мы уже дали читателямъ краткій отчетъ о первомъ томѣ замѣчательной работы О. Кольберга »Pokucie«. Въ настоящее время мы можемъ сдѣлать небольшое сообщеніе о второмъ томѣ этого сборника.

Въ этой книжкѣ помѣщено 512 пѣсень, изъ которыхъ большинство съ мелодіями подъ общимъ заглавиемъ »пѣсни и думы«. Чтобы чи-

Костомарова. По части нашей этнографіи у поляковъ явился капитальный трудъ Кольберга »Покутье«, мы-же ничего подобного противопоставить ему за это время не можемъ. Укажемъ также на ведавнія и свѣжо вышедшия въ польской литературѣ историческая сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе и нашъ мѣстный интересъ. Таковы. 1) *Historya Bazylianów w połockiej cerkwi w r. 1705, dnia 30 junia starego. Poznań (W. Simon) 1883,* 2) *Bykowshi Piotr Jaksza. Słoboda, powieść z dziejów zeszłowiecznej Ukrainy. Warszawa. 1883 r. (1884),* 3) *Gorzkowski M. Wskazówki do nowego obrazu Jana Matejki, Wernyhora, z побieżnym opisem o kozakach w ogole. Kraków. 1884.* 4) *Łuneeński T. Cmentarzysko starożytne w Łuskach i Grodzisku, w gub. Siedleckiej, w pow. Sokołowskim. Warszawa. 1883 r. z ryciną w tekscie.* 5) *Notatka o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku. Poznań. 1884. 80 fenig.* 6) *Popowski Boles. Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny (Odbitki ze Zbiora Wiad. do atr. kraj., tom. VIII 3) Kraków 1884.* 7) *Zuber Rud. Studya geologiczne we wschodnich Karpatach, część II. Lwów. 1883.* 8) *Podbereski Andrzej. Materiały do demonologii ludu ukraїnskiego. Krakowъ. 82 стр. 9) DeLaveaux, Ludwik. Michał Glinski, szkic historyczny. Львовъ. 45 стр. и проч.*

татель не быть введенъ въ заблужденіе этимъ заголовкомъ, и долженъ предупредить его, что терминологія О. Кольберга, принятая имъ въ польскихъ этнографическихъ работахъ и всецѣло перенесенная въ его *«Rokusie»*, существенно рознится отъ терминологіи усвоенной южно-русской этнографіей. Название *дума* у Кольберга не означаетъ того, что мы привыкли называть думою, т. е. эпическихъ козацкихъ рапсодовъ, исполняемыхъ бандуристами. Польская дума имѣть довольно неопределенное значеніе; она присвоется каждой почти пѣснѣ народной съ серьезнымъ содержаніемъ и напѣвомъ, если только эта пѣсня не обрядного цикла. Бывають слѣдовательно у Кольберга думы самаго разнообразнаго содержанія: историческая, баллады, любовныя, семейныя, бытовыя и т. п.; дѣйствительныхъ-же думъ кобзарскихъ у него, разумѣется, нѣть вовсе. Классификація пѣсенного материала тоже не совладаетъ съ установленвшимся классификацией южно-русской этнографіи, хотя и основана не па формѣ, а на содержаніи пѣсень. Такъ напр. въ отдѣлѣ IV *Dumy i pieśni z lotne* читатель найдетъ баллады (№№ 110, 113, 120) и разбойничьи (№ 111, 112) пѣсни. Вообще говоря, классификація Кольберга, довольно неустойчивая, не вполнѣ определенная и сбивчивая составляетъ главный, хотя и единственный недостатокъ II-го тома *«Rokusie»*. Вследствіе этого недостатка материала, распределенный на 15 отдѣловъ, подчасъ до того перепутанъ, что подбирая однородныхъ пѣсни, приходится рыться почти по всѣмъ отдѣламъ.

Такая участъ постигла напр. пѣсни историко-бытowego характера, которыя вошли во многіе отдѣлы, миновавъ отдѣлъ I *Dumy historyczne*. Среди двадцати пѣсень этого отдѣла, я нашелъ только двѣ пѣсни исторической; это: два прекрасныхъ варианта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ и три варианта пѣсни о Бондаринѣ и Потоцкому (пань Кашевскій); остальные пѣсни ничего исторического въ себѣ не заключаютъ, и приходится ихъ отнести къ балладамъ и къ разбойницкимъ. Въ поясненіи къ пѣснѣ о Савѣ Чаломъ (стр. 289), где авторъ приводить и вариантъ Срезневскаго, онъ дѣлаетъ старую ошибку нашихъ историковъ, пріурочивая личность Савы Чалого къ временамъ Наливайки, ошибку давно выясненную актами о гайдамакахъ, изданными въ 1876 г. Временнюю комиссию для разбора древнихъ актовъ. Бытовыхъ козацкихъ пѣсень записано Кольбергомъ болѣе двухъ десятковъ. Сохранились онъ отчасти въ чистомъ видѣ (№№ 109, 353, 398, 410, 412—417), частью-же пріурочены къ новому солдатскому типу (№№ 40, 402, 408, 418—420, 424, 426.), но пріуроченіе это почти всегда ограничилось замѣтою слова *козаки* на *живунрыки*, *гранатыри*, *уланы* и т. п.

Даже въ извѣстной невольницкой пѣснѣ о выкупѣ любимою дѣвушкою (№ 418, 420) фигурируютъ жолнеры.

Дѣйствительныхъ солдатскихъ пѣсенъ, созданныхъ новой солдатской жизнью, весьма мало и тѣ по содержанію мало чѣмъ отличаются отъ пѣсень рекрутскихъ, которыхъ довольно много (№№ 373—391, 394, 396, 397, 399,—401, 404, 411, 422, 423). Всѣ онѣ носятъ тотъ-же характеръ, какимъ отличаются и наши рекрутскія пѣсни; разлука, съ семьей, милой, съ родиной, жалоба на тѣгость ненавистной службы,—и нп одной черты патріотического сознанія долга. Какъ у насъ, такъ и на Подгорѣ нѣть ни одной веселой пѣсни рекрутской или солдатской. Я здѣсь, разумѣется, не говорю о нашихъ лагерныхъ, такъ сказать офиціальныхъ, пѣсняхъ. Среди рекрутскихъ пѣсель есть иѣсколько варіантовъ, общихъ нашимъ подольскимъ и волынскимъ, но большинство изъ нихъ выросло на мѣстной галицкой почвѣ и носятъ своеобразный мѣстный характеръ, обусловливаемый австрійскими порядками рекрутского набора и подгорскими отношеніями.

Тотъ-же мѣстный характеръ носятъ и пѣсни о панщинѣ (№ 451, 455), и »про волю« (№ 457—460). Въ одной пѣснѣ о панщинѣ (№ 455), какъ единственное спасеніе, указываются горы и опрышки (бандиты). Четыре оригинальныя пѣсни о волѣ проникнуты благодарностью цисару (императору) за освобожденіе крестьянъ и єдкимъ сарказмомъ, направленнымъ противъ пановъ-ляховъ, гоняющихъ за ушедшую пансиною.

Междуди пѣснями бытовыми, кроме иѣсколькихъ бурлацкихъ и чумакиыхъ, залетѣвшихъ на Подгорѣ въ довольно искаженныхъ и неполныхъ варіантахъ, попадаются и пѣсни совершенно мѣстного типа: это пѣсни о чабанѣ—настущескія (№ 477, 478) и разбойницѣ.

Эти послѣднія не носятъ полнаго характера настоящихъ пѣсень опрышиковъ Чорной горы. Онѣ не рисуютъ намъ горскихъ бандитовъ, ихъ жизни и обычаевъ; онѣ подходятъ по своему содержанію къ особому роду балладъ, рассказывающихъ о разныхъ убийствахъ, грабежахъ и насилияхъ. Словомъ, это эпические разсказы о похожденіяхъ разбойниковъ не въ смыслѣ воспѣванія подвиговъ удалыхъ опрышиковъ, а въ смыслѣ рассказа о постигшемъ кого нибудь несчастьи. И потому и по содержанію онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ балладъ, къ которымъ, надо замѣтить, Подгорѣ питаетъ особое влеченіе. Въ I и II отдѣлахъ читатель найдетъ болѣе пятидесяти самыхъ разнообразныхъ балладъ. Начиная отъ балладъ общесеверо-европейского выясненнаго цикла, какъ напримѣръ о кровосмѣщеніи, и кончая пѣсней о какомъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событий, можемъ на Покутїи

найти почти всю баллады, известныя во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами.

Къ болѣе полнымъ и интереснымъ варіантамъ общеизвѣстныхъ балладъ, надо отнести слѣдующія: *объ отравленіи сестрой брата*, служившаго помѣхой въ выходѣ ся замужъ (№ 52, 54), семь самыхъ разнообразныхъ варіантовъ *объ убийствѣ и ограбленіи подговоренной къ побѣгу дѣвушки* (№ 21—26, 110.), составляющіе одну изъ переходныхъ ступеней отъ извѣстныхъ прежде южно-русскихъ къ польскимъ варіантамъ этой бretонской легенды, о *превращеніи нелюбимой невѣсты въ тополю* или *лворъ* (№ 45, 46); о *Петруши*, пригляднувшемся барынѣ (№ 56, 57), которой *pendant* является баллада о *Наастѣ*, пригляднувшейся барину (№ 58, 59) и др.

Междѣ этими пѣснями есть одна баллада нравственного содержанія о сынѣ, который прогналъ изъ дома старую мать, но наказанный за это ея молитвами, приходитъ просить ее вернуться опять къ нему. Пѣсни эта по содержанію почти тождественна съ Вересаевскою думою о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Является интересный вопросъ о генетической связи пѣсни и думы: родила-ли пѣснь думу, или дума перенята народомъ въ формѣ пѣсни?

Кромѣ балладъ общеизвѣстныхъ, составляющихъ такъ называемую *бродячую* народную литературу, есть много балладъ чисто мѣстного характера, какъ напримѣръ: убийство урлениками (и обиженными солдатами) мѣстного войта за оскорблѣніе (№ 15). Способность къ эпическому творчеству на Подгоріѣ очень живучая; сказывается она при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе или менѣе выдающейся фантъ обыкновенно рождаетъ пѣснь. Въ 1873 г. въ Испасѣ умеръ молодой юноша Иванъ Юрченко отъ чахотки; женщины подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ любовницѣю и одна изъ газдинъ Ани Чартецкая складываетъ про него пѣсню, (№ 14, 511) которая немедленно перенимается и затѣмъ становится достояніемъ народа.

Лирическихъ псалмовъ (*Pieśni nabożne i diałowskie*) есть 19, посвященныхъ общему ихъ репертуару пѣсень религіозныхъ и нравственныхъ. Въ нихъ явно проглядываетъ двѣ культуры: уніатская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чисто польскимъ наслѣдіемъ. Изъ лучшихъ и менѣе извѣстныхъ пѣсень надо отмѣтить два варіанта о св. Олексіѣ (№ 501, 502).

Среди разныхъ шуточныхъ пѣсень, иногда весьма характерныхъ по юмору и сарказму, какъ напримѣръ пѣснь о грибахъ (№ 488) или о составныхъ пѣсняхъ (№ 487), и въ удивленію моему встрѣтилъ два варіанта извѣстной пѣсни о Грицѣ Мудромъ изъ Коломыи, пасшемъ

свишнѣ по латыни (№ 462, 463) съ мелодіей. Варіанты цоволно полны, но мелодія, хотя и напоминает слышанную мною неоднократно въ Кіевѣ, значительно искажена. Г. Кольбергъ подъ этой пѣсней замѣчаетъ, что она поется дѣтками и другими грамотными людьми.

Пѣсни любовныя и семейныя, перемѣшанные въ девяти отдѣлахъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, составляютъ болѣе или менѣе сходные варіанты подольскихъ пѣсень и особаго вниманія по своему содержанію не заслуживаютъ. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсень—это замѣчательной ихъ поэтичности вообще. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ вась невольно поражаешь въ сборникѣ по-покутскии высокожудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсень.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе 2-го тома замѣчательного труда Кольберга. О достоинствахъ вообще его этнографическихъ работъ мы имѣли случай прежде высказаться; въ смыслѣ материала этотъ новый томъ даетъ не мало нового и еще болѣе—для сравнительныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи.

Ц Нейманъ.

Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картой. Одесса 1884 г. (8-о, 82 стр.).

Кто изъ цѣнителей южно-русского народнаго творчества не знаетъ замѣчательно художественной думы объ Азовскихъ братьяхъ, одной изъ лучшихъ среди немногихъ невольническихъ думъ, ироникнотой, какъ и всѣ онѣ, глубокимъ искреннимъ лиризмомъ? Думу эту г. Андріевскій избралъ предметомъ публичной своей лекціи въ г. Екатеринославѣ, которую потомъ издалъ отдѣльной брошюрой. Выбора автора нельзя не назвать весьма удачнымъ, а намѣреніе его популяризировать одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ старо-козацкаго эпоса достойно благодарности, какъ первая попытка пробудить въ образованномъ обществѣ интересъ къ ознакомленію съ богатѣйшимъ и высшимъ содержаніемъ нашей народной музы.

Приималась за объясненіе думы о трехъ братьяхъ, авторъ, какъ видно, старался собрать возможно полне все осколки повѣствованія, разсыпанные во многимъ известными ся варіантами, составить сводную ясную картину, изображаемую думою, указать на ея эпическая и поэти-

ческия достоинства, освѣтить и выяснить бытовую и историческую сторону этой повѣсти давнихъ времень.

Автору извѣстны девять варіантовъ этой думы, именно: шесть, помещенныхъ въ I томъ Истор. Пѣсень, изд. юго-зап. отдѣломъ геогр. общества, два, приведенные неполно Н. Костомаровымъ въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. № 2, и одинъ, напечатанный въ «Кievской Старинѣ» 1882 г. № 12. Кроме того авторъ знаетъ одинъ неизданный варіантъ, записанный г. Манджурою. Матеріалъ довольно богатый для изслѣдованія; но мы можемъ указать еще одинъ варіантъ той же думы, упущеній изъ виду г. Апдріевскимъ, именно варіантъ кобзарей Братицы и Дуба, въ изданіи того же отдѣла геогр. общ. за 1874 г. (II, стр. 119), варіантъ довольно цѣнны по иѣкоторымъ особенностямъ, хотя и далеко не полный.

Сравнивая вышеизвѣстные варіанты, авторъ находитъ въ нихъ три различныхъ редакціи: полную, среднюю и краткую. Существенная разница между ними, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что они неоднаково представляютъ послѣднюю судьбу двухъ старшихъ братьевъ: четыре варіанта передаютъ, что послѣ благополучного ихъ возвращенія домой были обнаружены обманъ и жестокосердіе старшаго брата, равно сострадательность и правдивость средняго, при чемъ первый понесъ заслуженное наказаніе, а второй вознагражденъ; но четыремъ другимъ оба брата не достигли родительского дома и за то, что бросили младшаго брата въ степи, поплатились сами смертью отъ настигшихъ ихъ татаръ; два-же варіанта, упоминая лишь кратко о возвращеніи старшихъ братьевъ домой, влагаютъ въ ихъ уста прощаніе турецкой невольнице и молитву къ Богу объ избавленіи христіанъ отъ такой напасті. Авторъ не считаетъ существенною частью думы заключительного финала всѣхъ варіантовъ, желая тѣмъ объяснить произшедшую въ передачѣ одной и той-же думы разницу; но его мнѣнію этотъ финальъ созданъ впослѣдствіи пѣвцами думы, каждымъ самостоительно, въ силу необходимости дать заинтересованнымъ слушателямъ какой нибудь эпилогъ, выясняющій судьбу старшихъ братьевъ послѣ смерти младшаго.

Мы не можемъ согласиться ни съ доцущеннымъ авторомъ дѣлениемъ варіантовъ думы о трехъ братьяхъ на три редакціи, ни тѣмъ болѣе съ его мнѣніемъ о происхожденіи и значенія ихъ финала.

По нашему мнѣнію, въ варіантахъ думы можно признать только двѣ первыя редакціи; что же касается 3-го извода (Крячковскаго и Весресамъ), то въ немъ никакъ нельзя видѣть особой редакціи, такъ какъ заключительная часть этого извода дословно заимствована изъ двухъ другихъ думъ, именно: «Плачь невольникою на турецкой каторгѣ» и

» Плачъ невольника о выкупѣ «. Произошло это вслѣдствіе забвенія цѣв-
цами дѣйствительного эпилога, а не въ силу необходимости создать та-
кой эпилогъ. Что это такъ, показываетъ не соотвѣтствіе эпилога думѣ
о трехъ братьяхъ въ 3-мъ изводѣ и полное его согласіе съ двуми
другими названными думами. Проклятие земли турецкой и вѣры бусур-
манской естественно въ устахъ невольниковъ, прикованныхъ на вѣки
къ веслу турецкаго судна, но совершенно нецримѣнно къ счастливо
возвратившимся на родину братьямъ. Тоже должно сказать и о молитвѣ
къ Богу: она также умѣстна въ »Плачъ невольниковъ«, какъ умѣстенъ
въ думѣ о трехъ братьяхъ финалъ, что память объ нихъ не умрѣть,
не погибнуть, а будетъ воспѣваться въ назиданіе до конца вѣка. Такой
финалъ въ этой послѣдней думѣ заключаетъ въ себѣ всю мораль
думы, не говоря уже о томъ, что безъ нея дума не имѣла бы закончен-
ности эпического разсказа. Дидактическое значеніе думы творчества
не подлежитъ сомнѣнію; оно проглядываетъ ясно во всѣхъ думахъ въ
той или другой формѣ, причемъ назиданіе посвящается не только
сферѣ семейныхъ отношеній, но также и общественныхъ. Между тѣмъ
признавая заключительную часть думы за несущественный, позд-
нѣйшій досказъ въ угоду заинтересованной публики, авторъ разбираемой
брошюры лишаетъ думу существенной и важной ея черты — назидатель-
ности.

Приступая къ изложению содержания думы, авторъ предосыпаетъ
ему весьма цѣнныя объясненія, особенно относительно обстоятельствъ
мѣста и времени дѣйствія разсказа и бытовыхъ подробностей думы.
Онъ рисуетъ намъ географическую карту пространства между Азовскимъ
моремъ и р. Самарою и выясняетъ топографію мѣстности, относящейся
къ думѣ, по памятникамъ историческимъ и преданіямъ, съ цѣллю опре-
дѣлить путь, по которому возвращались братья изъ неволи.

Въ XV—XVI вв. было два пути по этой мѣстности; одинъ водный
по р. Самарѣ, съ притоку Волчьи воды и Міусу (нынѣ Калмыку) на
Мариуполь (Маріуполь), а другой сухопутный къ р. Омельнику, съ на-
чала потому-же пути, а затѣмъ по верховьямъ рр. Крымки (нынѣ Кринки)
и теперешнаго Міуса възлѣ Савуръ-горы, къ гирляндѣ р. Дона. Встрѣ-
тавъ въ думѣ названія р. Крымки, байрака-мелюса (а въ одноть варі-
антѣ — Міусъ), и постолинную Савуръ-могилу, авторъ приходитъ къ убѣж-
денію, что братья бѣжали именно по этому второму пути. Установивъ
этотъ предполагаемый путь, авторъ сообразно съ нимъ распредѣляетъ
порядокъ спутанныхъ иногда въ разныхъ вариантахъ частей думы. Намъ
кажется однако, что онъ слишкомъ много придаетъ цѣнны географиче-
скимъ названіямъ думы и совершенно напрасно старается насильно

свести ихъ съ названіями нынѣшихъ картъ. Стремленіе это повело автора къ слѣдующему противорѣчію. По думѣ, во всѣхъ почти ея варіантахъ, Савуръ-могила опредѣляется въ мѣстности Муравской дороги и р. Самары; но въ ней ни слова пѣть о томъ, чтобы эта могила лежала на ихъ пути еще возлѣ рр. Кринки и теперешняго Miуса, т. е. тамъ гдѣ, ее опредѣлилъ по географическимъ картамъ г. Андреевскій. Если бы младшему брату приходилось, побывавъ на Муравскомъ шляху, умирать на географической Савуръ-горѣ, то онъ долженъ былъ-бы для этой цѣли возвращаться назадъ, по опредѣленію автора, цѣлыхъ 156 верстъ. Это явное несоотвѣтствіе думной Савуръ-могилы съ географической заставляетъ автора объяснять соотвѣтственное мѣсто думы вліяніемъ пѣсни о Морозенкѣ, который тоже умираетъ на Савуръ-могилѣ, а въ пересказѣ думы онъ заставляетъ братьевъ дѣлать привалъ на географической могилѣ, а младшаго брата умирать на гладкой дорогѣ, вопреки почти единогласному разсказу во всѣхъ варіантахъ. Единственный варіантъ Срезневскаго, не упоминающій Савуръ-могилы, какъ мѣста смерти младшаго брата, представляется въ разсказѣ объ этомъ событии явные пропуски и неполноту и не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать смерть этого брата не на могилѣ, да и другого мѣста—чистого поля, бывшаго шляха и т. п. онъ также не опредѣляетъ. Гораздо проще отрѣшиться вовсе отъ желанія пріурочить разсказъ думы къ географической Савуръ-горѣ, а думную Савуръ-могилу искать на Муравскомъ шляху. Если здѣсь географическія карты не указываютъ такой могилы, то это еще не даетъ права категорически отрицать ея существованіе; наконецъ название прежнее Савуръ-могилы, относившееся быть можетъ къ какому нибудь кургану около Самары, могло забыться и утратиться. Подобное предположеніе весьма правоуодобно. Географическая теперешняя Савуръ-могила стоять слишкомъ въ сторонѣ отъ арены прежней козацкой жизни, чтобы могла оставить въ народной поэзіи столь распространенное и излюбленное о себѣ воспоминаніе.—Самъ авторъ признаѣтъ, что съ течениемъ времени географическія названія переносятся съ одного мѣста на другое, какъ это случилось съ р. Miусомъ; почему-же не могло случиться подобного и съ Савуръ-могилой? Если самъ авторъ признаѣтъ, что и въ настоящее время многимъ могиламъ присваивается название Савуръ-могилы, какъ напр. въ калевскомъ уѣздѣ, то почему-же онъ за настоящую Савуръ-могилу признаѣтъ именно ту, которая попала на географическую карту? Есть даже иѣкоторые основанія полагать, что въ мѣстѣ, опредѣляемомъ, думою была могила того-же названія. Это во первыхъ видно изъ приводимыхъ самимъ авторомъ словъ Вересая, который назначаетъ ей мѣсто не тамъ, гдѣ она значится на картѣ, а далѣ-

ко западище, »по дорогѣ въ Марнополь«, которая никакимъ образомъ по верховьямъ теперешнаго Миуса проходить не могла, а оставляла ихъ далеко на востокъ. — Кромѣ того въ I т. Ист. Нѣсенъ говорится, что »Савуръ-могила, часто упоминаемая въ вѣснахъ, была гдѣ-то около рѣки Самары«, на основаніи, какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ издателей этихъ вѣсенъ, преданія, записанного г. Манджурою, о томъ, что эта могила находилась именно у верховьевъ р. Самары, т. е. въ той мѣстности, по которой проходилъ Муравскій шляхъ.

Въ объясненіяхъ текста думы г. Андріевскій старается быть какъ можно болѣе точнымъ и обстоятельнымъ, но допускаетъ нѣкоторыи певѣршии толкованія и преувеличенія. Отмѣтимъ ихъ, избѣгая утомительныхъ подробностей. Авторъ утверждаетъ, что побѣгъ трехъ братьевъ изъ неволи долженъ былъ совершиться радиою весною, и подтвержденіе этого видитъ между прочимъ въ томъ мѣстѣ думы, гдѣ говорится о появленіи; *своїй зозули* во какъ предысторией весны считается обыкновенно не кукушка, а ласточка, то именно эту птицу опять разумѣеть подъ словомъ *зозула* (стр. 74) и приводить для этого слѣдующія основанія. Во первыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчается слово *зезица*, а г. Погосскій слышать въ дѣствѣ это слово, какъ название ласточки, въ »Причитаніяхъ же сѣвернаго края« (Барсова) въ томъ-же будто-бы смыслѣ встрѣчается слово *зозозочка*. Слова эти авторъ признаетъ однозвучными и однокоренными съ зозулой (*зоз-уля*—*зез-уля*?). Но если-бы и такъ, то г. Потебія цѣлымъ рядомъ сближеній (Слово о Полку Игоревѣ, стр. 135—139) доказалъ, что зезица ничто иное, какъ кукушка, которая такъ-же куетъ, какъ и наша зозуля, и что ея кукованіе служить въ Словѣ такимъ-же образомъ плача Ярославны, какъ кукованье нашей сивой зозули образомъ плача сестры и матери. Прибавимъ къ этому, что чешское *Žehžule* и польское *zieziula* и *zuzela*¹⁾ означаютъ ничто иное, какъ кукушку. Во вторыхъ считать зозулю ласточкою, по мнѣнію автора, заставляетъ придана этому слову эпитета *сизак*, это постоянній эпитетъ не кукушки, а ласточки. Но если этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ зозулѣ встрѣчается въ однихъ вариантахъ думы, то въ другихъ (Кожабы, Вересай, Кричковскаго и Крюковскаго) постоянно читаемъ *сивак* или *спѣляк*, а это можетъ относиться только къ кукушкѣ, имѣющей всю спинку и головку пепельнаго цвета, а не къ ласточекѣ съ бѣлымъ брюшкомъ и коричневымъ горломъ. Въ третьихъ, по мнѣнію автора, въ думѣ подъ именемъ зозули потому

1) *Zbiór. Wiad do Antr. krajow. Kraków I.* стр. 102: Ej, zieziula, zieziula! Ille lat do mego wesela? или *Kukuweczko, zuzela!* Ille lat do mego wesela?

надо разумѣть ласточку, что имя ласточки употребляется пародомъ, какъ ласкательный эпитетъ иѣжной матери или сестры; но въ думѣ зозуля является образомъ плачущей, скорбящей матери, въ этомъ смыслѣ у великороссона, и у малороссона, у целиковъ и у чеховъ въ пѣсняхъ семейныхъ употребляется имя кукушень, которая испрахѣнно жалобно куетъ, что несомнѣнно съ представлениемъ о ласточкѣ.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ, дающимъ нерѣдко весьма любопытные и цѣльные комментаріи исторически-бытового характера, въ томъ мѣстѣ, где онъ, увлеченный стремлениемъ извлечь изъ текста думы, какъ можно болѣе, содержанія, допускается, кромѣ безсрочкой каторги въ пѣснѣ у турокъ и татаръ, еще и срочную. Основаніе для этого онъ находитъ въ томъ, что въ иѣкоторыхъ вариантахъ думы каторга названа *довичной*: если была де-скать каторга *довичная*, безсрочная, то была и срочная. Но крохѣ заключенія *a contrario* едва ли тутъ можетъ быть какое либо другое основаніе. Иначе не доказывается здесь ссылка автора на Герберштейна; постѣдній описываетъ неволю только по рассказамъ въ Москвѣ и не видѣлъ ее лично. Служба на галерахъ могла быть только безсрочная, какъ и самая неволя. Случайный лишь выкупъ и смерть избавляли невольника отъ галерного весла. Это ясно проглядываетъ какъ изъ богатыхъ цитатъ, приведенныхъ подъ невольницкими думами (изъ Историч. Пѣсняхъ Мал. Народа), такъ и изъ самаго текста думъ. Плачъ пѣлинковъ на турецкой каторгѣ рисуется намъ окончательное отчаяніе невольниковъ, которые просятъ, какъ спасенія, гибели корабля, на которомъ работаютъ другого перехода и конца мукъ не видѣть. Ни одного упоминанія нѣть въ думахъ о срочкѣ службы на каторгѣ; напротивъ въ думѣ о Самуилѣ Конѣ козакѣ сорокѣ лѣтъ уже прикованы (разумѣется, гиербола) и единственная ихъ надежда — удачный побѣгъ. Думы вообще и въ частности дума о трехъ братьяхъ говорятъ только о каторгѣ *довичной*, или безсрочной.

Пересказъ содержанія думы слѣданъ авторомъ въ прозѣ на русскомъ языкѣ весьма удачно. Онъ сумѣлъ до мельчайшихъ подробностей собрать почти все, что давалъ разрозненный по известнымъ ему вариантахъ материалъ и сгруппировать въ одну общую картину. Но несмотря на всѣ достоинства пересказа, онъ страдаетъ также иѣкоторыми промахами, которыхъ не можемъ не отмѣтить.

Прежде всего, авторъ не всегда вѣрно переводить малорусскія выраженія. На стр. 27 слова: »тило мос звиру, штыци на постали не дайте « онъ переводить такъ: »не оставляйте меня въ птицѣ звирю и птицѣ (стр. 27).

Но слово *помала* вообще и въ данномъ случаѣ означаетъ *поруганіе*, какъ видно изъ словъ варіанта Братицѣ и Дуба, непозвестнаго автору:

Стали (орлы) на ёго чорни кудри наступати,

Стали ёго козацькую тварь *зневажити* (оскорблять).

Столь-же невѣрно авторъ перевелъ слѣдующій картиныи образъ: «Тильки поле леліе, на щему трава зелена зеленіе» — словами: «впереди его только степь чернѣеть и колеблется словно море; на ней трава зеленѣеть». Степь чернѣеть, когда на ней идуть травы, — колеблется, волнуется, когда трава высокая, побѣгъ-же братъиъ, какъ и авторъ говоритъ, былъ раннею весною. Какимъ-же образомъ степь могла въ то время колебаться, словно море, высокою травою и черпѣть, какъ выжженная долгимъ лѣтнимъ зноемъ? Если, во избѣжаніе этой несообразности, слово *леліе* перевести, согласно съ г. Потебицю (Слово о полку Игоревѣ стр. 96), словомъ *блеститъ*, въ какомъ значеніи оно дѣйствительно употребляется, то получится совершенно ясный и подходящій образъ: только поле (ровное, гладкое, безъ байраковъ) блеститъ и на немъ трава зеленѣеть.

Въ фразѣ: *кони вакувати* (стр. 76), авторъ для объясненія послѣдняго слова обращается къ татарскому слову *вака* — накладываніе кулей, такъ что: *кони вакувати*, по его мнѣнію, значить: отягощать коней кладью. Но слово *вакувать* имѣетъ корень латинскій и представляетъ два значенія: недоставать и тратиться безъ употребленія, безъ пользы, напр.: «не было чимъ иоля засіяти, то воно й теперь вакується», и въ томъ-же смыслѣ это слово употреблено и въ думѣ.

Наконецъ слова думы: «отцеву и матчину молитву споминае» авторъ передаетъ по русски такъ: «отца и матери вспоминасть, молится за нихъ и отдастъ Богу душу» (стр. 35). На этомъ переводѣ онъ строить даже характеристику младшаго брата въ такихъ словахъ: «Его глубокая дѣтская иѣжность и заботливость, его всегдашняя память объ отцѣ и матери выражается въ томъ, что послѣднєю его мыслию и молитвою была именно мысль и молитва не о себѣ, но объ отцѣ и матери» (стр. 45). Между тѣмъ, сопоставивъ это мѣсто думы съ такимъ-же мѣстомъ объ Олексіѣ Поповичѣ, на которую авторъ ссылается, нельзя не видѣть, что умирающій юноша молился именно о себѣ, вспомнивъ материнскую и отцовскую молитву, т. е. молитву, которой его въ дѣтствѣ учили родители; это и просто и естественно.

Неправильные переводы и невѣрное толкованіе выражений думы часто служатъ причиной и неправильныхъ выводовъ автора, что особенно ярко выступаетъ въ сдѣланной имъ характеристицѣ трехъ братьевъ. Перевела слова старшаго брата: чи-жъ подобенство, мій брате, и проч.

словами: *разъять миль это прилично* (стр. 39), авторъ поэтому видѣть въ немъ галантность, щепетильность и уточненную деликатность по отношенію къ своей собственной особѣ; онъ дескать знаетъ, что ему прилично и что неприлично. Но словъ: *чижъ подобенство* иначе нельзѧ перевести, какъ словами: *разъять это похоже на что нибудь, разъять это возможно*, а при такомъ переводе сдѣлали можно видѣть, въ словахъ старшаго брата что либо другое, кромѣ весьма обыденнаго грубаго эгоизма.

Не вѣрна и не отвѣтаетъ лѣмъ и вообще характеристика, даваемая авторомъ старшему брату, въ которомъ онъ старается представить какого то чернаго генія. Старшему брату, какъ болѣе практичному, удалось набрать болѣе турецкаго добра. Для спасенія его во время цугони, онъ забываетъ даже родственное чувство въ отношеніи къ младшему брату и отказывается взять его на коня. Лишь добѣжавъ до р. Самары и видя себя уже спасеннымъ, онъ чувствуетъ укоры совѣсти, сожалѣть о братѣ; но сознавая, что уже поздно, что братъ до этого времени умеръ глѣ-либо съ голоду, онъ приказываетъ среднему брату молчать предъ родителями объ участіи младшаго, погибшаго, когда возвращался домой, а про себя радуется тому, что убыло однимъ наслѣдникомъ. Такъ рисуетъ старшаго брата дума; авторъ же видѣть въ немъ далеко болѣе порочнаго человѣка. Онъ находить въ немъ еще въ Азовѣ затаенные мысли, (стр. 37) избавившись отъ младшаго брата, завладѣть его наслѣдствомъ, называетъ его лицемѣромъ, хитрецомъ (стр. 39) и вообразивъ его такимъ, затрудняется объяснить его раскаяніе у р. Самары и, видя въ этомъ мѣстѣ (стр. 53) искаженіе думы, упрекаетъ за то пѣвцовъ. Между тѣмъ съ большей справедливостью можно упрекнуть автора за то, что онъ, разбирая думу, не передаетъ ей мыслей и образовъ, а видѣть въ думѣ собственную фантазію и досадуетъ на то, что она не сложена по его замысленію.

Къ догадкамъ, иногда мелочнымъ и празднымъ, авторъ весьма склоненъ. Онъ напримѣръ догадывается (стр. 42), безъ вскихъ, по собственному признанію, данныхыхъ, что старшіе братья задумали бѣжать безъ младшаго и что послѣдній какъ нибудь случайно узнавъ объ этомъ; равно онъ изъ словъ думы: *орлы на кудри черные наступали* — заключилъ, что младшій братъ выбрался изъ Азова даже безъ шапки, и т. под.

Какъ ни симпатична мысль автора популяризациіи нашихъ думъ, этихъ драгоценныхъ памятниковъ малорусскаго эпического творчества, но мы его попытку въ этомъ направленіи должны признать не вполнѣ удачною. Авторъ много затратилъ труда для историческихъ и топографическихъ комментаріевъ, въ ущербъ литературной разработкѣ памятника.

Нарисованная и прекрасно выясненная карта весьма интересна, это и правда; но она излишня для объясненія думы. Достаточно было выяснить въ короткихъ словахъ значеніе слова *мелюсъ*, указать характеръ лѣтности между г. Азовомъ и рѣкой Самарой, указать, что путь братьевъ долженъ быть пересѣчь Муравскій пѣдъхъ уже недалеко отъ р. Самары, — и только. Главное же вниманіе автору слѣдовало обратить на содержаніе думы, которое онъ передалъ хотя и подробно, но подчасъ совершен-но невѣрно, увлекшись собственнымъ воображеніемъ или невѣрно понявъ малорусскій текстъ. Затѣмъ, разборъ содержанія онъ ограничилъ почти исключительно характеристикой братьевъ, въ которой, тоже отступивъ отъ текста думы, рисовалъ на ея тему собственные образы. Значеніе же этой думы среди цѣлаго ихъ цикла вообще и невольницкаго въ частности, ея эпическое богатство, ея оригинальныя черты поэтическій, ставящія это думу на ряду съ первоклассными рапсодіями народнаго творчества — все это осталось не выясненнымъ, даже не намѣченнымъ. Авторъ не позаботился познакомить читателя съ оригиналной думной формой, которой иѣть ни у одного славянскаго народа; не откѣтилъ даже характеристику пріемовъ эпического сравненія, почти тождественныхъ съ пріемами Слова о Полку Игоревѣ; не опредѣлилъ художественной силы и богатства языка думы, словомъ онъ не далъ никакого выясненія самородности и цѣнности памятника.

Въ параграфѣ «нравоучительная тенденція думы» онъ разсказываетъ много, но не выясняетъ ея морали, ея высокаго представлениія о нравственныхъ семействыхъ началахъ, которыя составляютъ отличительную черту всего южно-русскаго народнаго творчества и быта. Думы наши преимущественно передъ прочими памятниками народнаго творчества заслуживаютъ болѣе всесторонней оценки и болѣе серьезнаго къ себѣ и къ своему тексту вниманія, чѣмъ оказалъ авторъ.

Каковы бы впрочемъ ни были недостатки статьи г. Андріевскаго, мы все таки должны сказать ему искреннее спасибо за многое его интересные комментаріи, а главное — за счастливую мысль и начинъ въ новомъ, не практиковавшемся у насъ дѣлѣ.

Ц. Нейманъ.

Библиографический указатель трудовъ Н. Н. Чубинской.

Основа 1861 г. Іюль. *Минулосъ* (стихотвореніе). Августъ. *Полуковщина* (лѣстный мірской сборъ). Октябрь. *Изъ Борисполя* (значеніе моторича въ договорѣ, хозяйственныя товарищества, наемъ работниковъ).

Черніговський Листокъ 1861. № 8. Нѣсколько словъ объ обычаяхъ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсень для криминалиста.

Основа 1862 г. Мартъ. Український спектакль въ Черніговѣ. Апрѣль. Два слова о сельскомъ училищѣ вообще и объ училищѣ для сельскихъ учителей. Апрѣль. Історія бориспольской школы. Іюнь. Изъ Борисполя. Іюнь. Замѣтка по поводу лѣсокозяйства и лѣсокраляства. Іюль. Ярмарокъ въ Борисполѣ.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости 1862 г. Программа для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи.

Напічное народонаселеніе г. Архангельска по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ Комитетомъ въ назначенный день 22 декабря 1863 года. Арханг. 1864.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1864 г. № 10. Программа для зборіання статистическихъ свѣдѣній. № 21—24. Программа этнографії. № 25. Программа обычнаго права. № 38. Колонизація мурманскаго россійскаго берега.

Памятная книжка архангельской губерніи на 1864. годъ. Арханг. 1865 г. Статистические таблицы и вѣдомости за 1863 годъ, съ предисловіемъ Чубинскаго.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г. № 10. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1838 по 1865 годъ.

Труды Императорскаго вольнаго экономического Общества 1866 г., т. IV, вып. 1-й. Солевареніе въ архангельской губерніи (перепечатано въ Арханг. Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 15—17).

Труды Архангельского Статистического Комитета за 1865 г. кн. 2 я. Арханг. 1866 г. Здѣсь помѣщены: статистическо-этнографический очеркъ Корелы. Статистика рожденій, браковъ и смертности по г. Архангельску за 10 лѣтъ. Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздныхъ городахъ и посадахъ арханг. губерніи. Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ арханг. губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономического Общества 1867 г., т. I, вып. 4-й. Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ архангельской губерніи, съ показаніемъ количества каждого.

Кромѣ того Чубинскимъ, какъ видно изъ его отчета о дѣятельности Архангельского Статистического Комитета за 1866 годъ, были доставлены въ Вольное экономическое общество слѣдующія статьи и записки: 1) о хлѣбокаштѣ и продовольствіи жителей архангельской губерніи, 2) О мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, 3) О торговлѣ товаровъ съ Норвегією, 4) О колонизації сѣверо-западной части мурман-

скаго берега, 5) О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, 6) О морскомъ судостроеніи, 7) О вывозной торговлѣ архангельского порта, 8) О Короліи архангельской губерніи, 9) О лоцарихъ, 10) О Новой Землѣ и о бояхъ морскихъ звѣрей, 11) О зашечорскомъ краѣ, 12) Проектъ компаніи подъ названіемъ: Лукоморскій Лойдъ и Печорско-обская компанія. Были ли эти статьи напечатаны Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, неизвѣстно, но извѣстно, что по поводу ихъ III Отдѣленіе этого общества въ зиму 1867го года имѣло цѣлый рядъ засѣданій, которыхъ были посвящены вопросамъ о нуждахъ Сѣвера.

Отчетъ комиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Арханг. 1867 г.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 28. Начальныя вѣсти о состояніи сїлava товаровъ по р. Югу. № 31. По поводу журналовъ засѣданія III отдѣленія Императорскаго вольнаго экономического общества 20 и 28 марта. № 33. Обдѣлка щетинъ въ г. Устюгѣ. № 35. Сѣверо-Двинское пароходное общество и его дѣятельность. № 40. Ученно-ремесленное училище въ Емецкомъ селеніи. № 52. Одинъ изъ невѣдомыхъ распространителей грамотности въ народѣ. № 68 и 71. Сѣверо-Екатериненскій путь.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., № 14—15. О Вятско-Двинской дорогѣ, № 18. О состояніи архангельской публичной библіотеки, № 28—29. Нѣсколько словъ о положеніи народнаго образования, № 32. Проектъ устава и записка о необходимости общества сельскаго хозяйства въ архангельской губерніи, № 73. О взаимномъ страхованиі судовъ и грузовъ, № 74. Смолокуреніе въ архангельской губерніи, № 81—82. По поводу неурожая въ архангельской губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономического общества 1868 г., т. II., вып. 2. Письмо Чубинскаго объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по сѣверо-двинскому бассейну.

Отчеты о дѣятельности архангельского губернскаго статистического комитета за 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (за послѣдніе два года одинъ отчетъ). Отчеты печатались въ Архангельскѣ въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1869 г., т. V, отд. 1-й. Сообщенія Чубинскаго: а) о сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи, составленномъ П. Ефименкомъ и изданномъ архангельскимъ статистическимъ комитетомъ и б) о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ сѣверной Двины.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографии, 1869 г., т. II. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи.

Юридический Вѣстникъ 1869 г. № 4. Разборъ книги. П. Ефименка: Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи.

Труды экспедиції, снаряженной Вольнымъ экономическимъ и русскимъ обществомъ для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи, т. I, вып. 2-й С.-Пб. 1869 г. Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и линяной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ.

Того-же изданія т. I, вып. 6-й. С.-Пб. 1870 г. О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ.

Сопишка (сборникъ стихотвореній на малороссійскомъ языке). Павлюся. Кіевъ. 1871 г.

Записки Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества 1871 г., т. 1-й. Нѣсколько словъ о статистической литературѣ, касающейся свекло-сахарной промышленности.

Кіевлянинъ 1872 г., № 73 и 76. Политехническая выставка въ Москвѣ (корреспонденція), № 85. Малорусское шлемя.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества 1872 г., т. VIII, № 3. Краткое извлеченіе изъ доклада, прочитанного д. членомъ общества П. П. Чубинскимъ 15 января 1872 г. въ отдѣленіи этнографіи (объ этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи).

Календарь юго-западнаго края на 1873 годъ. Составленъ Чубинскимъ и Борисовымъ. Кіевъ, 1872 г.

Программа для собирания этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, составленная д. членами юго-западнаго отдѣла русскаго геогр. общества Чубинскимъ и Русовымъ. Кіевъ, 1873 г.

Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ официальными статистическими о нихъ данными за компанию 1871—72 года. Издание кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. К. 1873 г.

Тоже за 1873, 74 и 75 годы, изд. въ Кіевѣ въ 1876 г.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества т. I-й. К. 1874 г. Рѣчь Чубинскаго по поводу открытия юго-западнаго отдѣла. Село Сокиринцы и сокиринскѣе ссудо-сберегательное товарищество. Нѣсколько народныхъ историческихъ преданий.

Тамъ-же т. II. К. 1875 г. Инвентарь крестьянскаго хозяйства. Обзоръ данныхъ о населеніи г. Кіева по однодневной переписи произведенной 2 марта 1874 г. Разыясненія къ таблицамъ о жителяхъ г. Кіева по переписи 2 марта 1874 г.

Отчетъ о дѣятельности юго-западнаго отдѣла Имп. русск. геогр. общества за 1873 г. К. 1874 г.

То-же за 1874 г. К. 1875 г.

(Извлеченія изъ этихъ отчетовъ помѣщены въ извѣстіяхъ Имп. русск. географическаго общества).

Карта свеклосахарной промышленности въ Россіи 1876 г.

Состояніе училищъ, подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенія. С.-Пб. 1878 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русской краї, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Материалы и изслѣдованія, собранныя И. П. Чубинскимъ. т. I, вып. 1. С.-Пб. 1872 г. Вѣрованія и суевѣрія малорусского народа, вып. 2-й. 1877 г. Загадки и пословицы. Колдовство (изслѣдованіе и акты о колдовстве В. Б. Антоновича) т. II. 1878 г. Сказки миѳическія и бытовыя, т. III. 1872 г. Народный дневникъ, т. IV. 1877 г. Пѣсни обрядовыя т. V. 1873 г. Пѣсни любовныя, семейныя и щуточные, т. VI. 1872 г. Народные юридические обычаи по решеніямъ волостныхъ судовъ (сборникъ решений волостныхъ судовъ со статьями А. Ф. Кистяковскаго о волостныхъ судахъ и Чубинскаго — краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаяевъ). Т. VII, вып. 1-й, 1872 г. Евреи, поляки и прочія племена не малорусского происхожденія, проживающія въ юго-западномъ краѣ. (Здѣсь-же помѣщены статьи Полинкowskаго: этнографическій очеркъ евреевъ и очеркъ ихъ юридическихъ обычаяевъ). Т. VII, вып. 2-й. 1877 г. Малоруссы юго-западного края (этнографическій очеркъ, статистика, языкъ и нарѣчія, экономическое положеніе крестьянъ-собствениковъ).

П. Ефименко.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

«Метеоръ Литтературы. Январь, 1826». Подъ такимъ заглавиемъ доставлена А. А. Савичемъ¹⁾ въ редакцію «Кievskoy Staryny» рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣроватой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (по 16-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на обложкѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣнчатой лѣстницы, съ каемками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листѣ читасмы: «Метеоръ літтературы. Частъ 1». Затѣмъ эпиграфъ—первые восемь стиховъ изъ басни Крылова «Орелъ и Ичела» и наконецъ: «Нѣжинъ. 1826».

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ виднѣ изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ бiографъ его П. А. Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназіи журналъ «Звѣзда», то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи сго бiографу

¹⁾ Приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Андреевичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣрившаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣстіе.—Ред.

легко можно было обмолвиться: »Метеоръ«, »Звѣзда« иль сколько близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ памяти. Гоголь издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или болѣе,—и такъ, это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ текста читаемъ опять: »Метеоръ литеатуры 1826 январь № 1«. А если это дѣйствительно первая книжка его существованія, то въ *первой* книжкѣ участіе Гоголя должно быть непремѣнно. И мы внимательно прочитали всѣ статейки »Метеора«. Вотъ содѣржаніе его, написанное на нижнемъ листѣ зеленої обложкѣ. Приводимъ его съ написаніями:

О г л а в л е н і е.

»Проза«	стр.
1) Завѣщаніе (повѣсть съ иллюстраціою)	1.
2) Ожесточенный (начало оригиналлной повѣсти). .	13.

»Стихотворенія«.

1) Шѣсть Никатомы (отрывокъ изъ Оссіаповской поэмы »Берратонъ)	23.
2) Битва при Калгѣ	25.
3) Альма (вождь укровъ, проходившихъ по Дніпру) .	29.
4) Подражаніе Горацио	35.
5) Къ *** (на одно прекрасное утро)	38.
6) Эпиграмма (насмѣшнику пекстати)	40.
7) Эпиграмма	41.

Между 4-й и 5-й цвесой пропущено въ оглавлениі стихотвореніе »Романсъ«, стр. 36.—Имени автора не указано нигдѣ, ни подъ одной статьей. По содѣржанію своему, почти всѣ эти статейки сентиментального, мечтательного, псевдоисторического и романтическаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить, что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если бы и все содѣржаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно ничего не представляетъ для его славы. Проза никоимъ образомъ не можетъ быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназіи писалъ трагедіи, баллады, акrostихи, эпиграммы; съ пѣмѣцкаго онъ переводить не могъ, пѣмѣцкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже, чтобы Шиллеръ и Гете писали на пѣмѣцкомъ языкѣ; другая новѣстника—

реторическая вещь въ духѣ Марлинского. Въ стихотвореніяхъ риѳмы очень часто бѣдны, размѣръ кое гдѣ не выдержанъ, нерѣдко встрѣчаются усѣченія окончанія прилагательныхъ именъ. Мѣстного характера во всѣхъ статьяхъ—ни тѣни. Гоголевскій талантъ не выдается пигдѣ. А между тѣмъ Гоголь былъ тогда уже 17-ти лѣтнимъ юношемъ, любилъ бродить по предмѣстямъ Нѣжина и всматриваться въ игры и бытъ народа. Не имѣя возможности рѣпить положительно, что же въ «Метеорѣ» принадлежитъ Гоголю, мы думаемъ, что Гоголь несомнѣнно былъ его редакторомъ и вель свое дѣло съ любовью; самъ переписалъ всѣ статьи его, сдѣлалъ на немъ красивѣйшій бордюръ, названіе журнала писалъ всякий разъ различнымъ манеромъ, бока каждой страницы обвелъ крандышомъ, приложилъ указаліе описокъ въ стихахъ, и проч. Печеркъ его здѣсь болѣе твердый, устойчивый, старательный, даже болѣе грамотный, чѣмъ онъ извѣстенъ намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ Гоголя и особенно въ его письмахъ. Статьи «Метеора» безъ сомнѣнія принадлежать и ему и товарищамъ его. Названіе журнальца, составъ и самый форматъ его представляютъ собою очевидное подражаніе «Полярной Звѣздѣ», альманаху 1823—1825 годовъ, и хотя содержащіе всѣхъ статеекъ «Метеора» весьма жиленѣкое, все-таки оно указываетъ на внимательность нѣжинскихъ гимназистовъ къ литературнымъ явленіямъ своего времени и дѣятельность ихъ въ духѣ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзина, Жуковскаго, Марлинского, Дельвига и Пушкина. Біографъ Гоголя говоритъ, что Гоголь былъ въ гимназіи комикомъ на сценѣ и въ жизни, а въ литературѣ считалъ комический элементъ низкимъ; послѣднему нельзя повѣрить. Комическая струя, которою отличался Гоголь и въ гимназіи, такъ была сродна ему и дорога, что никакъ не могла ему казаться «низкой» въ литературѣ. Она пробивается и въ эпиграммахъ «Метеора». Послѣднюю изъ нихъ мы приведемъ здѣсь для любопытства читателей, особенно пѣжинскихъ товарищей Гоголя, изъ коихъ некоторые еще здравствуютъ (Рѣдкинъ П. Г., Данилевскій А. С. и другіе): не вспомнятъ ли они, точно-ли это Гоголевская эпиграмма и кого она очерчиваетъ. По нашему мнѣнію, это лучшее изъ всего, что есть въ «Метеорѣ»:

Эпиграмма.

«Нашъ Вралькинъ въ мірѣ семъ рѣдчайшій человѣкъ!
Подобнаго ему не сыщешь въ цѣлой вѣкѣ.
Какъ станетъ говорить—заслушаться всѣмъ нада,
Какъ станетъ—такъ и рай вдругъ сдѣластъ изъ ада.
Былъ въ Римѣ, въ Лондонѣ... да гдѣ онъ не бывалъ—
Весь міръ на языкѣ искусно облеталъ».

Мы печатаемъ эту замѣтку въ той надеждѣ, что авось она вызоветъ кого нибудь изъ старыхъ нѣжинцевъ—однокашниковъ Гоголя—доставить въ редакцію «Кievской Старинѣ» другія книжки «Метеора», въ которыхъ прямое участіе Гоголя скажется, быть можетъ, ярче, очевидиѣ. А настоящую книжку «Метеора», имѣющуя не сомнѣвный интересъ для библіотеки Нѣжинскаго Института, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію Институтской Конференції¹⁾.

С. Покомаревъ.

ДОБАВКИ И ПОПРАВКИ ПОСТОЯННАГО ЧИТАТЕЛЯ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ».

1) Въ «Кievской Старинѣ» 1882 г., №№ 2 и 7, помѣщены замѣчательныи литературныи памятникъ второй половины XVIII в., въ стихахъ, именно «Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей», напечатанныи по пяти спискамъ; надпись на одномъ спискѣ указываетъ имя сочинителя и время сочиненія «Разговора»; надпись эта, однако не вполнѣ сохранилась, и редакція журнала по догадкѣ и то отчасти дополнила ее (№ 7, стр. 137).—Въ имѣющемся у меня рукописномъ реестрѣ источниковъ для описанія Малороссіи, составленномъ Я. М. Марковичемъ въ 1798 г., поименованъ и «Разговоръ съ слѣдующими заглавіемъ, можетъ быть, бывшимъ въ подлинной рукописи: «Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею. Сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной канцеляріи перегодчикъ Семенъ Дивовичъ, 1762 года сентября 21,

¹⁾ Текущий владѣлецъ «Метеора» приложилъ къ нему помѣту: «Изъ библіотеки Пелторацкаго» (кажется, родственника известнаго библіографа и воспитанника Нѣжинскаго).

въ Глуховѣ».—Далѣе замѣтка Марковича: «Писанъ стихами, въ листѣ, съ поль-дести».

Н. И. Петровъ, въ предисловіи къ «Разговору», напечатанному въ № 2-мъ «Кiev. Стар.» 1882 г., говоритъ, что въ XVIII стол. въ южно-русской школьнай литературѣ перѣдко встрѣчаются произведения въ формѣ «разговора» или діалога, и, сверхъ «Разговора» Діловича, указывается на шесть подобныхъ сочиненій. Можно прибавить и седьмое—мистерію преосвященнаго Георгія Конискаго «Воскресеніе Мертвыхъ», сочиненную имъ въ бытность его учителемъ кіев. духов. акад., такъ какъ и эта мистерія имѣть форму школьнаго діалога. Полагаю, что встрѣчавшееся въ южно-русской литературѣ прошлаго столѣтія обыкновеніе излагать публицистическія сочиненія въ формѣ «разговоровъ» перешло къ нашимъ южно-российскимъ писателямъ изъ Польши; у польскихъ писателей XVI—XVII в. такая форма была прината для памфлетовъ и вообще публицистическихъ сочиненій. Не заходя далеко, можно указать на *Rozmowy umarłych polaków, w których różne ile sekret-nieysze za ich żywota dzieje i circumstancye są zebrane*; въ этихъ «Rozmowach» заключаются бесѣды тѣней короля Яна Собѣскаго съ княземъ Іеремію Вишневецкимъ о военныхъ событияхъ въ Украинѣ временъ Б. Хмельницкаго и до конца XVII в., и Выжги съ кардиналомъ Радзѣвскимъ о событияхъ въ Польшѣ.—Очень желательно собрать возможно болѣе списковъ «Разговора Великороссіи съ Малороссіею» и возвстановить текстъ этого очень интереснаго публицистического сочиненія, а равно собрать и издать въ свѣтѣ и другіе подобные памятники, обращавшіеся въ кругу малорусской интеллигентіи XVIII в. и нашедшие себѣ пріютъ и спасеніе въ рукописныхъ сборникахъ, составленіемъ которыхъ любили заниматься въ Южной Руси наши интеллигентныи и чуткіе къ общественнымъ дѣламъ предки во второй половинѣ XVII в. и особенно въ XVIII столѣтіи и даже до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. У меня былъ прекрасный сборникъ «Пчела», составленный въ 1679—80 г. священникомъ Виноградскимъ въ с. Крупичполѣ; въ немъ между прочимъ заключались замѣтительныи проповѣди, въ родѣ посланій Іоанна Вишенскаго. Иногда попадаются у любителей старины интересные сборники стихотвореній о современныхъ событияхъ и лицахъ, и заключающіе въ себѣ «были», «басни», «имны», «оды»,

»вѣрши«, »пѣсни«, элегіи«, »сатиры« и проч. Для образца сообщаю одно изъ такихъ стихотвореній, находящееся въ сборникѣ вачала текущаго столѣтія.

*Стихи къ господину сочинителю оды на смерть графа Румянцева
Задунайскою. 1796 года декабря 8 дня.*

О, Муза! *»переягти славу«*
У древнихъ славныхъ Нечемагъ!
Ты сладку льешь въ сердца отраву,
Изъемля медъ изъ древнихъ книгъ.
Боговъ, богинь и музъ древнѣйшихъ
Себѣ зовешь ты помогать;
Поэтовъ имѧ, честь славнѣйшихъ,
Конечно, будешь помрачать.
Ахъ, естьлибы ты не пѣль героеvъ,
Но славу-бъ пѣль однихъ ословъ
И бывъ правитель кобзы строеvъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ.
Ты-бъ лучше и єзъ въ шинкѣ мѣщанамъ
Козакки подвиги и трудъ,
Любовь вознесль-бы въ нихъ къ стаканамъ,
То шагъ за то тебѣ дадуть;
А болѣе еще прибавять,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варять
Передъ толпой враговъ своихъ;
Набѣговъ опыхъ не боятся,
И, какшай филинты зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушкиами имъ лбы разбивать....
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И. Ёдка древность не изгложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ.

2) Въ »Кievской Старинѣ« сего года, № 3 (стр. 523—4), подъ заглавиемъ: »Контрактъ на постройку церкви конца XVII в., по-

мѣщанъ, договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ Глуховѣ, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.—Въ моемъ небольшомъ собраліи рукописей нашлась полная копія урядовой записи обѣ этомъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ подлинной «Книги справъ вechистихъ—куничихъ, дѣлчихъ и иныхъ тымъ подобныхъ», на рокъ 1692», Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, которыхъ недостаетъ напечатанному «контракту».

«Зезнане Егѳима Матвѣева каменнозодчого маистра церковного. Року 1692, мѣсяця ноєвра 5.

... Ставши очивисте Егѳимий Матвѣевичъ (sic), каменнозодчий маистерь церковний, москвичинъ, явис, ясне и доброволне призналъ до книгъ мѣстцкихъ стародубовскихъ; ижъ за учиненемъ контракту зъ ктиторами и братствомъ жителями глуховскими, на церковь каменную Архистратигу Господня Михаила, взялъ 50 рублей грошей задатку и даль на себе онимъ ктиторомъ и братству запись. Которое теди зезнане его принявши, величию записа-ти, и есть записано.

Року Божого 1692, мѣсяця ноєврия 6 дня.

За вѣдомою и зледенемъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозскаго полковника стародубовскаго, его милости пана Михайла Миклашевскаго, на майстратъ... передъ пами... ставши очивисте учтивый Матвѣй Еѳимовичъ (sic), каменщикъ московский, презентовалъ данный собѣ контрактъ зъ мѣста Глухова на построение церкви Архистратига Господня Михайла мурованой; ко торый контрактъ, за прочитансѧ, такъ въ себѣ маєтся».—Слѣдуетъ контрактъ въ такомъ текстѣ, какъ и сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатанного разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостачѣ иѣкоторыхъ предлоговъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *ї* одна другою; впрочемъ есть одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (стр. 524, строка 8—9 сверху) значится «мастерию», а въ моемъ—«материю», какъ и слѣдуетъ бытъ: «материя»—материалъ, о которомъ идетъ рѣчь, а «материя»—это инструменты у «майстровъ», о которыхъ въ контрактѣ нѣть и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ слѣдующее добавленіе: «А подпись при печати мѣской глуховской тими билъ словы: Семенъ Осдоровичъ писарь глуховский.—Который теди контрактъ, за прочитансѧ, величию записати въ книги мѣскии».

Такимъ образомъ, сообщаемая мною выписка изъ подлинной актовой книги доознляетъ новыми свѣдѣніями и отчасти исправляетъ списокъ, сообщенный г. Лазаревскимъ.

3) Въ томъ-же № «Киевской Старины» (стр. 472—6) помѣщена »Рядная запись первой половины XVIII в.«; это »вишиъ зъ книгъ гродскихъ стародубовскихъ права магдебургскаго, року 1744, мѣсяца мая 8 д.,«, заключающая въ себѣ »реестръ« буничукова товариша М. Есимонитовскаго, »сколько онъ взялъ въ посагъ вѣща«, представленный на урядъ. Въ этомъ реестрѣ исчислены разныя женскія одежды, уборы и бѣлье. Подобныхъ перечисленій костюмовъ и уборовъ и всякой движимости за вторую половину XVII и за XVIII-й вѣкъ сохранилось довольно много—въ »тестаментахъ« или »духовницяхъ«, представляющихъ большую важность въ археологическомъ отношеніи, а также въ вѣновыхъ записяхъ, наконецъ, въ »описяхъ« конфискованныхъ въ казну имуществъ, напримѣръ, такихъ лицъ, какъ гетманъ Самуиловичъ и полковники Рословецъ, Налий и Полуботокъ.

Но, какъ ни интересны все эти »реестры« и »описи«,—они все таки даютъ намъ почти только одно названіе предметовъ, безъ всякихъ объясненій ихъ вида и другихъ подробностей, необходимыхъ для болѣе или менѣе полнаго представления о перечисляемыхъ предметахъ. Въ моемъ собраниѣ находится выписка изъ дѣлъ стародубскаго магистрата, заключающая опись вещей, принадлежавшихъ какому-то войсковому канцеляристу и его женѣ, составленную 29 октября 1745 г.; въ ней достаточно подробно описывается каждая вещь, а потому эта опись представляетъ цѣнныій материалъ для описанія костюмовъ, уборовъ и оружія первой половины XVIII столѣтія. Вотъ текстъ ея.

1) »Кунтушъ женскій, золотлавній, зеленій, по бѣлокосѣ, зъ золотими и сребрными небольшими клѣточками, на сѣбрѣркахъ, зъ соболиними карвалами, комеромъ, кой подшить зеленимъ кредитуромъ, а на обоихъ полахъ отъ комера до подполковъ зъ соболѣми же огонками и на усахъ золотимъ широкимъ одноличнимъ пузиментомъ, а около зъ золотимъ-же узшимъ старосвѣтскимъ пузиментомъ двоеличнимъ«.

2) »Шабля могиловской работы подъ оправою среброю и на паскахъ шелковыхъ рудавихъ, золотомъ перстиканыхъ, зъ штучками

сребрими-жъ, а прижемъ полскимъ желѣзнимъ, отъ которого къ верхнему сребному жъ кантурку средий-же цепочкѣ; желѣзко жъ ишашское и па ономъ близъ крижа вирисовали на одной сторонѣ святій апостолъ Петръ, а па другой святій апостолъ Павель, зъ надписомъ латинскимъ «.

3) Таць сребная фанциберовая па трохъ ножнахъ и окондо зрисованнми брижамы».

4) Ложокъ сребрихъ осмъ, въ которихъ при концѣ на держачкахъ ангелики, а при самой ложки кверху фѣдури на кшталтъ человѣковъ».

5) Вернечокъ па шапку женскую сuto сребромъ ленткоткою шитій и па каждой кватсрцѣ по золотой квѣтцѣ».

6) Звіондка черная креповая, па концахъ лиштвою золотомъ и срѣбромъ шитая, изъ квѣтками сребрими жъ и золотими и карункою пестро золотою широкою».

7) Хустокъ шелковыхъ великой руки двадцать, а іменно блакитнихъ, по концахъ зъ квѣтками разноцвѣтными, шесть, да малой руки зеленихъ пять».

8) Тарълокъ цѣнованинхъ новихъ 15 и приставочка една».

9) »Зъ бѣлого плаата: ручникъ новій, заполочю па московскомъ полотнѣ орлами по концахъ шитій, еденъ».

Н. Бѣлозерскій.

ПРИСЯГА ДУХОВЕНСТВА.

Въ настояще время духовенство, бѣлое и черное, какъ извѣстно, не приводится къ присягѣ въ качествѣ свидѣтелей, а свидѣтельствуется по священству, безъ присаги. Въ прежнее-же время, не далѣе прошлаго столѣтія, въ Малороссіи и Великороссіи существовали въ этомъ отношеніи различные порядки, обусловливавшіеся мѣстными законами. Дѣйствовавшее въ московскомъ государствѣ уложеніе царя Алексея Михайловича предписывало: «архимандритъ, игуменъ и старцовъ во свидѣтельство принимать по иноческому обѣщанію, а протоиоховъ, поповъ и дьяконовъ по священству, а крестному цѣлованію не быть» (Гл. 10 ст: 161 и гл. 13 ст. 4). Петръ Великій однако нарушилъ это правило; онъ внесъ въ вонскій уставъ совершение противуположную статью, замѣст-

вовавъ ее изъ западныхъ законодательствъ: »всѣмъ свидѣтельямъ надлежить, хотя бы оные вышнаго достоинства и знатиѣйшиа были, присягать, понеже свидѣтелю, которой присяги ве учипитъ, вѣрить не можно, хотя бы оной и архіепископъ быль (гл. 3. и. 7-й). Такимъ образомъ въ Великороссії, со времени издания воинскаго устава, въ судахъ дѣйствовали два противуположныя начала относительно силы свидѣтельскихъ показаній духовенства; при томъ сфера дѣйствія воинскаго закона не была строго опредѣлена, такъ какъ именной указъ 1716 года апрѣля 10 о воинскомъ уставѣ заявлялъ, »что хотя оной основаниемъ воинскихъ людей, однакожъ касается и до всѣхъ правителей земскихъ«. Впрочемъ сенатъ указомъ 1753 года ограничилъ это толкованіе, разъяснивъ, что по процессамъ велико свидѣтелей спрашививать подъ присягою, но оное слѣдуетъ до военныхъ судовъ, а не въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ противуположность указанной двойственности, въ Малороссіи всегда и по всякимъ дѣламъ требовалось свидѣтельство подъ присягою, какъ отъ свѣтскихъ людей, такъ и отъ духовенства. Литовскимъ Статутомъ узаконено: »свидѣтельству быть подъ присягою«, въ книгѣ »Порядка правъ магдебургскихъ« сказано: »свидѣтельство отнюдь несильно, если свидѣтели сперва не присягнутъ«. Это правило требовать отъ духовенства присяги исполнялось безъ всякаго нарушенія до половины прошлаго столѣтія. Въ половинѣ прошлаго вѣка противъ существовавшаго порядка въ Малороссіи возсталъ кievскій митрополитъ Арсеній Mogila и сталъ запрещать присягу духовенства. Вѣроятно свѣтскія власти, дѣйствовавшія въ Малороссіи, представили обѣ упомянутому распоряженію митрополита сенату, такъ что сенатъ счѣлъ нужнымъ доложить обѣ этомъ императрицѣ. Вѣдѣстіе этого вышло указъ 1767 года декабря 11, въ которомъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее разсужденіе: »можетъ ли какой ни есть церковной или свѣтской начальникъ перемѣнить въ какой првоиціи издавна принятой и утвержденной обрядъ? на что всикой разумной человѣкъ отвѣтствоватъ будеть, что не можетъ; слѣдовательно установленіе магдебургскихъ правъ, коимъ по нынѣ въ Малороссіи слѣдовали, должно въ семъ случаѣ остаться въ своей силѣ«. Обѣ этомъ-же казусъ и разлічіяихъ рѣшено было сообщить въ комиссию сочиненія новаго уложения. Такъ какъ комиссія нового уложения не составила, а

распоряжение киевского митрополита было отменено; то следовательно въ Малороссіи по прежнему действовало прежнее обыкновеніе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, правило о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Литовскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 года, когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРОУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича я нашелъ весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому можно дать название «Малорусская пѣсенника». Это довольно полная, хотя отчасти и дефектная рукопись въ $\frac{1}{2}$ долю листа, состоящая изъ шотъ и текстовъ пѣсень.

По виду, рукопись эта была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на пвахъ корешка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 130-го листка, но кромѣ того есть еще семь листковъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листковъ или 274 страницы. Въ серединѣ недостаетъ пяти листковъ, именно: 115, 116, 117, 120/и 121, т. е. 10 страницъ, следовательно въ настоящемъ своемъ видѣ она представляется 264 страницы, вполнѣ хорошо сохранившіяся.—Бумага отъ начала до конца однотакова—плотная, синяя (за исключеніемъ нѣкоторыхъ листовъ бѣлой) съ водными изображеніями герба, по безъ означенія года фабрикаціи.

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ прифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ. Почеркъ однообразный, старательный, четкий; помарокъ весьма немногі; кое-гдѣ, особенно въ концѣ, сделаны подстрочныя приписки и поправки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента пѣть вовсе.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаний ни на первоначального владѣльца рукописи, ни на ее составителя, ибо, кромѣ пѣсень и потъ, никакого посторонняго текста нѣть.

Во всей этой рукописи имеется 87 пѣсень, изъ которыхъ двѣ (№ 75 и 77) дефектны. Первая изъ нихъ безъ нотъ и начала пѣсни, а второй недостаетъ начала нотъ и начала первого куплета. Всѣ остальные пѣсни полны и каждая съ нотами, подъ которыми вписанъ первый куплетъ.

Матеріалъ пѣсенныи распределенъ довольно систематично. Въ началѣ идутъ пѣсни религіозныи, числомъ 61, а затѣмъ свѣтскія, соцѣтсвіи, какъ онѣ озаглавлены въ сборникѣ.

Обращаясь къ содержанію рукописи, мы должны за ней признать весьма важное значеніе. Сколько намъ известно, постѣ Пochaевскаго Богогласника, это единственный памятникъ пропагаго вѣка, сохранившій намъ мотивы пѣсень того времени. Въ музыкальномъ отношеніи рукопись г. Кибальчича имѣть то преимущество передъ Богогласникомъ, что ноты въ ней писаны далеко правильнѣе и яснѣе, несмотря даже на то, что она рукописная, а въ Богогласнике печатная; въ рукописи мелодія всегда раздѣлена на такты, чего неѣть въ Богогласнике. Музыкальное значеніе этого памятника приобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ впервые находимъ мотивы свѣтскихъ пѣсень.

До сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлилъ характера мелодій Богогласника и вопросъ этотъ остается темнымъ. Въ рукописи же г. Кибальчича, которую рассматривалъ Н. В. Лисенко, оказались въ религіозныхъ пѣсняхъ мотивы чисто мѣстного малорусскаго характера, подобіе которыхъ можно найти въ мелодіяхъ лирическихъ. Нѣкоторые мотивы, кроме народнаго тембра, дышать глубокимъ чувствомъ и высокимъ художествомъ.

Сравнивая религіозныи пѣсни рукописи съ Богогласникомъ, я нашелъ, что почти все онѣ находятся въ этомъ изданіи Пochaевской Лавры въ болѣе или менѣе отличныхъ вариантахъ. Расположеніе этихъ пѣсень тоже очень сходно съ расположениемъ въ Богогласнике. Въ началѣ идутъ пѣсни о Рождествѣ Христовомъ, о страстяхъ Господнихъ, о Воскресеніи; далѣе пѣсни о Богородицѣ, о разныхъ святыхъ и въ концѣ пѣсни религіозно-правственного содержанія. Въ пѣсняхъ о чудотворныхъ иконахъ встрѣчаются географическія названія: Тыровъ (вишницкій у.), Радовицы (литинск. у.), Баръ, Подкомель (Галиція), Тарнополь (тоже) и т. п., словомъ мѣстности главнымъ образомъ Волыни и Подоліи.

По языку пѣсни религіозныя въ рукописи значительно отличаются отъ вариантовъ Благогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянского первообраза въ пользу народной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирическихъ вариантахъ. Въ числѣ религіозныхъ пѣсень есть двѣ на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово «Prsybieżeli do Betljem Pastyrze» и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсень рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частично искусственныхъ, частично народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: »Летивъ чорный жукъ«, »Посіявъ чоловикъ ячминъ«, »Сидить медвідь на колодці«, »Ой іхавъ козакъ зо Україны«, всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсень искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣснь съ припѣвомъ »али-ализуй, Господи помилуй«, изображающая весьма живыми красками ширь святыхъ и духовенства¹⁾; далѣе есть варианты, довольно полны, извѣстнаго »Грицька мудрого родомъ зъ Коломыи²⁾ и одна пѣснь исторического содержанія, относящаяся, кажется, къ событиямъ временъ конфедерациіи Барской. Пѣснь эта къ сожалѣнію безъ начала первого куплета; я привожу ее цѣлкомъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

* * * * *

Же почали були бунты почипаты,
Передъ москалами мусѣли втѣкаты.

Жѣ въ копару вѣвицѣ, такъ ихъ запудили,
А въ Станиславовѣ кругомъ остучили:
Москалѣ изъ жарту почали стрелаты,
А ляхи одѣ страху стали умираты.
Гды прийшли виѣвторокъ о пятой годинѣ,
Подъ Станиславовомъ стали на долинѣ

¹⁾ Пѣсня эта въ пѣсколькоихъ вариантахъ занесена въ III т. Сборника П. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ — вслѣдствіе того, что въ этихъ вариантахъ, какъ поводъ для пира, указывается на Рожденіе Христово.

²⁾ Въ двухъ вариантахъ поѢщенна эта пѣсня во II т. «Рокисіа» О. Кольберга, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поютъ прічетники и деревенскіе грамоты.

Вдарили зъ гарматы, ажъ башня упала,
Зъ первого косцола въ той чась твога (тревога) стала.

Вже выходять ляхи, аби не пустыты
Москаля, отъ града-бы могли отъбиты,
Но не доказали, бо негодни того—
Москаля отъбиты, хотяй ѹхъ и много.

Дали собѣ битву на середу рано,
А другимъ москалямъ въ той чась знаты дано,
Абы ишли скоро всю нощъ на ратунокъ,
Бо на ляховъ упавъ великій фрасунокъ.

У середу рано сталися сходиты
Всѣ ляхи до купи, що будемъ робиты?
Единъ мовитъ: бймо, десять: утѣкаймо,
А сто жаже: всѣ до духа москалямъ подъдаймо.

Москалѣ волають, аби выходили
Всѣ ляхи изъ града, котріе тамъ были.
Цанъ староста Блонскій сердца добувае,
Староста Снятинскій отъ страху въмлѣвае.

Почали стрѣляти, на пляцъ выходиты,
А не единъ мислитъ, якъ бы добрѣ втекти,—
Мусълися быты у весь денъ доволѣ.

Любилисте лахи добре людей грабовать,
Любѣтежъ вневолѣ у насть зоставать;
Любилисте йсты гуси, кури много,
Днесь сидѣть вневолѣ, не йжте нѣcoli.

Такъ москалѣ ляховъ люблять частоваты,
Абы памятали, якъ то грабовать:
За тое йжъ даютъ мало исты й питы,
Абы памятали, якъ бунты чиниты.

Кромѣ малорусскихъ пѣсенъ, есть въ сборникеъ одна великорусская—безвкусная и сентиментальная, озаглавленная: «*Ильинъ сонъ това Російска пастушка мъ*».

Конецъ сборника составляютъ десять пѣсень польскихъ, содержащія любовнаго и бытоваго, довольно безграмотно записанныхъ, и слѣдующая характерная смѣшная пѣснь-разговоръ крестьянъ—польска и малоросса о житѣ-бытьѣ:

Oy rusinie, rusinie, co słychaé w twey krainie,
 Pociesz, pociesz straponiego, a przynies co wesołego
 Sercu moiemu.

Имя миň Стахъ, скажу о людяхъ:

Въ нась люде веселенко слачутъ, горѣлочкою рачать,
 Горѣлка уприкрится, до меду подай, дай та надай.

Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz stanie,
 Bo chociaj co zapracuie, albo tyz co utarguie,
 To zabierze dwur.

А мы продаемъ, а грошъ маємъ,
 И пановъ отъдаemo, а калиты ладнуемо,
 Есть для пана, и для попа, и для домовыхъ тысяча
 золотихъ.

Ach panicu, panicu, zacny slacheicu, a ruski Krulewiczу,
 Aby łaska twa sprawila, y mnie tyz w czym domiesciła,
 Do łaski twey.

Дармо, небоже, биты не може,
 Якъ то правда, що я живу,
 Такъ ты покинь всю падью.
 Въбравесься въ мазурство, якъ у шевскій квасъ,
 Засяжь отъ нась.—

Оставляя специалистамъ изученіе этой рукописи, какъ памятника пѣсенного и музыкального творчества, я счелъ необходимымъ огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную. Я не берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборника— для этого необходимо серьезное изслѣдованіе. Несомнѣннымъ для меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо составленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я это какъ изъ однобразія его внешняго вида, такъ и изъ правильной группировки избѣгъ. Далѣе писомъ знаю, что сборникъ принадлежалъ какому нибудь уніяту Волыни или Подолії,— это видно какъ изъ содержанія избѣгъ, проникнутыхъ упіятскимъ духомъ Богогласника, такъ и изъ характера малорусской рѣчи, послящей всей особенности подольского говора.— Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца XVIII вѣка. таъ какъ въ ней есть цѣнны, относящіяся къ событиямъ этого времени.

Владѣлецъ рукописи, г. Кибальчичъ, какъ передавалъ онъ мнѣ, пріобрѣлъ ее случайно въ г. Пирятинѣ; по какимъ образомъ она туда попала—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ желательно было бы издать этотъ памятникъ въ возможно скоромъ времени; изданіе это труднѣе всякаго другого, такъ какъ транскрипція этого текста и въ особенности нотъ требуетъ участія опытныхъ специалистовъ, иначе изданіе можетъ потерять всякое научное значеніе.

И. Нейманъ.

ДѢДУШКИНЪ ВЕКСЕЛЬ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, въ нашемъ селѣ¹⁾ грамотныхъ почти не было; было четыре-пять человѣкъ, которые когда-то въ дѣлчковской школѣ учились и въ то время уже были взрослыми женщинами, но они могли только читать по славянски и пѣть на клиросѣ, прочесть же солдатское письмо или же поминальную книжку, въ которой рукою дѣлчка записаны дѣды и прадѣды кого-либо изъ хозяевъ, они уже не могли и свою нesостоительность въ этомъ дѣлѣ оправдывали обыкновенно отговоркою: *иे не при насъ писано...* А спрось на грамоту и тогда уже былъ значительный. Недостатокъ оной чувствовался въ особенности въ поминальную субботу, когда по давнему въ нашемъ селѣ обычай достаточные хозяева приглашаютъ въ свои дома какого-либо грамотея для чтенія псалтыри, при чемъ послѣ каждой каѳизмы или славы перечитывается и поминальная книжечка и хозяева такимъ образомъ поминаютъ умершихъ своихъ родныхъ. Читавшимъ псалтирь приходилось тутъ-же доисывать грамотку, или же впопъ ее писать. Для этого они брали съ собою перо, чернило и лоскунокъ бумаги и печатными буквами, со словъ хозяина, записывали имена умершихъ его сродниковъ. Запись по этому производилась по способу фонетическому и была вполнѣ понятна слушателямъ. »Помяны, Господы, произносилъ чтецъ, рабовъ Божихъ: Оксеня, Насыцю, Ладыма, Приську, Юрька, Песьдю, Савѣку, Хыму и въсехъ ихъ сродникоiv.... и слушатели

¹⁾ Соловьевка, радомышльского уѣзда, кіевской губерніи.

набожно крестились и клали поклоны, а чтецъ получалъ потомъ за каждую записанную и прочитанную душу по шагу (гропшу), да за чтеніе псалтири пивзолотого⁴ (7½ к.), да еще хлѣбъ и платокъ; его притомъ за обѣдомъ усаживали на первомъ мѣстѣ и ему первому подносили водку и кушанье. Но, повторяю, и такихъ грамотѣевъ бывало тогда мало.

Мнѣ пришлось учиться позже, но лучше и больше, а потому и выучился я больше. Раньше этого мнѣ очень хотѣлось попасть въ положеніе такихъ грамотѣевъ. И мое желаніе потому сбылось: мнѣ не было еще десяти лѣтъ отъ роду, а я уже могъ прочесть не только псалтирь, но даже и саму мудреную поминальную книжку, поэтому меня вездѣ и приглашали для чтенія псалтири во время поминальныхъ обѣдовъ. Въ особенности полюбила меня старичокъ Степанъ Отаманчукъ: у него я былъ, такъ сказать, *присяжнымъ именемъ*, и кромѣ меня никого ольше не звали для чтенія псалтири. А псалтирь въ его домѣ читалась каждогодно въ субботу первой недѣли поста, при чмъ каждый разъ, какъ начиналось чтеніе, предъ старинной иконой св. ап. Іакова зажигалась большая восковая свѣча, которую нарочно для этого каждый годъ изготавливала жена Степана Палажка. Читая уже не разъ, я замѣчалъ, что на этой иконѣ красуется большпой крестъ, написанный мѣломъ, но ни разу не рѣшился спросить хозяевъ, для чего написанъ на иконѣ крестъ. Исторія этого креста объяснилась для меня случайно, и вотъ какъ это случилось.

Наступилъ великий постъ 18** г. По обыкновенію, Степанъ, въ субботу первой недѣли поста, пригласилъ меня для чтенія псалтири. Когда я пришелъ, онъ благовѣйно возжегъ свѣчу, приложивъ ее къ извѣстному уже образу. Я открылъ чтеніе; Степанъ и Палажка набожно крестились, клали поклоны, мало что разумѣя изъ читаемаго. Вскорѣ Степанъ отправился въ церковь, а Палажка принялась готовить поминальный обѣдъ. Долго бѣзучастно я читалъ псалтирь. Отъ разгорѣвшейся печи пошла духота; въ горлѣ у меня пересохло, голова кружилась и я вышелъ освѣжиться. Занятая страшней Палажка не замѣтила, какъ свѣча, приложенная къ иконѣ, наклонилась къ самой иконѣ и прожгла то мѣсто, где было написанъ мѣтомъ крестъ. Вернувшись въ хату и увидѣвъ, что

икона горитъ, я поспѣшилъ сказать объ этомъ хохайкѣ, а она, по правила свѣту, набожно перекрестилась и проговорила вслухъ:

- Улокой, Господи, ёго душу!...
- Чью? спросилъ я.
- Та того-жъ, Петра.
- Какого Петра? родственникъ вагъ, что ли?
- Ба ни, чужой. Чумакъ бувъ тутъ, Петро звався.
- Чужой, чумакъ? По чему-же вы стали молиться объ немъ, когда увидѣли, что горить икона?...
- Бо то сгоривъ вексель нашего дѣда.

Меня это удивило и совершенно озадачило. Какъ это такъ?— подумалъ я: сгорѣль вексель ея дѣда, а она молится за душу какого то чумака Петра? Да и какъ тутъ вексель могъ сгорѣть? Онъ могъ быть спрятанъ за иконой; но горѣла вѣдь икона и не насквозь прогорѣла. При чёмъ же тутъ вексель?... Да и какая связь между векселемъ ея дѣдушки и душою чумака Петра? Для чего такъ долго сохранялся этотъ вексель и если онъ принадлежалъ чумаку Петру, то почему-же не хранился въ домѣ его или его наследниковъ?...

- Не понимаю ничего, сказалъ я, сообразивъ все.
- А въ эту минуту Степанъ, возвратясь изъ церкви, входилъ въ хату въ сопровожденіи цѣлаго десятка пищихъ.
- Такъ отъ це вамъ Степанъ роскаже, сказала Палажка, якъ вено було.
- Що такое? спросилъ Степанъ.
- Онъ бачишъ?! отвѣтила Палажка, указывая на прогорѣвшую икону.

Взглянувъ на прижженую икону, на которой уже не видно было креста, написанного мыломъ, Степанъ въ свою очередь набожно перекрестился и проговорилъ вслухъ:

- Улокой, Господи, ёго душу!
- Чумака Петра? спросилъ я.
- Эгжъ; а вы хиба вже знаете?
- Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю. Просинъ я Палажку разсказать, а она сказала, что вы расскажете.
- Добре, роскажу, а тымъ часомъ сядемо за трапезу Господню, сказаль Степанъ, приглашая меня на покуть.

Прочитавъ *Отче нашъ* и усѣвшись на покути, я съ петербургскими ждалъ обѣщаннаго разсказа, и Степанъ, послѣ первой чарки, принялъся разсказывать, не стыдясь присутствующими. Передаю этотъ разсказъ по русски, сохраняя всѣ прочія его особенности.

— Дѣдъ мой, Яковъ Отаманчукъ, былъ изъ первыхъ богачей въ Соловьевскѣй. Было у него много худобы и еще большие грошей; при этомъ нужно вамъ знать, что въ то время бумажекъ не было, а все было золото, серебро да мѣдь, а потому деньги у дѣда хранились въ дѣжкахъ: одна малая дѣжка была насыпана до самаго верха серебромъ, такъ что когда дѣдъ было се раскрость, то карбованцы забѣльютъ все равно, какъ сыръ; другая-же дѣжка побольше, та была насыпана до самаго верха мѣдью. Къ этой послѣдней дѣдъ ходиля частенько, такъ какъ у него весьма часто просили денегъ взаймы и онъ никому не отказывалъ.

— Тоби скільки треба? спросить бывало дѣдъ у того, кто придетъ просить у него денегъ взаймы.

— Та кившиківъ изо два позычте.

— Добре, позычу,—отвѣчасть дѣдъ, тильки гляди, такъ якъ на-мирлю изъ верхомъ, такъ шобъ зъверхомъ и отдавъ.

— Та за певне такъ, признаваль тотъ. И дѣдъ набиралъ изъ дѣжки два ковшика вверхъ мѣдныхъ пятаковъ, всыпалъ ихъ въ торбочку просителя, и тотъ своею рукою на дѣдовой иконѣ писаль мѣломъ крестъ. Это и былъ вексель дѣда, чтобъ, значитъ, долгъ не прошалъ.

— То есть вексель просителя такого-то, Ивана тамъ, или Романа, а не дѣдушкинъ, пояснилъ я Степану.

— Нѣть, не такъ, отвѣчалъ Степанъ: когда Иванъ или Романъ дали дѣду вексель, то, значитъ, онъ уже дѣдовъ, а не Ивана или Романа.

— Ну, пусть будеть по вашему, сказать я.

— Такъ вотъ такой вексель, продолжалъ Степанъ, у дѣда и сохранился до тѣхъ порь, пока Иванъ тамъ или Романъ, а если умретъ, такъ его потомки не прінесутъ и не всыплютъ въ дѣдову дѣжку два ковшика вверхъ занятыхъ у дѣда пятаковъ. Тогда кто долгъ принесть, тотъ и стирая своею рукою съ иконы дѣдовъ вексель, самъ-же дѣдъ не могъ этого сдѣлать, считалъ за грѣхъ.

— Ну, а проценты какіе брали дѣдушка? спросилъ я у Степана.

— Тогда процентовъ не было никакихъ, а если тотъ, кто возвѣтъ у дѣда деньги, захочетъ сдѣлать ему за это выгодау, такъ за его душу поставить въ церкви свѣтчуку, вотъ и весь процентъ, объяснилъ Степанъ и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь нужно вамъ знать, что, кромѣ моего дѣда, въ Соловьевѣ были еще богачи—чумаки: *Петро Андрієць и Зинко Ляпась*, но за тѣми водился грѣхъ—любили выпивать. Бывало, какъ начнутъ пить, смотришь, жидъ и беретъ вола за долгъ. Это, видите-ли, хитрили старики: если у нихъ старые, негодные къ работѣ волы, которыхъ никто не хочетъ купить, такъ они нарочно пьютъ у жида водку въ долгъ, а потомъ не хотятъ платить долга нарочно, чтобы жидъ взялъ вола; ну, жидъ и беретъ, все равно пригодится погвядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подъ осенью пили эти чумаки, да и поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто изъ нихъ богаче? Петро говорилъ:

— Та въ мене срибла мабуть буде кившикивъ изъ двадцять...
А Ляпасъ говорить:

— Двадцять!.. Та въ мене самого золота закопано пидъ покутемъ добрый горщикъ, а пидъ ступою закопано карбованцівъ повный глечикъ. Самыхъ колпіокъ у мене повный глечикъ стоить у комори на полыци, а на росходъ маю срибла въ дижци мабуть кившикивъ зъ пятдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказалъ Петро, то давай помирамо; якъ у тебе буде въ дижци срибла пятдесятъ кившикивъ, то маешъ право забратъ уси мои возы зъ сильлю и зъ волами, якъ прийдутъ зъ Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ ихъ у мене буде двадцать возівъ. А якъ же у тебе въ дижци буде менше, якъ пятдесятъ кившикивъ, то я заберу твои двадцать возівъ зъ сильлю и зъ волами.

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляпасъ; ударили по рукамъ и запили могоричъ.

Когда потомъ перемѣяли серебро, хранившееся въ дѣлѣ Ляпаса, то его оказалось пятдесятъ два ковшика и одна жменя (пригоршня). Пріунылъ тогда Петро. Когда онъ спорилъ съ Ляпасомъ въ шинкѣ, тогда онъ думалъ, что Ляпасъ только хвастается своимъ богатствомъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ бѣдаѣ его, Петра;

но теперь видѣлъ самъ, что Ляпашъ богаче его. Пожаль онъ племенами и сказалъ Ляпасу.

— Ну, нема що, договоръ паче денегъ; якъ сказано, то такъ, якъ звязано: волы й возы зъ силью вже не мои, а твои...

Ляпашъ, извѣстно, былъ радъ и такъ угостили Петра, что тотъ и заночевалъ у него. Цѣлую ночь пьяный Петро распѣвалъ:

Ой якъ чумакъ пещасливый,
Зъ журбы хожу ледви живый...

На утро проснувшись, Петро не пошелъ уже отъ Ляпаса домой, а попался къ моему дѣду.

— Здоровъ будь, Якове!

— Здоровъ Петре; а що скажешъ?

— Та позычъ, будь ласкавъ, кившикивъ зо два срибла...

Дѣдъ, ничего про то не зная, очень удивился, что Петро пріѣхъ просить денегъ.

— Ну, а твоє-жъ добро де? мыни зъзили, чи що?... спросилъ дѣдъ шутя, думая, что и Петро шутить.

— Гиршъ, якъ мыши; все то дурный розумъ робить; але що маю робить: слово свято...

— Ну?... удивлялся дѣдъ.

И Петро рассказалъ ему, какъ побился объ закладъ съ Ляпасомъ и какъ отдалъ ему все свое добро. Дѣдъ очень сожалѣлъ о Петрѣ, хотя самъ сознавалъ, что слова вернуть нельзя.

— Ну, такъ тоби треба два кившики срибла? спросилъ онъ Петра.

— Та позычьте хочъ изъ три, отвѣчалъ Петро.

И дѣдъ всыпалъ ему въ полу его свитки три ковшика серебра, а опь своею таки рукою написаль вотъ на этой иконѣ крестъ, что теперь выгорѣлъ. Вотъ это и бытъ вексель моего дѣда, добавилъ Степанъ, обращаясь ко мнѣ.

— Значить, по этому векселю доселъ не были уплачены деньги ни Петромъ, ни его потомствомъ? замѣтилъ я Степану.

— Да, не были, а теперь уже заплочены. Теперь чумакъ Петро зъ дѣдомъ и съ нами уже разсчитался; видите, нѣть уже векселя, онъ самъ его уничтожилъ.

При этихъ словахъ Степана я невольно засмѣялся и сказалъ:

— Какъ же это такъ? я своими глазами видѣлъ, что вексель,

какъ вы называете, сгорѣлъ случайно отъ свѣчки, а вы говорите, что его Петро самъ уничтожилъ?

— А вы думаете иѣть? такъ таки и было: Петро самъ его уничтожилъ, утверждалъ Степанъ.

— Однакоже я этого совсѣмъ не понимаю, равно не могу понять, почему вы молитесь за должника вашего дѣда, сказалъ я Степану.

— Все это я вамъ послѣ объясню, а теперь слушайте дальше, что случилось съ Петромъ да съ Ляпасомъ, послѣ того, какъ пошли они обѣ закладь, отвѣтилъ мнѣ Степанъ и сталъ продолжать разсказъ:

— Недѣли черезъ дѣвѣцъ послѣ того, какъ Петро взялъ у дѣда моего три ковшика серебра, по селу пронеслось »чумаки идутъ!« Сами знаете: великое это слово для того, кто посылается, или самъ ходить въ дорогу. Помню, было это въ воскресенье. Ляпасъ и Петро сидѣли въ корчмѣ и пили въ долгъ. Ляпасъ пилъ и радовался, что у него, вмѣсто дѣвѣцъ, будетъ двадцать четыре воза съ солью, въ вмѣсто дѣвѣцъ паръ воловъ, будетъ двадцать четыре пары; а Петро, извѣстно, съ горя пилъ. Сидѣть онъ и носъ повѣсили. Вдругъ въ корчму вѣгааетъ дядько Харитонъ Заболотній да какъ крикнетъ:

— Ставьте могоричъ, чумаки идутъ!...

Петро, какъ заслышалъ тѣ слова, побѣлѣлъ какъ крейда, да и бухъ съ лавки да на землю...

Всѣ, кто былъ въ корчмѣ, бросились къ Петру, а онъ и зубы стиснуль...

— Воды, воды! закричалъ Заболотній.

Принесли воды, влили въ ротъ Петру, но тотъ »уже й захоловъ!... Допесли становому, наѣхало слѣдствіе, стали распрашивывать: что, да какъ, и когда узнали, что Петро »шомеръ эъ жалю«—отъ того, что ему приходилось отдавать Ляпасу своихъ дѣвѣцъ въ зовъ съ солью и волами, то взялись за Ляпаса.

— Сгинешь въ тюрьмѣ, душу христіянскую загубишь, кричалъ становой и ногами на Ляпаса топать.

Испугался Ляпасъ, да бухъ становому въ ноги:

— Змишуйтесь, ваша благородія, есть у мене пятдесятъ два ковшики срибла, забирайте все, тильки змишуйтесь...

И становой смиловался: Петра похоронили, а Ляпаса отпустили домой, только лишился онъ своихъ пятидесяти двухъ ковшиковъ серебра; но объ этомъ Ляпасъ не жалѣлъ, онъ говорилъ:

— Хочь голь, да правъ зоставесь... И ще-жъ таки, хвалити Господа милосердного, есть у мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцівъ, та пидъ покутемъ горшокъ червоцівъ...

Слова Ляпаса, какъ видно, слыхалъ сатана; черезъ недѣлю становой опять потребовалъ къ себѣ Ляпаса.

— Бѣда,—говорить,—старикъ! изъ Петербурга привеза бумага, чтобъ откопать трупъ Петра да сдѣлать новое свѣдѣствіе...

Опять повалился Ляпасъ становому въ ноги.

— Змилуйтесь, ваша благородія...

— Ну, а есть у тебя еще сколько нибудь золота или серебра? такъ я поправлю дѣло, совсѣмъ потушу, сказалъ становой.

— Щожъ? треба правду казати, отвѣчалъ Ляпасъ; есть ище въ мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцівъ да пидъ покутемъ горшокъ червоцівъ.

— А больше?... допрашиватъ еще становой.

— Ище въ комори на полыни стоитъ глечикъ копійокъ...

— Такъ вотъ что старикъ, совѣтовалъ становой, копійки пусть останутся тебѣ на поминки Петра, а золото и серебро давай сюда, такъ и обѣдаю дѣло такъ, что даже не будуть откачивать трупъ Петра...

И дѣйствительно такъ было; но только у Ляпаса не осталось больше денегъ: досталъ онъ и глечикъ эти-пидъ ступы и горщики эти-пидъ покуты и все отдалъ становому, самъ же затужилъ, сталь пить безъ просыпу, жды за долгъ забрали воловъ, онъ обѣднѣлъ до крайности и отъ горя скоро умеръ.

Вотъ такъ то вексель дѣда и оставался невыполненнымъ. Въ годъ послѣ смерти Петра заболѣлъ и мой дѣдъ, и болѣлъ онъ до великаго поста. Въ пятницу ночью на первой недѣлѣ поста приснилось мнѣ, что къ дѣду пришелъ покойный чумакъ Петро, а дѣдъ и говорить ему:

— А що, може прынись довжокъ?...

— Въ субботу отдамъ, отвѣчалъ Петро.

— Да развѣ одна въ году суббота? ты скажи, въ какую именно субботу отдашь?... спрашивалъ дѣдъ.

— Отдамъ я свой долгъ въ субботу въ первой недѣльѣ поста, пусть только каждый годъ въ эту субботу ставить свѣчу передъ иконой св. Якова—твоего патрона, на которой я написалъ тебѣ вексель; да пусть въ этотъ день совершаютъ по мнѣ поминки, пусть читаютъ за мою душу псалтирь и ставить поминальный обѣдь. А долгъ я отдамъ съ процентомъ за все время и самъ уничтожу вексель.

— Да вѣдь ты мертвый, говорить ему дѣдъ; какъ же ти отдашь долгъ и уничтожишь вексель?

— Черезъ пѣсколько лѣтъ я укажу твоимъ внукамъ, гдѣ закопаны деньги моего дѣда. Когда они возьмутъ эти деньги, то долгъ будетъ уплачено съ процентомъ. Вексель же я уничтожу огнемъ... И такъ, долгъ я отдамъ, а теперь пойдемъ ко маѣ въ гости.., сказала въ заключеніе чумакъ Петро. При этихъ словахъ я проснулся и кипулся къ больному дѣду, но тотъ уже и Богу душу отдалъ...

Похоронили мы дѣда и стали каждый годъ воть въ эту субботу поминать Петра. Это уже двадцатый годъ, какъ мы дѣлаемъ по немъ поминки. И воть въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ приснилось мнѣ, будто дѣдъ напѣ живъ и лежитъ на полу. Вдругъ въ хату входитъ чумакъ—Петро.

— Здоровъ, Якове...

— Здоровъ Петре... А що?..

— Та пора заплатить довжокъ... Тамъ па Андрійціовимъ кладовищку, лицъ великимъ каминнымъ крестомъ, на сходъ сонца, закопано... пехай выкопаютъ въ субботу до сходъ сонца...

Проснулся я, да и говорю своей Палажкѣ:

— А що стара, не боишся ты въ ночи ити на могилки?..

— Боюсь, каже стара.

— Да не сама, а зо мною вдвохъ...

— Хочъ и вдвохъ, то боюсь... бо то ничъ...

— Да ве въ ночи, а чуть свить, до сходъ сонца, якъ пересыпываютъ пивни...

— Да чого жъ мы пидемъ?.. спросила меня Палажка.

Я рассказалъ свой сонъ, и Палажка съ нетерпѣнiemъ стала ожидать субботы, только се тревожили слова Петра: «вексель я уничтожу огнемъ»...

— Чи не буде, борони Боже, пожежи? ¹⁾) говорила она при этомъ.

— Що Богъ дастъ, то й буде, успокоивъ я Палажку, а между тѣмъ самъ страшился пожара.

Когда настала пятница, то мы съ Палажкой пѣлый день молились Богу и деркали иость, чтобы Богъ сохранилъ насъ отъ пожара. Вечеромъ мы приготовили застуны и мѣшки, и па разсвѣтѣ субботы отправились па Андріїзове кладовисько. Большой каменный крестъ былъ давно извѣстенъ намъ, а потому найти его въ темнотѣ вочи памъ не стоило труда. Подойдя ко кресту, мы положили по три поклона и три раза проговорили: за преставльшисъ души: *Отче нашъ, Бого родице Діво, Помилуй мя Боже и Ви рую,* помянули раба божкого Петра и стали копать у большаго каменнаго креста, па восточной сторонѣ. Не успѣли мы копнуть нѣсколько разовъ, какъ подъ застушами что-то зазвенѣло. Мы немного прорыли и нашли большой казанъ, полнехонъкій серебрянныхъ рублей. Тогда мы перекрестились, персыпали деньги въ мѣшки, зарыли чустой котель на прежаесъ мѣсто и помоливши за душу Петра, пошли поспѣшино домой, забравъ конечно мѣшки съ серебромъ и заступа. Приди домой, мы все боялись огня; па вотъ слава Богу, какъ вы сами видѣли, вскесь уже уничтожепъ огнемъ. И кто жъ то все могъ сдѣлать? —то его, того чумака Петра душа зъ высшаго неба и «грози» намъ показала и «хрестъ той спалила», сказаль въ заключеніе Степанъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ очевидцу уничтоженія дѣдушкинаго векселя...

— Да, это дѣйствительно непонятный, чудесный случай, сказаль я и попросилъ Степана показать мнѣ тѣ рубли, которые достались ему по дѣдушкиному векселю.

— Извольте, сказать Степанъ: если хотите, такъ я вамъ покажу и тотъ ковшикъ, которымъ дѣдъ мой мѣрять деньги, когда давать имъ людямъ въ долгъ.

— Пожалуста покажите, это интересно; да вотъ кстати скажите, сполна ли вы по векселю получили долгъ...

— А конечно съ процентомъ, отвѣчалъ Степанъ: какъ сказаль Петро, такъ и сбылось: перемѣръли мы съ Палажкой тѣ рубли и

¹⁾) Шожежа — пожаръ.

вышло четыре ковшика съ половиною; значитъ, процента наросло полтора ковшика...

Гости всатли, помолились Богу, поблагодарили хозяевъ и стали расходиться. Когда всѣ уже разошлись, Степанъ съ Палажкою привнесли изъ коморы дижечку, въ которой хранились рубли, а также дѣдовъ ковшикъ.

Найдка Степана оказалась стариной—это были рубли царя Петра Алексѣевича, чекана 1721 года. Одинъ изъ этихъ рублей Степанъ тутъ-же далъ мнѣ за чтеніе псалтири, и этотъ рубль хранится у меня и теперь, какъ память моего дѣтства. Ковшикъ я тоже выпросилъ у Степана себѣ на память, но во время пожара, которымъ истреблена хата моихъ родителей, ковшикъ этотъ сгорѣлъ. Что-же касается иконы св. Іакова, на которой былъ написанъ и на моихъ глазахъ выгорѣлъ дѣдушкинъ вексель, то Степанъ пояснилъ, что онъ пустилъ ее на проточную воду...

Крестьянинъ Иванъ Савченко.

РЕБЯЧЕСКАЯ ЗАВАВА ВЪ СЕРЬЕЗНУЮ МИНУТУ.

Самый крупный въ недавней исторіи югоzapаднаго края фактъ остается въ забвѣніи. Мы не имѣемъ исторіи послѣдняго польскаго восстанія, какъ оно разыгралось въ предѣлахъ этого края, не имѣемъ даже отрывочныхъ о немъ свѣдѣній, если не считать недавно печатавшихся въ «Русской Старинѣ» воспоминаній ген. Кренке, чрезвычайно интересныхъ, но во многомъ неточныхъ и далеко неполныхъ. Въ архивахъ лежать перушино богатѣйшіе материалы для этой поучительной исторіи, въ обществѣ находятся сотни, тысячи свидѣтелей тѣхъ печальныхъ дней и событий, въ народѣ циркулируетъ масса интереснѣйшихъ разсказовъ, какъ онъ самъ то здѣсь, то тамъ расправлялся съ возмутившимися панами и отдавалъ ихъ въ руки начальства. И не находится доселѣ человѣка досужаго и съ талантомъ, который занялся бы собраніемъ всего письменнаго и устнаго материала объ этомъ событии и повѣдалъ бы намъ правдивую исторію тѣхъ дней. Будемъ воспроизводить ее хотя по мелочамъ, приводить въ извѣстность хотя то, что у кого въ памяти осталось.

Кто живаль въ ту пору въ Кіевѣ, Житомірѣ или Каменцѣ, тому памятно, какъ не рѣдко необозначившися еще въ своихъ цѣляхъ и приемахъ іереміады польской справы находили сочувствіе въ средѣ русскихъ, какъ многіе осуждали тогда политику правительства, порицали дѣйствія администраціи, взывали къ толерантціи, справедливости. То, что мы хотимъ сказать теперь, рисуетъ легко-мыслѣ, пустоту, а не серьезный взглядъ, но и оно характерно для того времени.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія, въ видахъ удобнѣйшаго надзора за проѣзжими, были заведены на большихъ почтовыхъ дорогахъ шнуровые книги для записыванія имени, фамиліи и мѣста отправленія проѣзжающаго. Мѣра эта по многимъ причинамъ не приносila желаемой пользы, давая иногда поводъ къ школьнечеству, ребячеству, какъ покажетъ случай, о которомъ хочу разсказать.

Пришлось мнѣ въ 1863 году проѣзжать по волынской губерніи. Дѣло было въ ноябрѣ. Почтовые кони еле тащили ноги, утопая въ глинистой вязкой грязи. Смеркалось... Мы съ ямщикомъ рѣшили остановиться въ ближайшей деревнѣ: устали кони, да и мы не прочь были отдохнуть... Подѣхали къ корчмѣ. Входимъ. Я обращаюсь къ »вартовнику« и прошу дать шнуровую книгу »росписаться«.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Становый казавъ: якъ мають не знати що писати, нехай липше зовсимъ ничего не пишуть.

Я цю любопытство въ посмотрѣть на это »не знати що«. Читаю.

- Гарибальди єдетъ изъ Кременца въ пространство.
- Кавуръ и Викторъ-Элимануиль направляются на востокъ.
- Расплюєвъ єдетъ къ папѣ въ гости. И. т. д., и. т. д., все въ этомъ родѣ.

Я тоже хотѣлъ »росписаться«, но сторожъ не позволилъ. До-вольно, значитъ, и этого!

Черезъ $\frac{1}{2}$ часа я поѣхалъ дальше.

Теперь я забылъ уже и название деревушки, въ которой это происходило, но самъ фактъ остался у меня въ памяти, и одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ во мнѣ не то грусть, не то веселую улыбку.

В. О.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Года четыре назадъ тому пришлось мнѣ проводить каникулы въ с. Потокахъ подольской губерніи, винницкаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ ст. Жмеринки. Когда я прожилъ тамъ недѣли двѣ и того больше, мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ подростки крестьяне и даже взрослые въ ссорѣ обзываютъ своихъ противниковъ «гоптиками». Меня это название заинтересовало, по тождеству своему съ именемъ извѣстнаго сотника уманскаго Гонты. На распросы мои объ этомъ мѣстнаго священникъ пояснилъ, что въ этомъ селѣ живетъ крестьянинъ Микола Коломіецъ, старикъ лѣтъ 80-ти, котораго считаютъ потомкомъ того самаго Гонты. Я постарался свести знакомство съ старикомъ. Когда въ распросахъ я навсегда рѣчь на такое его родство, старикъ долго отмалчивался и отѣшивался и только внослѣдствіи призналъ приписываемое ему другими родство, пояснивъ, что не хотѣлъ сказать мнѣ объ этомъ, боясь, чтобы я не сообщилъ начальству.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній старикъ Коломіецъ, когда мы стояли съ пимъ на его дворѣ, указалъ мнѣ въ юго-западномъ углу деревни усадьбу на взгоркѣ, при чёмъ не то съ горестью, не то похвалой сказалъ: «ото наше батьківське добро, тамъ и жить Ксенофонтъ» (такъ онъ называлъ Гонту). По словамъ Коломійца, Потоки съ окружными селами принадлежали въ то время Потоцкимъ, и хотя у нихъ было много имѣній въ разныхъ другихъ мѣстахъ, по не рѣдко графъ съ женой жили здѣсь, а Гонта былъ атаманомъ козаковъ Потоцкаго. Къ сожалѣнію, старикъ не могъ называть по имени ни графа, ни его жены, а также сообщить объ нихъ какія либо свѣдѣнія. Графъ, говорилъ онъ, часто и надолго отлучался, а графиня держала Гонту при себѣ и жила съ нимъ какъ съ мужемъ. Противъ двора графскаго стоялъ домикъ, тамъ-то и жили дѣти Потоцкой отъ Гонты; одинъ изъ сыновей звался Адамомъ; силенъ онъ былъ, какъ и батько его, но глупъ, не въ отца пошелъ. На мѣстѣ этого дома и теперь усадьба Адамчуковъ.— Графъ, рассказывалъ еще старикъ, боялся Гонты. Правда и графиня не всегда ладила съ нимъ. Разсердился разъ Гонта, хватилъ кулакомъ любимую лошадь графини,—на повалъ убилъ, а самъ ушелъ. Собрали людей ловить Гонту. Окружили его подъ корчмой,

а онъ стоитъ съ лавой въ рукахъ и говорить: »берать«. Взять не взяли, упросили вернуться во дворъ.

Какъ поднялись гайдамаки на ляховъ и пошли на Умань, страшно стало за дѣтей Потоцкому,—они въ Умани тогда учились. Позвали Потоцкій Гонту и говорить: »пять сель даю тебѣ, Гонто, достань дѣтей«. Гонта обѣщать. А на Литинскомъ яру Желѣзнякъ таборомъ стоять и къ Гонтѣ гопца прислать, чтобы былъ съ нимъ за одно. То мѣсто Литинскимъ яромъ уже потомъ прозвало, по имени папа; находять и теперь тамъ оружіе въ землѣ; Литинскій яръ лежить между Потокомъ и р. Ворошиловкой, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ пришелъ туда Гонта съ своими козаками. »Биться, или брататься памъ?—спросилъ онъ Желѣзняка. Желѣзнякъ отзвалъ его въ сторону и показалъ царицыну грамоту съ золотой печатью. Посмотрѣлъ Гонта, да и повернуль съ своими козаками, разомъ съ гайдамаками, на Умань. Тамъ уже, какъ расправлялись съ гайдамаками, то и Гонту въ тюрьму посадили до конца жизни, хоть и ссылался онъ на царицыну грамоту.

Свои темные разсказы Коломіецъ закончилъ такъ: если, слушалось, что нибудь не хорошее сдѣлаю, то батько всегда было говорить мнѣ: »вотъ и выйдешь такимъ гайдамакою, какъ Ксенофонтъ».

Трудно разобраться въ этомъ темномъ преданіи и съ достаточнотою вѣроятностію пріурочить его къ опредѣленному историческому лицу и времени. То, что есть существенаго и наиболѣе опредѣленаго въ немъ, не согласуется въ примѣненіи къ уманскому сотнику и пародному восстанію 1768 г., известному подъ именемъ Гайдамачины или Коливщины, съ точными историческими о нихъ свѣдѣліями. Атаманъ надворныхъ козаковъ Салезія Потоцкаго, Гонта, носилъ имя Ивана, а не Ксенофона, родился не въ Подолії, а близъ Умани, въ с. Росопихъ, которое потомъ получило въ даръ отъ своего патрона. Въ подольскихъ и червоно-русскихъ владѣніяхъ Потоцкаго Гонта, конечно, бывалъ съ своими козаками при дворѣ Потоцкаго, но самъ Потоцкій имѣлъ свою резиденцію въ Крилітопольѣ, въ нынѣшней Галиціи, а не въ Потокахъ. Да же еще большая несообразность. Соединеніе Гонты съ Желѣзнякомъ подъ Уманью, близъ с. Соколовки, удостовѣreno письмами свидѣтельствами современниковъ очевидцевъ, а между тѣмъ преданіе устами Коломійца отводить для этого мѣсто въ Литинскомъ яру, между с. Потоками и

м. Ворошиловкою. Самый фактъ связи жены Потоцкаго съ Гонтою могъ бы многое объяснить намъ въ положеніи Гонты, который, несмотря на свое простое происхожденіе, занималъ высокое положеніе среди окружавшей Потоцкаго родовитой шляхты, впушалъ ей уваженіе и страхъ и пользовался непоколебимымъ довѣріемъ своего патрона, щедро награждаемый и ласкаемый отъ него. Но чѣмъ и какъ можетъ быть удостовѣренъ этотъ фактъ относительно уманскаго Гонты? Подобные факты не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ въ то время случались; но для пріуроченія указанного факта къ сотнику Гонтѣ мы не имѣемъ ничего, кроме преданія, спутаннаго въ другихъ частяхъ. Не самъ Микола Коломіецъ, а его отецъ могъ быть современникомъ Гонты; но дѣйствительно ли онъ былъ его родственникомъ, это остается вопросомъ. Почему же держится и на чёмъ основано преданіе о родствѣ Миколы Коломійца съ Гонтою? Почему въ народѣ бранятся тамъ именемъ Гонты? Почему не сохранилось здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, преданіе о страшной казни Гонты, совершенной, какъ известно въ Подолії? Не были-ли въ Штокахъ, во время Колівщины, другой предводитель гайдамакъ также съ фамиліею Гонты?

Желательно, чтобы кто нибудь на мѣстѣ вновь проѣхалъ записанное нами преданіе и по возможности разрѣшилъ поставленные вопросы. Въ основѣ народныхъ преданій лежать всегда реальные факты, но здѣсь они совершенно спутаны относительно мѣста и времени, а можетъ быть и самихъ лицъ.

Е. Маковскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЬ.

(Одна пѣсня и два рассказа).

Минувшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ черниговщинѣ и полтавщинѣ и слышать много пѣсень и рассказовъ, которыхъ всю прелесть чувствуешь тогда, когда выливаются они живымъ голосомъ, живою рѣчью въ жизненной обстановкѣ, какъ непосредственная принадлежность и проявление жизни.

Въ с. Жеведи (остерского уѣзда, черниговской губерніи) записаны мною 2 рассказа, а въ селѣ Прохоровкѣ (полтавской гу-

бернії, золотоношськаго уѣзда) п'єсня. Дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

П'єсня высоко художественна какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобной по содержанію п'єсни я еще до сихъ поръ въ печати не встрѣчала, несмотря на то, что имѣль подъ руками и перечитала большую часть нашихъ сборниковъ народныхъ п'єсень.

Въ этой п'єснѣ изображается судьба несчастной молодой женщины—Насти. Въ семьи мужа ее встрѣтила »лыхай свекруха«, которая постоянно грызетъ ее. Разъ, постѣ особенно-лавазчиваго, злостнаго приставанья свекрухи, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, отправляется Насти «зъ малою дитиною» въ поле жито жать. Горькое, щемящее чувство незаслуженной обиды, сознаніе невозможности поправить свою бесповоротно испорченную жизнь, чувство физического и нравственнаго утомленія, все это вмѣстѣ подавляетъ въ ней материнскія чувства и она, вспомнивъ про ожидающія ее дома семейства обязанности, вечеромъ уходитъ домой, забывъ въ полѣ ребенка.

Погруженная въ свои безутѣшныя мысли, безсознательно, чисто механически отправляетъ она эти обязанности—и такъ и не вспомнила сама о томъ, что оставила дитя въ полѣ. Напоминаетъ ей обѣ этомъ мужъ, и она въ смертельномъ страхѣ, съ потрясеннымъ чувствомъ материнской любви бѣжитъ въ поле, въ полѣ видить орла, и спрашивается его обѣ участіи дитяти.

Въ прекрасномъ поэтическомъ образѣ передаетъ п'єсня роковой отвѣтъ орла, которымъ замѣняется личное удостовѣреніе Насти. Насти въ отчаяніи устремляется домой и подъ тяжестью неодолимаго горя кончаетъ жизнь самоубийствомъ. Вся эта картина страданій и гибели отъ злой »свекрухи« нарисована прекрасною художественною кистью, проникнута глубокимъ, сильнымъ чувствомъ. Гиппъ Насти начертанъ съ необыкновенною силою немногими яркими, смѣлыми штрихами. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ народныхъ п'єсень.

Что до записанныхъ мною 2-хъ разсказовъ, то первый изъ нихъ, по основному своему сюжету, не новъ, по онъ интересенъ по формѣ, въ которую вылился избитый сюжетъ, по примѣненію къ типическимъ лицамъ народной поэзіи, по народному чувству, скво-

запоміу везде въ этомъ разскажъ, по своей анти-жидовской подкладкѣ. Въ такомъ видѣ я его встрѣчаю въ первый разъ.

Почти тоже можно сказать и о второмъ разскажѣ. Въ немъ особенно интересенъ взглядъ народа на солдата-вора и его къ нему отношеніе. Народу, видимо, симпатиченъ этотъ преступный солдатъ за проблескъ въ немъ человѣчности, за сочувствіе его невинно страдающему человѣку, за ловкость, за то, что онъ перехитрилъ жида,—за все это народъ какъ-бы прощаетъ ему его проступокъ и смотрить на темную сторону его дѣянія сквозь пальцы.

Нельсона про Настю.

Уродилась Настя
Безъ доли, безъ щастя.
Да случилась Настя
Свекруха лыхая.
Посылае Настю
У поле жито жати:
—> Иди, иди, Насте.
Да й не озирайся.
Ой жни, Насте, жито
Да й не розгинайся «.
Розигнулась Настя,
Уже й сонце низенько.
Да й погибла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову свитлию,
Да ухопила Настя
Дубову дойницю,
Подоила Настя
Сивія коровы:
Ой питае милый:
» Де Насте, дитина? «
—> Ой, Боже мій милый,
Забула на ныви! «
Да й побигла Настя
Изъ дому на поле,
Да й зустріла Настя

Сизокрыла орда.
 —» Ой ты, сизый орле,
 Не бачивъ дитинъ? «
 —» Ой у поли, въ поли
 Стоять три тополи:
 Ице перва тополя
 Ямочку конас,
 А другая тополя
 Дитину ховае,
 А третя тополя
 Книжечку читас «.
 Да й побигла Насти
 Изъ поля до дому,
 Да й убигла Насти
 У нову комору,
 Да ухопила Насти
 Да свой¹⁾ полотенци²⁾.
 Не попала Насти
 Пожемъ по полотенцу,
 Да й попала Насти
 Но широму сердю.

(С. Жеведь, остерекаго уѣзда, черниговской губерніи).

P a z s k a z y.

I.

Нанявъ жидъ человека йхати у городъ. И везе винъ ёго зъ села на гору—отакъ, якъ у насъ отто гора. Ажидъ—ніякъ на гору не встане; лигъ, вывернувся та й спить. А бидный человекъ бичувався, бичувався! Не вытягне піякъ коняка нещасна, а жидъ лежить, вшвернувся, не поворушиться, дума: якъ палявсь, то й вези. А винъ у жида просить: »встань, будь-ласка, бо коняка не вытягне. И тоби верну громпи, тильки встапь«. Той таки не слухас. Ажъ пить на лоби выступивъ,—все лежить. Коняка не везе піякъ, а человекъ сидить та й плаче. Другій тутъ ишовъ зъ горы: такий-же соби человекъ. Дивитца, що бидный человекъ мучить коняку, жи дъ не встає,—якъ узявъ винъ дрючокъ та до того кучира: »а,

¹⁾ Свой—сувей, большой свертокъ.

²⁾ Уменышъ отъ слова полотно.

сакій-такій! ты колись моего жида бывъ, якъ я ѹхавъ: ось я и твого буду бить, аже-жъ ты моего бивъ». Той жидъ якъ скопитьца, якъ удраў ёго винъ тою ломакою по плечахъ,—якъ побижить! Тоди ко-няка й вытягla, бо жидъ вставъ. А цей чоловикъ тоди: »спасыби тоби, брате, що ты моего жида прогнавъ, а то й доси-бъ ще пропадавъ на тимъ мисци. Спасиби тоби!«

II.

Жидъ на ярмарку минаянъ гроши на столи. А салдатъ смотритъ, що вони у ёго лежать, тай думае, якъ бы ихъ соби узять. Жидъ заворотився, задивився, а салдатъ за ти гроши, що були на столику, та за ошлагъ.

Чоловикъ простиый приходить: »розмiнай мени, яврею, п'ять рублейвъ грошeй«. Жидъ кинувся: »Герште! де мои гроши?« Та па того чоловика: »ты взявъ! Цуесъ ты, верни мои гроши, мужицьке голове, швингаче руло! Ты взявъ мои гроши«. Жидъ бере того чоловика за лобъ и увесь ярмарокъ жидивъ забигся на цюю кумедiю дивитьца. Бьють ёго, вяжуть ёго, нехтують ёго. Той чоловикъ божильца, кленетьца: »не бравъ я твоихъ грошей, далеби не бравъ!« Жиды, знасте, не вдаряютьца на прозьбу цюю, кричатъ: »ты взявъ, сто цортинъ въ твою голову!« А салдатъ той стоять, бачить биду того чоловика, бачить: бьють ёго, нехтують. Єму, звисно, зробилось жалко. Винъ пидходить и каже: »за што, каже, ты этого бѣдного мужика бъешь?«—»Какъ зе ёго не бить, коли воно оттутъ, при моихъ оцахъ, на столику десять ци сто карбованцiвъ узяло«.—И врешь ты, цархъ проклятой! Вѣдь ты напрасно мужика бъешь. Вѣдь твоихъ денегъ онъ не бралъ, а я ихъ взялъ«. »Герста! какъ вы узяли мои гроши?«—»Какъ я взялъ твои деньги? Вотъ какъ: пришелъ я къ твоему столику, смотрю, па столицѣ лежать. Гляжу, ты не смотришь. Я вотъ таъ шинелью подобралъ, отошелъ отъ столика, да все дальше, дальше... Да якъ влулить зъ грошима по ярмарку! Жиды гвалтъ: »ловить! ловить!« А винъ по переду бижить и самъ кричить: »лови, лови!« Такъ и пропали жидови гроши.

А мужика салдатъ вызволивъ, щобъ ёго дарма не били.

(С. Прогоровка, золотоношского уѣзда, полтавской губернiї).

Сообщ. Д. Т.

отъ пана дядка и отца брата¹⁷⁾). Священнику за молитву зъ пазама-ремъ 12 к.

24. За 18 аршакъ крашенины 64 к. Теслѣ Налашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Иоэдри чаусовскаго 5 р. полковыхъ денегъ; сего числа рожотъ и расплатка зѣблана зъ Федоромъ Иличенкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочны дни разышлисъ па всякіе домо-высъ и другіе расходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Тональѣ у графа¹⁸⁾ и купилъ для енерала де-Вей-збаха 4 концъ, а для себѣ 1—полотна парусного за 30 р., а деньги еще не плаченіи.

Былъ въ Нижніомъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Принесено на особомъ листинкѣ:

Ключа рижая приводу съ Погару воровъ—именемъ одинъ Икою Грицелко, житель посёлку миргородскаго, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Ленко Карповъ сынъ Хархонекъ, житель сотни топальской, села Могильница, да въ перегонскаго жителя Зенка Три-носенка тогожъ приводу имѣется ключа рижая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о воронежскомъ конику, якого онъ приводу, исправите не почему.

1731 году Сентябрь 9. Зде выраженыя ключи рижіи и коникъ вороной пранкты въ дворъ напомъ въ Стародубъ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генварь.

1. По обѣдаѣ поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Объяснилъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избрали кандидатовъ на асаулство полковое и на хору-жество значковое. Сего же числа одирависъ Антонъ Донъ въ Полтаву зъ письмами до его сіательства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вебзбаха и зъ 4-ми концами парусного полотна, кото-рому и подорожная енералская дана па подводы. Дня сего же въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ иранорщикъ зъ печатными ука-зами его императорскаго величества о наслѣдствії и зъ формами

¹⁷⁾ Поль именемъ отца-брата разсчитывается родной братъ по отцу автора Диев-вица—Иванъ Давыдовичъ, бывшій священникъ. См. Опис. Черниг. Епархії, V, 192.

¹⁸⁾ Рагузенскаго.

присягъ, такожъ и зъ універсаломъ реїментарскимъ о виконанію той присяги ⁴⁹⁾).

4. Но службѣ Божої въ церкви соборной присягу чинили полковникъ, старшина полкова и проче чини духовные и мирские.

5. Розышлось на розыщю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. Но службахъ была процесія на рѣку и по одніакленномъ водосвятія, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотни: полковая, новогжѣтская и тополская бѣглими отнемъ, которіи сего жъ числа присягали въ соборной церкви. Въ вечерѣ поспѣла полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ дождѣ ихъ.

7. Зашпатель за медь въ домѣ братській петропавловскій 70 к. Прислали полковниковна Нараєвія Александровна 16 золотниковъ ерѣбра и полтицу леянецъ на зроблене табакерки. Сговоріль синьцаря для роблення шафы за 2 р.

8. Тому жъ синьцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи ⁵⁰⁾ и Іванъ Івановечъ купили у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣдали.

9. За подку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницамъ затрачено такожъ 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Клухонъ, забѣраючи дорогу, и прибылъ на яочь въ Борисевъ ⁵¹⁾. Бабѣ, которая приходила одѣть пана Максимовича зъ родиннимъ хутромъ въ роднинейшія дочерь его Татіанѣ (яка родилася зъ 7 противъ 5 числа), дано 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріїхаль туда рано и обѣдалъ бывшій урядникъ почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукінь, также п. и. Галецкій сотникъ полковый и меншой Леонітій. У лікаря чаусовскаго Ноздри.. взяты 2 р. Но обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на яочь въ Батемъле, где поддавые пана сотника полкового дарвали чась рибою въ вишаки. Писаникъ зъ Перегону писма да пана тестя и до жены; да до пана сотника варвянскаго зъ отправленіемъ каблицъ и лошадь, звехъ 20 штуку, а зъ тимъ велено одніакленити Грицка зъ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да осся чвертку для лошадь.

⁴⁹⁾ О присягенихъ присяга.

⁵⁰⁾ Рагузинськіе.

⁵¹⁾ С. Борщевъ стародубск. уѣзда, приватлежалъ Гакалбячу, родныхъ братъ ахъ, по отцу, жены автора дневника.

Зъ Витебля писаль къ Стефану и къ Ивану Кощѣ. Ночью въ Витебль получено писмо одь полковника, на которое

13. Ишеанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данчевика зъ Межедовки поль датою зъ Шатрицъ. Зъ Межедовки по обѣдѣ прибыть въ Шатрицъ на ночь.

14. Зъ Шатрицъ пріехалъ въ Глуховъ по поздни въ 3-мъ часу, и сегодня пыгде не били. Розашлось на розницу 17 к.

15. Рано кланялись ясновелможному и обѣдали у столу гетманскаго. Положены въ карбону 60 к. Дано срѣбра 16 золот. Негру Василеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, кашелява войскового ⁽¹²⁾), которому родилась дочь Татьяна, якой воспрѣимшкими были пашь Андрей Марковичъ, подскарбій енеральныи, и ясновелможная паша гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асаултовъ епер. пашу Машуйловичу, въ вечеръ—шашъ хоружому и бичужному енератинъ. И изъ рана кланяется полковнику и глуховскому коммандавту Семену Тимофеевичу Кишкуну да подполковнику Никифору Ивановичу Левову, зъ хлѣбомъ и зъ звериною.

17. Шѣвчимъ гетманскимъ даво 50 к. Издакамъ 20 к. ⁽¹³⁾. Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдали я у полковника и коментанта генеродина Кимкана.

18. Одкланившись ясновелможному, паничи отехази зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалось до полковника, до пана тестя и до жены. Розашлось на розницу 26 к.

19. Ишеано писмо до сотника новомышленикого пана Ивана Шишкевича о долгу на Алексею Михайловскому, которого въ бѣлье своеруччий кручинемъ пану Федору Чуйкевичу ⁽¹⁴⁾ и писмо до тогожъ

⁽¹²⁾ О. Михаил Богдановій бывъ полковникъ каштелянъ около 20-ти лѣтъ (1720—1749), послѣ того послѣ таєродію дворянъ Богдановіє. См. Зал. Чера. Стат. Кн., ч. 2-я, № 70—72.

⁽¹³⁾ Издакамъ называемъ обѣзъ гетманскихъ стражъ. Для письмъ съ этой службѣ быть отведенъ значительной земельной угодью, изъ которыхъ и возникло генеродине с. Издаки, южногорскаго уѣзда.

⁽¹⁴⁾ Федоръ Чуйкевичъ бывшъ тев., сынъ Александра Чуйкевича, бывшъ и поставшъ писаремъ при Сахнѣльватѣ. Денежисяясь на дочери бургесевице, протопопа Януша Марковскаго, Федоръ Чуйкевичъ получитъ отъ пріянѣе стѣблу Грузину пѣть Красавицъ, которую явосядствівъ передалъ также въ вѣтъ генеродина, бывш. тев. Андрею Войцѣховицу, жившемуся во его сытери Альѣ.

сотника пана хоружого снералного Гарленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховскаго крепи чорной 3¹/₄ локта, да шунименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давніхъ 10 р. Дано на расходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если дозволить деньги въ Новыkhъ Млинахъ, заплатить зоныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себѣ-жъ реміту отобразить, а остатокъ ко мнѣ прислатъ; на школы кіевскіе дать двойный червоній. Прибылъ Пглатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонажи 10 к.

21. Дано на расходъ 30 к. Писано писмо въ Москву до пана Андрея Гарленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе сторожи даннаго ему моего меморіала. Писано писмо до пана Федора Шеряя ⁽¹⁵⁾) о одобралю клевѣкорда у пана Івана Кулабки, и до пана Кулабки о выдачи онаго клевѣкорда. Да писать павъ Іскрицкій и карту якъ обѣ ономъ вручилъ. За 1₁/₂ блокосу дано 41₁/₂ к.

22. Пріехали полковники въ Глуховъ. Розыглось на розницю конѣекъ 9.

23. Оль-же полковникъ быль у ясневелможнаго и обѣдалъ зъ полчанами. Даъ на расходъ 30 к., цилорику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розыглось на сѣно, овесъ и и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ся імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ пашъ Холодовичъ, сотникъ воронійскій и Янушкевичъ, писарь черниговскій и Давидовичъ, товарищъ значковый, одпущеніе зъ Москвы. Чрезъ паша Холодовича присланна грамота о пожалованію пана Івана Борозы судею снеральнику, а пана Турковскаго—писаремъ снеральнику, да о пожалованіи ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ ⁽¹⁶⁾).

⁽¹⁵⁾) Федоръ Шерай быль женатъ на дочери Петра Кулабки, а сіѣдоватъ ввучитъ тетя. Алоистомъ (Петръ Кулабка женатъ быль на Анаѣ Данії. Алоистомъ). Іванъ Кулабка, у которого мужко было взять «клевѣкорды», быль братъ жены Федора Шерая. Воинственіе онъ быль полковникъ лубенскій. См. примѣч. 67.

⁽¹⁶⁾) С. Переговка глуховскаго уѣзда, возздано отъ к. Воротежа, гдѣ Ходоровичъ быль сотникомъ.

Иому въкарію николскому отцу Тимофию данъ 1 р.

29. Розылось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходительство, господинъ генераль и ордина Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ прибыль въ Глуховъ по штатѣ, которого взятовать и ясновелможный на его квартеръ. Розылось на сѣно 21 к.

31. Нисамъ писмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генераль Нарышкинъ быль у ясновелможного въ домѣ и вручилъ его ясновелможности грамоту о опредѣлениіи частности старшинѣ смеральной и прочимъ. На сѣно, овесь и проч. розылось 40 к. Ожалонился ясновелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розылось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., вѣхать я зъ Глухова и прибыль на почъ въ Шатрищи.

2. Прибыль на службу ¹²⁾ въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдали, прибыль въ Часк и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибыль ночю въ Стародубъ. За рибу въ Каменъ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ся і. величества и молебствовали съ шущечиою стрѣлбою, постѣ и при обѣдѣ у полковници гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечери были у мене въ домѣ полковника и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ постѣ вчерашнаго гулянья.

5. Быль у полковника и прощался за позавчораишую при гульи досаду. Одправисна баба въ Иогарть, которой дано сукна на кунтушъ темнослоневаго за 2 р. 63 к.

6. Розылось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарци 20 к., за возь лучинъ 17 к., на прочее 8 к. Прибыль въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василию 10 к., Алексию 4 к., на мясо 10 к., за мель 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его ж. пана Скоропадского зъ посыпкою кадризій, до пана Юрьевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловскаго, виданномъ зъ новоминскаго уряду.

¹²⁾ На обѣдъ.

10. Даво лещицкимъ людямъ, которіи па дрань подрядились, съѣсто полчвертии муки 20 к., а полчвертии еще имъ надлежитъ.

11. Сиѣцару, которій лѣзаетъ мафиу, дано 30 к.: на розницю разышлося 14 к. Гришики Соколова умершаго тѣло посвѣщено за ребро па [—].

12. За мясо заплачено и па проч. разышлося 22 к., дано Василю 20 к.

13. Графна ^{¹¹⁶⁾}

 зъ полковникою де-Фронбісовою обѣдали у полковника и гуляли, а посѣтъ у пасъ вечеряли и ночевали. Розышлось на медь, мясо и проч. 36 к.

14. Посланъ чрезъ Бардовскаго до графа 30 р., да 5 куековъ полотни параднаго. Писала павѣ матна и я до папа Ивана Гамаліи въ Москву чрезъ денцика графскаго, который посланъ доганять графа Мойсея Ивановича. Пошло на розницу 7 к. Штани Соколовъ зъ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичъ по сѣно для свезеня оного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медь заплачено 19 к.

16. Дано Брезжуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писаль писмо къ діакону Протерю въ Липичи, чтобы позволено выпустить брусыъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпускъ и людей вселено одправить зъ Шатовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницу 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медь заплачено 15 к.

18. Сиѣцару отданы остатъный денги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Тополѣ, одколь коло вечерень уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рибу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гости, которіе послѣ поехали до папа Ивана Миклашевскаго.

21. За бочку соли щурки, да за пудъ бѣлой соли-же 4 р. дано.

22. Залѣйцы (возжи) ременные пароницные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. папа Скоропадскаго зъ термѣнами указовъ о калкуляції денегъ.

23. Василю слузѣ даво 15 к., за синце грибовъ 15 к., на розницу 10 к., за осматку овса Гриневичу 30 к.

¹¹⁶⁾ Аман Грузинская, дочь булг. тавар. Ивана Борозды. Второй мужъ ея—Ил. Авр. Гагацкая.

24. Покроено Алексею и Василию двѣ епанчи немецкихъ зъ парусного полотна 16 аршинъ, дано на шитья 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницу 3 к. Договорились зъ маляремъ обмалюовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Ивану, что въ Вори (хуторь), 25 к., хлющию Степану 10 к. Званицю хлопчу покраено вчера камзолъ и епанчу; пошлио на тое парусного полотна 8^{1/2} аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розыньись на розницу 72 к.

27. Залатиль Мандзелку и Левченку пуховицъ 14 р. 30 к., за медъ и проч. 12 к., за стичку 9 к.

28. Глащицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Малярку умокленную шафу малюовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефановскаго отца до сестеръ 2 р., да Дмитрию коя воронострокатого.

29. За шола животного 40 к., на рыбу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ съ женой и полковници де-Фронбисова зъ дочерю сбѣдали у пась. Всѧли у грека 2 фляши ледонского, 2 простого полинновского. Дасть кунтушъ свой откроеній Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полшата локтя камліоту 1 р. 30 к., у Пуховича взять ложоть зенти за 50 к., которую подарить дочеръ пана Николая Борозы, котораго жена у пась обѣдала.

2. Цокреавы дитинѣ суконки, до которыхъ на шовкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣтской сотни въ Полтаву, чрезъ котораго шеаль до сперата де-Вебаха, до кесиза каневска его, сзути, и до пана Тимоновича. За розные багателѣ (мелочь) кухеневые 4 р. 2 к.

3. Греку Зефиру заплатить за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляжокъ ледонского и за четыри червонного полуникового 4 р. 20 к. Фарбезиницѣ^{“”}), которой дано луданъ фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицѣ сосновыхъ 4 к., за хрѣнь 5 к., за два каменѣ^{“”}) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 ложоть 36 к.

^{“”}) Красальняцѣ.

^{“”}) Камеъ - 50 фунтовъ.

4. Подрядиться гончарской изамаль Абраамъ Жуковъ иѣть дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а иль спиахъ камень, иѣчь-же пошощованную, а кожеъ въ сечи мурожаный и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взяль уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлать шафу совсѣмъ уже, даво до-платки 80 к., Евтушку краинцю на шовъ 4 к., за щуки и окунѣй рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., разыщлось на розницу 37 к.

6. Розыщлось на розницу 65 к.

7. Одправлено писмо до его м. иана Скоропадскому о небез-печной ради распутьиць дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; разыщлось на розницу 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики тѣхъ хорошимъ строеніемъ, въ тилу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ давъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ кѣмесцкіхъ чорныхъ 20 к., інтро-ліодатору (перевелетчику) 10 к., на нитки кравцамъ 6 к., на роз-ницю 14 к.

9. Расплатка ученица зъ Яничекомъ и другими за сукно, рисѣй, шнуровкѣ, таou, тако-жъ Леонидѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медь 8 к., на нитки 5 к., за сокиру 8 к., фарбизницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на круши 10 к., за шну-ровкѣ и нитки Иванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатить за Пузира пану Скоропадскому 20 р.

10. Шевцю за наливку чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцамъ за работу 70 к., на нитки, гантели и шнуровкѣ 7 к., Макринѣ на серванокъ 20 к., мацѣѣ Петрусовой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправленъ Ивана Коньку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступивъ подарованаго матцѣ.

11. Вїезжалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на расходъ 5 р. денегъ. Заяль у Конопичку 5 осмачокъ жита стародуб. иѣри и обѣйтъ ему дать.

12. Приезжала миѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я еї послать подушечку-жъ, кошелюкъ, аигешт и дѣтамъ стюнечки. Василью дана полтина на расплатку его за гоняне (ѣченіе). Заплачено за медь и рибу, зъ Погары привезенные, 18 к.

13. Въехать съ Перегону, обѣдать въ Гречищемъ, почовать въ Чушкиахъ¹²¹⁾. Розыгналось 8 к.

14. Прибыть на обѣдъ до Ситчи и тутъ у пана сотника шептаковскаго обѣдать. Оттѣль ехать на Шептаки и прибыть на ночь самъ въ Новгородокъ, а возки почовали у млина пролетинскаго.

15. Отдать зойту новгородскому ковя бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день прорабанить.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Въехать въ Новгородка, на ночь позно прибыти въ Логотки.

17. Попасовали въ Собичевъ, на почту прибыли въ Глуховъ. Сего числа испечеложная вѣхата зъ Глухова до Сорочинецъ¹²²⁾.

18. Весь день прорабатъ въ дворѣ гетманскомъ. Получить писма вечеромъ отъ сотника шогарскаго о затѣйкахъ старости евдокиевскаго.

19. Быть у его м. пана лисаря и обозного енераліакъ. Церемонію за голени 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглобль 2 к.

21. Розыгналось на розницу 75 к.

22. Въехать зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, почовать въ Слоутѣ¹²³⁾.

23. Прибыть въ Новгородокъ ноче. Розыгналось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесь 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушать службы Божији въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдать тамъ-же; позно вѣхать, прибыть на ночь въ Ситчи. Вчора послано удостоеніе для посыпу до асаула епер. пана Лысенка, чрезъ значковаго козака новгородскаго Лукана Василіева.

26. Прибыть въ Перегонъ и почовать.

27. Прибыть ночю въ Стародубъ.

28. За пообмалюване колбъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розыгналось на розницу 8 коп.

¹²¹⁾ Село новгородъверскаго уѣзда.

¹²²⁾ Село мітропольскаго уѣзда, где была Апостоловская усадьба.

¹²³⁾ Село въ 12-ти верстахъ отъ Глухова.

30. Прислать Колчевскій 4 вѣки рабы. Нисаль писмо до царя Андрея Михаиловскаго въ дѣлѣ пана Скоропадскаго о млынѣ и проч., что въ продажу. Постано писмо и до пана Борковскаго.

31. Данъ кошь гибѣй акульковскій Качановскому. Взято у Герасима Соловенка $\frac{1}{4}$ котловой мѣры на вино солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до бровара 2 воза дровъ, на крашенину докупить всемому на полку 8 к., на шнурокъ до лѣвчинскаго жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розыглось на росницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Апріль.

1. На крашенину и нитки до паны кунтуна штофового 12 к. Розыглось на росницю 5 к. Кравцамъ дано 12 к. Дано Ивану ворскому каваль крашеновий зелений и свиту белую; пѣмому каваль крашеновий-же. Дѣвчотѣ Уланъ кунтушъ суконный. Шевцю даны дѣлаться чоботи жестіе и емужъ на потребы дано 14 к.

2. Прислать учѣвераль и листъ въ Глухова о Белявицѣ. Розыглось на росницю 14 к. Нисани писма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадскаго зъ посыпкою винеѣ и расписки, ревнянцамъ отъ каршовцовъ^{**}) данной, и террафицъ двохъ, да листи графа Сави Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересыпѣ оныхъ писемъ нисано до сотника новгородскаго чрезъ козака твоей-же сотни погребскаго Іоанфа Колмиченка. Получены указы о высылкѣ 30 тысячъ работниковъ на лѣвійную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубскаго козаковъ 9 сотъ зъ липникомъ, мужиковъ 2038, такожъ о постореганю, чтобы люде не розыходились.

3. За рогожл и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино франтишакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадскаго. Шевцю дано за работу 15 к. Розыглось 4 к.

5. Заслатить Лавріну за 10 фунтовъ гавашу 30 к. Свѣчардѣ на полтора фунта воену и на яръ 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша паны 25 к.

6. За цугвицѣ Алексию и Василю 20 к. За офорбоване крашенины 20 к., за полотно подъ хлоячие жупанки 20^{**} к., огорожнику 15 к. Розыглось 19 к.

^{**}) Л. Ревва п. с. Карловичъ—новозыбковскаго уѣза.

7. За три пропеки 30 к., спѣшару 20 к. Масенму шапочнику за сроблене шапки 20 к.

8. Сновѣдалъся въ причащалъся: размылось на розиню 95 к.

9. Въ Новгородку пашъ Данило Кутиневскій т. б. (день Пасхи) по весеноцкой уздѣ¹²⁴⁾. Сего члена и вчора пашъ гещко была болна.

10, 11, 12. Розмылось на разные експенс 3½ р.

14. Маєлостяте отправилось наль пашю теплю, въ сего числа вѣхалъ я зъ Стародуба и прибыль въ Перегонъ. Дасть пашъ Федоръ Ширай 15 р. на шокунку шаларь¹²⁵⁾ въ с. И. Бурхъ до избы, которой стѣны даѣшишию по 13 аршинъ, другіе даѣши по 11½ аршина, а висотото вѣб по 6 аршинъ.

14. Паврбнъ сторговалъ у пашъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и дасть задатку 20 р., и осталось па нехъ 13 р. и камель ганишу. Взять отъ шинвара чаусовскаго Нояра 6 р., зъ томъ чиєль чрезъ руки Стѣфановскаго 3 р., одѣ самога 3 р. и изъ тихъ величимъ пашъ отдать 2 р. Вѣхалъ зъ Перегону и прибыль на ночь въ Каменскую Слободку¹²⁶⁾.

15. Прибыль передъ обѣломъ въ Новгородокъ и туть обѣдалъ сотникови новгородскому отдалъся должные 5 р. На ночь прибыль въ Богдановку. Розмылось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамалевѣ¹²⁷⁾, обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибыль завременно въ Глуховъ и быль у женивелможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ таляръ битій, грабонстамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношениемъ изъ маньстерской канцелярии.

20. Отобралъ протопыхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Даля на шокунку двохъ кувицъ пашъ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донскаго при письмѣ хустку.

¹²⁴⁾ Бувчуковыи товарищи, биллій сотникъ новгородсьверскій, зять генераль-вато отца Семена Савича, по женитѣи на его сестрѣ.

¹²⁵⁾ Обоз.

¹²⁶⁾ Теперь с. Каменка, новгородсьверскаго уезда.

¹²⁷⁾ Гамалевскій женскій монастырь около с. Локотьковъ, Глуховскаго уезда, построенъ гетманшию Скоропадской.

21. Неодбіраль іноземъ у 10-мъ часу різнихъ да я експедицію сопельськъ отображеніи, однакоже яснозважному и ідрочіти.

22. Віїхалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибыть на почу (станцію) товетодубовську въ 10-мъ часу, одтоль въ Свєскъ по позднѣй въ 4-мъ часу; за днѣ ось 6 к., на розницю 4 к., тому що поддъживать ось 5 к.; зъ Свєска віїхалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо підъ возкомъ и за колесо въ деревинѣ дано 9 к., въ Свєску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибыль на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Одтоль па почту до Чаєнки прибыль въ 11-мъ часу, въ Чаєнцѣ почу дано 10 к., зъ Чаєнки прибыль въ Сомовъ въ 3-мъ часу па полуночи, тамъ па перевозѣ дано 4 к.. Прибыль въ Каракачевъ въ піддевяного часа, тутъ па логоть и ідроч. 6 к.

24. Зъ Каракачева прибыль въ Глотовъ въ 11 часу, одтоль віїхаль впівлретя часа по полуночи, прибыль въ Болховъ въ піддевяного часа пополудни; тутъ па меєт 8 к., подячому и виборовому 3 к.

25. Зъ Болхова віїхалъ въ півлтретя часа по полуночи, прибыль въ Беліювъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тамъ що поддъживали днѣ ось 5 к., на розницю розшилось 10 к., ящиціаць 1 к. Зъ Беліюза віїхалъ въ 1¹-мъ часа по позднїи и претергївши несмієсіє досады отъ дожча, бездорожя, темноти вочкої, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибыль па силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маюра артилерії Матвія Матвієвича Витверта, прибыль на подась підъ лѣсъ калужскій, за 21 версту одъ Калуги, и обѣдалъ даль рѣчкою Желовъ, протокожъ підуло. За рибу на Оке підлѣ деревнѣ Машковихъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибыль почю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розшилось 13 к.

27. Но пілтоночи въ второмъ часу віїхалъ зъ Калуги и прибыль на почту до Добрихъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розшилось на розницю 14 к.; одтоль поехали въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменившіи лошадей, прибыль на почту до Черничного и тутъ почовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віїхалъ зъ тої почты и на дорозѣ встрѣтивши зъ куріеромъ кіевскимъ Паклюмъ Соколовскимъ, который одправлень зъ С. П. Бурха въ Цариградъ сего

апрѣлѧ 22 д.; перенѣсти лошадь и прибыть на почту въ Пазрѹ въ 10-мъ часу и тутъ обѣдаль. Розыгналося на розницу 8 к., за колесо 10 к. Прибыль въ Москву въ 7-мъ часу пополудни и стать квартирой на Мясницкой, въ домѣ переводчика Иностраний Коллежія Ива Петровича Грушинца.

29. Целюрику за голени 10 к., на прочее розыгналося харчевое 40 к. Ужиналь и ночовать у начальника Гамалии.

30. Обѣдаль въ домѣ и въ гостини. Розыгналося на розницу кон. 10. Даны хустка сдавабная¹²⁸) Уріцкому поличему.

М а й.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексею данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужды данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пары купицъ для лансы Ломаковской за 5½ руб., которые вручены для отвозки папу Игнату Дашченку.

2. Даны папу Игнату Дашченку 10 талъронъ, двѣ таци¹²⁹) маліе зломавіе, полумисовъ одинъ старій, цѣновавшись¹³⁰), для обмѣна въ рядахъ на 12 талъроно и одну таци цѣновавшую жъ, и въ доплатку, чо надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заплачено 75 к. У его же оставлены при меморіалѣ 2 казанки жѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николаю Мануйловича Мотонія¹³¹) женѣ, Елизаветѣ Василіевнѣ, alias Валимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запиванки¹³²) по парѣ имъ здѣшать, да дочерѣ-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницу дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на вожъ и проч. 10 к. Вручены писма папу Игнату Дашченку, писанные до яспевелможного, до пана Скоропадского съ отъѣтами одѣ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, съ подписаніемъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що вѣходилъ зъ ямской пашпорть, дано 20 к. Вїехатъ зъ Москвы

¹²⁸) Шелковая.

¹²⁹) Блюз.

¹³⁰) Оловянныс.

¹³¹) Грекъ Мотоній бытъ родовачальнікомъ дворянъ Мотонісовъ. Одною изъ сыновей-его, по женитѣбѣ на Жураковской, получиль богатыя имѣнія окрестъ Нѣжина (с. Алиновъ Рогъ и друг.).

¹³²) Кошулка—рубашка, заправка—рудъ фартукова.

въ 6-мъ часу по полдни и прибыль на почтовой станъ въ село Чирлое за полночь, оттоль вѣхалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибыль на другой станъ до Нешекъ въ 10-мъ часу. Зъ Нешекъ прибыль въ Клинъ въ 2-мъ часу по полдни, и тутъ привозить мене къ себѣ и потчевать воевода здешний Грибъ Прокофьевичъ Радищевъ, до которого я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофьевича Радищева. Зъ Клину вѣхалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмь верстъ отъ Клину, въ ежидной слободѣ, сломались подъ коляскою дранги и подушка, и покаместъ подѣлѣзли починку, пробавиль до 7 часу. Заплатилъ изотнакамъ и кузнецамъ 10 к., а въ 7-мъ часу вѣхавши, прибыль до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Одтоль въ 3-мъ часу пополуночи вѣхавши прибыль—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тѣферъ въ полодинацдаты часа. Одтоль вѣхалъ въ 2-мъ часу и пересѣхъ чрезъ Мѣдное, эъ перемѣнною коней, прибыль позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано вѣхавши, перемѣнилъ почту въ Видровицку и прибыль въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова. Въ Волочку на лоштть, хлѣбъ, медь и на проч. на другихъ почтахъ розышлося 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибыль до села Едоровъ, где за мазниро въ лоштть дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Зажолобичъ, а одтуду цѣлую почту ехавши, прибыль—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтились два геодезиста, въ адмиралитетства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексѣевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Порютъ, которые обясняли, что панъ Андрей Подуботокъ въ С. И. Бурхѣ стоять квартерно въ Чупакарской Морской, на адмиралитетской сторожѣ, подѣль Шанвенского ришту. Тутъ изъ Крестца да изъ Заяцковъ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Крестца прибыль до Заяцкова и пересѣхъ за деревнею Краснымъ Станкомъ, до 5 верстъ сухими путемъ уехавши, прибыль переть сѣдломъ въ Бреиницкъ.

8. Рано изъ Бреиницъ судномъ пустивши, въдво прибыль въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуночи; тутъ розышлося на хлѣбъ, медь и уксусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, вѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ пуж-

дою днемъ езали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то посыпшись ехали.

9. Рано прибылъ до Соснинской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: отоль взявши почту, воехалъ перспективою и прибылъ до почты въ деревне Грядкахъ, въ Грядокъ до Любани и до Тюсни, откуда ночью поехали.

10. Приехалъ рано до Іжоры, и тутъ за работу дано 5 к., на прочее дорогую размылось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полдни и заехалъ на квартеру пана Андрея Поплуботка¹²⁴) въ Морской Чулкарской и тутъ почовалъ. Сего же числа ея и величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ это пушкотъ и названо въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи жъ 61 пушкъ.

11. Рано былъ у Петра Васильевича Курбатова¹²⁵) и вручилъ падежиціе къ нему писма. Но обѣдѣ представилъ онь же писма надлежавшіе въ государственную палату іностранцамъ для въ гарнизонъ граву Головину въ пособѣраль оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у начальца на Петербургскомъ Островѣ, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ лежурной князя Алексія Ивановича Шаховскаго, на лежурѣтъ тогда бывшаго, которому и писма вручили и до писса у него-же пребавалъ.

12. Представлялъ мене Петру Васильевичу граву Остреману, которому я писко вручали: потому былъ въ коллегіи іностранцій. Сего-же числа видѣлъ жъ сыномъ полковника нашего старод. Иваномъ Александровичемъ Дуровицъ, попорожу и писма отца, и суть, и матерію и ленту, зъ Старолуба присланыя, вручилъ.

13. Рано перевезъся на Петербургскій Островъ въ квартеру Павла Апостола¹²⁶). За перевезеніе бугирю, извоїцікамъ и перевозчикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камер-лікей Іванъ

¹²⁴⁾ Сынъ Ильи Недуботка, бугирковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

¹²⁵⁾ Сестрица художника Петра Аргунова Сокола, Баранова, П., № 2331.

¹²⁶⁾ Павелъ Апостолъ — вдругъ гетманъ и сынъ старшаго сына посѣдято — Ивана, отъ брака съ Еленою Михайловной Корсакъ (см. примѣтъ 88). Онь воспитывался въ Сиб. на казенный счетъ и былъ потомъ произведенъ въ гвардію

Федоровичъ Котляревскій принималъ нась въ своей квартирѣ. Тамъ въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣ же пробавили.

15. Быть у коллегіи въ неслѣдѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтиева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцами Петра Василіевича Курбатова, которое мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розыпалось отъ прибытія въ С. И. Бурхъ по ее числу на разный расходъ 1^{1/2} р.

16. Быть въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручить въ моемъ дѣлѣ партнѣцкое къ нему отъ гетмана писмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащий въ коллегію іностранную, о улօсостіи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розыпалось на перегоръ 13 к.

17. Рано бывшемо въ домѣ ея высочества, государини цесаревны Елизаветы Петровны въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправлениі обѣдѣ, вручилъ ея-же высочеству писмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Данъ 1 р. на покупку дротовъ и прочаго, то направы коляски подоблого, да Алексею на перевозъ 3 к.

18. Равно были з паническы¹³⁾, у его сіятельства графа Гаврила Ивановича Головкина. Обѣдали у нась Новоторжцовъ и Леонтиевъ. Розыпалось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были посыпь китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдавчи визиту его сіятельству.

19. Ея і величество и всѣ государи трактовани были въ домѣ молодаго графа Бѣрона, который книжну Мешникову понять, и домъ его подгѣрѣ зимнаго государевого дворца, что бывъ прежде корабельного мастера Шатилева. Быть у отца Платона Малиновскаго архимандриста ішацкаго и въ егожъ домѣ кушаль. Розыпалось 4 к. Отдалъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Мишику.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицына и у просвященнаго новгородскаго зъ паническы и писма поотдавали и меморіаль свои нужды просвященному подадемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первынь бракахъ за полковникомъ Кондратіемъ Влагатовскимъ, а вторынь — за действительнымъ статскимъ советникомъ Натальей Крамлены. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процесъ съ Рижскимъ-Борсаковыми за птиціе, стѣдовавшее ея бабкѣ, Екатеринѣ Корсакъ.

¹³⁾) Шель пленемъ запечата съ вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостоль.

От редакции.

Журналъ «Киевская Старина» выходитъ неизменно 1-го числа каждого мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣтствуетъ за исправное получение журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: ини, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, где допущена выдача журналовъ; 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ; 3) если жалоба посыпана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки; 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перенѣгѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перенѣгу адреса иного городнаго на городской и обратно уплачивается пятьдесятъ коп., а при перенѣгу иного городнаго на ино-городній-же высылается четыре семикопѣчные марки.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. Но той-же цѣнѣ высылаются и оставшиеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ одной (*Киевъ, Софійская площа*, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Огло-блица въ Киевѣ и Штербургѣ, «Нового Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Дингера, Дьяконова и Малецкаго въ Киевѣ и др.

Издателями г. авторами книгъ и брошюръ по южно-русской истории и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и материалы просимъ высыпать, по адресу редакціи, въ возможно чистой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ позами, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографический материалъ, какъ-то: языки, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно слѣдить съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

СТОЛѢТИЕ СОБЕСѢДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Подъ этичъ названіемъ ко дню столѣтия юбилея россійской академіи издана брошюра in folio съ хорошо исполненіемъ гравюрою академика *В. А. Боброва*, на которой изображенъ facsimile, заглавный листъ «Собесѣдника», Екатерины II, Даиковой и Державина, а вверху Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ какъ столѣтие журнала совпадаетъ со днями коронаціи. Текстъ обстоятельно составленъ *И. П. Божериновъ*. Издание отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ для любителей художественныхъ произведений и библиографическихъ рѣдкостей и, конечно, не въ далекомъ будущемъ будетъ составлять, въ свою очередь, рѣдкость. Гг. иного городнаго исключительно должны обращаться на имя г. Божеринова: Спб., Вас. Островъ, 13 линія, собств. домъ, № 42, прилагаю 3 р. за экземпляръ.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
“КІЕВСКАЯ СТАРИНА,”
1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторії южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

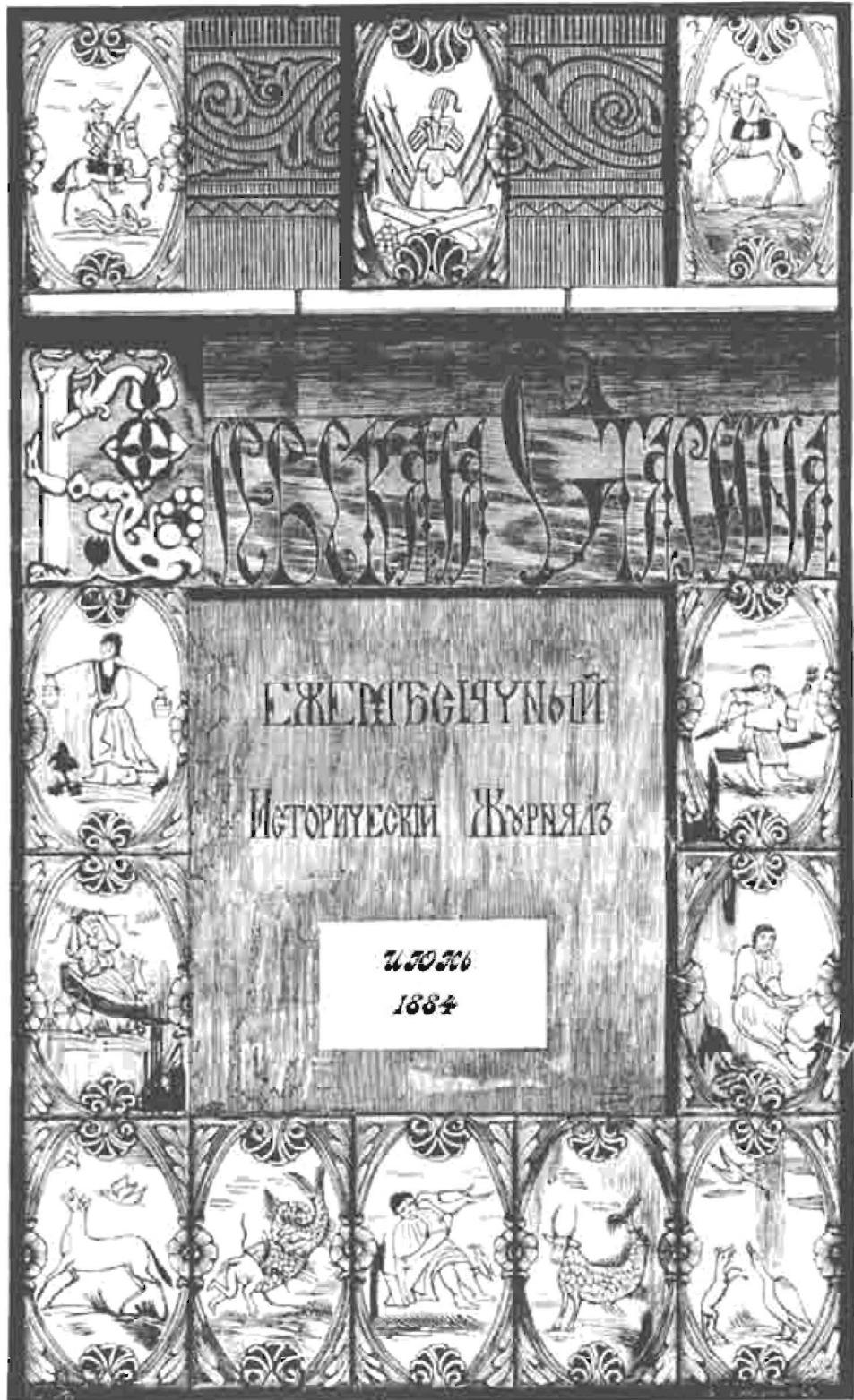
Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристического содержанія, исторические документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно пародныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пренчияхъ и пр., а также біобіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложенияхъ — изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписанная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площасть, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписька на издающуюся во Львовѣ, газету „Дѣло“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особые приложения составляютъ оригиналныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложенийъ 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертимъ.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.

СХЕМБИЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ
1884

СОДЕРЖАНИЕ.

Июнь, 1884 г.

	СТР.
I. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Продолжение</i>). Д. Эварницкаго	177
II. СЛОВОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ Г. Ф. КВИТКИ, Н. Ф. Сумцова.	201
III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХИЕПИСКОПА АНАТОЛИЯ МАРТИНО СКАГО. Сообщ. К. Береза.	210
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. (<i>Продолжение</i>)	241
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Поэфть изъ быта украинского духовелства 20-ть годовъ XIX ст. (<i>Продолжение</i>). И. Левицкаго	267
VI СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловиемъ Ц. Г. Неймана.	286
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССИИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловиемъ И. Луцицкаго.	306
VIII. БИБЛIOГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Издание четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—б) Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—в) Каменець-Подольская гімназія—г) О строющемся соборѣ во имя св. Владимира въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.—д)	315
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго.—и. н. Божерянова.—б) О митрополитѣ Іосифѣ Синиашкѣ. (Изъ письма писанаго вскорѣ послѣ его смерти).—Протоіерея Александра Мацкевича.—в) Письмо къ трехъ діаволамъ.—Сообщ. А. Андріевскимъ.—г) Малозвѣстный исторический родъ.—П. Китицька. —д) Судьба одного кіевскаго сооруженія.—А. К.—Старинные способы возвратить лызыкъ кѣому и разсѣять ложные слухи.—Сообщ. П. Е-ко.—е) Нѣкоторые мелочи изъ народныхъ преданій.—И. Орлова.—ж) Еще пѣсня о пошадѣ, не взлюбившей бороды. Сообщ. Г. С. Лебединецъ.—Некрологъ.	327
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловиемъ и поясненіями А. М. Лазаревской. (<i>Приложение</i>)	49—64

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинѣ“, Кіевъ, Софійская площасть, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ^о

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮНЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицнаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25-го мая 1884 года.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Продолжение¹).

Днѣпъ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы рѣка. Борисенъ, Данапрись, Узу²), Екса, Елексе, Елице, Ерексе, Ересе, Лересе, Луосенъ, Змѣя-дѣвица, Змѣй-Горыничъ, Рѣка-Словута—вотъ болѣе или менѣе употребительныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки.

Название «Борисенъ» мы встрѣчаемъ первѣе всего у греческаго историка Геродота: «четвертая рѣка, Борисенъ, по нашему мнѣнію, наибольшая и наиболынѣйшая не только изъ рѣкъ скиескихъ, но и изъ всѣхъ другихъ, выключая египетскій Ниль, съ которыми нельзя сравнивать никакой другой. Изъ прочихъ-же Борисенъ, конечно, есть наиболынѣйшій... Судоходенъ онъ до мѣста называемаго Герросъ, на четырнадцать дней плаванія, и знаемо, что течетъ съ сѣвера; выше-же, чрезъ какихъ людей страны про текаетъ, никто не умѣеть сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю скиевъ-земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія... Борисенъ приближается къ морю, и съ нимъ соединяется Гипанись, изливаясь въ ту-же самую заводь³).

¹) Съ. >Киевская Старина< 1884 г., майск. кн., стр. 33--54.

²) Отсюда-же названія областей Іозы, Іозагъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго вся область, орошаемая Днѣпромъ, называется Ателкъ-Узу.

³) Геродота Галикарнасскаго бытосказаній кн. 4., стр. 53.

Название *Boristhenes* имѣть эллинскую физиономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива: *boreo stenos*.

Какъ и когда название «Борисеенъ» замѣнилось названіемъ «Днѣпръ»—сказать нельзя; можно лишь думать, что это послѣднее слово образовалось изъ санскритскаго *duni* (русское *дѣн*) и окончанія *pris*, взятаго изъ Борис-еенъ (прис = порис = борисъ). *Duni* означаетъ вообще рѣку или текучія воды и служить корнемъ, кромѣ слова «Днѣпръ», еще для словъ «Донъ», Днѣстръ, Дунай»; по крайней мѣрѣ въ этомъ убѣждаетъ нась какъ самая широта распространенія этого корня, такъ и слѣдующее выраженіе одной изъ малорусскихъ пѣсень:

Якъ піду я, якъ піду я по-падъ дунаями,
А тамъ стоить вода, вода стоянами¹⁾).

Также трудно опредѣлить, какіе изъ народовъ и когда именно дали Днѣпру название «Узу или Озу» («Большая рѣка»); быть можетъ это имя сообщено ему тѣми узами или торками (еще иначе берендейами), которые съ 914 г. по Р. Х. жили въ низовьяхъ Днѣпра по сосѣдству съ печенѣгами. Съ этимъ-же названіемъ Днѣпры извѣстны и донынѣ турецко-татарскимъ народамъ.

Названія Днѣпра—Екса, Елексе, Еркесе, Ересе, Лересе, Луосень—сообщены ему венеціанцами и генуезцами, имѣвшими съ XIII по XV вѣкъ въ низовьяхъ его свои колоніи; съ такими же названіями извѣстель былъ Днѣпъ и итальянскимъ путешественникамъ разныхъ временъ, начиная съ XIV столѣтія и кончая XVI-мъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстные были: Піетро Висконти (1318), Іосафато Барбаро († 1434), Амброжіо Кантарини (1473), Грапіозо Бенниковъ (1480) и Синьоріло Батисто (1505).

Наконецъ, что касается названий Днѣпра: «Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горыничъ и Рѣка-Славута», то очевидно, что эти имена чисто славянского происхожденія и относясь собственно къ неопредѣленнымъ случайнымъ названіямъ, составляютъ въ поэтической рѣчи то, что называется украшающимъ эпитетомъ. Такъ Днѣпъ именовался въ сказкахъ и былинкахъ, такъ величали его малороссійскіе и донскіе казаки.

¹⁾ Изъ пѣсень, записанныхъ мной въ с. Солнечнѣ, харьковскаго уѣзда.

Какъ известно, Днѣпъ береть свое начало у подошвы валдайской возвышенности; въ Черное море онъ впадаетъ такъ называемымъ лиманомъ. Все теченіе Днѣпра, слѣдя по извилинамъ, опредѣляютъ въ тысячу восемсотъ пятьдесятъ верстъ; изъ нихъ почти шестьсотъ верстъ приходилось на долю Запорожья, при чмъ въ предѣлахъ запорожскихъ Днѣпъ имѣлъ и наибольшую ширину, до 860 сажень, въ порожистой его части ¹⁾), и наибольшую глубину, до 98 футовъ, ниже пороговъ, и найменьшую узкость, до 75 сажень, противъ теперешней колоніи Кичкасъ и наконецъ наибольшую быстроту теченія, отъ 100—150 сажень, на порогахъ. Своимъ теченіемъ Днѣпъ орошає девять губерній: смоленскую, могилевскую, минскую, черниговскую, кievскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую. Общее направление теченія Днѣпра—съ сѣвера на югъ, но въ предѣлахъ Запорожья онъ течетъ сначала съ сѣвера на юго-востокъ, отъ г. Кременчуга до г. Екатеринослава или до лѣваго притока своего Самары; отсюда поворачиваетъ прямо на югъ и такъ течетъ до г. Александровска, екатеринославской губерніи, или до лѣваго притока Мокрой Московки; далѣе постепенно поворачиваетъ на западъ, до притока Базавлука съ правой стороны; здѣсь Днѣпъ течетъ свободно, потомъ нѣсколько тише и при средней величинѣ имѣть достаточную для судовъ глубину; отъ впаденія Базавлука до г. Берислава, херсонской губерніи, идетъ на юго-западъ и наконецъ отъ г. Берислава почти прямую линіей на западъ, до самаго Чернаго моря, съ которымъ соединяется при посредствѣ такъ называемаго лимана ²⁾), начинающагося на 15 верстъ ниже г. Херсона и имѣющаго 60 верстъ длины и отъ двухъ до десяти ширины. Особенность составляютъ Днѣпра на сѣверѣ запорожскихъ владѣній пороги, а на югѣ плавни. Днѣпровскіе пороги известны были уже древнему писателю греческому императору Константишу Багрянородному (905—959), затѣмъ послу нѣмецкаго императора Рудольфа II, Эриху Лассотѣ, французскому инженеру де-Боплану и другимъ. Поро-

¹⁾ Если не брать во внимание ширину между Кинбурномъ и Очаковомъ, которую опредѣляютъ десятью верстами.

²⁾ Царевна Анна Конненъ Днѣпровскій лиманъ именуетъ Оло-лимпа. Лиманъ, Ильмень, отъ греческаго λίμνη—озеро, прудъ.

гами называются гряды гранитныхъ камней, брошенныхъ поперекъ русла рѣки въ нѣсколько рядовъ, или *лаги*, одинъ ниже другаго, на подобіе уступовъ или террасъ; причемъ одни изъ нихъ лежать подъ водою, другіе расположены въ уровень, третыи высятся надъ ней; по величинѣ пороги похожи на громадные дамбы, а по своей скученности напоминаютъ естественные плотины, запружающія рѣку. Вода имѣеть здѣсь самое сильное, стремительное движеніе, что происходит отъ постояннаго восхожденія ея на пороги и нисходженія; отъ этого-же за каждымъ порогомъ образуется особенно глубокое и широкое мѣсто, называемое у мѣстныхъ жителей *плесомъ*. Въ весенне время всѣ пороги покрываются водой, исключая одного Ненасытедкаго, который при всякомъ полноводіи остается выше воды. Отъ пороговъ отличаются еще заборы; это тѣ же дикие гранитные камни, но только занимающіе часть русла рѣки и, по преимуществу, отъ праваго берега ея; заборы очевидно, въ противоположность порогу, оставляютъ свободный проходъ по рѣкѣ. Днѣпръ уже въ началѣ своего теченія, отъ смоленской губерніи до границы кіевской съ полтавскою, несвободенъ отъ различныхъ камней и заборъ; еще менѣе онъ свободенъ отъ границы кіевской съ полтавской и до скатеринославской губерніи; на этомъ пространствѣ Днѣпръ имѣеть семь заборъ, большую скалу, вдающуюся въ рѣку двумя камнями, пять пороговъ, два острова съ каменистыми заборами, девять большихъ камней среди рѣки и нѣсколько мелей. Но настоящая порожистая часть Днѣпра находится тотчасъ за Екатеринославомъ. »Днѣпръ въ своихъ низовьяхъ долженъ пролагать путь чрезъ гранитную поверхность, идущую отъ Карпатскихъ горъ и исчезающую въ своемъ направлениіи къ востоку, гдѣ камень не является болѣе массою, а образуетъ слой, кои, совершенно отвѣсно или полу-отвѣсно простираясь на югъ, теряются въ низкихъ мѣстахъ. Здѣсь находятся такъ называемые Днѣпровскіе пороги. Этихъ пороговъ нельзя назвать собственно водопадами, потому что здѣсь вода не низвергается съ высокихъ крутизнь, а стремится только чрезъ камни, преграждающіе ея путь. Эти пороги составляютъ твердые слои изъ гранитной поверхности; подобно камнатнымъ порогамъ они выходятъ изъ разнообразно-наклоненнаго русла рѣки и въ видѣ многихъ скаль и утесовъ торчать то въ лебольшой глубинѣ, то выдаются на поверхности воды, то подни-

маются высоко надъ оною, образуя болѣе или менѣе правильные ряды скалъ, между коими рѣка должна пробиваться. Одни изъ такихъ мѣстъ занимаютъ (по теченію рѣки) нѣсколько только шатровъ, а другіе версту и болѣе. Такіе-же ряды скалъ лежать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ всей рѣки; вотъ эти и называются по преимуществу порогами; другіе-же занимаютъ только часть русла, оставляя мѣсто для прохода, и въ этомъ случаѣ называются заборами. Пороги искони были важнымъ препятствиемъ для судоходства по Днѣпру. Суда, да и то небольшія, могли ходить внизъ по Днѣпру, а по нуждѣ и вверхъ, только въ весенное время; но лѣтомъ и осенью, когда фарватеръ имѣлъ по большей мѣрѣ два фута, проводить черезъ пороги, даже и порожня, суда не было никакой возможности. По этой причинѣ, товары, идущіе въ Херсонъ или Кинбурнъ, выгружались у Старой Самары и перевозились 70 верстъ сухимъ путемъ до стоящей при устьѣ р. Московки крѣпости Александровской, гдѣ опять погружались на суда и шли до устья Днѣпра, не встрѣчая пигдѣ препятствій¹⁾.

»Хотя Днѣпръ зачастую любить менять свое русло, засыпая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ; а на порогахъ, пѣть никакого сомнѣнія, онъ неизмѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждается нась и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня... Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водного сообщенія Днѣпромъ, и тогда-же послѣдовали попытки къ улучшенію пути чрезъ пороги. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытецѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооруженій, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хороший, но очень узкій. Но фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1833 разрѣшено улучшеніе пути чрезъ

. 1) Лербергъ. Изслѣдованія къ объясненію древней Россійской исторіи, стр. 265—276.

пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоящіе казнѣ, кажется, два миллиона¹⁾.

Въ 1782 году русскому путешественнику Василію Зуеву удалось присутствовать при сооруженіи Фалѣвскихъ каналовъ, и вотъ какъ онъ описываетъ это дѣло: «Истребленіе такового по рѣкѣ неудобства (отъ пороговъ) въ разсужденіи плаванія было въ мысляхъ и у блаженныя памяти Петра Великаго; но сей государь, будучи занятъ другими дѣлами и видя, что по тогдашнему времени еще нельзя Россіи надѣяться той пользы, какой-бы отъ толикаго труда ожидалъ надлежало, начатое чищеніе оставилъ. Нынѣ г. Фалѣевъ, видя важность такового прочищенія, взялъ на себя исправить оное своимъ иждивеніемъ и, справедливо, успѣлъ довольно, а можетъ быть и совершенно-бѣ окончилъ, еслибъ твердое на то намѣреніе положено было. Онъ по всѣмъ опаснымъ порогамъ срываетъ верхи торчащихъ подъ водою каменьевъ, просверливая оныя и заряжая порохомъ посредствомъ нарочно здѣланныхъ изъ жести длинныхъ трубокъ. Труднейшая работа есть бурить камни подъ водою, и по тому не безъ ужасу смотрѣть должно, какъ салдаты и работники, по два человѣка на плотикѣ, зацѣпясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шума держатся, сидѣть какъ чайки и долбятъ въ оной. Продолбивши на известную глубину, становятъ жестянную съ порохомъ трубку, къ коей приложа фитиль отплываютъ. По прошествіи нѣкотораго времени разрываетъ камень подъ водою и оные обломки работники послѣ подбирая должны вывозить на берегъ... Всѣ принадлежащи къ сей работе орудія заказываютъ онъ дѣлать въ Тулѣ, откуда выписываются и мастеровыхъ людей. Работниковъ, по разнымъ порогамъ разпределенныхъ, всѣхъ числомъ бываетъ отъ полутораста до трехъ сотъ человѣкъ, смотря по времени и нуждѣ. Мы сказывали, что всѣ издержки по порогамъ на жалованье, за работу, инструменты и прочія надобности становятся г. Фалѣеву въ рабочій мѣсяцъ до десяти тысячъ рублей; но работа производится токмо въ известные мѣсяцы, когда самая малая вода бываетъ»²⁾.

¹⁾ Афанасьевъ-Чужбинскій. Побѣзда въ южную Россію. Спб., ч. I, стр. 77 и 82.

²⁾ Путешеств. записки. Спб., 1787 г., стр. 256—258.

По точному измѣрению все порожистое пространство Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ занимало шестьдесят пять верстъ и двѣстѣ семьдесят шесть съ половиной сажень; первый порогъ начинается на 50 географическихъ миль ниже Киева, на семь верстъ ниже теперешняго г. Екатеринослава, противъ селенія Старыхъ-Кайдакъ, на правомъ берегу Днѣпра и нѣсколько ниже устья притока Днѣпра, Самары, на лѣвомъ берегу, а послѣдній кончается на восемь верстъ выше Александровска, екатеринославской губерніи, противъ хутора Маренталъ, на правомъ берегу. Число всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ у различныхъ писателей показывается различно: у греческаго императора Константина Багрянороднаго насчитывается семь¹⁾), у Лерберга двѣнадцать, у Эриха Ляссоты, Боплана, въ древней россійской идрографіи, по сказкѣ запорожскихъ черкасъ и въ книгѣ Большаго Чертежа—тринадцать (между порогами Лишнимъ и Вильцимъ вставленъ Таволжаный), въ атласѣ Днѣпра 1784 г. одиннадцать²⁾), въ гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ девять; въ настоящее-же время всѣхъ пороговъ считаются девять и столько-же заборъ. Порядокъ ихъ слѣдующій. Порогъ Кайдаккій по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Кайдаккій у Лерберга и въ атласѣ Днѣпра; Кадакъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ессупи, по славянски, у Константина Багрянороднаго. Онъ находится противъ села Старыхъ-Кайдакъ (екатеринославскаго уѣзда) съ правой стороны и противъ деревни Чаплей съ лѣвой. Кайдаккій порогъ падаетъ четырьмя лавами или уступами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мишиной, съ правой стороны на протяженіи 240 сажень, а съ лѣвой па протяженіи 255, имѣя слѣва-же искусственный каналъ. Средняя глубина Днѣпра передъ Кайдаккимъ порогомъ восемь сажень, а ниже, въ плесѣ 12, 5 сажень; паденіе воды 0,91 сажень. Кайдаккій порогъ считается самымъ большимъ послѣ Ненасытецкаго. Сурскій порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается за-

¹⁾ De administrando imperio, cap. IX. О Россіи, которые изъ Россіи приходять на членахъ въ Константинополь; изд. Бон., 74—77.

²⁾ Русовъ. Русские тракты. Кіевъ, 1876, стр. 132.

борои, находится между южнымъ концомъ острова Сурского и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, на семь верстъ ниже Кайдацкаго; падаетъ двумя лавами: Чугунной и Бондаревой; справа на протяженіи 48 саженъ, а слѣва на протяженіи 34, имѣя слѣва же каналъ; паденіе воды на порогѣ 0,24. *Лоханскій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; *Лоханной* въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Ульворси по русски, Островуни—прагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенье противъ острова Лоханскаго, въ полуверстѣ отъ Сурского порога, немного выше села Волошскаго, съ правой стороны; падаетъ тремя лавами: Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; длина съ праваго берега 127 саженъ, съ лѣваго 78, съ лѣваго-же берега каналъ; паденіе воды 0,77 сажени. *Звонецкій* порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра и по атласу; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга (поставленъ пятымъ по счету); Звонецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кайдацкаго); Геландри по русски, Шумъ порога по славянски, у Константина Багрянороднаго; расположенье между устьемъ Звонецкой балки и селомъ того-же имени, съ правой стороны, на пять верстъ ниже Лоханскаго; падаетъ четырьмя лавами: Плоской, Черной, Глаухой, Кобылиной; длина спра-ва 87 саженъ, слѣва 102; у лѣваго же берега каналъ; паденіе воды 0,72 саж. *Ненасытецкій* порогъ по гидрографической кар-тѣ Днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и у Лерберга; Ненасытецъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Айфаръ по русски, Неасить по славянски, у Константина Багрянороднаго¹⁾; расположенье между селомъ Николаевской (Синельниково тожъ), съ правой стороны, и деревней Васильевкой, съ лѣвой, на шесть верстъ ниже Звонецкаго села; состоять изъ двѣнадцати лавъ съ особымъ названіемъ каждая: Рваная, Служба, Остренская, Одинцовская, Рогожная, Буравленная, Булгарская или Богатырская, Долгополая, Казенцова, Мокрыя Клади и Рогатая. Длина порога съ правой стороны равняется 1150 саженъ, а съ лѣ-

¹⁾ Τον τέταρτον φραγμόν τὸν μέγαν τὸν ἐπιλεγόμενον Ρωσίστι μέν, Ἀει-φάρ· Σκλαβινιστι δε, Νεασήτ. De admin. imperio, 7477.

вой 499 с., съ лѣвой-же стороны каналь; наибольшая глубина, за мысомъ Монастыркомъ, двадцать сажень; паденіе воды 2,78 сажень. Порогъ Ненасытецкій самый грозный и самый знаменитый изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ. »Здѣсь скалы и каменистые мели, дикимъ образомъ перемѣшанныя между собою, занимаютъ почти цѣлую версту, и въ прежнія времена даже изобильнѣйшая водою весна не уменьшала опасности, которою онъ и стремленіе волнъ угрожали судамъ«¹⁾). »Не добѣжая за версту или болѣе до Ненасытецкаго порога, выходитъ съ правой стороны каменной мысъ, отъ которого такаяжъ каменистая коса продолжается въ Днепръ почти до половины, а при концѣ оныя имѣются два острова, покрытые деревами и соединенные между собою также переборомъ. Сколько воды перебирается по сей косѣ и между островами, больше того Днепръ устремляется за дальнѣйший островъ къ лѣвому берегу, а какъ пониже опаго выходитъ также гребень камней отъ лѣваго берегу и простирается чрезъ всю рѣку, то стремленіе воды и направляется отъ лѣвой стороны къ правой почти поперегъ рѣки; а какъ правой берегъ состоить весь изъ камню, то остановившись у оного, принуждена съ великимъ стремленіемъ и шумомъ перебираться по торчащимъ изъ подъ воды каменьямъ и съ оныхъ сверхъ того еще ударяться въ выдавшійся въ рѣку нарочито далеко, ниже настоящаго порога, каменной мысъ, известной здѣсь подъ именемъ Монастырки. Такимъ образомъ опасность на семъ порогѣ состоить въ большую воду (ибо въ малую и совсѣмъ прѣѣхать невозможно) сколько въ торчащихъ подъ водою большихъ и при томъ острыхъ каменьяхъ, здѣсь потому шипами и называемыхъ, нападшее на ихъ судно раздирающихъ, столько и въ стремленіи воды, которая обыкновенно напосить на упомянутый нагубный мысъ Монастырку«²⁾). Уже за нѣсколько верстъ даетъ знать о себѣ Ненасытецъ страшнымъ шумомъ, водяной пылью и бѣлой пѣной, расходящимися отъ него въ разныя стороны; здѣсь вода, какъ-бы заключенная въ тиски между громадными скалами, идущими дугообразно отъ одного берега къ другому, стремится вырваться изъ нихъ,

¹⁾ Лербергъ. Исследованія къ объясненію древней россійской исторіи, 268—276..

²⁾ Зуевъ. Путешеств. зап. Соб. 1787 г. 254—255.

отчего сильно волнуется, ударяется въ разныя стороны и образуетъ водовороты или пучины, одна изъ коихъ носить страшное название *пекла*. По всему этому быстрота теченія здѣсь такъ велика, что суда все разстояніе Ненасытскаго порога, отъ начала и до конца, что составляетъ до двухъ верстъ длины, пробѣгаютъ всего лишь въ полторы минуты или даже и того меныше. Свое название *Несоѣт* порогъ получилъ отъ штицы неасита или песяста (родь пеликана), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ¹⁾; теперь Ненасытъ въ просторѣїи называется «Дѣдомъ» и, какъ прежде, считается опаснѣйшимъ изъ пороговъ. «Страшный шумъ», зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытъ, и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплѣски волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменными. Сверху горы видѣ на порогъ превосходный; Ненасытъ представляется съ штичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду. У Непасытца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибрежью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ первого уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса Монастырки, который перерѣзанъ Фалѣевскими камаломъ, существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія: одно, что сюда сходила императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы йшли здѣсь кашу, сидя надъ самимъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли, какъ

¹⁾ Διότι φωλεύουσιν οἱ πειλεκάνοι εἰς τα λιθάρια τοῦ φραγμοῦ.

у ногъ ихъ было плоты о каменъя¹⁾). Волнискій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Волницкій по атласу Даѣпра; Волный или Волинскій у Лерберга; Волгъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Варуфорось по русски, Вулнипрагъ по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на тридцать верстъ ниже Ненасытецкаго, противъ села Волнѣги, съ правой стороны, и на три съ половиной версты ниже острова Дубоваго; падаетъ четырьмя лавами: Близнюками, Плоской, Грозной и Помытницой; протяженіе у лѣваго берега 235 сажень, у праваго 270; паденіе воды 1,14 саж. Послѣ Ненасытецкаго это самый опасный порогъ; на языкахъ мѣстныхъ жителей носить название »Внука«. Будиловскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскій въ атласѣ Даѣпра; Будильскій или Будинскій у Лерберга; Будило въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Леанти по русски, Веручи (»кипѣніе воды«) по славянски, у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волнигскаго, нѣсколько выше острова Перуна, противъ хутора Надеждовки съ лѣвой стороны; падаетъ двумя лавами: Тырипой и Созоновой; протяженіе съ праваго берега 187 саж., съ лѣваго 102 сажня; паденіе воды 0,49 с. Личинскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Личной по атласу Даѣпра; Личный у Лерберга; Лычна въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Струвуль по русски, Напрези по славянски (»что означаетъ маленький порогъ«), у Константина Багрянороднаго; расположено на четырнадцать верстъ ниже Будиловскаго, противъ острова Кухарева, нѣсколько ниже села Игнатовки, съ правой стороны, и села Андреевскаго, съ лѣвой; падаетъ двумя лавами: Плоской и Швайчиной; длина съ праваго берега 220 саж., съ лѣваго 87; паденіе 0,21 с. Вильный порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Вольной въ атласѣ Даѣпра, въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Вольный у Лерберга; у Константина Багрянороднаго пропущенъ; у мѣстныхъ жителей Гадючий; находится въ пяти съ половиной верстахъ ниже

¹⁾ Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣзда въ южную Россію. Спб. 1863, I, 100, 103 и 104.

Лишняго, противъ скалы Волчьяго Горла и хутора Марientала и выше острововъ Прусова, Лантуховскаго и Гавина съ правой стороны; падаетъ шестью лавами: Сѣренькой, Похилой, Радовой, Нереймой, Волчимъ Горломъ и Шинкаревой; длина съ праваго берега 464 саж., съ лѣваго 380; паденіе воды 1, 35 саж. Вотъ число и порядокъ Днѣпровскихъ пороговъ. Что касается днѣпровскихъ заборъ, то древніе изслѣдователи говорять лишь о четырехъ, тогда какъ новѣйшие насчитываютъ ихъ до десяти, по крайней мѣрѣ изъ болѣе значительныхъ¹⁾). Каменская забора, у древнихъ ци-
сателей неизвѣстная, находится выше Кайдацкаго порога, ниже села Старыхъ Кайдакъ, съ правой стороны. Волошинова забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Волошина въ атласѣ Днѣпра; у Лерберга Волшиная или Яцкая; у Боплана порогъ; въ древней россійской идрографіи Звонецъ; находится на двѣ съ половиною версты ниже Кайдацкаго порога, противъ с. Любимовки; мѣстное название Волошицовой заборы—Синельникова. Стрѣльчия забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Стрѣльчата въ атласѣ Днѣпра; Стрѣльчій порогъ (по счету пятый) въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; Стрѣльчій порогъ у Лерберга (по счету четвертый; вторая забора у него Кривая, которую онъ помѣщаетъ въ 330 сажняхъ ниже Сурскаго порога); находится ниже Волошиной заборы у лѣваго берега рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Лоханскаго порога. Тягинская забора у новыхъ изслѣдователей; Техниковскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Техниковскій или Княги-
нинъ порогъ у Лерберга; Княгининский порогъ въ атласѣ Днѣпра; Княгининъ порогъ въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится въ пяти верстахъ ниже Звонецкаго порога, отъ праваго берега Днѣпра. Бѣляева забора у новыхъ из-
слѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится ниже Ненасытеп-
ского порога, отъ праваго берега рѣки. Воронова забора по гидро-
графической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ атласѣ Днѣпра; порогъ Воронова забора въ древней россійской идрографіи и въ книгѣ Большаго Чертежа; находится ниже с. Войсковой, съ пра-

¹⁾ Гуревъ считаетъ семь, но приводить больше. Къ геології екатеринослав-
ской и харьковской губерній. Харьковъ 1882 г. стр. 11.

ваго берега Днѣпра, между порогами Ненасытецкимъ и Волниг-скимъ. *Таволжанская* гряда, въ древней российской идрографії Таволжанскій порогъ, въ атласѣ Днѣпра Таволжонскій порогъ-же, въ остальныхъ пропущенная; лежить ниже Волнигскаго порога, противъ деревни Языковой. *Кривая* забора по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ, и у Лерберга; безъ имени въ атласѣ Днѣпра; находится противъ д. Свишуновой, ниже острова Песковатаго. *Скубова* или Коростева забора у новѣйшихъ изслѣдователей и неизвѣстная у древнихъ; находится противъ острова Дубоваго, съ праваго берега рѣки. *Крячиная* забора у южнаго конца острова Дубоваго и *Просулина*, ниже Крячиной.

Такова особенность верхней или съверной части Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ. Что касается средней и нижней или южной части его, то здѣсь особенность его состоить въ такъ называемыхъ *плавняхъ*. Плавни—это низменныя долины по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытыя сочной травой, высокимъ камышомъ и разнаго рода, по преимуществу мягкой породы, деревьями: осоко-ремъ, вербой, шелковицей, ивой и рѣдко дубомъ; въ весеннее время и гдѣ особено дождливую осень плавни сплошь затапливаются водой, лѣтомъ же онѣ почти сухія, исключая самыхъ низменныхъ мѣстъ, наполненныхъ водой и представляющихъ изъ себя рѣчки, озера и болота. Плавни образуются изъ песка, наносимаго теченiemъ самой рѣки, ила, земли и корней болотныхъ растеній; онѣ придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и напоминаютъ собою столь-же живописные и величественные цвѣтники по многочисленнымъ рѣчкамъ и озерамъ около Мексики. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣть больше плавенъ, нежели правый; это происходитъ отъ различныхъ положеній того и другаго берега: правый берегъ высокій, и потому поемныхъ мѣстъ здѣсь немногого, только около Ново-Воронцовки и села Голой-Грушевки, екатеринославскаго уѣзда, онъ въ зелени: здѣсь вышли низменности; лѣвый берегъ отлогъ и потому плавни находятся здѣсь уже начиная отъ колоніи Шенвиль, возлѣ г. Александровска екатеринославской губерніи, и идутъ съ небольшимъ перерывомъ до впаденія Днѣпра въ Лиманъ. Число плавенъ на Днѣпрѣ ежегодно увеличивается, и это единственно оттого, что Днѣпръ своимъ теченiemъ постоянно рѣжетъ правый берегъ свой и обрушающуюся землю выноситъ или на средину,

обрѣзумъ тамъ разной величины песчаные острова, или-же, и всего чаще, на противоположный, лѣвый берегъ свой; отъ этого-то и получаются днѣпровскіе плавни. »Освободясь отъ гранитныхъ береговъ и миновавъ Александровскъ, Днѣпъръ принимаетъ совершенно другой видъ: долина его расширяется на большое пространство, и самая рѣка течетъ между такъ называемыхъ плавней, придающихъ ей много живописности, а владѣльцамъ приносящихъ значительные выгоды. Плавни эти были известны и въ глубокой древности подъ именемъ Гилеи, что можно найти у Геродота. Плавни изобилуютъ лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоровымъ, но на нихъ произрастаетъ и лоза, въ большомъ количествѣ,—материал столь необходимый въ крестьянскомъ быту для огорожи. Плавни во время засухи доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ одну изъ важнейшихъ отраслей новороссійскаго хозяйства. Какая-бы ни была засуха, подъ влияниемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ неощутительна; здѣсь почва, напоенная обильнымъ разливомъ Днѣпра, сохрания надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности, и на этихъ пышныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами, и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди, даже и въ то время, когда въ степи ихъ не бываетъ совершенно«¹⁾). Самая обширная изъ днѣпровскихъ плавенъ—это такъ называемый Великій-лугъ, мѣсто воспѣтое и прославленное запорожцами: »Січь—мати, и Великій-лугъ—батько« было на устахъ у каждого запорожца, не вѣдавшаго въ своей средѣ »ни ненки риднѣнькои, ни сестры жалибнѣнькои, ни дружини вирнѣнькои«. Знаменитый Великій-лугъ начинался, по теперешнему, непосредственно отъ колоніи Шевизъ, возлѣ г. Александровска, екатеринославской губерніи, и тянулся внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра черезъ деревню Николаевку, село Балабино-Петровское, сл. Кушугумовку, Малую-Катериновку, Царицынъ-Кутъ и Васильевку, станцію нынѣшней Лозово-Севастопольской желѣзной дороги; длина всей этой плавни опредѣлялась сорока верстами, ширина—отъ шести до двадцати: Великій-лугъ образуется притокомъ Диңпра,

¹⁾ Асанасьевъ-Чужбинскій. Поѣзда въ южную Россію, ч. I, стр. 154.

Конкой, впадающей въ него впервые выше мѣстечка Никополя, потомъ выходящей изъ Днѣпра и затѣмъ снова сливающейся съ нимъ,—такъ до семи разъ.

Кромѣ плавенъ, пороговъ и заборъ Днѣпръ въ запорожскихъ предѣлахъ отличался еще корчами и островами. Корчи, или по мѣстному холуи, суть не что иное, какъ подводные пни, загромождающіе дно Днѣпра и то совершенно скрывающіеся въ водѣ, то на нѣсколько футовъ возвышающіеся надъ ней. Онѣ наносятся въ рѣку весеннимъ разливомъ воды изъ днѣпровскихъ-же плавенъ: все дѣло въ томъ, что въ плавняхъ иногда по десяткамъ и сотнямъ лѣтъ, вслѣдствіе непроходимыхъ болотъ, остаются несрубленными вербы или осокори; такъ они выростаютъ, старѣются и потомъ падаютъ на землю, затѣмъ захватываются весеннимъ разливомъ и выносятся въ Днѣпръ; въ Днѣпрѣ-же они ложатся или цѣльнымъ деревомъ, или только вѣтвями, или-же однimi пнями, во всякомъ видѣ называясь корчами или холуями. Холуи начинаются уже тотчасъ ниже Никополя, мѣстечка екатеринославскаго уѣзда, и попадаются до г. Берислава, херсонской губерніи, отсюда до Херсона встрѣчаются рѣже, а между Херсономъ и Лиманомъ уже совсѣмъ исчезаютъ. Что касается острововъ въ запорожскихъ предѣлахъ, то Эрихъ Ляссота, въ XVI столѣтіи, насчитываетъ ихъ до восемнадцати¹⁾, Бопланъ, въ XVII столѣтіи, опредѣляетъ число ихъ девятнадцатью²⁾, атласъ Днѣпра, въ XVIII столѣтіи, показываетъ девяносто девять³⁾, роспись 1697 года считаетъ ихъ тридцать семь⁴⁾, а г. Бухгѣевъ, въ наше время, находитъ ихъ девяносто четыре⁵⁾; въ дѣйствительности же число острововъ въ запорожскихъ владѣніяхъ восходить далеко болыше ста. Вотъ перечень болѣе замѣтныхъ изъ нихъ. Романовъ островъ, известный подъ этимъ имѣнемъ уже Боплану, находится ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава; имѣть въ длину три съ половиной verstы, а въ ширину полтораста шаговъ; въ весеннее время сплошь

¹⁾ Путевые записки Эр. Ляссоты. Одесса. 1873 г., стр. 27—30; 52—53.

²⁾ Описаніе Україны. Спб., 1832 г., 17—30.

³⁾ Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ. 1876 г., стр. 131—134.

⁴⁾ Записки одесского общества истории и древностей, т. III, стр. 572—576.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 389—494.

затопляется водой. *Монастырский*, иначе Потемкинъ, Прозоровскій, Бураковскій островъ, лежитъ у Екатеринослава, противъ сада Потемкина; длина острова—одна съ осьмой, ширина—четверть версты, островъ крутой скалистый, возвышающейся съ южной стороны отъ 25 до 30 футовъ отъ уровня воды и замѣчательный тѣмъ, что уже въ IX ст. его избрали мѣстомъ жительства греческіе монахи—аскеты, выходцы изъ Константиноополя; красивое мѣстоположеніе и богатая природа острова понравились монахамъ и они избрали его мѣстомъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Въ 957 г. островъ Монастырскій посѣтила великая княгиня киевская Ольга; плывя въ Царыградъ, она долго проживала на этомъ островѣ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся жестокой бури и устраивая свою дружину-стражу для предотвращенія нападенія со стороны хищныхъ печенѣговъ. Въ 988 г. на островѣ Монастырскомъ остановился великий князь киевскій Владимиръ, когда съ многочисленною дружиною своею плылъ по Днѣпру изъ Киева въ Херсонъ или Корсунь, объявивъ войну грекамъ¹⁾). *Воронцовскій*, или въ старину Чортовъ островъ, непосредственно за Монастырскимъ; въ длину имѣеть полъ-версты, въ ширину—одну осьмую; въ давнее время онъ состоялъ одно цѣлое съ Монастырскимъ островомъ. *Становой* островъ, противъ предмѣстія г. Екатеринослава Мандрыковки, имѣеть длины три съ половиной версты, ширины одну съ осьмой версты. *Сурскій* островъ, противъ порога Сурскаго и выше села Волошскаго, имѣеть длины двѣ съ половиной версты, ширины полъ-версты. *Козловъ* и *Ткачевъ* острова, нѣсколько выше Ненасытецкаго порога; къ лѣвому берегу Днѣпра, расположены о бокъ одинъ возлѣ другаго; первый имѣеть длины одну съ четвертью версты при одной пятой ширины, а второй три четверти длины при одной шестой ширины. *Перунъ* островъ и *Ревунъ*, оба ниже Будиловскаго порога, замѣчательны, особенно первый, возвышенностью и крутизной своихъ береговъ. *Дубовыи*—большой островъ лежитъ противъ д. Свистуновой съ лѣвой стороны и с. Петровскаго съ правой, выше Волнигскаго порога; длина четыре версты, ширина его полъ-версты. *Таволжанскій* островъ, ниже порога Будиловскаго, противъ сл. Августовскаго.

¹⁾ Феодосій. Исторический обзоръ православной церкви въ предѣлахъ екатеринославской епархіи, Екатеринославъ. 1876 г., 17—19.

стиновки съ правой стороны и колоній Черевко, Тарапа и Реуна съ лѣвой; длина острова—три версты, ширина—три четверти. *Бобровый* и *Лерамовъ* острова, ниже Таволжанскаго, небольшіе, но чрезвычайно живописные по своему мѣсто положенію. *Кухаревъ* островъ или Калсварпица, лежитъ ниже .Іишиаго порога, противъ с. Андреевки, съ лѣвой стороны; длина—две версты, ширина—одна съ пятой. *Гавинъ* островъ, ниже Кухарева; длина—полторы версты, ширина—одна пятая версты. *Лантуховскій* островъ, ниже Кухарева острова и выше Вильнаго порога; длина—две съ четвертью версты, ширина—одна третья версты. *Дубовый-малый* островъ, лежитъ выше деревни Маркусовой съ лѣвой стороны; длина—одна пятая версты, ширина—одна седьмая. *Вербовый* островъ лежитъ ниже пороговъ; длина—одна верста, ширина—три пятихъ версты. *Федоришинг* островъ, противъ колоніи Кичкасъ, небольшой, песчаный. *Дубовый* островъ, противъ сѣверного угла острова Хортицы, скалистый и возвышенный; длина — полверсты, ширина—одна треть версты. *Хортицкій* островъ, противъ Вознесенска и г. Александровска, ниже колоніи Кичкасъ; самый большой и величественный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ; въ длину имѣеть десять съ половиной версты, въ ширину отъ полуторы до трехъ, въ окружности двадцать четыре съ половиной версты. Вся площадь острова заключаетъ въ себѣ 2547 десятинъ и 325 сажень. Первыми свѣдѣніями о Хортицкомъ островѣ мы обязаны греческому императору, Константину Багрянородному, у которого онъ называется островомъ св. Григорія. »Прошедъ это мѣсто (Крапійскую переправу или тенерепій Кичкасъ), они (русскіе) пристаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія¹). На этомъ островѣ приносятъ они свою жертву, потому что тамъ стоитъ отмѣнной величины дубъ. А приносятъ они въ жертву живыхъ пернатыхъ; также ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные (кладутъ) куски хлѣба и мяса, или что у кого есть и какъ то у нихъ водится. Также мечутъ жребій о пернатыхъ, убиватъ-ли ихъ и есть или оставлять въ живыхъ«. Въ русскихъ лѣтописяхъ Хортица имеется Варяжскимъ островомъ²); въ книгѣ Большаго Чертежа—

¹⁾ μετὰ δὲ τὸ διελθεῖν τειστον τέπεν, τὴν νῆσον τὴν ἐπικεγμένην οἱ ἄγιοι Γριγόριος καταλαμβάνουσιν. De admin. imper., cap. XI, 74—77.

²⁾ Лѣтоп. по Ипатек. списку. Спб. 1871 г., стр. 495.

Хиртицей¹⁾), въ атласѣ Днѣпра 1784 года Хиртицкимъ островомъ²⁾, а въ лѣтоиси Ригельмана—Хордецкимъ (I, 20). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Хортицкій островъ замѣчательенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени сѣчь Хортицкая, основаніе которой памѣчено было уже въ 1556 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, ио прочно утверждено въ 1618 году гетманомъ Петромъ Копашевичемъ—Сагайдачнымъ, который приказалъ своимъ казакамъ обвести островъ землянымъ окопомъ и деревяннымъ частоколомъ или застѣжкою, отъ чего уже тогда это укрѣпленіе получило свое название Сѣчи. Хортицкую Сѣчь запорожскіе козаки два раза устраивали и два раза оставляли. Въ настоящее время на островѣ Хортицѣ отъ пребыванія козаковъ сохранились большія укрѣпленія и четыре кладбища, въ сѣверной части острова. Теперь островъ принадлежитъ нѣмцамъ-менонитамъ, выходцамъ изъ Данцига, поселившимся здѣсь ровно черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Сѣчи (1775—1789). Канцерскій островъ или, по Эриху Ляссотѣ, Малая Хортица; лежитъ въ старомъ руслѣ Днѣпра, охватывающемъ Большую Хортицу съ западной стороны, нѣсколько ниже такъ называемой Царской пристани; островъ заключаетъ въ себѣ двѣнадцать десятинъ и тысячу двѣсти квадратныхъ сажень земли. На немъ, какъ и на Большой Хортицѣ, отъ козаковъ остались слѣды укрѣпленій еще отъ 1556 года. Розстѣбингъ островъ къ новому руслу Днѣпра, противъ с. Вознесенки; островъ низменный, песчаный; длина—полверсты, ширина—треть версты³⁾). Испанівка⁴⁾ островъ выше села Бѣленькаго; имѣть въ длину три версты, а въ ширину три пятыхъ. Великій островъ, длины, по Боплану, около двухъ миль, а ширины—полторы версты; находится противъ села Верхнєй-Тарасовки съ правой стороны, и противъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки съ лѣвой. Въ весеннее время затоцляется весь, кроме одной средицы. Гїнныи, Крутии и Варавингъ острова; всѣ, три противъ села Голой-Грушевки, изъ нихъ первый и третій имѣютъ по двѣ версты длины, при одной верстѣ ширины, а второй одну съ двумя

¹⁾ Книга, глагол. Больш. Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 100.

²⁾ Русовъ. Русскіе тракты. Киевъ, 1876 г., стр. 132.

³⁾ Возлѣ Розстѣбина острова былъ еще островъ Дубовый, но онъ года три тому назадъ смытъ водой; на островѣ былъ большой дубовый лѣсъ, мельница, даже шинокъ, но все это не удержало островъ отъ размытія водой.

третами версты длины при двухъ третяхъ ширины. *Красный* островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки; имѣеть длины двѣ версты, ширины—двѣ пятыхъ. *Томаковскій*, *Буцкій*, *Днѣпровскій*, или по теперешнему Городище островъ, противъ села Чернышовки или Красно-Григорьевки, лежить въ днѣпровской низменности, на сѣверъ отъ русла самой рѣки; имѣеть длины въ окружности шесть верстъ, въ поперечнике двѣ версты, а всей площади двѣсти девяносто пять десятинъ земли. Замѣчательнѣе тѣмъ, что на немъ была вторая по счету запорожская сѣчь, Томаковская, основанная или въ 1556 году, одновременно съ Хортицкой, или около 1568 года; отъ пребыванія здѣсь козаковъ сохранились и до сихъ поръ окопы, могилы и небольшое кладбище на южной и сѣверной окраинахъ острова. *Орловъ* островъ, лежитъ противъ мѣстечка Никополя, скатерипославскаго уѣзда, бывшаго у запорожцевъ Микитипа; длина до полуторы версты, ширина до полуверсты. На полтораста саженъ ниже острова Орлова, отъ праваго берега Днѣпра, выдавался въ старину большой мысъ, называвшійся у запорожцевъ Микитинъ Рогъ; на этомъ то Микитиномъ Рогѣ была третья по счету запорожская сѣчь, Микитинская, о которой теперь осталось едва слабое воспоминаніе, такъ какъ мысъ уже лѣтъ сорокъ тому назадъ смѣтъ водой и самое кладбище запорожское и небольшая каплица, бывшія на немъ, вмѣстѣ съ гробами пошли въ Днѣпръ. Микитинская сѣчь памятна пребываніемъ на ней въ одно время знаменитаго малороссийскаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Здѣсь Хмельницкій царѣль себѣ покровительство у запорожцевъ, когда бѣжалъ изъ старой Малороссіи отъ преслѣдованія польской власти; здѣсь онъ былъ покрыть, по козацкому обычаю, шашками, то есть выбранъ гетманомъ всей Украины; отсюда-же онъ началъ и свой славный походъ противъ поляковъ. *Холодный* или, по Бонлану, Большой островъ; лежитъ противъ д. Капуливики и устья рѣки Чортомлыка, къ правому берегу Днѣпра; имѣеть длины полторы версты, ширины—одну пятую; на немъ отъ козаковъ остались небольшія развалины отъ бывшихъ укрѣплений. На сѣверъ отъ Холоднаго острова, гдѣ теперь деревня Капуливка при устьѣ рѣки Чортомлыка, на Рогѣ, была у запорожцевъ четвертая по счету сѣчь, «Чортомлыцкая», называвшаяся иначе Старою сѣчью; она основана въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаѣмъ. Иль рога или мыса,

на которомъ была сѣчь, образовался теперь небольшой островокъ, имѣющій въ возвышенной части 1050 квадратныхъ сажень, а въ низменной двѣ десятины и 1200 квадратныхъ саженъ. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ осталось иѣсколько могиль, изъ коихъ самая большая могила, съ памятникомъ, пасынана надъ прахомъ славнаго кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка, умершаго, какъ гласитъ самая надпись на памятнику, въ 1680 году, 4-го мая. *Андрушкинъ* островъ, ниже Холоднаго, между нижнимъ течениемъ рѣки Павлюка и Чортомлыцкаго Днѣпра, притоковъ Днѣпра съ правой стороны; въ окружности имѣеть до восьми верстъ. *Царевъ* островъ противъ села Малой-Лепетихи; длина три съ третью версты, ширина полверсты. *Носоковскій* островъ, длина до двухъ миль, и *Космакскій* или, у Болланы, Кайръ-Козмакъ островъ; длина до полу-мили, ниже Царева острова. *Каменскій* или, по тесперищему, Санжеревскій островъ, на одну версту ниже балки Каменки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, между деревнями Консуловкой или Разоровкой и Блажковкой, херсонскаго уѣзда; длина двѣ трети версты, ширина полверсты. Выше Каменскаго острова, при устьѣ балки Каменки и заливѣ Днѣпра, Казацкомъ Рѣчицѣ, была у запорожцевъ пятая по счету сѣчь, Каменская, основанная съ 1709 года, при паказномъ кошевомъ атаманѣ Икимѣ Ботуигѣ и просуществовавшая здѣсь съ перерывами, около двухъ лѣтъ. Въ настоящее время мѣсто Каменской сѣчи принадлежить землевладѣльцу М. Ф. Огаркову. Отъ пребыванія здѣсь козаковъ остались превосходно сохранившіяся ямы отъ куреней и иѣсколько могиль, въ томъ числѣ могила надъ кошевымъ атаманомъ Константиппомъ Гордіенкомъ, умершимъ въ 1733 году 4-го мая, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной па большиомъ каменномъ памогильномъ крестѣ. Здѣсь-же осталась могила кошеваго атамана Василія Іероосена, умершаго въ 1731 году, 23 мая, что также видно изъ надписи, высѣченной на каменномъ крестѣ. *Таванъ* островъ, по турецки Усу-саваъ; лежитъ иѣсколько ниже мѣстечка Каховки и прямо противъ теперешняго г. Берислава, херсонской губерніи, прежняго Кизикермена, взятаго русскими въ 1695 году; длина, по Боллану, двѣ мили, ширина—одна треть мили. У турокъ на самомъ островѣ Таванѣ былъ городъ Таванъ, а въ устьѣ его городъ Ослапъ: и отъ того Кизикерменя до Таванъ-городка, чрезъ Днѣпра, бы-

вали цѣпи желѣзныя перетянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; такожь и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до Крымской стороны, а посреди оныхъ рѣкъ, оставливаны были ворота; и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто найдеть, то турки все могутъ разбить¹⁾). *Бургунскій* (Боргунскій, Бургунскій) островъ, противъ рѣчки того-же имени; имѣть длины около трехъ верстъ и ширины около полуторы версты. *Тягинскій* островъ, противъ теперешняго села Тягинки, херсонскаго уѣзда, имѣсть длины полторы версты, ширины одну треть. *Сомовъ* островъ, противъ устья рѣки Игульца; длина двѣ съ половиной версты, ширина полъ версты. *Карантинный* островъ, между рѣкою Днѣпромъ и его притокомъ Кошевою; находится противъ г. Херсона, получилъ свое название отъ бывшаго на немъ когда-то каралтина; длина шесть верстъ, ширина двѣ съ половиной. Противъ этого острова, съ лѣвой стороны, на материкѣ была у запорожцевъ шестая по счету сѣчь, Алешковская, тамъ, гдѣ теперъ г. Алепки, таврической губерніи, »на поляхъ татарскихъ, почевъяхъ агарянскихъ«, существовавшая съ 1709 по 1734 годъ съ небольшимъ перерывомъ, когда она перемѣщалась спома на балку Каменку. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ казаковъ въ настоящее время ничего не осталось, кроме небольшаго звѣздообразнаго укрѣпленія, находящагося прямо па востокъ отъ города, противъ рѣчки Лазни. *Потемкинъ* островъ, пять верстъ ниже Херсона; длина четыре версты, ширина двѣ съ половиной.

На всемъ пространствѣ запорожскихъ владѣній Днѣпръ имѣлъ десять переправъ²⁾). *Романовская* переправа, противъ острова Романова, немного ниже теперешняго села Романкова, выше г. Екатеринослава. »Здѣсь Днѣпръ течеть свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова«³⁾). *Кайдакская* переправа, противъ селенія Новыхъ-Кайдакъ, выше г. Екатерино-

¹⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., 11—13.

²⁾ Эр. Ляссота насчитываетъ ихъ три (стр. 29, 30, 51); Бопланъ семь, изъ коихъ одна въ татарскихъ предѣлахъ (стр. 17, 22, 29), атласъ Днѣпра одну, Мышецкій (стр. 21) четыре.

³⁾ Бопланъ. Описание Украины, стр. 17.

слава; переправа очень удобная; до 1780 года черезъ нее шли обозы, отправлявшіяся на Донъ за рыбой. *Будилово-Таволжанская* переправа, между Будиловымъ порогомъ и Таволжанской грядой или островомъ. »Въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли (слова Эр. Лессоты) большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ кожею«. *Кичкасовская* переправа, противъ теперешней колоніи Кичкасъ (Эйнлаге). »Въ сихъ мѣстахъ (отъ острова Кашеварницы или Кухарева до Кичкаса) берега рѣки очень высоки; Днѣпръ течеть свободно, не пересѣкаясь островами, узкая постель его еще болѣе съуживается къ югу. Здесь, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая менышина: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (сажень), берега его удобоириступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ«¹⁾). »Въ четырехъ верстахъ оттуда (отъ о. Вербова) берега рѣки (Днѣпра) довольно скоро сходятся между собою на разстояніи 300 саженей. Въ этой ширинѣ Днѣпръ течеть $1\frac{1}{2}$ версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣснясь еще болѣе, поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здесь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ (сажень), берега ~~то~~ не круты и земля открыта«²⁾). *Кичкасовская* переправа известна была уже Константину Багрянородному, который называетъ ее *Крапійскимъ* перевозомъ. »Они (руssкіе) доходятъ до такъ называемаго Крапійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Руссіи и печеньги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ шириной съ гипподроміонъ (т. е. 608 русскихъ футовъ, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{6}$ версты), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только что доступна глазомъ и удару стрѣлы«³⁾). *Микитинская*

¹⁾ Бопланъ. Описаніе України, 24.

²⁾ Лербергъ. Ізслѣдовавія къ объясненію древней россійской исторіи, 277 и 278. На Кичкасѣ и теперъ существуетъ переправа на двухъ паромахъ и нѣсколькохъ дубахъ.

³⁾ De administrando imperio, стр. 286.

переправа, противъ теперешняго м. Никополя; знаменитая у запорожцевъ и известная татарамъ и полякамъ. Переправа получила свое название отъ имени казака Микиты, вышедшаго изъ старой Малороссіи и поселившагося здѣсь на Днѣпровскомъ мысѣ и впервые занявшагося перевозомъ проѣзжихъ людей черезъ Днѣпъръ. Имя его впослѣдствіи передалось какъ мысу, такъ и самой переправѣ. Каменно-Затонская переправа, нѣсколько ниже Микитинской, противъ пресной крѣпости Каменлаго-Затона, построенной въ 1696 году, теперешняго села Каменки или Малой-Зламенки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. «Мы пролили мимо Каменлаго-Затона, или залива Днѣпра, тоже па татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ название этого Затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпъръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ»¹⁾). Каменская переправа, ниже села Горностаевки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда и противъ д. Консуловки или Разоровки, расположенной па Каменской балкѣ. Здѣсь переправа съ праваго берега Днѣпра па лѣвый, по течению рѣки, очень удобна; но съ лѣваго па правый, противъ течения, довольно затруднительна и потому обозы, идущіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а вдунціе спизу вверхъ—въ Кизикирменъ. Носоковская переправа, противъ о. Носоковскаго и Космакскаго (Кайръ-Козмака), неудобная, потому что здѣсь Днѣпъръ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому-же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокимъ камышомъ. Таванская или Кизикирменская переправа, противъ о. Тавана и прежняго г. Кизикирменя, теперешняго Берислава, самая лучшая переправа; здѣсь нужно было переходить сперва р. Конку, притокъ Днѣпра, а потомъ ужъ переплывать самый Днѣпъръ. Бурганская переправа, противъ о. Бургансаго и притока Днѣпра съ тѣмъ-же именемъ, мало удобная, потому что здѣсь нужно было переходить р. Конку и два раза р. Днѣпъръ. Чрезъ всѣ эти переправы хаживали изъ Малороссіи купцы и простые народы для продажи и покупки всякихъ товаровъ, также и за солью въ Крымъ; также и Татары хаживали

¹⁾ Г. Русовъ видѣть въ Каменно-Затонской переправѣ Никитинскую (Русск. тракты, 123), во стоять только обратиться къ Лиссотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-Затонская и Никитинская переправа не одно и тоже.

въ Малороссію для означенной добычи¹). Къ этимъ переправамъ на Днѣпръ можно прибавить еще двѣ на р. Бугъ: переправа къ Мертвымъ-водамъ, »гдѣ купцы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова«, и переправа у запорожского города Гарда, стоявшаго на лѣвой сторонѣ Буга, къ которому вель знаменитый гардовый шляхъ, простиравшійся до 300 верстъ и отличавшійся замѣчательною прямизною.

Способъ переправы у казаковъ практиковался такой-же, какой практикуется и теперь: употреблялись лодки, плоты, паромы и проч., а у татаръ—мало известный памему времени». Татары перешливаютъ слѣдующимъ образомъ: на лодку, довольно плоскую, кладутъ поперекъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по ровному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади сѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно; хотя они выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется, въ ясную и тихую погоду... Для переправы черезъ Днѣпръ татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пучка, длиною въ три фута, а толщиною отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ пимъ три поперечныхъ палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту; кладеть на такой плотъ сѣдло, а на немъ одежду, стрѣлы, саблю, и нагой, съ пластью въ рукѣ, входить въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсыкаетъ волны свободною рукою поперемѣнно, то правою, то лѣвою. Приближась къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выносить онъ на берегъ²).

Таковъ былъ Днѣпръ самъ по себѣ въ запорожскихъ предѣлахъ. И зслѣдуемъ его притоки въ тѣхъ-же предѣлахъ.

Д. Зварницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹) Мышецкій. Исторія о каз. зап. Одесса, 1852 г., стр. 21.

²) Болланъ. Описаніе Україны, Спб., 1832 г., стр. 30, 58—59.

СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ Г. О. КВИТКИ.

Квитка-Основьяненко выступилъ на литературное почище въ зреѣлыхъ лѣтахъ, съ сложившимися и окрѣпшими убѣжденіями. Какъ человѣкъ крайне скромный, постоянно скептически относившійся къ своему литературному дарованию, Квитка, прежде чѣмъ стать въ ряды писателей, внимательно всматривался въ окружавшую его общественную среду, изучалъ ее, опредѣляя существенные стороны современной ему дѣйствительности, и правдиво, вѣрно, съ любовью къ человѣку, съ уваженіемъ къ печатному слову и съ крѣпкой вѣрой въ его благотворное значеніе въ общественной жизни, излагалъ на родномъ ему малорусскомъ языкѣ въ художественныхъ повѣстяхъ свои наблюденія надъ житѣемъ-бытѣемъ малорусского народа, дворянъ, мѣщанъ, иъ особенностіи крестьянъ, какъ наиболѣе типичныхъ выразителей малорусской народности. Отъ его зоркаго глаза не ускользали тонкія житейскія отношенія. Онь подмѣчалъ помыслы землевладѣльцевъ дворянъ, улавливалъ свѣтлый и добрыя проявленія душевнаго настроенія закрѣпощеннаго крестьянина, усматривалъ тонкія черты горести обездоленного судьбою сельскаго горемыки, пытливымъ взоромъ проникаль въ взволнованное первою любовью сердце дѣвушки. Вообще, Квитка хорошо зналъ всѣ слои стариннаго харьковскаго населения, времена Александра Перваго. Квитку считаютъ знатокомъ жизни малорусского крестьянства, при чѣмъ вполнѣ основательно выводъ этотъ основываютъ на его задушевныхъ малорусскихъ повѣстяхъ. Но Квитка основательно изучилъ и быть дворянъ, что видно изъ его русскихъ

сочинений, составляющих въ настоящее время библиографическую рѣдкость.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не прийти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антиподичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостнаго права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальнай и романтической школы, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттенокъ общественнымъ отпушненіямъ, и при всемъ томъ старинное словодско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носить мрачный колоритъ. Это группа людей болышею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встречаются помѣщики благотворители, напримѣръ Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти *Добрый панъ*, представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцѣльны. Это нравственныя сентенции въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавши личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣренаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встречаются Вижимазовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Шутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозвания достаточно говорятъ, что это за люди. Въ »Преданіяхъ о Гаркушѣ« выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ »Похожденіяхъ Столбикова« помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить па себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственные письма. Въ дѣйствительности, просвѣтельница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. Но ея мнѣнію, »мужикъ хамово колено, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова«. Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ

блескъ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квятка не находить для нихъ другого пазванія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Непасытінъ въ »Дворянскихъ выборахъ« расправляетъ свои мускулы па крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Марсѣль въ даръ вино, куръ, поросъять, хлѣбъ, тальки, придево па гиоты, зеленый горошокъ, цыплять, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ »Похожденіяхъ Столбикова« опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостиницу, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другаго имени, какъ щелокъ. Дворовые люди кормили его изъ мялости. Квяткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьеть Ненасытінъ, или, какъ Скромновъ, бьуть за то, что подносить взятку, по испрѣмѣнно бьутъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находить въ свое мѣсто хугорѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣніе болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые на въ котильонѣ. Другая грамату считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, чтобы растраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юнка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣждѣнію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, привлекаетъ гневъ Божій, который выражается въ неурожай хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движение. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барыни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна обѣ имѣніи, полученному въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ »вале имѣніе«, до-

казывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисы Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее па всю жизнь вхъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ обѣ отдахъ и дѣтахъ. Въ »Начѣ Халявскомъ« она постоянно сопоставляетъ ирежнихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слова »теперенній« слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невѣстыности. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ яицекъ, если дѣти не опораживали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ёли мозочную кашу (чай въ началь пынѣнаго вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блинчи, мироги или пампулки; немного спустя, обѣдали,—обыкновенно борщъ съ отваримленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастыла, павидло, аблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи »подвечерковали«, т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сопѣ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся птицею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ »Герой очаковскихъ временъ« Ромаша въ дѣствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурнаго глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окружены бабусями, особаго рода старушками, знающими цашентыванія и заговоры. Они оберегали панича отъ недоброго глаза и снимали »уроки«.

Первымъ наставникомъ помѣщичихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Отеодосію. Когда Петрусь Халявскому испоптилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и припята отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, при чёмъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенце, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе обряда брадобритія Петрусь получиль изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ балкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Оль долженъ быть обучать хлопцѣвъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни, Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинского паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ стѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало ежеседѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподавалъ имъ правила, какъ они должны были держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищѣй: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолить назначить мудреѣ право-

судіс начальника и ни въ чёмъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный,—учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ! — «удивительный», не красть на рынке, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявкихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: «ну что-жъ?» Сейчасъ «отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленцаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: «вписать ихъ въ синтаксисъ». Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, поднявъ голову, сказалъ: «они могутъ быть въ шиткѣ». Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и слиянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «впрочемъ вписать ихъ въ риторику».

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у доброго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы—воспитатели русского юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пощаками. Таковы мусье Филу въ «Похожденіяхъ Столбикова», м-ре Torchon въ «Украинскихъ дипломатахъ» и м-ре Ламбо въ «Харьковской Газнусѣ». Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усваиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариетикѣ они не идутъ далѣе умноженія, зажигаютъ Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ бесполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи,

носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца прошлаго столѣтія не-отъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраиватъ свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ бѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ въ послѣдствіи одному полковнику: »въ пансионѣ миѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...«, полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: »молчать! если ты еще запесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу«....

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго образованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ прошлаго столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вепосна, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крунная, что называется кровь съ молочкомъ; образована—значило, что она имѣть во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть текущаго столѣтія, воспитаніе и образованіе состояли въ знаніи иностраннныхъ языковъ, таццевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себѣ въ обществѣ, понимаю-щомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайного собранія гостей. Въ »добroe старое время« дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочки, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юпку по истечеліи 14 лѣтъ. Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ, съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Феняна Степановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены нянѣками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. »Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома«; заявляетъ Трушко Халявскій; »если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать«. Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ иѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку—домоправительницу. Ей отводили область чувствъ; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не

мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не парушала ограниченныи кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное стишеніе къ умственному развитию дѣвичъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, «весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любить, кои разсуждаютъ». Пазинъка Шлакъ служитъ представительницей старинныхъ барышень, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романы; она умѣетъ надряпать любовную записечку; главное, она великимъ мастеромъ на разныя печенія, соленія и варенья. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинъка, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая «мужья» жена и чадолюбивая мать. Евгени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный иѣкогда французскій ладъ. М-те Torchon выучила ее говорить по французски, читать безизрѣвственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національного, что есть въ Пазинъкѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евгени въ замужествѣ уподобится Анисье Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйствовать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ «Паппа Сотниковна», «Божія дѣти» и «Украинскіе дипломаты» просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлала попытку представить въ литературѣ «развивателя», въ повѣсти «Ложныя понятія». Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ дворянство. Онь имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмилия, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ

не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоить въ томъ, что они на своеимъ долгомъ вѣку много сѣѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Шохищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершиено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣеть дурнаго мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развилась ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдоватъ величию благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки, т. е. полѣка назадъ, далеко стояло отъ простаго народа, по языку, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана по-далѣе. Въ «Харьковской Гапиусѣ» добродушный панъ предлагается въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей широги, сѣть рядомъ съ нимъ на дрожжахъ. »Отде ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ъздить съ панами на дрожжахъ?«. Въ трогательной драмѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться па крестьянской дѣвушкѣ Галечкѣ. Она горячо его любить, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она »нерѣвна«. »Не однакови зирочки па небссахъ«, поэтически объясняетъ она причину отказа, »не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прыме березопѣка липового листочка; не позбере соловейко ипшии шапички, якъ тильки зъ своего роду. Усёму свій законъ, а чоловикови ще пайбильни того«.

Н. Ф. Сумцовъ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХИЕПИСКОПА АНАТОЛИЯ МАРТИНОВСКАГО.

Съ личностью преосв. Анатолія постоянные читатели »Кievской Старины« знакомы. Въ майской книжкѣ 1882 г., помѣщены были его замѣтки о положеніи нашей церкви, подъ заглавіемъ: »Архіерейскія печали«, которое удачно придалъ имъ г. Береза, сообщившій редакцію эти замѣтки. Въ іюльской книжкѣ 1883 г. докторъ Пирожковъ посвятилъ пажати преосв. Анатолія иѣсколько салмъ искреннихъ и теплыхъ воспоминаний. Но то и другое составляетъ лишь самую микроскопическую долю того, что осталось отъ почившаго архипастыря и что объ немъ можно и должно сказать. Преосв. Анатолій Мартиновский, по своему воззрѣнію на церковно-религіозную и общественную жизнь, по своей проповѣднической и литературной дѣятельности, по своему паконецъ строгому образу жизни заслуживаетъ полного и внимательного изученія. Но, разумѣется, можетъ идти рѣчь только о материалахъ для полной его биографіи.

Для вышней, такъ сказать, ся стороны, какъ хронологический указатель главнѣйшихъ фактовъ въ жизни и службѣ преосв. Анатолія, сообщаю точная биографическая давнія, которая заимствуется изъ соображенія нажмъ Л. С. Мацѣевичемъ послужного списка почившаго архипастыри, провѣренного имъ самимъ при жизни, именно въ послѣдній годъ его службы.

Августинъ Мартиновский,—впослѣдствіи архіепископъ, съ именемъ Анатолія,—родился въ Подоліи, и probably въ 1797 г. Отецъ его Василій Мартиновский былъ священникомъ въ м. Нескоковѣ, что винѣ съльгопольскаго уѣзда, подольской губерніи. Итакъ ему съ малыхъ лѣтъ пришлось быть свидѣтелемъ съ одной стороны новозаводимыхъ въ присоединенной II доліи порядковъ церковныхъ, а съ другой—страшнаго гнѣста польскаго, съ особенною силой развившагося подъ склопетроемъ россійскимъ, главнымъ образомъ въ царствование Александра Благословеннаго. Въ то время въ Каменцѣ-Подольскомъ существовала уже духовная семинарія, въ которой онъ и получая первоначальное свое образованіе. Предметы, которые онъ

изучалъ здѣсь, въ формуларѣ перечисляются въ томъ порядкѣ и подъ тѣми наименованиями, которыя установились въ духовнѣй семинаріи впослѣдствіи, и только по мелочной замѣткѣ подъ 1812 г. узнаемъ, что тамъ преподавалось тогда «рисовальное искусство» и что учителемъ онаго былъ назначеннъ въ этомъ году Августинъ Мартиновскій, состоя еще слушателемъ богословскіхъ наукъ. Съ 1813 по 1817 г. ему, окончившему уже полный семинарскій курсъ, поручались для преподаванія въ разныхъ классахъ и другіе предметы: ариѳметика, грамматика и польскій языкъ, но «рисовальное искусство» оставалось за вимѣ во все это время, позь чего должно заключить, что онъ быть знатокомъ этого предмета, быть можетъ единственнымъ и незамѣннымъ. Гдѣ и какъ онъ самъ выучился ему и какъ обучать другихъ,—остается неизвѣстнымъ. Въ концѣ 1817 г. Августинъ Мартиновскій поступилъ во священники въ и. Грановъ, гайсинскаго уѣзда; около двухъ лѣтъ спустя овдовѣлъ и поступилъ въ каменецъ-подольскій монастырь съ назѣреніемъ постричься въ монахія. Состоя два года на искусѣ, въ сентябрѣ 1821 г. онъ получилъ място учителя въ старшемъ классѣ каменецкаго духовнаго училища, а въ апрѣль слѣдующаго года переведенъ въ семинарію на польскій языкъ и послѣдъ за синъ постриженъ въ монахіи, съ именемъ Анатолія, при церкви архіерейскаго дома. Хотя слутия двѣ недѣли іеромонаху Анатолію предоставлена должность намѣстника каменецкаго монастыря, съ сопраненіемъ наставнической должности, а спустя четыре мѣсяца пожалована первая духовная награда—набедренникъ, но его тянуло къ высшему образованію, и въ октябрѣ слѣдующаго 1823 года онъ оставилъ Каменецъ и поступилъ въ старшій, богословскій курсъ кіевской духовной академіи. Съ окончаніемъ въ ней курса, со степенью магистра, Анатолій въ декабрѣ 1825 г. оставленъ быть баккалавромъ при академіи, при чѣмъ поручены ему для преподаванія два совершенно разнородные предметы: польскій языкъ и бібліологія, или наука о священномъ писаніи. Спустя четыре года его назначаютъ ректоромъ курской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архімандрита, а въ 1832 году переводятъ на такую-же должность въ Новгородъ; тамъ и здѣсь онъ пропинастъ участіе въ дѣлахъ епархіальныхъ, по званію члена консисторіи, благочиннаго монастырей и цензора проповѣдей. Въ 1840 г. архімандритъ Анатолій возводится въ санъ архіерейскій, съ названіемъ епископа екатеринбургскаго, въ должности викарія пермской епархіи, въ 1841 г. переводится на такую-же должность въ волынскую епархію, въ ближайшее сопѣдство къ родинѣ, а въ 1844 году назначается для самостоятельнаго управлія могилевскую епархию. Здѣсь-то онъ, въ теченіи 15-ти съ лишился лѣтъ, постепенно раскрываетъ свою глубоко-христіанскую и патріотическую дѣятельность, далеко выступающую за предѣлы заботъ о вѣроїнной ему епархіи, обнаруживаетъ высокіе и свѣтлые идеалы, которыми оставался вѣрнъ во всю свою жизнь, проявляетъ тоикое пониманіе нуждъ и дѣлъ православія, горячее желаніе служить церкви и обществу, побороть или ослабить вѣками вкоренившееся въ нихъ зло, пишетъ массу смѣлыхъ и подъ чась

крайне рѣзкихъ проектовъ, замѣтокъ и писемъ по разнымъ вопросамъ церкви, науки и жизни, встрѣчаетъ по большей части то равнодушие къ своимъ заявленіямъ, то волокиту и медлительность, то прямое противодѣйствіе, терпить неудачи и полный разочарованія, съ глубокимъ огорченіемъ, въ половинѣ 1860 года оставлять епархію и службу и удаляется на покой въ бессарабскій гербовецкій монастырь, унося съ собою почетныя званія и награды, безполезный, возбуждавшій одновременно воспоминаніе. Живя здѣсь въ добровольномъ уединеніи, архіепископъ Анатолій скоро почувствовалъ всѣ невыгоды отаго, раскаивается въ безпозорномъ решеніи своей судьбы, такъ сказать, сторича, сожалѣть, что оставилъ постъ, съ высоты которого его голосъ все еще могъ слышаться и возбуждать къ дѣятельности другихъ, старается возвратить хотя отчасти свое прежнее положеніе, просить, безуспешно, изѣста цензора въ Петербургѣ, не ослабѣваетъ въ энергіи, пишетъ замѣтки, наброски про себя, по временамъ плещь подлинныя огни и ума письма и замѣтки къ разнымъ высокооставленнымъ лицамъ, имѣющія лишь изрѣдка ходь, и удрученный болѣзнями и старостию, умираетъ на конецъ въ 1872 году въ той же гербовецкій монастырь, пѣтя около 80 лѣтъ отъ рожденія.

Для характеристики внутренней жизни пр. Анатолія предлагаемъ здѣсь рядъ его замѣтокъ и записокъ по разнымъ вопросамъ. Всѣ они, за исключеніемъ наиболѣе пространнаго трактата о еврейскомъ вопросѣ, не представляютъ собою чего-нибудь цѣльного, полно обдуманнаго и законченнаго. Это больше наброски и даже обрывки, принадлежащіе разнымъ временамъ и матеріямъ, соединенные памп подъ одною общую шумерацію, и тѣмъ не менѣе они кажутся чакъ по единому историко-біографическому материалу,—въ нихъ слышится и живой публицистический голосъ, въ особенности по вопросамъ польскому и еврейскому, получившимъ въ настоящую пору гораздо большее развитіе и занимающимъ теперь и правительственные сферы, и общество, и печать. Первая замѣтка относится очевидно къ первой четверти вышеннаго столѣтія и касается тогдашніхъ злоупотреблений въ спартакізмѣ управлениѣ на его родинѣ; вторая, яѣсколько однородная, въ формѣ неполнаго письма его къ профес. Антонію Амфитеатрову, писана въ позднѣйшіе годы, изъ гербовецкаго уединенія; остальные три имѣютъ опредѣленную дату и писаны не задолго до удаленія арх. Анатолія на покой. Дѣятельность латино-польской пропаганды и бездѣятельность и зависимость нашей юриспруденціи составляли особенно наболѣвшее мѣсто въ душѣ апостольско-ревностнаго юрарха и синъ касается этихъ предметовъ во многихъ своихъ запискахъ и письмахъ, съ большею даже подробностию, сплошь и рѣзкостію, чѣмъ здѣсь. Соображенія по еврейскому вопросу мы встрѣчаемъ впервые и зато они являются здѣсь въ наиболѣе полномъ и законченномъ видѣ. Много въ нихъ любопытнаго и интереснаго и для нашего времени, но во многомъ проглядываетъ и неполное знаніе вопроса и явившія вѣра въ возможность превращенія прозелитовъ изъ евреевъ въ честныхъ и полезныхъ людей, съ помощью администраціи и полицейскаго яѣръ. Эта вѣра и вообще

мысль о миссионерстве въ средѣ евреевъ отнюдь не влажутся съ строго практическимъ и проиницательнымъ взглядомъ арх. Анатолія, который онъ обнаруживаетъ по многимъ другимъ вопросамъ, и объясняются господствовавшему въ 50 годахъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ мыслию о такомъ миссионерстве, явившемся, какъ на жется, случайно, подъ влияніемъ ловко пущенныхъ широкихъ затѣй на этотъ счетъ упоминаемаго преоса. Анатоліемъ прозелита Теккіна. Это былъ умный, широко образованный и рѣчиственный раввинъ. Обстоятельства обращенія его наимъ неизвѣстны. Долгое время онъ ютился при петербургской духовной академіи и морочилъ тамошнія духовныя сферы несбыточными мечтами объ обращенії евреевъ не всѣхъ русскихъ евреевъ въ христіанство, съ помощью сочиненій підъ брошюрокъ, пока не былъ переданъ на попеченіе киевскаго митрополита Фларета и въ иріотъ киевской академіи и пока и здѣсь, какъ и тамъ, не обнаружился его льготство, незотливость и тщета придумываемыхъ либо грандиозныхъ проектовъ. Мы знали яично Теккіна, какъ и другаго, не менѣе смѣлаго пророкетёра К. Говорского, котораго преосо. Анатолій считаетъ жертвою латинопольской пропаганды. Въ судьбѣ обопѣхъ, даже въ нравственныи ить чертазъ, было нечто общее. Тотъ и другой прозелиты,— Теккінъ изъ евреевъ, Говорскій изъ уніатовъ, по женатый на еврейкѣ; тотъ мечтать объ обращеніи евреевъ, мыслью послѣднаго было евреи-ли не обращеніе поляковъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края. Оба для достижениія проповѣдуемыхъ или идей писали брошюры, послѣдній даже журналь поздравлять; въ средствахъ однаково были неразборчивы. Оба смущали прежде сѣверъ, потоъ юго-западъ Россія и оба переселялись потоъ на сѣверо-западъ; здѣсь, подъ покровительствомъ Мураильева, послѣдній устроился было даже совсѣмъ не дурно. Въ концѣ концевъ оба ничего не достигли: Теккінъ спился, Говорскій кончилъ живь въ состояніи помѣшательства. Жертвоюпольской пропаганды онъ самъ себя выставилъ всегда и вездѣ и этимъ ловко маскировалъ свои личные разсчеты. Едва-ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ она одна, навлекла на Говорского преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаешь въ своей запискѣ о латино-польской пропагандѣ арх. Анатолій; вину въ этомъ случаѣ были доносы Говорского въ Петербургъ на это самое начальство, и если оно потому очернило его, то онъ далеко не остался предъ нимъ въ долгу. Удаленіе архіепископа Василия Лужинскаго отъ дѣлъ спархіи стояло въ связи съ доносами Говорского.

Эти предварительныи свѣдѣнія мы сочли не лишними какъ для ознакомленія читателей съ личностю автора предлагаемыи замѣтокъ и записокъ, такъ и для иѣкоторыхъ пояснений и поправокъ къ имъ; въ остальномъ предоставляяъ оценку самимъ читателямъ.

I.

Мои мысли и наблюдения нравовъ человѣческихъ (но не для всѣхъ).

Свѣтъ наполненъ исправдами и насилиями... При Божіей по-
мощи я всѣми силами буду стараться быть добрымъ и истинно по-
лезнымъ для людей, чтобы единицею уменышилось число злыхъ.

Небомъ благословленный тотъ домъ, въ которомъ не было лѣ-
карь и счастливъ человѣкъ, который не испыталъ судебныхъ распры:
говорить польская пословица. Примѣры злодѣйства и ненастимое
корыстолюбіе даже въ власти духовной, ненаказанность сильныхъ
за самыя величайшія преступлѣнія—не одного изъ певинно гони-
мыхъ попудили прибрѣгнуть къ законамъ, но законы молчали или
по общей всего превратности доверяли его гибель; оставалось взы-
вать къ небу,—по громы спали: человѣческій голосъ не имѣть
силы кондуктора притягивать ихъ на землю.

Многіе съ дарованиями и чрезвычайными способностями, отъ
рабства, нуждою на нихъ налагасмаго, и отъ нищеты, ихъ снѣда-
ющей, безъ поопренія, упали духомъ,—быстрый умъ ихъ, скру-
шенный смутными мыслями, гибнетъ какъ дерево бѣзъ вѣтвей, какъ
безъ свѣта пламенникъ...

Итакъ подобно вооружиться стойческимъ терпѣніемъ; самому
стараться быть добрымъ, а все окружающее добро и зло считать
за одно, то есть быть ко всему равнодушнымъ: воображая, какъ-бы
свѣтъ былъ театромъ, люди—актерами, ихъ страсти, злодѣяпія и
поступки вѣчно представляющимися сценами, испрѣбѣющими нужными
къ составленію драмъ, отъ начала міра до сихъ поръ продолжаемой; ни о чёмъ, раздражающемъ чувствительность нашего сердца,
не думать, и ни мало не разсуждать о степени зла, насы окружав-
шаго... Часто одна мысль болѣе часъ беспокоитъ, нежели деспо-
тизмъ можетъ причинить вреда; мысли наши тиранніцы, опѣ раж-
даютъ душевныя болѣзни, которыя опаснѣе тѣлесныхъ. Свѣтъ, го-
ворятъ, достигъ высочайшей степени своей испорченности: всякий
говорить о добродѣтели и нравахъ человѣческихъ съ краснорѣчіемъ
Сенеки; всѣ учились морали, или по крайней мѣрѣ читали въ семь
родѣ книги. Что жъ? для того чтобы въ самомъ дѣлѣ быть добрыми?
Совсѣмъ пѣтъ: съ того времени, какъ люди все священное стали
называть баснями или романами,—это послужило къ тому, чтобы

умѣть какъ можно лучше представить добродѣтельнаго, играть роль справедливаго, и замаливать такимъ образомъ въ свои сѣти неопытныя, довѣрчивыя и невинныя еще сердца.

Религія уѣ чрезвычайномъ разслабленіи и въ таковыхъ теперь несчастныхъ болѣзнищихъ припадкахъ, которые тысячекратно пре-
восходятъ престерпѣніе ею въ ся возрожденіи, когда она печестивыми вслѣду гонима была, но яко кринъ сельный, между терпѣмъ при источниѣ прозябающій, орошаема мученическою кровлю, въ новомъ блескѣ съ торжествомъ всегда возносила главу свою; тогдашнія ея страданія подобны были мудрѣмъ врача операциамъ, которыя, причиняя нестерпимую по видимому боль, даруютъ впослѣдствіи здоровье и цвѣтущее мужество,—это были раны, которыя юдкіе пластры исцѣляли; теперешнія суть судорожныя мученія умирающаго. Дуракъ, не простирающій далѣе своихъ донятій падь счисление своихъ пальцевъ, утверждаетъ важно, что религія пужна только для политическихъ видовъ. Каждый, добившись, по мнѣнію его, въ полубоги, за величайшую мудрость считаетъ преслѣдоватъ духовныхъ; все вообще пустились новомоднымъ образомъ философствовать. Духовные,—не тѣ, которые на деревняхъ и которыхъ рокъ со дня на день сравнивается съ поселенами, а начальство ихъ,—не находятъ болѣе удовольствія быть ницами духомъ, вместо защиты подвластныхъ преслѣдуютъ ихъ до гроба; все на откупу, каждый степень начальства ихъ, даже духовныя овечки,—все продажное.

Защиты пыгдѣ,—указы, законы, положенія премудры. Христосъ—глава церкви, состоящей изъ тѣхъ единицами считаемыхъ немногихъ, которые рѣшились, одиноки будучи, престерпѣвать все и быть несчастѣйшими въ свѣтѣ; не пазову ихъ,—ихъ называютъ дураками, суевѣрами и наконецъ, ежели ихъ существованіе чрезвычайно колетъ въ глаза, чтобы скорбѣ яхъ сбыться, буптовщиками. Сердце царя¹),—какого не имѣли ни Титы, ни Авреліи. Но законы—на бумагѣ; Христосъ будетъ страшнымъ судью въ послѣдний день; царь, говорять простолюдины, далеко; итакъ все это, ежели ничего не значить, по крайней мѣрѣ вовсе недѣйствительно;

¹) Разумѣется императоръ Александръ Павловичъ.—К. Береза.

для доказательства возмѣмъ одинъ духовный санъ. Почему такая-то и такая протопоіія не имѣть протоіеря? Можетъ быть пѣть достойнаго? Совсѣмъ нѣтъ; вѣтъ такого, который бы даль за нее 200 червонцевъ или триста. Почему такой-то приходъ празденъ? Вамъ скажутъ: тамъ сироты или это славный приходъ, нѣту достойнаго человѣка; это въ истинномъ смыслѣ значить, что за такой-то приходъ надобно дать, какъ положено въ тарифѣ или какъ можно выторговать: 50 или 80 или 100 червонцевъ, или уже на него даль задатокъ въ такой-то и въ такой протопоііи или во всѣхъ. Даже въ консисторії нѣтъ положенныхъ законами присутствующихъ и членовъ; а хотя и есть, но это только движущіяся машины. Почему это? Чтобы другое къ своему защищенню не знали закоповъ; чтобы, начиная отъ первого, всѣ протоіересы сказали послѣднюю кровь пещастныхъ бессъ свидѣтелей, или за депты, въ глазахъ цѣлаго свѣта, визвергали въ пропасть гибели ницахъ и сиротъ—безъ малѣшаго наказанія.

II.

Министерство государственныхъ имуществъ и государственные крестьяне.

Правительство, учреждая особое министерство государственныхъ имуществъ, имѣло въ виду высокую благодѣтельную цѣль; но лица, посредствомъ коихъ совершается управление государственными крестьянами могилевской губерніи, далеко не соответствуютъ благимъ намѣреніямъ попечительного правительства.

Экономическое имущество упраздненныхъ фольварковъ: строенія, хлѣбъ, мѣдь, желѣзо и другое материалы едавали припесли какую либо пользу казнѣ; большую частію оно осталось въ рукахъ старшинъ. По этому дѣлу были наряжаемы отъ палаты изслѣдованія; по люди допускались къ показаніямъ только тогда, когда были научены старшинами, что и какъ показывать чиновникамъ.

Люстрація земель производилась люстраторами, землемѣрами, окружными начальниками, ихъ помощниками и старшинами не только не безкорыстно, но очень недобросовѣстно, потому что многие крестьяне лишились лучшихъ угодій, доставшихся людямъ зажиточнымъ и богатымъ; по этой причинѣ вѣтъ почти луч-

иїя церковныя угодія подъ разными предлогами отторгнуты отъ церквей и замѣнены другими менѣе удобными, но надѣль и сихъ угодій по сію пору не приведенъ къ окончанію.

Всѣ запасныя земли пахатныя и сѣнокосныя не только не раздѣляются, какъ слѣдуетъ, на крестьянъ, но сдѣлались единствено достояніемъ старшинъ, кои по своему выбору лашутъ и косятъ ихъ казенными-же крестьянами въ свою пользу. Не можетъ статься, чтобы близайшее начальство, окружные и ихъ помощники всего этого не знали и не видѣли.

Деньги на общественные повинности старшинамъ взыскиваются по произволу несравненно болѣе; по взыскивается крестьянамъ въ книжки только то количество, сколько слѣдуетъ. На приходскія повинности взимается съ дома по 1 р. 50 к., что составить по количеству приходскихъ домовъ отъ 200 до 600 рублей серебромъ, тогда какъ расходы по этому предмету не превышаютъ въ каждомъ приходѣ 130 рублей серебромъ, а тамъ, гдѣ устроены помѣщенія, приходская повинность обходится вдвое менѣе. Гдѣ-же путь помѣщеній для церковнаго причта и нанимаются ония у жителей, сельскія управлія делегъ за нихъ хозяевамъ не уплачиваются, оттого никто не желаетъ держать у себя причетниковъ на квартирахъ.

На развитіе между крестьянами земледѣлія не обращается должнаго вниманія. Крестьяне безъ крайней нужды увольняются въ отдаленныя губерніи, а болѣе въ Москву; для заработка ходятъ туда цѣлыми семействами,—оставляя свои дома и поля, послѣднія—въ пользу зажиточныхъ крестьянъ, отчего иѣкоторая часть крестьянъ несоразмѣрно богатѣеть, а большая бѣднѣеть. Что ожидаетъ сихъ скитальцевъ подъ старость, когда у нихъ не достанетъ силъ ходить на заработки и не будетъ средствъ къ пропитанію? Паспорты на отлучку крестьянамъ стоятъ очень дорого. Нужно заплатить старшинѣ и сельскому писарю, такъ что паспортъ обходится отъ 10-ти до 20-ти рублей серебромъ, а между тѣмъ выработанныя дельги, хотя и присыпаются старшинамъ на повинности, въ записяхъ не показываются; въ книгахъ видна одна только недоимка, которая разлагается на тѣхъ крестьянъ, кои на лицо состоятъ, и съ нихъ взыскивается строгими мѣрами.

Старшины наказываютъ крестьянъ жестоко подъ видомъ приговоровъ; тѣлесныя наказанія невыносимы, отчего крестьяне тре-

шепчутъ предъ старшинами и при малѣйшемъ ихъ требованіи, оставляя всѣ свои занятія, бѣгутъ къ вимъ на работу. Горецкій старшина Автономъ Андреевъ далъ розгами до 300 ударовъ крестьянину деревни Задорожья, брату старости того-же управленія, за напоминаніе, что онъ—старшина удержалъ у себя 10 рублей, присужденныхъ ему на выставкѣ, что взялъ у него безплатно новую избу и не платитъ одолженныхъ 25 рублей серебромъ.

Рекрутская повинность также не отрада для бѣдныхъ крестьянъ. Сперва забираются и состоящіе и несостоящіе на очереди дѣти сажиточныхъ крестьянъ, кои, не бывъ донесены къ жеребью, откушаются родителями у помощниковъ и старшинъ дорогою цѣною, хотя въ слѣдующій наборъ тоже посыпаются къ этой новинности. Выскиваемыя съ крестьянъ на отдачу рекрутъ деньги издерживаются по произволу помощниковъ и старшинъ, безъ отдачи потомъ обществу отчета въ расходахъ.

Оружные начальники и ихъ помощники, а также и старшины обращаются съ приходскими священниками дерзко, надменно, дѣлаютъ имъ всякаго рода притѣсненія, что видя крестьяне не оказывають должного уваженія и почтенія своимъ духовнымъ отцамъ, отчего отношенія и связи между тѣми и другими видимо слабѣютъ,—и такимъ образомъ процессъ нравственного и религіознаго образования крестьянъ совершается медленно.

III.

Латинопольская пропаганда.

Въ могилевской и прилежащихъ ей областяхъ пропаганда латинизма скрыто, но настойчиво дѣйствуетъ ко вреду православію. Признаками такихъ ся дѣйствій должно почесть: всемѣрное устраненіе ксендзовъ и вообще послѣдователей латинизма отъ общенія съ православными, особенно со священниками, что въ прежніе годы не такъ было примѣтно; общіе отказы ксендзовъ въ выдачѣ свидѣтельствъ желающимъ жениться на православныхъ о лѣтахъ ихъ для представленія православнымъ священникамъ; отказы помощниковъ въ удовлетвореніи пропшеніямъ священниковъ по самымъ во-плюющимъ пуждамъ и презрительное съ ними обращеніе; часто со-

вершаемыя ксендзами, стекающимися во множествѣ съ помѣщиками поочередно въ разные костелы, такъ называемыя сорокачасовыя богослуженія (czterydzieste godzinne), на которыхъ ксендзы произносятъ молитвы, какія имъ угодно, проповѣди; наконецъ вновь появляющіяся совращенія православныхъ. Противодѣйствіе такимъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, особенно обращеніе на путь истины совращенныхъ посредствомъ обыкновенныхъ способовъ съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и предписаній мѣстныхъ священникамъ вразумлять заблудшихъ, требованіемъ ихъ въ консисторію и т. п. не только безнадѣло, но даже составляетъ торжество латинства: потому что въ губернскихъ управлѣніяхъ, въ уголовныхъ цалатахъ и въ судахъ почти всѣ присутствующіе, члены и писцы латинского вѣроисповѣданія. Совратившіяся жертвы латинского фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже встрѣча съ православными священниками, аувѣщанія совратившихъ, чипимыя въ консисторіяхъ, вообще бесплодны: потому что для доведенія совратившихъ къ пересмѣши превратного образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двоихъ или троихъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени вынуждены пытаться и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счетъ, и посему считаются такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру.

Соображая дѣйствія латинской пропаганды съ мѣстными обстоятельствами, полагало, что противодѣйствіемъ ей могло бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ храпящихъ въ губернскихъ архивахъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена въ здѣшнихъ областяхъ православія латинскимъ фанатизмомъ и униатами, документовъ подобныхъ тѣмъ, какіе въ истекшемъ году были печатаемы въ прибавленіяхъ къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Такіе исторические памятники, будучи драгоценными открытиями для церковной и отечественной истории, могли бы охлаждать жаръ фанатизма чомѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и голыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія. Прибавленія къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ въ

этомъ отношениі столь драгоценны, что заслуживали-бы даже распространенія во всѣхъ западныхъ губерніяхъ. Ибо если теперь и въ Россіи и вѣдь предъловъ ся печатаются лживые памфлеты и брошюры, составляются пасквили съ цѣллю очернить духовенство русской церкви: то изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь претерпѣла въ западныхъ губерніяхъ гоненій отъ людей давно сопѣдшихъ съ позорища міра,—не оскорбляя современныхъ, доказывало-бы хотя косвенно, что и пасквили на счетъ отечественной церкви, издаваемыя въ настоящее время, проистекаютъ отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущими гибели отечества и православной церкви. Но, къ прискорбію, редактора Витебскихъ Вѣдомостей всѣми мѣрами преслѣдуютъ теперь ксендзы, фапатики помѣщники и даже собственное его начальство, которое, по дошедшемъ до меня слухамъ,—не смотря на то, что само въ истекшемъ году рекомендовало Говорскаго¹⁾), какъ чиновника вполнѣ заслуживающаго награду, которую и получиль онъ въ началѣ текущаго года,—чтобы не допустить Говорскаго къ должности архиваріуса центральнаго архива витебской и могилевской епархій, сочинило новый формуларный списокъ, въ которомъ очернило поведеніе Говорскаго самымъ язвительнымъ образомъ. Поэтому для всякаго теперь въ Витебскѣ очевидно, что краги отечественной церкви всѣми мѣрами гонятъ Говорскаго, всеусыльно стараясь, чтобы, очи ни въ какомъ вѣдомствѣ не получиль места, а особенно, чтобы онъ не могъ быть хранителемъ архива, заключающаго въ себѣ неисчерпаемый источникъ для исторіи Бѣлоруссіи, и нельзя не опасаться за цѣлость того архива, такъ какъ распаленные фапатизмомъ изувѣры готовы повредить, уничтожить самые важные документы, лишь-бы не осталось слѣдовъ ихъ происхожденія отъ предковъ православнаго вѣроисповѣданія.

Принимая, сверхъ того, во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и одподворцы, сократившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе-ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, буд-

¹⁾ К. Говорскій извѣстенъ, какъ редакторъ-издатель журнала, подъ названіемъ «Вѣстник юго-западной и западной Россіи» падававшагося въ Кіевѣ въ шестидесятыхъ годахъ и продолжавшагося въ Вильнѣ, съ выброскою въ названіи слова: юго-западной.—К. Береза.

то они поляки, что современная польская литература въ историческихъ статьяхъ, въ журналахъ, газетахъ и національныхъ повѣсткахъ, съ напряженнымъ усиліемъ, то прямо, то косвенно, старается доказывать, провозглашать, внушать, будто зачадныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска, что помѣщики и образованійніе жители сихъ губерній съ фанатическимъ увлечениемъ стали заниматься польскою литературою, что безъ всякой нужды исходатайствовали они преподаваніе польского языка въ гимназіяхъ, что въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Могилевѣ во время дворянскихъ выборовъ ходила по рукамъ здѣшнихъ дворянъ прокламація извѣстнаго князя Чарторыйскаго, проживающаго за границей, убѣждающая помѣщиковъ дать крестьянамъ своимъ полную свободу, что въ помѣщичіихъ имѣніяхъ поляки—прикащики и ксендзы пользуются всякимъ случаемъ внушать крестьянамъ, будто они принадлежать Польшѣ, будто во время польского владычества поселяне блаженствовали: нельзя не видѣть, что поляки здѣшнихъ областей не оставляютъ заѣтной своей мечты о возстановленіи Польши и желалія при случаѣ вліяніемъ па пародъ произвесть гибельные перевороты. Въ противоположность такимъ затѣямъ крайне необходимо въ поселенійніхъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе введеніо было бы изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. Поэтому пѣть никакой подобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова-бы она ни была, лишь-бы краткая, хотя-бы такая, какая еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кievской гимназіи, сочиненная учителемъ той гимназіи Берлинскимъ. Воплощающая потребность состоить въ томъ, чтобы глубоко пасадить въ умъ и сердцѣ поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ порабощенія сословиемъ людей, чуждыхъ православной церкви.

Май 27 дни, 1859 г.

IV.

Еврейский вопросъ.

Въ западныхъ областяхъ Россіи есть миллионы потомковъ древнаго еврейскаго народа, упорно не признающаго исполненія данныхъ его родоначальникамъ обѣтованій Божіихъ о спасеніи чрезъ Іисуса Христа человѣческаго рода. Въ религіозномъ отношеніи умственное омраченіе евреевъ самыми нелѣбными баснями талмудовъ и чудовищными вымыслами разныхъ писателей, поработившись безчисленными, ильмообрядовыми предписаніями раввинизма, коми каждый еврей обремененъ будто тяжкими оковами до того, что не только употребленіе чувственныхъ орудій, но даже всѣ движения его одеты, скованы,—не могутъ не возбуждать въ душѣ размышаляющаго ревностнаго желанія привести ослѣпленный этотъ пародъ ко свѣту вѣчной истины. Тѣмъ вожделѣніе для христіанина обращеніе евреевъ къ Богу отсечь ихъ, что евреи, напитанные изъ дѣлства изувѣрскими внушеніями талмудистовъ и посему дыша скрытою непримиримою противъ христіанства непастию, всѣми мѣрами стараются постоянно дѣйствовать къ подрыву благосостоянія христіанъ всѣхъ сословій, особенно землемѣльскаго и мѣщанскаго состояній. Къ достижению сей цѣли изъ дѣлства направлена и со всею напряженностью устремлена дѣятельность каждого, по видимому празднаго еврея, а раввинскимъ учепіемъ не только разрѣшаются, но даже освящаются всѣ роды обмановъ, плутовства, клятвопреступлѣнія, даже воровства и убийства, съ единственнымъ условіемъ, чтобы сіи беззаконія совершились во мракѣ глубочайшей скрытности, а слѣды виновныхъ преступленій изглаживаемы были всѣми средствами.

Благодареніе Богу, съ некотораго времени примѣтно въ еврейскихъ обществахъ броженіе мнѣній, по видимому благопріятныхъ для христіанства; кажется даже, что, по предсказанію пророка, духъ умиленія повѣялъ на сердца ихъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ прежнія времена, начали евреи изъявлять желаніе просвѣтиться св. крещеніемъ. Но къ прискорбию, для озаренія ихъ свѣтомъ христіанского ученія, для убѣжденія въ истинахъ вѣры, къ обновленію духа и сердца ихъ евангельскими правилами для жизни, неѣтъ никакихъ способій, приспособленыхъ къ понятію евреевъ, если принять въ

соображение, что они говорять искаженнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсью словъ областныхъ, русскихъ, литовскихъ, польскихъ, тогда какъ для сообщенія понятія о высокихъ таинствахъ христіанскаго ученія на всѣхъ языкахъ употребляются слововыраженія обдуманныя, освященная для сей цѣли церковною властію. Отъ этого происходитъ, что въ собесѣданіяхъ съ евреями о предметахъ вѣроученія христіанскаго всякое доказательство теряетъ свою силу, а принявшіе изъ евреевъ св. крещеніе остаются съ предзапятыми изъ дѣтства мнѣніями, не имѣющими твердой нравственной опоры для христіанской дѣятельности, совращаются на путь порока, становятся предметомъ презрѣнія и подвергаются христіанское вѣроученіе порицанію прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Изъ сего видно, сколь необходимо изданіе католическихъ книжечекъ, въ которыхъ было бы изложено на общепотребительномъ у евреевъ языкѣ ученіе объ истинахъ христіанской вѣры и дѣятельности, направленное къ опроверженію ихъ предубѣждений, приблизительно къ понятію евреевъ. Книжечки такого содержанія не только бы ли-бы полезны къ убѣждению въ истинѣ христіанского вѣроученія евреевъ, изъявляющихъ желаніе возродиться св. крещеніемъ; но много содѣйствовали-бы приведенію къ свѣту истины и тѣхъ евреевъ, которые теперь обѣ этомъ не думаютъ.

При составленіи книжечекъ такого рода требуется имѣть въ виду, что по религіознымъ понятіямъ евреи раздѣляются, какъ сами сознаются, преимущественно на двѣ секты: *миннагимъ* и *хассидимъ*; что предубѣжденія противъ христіанства обѣихъ сихъ сектъ главнымъ образомъ основываются на басняхъ и превратныхъ толкова-піяхъ св. писания, вѣщаемыхъ изъ дѣтства евреямъ талмудическими и каббалистическими книгами. Евреи секты *миннагимъ* слѣдуютъ преимущественно ученію *Мишны* и двоихъ *Талмудовъ*, а увлеченные въ злую sectу *хассидимъ* погружены сверхъ того въ тонкости *Каббалы*. Есть еще между евреями родъ новой секты, проявившейся въ недавнія времена. Ее составляютъ образованѣйше изъ секты *миннагимъ*, которые, по торговымъ связямъ съ Германіею, ознакомились немнogo съ идеями германской философіи, имѣвъ случай читать творенія своего Менделѣсона и другихъ подобныхъ писателей, приобрѣли чистый понятія естественнаго богоизначенія и усумнились въ чистотѣ талмудического ученія; но виали въ другую

крайность: научились посредствомъ филологическихъ попытокъ германскихъ филологовъ паязывать священному тексту смыслъ произвольный, ссылаясь па различныя чтенія однихъ и тѣхъ-же мѣсть св. писанія и затмѣвать свѣть истины діалектическими тонкостями. Это деисты и даже патуралисты, только по наружности, ради связей съ другими сиречами, придерживающіеся талмудическихъ обрядовъ. Обращеніе такого рода евреевъ къ истинной вѣрѣ чрезвычайно трудно, почти безнадежно. Посему надобно ихъ оставить до времени. Но на массы евреевъ изъ секты *миннагима* при пособіяхъ, коихъ необходимость усматривается изъ размысленія о довѣрїи ихъ къ древнимъ своимъ писателямъ, можно-бы, при содѣйствіи благодати Божіей, дѣйствовать съ успѣхомъ. Итакъ:

1. Имѣя въ виду, что всѣ классической мѣста Ветхаго Завѣта, прилагаемыя по учению христіанскихъ богослововъ къ Іисусу Христу, самими талмудистами и древними раввинами относятся къ Мессіи, необходима книжечка, составленная на удобопонятномъ для евреевъ языкѣ, съ изложеніемъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, коими пришествіе Его издревле было обѣщано, время пришествія Его предсказали, даже предъказаны были признаки, по которымъ слѣдуетъ признать за Мессію Іисуса Христа. Въ такой книжечкѣ требуется, чтобы за каждымъ такого содержанія текстомъ священнаго писанія слѣдовало согласное съ христіанскимъ ученiemъ изложеніе текста каким-нибудь раввинскимъ писателемъ о Мессіи, а въ заключеніе книжечки историческія доказательства, что всѣ такія пророчества исполнились на Іисусѣ Христѣ. Пособій къ составленію такой книжечки много у разныхъ христіанскихъ писателей. Такого рода указанія напримѣръ въ книгѣ: *Compendium dogmatum christiano-catholicorum systematicum; auctor T. W. Goldwitz.* И изъ крещеныхъ евреевъ многимъ известны многія подобныя толкованія известныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта. Посему собрать требуемыя толкованія и составить предполагаемую книжечку было-бы весьма удобно.

2. Евреи всю надежду свою на оправданіе предъ правосудіемъ Божіимъ полагаютъ въ исполненіи обрядовъ, частію предписаніямъ Моисеемъ, а болѣгію частію возложенныхъ на нихъ легкотѣрпіе раввинскими писателями. Въ противоположность такому заблужденію требуется издание книжечки, въ которой были-бы изложены доказательства: а) что самъ Моисей (Втор. 27, 14—26) и другіе

священные писатели Ветхаго Завѣта (Псал. 23 и т. п.) выше всего ставили и почти исключительно внушиали древнимъ израильтянамъ исполненіе нравственнаго закона; б) что пророки ничѣмъ считали обрядовый законъ безъ исполненія нравственнаго закона (Исаія 1, 11; Исал. 49, 8—15); с) что устами пророковъ Богъ обѣщалъ даровать израильтянамъ Новый Завѣтъ, противоположный завѣту Моисееву (Іерем. 31, 31—34); д) что учрежденія обрядового Моисеева закона, какъ даннаго на время, заключаютъ въ себѣ предписанія гигіены и гражданскіе законы, приспособленные къ климату и мѣстности Палестины, неумѣстные въ другихъ климатахъ и странахъ свѣта (Левит. 11, 6. 7. Левит. 22, 1); е) что Моисей строжайше запре-тиль дѣлать малѣйшія прибавленія къ своему закону (Втор. 4, 2; 12, 32) и что стѣдовательно раввинскія предписанія составляютъ бремя лишеніе, бесполезное, противное волѣ Божіей.

Замѣчательно, что послѣднее доказательство весьма сильно дѣйствуетъ на убѣжденіе евреевъ. Они сознаются, что извѣстнаго рода птицъ и животныхъ, по закону Моисееву, можно было бы имъ употреблять въ пищу, хотя бы животныя были хромыя или имѣли какой-либо другой порокъ на тѣлѣ; что такихъ животныхъ запре-щается только приносить въ жертву Господу; что предписанія тал-мудовъ, требующія, чтобы ни одинъ еврей не дерзаль самъ собою закалать въ пищу ни птицъ, ни животныхъ, а приглашалъ для сего людей особеннаго класса, жрецовъ-мясниковъ, которые за свое искусство берутъ немомѣрную плату,—чрезвычайно отаготительны, особенно для бѣдныхъ.

Въ семъ отношеніи брошюры извѣстнаго прозелита *Темкина* удивительно приспособлены къ духу еврейскаго народа; но къ со-жалѣнію предосудительный образъ жизни Темкина отвращаетъ евреевъ отъ чтенія его сочиненій. Переведенный имъ сокращенный катехизисъ съ молитвами принесъ-бы чрезвычайную пользу; но при напечатаніи его вкрадлись важныя ошибки, по которымъ запрещено самое изданіе. Вообще евреи говорятъ, что сочиненія *Темкина* могли-бы многихъ изъ нихъ поколебать въ вѣрѣ отеческой, т. е. обратить къ христіанской, если-бы въ заглавіи тѣхъ сочиненій не было выставлено имя и прозваніе *Темкина*, или-бы вместо сего былъ поставленъ псевдонимъ.

3. Въ частности по отношенію къ евреямъ секты *хассидимъ*, погруженнымъ въ тонкости каббалы, полезно было-бы издание книжечки, содержащей въ себѣ: а) каббалистические выводы, благоприятствующіе христіанскому учению, неизвѣстно кѣмъ, христіанами или евреями, придуманные. Таково напримѣръ изъясненіе текста: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*,—изъясненіе, по которому въ самомъ словѣ *бара*—*соторорилъ* усматриваются начальныя еврейскія буквы трехъ лицъ Святой Троицы; б) собрание еврейскихъ афоризмовъ подобнаго-же содержанія. Такой напримѣръ афоризмъ въ еврейскомъ лексиконѣ *Буксторфія*: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ. Святый—три во единомъ и единъ въ трехъ. в) Нишу-щему сіе доводилось слышать отъ евреевъ, будто каббала заключаетъ въ себѣ истины Ветхаго Завѣта, изложенные *a posteriori* подъ формою числительной, и будто въ заключеніи каббалы есть столь трудная для разрѣшенія теоремы, что силающійся разрѣшить ихъ или съ ума снятить, или сдѣлается христіаниномъ, такъ какъ искомое по тѣмъ теоремамъ *x* будетъ неизбѣжное заключеніе, что безъ удовлетворенія вѣчному правосудію Божію мучительною смертію Богочеловѣка весь родъ человѣческий подвергнется вѣчному осужденію.

Если дѣйствительно въ каббалѣ есть такія теоремы: то весьма полезно было-бы издание ихъ совмѣстно съ ихъ рѣшениемъ.

Дѣйствуя на убѣждение евреевъ просвѣщеніемъ ума и сердца ихъ, съ болѣшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать въ освобожденію ихъ отъ порабощенія безчисленнымъ позѣшимъ предразсудкамъ, къ сближенію съ христіанами и обращенію ихъ въ полезныхъ гражданъ и *смильшиними* средствами.

1. Благодареніе Богу, къ достиженію столь благотворной цѣли правительствомъ начало положено. Постановленіе, заставляющее ихъ перенѣнить свой костюмъ мужской и женской, если-бы только приведено было въ исполненіе повсемѣстно, произвѣло-бы и производить уже и въ образѣ ихъ мыслей большую перенѣнку, потому что прежнюю ихъ одежду можно назвать оковами сусѣвѣра, такъ какъ весь костюмъ евреевъ, отъ башмака до ермолки, предписанъ будто имъ раввинами.

2. Несравненно большее имѣло-бы на евреевъ нравственное вліяніе строжайшее запрещеніе всякихъ ярмарокъ и торговъ по воскресеньямъ и въ праздничные дни христіанскіе: потому что евре-

евъ, особенно религіозныхъ, преимущественно и почти исключительно соблазнясть мысль, будто у христіанъ нѣть временъ, посвященныхъ Богу, а если и есть, то будто христіане ничымъ считаются столь священную обязанность и что слѣдовательно христіаце нечестивые, безбожники.

3. Для склоненія евреевъ къ обращенію въ христіанство въ рукахъ правительства есть еще косвенное, но весьма сильное средство. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ западныхъ русскихъ губерніяхъ па еврейскихъ обществахъ накопились чрезвычайныя недоимки казенныхъ податей и другихъ разныхъ сборовъ, а на иѣкоторыхъ числится и частные долги. Присутственныя мѣста загромождены безконечною, тягостѣйшую перепискою о взысканіи тѣхъ недоимокъ и долговъ, между тѣмъ какъ евреи постоянно отказываются отъ платежа ихъ, выставляя свою бѣдность и разорительное состояніе, въ ожиданіи Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, коими обыкновенно прощаются народу значительныя недоимочныя суммы.

Дѣйствительно, несмотря на то, что изъ здѣшнихъ губерніяхъ всѣ торговые обороты, а потому и капиталы, состоятъ въ рукахъ еврейскихъ, бѣдность многихъ евреевъ ужасна до невѣроятности. Сія-то бѣдность, а частію общее слабосиліе ихъ тѣлосложенія и непривычка къ трудамъ заставляетъ бѣднѣйшихъ евреевъ провождать жизнь праздную, бродячую, снискивать пропитаніе для себя и своихъ семействъ мелочпою продажею по шинкамъ водки, жить плутовствомъ и обманомъ простолюдиновъ, побуждая сихъ послѣднихъ ко всякаго рода преступленіямъ, отъ коихъ хотя бѣдные евреи извлекаютъ иѣкоторую корысть, умѣя при судебномъ преслѣдованіи уклониться отъ обвиненія, при всемъ томъ, оставаясь въ бѣдности, такіе евреи рѣшительно не въ состояніи платить податей и становятся несносною тягостію для своихъ общинъ, а для гражданъ другихъ вѣроисповѣданій страшною правственною язвою.

Къ прекращенію сего зла и облегченію присутственныхъ мѣстъ отъ бесплодной тягостной переписки полезно было бы, приведя въ точную извѣстность, сколько па какой общинѣ евреевъ числится казенной недоимки и другихъ сборовъ, также частныхъ правильныхъ долговъ, велѣть тѣмъ общинамъ немедленно, въ опредѣленный срокъ, или уплатить недоимки и долги деньгами, или, считая рекрута по указанной дѣнѣ, поставить соответственное причитающе-

муся на нихъ количеству недоимокъ и долговъ число рекрутовъ, предоставивъ въ семъ случаѣ старшинамъ общинъ руководствоваться не очердью, а сдавать по собственному усмотрѣнію въ рекруты такихъ евреевъ, которыхъ общины признаютъ таистными для себя по ихъ крайней несостоятельности, лишьбы по правиламъ рекрутскаго приема оказывались годными нести военную службу.

Кроиѣ уплаты казенныхъ недоимокъ и облегченія присутственныхъ мѣстъ отъ безуспѣши по пимъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленія нагубнаго влиянія евреевъ на нравственность другихъ вѣровѣданій, такая мѣра безъ всякаго сомнѣнія принесла бы и ту пользу, что многіе, совершенно праздные, и отъ того бѣдныи евреи, бывъ стѣснены необходимостью уплатить недоимки или неизбѣжностью поступить въ военную службу, для избѣженія сего принимали бы св. крещеніе, а остальные вынуждены были бы уплачивать государственные подати въ положенные закономъ сроки.

При исполненіи этой мѣры цолезно было бы въ начальѣ, дія возбужденія въ евреяхъ охоты къ принятію св. крещенія, всякаго еврея, взятаго для сдачи въ рекруты, прежде введенія въ рекрутское присутствіе сирашивать, не желастъ ли онъ приять христіанское благочестіе, и изъявившихъ тотчасъ препровождать къ духовному начальству для изученія истинамъ христіанскаго вѣроученія и молитвамъ Господнимъ; а на мѣсто такого еврея, не считая его рекрутомъ, требовать другого.

По истинная ревность обѣзареніи евреевъ свѣтомъ истинной вѣры побуждаетъ предварительно обмыслить будущее пристанище крещающихся, способы къ ихъ пропитанію и къ утвержденію ихъ въ трудолюбіи, соотвѣтственномъ христіанской дѣятельности.

Къ прискорбію, до сего времени принятие св. крещеніе евреи, съ весьма рѣдкими исключеніями, ни мало не стараются исполнять обѣты, данные ими при святомъ крещеніи, и большую частію провождаютъ жизнь растѣнную, порочную. Но нельзя вилить ихъ въ этомъ отношеніи, потому что такъ много преткновеній, совращающихъ ихъ на путь порока, что едва-ли-бы кто изъ нихъ мѣстъ устоялъ противъ искушений, которыя почти на всакомъ шагу встрѣчаются евреевъ послѣ св. крещенія. Обращаясь въ христіанство, евреи оставляютъ свои общины, свое племя, своихъ родныхъ; переходить въ общество совершившо имъ чуждое, въ которомъ, не падающъ

найти родныхъ, не находить ни друзей, ни покровителей, потому что въ христіанахъ охладѣла любовь до того, что для воспріятія отъ св. купели еврея или еврейки чрезвычайно трудно упросить кого-либо принять на себя хотя одно названіе ихъ воспріемниковъ. Послѣ крещенія евреи естественно не безъ грусти видѣть, сознаетъ себя совершенно одинокимъ въ мірѣ и можетъ сравнить себя съ вѣтвью, отторгнутую отъ родного дерева, но едва приштою къ другому, безъ надзора, безъ попечительской руки, старающейся, чтобы прививокъ питался сокомъ дерева, къ которому привязъ. Безъ привычки къ трудамъ, едва умѣя чѣмъ-нибудь заниматься, побуждаемый голодомъ и другими нуждами, онъ обращается къ христіанамъ съ просьбою дать ему пріютъ ради насущнаго хлѣба, въ скорости теряетъ място новаго своего пристанища и проводитъ жизнъ скитацкую, безпріютную. Этого только и ожидаютъ ревнующіе по своей вѣрѣ прежніе его единовѣрцы и, разставивъ сѣти своихъ козней, доводятъ новокрещенаго до неизбѣжной лагубы: то подбросивъ ему краденныя вещи, то прямо увлекши его въ беззаконіе, предаютъ его въ руки правосудія, или, обладая адскою тайною произвести въ комъ-бы-то ни было неисцѣльный запой¹⁾, обращаютъ христившагося еврея въ отъявленнаго пьяницу, предаютъ его всеобщему позору, указывая на его пороки и пьянство христіанамъ, а преимущественно своимъ дѣтямъ, какъ на слѣдствіе принятія имъ христіанства. Стократъ бѣдственнѣе еще участъ привившихъ христіанство евреекъ. Немощная по своему полу, слабосильная по своей породѣ, не обученная никакому руководству, кроме вязанія чулковъ, а по кухнѣ—стряпанью лапши, гутеля и щуки, горячія по своему темпераменту, они въ самое непродолжительное время послѣ св. крещенія, почти всѣ безъ изъятія предаются, какъ единственному способу къ пропитанію, самому гнусному, безстыдному разврату²⁾. Такимъ образомъ большая часть христившихся евреевъ

1) Тайна или секретъ состоять въ сажающей: въ старинѣ бочкахъ, въ которыхъ долго хранилось хлѣбное вино, заводится на исподѣ неизбѣжная для неооруженнаго микроскопомъ взглядъ инфузоріи. Если дать кому-либо выпить вино съ тѣми инфузоріями: то онъ, постоянно требуя водки, какъ своей стаіи, будуть производить во внутренности поглощеннаго имъ неутолимую жажду хлѣбного вина.

2) Чока евреица пребываютъ въ еврейстѣ, дотолѣ они безошибки отъ разврата: виречь отъ него спасеть ихъ теперь не заповѣдь Божія, а нападающіе

становятся, по выражению Спасителя, сыпами гесины вдвое хуже, чѣмъ были до крещенія.

Достойно вниманія и замѣчаніе самихъ евреевъ на счетъ принимающихъ изъ числа ихъ св. крещеніе. »Вы«, говорятъ христіанамъ евреи, »крестите ихъ; во скажите: многихъ-ли изъ крещаемыхъ вами хороните? Покажите хотя одну могилу крещенаго еврея!« Отвѣтъ на подобный вопросъ искренно было-бы трудно. Есть известные примѣры совращенія въ іудейство крестившихся евреевъ; могутъ быть многіе такие примѣры неизвѣстными. Это предположеніе становится весьма вѣроятнымъ при соображеніи, что многіе изъ евреевъ, принявшихъ христіанство, получивъ опредѣленное за-кононъ на первоначальное обзаведеніе количество денегъ, уходятъ съ мѣста прежняго своего жительства и неизвѣстно гдѣ скрываются. Даже посятся обѣ нихъ слухи, и кажется достовѣрные, что многіе изъ крестившихся, выдавая себя въ другихъ городахъ снова за евреевъ, просить въ другой и третій разъ крещенія единственно для полу-ченія денежной награды.

Такія соображенія убѣждаютъ въ необходимости обдумать средства не только къ живому убѣженію принимающихъ св. крещеніе евреевъ въ истинѣ христіапскаго вѣроученія, къ направлению ихъ дѣятельности сообразно съ правилами евангельскими, къ содѣ-ланію ихъ полезными членами общества, но и къ обезщеченію ихъ содержанія и избранію постоянного рода жизни. Въ послѣднемъ отношеніи требуемыя средства, по мѣрѣ способовъ, могутъ быть многоразличны. Ближайшими представляются слѣдующія:

1. Всѣхъ евреевъ, принявшихъ христіанство, выдавать имъ изъ опредѣленныхъ постановлѣніемъ высшаго начальства 10 рублей се-ребромъ на первоначальное обзаведеніе, немедленно отправлять во внутреннія губернія Россіи. По малому еще количеству крещаемыхъ, они бы могли безъ отягощенія для правительства по одиночкѣ от-правляться въ Россію съ почтальонами, пропровождающими легкія почты. Если-же бы число крещаемыхъ увеличилось: то можно-бы

въ обычай ихъ бѣлательное въ этомъ отношеніи наблюденіе однихъ за другими, ко-торое весьма удобно при настоящемъ ихъ образѣ жизни, по которому въ такомъ дознанії, въ кановозѣ даже бѣлорусский крестьянинъ съ трудомъ поймѣтъ съ своимъ семействомъ, еврейскииъ семейства живеть по нѣсколько.

ихъ отправлять подъ какимъ-либо попечительнымъ надзоромъ, подобно тому, какъ отправляются арестанты по этапамъ.

2. По прибытии во внутренность Россіи немедленно требовать отъ новопросвѣщенныхъ евреевъ избрания рода жизни, и по объявленіи имъ мѣстной полиції объ избраніи рода жизни и пристанища, выдавать имъ остальные двадцать рублей на обзаведеніе.

3. Постановить правиломъ, чтобы избравшему такимъ образомъ родъ жизни и пристанище, принявшему христіанство еврею не выдавать годичныхъ плакатныхъ билетовъ, а выдавать на самое ограниченное время билеты или дозволеніе перейти въ другое опредѣленное мѣсто для избрания рода жизни и пристанища подъ условіемъ, прописаннымъ въ самомъ билетѣ, по прибытии на опредѣленное мѣсто немедленно предъявить билетъ и избираемое имъ пристанище мѣстной полиції.

4. Земскими и градскими полиціями повсемѣстно весть осо-бешій имѧнной списокъ или вѣдомость всѣмъ принявшимъ христіанство евреямъ съ означеніемъ въ пей происхожденія, времени крещенія, переходовъ съ мѣста на мѣсто, поселенія ихъ въ подвѣдомомъ полиціи мѣстѣ, также избранаго ими рода жизни, пристанища и примѣтъ каждого. Съ сю-же цѣллю вмѣшать хозяевамъ временнаго ихъ пристанища въ непремѣнную обязанность немедленно послѣ выхода отъ нихъ или бѣгства крещенныхъ евреевъ, давать знать о томъ мѣстной полиції, которой, учинивъ о томъ отмѣтку въ вышеозначеныхъ вѣдомостяхъ, въ тоже время принять мѣры къ отысканию бѣглца.

5. Вмѣнить въ повсемѣстную обязанность полиціямъ составить имѧнныя вѣдомости всѣмъ принявшимъ доселѣ христіанство евреямъ и, покрѣвъ оныя съ документами, а въ случаѣ надобности по-средствомъ сношеній съ консисторіями тѣхъ губерній, въ коихъ тѣ евреи приняли христіанство, неослабно наблюдать въ отношеніи къ нимъ выше-предполагаемыя правила; а выписки изъ означенныхъ вѣдомостей сообщить мѣстнымъ приходскимъ священникамъ для не-ослабшаго наблюденія постѣднимъ за пеуклоннымъ исповѣданіемъ христіанского вѣроученія принявшими оное евреями.

6. Изъ соображенія, что какъ вообще евреи, такъ и обрата-ющіеся изъ нихъ въ христіанство, по физическому сложенію слабо-сильны, непривычны къ тягостнымъ трудамъ, рѣшительно неспо-

собы къ земледѣлю, и посему вѣй усиїя къ обращенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ земледѣльцевъ всегда останутся тщетными, при избраніи рода жизни привычими крещеніе евреями бесполезно пачаинвать, чтобы они избирали земледѣльческое состояніе. Но они одарены необыкновенною смыслепостію, понятливостію, перенимчивостію, легко изучаются всякаго рода рукодѣліямъ; а привыкнувъ изъ дѣтства довольствоваться самою умѣренною пищею ¹⁾, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи вѣкоторую роскошь только по субботамъ, до того воздержны въ пицѣ, что содержаніе еврея стоитъ вдвое менѣе, нежели христіанина; изъ сего слѣдуетъ, что какъ вообще евреи, такъ и привычное христіанство съ пользою моргибы поступать на фабрики, на заводы, въ мастерскія различныхъ ремесленниковъ. Но имѣя въ виду природную евреевъ раздражительность, горячность и вообще въ высшей степени чувствительность, а отсюда памятозлобіе и мстительность, въ обращеніи съ крестившимися евреями требуется особенная осторожность, списхожденіе къ проступкамъ, проктное вразумленіе, сопровождаемое справедливостію и терпѣніемъ, ясное изложеніе или указаніе способа къ произведенію предмета, предлагаемаго имъ для изученія. Тѣлесная же наказанія дѣлаются ихъ мстительными, памятозлобивыми и доводятъ до окончательной нравственной испорченности. Вообще еслибы въ западныхъ губерніяхъ Россіи побудить или какими-либо средствами заставить евреевъ завести различные фабрики, особенно, по обилію въ тѣхъ губерніяхъ пеньки и льна, фабрики полотняные, устроить ихъ по образцу лучшихъ и постороннихъ фабрикъ, учредить на нихъ строгій порядокъ по нравственной и мануфактурной части: то гораздо вѣрнѣе можно было бы обратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ, нежели усилиями сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ. А между евреями есть такие капиталисты, которые въ состояніи завести фабрики; по торговымъ связямъ съ единовѣрцами

— — —

1) Каждый еврей признаетъ себя догой не заслуживающимъ подкупывать себя пицею, доколѣ чего-либо не заработаетъ, т. е., пока кого-либо изъ христіанъ не обманетъ. Затѣхъ онъ качается на молитвѣ часть п два, наконецъ привыкается за пицѣ, которая ежедневно, кроме субботы, состоять осенью и зимой изъ лука съ небольшимъ ложемъ хѣба и какой-либо позлобки; весной-же и лѣтомъ, крои луку, еврей лакомится еще рѣдкой.

другихъ странъ, они легко могли-бы открыть технические секреты, коими обладаютъ процвѣтающія иностранныя фабрики.

7. Опыты доказываютъ, что употребѣ изъ крестившихся евреевъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и внутри Россіи заводятъ питетные дома и занимаются продажею водки. Это только по имени христіане, ирригавшіе христіанство съ тѣмъ, чтобы подъ его прикрытиемъ заниматься пакутовствомъ прежняго рода жизни. Съ умноженiemъ въ Россіи такихъ продавцевъ водки русскихъ крестьянъ постигаетъ также странная иницета, слабосиліе, безсмысліе, какъ и бѣлорусскихъ: потому что крещенные, занимающіеся продажею водки, евреи изученнымъ ими искусствомъ заманивать въ шинки разовьютъ въ русскихъ крестьянахъ неисцѣльное пристрастіе къ пьянству. Въ предотвращеніе столь пагубныхъ послѣдствій необходимо всемъ броно не допускать вновь принимающихъ крещеніе евреевъ заниматься продажею водки.

Къ прінятію такими евреями христіанства побуждается единственно то, что послѣ крещенія они безпрепятственно могутъ заниматься продажею водки: такъ какъ этотъ родъ жизни обратился въ страсть, овладѣль сердцемъ и душю евреевъ. Изъ сего очевидно, что для перерожденія этого народа, для обращенія евреевъ въ полезныхъ гражданъ требуются законы, воспрещающіе имъ заниматься продажею водки, строгіе, не допускающіе въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія ни для кого, ни для какихъ самыхъ корыстныхъ видовъ, даже государственныхъ: потому что евреи малѣйшему въ семъ отношеніи послабленію законовъ тотчасъ даютъ такой оборотъ, что позволяютъ себѣ торговатъ водкою во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ. Такъ, въ западныхъ русскихъ губерніяхъ дозволено евреямъ—откупщикамъ продавать водку и вкѣ городовъ, цо мѣстечкамъ и селамъ, съ тѣмъ, чтобы продажею водки занимались христіане. Что-же? Въ каждой корчмѣ живеть для виду какой-нибудь шляхтичъ, будто занимающійся продажею водки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ продаетъ водку еврей, постоянно живущій въ той-же корчмѣ. Если проѣзжій спросить его: что ты здѣсь дѣлаешь? еврей отвѣтчаетъ: такъ, заѣхать на минуту для расчета съ шляхтичемъ, продающимъ здѣсь водку.

Вотъ что!

V.

Письмо къ архієпископу Смоленскому Антонію.

Преосвященнійшій Владыко,
Благомилостивійшій Архиєпістолі!

Да воздастъ вамъ прошедшій пебесса Пастыреначальникъ своими щедротами за любовь вашу, побужденіемъ коей ваше святительство начертали писаніе ко мнѣ 16 числа истекшаго ноября! По истинѣ, это писаніе уладило душу мою!

Дождавшись указа, окончательно отрѣшившаго меня отъ могилевской епархіи, я спѣшилъ скорѣе выѣхать изъ Могилева: потому что настала самая дурная погода. При всемъ томъ не могу выразить, сколько я перенесъ горя въ подольской губерніи, путешествуя по черноземной разкидистой дорогѣ.

Но это въ сторону! Обращаюсь къ содержанію почтеппѣйшаго вашего писанія. Я съ болѣзнью сердца предчувствуяль, услышавъ предъ выѣздомъ моимъ изъ Могилева, что въ Смоленскъ опредѣленъ кураторомъ, или приходскимъ цатеромъ, ксендзъ графъ Лубянскій, кажется, по прозванию, іезуитскій ученикъ, дышущій всесо ненавистію противъ нашей церкви, видныи собою, красивый, ловкий мушцина. Его и ксендзъ графа Потоцкаго привозилъ съ собою въ Могилевъ латинскій митрополитъ Збручевскій. Слѣдствіемъ иѣсколько—дневнаго ихъ пребыванія въ Могилевѣ было то, что три православнаго вѣроисповѣданія помѣщичьяго сословія дѣвицы, племянницы гр. Т. открыто совратились. Я писалъ къ нему обѣ этомъ и всуе! Другихъ-же мѣръ не предпринималъ противу этого, потому что, по всѣмъ мѣстнымъ соображеніямъ, другія мѣры доставили-бы только болѣе торжество врагамъ нашей церкви. Теперь съ крайнимъ искорбіемъ вижу, что мое предчувствіе по случаю опредѣленія въ Смоленскъ кураторомъ графа-іезуита оправдалось. Но все это только цѣрточки еще, надобно ожидать сверхъ того самыхъ горькихъ плодовъ, принявъ во вниманіе, что теперь повсемѣстно, гдѣ только есть латинисты, образовались тайныя общества пропаганды, дѣйствующей по католицкимъ обдуманныму плану, съ упорнѣйшою настойчивостію! Эта пропаганда образовалась первоначально во Франції ультрамонтаністами и развилась по всему миру. Кромѣ безчисленныхъ книгъ, она издала

для совращенія женщинъ и дѣвицъ книгу, заключающую въ себѣ мнімыя видѣнія какой-то ясновидящей, которая будто-бы отъ напряженаго размышенія о страданіяхъ Иисуса Христа получила отпечатки язвъ Его на лѣвомъ боку, на головѣ, на ногахъ и рукахъ. Это въ родѣ видѣній или набожлаго бреда латинскихъ святыхъ Бригитты, Екатерины Сеннецкой и проч. А книга написана самымъ обольстительнымъ слогомъ, обильно украшена всѣми цвѣтами поэзіи и фантазіи. Объ этомъ я провѣдалъ также предъ са-мимъ выѣздомъ изъ Могилева!

Такія дѣйствія пропаганды ультрамонтаністовъ въ Россіи, кажется, неотразимы: потому что одни изъ святителей нашей церкви и не думаютъ отражать нападенія, другіе связаны по рукамъ и ногамъ. Возьмите 1 часть XI тома свода законовъ Россійской импера-ріи, въ которой 1857 года напечатанъ уставъ духовныхъ дѣлъ испо-стригихъ исповѣданій, и ваше высокопреосвященство убѣдитесь, что духовенство латинской церкви поставлено выше всѣхъ, что дѣй-ствія духовныхъ патеровъ протестантскихъ, реформатскихъ, даже татарскихъ муллъ стократъ свободнѣе, нежели ваши. Они всѣ дѣй-ствуютъ въ пользу своего вѣроисповѣданія съ полною свободою, какъ имъ угодно, по своему усмотрѣнію, никому не докладываясь. Ваше высокопреосвященство вынуждены напередъ обо всѣхъ важ-нѣйшихъ предпріятіяхъ представлять св. синоду; гдѣ часто и не дадутъ хода вашему представленію, а если доложатъ объ немъ при-сутствію, то будутъ разсуждать безъ конца о вашихъ предполо-женіяхъ; покуситесь сдѣлать что-либо, выходящее изъ заведенной рутинѣ, а узнаютъ объ этомъ въ Петербургѣ, такъ станутъ требо-вать столько объясненій, что вмѣстѣ съ ними опротивѣтъ вамъ Ваша ревность. Да каково самое опредѣленіе святителей нашей церкви на епархії? Напишутъ указы Его Императорскаго Вели-чества объ опредѣленіи такого-то архіерея на такую-то епархію и возношеніи имени на екстеніяхъ до указа о новомъ архіереѣ. Все указы да указы. Вашему напримѣръ преосвященству подала про-шеніе какая-нибудь попомарша о томъ, что такой-то дьячекъ при-былъ ее. Вы сдаете прощеніе въ консисторію, консисторія пишетъ объ этомъ указъ Его Императорскаго Величества; какой-нибудь благочинный, представляя отчетъ о свѣтломъ доходѣ, ошибаясь въ счету одной копѣйкой, консисторія требуетъ отъ него объясненія

указомъ Его Императорскаго Величества. Не профанируется ли этимъ Высочайшее имя? Ахъ, больно слушать, какъ падъ такою формою насмѣхаются иновѣрцы, да и вообще либеральные свѣтскіе люди. Въ старину и въ нашей церкви.....¹⁾). Не очевидно ли изъ всего этого, что дѣйствовать къ обращенію въ иѣдра церкви сократившихся тоже, что гоняться за вѣтромъ! Въ частности обыкновенныя наши средства къ вразумлению раскольниковъ безуспешны преимущественно потому, что епархиальная начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это падо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства.

Но я восхищаюсь ревностию дѣятельностию вашего преосвященства; да укрѣпитъ Господь ваши силы и да сподобитъ васъ дѣйствовать во славу Своего имени еще хоть шестьдесятъ лѣтъ! Дѣйствовалъ и я когда-то; могу сказать съ Цацерономъ: *sedebamus in puppi et clavem tenetebamus!* Да только то горе, что руки вяжутъ. И мнѣ пришло было на мысль, что учрежденіе въ церквяхъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій обѣ обращеній ихъ въ иѣдра церкви послужило бы утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Мысль эта возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссионерамъ латинской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссионерамъ правила ежедневно совершать миссю съ инструкціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣриныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Всѣдѣствіе сего я написалъ къ б. ректору петербургской академіи пр. Макарію (впослѣдствіи митрополиту м.), что полезно было бы написать ектеніи и вообще составить молебствіе, похоже на то, какое было употребляемо во время хозяй, для возглашенія молебій обѣ обращеній въ иѣдра церкви раскольниковъ. Пр. Макарій доложилъ обѣ этомъ пр. митрополиту патеръ, блаженнай памяти Григорію и оба вполне одобрили мое предположеніе. Всѣдѣ за тѣмъ я съ жаромъ припался за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, так-

¹⁾) Въ этомъ мѣстѣ перерывъ въ пасынѣ: часть письма потеряна.—К. Береза.

же прокимны и причастень, и все это представилъ св. синоду. Что же? Рукопись мою схватили, говорятъ, святѣшній Сербновичъ¹⁾ и проглотили. Семь лѣтъ назадъ минскій преосвященный Михаилъ представилъ св. синоду, что полезно было бы издать краткія молитвы ко святымъ мѣстно-чтимымъ, по древнему обычаяу, въ западныхъ губерніяхъ. Св. синодъ поручилъ мнѣ написать такія молитвы, я написать ихъ и представилъ. Но рукопись моя снова, кажется, уничтожена святѣшнімъ Сербновичемъ! А сколько я представилъ проектовъ о преобразованіи семинарій, обѣ обращеніи въ пѣдра церкви раскольниковъ, о просвѣщеніи евангельскимъ ученіемъ евреевъ, кромеъ проектовъ и предположеній по епархіальному управлѣнію! И все папраспо; потому что въ св. синодѣ преобладаетъ сила мира сего. Но не болѣе ревнуютъ о благѣ св. церкви и наша братія архіереи. Нѣкоторые помѣщики православнаго вѣроисповѣданія со слезами жаловались предо мною, что такъ какъ у нихъ бываетъ прислуга латинскаго вѣроисповѣданія, то когда бываетъ приглашаемъ ксендзъ для совершенія какого-либо таинства или наступствія умирающаго, онъ сопровождастъ свои дѣйствія такими наставленіями, что всѣхъ присутствующихъ приводить въ умиленіе. А приглашенній для той-же цѣли напр. священникъ приїдетъ, посыпѣнно прочитаетъ подъ носъ невразумительно какія-то молитвы и уйдетъ. Стараясь посему выѣдать, какъ дѣйствуютъ ксендзы при совершенніи таинъ особенно въ домаахъ, я узналъ, что въ ихъ требникахъ, именуемыхъ *agenda*, есть наставленія, которыя непремѣнно должны произносить ксендзъ при совершенніи таинствъ, что кроме того есть у нихъ множество въ рукописи рѣченокъ на всѣ случаи, что тѣ наставленія и рѣченки ксендзы твердо заучиваются и щеголяютъ ими при случаѣ. Обратившись къ нашимъ требникамъ, я увидѣлъ, что только въ большихъ требникахъ есть наставленія по отношенію къ нѣкоторымъ таинствамъ, а въ малыхъ ихъ нѣть. Вотъ я и написалъ рѣченки и наставленія пріемлющимъ и присутствующимъ при совершенніи таинствъ, совершаемыхъ священникомъ; представить рукопись съ тѣми рѣченками въ петербургскую духов-

1) Воспитанникъ іезуитовъ, Сербновичъ былъ всемогущицъ директоромъ канцеляріи оберъ прокурора святѣшнаго синода графа Протасова, тоже воспитанника іезуитовъ.—К. Б е р е з а .

ную цензуру; цензура представила оную св. синодъ поручить разсмотреть и дать объ ней мнѣніе б. п. пр. Елпидифору (епископъ каменецъ-под.); Елпидифоръ оплевалъ рукопись мою своею критикою, которую въ копіи прислалъ мнѣ св. синодъ съ мою рукописью. Прочитавъ критику и убѣдившись, что она неосновательна и недобросовѣстна, я препроводилъ реченную рукопись съ означенною критикою къ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Нектарію съ просьбою, чтобы онъ или самъ составилъ или кому-либо поручилъ составить требуемыя рѣчишки, обѣщаю выписать по изданію тысячи; преосвященный Нектарій представилъ упомянутую рукопись съ критикой блаженной памяти митрополиту Григорію; Григорій взялся самъ разсмотреть рукопись, но вскорѣ отошелъ въ вѣчность; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ 1858 году издатель моихъ издѣлій священникъ Василь Гречулевичъ¹) пастойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе »Записокъ о Римской Церкви«. Съ этойю дѣлію я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вкравшихся въ нихъ ошибокъ, подкрѣпилъ сужденія и события, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками обѣ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ предста维尔ъ ихъ св. синоду; синодъ поручилъ дать свое мнѣніе обѣихъ преосвященнѣйшему Димитрію; Димитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ записокъ вѣкоторыя главы, особенно главу обѣ избраніи папъ.....²).

Сообщ. Н. Береза.

¹) Извѣ пр. Виталій, епископъ могилевскій.

²) На этомъ листѣ обрывается: оно не было окончено и, вѣроятно, не было послано по адресу.—К. Береза.

ЗАПИСКИ Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

(Продолжение¹).

IX. Путешествие по Германии.

Въ Лейпцигъ прѣѣхали мы въ самый разгаръ Острад-хессе, но нашли удобное комѣщеніе и пробыли тамъ два дня. Въ почтовой каретѣ отправились въ Алтенбургъ, гдѣ провели одинъ день. Этотъ маленький городъ понравился мнѣ своими первобытными нравами; старинные костюмы тамошнихъ женщинъ обратили на себя въ особенности наше вниманіе; въ Байрейтѣ мы оставались только для обѣда и прибыли въ Нюренбергъ. Отдохнули тамъ два дня. Нюренбергъ заинтересовалъ насъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ; неправильныя узкія улицы, высокіе дома, остроконечныя крыши, покрытые кустарниками и травою рвы—все это поражало своею оригинальностью; я срисовала карандашемъ съ натуры часть одной улицы съ аркой, перекинутой между домами.

Когда то вольный, богатый и многолюдный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германии, Нюренбергъ славился въ свое время произведеніями изъ папье-маше и дѣтскими игрушками. Народонаселеніе уменьшилось на

¹) См. „Киевская Старина“, 1884 г., майск. кн., стр. 77—87.

половину. Марктплацъ съ великолѣпнѣйшимъ фонтаномъ, иѣсколько старинныхъ замѣчательныхъ своей архитектурой и живописью на стеклѣ церквей, Rathhaus, и небольшая картинная галлерей, въ которой находится св. Екатерина съ младенцемъ Иисусомъ Рубенса,— вотъ и всѣ достопримѣчательности Нюренберга.

Въ Регенсбургѣ мы пробыли одинъ день. Въ былые времена также вольный и богатый городъ съ ратгаузомъ, въ которомъ съ 1633 по 1806 годъ собирался германскій сеймъ, и великолѣпнѣйшимъ готическимъ соборомъ во имя св. Петра, Регенсбургъ произвелъ на насъ приятное впечатлѣніе; ъздили осматривать Валгаллу, выстроенную баварскимъ королемъ Людвигомъ I по плану имъ составленному и заключавшую въ себѣ бюсты знаменитыхъ мужей и женщинъ Германии, любовались величественнымъ видомъ на Регенсбургъ, Дунай и Альпы, и выѣхали въ Мюнхенъ.

Столица Баваріи намъ очень понравилась и мы пробыли въ ней недѣлю, да менѣе и нельзя было, что-бы познакомиться вполнѣ съ художественными достопримѣчательностями Мюнхена. Иѣсколько разъ посѣтили Пинакотеку и Глиптотеку, осмотрѣли новыя церкви, зданіе университета и почты и королевскій дворецъ, часто гуляли въ англійскомъ саду и ъздили въ окрестности, довольно красавицъ; я срисовалъ двѣ изъ нихъ.

Однажды мы остановились предъ зданіемъ почты, вновь построеною въ греческомъ стилѣ противъ дворца. Подходитъ къ намъ какой то некрасивый, пожилой, сухощавый господинъ въ изношенномъ пальто и помятой шляпѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Нанию, обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Какъ вамъ нравится зданіе почты? — Я ему отвѣтилъ, что нахожу зданіе очень оригинальныи, но не будучи знатокомъ въ дѣлѣ архитектуры, а только любителемъ всего изящнаго, не берусь судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой постройки.

— Что вы любитель изящнаго, я въ этомъ не сомнѣваюсь, пласти зданія удивлена красотой вашей дамы, но желалъ бы знать ваше мнѣніе на счетъ почты.

— Признаюсь откровенно: оно мнѣ не нравится.

Пожилой господинъ бросилъ на меня взглядъ негодования, сказъя отрывисто: «видно, что вы действительно ничего не понимаете въ архитектурѣ», — и отошелъ отъ насъ быстрыми шагами. Я повернулся, чтобы посмотреть на этого чудака; вижу, что все ему кланяются, а часовые отдаютъ честь у входа въ дворецъ; спрашиваю одного изъ прохожихъ, кто этотъ господинъ и узнаю, что то былъ король Людвигъ. Какъ известно, король украсилъ Мюнхенъ превосходными зданіями, достроилъ дворецъ, выстроилъ четыре церкви, университетъ, театръ, синагогу, дѣй Пинакотеки и Глинтотеку, наполнилъ ихъ замѣчательныши произведеніями живописи и ваянія, былъ истиннымъ меценатомъ въ дѣлѣ искусствъ, большимъ поклонникомъ красоты и классикомъ въ архитектурѣ. По его плану и чертежамъ выстроено архитекторомъ Кленце зданіе почты въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ 12 колоннами и 6-ю фресками Гильтенштергера на красномъ фонѣ. Король часто ходилъ любоваться своимъ произведеніемъ и имѣлъ привычку спрашивать путешественниковъ о впечатлѣніи, которое производила на нихъ архитектура почты. Мнеъ очень досадно было, что безъ умысла огорчили художника въ лицѣ короля.

Людвигу Мюнхенъ обязанъ своими сокровищами архитектуры, живописи и скульптуры. Въ дворцѣ, въ новой резиденціи особенно замѣчательны залы Нibelунговъ и троиная съ 20 коринѣскими колоннами и 12 золочеными статуями баварскихъ электоровъ и королей, и комната съ портретами красавицъ. Въ Пинакотекѣ (тогда новая, только что начинала строиться), кромѣ извѣстныхъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ старыхъ школъ италійскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ, находится множество новѣйшихъ произведеній живописи. Достаточно указать на имена: Каульбаха, Корнеліуса, Кауфмана, Циммермана, Овербека, Кирхнера, Гесса, Ротмана, Беккера, Клотца и другихъ. Въ Глинтотекѣ, кромѣ древнихъ статуй и бюстовъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Шадова, Эбергарда, Рауха, Тика, Буша, Даинекера.

Чѣмъ болѣе узнавалъ я Напіму, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; вездѣ и постоянно мы были неразлучны. Чудный характеръ, добродое сердце, замѣчательный умъ, всегда веселое расположение духа.

простота въ обращеніи и образъ жизни, снисходительность, кротость и глубокая любовь ко мнѣ дѣлали меня вполнѣ счастливымъ.

Въ то время въ Мюнхенѣ было множество красивыхъ женщинъ, двухъ типовъ совершенно противуположныхъ. Баварки, чистой крови, отличались небольшимъ ростомъ, необыкновенно бѣлизною, свѣтыми пепельного цвѣта или елегка рыжеватыми волосами, голубыми и сѣрыми глазами и довольно яркимъ румянцемъ; тирольки были высоки, стройны, черноволосы, по большей части блѣднолицы. И во множествѣ самыхъ красивыхъ женщинъ, конечно, нельзя было не замѣтить величественной красоты моей отаровательной подруги.

Въ многолюдномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, красота Наимы заставляла впрочемъ насть искать уединенія и рѣдко показываться въ публикѣ. Когда мы были въ театрѣ, Наима обратила на себя общее вниманіе, бинокли постоянно обращались къ нашей ложѣ, а при выходѣ насть сопровождала цѣлал толпа. Какъ ни лъстило моему самолюбію поклоненіе красотѣ Наимы, признаюсь, сно иногда мнѣ было не совсѣмъ пріятво.

X. Италія.

Изъ Мюнхена на Испруку отиравились мы въ Верону. Дорогой любовалась чудными видами Тироля, отъ которыхъ нерѣдко приходили въ совершенный восторгъ. Пріѣхали въ Верону раннимъ весеннимъ утромъ и остановились на обширной площади, украшенной двумя мраморными фонтанами и превосходно вымощенной большими плитами. Но куда переносили наши вещи въ гостинницу, мы вышли погулять; рынокъ только что открылся, мнѣ подиная оживленная толпа покупателей и продавцевъ наполнила площадь. Меня поразилъ необыкновенно большой размѣръ овощей, которыхъ очищались и мылись у фонтановъ торговками и крестьянками. По нимъ можно было уже судить о производительности итальянской почвы.

Осмотрѣвъ знаменитый циркъ и другія достопримѣчательности Вероны, мы проѣхали на другой день чрезъ Падую, остановились въ ней на два часа, чтобы вообѣдать и взглянуть на сафѣ Шедрокки, а на третій день были въ Венеціи.

Въ Венецию прѣѣхали утромъ; подъѣзжая, мы увидѣли издали большую гондолу, всю покрытую чернымъ сукномъ. На вопросъ мой: не похороны-ли это? мнѣ отвѣтили, что въ Венеции всѣ гондолы обиваются всегда чернымъ сукномъ, по распоряженію правительства республики, сдѣланного давно для ограниченія роскоши, выравшшейся въ нравы венецианцевъ, тратившихъ большія суммы на украшеніе своихъ гондолъ золотой рѣзьбой, богатыми матеріалами и шарчей. Тутъ-же мы сообщили, что въ прежнее время насчитывали въ Венеции до 30,000 гондолъ а теперь нѣть и тысячи. Въ день нашего приѣзда назначень былъ большой национальный праздникъ, называемый регатою. Этотъ праздникъ, состоявшій въ гонкѣ гондолъ, былъ любиымъ развлечениемъ венецианцевъ; но въ теченіи многихъ лѣтъ австрійское правительство не позволяло устраивать регату, и разрѣшило въ первый разъ только въ 1843 году. Стеченіе народа было громадное, наѣхало столько итальянцевъ, желавшихъ принять въ немъ участіе, прибыло такъ много путешественниковъ и иностранцевъ, что всѣ гостиницы были переполнены. Мы долго блуждали по Венеции, покуда нашли помѣщеніе. Задолго до приѣзда Намы въ Дрезденъ, я заговорилъ однажды съ Лишинскимъ о путешествіяхъ и о желаніи моемъ побѣхать со временемъ въ Италію; отъ даль мнѣ нѣсколько адресовъ, въ числѣ ихъ былъ адресъ синьоры Грассо, содержательницы меблированныхъ комнатъ въ Венеции, на кацалъ Вознесенія, недалеко отъ площади св. Марка. Не найдя ни одного свободнаго номера въ гостиницахъ, я вспомнилъ объ адресахъ Лишинскаго, и у синьоры Грассо мы нашли порядочную квартиру. Намъ отвели двѣ очень прилично меблированныя комнаты, и когда я спросилъ о цѣнѣ, синьора отвѣтила: по два цванцигера за комнату въ день регаты, а если останетесь яѣсколько дней, заплатите по цванцигеру. На наши деньги цванцигеръ равнялся тогда 20 копѣйкамъ серебромъ. Дешевизна во всемъ была необыкновенная въ Италіи, въ особенности въ Венеции.

Нама устала отъ дороги и чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; я хотѣлъ остаться съ нею цѣлое утро, но она упросила меня пойдти посмотреть регату и располагала уснуть тѣмъ временемъ.

Я направился къ большому карапу и получилъ мѣсто у палаццо Григоріи. Весь карапъ былъ усыпанъ безчисленнымъ множествомъ гон-

доль, гондолы въ национальныхъ костюмахъ; по срединѣ у мѣста, съ котораго долженъ быть начаться бѣгъ, стоялъ знаменитый буцепторъ, служившій во время республики для национальныхъ празднествъ и для обрученія вновь избираемаго дожа съ моремъ. Онь былъ разсвѣченъ флагами. Всѣ дворцы по большому каналу, начиная отъ Ріальто, были украшены флагами, кусками матерій и коврами, висѣвшими изъ оконъ и балконовъ, наполненныхъ зрителями. Нѣсколько оркестровъ музыки помѣщалось въ отдѣльныхъ большихъ лодкахъ.

Регата продолжалась долго, восторженнымъ кликамъ и энтузіазму не было конца. Первая награда заключалась въ серебряномъ золоченомъ кубкѣ съ крылатымъ львомъ св. Марка на крышикѣ; вторая состояла изъ 300 гульденовъ, третья изъ 150 гульденовъ, а четвертая изъ чернаго поросенка въ красномъ ошейнике. Послѣ раздачи наградъ, я собирался уже отправиться домой, какъ услыхалъ подѣлъ себѣ русскую рѣчъ. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ соотечественниками. То были: Ф. В. Чижовъ, профессоръ математики с.-петербургскаго университета, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ г-жи Галаганъ въ качествѣ наставника ея сына, княгиня Трубецкая, помѣщица орловской губерніи съ племянникомъ Барщевскимъ, и баронесса Мантейфель. Съ Чижовымъ мы сошлись тотчасъ; онъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ, привѣтливостью и простотою въ обхожденіи; живалъ въ Малороссіи, и у насъ нашлись общіе знакомые.

Княгиня Трубецкая нежилая дама, нервная, но довольно симпатичная; племянникъ ея блѣдный, худой Митрофанушка, путешествовавшій года три за границей и не выучившій ни одному иностранному языку.

Баронесса Мантейфель, весьма милая и любезная дама, страдала потерей голоса, провела всю зиму въ Венеціи и стала съ весны говорить довольно громко.

Наиму я засталъ еще спящимъ. Сонъ возстановилъ ся силы и мы отправились обѣдать къ русскому повару, содержавшему тогда ресторанъ въ Венеціи. Мимоходомъ посѣтили площадь св. Марка и были въ восстругѣ отъ этой великолѣпной залы безъ потолка; стѣпами служила церковь св. Марка и зданія прокуративъ; въ верхнихъ этажахъ про-

куративъ помѣщались правительственные учрежденія, а нижніе съ аркадами всѣ заняты были магазинами. Вечеръ провели мы на площади св. Марка, которая при освѣщеніи показалась намъ еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Безчисленное множество гулявшихъ, иѣсколько оркестровъ пре- восходной музыки, оживленіе движение массъ, неумолкаемый говоръ напоминали старое счастливое время венецианской республики, изрѣдка только взоръ былъ непріятно поражаемъ появлениемъ бѣлого австрій- скаго мундира и вслѣдъ за нимъ до слуха долетало энергическое: *Tedesco maledetto*. Женщины почти всѣ были въ черномъ, у большин- ства на головахъ черное кружевное покрывало. Позднимъ вечеромъ возвратились мы домой.

На другой день хозяйка предложила намъ еще комнату и мы помѣстились очень удобно. Венеція намъ такъ понравилась, что мы пробыли въ ней три недѣли, осмотрѣли въ подробности всѣ достопри- мѣчательности, какъ художественные, такъ и историческія; бывали въ фениче, гдѣ шли весьма недурно итальянскія оперы; ежедневно разъ- вѣзжали въ гондолахъ при пѣніи гондольерами стансовъ Петrarки; ве-чера по большей части проводили или въ театрѣ или на площади св. Марка.

Въ каждомъ большомъ городѣ болѣе или менѣе видишь постройки новыхъ домовъ; въ Венеціи, напротивъ, старые, необитаемые быстро разрушаются; по количеству тогдашняго народонаселенія домовъ было слишкомъ много, и печальный видъ развалинъ представлялся часто въ отдаленныхъ частяхъ Венеціи. Старинныя знаменитныя фамиліи обѣ- нѣли и великолѣпные ихъ дворцы опустѣли. Мраморныя и бронзовыя украшенія проданы и вывезены, преимущественно англичанами. Одними картинами венецианцы дорожили и не смотря на соблазнительныя пред- ложенія, рѣдко продавали ихъ. Лучшіе palazzo были заняты или поч- тамтомъ или милиціей и другими учрежденіями, а вѣкоторые обраще- вы въ казармы. Ни въ одномъ изъ нихъ не осталось древняго бога- таго убранства, но паружность, по большей части мраморная разныхъ цвѣтовъ, поражала своею грандіозностью и оригинальностью непра- вильной, но изящной архитектуры. Дворцы большаго канала: Фоскари, Пизани, Гrimani, Мочениго, Вальморана, Пезаро, Вендранинъ, Кон-

рерь, Мавфиръ и Каза-Доро представляли собою поразительное сочетаніе богатства, вкуса и искусства.

Дворецъ дожей, выходящій главнымъ фасадомъ на Шацетту, верхъ зодческаго своеобразнаго таланта. Нигдѣ нѣтъ симметріи, всѣдѣ неправильности, а между тѣмъ общій видъ удовлетворяетъ вполнѣ чувству изящнаго. Церковь св. Марка и другія заключаютъ въ себѣ сокровища живописи и ваянія. Прибавьте къ этому историческія воспоминанія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, полное величія, таинственности и романтизма прошедшее республики; заглядите въ залу совѣта десяти, въ пьембы и подсмелыя, пройдитесь по ponte del sospiri, взойдите на лѣстницу гигантовъ съ львишою вѣстью, куда бросали доносы, и воображенію вашему живо представятся: Дондоло Зено, Марино-Фальверо Фоскари, Мочениго и та поэтическая Венеция, о которой вы такъ много слышали, читали и мечтали. Было-ли это особеннымъ настроениемъ души въ самые счастливые дни моей молодости, или действительно Венеция заключала въ себѣ чарующую прелестъ прошлаго, былаго, дѣло въ томъ, что ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ прекрасная царица Адриатики.

Въ пятницу, по вечерамъ, когда Памма оставалась дома одна, я посещалъ моихъ соотечественниковъ и бывалъ чаще другихъ у Ф. В. Чижова; онъ готовился писать исторію искусствъ, начавъ съ живописи; изучая картины Тиціана и Поля Веронезе и ходилъ ежедневно въ библіотеку дворца дожей читать сочиненія, касавшіяся живописи, дѣланъ изъ нихъ выписки и приготовилъ уже довольно материала для своего труда. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ иредѣ отѣздомъ изъ Венеции я отправился къ княгинѣ Трубецкой, жившей на большомъ каналѣ подѣль саза дѣто, нашелъ тамъ баронессу Мантейфель, Чижова, Эшингера, русскаго художника, и пѣвицу Фреццолини, начинавшую въ юности свою блестящую артистическую карьеру. Послѣ довольно продолжительного и оживленнаго разговора о національностяхъ, въ которомъ я отождествлялъ велико и мало-русскую, вовреки мнѣнію Чижова, мы занялись музыкой. Фреццолини пѣла аріи изъ »Лучіи« и »Пуританъ«, я ей аккомпанировалъ, потомъ попросили меня импровизировать.

Чудная весенняя ночь, синее венецианское небо, полная луна, освещавшая своимъ блѣднимъ сияніемъ великолѣпные мраморные дворцы, отражавшіеся въ тихомъ невозмутимомъ каналѣ, изрѣдка плавно скользившія по гладкой поверхности водъ гондолы, освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, разлука, хотя и очень кратковременная, но вынужденная съ Наимой, невозможность познакомить съ нею моихъ соотечественниковъ и ввести въ ихъ кругъ подъ моимъ имечемъ, и поэтично и грустно настроили меня; я сѣлъ за фортепиано и въ звукахъ вылилось состояніе моего духа. Никогда не любилъ я такъ страстно, давно не игралъ я съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ: образъ Наимы одушевлялъ меня, глубокая взаимная привязанность неизрѣдь связывала насъ; но на этомъ счастливомъ, безмятежномъ горизонте появлялись въ мысляхъ моихъ темныя тучи: врожденная съвѣтливость постоянно тревожила меня и нерѣдко вызывала глубокое сожалѣніе о томъ, что я позволилъ себѣ воспользоваться увлеченіемъ Наимы и поставленъ въ необходимости скрывать отъ знакомыхъ наши отношенія, чистыя предъ небеснымъ Сердцевѣдцемъ, но преступныя предъ условіями общественной жизни. Поэтому въ импровизаціи моей къ нѣжному изліянію любви примѣшивалось и волновавшее, потрясавшее чувство неопредѣленной тревоги; вмѣстѣ съ мелодіями, дышавшими прелестью весенней итальянской ночи, звучали рѣзкіе диссонансы душевной невзгоды. Никогда не забуду этого вечера; онъ мнѣ памятенъ по музыкальному вдохновенію. Когда я кончилъ, Фреццолини подошла ко мнѣ и пожимая руки сказала, что не ожидала найти въ скромномъ любителѣ замѣчательнаго артиста; всѣ были въ восторгѣ отъ моей игры, я тоже остался совершенно доволенъ моей импровизаціей. Далеко за полночь мы разстались.

Высоко взошло солнце, когда я проснулся иоѣлъ описанного вчера. Вхожу къ Наимѣ и застаю ее въ утреннемъ неглиже. Она была блѣднѣе обыкновенного, и говорила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Я старался ее успокоить и отправился за докторомъ. Лучшій въ то время въ Венеціи докторъ З. изъ Падуи, разспросивъ Наиму, объявилъ, что ничего особеннаго нѣть въ состояніи ея здоровья и что маленькие привадки слабости проходятъ отъ весьма обыкновенной у молодыхъ дамъ причины.

Печалиться или радоваться? — въ этомъ состоялъ вопросъ. Сначала миѣ взгрустило; но вскорѣ радостное чувство овладѣло мною, мысль, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ узы наши скрѣнятся еще болѣе залогомъ нашей любви, успокоивала меня; надежда, что сдѣлавшись матерью, Найма станетъ уступчивѣе въ религиозномъ отношеніи и дастъ возможность повести ее къ алтарю, лелѣлла, усмѣждала меня.

Съ болѣшимъ сожалѣніемъ разстались мы съ Венеціей; чрезъ Падую отправились въ Болонью, гдѣ пробыли день, оттуда во Флоренцію; тамъ прожили недѣлю, чтобы внимательно осмотрѣть произведенія искусства древней столицы Тосканы.

Флоренція съ первого взгляда не представляетъ ничего особеннаго, но взглядитесь внимательно въ этотъ средневѣковой италіанскій городъ, и онъ васъ заинтересуетъ въ высшей степени. Осмотрите соборъ S-ta Maria del Fiore съ громадной башней колокольни, церковь св. Ioanna Крестителя съ бронзовыми вратами, о которыхъ Микель Анжело сказалъ, что онѣ достойны служить вратами рая, церковь св. креста, св. Marii (Novella), названной Микелемъ Анжело певѣстой, старый дворецъ на площади Сильоріи, дворцы Рикарди, преторіи, Uffizi, Питти съ безчисленными галереями, заключающими въ себѣ картины и статуи знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ, въ томъ числѣ Веневеру Медичійскую, и въ памяти вашей воскреснутъ гвельфы и гибеліны, Висконти, Медичи, Каппони, Строцци, а чувство изящнаго вполнѣ будетъ удовлетворено созерцаніемъ лучшихъ произведеній архитектуры, живописи и скульптуры. По нимъ вы прослѣдите исторію развитія искусствъ; въ особенности съ благовѣніемъ остановите вниманіе ваше на геніальныхъ образцахъ живописи безсмертныхъ италіанскихъ художниковъ, начиная съ Чимабуэ и Жіото и кончая Рафаэлемъ, Леонардо да Винчи, Поль Веронезомъ, Тиціаномъ, Корреджіо.

Часто гуляли мы въ Кашине (Cascine), превосходномъ паркѣ Флоренціи, въ саду Боболи, посѣтили нѣсколько окрестныхъ виллъ, утопающихъ въ роскошной растительности; множество цветовъ, до которыхъ Найма была большая охотница, азалеи, рододендроны и камелии въ грунту, на открытомъ воздухѣ, доставляли намъ новыхъ и смыка пріятныхъ ощущеній.

Въ Флоренції было яѣсколько русскихъ, но я избѣгалъ знакомства съ ними, чтобы не поставить себя въ затруднительное положеніе на счетъ Наимы. Познакомился съ известнымъ въ Италии С., акварельнымъ портретистомъ; онъ нарисовалъ портретъ Наимы, отличавшійся необыкновеннымъ сходствомъ и превосходной отдѣлкой, и мой—менѣе удачный. На замѣчаніе мое въ этомъ отношеніи, артистъ отвѣтилъ, что и въ дѣлѣ снятія портрета необходимо вдохновеніе и что портретъ синьоры вышелъ такъ хорошъ, благодаря чувству изящаго, возбужденному въ немъ ея наружностью, которая служитъ вѣрилью выраженіемъ идеи прекраснаго.

Изъ Флоренції мы отправились въ Ливорно, и на другой день на пароходѣ въ Чивита-Веккію. Какъ ни непрѣятно было мнѣ воспоминаніе о путешествіи моремъ изъ Петербурга въ Любекъ, однакожъ я рѣшился на непродолжительное плаваніе по морю въ благопріятное время года. И дѣйствительно, плаваніе наше по Средиземному морю было вполнѣ благополучно.

Изъ Чивита-Веккія поѣхали въ Римъ съ ветурино. Этотъ способъ путешествія весьма пріятенъ; дѣлается съ ветуриномъ письменное условіе, въ которомъ опредѣляется время доставки по назначению, плата за комнаты для ночлега, за завтракъ и обѣдъ и за мѣсто въ экипажѣ. Въ обеспеченіе исправнаго исполненія условія ветурино даетъ задатокъ и по большей части везетъ и продовольствуетъ весьма не дурно. Совершая свои поѣздки постоянно по одному направлению, ветурино состоять въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми трактирщиками, и доставляя имъ вѣрный заработокъ, получаетъ отъ нихъ за умѣренную цѣну для путешественниковъ и для себя удобное помѣщеніе и хороший столъ. Иностранцамъ, не довѣрявшимъ этому способу путешествія и платившимъ ветурино только за мѣста въ экипажѣ, приходилось часто довольствоваться неудобными ночлегами и платить очень дорого за худшее продовольствие. Ветурино обыкновенно останавливается днемъ часа на три, чтобы покормить лошадей и позавтракать, и на ночь съ 7 часовъ для обѣда и ночлега. Нѣчто въ родѣ нашего путешествія на долгихъ.

Мы наняли для себя трехместную коляску и прибыли въ Римъ къ ночи, послѣ кратковременнаго, пріятнаго путешествія.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, раннимъ утромъ мы пошли осматривать вѣчный городъ; но вскорѣ убѣдились, что Риму нужно посвятить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы познакомиться вполнѣ съ его достопримѣчательностями. Какъ Венеція нравится красотой своихъ зданій, напоминающихъ собой богатства торговой республики, какъ Флоренція интересуетъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ, въ размѣрахъ относительно довольно скромныхъ главнаго города Тосканы, такъ Римъ поражаетъ громадностью, величиемъ, строгостью стиля и правильностью архитектуры, достойными столицы языческаго и христіанскаго міра. Все носитъ на себѣ печать владычества силы, богатства, искусства и ума.—Изъ міра языческаго достаточно указать на Пантеонъ и Колизей, въ которомъ помѣщается 100,000 зрителей; Пантеонъ и Колизей служатъ представителями временъ императоровъ; изъ міра христіанскаго—на церковь св. Петра и на Ватиканъ, памятники владычества и могущества папъ.—Нагдѣ искусство не проявило себя въ такой высокой степени совершенства, какъ въ Римѣ. Здѣсь сила художественнаго творчества достигла своего апогея. Съ каждымъ зданіемъ, съ каждой церковью связаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ и всѣ почти безъ исключенія принесли Риму лучшую, совершенѣйшую дань своей гениальности. Браманте, Рафаэль, Микель Анжело, Лагоріо, Фонтана, Мадеро были строителями; пре восходные образцы древней скульптуры во множествѣ встрѣчаются въ галереяхъ Ватикана, въ числѣ ихъ Аполлонъ Бельведерскій; лучшія произведения рѣзца Барнини, Росси, Кановы и Торвальдсена составляютъ принаадлежность базилики св. Петра, украшенной великколѣпной мозаикой по рисункамъ знаменитыхъ художниковъ. Не говоря уже о ложахъ Рафаэля, его фрескахъ въ разныхъ церквяхъ и дворцахъ, въ галерее Ватикана, заключающей въ себѣ немнога картинъ, но замѣчательныхъ по ихъ достоинству, вы видите Рафаэля: Благовѣщеніе, поклоненіе Волхвовъ, Введеніе во храмъ, Вѣру, Надежду и Милосердіе, Преображеніе на Гаворѣ, Мадонну de Foligno, Вѣчтаніе св. Дѣвы; Перуживо: св. Бенедикта, св. Флавію, Воскресеніе, св. Ночь, св. Дѣву

и святыхъ, Мурилло: поклонение Волхвовъ, Блудного сына, обручение св. Екатерины; Доминиково: св. Иеронима, Тициана: св. Деву со святыми, II. Пуссена: мученичество св. Эразма.

Въ палацахъ Доріа, Колонны, въ виллѣ Фарнезини, Слады, въ Санта Маріа делла Паче и другихъ—сколько сокровищъ живописи и ваяній!

Однимъ словомъ, Римъ заключаетъ въ себѣ цѣлый хіръ высокихъ художественныхъ произведеній.

Бывали на Корсо, посѣтили студію нашего талантливаго художника Иванова, писавшаго тогда свою картину: проповѣдь св. Иоанна Крестителя въ пустынѣ; слушали обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Богослуженіе великолѣпное, но обстановка и идолопоклонничество царѣ показались мнѣ не соотвѣтствующими святости совершаемаго таинства и христіанскому смиренію. Церковная музыка превосходна, оркестръ безукоризненный, голоса замѣчательные по своей звучности, иѣвучести и чистотѣ; но, признаюсь, стройное величественное изображеніе нашей православной церкви, по моему убѣжденію, стоитъ несравненно выше лучшей католической музыки; оно проникаетъ глубже въ душу и вызываетъ въ ней болѣе религіознаго чувства. Видѣли большую церемонію съ парадомъ, въ день Corpus Domini. Несмѣтная толпа сопровождала ее; церемонія имѣла характеръ театральнаго представленія.

Въ Дрезденѣ оставилъ я мою віолончель; инструментъ былъ посредственный, и по объему своему могъ затруднять чась въ путешествіи. Въ Римѣ, по слухамъ, за довольно сходную цѣну, я приобрѣлъ великколѣпнаго Гварнерія. Останавливаясь въ некоторыхъ городахъ на короткое время, не всегда можно было иметь фортепіано. Невозможность аккомпанировать Наимѣ и слышать ея пѣніе была для меня чувствительнымъ лишеніемъ въ жизни, полной счастья и самыхъ приятныхъ развлечений. Вновь приобрѣтенная віолончель исполнила этотъ недостатокъ.

Кто-то сказалъ, что жить—это путешествовать; и действительно путешествіе въ классической странѣ искусствъ, съ ея чудными мѣстоположеніями, превосходнѣйшимъ воздухомъ, синимъ небомъ и богатою южною растительностью было въ высшей степени пріятно. По вечерамъ,

усталые отъ осмотра достопримѣчательностей Рима, мы занимались музыкой. Гварнерій мой вторилъ звучному серебристому голосу Наймы, Найма миѣ аккомпанировала на фортепіано, когда пѣніе ее утомляло; часто разыгрывали мы съ нею разныя пьесы въ четыре руки, и въ томъ числѣ мою симфонію, въ которой Наймѣ особенно нравились: *Andante* и *Scherzo*.

Однажды мы отправились въ часть города, издавна населенную евреями Найма щедрою рукою раздавала пособіе бѣднымъ; у одного дома, со двора, доносились до пась звуки женского голоса, обратившіе наше вниманіе; мы вошли въ дворъ и увидѣли въ немъ старуху полулежавшую въ небольшой телѣжкѣ; старуха пѣла; унылый мотивъ ея пѣнія поразилъ меня своею оригинальностью, то была чисто еврейская мелодія темпа: *allegro*. Найма съ участіемъ распросила о ея болѣзни, старуха была разбита параличомъ; Найма надѣлила ее деньгами, а я попросилъ повторить мелодію. Возвратившись домой, я тотчасъ записалъ еврейскій мотивъ, подобралъ аккомпанементъ, и въ тотъ-же вечеръ Найма исполнила его.

Изъ Рима мы поѣхали въ почтовой каретѣ въ Неаполь. Здѣсь испытывали впечатлѣнія другаго рода, но не менѣе пріятныя. Обращая менѣе вниманія на замѣчательныя богатства музеевъ, осматривали въ высшей степени интересныя древности, отдавали должную дань восторга чудной природѣ и необыкновенно красивому мѣстоположенію Неаполя. Не даромъ сложилась итальянская поговорка: *Veder Napoli, e poi morir*. Мы остановились подлѣ *Villa reale* въ первый разъ, что вышли на балконъ, были поражены великолѣпной картиной, представившейся нашимъ взорамъ. Представьте себѣ въ далекѣ дышащейси Везувій, отдѣленный отъ города лазурнымъ неаполитанскимъ заливомъ, усыпаннымъ множествомъ кораблей, лодокъ и пароходовъ у берега, на которомъ лугообразными уступами амфитеатра возвышается Неаполь и утопаетъ съ своими бѣлыми зданіями въ зелени садовъ самой роскошной растительности; и строенія и сады отражаются въ зеркальной поверхности водъ, принимающихъ синій цветъ южнаго итальянскаго неба; прибавьте къ этому яркое освѣщеніе неаполитанскаго солнца, и не удивитесь, если я вамъ скажу, что болѣе двухъ часовъ любовались мы

этой восхитительной картиной. Никогда нигдѣ и не видывалъ ни-
чего подобнаго.

Побывали мы въ Казертѣ, Позилипо, Пущоли, Байѣ, Сорренто,
въ монастырѣ св. Мартина, откуда открывается превосходный видъ на
Неаполь; входили на Везуній, посѣтили Геркуланумъ и Помпею. Часто
гуляли по многолюдной толедской улицѣ и на набережныхъ Неаполя,
и очарованные этимъ городомъ и его окрестностями отправились на па-
роходѣ въ Геную.

Съ моря Генуя представляетъ видъ величественный, поражасть
красотою и громадностью своихъ зданій, построенныхъ амфитеатромъ.
Университетъ, палаццо Андрео Доріа, королевскій дворецъ, палаццо
Бриньола и другіе замѣчательны своей архитектурой, великолѣпными
лѣстницами и входами. Но всмотрѣвшись ближе въ Геную, вы разоча-
руетесь; переходъ отъ возвышенаго, идеально-прекраснаго къ гряз-
ной дѣйствительности слишкомъ рѣзокъ: узкія, темныя, зловонныя улицы,
нечистота, превосходящая всякое вѣроятіе, и зараженный гнилью воз-
духъ произведутъ самое непріятное впечатлѣніе. Издали, спаружи, Ге-
нуя дѣйствительно заслуживаетъ названія: *superbo*, данаго ей италь-
янцами; вблизи, въ подробностяхъ, какъ городъ, она ниже всякой по-
средственности. Это великолѣпная декорація, на которую нужно смот-
рѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Генуѣ, мы стиракались
чрезъ Александрію въ Миланъ.

Въ Миланѣ больше всего обратилъ на себя вниманіе наше со-
боръ — чудо современаго зодчества. Весь изъ бѣлаго мрамора,
чисто готической архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ башень
и шпилей, украшенныхъ тончайшою кружевной рѣзьбой изъ мрамора, и
съ пятью тысячами статуй, разставленныхъ снаружи у стѣнъ, на стол-
бахъ, въ нишахъ и по крыши. Внутренность собора строгая и вели-
чественная; остроконечные своды поддерживаются гигантскими столбами
въ четыре ряда вдоль всего зданія; но соборъ внутри не былъ еще
вполнѣ оконченъ, казался совершенно пустынny и не соотвѣтствовалъ
вѣнчиности. Площадь, окружающая соборъ, не велика и до того стѣ-
нена домами, что нѣть возможности осмотрѣть соборъ со всѣхъ сто-

роиъ. Для такого зданія необходимо болѣе простора, но не думаю, чтобы австрійское правительство, или городское управлениe рѣшилось затратить большія суммы на увеличеніе площаdi посредствомъ ломки домовъ.

Каждый день па Корсо съ 6 до 8 часовъ вечера бывало гуляніе; многочисленная пестрая толпа, музыка, множество экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ, нарядныхъ дамъ и кавалеровъ оживляли это любимое гуляніе миланцевъ. Мы нѣсколько разъ тудаѣздили и издали любовались подвижной панорамой. Посѣтили два раза la Scala, самый большой театръ въ Европѣ; составъ оперы былъ посредственный.

Изъ Милана мы направили ветурико до Женевы, чтобы вдоволь наслаждаться на прекрасные виды съверной Италии и южной Швейцаріи. Поѣздка должна была совершиться въ девять дней. Останавливались въ Сесто Календе и Аронѣ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ превосходными видами. На Лаго Маджіоре мы пробыли почти цѣлый день и успѣли въ подробности осмотрѣть Борромейскіе острова. Подъѣзжая къ Isola bella, издали въ памъ долетать упоительный запахъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ; весь островъ — великолѣпная вилла, принадлежащая фамиліи Борромеевъ. Превосходный палаццо съ большой террасой, отличный садъ съ разными растеніями и колоссальная бронзовая статуя святого Борромея — вотъ достопримѣчательности Изола белла. Онъ памъ такъ понравился, что мы пробыли на немъ очень долго. Посѣтили Изола Мадре и Пескіера и очарованные нашою прогулкой по озеру возвратились въ гостиницу. Даѣже Домо д'Оссола, небольшая деревушка, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Здѣсь нужно было проститься съ дорогой вамъ Италией; мнѣ крѣпко взгрустилось. Въ продолженіи всего путешествія по Италии мы встрѣчали вездѣ не только готовность къ услугамъ и рѣдкую добросовѣстность, но сердечное участіе, радушіе и дружеское расположение. Не говоря о лицахъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, съ которыми приходилось встрѣчаться, не могу пройти молчаніемъ содержателей и содергательницъ меблированныхъ комватъ, трактирщииковъ, прислуги, ветурино. Нигдѣ не было пререканій, излишнихъ требованій, неудовольствія. Въ Венеціи сеньора Грассо ухаживала за На-

имой, какъ сестра, и когда я ей предложилъ денежное вознагражденіе, она обидѣлась и отвѣтила: »расположеніе и дружескія услуги не продаются«; едва, едва упросила ее Наима принять отъ нее подарокъ на память. Во Флоренціи, въ гостиницѣ миѣ понадобилось однажды отдать слугѣ сюртукъ, чтобы пришили случайно оторванную пуговицу; въ карманѣ сюртука я забылъ бумажникъ съ 200 лирами. Чрезъ пол-часа лакей принесъ сюртукъ и отдалъ бумажникъ съ деньгами, приковыпивъ, что не слѣдуетъ оставлять деньги въ карманахъ отдаваемаго платья. Въ Неаполѣ я долго искалъ между моими вещами золотую съ жемчугомъ булавку и не найдя, считалъ потерянною; представьте мое удивленіе, когда прачка, присланныя бѣлье, вручила мнѣ булавку, объявивъ, что нашла воткнутою въ рубаху, и посовѣтовала быть внимательнѣе къ вещамъ извѣстной цѣнности.

Сколько счастливыхъ дней провели мы въ Италии! Глубокая взаимная привязанность несомнѣнно дѣлаетъ насъ счастливыми; возбужденная чудной природой юга, высокими произведеніями искусства она переносить въ тотъ міръ блаженства, который рѣдко бываетъ доступенъ человѣку. Никогда не изгладится изъ памяти моей время, проведенное въ Италии, всегда съ искренней признательностью буду вспоминать благодатную страну и поминать добромъ ея честныхъ, добродушныхъ и симпатичныхъ обитателей.

X I. Швейцарія.

Подъемъ на Семипонъ былъ продолжительный и утомительный. Къ парѣ, везшей насъ изъ Милана, пристегнули третью лошадь, и мы шагомъ взирались на гору по дорогѣ, устроенной Наполеономъ во время войны съ Италией. Стало очень холодно, мы иѣсколько разъ вставали изъ экипажа, чтобы согрѣться, слѣдя заnimъ пѣшкомъ. Нависшія скалы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, дикая тощая растительность на склонахъ утесовъ, сброшее покрытое густыми облаками небо вызвали въ насъ ощущенія не совсѣмъ пріятныя. Наконецъ мы прибыли въ hospice на вершинѣ Семипона; положеніе этого страничопріимнаго монастыря прекрасное; видъ дикий, угрюмый, но величественный на проходъ про-

тивъ Бернскихъ Альпъ и на Шенгориѣ. Зданіе монастыря огромное въ четыре этажа, основанное Наполеономъ I и оконченное С. Вернардскими монахами августинского ордена. Семиплонскій монастырь привлекаетъ ежегодно отъ 10-ти до 12,000 путешественниковъ. Покуда лошади отдыхали и кормились, мы согрѣлись въ теплой комнатѣ у большого камина, и услужливые монахи угостили насъ горячимъ супомъ, говядиной, отличнымъ виномъ и превосходнымъ хлѣбомъ, въ родѣ资料 ourшаго ржанаго; уѣзжая мы положили въ монастырскую кружку плату за угощеніе; бѣдные получаютъ общій столъ даромъ.

Съ вершины Семиплона стали спускаться довольно медленно и благополучно прѣѣхали въ Мартинъ. Здѣсь природа оживилась; свѣтлая зелень долины, быстрые потоки съ горъ, яркое солнце и теплая температура воздуха позволили намъ вздохнуть свободы. Гостепримная и любезная хозяйка отвела намъ лучшее помѣщеніе своей гостиницы и угостила весьма недурно.

Отдохнувъ въ Мартинъ, мы отправились въ Шамуни. Эта чудная долина у подножья Монблана произвела на насъ самое приятное впечатлѣніе; во взбираться на Монбланъ мы не заблагоразсудили и продолжали путешествіе до Женевы.

Въ Женевѣ случилось со мной происшествіе, не совсѣмъ пріятное. Разсчитавъ время моего пребыванія въ этотъ городъ, я просилъ отца моего выслать деньги для дальнѣйшаго путешествія въ Женеву. Прѣѣхавши, отправляясь на почту: ни письма ни депегъ. Между тѣмъ нужно было заплатить ветурино; кромѣ задатка, имъ мнѣ даннаго, у меня не было денегъ. Пришлось просить ветурино подождать до завтра. На другой день тотъ-же отвѣтъ на почтѣ. Цѣнныхъ вещей со мной не было, къ капиталу Наимъ я не хотѣлъ обращаться. Въ вечеру ветурино приходилъ за разсчетомъ, объявивъ, что нашелъ путешественниковъ для обратной поѣздки въ Миланъ и ждать далѣе не можетъ. Нечего дѣлать, какъ ни совсѣмъ, нужно было объяснить Наимъ мое затруднительное положеніе. »Какъ тебѣ не стыдно, сказала она, не предупредить меня обѣ этомъ раныше, я твоя, и все мое твое«.—»Я не хотѣлъ, отвѣтилъ я, трогать твоего капитала«.—»Въ этомъ и надобности неѣть, возразила Наимъ. Ледя при прощаніи подарила мнѣ на путь

тешествіе и пополненіе моего гардероба десять тысячъ талеровъ изъ своихъ средствъ. Вотъ открытое письмо на известныхъ банкировъ; возьми его, получи деньги, разсчитайся съ ветурино и оставь у себя остальныя». — На глазахъ Наимы извернулись слезы; я пожалѣлъ, что огорчилъ ее излишнею деликатностью и не зналъ, какъ оправдаться. Ветурино конечно не остался въ накладѣ за отсрочку. На третій день нашего пребыванія въ Женевѣ, я получилъ ожидаемыя деньги и хотѣлъ возвратить взятыхъ у Наимы, но при первомъ обѣ этомъ словѣ Наима зажала мнѣ ротъ своей прелестной ручкой и объявила, что никогда не вступить въ денежные разсчеты со мною и что касса наша должна быть общею. Это было сказано такъ убѣдительно, что всякое возраженіе становилось невозможнымъ.

Видѣлъ съ прибрежной части города на женевское озеро очѣнь хорошо, но Женева вообще представляетъ мало интереса; довольно скучный и непривлекательный городъ. Быдли въ Ферней смотрѣть домъ Вольтера; ничего особенно замѣчательнаго. Въ одной изъ комнатъ стоитъ на пьедесталѣ урма, заключающая въ себѣ сердце фернейскаго философа, съ надписью: *Son coeur est ici, son esprit est partout.* Прошло много лѣтъ со времени этой надписи, и она сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ: Вольтеровскій духъ улетучился, и слава Богу, подумалъ я.

На пароходѣ, по озеру, отправились мы въ Лозанию, осмотрѣвъ на пути Шильонскій замокъ; изъ Лозанны въ дилижансѣ въ Бернъ чрезъ Фрибургъ. Висячій мостъ у этого города приводилъ путешественниковъ въ восторгъ и казался чудомъ мостовой архитектуры. Гербъ Берна — медвѣдь, и онъ военпроизведенъ вездѣ: на бассонахъ экипажей, на столбахъ, на вывескахъ. Въ городѣ устроена большая яма, обложенная гранитомъ, въ которой помѣщается пара медвѣдей съ медвѣжатами; особый сторожъ ухаживаетъ за ними. Какъ сторожъ, такъ и медвѣди получаютъ содержаніе изъ процентовъ съ капитала, завѣщанаго для этой цѣли какою-то старой дѣвой. У подошвы горы, на которой раскинутъ Бернъ, протекаетъ Ааръ, на островѣ этой рѣки устроены ванны; видъ великолѣпный.

Изъ Берна мы поѣхали осмотрѣть самыя замѣчательныя мѣстности Швейцаріи: Интерлакенъ, озеро четырехъ кантоновъ, Риги и Шаффгаузенскій водопадъ. Дикая, но величественная природа, голые каменистые утесы, снѣжная вершина горъ съ ихъ ледниками, лѣса хвойныхъ деревьевъ, сохранимыхъ въ первобытномъ состояніи для предохраненія жилищъ отъ обваловъ, безчисленное множество водопадовъ, зеленѣющія долины, оригинальные костюмы женщинъ, измѣняющіеся въ каждомъ кантонѣ, стада рогатого скота, рожокъ пастуха, известный *ranch des vaches*, домики съ деревянною рѣзьбою и камнями на крышѣ, построенные на склахъ надъ обрывами и глубокими окнагами, превосходно обдѣленныя поля, виноградники, необыкновенный эффектъ восходящаго и заходящаго солнца, облака, несущіяся у вашихъ ножъ,— все это въ высшей степени оригинально, привлекательно, грандиозно и поразительно хорошо.

На Базель мы проѣхали въ Страсбургъ.

XII. Франція.

Въ Страсбургѣ отдохнули два дня послѣ довольно утомительного путешествія по Швейцаріи. Осмотрѣли соборъ съ знаменитой колокольней; я слушался въ склепѣ, где показываются необыкновенно хорошо сохранившееся въ теченіи несколькихъ столѣтій тѣло графа Саарбрюка; всходилъ на башню, чтобы полюбоваться видомъ на Страсбургъ. Послѣ Швейцаріи, где народонаселеніе некрасиво и не совсѣмъ любезно, въ Страсбургѣ мы поражены были учтивостью и миловидностью его жителей; особенно красивыми показались намъ молодыя девушки, средняго класса, стройныя, довольно высокія съ выразительными глазами и темными роскошными волосами, обвивающими подобно змѣямъ ихъ милыя головки длинными толстыми косами.

Изъ Страсбурга въ почтовомъ купе по превосходному шоссе отправились мы чрезъ Нанси въ Парижъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Парижемъ, не соотвѣтствовало той идеѣ, которую я составилъ объ этомъ городѣ. Наима бывала тамъ прежде и уверяла, что Парижъ мнѣ понравится и полю-

бится. Мы остановились въ мѣстности мало отдаленной отъ Лувра, въ старинной улицѣ Coquilli re, въ отелѣ того-же имени. Отель этотъ имѣлъ то удобство, что не выходилъ на улицу, а находился во дворѣ; зданіе отеля старинное въ стилѣ временъ Генриха IV; наше помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ, съ коврами, бронзою и большими зеркалами; за это помѣщеніе мы платили 12 франковъ въ сутки. *Table d'h te*, весьма удовлетворительный, съ виномъ обходился въ три франка съ персоны. Тотчасъ-же я пріискалъ фортепіано и заплатилъ съ настройкою и переноскою на прокатъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Упоминаю объ этомъ, чтобы дать понятіе о дешевизнѣ, существовавшей въ то время въ Парижѣ.

Въ Парижѣ мы пробыли шесть недѣль и провели время въ высшей степени пріятно. Утромъ осмотрѣ достопримѣчательностей, послѣ обѣда спектакль или прогулка за городъ. Обѣдывали часто въ Palais Royal у Вери и Вефури или Gr es Proven aux, часыщали большую и комическую оперы, Одеонъ, Fran ais, Palais-Royal, Бодевиль и другіе театры. Тогда Mlle Rachel, трагическая актриса, производила фуроръ и действительно обладала необыкновеннымъ талантомъ; высокая, до нельзя худая, смуглая, съ характеристическими чертами лица и не-помѣрно длинными руками, она не могла нравиться своей наружностью; но когда священный огонь страсти и гений искусства, доведенного до высшей степени совершенства, до натурального проявленія чувства, одушевляли ее въ разгарѣ трагедіи, тогда Ра歇ль становилась типично красивою и вызывала въ зрителяхъ неописанный восторгъ. Часто заставляли ее, по окончаніи представленія, декламировать извѣстную *Marseillaise* съ трехзвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ. И тутъ она производила потрясающее впечатлѣніе и такъ наэлектризовывала публику, что случись какойнибудь поводъ къ возстанію, вся толпа зрителей отиралась-бы немедленно на баррикады въ *h tel de Ville* или бросилась-бы на министерства.

Не было во Франціи правительства болѣе либерального и разумнаго, какъ правительство Луи-Филиппа. Этотъ буржуа-король зналъ хорошо французовъ и въ особенности парижанъ, и поэтому все, что могло быть изъ пріятныхъ, было дозволено. На шумныхъ проявленіяхъ въ

театрахъ, на сходки на улицахъ, на ораторства въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ смотрѣли снисходительно, и парижане были довольны, считая себя вполнѣ свободными и счастливыми. И въ самомъ дѣлѣ благосостояніе Франціи достигло своего апогея во всѣхъ отношеніяхъ въ этотъ періодъ времени: никогда производительность и торговля этой богатой страны не давала такихъ блестательныхъ результатовъ, никогда промышленность большихъ городовъ не достигала такого развитія. Плодородная почва Франціи производить лучшіе сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, самыя тонкія вина и водки, превосходные фрукты. Лучшаго качества дичь и рыба составляютъ приналежность лѣсовъ и водъ Франціи, щедро надѣленной всѣми благами земными. Но и въ интеллектуальномъ отношеніи Франція превосходила другія европейскія государства. На поприщѣ наукъ и литературы подвизались тогда такія личности, какъ: Кузенъ, Вильменъ, Тіерри, Барантъ, Ройе—Колларъ, Амперъ, Кювье, Лапласъ, Шатобранъ, Тьеръ, Гизо, Мишле, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфонсъ Карръ, Фридрихъ Сулье, Александръ Дюма, Беранже, Жюль Жаненъ, Жирарденъ.

Музыка также процвѣтала: оперы Мейербера, Галеви Обера были писаны для парижской сцены и исполнялись превосходно. Парижская консерваторія была лучшою въ Европѣ, а оркестръ ея подъ управлениемъ Габенека не имѣлъ вигдѣ себѣ подобнаго. Исполненіе Бетховенскихъ симфоній было безукоризненно.

Въ какихъ-бы кружкахъ вы ни вращались, вездѣ находили людей образованныхъ; говорили о политикѣ, наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и изъ самого обыденнаго разговора вы выносали идеи и понятія. Безспорно можно сказать, тогдашній Парижъ былъ центромъ умственной дѣятельности. Меня много занимали исторические памятники Парижа и я осмотрѣлъ ихъ въ подробности; на осмотръ Лувра съ галереями посвятилъ нѣсколько дней. Загородные дворцы также привлекли мое вниманіе и мы побывали въ Версалѣ, Тріанонѣ, Сенклу Мальмезонѣ и Фонтенебло. Чтобы познакомиться съ мѣстными нравами, обѣдалъ однажды у Франкона за 15 су (три блюда съ виномъ), поѣхалъ: *Mabile, Channière, Chateau des Fleurs*.

Наима пріобрѣла нѣсколько предметовъ для своего туалета, я пополнилъ свой гардеробъ у знаменитаго портного Ниман'а; все было превосходнаго качества и по цѣнамъ болѣе, чѣмъ умѣренныи. Сдѣлали также значительный запасъ книгъ; въ числѣ ихъ только что вышедшее сочиненіе Кюстиня: *La Russie et les Russes*. Въ Парижѣ не имѣли времени читать и отложили книги для дальнѣйшаго путешествія. Наима была права. Парижъ меня очаровалъ и я увѣзъ о немъ самое пріятное воспоминаніе. Сколько позднихъ интимныхъ радостныхъ вече-ровъ провели мы въ нашемъ отелѣ подъ вліяніемъ видѣннаго и слы-шаннаго въ теченіи дня. Знакомыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, встрѣчались за *table de hôte*, у ресторановъ, на гу-ляньяхъ съ нѣкоторыми личностями, раскланивались, разговаривали и только. Да и надобности не было въ болѣе близкихъ знакомствахъ: мы были такъ счастливы, мы такъ любили другъ друга.

Изъ Парижа отправились въ Calais, Дувръ и Лондонъ; переходъ былъ довольно скорый и благополучный.

XIII. Лондонъ, Голландія, Бельгія.

Лондонъ поразилъ насъ своею громадностью и необыкновенною дѣятельностью. Въ Парижѣ мы встрѣчали на бульварахъ толпы улич-ныхъ зѣвакъ; въ Лондонѣ всюду гораздо больше движенія, но дви-женіе другаго рода. Прогуливающихся немногого, все дѣловые люди, бѣгущіе къ своимъ занятіямъ. Время—деньги у англичанъ, и они не тратятъ его даромъ. Парижъ смотрить кокетливѣе, чопорнѣе Лондона; въ Лондонѣ весь почти зданія покернѣли отъ тумановъ и дыма. Но нигдѣ не видѣть я такой роскошной растительности, какъ здѣсь, гу-стые лркіе газоны, великолѣпныя деревья; парки и скверы—верхъ со-вершенства.

Нигдѣ не встрѣчаль я впрочемъ такого поразительного контраста между величайшую роскошью и необыкновенною бѣдностью. Нигдѣ не каталивался на такія возмутительныя проявленія нищеты и растлѣнія нравовъ, какъ въ Лондонѣ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали въ разгаръ лѣтняго сезона, когда городъ бываетъ оживленъ болѣе обыкновеннаго. Часто посѣщали итальянскую оперу; составъ ея былъ лучшій изъ всѣхъ, которые мы когда нибудь слушалось слышать. Лаблашъ, Рубини, Тамбурини, Марио Гризи, Персіани—вотъ имена, которыхъ появлялись на афишахъ того времени. Мы слышали Норму, Пуританъ, Вильгельма Теля и Лучію. Артистическое исполненіе не оставляло ничего болѣе желать и приводило всѣхъ въ восторгъ.

Обозрѣвъ въ теченіи десяти дней все, что заслуживало особаго вниманія, мы на пароходѣ отправились въ Роттердамъ.

Плаваніе было удачное, и мы вскорѣ очутились въ оригиналной Голландіи.

Осушеннія озера, безконечныя плотины, изъ нихъ иѣкоторыя поражающія своею вышиной и протяженіемъ; множество вѣтряныхъ мельницъ, плоскость почвы, однообразіе видовъ, безвкусіе построекъ, грубость и безобразіе жителей,—вотъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ Голландіей при первомъ съ нею знакомствѣ. Но познакомившись ближе съ этой страной, нельзя было не отдать полной справедливости предпріимчивости, настойчивости и терпѣнію голландцевъ. Выйти побѣдителями изъ борьбы за существованіе съ грозной стихіей, удержать ее въ должныхъ границахъ, обратить въ плодоносную почву болота и озера, освободиться отъ ига испанцевъ и сдѣлаться независимой богатою морской державой,—вотъ результатъ стойкости и непреклонной воли голландцевъ.

Изъ Роттердама мы поѣхали въ Гаагу, изъ Гааги очень тихо по единственной тогда въ Голландіи желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ. Гигантское предпріятіе осушенія гарлемскаго озера уже было начато въ то время. Изъ Гарлема въ Амстердамъ и Уtrechtъ. Гаага новый городъ и не представляетъ собою ничего особеннаго. Роттердамъ и Амстердамъ обратили наше вниманіе своими старинными постройками, каналами и муравьицою торговою дѣятельностью. Уtrechtъ старинный, чисто средневѣковый городъ.

Страсть къ чистотѣ вездѣ въ Голландіи доходитъ до смѣшнаго. Мало того, что каждый день чистятъ и моютъ дворы и тротуары, не

рѣдко обмывают и обтираютъ швабрами дома снаружи. Чепчики и кердники у женщинъ безукоризненной бѣлизны и всегда накрахмаленные, но покрываютъ такія формы и прелести, на которыхъ конечно не засмотринешься. Подобного безобразія я никогда не встрѣчалъ.

Изъ Голландіи поѣхали въ Бельгію, посѣтили Антверпенъ, Брюссель и Люттихъ; здѣсь типъ жителей совсѣмъ другой, и хотя бельгійцы и не очень красивы, но и не такъ уродливы, какъ голландцы. Въ Люттихѣ, въ отелѣ, за конторкой мы видѣли дѣвушку замѣчательно хорошенькую. Брюссель чисто французскій городъ, очень красивъ, представляетъ много удобствъ для путешественниковъ; изъ Люттиха мы проѣхали въ Кельнъ, провели тамъ сутки, осмотрѣли знаменитый соборъ и на пароходѣ сѣдали очень пріятное путешествіе по Рейну мимо Бонна и Кобленца до Майнца. Изъ Майнца поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ. Большой и богатый Франкфуртъ былъ тогда еще свободнымъ городомъ. Изъ Франкфурта мы направились черезъ Бибрахъ въ Висбаденъ. Въ Бибрахѣ останавливались, чтобы осмотрѣть великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго и превосходныя оранжереи. Въ Висбаденѣ пробыли дней десять и познакомились съ жизнью на водахъ.

XIV. Висбаденъ, перѣездъ чрезъ Францію.

Висбаденскій сезонъ 1843 г. былъ блестящій; множество иностранцевъ, въ особенности англичанъ, французовъ и русскихъ. Публичная игра въ рулетку и *trente et quarante*, весьма недурной французскій спектакль, балы въ курзалѣ, поѣздки за городъ, превосходныя гостиницы, отличный и обильный столъ за *table d'hôte* дѣлали пребываніе въ Висбаденѣ очень пріятнымъ.

Часто и подробно писалъ я моей дорогой матери, описывая мои путешествія и впечатлѣнія, производимыя на меня различными странами и художественными произведеніями, часто получалъ отъ нея умныхъ, проникнутыхъ искренней любовью письма, но не могъ рѣшиться извѣстить ее о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ Наимѣ. Писалъ вирочемъ изъ Дрездена еще, что мѣрѣ очень нравится дѣвица, соединяющая въ себѣ всѣ условія для того, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и что я пользо-

зуюсь ея внимательностью; о национальности и религии Наимы я умолчалъ. Изъ Парижа написалъ, что счастливая случайность соединила насъ въ путешествіи. Мать моя отвѣтила, что изъ писемъ моихъ усматриваетъ необыкновенную восторженность и заключаетъ, что я все вижу въ розовомъ цветѣ, благодаря сильному сердечному увлечению, и совѣтуетъ сдерживать пыль моей привязанности. Въ письмѣ изъ Брюсселя я откровенно сознался въ увлечнѣи и въ полной взаимности. Описывая наружность Наимы, ея качества, я коснулся слегка ея состоянія и общественнаго положенія, сказавъ, что Наима принадлежитъ къ семейству почтенныхъ негocioантовъ и представляютъ для меня хорошую партию во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Висбаденѣ получиль отвѣтъ, дышавшій материнскою нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшій и требование не дѣлать предложенія любимой мной особѣ и не жениться безъ разрѣшенія моихъ родителей, такъ какъ о женитьбѣ мнѣ рано еще думать, и во всякомъ случаѣ разрѣшеніе можетъ быть дано не раньше, какъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Я поспѣшилъ успокоить мать мою обѣщаніемъ не дѣлать послѣдняго шага безъ ее согласія и благословенія...

Въ Висбаденѣ я испытывалъ иногда свое счастіе въ игрѣ: въ рулетку всегда проигрывалъ и пересталъ играть. Но roulette et поигѣ была мнѣ благопріятнѣе: я постоянно выигрывалъ и въ концѣ концовъ увезъ изъ Висбадена выигранныхъ пятнадцать тысячъ франковъ. Между прочимъ я обязалъ случаю довольно крупнымъ выигрышемъ.

Въ числѣ лицъ игравшихъ я увидѣлъ даму, необыкновенно похожую на кузину К. Предполагая, что кузина въ Сибири, не вѣрилъ, что это она; но дама встаетъ, подходитъ ко мнѣ и береть меня въ сторону, чтобы поговорить. Моя ставка въ нѣсколько луидоровъ стояла на поигѣ, я обѣ ней совершиенно забылъ и пока разговаривалъ съ кузиной, сдѣлано было нѣсколько игръ, мои луидоры оставались все на поигѣ, которая прошла нѣсколько разъ; возвратившись къ своему мѣсту, я напечъ кучу золота и пять свертковъ съ червонцами. Разговоръ съ кузиной принесъ мнѣ восемь тысячъ франковъ.

Оказалось, что кузинаѣздила въ Тобольскъ, не застала тамъ своего мужа и отправилась по его слѣдамъ въ Томскъ. Здѣсь они съѣхались,

провели одинъ день вмѣстѣ, какъ голубки, на другой разсорились и разѣхались навсегда. Мужъ продолжалъ свою поѣздку въ Сибири, кузина направилась въ обратный путь и провела нѣсколько дней въ Москвѣ и потомъ у себя въ деревнѣ, поѣхала за границу.

Игра въ Висбаденѣ начинается обыкновенно въ 11 часовъ утра. Къ тому времени чиновникъ приноситъ карты, запечатанныя герцогской печатью. Крупье ихъ распечатывали, тасовали при многочисленной публикѣ и давали снимать одному изъ желавшихъ участвовать въ игрѣ. Послѣ утренней прогулки, я обыкновенно провожалъ Нанимъ въ гостинницу не далеко отъ курсала, или въ читальню, и отправлялся играть часъ, другой. Крупье часто просили меня снимать стасованныя карты, уверяя, что у меня легкая рука; я имъ всегда высказывалъ желаніе, чтобы легкая рука была не въ ихъ пользу, и игра начиналась. *Faites vos jeux, messieurs*, говорилъ главный крупье, повторяя эту фразу нѣсколько разъ, потомъ раздавалось громогласное: *le jeu est fait, rien ne va plus*, и за тѣмъ клались карты сначала для *rouge*, а потомъ для *noir*; разница между 30-ю и 40 составляла выигрышь той или другой стороны. Нужно было видѣть, какъ ловко крупье загребала особенного устройства деревянными лопаточками проигравшія деньги и какъ отчетливо уплачивали двойную сумму выигравшей ставки.

Страсти къ игрѣ я никогда не имѣль, но въ Висбаденѣ она развлекала меня и быть можетъ увлекла бы легкостью выигрыша, еслибы я не принадлежалъ вполнѣ чувству, соединившему меня съ Нанимой.

Въ теченіе двухъ-недѣльного пребыванія въ Висбаденѣ, мы успѣли отдохнуть отъ безпрерывныхъ путешествій и подышать чистымъ воздухомъ въ паркахъ и садахъ Висбадена и окружающихъ его красивыхъ по своему жѣстоположенію жѣстностяхъ. Лѣто было знойное и прогулки въ рощи и лѣса доставляли намъ большое удовольствіе.

Изъ Висбадена мы поѣхали на Страсбургъ, Безансонъ, Шалонъ на Саонѣ, въ Ліонъ и оттуда чрезъ Авиньонъ въ Марсель.

Ліонъ оживленный, многолюдный городъ; въ немъ мы пробыли всего два дня, и онъ не произвелъ на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія.

Марсель очень понравился и постройками и кипучей торговой дѣятельностью. Генеральные консульства всѣхъ государствъ, представители всѣхъ націй, громадные магазины съ произведеніями всѣхъ странъ указывали на значеніе этого города въ всемирной торговлѣ. Видъ на эзморье, на гавань, усыпанную безчисленнымъ множествомъ судовъ, природа юга, зной, умѣряемый морскою влагой, южный провансальскій типъ жителей съ живыми черными глазами и черными какъ смоль волосами, не всегда красивыхъ, но въ высшей степени типичныхъ и подвижныхъ, были замѣчательными особенностями Марселя.

Пароходы два раза въ недѣлю отходили въ Малагу; случаи къ поѣздкѣ на парусныхъ судахъ представлялись ежедневно. Мы предпочли путешествіе на пароходѣ, и въ ожиданіи отхода парохода прошли въ Марсели пять дней.

Собираясьѣхать въ Лен въ Испанію, я сталъ еще въ Италии изучать испанскій языкъ подъ руководствомъ Наимы, владѣвшей этимъ языкомъ превосходно, такъ какъ большую часть своей раппей молодости она провела у Лен между Малагой и Гренадой и нерѣдко сопутствовала сестрѣ въ ея путешествіяхъ по Испаніи. Въ теченіи нашей поїздки отъ Италии до Марселя я успѣлъ на столько усвоить себѣ испанскій языкъ, что читалъ свободно, понималъ хорошо прочтенное, выучилъ обыденныя фразы и могъ вести непродолжительный разговоръ. Знаніе латинскаго и итальянскаго языковъ помогло мнѣ въ этомъ, по сродству ихъ съ испанскимъ.

(Продолженіе с.подуметъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(продолженіе) ¹⁾.

III.

Въ то время, какъ Балабуха ъездила «на разглядину» къ Олесь, да увидалася около неї, по околотку прошелъ слухъ, что Олісія Прокоповичевна обручена съ Харитономъ Мосаковскимъ. Мать Балабухи была на ярмаркѣ въ Богуславѣ и привезла эту вѣсть въ Хильки.

— Чи ты знаешьъ, сыну, за кого подавала рулиники Оліська Прокоповичевна? спросила она своего академиста, прѣхавъ съ ярмарки домой.

— А за кого, мамо? спросилъ сынъ.

— За Харитона Мосаковскаго, карачишанскаго дяка, сказала мать.

— За Харитона Мосаковскаго! за того рудого дяка, за ту чехоню? крикнулъ сынъ.

— Не за дяка-бо! Винъ сёгдня дякъ, а може завтра буде поцомъ на батьківськи парофії, бо ёго вищаницька громада выбрала соби священикомъ, сказала мать, желая ослабить негодованіе и досаду сына.

— Одкаснулась одъ мене, студента, академиста для того рудого дурпя, що винъ навить въ граматыци пе бувъ, пе тильки ишо въ філозофії? кричалъ Балабуха, поднявъ руки вверхъ и какъ-бы грозя кому-то своими здоровенными кулачицами.

¹⁾ См. >Киевская Старина< 1884 г., майск. кн., стр. 88—116.

— Потривай, сипу! успокоивала его мать. Не кричи и не сердься;—ничего тымъ не поможешь, а коли хочъ, поѣдь у Кыївъ, та выпроси себѣ въ митрополита Вильшаницю: парадія велика, поля багато, синокосы... и окомъ не скинути,—геть по-надъ Росью, ще й левада така здорова,—скільки то тамъ картоцзи та капусты збирать можно! Ей Богу, сыну, не гай часу, ѿдь до Кыїва! Нехай тоди Опіська поталцює зъ своею чехонею цыганської халяндры. Нехай старый Прокоповичъ дае Харитопови свои Чайки, що ихъ можна въ милшокъ забратъ.

— Добре, мамо, радите! Пойду справди до Кыїва, до самого владыки. Та же въ ёго академистамъ парадія на выбиръ: яку хочъ, выбирай! самодовольно произнесъ Балабуха и злобно захочетъ, прибавилъ: О будуть тоби, Опісько, гарбузы! Дамъ я тоби гарбуза, що будешъ поситься зъ нимъ до смерти.

Не долго думая, Балабуха на другой день отправился въ Кыївъ, явился митрополиту и подальше прошеніе о предоставлениі ему ольшаницкаго прихода. Владыка не видѣлъ препятствій къ удовлетворенію его просьбы; одобрение или выборъ прихожанъ отъ академистовъ не требовалось, не требовался и экзаменъ. Послѣ короткихъ справокъ о мѣстѣ и личности просителя и легкой кой-гдѣ смазки со стороны Балабухи, Ольшаница предоставлена ему резолюцію митрополита. Съ торжествующимъ видомъ выходилъ Балабуха отъ владыки, а на встрѣчу ему робко поднимались по лѣстницѣ ольшаницкій староста и двое старииковъ—прихожанъ съ нимъ прежде, привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ; но Балабуха даже не взглянулъ на него. Тотъ не понялъ или не замѣтилъ этого и въ простотѣ души своей, съ особою привѣтливостію и почтительностію, промолвилъ:

— Чи парадії шукаете, Марку Павловичу? Боже поможи вамъ на все добре!

— Нехай уже вамъ Богъ помогае, а мени вже помигъ: я зайнявъ вашу Вильшаницу, гордо произнесъ Балабуха и не останавливалась, прошелъ мимо изумленныхъ представителей ольшаницкой громады, медленно направляясь въ консисторію для выправки указа о своемъ назначенії. Если-бы надъ головою Моссаковскаго и его спутниковъ раздался въ эту минуту ударъ грома, онъ не поразилъ бы ихъ бо-

лъс, чѣмъ слова Балабухи; они стояли и смотрѣли вслѣдъ Балабухѣ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Чи цей панычъ правду каже, чи жартуе, промозвилъ староста.

— Мабуть бреше на свою обыкніку, какъ-бы въ отвѣтъ ему скажаль одинъ изъ старииковъ: а хто-жъ ѿ го выбирає въ Вилшаницю за священника?

Представители громады не допускали мысли о назначеніи священника безъ выбора громады.

— Та вже чи подався, чи не подався винъ на Вилшаницю, а мы таки ходимъ до владыки. Почуемо, юто памъ владыка скаже,—проговорилъ Моссаковскій.

И всѣ четверо стали подыматься вверхъ. Въ просительской, куда на�отецъ они вошли, шель пріемъ и стоять владыка въ лиловой шелковой рясѣ, въ черной бархатной скуфейкѣ съ вышитымъ напереди крестомъ, не старый, но довольно дряхлый, съ красноватымъ лицемъ, съ жидкой, раздвоенной бородой, на половину сѣдой. Самолично отбиралъ онъ просьбы, выслушивалъ просителей, объявляя имъ свои решения. Дошла очередь до ольшаницкихъ: они поклонились до ногъ и затѣмъ Моссаковскій подалъ отъ себя прошеніе, а староста другое отъ имени громады. Владыка пробѣжалъ то и другое, что-то припомнилъ и дроботливо произнесъ:

— Опоздали, старики! Вашъ приходъ я отдалъ уже другому. Сейчасъ положилъ резолюцію.

Старики замигали глазами, одинъ вздохнулъ, двое другихъ переступили съ ноги на ногу и недоумѣло переглянулись между собою.

— А ты учился въ школахъ? спросилъ владыка, взглянувъ на Моссаковскаго.

— Ба ни, ваше високое преосвященство: я вчился дома въ батька, та въ карапишаньского дяка.

— Гм..., произнесъ владыка.—Чему- же ты учился, что знаешь?

— Выучивъ граматку, часловецъ, псалтырь, твердо и увѣренно отвѣчать Моссаковскій; вмію читати апостола, евангелію, знаю добре уставъ, вмію спевати на гласы, на »Богъ-Господь«, »на подобенъ«.

— А катехизисъ изучилъ?

— Трошкі не довчивъ.

— Ну, и трошку доучи; а коли тебя выбрала громада, то я дамъ тебѣ приходъ, но только поменьше; большиe приходы я отдаю академистамъ. Ну, Богъ вѣсъ благословитъ! Идите съ Богомъ,—закончилъ митрополитъ и направился во внутреннеѣ покои.

Несмѣлые, неповоротливые депутаты только разинули рты, чтобы изложить свою аргументацію, повторить свою просьбу; но владыка уже скрылся за дверью сосѣдней залы. Сконфуженные неудачей, съ поникшими головами, съ опущенными глазами, тяжело вздыхая, переступали они взадъчній порогъ, а Моссаковскій стоялъ, какъ оглушенный громомъ.

— Чи пиде теперъ за мене Опися? невольно мелькнуло въ его головѣ. Чи пиде вона за дяка? Боже мій! скрупался онъ, втерявъ я парафію, втерявъ и Описю.

Глаза его блуждали; лице покрылось мертвенною блѣдностью, руки и ноги окоченѣли. Староста съ участіемъ взялъ сго за руку и вывелъ на дворъ.

— А що будемо робити? спросилъ староста, обращаясь къ своимъ спутникамъ, когда всѣ они очутились на дворѣ.

— А те буде, що мы не пустимо того Балабухи на парафію, отъ що! сказали старики.

У Моссаковскаго немного на сердцѣ отлегло, точно пахнуло на него свѣжій вѣтерокъ. Въ немъ проблеснула надежда возвратить себѣ отнятую парафію, не утратить и Опися.

Воротившись въ Ольшаницу, депутаты объявили громадѣ волю владыки.

— Не буде такъ, якъ владыка каже! Не пустимо Балабухи на нашу парафію. Нехай буде въ нась священникомъ Харитинъ, тай годи,—шумѣла громада, собравшись около церкви: поплемо зновъ, вдруге, прошелся до владыки, а якъ не дозволить, поплемо втрете, а таки нехай буде такъ, якъ громада хоче. Десь выздрався якійсь Балабуха, не явивъ очей въ Ольшаницю, не поговоривъ зъ громадою, а претъся до нась на парафію. Не пустимо Балабухи!

Пока ольшаницкая громада шумѣла да собиралася съ духомъ послать вновь своихъ выборныхъ ко владыкѣ, счастливый Балабуха, возвратясь въ Хильки, дѣлился своею радостю съ родителями и рѣшительно приступалъ къ женитьбѣ.

— А що, сину, зиихнувъ Ониську зъ парафії? первая, по прїездѣ Балабухи, заговорила мать.

— Зиихнувъ мамо! Такъ и покотилась, ажъ курява пиднялась, отвѣчала Марко.

— Отъ теперь нехай знає, якъ класти въ визъ, та въ кишени студентамъ гарбузы, сказала мать. А ты, синку, не гай часу, та збирайся до Терлецкихъ, та ще й свативъ бери. Терлецкіи скупы, дарма що багати. Треба выбрать въ сваты доброго крутія, щобъ выкрутить сотню—другу карбованцівъ.

— Кого-жъ бы то цопросити въ сваты? спросилъ Марко.

— Бери, синку, дядька отця Мелхиседека, ще й титку подпроси. Титка цикава на языкъ, та й дядько добрый торохтій: вони таки ѹось выторохтять! Та нехай добре припрутъ Терлецкого.

Спустя нѣсколько дній Балабуха студентъ, его дядько »торохтій« и тетка »цокотуха« въїзжали на дворъ Терлецкихъ.

Терлецкіе, увидѣвъ, что Балабуха прїхалъ не одинъ, а съ дядей и теткой, сразу догадались, что онъ явился теперь съ рѣшительнимъ пам'реніемъ свататься на ихъ дочери. Въ домѣ началась необычайная бѣготня. Бѣгала Терлецкая мать, бѣгала Олеся, бѣгаль самъ Терлецкій, бѣгала Килина, даже бабы въ кухнѣ про никлисъ общею тревогою и вертѣлись совсѣмъ ужъ безъ нужды и дѣла. Постѣ первыхъ привѣтствій Балабуха поспѣшилъ объявить, что онъ занялъ ольшаницкій приходъ. Терлецкій поздравлялъ его, цѣловался съ нимъ по три раза въ три оборота, цѣловался съ сватомъ Мелхиседекомъ и даже съ его резонабельною женою. Олеся затянулась въ шнуровку такъ, что чуть дышала, нацѣпляла красныхъ и другихъ лептъ, гдѣ только можно было ихъ прицѣпить, и все вертѣлась и бѣгала по комнатѣ въ виду Балабухи. Она знала, что Балабуха не свободно обясняется, особенно въ присутствіи другихъ, и потому пригласила его въ садъ, гдѣ надѣялась услышать отъ него, въ поэтической при томъ обстановкѣ, предложеніе, такъ интересовавшее ее теперь, когда сей минуло уже двадцать три съ половиною года.

— Чи бачили мои квитки? спросила она у Балабухи.

— Ни, не бачивъ, отвѣтила Балабуха.

— Ходимъ, я вамъ покажу, якъ въ мене квитки! сказала съ живостью Олеся и чуть не потянула его за руку.

Балабуха съ великою натугою поднялся со стула и потянулся въ слѣдъ за Олесею въ садъ.

Цѣѣтникъ въ саду былъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ для неоприятного вкуса. Клумбы его съ избыткомъ заполнены были левкоями, астрами, резедою, кой-гдѣ торчали кусты георгинъ, но отъ недосмотра заросли отчасти бурьяномъ.

— Дивиться, яки чудови левкои, сказала Олеся, нагнувшись падь грядками и срывая левкои.

— А справдѣ гарви, та пахучи, сказала Балабуха, въ свою очередь наклоняясь къ грядкѣ.

Олеся сорвала нѣсколько цѣѣтковъ и не разгибаясь нюхала ихъ. Балабуха также запустилъ руку въ густо поросшіе цѣѣты, по заглядѣвшись на полную талію Олеси, вмѣсто цѣѣтовъ сорвалъ бурьянъ и не замѣтивъ этого, сталъ усердно нюхать.

— Вы нюхаете пирацю! крикнула Олеся, вырывая изъ его рукъ бурьянъ и хохоча на весь садъ.

— Ось потривайте, я вамъ нараву букетъ.

Она нарвала самыхъ лучшихъ астровъ и подала Балабухѣ. Балабуха, не разглядѣвъ, нюхаль и астры, хотя они совсѣмъ не имѣли запаху.

Олеся вновь захочотала.

— Ходимъ, побачите нашъ садъ, сквозь смѣхъ прозвенѣла Олеся и побѣжала по дорожкамъ сада къ Роси.

Балабуха принялъ было и самъ бѣжать, но скоро почувствовалъ, что его ноги способны только ходить, а не бѣгать, и шагая изо всѣхъ силъ, едва успѣлъ догнать Олесю.

— А вы куштовали, яки на смахъ левкои? спросила, смѣясь, Олеся: а нате покуштуйте!

Балабуха глядѣлъ на раскраснѣвшуюся, полногрудую Олесю, какъ-бы опьянилъ и ничего не соображая; онъ машинально взялъ левкой, положилъ въ ротъ и стала жевать, но почувствовалъ горечь, скривился и не зналъ, выбросить-ли изо рта цѣѣтокъ или, ничто-же сумялся, скушать на доброе здоровье.

Олеся всѣмъ тѣломъ дрожала отъ смѣха.

— А пто смахни? — спросила она.

— Де тамъ, гиркій, якъ полынь,—отвѣчалъ Балабуха и тутъ только рѣшился избавиться отъ неспригоднаго кушанья, не чувствуя впрочемъ всей глупости своего положенія.

Олеся продолжала хохотать и, граціозно изгинаясь во всѣ стороны, продолжала быстро идти по дорожкѣ. Балабуха едва поспѣвалъ. Они пришли къ самому берегу Роси и остановились здѣсь на пригоркѣ. Внизу шумѣла вода, переливаясь по камнямъ. Но ту сторону Роси, прямо предъ ихъ глазами, гордо высилась отвѣсная, какъ стѣна, скала, вся облитая солнцемъ; за нею по горамъ зеленѣлъ дивный лѣсъ, а вверхъ по теченью Роси видѣлся Богуславъ, раскинутый по высокимъ ея берегамъ, валитый яркимъ свѣтомъ.

— Теперь далій намъ немае куда ити, хиба въ воду, або на скели, сказала Олеся, наводя Балабуху на отвѣчавшую ихъ положенію мысль.

— А справди нема куды, хиба въ воду, або на скели, проговорилъ задумчиво Балабуха.

— А вы полизли-бъ на скели? кокетливо спросила Олеся.

— Ни, не выдерусь, бо даже круто, искренно отвѣчалъ онъ.

— А якъ-бы я васъ попросила, то полизли-бъ?—акъ-бы подразнивая, вновь спросила Олеся.

— Полизъ-бы, рѣшительно и твердо сказала Балабуха, глянувъ прямо въ очи Олеси.

Глаза Олеси блестѣли, какъ яркая заря; ихъ блеска не ослаблялъ даже яркій свѣтъ солнца. Ея горящее лицѣ пыпало, какъ огонь.

А Балабуха все таки молчала.

— Правда, у насъ у Хохитви гарно? Краце, якъ у вашій Вильшаницы?

— Краце, якъ у Вильшаницы, але.... але, якъ бы вы були зомно въ Вильшаницы, то вона-бъ мени здалась кращою отъ Хохитви,—едва вымолвилъ Балабуха и покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Насилу! слава тоби Господи! Отъ-отъ скаже,—подумала Олеся.

— Якъ же-бъ я була? Чи поїхала-бъ съ вами, чи що? спросила Олеся.

— Ни, якъ бы вы за мене папили замажъ, бо я... я.... бо той... Купидонъ пронизавъ наскризь мое сердце стрилою. Амуръ не любивъ такъ Исихеи, якъ я люблю васъ, съ болникою натугою сказала Балабуха.

Олеся читала альманахи, стихи, кой-какие романы, понимала, что звучать Купидонъ и что Амуръ, и сказанное Балабухою, помимо содержания, ей очень нравилось. Романтизмъ посился тогда въ воздухѣ, проникалъ даже въ сельскія захолустья; имъ заражена была и Олеся, начитавшаяся отчасти старинныхъ въ русскомъ переводахъ немецкихъ романтическихъ повѣстей. Но все таки ей хотѣлось Амура нѣсколько лучше Балабухи: не такимъ она рисовала себѣ своего Амура, да гдѣ его лучшаго взять. Олеся, церемонно опустивъ глаза внизъ, тихо промолвила: ять батько, та мати скажутъ; я згожуюсь.

Балабуха какъ то нерѣшительно поцѣловала руку Олеси и ничего больше не могъ уже сказать. Олеся въ свою очередь замолкла. Молча повернули они назадъ, медленными шагами направляясь къ дому.

Въ то время, какъ молодые гуляли по саду, отецъ Мелхиседекъ и его жена, недолго думая, принялись за Терлецкаго и его пани и начали трактовать о приданомъ.

— А що, отче Петре, сказати правду, прыхали сватати вашу дочку Олесю, сказалъ отецъ Мелхиседекъ: чи оддасте, чи нехай, якъ кажуть, пидростс?

— Мы зъ жинкою согласни. Незнаю, що дочка скаже, коротко отмѣчаль Терлецкій.

— Коли вже, дякувати вамъ, така ваша воля, то треба й дарити дітей. Вибачайте, спитаю, що вы думаєте дати за дочкию? съ подходцемъ спросила матушка сваха, Мелхиседекова жена, Мареа Тарасьевна.

Терлецкій взглянуль на жену и сказаль: а щожъ? дамо сто карбованцівъ.

— Сто карбованцівъ гроши, то правда, зачастиль отецъ Мелхиседекъ; але, сказати правду, пе велики.

— А вже-жъ не велики, подхватила Мелхиседекова жена: гроши тришьми, але треба й до грошей: треба й воливъ, треба й коривъ, треба й возивъ, треба коней, треба и до коней; треба й мыски й ложки, треба чогось и до ложки. Вже, Господи, що й казати! Вы сами здоровенки, знаете, чого треба на господарстви, та ще й новому.

Терлецкая сердито взглянула на простую въ *намитки* сваху, которая затараторила, какъ старая цыганка.

— Та вже, свахо, Олеся наша дочка; тотаки мабуть не выхлемо ін босу зъ хаты, не безъ ироніі замѣтила Терлецкая.

— Борони Боже! Я й сама мати и маю дочою: хвалити Бога, я вже надбала шовни скрыни всякого добра для своихъ дочекъ. Въ мене готова имъ и одежа, й плахта, й запаски, й памитки, й скатерти. Я вже презначила имъ коровы й телыци, и кабаны й ліохи, й гусы и индыки.... Де вже! що й казати! Невие и вы приdbали для Олеси всякого добра. Чи багато коривъ та воливъ думаете дати? спросила сваха.

— Дви пары воливъ и корову, сказаль Терлецкій.

— Мало, сказаль Мелхиседекъ.

— Ей Богу, сердце, мало! подхватила сваха. Двома парами не потягнешь плуга въ поле. Третя пара не зашкодить. Та зъ однои коровы пе наберешь ни сыру, ни масла. Треба, свахо, дви коровы, доконче дви, бо вы сами, здоровеньки, знаете, що зъ однеи коровы не найдеться масла та сыра. Іоно-бъ добре будо масла та сыру пайдеться, ще й на ярмарокъ выслати на продажъ. Що й казати. А скатертивъ багато думаете дати? смѣло спросила сваха.

— И прынись нечистый оцю цыганку! Вона забере въ мене вси коровы, гусы и индыки, подумала Терлецкая.

— Та що тамъ, жинко, скатертій! За гроши можна всіого накупити. Я все, бачите, за гроши. Отче Петре! Ей Богу мало сотни карбованцівъ. Що теперъ сто карбованцівъ? То колись будо можна за сотню трохи пе село купити. Треба дви або й три сотни, та й ще трохи, сказаль Мелхиседекъ.

— Подумаемо, подумаемо. Въ нась пе одна дочка; сами знаете, сказаль Терлецкій.

— Та й паничашнхъ вашихъ дайте, сказала сваха. У васъ таки багатенько людей. Дайте хочъ одну сим'ю!

— Де ти люде въ мене! Геть уся порозбитались, неначе пхъ якій нечистый къемъ порозгаявъ! Тильки й зосталась сама калачъ: одна баба та горбата Кизина, сказаль Терлецкій.

— Съ тѣи горбатои роботы, якъ зъ малон дитини, сказала сваха: вона тильки хлібъ дурно Ѵстиме. Дайте таки здоровенькихъ та мицценъкихъ, щобъ догодці були до роботы.

— Але все таки Килина глядитиме дитей, буде за няньку, сказала Терлецкая: Килину дамо, а бильше не дамо.

— И за Килину спасыбы! Але прикиньте ще хочъ бабу. Баба не багато заважить, а все таки буде помичъ въ господарстви: хочъ гусей пастиме. Добра баба въ хати, якъ добра квочка: вона й дитей догляне, и курчата добре высидить и ихъ добре выводить,— тараторила снаха.

Мелхиседекъ сердито посмотрѣлъ на жену; она догадалась, что наговорила много лишняго и прикусила языкъ.

— Якъ же воло буде, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, чи на словахъ умовимось, чи панишемо на папери?

— На папери, серденько, на папери лучше буде, забарабанила опять сваха; бо сказано, якъ панишешъ перомъ, то не вывезешьъ и воломъ. На папери, на папери! Такъ и Богъ казавъ.

— Сваты гвоздили, пока не выгвоздили еще сотню рублей, еще одну корову и третью пару воловъ, да еще и Килину, хотя Килины не спрашивали, захочеть ли она разстаться съ отцемъ и матерью и ўхать въ чужое село. Сваха все поглядывала искоса въ окна, много-ли на дворѣ куръ, гусей, индюковъ и прочей птицы. Она очень любила гусей, любила мягкия пуховые подушки и все приставала къ Терлецкимъ, чтобы дали Олесѣ побольше гусей.

— Гуска, моя свашко, въ господарстви, то свята птица, все одно, що вивця, або свиня, выбачайте въ цымъ словъ: эъ неи мяще, эъ неи смалецъ, эъ неи пирья, эъ неи й пухъ, эъ пеи яйца, эъ неи сыръ, эъ неи й масло, эъ пеи вовна, эъ неи молоко, эъ неи ковбас...

Тутъ запнулась сваха и замолкла; она сама почувствовала, что завралась до невозможнаго.

Терлецкая улыбнулась, но отъ смѣха удержалась. Отецъ Мелхиседекъ оиять грозно взглянулъ на жену.

Пока старики уговаривались, въ свѣтлицу вошли молодые. Балабуха былъ красивый, точно у огня долго постоялъ. Олеся смотрѣла такъ спокойно, какъ-бы ничего съ пею не случилось, точно она прошлась по саду и посмотрѣла свои любимые цветы.

— Чи скинчиши вы свое дило? спросила сваха, обращаясь къ молодымъ.

Олеся засмѣялась, повернувшись сюда-туда по свѣтлицѣ и съ размаху опустилась на стуль.

— Скинчили слава Богу! отвѣтилъ за себя и за нее Балабуха.

— Поздоровляю вась! Даруй же вамъ, Боже, щастя та здоровья, крикнула сваха.

— Роди вамъ, Боже, жито й пшеницу, а въ запичку дитей копицю, сказалъ нецеремонно отецъ Мелхиседекъ, цѣлуюсь съ Балабухою.

Всѣ стали поздравлять и цѣловать свѣжѣ помолвленныхъ.

— Коли вы скинчили, то й мы скинчили, закончила сваха: теперь, свате, можно й на шапери пашу розмову написать, прибавила она, лукаво поглядывая на ново-пріобрѣтенаго свата.

Терлецкій потоптался, повертѣлся и добылъ гдѣ-то бумаги. Хватился пера, пера не оказалось; досталъ чернильницу, а тамъ чернило высохло, осталась лишь черная масса, на подобіе ваксы. Принесли воды, развели чернило. Килина побѣжала на дворъ, поймала гусь, выдернула изъ его крыла два пера и припесла въ комнаты. Батюшки долго очищали перья, обсасывали и слюнили ихъ, писали: »проба пера и чернила, какъ оно пишеть« и наконецъ невысокимъ слогомъ положили на бумагу свою »розмову«. Первымъ подписался Терлецкій, а за нимъ сватъ не твердою рукою начерталъ: »іерей Мелхиседекъ, рабъ Божій, за себѣ и за свою нетамущу письма жинку рабу Божу Марту руку приложиевъ«.

— А що, отче Петре! теперъ можна и до заручинъ приступити, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— А вж-жъ треба, яѣ слидѣ, по закону зробити, отвѣчалъ Терлецкій и мигнулъ женѣ, чтобы приготовила, что слѣдуетъ по закону. Терлецкая выплыла изъ свѣтлицы и скоро вернулась, неся въ руکѣ восковыя свѣчи. Свѣчи зажгли и погрѣвъ ихъ концами дружка о дружку, прилѣпили къ угольному столику, зажгли и лампадку передъ образомъ. Килина съ бабой принесли домашней работы коверъ и разостлали въ углу передъ столикомъ. Обрученые вступили на коверъ, положили по три поклона, поцѣловали образъ, обмѣнялись кольцами, кланялись до земли сперва отцу, потомъ матери невѣсты, прося благословенія.—Балабуха былъ серъёзенъ, задумчивъ, легкая грусть будто пробѣгала по его лицу; Олеся раскраснѣлась отъ поклоновъ; казалось, вся кровь ея полнаго тѣла прилила къ головѣ. Терлецкій съ важностю своего сана и положенія сталъ благословлять, вспомнивъ долго жившій въ традиції

фактъ, какъ знаменитый киевскій проповѣдникъ, протоіоанпь Леванда говорилъ рѣчъ на собственной свадьбѣ, и счѣль умѣстнымъ привѣтствовать рѣчью Балабуху и Олесю; но, не обладая даромъ импровизаціи, запутался на первыхъ-же словахъ и замолкъ. Терлецкаго выручила болѣе его счастливая въ дарѣ импровизаціи сваха Марта. «Щасти вамъ, Боже,—засыпала она, какъ горохомъ, обращаясь къ обрученнымъ,—на все добрѣ, на весь викъ, на весь ридъ, на вашихъ дитей, на вашихъ внуковъ и правнуковъ! Даруй, Боже, щобъ жили вы зѣ собою, якъ рыба зѣ водою, щобъ любились, якъ голубки, а плодались, пробачайте, якъ свинкій»...

— Та годи тоби, стара, прерваль свою ораторшу Мелхиседекъ, замѣтивъ, что при послѣднемъ ся словѣ молодые сильно сконфузились, а сваты даже нахмурились.

Сваха замолкла. Благословила мать. Поздравляли другъ друга сваты, не скучая па благожеланія. Наконецъ, перецѣловавшись по нѣсколько разъ, всѣ уѣзжали, точно устали отъ трудной работы.

Отецъ Мелхиседекъ поглядывалъ, не вынесуть-ли хоть теперь выпить да закусить, но Терлецкая и не думала, кажется, о томъ, что на взглядъ свата и даже жениха было теперь едино на потребу. Отецъ Мелхиседекъ не вытерпѣть наконецъ и по просту сказалъ:

— А що, паниматко сванико! годилось бы може й брызнути па молодихъ.

«Паниматка» догадалась и вскорѣ на столѣ явился знакомый уже Балабухъ маленький графинчикъ и столь-же маленькая рюмочка. Отецъ Мелхиседекъ и его жена сердито взглянули на такие «эльдни» и переглянулись между собою.

Вышли по рюмкѣ, при чемъ о. Мелхиседекъ даже передернуло отъ досады на скверность сватовъ. Подали за тѣмъ самоваръ и Терлецкая стала поить гостей чаемъ. Какъ вдругъ двери отворились и въ свѣтлицу взетѣль мѣстный кавалеръ, хохотянскій экономъ Сигизмундъ Башковецкій. То бывъ молодой, выхоленныи блондинъ, съ здоровеннымъ усами, съ роскошными русыми кудрями на головѣ, съ свѣтло-сѣрыми глазами и полными розовыми губами. Его здоровыя круглыя щеки загорѣли, но лобъ обозначалъ бѣлизну кожи, а отъ всей его фигуры такъ и отдавало здоровьемъ. Возврашаюcъ съ поля и увидавъ въ дворѣ Терлецкаго двѣ брички, онъ догадался, что у него гости. Зналь онъ, что у Терлецкихъ священ-

ники не бывают, по только сосѣдъ—панки, и предполагая, что тутъ гостить знакомыи и ему »паненки«, завернуль на часочекъ, разсчитывая весело поболтать да потанцововать. Баньковскій, вертлявый и необычайно живой, буквально вѣжаль въ комнату, на лету поздоровался съ хозяиномъ, поцѣловавъ хозяйку въ руку, повернулся на одной ногѣ, стукнулъ каблукомъ, подаетъ къ Олеѣ, цокнуль ее въ руку и съ легкостью падающаго мячика опустился рядомъ съ ней на стулъ. Ему и въ голову не приходило, что тутъ только что кончилась помолвка Олеи съ Балабухою, и онъ началъ весело болтать да смыть обрученной комплименты. Говорили они все по польски.

— Яѣ же здровіе панны? Яѣ сіе панна ма? Яѣ сіе сдало? Яки сіе снили квяты? защебеталъ развеселый панъ.

— Спалось добре и ничего не снилось, отвѣтила Олея, кокетливо вскидывая глаза на Баньковскаго.

— И до правды не спили сіе квяты? игриво допрашивалъ Баньковскій.

— Мені квітки не снятися, а таїль хиба часомъ *кручени панычи*... сказала Олея.

— А я завше видзе квятки, а часами паненятки зъ парымъ очкамъ, лепеталъ Баньковскій.

— Баньковскій и Олея вели игривую бесѣду, шутили, смѣялись, подзадоривали другъ друга, какъ будто въ комнатѣ не было никого. Мелхиседекъ только посматривалъ на свою Марту, Марта на Мелхиседека.

— Чо то за »намитка« коло самовару? тихоцко спросилъ Олею Баньковскій.

— То сваха; прыхала мене сватати, шопотомъ отвѣтила Олея.

— И то панна пуйде за те »намитке?« прошепталъ Баньковскій и расхохотался на всю комнату.

Олея съ трудомъ удержалась отъ смѣха, прикусивши губы. Гости переглянулись, разговаривая за чаемъ. Балабуха сидѣль, напившись.

Хочёте подивитъца на мои квітки? спросила Баньковскаго Олея, поднявшись со стула.

— Овнемъ! Квітки гарни, щани гарни—то мое крулевство, виолголоса сказалъ Баньковскій, выходя вслѣдъ за Олеей въ сѣни.

Балабуха вспомнила, что Олеся такъ недавно и тѣми-же словами вызывала его на роковое объясненіе и принесла къ мысли, не думаетъ ли Олеся повести такое-же объясненіе съ ненавистнымъ ему ляшкомъ. Онъ всталъ, взялъ картузъ и вышелъ вслѣдъ за Олесею и Баньковскимъ.

Олеся проворно бѣжала, направляясь къ цветамъ и на бѣгу, какъ птичка, щебетала. Баньковскій не отставалъ, весело подпрыгивая и постукивая каблуками. Мѣшковатый, на галушкахъ вскормленный, Балабуха настигъ ихъ лишь у грядокъ съ фіалками и астрами.

— Гляньте, паче Баньковскій, яки чудови мои квіточки, сказала Олеся, нагибаясь надъ грядкой. Баньковскій также нагнулся рядомъ съ Олесей: ихъ руки и плечи соприкасались. Балабуху это передернуло. Олеся сорвала фіалку и подала Баньковскому; тотъ жадно нюхалъ.

— Дае нюхати, якъ и мени давала. А ну, чи загадає вона і єму йти квітки, якъ мени загадувала? подумалъ Балабуха.

Но Олеся не повторила прежней шутки; она лишь ловко подразнила Баньковского, который хотѣлъ у неї взять цветокъ, и кокетливо поигравъ имъ предъ носомъ панка, быстро повернулась и побѣжала по дорожкѣ сада, напѣвавъ веселую пѣсеньку. Баньковскій въ припрыжку устремился за Олесей, а Балабуха угрюмо пошелся, не спуская ихъ съ глазъ.

— Ей Богу веде панка туды, куды й мене водила, думалъ про себя Балабуха. А ну, чи загадає вона єму лѣзти на свели? Якъ що тильки загадає, то мабуть вона вдруге стане на заручини зъ цимъ панкомъ.

Олеся добѣжала до конца сада, взглянула на Рось, на скалы, вертѣлась, топала ножкой, точно танцовать хотѣла, но не предложила Баньковскому лѣзть ни въ воду, ни на скалу. Балабухѣ стало легче ча душѣ. Она любовалася тѣмъ, какъ Олеся бѣгала, кружилася, притопывала и тихо вапвала то польскія, то свои родныя пѣсеньки. Баньковскій безъ умолку болталъ и не далъ Балабухѣ промолвить слова къ Олесѣ.

— Це мій женникъ, шепнула Олеся Баньковскому: я йду за єго заміжъ.

— О, Матка Бозска! тихо промолвилъ Баньковскій, трагически приложивъ руку къ сердцу и поднявъ глаза къ небу.

— Чого вы такъ поднимаете очи до неба? прошептала Олеся.

— Чого, чого.... Ой вы, паны! Ой вы квяты! вы не знаєте тего..., нащептывалъ Баньковскій, отнимая руку отъ груди и указывая пальцемъ на сердце.—На правде я скоче зъ тей скалы въ воде.

— А ну скакайте, я подивлюсь! Я зроду не бачила, якъ панычи скочуть зъ скель у воду, сказала Олеся, усмѣхаясь.

— Ой вы, панна! охъ! со вздохомъ произнесъ Баньковскій и мгновенно замолкъ, увидѣвъ приближающагося къ нимъ Балабуху.

Балабухъ хотѣлось пихнуть панка съ скалы въ воду. Ему рѣшительно думалось, что панокъ хочетъ отбить у него Олесю. Олеся замѣтила, что Балабуха надулся, и сообразила, что пора перестать заигрывать съ Баньковскимъ. Она умолкла, силилась быть серьезной, но въ томъ не успѣла.

Баньковскій сыпалъ комплиментами, заигрывалъ, подшучивалъ; Олеся не выдержала и стала заливаться громкимъ смѣхомъ, перекидываясь съ Баньковскимъ бойками, полъ часть ничего не значущими словами. Это была ея сфера; въ ней она выросла, съ ней сроднилась; она такъ подходила къ ея живому, пылкому темпераменту. Чтобы сдержать себя въ эту минуту, она подала Балабухъ руку, и они тихо поплыли по направлению къ дому.

Тамъ между тѣмъ шла иная бесѣда — серьезная, дѣловая: толковали о днѣ свадьбы.

→ Весилля одкладати на довгій часъ зовсімъ не годиться,—говорила сваха Марта. Черезъ тиждень, або черезъ два роспочишайте весилля. Въ субботу коровай та шишкы, а въ неділю й до винчання, а то ще Харитинъ одніме парадію.

— Якъ шишкы? Мы й не думаемо пекти шишкы, сказала Терлецкая съ видомъ иренебреженія; це дуже простай звичай.

— А якъ же воно буде, мое серденько? почти вскрикнула Марта: це-жъ буде не по людському и не по Божому. Дежъ таки спрavляти весилля безъ шишокъ! Въ субботу мы надъїдемо підъ часъ короваю та шишокъ, поможемо замисити и спекти, та й засыпаемо и потанцюемо по старому звичаю, аби музыки були,—допоминалась сваха.

Терлецкая только рукой махнула. Марта стиснула зубы и надулась.

— А Баньковский, не обращая вниманія на сватовъ, точиль по прежнему »баласы«, выдѣлывалъ »выкрутасы«, то подсаживаясь къ Олесь, то вертясь передъ нею, то подпрыгивая и кружась, какъ въ »обергасѣ¹⁾«. Сваты искоса поглядывали то на Баньковского, то на Олесю и переглядывались между собою. Марта не на шутку разобидѣлась по поводу коровы и пшишень и стала пролзаться. Балабуха не хоти вставалъ со стула, но лишь видъ даваль, что собирается уѣзжать: ему крайне не хотѣлось оставлять Олесю съ Баньковскимъ. Тѣмъ не менѣе гости поговорили, потолковали, стоя на ногахъ, опредѣли день свадьбы и распрощались.

— Алежъ ты, Марто, велика брехуха! вже дуже роспушкаешь своего языка, сказать Мелхиседекъ своей женѣ па выѣздѣ изъ села: дѣжъ таки пласти таке, що зъ гуски сыръ, и молоко, й вовна, ще й ковбасы.

— Хочъ я й брехуха, а все таки выбрехала пебожеви двисти карбованцівъ, три пары воливъ, два коровы, два десятки гусей, ще й Килину зъ бабою на придачу.

Когда наконецъ женихъ и сваты прїѣхали въ Хильки, сваха на ухо рассказала матери жениха, что продѣлывала съ Баньковскимъ ея нареченная невѣстка. Мать покачала только головой и передала все сыну.

Между тѣмъ отецъ Павель саморучно наточилъ изъ балажки свѣже припесенной изъ подвала водки, а его господишка, зная уже отъ сына, каково угощеніе у Терлецкихъ, припасла къ ужину всякой всячины: поставила лапшу, потомъ бараны *шумпики* въ листахъ свѣжей капусты, жаренаго гуся съ сливами и большую »салитерку« варениковъ. Мелхиседекъ съ Мартою да и самъ женихъ такъ начинулись на Ѵду, точно изъ Почаева сейчасъ пришли.

— Чудни ваши сваты, говориль о. Мелхиседекъ, вышивая »на потуху«. Горилки не пьють, хлеба жалують: чимъ вони живуть?

— Скупи таки; Господи, яки скуши! вторила ему Марта.

— Та вже коли заручили налиого Марка зъ ихъ Олесею, то мусимо мати ихъ за свативъ, сказалъ о. Павель.

— Те правда, не безъ горечи замѣтила Балабуха-мать и обращаясь къ сыну, прибавила: уже-жъ, якъ Богъ тоби поможе одру-

¹⁾ Польский простонародный танецъ.

житися зъ Олесею, то нехай вона забуде свое панство, та щобъ навчилась гостей витати, якъ Господь приказавъ, а пе пускати ихъ противъ ночи голодными.

Вѣсть о предстоящей свадѣбѣ Балабухи и Олеси скоро разнеслась въ околотѣ, но никого особено не поинтересовала и не порадовала, ибо всѣ понимали, что пе придется никому изъ вихъ на этой свадѣбѣ гулять. Когда Балабуха, по старому обычая, побѣхаль приглашать родныхъ, тѣ благодарили, по отговаривались, кто вакъ могъ и умѣль. Даже Мелхиседекъ и Марта,—пѣ *длдина*, по тетка родная, и тѣ пе вдругъ согласились присутствовать на свадѣбѣ.

— Чого я туды пойду, що я тамъ побачу? отвѣчала тетка на приглашеніе племянника. Во хто тамъ буде?—Мабуть тильки ты, небоже, та твій батько, а решта все Баньковськи та Горшковськи, Копыцниськи та Стожинськи. Свашокъ, свитилокъ, дружокъ тамъ пе буде; короваю пе забгають, шишокъ пе спечуть, писень віняхъ пе почуешь, ле буде до кого й слова промовить... Чого я пойду? Такъ хвба на витришки...

— Та що-жъ, коли вони живуть по панськи, сказаў Балабуха.

Про мене нехай соби живуть и по свинськи, але сватамъ повинни честь отдать, та по людськи ихъ приймати. Вже-жъ я, слава Богу, пѣ перший разъ за сваху.

И тѣмъ пе менѣ быть на свадѣбѣ сваха согласилася. Невозможность отказа она и сама вполнѣ понимала; но ей хотѣлось излить всю свою досаду на скупыхъ и «запанѣлыхъ» сватовъ.

Спустя недѣлю Терлецкіе праздновали свадѣбу своей дочери съ Балабухою. На свадѣбѣ со стороны родныхъ и сосѣдей жениха только и было, что его родители и дядя съ женою, да еще одинъ сосѣдъ священникъ, остальная свадебная компанія состояла изъ мелкой польской личности, да такихъ-же чиновниковъ изъ сосѣднаго Богослава.

Олеся была въ бѣломъ сатентюровомъ платьѣ, съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ на головѣ; весь вечеръ танцевала она съ мѣстными и прїѣзжими панками да богуславскими чиновниками. Смуглый, загорѣлый Балабуха въ бѣломъ жилетѣ, съ новязаннымъ па шеѣ бѣлымъ шолковымъ платкомъ, рѣзко выдѣялся и своюю наружностю и своими манерами въ этой все таки полированной средѣ. Участія въ танцахъ онъ пе могъ принять: танцевали трамбліемъ

краковяка, позже мазурку, а онъ могъ-бы пройтись развѣ козака да метелицы. Балабуха занимался созерцаніемъ сновавшихъ предъ его глазами нимфъ и сирель; лишь изрѣдка приходилъ ему на память иной стихъ изъ древнихъ поэтовъ. Матушки сидѣли молча и отъ времени до времени потрогивали одна другую локтями. Положеніе батюшекъ было все таки сноснѣе: съ прѣзжими экономами они вели кое-какой разговоръ; напримѣръ о томъ, какъ родится рѣпакъ, когда и въ какую землю его сѣять и какую выгоду онъ даетъ, а равно о только начинавшемся тогда сахарномъ производствѣ. Долго Богуславскіе жidки играли, долго паничи и панны танцевали. Батюшки и матушки не только соскучились, но и порядкомъ проголодались, а имъ вмѣсто привычной и ничѣмъ для нихъ незамѣнимой горилочки подавали чай, потомъ разные сладкія печенія, богуславскую *бакалію*—фиги, рожки и родзыпки и изъ собственного сада разную овоющъ. Такое угощеніе мало ихъ занимало и развлекало; они до него совсѣмъ почти и не дотрогивались. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ больше одолѣвали ихъ скуча и голодъ.

Сваха Марта стала даже дремать и чутъ совсѣмъ не заснула. Сестра ея, мать жениха, замѣтивъ это, слегка тронула ее за руку и онѣ вмѣстѣ принялись выражать свою досаду на Терлецкихъ.

— Це не весилля, а якась дитяча забавка, сказала мать Балабухи.

— Ни короваю, поддержала ее сестра, ни пшишокъ, ни весильныхъ писень. А комибъ ты зпала, якъ я ѿсти хочу.

— Та хотъ-бы по чарци дали, еще тише высказалась сестра: мене ажъ за печинки тягне.

Въ это время лихо несся на нихъ Баньковскій въ мазуркѣ съ Олесею, гулко выбивая каблуками.

— Дивись, сестро, замѣтила Марта, якъ стрябае, ажъ усы трусяться. Бый ёго сила Божа, неначе скаженый.

За полночь поданный ужинъ столь-же мало удовлетворилъ ихъ, какъ и предъидущее угощеніе. На столахъ было больше посуды, чѣмъ кушаньевъ. Никакой тутъ настойки, ни наливки не было, понаставили много тарелокъ, много стакановъ, стояло нѣсколько бутылокъ сантуринскаго, генериfu и мушкателю да хорошаго, правда, меду—*липчу*, что совсѣмъ послесоръ къ свадьбѣ подарить; но и то все безцеремонно панки потребили. А что всего хуже,— не было ни припросу, ни докуки.

— Чомъ ты, сестро, не ѿс? спрашивала Марта Балабуху-мать.

— А якъ же ёго ѿсти, отвѣчала она, коли никто не припрощуе.

Такъ и встали изъ-за стола наши сваты и свахи голодными и ужъ нимало не пьяными, какъ слѣдовало по старому обычая.

— Буду довго памятати сынове весилля! говорила послѣ ужина мать Балабухи, обращаясь къ своему мужу. Нехай же вони до насть прыидутъ, то я имъ покажу, якъ-то свативъ витати: вже-жъ я ихъ не выпущу голодными та тверезыми.

— Цурь ёму, цёму весиллю! вторилъ ей мужъ; їдъмо до дому.

— Колибъ лишень Терлецкій не обдаривъ и сына такимъ приданимъ, якъ настъ оцію вечерею.

Ни о какихъ дальњійшихъ, привычныхъ въ старомъ быту церемоніяхъ и сопровождающемъ ихъ бражничаны не могло быть и рѣчи. Сваты и свахки ясно это видѣли и потому единогласно рѣшили отправляться ко дворамъ. Терлецкіе не очень упрашивали ихъ оставаться; но за то эти съ полнымъ радушіемъ и искренностю просили Терлецкихъ о томъ, что такъ сказать слѣдовало само собой, т. е. привезти къ нимъ «молодыхъ» и закончить у нихъ свадебное праздненство.

Скоро послѣ свадьбы Марко Павловичъ отправился въ Киевъ и получилъ посвященіе. Съ граматою и указомъ онъ явился къ благочинному и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Ольшаницу, чтобы войти въ свой приходъ. Благочинный позвалъ старосту и велѣлъ отпереть домъ священника, который, за отѣзdomъ Харитона къ одному изъ братьевъ, оказался запертымъ, равно оповѣстить громаду, что на слѣдующій-же день (а это приходилось воскресеніе) молодой батюшкѣ будетъ совершать первое служеніе.

— Ключи въ мене, скромно началь староста, але я не маю права одымкati, бо то хата не громадська, а покійного батюшки, а теперъ Харитона.

— А дежъ буде жити вашъ новий священикъ? спросилъ благочинный.

— Де сходитъ, тамъ и житимуть, отвѣчать, понуро глядя, староста.

— То нехай громада дастъ ему кватиру, сказатъ благочинный.

— Не мы выбирали себи священника, це мы будемо й кватиру ему давати, спокойно, но твердо говорить староста. Громада вы-

брала за священника сына покойного панотца, Харитина, и хочет, чтобы винъ бувъ у Вильшаныци священникомъ.

— Та дѣ-жъ самъ владыка приславъ вамъ сего священника, возразилъ благочинный.

— А коли владыка ёго приславъ, то нехай владыка и кватиру ёму дае, также спокойно отвѣчаль староста.

Балабуха испытывалъ большую неловкость и смущеніе. Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ отпорѣ со стороны громады, который ясно обозначился въ отвѣтахъ старости.

— Вже, старосто, якъ громада схоче, а нового священника нехай прымае, продолжалъ благочинный.

— Ба не прыимено. Не мы его выбирали, не намъ его и прыимати, сказалъ наотрѣзъ староста.

— А все-жъ таки новый священникъ буде въ вашій церкви службу Божу правити, прибавилъ на другой ладъ благочинный.

— Нехай правити: то Боже дило, а громада кватыри не дастъ, замѣтилъ на это староста.

Благочинный не желалъ болѣе тратить по напрасну словъ: ввелъ Балабуху въ церковь, передалъ ему предъявленное старостою имущество и ключи, а за тѣмъ, отслуживъ вечерню въ пустой церкви, оба отправились па ночлегъ къ дьячку. На утро Балабуха, въ присутствіи благочинного, служилъ обѣдню и чтобы расположить къ себѣ прихожанъ, прочелъ два-три акаѳиста предъ обѣдней, самую обѣдню тянулъ долго, а въ концѣ сказалъ длинную-предлинную проповѣдь, нарочно имѣя эту случай написанную. Голосомъ, фигурою, манерою служенія Балабуха приходился по вкусу громадѣ; но медленность службы и проповѣдь, пропитанная насквозь скользкою и пересыпанная текстами славянскими и словами польскими и даже латинскими, решительно не располагали прихожанъ къ новому батюшкѣ.

— Тай довго-жъ держить цей пипъ у церкви. Вже, мабуть, и обидъ простоявъ,—жужжали хохляки, выходя изъ церкви.

— Що то винъ читавъ? чи які указы, чи що? спрашивали другъ у друга хозяева.

— Ать! верзе щось такое, что й куцы не держиться, отвѣчаль одинъ представительный старикъ. Богъ зъ нимъ, зъ цимъ непроханымъ цопомъ!

По данному отъ старости наказу, громада собралась около церкви. Вышель благочинный и сталъ убѣждать ее принять новаго батюшку и дать ему квартиру, или-же купить для него домъ прежнаго священника.

— Не хочемо, отче! И кватыри не дамо, и не сплатимо грунту покійнаго батюшки, загудѣла громада: мы таки будемо домагатись у владыки, щобъ Харитинъ бувъ у нась священникомъ.

— Якъ хотите, а я не маю права зминыти, що постановивъ владыка, сказаль благочинный: повый священикъ зостанеця у васть на пафії.

— Воля ваша! Нехай зостанетця, але мы не будемо давати ему помочи.

Благочинный долго на всѣ лады уговаривалъ громаду, но ничего не могъ сдѣлать. Балабуха остался па нѣкоторое время въ хатѣ дѣячка, но скоро увидѣлъ, что ему приходится дорого расплачиваться за свое недавнєе торжество надъ Онисею. Оня служилъ, но въ церкви мало видѣль прихожанъ, а пѣть людей, пѣть и приносу. Опъ крестиль, погребаль и вѣничаль, а люди или вовсе не платили ему, или платили очень мало, а за акаѳистами, молебнами и другими подобными требами обращались къ сосѣднимъ священникамъ; громада еще разъ нарядила посланцевъ къ владыкѣ просить о Харитонѣ Моссаковскомъ.

Балабуха попробовалъ показать своимъ пафіянамъ молодую ихъ матушку, но этимъ еще болѣе повредилъ себѣ. Олеся нарядалась и пошла въ церковь, по имѣла неосторожность стать впереди всѣхъ предъ иконостасомъ, а не въ »бабинцѣ«, гдѣ обыкновенно становились прежнія матушки и ихъ дочери. Громада загудѣла:

— Що вонъ таке за пани! Пришла простоволоса (не покрытая платкомъ), роспустила свои спидници, тай вынерлась на самый передъ, забутъ, щобъ па неи чинъ дивився, а вона па его. Господа зисважае, громады не шануе.

Какъ ни изворачивался Балабуха, но ничего не могъ подѣлать. Старался оръ задобрить старосту и старию, увѣщевалъ въ церкви и по домамъ,—ничто не помогло. Громада стала противъ него, какъ одинъ человѣкъ; перестали подходить къ нему подъ благословеніе, обходили па улицѣ, отказывали въ какой-бы ни было услугѣ, а самое главное не давали ему ни доходу, ни приносу. Олеся пожила

съ недѣлю въ дьяковой хатѣ и уѣхала къ отцу. Балабуха не могъ не видѣть всей безвыходности своего положенія: въ его рукахъ была церковь, и ризы, и кропило, и кадило, а дохода никакого и жить совсѣмъ стало нечѣмъ. Оставалось или голодать, или просить другаго прихода.

И. Левицкій.

(Продолженіе с. предыдущего).

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА.¹⁾

(Южно-русская религиозная драма конца XVII ст.).

Рукопись, по которой мы воспроизводимъ текстъ этой драмы, сообщена редакціи изъ кулянскаго уѣзда, харьковской губерпії, куда она попала, конечно, совершенно случайно. Подлинное заглавіе драмы слѣд.: *Розмова во кратицѣ о душѣ грѣшній, судъ при-
нятої отъ судии справедливою Христа Спасителя.* Ни самая драма, ни имя ся автора въ нашей исторической литературѣ совсѣмъ не известны. По формѣ и приемамъ построенія она подходитъ къ драмамъ св. Димитрія Ростовскаго, но языку едвали-пе предшествуетъ имъ. Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ первыхъ памятниковъ этого рода, доселѣ совершенно неизвѣстный.

По видѣнію виду, рукопись представляетъ восемь листковъ іn 4° бѣлой, совсѣмъ потемнѣвшей бумаги, которые, какъ замѣтно, были когда-то спиты, но не имѣютъ никакой нумерации и отъ начала до конца заполнены текстомъ драмы. Рукопись сохранилась довольно хорошо, хотя и представляетъ въ послѣднихъ четырехъ листкахъ небольшой дефектъ: въ нѣсколькихъ стихахъ оторваны крайнія буквы, которая впрочемъ восполняются легко.

Изъ помарокъ и поправокъ, имѣющихся въ рукописи, можно догадываться, что это черновая авторская рукопись, окончательно имъ выправленная.

Судя по письму и бумагѣ, памятникъ этотъ надо отнести къ концу XVII ст. и самое позднее къ первымъ годамъ XVIII ст. Вся

¹⁾) За сообщеніе этого цѣннаго памятника приносимъ искреннюю признателѣсть многоуважаемому Петру Васильевичу Иванову.—Ред.

рукопись писана однимъ почеркомъ съ массой сокращеній и надстрочныхъ приписныхъ буквъ, безъ всякихъ слѣдовъ вліянія русскаго петровскаго письма.

О начертаніи буквъ можно замѣтить слѣдующее. Буква *о* имѣеть два начертанія, встрѣчающіяся въ актахъ XVII в.; позднѣйшая форма, состоящая изъ двухъ вертикальныхъ линій, соединенныхъ чертами вверху и внизу, въ рукописи отсутствуетъ. Твердый и мягкий знаки употребляются въ двухъ разныхъ начертаніяхъ: обыкновенно въ видѣ надстрочныхъ знаковъ, особенно въ предлогахъ, а при сокращеніяхъ сливаются съ начертаніями надписанныхъ вверху рядомъ съ ними буквъ. Звукъ *g* выражается или латинскою буквою этой формы, или же двумя буквами *и*, напримѣръ *кiди*, *срогое* и т. д. Буква *Ф* только разъ употребляется въ теперешнемъ се видѣ, какъ проислава въ словѣ «Филипъ», во остальныхъ-же случаяхъ употребляется знакъ латинскій, напр. *обгите*. Буква *о* только въ предлогѣ *отъ* имѣеть видъ омеги, причемъ *т* всегда бываетъ приписнымъ. Буква *я* имѣеть всегда видъ ютированного съ переди *а* и въ позднѣйшемъ своемъ начертаніи ни разу не встрѣчается. Ютированное долгое *и* (судии) имѣеть надъ собой точку и сверхъ нея горизонтальную черту. Наше полугласное *й* изображается или двумя вертикальными надстрочными черточками, или съ помощью краткаго знака, напр. *своє* своей, *найдражайшая* найдражайшая.

Относительно языка »Розмовы«, оставляя научную его оцѣнку специалистамъ, можемъ только замѣтить, что въ основавіи какъ формъ, такъ и лексического матеріала лежитъ языкъ малорусскій съ небольшою примѣсью церковно-славянскихъ словъ и формъ и съ солиднымъ наслоненіемъ полонизмовъ.

Форма »Розмовы« стихотворная, хотя и опредѣленная, почти всегда однообразная, но невыдержанная и неправильная. Основной стихосложной схемой служить силлабическое двустишие съ рифмой; каждый стихъ имѣеть 13 слоговъ съ цезурою послѣ седьмого слога, напр.:

Все еси то, неизнай, || ногами здоцтала,

Сди роскоши свѣтовой пазбить гольдовала.

Весьма часто встрѣчаются сокращенія до 12 и 11 слоговъ. Случайно, повидимому, между эти стихи попало въ реплику »Дупи« иметь двустыній девятисложного силлаба, какъ напр.:

О годино ахъ страшливая!
Где я дѣмся нещасливая?

Такія двустишия писали въ рукописи въ одну строку, но стихи отдѣлены одинъ отъ другого чертой. Обѣ эти формы стиха преобладаютъ въ произведеніяхъ польскихъ классиковъ XVI и XVII ст., особенно въ драматическихъ, и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ очень часто употребляются и малорусскими писателями.

Въ основѣ «Розмовы» лежить религіозно-нравственная сентенція о испицепріятіи суда Божія. «Розмова» очевидно направлена противъ людей, излишне надѣюющихся на милосердіе Божіе. Конечная ея цѣль—дать высшій идеалъ справедливаго суда человѣческаго. Основная идея развита въ этомъ случаѣ въ одноактную драму, изображающую судъ Божій надъ душою грѣшника. Драмъ предшествуетъ краткій прологъ, сущность котораго въ слѣд. словахъ: не такъ происходитъ судъ Божій, какъ мы обыкновенно представляемъ. Картина суда представлена въ шести явленіяхъ (видокахъ). Въ первомъ явленіи Архангель Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы въ качествѣ публики присутствовали на судѣ и были свидѣтелями, что правосудіе Божіе не творится подъ вліяніемъ «яности и гнѣва», а руководствуется лишь «справедливостью». Во второмъ явленіи Судія приказываетъ Архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ; на нее набрасывается діявотъ, по ангель хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы подсудимой до произнесенія вердикта. Судія изрекаетъ обвиленіе, согласно предъявленному діволомъ «списку» злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и просить о помилованії. Ангель хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ ея дѣлъ и проситъ принять ихъ во вниманіе; Судія назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злая дѣла перевѣсили добрыя и ангель хранитель отступаетъ отъ души. Въ четвертомъ явленіи душа желаетъ оправдаться въ послѣднемъ словѣ, но совѣсть и діявотъ побѣждаютъ ее. На этомъ оканчивается слѣдствіе и состязательный процессъ, и въ 5-мъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности, требуетъ отъ 12 апостоловъ ихъ мнѣнія (сентенціи). Однадцать апостоловъ высказываются за обвинение—

ніе, одинъ только Іоанъ повергаетъ участъ души на усмотрѣніе Судіи, прося о милосердії. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признаютъ душу достойной наказанія, «видаетъ дежреть, абы по дѣломъ отнесла заплату».

Таковъ сюжетъ «Розмовы». Насъ невольно останавливаетъ высокое для того времени представление о беспристрастномъ судѣ. Такіе гуманные принципы, какъ гласность, защита, оцѣнка доказательствъ, отбираніе мнѣнія двѣнадцати судей—вѣдь они только недавно пропили въ наши судебные органы. Высказанный въ «Розмовѣ» ангеломъ храпителемъ дезидератъ: «нехъ едеть ко суду свободне» и до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ, остается только дезидератомъ; во все время нашего предварительного слѣдствія обвиняемый не можетъ «свободне» распоряжаться средствами защиты.

Составляясь ли «Розмова» переводъ или заимствованіе изъ западнаго образца, выросла-ли она на мѣстной почвѣ,—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ она служить цѣнной иллюстраціей тогданняго умственнаго и нравственнаго развитія. Авторъ «Розмовы» (лице, по всей вѣроятности, духовное) не могъ отрѣшиться отъ теоріи устрапенія наказаніемъ, но онъ-же представляетъ здѣсь апостоловъ разрѣшающими вопросъ о виновности, а Судію только примѣняющимъ наказаніе и объясняетъ это тѣмъ, что Судія не желаетъ показаться въ своемъ судѣ суровымъ.

Въ транскриціи напеч мы старались быть буквально чѣрны съ подлинникомъ и ограничились только раскрытиемъ сокращеній и надстрочныхъ знаковъ, а также установкою пунктуаціи, для удобства чтенія. Не имѣя для передачи іотированнаго и соотвѣтствующаго типографскаго знака, мы отмѣчаемъ оное курсивомъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Розмова во кратцѣ о душѣ грѣшній, судъ принявшой отъ Судии справедливаго Христа Спасителя.

Не такъ судъ той, якъ звикли описовать люде,
въ остатній днѣ предъ Сыномъ Бога Отца буде.
Но эъ сей розмови о томъ хтѣмо чамятати,
якъ бардай предъ страшнѣйшимъ судомъ мѣмъ стати.
Кгдї Сынъ Божій эъ дѣлъ нашихъ будеть насть судати,
о горе зло творящимъ, кої страхъ будуть мѣти!

ВИДОКЪ 1.

Архангелъ Михаилъ.

Слышбте, лежащи и во гробной ясکинѣ¹⁾,
котріе презъ смерть въ темній зостаете сѣни!
Абисте ся правому суду присмотрѣли,
повстанте, любся есте южъ въ прахъ премъкили,
А признайте изъ мертвихъ воскресшему Богу,
же хочъ мѣсть образу²⁾ отъ грѣшника многу,
Лечъ³⁾ не въ яности своей, ни въ гнѣвѣ караетъ,
но справедливимъ судомъ эъ ними поступаетъ.
Шчедръ и милостивъ Господь долготерпливий;
встапте же отъ гробъ, а зре, якъ есть справедливий.

Еденъ мертвий восстаетъ.

Давцо всѣмъ смерти, давцо и живота!
ото я естес рукъ твоихъ робота.
На гласъ Аггелскій эъ мертвихъ уставаю,
а поклонъ тебѣ низкий отъдаю.

Вторий мертвий восстаетъ.

На твой единій палецъ, Боже мой, скіненя⁴⁾
все тебѣ послушное стается створеня.

¹⁾ Ясکиня (jaskinia) - пещера.

²⁾ Образа (obrazu) -- оскорблениe.

³⁾ Лечъ (lecz) -- но.

⁴⁾ Скіненя (skinienie) -- малюсеньc.

Якъ смерти-сь быль росказаль животъ нашъ забрати,
такъ на вказъ твой мусѣла нашъ его вертати.

Третій восстаєтъ отъ гроба.

Тебъ весь сонъ Аггеловъ, Творче мой и Пане,
отдаєтъ честь и поклонъ вездъ безпрестанне;
И ми, вставши отъ гроба зъ тварію гнилою,
впадаемъ до стопъ твоихъ труни и предъ тобою.

4. восстаєтъ отъ гроба.

Когда на судѣ нинѣ Судіе съдаешъ,
чи и повторежъ насть судити маешъ?
Сди въ остатний день всѣхъ отъ гроба возбудиши
и кождаго зъ дѣлъ истинно осудиши,
Въ тотъ часъ и десь будь милосерднімъ, Пане,
хтожъ предъ тебе правъ а сезъгрѣшиенъ стане.

ВИДОКЪ 2.

Судія до зз мертвихъ воссталихъ мовитъ.

Не бойтесь, не на судъ то казано вамъ встать,
но угодно мнѣ есть за спѣдковъ вать мати.
Грѣшникъ скончалъ, тоже душу нехай на судъ ставить,
нехай за него дѣла вразъ¹⁾ ся исправить.
Зле жилъ, здоцталъ ногами мое приказа(н)я,
нехай же южъ сродое²⁾ одержитъ карана.
Михаиле, всѣхъ полковъ небесныхъ гетмане!
заволай, нехъ грѣшника душа на судъ стане.

Mихаилъ.

Душо нензная³⁾, душо человека грѣшнаго,
на справу пред Судію представи страшнаго!

¹⁾ Вразъ (wraz)=тотчасъ.

²⁾ Сродое (srogiie)=грозное, жестокое.

³⁾ Нензная (niedzna)=негодная.

Души.

О нещаслива! новина,
 О нещаслива! година!
 Нешаслива! моя доля!
 Въ що мя впровадила своеволя?
 Якъ я на тотъ судъ могу стати,
 Якожъ ся буду спрѣдовати?

Михаилъ.

Иди, бридкая душе, иди по неволѣ,
 а дай справу предъ судомъ зъ своей своеволї.

Души.

О годино ахъ страшливая!
 Где я дѣмся нещаслива?
 Заразъ мя въ пекло воверзѣте,
 А пред Судію не ведѣте.
 О горе мнѣ на судѣ стати!
 Што ж я тамъ буду отвѣщати?

Диалогъ.

Ай бо не такто тебе на судъ, душе, треба,
 поневажъ¹⁾ не иѣла есь стараня до неба.
 То ти змовилъ, же чортъ то спрививъ тобѣ тое,
 жесте зъ тѣломъ у свѣтѣ спрѣдовали злое.
 Нехай же судъ уважитъ, если моя вина,
 жесь здоитала своего приказаня пана.
 Пойди, пойди ко суду и я изъ тобою;
 тожъ изъ суду озму тя до пекла зъ собою.

Ангелъ охранителъ.

Пречь, враже! прежде времи чемъ душу турбуешъ?
 моженик ся омилити, што ей обецуетъ.
 Жила зле, а часомъ тежъ жила и побожне,
 узримъ: нехъ одно идетъ ко суду свободне.

¹⁾ Поневажъ (poniewaz) — такъ какъ.

Судія.

А тись то есть нензная, штось жила сваволне,
 тись то въ свѣтѣ згордѣла мною доброволне,
 Творца своего ногами стерла приказана;
 самажъ узвай, если есть негодна караня.
 Тоцилась войну зъ Творцемъ своимъ въ свѣтѣ смѣло,
 догажддающе тѣлу, чого едно хтѣло,
 А о вѣчное добро бынамѣй¹⁾ не дбала,
 но грѣхи, аки воду, беспечнесь шивала;
 Въ тебе писмо святое фрапками²⁾ бывало,
 пияство, обжирство только тебѣ смаковало:
 Овожъ³⁾, душа нензная, отвѣшчай же ииѣ,
 кудысь заслужила быти въ пекелной ясъинѣ.
 Дайте книги, где дѣла той души вписанни:
 нехай сама уважить, якъ годна нагани:
 Отъ иса бридкаго горѣй житя спрavовала,
 доброволне о пекло сама ся старала.

Діяооз (показуетъ списку).

Ото, Судіе страшный, Судіе правдивий,
 я исписавъ весь животъ тутъ еи строптивий.

Судія.

О, нещасливое руко моихъ створеня,
 достойно есть вѣчного стало потопленя!
 А на тоежъ я тебе во свѣтѣ зъ пѣчного
 на образъ свой человека сотворилъ живого,
 На тоежъ я тебѣ давъ розумъ совершений
 и волю: абы еси вѣкъ свой замѣреній,
 Въ свѣтѣ жлюще, стратиль безъ жадной боязни,
 отъ Творца своего ждуше страшливой казни.

¹⁾ Бынамѣй (bynajmniej) — совсемъ не.

²⁾ Фрапка (fraszka) — пустякъ.

³⁾ Овожъ (owoz) — следовательно.

А на тоежъ я въ свѣтѣ поносивемъ¹⁾ раны,
на том же я нещадно бувъ и скатований,
Даль тѣло и животъ за житіе твое,
абымъ тя въ небо воведъ, сотворенія мое.
Въ чтомъ святыхъ сакраментовъ²⁾ отъ мене поданы,
въ щожъ крови моейсталось обйтіе³⁾ проляни?
Все если то, неизнай, ногами здоптала,
гди роскоши свѣтовой назбить⁴⁾ голдовала⁵⁾.
А въ штоожъ ся южъ днесъ ласки мои премѣнили,
которіе для тебе во свѣтѣ служили,
Аби есь небеспихъ добрь могла доступити,
а во вѣчной роскоши со святыми жити?
А ти тимъ всѣмъ, неизнай, въ цѣлѣ погордѣла,
а ко дияволю ся сердцемъ обратила,
Волѣла еси врагу въ свѣтѣ голдовати,
вѣжъ зъ Творцемъ своимъ въ небѣ вѣчне царствовати.
Комужъ еси служила, тотъ ти и заплатитъ,
тотъ тя въ свое жилище запровадить.
Мицшій тебѣ дияволъ билъ надъ Творца твого,
зъ нимъ же теперь заживай и роскошней его.
А поки есть вѣчности, тамъ будешъ жити,
весполъ⁶⁾ въ пекелномъ огнѣ изъ тѣлохъ горѣти.

Д у ш а .

Тамже мене, Творче мой, южъ то отсылалашь;
ахъ, чи вжежъ то отъ себе мене отдаляешь?

С у д і я .

Ти сама ся, неизнай душа, отдалила,
ти сама доброволне мною погордѣла.

¹⁾ Поносивемъ (ponosiłem)=претерпѣвать.

²⁾ Сакраментовъ (sakramentów)=тайство.

³⁾ обйтіе (obfite)=обильное.

⁴⁾ Назбить (nazbyt)=слишкомъ.

⁵⁾ Голдовала (goldowała)=поклонялась.

⁶⁾ Веспол (wespół)=вместѣ.

Д у ш а .

Ти еси сердовидецъ, Творче мой и Пане,
 зрижъ якъ жалѣть сердце мое безъпрестаме,
 Жемъ заповѣдей твоихъ въ свѣтѣ не сполнила,
 жемъ тя своего Творца зѣлообразила.

С у д і я .

Не въ часть еси взбудила сердце до жалости,
 бо южъ моей наступилъ часть справедливости.

Д у ш а .

Со слезами молю тя, змѣи запалчивость,
 якъ Творецъ надъ створенія, сотвори мнѣ мі(лость)¹⁾;
 Вшакъ²⁾ же не токмо естесъ, Пане, справедливий,
 лечъ бываешь и къ грѣшнимъ часто милостивий.

С у д і я .

Такъ есть; чемжесть, гди въ свѣтѣ зъ тѣломъ зоставала,
 о милосердіе ся мое не старала?
 А теперь южъ часть минулъ моего злѣтования³⁾,
 южъ справедливаго часть наступилъ караня.
 Гди тя южъ обвинену зрю на судѣ нинѣ,
 идижъ отъ лица моего къ пекелной яскинѣ!
 По дѣломъ твоимъ декретъ таіій видаваю,
 во огонь тя пекелний вѣчне посылаю;
 Зъ дилволи мешканя тамъ будешъ имѣти,
 вѣчне зъ ними во огнѣ пекелномъ горѣти.

Д у ш а .

Вшакъ кровию твою еstemъ оздоблена⁴⁾,
 чи зо мноюжъ твой кровъ будетъ потоцленай?
 Яжъ святіе приймала, Пане, сакраменти,
 мѣламъ вѣру, же могли грѣхи моя стерти.

¹⁾ Оторванныя мѣста въ рукошии возстановлены въ скобкахъ.

²⁾ Вшакъ (wszak)=вѣдь.

³⁾ Злѣтование (zlitowanie)=сожалевіе.

⁴⁾ Оздоблена (ozdobiona)=украшена.

Судия.

Незбожие есъ, неизнал, въ свѣтѣ зоставала,
 негодне сакраменти святіесь приймала;
 Чулася, же безъ дѣлъ вѣра всегда поглашчена:
 чемужъ есь въ злихъ учинкахъ била занурена¹⁾?
 Овожъ и крови моей обгите струменя²⁾
 на большое исхъ тебѣ будеть потопленя.
 Берѣте сю душу, дияволи, въ руки,
 а провадте, якъ свое на вѣчнѣ мукы.

Душа.

Погибламъ, ахъ погибла во вѣчнѣ вѣки,
 жемъ зле жила во свѣтѣ межи человѣки.
 Ахъ и нѣ южемъ эъ опеки Бозкой вивержена,
 отъ роскошней небеснихъ естемъ отсуждена.
 О страшная заплата моей, своеюль,
 ахъ мешкала горкое въ пекелной неволѣ!
 О множество розныхъ мукъ, и несказанное,
 а такъ на мя неизную много собрано!
 Проклята, проклята есмъ, ахъ нинѣмъ познала,
 кгдимъ ся южъ дияволамъ до пекла достала.

Спѣва.

Туть смертнѣе зписавъ всѣ еи закал(и)
 и што колвекъ³⁾ изъ тѣломъ у свѣтѣ дѣя(ли),
 Не слухающи, пане, твого приказаня,
 я тежъ каждое писавъ той души скаля(ни).

Ангелъ Хранитель.

Пане милосердий и судіе правдивий,
 вибачь, а не зри на ей животъ нецнотливий!
 Вшакъ же предъ ся што колвекъ и добре чинила,
 а подъ часть, якъ уловпий человекъ, поблудила.

¹⁾ Занурена (zanurzona)=окунутая.

²⁾ Струменя (strumienie)=потоки, ручьи.

³⁾ Штоколвекъ (sokolwieck)=чтобы-то ил было.

Правда, же грѣхъ усегда долженъ есть карана,
а цнотѣ всегда въ тебѣ есть пошановани;
Многожъ и добрихъ было ей дѣлъ въ свѣтѣ, Пане,
котріе ото маю въ себе исписаніе.

C u d i l .

Азъ по дѣломъ заплату усѣяъ отдаваю,
добрихъ милую, а злихъ жестоко караю:
Зважте же добре дѣла и злие на шалѣ¹⁾,
же бысте позору²⁾ на судъ мой не мали,
Ту тутъ ся покаже, чого душа тая годна:
чили будетъ карана, чили тежъ свободка.

В И Д О К Ъ 3.

(Агель оправдатель присматривается вазѣ, але злие дѣла добрихъ преважаютъ, и по сиѣваню иныхъ персонъ)

A n g e l . m o v i n g .

(Не и) могу тя болей, душо, вямо вляти,
(но) придется и минѣ за тебе встѣдати.
(Ша)ля легка есть изъ доброми дѣли;
якъ злие дѣла збитъ добрихъ превишили!
(Чу)ласъ, сдимъ мовиль о добромъ до тебе,
(ния)жъ душо, отвѣшчай южъ сама за себѣ.

В И Д О К Ъ 4.

(Душа хотеть ся оправдти, але сумленія и дяволь оную звитяжаетъ).

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,
же шаля добрихъ дѣлъ злимъ подается саднѣ³⁾.
Ахъ сумленія! чемъ жесь мнѣ не оновѣдало,
чемъ жесь мя отъ сей казни не остерѣгало?
Чемъ мнѣ жилючой въ тѣломъ не чинилось смутку,
абињь била въ покутѣ доказала скутку.

¹⁾ Шаля (szala)=вѣсы.

²⁾ Позору (pozoru)=подозрѣнія.

³⁾ Саднѣ (snadnie)=легко.

Згрѣшилъ, але и чортъ зводивъ мя на тое,
абиже всегда во свѣтѣ починала злое.
Его то сѣти, его спраши мя вловили,
а такъ въ срости муки мене уточили.

Диалогъ.

Неправду явишъ, вишакъ не чинивъ ти силы;
штося стало, Божіе очи тое зрели.
Не тягнувъ ти къ грѣху за любъ условие:¹⁾
штося хтѣла, тось творила въ свѣтѣ доброволне.
Малимъ иѣчимъ отъ Аггель бывалъ ужаленна,
чемъ же въ зліе учини бывалъ замуренна?
Отъ телесности жвѣлась злое накушеня,
а темерь мене клеплешъ и свое суждялъ.

Сумленія моиши.

Ахъ душо, чемже ясне такъ, свое суждя,
во вѣчнос тягпути сїѣшъ потопленя?
Чи разъ же я на тебе сердечне волало
предъ тимъ, иѣжъ што еще злое ся ставало:
Ей, для Бога, грѣхъ то есть! Богъ будеть карати;
ей, бойся, душо, вѣчныхъ добрь въ небѣ втеряти;
А любо то ся ти здастъ эъ твомъ утѣшения,
ище иевне заплатишъ вѣчнимъ потопленямъ!
А тись на мои слова иѣчого не дбала,
мовлячи: ей, грѣхъ той есть, рѣчъ то барзе мала!
Што же эъ того, любъ ся я днесь допушчу до злого?
вшакъ исповѣдь святую м҃ю я для того.
Яжъ и по исповѣди въ сердце-жъ тя торкало:
ей, не мовъ же то Богу! проступашъ мало,
Же на святую спогѣдь безнечне дуфаешь²⁾,
а безъ жаднаго встиду въ грѣхъ всегда впадаешь.

¹⁾ Условие (*usilownie*)—насильство.

²⁾ Дуфаешь (*dufasz*)—надѣешься.

Ахъ, не разъ мое сердце ужъ жалю омлѣвало,
видаше, что ти за то потомъ быти мало!
Зналамъ, же тя судъ Божій скараетъ за тое,
же есь, ису встидъ иродавши, починала злое.
А теперъ мя, сумленя свое, оскаржаешъ,
невинне злости свои на мене складаешъ.
Тись мене не слухала,— твоя есть причина,
же днесь на тебе пришла сродая руина.

Душа говоритъ.

Згрѣшиламъ, ахъ згрѣшила! знаю то до себе,
лечь не престану, враже, жаловать на тебе;
Бо тись то, діяволе, добрь людскихъ зазорца,
тись мя зрювъ на тое, же я свого Творца
Такъ низбить великии грѣхми образила,
презъ тебе я каранаи того заслужила.
Тись ми роскошь марнаго засладилъ быль свѣта,
тись мя зрювъ, жемъ твоего слухала совѣта.

Диаволъ.

Южъ себѣ не поможешьъ, любъ ти я изводиль,
бо-жъ тебе ко грѣху гвалтомъ не приводиль.
Мѣла еси отъ Бога свободную волю,
чемжесъ такъ збитъ кохала въ свѣтѣ своеволю!
Чи разъ же казнодѣ¹⁾ на тебе волами,
чи разъ ти духовніе до уха шентали:
Ей, душе! не дай тѣлу спросной²⁾ своеволъ,
бо обое будете въ пекелной неволѣ?
А тись на тіе слова иѣчого не дбаля,
казама и исповѣдъ за жартъ себѣ мала.
Отоожъ я днесь конечне говорити жушу
на занамяталую добрь небеснихъ душу.
Прошу тебе покорне, Судіе сираедливай,
видай на сю душу декреть справедливий!

¹⁾ Казнодѣ (kaznodzieje) - проповѣдники.²⁾ Спросной (sprosnij) - негодной, безправственной.

Душа.

Уви мнѣ, окаяній! о горе мнѣ стало!
 жемъ не памятала, же жити въ свѣтѣ мало!
 За житіе сладкое а краткое въ свѣтѣ
 ахъ пришовъ часть безъ конца болѣзни терпѣти!
 Ахъ мнѣ, жемъ зле творила, жиюще по волѣ!
 отож избитной моей плата своеволѣ!

ВИДОКЪ 5.

(Судія питаетъ Апостоловъ о сентенцію и мовить тіе слова).

Якъ ся вамъ здаеть о той душѣ своевозной,
 всѣхъ мерзостей грѣховныхъ изобиліе полной?
 Жѣбимъ ся въ суду моя не издавъ суровий,
 вашихъ словъ до слуханія я естемъ готовый.

Апостолъ Петръ.

Тая неизнай душа не хтѣла до неба,
 то южъ предъ нею небо замкнути потреба.
 Зѣло на своеволю была росмущена,
 тожъ гонна, аби была неба отсуждена.

Наслѣд.

Я учитель народу, тое мѧю здавя,
 же годна душа тая вѣчнаго караня,
 Бо она казаниями усегда гордѣла:
 слушнаяжъ рѣчи, бы въ некѣ во вѣки гордѣла:

Андрей.

Крестъ у тоєи души бывавъ въ посмѣваню,
 а жити незбожне то въ ей было коханю.
 Овожъ, же ся святого креста отрѣкала,
 годна, аби въ чекеліихъ мукахъ зоставала.

Іаковъ Братъ Божій.

Я Іаковъ, а братъ твой, Судіе и Пане,
 прошу, нехай въ декретовъ такъ ся нашихъ стане:

Же твою дщерю не хотѣла быти,
иехъ же не будетъ годна лица твого зѣти.

Иоанъ.

Ти створитель, ти Богъ нашъ и судия правий,
лечь знаемъ, же и къ грѣшнимъ бываешъ ласкавий:
Одѣпустижъ грѣхъ души сей, хочъ била сваволна,
если милосердія твоего есть год(на).

Мареи.

Не годна, бо святіе скарби зле вмѣнила,
сакраменти Божіе за нѣзашо мала,
Въ ней найдражайшая кровъ и Христово тѣло
простить виномъ и хлѣбомъ въ мисли часто (было).

Марко.

На исповѣдѣхъ всегда она обѣцала,
же ся отъ злихъ учниковъ повстягнути ¹⁾ мала;
А потомъ ся вертала, якъ несъ къ бліоватиню,
доброволиye сама йшла въ пекелиу яскиню.

Лука.

Заслужила вѣчное та душа проклятво ²⁾ ,
бо гдѣжъ службы Божіе и все набоженство
За простіе вимисли въ сердцу своемъ мѣла,
иѣбы не хрестіянка спросне въ свѣтѣ жала.

Варѳоломей.

Годна есть вѣчной смерти, бо не намятала,
же зъ тѣломъ разлучившиесь, на судъ стати мала.
Не хотѣла о смерти згода ³⁾ памятати,
не хтѣла приказаній церковнихъ слышати.

¹⁾ Повстягнутися (powsta\u0144gn\u0144c si\u0144) - воздержаться.

²⁾ Проклятво (przekle\u0144stwo) - проклітіе; слово это рифмовано съ »набоженство«, а потому надо полагать, чтогласная »я« произносилась въ немъ какъ польское »ѣ«.

³⁾ Згода (zgoda) - совѣтъ.

Ф и л и п з.

(Н)е годна въ небѣ жити, бо святіе пости
въ тоей души бивали иѣби вимисль простий;
(Хочь) для людзкой обмови любо и постила,
еднакъ же всѣми злостми назбить ся кормила.

С и м о н з.

(Г)одна есть тая душа прощасти безденної,
бо въ злой зачалчивости мешкала штоденної.
Якъ несъ стеклий на всѣхъ ся злостю поривала,
а бинамій пекелнихъ мукъ ся ве болда.

Ө о м а.

Гнѣвъ, ненависти, обжирство и всѣ ей обмови,
пляство, не встыдливіе всѣ еї розмови,
Всѣ сирали вшетечніе,¹⁾ котріе чинила,
годна, би зъ ними вѣчне во огнѣ горѣла.

С у д і я.

Чи такое усѣхъ васъ о той души зданії?

Всѧ мовленіз.

Такъ, бо годна есть, Пане, вѣчнаго карала.

В И Д О К Ъ 6.

(Судія на душу грѣшную вѣдастъ декреть, аби по дѣломъ отнесла заплату).

¹⁾) Вшетечніе (wszetczne)=безправственныя.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛО- РОССИИ ВЪ 1687 ГОДУ.

Низложеніе гетмана Самойловича, сосланаго потомъ въ Сибирь, и выборы нового гетмана, Ивана Мазепы, въ 1687 году, вызвали, какъ известно, весьма сильное и значительное движение въ народной массѣ, движение, имѣвшее повидимому чисто соціальный характеръ. Рядъ измѣнений, внесенныхъ въ земельный и общественный строй жизни гетманами и старшиною, управлявшими Малороссіей послѣ восстания при Богданѣ Хмельницкомъ: захваты земель и цѣлыхъ селъ, о которыхъ разсказывается Самовидецъ (Лѣт., стр. 169), образование крупныхъ владѣльческихъ хуторовъ, привлаченія поспольства и козаковъ, перемѣны въ системѣ изборовъ сотенной и полковой старшинь, все большее и большее вторженіе оной въ народные права и стремленіе восстановить, что было недавно «скасовано козацкою шаблею»,—все это не могло не вызвать броженія въ массѣ, еще недавно побѣдившей поляковъ и свергнувшей съ себя иго польского владѣльчества. Броженіе это и разразилось въ бунтѣ 1687 года.

Объ этомъ бунтѣ мы имѣемъ лишь самыя общія свѣдѣнія; даютъ ихъ намъ лишь одни лѣтописи и хроники: Величко, Самовидецъ и некоторые другие. Полнѣе всего исторія бунта рассказана у Велички (т. III, стр. 53—4). «По низложенніи гетмана Самойловича съ гетманства, разсказывается онъ въ своей лѣтописи, «заразъ за всѣхъ полковъ городовыхъ войска козацкого многіе съволцы, не дожидающіяся нового гетмана, отъехали самоволно зъ

обозу въ дома свои, и ять въ дорогѣ, такъ и въ домахъ и полкахъ своихъ, учинивши крамолу и бунтъ и другихъ, въ домахъ зоставшихъ, легкомысленныхъ людей зъ собою до той же своеволи захотивши, не только арендаровъ, але и иныхъ маженихъ людей и крамаревъ невинныхъ безумиѣ брали и имъне ихъ между себѣ разшарповали, а нѣкоторихъ и самихъ въ смерть забивали и разные убитки и мордерства надъ ними виполняли». Самовидецъ кратко говоритъ, что »почалися бунти у войску на старшихъ«, что затѣмъ »многіе двори порабовали«, »арендаровъ и иныхъ людей знаменихъ и пріятелей гетмана бувшого« (Лѣтопись, стр. 169). Еще короче говоритъ другая краткая лѣтопись¹⁾). Составитель ся разсказываетъ, что »черни (козаки и мужики) пановъ своихъ, а паче арендаровъ грабили«. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ можно было заключать лишь о характерѣ и направлениіи движенія; но гдѣ и въ какихъ мѣстностяхъ проявилось народное движеніе,— оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Ни Величко, ни другие хроникиры ничего не сообщили намъ на этотъ счетъ. Не знаемъ мы также ничего опредѣленаго и о дѣйствительныхъ размѣрахъ движенія и о степени энергіи, съ какою проявилось оно. Извѣстно лишь, да и то въ самихъ общихъ чертахъ, какъ закончился народный бунтъ. Вступленіе къ управлѣнію дѣлами Мазепы, энергическая жѣры, принятая до него и имъ самимъ, положили вскорѣ конецъ возстанію. »Заразъ, говоритъ Самовидецъ о возстаніи, тое Москва ускромила«, а краткая лѣтопись сообщаетъ, что бунтъ продолжался, »поколь бунтовщиковъ смирено« (ib.). Лишь одинъ Величко нѣсколько болѣе распространяется на счетъ исхода бунта. Вследствіе жалобъ, поданныхъ и подавшихся »обидимыми«, тотчасъ-же были назначены специальныя судныя комиссіи и »своевольники« были живо смирены. »Заразъ, разсказываетъ Величко, всѣхъ тѣхъ своеволниковъ по городахъ и селахъ велико старшинамъ зискать, ловити и до крѣпкого вязenia отдавать; потомъ розыски чинити, по которыхъ розискахъ единъ,

¹⁾ Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памятніи достойныхъ дѣйствий и случаевъ описание, изд. г. Бѣлозерскімъ, въ его Сборникѣ южно-русскій лѣтописей. Кіевъ. 1856 г., стр. 85.

важнѣйшимъ, руки и ноги поломано, другимъ головы неистовые оттисано, третихъ на шибеницахъ вѣшано, четвертыхъ на худобахъ карано, зъ пятихъ глупство кіями вигоняно». Всѣ эти энергичнія мѣры привели къ тому, что, какъ говорить тотъ-же Величко, «сталула въ мірѣ тишина и безбоязньное людямъ тамошнимъ мешкане».

Таковы извѣстныя доселѣ данные о бунтѣ 1687 г. Всѣ они характеризуютъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не давая вовсе свѣдѣній о ходѣ его въ отдельныхъ мѣстностяхъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія этого послѣдняго рода даютъ намъ три документа, найденные нами въ числѣ разнаго рода актовъ, приложеныхъ въ кошіяхъ къ Румянцовской описи Малороссіи 1766—68 г.¹⁾), въ подтвержденіе правъ на владѣніе землями въ селѣ Скоціахъ Ивана Сулимы, сотника воронковскаго, и мѣстечкѣ Домонтовѣ, Стефана Томары, полковника Переяславскаго. Это, во первыхъ, выпись изъ судебнаго разбирательства, учиненнаго Переяславскимъ судомъ въ 1688 году по дѣлу о бунтѣ, во вторыхъ, двѣ купчихъ крѣпости: одна, 1689 года, выданная Сулимѣ козакомъ с. Скоцевъ (переяславскаго уѣзда) Петромъ Романенкомъ, и другая, данная жителемъ мѣстечка Домонтова (золотоношскаго уѣзда) Савою Наливайченко, въ 1689 г. 22 июля, Стефану Томарѣ, въ то время сотнику домонтовскому.

Два первыхъ документа касаются возстанія въ сотенномъ городкѣ Переяславскаго полка, Воронковѣ. По свидѣтельству ихъ, старшина воронковская и крамари (торговцы) очутились, благодаря бунту, въ крайнемъ «небезпечествѣ». Лица, зависимыя отъ нихъ, ихъ слуги, бросали ихъ беззащитными и бѣжали, и всѣ власти въ м. Воронковѣ, вся старшина и можнѣе и богатые люди были предоставлены собственной участіи. А опасность была для нихъ тѣмъ большею, что не однѣ только отдельныя лица, а вся воронковская громада приняла участіе въ ногромъ, направленномъ противъ «старшихъ». Главнымъ руководителемъ движенія былъ, по-видимому, козакъ изъ с. Скоцевъ, Петръ Романенко, «clavejik»

¹⁾ Документы эти находятся въ связкахъ описи Переяславскаго полка, и памятно сопель: перво-полковой и домонтовской, связки, хранящіеся въ библіотекѣ университета св. Владимира.

вездѣ, какъ выражалась на судѣ громада, »початокъ дѣлу«, не упускавшій случая разграбить старшинское добро. Масса не отставала отъ своего руководителя. По выписи изъ судебнаго дѣла¹⁾ нападеніемъ подверглись: сотникъ Иванъ Сулима (все движимое имущество его забралъ къ себѣ въ с. Скощи козакъ Романенко, остатки разграбила громада), Максимовичъ, у котораго разорена винокурия, вмѣстѣ съ откармливавшимися при ней свиньями, и крамарь Константиновичъ, лавка котораго была разбита и разнесена. Мѣстная старшина успѣла однако скоро оправиться и сама принялась за усмирение бунта, лишь только увидѣла, что новый гетманъ—свой человѣкъ и человѣкъ энергический. Въ усмирениіи взбунтовавшейся воронковской громады дѣятельную и характерную для того времени роль игралъ нѣкто Думитрашко (быть можетъ, сынъ или родственникъ полковника Переяславскаго Думитрашка-Раича). Вся воронковская громада была обложена крупнымъ по тому времени штрафомъ въ 500 талларей въ пользу потерпѣвшихъ. Случилось однако такъ, что деньги были взяты, а потерпѣвшіе ничего не получили,—деньги оказались если не цѣликомъ, то въ большей части въ карманѣ возстановителя порядка Думитрашка. Когда въ слѣдующемъ 1688 году, по указу царей Петра и Іоанна и церевны Софьи, и распоряженію гетмана Мазепы, начался и въ Воронковѣ судъ надъ грабителями, то на судѣ явилась продѣлка Думитрашка: громада жаловалась, что съ нея взыскано болѣе 500 талерей »въ награду того грабовку«, а потерпѣвшіе отъ погрома, известныя уже три лица заявили, что изъ этой награды они ничего не получили. Дѣло было ясное и очевидное. Судъ призналъ за тремя потерпѣвшими право на вознагражденіе и присудилъ Ивану Сулиму слѣдующую ему сумму взыскать съ Романенка и Думитрашка, а Константиновичу и Максимовичу съ одного послѣдняго; жалоба громады м. Воронкова оставлена безъ удовлетворенія. Выполнить ли Думитрашко по рѣшенію суда, остается неизвѣстнымъ. На судѣ онъ лично не явился; не прислали даже уполномоченнаго отъ себя, несмотря на »килкократнѣе самого

¹⁾ Въпись, къ сожалѣнію очень краткая, касается лишь нѣсколькихъ лицъ; полного дѣла и списка вѣгъ; оно хранится, по всей вѣроятности, въ дѣлагѣ малороссийской коллегіи.

гетмана, ясне велможного, его милости, пана, листовіе указы», и былъ осужденъ заочно. Другой подсудимый, козакъ Романенко, понесъ тяжелую кару въ своей «худобѣ». Долго ему удавалось уклоняться отъ выполненія судебнаго приговора и только около десяти лѣтъ спустя, послѣ новаго иска Сулимы, Романенко повинился и «безъ жаднаго примусу и насилия, доброволнѣ» отдать Сулимѣ, взамѣнъ денегъ, которыхъ онъ не имѣлъ, свои земли въ с. Скопцахъ: островъ, лѣсь, два сѣнокоса—луговой и степной, опѣненные въ суммѣ 230 золотыхъ. Мимоходомъ отмѣтишь, что Сулима около этого времени пріобрѣлъ осѣдлость въ Скопцахъ, и это, въ связи съ купчай, выданной Романенкомъ, дало Сулиму возможность въ 1721 году добиться отъ гетмана Скоропадскаго универсала, по которому все село Скопцы (кромѣ козаковъ и ихъ групповъ) было отдано ему въ собственность.

Послѣдній изъ найденныхъ нами трехъ документовъ,—запись козакомъ Наливайченкомъ части своего лѣса сотнику Томарѣ даетъ прямое указаніе на то, что бунтъ 1687 г. имѣлъ мѣсто и въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, ибо сынъ козака Наливайки отдаетъ свою землю (часть лѣса) за проступокъ отца, который, какъ говорится въ документѣ, «невиповѣдимо, подчасъ *того злого рабунку*, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ венцахъ викроиль его милости пану Стефану Томарѣ».

Приводимъ самые документы, имѣющіе, кроме историческаго, и историко-юридискій характеръ и значеніе.

И. Лучицкій.

I.

Выпись зъ книгѣ енералного суду войска ихъ царскаго преснѣтлого величества запорозкого. Року тисеча шесть сотъ осьмъ десять осмого, мѣсяца девеврія осмого на десять дні.

По повеленію присвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государинѣ, благовѣрной царевны и великой княгини Софії Алексѣевны, всея великія, и малія, и бѣлія Россіи самодержцевъ, ихъ царскаго преснѣтлого величества.

Предъ нами отъ боку самого ясне велможного, его члости, пана Іоанна Мазепы, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлаго величества запорозкого, до Переяславли на разсуждение вшелькихъ спрѣвъ въ прошломъ року подъ розрукъ сталихъ, зосланими Михайломъ Вулхевичемъ, судею енералнимъ войска ихъ царского пресвѣтлаго величества запорозкого Иваномъ Лом'ковскимъ, Андреемъ Василевичомъ, писаремъ судовымиъ, и при битности пана Іакима Голоженка, полковника переяславскаго, Ивана Гулака, обозного полкового, і Максима Хоменка, атамана городового, на спрѣвки ниже описаніе застѣлими, ставши у суду нашему Іванъ Сулима, бывшій сотникъ воронківскій, при жалосной суплѣце своеї, привладаѧ на реестрѣ шкоди свои отъ Романенка Петра ему стаине: же того часу онъ, прихавши до Воронкова, вѣль добра его (яко реестру поборуетъ) рухомые забралъ, до которыхъ добрь Петро Романенко и самъ знался, же избралъ, только не згожался зъ реестромъ, дечь доводилъ тую своего шкодованія челяднікомъ Петра Максимовича¹), меновите Матвѣемъ, которой подъ сумленіемъ своимъ свѣдчили, ижъ тогди утѣкающи отъ пана своего, въ небезпеченствѣ будучаго, въ селѣ Скопцихъ²), где мещанъ Петро Романенко, видѣль, яко зъ возовъ складали много добрь Ивана Сулими, привезшихъ зъ Воронкова³).

По записаню сей спрѣвки, ставши обоего чину люде воронківскіе подали суплѣку отъ всей своей громади, жалѣючися на Дмитрашка, же за тотъ проступокъ, который учинилисмо Ивану Сулиму за початкомъ Петра Романенка и остатокъ послѣ него добра его разграбовали, взяль у насъ вини больше пяти сотъ талярей, обѣзнюючися тую суму въ нагороду того грабовку ему, Ивану Сулиму, дати, и не далъ. Судъ прихильнивъ будучи до такого свѣдоцтва, и такъ Романенка, яко и Дмитрашка обвинивши, жебы укривжоному за шкоди его обадва нагородили и заплатили, наказуемъ.

До тоей-жъ суми пяти сотъ талярей Юско Константиновичъ з Воронкова подаль суплѣку на того-же Дмитрашка, ускаржаючися, же за шкоди сталие отъ Петра Романенка, то есть за порабованія комори зъ крамкомъ, зъ тоей-жъ суми хѣлъ заплатити и не заплатитъ. Которому то укривжоному жалобнику повиненъ будетъ заплатити, судомъ наказуемъ.

¹) Сотника бубновскаго.

²) Переяславскаго уѣзда полтавской сотни. Въ то время село перво-полковой сотни переяславскаго полка.

³) Мѣстечко того-же уѣзда. Въ то время сотенный городъ воронківской сотни, переяславскаго полка.

Того-же термину и до тоей-жъ суми выбраное прѣзъ Думитрашко болше пяти сотъ таллрей, Дмитро Максимовичъ подаль на реестръ и свои шкоды, ускаженючи на воронковцовъ, которпе, мовить, въ мъскомъ воронкувскомъ дворъ три куфи горълки розирабили и попили, и четвертую куфу у дворъ передъ мъскомъ, борошка синичного молотого сорокъ осмачокъ льри воронкувской, и уесть посудокъ синичний, и шестьдесятъ соиней.

Аже Дмитрашко, за киїкокротнимъ самого жсне велможного его милости цана гетмана листовимъ указомъ и нашимъ судовимъ извѣщениемъ, на скаргу виць менованыхъ обжалования на термену не сталъ и умоцованого своего для отповѣди (кодобно зъ умислу всѣ справи и скарги на него занесеніе зволѣкающи) не прислаль, теди и въ небитности его зъ заводовъ и документовъ правилихъ уваживши, жебы вслкіе шкоды Дмитровъ Максимовичи, Івану Сулими и Юску Константиновичу Дмитрашко зъ тоежъ выбраное на воронкувцахъ суми безъ жадной изволоки пагородилъ, наказуемъ.

Которые справи, якося точили и декретомъ судовимъ скончили. таکъ, за потребованiemъ сторонъ, до книгъ актовихъ пересловскихъ про память записані, зъ которыхъ и сей винпсь подъ судовою печатю и за подписаніемъ руки чисарской есть виданъ. Писанъ въ Переяславлѣ.

(на подлѣпномъ):

Андрей Василевский, писарь судовій
войсковій снералії.

(Румянцевская опись, переславскій полкъ, документы перво-полковой сотни,
т. I, подъ 1688 г.).

II.

Винпсь зъ книгъ мъскихъ переславскихъ права майдибурскаго
его милости цана Ивану Сулими, токарину значному войсковому, на
грунта отъ Петра Романенка за худобу въ бунти пограбованную, въ
суммѣ золотихъ двѣстѣ и тридцати цущеніе. Року 169 феврала 15.

За вѣдомостю его милости цана Іоана Мировича, полковника вой-
ска его царского пресвѣтлого величества запорожскаго переславскаго
передъ обополнимъ уридомъ полковимъ и майстратовимъ въ ратушѣ пе-
реславской, передъ нами, Леоптьемъ Потаповичомъ, обозникъ полко-
вимъ, Іоаномъ Гулакомъ, сотникомъ полковимъ, Михайломъ Иванови-

чемъ, атаманомъ городовимъ, Иваномъ Соколскимъ, войтомъ перелсовскимъ, Корицемъ Еремьевичемъ, буйнестромъ, Стефаномъ Ивановичемъ, райцею старшимъ, Миколаемъ Лукяновичомъ, Яловомъ Федоровичомъ, райцами и иными райцами и лавщиками, становши очевисте его милости, панъ Иванъ Сулима, товарищъ знатный войсковой, покладаль жалобу на Петра Романенка, козака и жителя скопецкого, которій подчасъ бунтовъ грабовалъ у Воронковъ худобу его, за что судомъ енералнимъ сужений и декретъ видано, наказуячи сурово ему, Петру Романенку, починение шкоды его милости пану Ивану Сулиму нагородити и во всемъ, яко належить, погодити. А онь прѣзъ килканадесьть лѣтъ декрету суду енералного задосить чинити замедлить, вимогаючися Петро Романенко, ижъ для того до тихъ часъ починениихъ шкодъ не пополниль, же его милость панъ Иванъ Сулима не вномикался. До которого декрету суду енералного стосуючися, ми обополній урядъ наказалисмо Петру Романенку, безъ жадной отмови и продолженїя часу, нагородити починение шкоды. Аже не хѣть готовой суми, просивъ его милости пана Яна Сулиму, жеби грунта на Скопцахъ или где уподобаетъ собѣ шацуякомъ ириняявъ. обѣдочуши весь грунта свои ему отказать. На якое приплѣжное пропшеніе приволився его милость панъ Янъ Сулима и грунтами иринати, и на томъ угода стала. По колку дніяхъ становши очевисте Петро Романенко предъ нами, вишъ менованиемъ обополнимъ урядомъ, въ ратуши перелсовской, визпалъ явне, яспе, доброволне, безъ жадного прымусу и насилия до записанія въ книги тися слова: маючи я сеножатъ отъ Скопцовъ къ Илтицѣ, поставши отъ дѣдовой могили по Исашину грунть до ющенкового окопу, по ющенкову инву, которая до Илтицѣ притягла, отческую и дѣдизную, острозвѣ ющенковскій зъ садкомъ и березами и лозами по сеножатъ Хомину Постскому; сеножатъ и березу во окунѣ, границя по могилу Вѣлоусову, и въ степу сеножатъ, тожъ отческая и дѣдизная, нѣкому иѣличомъ не пенная и не заведенна, пустилемъ его милости пану Яну Сулиму и панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ вѣчними часи въ посессію за шкоду и бунти починени, въ сумѣ золотихъ двѣстѣ тридцать; мѣсть тиже его милость панъ Янъ Сулима, панѣ малжонка его и потомкове ихъ власть зуполную вѣчними часи тими грунтами, сеножатми, садомъ, березами, лозами, острозвѣ, яко хотѣти, владѣти и пожитковати, волно имъ, кому хотѣти, дати, продати, даровати, замѣняти, яко ко найдѣвшому пожиткови своему примиожати и приснособляти, а я, Петро Романенко, апѣ жона моя, апѣ дѣти мои, апѣ кревніе, близкіе и далекіе, пе хѣмъ власти вѣчними часи до тихъ груитовъ озвѣтати и свидѣти, и овщемъ, ежели-би кто колвеъ изъ кревніихъ моихъ, близкихъ и далескихъ, мѣль до тихъ груитовъ озвѣтати и важился его милость пана

Яна Сулиму, або пототкъвъ его турбовати, теди я винне достою у каждого суду и права, становщи своимъ комптомъ, ихъ заступати и боронити, а на того турбатора покладаемъ вини до шкатули войсковой ти-сячу золотихъ. Которое доброволное зевнане ми, обополний урядъ, вислухавши, позволилисмо до книгъ мѣскихъ Переясловскихъ вписати, а зъ книгъ вписавши и печатми судовою и майстратовою ствердивши, роска-залисмо видати его милости пану Яну, товаришу знатному войсковому, панѣ малжонцѣ его и потомкомъ ихъ на защиту и оборону въ потомкіи часы, за подпомъ рукъ нашихъ.

(На подлинномъ):

Леонтій Потаповичъ, обозпій пол-
ковній Переяловскій, рукою. Іванъ Со-
калскій, войтъ Переяловскій зъ май-
стратомъ. (Тамъ-же).

III.

1689 року, іюня 22 днія.

Я, Сава Наливайченко, житель Домонтовскій, чиню вѣдомо симъ монъ писмомъ, кому того будеть потреба, ижъ за власній проступокъ небозичка отца моего, которій невиповѣдимо, подчасъ того злого рабунку, такъ въ записахъ, яко и въ рухомихъ вещахъ, викроциль его милости, пану Стефану Томарѣ, сотникову Домонтовскому, аже правне обвинованіє мене за отцевскій проступокъ, не мѣлимъ чимъ-би могъ погодити лана сотника нашего, теди во вѣчность два гайки, подъ Матвіевою¹⁾ столице, которые мѣлемъ сполне изъ Иваскомъ Горлачемъ, свои половины власніе и никому не пение, его милости пану Стефану Томарѣ, сотнику нашему Домонтовскому, вручаю. До которыхъ отнюдь кѣ хто не повиненъ такъ изъ далекихъ, яко и близкихъ нашихъ приятелей втручатися. Для чего даю сее мое доброволное писанье при людехъ зацихъ и вѣри годнихъ, жителяхъ Домонтовскихъ, тута подписаніяхъ, напрощъ:

Дмитро Володко, атаманъ городовій, Василь Брахно, Матвій Симоненко, братъ старшини (?), Васко Похожай, ктиторъ храму Рождества Пресвятія Богородиціи Домонтовскаго, Васко Горлачъ, Романъ Демба, Іванъ Чорномазенко, Гаврило Дриваль, Касянъ Шулженко, Ілляшъ Дорошко, Іляшъ Ісаенко, войтъ Домонтовскій. Дѣялоси у Домонтови року и дня вишписанного.

(Рум. Опись, документы, относящіеся до селеній Домонтовской сотни, т. I, № 8).

¹⁾ Деревня Домонтовской сотни, на югъ золотоношского уѣзда.

Библіографія.

Николай Костомаров. Богдан Хмельницкий. Историческая монография. Издание четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербург. 1884. Томъ 1—3.

Среди многочисленныхъ трудовъ пам'ятнаго своею ученостью, тру-
дожеліємъ и высокимъ художественнымъ талантомъ какого историка,
несомнѣнно монографія о Богданѣ Хмельницкомъ занимаетъ первое
мѣсто. Монографія эта появилась первый разъ въ печати 25 лѣтъ тому
назадъ и съ того времени авторъ не переставалъ изучать избраннаго
пмъ предмета, внимательно стѣдишь за всѣми, вновь появлявшимися
въ печати, материалами и трудами, относящимися къ сюжету его изслѣ-
дованія, многіе новые материалы открывалъ самъ въ архивахъ и отъ
времени до времени, пользуясь новыми научными приобрѣтеніями, испра-
влялъ и дополнялъ первоначальную работу и выпускалъ новые изданія.
Каждое изъ этихъ изданій встрѣчалось просвѣщенною публикою съ глу-
бокимъ интересомъ и сочувствиемъ и расходилось весьма быстро, чѣмъ
до пѣкоторой степени и облегчалась возможность нового изданія.

Послѣднее, четвертое изданіе, сохранила всѣ научныя и художе-
ственныя качества предѣдущихъ, представляетъ значительныя усовер-
шенствованія и поправки, вслѣдствіе которыхъ трудъ мастистаго исто-
рика пріобрѣтаетъ еще большую научную цѣну. Мы постараемся ука-
зать важнѣйшія мѣста, въ которыхъ мы замѣтили измѣненія сравни-
тельно съ послѣднимъ, третьимъ изданіемъ.

Въ новомъ изданіи Богдана Хмельницкаго авторъ, по обыкновенію,
предпосыпаетъ перечень источниковъ и монографій, которыми онъ поль-
зовался при составленії своего труда; сличая этотъ перечень съ тѣмъ,
который былъ помѣщенъ въ началѣ 3-го изданія, мы находимъ 19 но-

выхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ важнѣйшіе какъ по указаніямъ самаго автора, такъ и по количеству приведенныхъ ссылокъ, слѣд.: *Записки Николая Іемеловскаго, Дневникъ Станислава Освѣтіца, Истори-ческие очерки Кубали, X томъ актовъ южной и западной Россіи и т. д.*

Затѣмъ исторіи Богдана Хмельницкаго предшествуетъ обширное введеніе, занимающее первую половину первого тома. Введеніе это представляетъ полный очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества отъ его возникновенія до 1648 года, т. е. до появленія во главѣ козацкаго движенія Богдана Хмельницкаго. Это несомнѣнно понынѣ лучшій систематической очеркъ исторіи козачества въ указанный періодъ его существованія. Н. И. Костомаровъ пополнилъ въ настоящемъ изданіи эту часть своего труда рассказами о восстаніяхъ Косинскаго и Наливайка, которые въ предшествующемъ изданіи были выдѣлены и составили отдельный статьи, вошедшия, какъ особы монографій, въ полное изданіе его сочиненій. Нѣкоторыя второстепенные положенія въ вступительномъ очеркѣ измѣнены или исправлены и дополнены. Такъ Н. И. устранилъ предположеніе о томъ, что народныя преданія о Савіѣ Чаломъ могутъ быть пріурочены ко времени Шавлюка, убѣдившись, что личность эта относится къ половинѣ XVIII ст.; такъ онъ прибавилъ интересныя подробности, заимствованныя изъ исторіи Турціи Гаммера фонъ Пургштадта, о козацкихъ морскихъ походахъ 1638—1639 г. и т. п. Признавая вполнѣ достоинства этой вступительной главы, мы особенно благодарны почтенному автору за то, что онъ очистилъ первоначальную исторію козачества отъ тѣхъ фантастическихъ нарости, которыми она была испещрена, благодаря вымысламъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и особенно анонимаго составителя исторіи Руссоъ, повторявшимся потомъ въ сочиненіяхъ первыхъ историковъ Малороссіи и затемнавшимъ въ видѣ непрогляднаго тумана первоначальную исторію козачества. Намъ кажется только, что самый вопросъ о происхожденіи въ первоначальномъ бытѣ козачества авторомъ оставленъ нѣсколько незаконченнымъ; указавъ на появление козачества подъ управлениемъ литовскихъ старостъ, авторъ переходитъ къ очерку отношеній южно-русскихъ мѣщанъ къ правительству, загѣмъ приводить свѣдѣнія о первоначальномъ возникновеніи Запорожья, упоминаетъ только о реформѣ короля Стефана и прямо переходитъ къ восстанію Косинскаго; такимъ образомъ съ одной стороны исторической бытѣ козачества XVI в. является какъ-бы не законченнымъ, съ другой для читателя невольно первоначальное козачество сливаются и съ давно существовавшимъ мѣщанствомъ приднѣпровскіхъ городовъ и съ позже возникшимъ Запорожьемъ. Отбросивъ всѣ вымыслы и наязванныя коза-

честву, но не имѣвшія съ нимъ органической связи случайныхъ событій, Н. И. дѣлаетъ исключеніе въ пользу небольшой серіи предполагаемыхъ гетмановъ; онъ признаетъ въ этомъ достоинствѣ Федора Богдана, »его преемника Яна Подкову« и Шаха (Томъ I, стр. 20—21). Исключеніе это заставляетъ насъ предполагать, что многоуважаемый авторъ нашелъ вѣсія основанія для того, чтобы выдѣлить названныя личности изъ ряда мноюическихъ гетмановъ XVI столѣтія и признать ихъ дѣйствительными козацкими гетманами; но такъ какъ ссылки на источники указываютъ въ данномъ случаѣ только на свидѣтельство позднѣйшихъ козацкихъ лѣтописцевъ, то мы находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи и не вполнѣ можемъ избавиться отъ скептицизма, въ силу которого склонны признать Федора Богдана лицемъ врядъ-ли существовавшимъ (вѣдь Федоръ и Богданъ это переводъ одного и того же имени), а въ Подковѣ привыкли видѣть не настоящаго гетмана всего поднѣпровскаго козачества, а политическаго чиновнаго авантюриста, пытавшагося залучить къ пользу своего предпріятія часть козаковъ, жившихъ въ Брацлавчинѣ.

Въ изложениіи событій случившихся при Хмельницкому мы встрѣчаемъ въ новомъ изданії нѣсколько поправокъ и по временамъ значительныя дополненія. Къ числу болѣе существенныхъ поправокъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, устраненіе во второй главѣ названія гайдамаковъ, которымъ въ прежніихъ изданіяхъ авторъ характеризовалъ восставшихъ крестьянъ; конечно имя это онъ примѣнилъ только по аналогіи данныхъ событій съ историческими явленіями болѣе позднаго времени; въ настоящемъ-же изданіи, желая избѣжать недоразумѣній отказался отъ термина, характеристического, но могущаго подать поводъ къ анахронистическому представлѣнію.

Болѣе всего разширены и дополнены въ новомъ изданії тѣ главы, которые относятся къ исторіи 1651 года, памятнаго злосчастною Берестецкою битвою и еще болѣе печальному Вѣлоцерковскому договоромъ; большинство новыхъ источниковъ, которыми авторъ пользовался, сосредоточены на исторіи этого года (Дневникъ Осмѣцкаго, Кубала) и потому доставило ему обильный новый материалъ для характеристики того времени. Центральнымъ фактамъ, около котораго группируются событія 1651 года, естественно является Берестецкое сраженіе и потому Н. И. иссващаетъ описанію его цѣлую главу; впрочемъ къ разсказѣ какъ о самой битвѣ, та и о приготовленіи къ ней и объ ея послѣдствіяхъ, авторъ сохраняетъ собственный прѣемъ въ изложеніи фактовъ: онъ рисуетъ рядъ блестящихъ картинъ и останавливаетъ вниманіе по преимуществу на отдельныхъ эффектныхъ эпизодахъ, оставляя въ сторонѣ описание плана стратегическихъ движений обѣихъ армій какъ до битвы,

тавъ и во время самого сраженія и послѣ него. Подробности эти разработаны весьма тщательно въ очеркахъ Кубали и Освѣціемъ даютъ въ этомъ отношеніи весьма основательныя данныя, но Н. И. не захотѣлъ вѣроятно портить общаго художественнаго впечатлѣнія картины сраженія и потому отказался отъ ихъ воспроизведеній.

Въ дальнѣйшемъ разсказъ особенно интересныя прибавленія мы встрѣтили въ описаніи осады Буши, равно и весьма характеристическія подробности о попыткахъ возстаній польскихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Krakova и Познани; свѣдѣнія эти заимствованы изъ записокъ Іемеловскаго, дневника Освѣціма и изъ труда Кубали.

Въ заключеніи труда мы встрѣчаемъ четыре приложения: 1) отчетъ о запискахъ еврейского раввина современника—Ганновера, 2) замѣтку о статьѣ г. Дитятиня: «Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII столѣтія», 3) сборникъ народныхъ пѣсъ, пѣсней и современныхъ виршъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго и 4) алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

Свѣдѣнія изъ записокъ Ганновера не вошли въ самый текстъ сочиненія, потому что авторъ не могъ своевременно получить русскаго изданія этихъ записокъ, вышедшаго въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, т. е. въ то время, когда новое изданіе уже находилось въ печати; впрочемъ есть другой русскій переводъ этого сочиненія: оно было издано въ переводѣ изъ французскаго изданія Даніила Леви (Племсен 1855) редакцію кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1858 году, подъ заглавиемъ: «Четыре года войны поляковъ съ русскими и татарами (1648—1652) или преслѣдованіе польскихъ израильянъ». Конечно не удивительно, что Н. И.-чу не могло прійти въ голову искать источника для истории XVII столѣтія въ столь скромномъ и мало распространенномъ изданіи.

Сборникъ пѣсень, относящихся ко времени Хмельницкаго, былъ помѣщенъ уже въ третьемъ изданіи (40 пѣсень), въ настоящемъ онъ значительно расширенъ (52) и пополненъ присоединеніемъ пѣсень и ихъ вариантовъ, напечатанныхъ въ промежуткѣ между выходомъ двухъ изданій. Указатель собственныхъ именъ составляетъ приложеніе совершенно новое, и конечно весьма полезное и необходимое при каждомъ обширномъ и капитальномъ историческомъ труде, къ которому приходится всякому занимающемуся данной эпохой, прибѣгать не однократно для справокъ и удостовѣренія отдельныхъ фактовъ.

Относительно именъ собственныхъ мы впрочемъ позволимъ себѣ выразить некоторое сожалѣніе; въ труде столь капитальномъ и занимающемъ несомнѣнно положеніе весьма авторитетное въ исторіографіи южно-русскаго края, не вездѣ обращено было тщательное вниманіе на

географію края и географіческіи названія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подверглись болѣе или менѣе значительному искаженію. Иногда-же авторъ, довѣрившись излишне источнику, не по-вѣрилъ его данныхъ по картѣ или воспроизвелъ картину мѣстности, тѣсно происходило описываемое имъ событіе, не вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Нѣкоторыя искаженія географическихъ именъ произошли очевидно вслѣдствіе нечеткости почерка рукописей, которыми пользовался какъ самъ авторъ, такъ и издатели материаловъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ; такъ мы встрѣчаемъ мѣстности: *Ильменцы* (III, 188) и *Берладъ* (III 188, 196), которымъ потомъ занесены и въ указатель, какъ отдельныхъ мѣстечка; между тѣмъ эти населенные мѣстности возникли только вслѣдствіе искаженія именъ: *Илинцы* (иначе *Линцы*—мѣстечко липовецкаго у.) и *Бернада* (м. ольгопольскаго у.), въ чёмъ весьма легко убѣдиться, про-вѣривъ по картѣ тѣ эпизоды разсказа, въ которыхъ онъ упоминаются. Нѣсколько чаще встречаются искаженія мѣстныхъ названій, произошедшія отъ того, что авторъ, пользуясь иноземнымъ источникомъ, оставилъ эти имена, не измѣнилъ транскрипцію источника, согласно мѣстному народному произнапенію, какъ это принято дѣлать въ русской литературѣ для собственныхъ именъ всѣхъ народовъ и странъ. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ текстѣ и указателѣ названія: *Пятоѣ* (I, 25), *Смѣлое* (I, 290), *Вазилія* (Ш, 303), *Билгорія*, *Горія* (Ш, 301) и т. д., вместо варіантовъ, извѣстныхъ по народному произношенію: *Пятка*, *Смила*, *Базалія*, *Билгорай*, *Горай* и т. д. Наконецъ иногда, слѣдя тексту источника, авторъ даетъ описание мѣстности не точное въ иногда не вполнѣ понятное; такъ въ разсказѣ о жванецкой осадѣ (Ш, 102) мѣсто-положеніе королевскаго лагеря описано такъ: «съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта (т. е. съ востока?) укрѣпленный замокъ, а съ запада овраги и лѣса». Не говоря уже о томъ, что рѣка Жванецъ, подобно всѣмъ притокамъ Днѣстра, течетъ среди обрывистыхъ скалъ и не пытесь болотистой долины и что съ востока къ Жванцу прилегаетъ открытая возвышенная равнина, которая тянется къ селу Брагѣ, довольно трудно представить себѣ ориентировку описанной мѣстности, зная, что Жванецъ видаешь въ Днѣстрѣ у мѣстечка того-же имени и что замокъ лежитъ на самомъ обрывистомъ берегу рѣки Жванца.

Вотъ еще одинъ примѣръ: послѣ охматовскаго сраженія «поляки продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Крѣстьянополь, Устье, Берлады, Каменица, Каріевка, Лещиновка, Есінцы, Берестки, Дмитрашевка (Ш, 196)». Довольно трудно

дать себѣ отчѣть, въ какой мѣстности въ то время свирѣпствовали по-ляки: большинства перечисленныхъ мѣстностей мы напрасно стали бы искать на картѣ; имена иѣкоторыхъ, правда, можно возстановить, по онѣ являются разбросанными на слишкомъ большомъ пространствѣ для того, чтобы можно ихъ пріурочить къ одной компаніи. Такъ Бершадя (Берлады) и Каменка (Каменица) лежать въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи, Кристинополь въ жолковскомъ округѣ Галиціи въ 300 верстахъ отъ цихъ къ сѣверо западу, а Лещинъ (Лешиновка?) въ житомирскомъ уѣздѣ, волынской губ., въ 240 верстахъ къ сѣверу.

Если мы позволимъ себѣ указывать на эти, конечно ничтожныя, погрѣщенія, то дѣлаемъ это не изъ желанія во что-бы то ни стало отыскать, такъ сказать, шатна и на солицѣ, а потому только, что, дорожа въ высшей степени трудами многоуважаемаго ученаго, желаемъ указаниемъ на мелочи, ускользнувшія отъ его вниманія, доставить посильный, хотя крошечный матеріалъ для будущаго новаго изданія Богдана Хмельницкаго, потребность въ которомъ, какъ мы искренно увѣрены, будетъ еще очень долго чувствоватьсь въ широкомъ кругу нынѣшнихъ и будущихъ почитателей мастистаго историка.

В. А.

*Записки Императорскаго Одесского Общества исторіи и древностей.
Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г. 294 стр. II. 3 р.*

Одесское общество исторіи и древностей—одно изъ старѣйшихъ историческихъ и другихъ ученыхъ нашихъ обществъ. Сорокъ четыре уже года оно ведеть свою серьезную научную дѣятельность, обогащая нашу юную историческую науку цѣнными матеріалами и учеными трудами. Теперь предъ нами XIII т. его »Записокъ«. Записки эти имѣютъ вполнѣ мѣстный характеръ: частію они относятся ко времепамъ весьма отдаленнымъ, частію касаются нездѣшней исторіи края, преимущественно XVIII вѣка. Всемѣдие въ этотъ томъ матеріалы и статьи распределены по обычнымъ отдѣламъ: *археологіи, исторіи и географіи* Новороссійскаго края. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщено собственно три историческіе памятника, изъ которыхъ первые два представляютъ древне-греческія надписи, найденные въ Херсонесѣ и сел. Чобручи; послѣдняя принадлежитъ древнему городу Тирѣ. Обѣ надписи имѣютъ значеніе для исторіи политического быта означенныхъ городовъ во II вѣкѣ по Р. Х. Объясненія къ нимъ слѣ-

ланы проф. В. Н. Юрьевичемъ. Материалы эти послужили также предметомъ реферата въ обществѣ Нестора лѣтоиспца¹). Третій документъ—белорусская грамота князни Наст. Мих. Мстиславской о размѣнѣ сель съ ея родственниками 1561, напечатана во подлиннику, хранящемуся въ Музѣѣ того-же общества, и имѣеть значеніе для генеалогіи князей Мстиславскихъ, а именія, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ Бѣлоруссии.

Въ отдѣль памѣщено «житіе преподобнаго Иоанна, епископа Готеи (VIII вѣка). Текстъ его заимствованъ изъ Bollandi, Acta Sanctorum, а пропмѣчанія къ нему изъ статьи В. Василевскаго: «Русско-византійскіе отрывки» (Мурн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 1). При этомъ помѣщены и русскій переводъ житія.

Въ отдѣль географіи вошли окончаніе перевода путешествія Палласа въ Крымъ и на островъ Тамань въ 1793 и 1794 гг., а также его записка въ имя Потемкину объ изслѣдованіи береговъ Каспійскаго моря (1781 г.). Отдѣль «материаловъ» весь заключаетъ въ себѣ документы и статьи, относящіяся къ исторіи Новороссія въ царствованіе Екатерины II, а именно: письма господари Гики къ фельдмаршалу Румянцеву и Потемкину (1777—83); выѣздъ послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея изъ Россіи въ Турцію въ 1787 г., письма барона Антуана къ гр. Сегюру о пользѣ учрежденія морской торговли Марселя съ Херсономъ; историко статистический очеркъ торговли города Херсона (1784—1803 г.); свѣдѣнія о постройкахъ въ г. Николаевѣ и заведеніи флота на Черномъ морѣ, 1791 г.; выписка о службѣ Потемкина по синоду. Въ отдѣль сіллы напечатаны: лѣтоисчисление общества за 1881—83 гг.; столѣтіе церковной жизни Крыма (1783—1783); некрологи иѣкоторыхъ членовъ общества (гр. С. Р. Строганова, читр. Макарія, И. И. Фундукля и пр.) и письма архіеп. Иннокентія къ проф. Бодянскому (рѣчь идетъ объ изданіяхъ Бодянскаго). Въ концѣ тома помѣщенъ указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества за все время его существованія 1844—84 г. и отдѣльныхъ пізданій общества.

Наиболѣе интересенъ отдѣль послѣдній. Не можемъ не отмѣтить въ немъ прекраснаго, живого очерка исторіи послѣдняго столѣтія въ церквенно-религіозномъ отношеніи, составленного по архивнымъ источникамъ членомъ общества, одесскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ А. Г. Лебедицкимъ. Больную услугу для общества и исторіи могъ бы

¹) Въ этотъ-же отдѣль сілловало-бы отнести и отрывокъ греческой надписи, найденной въ Ольвії, такого-же характера, но помѣщенный въ особомъ отдѣль—»материаловъ».

оказать этот въ своемъ родѣ севастопольскій ветеранъ, еслибы представлъ въ Запискахъ Общества свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя, которую онъ выдержалъ отъ первого до послѣднаго дня, при громѣ орудій, среди потоковъ крови, принося безкровную жертву въ пронизанной цулями и ядрами церкви, посѣщая ежедневно самыя опасныя мѣста на бастіонахъ, проживалъ въ блиндажахъ и оставилъ Севастополь лишь наканунѣ рокового дни, съ потерю всего своего имущества, взорваннаго пепріятельскимъ ядромъ. Изъ числа некрологовъ особый интересъ представляеть краткій некрологъ И. И. Фунду克莱я, бывшаго когда-то кievскимъ губернаторомъ и оставившаго Кіеву, кромѣ женской гимназіи его имени, три цѣнныя изданія: 1) Обозрѣніе Кіева и кіевской губерніи въ отношеніи къ древностямъ, 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи и 3) Статистическое описание кіевской губерніи.

Запоздалый некрологъ Фунду克莱я, какъ и многое другое въ этомъ отдѣлѣ, принадлежитъ перу покойнаго предсѣдателя общества Н. Мурзакевича. Извѣстно колоссальное состояніе обруссѣлого сына мелкаго константинопольскаго торговца, равно и его относительная щедрость. Создатель его некролога, говоря о послѣднихъ годахъ службы Фунду克莱я, проведенныхъ имъ въ Варшавѣ, въ разгарѣ послѣднаго возстанія, въ похвалу его замѣчаетъ, что въ то время, какъ другіе изъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ подвергались опасности жизни или падали отъ рукъ убийцъ, Фундуклей жилъ вполнѣ спокойно и его не коснулась рука вражія. На это можемъ замѣтить, что, по ходившимъ тогда въ Варшавѣ разсказамъ, рука вражья коснулась однажды только не его, а его толстаго кармана. Фундуклей не былъ женатъ; громадныя его богатства, земельный и иныхъ, стоимостю приблизительно около 30 миллионовъ, перешли къ боковымъ наследникамъ.

Характеренъ, какъ матеріаль, коротенький запросъ генерала М. Я. Коховскаго къ секретарю Потемкина В. С. Пощову. Суть его въ томъ, что путешествовавшій въ Крымъ съ Екатериною подъ именемъ графа Фалькенштейна Іосифъ II далъ поручику Цироли 300 червоныхъ на покупку для него одной черкесской красавицы. Коховскій такъ озабоченъ былъ исполненiemъ этой коммиссіи, что отправилъ курьера для доклада Потемкину и испрошенія его ордера о прибавкѣ суммы, о томъ, куда и какъ отправить ону красавицу и не кушить ли, вместо одной, двѣ или три.

И. Л.

Каменець-Подольська гімназія.

Историческая записка о 50-лѣтнемъ ея существованіи (1883--83). Составилъ И. Михалевичъ. К. Подольскъ, 1883. 180+105+134, съ иллюстрациями.

Въ то время, какъ университетъ св. Владимира собирается праздновать свое 50-лѣтие, появление историческихъ записокъ о гимназіяхъ киевского округа, подлежащихъ нѣкогда его вѣдѣнію, какъ нельзя болѣе кстати. Есть слухъ, что составляется подобная же записка и о киевской 2-й гимназіи. Созданныя почти одновременно съ киевскимъ университетомъ, они призваны были служить одной и той-же цѣли.

Въ исторической запискѣ о каменець-подольской гимназіи авторъ дѣластъ сначала общій обзоръ образования въ юго-западномъ краѣ до 30-хъ годовъ и говорить сперва о школахъ въ Каменецѣ и Винницѣ; а за тѣмъ излагаетъ исторію Каменець-Подольской гимназіи по періодамъ: до 1849 г., до 1864 г., и съ 1865 до послѣдняго времени. Въ этихъ очеркахъ представлена дѣятельность попечителей, директоровъ и преподавателей въ отношеніи къ гимназіи, материальное положеніе гимназіи, нравственное состояніе и жизнь учащихся. Во второй части описаны учебно-вспомогательные средства и пособія гимназіи, равно сдѣланъ обзоръ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ дирекціи училищъ подольской губернії (дворянскія, приходскія училища, казенные спрейскія училища, землемѣро-таксаторскіе классы, частныя учебныя заведенія, состояніе народнаго образования, воскресныя школы). Наконецъ въ приложенияхъ помѣщены: свѣдѣнія о пожертвованныхъ суммахъ (фундуши), списокъ служащихъ въ гимназіи съ 1833--83 г.; списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіи съ 1833 г.; статистическая свѣдѣнія о количествѣ учащихся, поступившихъ и выбывшихъ въ распределеніе ихъ по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ за все время существованіе гимназіи.

В. И.

О строящемся соборѣ во имя св. Владимира въ Киевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.

Года два уже назадъ тому мы слышали, что г. Беретти намѣривается обнародовать имѣющійся у него » богатый « матеріалъ относительно постройки въ Кіевѣ собора св. Владимира, которая тянется около 25 лѣтъ, безъ надежды скораго окончанія, и принадлежитъ въ недоумѣніе

10*

не только жителей г. Киева, но и прибывающих сюда ежегодно посещителей со всѣхъ концѣвъ Россіи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы встрѣтили вышедшую теперь брошюру г. Беретти, надѣясь найти въ ней не только разрѣшеніе вызываемыхъ этою постройкою недоумѣній, но и полную правдивую исторію онай. Авторъ брошюры—отставной профессоръ архитектуры въ университетѣ св. Владимира, нѣсколько лѣтъ руководилъ работами по постройкѣ владимирскаго собора и теперь со-стоитъ членомъ Комитета, доказывающаго постройку, слѣд.. ему до-ступны самыя подробнѣя и точныя о ней свѣдѣнія. Съ другой стороны строящійся соборъ имѣть значеніе не для одного Киева; по мысли митрополита киевскаго Филарета, положившаго начало его постройкѣ, это памятникъ, который должна была воздвигнуть вся православная Россія своему великому просвѣтителю. Поэтому, принимаясь за брошюру, мы полагали, что она можетъ имѣть исторический и для нашихъ читателей интересъ. Вышло нѣсколько иначе, и вотъ почему.

Въ строящемся соборѣ, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ оказа-лись серьезныя поврежденія; онъ едва не развалился, какъ только вы-ведены были стѣны и купола, и это затянуло окончаніе онаго на без-конечное время. Но именно въ ту пору работами руководилъ г. Беретти. Итакъ, это его исповѣдь, самооправданіе, подумали мы. И дѣйствительно онъ такъ начинаетъ свою брошюру; «такъ какъ о постройкѣ собора во имя св. Владимира въ г. Киевѣ ходятъ разные слухи, предящія моей репутації, какъ строителя, то я считаю нужнымъ объяснить какъ исто-рию самой постройки этого собора, такъ равно причины оказавшихъ въ немъ поврежденій». Можно было-бы, конечно, и оправдывая себя, изложить полную исторію этой любопытной постройки и въ своемъ мѣстѣ объяснить причины поврежденій; но г. Беретти облюбовалъ одинъ только поврежденія. Это, очевидно, его большое мѣсто, въ поврежде-ніяхъ онъ видѣть всю суть исторіи постройки. Весь первый съ періодъ 1853—1862 г., т. е. до начатія работъ и оказавшихъ немедленно поврежденій, авторъ брошюры проходитъ молчаніемъ, хотя этотъ преіодъ не менѣе любопытенъ, какъ и послѣдующіе и объясненіе онаго было-бы къ интересахъ самозащиты г. Беретти. Періодъ съ 1869 г. по 1876 г., когда г. Беретти былъ устраненъ отъ главнаго завѣдыванія работами и самыя работы были пріостановлены, оставленъ имъ также безъ внима-юнія, хотя и тутъ не мало интереснаго, и только послѣднія, це безъ его участія производившіяся работы по отдѣлкѣ собора онъ описывается

балье или менѣе подробно, сътуя на то, что его преемникъ вознаграждены больше его, что въ работахъ иное сдѣлано не такъ, что слѣдовало бы сдѣлать иначе, и т. под.

Такимъ образомъ это не история постройки собора, которую объѣцатель намъ разсказать одинъ изъ строителей его, но история поврежденій за время завѣдыванія имъ работами, нояснающая и самое устраненіе его отъ работы. Всего дѣла постройки г. Беретти не разъясняеться, а какъ-бы еще болѣе запутывается,—даже и самую исторію поврежденій и ихъ поправокъ. Оправдывая себя, онъ валить все на другихъ, а дѣло все таи не объясняеть и даже самъ себя опровергаетъ. На страницахъ напр. 3—4 главную причину всѣхъ поврежденій г. Беретти видѣть въ произведеніи имъ-же уменьшеннія (точные уточненія) главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнь и винить Главное (техническое) Управление въ томъ, что оно »просмотрѣло такой явный и бросающійся въ глаза промахъ«, а на стр. 9, 11, 23 и другихъ, говоря о дальнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ поврежденіяхъ, всю вину ихъ сваливать на подрядчика и усматриваясь ее въ томъ, что подрядчикъ, по своему незвѣдству, когда рѣшено было понизить и потому разобрать купола, вместо того, чтобы разобрать прежде большой куполь, разбралъ малые и разбралъ кирпичъ положить не на коренныхъ лѣсахъ, а на стелажахъ въ пролетахъ большаго купола, отъ чего будто и осѣли главныя арки и произошли отклоненія столбовъ и стѣнь и трещины, дѣйствительно поражающія приводимыми авторомъ размѣрами.

Не желая утомлять читателей, мы не будемъ слѣдить за подробностями самооправданія и полемики автора съ его оппонентами и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ брошюры общими замѣчаніями о ея содержаніи, тойѣ и характерѣ. Полемическая сторона преобладаетъ въ ей надъ фактическою; есть данныя для исторіи постройки, но далеко не полныя; относятся они исключительно почти къ одному среднему, не большому ея періоду, поставлены подъ известнымъ освѣщеннемъ и раскрываются лишь настолько, насколько это нужно для цѣлей автора. Къ тому же полемика автора довольно страстная и скучная: онъ вдается въ мелочи, входить въ рѣзкую отбровенность относительно своихъ противниковъ, часто повторяется и даже самъ себѣ противорѣчить, рѣдко иссѣкъ въ техническихъ подробностяхъ, которыхъ, при добромъ желаніи, не трудно было-бы изложить гораздо проще и понятнѣе, а ли-

шеть такимъ неправильнымъ языкомъ, что совѣтно становится за почтенаго профессора.

Тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ самой попыткѣ почтенного автора объяснить это темное, такъ долго, въ укоръ Кіеву, лѣжащее дѣло, и мы съ благодарностю воспользуемся данными его брошюры для того, чтобы, дополнивъ ихъ нѣкоторыми доступными намъ свѣдѣніями, ознакомить особо нашихъ читателей съ любопытною и поучительной исторіею одного изъ кіевскихъ сооруженій послѣдняго времени.

А. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературная, этнографическая и историческая).

КЪ БІОГРАФІЇ ХУДОЖНИКА В. Л. ВОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кievской Старинѣ», за настоящій годъ, поѣщена статья г. Г'орленка, сообщающая иѣкоторыя давныя къ біографії Боровиковскаго, къ которымъ мы съ своей стороны въ настоящей замѣткѣ сдѣлаемъ еще нѣсколько указаний и исправлений, причемъ считаемъ долгомъ выразить почтенной редакціи глубокую благодарность за добрый починъ собравшія матеріала для жизнеописанія высокоталантливаго живописца, принадлежащаго по своему происхожденію южной Россіи, и смѣемъ думать, что родной, такъ сказать, органъ сослужить добрую службу для сородича, имя котораго занимаетъ во всякомъ случаѣ одно изъ видныхъ мѣсть въ исторіи русской школы живописи.

Прежде всего мы начнемъ съ указанія на разсказъ Гр. Данилевскаго: «Екатерина Великая на Днѣпрѣ (Бібліотека для Чтенія за 1858 г. Т. 151, Смѣсь, стр. 45), гдѣ говорится о Боровиковскомъ, что онъ былъ наемщикомъ въ рекрутѣ, отчего избавилъ его казакъ Грицько, бывшій въ полтавскомъ боѣ и передававшій свои воспоминанія о немъ Екатеринѣ. Послѣдня спросила старика:

— Ну, дѣдушка, скажи-же ты мнѣ, чего ты желалѣшъ? Все, что скажешь, исполню! Говори! Не робѣй...

Провожая императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянувъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался.

— Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить, вотъ что я попрошу! Дайте мнѣ грошей, денегъ: двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня внучатый племянникъ—полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ея не отдалъ. За тѣмъ, что бѣдный онъ! да, онъ и продался въ рекрутъ, напился, выходитъ, за мѣщанина одного за 20 рублей—ну, и гуляетъ теперь! такъ коли бы его счастли отъ солдатчины, пропитая дѣпѣги мѣщанину воротить, а его же нить! Вотъ бы мнѣ подмога и была.... Да и жаль ето: малютъ, вотъ какъ малютъ всякихъ картины, что поискать! Въ Борисовѣ учился и совсѣмъ вышелъ малляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученыи, въ буреѣ былъ! Совсѣмъ грамотный!

— Гдѣ-же твой племянникъ? спросила Екатерина; я думаю, ему уже лобъ забрили теперь.

— Ни, мамо! Срокъ еще до завтра; онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярмаркѣ, съ своимъ наемщикомъ гуляетъ.

Императрица обратилась къ графу Безбородкѣ, поручила ему судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на свадьбу послѣднаго, а первому постоянное содержаніе по смерть и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ.

Далѣе Данилевскій говоритъ, что «полтавское дворянство въ самомъ городѣ выстроило домъ для встречи императрицы. Маршалу его кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Койданъ и о любопытной судьбѣ племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Призванный Боровиковскій написалъ картины, сюжеты которыхъ названы тѣ-же самые, что и у г. Горленка, ранѣе того, замѣтимъ кстати, описанные въ біографії В. Л. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», изданія Члюшара.

Приводя эту выписку, мы конечно не думаемъ придавать фактамъ сообщеннымъ въ ней какое либо значеніе, но нельзя не предположить, что нечто послужившее фабулѣ разсказа заимствовано изъ пароднаго преданія и булулій біографъ—изслѣдователь Боровиковскаго долженъ имѣть его въ виду.

Достовѣрнія-же свѣдѣнія о Боровиковскомъ имѣются въ «Сборнику материаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ» (изданного въ 3 т., въ 1864, 65 и 66 гг.) слѣдующія: «Декабря 4-го (1794) академическимъ совѣтомъ на письмо г. почетнаго вольнаго общника Лампія, которымъ представляеть онъ о удостоеніи господина портучика Владимира Боровиковскаго званіемъ академика, положено отвѣтствовать, что въ сіе достоинство въ силу устава производятся въ академики по заданнымъ программамъ по большинству балловъ, въ цубличномъ собраніи, почему онъ г. Боровиковскій сынъ избранъ назначеннымъ, въ честь и дать ему надлежащее свидѣтельство» (Т. I., стр. 336). Отсюда очевидно, что въ судьбѣ Боровиковскаго принималъ прямое и непосредственное участіе Лампі, который самъ въ почетные общники академіи былъ избранъ въ томъ-же 1794 г., а сынъ его сдѣланъ назначеннымъ въ академики 28 сентября 1795 г., единовременно съ удостоеніемъ Боровиковскаго академикомъ »по двумъ портретамъ писаннымъ съ натуръ« (стр. 341). Что-же касается того обстоятельства, былъ-ли Боровиковскій ученикомъ Лампі или Левицкаго, то намъ кажется вѣрнѣе считать его воспитанникомъ и того и другого, такъ какъ Левицкій какъ разъ въ 1788 г. былъ уволенъ отъ должности профессора изъ академіи съ пенсіономъ въ 200 р. (стр. 227), поэтому очень вѣроятно, что, оставшись безъ занятій, Левицкій охотно принялъ къ себѣ привезенного въ Петербургъ Боровиковскаго, а съ прѣздомъ профессора вѣлской академіи Лампі, Боровиковскій перешелъ къ нему.

Въ 1797 г., въ собраніи академіи, бывшемъ 28 февраля, значится, что изъ содержанія президента академіи художествъ, графа Мусина-Пушкина, оставленного имъ въ пользу художниковъ, по его предложению, въ числѣ другихъ лицъ, Боровиковскій получилъ 200 р. за портретъ графа и графини Бутурлиныхъ (стр. 358).

Въ томъ-же году, октября 26, въ собраніи совѣта разматривались представленные художниками эскизы портретовъ лицъ императорской фамиліи, заказанные для Департамента Удѣловъ; большинству художниковъ вѣльно было дѣлать другіе эскизы, за исключеніемъ Угрюмова, Жданова и Боровиковскаго, которыхъ эскизы, именно портрета княжны Елены Павловны, были оставлены. Но въ 1798

ровиковскому снова приказано было сдѣлать другой эскизъ, какого однако портрета—не сказано (стр. 364 и 371).

Въ 1802 г., декабря 11, Боровиковскій по большинству бал-
зовъ, вмѣстѣ съ Алексѣевыми и Щукинными, удостоенъ былъ званія
совѣтника портретной живописи (стр. 434). Какъ говоритъ Андре-
евъ («Живопись и живописцы»), Боровиковскій императоромъ Пав-
ломъ Петровичемъ былъ употребленъ для украшения строившагося
дворца, нынѣ Михайловскаго замка, и ему было поручено написать
портреты со всѣхъ членовъ императорской фамиліи; за нихъ, мож-
но думать, онъ и былъ пожалованъ званіемъ совѣтника.

Въ 1811 году за работы для Казанскаго собора Боровиков-
скій пожалованъ былъ брилліантовымъ перстнемъ отъ Государя
Императора (Г. II, стр. 15).

Наконецъ въ собраніи академіи, 16 сентября 1825 г., упомя-
нуто, что академія въ числѣ умершихъ членовъ лишилась В. Л.
Боровиковскаго (стр. 203, Т. II); но такъ какъ академическій годъ
считается съ сентября мѣсяца, то необходимо опредѣлить день
смерти Боровиковскаго, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ имѣются
даже различныя показанія года. Такъ а) въ эрмитажномъ каталогѣ
(Т. III, стр. 84, изданія 1871 г.) годъ смерти описанъ 1826,
4 апр.; въ «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ» Березина
(Т. IV, стр. 177) также 1826; но б) въ Энциклопедическомъ Сло-
варѣ Плюшара, равно какъ въ Мѣсяцословѣ на 1840 г., гдѣ въ
алфавитномъ спискѣ русскихъ художниковъ приведены біографи-
ческія свѣдѣнія о Боровиковскомъ, показанъ 1825 годъ. Послѣднюю да-
ту съ числомъ 4 апрѣля и надо считать вѣрною; она подтверждается
и современнымъ «Журналомъ Изящныхъ Искусствъ», издававшимся
Вас. Ив. Григоровичемъ, секретаремъ общества поощренія художни-
ковъ, бывшимъ впослѣдствіи конференцъ-секретаремъ академіи. Въ
№ 2 своего изданія, вышедшемъ въ апрѣль 1825 г., на стр. 75,
онъ сообщалъ: «въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный ху-
дожникъ по части портретной и исторической, г. совѣтникъ И. А.
Х. В. Л. Боровиковскій. Собравъ свѣдѣнія о его жизни и произве-
деніяхъ, я не оставлю сообщить оныхъ читателямъ». Однако этому
благому намѣренію не суждено было исполниться, такъ какъ вскорѣ
Журналъ Изящныхъ Искусствъ прекратилъ своимъ изданіемъ.

Затѣмъ, обращаясь къ списку работъ Боровиковскаго, скажемъ, что въ »Указателѣ выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, бывшей въ залахъ Имп. Академіи Художествъ, въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ« 1851 года, показаны: изъ собранія Л. Г. Львова—две головки писанныя на желѣзѣ, изъ собр. художника Бугасевскаго-Благодарнаго—портретъ г. Демидова и изъ собранія Ф. И. Прянишникова тѣ произведенія, которыя г. Горленко перечислилъ въ спискѣ картинъ, принадлежащихъ Московскому Румянцевскому музею, подъ №№ 1, 2, 5 и 6, а въ перечинѣ картинъ галерей Прянишникова, напечатанномъ въ изданіи Вольфа »Картины Европы« (Т. I, стр. 184) названъ портретъ еще неизвѣстнаго священника.

Кромѣ того въ »Указателѣ Русскаго музея«, учрежденнаго собравіемъ СПБ. художниковъ на всероссійской малуфактурной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, были: изъ собранія г. Петровскаго—четыре евангелиста, изъ собр. И. Д. Быкова—портретъ экзарха грузіи Антонія, сына царя Георгія и портретъ неизвѣстнаго священника.

Въ настоящее время, за смертю И. Д. Быкова, собраніе его картинъ распродается и въ немъ имѣются слѣдующія произведенія художника Боровиковскаго:

- 1) Портретъ в. кн. Константина Навловича.
- 2) Портретъ Суворова (?)
- 3) Императрицы Екатерины II.
- 4) Портретъ девушки въ бѣломъ платьѣ.

Относительно портретовъ »исторической портретной выставки« замѣтимъ, что изображеніе Екатерины II въ царскосельскомъ саду, показанное въ каталогѣ г. Петрова, подъ № 351, принадлежащимъ г. П. И. Кузнецовой, по словамъ Д. А. Ровинскаго, въ изданіи только что изслѣдованіи о жизни и произведеніяхъ Н. И. Уткина, есть копія съ оригинала Боровиковскаго, находящагося у князя Воронцова (Wasitschikoff. Catalogue, I, 188), а мы предложимъ еще вопросъ касательно происхожденія этого портрета, т. е. какимъ образомъ попалъ онъ къ Воронцову, ибо Ник. Рамазановъ въ книжѣ своей »Материалы къ исторіи художествъ въ Россіи« (стр. 235) говоритъ, что портретъ Екатерины II, пагравированный Утинымъ, находится въ Москвѣ у А. М. Муромцева.

Въ спискѣ г. Горленка (№ 8) названъ портретъ в. к. Александра Павловича, что невѣрно, такъ какъ подъ указаннымъ имъ № 644 каталога Петрова значится портретъ княжны Александры Павловны, равно какъ и предыдущий подъ № 643 ея-же, по только поясной. У г. Горленка онъ пропущенъ, а № 699—Горсуковой—принадлежитъ не Академіи Художествъ, а князю Волконскому.

Изъ гравюръ, произведеній Боровиковскаго, кромѣ названныхъ г. Горленикомъ, укажемъ еще «Благовѣщеніе»; находится на царскихъ вратахъ въ Казанскомъ соборѣ, работы на стали англійскаго гравера Робинзона, приложено къ книгѣ И. Д. Кукольника «Картины Русской живописи», изданія 1846 года. Кромѣ того въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. Ровинскаго (СПБ. 1872 г.) перечислены слѣдующіе портреты:

- а) Великой кн. Александры Павловны работы Селиванова и съ него-же Березникова.
- б) Графа Алексѣя Ив. Васильева—Ухтомскій.
- г) Голубовой—онъ-же.
- д) Державина—4 листа гравированныхъ Гейзеромъ, Уткинымъ, Пожалостинымъ и Тейхель.
- е) Великаго кн. Константина Павловича—Березниковъ.
- ж) Кн. П. В. Лопухина—Валкеръ.
- з) Кн. А. Б. Куракина—три листа Вендрамина, Клаубера, Тассартъ и Уткина.
- и) В. К. Маріи Павловны—Селивановъ.

И. Н. Божеряновъ.

О МИТРОПОЛИТИИ ІОСИФЪ СИМАШКѢ.

(Изъ письма писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).

Въ нынѣшнемъ только году появились «Записки Іосифа, митрополита литовскаго», изданныя, по замѣщанію автора, Академіею наукъ въ 3-хъ большихъ томахъ и оконченныя печатаніемъ еще въ концѣ прошлаго года. Мы не успѣли еще дать отчета объ этомъ капитальномъ изданіи, изъ котораго такъ много интересныхъ и поучительныхъ выдержекъ сдѣлано разными газетами. Пока бу-

деть готовъ нашъ отчетъ, даемъ мѣсто письму, которое содержитъ въ себѣ любопытныя биографическія свѣдѣнія о почившемъ знаменитомъ архиластиреѣ, какихъ нѣть въ самой его автобиографіи. Письмо писало б. протоіереемъ липовецкаго уѣзда, кіевской губерніи, Александромъ Мацкевичемъ, въ вѣдѣніи коего находился приходъ Павловка, родина Симанки, спустя 7 мѣсяцевъ послѣ смерти сего послѣдняго,—писано въ отвѣтъ на запросъ кіевскаго кафедральнаго протоіерея И. Г. Лебединцева, который, редактируя еще въ то время Кіевскіе Епархіальные Вѣдомости, интересовался собрать, по свѣжей памяти, уцѣлѣвшія на родинѣ почившаго іерарха письменныя и устная свѣдѣнія о немъ и его родѣ; оно осталось осталось неиздѣтаннымъ и теперь передано намъ. Опускаемъ начало и конецъ письма, излагающія поводъ и результатъ поисковъ, и приводимъ существенную и самую большую его часть. Собранныя о. Мацкевичемъ свѣдѣнія изложены въ порядкѣ обращенныхъ къ нему вопросовъ, а потому его сообщеніе не имѣетъ связнаго изложенія и отдѣлки.

»Дѣдъ митрополита Іосифа, во время бывшей въ здѣшнемъ краѣ упії, поступилъ упіатскимъ священникомъ въ село Павловку; по православнымъ не былъ. Какъ расказываетъ того села житель, крестьянинъ Алексій Сидорукъ, имѣюцій 72 года отъ роду и помнішій его, онъ долженъ быть оставилъ свой приходъ вслѣдствіе того, что не хотѣлъ принять православія (благочестія) и на его мѣсто тогда-же бытъ назначенъ православный священникъ Михаилъ Чарпинскій. Было это во время присоединенія югозападнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ и возвращенія къ православію отпавшаго въ унію его населенія. По справкѣ въ клировой вѣдомости прихода Павловки за 1834 годъ значится: «Священникъ Михаилъ Андреевъ Чарпинскій рукоположенъ во священника преосвященнымъ архіепископомъ Викторомъ 1795 года, марта 6; отъ роду ему 81 годъ». Сколько мнѣ известно по рассказамъ моего родителя, оставшимся тогда въ упії священникамъ, за устраниемъ ихъ отъ приходовъ, назначаемо было отъ казны на содержаніе по 100 рубл. асс. въ годъ. Полагать можно, что и дѣдъ Симанки пользовался тѣмъ же содержаніемъ. По разсказамъ того-же крестьянина-старика, Тимофея Сѣмашко продолжалъ и въ это время жить въ своемъ домѣ въ с. Павловкѣ, но для совершенія богослуженіяѣздить въ мѣстечко

Илияцы, гдѣ была униатская каплица, построена въ видѣ обыкновенного дома, противъ нынѣшней становой квартиры, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ иностранца Уха. При немъ жили и внукъ его Иосифъ, вноскольствіи митрополитъ, и отецъ послѣдняго, не бывшій еще тогда священникомъ; но внукъ не слѣдовалъ примѣру своего дѣда и отца и вмѣстѣ съ матерью своею ходилъ къ богослуженіямъ въ православную церковь села Павловки, обращенную изъ униатской, въ которой служилъ упомянутый выше православный священникъ Михаилъ Чаргинскій.

Въ № 15 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1868 г. въ замѣткѣ о митр. Иосифѣ, между прочимъ, сказано, что онъ, на восьмомъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ братьями Іоанномъ и Николаемъ, отданъ былъ для домашнаго обучения пѣкоему Бучковскому. Кто этотъ Бучковскій? Въ метрической книжѣ церкви села Павловки значится, что съ 1803 года Трофимъ Бочковскій былъ дѣякомъ этой церкви; а, извѣстно, что какъ въ то время, такъ и въ позднѣйшіе годы дѣячки, носившіе почетное название «бакаліаровъ», были специальными педагогами и обучали не только крестьянскихъ, но и священническихъ дѣтей. Выходитъ, что первоначальное обученіе митрополитъ Иосифъ получилъ у православнаго дѣячка и конечно это обстоятельство имѣло весьма важное на него вліяніе, парализируя дѣйствіе не православнаго элемента его семьи. Какъ ученикъ православнаго дѣячка, вмѣстѣ съ нимъ онъ ходилъ въ православную церковь, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, особенно читалъ: *Благословленіе Господа*. Вѣнцемъ тогдашняго ученія, мечтою родителей учащагося дитяти было именно умѣніе громко и протяжно прочесть этотъ псаломъ, во время раздачи антидора. Въ особенности занимало это дѣтей. Бывало, погонить будущій митрополитъ въ поле воловъ на пастыбну, около него соберется гурьба такихъ же крестьянскихъ подростковъ и просить его прочесть: *Благословленіе Господа*, какъ въ церкви онъ читалъ, «голосно, съ протягомъ, съ роздохомъ», а въ замѣнѣ того онъ просилъ ихъ пѣть пѣсни и выучить его какой либо новой, неизвѣстной. Щѣсни, конечно, были малороссійскія и будущій святитель страстно ихъ любилъ. Лѣтъ за семь предъ симъ (1869 г.) умеръ въ Павловкѣ нѣкто Вазлько (Василій) Цинскій, бывшій до самой смерти сторожемъ церковнымъ, за времена уни

и потомъ въ православії. Церковный сторожъ служилъ обыкновен-
но священнику вмѣсто кучера въ поѣздахъ болѣе далекихъ и
Базыкъ возилъ »Іосипка—панича«, вноскѣствіи митрополита, въ
»школы«, сперва въ Немировъ, а потомъ въ Вильну. По сохранившимся
въ свѣжей памяти его рассказамъ, паничъ ничего такъ не
любилъ, какъ останавливаться въ дорогѣ на почлегъ въ полѣ, подъ
открытымъ небомъ. Любясь прелестями лѣтнихъ ночей, онъ долго,
не смыкая глазъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни, преимущественно »чу-
мацкія«, прося Базыка, чтобы и онъ подпѣвалъ ему, и за это давалъ
ему въ дорогѣ особую порцію водки. Шайболѣ любимою его пѣснью
была: »Ой, мати, мати, та не гай мене; въ далеку дорогу выря-
жай мене... Невольно при этихъ словахъ памъ представляется тотъ
далекій жизненный путь, которымъ вноскѣствіи прошелъ знамени-
тый іерархъ церкви.—Будучи въ санѣ архіерейскомъ, высокопрео-
священійскій Іосифъ относился къ »Базыку«, какъ къ своему
приятелю, когда тотъ пріѣжалъ къ нему въ Вильну, и радушно его
угощалъ и дарилъ. Кромѣ »Базыка«, уже умершаго, въ Павловкѣ
остается въ живыхъ однодворецъ Йанъ Душинскій, бывшій по пайму
въ службѣ у отца митр. Іосифа: случалось и ему возить »панича«
въ школы въ Немировъ, и его рассказы совпадаютъ съ рассказами
Базыка. Такимъ образомъ душа великаго іерарха воспиталась на
звукахъ родной пѣсни и думы. Могъ-ли онъ забыть когда либо эти
глубокіе, иѣжные звуки, въ которыхъ вылилась многострадальная
жизнь народная, и не опи-ли были важнѣйшимъ, не поддающимся
анализу сознанія стимуломъ въ томъ новоротѣ, какой совершился
потомъ въ душѣ Симашки и доставилъ ему славное имя въ исторіи
народной?

Съ какого времени дѣлъ митр. Симашки сталъ священство-
вать въ с. Павловкѣ, объ этомъ письменныхъ данныхъ не нашлось.
Доискаваться послужного его списка у ильинецкаго ксендза я не
нашелъ возможнымъ, зная его направлѣніе, а уніатскія дѣла липо-
вецкаго духовнаго правлѣнія, въ числѣ коихъ могъ онъ находиться,
въ сороковыхъ годахъ вытребованы въ кіевскую консисторію. Но
памятникомъ, указывающимъ время священствованія въ Павловкѣ
Тимоѳея Симашки, служить надпись на потирѣ, ложерѣтованномъ
имъ въ здѣшнюю церковь. Надпись эта, которую и я видѣлъ, слу-
чайно открыта теперешнимъ священникомъ о. Порфириемъ Молча-

новскимъ, при развинчиваніи потира для чистки, и заключается въ слѣд. знакахъ: 1768. Т. С. Р. Р. Разгадка не трудная: цифры показываютъ годъ, а начальные буквы скрываютъ подъ собою слѣд. слова: *Timotheusz Siemaszko, Puroch Pawłowski*. По словамъ старика Сидорука и другихъ, потиръ этотъ сдѣланъ Тимофеемъ Симашкомъ на третъемъ году его священствованія изъ серебра, которое удалось ему спасти во время *Коливщины* отъ гайдамакъ, и сдѣланъ, какъ жертва благодаренія Богу за сохраненіе жизни и имущества. Итакъ начало священствованія Тимофея Симашки въ селѣ Павловкѣ приблизительно можно относить къ 1765 году. Тотъ-же старикъ помнить время смерти Тимофея Симашки (ему самому было тогда 10 лѣтъ) и какъ его погребали въ селѣ Павловкѣ, возлѣ церкви, на мѣстѣ, где внослѣдствии устроенъ придель.

Отецъ митрополита Іосифа былъ жевачъ на дочери униатскаго священника Сироцинскаго; сынъ его Іосифъ родился въ то время, когда отецъ сго еще не былъ священникомъ. Въ метрической книжѣ прихода Павловки, годъ 1808, мѣсяцъ октябрь, зафиксана статья о рожденіи и крещеніи сына того села стихарпаго дьяка Павла Барановскаго, а въ ней значится, что восприемникомъ при крещеніи былъ »тамошній уныятина Іосифъ Сомашко« (sic); священникомъ онъ здѣсь не названъ, значитъ и не былъ таковыи въ то время. Проживая при отцѣ, родитель великаго ієрарха занимался вообще хозяйствомъ, а преимущественно покупкою и продажею воловъ и свинныхъ салъ, самолично »чумаковалъ« — єздилъ въ Крымъ за солью; оставаясь дома, исполнялъ всѣ полевые работы; собственнымими руками косиль, ораль и ралиль, только не жаль; вмѣстѣ съ нимъ работали и его сыновья, въ томъ числѣ и будущій митрополитъ. Когда крестьяне говорили отцу: зачѣмъ онъ къ такимъ труднымъ работамъ употребляетъ »панычишъ«, онъ отвѣчалъ: пусть прежде научатся работать, а »пановать« будуть послѣ. Одному изъ своихъ сыновей, именно Іосифу, отецъ преимущественно предъ другими, поручалъ пасти воловъ и стеречь ихъ въ ночное время, и вотъ въ этой-то частибѣ и почной стражѣ участвовалъ съ нимъ и старикъ Сидорукъ, разсказами котораго мы пользуемся, и получая отъ него по куску сала за хорошую пѣсню, или если стерегъ за него воловъ, когда ему хотѣлось заснуть. Старику этому я показывалъ портретъ митрополита Іосифа, приложенный къ апрѣльской

книжкѣ »Странника« за настоящій 1869 годъ, и онъ узналъ его, найдя въ немъ черты, знакомыя ему съ дѣтства.

Въ 1813 году Іосифъ Сѣмашко (отецъ) рукоположенъ былъ униатскимъ епископомъ въ санъ священника въ м. Илинцы, но служилъ онъ не въ упіатской ильинецкой церкви, которая имѣла особаго священника, а въ тамошнемъ костелѣ. Тамъ, говорять, устроены были два боковые олтары для униатскихъ священниковъ, и на одномъ изъ нихъ во имя святителя Николая, священникъ служилъ Сѣмашко, а на другомъ тоже униатскій священникъ Духовскій. Въ некрологѣ матр. Іосифа, помѣщенному въ »Иркут. Вѣдомостяхъ«, архимандритъ Модестъ говоритъ даже, будто въ первомъ изъ этихъ придѣловъ Симашкомъ (отцемъ) устроена иконостасъ. Намъ кажется и то и другое невѣрныи: въ католическихъ костелахъ всегда есть боковые олтары, а священники униатскіе также служили въ костелахъ, какъ и сенды въ церквяхъ униатскихъ, устройство же иконостаса въ костелѣ по мыслимо уже потому, что этого не допустили бы сенды и прихожане. Обветшалыя иконы, писанныя на холстѣ, въ томъ числѣ икона святителя Николая и другихъ патроновъ фамилии Сѣмашковъ, есть и теперь въ колокольнѣ, при церкви с. Павловки, и по разсказамъ, они принадлежали униатскому священнику Іосифу Сѣмашкѣ; но были ли они когда либо въ ильинецкомъ костелѣ, того никто не знаетъ; вѣрище они составляли обычное украшеніе въ домѣ тогдашняго священника, хотя-бы и униатскаго. Раньше того было въ обычай у православныхъ и униатовъ рукополагаться »на вакансie«, въ надеждѣ пріисканія прихода; очень можетъ быть, что и отецъ Сѣмашки рукоположился въ такомъ-же разсчетѣ, но приходъ униатскій найти тогда было уже трудно и, за неимѣніемъ его, онъ служилъ въ костелѣ. Принимая къ себѣ униатскихъ священниковъ, польские сенды разсчитывали, конечно, воспользоваться остатками погибшей уни; но потому ли, что обманулись въ своихъ расчетахъ, или потому, что послѣдовало какое либо на этотъ счетъ запрещеніе, скоро стали зонять ихъ изъ своихъ костеловъ,—изгданъ былъ при этомъ и Симашко изъ ильинецкаго костела. Тогда, подариивъ выстроенный имъ вблизи костела домъ сыну своему Николаю, бывшему въ Илинцахъ вольнопрактикующимъ врачомъ, онъ купилъ для себя другой vis-à-vis, и здѣсь изъ кухни, которая состояла

помещение отдельное от дома, устроил молельню; тутъ-то и были иконы, о которыхъ мы предъ симъ упоминали. Въ этой молельнѣ въ январь 1840 года старики Симашки устроили по униатскому обряду бракъ ихъ дочери Елены, любимой сестры православнаго уже тогда преосвященнаго Іосифа. Женихомъ былъ Викторъ Гомолицкій, именитый виленскій кафедральный протоіерей, а бракъ совершилъ униатскимъ священникомъ Федоромъ Кудрицкимъ, прожившимъ въ то время въ предмѣстьѣ города Липовца Гайсипѣ, и нарочито для этого сюда вызваннымъ. При совершенніи этого брака кѣпчавшіеся, какъ передаютъ очевидцы, по униатскому обычая, стояли на колѣнахъ.

Принять православіе, преосвященній Іосифъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ писалъ не разъ отцу своему въ Илинцы, убѣждая и съ сыновнею покорностью упрашивая послѣдовать его примѣту. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ приходилось и мнѣ читать; писаны они были всегда по русски, оборотная же сторона листа всегда оставлена была не писанною. По окончаніи письма слѣдовала прописка къ брату Николаю (лѣкарю) и его женѣ на польскомъ языку, начинавшаяся словами: »państwu Mikołajowstwu...«. При одномъ изъ писемъ пристана была для отца бородатая ряса и подрясникъ; но никакія убѣжденія почтительнаго и нѣжнаго сына не дѣйствовали на престарѣлыхъ родителей. Наконецъ осенью 1846 года высокопреосвященный Іосифъ прибылъ лично въ Илинцы къ своимъ родителямъ, имѣя отрощенія на головѣ волосы и бороду, но и это не повлияло на отца относительно перемѣны вѣры; онъ только сказалъ, что ему лѣтъ брить бороду, но волосы стригъ и не оставлялъ надѣватъ свой »габитъ«, совершенно чуждаясь рясы и подрясника. Во время пребыванія архіепископа Іосифа у родителей, его просили посѣтить православную церкви въ Илинцахъ и Павловкѣ, но онъ отъ этого отказался, избѣгая архіерейскихъ встрѣчъ, и сказалъ, что пріѣхалъ скретно. Въ слѣдующемъ затѣмъ году отецъ и мать высокопр. Іосифа уѣхали къ нему въ Вильну, продавъ домъ свой, который перешелъ во владѣніе помѣщика гр. Платера и занять потомъ подъ становую квартиру, при чемъ молельня получила прежнее свое назначеніе, будучи снова обращена въ кухню. Домъ этотъ внослѣдствіи подаренъ Платеромъ иностранцу Вуху и въ настоящее время совершенно перестроенъ.

О. архимандритъ Модестъ въ упомянутомъ некрологѣ митрополита Іосифа говорить между прочимъ, будто родитель его вполнѣ сочувствовалъ мыслямъ его о возсоединеніи уніатовъ и когда послѣдователь актъ возсоединенія, охотно принялъ православіе. Знаю его лично, и притомъ близко, могу утверждать лишь противное; лишь переехавъ въ Литву, гдѣ дано было ему священническое мѣсто въ селѣ Дѣбкушкахъ, онъ сталъ православнымъ, по и то болѣе по имени. Фанатизмъ и ненависть къ православію особенно сильно выражились въ сынѣ его священникѣ Іоаннѣ Симашкѣ, который и умеръ вѣдь православной вѣры, и о родномъ братѣ своемъ митрополитѣ Іосифѣ всегда отзывался такъ: *przeklety! i sam siebie robię i na gó dźwibę!* Въ бытность его у меня въ Лаповцѣ, я показалъ ему портретъ его знаменитаго брата; онъ съ бѣшнствомъ бросилъ портретъ на полъ и, при звукахъ разбитаго стекла, тотъ часъ-же убѣжалъ. Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его при илінецкомъ костелѣ, и ксендзы уже принялись было за исполненіе его воли; но православные священники отобрали его у ксендзовъ и похребели при православной илінецкой воскресенской церкви, чѣмъ остался доволенъ братъ умершаго, митрополитъ Іосифъ и священникамъ погребавшимъ прислали денежное вознагражденіе. Жена Іоанна Симашки, дочь уніатскаго священника Гречины, совсѣмъ не рещла въ латинство, о чемъ вслѣсъ безплодная переписка въ липовецкомъ духовномъ правлениі; по смерти она погребена на римско-католическомъ кладбищѣ ксендзовъ. На евангеліи, присланномъ митрополитомъ Іосифомъ въ церковь села Навловки, слѣдующая надпись: «Азъ смиренный Іосифъ митрополитъ литовскій и виленскій сю книгу святаго евангелія положилъ навсегда въ церковь приходскую въ селѣ Навловкѣ, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, гдѣ дѣдъ мой Тимофей Сыманко добрѣ пастырствовалъ, гдѣ у самой наперти лежитъ прахъ моей бабы Маріи, а также трехъ братьевъ и сестры, усопшихъ во младенчествѣ, гдѣ и я молился изъ дѣтства до юношескаго возраста. Приношеніе сie (sic) въ январѣ мѣсяцѣ 1853 года, на пятьдесятъ пятомъ году моей жизни. Помяни Господи меня недостойнаго и вѣхъ присныхъ моихъ!» Удивительно, что митрополитъ Іосифъ въ приведенной надписи, говоря о погребенныхъ при церкви села Навловки близайшихъ его родныхъ: бабѣ, братьяхъ и сестрѣ, не упомянулъ о своемъ дѣдѣ, который, по сви-

дѣтельству очевидца, погребенъ при этой-же церкви, да и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и не могъ быть погребенъ, находясь до самой смерти своей въ томъ селѣ».

Протоіерей Александръ Мацкевичъ.

ПИСЬМО КЪ ТРЕМЪ ДІАВОЛАМЪ¹⁾.

Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ 1751 года, въ »мастностяхъ« гетмана Розумовскаго, въ Быковской волости. Приходскій священникъ села Петровецъ Іоаннъ Григорьевъ и житель того-же села Иванъ Мирочникъ примили въ »экономическую его ясновельможности канцелярію« и предъявили въ ней »саморучное писаніе« старобыковскаго жителя Михайла Гладкого, 21 года, которымъ этотъ послѣдній отдавалъ себѣ діаволамъ »вѣчне зѣ душою и тѣломъ«. О Михайлѣ Гладкомъ производилось въ это время дознаніе по подозрѣнію въ кражѣ имъ у капитана Флицеля 316 рублей, но самъ онъ находился на свободѣ. Мѣстный сотникъ Петъ Карповичъ арестовалъ Гладкого и, допросивъ его »безъ пристрастія«, допросные рѣчи его, вмѣстѣ съ письмомъ, а также донесшаго о семъ Ивана Мирочника отправилъ къ бунчуковому товарищу, »всѣхъ малороссийскихъ его ясновельможности маєтностей главному economу, Павлу Ломбковскому«, который съ своей стороны проводилъ все дѣло въ войск. генер. канцелярію. Въ производившемся по этому случаю дѣлѣ сохранилась засвидѣтельствованная копія съ письма Гладкого къ діаволамъ; она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

»Приятель мои добрии Гуцмерю, полуденть и вѣрокъ.

Цураюсь я Бога и матери его, и всѣхъ святыхъ, и отца своего и матери, и отдаюсь вамъ зѣ душою и тѣломъ во вѣчное ваше владѣніе, а вы минѣ издѣлайте, чтобы я бувъ у Быковѣ паномъ, и принесли бъ вы минѣ трошей, сколько я захочу, такожъ капитану, моему неприятелю, и сотнику и Сандулу издѣлайте, чтобы вони побѣсились и щобъ вони мене боялись; только вѣсь процу— дайте миѣ вѣкъ свой изжить, а по смерти мосй возмете мене вѣчность зѣ душою и тѣломъ.

Вашъ моихъ добрихъ приятелей вѣчный слуга
Михайло Гладкий».

¹⁾ Изъ »дѣла« войск. генер. канцеляріи 1751 г.

Въ основѣ всего дѣла лежитъ глубокая вѣра въ дѣйствительность непосредственныхъ сношеній человѣка съ нечистою силою и возможность съ помощью оной выйти изъ стѣсненнаго положенія, сдѣлаться паномъ и даже отмстить своимъ врагамъ. Гладкій предварительно распрашивалъ у разныхъ лицъ о томъ, какъ бы ему повидаться съ дьяволами: просилъ онъ жителя всирицкаго Павла Шенса указать ему человѣка, который знался бы съ дьяволами, а тотъ направилъ его къ двумъ жителямъ воронъковскімъ. Поѣхалъ Гладкій къ илькоему Савкѣ Мирочнику и просилъ показать ему діавола »персонально«; тотъ посовѣтовалъ ему пойти въ какіе нибудь пустые »хоромы« и выспыкать діаволовъ: »они и явятся, увѣренно говорилъ Савка, если не будешь »лякаться«. Но Михайло этого не сдѣлалъ, а, по совѣту Василія Котляра, обратился къ жителю Петровецъ, зятю рыбака, Ивану Мирочнику, который взялся показать ему діавола »персонально«. Три раза прїѣзжалъ Михайло къ Ивану Мирочнику и наконецъ, по совѣту его, »напившись пьяный въ ночь глупую па распутье выходолъ и діавола Гуцмера кликалъ трижды, токмо діаволь не явился«. Тогда Иванъ Мирочникъ сказалъ, что можно и безъ »персональнаго« свиданія записаться діаволамъ и тогда де Михайло будетъ »паномъ, но только душу свою погубить«.

И вотъ 1-го мая на ярмаркѣ быковской Михайло, встрѣтившись съ Иваномъ Мирочникомъ, по его совѣту, и написавъ это письмо »до діаволовъ трохъ—Гуцмера, полудена и вырака« и передать Мирочнику. Мирочникъ, вместо отправки письма по адресу, показалъ оное прежде всего священнику, а съ нимъ уже отправился къ сотнику и управителю волости быковской—Петру Карповичу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся, по повелѣнію гостмана, войсковой генеральной канцеляріи указъ Павлу Ломѣковскому объ отсылкѣ какъ самого Михайла Гладкого, такъ и произведенного о немъ следствія въ черкасскую духовную консисторію »къ надлежащому тамо обѣ разсмотренію и опредѣленію«.

Рѣшенія консисторіи въ дѣлѣ нѣть, но сущность его отгадать не трудно: въ такихъ случаяхъ виновные отсылались обыкно-

венно года на два или на три въ какой-либо монастырь до совершенного раскаянія и заглажденія вины молитвою и постомъ.

Дикія и страшная на современный взглядъ дѣла этого рода являлись нефѣдко въ производствѣ судебныхъ и административныхъ мѣстъ прошлаго вѣка и въ архивахъ того времени встречаются довольно часто; но записи души діаволу писались обыкновенно подъ обиціемъ этого послѣдняго именемъ. Здѣсь-же ясно различаются три опредѣленныя какъ-бы лица съ особымъ для каждого именемъ. Одно изъ нихъ—*полуденъ* заимствовано, очевидно, изъ книгъ церковныхъ и означаетъ бѣса «полуденнаго», который дѣйствуетъ преимущественно въ полдень, что же означаютъ два другихъ, объяснить затрудняемся. Не будуть-ли эти названія поводомъ въ нашеій народной демонологии?

Собл. А. Андріевскій.

МАЛОИЗВѢСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОДЪ.

На лѣвомъ берегу р. Ворсклы, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Полтавы, раскинуто живописное село Крутые Берега. Существуетъ предположеніе, что оно подало мысль украинскому поэту И. П. Котляревскому написать известную его оперу «Наталку-Полтавку»¹⁾). Мы имѣли случай, въ 1875 г., побывать у владѣльца этого села, майора А. Ф. Дублянского, умершаго въ 1876 году. Помыщаемъ краткую замѣтку объ этомъ дворянскомъ родѣ и его «маетности» на основаніи переданныхъ намъ Дублянскимъ свѣдѣній.

С. Крутые Берега было цожаловано Петромъ I предку А. Ф. Дублянского по матери, гадячскому полковнику И. Чарнышу, а до того принадлежало полтавскому полковнику Н. Герцику, приверженцу Мазепы. Прадѣдъ Андрея Федоровича, Александръ Дублянский, служилъ въ малороссийскомъ полтавскомъ полку бунчуковыми товарищемъ при гетманѣ Апостолѣ; въ 1731 г. находился въ составѣ отряда козаковъ подъ командою киевскаго полковника А. Танского, при устрой-

¹⁾ См.: И. П. Котляревскаго, изд. С. П. Катраповыма. Киевъ 1875 года, стр. II.

ствѣ украинской линіи на р. Орели, т. е. земляного вала съ башнями отъ р. Днѣпра до Донца.

Сынъ Александра, действит. стат. советникъ Павелъ Дублянскій, служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Въ 1787 г., при проѣздѣ императрицы Екатерины II въ Крымъ, онъ занималъ, въ г. Екатеринодарѣ, должность прокурора и получать рѣдкую въ то время награду, орденъ св. Владимира 4 ст. У Андрея Осдоровича сохранилась и жалованная на этотъ орденъ грамота, а также письмо по этому случаю къ Николаю Дублянскому отъ князя Потемкина—таврическаго. Отецъ Андрея, Федоръ Дублянскій, служилъ въ малороссийскихъ козакахъ и въ 1814 г., въ чинѣ полковника, съ козаками участвовалъ при взятіи русскими войсками Шариха. Маіоръ А. Дублянскій служилъ въ гусарахъ, участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г., по выходѣ въ отставку, былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ полтавскаго уѣзда, при губернскомъ предводителѣ А. Поповѣ, а въ послѣднее время жилъ въ с. Крутыхъ Берегахъ. Онъ передавалъ памъ любопытныя свѣдѣнія объ И. Чарнышѣ, испытавшемъ всѣ превратности судьбы. Еще въ званіи значковаго товарища Ив. Чарнышъ былъ посланъ Петромъ I въ 1709 году къ крымскому хану и къ запорожцамъ, съ извѣстіемъ о выборѣ гетманомъ страдубовскаго полковника Ив. Скоропадскаго. Чарнышъ изъ Крыма забѣхъ въ Конѣ, атаманъ Гордѣнко арестовалъ его и передалъ шведамъ. Потомъ Чарнышъ выданъ, вмѣстѣ съ прочими пленными, князю Меншикову, когда ему сдались шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, подъ м. Переялочной, близъ Днѣпра. Въ послѣдствіи И. Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судью и, вмѣстѣ съ И. Полуботкомъ и прочими старшинами, заключенъ 10 ноября 1723 г. въ Петропавловскую крѣпость; затѣмъ водворенъ на жительство въ Москву, откуда отпущенъ на родину въ ноябрь 1727 года.

Андрей Осдоровичъ показывалъ меѣ слѣдующія рѣдкости: 1) набалдашникъ мѣдный, вызолоченный отъ гетманской булавы; 2) кубокъ, или братину мѣдную, 1712 года, шестигранную, украшенную рѣзьбою; въ ней ставили вино на радахъ, при выборѣ старшинъ; 3) винтовку парѣзную, шестигранную, украшенную серебромъ, привезенную предкомъ его изъ Запорожья; 4) шведскій карабинъ, мѣдный, гладкоствольный, съ расширеннымъ на концѣ стволомъ; 5) шведскую пушку, отбитую въ полтавской битвѣ;

6) турецкую саблю и 7) особый приборъ, въ формѣ ножа, который запорожцы втыкали въ землю, когда приходилось стрѣлять въ лежачемъ положеніи, причемъ на верхній, раздвоенный конецъ ножа клали дуло ружья. Кроме того у А. Дублянского было много рѣдкихъ книгъ, географическихъ атласовъ XVIII вѣка и портретовъ.

П. Китицінъ.

СУДЬБА ОДНОГО КІЕВСКАГО СООРУЖЕНИЯ.

Исторія разнаго рода сооружений въ г. Киевѣ въ высшей степени любопытна и поучительна. Самымъ древнимъ, конечно, досель неоконченнымъ сооруженіемъ матери градовъ русскіхъ надо считать киевскую крѣпость. Основаніе ей положено, ~~еще~~ извѣстно, въ 1703 г. еще Петромъ В. Разбита первоначально крѣпость на земляхъ, принадлежавшихъ лаврѣ и частнымъ лицамъ, преимущественно бѣдному люду, всегда селявшемуся на окраинахъ города. По тогдашнему суровому времени, какъ читаемъ въ одной неизданной лѣтописи, «хаты поуруйновано, виноградниа сады и огороды поцюндровано, людямъ земли не дано, а сказано: идѣте себѣ, где хотите... И бысть тогда илачъ многъ и риданіе великое». Спустя около 40 лѣтъ Минихъ (ругъ города (Старого) спалъ валы высокіе и много также «поплюндровать и попустонить» частныхъ строений и усадьбъ. Гораздо позже, въ 30-хъ годахъ пынѣнняго столѣтія, для расширенія экспланадной линіи крѣпости спесены четыре прихода: вознесенскій, снааскій, ѿедосіевскій и владимірскій, жители откочевали на далекое разстояніе, церкви трехъ первыхъ приходовъ заключены въ крѣпостныхъ валахъ, а четвертая съ приходомъ отнесена на пески къ Лыбеди, гдѣ и теперь сваливаются около нея павозы. Въ 40-хъ годахъ придумана новая линія оборонительныхъ верковъ, для которой уничтожена лучшая часть Печерска, отъ никольскихъ воротъ до царскаго сада, спесены Кловъ и Кресты, разобрано зданіе присутственныхъ мѣстъ, служившее первоначально помѣщеніемъ для университета, когда-же окончены были эти миллионыя сооруженія, то нашъ русскій Мольтке, умудренный севастопольскими уроками, изрекъ надъ ними суровый праговоръ: осмотрѣть ихъ въ 1869 г., онъ призналъ, что ихъ совсѣмъ не стояло возводить, такъ какъ пѣсколько дальнобойныхъ орудій, поставлен-

ныхъ на Байковыхъ высотахъ, въ теченіи не многихъ часовъ не оставитъ въ нихъ камня на камнѣ. И опять начерчена новая экспланадная линія, отъ которой не свободны и самыя отдаленные части Киева, гдѣ въ недавнее время паслись стада.

Подобна отчасти история знаменитаго цѣпнаго моста и вызванныхъ его постройкою двухъ другихъ сооруженій: подъема въ крѣпость и запруды Чартороя. Прежде чѣмъ оконченъ быль мостъ, ему грозила опасность остаться на мели съ лѣвой стороны Днѣпра, вслѣдствіе напора воды къ правой. Придумали дѣлать запруду на Днѣпрѣ выше Киева, гдѣ рѣка стала дѣлать крутой поворотъ вправо, отклоняясь отъ старого своего русла, которое потому лишь мелкимъ жестокомъ доходило до лѣвой стороны моста. Мостъ стоилъ 3 миллиона, позже, говорить, прибавленъ еще одинъ, а подъемъ около полутора миллиона. Съ проведениемъ желѣзной дороги и постройкой нового моста ниже лавры и крѣпости, мостъ цѣпной остался едва не для пѣшеходовъ, а подъемъ въ крѣпость оказался и совсѣмъ не нужнымъ, что-же до запруды, то она изъ году въ годъ продолжается и доселе: что положать инженеры въ рѣку зѣтомъ и осенью, то весной она выпесеть, гдѣ она выпесеть, тамъ они опять наложатъ камней и фашипъ, а она опять ихъ вынесеть, и т. д., и т. д. На манеръ запруды шло долгіе годы сооруженіе набережной у Подола, а несравненно дольѣ, съ миллионными затратами, произошли устроиство Александровскаго спуска и обдѣлка михайловской горы. Начатыя еще при Александрѣ I, они длились чрезъ все почти царствованіе Николая I и хотя конецъ онаго былъ поставленъ на верху горы гранитный столбъ съ надписью: *Обдѣлка горы окончена въ 1849 г.*, но время сокрушило и самый этотъ столбъ, какъ бы въ доказательство того, что строители поторопились съ своимъ заявлениемъ.

Около 15 лѣтъ тягнется дѣло сооруженія памятника Богдану Хмельницкому, и никакъ не можетъ прійти къ концу.

Но изъ всѣхъ киевскихъ сооруженій давняго и позднѣйшаго времени едва-ли не наиболѣе любопытна постройка въ Киевѣ владимирскаго собора. Въ отдѣль Библіографіи мы дали отчетъ о брошюрѣ, посвященной этой постройкѣ, и обѣщали сказать обѣ этой послѣдней особо, что и исполняющъ здѣсь, пользуясь иѣкоторыми данными брошюры г. Беретти.

Мысль о постройкѣ въ Киевѣ храма въ честь святаго равноапостольнаго князя Владимира,—храма достойнаго имени великаго просвѣтителя Россіи, явилась такъ сказать случайно. Обдѣлывали, какъ мы выше упоминали, михайловскую гору и обдѣлавши, задумали, не извѣстно по чьей мысли, украсить ее липами изваяніемъ св. Владимира. Освятить это изваяніе выпадало на долю извѣстнаго своимъ благочестіемъ и строгостію религіозныхъ возврѣштій тогдашнаго митрополита кievскаго Филарета Амфитеатрова. Благочестивый старецъ, строго различавший тончайшіе изгибы иѣжнаго христианскаго чувства, на отрѣзъ отказался. »Какъ? говорилъ онъ; святый благовѣрный равноапостольный и великий князь Владимиръ съ этихъ высотъ низвергалъ истукановъ, а теперь его истуканъ тамъ-же ставить. Въ честь святыхъ угодниковъ Господнихъ св. матери наша церковь обыкла воздвигать только священные храмы ихъ имени, а не свойственныя одиць язычникамъ изваянія... Ему возразили, что вѣдь нѣтъ въ Киевѣ храма Владимира, достойнаго его имени. »Ему вся православная Россія должна воздвигнуть здѣсь такой храмъ«, отвѣчалъ святитель Филаретъ и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки по всей Россіи на сооруженіе такого храма. Пока шла подписька, неизвѣстному еще тогда петербургскому архитектору Штрому заказанъ былъ планъ. Подписька дала 100 т. р., планъ оказался замѣчательно художественнымъ и доставилъ его автору званіе академика. Храмъ по плану имѣлъ форму продолговатаго креста, а стоимость всей постройки опредѣлена г. Штромомъ приблизительно до полумілліона рублей. Это послѣднее обстоятельство крайне смутило и огорчило метр. Филарета. »Я старъ, повторялъ онъ въ этомъ, какъ и въ другихъ слу-чаяхъ; гдѣ намъ собрать столько денегъ?« и обратился къ епархиальному своему архитектору г. Снэрро съ вопросомъ, нельзя ли удешевить постройку. »Можно«, отвѣчалъ извѣстный уже и тогда неудачными своими постройками г. Снэрро, и не думая много надъ проектомъ Штрома, обрѣзалъ бока на его планѣ и укоротилъ отчасти длину; будегъ-де не крестъ, а корабль, хотя и не такъ длинный.

Въ такомъ видѣ проэктъ постройки храма св. Владимира, за послѣдовавшею въ концѣ 1857 г. смертю митрополита Филарета, попалъ, какъ говорится, въ длинный ящикъ. Вновь назначенный

изъ экзарховъ Грузіи митрополитъ Исидоръ (нынѣ петербургскій) прибылъ въ Кіевъ весьма не скоро. Въ недолгое его управлѣніе поднять былъ вопросъ лишь о мѣстѣ для постройки и уже самъ выборъ мѣста показывалъ, какъ ослабѣть тогда интересъ къ этому дѣлу. Вмѣсто монументальнаго памятника св. Владиміру отъ лица просвѣщенной имъ Россіи на собранныя деньги рѣшились построить теплую церковь его имени въ погосте софійскаго собора, рядомъ съ храмомъ Ярослава. Планъ г. Спарро Высочайше утвержденъ лишь 5 апр. 1859. г.

Въ концѣ 1860 г. митр. Исидоръ перемѣщенъ былъ въ Истѣрбургъ, а на его мѣсто назначенъ митр. Арсеній. Переимѣна митрополита не подвищала-бы, кажется, дѣла постройки собора, если-бы не явился совершенно неожиданный, по рѣшительный толчекъ. Дѣло въ томъ, что около этого времени возникла мысль о постройкѣ храма во имя равно-апостольнаго Владимира на мѣстѣ его собственнаго крещенія въ древнемъ Херсонесѣ. Энергическій настоятель херсонесскаго монастыря, извѣстный архимандритъ Евгений, изыскивая средства на постройку этого храма и заручившись весьма высокою поддержкою, выступилъ съ ходатайствомъ объ обращеніи на это дѣло денегъ, собранныхъ по мысли митр. Филарета. Митрополиту Арсенію даць былъ соотвѣтственный запросъ, а это побудило его рѣшительно взяться за дѣло, прежде посыпки какого либо отвѣта. Добыли проектъ Спарро, избрали мѣсто на пустыряхъ, рядомъ съ зданіемъ 2-й гимназіи и противъ ботаническаго сада, объявили торги. Положеніе дѣла оказалось критическимъ. Одна черновая постройка исчислена была въ 158 т., притомъ выходилъ не соборъ, а только модель собора, какъ выражался тогда намѣстникъ лавры, архимандритъ Ioаннъ, нынѣ полтавскій архіепископъ. Торги дали ничтожную уступку; приходилось отказаться отъ постройки. Но тутъ лавра печерская дала безмездно миллионъ кирпича, а кузнѣцъ Ховалкинъ, желая, какъ говорилъ онъ, послужить Богу, скинуль 33,6 процента со сѣмѣтной суммы и обязался выстроить соборъ вчернѣ за наличную сумму 100,000 р. Наскоро разбили мѣсто, и 15 іюля 1862 г. митрополитъ Арсеній, совершивъ давно забытый и имъ вновь восстановленный крестный ходъ къ источнику Владимира на мѣстѣ крещенія его сыновей, равно впервые окропивъ освященою водою поставленное на михайловой горѣ изваяніе

Равноапостольного, съ тѣмъ-же крестнымъ ходомъ произвѣсть закладку собора и тогда донесъ, что закладка уже сдѣлана, а сльд. и деньги, по мѣдинскѣй собраннія, не могутъ быть переданы въ Херсонесъ.

Приступая рѣшительно къ работамъ, въ талантахъ исправителя витромовскаго проекта г. Спарро усумнились. Вмѣсто него, по указанію тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова, къ руководству работами приглашенъ быль г. Беретти, до-кончившій, послѣ отца своего, зданіе университета св. Владимира, извѣстный постройкою и другихъ кіевскихъ зданій: 1-й гимназіи, что прежде быль кадетскій корпусъ, анатомическаго театра, училища гр. Левашовой и пр. »Разсматривая смѣту«, пишетъ онъ въ своей брошюре *о вновь строящемся соборѣ*, »я, признаться, не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было составить, а тѣмъ болѣе утвердить ее съ такими очевидными и огромными излишествами и явными несообразностями«. Къ сожалѣнію, ни этихъ излишествъ, ни несообразностей онъ не объясняетъ, говорить только, что »на утвержденномъ уже масштабѣ сдѣлать красными линіями новый масштабъ, взять за скажь съ прежняго масштаба $2\frac{1}{2}$ аршина« (?), проектироваль какія-то пристройки, хоры, три престола вмѣсто одного, подвальшій этажъ, съ помѣщеніемъ для калориферовъ и пристенниковъ, а главное—достигъ увеличенія помѣщенія для мозаичихъ въ $2\frac{1}{2}$ раза, именно съ 51 кв. сажени до $127\frac{1}{2}$, не считая хоръ, при томъ увеличилъ купола, и не только не возвысилъ суммы первоначальной смѣты, но понизилъ ее съ 158 т. на 141 т. безъ нѣсколькихъ десятковъ рублей. Но, говорить самъ-же г. Беретти, »желая увеличить помѣщеніе для боковыхъ олтарей, я уменьшилъ главные столбы и соотвѣтственно этому пришлось уменьшить и наружныя стены, отъ чего главныя поперечныя арки и не имѣли надлежащаго противораспора въ наружныхъ стѣнахъ, что и было главной причиной всѣмъ поврежденіямъ«. На этомъ оканчивается первый періодъ постройки собора св. Владимира въ Кіевѣ.

Второй періодъ обнимаетъ собою черновую постройку собора, т. е. возведеніе фундаментовъ, стѣнъ и куполовъ, постепенно открывавшіяся поврежденія, ихъ свидѣтельствованіе и мѣры, предпринимавшіяся для ихъ исправленія. »Въ октябрѣ 1864 г., говоритъ г. Беретти, »когда большой и малый купола были доведены до окон-

ныхъ пролетовъ и были уже окончены верхніе своды, кроме трехъ сводовъ въ средней западной части собора, обнаружились вертикальныя трещинки на нижнихъ частяхъ облицовки западныхъ столбовъ, со стороны малыхъ арокъ, и падъ этими столбами, по линии главныхъ поперечныхъ арокъ, и на малыхъ аркахъ, и на соприкасающихся къ нимъ парусахъ малыхъ куполовъ; къ тому-же попали обѣ верхнія связи въ главныхъ поперечныхъ аркахъ». Произошло это, по специальному на сей разъ объясненію г. Беретти, отъ вращательного движенія арокъ, а по прежнему его-же объясненію отъ утопыненія «главныхъ столбовъ и наружныхъ стѣнъ и недостатка въ послѣднихъ противораспора для арокъ». Поврежденія эти, по признанію г. Беретти, были ничтожны и такими-же, по его словамъ, они признаны командированными изъ Петербурга архитекторами Кузьминымъ и Маевскимъ, исправленіе-же ихъ обошлось всего въ 265 р. Тѣмъ не менѣе въ главномъ техническомъ Комитетѣ найдено необходимымъ пописать купола, хотя ихъ было не 13, какъ проектировалъ Штромъ, а только 5. 20 августа 1865 г. эти и другія измѣненія (въ наружныхъ украшенияхъ) были Высочайше утверждены. Г. Беретти продолжать работы и къ зимѣ того-же года окончилъ всѣ верхніе своды, а 25 января 1866 г., въ его отсутствіе, работы свидѣтельствовали два генерала, фамилій которыхъ онъ не называетъ, и написали, что прежнія незначительныя поврежденія нисколько не увеличились и что вообще трещинъ нигдѣ нѣть. Г. Беретти уѣзжалъ тогда въ Петербургъ, гдѣ на его работы смотрѣли спаче, и пробыть тамъ довольно долго, а въ его отсутствіе, по его-же словамъ, «техническіе члены Комитета» разбрѣшили подрядчику^{*} сломку куполовъ, не давъ себѣ труда присмотрѣть за тѣмъ, какъ подрядчикъ будетъ производить эту сломку. Подрядчикъ прежде большаго разобратъ малые купола и сложилъ кирпичъ на стелажахъ въ оконныхъ пролетахъ большаго купола; отъ этого, говорить г. Беретти, осѣли главныя арки, произошли и всѣ дальнѣйшія поврежденія. А поврежденія оказались очень и очень серьезныя: «въ главныхъ поперечныхъ аркахъ вновь лопнули связи и разошлись гораздо болѣе, чѣмъ прежде, самыя эти арки такъ осѣли, что между ими и сдѣланнѣемъ сверху колыцемъ образовались промежутки, оба западные столбы отклонились на 3½ вершка, восточные на 2½, стѣны противъ западныхъ столбовъ на

4½, а противъ восточныхъ на 2½ вершка отошли наружу; отъ осѣвшихъ арокъ образовались трещины и на лежащихъ на нихъ парусныхъ сводахъ, на смежныхъ съ главными арками малыхъ аркахъ, вмѣсто едва замѣтныхъ ссыпинъ, образовались видимыя трещины, а простыни, выведенныя подъ верхними малыми арками, отдѣлились отъ наружныхъ отклонившихся стѣнъ, причемъ противъ этихъ мѣстъ и на парусахъ малыхъ куполовъ образовались повреждения».

Когда ссыпинія о такихъ поврежденіяхъ дошли до Петербурга, оттуда командированъ быль для осмотра постройки самъ составитель первоначальнаго ея проекта г. Штромъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствовавшимъ ее прежде г. Маевскимъ. Составленный ими актъ констатировалъ указанная выше поврежденія, а причинами онъхъ, насколько можно судить по сдѣланнымъ изъ акта въ брошюре г. Беретти выпискамъ, призналь: »не равномѣрность осадки стѣнъ и столбовъ, при чёмъ основаніе столбовъ заложено выше, чѣмъ основаніе стѣнъ, гдѣ устроены подвальные этажи, отсутствие распорныхъ арокъ между стѣнами и столбами и то, что основаніе столбовъ сдѣланы безъ уширенія«. Найдено также, что »пяты всѣхъ сводовъ, какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ подняты очень высоко относительно пяты арокъ между столбами и положено по одной связи между столбами сваренныхъ не надлежащимъ образомъ, а уцѣльвши сильно патянулись«. »Своды, въ поясненіе къ этому говорить г. Беретти, мною сдѣланы парусные и дѣйствительно весьма плоски; но за то резонансъ въ церкви оказался отличнѣйшимъ, и своды эти служить украшеніемъ собора, на которыхъ я положилъ на синемъ полѣ разкинуть золоченныя звѣзды«. Резонанса этого никто, конечно, не слыхалъ и звѣздъ никто не видѣлъ, а собору грозило полное разрушеніе. Укрѣпили его кой-какъ и пошли писать. Въ перепискѣ прошли, кажется, 1867, 1868 и начало 1869 г. Переписка вызвала командировку архитектора Щернгардта. »Изслѣдованіе грунта, пишеть г. Беретти, способа кладки фундамента, цилоновъ и другихъ частей зданія, а также употребленнаго матеріала привели г. Щернгардта къ заключенію, что причину произошедшихъ поврежденій слѣдуетъ искать не въ качествахъ местнаго грунта и строительного матеріала, не въ исполненіи работъ, такъ какъ все они удовлетворяютъ требованиямъ техники, а въ большомъ мѣстѣ всѣхъ строющихся на Руси

храмовъ—въ несоответствіи между собою конструктивныхъ частей зданія». Собору отъ этого не стало легче, архитекторамъ также, а г. Беретти съ 1869 г. былъ устраненъ отъ завѣдыванія работами и самыя работы прекратились на весьма долгое время, на цѣлыхъ почти семь лѣтъ.

Подпerteий, съ трещинами, обставлeнnyй лѣсами стоялъ всероссийскій памятникъ равноапостольному просвѣтителю Россіи и никто не чаялъ видѣть его когда либо оконченнымъ. Собранныя по подшипикѣ дѣльги давно было израсходованы, новыхъ ресурсовъ не было никакихъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло приимать продолженія и окончанія работъ на счетъ казны.

Но какъ г.-ну Беретти, по его объясненію, повредило не допущеніе имъ, наравнѣ съ другими техниками разныхъ промаховъ въ конструкціи собора, а то мелочное обстоятельство, что, будучи съ г. Бернгардтомъ на концертѣ Рубинштейна, онъ отъ духоты впаіть въ обморокъ; такъ собору помогло, хотя нестолъ мелкое, но также сияи съ нимъ це имѣвшее проведеніе отъ Кіева двухъ желѣзныхъ дорогъ, сперва кіево-балтской, а потомъ курско-кіевской. Съ устройствомъ вокзала близъ кадетскаго корлуса путь отъ него въ Кіевъ направился по бибиковскому бульвару, мимо самаго собора. Въ одинъ изъ прїездовъ своихъ въ Кіевъ шокойный императоръ Александръ II, проѣзжая мимо, обратилъ вниманіе на эту видную постройку и, освѣдомившись отъ єхавшаго съ нимъ генералъ-губернатора кн. Дундукова-Корсакова о положеніи и обстоятельствахъ постройки, выразилъ желаніе, чтобы соборъ былъ доконченъ. Но послѣ тѣхъ периодій, чрезъ которыхъ проходило это дѣло, интересъ къ нему у кіевскихъ властей ослабѣлъ въ такой степени, что понадобилось новое напоминаніе государя въ слѣдующій прїездъ и категорическое приказаніе возобновить дѣло объ окончаніи постройки, съ принятіемъ расходовъ на суммы государственного казначейства. Попала вновь на переписку на цѣлые годы; работы по отетройкѣ собора возобновлены лишь съ 1876 г. Завѣдываніе ими, по указанію Бернгардта, поручено местному молодому архитектору Николаеву, подъ наблюденіемъ, какъ и прежде, особаго многочленнаго Комитета. Устроили контрфорсы, дали собору боковыя пристройки, которыхъ онъ лишился отъ руки Спарра, а за тѣмъ пристяжались за наружную и внутреннюю отдѣлку. Работы велись и продолжаются

сь такою медленностью, какая только и возможна въ казенныхъ постройкахъ, потому быть можетъ, что у казны *кашикъ* самый длинный... Въ этомъ году сдѣлаются напримѣръ верхніе, въ слѣдующемъ нижніе карнизы, чрезъ годъ отдѣлаются щиты, потомъ раздѣлаются купола, и т. д., и т. д. Но какъ всему бывать конецъ, то и этой постройкѣ приходилъ, повидимому, конецъ и освященія собора можно было ожидать если не въ прошломъ, то въ нынѣшнемъ году.

Случилась однако новая неожиданность. Одному ученому профессору, живущему пососѣству съ соборомъ, по поводу выхода въ свѣтъ исторіи русской церкви Голубинскаго, гдѣ такъ обстоятельно раскрыто, что у насъ, какъ и теперь па востокѣ, были иконостасы въ формѣ певысокой преграды, отдѣляющей, но не закрывающей олтарь, пришла весьма почтенная мысль, что въ соборѣ во имя Владимира надлежало-бы устроить иконостасъ и всю олтарную обстановку такъ, чтобы они перепосили собою молящихся во времена Владимира. Мысль эта проведена была сперва въ одной мѣстной газетѣ, а потомъ заявлена официально. Попала новая переписка. Проектъ профессора былъ переданъ на обсужденіе церковно-археологического общества при кievской академіи; оно согласилось съ нимъ и поручило одному изъ членовъ своихъ, профессору А. В. Прахову, занимающемуся возобновленіемъ фресокъ въ кіево-кирилловской церкви, составить соответственные чертежи. Общество между тѣмъ не удовлетворилось чертежами г. Прахова и поручило архитектору Николаеву составить новые. Тѣ и другіе были посланы въ Петербургъ въ концѣ прошлаго года, разсматривались во многихъ инстанціяхъ и наконецъ лишь въ послѣднее время утверждены рисунки проф. Прахова съ тѣми изменениями, какія указаны для нихъ императорскимъ археологическимъ обществомъ. Предстоять заказы иконъ, стѣнной алтарной живописи, преграды и многаго другаго. Пройдетъ не одинъ еще годъ, утечеть не мало въ Днѣпръ воды, пока будетъ совершенно окончено и освящено этотъ давно ожидаемый молитвенный памятникъ, который, по мысли святителя Филарета, должна была создать вся православная Россія своему равнопостольскому просвѣтителю.

Штукартурная и лѣпнинская работы, по видимому, совершиенно окончены; на куполахъ съ прошлой осени водружены кресты; го-

товорится позолота куполовъ на средства мѣстнаго капиталиста Н. Терещенка; зданіе, особенно издали, кажется весьма виднымъ и красивымъ, хотя лишеннимъ цѣльности и полнаго изящества. Г. Беретти, указывая въ выполненіи стѣдовавшихъ послѣ него работъ разныя мелкія несовершенства, въ новомъ строительствѣ усматриваетъ одинъ тотъ недостатокъ, что онъ »не отецъ собора, а только его отчимъ«. Отца, скажемъ мы въ заключеніе, и трудно тутъ доискаться; случайно и на время прикасавшися къ этому дѣтицу строители явлюются какъ-бы въ видѣ панекъ и, по странной игрѣ случая, въ числѣ семи, а известно, что при семи панькахъ съ дитятей и не то еще бываетъ. Мы же, блодушіе за всѣмъ и затрачивающіе депыги, держимся стариннаго правила, что географію обязанъ знать лишь извозчикъ...

А. Н.

СТАРИННЫЕ СПОСОБЫ ВОЗВРАТИТЬ ЯЗЫКЪ НѢ- МОМУ И РАЗСѢЯТЬ ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

Старое время поражаетъ насъ суровостю пріемовъ въ обращеніи съ виновными или только подозрѣваемыми въ какой либо винѣ. Платили дань времени и такие мудрые и гуманные правители, какимъ считается для Малороссіи графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ той части архива Малороссійской коллегіи, которая нынѣ находится при харьковскомъ университѣтѣ, мы нашли два его предложенія этой коллегіи, которыхъ приводить къ такому заключенію.

Гдѣ-то, въ Малороссіи, взять былъ подъ стражу неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій при себѣ какіе-то травы и пѣкоторые инструменты; свидѣтельствовавшій его докторъ высказалъ предположеніе, что пойманній притворяется нѣмымъ. Румянцевъ указываетъ коллегіи средства заставить этого нѣмого заговорить. Другой случай—распространеніе въ 1769 году въ Малороссіи слуховъ на счетъ плохаго состоянія россійской арміи, которою командовалъ Румянцевъ, приводить его къ тому средству, которое, вѣроятно, по традиціи, практиковалъ впослѣдствіи кievскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ¹⁾. Знакомить съ тѣми и другими средствами предложенія графа Румянцева, которыхъ приводимъ здѣсь въ подлинникахъ.

¹⁾ См. »Кievsk. Старин.« на 1882 г., кн. VII, стр. 71 и 72.

1.

Содержащийся въ оной коллегіи колодникъ пѣ мой, который по освидѣтельствованію докторскому признанъ притворяющимся въ своей иѣзотѣ, а найденные у него травы и инструменты, употребляемые къ землѣй и деревянной работѣ, наводить на него подозрѣніе, для чего бы онъ сіи вещи при себѣ носилъ; но если и за увѣщаніемъ священническимъ ничего о себѣ не проговорилъ, сложеніе же его тѣла во всемъ здоровое, какъ и вышесказанные причины дѣлаютъ сомнительство, не ханжить ли онъ? и какъ не отвѣтствуетъ на вопросы ему предложенные, заслуживаетъ наказаніе; то Малороссійская коллегія имѣеть, соблюдая послѣднєе средство помилованія, посадить его подъ крѣпкой караулъ на два дни и не дать ни питья, ни пищи, но оставить все сіе время провождать ему съ священникомъ, который бы усугубилъ свои увѣщанія, представляя, что упорство подвергаетъ его дальнему жестокому истязанію. На остатокъ, ежели и по прошествіи сихъ дней онъ однакожъ казать непременно себя будетъ безъ рѣчи, то по сомнительству изъ его обстоятельствъ останется распросить его батожьемъ въ присутствіи членовъ, извѣдывая собственнаго признанія отъ него, какой онъ человѣкъ? чтобы иногда спускательствомъ къ его притворному и ложному виду не дать въ немъ примѣру подражанія другимъ преступникамъ, во избѣженіе наказаній ими заслуженныхъ. Іюля 18, 1768 года.

2.

Къ сожалѣнію доходить мнѣ извѣстія, что иѣкоторые невоздержные раскащики къ смятенію народному въ Малой Россіи и въ самомъ Глуховѣ оглашаютъ пустые враки о состояніи арміи мнѣ вѣренной. Какъ не должно помускатъ сей вредной лжѣ распространиться до общихъ мнѣній и съ тѣмъ сопряженныхъ послѣдований, то я и рекомендую Малороссійской коллегіи взять пристойное примѣчаніе, чтобы всякого, кто къ смущенію общему покусится что либо разглашать про обстоятельства арміи, присыпать ко мнѣ, дабы здѣсь удостовѣрить его о противномъ и по испытаніи знать, какъ говорить о военныхъ дѣлахъ. Іюня 18, 1769 года. Изъ главной квартеры Самбура.

Сообщ. П. Е—ко.

НѢКОТОРЫЯ МЕЛОЧИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Въ январской книжкѣ «Киевской Старинѣ» за нынѣшній годъ были помѣщены нѣкоторые изъ разсказовъ, записанныхъ нами на Волыни отъ старика Добротвора, съ которымъ мы бесѣдовали не разъ о минувшихъ временахъ. Изъ его характерныхъ разсказовъ намъ припомнились и еще нѣкоторыя подробности, и мы сообщаемъ ихъ для печати, дабы не затерялась ни одна изъ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ потомъ историкъ создаетъ цѣльную картину народной жизни въ данную эпоху.

О Добротворѣ мы замѣтили прежде, что любимою темою его разсказовъ была *паничина*, особенно въ первое время по присоединеніи края къ Россіи. Извѣстно, что тогда былъ полный просторъ власти пановъ въ отношеніи къ ихъ «подданнымъ», не только никѣмъ не стѣсняемый, но напротивъ какъ-бы поддерживаемый всюю силою русскаго управления. Это была самая тяжкая пора для православнаго населенія присоединеннаго края и она глубоко напечаталась въ памяти народной. Народъ сознавалъ тягость, бывшую послѣдствіемъ перемѣны режима, помнить это и теперь.

— Якъ були мы пидъ Полщею, разсказывалъ Добротворъ, то паны насъ боялись, бо кожный зъ насъ має ножа зъ боку; а якъ пидвернулись пидъ Россію, то паны зробили таєъ, щобъ на три дворы бувъ еденъ пижъ, а на десять двори въ одна сокира.

— Вже-жъ и муки мы набралися за ихъ панування, говорилъ старикъ, обращаясь къ частностямъ; а найгирше ти жинки. Де по якихъ дворахъ, тамъ, де людей били, були покопаніи не велички ямки; то, бачте, для того, що якъ треба часомъ простягти женчину временчу (беременну), та въ такую ямку клали інъ животомъ, щобъ не залиходити ін. Бьють було, духу послухаючи. А коли забъє було панъ якого чоловика, то заразъ пише до ассесора, це-бъ то станового; а якъ прииде ассесоръ, то панъ и не крysteясь, а просто каже: забилемъ чловинка. Ассесоръ заразъ пише до цола, що вмеръ той чоловикъ своею наглою смертю и що треба єго поховати. Тоди вже на возы кладуть годованихъ кабанивъ, гусей, индиковъ, килька гарцивъ ишеници, вивса и везутъ до пана ассесора. А найгирше було, що ѹе й зглушаюча надъ нами: быдло,

каже, пся кревь; такъ невирно лаялись. Надивились на наши муки оти коробейники—каданы, що въ коробкахъ крѣмъ усякій носять, та й питаютъ було нась: кака, каже, въ тебе, хохоль, душа? Коли каменна, то перебьется; коли рсемена, то перервется; коли мочальна, то церстрется. Должно быть, каже, въ тебе, хохоль, душа кременна!

Извѣстіо, что преданія о событияхъ временъ Хмельницкаго совсѣмъ затерялись. Въ разсказахъ Добротвора памъ удалось подмѣтить иѣкоторые ихъ обрывки. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они записаны, безъ сличенія съ фактами историческими.

— Въ Шумському замку, що надъ ставомъ, сидивъ давно колись князь Радывилъ. Отъ якъ воювали козаки въ ляхами, то козаки добули зъ того замку Радывила, вывезли его за Шумскъ и тамъ підъ Брыковомъ замордували.

Въ основѣ этого краткаго преданія лежитъ дѣйствительный историческій фактъ, изъ времени войнъ Хмельницкаго.

— А якъ гнали козаки въ ляхи зъ-підъ Берестечка, говориль еще старикъ Добротворъ, то козаки, втикаючи, кидали гропи въ криници, въ ставы, въ безодни; де яки отдавали мужикамъ повиннікы червонцівъ та дукатівъ.

— А якъ зобралисъ зновъ козаки, то зустрили ляхи підъ Старымъ Костянтиновимъ, на гори Ганчарыси и моцно бились... бились тамъ три дні й три ночи, а потімъ розійшлисъ: ляхи въ свою сторону, а козаки въ свою.

— Кажуть, заключиль Добротворъ, при кинци свита зновъ буде велике страженія на тій гори Ганчарыси—будуть биться ляхи зъ москалями..., а потімъ уже и кинецъ свита.

И. Орловъ.

ЕЩЕ ПѢСНЯ О ПОПАДЬѢ, НЕ ВЗЛОВИВШЕЙ БОРОДЫ.

Въ язварской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» за настоящій годъ была помѣщена пѣсня, подъ заглавиемъ: «Отголосокъ давно минувшей унії».

Въ бытность мою въ Кутансѣ, въ одномъ имеретинскомъ семействѣ я видѣлъ толстую, ножелтѣвшую тетрадь, въ которой, среди различныхъ старинныхъ романсовъ, помѣщено много малороссійскихъ народныхъ пѣсень. Въ ряду послѣднихъ есть близкій, но краткій варіантъ той-же пѣсни.

На тетради значится 1850 г. и слѣдующее посвященіе съ подписью:

»Сію вамъ книжку я теперь дарю
Съ любовію въ знакъ памяти своей;
Я ей за пѣсню васъ благодарю
Пропѣтую въ усадьѣ души моей.
Давайте всѣмъ ее святымъ монашкамъ,
Когда пойдутъ они въ свой монастырь,
И тѣмъ, кто о любви страдаетъ тяжко,
Во благо служить пусть сія псалтирь«.

»Не просвѣтившій исповѣдью гордыхъ монашескъ печальный іерей Алексѣй Архангельскій«.

Оставляя въ сторонѣ названный уже мною варіантъ, сообщаю другую пѣсню, которая, кажется, составляетъ въ свою очередь варіантъ напечатанной пѣсни о попадѣ, но совсѣмъ далеко отъ цѣл отступившій.

Ой попадя молоденька,
Чорнобрива и гарненька,
И товстенька, и кругленька,
И роточекъ, и носочокъ,
И зубоньки, и губоньки,
И очыци, и бровыци:
Кругомъ, кругомъ, кругомъ гарна,
И пѣ ѹ зовутъ іи Ганна.
Попа вона не злобила,
Трохи ѿто пе згубила;
Зъ москалями обизналась,
На колина имъ сажалась.
Вони-жъ іи обнимали,
Обнимавши цилували
И въ губоньки, и въ зубоньки,
И въ очыци, и въ бровыци.
Якъ пипъ заставъ, то ѹ посвиставъ,
И такъ іи казати ставъ:
»Ой, попаде, що хочъ, роби,
Тильки мене попа люби,
Мелес попа зъ бородою,
Та ѹ не будешь изъ бидою.

Бо якъ не будешь любити,
То не будешь довго и жити.
Якъ почшу я шанувати.
Тоди будешь мене знати
И бороду почитати.

Г. С. Лебединецъ.

НЕКРОЛОГЪ.

23 мая, около 8 часовъ вечера, смерть неждано сразила одного изъ лучшихъ людей и ученыхъ г. Киева, Филиппа Алексеевича Тарновскаго. Неразрѣзанный во время пары въ рту произвелъ отравленіе крови; болѣзнь длилась всего три дня.

Покойный Филиппъ Алексеевичъ много лѣтъ состоялъ преподавателемъ кіевскаго университета и академіи и пользовался всегда глубокимъ уваженіемъ и расположениемъ своихъ слушателей. Воспитаникъ московской академіи, онъ, по окончаніи, въ ней курса въ 1862 г., поступилъ бакалавромъ кіевской академіи и оставилъ ону послѣ 20 лѣтъ, съ званіемъ экстраординарного профессора, по обстоятельствамъ известнымъ изъ газетныхъ сообщеній. Въ академіи читалъ русскую исторію, въ университѣтѣ общую церковную. Въ теченій долгой службы этотъ рѣдкій труженикъ не устано работать въ широкой области избранныхъ имъ предметовъ и обогатилъ науку многими весьма цѣнными и оригинальными изслѣдовавіями, изъ которыхъ изслѣдованіе по исторіи византійской церкви, стало для него роковымъ. Сотрудничая въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», «Кіевской Старинѣ», «Новомъ Времени» и другихъ издаваніяхъ, онъ написалъ не мало прекрасныхъ статей по разнымъ отраслямъ знанія. Выѣстѣ съ тѣмъ это былъ глубоко набожный человѣкъ, истинный христіанинъ. Трудно также было встрѣтить человека болѣе его прямого, искреннаго, сердечнаго, кроткаго, нездобиваго и выѣстѣ съ тѣмъ спокойно твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Веселое настроеніе духа не оставляло его въ самыя трудныя минуты. Годы тому назадъ онъ похоронилъ жену, а теперь оставляя 4-хъ малолѣтнаго, круглыхъ сыротъ безъ всякихъ средствъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ минутъ тотъ-же свѣтлый и спокойный взглядъ на жизнь и смерть. Ему готовилась иная, строго научная сфера дѣятельности, но смерть увлекла его въ обитель невечерняго свѣта и вѣчнаго илра. И будетъ о немъ долгая и самая свѣтлая память.—Ред.

Поправка. На стр. 320 напечатано: *сорокъ четыре уже года;*
надо читать: *сорокъ уже зѣнг.*

нась своею баржою даже до квартери отослали. Сего числа писано отъ мене писмо до ясновелможнаго подъ вchorашною датою съ объявленіемъ о прѣездѣ мене въ С.-П. Бурхъ, чрезъ рейтара кіевскаго. За мате платя и на мѣро дено 13 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаскаго и здѣль писмо тетжалевое. Службы служили въ церкви Исаакія. Розыглое на розину 12 л. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ся і. величество восирѣть марію воду по Надежскому каналу, и въ 3-мъ часу изволила прибыть къ Невскій монастырь, гдѣ нальено на салеѣ въ шушкѣ, и когда изволила ся і. величество зесть въ судно Торгового, на которомъ въ императорскій штандартѣ былъ при дворѣ въ С.-П. Бурхѣ, то дважды съ суденъ, также въ адмиралтействѣ и въ крѣпости винажено по одному изъ пушекъ въ адмиралтействѣ въ 77, а въ крѣпости въ 77, а зъ суденъ дважды по 17 пушекъ, и того за двохъ разами выпалено въ обоихъ крѣпостяхъ и зъ суденъ въ 188 пушекъ. Но полдни быть въ начальной квартерѣ прапоръ Андрея Полуботокъ, которому и парты помѣ подарились. Розыглое сегодня 11 бутылокъ вина и постакера, за который даво 2 р. 25 к.

22. Ездели на Василіевскій островъ къ Петру Василіевичу, только оного не застали въ домѣ. Сегодня числа по полдни былъ у нась на квартерѣ камерь ложай ся і. высочества Іванъ Федоровичъ Котляревскій и исчезавшися година зъ 4.

23. Никуда зъ квартери не бывали ради великай чрезъ весь день нещогода. За направу туфлю въ дно 6 к.

24. Ея і. величество царевната возвращается изъ походу, не досखавъ мадонскаго канала за великою проптиною походою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время пристоянія въ С.-П. Бурхѣ также палено изъ пушекъ 188. Были у Петра Василіевича на Василіевскомъ островѣ, Fungj i bidec relieti^{**}). На перевозѣ 5 л. себѣ, за дѣв бутылки 4 в., на перевозѣ Алексію 2 к. Алексію на его пушади 10 л. Вечеромъ были у отцевъ архиепископовъ іпатскаго и донскаго.

25. Писма писаные въ Глуховъ до ясновелможнаго, до пана Скоропадскаго, до господина Пасена и до пана Юркевича подъ

^{**}) Такъ оставлена проба.

вчерацкою датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашего, до пана Андрея Миклашевскаго и до пана Скорушы и до Стефана въ Перегонъ подъ вынешнимъ часломъ, вручены въ коллегіи иностранный для отправы до Глухова на почтѣ. Сего же числа и винску въ коллегіи читаль, учившую по членобитию Корсаковому¹²³⁾ и по нашихъ спорныхъ членобитныхъ. Ихта імператорская пришла зъ походу и налѣно на приходъ зъ пушекъ. Сего же числа князю Шаховскому подать имена въ моемъ дѣлѣ, писаные отъ гетмана, генерала де-Вейбаха и пана Скоропадского, также и мое прошение зъ копіею членобитной спорной вротицъ Корсака. На перевозъшло 10 к.

26. Быть въ коллегіи и подать писмо, за именемъ отъ гетмана къ Василію Василіевичу Степанову¹²⁴⁾ тайному советнику писанное. На перевозъ ценою 4 к. Купиль дѣль бутылки фронтинау, дано 60 к., спра аглинового 18 фунтовъ, фунтъ по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и налѣно зъ пушекъ.

27. Быть въ квартерѣ нашей Василія Федоровича Яворскій, камерь юнкеръ ся высочества гоєгутарыни царевны, е. і. зъ сэдовымъ сержантомъ, и обѣдали тутъ, а послѣ были имъ у графа Савы Влади-славича, который часъ своею верейкою отославъ аже до квартери, дано гребцамъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сѣдѣлающими.

28. Обѣдаю слушали у первѣй Троицкой, а по полдня ездили графсковою ложкою на Василіевский островъ и были у Петра Василіевича Курбатова, у Василія Василіевича Степанова и у переводчика Балолинцкого. Розыгналось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церкви было молебствие о состоявшемся трактатѣ зъ Персіею, да для тоей же оказіи преставлены были полки З гардии и иѣсколько пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ налѣть, и первое налѣно зъ пушекъ на трехъ суднахъ, на Невѣ стоящихъ, потому зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

¹²³⁾ Максима Иванайловича Корсака.

¹²⁴⁾ Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и докторъ своего времена. См. Ариль Селата, Баранова, № 1839, 2728 и друг.

да звону зъ лушоокъ перель дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ грижды. Тандемъ быль банкетъ въ дворцѣ. Наиъ Горленко ⁽¹¹⁾) быль у ручки государини и у принцессы. Розыгивалось бѣль. Тамъ же въ дворцѣ подать я листъ отъ ясновелможнаго графу Левенвольду, оберъ тофъ-маршалу, и поручтику Ерголскому отъ Бордана Ивановича Пасека. Подъ симъ числомъ помѣчены листъ гетманскій рукою Петра Василіевича Курбатова, въ государственную коллегию иностраныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, въ удостоеніемъ зиѣ на деревни Куровъ и Чубаровъ подписаный.

30. Былъ въ домѣ государини царевны Екатерины Ioанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ быль въ полднѣ, и въ реєстратури шайло листъ гетманскій по запицѣ. На первозвѣ и проч. ионко 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновскаго полку Ивана Ioанновича Косогова и на Василіевскомъ островѣ, а одтоль быль и у князя Алексія Ioанновича въ домѣ и съ евоемъ дѣлѣ просили. Потомъ быль зъ напомъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государини цесаревны Елизаветы Петровны, у духовника отца Константія, и тутъ довго позабавились зъ компаніею, изъ которой была и фрейлина ея высочества Марія Михайлова Нарышкина, господина генерала Семена Григорьевича Нарышкина родная племянница, да тофъ-юнкеръ Алексей Григоріевичъ Жеребцовъ, также сынъ своего отца духовника Алексея, который на Украину отправляется; и тамъ позабавились ажъ до полуночи.

31. Даю Алексею за жалованіе и проч. потребное до спорожженія коласки 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ся величество водою воспиряла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣвалено зъ многихъ лушекъ. Рано были у графа Андрея Ioанновича

⁽¹¹⁾) Андрей Андреевичъ Горленко, вдругъ гетманъ Адамова и братъ Йосифа, епископа Святошинскаго, вицеадмиралъ кораблестроительный съ 1744 года до 1774. См. въесь Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и писма въ моемъ дѣлѣ отъ ясновелможнаго и отъ генерала генерала графа фонъ-Вейзбаха вручить. Сего же числа графъ Сава Владиславичъ обещалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Но егъ поднялъ бѣль въ квартерѣ нашей Петровъ Василіевичъ Курбатовъ, съ которымъ и съ другими договорилъ попить, и бѣль я гораздо пилъ.

2. Весь день пробыши въ домѣ, а въ вечеру бѣль Новоторжсковъ и привезъ паничку кормилице девки 45 р. на юнь мѣсяцъ.

3. Розыгналое на розыгно 15 к., въ томъ числѣ на лекарство посыку 10 к., кандирку 2 к.

4. Была тутъ дворицѣ зѣщемъ, где церкви во имя святых Тройцы было посвящено; поедѣлъ въ огородѣ гуляни и по службѣ были въ салѣ приходской съ новопостроенныхъ будилькахъ, въ которой пренизрадные видѣти и пантеры и прочее здѣло величайшое уборство. Обѣлали въ домѣ и рано вечеръ службѹ были и у графа Головкина, которому я и писма, за зиело отъ генерала и отъ генерала де-Вейзбаха писаніяе въ моемъ дѣлѣ, вручать. Розыгналое на розыгно 48 к.

5. За плюшникъ до пидарка 18 к., за книжечку латинскаго и французскаго букваря 35 к., за гвоздики до чуботъ и бѣмѣтихъ 2 к. Одноракленіи писма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясновелможному, аѣ виноватою и писма отъ генуэзарии цесаревши и отъ енерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадскаго, подъ датою июня 1; до жены подъ датою юка 3, аѣ включениемъ и одѣ плаконичнаго писма: до пана тестя подъ инициалами числами, да побѣ отрицаніи опять письмъ писать въ Москву къ подкаменщику иностраннаго, вѣль полковіу Урілу Ларіоновиту Иванову. Быть естожъ членъ у Новоторжскова и Леонтьева, поѣхѣ и у господина Балашинскаго—переводчика, а оттоль идти на перевозъ, и предѣли себѣ ногу, отчего заночетъ на ногу не по малу. На перевозъ идти 11 к.

6. За болѣзникою поварю пану за съ избы не выходить. Подѣячemu Фигору Абраамовицу Гинхону датъ 1 р. и барыши водки. Розыгналое на розыгно 23 к. Нас дѣлѣ abductus in fortalitium Petras Mikovitz sub arresto in seoretam cancellariam¹²⁾ Штепано писмо до его

¹²⁾ Господи ствеши изъ прѣстѣсть Петровъ Миковитъ, подъ арестомъ въ тайну запасеніиа. Ср. Зап. Маркесона I, 591. Мы не знахъ, въ какомъ уестѣ

и. пана Скоропадского и Алексія Константинову Иблонекомъ, муншенку.

7. Цесареву канцеляристу Леонтьеву пису (кубарь, волчокъ) и бутель вина красшого, и сей день пробавилъ въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Быть въ коллегіи и пишаль писмо въ Урізу въ Москву, чтобы отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ солдатамъ, отселя отправленнымъ, которое зъ Петромъ Мировичемъ пріездѣли, одинъ преображенскаго полку Никита Шипають, другой гвардійцу глуховскаго. Обѣдъ и въ лазъ (банѣ) мыться у отца Малиновскаго, который и отправилъ мене на квартиру каретою. Первому малому гоударини цесаревыи Іоанкѣ Павлову пачь 1 р. и хустка едвабна (шелковая). Быть у васъ же въ бандористѣ стѣнѣ Григорій Михайловъ ¹¹²). За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе кояжши 30 к., за переправку червонныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на царьваровое часѣне 5. к. Вчера написанное писмо до Уріза вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сего жъ числа пишаль писма въ Глуховъ до его и. пана Скоропадского и до секретаря сенатскаго Ивана Ивановича Толінского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Шираю и до жены — тамъ же поклонъ изразилъ и. и. Михалевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ пиваграмъ и пану Скорупѣ, и отоспала оные къ тимъ же солдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посоль китайскій, который зъ сплою свою ездить до Интергофа и до Кронштадту, возвратился оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаграми играли, и для проходу оной яхты

быть Петръ Мировичъ съ переславскими полковниками Иваномъ Мировичемъ (1696—1706), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Внук Петра Мировича, за которую она сослана быть въ Соборъ (см. ниже 16 мая), остается неизвѣстною. Пресвященній Флорарѣтъ Кузниковъ доказываетъ, что она быть одиночка — жертва «Берона».

¹¹²) Григорій Михайловичъ Любистовъ бандуристъ-стѣнѣцъ императрицы Елизаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ стѣнѣчкѣ гозу иконостасъ доказывается, а потомъ производится въ полковники (Мара. II. 182, 191). Въ 1749 г.

чность на Невѣ развозжень. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даты 6 к. По полдни ездили шлюбкою графскою за острожъ его же графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 6. Цирюрику 4 к.

11. Получилъ писмо отъ яслевелможнаго первое по отъездѣ зъ Глухова. Пришла вѣдомость отъ пана Юрковича зъ Глухова, что жена пана Федора Шврая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященнаго новгородскаго на Карповицѣ и тутъ изъ самыи преосвященныи ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-же преосвященство приказалъ всѣхъ насть отъездеъ своего баржою.

12. Писалъ писма до ясневелможнаго я до п. Скоропадскаго да до п. Юрковича подъ вторашнею, а до п. теати и жены и до судового инсара Стефана Косяча подъ напечнею датою, зъ выражениемъ поклону п. п. Гамаліямъ и п. п. Корецкимъ, которые однажды были на почтѣ. За хлѣбъ французскій 8 к., за перековъ и за ивано 20 к., за миге платя 10 к., за полакиерка бѣлого ишча 2 р. 50 к., за бутелку мушкателю 30 к., за фунть чаю 1 р. 50 к.

13. Привесль салдатъ глуховскаго гарнизону писма въ пакетахъ отъ п. Юрковича, въ которихъ изъ дому были писма; тому салдату дано 10 к. Сего-же числа ездили въ цевскій монастырь, где по выслушаню службы Божій позваны въ келію архимандрію и тутъ по полдни въ 3-мъ часу первые кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, также въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбкою графскою. Были-же въ той компаніи преосвященныи архіепископи крутицкій и шижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александровскій и другіе зъ морскихъ и духовныхъ знатные, которыхъ всѣхъ трактовали ради отъезду своего въ свою-же епархию до Казани преосвященныи архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Быть у его сіятельства князя Алексія Івановича Шаховскаго и докладовать о писмахъ присланыхъ зъ Стародуба сторонн

Любостокъ купилъ въ дубенской поэзии у сыновей таиншаго позковника Ваевая Соломча (\dagger 1714) зѣловскии изъ пятьти, село Хорюшки и д. Пулицы и отпокровскіи — село Ходолевицкъ и станица Стрекачево (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуйца^{**}), потомъ бытъ въ колегии да у отца Госифа Федоровича, священника воскресенского, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ посыпать писмо къ брату его пану Ходорецкому въ Погаръ. На перевозъ и проч. вошло 9 к., за ленточки нигчайные 4 к., извозчику за отвезение до кузнецца коляски 4 к., палитки 1 к.

15. Числь имена до и. тестя въ Ригу и врученье для отсыпки графу Мойсею Ивановичу, да до жены и до Стефана Косяча, писара суду полков. старод. и посланы оные до и. Юрьевича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розыщлось 9 к. По полдни были у Петра Васильевича, а послѣ у архимандрита іацкого отца Малиновского зъ канличемъ, я ездили графскою шляпкою.

16. Числь до ясновидимаго спорынія дѣлъ, что не могутъ быть решены вскорѣ за немощью графской, и о газетахъ французскихъ, да до судіи и писара енералныхъ^{**}) спорыніи дворовыхъ ихъ, и отданы тѣ имена отъ коллегіи іностраныхъ дѣлъ для отсыпки. По полдни въ 4-мъ часу спущены въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, настанный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску онаго изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпкѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству приехала изволила, то во всѣхъ тихъ мѣстахъ изъ цушенъ падено. За оковане коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ той-же коляски 6 к. На перевозъ и па проч. розыщлось 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Меншикова, а послѣ были у Петра Васильевича.

17. За подреблене до коляски дронговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22^{3/4} к. Въ вечеру бытъ у сына полковника нашего корабельного подмастера Ивана Александровича Дурова, котораго жена Батерина Ангелина въ Копчевыхъ была болна и причищалась; а рано и въ 9-мъ часу по полууди бытъ у князя Шаховского, который сего-жъ дня ездить въ иевскій монастырь и уже позно возвращался.

18. По выслушанію обѣда въ церкви Троицкой, где служилъ архиерей вологодскій, преосвященный Афанасій, бытъ въ крѣпости

^{**}) Сели Волуецъ стародубскаго уѣзда.

^{**}) Суля—Мизаль Забѣла, а эспарть—Турковский.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь оттуда засталь въ своей квартерѣ Василий Маркеловъ лекаремъ канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабывался. За редкую бѣлій хлѣбъ и на медь 20 к.

19. Несколько письма изъ Москвы къ швагру Ивану Гамалии подъ вчерашия письмъ, и до Урица Лариновскаго Иванова подканцеляриста юнкеръ коллегіи подъ нынешнімъ чистотомъ и одноравнены на почтѣ. Сего-жъ днія зрапа бывъ въ квартерѣ напечь отецъ Адамъ зъ лекаремъ ломовскимъ преосвященнаго новгородскаго, а по обѣду бывъ камеръ локай Иванъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ изъ Москву. Розыглое на перевозъ, хлѣбъ бѣлій и пр. 16½ к. Рано бывъ я у преосвященнаго новгородскаго за своимъ дѣломъ, токмо ничего не получить.

20. Былъ въ коллегіи рано, а поѣхъ обѣда съ сыномъ къ Новоторжцову и Леонтьеву, да не получилъ Новоторжцева, а отъ нихъ заехали къ Ильхову и отдать приштовли, ночью захоронилъ жестоко на горячку. Розыглое на розницу 24 к.

21. Весь день бывъ боленъ и поѣхъ обѣда приемаль ирландокъ лубенскій contra Iambritis (противъ ганштада). За хлѣбъ французскій 7 к.

22. Приемаль пропілокъ одинъ, давній отъ лекаря дому преосвященнаго новгородскаго, поѣхъ которого пашю глисти болше двухъ аршинъ; потожъ обѣдалъ зъ сняткою и спінкою борцъ, отъ чого мѣшъ извергало горяче. Розыглое на розницу 26 к.

23. По полдни жестокій бывъ пароксизмъ, змерза замно, а поѣхъ горячой фебрии и тришать (продолжалася) болше десяти часовъ неотступно, бо окопчалъся ажъ въ 7-мъ часу во полночи за зангрес.

24. Лекарь дому преосвященнаго новгородскаго давалъ прескращію, по которой посыпалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, яко и куплено за 50 к., и употреблять отъ жару. Розыглое на розницу 15 к.

25. Въ полночи въ 11-мъ часу пушилъ мѣшъ кровъ изъ правой руки тѣль-же лекарь и запустить на дѣвъ таїбрки, якая жестоко била худая. Посѣщалъ жене Ильховъ зъ женой. Арматинку послана фляпка водки. На хлѣбъ бѣлій 8 к.

26. Приелъ листъ отъ преосвященнаго новгородскаго архієпіскопа Головкина, за мене въ моемъ же пѣтъ написанный. По обѣдѣ бывшему у мене познаному лекарю архієрейскому далъ за труды 1 червонный золотій. Розмѣлъ 4 к.

27. Посѣщали мене первые Новоторжцовъ и Леонтіевъ, кото-
рому вчора дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранный
коллегія Петъръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ 65 к. и за два
лпчопи и проч. 8^{1/2} к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣды въ церкви троицкой, и въ дворцѣ были
всѣ кавалерии святого апостола Андрея Первозванного въ своемъ
церемониальномъ одѣяніи, который имѣли до церкви и въ церкви по
пары, а именно графъ Михайло Гагризовичъ Головинъ въ граffомъ
оберъ гофъ-маршаломъ Левенвольдомъ, графъ фонъ-Биропъ оберъ-
камергеръ въ генераломъ фeldмаршаломъ граffомъ фонъ-Минихомъ,
князь Черкасской въ посоломъ цесарскимъ граffомъ Вратиславомъ,
князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ въ вице-канцлеромъ граffомъ
Остреманомъ, за ними одинъ полъ государственный великий канц-
леръ графъ Гаврило Ивановичъ Головинъ, а потомъ ея імператор-
ское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ
блѣмы серебряными и несеребряными материалами. Колѣры (ворот-
ники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колѣри на щокахъ
(то есть лапцугахъ) золотыхъ у всякого висѣла на шнѣ кавалерія;
шнѣли въ плюмажами блѣмы. Бачмаки бархатные чорные. Шлате-
каftапъ золотій, камзолъ срѣбрный, штаны золотіе парчевые. По
обѣдѣ купиатъ изволила государыня публично въ салѣ за однимъ
столомъ въ тимъ-же кавалерами, которые у столу сидѣли въ плащахъ
и разѣвъ тогда только поднимали шнѣли, когда государыня шить
изволила. До столу играла музика зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ,
у другого стола купала государыня принцесса зъ дамами и кава-
лерами, у третьего генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе
церемоніи. Послѣ обѣда приведены въ дворецъ посолъ китайскій съ
своемъ свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ
пушки довольно въ крѣости и на судахъ, передъ дворцомъ на
Невѣ стоящихъ.

30. Даль п. Косачу для переписки члобитную и универсалы. Вчора писемницу Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Былъ у его сіятельства господина вице-канцлера графа Остермана, потому я быль въ коллегіи и видѣлъ вишеску на бѣло переписуючуюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутылку межу 4 к. Былъ у мене Федоръ Івеховъ зъ тостомъ своимъ Ісаакомъ Ивановимъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Васильевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, которій велѣлъ переждать сей тиждень, для того что пословъ имѣютъ отпраffляти. Сего-жъ числа подать члобитную въ коллегіи о мелицахъ до Нерегона надлежавшихъ, что на рѣцѣ Ворѣ, которыми нынѣ Кореакъ владѣеть. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-іѣменскую, дано 2 р. 27 к. зъ переплѣтомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ писмо Алексію Требенскому для одевалки въ Ригу на почтѣ до шана тестя въ писмахъ одѣ гравера Савы Владиславича, а опое писмо написано подъ датою его іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у начъ ученыхъ и переводчикъ академическій Василий Евдокимовичъ Аладуровъ, очень изрядный молодецъ. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Івехова и у Егора Тимофеевича подданихъ ін. коллегіи и женѣ Івеховой, ради именинъ ея, данъ 1 р.

6. На яхтѣ, одѣ его сіятельства графа Головкіна данной, поехали до Кронштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронштадтъ въ 7-мъ часу по полуночи. Передъ вѣздуши дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ коммандоръ Ісаакъ Авдіевичъ Брантъ присласть своего адютанта Ілліна зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали первые въ южную гавань, и тутъ были у капитана караулного Бориса Коzмича Лебедикова, а одтоль попрощавшись, и третью взявшія шлюбку, капитанъ-лейтенантъ Александъръ Артемьевичъ Возничины, который былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Адгуть въ 96 пушекъ, потомъ въ Кронштадтъ, и на корабль Петръ Первый и Второй въ 110 пушекъ, который

стоять на якорахъ между Кронштатомъ и купеческою гаваню, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на кораблѣ все, что вѣдѣть было и знать надобно, показывано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государственныхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ липѣ зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показывано.

8. Были рано въ мезицѣ, которого зъ пакала, якій каменемъ выкладывается, вѣтромъ вытягивая воду. Дано за 3 кристалльныхъ стакана 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуночью вѣхали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до вѣстя (выхода) способной погоды не было, теды выпомянутый капитанъ-командоръ господинъ Бранть присласть свою десяти-веселую шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ въ далѣко па морѣ буксировала. Послѣ, однустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Аранбомъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церкви были и во огороду ходили; тутъ огородники поднесъ паничу полуумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полуночи поехали зъ Аранбома и прибыли до Петергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменыхъ палатахъ большахъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣгажъ, где столь на гирахъ и галѣркѣ подѣляются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, называемые Монплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спальняхъ государственныхъ были и все преставное уборство водѣнія, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородники поднесъ памъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять къ гроту большому и тутъ показывано памъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, только на болѣе фонтаны воды не пущаны за оскудѣніемъ оной. Сего числа одѣхаль вязь Шаховской въ Ригу. По полдни въ 3 часу вѣхали зъ Петергофа и не доехали до Невы, за противною погодою, стаи въ морѣ па якорѣ и тутъ ночевали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ взнесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

боже мъсто, чого ради поехали графскій человѣкъ Иванъ Семеновичъ, который съ нами и въ Кронштадтъ и въ другихъ былъ выше-помянутыхъ мѣстахъ, до Петербурга и за обавленіемъ о томъ его графскому сіятелству, приводили къ намъ до яхты шлюбку графскую и на другомъ перботѣ лодѣ для провоженія яхти, но понеже за противною погодою яхти вести было и не завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, оставивши ону въ томъ-же мѣстѣ, на узморю, сами поехали на шлюбѣ до С.-Петербурга и прибыли въ квартеру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартерѣ застать я писмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ при-сланное въ дому графа Савы Владиславича, одѣ котораго (оказывано) дважды зовучи на объѣдъ прислано въ субботу и въ недѣлю, тако-жь картку застать одѣ Василія Леонітіева, въ которой просилъ купать къ себѣ па пропущую недѣлю.

11. Писаны и посланы писма чрезъ рабтара кіевскаго Андрея Мейковскаго до ясповелможнаго, до п. Скоропадскаго и до п. Юрьевича и до жены. За рѣкою быть у п. Подуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мило до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Макспровича, сержанта семеновскаго полку гренадерской роты, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и величества отправлена въ сенатъ для слѣдствія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобраныхъ и владѣемыхъ разными персонажами¹⁴⁶). — Розыглось на перевозъ 15 к., на бѣлый хлѣбъ 9 к. Данъ старикъ чорный п. Іосифу Грифескому и ему же два галстуки и чоботи новіе вѣменіе, и отъ него взять платокъ пострѣй едвабный.

13. Писаны писма въ Глуховъ до пана Скоропадскаго, въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевскаго, до пана обозно-

¹⁴⁶) Федоръ Димитровичъ Макспровичъ — сынъ гвардіального есаула, который за изг҃нїю (1709 г.) ссыпанъ быть въ Архангельскъ. Старшіе ею два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены бояры въ гвардійское полк. Федоръ — изъ сечевиковъ, а Иванъ — въ гвардійский. Постѣдній быть въ турецкую войну подъ Аланѣ Изаковомъ, а Федоръ въ 1741 г. назначенъ «за равна стародубскихъ пословъ» въ этотъ разг҃т иже въ умеръ въ 1756 году.

го полкового Есімонтовскаго¹¹⁸), до п. Григорія Гамалії, до лісара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонъ, которые одправили на почтѣ зъ іностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полуночи посоль китайскій зъ свитою силою быль у его сіятельства графа Головкина государственного канцлера и при одобранию грамоты къ бодихану своему дожегналь (простягая) его сіятельства.—По полни въ 2-мъ часу кушали у насъ трапезитори іпостранной коллегіи господа Іаковъ Стефановичъ Семянинъ и Александръ Михайлівичъ Болошіцкій, въ чесе на горбѣши. Коло вечерень быль я у пѣвчихъ государшихъ писаревны и у духовника отца Константина, озъ которого возвратилсѧ въ 8 часу по полуночи. Помощь на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ шакетѣ, которій привезъ чрезъ своего лавщика его сіятельство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гвардійцу глуховскому, сего числа пріехавшій одѣть. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за шолбуунта тебѣ 66 к.

15. Рано ходиль до его сіятельства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора написанное до пана тестя, для пересилки въ Ригу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу по полуночи извозила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причини ишохій государь Петръ I началь заводить флотъ россійскій, и когда онъ ботикъ зъ крѣпости привозажень быль къ дворцу, то на судахъ, противъ творца стояніхъ, спущены флаги и малено зъ цумекъ, отдающи ему честь, яко автору флота россійскаго. Посль знову онъ ботикъ отпровадилъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посоль китайскій віехалъ изъ С. Н. Бурха. За поланкера межу дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, шакетѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ профессоръ математическихъ наукъ и палеографиста и секретаря академіи господина Георгія Крафтса да Василій Евдокимовичъ Аблдуровъ ученикъ академической и забавились до 7-го часа по полуночи.—Пополудни къ 2-му часу изволила ея і. величество отехать

— — —

¹¹⁸ Альфредій Івановичъ Есімонтовскій синъ жловскаго сотника и санкт-петербургскаго сотника, котоъ обозненій пехтовой. Было земель на дочери старшаго сына вдовинка Федора Нагаева, убогую подъ Чагорплюсь при Сахалиніи.

изъ С. И. Бурха до Петергофа и при вѣзѣлѣ ся величества таѣъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣости и въ адмиралитетствѣ шалено зъ многихъ пушекъ. Рано приспѣлаъ салата зъ крѣости Петро Мірозичъ, обявляющи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому посыпалъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлый дано 4 к.

17. Писаны писма до и. Юриевича, до сотника воронежскаго и. Холодовича и до жены въ пакетѣ па імя писара судового Ко-сача подписаныемъ. Розыглое па перевозъ 17 к.

18. Сего числа поймчены рукою Петра Василіевича Курбатова членобитная моя о мельницахъ, что на Ворѣ Корсакъ вѣдѣть, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Лечентову. На перевозъ и за направу чуботъ 6 к.

19. Былъ рапо въ коллегіи, по обѣдѣ у Інекова, и отнесены въ иезу 2 бутелки вишніевішки, 1 водки, послѣ—у Егора Тимофеева, реєстратуру державного. Розыглое 8 к.

20. Бручиль рано пасмо отъ преосвященнаго новгородскаго его сїатетству графу Головину інстанціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его же сїатетства просилъ.—Царь Андрей Полуботокъ бытъ у пасъ.—Были зъ паническими у графа Савы Владиславича, тѣкмо онаго не застали; таожъ были и у постъ-директора Аша за газетами французскими.

21. Писаны писма норѣ датою 17 сегоѣ мѣсяца, до ясновелможнаго противъ полученного писма и до и. Своропадскаго и купно зъ протчими одиравленіи чрезъ рейтара кіевскаго Семена Лисиціана, зъ комиескіи іностранной въ Царградъ отиравленшаго. Помыло на перевозъ 11½ к. Ось полковниченка павлого присепо писмо къ отцу писанное. Дали шапу Никитѣ Ко-сачу жолтыс чуботы.

22. Ихъ высочества государини цесаревна Елизавета Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гоффъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявшій на караулѣ семеновскаго полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Ко-соговъ принималъ у себѣ и по огородахъ съ вами же ходили. Вишнѣ моего дѣла взять къ себѣ Петъ Василіевичъ Курбатовъ. Въ квартерѣ нашей безъ насъ бытъ Василій В. Степановъ, тайный соѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожь домовой церквѣ службы Божией слушали. После обѣда быть у мене пѣвчихъ го- сударини цесаревны, реенъ Иванъ Петровичъ зъ другими двумя, потомъ быть у мене копіистъ Глуховъ, которому за виписку еще данъ 1 р.

24. Рано быть у Петра Васильевича, tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Абдурова. Но обѣдѣ посѣщать наше на квартѣрѣ его прецодобнѣ отецъ Илларионъ Малиновскій, архимандритъ іпат-скій, зъ отцемъ Евтихианомъ. На заплату за мите кошуль (рубахъ) и прочаго 11 к., на бѣй хлѣбъ 2 к.—Никита Косять началь сего числа учтнѣвъ въ академіи научъ, котораго учить декларовано математики, логики и французскаго языка.

25. За вѣдомости даю 4 к. Но обѣдѣ быть въ квартѣрѣ на- шей тутъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и съ нимъ поехали мы въ его дому, где быть въ лазнѣ (банѣ), по- томъ прѣехавши до квартѣрица на егожь архимандрита колясѣ, заста- ли тутъ привезенные писма зъ Глухова, которые пришелъ отъ Петра Вал. Курбатова членовъ его. Розыглое на розницю 6 к.

26. Рано были у Петра Васильевича, но не заставили его въ дому, ходили до графа Остермана и одтель зъ нимъ привели въ коллегію, где вручилъ въ ему же подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералного; 3) о мирномъ трактатѣ; 4) о ижоторомъ колоднику. Позычили отцу архимандриту Иллариону Малиновскому книжки *de officiis heminis*, а у его вчера взять для прочитанія *Sulpitii Se- veri hystoriam* саскатъ. Наву Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ обявленіемъ, что присланъ до ся і. величества листъ отвѣтный отъ ясновелможнаго о великорос- сийскихъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственою руково чрезъ капитана прусского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясновелможнаго, до п. Ско- ропадскаго и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ членомъ, да до Стародуба подъ вымѣннинъ до полковника нашаго, до п. матки, до жены, до п. Скорупы, до писара судового Косяча и до Стефа- на въ Перегонѣ. Былъ рано у графа Остермана, только онаго вс-

застали въ дому, отехаль на евой островъ для отпочивку.—Купле-на книжка латинская Cornelius Heros, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и отдали листъ писанный до ея і. величества отъ ясеневелможного сторона великоросльыхъ людей, за которыхъ прускій капитанъ посланъ, тогожъ графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ щюсилъ. Купилъ книжку позван-ную de poenis haereticorum cum Stephanu Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховскаго гарнізону Герасиму Лотвинову вручены вышепамѣнныи писма и ему же на дорогу даны 10 к.—Пополни въ б-мъ часу были у профессора Краса и у него до пол. 8-го часа забавлялись различными инскурсами о математическихъ и прочихъ еденицяхъ.

29. Дано Николаю конаку на его потребы 12.. на перевозъ пошли 3 к. Злову бывъ въ дѣлѣ графа Остермана въ тутъ про-силъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдою слушали. Но обѣди бывъ въ квартире пана Петра Васильевича Курба-това на водкѣ.

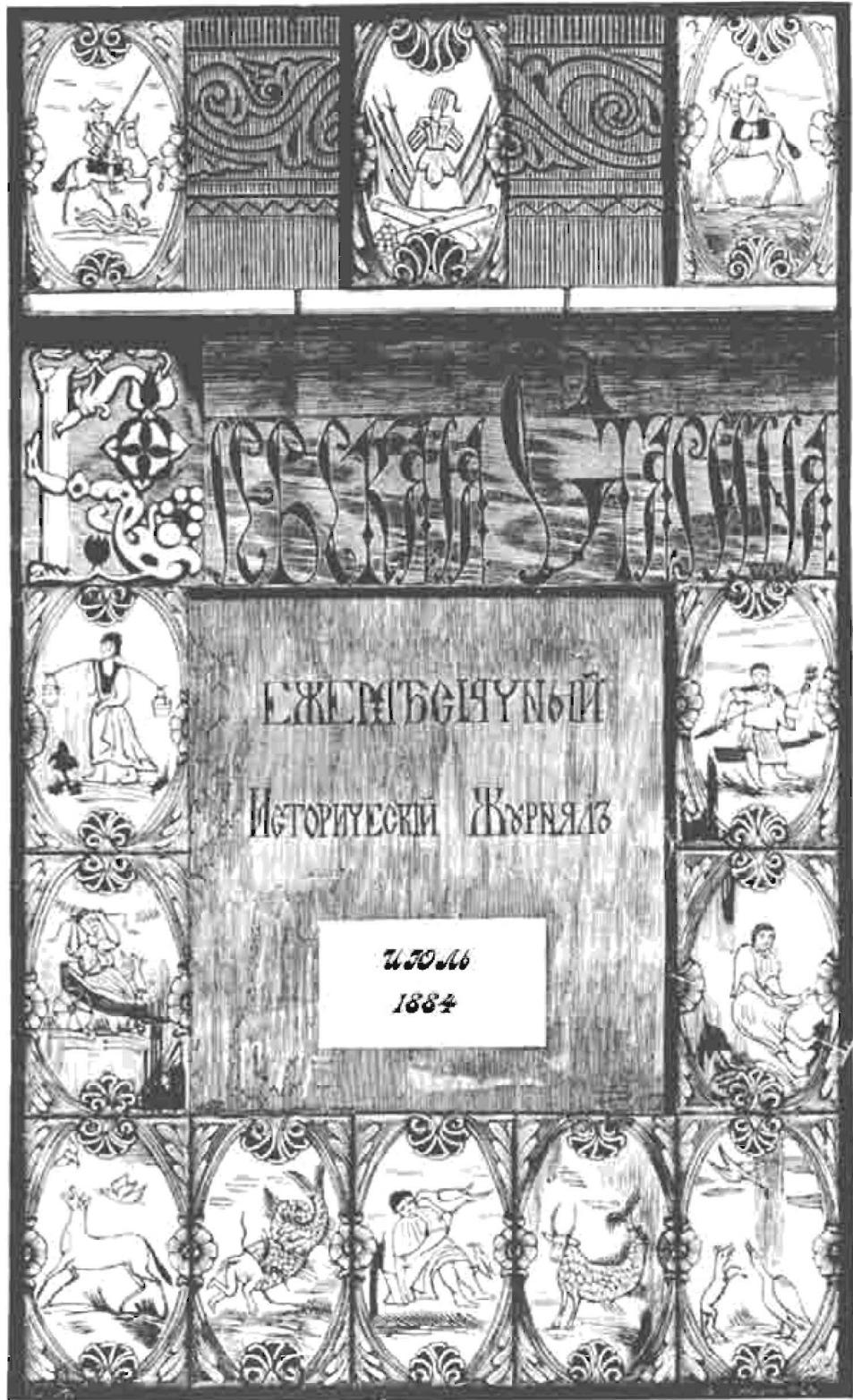
31. Припомъять вропокъ ad expellendos lusabicos, данный отъ лекаря преосвященнаго новгородскаго. Писма, которые были отданы салдату глуховскаго гарнізону, отобравши у одного, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллеги иностранной для пересыпки одтоль до Глухона.

Августъ.

1. Отъ троцкой церкви на Неву до пристани, по отправлен-ной службѣ Божій, была процесія и водоеніе на зѣхапномъ тутъ при пристаѣ на судахъ для смященія воды мѣстѣ, а служить и освящать воду преосвященній архиєпископъ сарской и подол-ской Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовскаго Ко-леты^{**}), іпатекого Малиновскаго и другихъ.

2. Получилъ писмо изъ Риги отъ пана тестя. Развылое на перевозъ и пр. 24 к.

^{**}) Давидъ Константій, греческій священникъ, бывъ воспитателемъ пана Кантемира. О немъ см. прѣѣздное пресса. Филарета Гумилевскаго въ январѣ 1865 года: также въ панѣ в. Чес-тювіца Софію Пражковичъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Июль, 1884 г.

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛII. (<i>Продолжение</i>). К. М	339
II. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Окончание</i>). Д. И. Эварницкаго	392
III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г)	423
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКІХЪ КОЛОНІСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КАВКАЗЪ. И. С—р—а	467
V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРИЕВИЧА СЕЛЕЦКAGO. Часть первая 1821—1856 годъ. (<i>Продолжение</i>)	485
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печеньги, торки и половцы до наше- ствія татаръ.—Історія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—В. А.—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Комісіи для разбора древніхъ актовъ. Т. 11. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—О. Л.—в) Записки Іосифа, митрополита літовскаго, изданная імператорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Саб. 1883 г.—А. К.—г) Андріевскій Ал.—Історическіе материалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вы- пускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—Ц. Н.	505
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. Ц. Г. Неймана.—б) Приглашеніе къ открытию университета св. Владимира и правила поступленія въ оній.—Графа Милорадовича.— в) Еще о Боровиковскомъ.—В. Горленка.—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. Ал. Лашкевичъ.—д) Изъ временъ нашествія шве- довъ на Россію.—А. Катрухина.—е) Многолѣтіе, возглашено въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. И. Л—въ.—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. А. Маркевичъ.—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (<i>Некрологъ</i>).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. А. Маркевичъ.—і) Къ портрету Аны Ярославы	525
VIII. ПРИЛОЖЕНИЕ.—Портретъ Аны Ярославы.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна
съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской
Старины“, Кіевъ, Софійская площасть, д. № 11. Оставшееся незначитель-
ное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по
той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮЛЬ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го іюня 1884 года.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ.

(Подольские и ед.).

IV.

Жванець.—Дорога изъ Каменца.—Должовъ.—Гавриловцы.—Выездъ въ Жванець.—Армянский костель и кладбище. Ограда въ валы.—Рынокъ положеніе жбстечка.—Пристань.—Видъ съ кристани.—Околъ и галицкая граница.—Атаки.—Хотинъ и Брага.—Исторія Жванца и его замка.

Самой живописной частью Поднѣстровья, по крайней мѣрѣ въ русскихъ предѣлахъ, считаются берега Днѣстра отъ Жванца до Імполя; мѣстность эту называютъ Подольскою Швейцаріею. Отсюда Днѣстръ теряетъ уже характеръ горной рѣки, берега его значительно поникаются и онъ принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ, отъ которыхъ отличается только быстротою течения.

Мы рѣшились осмотрѣть берега Днѣстра отъ Жванца до пороговъ и наняли изъ Каменца еврейскаго балагула съ бричкой, который доставилъ насъ въ Жванець часа черезъ три. Ничего не можетъ быть ужаснѣе и утомительнѣе ъзды на еврейской подводѣ: бричка, разумѣется, всегда разѣгненная, тряская, исподмазанная, по хуже всего то, что балагула, вѣроятно изъ хозяйственныхъ соображеній, пріучаетъ лошадей къ особому аллюру, какимъ отличаются только еврейскіе извозчики. Лошади идутъ мелкой рысью, которая еще болѣе усиливаетъ тряску старого экипажа и совершенно разстраиваетъ непривычного къ такой ъзди. Мы кажется, что цѣлыя сутки ъзды даже бессарабской почтою, гдѣ ямщикъ несется какъ бѣшеный, не обращая вниманія на горы, овраги и другія препятствія, гдѣ путьми помнутно рискуетъ вылетѣть изъ повозки и сломать себѣ шею, машины расстрѣгутъ человѣка, чѣмъ два часа ъзды на еврейской подводѣ. Поэтому оба мы чрезвычайно обрадо-

¹⁾ Ся. »Киевская Старина«, 1884 г., маяк. кн., стр. 1—32.

вались, когда показалось вдалѣ мѣстечко, бывшее цѣлью нашей поѣздки.

Мѣстечко Жванець расположено въ 18 верстахъ на юго-западѣ отъ Каменца; къ нему ведеть почтовая дорога, проходящая изъ Каменца въ Хотинъ. Отправляясь сюда изъ Каменца, всякий живущій въ центрѣ города проѣзжаетъ черезъ турецкій мостъ, минуя старинную польскую крѣпость, въ которой уцѣлѣли три башни и колодецъ, построенные турками, обращенную теперь въ казармы для арестантскихъ ротъ и примыкающіе къ ней земляные валы и бастионы николаевского времени, выложеные камнемъ и сверху покрыты дерномъ. Далѣс дорога проходитъ черезъ Подзамче,—западное предмѣстье Каменца, расположеннное на возвышенной равнинѣ. Это русское предмѣстье, состоящее изъ широкой улицы, не вымощенной, не смотря на чрезвычайное обиліе камня, такъ какъ весь городъ построенъ на скалѣ; по обѣимъ сторонамъ улицы рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ весьма однообразной архитектуры, окруженныхъ цвѣтниками и огромными фруктовыми садами; изъ нихъ яѣкоторые обнесены каменными или деревянными заборами, другие плетнями и живою изгородью, иные просто окончаны канавкой, вообще предмѣстье имѣеть очень патріархальный видъ. Къ концу Подзамча равнина, на которой оно расположено, а вмѣстѣ съ ней и дорога спускается въ довольно глубокую базку, наполняющуюся иногда водою, на что указываетъ небольшой мостики, расположенный по срединѣ. За мостомъ, на другомъ склонѣ балки начинается село Должокъ, уточшающее въ садахъ, особенно изобилующихъ сливами и черешнями. Крестьянскія хаты, очень чистенькия и парядныя, скорѣе напоминающія мѣщанская жилища, производятъ весьма приятное впечатленіе, свидѣтельствуя своимъ вышшимъ видомъ обѣ известной степени зажиточности населения. Во времена польско-турецкихъ войнъ XVII вѣка въ Должокѣ находилась таможня и здѣсь должны были проживать какъ польскіе, такъ и турецкіе послы, являвшіеся съ порученіями къ каменецкимъ властямъ. Въ то время иностраннымъ посламъ было запрещено вѣзданіе въ Каменець, чтобы лишить ихъ возможности осматривать укрѣпленія этого города. Въ люстраціи г. Каменца 1665 г. значится: »с. Должокъ обжывается пынѣ, какъ и прежде, пословъ, идущихъ къ намъ изъ Орды и нашихъ въ Орду содержать на

своемъ продовольствіи и давать имъ подводы. Въ этомъ селѣ имѣется три дворянскихъ дома для пословъ и два козака для разсылки бумагъ». Если не ошибаюсь, въ Должкѣ существуетъ волостное двухклассное училище; помнится, что мы видѣли такую выѣзду, проѣзжая черезъ село.

Непосредственно за Должкомъ тянется вдоль почтовой дороги другое село Жабинцы, составляющее какъ-бы продолженіе первого. По видѣнію виду Жабинцы ничѣмъ не отличаются отъ Должка; тѣ же чистенькия хаты »на двѣ половины«, съ большими, прямыми окнами¹⁾, окруженыя хорошими и довольно обширными хозяйственными постройками, и все это окаймляется большими фруктовыми садами и огородами. Только село это меныше предыдущаго и не имѣть церкви. Оба села расположены на взгорѣ и дорога, начиная отъ Должка, постепенно подымается вверхъ на весьма значительную плоскую возвышенность, поросшую лѣсомъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на окрестности. Оборачивается назадъ и передъ вами, на скалистомъ островѣ, окруженному вѣнцомъ высокихъ горъ, обрисовывается весь Каменецъ съ его мостами, старинными башнями и остатками старинной стѣны, идущей въ несколько рядовъ по уступамъ острова, со множествомъ церквей, которыхъ кресты и куполы горятъ на солнцѣ. На вершинѣ главнаго католического собора, обращеннаго въ мечеть, во время турецкаго господства въ Каменцѣ, очень рельефно обрисовывается бронзовая статуя Богородицы, съ сияніемъ изъ звѣздъ, стоящая на полумѣсяцѣ; эту статую поставили католики послѣ возвращенія Подолья польскому правительству. Вокругъ города блестищей змѣй вьется Смотричъ между высокими, скалистыми берегами, представляющими самыя причудливыя очертанія: въ иныхъ мѣстахъ скалы отвесны, какъ стѣна, въ другихъ они нависли надъ берегомъ и подъ этими навѣсами, прильпившиясь къ скалѣ прямо надъ рѣчкой, гнѣздятся

¹⁾ Въ подольскихъ селахъ очень рѣдко попадаются хаты »на одну полонину«, тѣль часто встрѣчающіяся въ полтавскихъ селахъ и хуторахъ, где подобная хата одна освѣщается одинимъ-двумя маленькими подсѣльковитыми оконечками изъ одного куска стекла, за частую криво вмазанного. Какъ наружность хаты, такъ и большое количество всякихъ кѣловъ, копитокъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ указываютъ на значительную зажиточность подольского населенія, сравнительно съ царизмомъ.

маленькие, легкие домики каменецкихъ ющанъ. Вълево отъ дороги, на краю горизонта вы видите высокую гряду бледноватыхъ известковыхъ скаль, очень живописно перекинутыхъ съ группами зелени; у подножія которыхъ извивается также рѣчка. Ближе къ дорогѣ, по обѣимъ ся сторопамъ танутся обширные пустые лѣса, окруженные рвомъ и валомъ. Въ лѣсу и вдоль дороги встречаются довольно часто курганы, попытъ еще не исследованные археологами. Дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена старыми дуплистыми деревьями, между которыми очень часто опадаются огромной величины черепини. Въ одномъ мѣстѣ почтовая дорога перерѣзываетъ длинную аллею изъ тополей, которая идетъ въ право и въ лѣво, на сколько глазъ захватить; это путь въ усадьбу мѣстного помѣщика, пролегающей по его владѣніямъ. Затѣмъ дорога начинаетъ спускаться въ долину, которая постепенно понижается въ направлѣніи къ Днѣпру; здесь уже лѣсъ перемежается съ хлѣбными полями и нивами, придающими большее разнообразіе пейзажу. Въ старицу эта мѣстность называлась «жванецкими гаями».

Трудно передать то нетерпѣніе, какое овладѣваетъ путникомъ, никогда не видѣвшимъ Днѣпра и много слышавшимъ о красотахъ этой рѣки, когда наконецъ вдали показывается темнотою полосою надднѣпстрянскія горы, слегка покрытыя туманомъ. Вправо отъ дороги показывается большое село Гавриловцы съ прекрасной каменской церковью. При вѣзѣ въ село стоитъ красивый каменный памятникъ съ крестомъ и длинною надписью. Зная, что мѣстность эта, бывшая театромъ многочисленныхъ войнъ, изобилуетъ историческими воспоминаніями, мы тотчасъ останавливаемся и читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ крестъ поставленъ всего исколько лѣтъ назадъ мѣстнымъ крестьяниномъ и его женой изъ благочестивыхъ цѣлей. Отсюда путникъ уже различаетъ расположенный на высокомъ луговомъ берегу Днѣпра городъ Хотинъ. Мало по малу на склонѣ горы ниже города замѣчается какая-то огромная сѣрая масса, которая съ каждой минутой увеличивается и становится яснѣ; наконецъ передъ вами во всемъ своемъ грозномъ величіи встаетъ старая хотинская крѣость, производящая на зрителя подавляющее впечатлѣніе своей громадностью. Почти въ тоже гремя замѣчается вправо отъ дороги остатки жванецкаго замка, по они совершенно стущеныыя передъ хотинскою крѣ-

постью по своей ничтожности. Видъ этой крѣпости поглощаетъ все внимание и, стараясь разсмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ, мы незамѣтно приблизились къ м. Жванцу, расположенному всего въ разстояніи 2—3 верстъ отъ Гавриловецъ.

Недалеко отъ вѣза въ мѣстечко, въ небольшой балкѣ, вправо отъ дороги, виднѣется старое кладбище съ каменными крестами и плитами, теперь оставленное; кладбище обнесенено высокой каменной стѣной, но ворота настѣжь открыты и на могилахъ безпрепятственно ласутся коровы. Между кладбищемъ и дорогою стоять большой каменный памятникъ, сложенный изъ мѣстнаго известняка въ видѣ четырехгранной колонны. Но разсказамъ мѣстныхъ жителей этотъ памятникъ остался отъ времени турецкаго господства въ краѣ. Минуя кладбище, мы вѣзжаемъ наконецъ въ предмѣстье Жванца, состоящее изъ прямой улицы, которую образуютъ ряды прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, выходящихъ на улицу рядами и окруженныхъ густыми садами. Но вотъ кончаются хаты и начинаются еврейскія жилища, представляющія весьма рѣзкій контрастъ съ крестьянскими. Грязные, ободраные дома стоять безъ всякаго порядка просто на улицѣ, безъ всякой огорожи; при домѣ совсѣмъ нѣть двора и ни малѣйшаго слѣда какихъ либуль сараевъ, коморъ, или помѣщений для домашнихъ животныхъ,—вообще никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Все это помѣщается въ самомъ домѣ. Въ этомъ мѣстѣ, на выѣзжей улицѣ находится старый турецкій колодецъ, дѣйствующій и до настоящаго времени. Колодецъ имѣеть видъ небольшого круглого холма меныше аршина въ вышину и около сажени въ діаметрѣ, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ плитъ, повышающихся къ срединѣ колодца въ видѣ ступенекъ. Внутри ог҃ь выложенъ камнемъ; сверху круглое отверстіе, въ которое опускаютъ ведро. (Впрочемъ нужно замѣтить, что ведра встрѣчаются сравнительно рѣдко даже въ мѣстечкахъ и городахъ; въ Подолїи воду посять въ особой деревянной посудѣ «коповка», стѣлланной изъ клѣпокъ въ видѣ кувшина или кружки, съуживающейся кверху, съ 2—3 обручами и ручкой, которую надѣваютъ на коромысло). Такіе колодцы встрѣчаются въ южной Подолїи весьма часто; иногда вслѣдъ нихъ находятся крестъ или выдолбленное изъ камня корыто, но это уже позднѣйшія прибавки, а самые колодцы представляютъ одинъ изъ немногихъ остатковъ турецкаго господства въ краѣ. Къ числу та-

кихъ остатковъ принадлежать кое-какія постройки въ нѣкоторыхъ городахъ и прекрасные старые сады. Извѣстна и понимъ любовь турокъ къ садоводству и къ усовершенствованію ирригациі; слѣды ихъ работъ и понимъ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, когда-либо подчинявшихся турецкому господству. Слѣдя дающе по вѣзжей улицѣ, встрѣчаемъ по лѣвой сторону старинный каменный костелъ, окруженный высокой стѣной, къ которой пристроены нѣсколько еврейскихъ домовъ. Многа ихъ, мы вѣзжаемъ на рынокъ, т. е. въ самый центръ мѣстечка. Тутъ нужно сказать нѣсколько словъ о наружности подольского мѣстечка и объ архитектурѣ еврейскихъ домовъ, такъ какъ это совсѣмъ неизвѣстныя вещи для жителя нашри-мѣръ лѣвобережной Украины.

Всякое мѣстечко или бывшій владѣльческій городъ начинается съ предмѣстія, состоящаго изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ хатъ съ садами, огородами и другими признаками осѣдлости; смотря по величинѣ мѣстечка они идутъ одной или нѣсколькими улицами. Затѣмъ слѣдуютъ еврейскіе дома, построенные на довольно близкомъ разстояніи. Самый центръ мѣстечка составляеть такъ называемый рынокъ—большая четырехъугольная площадь, застроенная по краямъ однімъ или двумя рядами еврейскихъ домовъ или *запрудоў*. На площади находится нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными продуктами, необходимыми для обывателей; тутъ-же передъ столиками сидятъ нѣсколько торговокъ—евреекъ, продающихъ хлѣбъ, яйца, фрукты и другіе сѣбѣстные припасы. Но главная торговля происходитъ въ домахъ, окружающихъ площадь.

Всѣ эти дома выстроены по одному и тому же архитектурному типу и различаются между собою только величиной и болѣе или менѣе опрятностью, смотря по зажиточности хозяина. Еврейскій домъ, въ большинствѣ случаевъ каменный, представляеть продолговатый четырехъугольникъ; одна изъ узкихъ сторонъ, обращенная на рынокъ, служить фасадомъ. По срединѣ дома находятся ворота и крытый вѣздель, раздѣляющій жилище на двѣ половины: въ одной находится рядъ комнатъ, иногда сообщающихся между собою, иногда представляющихъ отдельные номера, изъ которыхъ одинъ выходитъ на улицу, въ остальные ходъ черезъ внутренній коридоръ, а иные окна выходять на стѣну сосѣдняго дома, отстоя-

щаго всего на $1\frac{1}{2}$ —2 аршина. Въ худшихъ комнатахъ живутъ сами хозяева,—лучшія предназначаются для проѣзжающихъ. По другую сторону корридора, подъ тою же крышею, помѣщается шинокъ, вишарня, или лавка со всевозможными товарами; на улицу продѣлано широкое квадратное отверстіе въ родѣ окна безъ рамы, запирающееся ставней, которая, опускаясь горизонтально, служить прилавкомъ. Подобная лавка находится безъ исключеній при каждомъ еврейскомъ домѣ—вездѣ чѣмъ нибудь торгуютъ. Все это занимаетъ половину дома, иногда меньшую; остальную занимаетъ такъ называемая стодола, иѣчто въ родѣ сараевъ, примыкающаго къ дому, съ воротами на концѣ, какъ разъ противъ вѣздныхъ воротъ. Здѣсь лежать дрова, стоять повозки и экипажи проѣзжающихъ; вдоль стѣнъ устроены ясли для скота, возлѣ которыхъ проводятъ время и лошади принадлежащія постоянльцамъ, и хозяйскій скотъ, и домашняя птица. Сюда-же выбрасываются всевозможные помои и кухонные остатки, потому что на улицу дальше выносить. Среди толстаго мягкаго слоя павозу и разнаго рода нечистотъ, составляющихъ почву стодолы, копошится иѣсколько штукъ свиней, которые хотя принадлежать христіанскому населенію мѣстечка, но промышляютъ себѣ кормъ главнымъ образомъ на улицахъ и въ еврейскихъ домахъ. Разведеніе свиней составляетъ одинъ изъ весьма доходныхъ промысловъ для жителей подольскихъ мѣстечекъ. Эти животные дошли до такого пахальства, что зачастую являются даже въ комнаты, и если въ такихъ случаяхъ хозяйка забѣзитъ водворить порядокъ, то никогда не препятствуетъ имъ проводить дни и ночи въ стодолѣ, которой не нужно даже выметать послѣ такого посѣщенія. Такимъ образомъ свиньи являются здѣсь единственными исполнителями санитарныхъ требованій, и нужно отдать имъ справедливость, они гораздо лучше соблюдаютъ интересы жителей, нежели многие представители нашей санитарной комиссіи.

Таковъ характеръ еврейского заѣзда. Для дополненія картины можно прибавить, что съ улицы вдоль всего дома тянется «призъба», на которой цѣлый день сидѣть хозяева и постоянльцы, ожидая новыхъ проѣзжающихъ и созерцаа все, что дѣлается на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ. Надъ «призъбою» выступаетъ широкий павѣсь, дозволяющей продолжать это мирное занятіе и въ дурную погоду. Старые каменные дома, изъ которыхъ многіе отно-

сятся еще къ прошлому столѣтію, какъ напримѣръ въ Могилевѣ, Каменцѣ и др., имѣютъ еще мезонинъ съ балкономъ и высокой острой крышей, но въ настоящее время въ нихъ вѣроятно не чувствуется надобности, поэтому что этихъ прибавокъ пять уже въ новѣйшихъ постройкахъ.—При выѣздѣ на рынокъ въсѣ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа евреевъ,—каждый приглашаетъ остановиться въ его заѣздѣ, обѣщаю всевозможныя удобства. Нашъ балагулъ молча проѣхалъ сквозь кричащую толпу и остановился передъ заѣздомъ своего знакомаго, гдѣ мы и расположились—нельзя сказать, чтобы очень удобно. До вечера оставалось еще иѣсколько часовъ и мы, воспользовавшись этимъ временемъ, отправились осматривать достопримѣчательности мѣстечка.

Въ иѣсколькоихъ шагахъ отъ нашей квартиры, по лѣвой сторонѣ вѣнчай улицы, привлекаетъ внимание старый армянскій костелъ,—каменное зданіе старинной архитектуры, окруженнѣе высокой, массивной каменной стѣной, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды фортификацій, въ видѣ бойницъ и контрафорсовъ. Мѣстами верхъ стѣны начинаетъ осипаться и, конечно, остается безъ починки. Внутренность костела не представляетъ ничего замѣчательнаго и ничѣмъ не разнится отъ обыкновенныхъ католическихъ костеловъ средней руки. Зданіе довольно обширно и достигаетъ значительной вышины, особенно колокольня съ бойницами, утратившими свое значеніе, такъ что въ настоящее время въ одной изъ нихъ помѣщаются часы, составляющіе гордость мѣстечка. Въ оградѣ костела расположено старое армянское кладбище, отъ которого сохранилось иѣсколько памятниковъ, большей частью обвалившихся и разрушенныхъ, и много надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями, почти совсѣмъ зросшихъ въ землю и покрытыхъ мхомъ.—Въ настоящее время, за исключеніемъ армянъ въ Жвалцѣ, костель обращенъ въ католической; не смотря на довольно значительную древность костела, въ немъ, кажется, не сохранилось никакихъ документовъ, за исключеніемъ иѣсколькоихъ польскихъ метрическихъ книгъ. По крайней мѣрѣ такой отвѣтъ дать при васъ ксѣндзъ туристу, пожелавшему осмотрѣть архіт.

Костель окружены еврейскими домами, при чѣмъ иѣкоторые прямо пристроены къ оградѣ. Непосредственно за оградой, къ югу, по направлению къ Днѣстру тянутся остатки старинного землянаго

вала, частью застроенного домами, частью заросшаго дерномъ и сорными травами, гдѣ паусутся различныя животныя. Валъ этотъ обрывается въ самомъ мѣстечкѣ, не доходя до берега, и мы нигдѣ не могли найти его продолженія; вѣроятно онъ срытъ былъ при постройкахъ.

Больше въ ту сторону уже печего было смотрѣть и мы возвратились въ рынокъ. Какъ уже сказано было выше, это большая продолговатая площадь, окруженнная еврейскими домами; между ними, по правую сторону площади, находится рядъ каменныхъ лавокъ, въ томъ числѣ одна кондитерская съ громкой вывѣской, объявляющей, что здѣсь приготавляются мороженое, шоколадъ и другія заманчивыя вещи, а между тѣмъ на окнахъ выставлены засушенные старыя пирожкия самаго отталкивающаго вида; вѣроятно спросъ на эти произведенія не особенно великъ. По другую сторону цѣлый рядъ домовъ занимаютъ «винарни» (виныя погреба, гдѣ производится торговля распивочно и на выносъ), идущія и дальше въ улицу, которая ведетъ къ рѣкѣ и составляетъ продолженіе вѣжей. Эти заведенія имѣютъ несравненно болѣе веселый видъ, чѣмъ несчастная кондитерская; между ними одно обращаетъ вниманіе своей новой вывѣской и особенно о приятной наружностью. Для посѣтителей, сверхъ обыкновенія, отведены двѣ комнаты, убранныя на подобіе ресторала, съ диванами и креслами, и увѣшанныя, вместо символическихъ еврейскихъ картинъ, портретами и картинами вполнѣ символического содержания. Очевидно это мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются жванецкие иотабли. Здѣсь мы нашли прекрасное бессарабское вино разныхъ сортовъ, далеко превосходящее тѣ фабрикованныя вина, какія у насъ продаются подъ именемъ крымскихъ и французскихъ.

На рынке выходятъ нѣсколько улицъ, которыя пряммыми или ломавшими линіями продолжаются до окраинъ мѣстечка. Прямо отъ папей квартирь шла улица, составлявшая продолженіе вѣжей; это пеширокая грязная улица,—по обѣимъ сторонамъ тянутся еврейскіе дома, не огороженные, безъ дворовъ, расположенные на разстояніи 2—3 аршинъ другъ отъ друга; здѣсь живутъ различные промышленники; надъ дверью каждого дома № и надпись, означающая, что домъ принадлежитъ купцу такому-то. Вдругъ, совершенно неожиданно между такими домами оказывается очень красивый двухъэтажный домъ, съ легкими балконами, весь украшенный рѣзь-

бой, не то въ русскомъ, не то въ швейцарскомъ вкусѣ, окружен-
ный рѣшеткой и прекраснымъ двѣтникомъ. Домъ этотъ принадле-
житъ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; наружность улицы пи-
сколько не выигрываетъ отъ этого изящнаго жилища, такъ какъ
ово представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ окружающими
постройками, которые показываются еще неряшлившѣ отъ такого
сосѣдства.

Послѣ двухъ-трѣхъ поворотовъ улица обрывается на высокомъ,
скалистомъ берегу Днѣстра; отсюда ведеть внизъ небольшая изви-
листая тропинка, пролегающая по уступамъ скалъ, напоминающимъ
крутую лѣстницу. У подножія скаль тянется узкая низменная бе-
реговая полоса, покрытая пескомъ и небольшими, закругленными
камениками, выброшенными водой. По склону горы лѣпятся нѣсколь-
ко маленькихъ домиковъ, а на вершинѣ, на самомъ удобномъ
мѣстѣ для наблюденія, откуда открывается прекрасный видъ далеко
вверхъ и внизъ по рѣкѣ, находится квартира станцового, которому
отсюда очень удобно наблюдать движеніе по рѣкѣ. Самое мѣстечко
расположено при впаденіи р. Жванчика въ Днѣстръ, на высокомъ полу-
островѣ, образованномъ течениемъ этихъ двухъ рѣкъ. Обѣ онѣ про-
рыли себѣ очень глубокія, узкія долины съ почти отвесными ска-
листыми берегами, на которыхъ обнажаются мѣстныя каменные
породы.

Въ юго-западной сторонѣ мѣстечка, при устьѣ Жванчика,
находится единственный сколько нибудь пологій спускъ къ рѣкѣ,
годный для проѣзда экипажей. Здѣсь проложена улица, по которой
происходитъ главное торговое движеніе между рѣшкомъ и берегомъ.
Отъ устья Жванчика Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и
въ этомъ мѣстѣ находится обширная, весьма удобная пристань;
здѣсь сортируется и распиливается получаемый по рѣкѣ изъ Гали-
чины лѣсъ, связывается въ плоты, которые сплавляются внизъ по
Днѣстру большую частью нагруженные какими нибудь товарами.
Не смотря на большую разговорчивость мѣстныхъ жителей, которая
подчасъ сильно надоѣдаетъ, памъ почти ничего не удалось узнать
о торговлѣ мѣстечка; на всѣ распросы вамъ отвѣчаютъ, что каждый
изъ обывателей ведеть торговлю лѣсомъ въ большихъ или мень-
шихъ размѣрахъ, что на плотахъ или галерахъ иногда сплавляются
разные товары, между прочимъ съ недавнаго времени отправляются

въ Австрію большіе транспорты фосфоритовъ, которые скучаются въ разныхъ мѣстахъ Подолья австрійскими агентами.

Тотчасъ за лѣсной пристанью, внизъ по течению находится перевозъ изъ пѣскоцѣпныхъ плохихъ паромовъ; евреи за переправу берегъ съ разныхъ лицъ различно, смотря по пассажиру, хотя, разумѣется, «своего не подару»; прислуга на паромахъ вся соетоитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—украинцевъ и молдованъ. На берегу у перевоза—маленькая лавочка и вмѣстѣ шинокъ, въ которомъ торгуетъ еврей. Осмотрѣвши пристань, подымается троинкой на гору, откуда открывается прекрасный видъ на окрестности: на право, вверхъ по рѣкѣ, берега Днѣстра спачала нѣсколько поникаются, дальше па горизонтѣ обрисовываются нѣсколько вершинъ; между ними замѣчается группа деревьевъ—это галицкая граница; здѣсь расположено пограничное галицкое село Околы св. Троицы. Прямо противъ Жванца на бессарабскомъ берегу, который въ этомъ мѣстѣ значительно ниже подольского и весьма полого спускается къ рѣкѣ, расположено большое село Атаки, съ красивыми бѣлыми хатами, утопающими въ зелени, и церковью по срединѣ села. На лѣво, внизъ по Днѣстру, на подольскомъ берегу среди садовъ виднѣется село Брага, а противъ него, въ томъ мѣстѣ, где новышается бессарабскій берегъ и его возвышенность ближе подходитъ къ водѣ,—городъ Хотинъ со своей грандиозной крѣстью, которая привлекаетъ все вниманіе зрителя. Глядя на эту громаду, созданную человѣческими руками и производящую и теперь еще подавляющее впечатленіе, вспоминается историческая судьба крѣпости и вмѣстѣ съ ней исторія цѣлаго края, для котораго та служила оплотомъ. Только тяжелое чувство могутъ вызвать историческая воспоминанія, соединенная съ хотинской крѣстью, и какимъ ничтожнымъ кажется жванецкій замокъ передъ этимъ великаномъ, который пережилъ свою славу и теперь стоитъ, всѣми оставленный и забытый, и долго еще, даже въ развалинахъ, будегь рассказывать позднѣйшимъ поколѣніямъ о той борьбѣ различныхъ культуръ, которой онъ былъ центромъ, и на долго еще останется весьма замѣчательнымъ памятникомъ строительного искусства.—Наступившія сумерки, освѣтившія на минуту яркими красками громадную стѣну и рядъ красивыхъ скаль съ широкой извилистой рѣкой у ихъ подножья, вскорѣ скрыли отъ насъ прелестную картину. Надъ рѣкой поднялся

туманъ, кое гдѣ на плотахъ показались огоньки, отражаясь въ водѣ, и напомнили намъ, что пора уже подумать объ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ предстоявшей на завтра экскурсіи.

Слѣдующій день мы хотѣли начать съ осмотра жванецкаго замка и пещеры и затѣмъ сдѣлать прогулку въ Хотилъ и Брагу.

Замокъ находится въ западной части мѣстечка и путь къ нему лежитъ чрезъ рынокъ, день случился базарный и вся площадь, буквально завруженная народомъ такъ, что прололиться было трудно, представляла очень оживленное и оригинальное зрѣлище. Выбравшись изъ толпы, мы направились къ р. Жванчику и, пройдя 2—3 кривыхъ узкихъ переулка, вышли на пустырь, гдѣ и возвышаются развалины замка. Укрѣченіе это расположено па высокомъ, скалистомъ, почти отвесномъ берегу р. Жванчика; оно имѣетъ видъ пятиугольника, обведенного со стороны мѣстечка довольно глубокимъ рвомъ, который заросъ крапивою и другими сорными травами, такъ-же какъ и внутренность крѣпости, представляющая довольно жалкій видъ. Стѣны изнутри укрѣплены валами, подъ которыми находятся обширные погреба и склады, частью уже обрушившися; одинъ изъ такихъ обваловъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, образовалъ весьма значительное котловидное углубленіе внутри крѣпостнаго двора. Круговая стѣна, построенная на вершинѣ насыпного вала, сложена изъ тесанаго камня, скрѣпленнаго цементомъ; верхняя ея часть постоянно осыпается,—вообще постройка не поситъ того характера прочности и внушительности, какой мы привыкли видѣть въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ. На каждомъ углу стояла башня и только въ этихъ мѣстахъ стѣна достигаетъ двухъ аршинъ въ толщину. Въ замокъ съ разныхъ сторонъ ведутъ нѣсколько воротъ. Въ передней части замка, въ стѣнѣ надъ главными воротами, сохранились слѣды какой-то пристройки, вѣроятно двухъ-этажнаго жилого помѣщенія. Въ настоящее время уцѣльѣли три башни съ бойницами и зубчатымъ верхомъ, двое въѣзжихъ воротъ и почти вся круговая стѣна, хотя верхушка ея во многихъ мѣстахъ разрушена и только мѣстами сохранились остатки бойницъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Больше всего пострадала южная сторона: тутъ стѣна почти совершенно разрушена, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно пройти съ замокъ сквозь образованное отверстіе. Вообще нужно замѣтить, что жванецкій замокъ

не поражаетъ зрителя ни размѣрами, ни прочностью укрѣплений и, при сравненіи съ хотинской крѣпостью, производить чрезвычайно впечатлѣніе—совершенно какъ будто игрушечный домикъ, поставленный рядомъ съ настоящимъ. Можно только удивляться чрезмѣрному патріотизму польскихъ писателей, которые посыдали Жванецъ, при чёмъ разумѣется не могли не видѣть Хотина, и которые съ большимъ аппломбомъ изображаютъ неприступнымъ жванецкій замокъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія тотъ фактъ, что даже турки, въ періодъ наибольшаго своего могущества, не пытались никогда овладѣть этимъ замкомъ, а вместо того старались укрѣпиться въ болѣе отдаленныхъ центрахъ, какъ Паневцы, Каменецъ и др. Изъ кажется, что безпристрастный наблюдатель не можетъ признать это мнѣніе справедливымъ: при одномъ взгляде на обѣ крѣпости, расположенные почти другъ противъ друга, всего на разстояніи 3—4 верстъ, становится очевиднымъ, что, находясь съ большими силами въ такомъ близкомъ сосѣдѣтствѣ, хотинскій шанцъ, если не по праву, то на дѣлѣ, могъ распоряжаться въ Жванецъ по своему усмотрѣнію и если турки не пытались овладѣть этимъ замкомъ, то вовсе не потому, чтобы это представляло болѣтія затрудненія, а вѣрнѣе потому, что въ томъ не было никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что при приближеніи турокъ гарнизонъ обыкновенно, не ожидая враговъ, самъ очищалъ замокъ. При томъ же самая удобная переправа черезъ рѣку находится не у Жванца, а у Браги противъ Хотина. Въ случаѣ необходимости, турки могли просто перейти на подольскій берегъ и безъ всякаго опасенія оставить въ сторонѣ замокъ, никогда не обладавшій большими гарнизонами. Наконецъ известно, что во время 27-лѣтняго господства турокъ въ Подоліи Жванецъ принадлежалъ имъ на равнѣ съ прочими крѣпостями и замками. Нѣсколько ниже замковой стѣны, подъ одной изъ башенъ, въ отвѣсномъ высокомъ берегу р. Жванчика, виднѣется четырехъугольное отверстіе, вырубленное въ скалѣ. Это и есть известная жванецкая пещера, весьма древняя; въ настоящее время входъ въ нее со стороны рѣки оказывается совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе вертикальныхъ обваловъ скалы. На сколько можно разсмотретьъ издали, стѣны и потолокъ пещеры имѣютъ видъ коридора, вытесанного въ скалѣ; новидимому она подковына ползаками и сообщалась съ внутренностью замка посредствомъ подзем-

ныхъ ходовъ. У подножія скалы, въ которой находится пещера, при впаденіи въ Жванчикъ маленькой рѣчки Вильшанки, устроена большая каменная мельница, возлѣ нея па горѣ—огромные склады; мельница принадлежитъ евреямъ, а работаютъ на ней крестьяне. Возлѣ мельницы чрезъ Жванчикъ перекинутъ легкій деревянный мостикъ, вѣроятно «кладка», отъ которого идетъ дорога къ пограничному селу Исаковцы ва Днѣстрѣ. По ту сторону Жванчика идетъ цѣлая улица изъ прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, окруженнныхъ садами, составляющая какъ-бы продолженіе мѣстечка. За нею тянется низменный песчаный мысъ, вдающійся клиномъ между двухъ рѣчекъ, поросший лозою и болотными растеніями; дно здѣсь чрезвычайно мелко, черезъ рѣчку переложено нѣсколько камней, по которымъ можно перейти на другой берегъ, не замочивши ногъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ мѣстечкомъ, остается сказать нѣсколько словъ о его исторіи, представляющей много весьма интересныхъ и подчасъ трагическихъ эпизодовъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени первоначального заселенія Жванца,—имя это встрѣчается первый разъ въ документахъ, относящихся къ первой половинѣ XV в. Король Ягайло, занявшійся съ большимъ усердіемъ раздачей русскихъ земель польскому дворянству на ленномъ правѣ, грамотой 1431 г. отдалъ въ собственность рыцарю Свицкому изъ Ленчицы пространство земли по берегу Днѣстра, приблизительно отъ Збруча до р. Жванчика. Въ документѣ не указано, была-ли эта мѣстность заселенна или пустопорожня, но уже упоминается она подъ именемъ Жванца. Къ концу XV в. закончилась колонизація этого уголка и вокругъ Жванца группировалось еще 6—7 селъ, такъ что цѣлое помѣстье, такъ называемыя «добра жванецкія», заполнило нѣсколько десятковъ кв. верстъ. Въ теченіи четырехъ столѣтій, 1431—1830 гг., оно состояло нераздѣльную собственность одного владѣльца и только съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія раздробилось между нѣсколькими владѣльцами. За это время добра жванецкія нѣсколько разъ переходили въ собственность того или другаго знатнаго рода, при чѣмъ нѣкоторые изъ владѣльцевъ особенно заботились обѣ устроить имѣнія. Благодаря ихъ стараніямъ, Жванецъ уже въ половинѣ XVI в. считается весьма значительнымъ населеннымъ пунктомъ. Около этого времени онъ переходитъ въ собственность рода Калиновскихъ, одного изъ

богатѣйшихъ дворянскихъ родовъ юго-западнаго края, котораго представители очень быстро успѣли обогатиться путемъ выращивания у короля жалованыхъ грамотъ на огромные участки малозаселенныхъ земель въ русскихъ областяхъ.

Въ царствование Сигизмунда III въ началѣ XVII в. Валентій Калиновскій, генераль подольскій, въ силу общепринятаго тогда обычая, укрѣшилъ Жванецъ замкомъ, развалины котораго сохранились и попытѣ на высокомъ берегу Жванчика. Трудно сказать, что имѣлось въ виду при постройкѣ укрѣпленія: было-ли оно воз-двигнуто съ цѣлью обороны пограничнаго мѣстечка, или-же просто потому, что знатному дворянину цѣлья было жить иначе, какъ въ замкѣ. Кажется послѣднее вѣрнѣе, потому что расположенный вблизи грозной хотинской крѣпости, обладавшей весьма сильнымъ турецкимъ гарнизономъ, скромный жванецкій замокъ не могъ служить серьёзнымъ оплотомъ противъ турокъ, какъ-то пытаются доказать мѣстные польские ученые. Какъ-бы тамъ ни было, по благодарія укрѣпленію, гарантировавшему жителей отъ внутреннихъ неурядицъ и тревогъ въ краѣ, населеніе Жванца съ этого времени начинаетъ быстро увеличиваться и возвышается торговое значеніе мѣстечка, благодаря его выгодному положенію вблизи границы и при одной изъ лучшихъ пристаней на Днѣстрѣ.

Вскорѣ Жванецъ, въ силу семейныхъ счетовъ, перешелъ въ родъ Лавцкоропскихъ и тогда постигло его первое общественное бѣдствіе—опять подвергся полному разоренію со стороны польскихъ войскъ, никогда не отличавшихся порядкомъ и дисциплиной. Въ августѣ 1621 г., во время извѣстной хотинской войны, въ которой козацкое войско принимало участіе въ качествѣ союзниковъ польского правительства, союзныя войска остановились у Жванца, разсчитывая здѣсь пересправиться черезъ Днѣстрь. Предводительствовалъ козаками гетманъ Сагайдачный; польское войско, по обычаю,шло подъ начальствомъ обоихъ гетмановъ, великаго и польнаго. Въ то время, какъ Сагайдачный съ козаками заплыть бытъ устроилъ переправы у с. Браги, гдѣ строился временный мостъ подъ руководствомъ русскаго крестьянина, польское войско, состоявшее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, скучало бездѣльствіемъ, съ завистью поглядывая на богатое мѣстечко, недавно лишившееся своего законнаго защитника за смертью Калиновскаго. По окончаніи

моста, едва только успѣли перейти на тотъ берегъ козаки, а за ними передовые польскіе отряды и все начальство, какъ какой-то охотникъ до чужого имущества, пользуясь удобнымъ случаемъ, распнустилъ въ остальномъ войскѣ слухъ, будто гетманы приказали снести мѣстечко. Недленно всѣ обозные слуги, пѣхота и всевозможный сбродъ, наполнивши ряды польского войска, всѣ эти элементы, жадные на легкую добычу, съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью бросились исполнять мнимый приказъ, что въ самое короткое время Жванецъ былъ дочиста разграбленъ и пѣсколько окрестныхъ сель снесены до основанія. Для усмирепія разбоя и грабежа явился польский гетманъ Любомирскій съ прочими начальниками и хотя, послѣ разслѣданія дѣла, иѣсколько зачинщиковъ были казнены, чѣмъ возстановленъ порядокъ въ войскѣ, но для облегченія участіи мѣстечка ничего не было сдѣлано. Вскорѣ послѣ погрома Жванецъ перешолъ во владѣніе Ланцкоронскихъ, и новый владѣлецъ начинастъ заботиться о благосостояніи мѣстечка, возстановлять замокъ и исправлять поврежденія, причиненные грабежомъ. Король Владиславъ IV, видѣвшій лично бѣдственное положеніе мѣстечка и понимавшій его пограничное значеніе, возстановилъ грамоту, въ силу которой Жванецъ получастъ магдебургское право, право торговъ и ярмарокъ въ установленные дни и сверхъ того гербъ и магистратскую печать.

Не успѣль Жванецъ оправиться отъ первого погрома, какъ черезъ семь лѣтъ онъ снова становится центромъ вооруженного столкновенія. Послѣ извѣстной битвы подъ Батогомъ, въ которой польская армія съ гетманомъ Калиновскимъ была совершенно разбита и уничтожена козаками, король Янъ Казимиръ съ 30,000 войскомъ, состоявшимъ болышею частью изъ наемныхъ венгерскихъ и волоцкихъ полковъ, остановился у Жванца, скелая отрѣзать Хмельницкому возможность спошений съ Молдавіей. Самъ король съ старшинами и частью войска, составляющей стражу, поселился въ замкѣ; остальное войско расположилось па высокой равнинѣ надъ с. Брагой, противъ Хотина, и здѣсь укрѣпило свой лагерь земляными валами. Въ настоящее время это мѣсто занято пахатными полемъ валаы почти совершенно разпаханы и отъ прежняго укрѣпленія едва сохранились самые ничтожные слѣды. Польское войско бездѣльствовало подъ Жванцемъ въ то время, какъ союзники Хмельницкаго

Татары протянулись линией по всей Подолії, Польшѣ и Галичинѣ до Львова, чтобы отрезать королю обратный путь, и грабили занятые ими области. Между темъ подошелъ ноябрь, наступили холода, а вмѣстѣ съ ними и недостатокъ жизненныхъ припасовъ. Войско ронтало на недостатокъ въ пищи и неуплату жалованья и хотя король рѣшился расплачиваться собственной казной, но продовольствія и за деньги нельзя было достать; люди и лошади начали умирать отъ голода и холода. Въ тоже время начались въ польскомъ лагерѣ новальные болѣзни, которые послужили сигналомъ къ бѣгству: не смотря ни на какія увиція и строгія мѣры противъ дезертировъ, польские солдаты цѣлыми массами оставляютъ лагерь; ихъ примѣру слѣдуютъ венгры и волохи, такъ что еще до первой встречи съ пепріятелемъ, король съ остатками войска очутился въ самомъ грустномъ положеніи. Приходилось жить чуть не подаяніемъ, довольствуясь тѣми припасами, какіе по временамъ присылались молдавскими логофетомъ и хотинскимъ пашею изъ любезности. Узнавши о приближеніи крымскаго хана съ ордой, король совсѣмъ потерялъ голову,—начинаются безпрерывные военные совѣты, одинъ решения быстро смѣнялись другими: о сопротивленіи никто и не думалъ и почти все проекты сводились къ одному, что нужно подкупить татаръ и заручившись поддержкой съ ихъ стороны, кончить дѣло договоромъ съ козаками. Самъ король до того растерялся, что пытался тайкомъ бѣжать изъ лагеря съ немногими приближенными, но остальные узнали обѣ этомъ и не пустили его.

Наконецъ подошелъ Хмельницкій съ татарами, разсчитывая путемъ продолжительной осады принудить короля къ сдачѣ. При вѣсти о его приближеніи страшная паника произошла въ лагерѣ; бѣгство польскихъ солдатъ достигло ужасающихъ размѣровъ, такъ что у короля едва осталось около 11,000 человѣкъ. Большая часть бѣгцовъ была захвачена татарами на пути въ Каменецъ. Наконецъ Жванецъ былъ осажденъ, голодъ и смертность въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Король вошелъ въ переговоры съ ханомъ, заплатилъ татарамъ огромную контрибуцію 100,000 червонныхъ и сверхъ того обязался платить имъ ежегодную дань и позволять имъ брать ясырь въ польскихъ областяхъ, но исключительно изъ русскихъ жителей. Послѣ того, 15 декабря 1653 г.,

заключенъ съ козаками жванецкій договоръ, подтверждавшій всѣ зборовскія статьи.

На другой-же день король уѣхалъ во Львовъ, не думая объ исполненіи договора; остатки его арміи составили иѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые должны были преградить татарамъ путь въ Польшу и въ Каменецъ, но не смотря на это, татары разсыпались по всему Подолію и совершили разграбили иѣсколько селъ и мѣстечекъ, жители которыхъ были уведены въ Крымъ.

Послѣ того наступилъ для Жванца човій промежутокъ спокойствія, хотя и продолжительнѣе первого, но недостаточно длинный для того, чтобы дать возможность мѣстечку оправиться и возвратить прежнее благосостояніе. Въ 1672 г. султанъ Магометъ IV съ огромнымъ войскомъ предпринялъ походъ съ цѣлью овладѣть Каменцемъ, а за нимъ и цѣльымъ Подольемъ. Отправляясь подъ Каменецъ, султанъ у Жванца переправился па подольскій берегъ и едва только окружилъ мѣстечко, какъ польскій гарнизонъ безъ одного выстрѣла сдалъ замокъ, въ которомъ султанъ поставилъ сильный турецкій гарнизонъ. Не смотря однако па этотъ фактъ, занесенный даже въ польскіе источники, историки польскіе настойчиво утверждаютъ, что турки никогда не осмѣливались завладѣть сильнымъ жванецкимъ замкомъ. У Жванца турецкая армія соединилась съ поджидавшимъ се здѣсь козацкимъ войскомъ Доротенка, помогавшимъ ей въ заплатіи Каменца, и затѣмъ разсыпалась по всей Подоліи, овладѣвшиа всѣми укрѣпленными мѣстами и оставляя въ нихъ свои гарнизоны. Съ этого времени Жванецъ остается въ рукахъ турокъ во все время, пока продолжалось ихъ владычество въ Подоліи, не смотря на многочисленныи попытки поляковъ овладѣть этимъ пограничнымъ пунктомъ, въ которомъ находилась одна изъ наиболѣе удобныхъ переправъ черезъ Днѣптръ.

Въ слѣдующемъ году, во время хотинской битвы Ива Собѣскаго, жванецкій замокъ служить мѣстомъ заключенія каменецкихъ мѣщанъ, арестованыхъ турецкимъ пашею.

Съ этого времени до начала XVIII ст. Жванецъ принадлежалъ туркамъ, но большинство жителей разбѣжалось и все его населеніе состояло изъ иѣсколькоихъ десятковъ еврейскихъ семействъ, производившихъ торговлю лѣсомъ, и небольшаго количества крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ. Послѣ столькихъ весенныхъ погромовъ

и замокъ, и мѣстечко лежали въ развалинахъ и представляли чрезвычайно жалкій видъ.

Въ 1690 г., въ силу карловицкаго трактата, турки очистили Подолье. Съ этого времени прекращается ихъ господство и въ Жванцѣ, который начинаетъ заново населяться; кромѣ прежнихъ жителей, мѣщанъ и крестьянъ, возвратившихся въ мѣстечко, является масса новыхъ колонистовъ изъ Червоной Руси. Благодаря выгодному положенію на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, здѣсь поселяются въ большомъ количествѣ греки и армяне, занявшиеся торговлей подъ гарантіей магдебургскаго права; они быстро подняли торговлю и промышленность до весьма значительного уровня. Явились и прежніе владѣльцы Лапцкоронскіе, занявшиеся обновлениемъ замка, лежавшаго въ развалинахъ.

Періодъ благосостоянія Жванца продолжается приблизительно до 1768 г. Армяне и греки ведутъ обширную торговлю венгерскими винами, красными товарами, солью, сушеною рыбой, хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Жванцѣ, въ 1699 г., армяне выстроили большой каменный костелъ, существующій и понынѣ; теперь онъ перешелъ въ руки поляковъ. Около половины XVIII в. съ большими усилиями удалось и полякамъ построить себѣ деревянный костелъ, по онъ просуществовалъ не долго.

Въ 1768 г. Жванецъ снова становится театромъ военныхъ столкновеній и подвергается новому разоренію. Зимою этого года некоторые изъ предводителей барской конфедерации, успѣвшіе спастись послѣ взятія Бара русскими войсками, разсыпались со своими отрядами по границамъ Подолья и Молдавіи, всюду захватывая въ свои руки укрѣпленные замки. Основавши главную квартиру въ Хотилѣ, подъ защитой хотилскаго паші, два отряда подъ начальствомъ братьевъ Пулавскихъ заняли Оконы св. Троицы и Жванецъ вмѣстѣ съ прилегающими къ nimъ селами, съ цѣлью организовать здѣсь серьезную защиту.

Однако, при первомъ столкновеніи съ русскими войсками, конфедераты, вытѣсненные изъ жванецкихъ окоповъ, застыли въ замкѣ, при чемъ для своей безопасности напали пушками ежечь ближайшіе къ замку дома, въ томъ числѣ и польскій костелъ. Такимъ образомъ уничтожена значительная часть мѣстечка, но эта мѣфа никакъ не облегчила защиты: послѣ нѣсколькихъ дней осады,

храбрые конфедераты, въ количествѣ 400 человѣкъ кавалеріи и около 40 янычаръ, явившихся съ разрѣшеніемъ хотинскаго пашіи, ночью вышли изъ замка со стороны р. Жванчика, спустились съ крутого, почти отвеснаго берега, считавшагося неприступнымъ и потому не залятаго русской стражей, переплыли по льду на правый берегъ Днѣстра и разсѣялись въ Бессарабіи.

Въ маѣ слѣдующаго года, Жванецъ испыталъ новое бѣдствіе: на него напали турки съ татарами, разграбили и опустошили кафтъ бессарабіе мѣстечко, такъ и окрестныя села; множество жителей погибло, въ томъ числѣ и настоятельпольского костёла, остальные спаслись бѣгствомъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ прибавилось еще одно, общее для всего подольского края: чума, занесенная изъ Турціи и памятная цѣлому Подолью, истребила огромное большинство жителей Жванца, такъ что послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій мѣстечко представляло чрезвычайно жалкій видъ. Кладбище, на которомъ похоронены зачумленные, лежитъ на берегу Днѣстра, при устьи Жванчика, откуда начинается дорога въ Исаковцы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лѣская пристань. До недавняго времени православные жители мѣстечка въ Тройціи въ день являлись сюда съ процессіей молиться обтумерникахъ, но теперь этотъ обычай оставленъ.

О крайнемъ разореніи мѣстечка свидѣтельствуетъ сеймовое постановленіе 1775 г., въ силу которого дается жителямъ па 12 лѣтъ льгота отъ всевозможныхъ повинностей и уплаты въ пользу казны, для того чтобы поднять изъ развалинъ мѣстечко, оживить торговлю и возвратить прежнее благосостояніе. Но эта мѣра оказалась безсильной: большая часть грековъ и армянъ переселились въ другія мѣста, остальные смѣшились съ мѣстнымъ шляхетскимъ элементомъ и, усвоивши его бытъ, оставили свои прежнія занятія.

Въ военно-административномъ отношеніи, какъ укрѣпленный пунктъ, Жванецъ обыкновенно, т. е. въ то время когда имъ владѣли поляки, находился въ вѣдѣніи региментаря подольского. Въ концѣ 1777 г. онъ поступаетъ подъ непосредственное начальство коменданта каменецкаго и получаетъ значеніе пограничнаго форпоста съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи въ качествѣ гарнизона, подъ начальствомъ хорунжаго. Этотъ послѣдній игралъ скорѣе наблюдательную роль: его главной обязанностью было извѣщать высшія

власти о движениихъ турецкихъ войскъ въ Хотинѣ, о появлениі по-
вальныхъ болѣзней на берегахъ Днѣстра и т. д. Сверхъ того въ
обязанности хорунжаго входило: 1) поддерживать мирныя сосѣдскія
отношенія съ хотинскимъ пашею и 2) наблюдать за другимиполь-
скими отрядами, расквартированными вдоль по теченію Днѣстра и
охранять всѣ броды и перевозы черезъ рѣчку отъ Жванца до
Могилева.

Какъ пограничный пунктъ, Жванецъ былъ мѣстомъ, где пуб-
ликовались съ большой торжественностью всѣ важнѣйшія перемѣны,
происшедшія въ краѣ и доводившіяся до свѣдѣнія соѣднѣй держа-
звы. Такъ напримѣръ здѣсь объявляли объ избрании новаго ко-
роля, при чмъ хотинскій паша приносилъ поздравленія комен-
данту; въ свою очередь и поляки платили такою-же любезностью
при восшествіи на престолъ новаго султана и т. д. Такъ какъ су-
ществованіе жванецкаго замка всецѣло зависѣло отъ поддержанія
мирныхъ соѣднѣихъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, то
польскія власти старались устранить всѣ матѣйшіе поводы къ
столкновенію; такъ напримѣръ, если хорунжій не могъ поладить
съ хотинскимъ пашею, или почему нибудь не правился ему, то
немедленно замѣнялся другимъ. Главной обязанностью хорунжаго
было именно поддержаніе соѣднѣихъ отношеній съ турецкимъ гу-
бернаторомъ. Въ документахъ сохранилось много примѣровъ взаим-
ной любезности между соѣднѣами. Такъ напримѣръ, поляки, желая
доказать свою справедливость передъ невѣрными, всѣ приговоры
надъ подолянами за преступленія, совершенныя ими на молдавской
территорії, приводили въ исполненіе на высокомъ берегу Днѣстра
въ виду Хотина. D-г Antoni J. приводить весьма характерный при-
мѣръ подобной любезности—казнь одного шляхтича за убийство
турка, сопровождавшуюся цѣльымъ ритуаломъ, за исполненiemъ ко-
тораго турки слѣдили съ другого берега. Вѣроятно и паша, съ
своей стороны платилъ такою-же учтивостью. — Вообще исторія
Жванца, исполненная трагизма, представляетъ въ тоже время много
весмы оригинальныхъ эпизодовъ, которые очень живо переносятъ
насъ въ эпоху польского владычества, отличавшагося характеромъ
крайняго своеволія и самодурства, не лишенного по временамъ и
комическихъ выходокъ.—Такъ напримѣръ, въ то время, какъ въ
Жванцѣ уже существовала православная церковь и армянскій

костель, не было польского костела, не было и средствъ для его сооруженія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ епископъ каменецкій, Сигизмундъ Чижевскій, взъимъ блестящую мысль—обязать къ постройкѣ костѣла еврейскую общину въ Жванцѣ. Предлогомъ къ тому послужила торжественная процессія, устроенная будто мѣстными евреями съ болыши мѣромъ; шествие открывалъ старый еврей, идшій подъ балдахиномъ како-то священное изображеніе; за нимъ слѣдовала огромная масса народа съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Въ такомъ видѣ процессія прошла черезъ рынокъ, украшенный свѣжими деревьями и ѿсыпаннымъ цветами и душистыми травами.—Религіозное чувство благочестиваго епископа было возмущено подобнымъ фактомъ и, въ наказаніе за дерзость, епископскій судъ (22 апрѣля 1663 г.) приговорилъ старѣйшихъ изъ евреевъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, всѣхъ-же остальныхъ—къ штрафу въ 16,100 золотыхъ, которые должны быть употреблены на постройку костела. Къ счастью для евреевъ, набожный епископъ вскорѣ умеръ, не дождавшись исполненія приговора. Изъ того-же приговора узнаемъ еще одну интересную подробность, а именно: въ данное время Жванецъ, составлявшій собственность Ланцкоронскаго, находился въ аренда у еврея Емануэля.

Съ течениемъ времени Жванецъ все больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе торгового пограничного пункта и пріобрѣтаетъ общій характеръ подольского мѣстечка—характеръ промышленнаго, культурнаго и административнаго центра для весьма небольшаго района. Хотя послѣ присоединенія Подолья къ Россіи въ Жванцѣ были устроены таможня и карантинъ, но эти учрежденія ни мало не способствовали процвѣтанію промышленности и, послѣ присоединенія Бессарабіи, были упразднены въ 1812 г., просуществовавши всего 17 лѣтъ. Мѣстечко все больше и больше приходитъ въ упадокъ; въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія оно составляетъ собственность нѣсколькихъ владельцевъ; въ 1842 оно было пріобрѣтено казной для проектируемой постройки цѣлой системы пограничныхъ укрѣплений, но проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Жванецъ остался въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ. До начала работъ многие изъ жителей были разселены въ.

сосѣднія села, преимущественно въ Гавриловцы, что еще больше способствовало уменьшению населенія.

Въ настоящее время въ Жванцѣ считается до 3,000 жителей; большинство составляютъ евреи, меньшинство—православные малороссы и незначительную часть—католики. Евреи торгуютъ хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д., держать перевозъ на Днѣстрѣ и занимаются самыми доходными промыслами. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ремеслами.

Найболѣше выгода доставляетъ лѣсная торговля, которою занято почти все еврейское населеніе Жванца. Евреи закупаютъ лѣсъ, сплавляемый сюда изъ Галичины,—большую частью дубъ, сосну и букъ, сортируютъ его, вязутъ въ плоты или тутъ-же на пристани распиливаютъ въ доски, изъ которыхъ строятъ лодки и «галяры»—особыя плоскодонныя суда въ видѣ четырехъ угольныхъ ящиковъ, на подобіе парома съ высокими бортами, которые встречаются на всемъ протяженіи Днѣстра до моря; суда эти отличаются большой ёмкостью. Плоты и галяры представляютъ единственное средство передвиженія на Днѣстрѣ, вслѣдствіе мелководія этой рѣки; они нагружаются хлѣбомъ, лѣсомъ и другими товарами, которые доставляются такимъ путемъ во всѣ днѣстровскія пристани до самыхъ Маякъ. Торговля находится въ рукахъ евреевъ, но рабочими на пристани и на судахъ служатъ мѣстные крестьяне.

Въ лѣтнее время населеніе увеличивается еще купальщиками, которые стекаются сюда въ злачительномъ количествѣ по совѣту врачей, такъ какъ воды Днѣстра, проложившаго себѣ русло въ породахъ известковыхъ скалъ, считаются цѣлебными. Съ наступленіемъ лѣтнаго сезона оживляется какъ торговая, такъ и общественная жизнь мѣстечка; является усиленный спросъ на продукты, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости въ жизни культурныхъ классовъ. Сверхъ того является потребность и въ развлеченияхъ. Во время нашего пребыванія въ Жванцѣ давались спектакли заѣзжей еврейской труппой; афиши разумѣются не было; за отсутствіемъ театра, представленія давались въ одномъ изъ заѣздовъ. Намъ не удалось посѣтить этотъ импровизированный театръ, но, судя по рассказамъ, представленія шли на русскомъ языке и зала была переполнена публикой, состоявшей какъ изъ представителей еврейскаго населенія, такъ и изъ скучающихъ купальщиковъ.

V.

Оконы св. Тройцы, исторія села.—Дорога въ Брагу.—Берегъ Днѣстра.—Брага.—Историческая свѣдѣнія.—Перевозъ.—Промыслы жителей.—Хотинъ.—Видъ города; крѣпость, базаръ, русскій городъ.

Изъ окрестностей Жванца больше всего привлекаетъ вниманіе зрителя съ южной стороны старая хотинская крѣпость и расположеннное противъ нея на подольскомъ берегу Днѣстра с. Брага; заѣмъ прямо противъ Жванца, на пизкомъ песчаномъ мысѣ, лежить село Атаки¹⁾) и паконецъ въ разстояніи 3—4 верстъ вверхъ по Днѣстру, на юго-западъ отъ Жванца, среди горъ бѣлѣютъ нѣсколько хатъ, окруженныхъ уступами деревьевъ; это—небольшое село Оконы св. Тройцы, лежащее уже на территории пыльшней Галиціи. Село расположено на склонѣ высокаго дампнаго мыса, который образуется течениемъ рѣкъ Днѣстра и Збруча, впадающаго въ этомъ мѣстѣ въ Днѣстръ.

Оконы св. Тройцы, входившіе прежде въ составъ Подолья, возникли позже другихъ подольскихъ поселеній. Мѣстность, па берегу судоходнаго Днѣстра, на самой границѣ польскихъ владѣній съ турецкими и румынскими, привлекла вниманіе Станислава Яблоновскаго, великаго короннаго гетмана, какъ удобный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Во времена турецкаго господства, король Янъ Казимиръ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ очистить край отъ турокъ, размѣстилъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ небольшіе гарнизоны, которые должны были прекратить подвозъ припасовъ въ Каменецъ и прервать возможность спопеній непріятеля съ заграницей. Въ это время было построено нѣсколько новыхъ замковъ въ мѣстахъ, за которыми признавалось известное стратегическое значеніе, въ томъ числѣ и въ углу при впаденіи р. Збруча, въ самомъ крайнемъ юграницочномъ пункте Рѣчи Посполитой. Въ теченіи шести недѣль отрядъ польского войска высыпалъ здѣсь валы и шанцы, укрѣпленные каменной стѣной, при чёмъ распоряжался работами самъ коронный гетманъ.

¹⁾ Поселенія съ такимъ именемъ довольно часто встрѣчаются на бессарабскомъ берегу; они всегда расположены какъ разъ напротивъ подольского города или мѣстечка.

Небольшое укрепление, накоротко сооруженное, получило громкое название: «Окопы горы св. Троицы—блокада Каменца Подольской»; въ настоящее время оно называется въ народѣ просто Окопами. Станиславъ Яблоновскій былъ привлеченъ вознагражденъ правительствомъ Рѣчи Посполитой за оказанную имъ услугу; но замокъ не выполнилъ, кажется, своего назначения—служить для блокады Каменца.—Мы не знаемъ, когда именно возникло здѣсь поселеніе: были-ли Окопы св. Троицы заселеннымъ пунктомъ раньше постройки замка, или жители начали селиться подъ защитой укрепленій, по концу XVII столѣтія мы уже встрѣчаемъ извѣстія о существовавшемъ здѣсь поселеніи. Въ 1700 г. укрепленіе превращено въ мѣстечко привилегіей короля Августа II, надѣлившаго его магдебургскимъ правомъ, съ извѣстнымъ числомъ торговъ и ярмарокъ и т. д.; сверхъ того мѣщане освобождались въ теченіи десяти лѣтъ отъ всевозможныхъ податей и повинностей, какъ земскихъ, такъ и военныхъ. Военная служба, т. е. охрана границы, отбывалась особымъ гарнизономъ, принадлежавшимъ правительству. Но всѣ эти мѣры немного повлияли на развитіе благосостоянія мѣстечка. Вообще Окопы св. Троицы не имѣли большаго значенія ни въ смыслѣ промышленнаго, или торговаго центра, ни въ смыслѣ укрепленнаго замка, не смотря на выгодное, повидимому, положеніе при самой границѣ, на берегу судоходной рѣки; гарнизонъ вскорѣ былъ выведенъ изъ замка, мѣстечко оставалось безжизненнымъ; укрепленія мало по малу приходили въ упадокъ и правительство нисколько не старалось вызвать поселеніе къ жизни. Разъ только, въ 1764 г., сеймъ ассигновалъ небольшую сумму на возстановленіе замка и валовъ и съ того времени совершенно оставилъ всякую заботу объ Окопахъ. Вѣроятно и послѣ ассигновки укрепленіе не было возстановлено, потому что въ 1770 г., когда Жванецъ, Павловцы и другіе пограничные замки заняты были барскими конфедератами, въ Окопахъ св. Троицы на короткое время расположился небольшой отрядъ Казимира Пулавскаго, заставшій здѣсь однѣ развалины и запустѣніе. Пулавскій нѣсколько реставрировалъ замокъ, въ которомъ пробылъ около 12 недѣль, и паконецъ былъ вытѣсненъ при первомъ штурмѣ русскимъ отрядомъ, одновременно съ конфедератами, занявшими жванецкій замокъ.

Послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, въ 1773 г. Окопы св. Тройцы вошли въ составъ нынѣшней Галиціи, послѣ чего большая часть укрѣпленій была срыта австрійскими властями, устроившими въ мѣстечкѣ таможню и карантинъ. Въ настоящее время уцѣлѣла часть валовъ и стѣнъ, которые мало по малу разрушаются и временемъ, и жителями.

Въ двухъ верстахъ къ югу отъ Іванца, на берегу Днѣстра виднѣется небольшое село Брага, расположенное прямо противъ Хотина на подольской сторонѣ. Дорога въ Брагу идетъ по самому берегу Днѣстра, занимающему вдоль рѣки очень низкую и узкую полосу, всего пѣсколько сажень ширины; берегъ покрытъ толстымъ пластомъ разноцвѣтныхъ закругленныхъ камешковъ, выброшенныхъ рѣкою во время разливовъ; большинство этихъ галекъ состоитъ изъ кремней всѣхъ цвѣтовъ и оттенковъ, смесеныхъ сюда водой изъ разныхъ мѣстъ, такъ какъ горы Подолья, состоящія большою частью изъ различныхъ известковыхъ и глинистыхъ породъ, чрезвычайно богаты кремнемъ. Низменная береговая полоса окаймлена съ правой стороны Днѣстромъ, съ лѣвой — возвышается сплошной стѣной каменная гора, около 40 сажень вышиною, служащая подпочвой для плоскогорной приднѣстровской равнины. Верхняя половина горы представляетъ рядъ отвесныхъ скалъ, изрѣдка поросшихъ тощей растительностью и напоминающихъ стѣны крѣпости или замка; ближе къ подножію, обрывъ становится болѣе пологимъ, благодаря осыпанью камней и земли сверху. Во многихъ мѣстахъ высокій берегъ изрѣзанъ глубокими поперечными оврагами, вырытыми дождевой водой. По нимъ только и можно взбираться на гору, при чемъ подъ ногами осыпается постоянно земля и камни, такъ что приходится по два и три раза взбираться на одну и ту-же скалу. Дно овраговъ, также какъ и самій берегъ, усыпано огромнымъ количествомъ кремлевыхъ осколковъ, изъ которыхъ многіе напоминаютъ первобытныя орудія простейшей формы; между ними попадаются изрѣдка полированные каменные топорики, хотя намъ не посчастливилось найти ни одного.

Весь берегъ Днѣстра изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими заливами, отчего дорога вдоль берега чрезвычайно извилиста. При самочь началѣ села Браги, дорога идетъ по цѣльной скалѣ, которая въ этомъ мѣстѣ образуетъ почву и, постепенно понижаясь,

переходит на дно рѣки и представляетъ очень удобное мѣсто для купанья.

Село, расположеннное на южномъ склонѣ высокаго берега, состоитъ всего изъ двухъ рядовъ хатъ, которыхъ какъ-бы сбѣгаютъ съ горы къ Днѣстру. Посреди села небольшая церковь; садовъ мало, также какъ и въ Жванцѣ; причиной тому отчасти, можетъ быть каменистый грунтъ, въ которомъ трудно укорениться дереву, или, можетъ быть, и нелюбовь жителей къ занятію садо-водствомъ, потому что на противуположномъ бессарабскомъ берегу такая-же каменистая почва и однако на ней растутъ и садовые, и лѣсные деревья; вся зелень въ селѣ состоить изъ однихъ огородныхъ растеній. На возвышенной равнинѣ, господствующей надъ селомъ, видны слѣды земляныхъ укрѣплений, насыпанныхъ поляками во время войнъ XVI и XVII в., когда Брага на равнѣ съ Жванцемъ, Окопами и др. имѣла значеніе пограничного сторожевого пункта. Теперь городище почти совсѣмъ распахано, отъ него сохранились едва замѣтные остатки валовъ, окруженные ровнымъ полемъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ почтовой дорогѣ, сидѣтъ темная полоса лѣса — остатокъ бывшихъ «жванецкихъ измѣз».

Въ первый разъ съ своимъ пастоящимъ именемъ Брага упоминается въ документахъ подъ 1595 г., какъ село, въ которомъ останавливался лагерь Замойскій, провожая господаря Іеремію Могилу на валашскій престолъ, и въ которомъ нѣсколько лѣтъ спустя собирались польскіе и валашскіе послы для заключенія договора, посль того, какъ сынъ Іереміи, не съумѣвшій удержаться на тронѣ, обратился къ покровительству Польши. Гетманъ Жолкевскій съ отрядомъ занялъ окопы на высотахъ надъ селомъ, а комиссары обоихъ державъ собирались на совѣщеніе вблизи укрѣплений подъ его прикрытиемъ. Въ теченіи восьми дней, пока продолжались переговоры, въ Брагу ежедневно переправлялся изъ Хотина турецкій отрядъ, становившійся въ виду комиссаровъ, причемъ поляки съ своей стороны выставляли такой-же отрядъ, а валашники ихъ щедро угощали турокъ водками и винами вопреки закону Магомета. Наконецъ договоръ былъ заключенъ; одна изъ его статей, относившихся къ Брагѣ, состояла въ томъ, что перевозъ у села, по давнимъ обычаямъ, остается въ общемъ пользованіи;

отсюда видно, что до того времени право перевоза одинаково принадлежало всемъ пограничнымъ пародамъ, т. е. полякамъ, туркамъ и румынамъ.

Въ течениі всего XVII в. Брага сохраняетъ значеніе такого пограничнаго пункта, куда сбываются для переговоровъ послы изъ Подоліи и Румынскихъ государствъ.

Во время хотинской кампаніи 1621 г., Брага получаетъ важное стратегическое значение, какъ ближайшій къ Хотину пунктъ на подольской территории. Воспользовавшись весьма удобной перевѣзкой черезъ Днѣстръ, гетманъ Сагайдачный устроилъ здѣсь мостъ и перевозъ черезъ рѣку дляпольско-козацкой арміи, которая пользовалась имъ во все времена войны.

Въ продолженіи 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи, село совершило опустѣло, даже переправа почти перестала существовать, но постѣ удаленія турокъ, Брага, подобно другимъ оставленнымъ селамъ, весьма быстро колонизуется малорусскими поселенцами; жителей привлекала сюда близость Молдавіи, где не было крѣпостного права и куда легко было спасаться въ случаѣ прѣисленія отъ живецкаго старости, которому принадлежала Брага вмѣстѣ со многими другими селами.—Мы уже говорили выше, что здѣсь, на самомъ видномъ мѣстѣ противъ Хотина, происходилъ со стороны поляковъ обмѣнъ соѣдніхъ любезностей съ турками въ видѣ казней преступниковъ, нанесшихъ вредъ туркамъ.

Съ 1769 по 1792 г. Брага получаетъ значеніе русскаго почтоваго пункта; здѣсь стояла небольшой козацкій гарнизонъ, на обязанности которого лежало пересыпать корреспонденціи между Петербургомъ и Константинополемъ; тутъ-же останавливались русскіе послы, отправлявшіеся въ Турцію.

Въ настоящее время, также какъ и въ старину, въ Брагѣ существуетъ переправа черезъ Днѣстръ, состоящая изъ двухъ плохихъ паромовъ, которые здѣсь, какъ и въ Жванцѣ, да и повсемѣстно въ Подоліи, содержатся евреями, между тѣмъ какъ рабочими на нихъ являются крестьяне. Переправляясь изъ Браги въ Хотинъ, мы каждый разъ находили на берегу группы крестьянъ съ щозами, въ ожиданіи парома, который не сбѣшили подавать на нихъ зовъ. Изъ разговоровъ съ ними мы узнали, что жители Браги болѣею частью получили надѣлы на бессарабскомъ берегу, куда

отправляются на полевые работы и откуда по несколько разъ въ день возятъ снопы домой, при чмъ каждый разъ принуждены платить за переправу. Такой налогъ долженъ тяжело ложиться на крестьянское хозяйство. Здѣсь кстати отмѣтимъ одну особенность въ сельскихъ промыслахъ. По всему Подолью до береговъ Днѣстра крестьяне сѣютъ главнымъ образомъ различные сорта зерноваго хлѣба, горохъ и чечевицу, при чмъ пшеница идетъ въ продажу, а жито, гречка и др. потребляются на мѣстѣ. Но начиная отъ Жванца, по всему Днѣстровскому побережью сбется преимуществомъ кукуруза, которая составляеть главную пищу мѣстныхъ крестьянъ. Исключение представляютъ большія помѣщички имѣнія, гдѣ разводятся различные сорта хлѣба; но все это закупается евреями и сплавляется на плотахъ и галерахъ въ Одессу, или потребляется на мѣстныхъ винокурняхъ.—Изъ кукурузной муки больше всего приготавливаютъ мамалыгу—особое молдаванско кушанье, которое служить главной и постоянной пищей какъ бессарабскаго, такъ и подольского крестьянина. Кромѣ мамалыги, изъ кукурузы приготавляется особый сортъ хлѣба, такъ называемый «молай», различныя лепешки и т. п. При каждой хатѣ находится одно или несколько помѣщений для склада кукурузы, сплетенныхъ изъ хвороста въ формѣ высокихъ цилиндрическихъ корзинъ (3—4 аршина вышиною), нѣсколько расширяющихся къ верху и закрывающихся остроконечной крышкой. Корзины эти очень удобно переносятся съ места на мѣсто; въ каждой помѣщается около 10 возовъ кукурузы. По словамъ крестьянъ, 10—15 возовъ достаточно на прокормленіе небольшой семьи въ теченіе цѣлаго года, таѣ какъ эта пища чрезвычайно сытная. Излишекъ зерна закупается евреями.

Хотя цѣлью нашей поѣздки было знакомство собственно съ Подольемъ, но разъ очутившись въ виду Хотина, нельзя было упустить случай осмотрѣть этотъ интересный бессарабскій городъ, первый, какой встрѣтился намъ на пути. Нужно замѣтить, что начиная отъ с. Атакъ (противъ Жванца), бессарабскій берегъ довольно быстро повышается, такъ что Хотинъ, отстоящий всего на разстояніи двухъ верстъ, расположеннъ уже на довольно высокой горѣ, которая возвышается сплошною стѣпью вдоль низменной и узкой береговой полосы.

Переправившись изъ Браги на другой берегъ, мы очутились у подножія старинной хотинской крѣпости, расположенной въ глубинѣ довольно значительного залива, какіе встречаются постоянно по причинѣ частыхъ извилинъ рѣки. Въ крѣпость ведеть узкая извилистая тропинка, круто поднимающаяся по скаламъ и вся покрытая густымъ слоемъ щебня, который осыпается изъ развалинъ. Цитадель стоитъ на крутой возвышенности, которая со всѣхъ почти сторонъ отрѣзана отъ города чрезвычайно глубокимъ оврагомъ, сдвали не достигающимъ уровня Днѣстра и, повидимому, прорытымъ искусственно. Крѣпость, выстроена на генуэзцами, которые имѣли здѣсь факторію, и вноскѣствіи захваченная и значительно усиленная турками, поражаетъ своею грандиозностью и необыкновенной прочностью постройки; до настоящаго времени сохранились почти цѣлкомъ всѣ наружныя стѣны и башни, только внутреннія жилыя постройки большою частью разрушены. Цитадель имѣеть видъ четырехъугольника съ круглыми башнями по угламъ, со множествомъ бойницъ и амбразуръ въ стѣнахъ; внутри двора—старый турецкій колодецъ, доходящій до уровня воды въ Днѣстрѣ, сохранившійся въ цѣлости и до настоящаго времени, хотя теперь имъ никто не пользуется,—множество погребовъ, подземныхъ ходовъ и другихъ построекъ, которыя лежать впустѣ. Съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны рѣки, крѣпость имѣеть весьма внушительный видъ,—кажется, что стѣны и башни въ этомъ мѣстѣ были въ свое время реставрированы турками; но трудно представить себѣ что либудь грандиознѣе противуположной части, которая выходитъ на оврагъ: громадная, выстроенная полукругомъ, стѣна спускается совершенно отвесно до самаго дна оврага, и на пѣсковѣ сажень превосходить свою высотою вышину сосѣдней горы. Стѣны сложены изъ желтаго кирпича необыкновенной прочности, съ украшеніями изъ краснаго кирпича въ видѣ полосъ вдоль всей стѣны до самаго верху; надъ главными вѣздными воротами на стѣнѣ выложенъ рельефный орнаментъ въ видѣ двухъ розетокъ, между которыми фигура иѣтуха, кажется, обращенная на востокъ. Толщина стѣнъ хотинской крѣпости превосходитъ всякое вѣроятіе: они достигаютъ въ своей нижней части отъ двухъ до трехъ сажень въ толщину, во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ устроены небольшія камеры и натайные ходы, углубляющіеся въ землю и совершиенно

темные, куда путешественникъ не рѣшается проникнуть. Въ настоящее время крѣпость совершенно заброшена и мало по малу разрушается временемъ и непогодой. Только изрѣдка посѣщаетъ ее заѣзжий туристъ и, преклоняясь передъ ея подавляющимъ величіемъ, удивляется той высокой культурѣ, которая могла создать и поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій такую неприступную твердыню.—Цитадель укрѣплена съ единственной доступной стороны, т. е. съ юга, рядомъ земляныхъ фортификацій, сквозь которыхъ ведеть въ городъ прекрасное шоссе, вымощенное еще турками. Среди валовъ уцѣлѣла часть мечети съ минаретомъ, служившая до недавнаго еще времени казармою; тутъ-же находится нѣсколько казармъ, складовъ и другихъ военныхъ построекъ николаевского времени, которая теперь тоже оставлены и уже приходятся въ полное разрушеніе, не смотря на свой недолгій вѣкъ, между тѣмъ какъ старая хотинская крѣпость простоитъ еще долгое время и будетъ поражать еще много поколѣй необыкновенной прочностью постройки.

Объ исторіи Хотина существуетъ цѣлая литература, такъ что о ней нужно сказать или слишкомъ много или ничего; поэтому я ограничусь только вѣшнимъ очеркомъ крѣпости и города.

Въ разстояніи около версты отъ крѣпости, на склонѣ горы начинается городъ, который тянется къ западу отъ Днѣстра по высокой равнинѣ. Сперва идетъ старый городъ, представляющій настоящій лабиринтъ кривыхъ, узкихъ и непроходимо грязныхъ улицъ, застроенныхъ болѣею частию еврейскими домами; въ каждомъ производится какая нибудь торговля или промыселъ. На главной улицѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые слѣды мостовой—остатки турецкаго шоссе, облегчавшаго сообщеніе между городомъ и крѣпостью или берегомъ Днѣстра. Вдоль улицы тянутся въ два ряда лавки, пицци, табачныя фабрики и т. п. Вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, при чемъ по вѣшнему виду лавки нельзя определить, какой здѣсь главный продуктъ,—спеціализаціи въ торговлѣ совсѣмъ нѣть. Въ небольшихъ лавкахъ или рундукахъ, гдѣ разѣпаны и нагромождены всевозможные товары болѣе низкаго достоинства (все лучшее и болѣе цѣнное прячется подъ притавкомъ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ при лавкѣ), торгаютъ одиѣ еврейки и налernerывъ другъ передъ другомъ зазываютъ всякаго, проходящаго по улицѣ. Евреи собираются группами на улицѣ и

возлѣ лавокъ, съ большимъ оживленіемъ толкуютъ о своихъ гешефтахъ, но не занимаются мелкой продажей.

Въ разныя стороны отъ главной улицы расходятся переулки, болѣе или менѣе правильные, также застроенные еврейскими домами, подъ часъ старинной архитектуры, со множествомъ пристроекъ, хлодовыхъ, погребовъ и т. д.; повидимому, это жилища болѣе зажиточныхъ купцовъ. Дальше, на склонахъ горъ, лѣпятся бѣлыя чистенькия хаты хотилскихъ мѣщанъ, окруженнага садами и огородами, въ которыхъ преобладающимъ растеніемъ является кукуруза. На одной изъ горъ, пониже крѣпости, выглядываетъ среди зелени красивая каменная церковь, но, повидимому, безъ всякихъ остатковъ старины.

Миновавъ старый городъ, начинается новый, все-таки европейскій городъ, который тягнется подъ гору и дальше на высокой несчастной равнинѣ. Широкая главная улица, вымощенная еще во время турецкаго господства и служащая течеръ главнымъ торговымъ центромъ, окаймлена съ двухъ сторонъ длинными кориусами каменныхъ лавокъ. Между ними весьма часто находятся выѣски, на которыхъ изображено крутымъ шрифтомъ: *Кондиторская* и внизу мелкимъ шрифтомъ добавлено: *съ продажей пироговъ и на выносъ*. Незнакомый съ мѣстной стилистикой пріѣзжій напрасно сталь-бы искать впутри этихъ заведеній чего нибудь напоминающаго кондитерскую; онъ найдетъ только бочку водки и другія принадлежности обыкновенного шинка.

Съ концемъ базара оканчивается еврейская часть города и начинается новый русскій городъ, отдѣляющійся отъ первого довольно обширной площадью. Посреди площади, вправо отъ главной улицы, возвышается очень красивое зданіе турецкой архитектуры, сложенное изъ разноцвѣтнаго узорчатаго кирпича. Одноэтажное квадратное зданіе, очень высокое, окружаетъ со всѣхъ сторонъ широкая, крытая галерея, состоящая изъ ряда арокъ; посреди дома возвышается изящная, ажурная башенка съ полумѣсяцемъ на верху. Въ пастоящее время это зданіе передѣльвается подъ лавки; памъ ничего не удалось узнать объ немъ отъ мѣстныхъ жителей, но кажется, судя по виду, что и въ турецкое время здѣсь долженъ былъ помѣщаться караванъ—сарай или какое нибудь общественное учрежденіе.

Въ концѣ площади начинается рядъ чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ плаблонной архитектуры, въ пять или семь оконъ, съ подъѣздами, палисадниками и т. д., однимъ словомъ тоже самое, что мы привыкли видѣть на главной улицѣ зауряднаго уѣзданаго городка. Здѣсь живутъ представители мѣстной администраціи и интеллигенції, здѣсь же помѣщаются всѣ правительственные учрежденія: полиція, острогъ, камера мирового судьи, уѣзданое училище и т. и., нѣсколько магазиновъ, два-три ресторана и настоящая кондитерская.

По другую сторону улицы тянется довольно обширный скверъ, очевидно недавно еще разведеній, по уже довольно тѣнистый, съ традиціонными аллеями изъ акацій, съ усыпанными желтымъ пескомъ дорожками, съ зелеными скамейками и эстрадой для музыки посреди сада. Возлѣ сквера находится другая православная церковь, новенъкая, чистенъкая; на дверяхъ красуется длинное печатное поученіе противъ пьянства; вѣроятно православные жители Хотина особенно отличаются этимъ качествомъ.

Дальнѣйшій осмотръ города не представлялъ ничего интереснаго; время шло къ вечеру и пора было думать о возвращеніи въ Іванецъ.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(*Оконочайе*¹⁾).

Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья болѣе значительные и известные были слѣдующіе: *съ правой стороны*: Цыбульникъ, Сухой Омельникъ, Большой Омельникъ, Самоткань, Домоткань, Сура, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Бѣлая, Червонная, Ребелинка, Тармань, Ненажора, Олешина, Тарасовка, Грушевка, Томаковка²⁾, Каменка, Лапинка, Подпольная (Пидпильна), Рѣчице, Чортомлыкъ³⁾, Шарай, Осетровка, Скарбная, Павлюкъ, Днѣприще, Сельчинъ, Шебалина, Днѣрище Чортомлыцкое, Базавлукъ, Березовка, Грушевка, Большая Тереневка, Сухая Тереневка⁴⁾, Осокоровка, Золотая, Переставка, Дурная⁵⁾, Сухая Наносковка⁶⁾, Мокрая Наносковка⁷⁾, Веренчина, Мѣловая, Гирлы, Коловоротъ, Вятлинскій-Перевалъ, Хресна, Каменка, Дримайловка⁸⁾, Косматій, Идеромля, Бурганка, Тягпинка, Малый Ингуль, Бѣлогорка и наконецъ Бугъ; *съ лѣвой стороны*: Орель⁹⁾, Протовчанка,

¹⁾ См. >Киевская Старина< 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

²⁾ Турецко-татарское слово >тумакъ<, по русски значитъ шапка.

³⁾ Vox hybrida, славянское слово съ турецкимъ окончаниемъ.

⁴⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁵⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁶⁾ Теперь Яреминская.

⁷⁾ Теперь Дудчанская.

⁸⁾ Теперь сухой оврагъ.

⁹⁾ Вытекая изъ харьковской губерніи, онаъ составляетъ границу между нею, полтавской и екатеринославской губерніями. Думаютъ, что название этой рекѣ

Самара, Осокоровка, Татарка, Мокрая и Сухая Каменка, Старуха, Вороная, Волчанка, Московка Сухая, Московка Мокрая (Великая), Рѣчице, Конка, Святая, Маячка, Бристана, Бабина, Аталакова, Татарка, Басанка, Царева, Бѣло-зѣрка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Чаплыга, Лопатиха, Русинова-балка, Сухая-Широкая Каиръ, Мечетная Каиръ, Западная Каиръ, Крутая Каиръ, Турецкая Каиръ и Веливела¹).

Изъ всѣхъ пазванныхъ притоковъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Базавлукъ, Подпольная, Малый Ингулецъ, Бугъ съ правой стороны, Самара и Конка съ лѣвой.

Базавлукъ, Базулукъ, Бузовлукъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Безовлукъ, извѣстенъ бытъ подъ именемъ Герроса еще отцу исторіи Геродоту. На турецкомъ языке Базавлукъ звучить »базар-лукъ«, что значить »торговля«²). Онъ начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи и, протекши 120 верстъ съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ рѣчку Скарбную изъ Подпольной, около Краснаго Кута, выселка Грушевки, херсонскаго уѣзда, въ ста сорока верстахъ выше самаго Херсона, служа границей между херсонской и екатеринославской губерніей. Сама »рѣчка Скарбная, принявши Базавлукъ, раздѣляется на два притока, изъ которыхъ одинъ называется р. Омельникою, другой — р. Колотовскою. Колотовская вскорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ Переваломъ, который перехватываетъ Омельнику и потомъ дѣлится опять на три притока, именуемые жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія Воды, родь болота или озера, весьма обширнаго, соединяются накопецъ съ Дибромъ посредствомъ многихъ гирлъ при деревнѣ Фирсовкѣ³).

Рѣчка *Подпольная* начиналась въ стариину противъ Микитина, теперешняго м. Никополя, екатеринославскаго уѣзда, на Орловомъ

дано узами или горками и произошло отъ одного кория со словомъ »Ураль«. Никифоровъ. Очерки александрийскаго уѣзда, херсонской губерніи, ч. I, стр. 23.

¹) Мышецкій. Ист. о каз. зап. Одесса, 1852, 59—73.—Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 г., стр. 23.

²) Знаніемъ этого и другихъ словъ мы обязаны профессору харьковскаго университета В. И. Шерцилю.

³) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Записки одесского общества исторіи и древностей, I, 54.

лугу, съ правой стороны, и получила свое название, по однимъ,— потому что проходила подъ полями, а по другимъ,—потому что своимъ течениемъ подрѣзывала или поднимала свои берега. Она замѣчательна тѣмъ, что нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то отдѣляется отъ него, при чёмъ въ разныхъ мѣстахъ носить и разныя названія. »Подпольная у г. Берислава принимаетъ название р. Касмахи, и отъ деревни Казацкой—рѣки Казацкой, гдѣ уже течь значительнымъ рукавомъ болѣе 100 сажель шириной, и вливается въ Днѣпръ у д. Ольговки (Дядьковки) подъ названіемъ рѣки Конки. Съ приближенiemъ къ рѣкѣ Игульцу, снова отдѣляется рукавъ вдоль праваго берега, подъ названіемъ Игульца, и снова вливается въ Днѣпръ, а отъ Херсона, ошть отдѣлившись, называется р. Кошевою. Къ сѣверу отъ Днѣпра, возлѣ самыхъ устьевъ, течетъ Прогной, называющійся ошть р. Подпольцой¹). Кромѣ этого рѣка Подпольная замѣчательна еще тѣмъ, что на ней была послѣдняя по счету, въ предѣлахъ русскаго государства, Запорожская Сѣчь, называемая Новою Сѣчию, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ и существовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда. Сѣчь находилась на большомъ полуостровѣ, заключенномъ между лѣвымъ берегомъ р. Базавлука и правымъ р. Днѣпра вмѣстѣ съ отдѣлившимся отъ него рѣчкою Подпольною, что подало поводъ Э. Лассотѣ сказать о Новой Сѣчи, что она расположена па островѣ Базавлукѣ²). Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ остались укрѣпленія; нѣсколько намогильныхъ крестовъ, между прочимъ крестъ надъ могилою кошеваго атамана Стефана Гладкаго, умершаго въ 1747 г., какъ гласитъ надпись; иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви, хранящійся на хорахъ теперешней церкви, болѣе двадцати церковныхъ книгъ, нѣсколько иконъ съ интересными подписями, тамъ-же, четыре сволока, оставшихся отъ запорожскихъ хатъ съ характерными надписями и даже цѣлая хата, построенная въ 1747 году, августа 13-го и находящаяся во дворѣ крестьянина Митрофана Чернаго или, по уличному, Шапуши.

Рѣка Игульцъ, или по Книгѣ Большаго Чертежа Ангuleцъ, также известна была уже Геродоту, подъ именемъ р. Гипакириса; на ту-

¹) Шмидтъ. Материалы для исторіи и статистики. Спб., ч. I, стр. 177.

²) Путевые Записки Э. Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

рецкомъ языке Ингуль или Ингулецъ звучить »іен-кул«, что значить »обширное озеро«. Она береть свое начало въ такъ называемой Висунской степи, херсонской губерніи, александрийского уѣзда, въ 7½ верстахъ отъ с. Елисаветградки, и впадаетъ въ двадцати верстахъ выше г. Херсона, при селеніи Даріевкѣ; всего теченія Ингульца, по прямому направлешю, 217½ верстъ, а стѣдуя по извилинамъ—523 версты.

Рѣка Бугъ, известная Геродоту подъ именемъ Гипаниса. Впрочемъ, есть мнѣніе, что у Геродота Днѣпъръ и Бугъ считались за одну рѣку и назывались однимъ общимъ именемъ Борисоена: »нынѣшний Бугъ для Геродота быть ни что иное, какъ самый Борисоенъ... Днѣпъръ и Бугъ считались имъ (Геродотомъ) за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисоенеса. Впрочемъ главнымъ, настоящимъ Борисоенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него (Геродота) нынѣшний Днѣпъръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Почему же Геродотъ, исчисляя Ингуль, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по крайней мѣрѣ съ той точки, где онъ и въ его время былъ уже отдельною, самобытною рѣкою, то есть съ соединеніемъ его съ Чичиклесей? Причина тому безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичиклеси запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьяѣ, какъ и самъ Днѣпъръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть, по причинѣ пороговъ, доступенъ судоходству съ моря (прос. плѣтѣсъ ѧкѣ ѹалѣсскѣ), а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать¹⁾ Бугъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Бокъ, по козацки и польски Богъ или Бокъ, по турецки Ак-су—»блѣла вода«, выходить изъ болотъ южной части волынской губерніи, па Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, старо-константиновскаго уѣзда; протекаетъ черезъ волынскую, подольскую и херсонскую губерніи, съ юга на юго-востокъ, да протяженіе 716 верстъ, заключая во всей своей рѣчной области 1,034 кв. миль и впадая въ Днѣпъръ бугскимъ лиманомъ. Запорожцамъ принадлежала Бугъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него р. Синюхи, съ южной стороны, при теперешнемъ г. Ольвіонополѣ, и до самаго

¹⁾ Надеждина. Геродотова Склоія. Зап. одес. общ. ист. и дрѣв., I. стр. 41, 44, 55.

устья, что составляетъ 180 верстъ, по прямому направлению. Отличительное свойство этой части Буга то, что дно его уже въ началѣ, отъ Ольвіополя до сл. Александровки, бобричецкаго уѣзда, херсонской губерніи, на 15 верстъ выше г. Вознесенска, загромождено каменными глыбами, на пространствѣ 70—80 верстъ, называемыми здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, порогами и одинакового съ днѣпровскими-же происхожденія. Они начинаются еще у Брацлава, подольской губерніи, но тамъ они не такъ скучены да и самое число ихъ не велико; здѣсь-же отъ Ольвіополя до Александровска они составляютъ большую помѣху для судоходства по Бугу: число этихъ пороговъ насчитываютъ до восемнадцати; замѣчательнѣе изъ нихъ: мигійскіе, числомъ два, при с. Мигіѣ, одинъ въ 350 с. длины, а другой въ 500; богдановскій, противъ дер. Богдановки, въ 600 с. длины; константиновскій, противъ с. Константиновки, въ 400 саж. длины; проточинскій, 80 с. длины, и Александровскій, противъ с. Александровки. »Русло Буга, прорѣзавшись въ каменистой гранитной грядѣ, отрогъ Карпатскихъ горъ, сквозь скалистые обрывы, сжимающіе его берега, пересекается въ самомъ русль своемъ множествомъ отдѣльныхъ гранитныхъ массъ и булыгъ, мѣстами высовывающихся надъ поверхностью воды на двѣ сажени, въ видѣ цѣльыхъ острововъ, покрытыхъ иногда деревьями и живописно разбросанными садами, что, вмѣстѣ съ окружающей мѣстностью, также довольно живописною, составляетъ превосходную и рѣдкую въ херсонской губерніи картину. Эти гранитные острова и подводные камни составляютъ только верхнюю надводную часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою и которые образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ¹⁾). Ниже села Александровки гранитные берега Буга смѣняются известковыми утесами, а потомъ мало-по-малу превращаются въ широкіе луга, таль до г. Вознесенска; отсюда до впаденія р. Чичиклен въ Бугъ, неподалеку отъ гор. Аяньева, переходятъ въ низменную толпу; еще ниже отъ впаденія р. Ингула, выше гор. Николаева, въ песчано-глиноватую низменность, по которой Бугъ и изливается въ Днѣпръ своимъ лима-

¹⁾ Шмидтъ. Материалы для географіи и статистики. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 190.

номъ, имѣющимъ 46 верстъ длины и отъ 800 сажень до 7 верстъ ширины.

Самара, или въ географіи южной Россіи 1698 года Малая Самара, у казанскихъ татаръ Сакмаръ, въ книгѣ Большаго Чертежа Самаръ, у запорожскихъ казаковъ Самарь. Имя »Самарь, Самара, Самарчукъ« распространено у разныхъ народовъ древнаго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ имеемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, Самарію, Іудею и Перею. По сказанію житій »Сорока двухъ мучениковъ, Шавла Аоонскаго« и другихъ, былъ г. Самара, на рѣкѣ Ефратѣ, принадлежавшій сарацинамъ: въ Сибири былъ остыцкій князь по имени Самара, извѣстный своимъ неудачнымъ сраженіемъ съ русскимъ покорителемъ Сибири, Ермакомъ Тимофеевымъ; на горѣ Аоонѣ есть и теперь утесъ Самары; за Волгой есть гор. Самара, на рѣкѣ Самарѣ-же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ¹⁾; наконецъ слово »Самара« встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово²⁾, но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго языка, на которомъ »самара« значитъ »круглое озеро«. »У рекъ-соланъ, автовъ и запорожскихъ козаковъ Самара, кроме собственного названія именовалась еще »священною или святою рѣкой«. Самара вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскіе Пруды; длина ея въ запорожскихъ предѣлахъ простиралась до 200 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 100 сажень и болѣе. Самара замѣчательна въ исторіи запорожскаго козачества тѣмъ, что на ней у запорожцевъ былъ монастырь, въ томъ именно мѣстѣ рѣки, гдѣ она раздѣляется на два рукава, собственно Самару и Самарчукъ, въ двухъ верстахъ выше теперешняго г. Ново-Московска, запорожской Новоселицы.

¹⁾ Надхинъ. Память о Запорожїѣ. Москва, 1877, стр. 46 и 47.

²⁾ Авторъ »Историч. обозр. церквей скатернославской спарзії« произвелъ »Самару« отъ сарматовъ или сауроматовъ: »Сарматы построили себѣ гору Савулмару, въ просторѣ чѣмъ называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того-же имени (арх Sauromatis, valgo vocatur Samaris cum ejus modum nominis flumi-
це). Стр. 12.

Рѣка Конка, Конскія воды или по татарски Эльки-су, береть начало въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ десяти верстахъ отъ с. Конскихъ-Раздоръ и течеть на протяженіи 180 верстъ. Она замѣчательна тѣмъ, что семь разъ соединяется съ Днѣпромъ и столько-же разъ отдѣляется отъ него. Такъ, взявши изъ-подъ Конскихъ-Раздоръ, Конка имѣеть сначала съверо-западное, прямо встрѣчное Днѣпру направлѣніе. »Но по мѣрѣ приближенія къ г. Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она вслѣдъ за нимъ поворачивается туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это слияніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится; имѣя близь селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки и подъ г. Алешками. Невозвратно исчезаетъ она уже въ Днѣпрѣ возлѣ Лимана, при такъ называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго, или лучше, перепутанаго теченія доказывается не столько тождествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которая, при всѣхъ елявіяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, по отличаются отъ него особою синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно-днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской наибольшую часть острововъ и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплющенаго лѣса«¹⁾.

Кромѣ Днѣпра и его притоковъ, можно указать еще многія другія рѣки въ запорожскихъ предѣлахъ. Такъ на съверо-западномъ его склонѣ находятся Кильченъ²⁾), впадающая въ Протовчанку, Союзная, впадающая въ Базавлукъ, подъ селомъ Шо-

¹⁾) Андреевскій. Путев. зап. при обѣзѣдѣ днѣпров. и мелит. у. Л. О. С. X. Ю. Р. 1838 г., № 5, 294.

²⁾) Кильченъ по турецки «Кызылджъ» — сабля, мечъ.

лоховыми екатеринославского уѣзда, *Саксагань*¹⁾ и *Висунь*, впадающая въ Ингулецъ²⁾), *Добрая*, впадающая въ Висунь, *Ингуль*, у Геродота Цантикастес³⁾), впадающей въ Бугъ, *Гнилой Еланецъ*⁴⁾, *Мертвые Воды* и *Корабельная*, впадающая въ Бугъ, *Синюха*, впадающая въ Бугъ и отдѣлявшая на западъ запорожскія границы отъ границъ брацлавскаго воеводства, и наконецъ *Черный Ташлыкъ* изливающійся въ Синюху и *Каменка*—въ Ингуль; на юго-восточномъ склонѣ: *Верхняя Терса*, впадающая въ Волчью, выше сл. Николаевки, александровскаго уѣзда⁵⁾), *Нижняя Терса* впадающая въ Волчью, *Средняя* или *Степная Терса*, впадающая въ Нижнюю Терсу, подъ с. Берберовкой, александровскаго уѣзда, *Ганчуй*, впадающій въ Волчью подъ деревней Богодаромъ⁶⁾), *Яичуя*, впадающій въ Ганчулъ⁷⁾), *Волынь*, впадающая въ Самару⁸⁾), *Торецъ*, впадающій въ съверный Донецъ, *Березняковатая*—въ Калміусъ, *Калміусъ*⁹⁾, впадающій въ Азовское море и служившій у запорожцевъ пограничной рѣкою съ востока, отъ Славяно-Сербіи и Земли войска донскаго, *Кальчикъ*¹⁰⁾, впадающій въ Калміусъ, *Берда*, впадающая въ Азовское море¹¹⁾), *Яничкракъ* и *Карачикракъ*, впадающія въ Конку¹²⁾), *Жеребецъ*, впадающій въ Конку и отдѣлявшій

¹⁾ Саксагань, по турецки «сыксыкъ», легкій, быстрый.

²⁾ Всего теченія Висуни 97 верстъ.

³⁾ По турецки «іен-куль»—обширное озеро; находится между Бугомъ и Днѣстровъмъ; береть начало въ херсонской губерпіи, елисаветградскаго уѣзда, вблизи любомирскаго лѣса, возлѣ деревни Бровковскаго; длина рѣки—190 верстъ, ширина отъ 5 до 90 саженей; впадаетъ въ Бугъ возлѣ г. Николаева.

⁴⁾ По турецки «алычъ»—лужайка, полява.

⁵⁾ По турецки «тересь»—соръ, навозъ.

⁶⁾ Въ имя піи землемѣлѣльца О. И. Михеева.

⁷⁾ По турецки Ганчулъ и Яичулъ звучать однаково: «іен-чол», обширное пространство, степь.

⁸⁾ Волчья береть начало въ баумутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерпіи, не вдалекѣ отъ села Покровскаго; длина 220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 саженей, глубина отъ 1 до 6 футовъ.

⁹⁾ Береть начало изъ высотъ баумутскаго уѣзда, впадасть въ Азовское море, близъ г. Мариуполя; длина 150 верстъ, ширина до 30 саженей, глубина отъ 6 футовъ до 3½ саженей.

¹⁰⁾ Кальчикъ, Калка, по турецки «калказ»—щѣтъ, щѣсть.

¹¹⁾ Длина 100 верстъ, ширина отъ 6 до 20 саженей.

¹²⁾ Карачикракъ, название турецкое: кара—черный, чикракъ название птицы; Яничкракъ звучать Новый Чикракъ.

земли запорожскія отъ земель джедишиульской и джамбуйлуцкой ордъ.

Такова гидрографія запорожскаго края. Къ этому нужно прибавить нѣсколько словъ объ озерахъ и болотахъ.

Озеръ въ запорожскихъ владѣніяхъ, болѣе значительныхъ, считалось до пятисотъ, изъ нихъ до двухъ сотъ находилось въ теперешней екатеринославской губерніи и до трехъ сотъ въ теперешней херсонской губерніи. Болѣе замѣтательны изъ озеръ слѣдующія: Соломчино, Осокорово, Прогнай, Головковское, Лахново, Ровное, Священное, Сотниковое, Жаданово, Домаха, Тарасово, Васюрчино, Темерницкое, Федьковское, Федорово, Золотянское, Шатное, Царевское и др.

Изъ болотъ въ предѣлахъ запорожскихъ болѣе замѣтительны слѣдующія: болота днѣпровскія, по нѣкоторымъ доливамъ и балкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, особенно съ правой стороны; орельскія болота, въ разныхъ мѣстахъ праваго берега р. Орели; самарскія болота, по обоимъ берегамъ р. Самары, особенно на среднемъ и нижнемъ теченіи ея; донскія на низменной мѣстности р. Дона, прилегавшей къ запорожскимъ владѣніямъ; калмускія, при устьѣ р. Калмуса; наконецъ можно указать еще на болота по долинамъ рр. Базавлука, Ингульца, Ингула, Буга, по верховьямъ Интула, Ингульца и другихъ рѣчекъ, въ нихъ или въ Днѣпръ вливавшихся.

Послѣ всего сказанаго о Днѣпры, легко повѣрить тѣмъ историкамъ и путешественникамъ, которые говорятъ объ удивительномъ плодородіи долины Днѣпра и смежныхъ съ ней окрестностей. Уже Геродотъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: >Земля (скиѳовъ) вся изъ плоскихъ равнинъ; она изобилуетъ травою и водами; рѣкъ, протекающихъ по ней не меныше числомъ, какъ въ Египтѣ калаловъ... Рѣка Борисеенъ (Днѣпры), по нашему мнѣнію, вайбольшая и изобильнейшая. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него рождается превосходный хлѣбъ, а тамъ, где земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль въ чрезвычайномъ изобилиї садится сама собой<¹⁾> Рѣка эта (Борисеенъ), замѣчаетъ другой писатель древняго міра, полезнѣе всѣхъ прочихъ по изобилию и величинѣ рыбъ, по количеству зем-

¹⁾ Геродота Галикарнасскаго бытосказаний книга четв., страница 53.

ныхъ плодовъ, которые она доставляєть, и по пастбищамъ для скот-скаго корма¹). »Въ 1581 году... мы осмотрѣли значительную часть этой земли (при-днѣпровскихъ степей) и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣть возможностиѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движе-нию. Въ лѣсахъ и па деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растеть въ изобилии, само по себѣ, особое растеніе на подобіе вин-ныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ²)«. »Въ го-родѣ Екатеринославѣ и во всемъ уѣздѣ онаго воздухъ благорас-творенный, вода въ рѣкахъ и устроенныхъ колодцахъ сладка и здо-рова; земля плодоносна, но не совсѣмъ еще обработана. Сельские жители упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ; въ рѣкахъ и озерахъ рыбы довольно, а особливо весной па Днѣпрѣ, въ по-рогахъ ловятся осетры, стерляди и сазаны, въ немаломъ количествѣ. Лѣсовъ по рѣбѣ Самарѣ и другихъ мѣстахъ небольшими бураками и кустарниками имѣется, но нынѣ разсадкою и посѣвомъ въ раз-веденіи по селеніямъ довольно успѣхи видны³). «Обширное про-странство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которая прежде бывши запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлыва-ется; помѣщики, взявши дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оные приг҃жно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ доволь-нымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производить всякаго рода хлѣбъ, рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ огородныхъ овоцей: арбузы отмѣнно сладкие и великие, красныя и блѣдныя дѣни, разные огурцы, земляные яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лоша-дильные, рогатаго скота и овечи заводы суть главнѣйшимъ предме-томъ, за житочнѣйшимъ, къ получению изряднаго прибытка. Ското-

¹) Скляна Хіосского отрывки. Зап. одесск. общ. истор. и древн., т. III, стр. 137.

²) Записки Миллера, пѣдан. въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одесск. общества истор. и древн., I, 604.

³) Описаніе городовъ и уѣзд. азовской губерніи. Зап. одесск. общ. ист. и древн. III, 290—291.

водство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ съживать пастыбъ... въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служаща; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. »Дикия птицы« въ большомъ количествѣ¹⁾.

»По вашій сторони скризь були таки трѣзыни, шо зъ нихъ було й не вилизеній. Стари люди розказують, шо тутъ було якъ пидешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же скидай съ себе штаны, а то якъ хлющи будуть; а скинувъ штаны, пидбираї ще й сорочку, а то й ця зопріе. Отъ шо було! А шо цѣгдѣ звиру, птици, такъ звисно, видимо й невидимо: такъ по степу й ходять. Отъ тутъ у Наковальни—слобидка тава—бувъ одинъ дилъ, призвищемъ Залізнякъ; єму було, якъ винъ умеръ, годъ сто двадцять,—не брешу. Такъ той Залізнякъ було розказує про те, шо воно тутъ у старовицу робилось. Прихали, каже, мы съ своею паневою у ци мисця, де теперъ Наковальня—вони, бачъ, одійшли ій по наслідству—ну й прыхали; дивимось, ажъ тутъ ни хатини, ни куреня нема. Шо тутъ казати? А шо? рубай очереть та копай дернину, каже мени паня. Нарубавъ я очерету, накопавъ дернину; поставивъ той очереть, обсыпавъ землю,—оце, бачъ, хижка й е; шо жъ теперъ йсти? Та йсти, шо хочъ: е й птиця, е й звиръ степовой. Шо птиця? шо тамъ звиръ? Ти поїдь та піймай мени дике порося, каже мени паня. Ну, шо жъ порося й порося! Сидаю я на коня, беру малахай (длинный кнутъ) та й йду до рички, де бували бирла (логовища) дикихъ свиней. Та то прыиду та й жду, ажъ поки свини пидуть пастись у степъ, а поросята зосталутца сами; выдивлюсь було, та заразъ туды; ухоплю порося та павтикача; та все бижу, та все бижу, шо есть духу, а воно кричить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почуютъ гаспидови свини, такъ бижать за мною ажъ до куриня, та якъ бы ис малахай, то й розирвали бы: такъ и лизутъ, такъ и лизутъ пидъ ноги коневи. Отъ шо було,кажуть, у старовину. Совсімъ не такъ якъ теперъ. Отъ хочъ бы и

) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 302.

урожай: хиба такий винъ бувъ, каже Зализякъ, якъ теперъ? У нашої пани, каже, було симейства симъ чоловика, а вона бильшъ двадцяти сажень николи було не сіала пішеници; оце було заволоче прямо проти куриня, посіє та й жде. Якъ уроде було, такъ стебла того й невидко: одинъ колось наче, та товстый такій якъ веретено. Отъ таки-то були хлиба, а травы такъ ще лучче. За травою і землі не видко було: якъ рядно, або кожухъ лежить поверхъ землі. Тоді, бачъ, мало хто косивъ іи, такъ вона піднимется, та вп'ять і пада,— видъ того і лежить якъ рядно. А вышина! хиба така була якъ теперъ?! Чоловика верхи на коні не видко було! Отъ яки травы були¹⁾). »Тоді травы тен було, шо й не пролизешъ. Тирса, комышъ, бурунчукъ, оромокъ, коваль—якъ дерева стоять. Якъ загонишъ було у траву овець, такъ ихъ і не видко; уже хиба у вечери уздришъ, якъ понайдятся та сами повыходять ізъ травы, тоді тилько і вздрішъ; та якъ понабєтся було вивцямъ теєї тирсы, такъ днівъ два або три оббираєшъ. Травы дуже високи були; теперъ такихъ і не вбачишъ, скілько не байдь і пе ходи. И деревá велики були; була тутъ груша, берестъ, вишня, дуля, а тернина така товста, шо ізъ лен робили осі па брички; туполи були: стоять було стина стиною та ривненки якъ стрілочки; плавни таки, шо й не продержешъся по-нижъ чими; тамъ велика лоза росла; заблудишъ було, якъ припизнися, або задивишъся. Тоді урожай на все були: сіяли тропки, а родило багато²⁾). »Трава така була якъ листъ; та все пирії, а пе то що щириця, або лобода. Теперъ такихъ травъ і близько нема, а тоді, Боже правый, скілько ихъ було! Бачъ, зімни тоді тепли були,—це вже теперъ до насъ кацаны понайосили холода, а тоді зимы теєї це дуже чутно було, такъ того вона і трава велика росла. Вона оце піднимется, виросте та вп'ять і пада на землю,—такъ і лежить якъ той войлокъ; ніхто іи, бачъ, тоді не косивъ: сама соби росте сама й пада, видъ тогого і звалась вона пёжиръ-трава; якъ весна, то іи заразъ палють було, щобъ да-

¹⁾ Рассказъ, записанный мной отъ крестьянина Александровского уѣзда Екатеринославской губерніи, Евдокима Косяка.

²⁾ Записано мной отъ крестьянина-старика Ф. С. Заброды, села Чернышевки, Екатеринославского уѣзда.

вала съ-пидъ себе молоду траву; та якъ запалють, такъ вона горить недиль два, або й три. Дуже багато було ін¹).

Всего вдоволь было у запорожцевъ:

Вдоволь было у пихъ и лѣсу дремучаго,
И звѣрь прыскучаго,
И птицы летучія,
И рыбы пловучія;
Вдоволь у пихъ и травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку.

»Обильнѣе всѣхъ рыбью Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною. Многія озера столь обильны рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гненіемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Сіи мѣста называются Замоканъ (т. е. Самотканъ)... Выше Замокана протекасть рѣчка Домотканъ, въ которой видится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною... Самара весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едвали какое-либо мѣсто можетъ сравняться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кайдакѣ. Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть, за счастливое богатство ея²). Пользуясь всѣми выгодами прекраснаго климата, напоенная животворною влагою, защищенная густымъ дубовымъ лѣсомъ, самарская область носила название у запорожцевъ святой Палестины, рая Божіаго на землѣ. Городокъ Самарь, со всѣмъ его окружомъ, по естественнымъ своимъ произведеніямъ, всегда былъ всѣмъ богатъ, плодороденъ и обиленъ; рыбы и дичи, меду и воску, всякаго рода хлѣба и строеваго лѣса, всего было въ немъ много и изобильно: »се була земля добре гарпая, кветнучая и изобилуюочая«,— такъ всегда и вездѣ до 1770 годовъ выражались казаки-запорожцы о Самарѣ и о Самарской паланкѣ³«. Не меньшимъ богатствомъ,

¹) Разскaзъ, записанный мной отъ стольнаго старика села Чернышевки, екатеринопольского уѣзда, И. И. Россолоды.

²) Бопланъ. Описаніе України. Спб., 1832 г., стр. 16—19.

³) Осадосій. Сам. пуст.-никол. мон., скатер. губ., 1873 г., 4 и 5.

въ отношеніи рыбы отличался и самый Днѣпръ. »Рыбныя ловли у запорожцевъ были чрезвычайныя въ Днѣпрѣ, по озерамъ, особенно въ Тилигуль, на Кинбурнской косѣ и на Тендерѣ; здѣсь такое множество было у нихъ лова, что не только вся Украина запорожская ею обогащалась, но и вся Цолыша, гетманщина и прочие окольные жители ею пользовались¹⁾«. Количество рыбы, ловимой въ Днѣпрѣ, было такъ велико, что запорожцы и потребляли ее сами, и продавали другимъ, употребляя полученные деньги на покупку оружія и платья:

Дніпровий, Дniстровый, обидва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Изъ рыбъ, которыхъ запорожцы ловили въ Днѣпрѣ, его притокахъ и озерахъ, были: осетры, сомы, севрюги, сазаны, лини, стерлядь, щука, тарань, подлещики, лещи (чабаки), семга, окунь, плотва, судаки (сула), язи, сельди, чилики, ерши, маренна, сабля, бѣлуга, длиною иногда до трехъ сажень, шириною до сажня²⁾.

Еще больше того было звѣрей и птицъ: »Въ великому лугу были страшныя гуши, озера, лиманы, окваченные камышами, ситнагомъ; тамъ, по нетрямъ и драговинамъ, звѣри кишѣли³⁾«. »Ну й звиру же тутъ плодилось: дики козы, кабаны, вовки, лисицы—такъ по плавнямъ и шныряютъ, гладки таки та дики! Свиню было якъ побачишъ диву, такъ скорійшъ лизъ на дерево, а то заразъ хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре.... За тежъ и гадючча тутъ було; зъ гадюкою такъ и пьешъ, и ѿси и спишъ: пидлизе було пидъ человека, звернетца въ клубокъ та й спить зъ нимъ: бачъ, хомодно ій проклятій самій. Чорни гадюки, ци не страшни, а жовтобрюхи, такъ видъ тихъ Боже храни! Страшни скажени: сажень по два, по три довжини; такъ и кошать, та свистять якъ чабанъ на вивци. Ця дуже страшна гадюка: якъ укусе, то ото вже й смерть,—ей же Богу. Оде було якъ косити

¹⁾ Устн. повѣствов. Никиты Коржа, стр. 39.

²⁾ Мышецкій. Ист.. о каз. запор. Одесса, 1852 г., стр. 77. Бопланъ. Описаніе Украины. Саб. 1832 г., стр. 17 и 19. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. III, стр. 302.

³⁾ Устн. повѣств. Ник. Коржа, изд. Стороженка, стр. 151.

траву на острови (Томаковкѣ), то перше всѣго косари беруть коляки та выбивають жохтобрюхівъ, а тоди вже берутця за косы. Отъ що було! А птицы? ін було, такъ у-ю-ю! Тоди стрильтцівъ цихъ, сказать вамъ, мало було,—де вже теперъ стало такъ, що ки нешъ палицю на собаку, а въ стрильтця попадешъ, а тоди ихъ не густо було; видъ того и птици плодилось багато. У сорокъ п'ятому годі (въ 1845) була тутъ велика вода, скривъ позатопляло, тилько що остривъ и бувъ сухий, такъ сюди птици всякої якъ поналилово,—такъ сказать вамъ,—и гилля не видко було на деревахъ: самий компяхъ висе¹⁾). »По озерамъ та по степамъ—риби, звиру, птици видимо й невидимо. Плодились вовки, лисици, зайци, свини—и по плавнямъ и по скелямъ; риба та сердечна такъ ажъ затхистця, а раківъ штанами ловили. А що птици? Стрепеты, огари²⁾, лебеди, такъ и ходять. Травы таки, що ажъ по груди хватають, а то ѹе й бильщ; а роса по трави, якъ вода; якъ хочешь ити по степу, то першъ усого скинь штаны, а то й не дотягнешь, якъ намокнуть. Грушля, калини, винограду дикого—не пролизешъ. Ничюю страшно було й ходити³⁾). »Тутъ були всяки дерева: окація, вильха, калина, бруслина, береза, дубъ, а звирно такъ, що й скотыни не можно було пройти; зъ вивцями такъ не опизнайсь. Дики козы, кабани, барсуки, виднихи такъ и бигают по степу, особливо виднихи. Це дорогій звирь; винъ скидається на лисицю, тилько що живе въ воді; перстъ на нему така, що ажъ лощитця, а якъ погладишъ, такъ наче-бъ то іскри сыплються. По пашому це виднихи, а по руському віддра. Птици страсть Божа: гусей дикихъ выдирали изъ гніздъ сотнями, а качокъ, такъ, Господи спаси, скілько: воловкомъ ловили. Теперъ того нема: людно стало. Всёго було вдовиль: и звира, и риби, и трави. Комыши таки були, що й не проберешся за ними, а калданивъ, буркунівъ, такъ, Боже мій, скілько!⁴⁾). »У запорожцівъ велике було привилля, теперъ такого

¹⁾ Рассказъ, записанный мною отъ старика Ф. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославского уѣзда.

²⁾ Огарь—большая ржеватая утка, величинаю почти съ гусем; научное название ея: *anas rutila*.

³⁾ Записано мною отъ старика С. Герасименка, деревни Блажковки, керсонскаго уѣзда.

⁴⁾ Рассказъ, записанный мною отъ старика Ф. А. Горбатенка, г. Алешекъ, таврической губерніи.

вема. Бжолы тіи, такъ батечки мои! Тоди усяки цвity цвили, травы велики були, бо цієи погани—ховрашки та гусенщи, що теперъ плюдитця, тоди не чути було; такъ древа, травы, звірья и не пройдешъ. Медъ и по пасикамъ, и по землянкамъ, такъ и стоять у лицюникахъ: скілько хочешь, стильно й бери; а звиру ще бильша сила: вовківъ, лисиць, чокалківъ (той же вовкъ, тилько злійший надъ вовка), такъ цила біда; дики кони цілыми табунами ходили... Було й птици вдовиль: качокъ, лебедивъ, охитви¹), дрох-ививъ,—такъ хо-хо-хо! Стрепетивъ сильцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ лиднимуть крикъ, такъ батько виско-чуть изъ землянки та давай стриляти ихъ изъ пистоля, щобъ по-розгонить... За тежъ и кони водились тутъ, вивця, такъ па диво; та все воно по воли й паслось, хиба тилько коло отаръ и були ча-баньци...²».

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ видѣть, на сколько плодородна и богата была земля запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, уже на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотень десятинъ, можно было найти и дикий чай, и шалфей, и ковыль, и цикорій, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣнку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнъ, и ромашку и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весеннаго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитія, а при обильныхъ дождяхъ и подъ вліянемъ западныхъ и южныхъ вѣт-ровъ, земля запорожскихъ козаковъ съ успѣхомъ производила и вся-каго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Вибѣстъ съ появлениемъ растительности, появлялись и жи-вотныя, прилетали и птицы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикия козы, кабаны, барсуки, выдры³), сугаки, волки, лисицы, зайцы, медведи, лапи, байбаки, лоси, дикия кошки, буйволы; были также

¹) Охитва, хохитва, стрепеть, свистокриль, трясучка, степная кура—разныя назвали для однай и той-же птицы изъ породы дрохвы (*otis tetraх*). См. Даль. Голиков. словарь, Москва, 1866 г., ч IV, стр. 514 и 309.

²) Рассказъ, записанный мною отъ стольстваго старика Россоловы, жителя села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

³) Иначе видуха, каборга; изъ кожи каборгл запорожцы видѣливали себѣ шапки.

дикія лошади. »Онѣ ходили, говоритьъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли нась браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу¹⁾«. »Тутъ водились дики кони. Ще й я та й то зазнаю ихъ: вони на масть мишасти, невелички, та гладки, та крипки таки. Мій батько таки ловивъ ихъ, такъ що-жъ? Вони або повинкаютъ, або подохнутъ: не можуть, бачъ, жити у неволи; по стечу имъ бигати, такъ це такъ. Още було ѹде чоловикъ кобылою по шляху, а дики кони пасутся у бальци. Отъ жеребець заразъ вискоче на могилу та й плюха, чи кобылою, чи конемъ ѹде той чоловикъ. Якъ почує, лю кобыла, заразъ-же й біжить до неї. Тоди вже, що тамъ чоловикъ той не роби и якъ не одбороňайся, а жеребець одибье кобилу. Видъ того по шляху багацько було візьмети колисть, обиддя, оглобель та драбинъ зъ возивъ: то все дики жеребці ламають у произжаючихъ людей возы, якъ одбивають кобиль²⁾«. Такъ богато було Запорожье разными животными. Не менше того оно бѣгато було и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикие гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы—чицы, цапли, журавли, аисты, ластреба, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, колпицы, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпрровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарского побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастваща для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту »Цалестину«, тотъ »обѣтованный рай«, который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго козака; это Самарь и цо-Самарье съ ея священнымъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ:

Славно жъ ти на кошу:
Я земли не пашу,

¹⁾ Бопланъ. Описаніе Украины, 1832, Спб., стр. 93. Также Афанасьевъ-Чубинский. Нофзака въ Южн. Россіи, т. I, стр. 379.

²⁾ Рассказъ, записанный мною отъ крестьянина Евсевія Головурнаго, деревни Богодара, александровскаго уѣзда, скатеринско-славской губерніи.

Я травы не кошу,
 А парчу все ношу,
 Сыплю золотомъ...
 На войнѣ не тужу,
 А на смерть колочу,
 Безъ войны я кучу,
 Да кучу, какъ хочу,
 Въ свою голову!..

Но тоже Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. »Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему, она оставалась »дикими полями«, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сѣднихъ пародовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчею, удаленные отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбой и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастибы скота. Удаляться за пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишениямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Что-бы войско могло стоять въ этой пустыни кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переходами и опасностями, и потому козаки вили рыбу, натирая ее древеспою золою вместо соли... Козакъ сиромаха—было давнишнее народною логоворкою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда — эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украинѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козакъ, душа нравдива,
 Сорочки не має, и т. д. ¹⁾».

Характеромъ безплодія отличалось по преимуществу такъ называемое »Дикое поле«, теперь »Чисто-поле, Чусто-поле«. Хотя у

¹⁾ Булинъ. Подольск. календ. юго-западной Руси, Вѣст. Евр., 1874 года, т. IV, стр. 530.

поляковъ именемъ Дикаго поля называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это была только часть запорожскихъ владѣній, по преимуществу съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Сипюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ р.р. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиною, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской¹⁾). Это была дикая, мало-плодная пустыня; въ ней не было ни деревушки, ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ козацкихъ жилищъ—бурдюговъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни, какъ объ этомъ поется въ превосходной думѣ «О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова».

.... Отъ меньшій братъ на Савуръ-могилу лягае,
Головку склоняе,
Тамъ соби безопасно девятого дня спочинокъ мае,
Девятого дня изъ неба воды-погоды выжидас;
Мало-не много спочивавъ,
Къ ёму вовки сиромальцы набигали
И орлы сизонери налитали,
Въ головкахъ сидали,
Вони смерти дожидали.
.... Тоды меньшій братъ на Савуръ-могилу захожае,
Головку свою козацьку склоняе,
Батькову-матчину молитву споминае,
И Богу душу отдавае.
Отъ руками не визьме,
Ногами не пайде
И ясно очима на небо не взгляне....
На небо взирае,
Тажко вздыхае:
Голово моя козацкая!
Бували ми у земляхъ турецкихъ,

¹⁾) См. планъ Россія съ 1770 г. «Планы и карты» Устрялова; также Путевія запискі. Э. Ляготы, стр. 53 и 54.

У виражъ бусурменськихъ;
 А теперъ припало на безвидди, на безхлибы погибати.
 Девятый день хлиба въ устахъ не маю,
 На безвидди, на безхлибы погибаю!
 Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
 Не буйни витри винули,
 Якъ душа козацька молодецька зъ тиломъ розлучалась.
 Тоди сини зозули налитали,
 У головкахъ сидали, жалибно кували
 И такъ якъ ридни сестры оплакали,
 Тоди вовки—сиромальци набигали,
 И орлы-чорнокрыльци налитали,
 Въ головкахъ сидали,
 Зъ лоба чёрни очи выдирали,
 Биле тило одѣжовтои кости одрывали,
 Жовту кисть по-пидъ зелеными яворами разношали
 И комышами укрывали,
 И жалибенъко квилили—прохвятили:
 То-жъ воли козацькіи похорони одправили¹⁾ «.

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей краинѣ запорожской, а голодные и оттого дико-сварѣйные волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ которого всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошевъ, крѣлатыхъ ишилекъ запорожскихъ омутовъ. »Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенные, безвредныя; въ поздень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносимые комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно сдѣть иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не за-

1) Антоновичъ п Драгомановъ. Истор. пѣсни малорусск. нар. Кіевъ, 1874 года, т. I, стр. 106—133.

хочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и москѣвъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь¹). Но что все это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесныя, но даже ножирала самую одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цветовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Въ Украинѣ и въ Запорожїи саранча появлялась периодически, по два, по четыре и даже по шесть лѣтъ подъ рядъ. Въ 1690, въ 1745 и 1746 годахъ саранча на Украинѣ особенно много было. »Тогда многіе принялись было за набожеаство и церковныя заклипанія и выходили многія парафіи съ процессіей церковпою на встрѣчу летающей сараны; когда увидѣли, что сарана садилась на хоругви церковныя и на ризы священнническія и грызла крашеную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея цогублепію²). Въ 1748 и въ 1749 годахъ для истребленія саранчи были введены такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. »Бывшия малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребля и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывал ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребление саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почтѣлось и уважалось«. Такъ говоритьъ неизвѣстный авторъ »Замѣчаній до Малой Россіи припадлежащихъ«, предлагавшій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи и Запорожья³). »Безчисленное множество онай (саранчи) въ Украинѣ припоминаетъ миѣ паказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Еги-

¹) Бопланъ. Описание Украины, Саб., 1832 г., стр. 84.

²) Конисский. Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 187.

³) Замѣчан. до Малой Россіи, Москва, 1848, стр. 44 и 45.

петь при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзаетъ Украину въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летить не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Припосимая въ Украину почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корицѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни бѣлики, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не прощадаетъ до пастуштепія осени... Нѣть словъ для выраженія саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ сибирскими хлоцьями, рассыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сидѣть, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производить, пожирая растенія; оголивъ поле въ чашь или дежа, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ юнѣй мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенному Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣть тамъ безчисленное множество саранчи, я не ономнился отъ удивленія. Гадина вывѣлась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хоропо летать, по покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣба и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сю певзанную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, куриль сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ онѣ кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безцокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влѣтѣвшую гадину. Люди самые оштѣтии приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: падобно быть самому очевидцемъ, чтобы

судить объ этомъ наказаніи. Ощущошивъ въ дѣлъ окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. И видѣль noctilge ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади нали останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги; поднявъ уши и фыркая, опѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными коньтами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свини съ жадностью пожираютъ саранчу и отѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, котораяноситъ столь большой вредъ. Саранча живеть не болѣе шести съ половиною мѣсяцевъ, но расплоожается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапывасть хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 лицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время лесенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того-же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣясь въ склахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ съверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣты другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украинѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украинѣ о семъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ цалецъ, а въ длину имѣть отъ трехъ до четырехъ дюймовъ¹⁾). Почти въ такихъ-же краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе земель ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и запорожскихъ, подвергаемыхъ опустошенію со стороны той-же саранчи, и баронъ де-Тоттъ, авторъ «Записокъ о туркахъ и тата-рахъ». «Сіи насѣкомыя налетаютъ тучами на равнину ногайскія, садятся на поля, особенно застѣяныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появлѣніи облаковъ саранчи свѣтъ дненій помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается зем-

¹⁾ Бенжамъ. Описавіе Украины. Спб., 1832 г., стр. 87—89.

ледъицамъ — ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываеть оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издастъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при падении града; по градъ не столько наносить вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, где отыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія. Вичъ сей вѣроятно не пощадилъ бы плодоносныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если-бы Чёрное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сю естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго pointa близъ Босфора Фракійскаго покрытыми изсохшею саранчей, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидать случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго невозможно было къ нимъ приблизиться¹⁾.

Но и саранчу не оканчивались бѣствія, постигавши запорожскій край. Много приходилось козакамъ терпѣть еще отъ заразительныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, известной подъ именемъ чумы, моровой язвы или нагной смерти. И это бѣствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожье. Въ 1680 году «въ Кизикерменѣ, въ турецкомъ городѣ надъ Днепромъ, повѣтре моровое значе грасовало, и белъ кизикерменскаго со всѣмъ домомъ его выгубило. Потомъ и въ Сѣчи запорожской, подъ осенью (осень), то-же повѣтре значную въ войску запорожскому учинило ишоду»²⁾. Въ 1738 году «свирѣпствовавшая моровая язва въ Иссаѣхъ и Букаресть распроспостилиась не только въ Каменцѣ-Подольскомъ, Барѣ, Могилевѣ и въ другихъ польскихъ городахъ, но даже перешла въ Украину»³⁾. Тогда страшная смерть поглотила многихъ изъ запорожскихъ козаковъ, полегшихъ благородными kostями на кладбищѣ Новой Сѣчи и своими могилами увеличившихъ эту мерт-

¹⁾ Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.

²⁾ Дѣтопись Сам. Велика. Киевъ, 1851 г., стр. 500.

³⁾ Бантышъ-Каменскій. Истор. Мал. Рос., Москва, 1842 г., стр. 171.

вую обитель. Въ 1760 году »появившаяся и сразу въ одно время обнавшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томлѣніи сердца и въ смятѣніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всеподобно предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ вздоханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (застава) іеромонахъ-вачальникъ внезапно и скоропостижно умерший, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умильное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрешеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, *возвышилъ къ дитятамъ-запорожцамъ ююсъ свой яко трубу*, письменно и устно внушилъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексій Бѣлицкій, именемъ всевъмъ可能аго и всевластишаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же... Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новые-Кайдаки на поклоненіе иконѣ Божіей Матери и въ Самарскій монастырь на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ *нашей смерти*, святителя Христова Николая».

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ козаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холода, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давали о себѣ знать. »Основываясь на градусной широтѣ, можно полагать, что наши степи наслаждаются благораствореннымъ климатомъ южной Европы, но какъ много изотермическая линія разнствуетъ отъ широты! Средняя годовая температура Одессы выражается только $+8^{\circ}$, а температура лѣта отъ зимы разнится весьма много: лѣтній жаръ доходитъ иногда въ тѣни до $+30^{\circ}$; зимою термометръ опускается, хотя и весьма

рѣдко, до 23°. Годовое количество выпадающего дождя доходитъ среднимъ числомъ лишь до 13 фр. дюймовъ. Съ сею разностію между жаркимъ лѣтомъ и сурою, нерѣдко безснѣжною зимою, и съ этимъ ограниченнымъ количествомъ дождя, сопряжены непрестанные вѣтры, лѣтомъ изящіе почву, зимою усиливающіе холода, продолжительная лѣтняя засухи при безоблачномъ, раскаленномъ небѣ и совершенномъ отсутствіи ночныхъ росъ, слабость электричества въ атмосферѣ, быстрое испареніе воды и наконецъ перемѣнчивость погоды. Таково состояніе атмосфера въ большей части херсонской губерніи¹⁾, а, стало быть, скажемъ отъ себя, и запорожскаго края.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ бывть въ зимнее время холода. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описание. «Хотя Украина, говорить онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ некотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще выючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, заражается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ болѣе столь-же мучительную, какъ и болѣзнь всенерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Українѣ гибельна не мсцѣ огня. Вереды сначала бываютъ въ горошину, но чрезъ иѣсколько дней, иногда чрезъ иѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается»...

«Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силой, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустатся въ дорогу на конѣ или

¹⁾ Кирьяковъ. Взглядъ на лѣсовъ и садовъ въ херсонской губерніи; Лѣсной журналъ, 1836 г., ч. II, кн. I, стр. 103—105.

въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, толь сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходить въ забытье, похожее на оѣпененіе: въ это время сильная дремота клопить васъ ко спу. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,—жизнь ваша спасена... Другое умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыхъ приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу: всадники отмораживаются подъ бронею животъ, особенно кишкы и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонеть безпрестанно и жалуется, что внутренности раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что иѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ очернѣлыми, обожженными и какъ будто-бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неизлечимы и что больной стонеть и кричить день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляетсяantonовъ огнь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, кладу па ноги для тепла собаку, укутывать ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьей шубой; лице же, руки и ноги натираю виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ... Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и цѣпъ, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день їдятъ родъ похлебки или горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода¹⁾.

¹⁾ Бонапартъ. Описание Украины, стр. 25—26.

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много-же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался гостепримнымъ для всякаго путешественника. Грозенъ и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодыя для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обилие его заливовъ, гирль, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его острововъ, корчей, заборъ и пороговъ. »Днѣпръ, говоритъ Діонъ Хризостомъ, подъ конецъ своего теченія (*τό δε λαπτόν*) бросается многими устьями въ лиманъ и образуетъ многочисленные острова, покрытые зеленью и камышомъ (*δασεῖα καλάμῳ καὶ δένδροις*)¹). По сказанію Бопланъ, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ и все они были покрыты такою густою травою, такимъ непрогляднымъ камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. »Одажды, говоритъ Бопланъ, пре-стѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки гранули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья²). Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать чрезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обдаѣтъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣеть въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ,—узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымається

¹) Dio Chrysost., cap. II, oratio XXXVI, стр. 75.

²) Бопланъ. Описаніе Украины, стр. 26.

вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ-бы все пожрать своимъ теченiemъ, за все какъ-бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходить, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая «полоса». «Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣахъ Эола, опь (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, сиѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его», сказала одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ и это-же можно примѣнить къ днѣпровскимъ. Изъ періодическихъ вѣтровъ, съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигаю наибольшей силы около двухъ часовъ дня. «Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ липы въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнеть. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь¹⁾. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокойенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно испрѣдоложительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ миутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣль, надъ пимъ разражается страшная буря, дико залоетъ свирѣпый вѣтеръ и въ мигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлые горы во всѣ стороны брызжущей пѣни. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплого днѧ воздухъ вдругъ холодѣеть и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается спачала сѣрымъ, а потомъ совершенно теснимъ; оно какъ-бы наливается тажелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающій размѣровъ гадиной, готовой всяко пожрать въ своей невѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходять до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленький стрижъ (птица) большущимъ орломъ.

¹⁾ Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поездка въ южн. Рос. ч. I, стр. 87.

По всему этому среди бѣзконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ острововъ, толкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ человѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала »ни-зовыхъ молодцевъ«, запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ бесплодныхъ и злойныхъ »поляхъ«, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ,—здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лено. »Сичь—мати, а великий лугъ—батько«!.. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть короннаго гетмана, ни даже распоряженія самаго короля Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-же »молодцы« ве боялись ни набѣговъ татаръ, ни набѣдовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе¹⁾.

Съ понизовья иѣтеръ вѣтеть,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣть
И качасть,
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
Будемъ отдыхать,

¹⁾ Кудицъ. Польско-пзацкая война. Отч. Зап., 1864 г., стр. 54, прѣмѣчаніе 2.

Дружно въ весла! чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте.
Гей, хлоццы, пойте пѣсни,
Словно штицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ.

Д. И. Эварницкій.

Харьковъ. 1883 г., декабря 6 дня.

Хроника кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серафіова¹⁾.

(1804—1824 г.)

Человѣкъ, по своему положенію поставленный въ необходимости принимать участіе въ наиболѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни, не можетъ, при всемъ желаніи, отѣлить свою частную, личную жизнь отъ жизни общества. Какъ-бы ни былъ ограниченъ его кругозоръ, въ какихъ-бы узкихъ рамкахъ онъ низвѣть свои поденныя записи, какъ-бы эгоистично ни было его самонаблюденіе,—волей-неволей въ его дневникахъ найдется себѣ мѣсто и нѣчто годное для исторіи и характеристики общественной жизни. Пусть подтверждениемъ этого служатъ дневныя записки м. Серафіона. Среди скучнаго, утомительно-однообразнаго и вялого перечня градусовъ тепла, просителей и посѣтителей, богослуженій и обѣденыхъ кувертовъ,—нѣть, нѣть, да и мелькнутъ въ нихъ пѣсколько строкъ, характерныхъ для исторіи кіевской общественной жизни.

Общественная жизнь Кіева важнѣе и любопытнѣе, чѣмъ личное житіе владыки, разнообразившееся почти исключительно почестами и болѣзнями, а тотъ періодъ, который обнимаютъ записки Серафіона, несмотря на свою близость къ намъ, все-таки довольно малоизвѣстенъ.

О древней кіевской жизни мы знаемъ изъ лѣтописей, о новѣйшей изъ газетъ. Но между эпохой лѣтописей и эпохой газетъ есть длинный, глухой и темпій промежутокъ, слегка и прерывисто освѣ-

¹⁾ Изъ послѣдніхъ бумагъ проф. Ф. А. Терновскаго.

щаемый для насть случайними извѣстіями мемуаристовъ и киевскихъ поклонниковъ. Поэтому-то для насть легче представить непрерывный ходъ киевской жизни въ XI и XII столѣтія, чѣмъ въ XVIII и началѣ XIX. Для подтвержденія этого нужно заглянуть хоть въ хронику киевскую при *Описаніи Києва* Закревскаго. Благодаря запискамъ м. Серапіона, открывается возможность отчасти пополнить этотъ пробѣгъ по отношенію къ годамъ 1804—1824. Почтенный архипастырь отмѣчалъ иногда, *не мудрствуя лукаво*, или лучше сказать—безъ всякихъ размышленій, факты общественной жизни, отмѣчалъ сухо, кратко и вяло, и тѣмъ не менѣе оставилъ памъ далеко не безынтересныя; хотя отрывочная и одностороннія свѣдѣнія о киевской жизни того времени. Постараемся по возможности сгруппировать ихъ подъ общими иѣкоторыми заглавіями, а гдѣ можно и связать между собою, по единству содержанія, отдельные выдержки изъ дневника Серапіона, опуская замѣтки совсѣмъ не значущія, а подъ часть сокращая и измѣняя многословную и слишкомъ однобразную ихъ форму.

Посѣщеніе Києва митр. моск. Платономъ.

Митр. московский Платонъ Левшинъ провезъ въ Кіевъ педѣлю (отъ 2 по 8 іюня). Посѣщеніе это было для м. Серапіона и почетно, и иріятно, ибо на первыхъ порахъ поднимало его авторитетъ, но конечно требовалось и иѣкотория хлопоты, чтобы приимать знаменитаго гостя.

1 іюня м. Серапіонъ получилъ увѣдомленіе о выѣздѣ м. Платона изъ Чернигова въ Кіевъ и отправилъ за Днѣпру въ *трактиръ*, стоящій на восточномъ берегу Днѣпра, архимандрита никольского монастыря Ирина Фальковскаго, владимірскаго протоиопа Кринитскаго (брата царскаго духовника) и лаврскихъ казначея, эконома и типографа, для встрѣчи московскаго митрополита. Московскій владыка подѣхалъ къ трактиру около 2-хъ часовъ ночи, гдѣ и встрѣченъ у кареты прибывшими, и благословивъ ихъ, отпустилъ ѿхать шлюнкою, для него приготовленною, а самъ подѣхалъ паромомъ. Въ Лавру прибылъ въ 4 часа утра *въ Вознесенье* 2 іюня, и встрѣченъ въ сѣняхъ (архимандричихъ покоевъ) митрополитомъ Серапіономъ и соборными старцами. Въ 6 часу, яко до-

рожный, трактованъ чаемъ. Въ 9 часовъ ходилъ въ великую церковь и слушалъ тутъ обѣдню, стоя у стѣны противъ праваго клироса. Послѣ проповѣди взошелъ въ олтарь и любопытно осматривалъ все, и вышедъ изъ олтаря, осматривалъ внутренность церкви. Возвратившись въ архимандритилю покой, митрополитъ Платонъ принималъ поздравленіе съ прѣздомъ отъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ, отъ коменданта и отъ другихъ чиновниковъ. По отбытии свѣтскихъ, поздравили московскаго владыку братія лаврская и соборяне софійскіе, при чёмъ протоіерей Леванда произнесъ рѣчъ.

3 июня митрополитъ Платонъ въ сопровожденіи митрополита хозяина осматривалъ Печерскъ, былъ въ Никольскомъ монастырѣ, въ церкви на Оскольдовой могилѣ и въ арсеналѣ. Ходилъ большою частью пѣшкомъ.

4 июня гость служилъ раннюю обѣдню въ ближнихъ пещерахъ; потомъ ѿзилъ съ хозяиномъ въ Софійскій соборъ, гдѣ особливо и двоекратно входилъ въ придельѣ видѣть гробъ Ярослава, основателя собора сего; также обратилъ большое вниманіе на одинъ, въ верхнемъ (срѣтенскомъ) придельѣ, иконостасъ рѣзной, »представляющій отъ короля Абраамова происхожденіе«. Потомъ смотрѣлъ соборную, а послѣ и архіерейскую ризницу; сю посѣдникою призналъ пескодвою папагіями и саккосами. Средѣ обѣдомъ принимали у митрополита Платона благословеніе священство подольское и консистористы. Обѣдалъ у митрополита-хозяина съ викаріемъ, архимандритами и присутствующими (въ дикастеріи) на 13 кувартовъ. Послѣ обѣда гость поѣзжалъ старокіевскія церкви и осматривалъ съ крыльца Андреевскаго собора Подоль. Съ Андреевской горы оба митрополита пѣшикомъшли до низу ея; заѣзжали сперва въ монастырь Фроловскій, потомъ въ греческий; оттолѣ были въ Академіи¹⁾. Наконецъ заѣзжали въ Михайловскій монастырь; гость былъ въ церкви и въ понояхъ у викарія Іоанна (Шіянова).

5 июня воскресенье. Гость служилъ въ великой церкви съ своимъ архимандритомъ (андроньевскимъ) и протопоношомъ и пр. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 26 кувартовъ: гость, хозяинъ, викарій, военный губернаторъ и гражданскій вице-губернаторъ, артиллеріи генералъ Миллеръ, генераль-маіоръ Скѣчинъ и Толь,

¹⁾ См. обѣ этомъ *Труды кіевск. дум. ак.*, 1882 г. № 9, стр. 230.

генераль-поручикъ Шардонъ, войтъ и Балабуха. Послѣ обѣда въ 7 часу митрополиты ѿздили въ Выдубецкій монастырь, гдѣ ходили по церквамъ; и во время сіе дождь шелъ.

6 іюня понедельнико. Утромъ и. Платонъ былъ въ Шулявщинѣ и въ Китаевской пустынѣ, ходилъ въ лаврскую типографію, потомъ въ Преображенскую приходскую церковь, что близъ вратъ экономическихъ (т. е. Спаса на Берестовѣ); оттолѣ заходилъ въ намѣстническихъ кельяхъ и въ другихъ братскихъ кельяхъ былъ. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 12 кувертовъ. Послѣ обѣда отдыхалъ гость, а предъ вечеромъ сталъ сбираться въ путь. Предъ вечеромъ были ему поднесены отъ братіи книги, числомъ до 20, и два погребца, одинъ съ водкою старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бутылокъ венгерскаго и бархату малиноваго 16 арш. Братію отпустивъ, два митрополита ходили вечеръ по саду, потомъ взошлиши въ покой до 11 часа разговаривали и простились.

8 іюня въ среду въ 5 часу утра митрополитъ Платонъ отпустилъ карету о 8 лошадяхъ и коляску о 5 лошадяхъ и кибитку о 5 лошадяхъ (ибо только и было экипажу), а самъ, искушавъ чаю и потомъ рюмку водки съ закускою, въ 20 минутъ 7 часа въ простомъ одѣяніи отправился изъ лавры въ путь. На дорогу ему поднесены были образа въ окладахъ сребряныхъ позлащенныхъ,—отъ Софійского собора Софії премудрости Божіей, а отъ лавры Успенія Божія Матере и Антонія и Феодосія. Старцы соборные провожали митрополита Платона до вратъ экономическихъ, а митрополитъ и викарій кіевскіе въ каретѣ до пристани. Здѣсь ожидалъ митрополита Платона полицмейстеръ, вмѣстѣ съ которымъ владыка московскій сѣлъ въ большую лодку, называемую по здѣшнему *дубб*, и перевезенъ на другой берегъ Днѣпра, а въ 9 часовъ совсѣмъ отправился гость нашъ отъ днѣпровскихъ береговъ въ путь свой.

Отъїздъ изъ Києва архимандрита Констанція, впослѣдствії патріарха константинопольскаго.

7 іюля былъ у менѧ (записано въ дневникѣ Серафіона) предъ вечеромъ бывший архимандритъ здѣшняго греческаго монастыря Константій для истребованія благословенія отправиться въ путь въ Синайскую гору, котораго благословилъ на путь книгою подъ

заглавием: *Каноны съ акафистами*, первой по моему благословенію въ кіево-лаврской типографіи печатанною, и сulkомъ (?) по бѣломъ глазету шитымъ и поручами такими-же.

Принцъ Карлъ въ Кіевѣ.

22 и 23 авгуаста былъ въ Кіевѣ 22-лѣтній принцъ мекленбургскій Карлъ, братъ родной супруга покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился въ магістратскомъ трактирѣ. Митрополитъ былъ у принца съ визитомъ и поднесъ ему икону, планъ лавры на тафтѣ и книгу. Принцъ былъ въ лаврѣ, въ ризницахъ и на пещерахъ, отдать визитъ митрополиту и былъ лично водимъ имъ по Софійскому собору, гдѣ съ любопытствомъ смотрѣлъ старинное украшепіе, миссію (мусію, мозаїкою) называемое, и гробъ Ярослава.

Брилліанты графини Потоцкой.

30 авгуаста въ числѣ другихъ лицъ, посѣщавшихъ митрополита, была графиня Потоцкая, которая брилліанты на себѣ имѣла, какъ сказывалъ ювелиръ ея, на миллионъ рублей. О суета!... Тотъ-же ювелиръ цѣнилъ пэнагіи здѣшніе казенныя, и лучшую и первую оцѣнилъ въ 4,800 р. с.—Это суета, уже значительно меньшаго размѣра!

Ницій эмигрантъ.

1 сентибря былъ у митрополита эмигрантъ французскій, полковникъ, баронъ, акибы ограбленный между Житоміромъ и Кіевомъ на сумму до 17,000 руб.; просилъ милостили, и дано ему 25 руб.

Цезаревичъ близъ Кієва.

Въ семъ году въ началѣ октября былъ вблизи Кіева цезаревичъ Константинъ Павловичъ; осматривалъ полки въ Махновкѣ. И єздили туда изъ Кіева генераль-губернаторъ Тормасовъ и протопопъ Снигиревичъ, а митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить оду de adventu M. Ducis Const P.

Пожаръ на Кудрявцѣ.

9 декабря былъ пожаръ на Кудрявцѣ, который у митрополита описывается такъ: «въ исходѣ 9 часа вечера усмотрѣлъ я нечаянно близъ одной главы собора Софійскаго малый свѣтъ на подобіе луны

красной, и потомъ вскорѣ освѣтился весь соборъ и домъ. И это былъ пожаръ на Кудравцахъ; и горѣлъ домъ нашъ митрополитанскій бывшій, отданный года за два предъ симъ для гродской госпитали. И часа въ два весь сгорѣлъ большой его корпусъ съ церковію; но больные все спасены. Пожаръ учинился аки бы отъ разсѣлины трубы подъ крышею. Богъ вѣсть, правда ли?—Дней чрезъ пять владыка ѿздѣлъ на пожарище. Огонь еще тлѣлся. Вѣрю въ землѣ горѣли перекладины. Мѣсто прекрасное, но пусто стало. Посидѣлъ владыка на горѣ, съ которой Подоль видѣнъ, какъ на ладони, и поѣхалъ во свояси.—И теперь тамъ никакого жилья, одинъ огородъ, а мѣсто все также прекраснѣ, и видѣнъ Подоль.

1805 годъ.

Слухъ о выходцѣ съ того свѣта.

28 февраля былъ у меня,—пишетъ митрополитъ, андреевскій иротополъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборицѣ, бывшемъ въ недѣлю православія на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходить къ ней и акибы хотѣли духовные въ недѣлю православія открыть его въ моемъ присутствіи. Оле суетѣрія и невѣжества!

Звонъ по душѣ.

16 апреля умерла мать ректора академіи Іоакима Логановскаго 77 лѣтъ; и по здѣшнему обыкновенію былъ звонъ наемный по представившейся во всѣхъ церквиахъ подольскихъ около $\frac{1}{2}$ часа. Но просьбѣ сына митрополитъ разрѣшилъ похоронить почившую въ Китаевской пустынѣ.

Какъ отразилась въ Киевѣ война 1805 г.?

Въ 1805 г. Россія въ коалиціи съ Австріею воевала противъ Наполеона. Въ Киевѣ это событие вѣйшиней политики, если судить по дневнику митрополита Серафона, отразилось едва замѣтно. То иные знакомые брали у митрополита благословеніе на опасный путь за границу, то владыка случайно замѣчалъ движеніе войскъ; 30 іюня напримѣръ »владыка увидѣлъ проходящій мимо вратъ дому митрополитанскаго московскій полкъ солдатъ во Львовскіе врата, человѣкъ тысяча, кажется, до 2-хъ. И шли около $\frac{1}{2}$ часа. И выshedъ изъ города, играли въ трубы и били въ барабаны*.—Куда и за чѣмъ

или эти веселые люди,—размышленій на эту тему у владыки не записано.

Въ началѣ августа кіевскій генераль-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командовать 13 полками или, по счету митрополита, 26,000; вмѣсто Тормасова правленіе кіевскою губернію временно поручено было предсѣдателю гражданской палаты д. с. с. Моршковскому. Вирочемъ Тормасовъ скоро отпросился назадъ за болѣзнию, и на его мѣсто былъ назначенъ генераль отъ кавалеріи баронъ Казимиръ Мейендорфъ, который 31 октября проѣздомъ былъ въ Кіевѣ и у владыки.

Въ связи съ воиною стала дороговизна. Казначей лавры докладываетъ владыкѣ о покупкѣ ржи тысячи четвертей для братіи; по 4 р. 50 к. просять, отмѣчаютъ владыка, и то у одного только; по причинѣ проходу мимо здѣшнихъ лѣстѣ полковъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около нашихъ губерній была саранча, а потому и неурожай».

Кампанія 1805 г., какъ известно, была неудачна. Русскіе и австрійцы жестоко были разбиты подъ Аустерлицемъ. Но въ Кіевѣ ходили слухи совершиенно противуположнаго свойства: «докторъ Бунге (отецъ нынѣшнаго министра финансовъ) 15 декабря сказывалъ владыкѣ, акибы наши русскіе войска разбили французовъ и взяли ихъ въ полонъ до 20,000 и Мурье фельдмаршала ихъ убили и проч.»—Все это, конечно, скоро оказалось патріотическою иллюзіею.

Закладка присутственныхъ мѣстъ.

13 июня, около 10 часовъ утра, митрополитъ прибылъ къ мѣсту закладки и совершилъ водоосвященіе съ тремя архимандритами никольскимъ, братскимъ и греческимъ, прот. Левандою и соборянами. Во время водосвятія прибылъ военный генераль-губернаторъ Тормасовъ. Митрополитъ прочелъ молитву освященія дома, и за тѣмъ положена была оловянная доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа закладки, титла государя императора и кіевскихъ военного и гражданского губернаторовъ. Три камня положилъ митрополитъ, одинъ—генераль-губернаторъ и одинъ—архитекторъ. На остальныхъ трехъ углахъ зданія вышепопоменованныя лица клали также по камню. Потомъ митрополитъ окрошилъ всѣ рвы, приготовленные для фундамента. Отпускъ, многоглѣдіе и закуска въ шатре близъ

мѣста закладки.—Конечно закладывались не нынѣшнія присутственныя мѣста, существующія на Софійской площади, но зданіе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго дворцового сквера и сломанное въ 1855 г.

Проектъ сліянія академіи съ будущимъ университетомъ.

15 июля въ 9 часу вечера явился предъ митрополитомъ нечаянный гость: г. министръ просвѣщенія графъ Петъръ Василіевичъ Завадовскій и просидѣлъ часа два, разговаривая о разныхъ материалахъ. Между прочимъ предложилъ обѣ академіи, чтобы ее соединить съ университетомъ, который предполагается открыть въ Киевѣ, и говорилъ это *акибы по волѣ Государя Императора*. Митрополитъ, какъ консерваторъ, по лѣтамъ, по характеру и по званію, отвѣчалъ, что »многія неудобности и затрудненія изъ сего всегда могутъ быть; а лучше-бы особо учредить университетъ, а академію напшу оставить по прежнему духовною«. Если-бы министръ былъ сувѣренъ, то еще ѻдучи къ митрополиту, онъ убѣдился-бы, что изъ его предложения пути не будетъ, ибо когда онъ ѻхалъ къ владыкѣ, замѣчаетъ послѣдній, то лошади по причинѣ испортившейся отъ дождя дороги не вывезли его на гору. Министръ пробылъ въ Киевѣ съ небольшимъ сутки, (15—16 июля), останавливался въ контрактовомъ домѣ, поѣстилъ лавру, гдѣ отслужилъ панихиду по гр. И. А. Румянцеву и далъ братіи 100 р. е.; былъ въ академіи, где выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи, и выѣхалъ въ Харьковъ (кажется для открытия университета).

И. В. Лопухинъ въ Киевѣ.

Извѣстный мистикъ и филантропъ, сепараторъ, Иванъ Клодимировичъ Лопухинъ, немного пострадавшій вмѣсть съ Новиковымъ во время екатерининского гоненія на масоновъ, является въ Киевѣ отъ 23 по 27 августа. Митрополитъ принялъ гостя любезно: вмѣсть они ходили въ склепъ подъ Софійскимъ соборомъ и смотрѣли неслыханное тогда тѣло митрополита Рафаила Зaborовскаго. *Mira res!* замѣтилъ владыка,—ибо 58 лѣтъ, какъ скончалась.

Дворянскіе выборы.

Въ первыхъ числахъ сентября происходили въ Киевѣ дворянскіе выборы. Православныхъ приводили къ присягѣ митрополитъ

3 сентября; а католики тогда-же принимали присягу въ свое мѣсто. Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но въ знатности и богатствѣ. Православныхъ владыка называетъ мелкочиновными, а изъ католиковъ отмѣчаетъ губернскаго маршала, тайного советника Козловскаго, и членыѣ пять съ кавалеріями польскими св. Станислава.

1806 ГОДЪ.

Дороговизна въ Киевѣ.

Прошлогодняя дороговизна, бывшая слѣдствіемъ военныхъ обстоятельствъ, продолжалась и въ 1806 г. 30 апрѣля митрополитъ записалъ: «Цѣна овсу съ сего дня уменьшилась. Былъ покупаемъ по 7 р. 50 к. четверть; а въ сей день по 5 р. покупали. А мука ржаная все еще по 90 к. пудъ у привозныхъ, а въ лавкѣ по рублю пудъ. Неслыханная здѣсь цѣна!» И причина дороговизны повидимому была на лицо. 6 мая былъ у владыки присланный изъ Кесаріи (Австріи) комисарь для полученія въ трехъ губерніяхъ подольской, кіевской и черниговской: 1) муки ржапой 29,000 четв., 2) разныхъ крукъ 35,000 ч., 3) жита 15,000 ч., 4) овса 8,000 ч., 5) воловъ 10,000, аки бы вмѣсто издержанныхъ сихъ венцей отъ цесарцовъ для валихъ войскъ въ Германіи бывшихъ». Отмѣтивъ дороговизну, опять лишь по поводу покупки хлѣба для лавры, митрополитъ записываетъ сообщенный ему полицмейстеромъ слухъ о томъ, будто въ Киевѣ будутъ два короля, французскій Людовикъ XVIII и неаполітанская, а затѣмъ отмѣчаетъ разновременно два пожара отъ грому: одинъ близъ лавры, другой въ церкви Николая Набережнаго, и постановку въ великой лаврской церкви мраморнаго монумента графу Румянцеву-Задунайскому.

Освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній.

21 октября въ 12 часу дна, въ воскресенье происходило освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Владыка отмѣчаетъ встречу его «губернаторомъ и магистратскими» и порядокъ освященія. «Примѣчанія, говорить онъ далѣе, достопримѣніе для сумашедшихъ, гдѣ многія комнаты съ колыцами на стѣнахъ желѣзными. Завтра былъ приготовленъ въ столовомъ богадѣлennомъ шоколѣ, но на обѣдѣ богатый похоже было кушанье и потчivanье

винами. Потомъ ходили всѣ въ монастырь Кирилловскій и были въ церкви, гдѣ назначилъ я, по просьбѣ губернатора, быть теплой церкви въ углу за правымъ клиросомъ. Потомъ ходили въ покой, гдѣ тутъ живутъ инвалиды: въ первыхъ двухъ покояхъ даль по 10 руб. па покой, и послѣ въ другихъ трехъ по 5 р. ассигн. на покой». Тѣмъ коцчился осмотръ древнѣйшаго киевскаго монастыря, въ багадѣльно обращенаго, по мысли Потемкина.

Съ 10 по 17 ноября отмѣчаются: визитъ митрополита пивому военному губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову, рожденіе у государя дщери Елизаветы, молебствіе, цальба изъ поставленныхъ на валу софійскомъ пушекъ, обѣдъ у военнаго губернатора съ такою же въ теченіе онаго пальбою, вечерняя иллюминація, пушечная пальба на Подолѣ и балъ отъ магистрата для всего дворянства по тому-же случаю. А въ это время академія трудилась надъ сочиненіемъ одѣ на сей-же случай и митрополитъ особо отмѣчасть отдачу ихъ для печати лаврскому типографу.

Великія кавалеріи Кутузова.

Ноябрь по дневнику заканчивается двумя кавалерскими праздниками съ митрополичіемъ служеніемъ: 26 числа въ Софійской церкви для кавалеровъ георгіевскихъ, и 30 въ Андреевской церкви, при чмѣ одинъ Кутузовъ только и былъ кавалеръ андреевскій. Мимоходомъ здѣсь митрополитъ отмѣчаетъ посвященіе имъ Десятинной церкви, т. е. части оной, обновленной митр. Петромъ Могилою, и то, что за два дни предъ симъ она была «чрезъ влезаніе въ окошко, обворована».

Нѣсколько чиселъ декабря заполнены отмѣтками объ объявленіи войны съ французыами, чтеніи манифеста, служеніи литургій и молебновъ, учрежденіи временной милиціи и призыва къ пожертвованіямъ.

1807 годъ.

5 января. Архимандритъ никольский (Ириней) пожертвовалъ отъ себя и братіи 500 р. на милицію.

14 января. Молебень въ соборѣ о побѣдѣ надъ французыами.

11 февраля. Благодарный молебенъ о побѣдѣ, надъ самимъ Бонапартіемъ одержанной 26 и 27 января. Говорили, что фран-

цузовъ до 1200 побито и 1000 взято въ плѣнъ и 12 знаменъ, а нашихъ до 7000 побито. На молебнѣ народу великое множество и простаго. При многолѣтіи пушечная пальба и цѣлодневный звонъ.

Новый викарій — Ириней Фальковскій.

15 февраля. Указъ св. синода отъ 25 генваря о назначеніи викарія кіевскаго Оефана Шіянова на епархію полтавскую, а на его мѣсто викаріемъ николаевскаго архимандрита Принея (Фальковскаго).

23 февраля. Нареченіе въ крестовой церкви о. Принея во епископы чигиринскіе, викаріи кіевской митрополії.

24 февраля. Въ сей день, приходившійся въ прощальное воскресеніе, совершено было посвященіе о. Иринея во епископы. Благовѣсть въ Софійскомъ соборѣ началася въ половинѣ 9 часа, но новонареченый епископъ пріѣхалъ не скоро, такъ что митрополитъ долженъ былъ идти въ соборъ уже въ 10 часовъ. По окончаніи часовъ, когда митрополитъ въ облаченіи соѣдалъ съ епископомъ Оефаномъ, новонареченый епископъ прочелъ присягу по обычаю; за тѣмъ въ свое время совершило было въ олтарѣ посвященіе по чиноположенію. По окончаніи літургіи, митрополитъ вручилъ новопроизведеному епископу на облачательномъ амвонѣ посохъ, и оный епископъ, съ протопопомъ каѳедральнымъ Левандою и митрополичімъ протодіакономъ, прямо изъ собору препровождался въ свой каѳедральный михайловскій монастырь. Въ 3 часа у новаго епископа въ михайловскомъ монастырѣ была трапеза, на которой присутствовалъ и Кутузовъ. Чрезъ три дня новый епископъ былъ у митрополита съ благодарностію за посвященіе, говорить рѣчь русскую и поднесъ ему 6 бутылокъ шампанскаго и 14 аршинъ разноцвѣтной матеріи на рясу.

6 марта. Для Благовѣщенской, что въ дальнихъ пещерахъ церкви, устроена была новой мѣдный позлащенный иконостасъ 16 п. 22 ф. въсомъ, съ уплатою мастеру по 10 р. съ фунта.

9 Апрѣля. Полученъ указъ изъ синода о произведеніи на духовные училища вдвое противъ прежняго жалованья.

Воздушный шаръ.

21 апраля. Митрополитъ съ бывшими у него гостями на переходахъ ожидалъ, по предварительному обѣщанію, спуску

шару изъ саду дворцового; но однако шаръ пущенъ не былъ, якобы за разрывомъ его во многихъ мѣстахъ. Впрочемъ ровно чрезъ мѣсяцъ (21 мая) опять повторенъ былъ удачнѣе въ Шулявщинской, принадлежавшей митрополичьему дому рощѣ. Шаръ пушилъ цесарецъ. Кромѣ митрополита съ духовными властями присутствовалъ ген. Кутузовъ и множество дамъ и другихъ людей. При посѣтителяхъ шаръ былъ наполненъ горячою матеріею, а болѣе дымомъ. И наполненъ будучи, поднялся довольно скоро и поднялся выше березъ и пролетѣлъ вълево къ дорогѣ и близъ рощи опустился. Вышиною взлетѣлъ, какъ другимъ показалось, саженей на сто, и летѣлъ не болѣе, какъ минутъ 10.

Андреевскій колодезь.

8 мая. Крестный ходъ по случаю праздника Преполовенія къ колодцу андреевскому, что близъ самой андреевской церкви.— Колодезь этотъ на уступѣ андреевской горы, существовалъ до 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ закрытъ.

Миръ и дешевизна.

7 июля. Послѣ литургіи читанъ былъ соборнымъ діакономъ высочайшій реєскрипти къ г.-губернатору Кутузову о заключеніи мира между Россіею и Франціею; потомъ тотчасъ сказано было сочиненное па сей случай краткое слово лаврскимъ іером. Феодосіемъ. Потомъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ. Наконецъ обѣдъ у генер.-губернатора Кутузова и пушечная пальба.—Миръ, должно быть, покліялъ на дешевизну. Подъ 19 авг. владыка отмѣтилъ извѣстіе, что «мука ржаная уже по 35 коп. пудъ продается, вмѣсто того, что предъ тѣмъ за мѣсяцъ продавалась по 70 к. Чрезъ день и муку ржаную продавали уже 32 к. пудъ, а грѣшневую 20 к. пудъ. Благодать Господня!».

Гроза, комета и жидовскій гвалтъ.

Подъ 15 сентября отмѣтили бывшую въ тотъ день грозу съ молниєю и громомъ, а подъ 7 ноября появленіе «звѣзды съ сияніемъ на подобіе метлы хвостомъ кверху», митрополитъ 13 числа отмѣчасть особое произшествіе, оставшееся, къ сожалѣнію, не разгаданнымъ. Освящалась въ этотъ день церковь Николая Доброго, на По-

долѣ; было митрополичье служеніе, а потомъ трапеза у церковнаго хитора, именитаго купца Назаря Сухоты. »Примѣчательно!«—ставить авторъ дневника. Въ обѣднѣ при самомъ окончаніи чтенія Апостола вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви у западныхъ дверей. И крикъ сей учинили жиды человѣкъ 30, якобы для послѣдняго дня празднованія кущей ходить они по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды являлись къ митрополиту съ просьбою о прощеніи изъ неумышленного проступка.

Молдавскій господарь на житѣ въ Кіевѣ.

17 ноября. Дѣлалъ митрополиту визитъ господарь молдавскій Испилантій, прибывшій въ Кіевъ на житѣ съ своимъ семействомъ и сановниками (со свитою не менѣе 30 человѣкъ). Испилантій говорилъ по французски, а переводчикомъ между нимъ и владыкою былъ на этотъ разъ зять Кутузова, Толстой. При постѣдующихъ визитахъ митрополитъ и господарь объяснялись по латыни.

1808 годъ.

Отъѣздъ Кутузова.

12 марта. »Кутузовъ сказывалъ митрополиту, что повелѣніе получено двумъ его дивизіямъ идти въ Молдавію и ему туда же отправляться. И, какъ можно было примѣчать, симъ препорученіемъ Кутузовъ былъ доволенъ, и былъ веселъ противъ прежніаго гораздо.«

Дороговизна тогдашия сахара.

20 марта. »Казначей купилъ для митрополита сахару по 40 р. за пудъ. И говорятъ, будетъ-де еще дороже.«

Даръ Императрицы.

1 апреля. Присланъ былъ отъ императрицы Елизаветы Алексеевны въ кіево-печерскую лавру неожиданный даръ,—ризница богатая, особенно архиерейская, а саккосъ матерія превосходнейшей. Въ день пасхи 6 апр. митрополитъ освящалъ въ лаврѣ по требнику Петра Mogилы всю царскую утварь, разосланную на разныхъ столахъ и наложахъ и кропилъ св. водою каждую вещь, коикъ было до 50. Потомъ въ новомъ облаченіи соборне былъ отправленъ мо-

лебенъ о здравіи высочайшей вкладчицы и всей августейшей фамилії. 15 апр. митрополитъ отправилъ императрицѣ, а равно и обер-прокурору, благодарственные письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иконы.

Наводненіе.

1 мая. Вода въ Днѣпрѣ была на зарѣ 7½ вершк. выше обыкновенного уровня и покрыла всѣ острова и потопила на Подолѣ 180 домовъ.

Фокусъ-Покусъ.

6 мая вечеромъ въ приходѣ митрополита совершилось оригинальное представление, которое конечно повторялось и въ другихъ знатѣйшихъ домахъ Кіева, а можетъ быть и публично. Въ присутствіи владыки, ректора и префекта академіи, знатѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ прибылъ иностранецъ съ ученіемъ лошадкою и со штуками фокусъ-покуса и представлялъ штуки въ прихожемъ покой. Лошадка взошла на лѣстницу скоро и свободно, на вопросы отвѣчала качаніемъ головы и топтаньемъ ногою; пѣ безъ курьезности всему научена! Изъ фокусовъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе предъ глазами зрителей, фокусникъ вкладывалъ карточки, не пасаясь часовъ. Въ заключеніе живыя птички акибы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажгена порохомъ и былъ видъ акибы фейерверка. Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей.

Отмѣтивъ подъ 11 мая градъ и грозу, подъ 18—прибытие въ лавру на жительство преосв. Іоофилакта, бывшаго волгоградскаго, митрополитъ, послѣ другихъ еще менѣе значущихъ произшествій, отмѣчается:

Основаніе рождественской церкви на Подолѣ.

27 июня. Начали рвы рѣть для фундамента рождественской церкви, на мѣстѣ, которое назначилъ и благословилъ владыка. А самая закладка торжественно была совершена 18 августа, причемъ были: митрополитъ, три архимандрита, два лаврскихъ старца, трое софійскихъ соборянъ, подольскихъ 5 протопоповъ и 10 священниковъ. При рытіи фундамента головы и костей человѣческихъ вырыто времнное число и наложено кучею великою. Митрополитъ приказалъ закопать кости и отпѣсть панихиду.

Гости къ лаврскому празднику.

9 августа. Пріѣхала графиня Анна Радионовна Чернышева и остановилась въ маломъ домикѣ близь пещеръ у госпожи богомольной Олениной. Лаврскій памѣстникъ и казачай явились къ графинѣ отъ имени митрополита и хлѣбъ поднесли. Посѣтивъ владыку, графиня дала людямъ и монахамъ, провожающимъ ее до кареты 75 р.—14 августа прибыль министръ юстиціи, свѣтлѣйший князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Были также на праздникѣ графъ Самойловъ и графъ И. Я. Безбородко. 16 августа графиня Чернышева угощала лаврскую братію, при чемъ дала на трапезу 135 р. 29 августа также графиня устроила при митрополичьемъ служеніи панихиду по графѣ Захаріи, за что и прислала митрополиту 500 р., которые онъ тогда-же росписалъ служащимъ и домовымъ чинамъ.

Дворянскіе выборы.

11 сентября. Приведеніе дворянъ къ присягѣ на 3-лѣтній выборъ чиновниковъ. Дворянъ со всей губерніи сѣѣхалось очень не мало; и въ кавалеріяхъ польскихъ было до 10. А 19 сентября были приводимы къ присягѣ новоизбранные чиновники. Изъ собора всѣ и избиратели и избранные пришли въ покой митрополита членѣвѣкъ до ста съ новымъ губернскимъ маршаломъ графомъ Ржеуцкимъ. И были потчеваны въ залѣ водкою и закускою на большой столовой штукѣ. Но закуски не стало: *яко они всю ее измазали*. Видѣй при такихъ случаяхъ готовить надобно на двухъ столахъ. Потомъ все сіе собраніе, какъ состоящее все изъ католиковъ, отправилось въ костелъ для учненія той же присяги.

Пожаръ на Подолѣ.

21 ноября. Въ началѣ 9 часа учился пожаръ на Подолѣ въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, который и продолжался до 3 часа за полдень. Церковь Успенская кровлю и окошками,—также и колокольня,—сгорѣла, такъ что жалостно смотрѣть на оголѣсть, но иконостасъ остался цѣлъ, а образа и ризница вынесены. И до 300 лавочекъ разныхъ сгорѣло.

Запись 1808 г. оканчивается замѣткой, объ обилии сѣѣга въ томъ году.

Подъ 31 декабря м. Серапионъ записалъ: «Смотрѣль привезенную изъ Засы ловитву вслію рыбъ, въ двухъ возахъ состоящую. И въ двѣ только тони вытащили окуней крупныхъ до ста, линей большихъ до 60, щукъ большихъ самыхъ до 10, а малыхъ до ста. И сія велия ловитва отъ того, что велие количество сибугу было вездѣ, и рыба дохлая отъ того».

1809 годъ.

Начинается не оправдавшимися слухами о пріѣздѣ двора и великой распутницѣ—послѣдствіи велико-сіѣжной зимы, а за тѣмъ хроникеръ отмѣчаетъ обвалъ купола въ кіево-подольской успенской церкви, послѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ пожара,—устройство по-вой дороги къ Диңциру отъ никольского монастыря, отъ которой теперь и слѣда не осталось, покупку икры для лаврской братіи по 16 р. за пудъ, какъ признакъ удешевленія цѣнъ, и проч. Послѣ того начинаются отмѣтки сравнительно болѣе крупныхъ и болѣе подробныхъ.

8 апрѣля. Освященіе домовой митрополитанской въ лаврѣ церкви во имя Серапиона, арх. новгородскаго. На другой день обѣдъ въ лаврѣ, при чёмъ митрополитъ пилъ за здоровье: 1) намѣстника, церковь оную 1805 г. сент. 15 закладывавшаго, 2) назначея, планъ первый церкви сочинявшаго, 3) эконома, доставлявшаго материалы и съ казначескимъ все распоряжавшаго, 4) екклесіарха, приготовлявшаго все къ церковной утвари принадлежащее, и за всѣхъ другихъ, послужившихъ устроенію церкви. За первыхъ четырехъ тосты были провозглашены особо, а за прочихъ вообще.

Печальные вѣсти съ театра войны.

1 мая. Губернаторъ Панкратьевъ читалъ митрополиту письмо, присланное изъ арміи отъ сына, что нашихъ турки подъ крѣпостю Браиловыемъ разбили, троихъ генераловъ ранили, офицеровъ болѣе ста ранили и убили. А всего потеряли мы тутъ до 5,000 убитыми. Велие несчастіе и Божіе наказаніе!

Перестройка Зачатейской церкви, засуха и мѣры противъ нея.

17 мая. Разобрали Зачатейскую церковь, старая, каменная, на дальнихъ пещерахъ, а крыша и съ главою оставлена на подпорахъ.

А закладка обновляемой зачатейской церкви произведена 30 мая.

30 мая. Въ день закладки обновляемой зачатейской церкви, совершилъ крестный ходъ на кладезь св. Аntonія, и было зѣло зпойно. Митрополитъ освятилъ воду въ колодцѣ съ прочтениемъ на послѣдокъ молитвы о ниспосланіи дождя съ колѣнопреклоненіемъ. Купанье въ этотъ день въ лаврѣ было все постное, а рыбаго не было для моленія о дождѣ. Въ 9 часу вечера дѣйствительно шелъ дождь. *Чудо новое!* записалъ м. Серапіонъ; *видно молитва какого-либо пра-веденника услышана.* Несмотря на то, 6 іюня спала было митрополиче молебствіе, по причинѣ бездождя и засухи, на Подолѣ, подъ кладеземъ Фелиціаномъ. И послѣ полночи былъ дождь не малый и смочилъ землю. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня снова было молебствіе о дождѣ. Ходили къ андреевскому колодезю со всѣмъ старокиевскимъ духовенствомъ, гдѣ митрополитъ освящалъ воду съ моленіемъ о ниспосланіи дождя. Засуха бо продолжается отъ 15 мая до сего дня.

Устроеніе новой церкви на Оскольдовой могилѣ.

15 іюня. Митрополитъ їздилъ на Оскольдову могилу и, осмотрѣвъ старую деревянную церковь, согласился дать дозволеніе воронежскому купцу Самуилу Никитину Мещерякову, по его просьбѣ и на его кошть, построить тутъ, вмѣсто деревянной, каменную церковь. На другой день Мещеряковъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гавріиломъ Лоскуткінымъ былъ у митрополита для принятія благословенія отправиться и дать на устроеніе церкви на Оскольдовой могилѣ 6,000 р., въ дополненіе къ прежде датнымъ на сей же предметъ 2,000 р., да въ лавру вкладу 500 р. Закладка была 1 сентября. 27 сентября митрополитъ осматривалъ уже строящуюся на Оскольдовой могилѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь съ 24 склепами внизу въ стѣнѣ, съ 28 склепами въ срединѣ и съ 24 склепами на верху между колоннами,—величиною для поставки одного гроба.

Закладка нового гостинного двора на Подолѣ.

5 октября. Служеніе въ Успенскомъ подольскомъ соборѣ, по случаю обновленія храма постѣ пожара и закладки гостинного двора. Постѣ литургіи, митрополитъ съ крестнымъ ходомъ и съ

образами ходилъ на мѣсто, приготовленное для закладки гостинаго дома, т. с. къ четыремъ рвамъ, изъ коихъ два были по 57 сажень и два по 30½ сажень. Въ углу положена была доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа и именъ бывшихъ при томъ митрополита, губернатора (П. П. Панкратьева) и войта (Юрія Ивановича Рыбальского). Предъ положеніемъ доски, была прочитана митрополитомъ молитва и совершена закладка, по обычаяу, на 4 углахъ наружныхъ и 4 углахъ срединныхъ. Во время закладки шелъ дождь, а послѣ закладки была въ магистратѣ трапеза.

Освященіе дома для присутственныхъ мѣстъ.

14 октября. Было освященіе вновь построеннаго трехъ-этажнаго дома для присутственныхъ мѣстъ. Средній этажъ окроплять св. водою митрополитъ, а нижній—ректоръ академіи Іоакимъ. По окроплении дома было собраніе въ залѣ. Суды и всѣ чиновники заняли мѣсто предъ портретомъ императорскимъ и митрополитъ говорилъ имъ рѣчь краткую, за тѣмъ губернаторъ читалъ имъ по бумагѣ привѣтствіе, пѣвчіе воспѣли: *Тебе Бога хвалимъ.* Отпустъ и многолѣтіе. Обѣдъ былъ у губернатора человѣкъ на 40; за столомъ пѣли митрополичи пѣвчіе, что было еще впервые. Вечеромъ митрополитъ проѣхалъ мимо новоосвященнаго дома, который былъ иллюминованъ очень хорошо. И такъ какъ въ каждомъ окнѣ стояло по двѣ свѣчи, то отчетливо обозначался этимъ планъ всего дома.

Панкратьевская табакерка.

4 ноября. Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ, отправляясь въ уѣзды для набору рекрутъ, и между прочимъ показывалъ табакерку, отъ дворянства киевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языке брилліантовыми словами: *за добродѣтели и труды отъ шляхтицы киевской!* А 9 ноября скончалась супруга сего губернатора, и была препровождаема чрезъ Подоль въ кирку лютеранскую для погребенія.

Напрасная смерть студента.

Въ тотъ же день префектъ reportовалъ митрополиту, что студентъ Савченко, изъ крестьянъ, упалъ съ лаврской колокольни и уился до смерти.

Кавалерія и гуменъи.

27 ноября. Митрополитъ возложилъ на флоровскую игуменью Пульхерію, бывшую княжну Шаховскую, орденъ св. Екатерины, присланный ей вмѣстѣ съ реескриптомъ отъ вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны.

1810 годъ.

Денежный курсъ въ Кіевѣ.

1 января 12 лаврскій казначей и склесіархъ промѣняли 2,000 р. серебряныхъ на 5,000 р. ассигнаціями (т. е. за рубль серебряный взяли по 2 р. 50 к. асс.); а 13 февраля экономъ академіи мѣнялъ деньги несолько выгоднѣе, именно за рубль сер. браль 2 р. 55 к. асс. 27 окт. полковница Костогорова просила митрополита о дачѣ ей мѣдныхъ денегъ на промѣнъ ассигнацій, сказывая, что промѣнять нигдѣ не могла, ибо-де за ассигнаціи 5 рублей надо заплатить $2\frac{1}{2}$ рубля промѣну. Очевидно, полковница хотѣла опреки курсу уровнять для себя рубль ассигнаціонный съ металлическимъ. Въ 1816 г. курсъ уже былъ иной; промѣнивали 4 р. 30 к. ассигн. за рубль серебр.

Черногорскій архимандритъ въ Кіевѣ.

14 февраля явился къ митрополиту архимандритъ черногорскій съ крестомъ и кавалерію св. Анны 2 класса брилліантовою. Это известный Дометіанъ Владевичъ, ведшій жестокую борьбу съ митр. Іерофесемъ, съ позоромъ изгнанный изъ лавры и впослѣдствіи съ торжествомъ въ нее возвратившійся (Исторія Дометіана по документамъ синод. архива разсказана въ 1 томѣ Членій въ обществѣ Нестора. См. также ниже подъ 30 янв. 1813 г.).

Похороны губернатора Панкратіева.

13 марта въ 8 часу вечера скончался гр. губ. Петръ Прокофьевичъ Панкратіевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ побѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла, и по входѣ въ домъ вскорѣ облачился. Затѣмъ читала была у самаго гроба на польскомъ языке рѣчи предсѣдателемъ гражданскаго суда Прокурою. Послѣ литіи, тѣло было подпято чи-повниками и совершились проводы до самаго монастыря Кириллов-

скаго отъ мѣста верстъ 5 и болѣе. Шествіе продолжалось $2\frac{1}{2}$ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ быль. И были несены отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ, накрытыхъ покровами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату. Обѣднью служилъ митрополитъ. Онъ-же и отпѣвалъ тѣло со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь краткую говорилъ прот. Леванда. Тѣло предано землѣ на горѣ въ одномъ склепѣ съ женой губернатора, мѣсяца за 4 предъ симъ скончавшейся. Послѣ похоронъ было небольшое угощеніе въ сиротскомъ кирил. домѣ.

Болѣзнь и кончина протоіеря Сулимы.

6 апрѣля. Прот. Сулима, вдовецъ, членъ дикастеріи (отецъ Димитрія Сулимы, впослѣдствіи архіепископа кишиневскаго) ходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ 7 часу вечера въ покой, гдѣ пѣвчіе живутъ. И возвращаясь оттолѣ, ири сходѣ съ верхнихъ покоевъ, съ лѣстницы, съ рундука оступившись, упалъ чрезъ три ступени на полъ лицомъ и раздробилъ лѣвую ногу. И насили пять человѣкъ внесли его въ его келью. Митрополитъ послалъ больному камфоры, но повидимому безъ пользы. Болѣзнь тянулась мѣсяца $2\frac{1}{2}$ до рожеваго исхода. 20 іюня были у больного докторъ Бунге и штаб-лекарь, братъ преосв. Феофилакта. Первый сказалъ, что можно еще отѣчь, а послѣдній объявилъ, что опасность близка и скоро будетъantonovъ огопъ, ибо опухоль пошла вверхъ по ногѣ къ колѣну. Въ тотъ-же день митрополитъ посѣтилъ больного. 21 іюня Бунге вмѣстѣ съ Гординскимъ быль у больного, и донесъ владыкѣ, что примѣтно-де, что уже сдѣлалась гангрена и дни-де три больной можетъ прожить еще, если не уврачуется болѣзнь. Митрополитъ опять посѣтилъ прот. Сулиму и смотрѣлъ ногу его больную, распухшую, якъ бревно, съ разными то синими, то красными, то блѣдными пятнами. 24 іюня, въ исходѣ 6 часа вечера митрополитъ въ послѣдній разъ посѣтилъ прот. Сулиму. «И засталъ его (пишеть м. Серапіонъ) издыхающаго. Благословилъ и простился съ симъ честнымъ, трудолюбивымъ и вѣрнымъ мнѣ по дикастеріи помощникомъ. А чрезъ $\frac{1}{2}$ часа донесено мнѣ, что онъ и скончался. Да будетъ ему вѣчная память!» 25 іюня вечеромъ соборянне и члены дикастеріи вынесли изъ кельи тѣло покойнаго Сулимы въ трапезную церковь, отпѣли его и похоронили на Кудрявцѣ близъ олтаря.

29 мая. Прибылъ новый военный губернаторъ киевскій, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Пожаръ въ Межигорье.

14 июня. Въ 3-мъ часу за полночь въ бывомъ межигорскомъ монастырѣ фіансовая фабрика сгорѣла вся; а церкви тамошней каменной сгорѣли только куполы и крыша, а иконостасъ и утварь все цѣлы. Жалко, что чрезъ сіе и Кіевъ лишился великихъ доходовъ, ибо посуда съ сей фабрики во многіе города въ великомъ количествѣ была покупаема и безъ всякаго при томъ брака. 6 октября того-же года митрополитъ былъ въ Межигорье и нашелъ, что церковь отъ пожара повредилась только снаружи, а внутри все неповрежденно и благолѣпно; напечъ также, что послѣ пожара вновь заведены станки фіансовой фабрики, на коихъ уже работаютъ. Въ ту-же поѣздку митрополитъ ходилъ па имѣющійся предъ Вышгородомъ холмъ, на подобіе великой могилы, где на самой срединѣ водружель дикаго мрамора камень, выпицою болѣе аршина, плоскій, толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш. Замѣтка, быть можетъ, не лишняя для археологовъ.

24 июня. Закладка крѣпости на Звѣринецѣ и митрополичье служеніе въ Предтеченской па Подолѣ церкви, нынѣ не существующей.

5 июля. Закладка больницы Црозоровской.

Военная экзерциція Ермолова.

12 июля. Вечеромъ была воинская экзерциція въ рощѣ митрополичьяго загороднаго подворья, называемаго Шулявщина, и въ рощи къ протоку рѣчки Лыбеди; и было примѣрное сраженіе, продолжавшееся около двухъ часовъ. Послѣ (часовъ въ 10) былъ фейерверкъ въ лагерѣ близъ Папковщины. И народу была тьма. Объ этомъ примѣрномъ сраженіи, въ которомъ участвовало до 8,000 человѣкъ, предупредилъ митрополита начальникъ отряда генераль-майоръ Ермоловъ. «Ничего сего», записалъ митрополитъ, «очи мои не видѣли, но уши весь шумъ и громъ слышали, сѣдящу мнѣ въ верхлихъ моихъ цокояхъ».

18 июля. Опять была около большої гребли экзерциція воинская, тысячу изъ осми состоящая; при цупичной пальбѣ, аки бы атаку дѣлали. И народу всякаго была тьма.

3 августа. Старокиевскія крѣпостныя ворота (?) были разбиты; посему митрополитъ ѿхалъ въ лавру чрезъ пѣмецкое кладбище (?).

9 августа. Прибылъ новый гражд. губернаторъ Ланской.

30 августа. По случаю царскихъ имянинъ, былъ у военнаго губернатора М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ, продолжавшійся болѣе $\frac{1}{2}$ часа, съ пушечною пальбою. И народу была тьма до поздночи. И былъ у губернатора балъ и угощепіе велие всѣмъ.

Освященіе церкви на Оскольдовой могилѣ.

1 сентября. Было освященіе новой на Оскольдовой могилѣ церкви, заложенной ровно за годъ предъ симъ (см. выше подъ 15 июня 1809 г.). Освященіе совершено митрополитомъ съ двумя архимандритами, никольскимъ Кипріаномъ и братскимъ Іоакимомъ, и съ четырьмя старцами, при собраніи вельможъ и всѣхъ первыхъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни, всѣ приглашенные пакаунѣ отправились къ настоятелю никольского монастыря на обѣдь, человѣкъ до 40; въ томъ числѣ М. А. Милорадовичъ и Д. П. Троцкий.

15 октября. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу киевскаго вице-губернатора Четверикова, о которомъ представить государю касательно взятокъ и казать всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя.

18 октября. Являлся къ митрополиту киево- владимирскій проповѣдникъ Арсеній Кринитскій, возвратившійся изъ Петербурга и получившій тамъ орденъ св. Анны 2 класса ходатайствомъ братца своего, духовника императорскаго. (Впослѣдствіи о. Криницкій постригся въ монахи съ именемъ Варлаама и былъ архимандритомъ никольского монастыря).

1811 годъ.

Румянцевская панихида.

16 января. Митрополичья панихида въ лаврѣ по графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому. При панихидѣ были генералъ-маиоры Полетаевъ и Бернадось и два полковника, получающіе отъ графа по 1000 р. пенсіи, чтобы имъ только быть при отправленіи панихиды сей.—Мы знаемъ, что эта панихида съ тысячными пансіонерами совершалась и въ другіе годы, и должно

быть митрополить имѣль какое либоду вліяніе на назначение пенсіи, потому что генералъ Полетаевъ просилъ у владыки его по этому предмету содѣйствія. Но не знаемъ, когда эта пенсія прекратилась;— вѣроятно по смерти раздаятеля ея графа Н. П. Румянцева. (См. ниже подъ 27 сент. 1814 г. и 8 янв. 1818 г.).

Кіевскіе откупщики.

6 февраля. Возвратились изъ С.-Петербургра кіевскіе купцы: Кисслевскій, Лакерда и Барскій. А ъѣздили они за откупомъ винными и взяли на себя лично за 379,000 руб., да за пиво и медъ 23,000 руб. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая!

Пожаръ въ Выдубецкомъ.

18 марта. Во 2 часу ночи загорѣлись братскіе покои въ Выдубецкомъ монастырѣ и сгорѣла вся церкви,— деревянный корпусъ на каменномъ фундаментѣ на 25 сажень длины и на 5 ширини.

Ссыльный митрополитъ Паисій.

23 марта проѣзжалъ чрезъ Киевъ высланный изъ Яссъ въ Сузdalъ митрополитъ греческій Паисій съ провожатымъ совѣтникомъ и просилъ у Серашона па бѣдность, и дано ему, яко посланному нечаянно, *ut in exilium*, вспомоществованія 50 рублей.

Отказъ Принца Фальковскаго отъ кавалеріи.

29 апреля. Митрополитъ чрезъ секретаря консисторіи послать при своемъ письмѣ къ викарію епископу Иринею высочайшій ре- скрипти и знаки ордена св. Анны I класса, полученные наканунѣ. Возвратясь, секретарь донесъ, что Принцъ отрекается принять орденъ и не принялъ конверта и не распечаталъ его. Вечеромъ митрополитъ самъ поѣхалъ къ викарію Иринею, отрекающемся принять орденъ, съ увѣщаніемъ оставить упорство свое. Но Принцъ остался при своемъ мнѣніи. И митрополитъ, искушавъ у него чашку чаю, отѣхалъ во свояси. Чрезъ день митрополитъ опять ъѣздили къ викарію для посѣщенія его, яко больнаго, и говорилъ ему о принятіи кавалеріи. 10 мая въ царскій день рожденія великой княгини Екатерины Павловны молебствіе отправилъ епископъ Принцъ безъ возложенія недавно пожалованной ему кавалеріи.

Пожары на Подолѣ.

Въ ночь на 10 мая на Подолѣ, въ приходѣ притиско-никольскомъ сгорѣлъ одинъ домъ отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая девица 45-лѣтняя сгорѣла.

28 мая былъ пожаръ на Подолѣ у Введенія, и дворовъ до 15 сгорѣло небольшихъ.

Хлѣбный жукъ.

2 июня, осматривая сельское хозяйство въ Теремкахъ, митрополитъ нашелъ, что рожь низка и рѣдка вышла; и на каждомъ почти стеблѣ жучки сидѣли и обѣѣдали цвѣтъ въ колосьяхъ.—Похоже на то, что знамелитый впослѣдствіи *кузька существовалъ и въ 1811 году.*

Великіе пожары и смушеніе кіевлянъ.

Іюнь ознаменованъ многими пожарами въ Кіевѣ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ великий пожаръ на Подолѣ 9 іюня, когда сгорѣло 1,240 домовъ, монастыри братскій и фроловскій и больше десяти церквей. Къ сожалѣнію листокъ съ записью отъ 9 по 15 іюня утраченъ изъ дневника м. Серашіона, и по дальнѣйшимъ записямъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о впечатлѣніи ужаса, какимъ были поражены кіевляне.

14 іюня, въ 11 часу вечера «аки былъ пожаръ на Печерскѣ, противъ самой почти владимирской церкви. Сгорѣлъ домъ войта Рыбальского, и сей пожаръ навѣтъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ, и вывозили въ поле».—Какъ будто читаешь выдержку изъ новгородской лѣтописи: «по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поля жи-вишщ». И мы, прибавляетъ митрополитъ, всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и почъ почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ-же вынесли.

25 іюня была пальба изъ всѣхъ пушекъ, на крѣпости лаврской стоявшихъ, для пробы-де ихъ; что весь городъ весьма встрѣвожило, ибо не знали, для чего была пальба.

28 іюля, въ исходѣ 1 часа за полночь былъ пожаръ во дворцѣ у военнаго губернатора, аки-бы отъ зажогу, и сторѣль правый со вѣтру коринусъ.

30 июля митрополитъ ѿздиль въ Выдубецкій монастырь осматривать покой для помѣщенія погорѣлыхъ фроловскихъ монахинь.

4 августа протоиопъ Криничскій сказывалъ митрополиту о письмѣ, стихами писанномъ и прибитомъ акибы въ дому часовщика Коробки, что на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ.

7 августа митрополитъ прогуливался по обгорѣлому саду на Кудрявцѣ и замѣтилъ, что между прочимъ двѣ груши сгорѣли отъ мѣнной величины и высоты.

16 августа, вечеромъ горѣлъ домъ зятя коменданта Масси Корда близъ дому генерала Бухгольца. На другой день въ томъ-же домѣ паки горѣлъ другой флигель, и муки сгорѣло до 900 кулей.

17 августа, въ началѣ 2-го часа за полдня открылся пожаръ противъ дворца у графа Самойлова, и у аптеки сгорѣли флигеля и сараи у брата Бунге, лекаря. И пожаръ былъ сильный въ виду дому пашего софійскаго, яко на горѣ, но тихо было, Богу благодареніе! И часа чрезъ два все потушили. А всѣмъ страху многое причинено; и у митрополита карсты на конюшнѣ вытаскивали.

19 августа. Весь городъ наполненъ былъ чрезъ весь день горячимъ дымомъ, такъ что и дышать было трудно, и вдали мало что было видно. Не знали, чѣму приписать. И въ смущеніи многие бѣгали на Подолъ посмотреть, не горятъ ли тѣ?

22 августа. Митрополитъ слышалъ отъ прот. Сигиревича, акибы отсюда прислано въ С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кієва, а шесть содержатся здѣсь.

Посвященіе епископа Афанасія въ Кіевѣ.

2 сентября въ крестовой церкви было нареченіе, а 5 сентября въ лаврѣ посвященіе черниговскаго елецкаго архимандрита Аѳанасія Корчанова въ епископы иензенскіе. Посвященіе совершили м. Серафіонъ съ викаріемъ Иринеемъ и съ жившимъ въ лаврѣ на покой епископомъ Феофилактомъ (Слонѣцкимъ), бывшимъ вологодскимъ.

Комета.

10 сентября. Въ 10 часу очень ясно видна была звѣзда комета, отъ лѣтнаго запада къ сѣверу идущая, и лучи или сияніе—казалось на сажень—перпендикулярно простирались къ созвѣздію Ursae majoris. И до полночи видно было сіе явленіе очень необыкно-

венное. 15 сентября сияніе отъ кометы было косвенне или наклоннѣе къ востоку и было слабое и короткое, такъ какъ на аршинъ уже только.

Городокъ Китай.

25 сентября митрополитъ съ гостями духовными и свѣтскими обѣдали въ Китаевской пустыни, а постѣ обѣда ходили на виноградникъ, а оттолѣ на гору зѣло высокую, гдѣ былъ городокъ Китай, гдѣ видны и до днесь окопы и валы.

26 сентября прибылъ въ Киевъ сенаторъ Илья Петровичъ Аршепевский для обозрѣнія фабрики фіансовой.

Перемѣщеніе монашествующихъ послѣ пожара.

4 октября. Никольскій архим. Кипріанъ долесъ владыкѣ, что онъ съ своею братію уже перебрался въ лавру, а фроловская игуменья просила благословенія совсѣмъ перебраться въ монастырь никольскій и показывала рескрипты, ей присланный отъ импер. Маріи Феодоровны и 1,000 руб. при письмѣ об. прок. кн. Голицына.

8 октября. Въ лаврѣ было приведеніе дворянства къ присягѣ на 3-хъ лѣтніе выборы.

16 октября. Пріѣхалъ изъ С.-Петербургра сербскій архим. Мелетій, коему, по имянному указу, велѣно выдать изъ лавры два круга церковныхъ книгъ.

Надгробіе Долгорукимъ въ Лаврѣ.

21 октября. Былъ у митрополита титуларный совѣтникъ, отъ владимірскаго губернатора князя Долгорукого присланный, съ доскою мѣдною вызолоченою дзя постановленія ся при входѣ въ великую печерскую церковь въ стѣнѣ противъ чугунныхъ плить, положенныхыхъ надъ гробами его родственниковъ, славныхъ по обстоятельствамъ того времени.

15 ноября. Митрополитъ сдалъ эконому академіи, пр. Россовскому, 1,000 р., присланныхъ отъ гр. А. Р. Чернышевой для раздачи погорѣлымъ священникамъ кіевскимъ.

9 декабря. Освященіе вновь сооруженной церкви Зачатія св. Анны на дальнихъ пещерахъ.

12 декабря. Въ 7 часовъ утра военный губернаторъ прислалъ митрополиту письмо, уведомляя о полученіи имъ изъ молдавской

армії отъ главнокомандующаго Кутузова извѣстія, что турокъ у Рущука взято въ плѣнъ 12,000 и 56 пушекъ съ трехбуцужнимъ пашею и 3 другими начальниками.

25 декабря. Былъ у владыки совѣтникъ правленія Катериничъ, человѣкъ благочестивый и нѣчто жертвовалъ для благоукрашенія лавры и объявилъ, что онъ сдѣлалъ киевскимъ вице-губернаторомъ.

1812 годъ.

Кончина епископа Феофана Шляпова.

24 января. Скончался послѣ паралича цолтавско-переяславскій епископъ Феофанъ Шляповъ, бывшій викарій киевской и родной дядя извѣстнаго киевскаго домовладѣльца Н. С. Шлянова. Параличъ поразилъ преосвященнаго 15 генваря, и электрическая машина, выписанная изъ Киева отъ протопопа Манковскаго, какъ видно, не спасла умирающаго. Переяславская консисторія репортовала митрополиту о кончинѣ Феофана, требуя распоряженія о его погребеніи на основаніи синодального указа отъ 30 ноября 1783 года. Посему митрополитъ и поручилъ ѿхать въ Переяславль для погребенія пр. Феофана викарию Ирипсю.

Торжество открытия киевской гимназіи.

30 января. По просьбѣ визитатора тайного совѣтника Чапскаго (т. е. Чапкаго), митрополитъ совершилъ литургію въ лаврѣ. Императорскій уставъ, данный гимназіи, былъ внесенъ въ великую лаврскую церковь съ торжественною процессіею. Проповѣдь говорилъ катихизаторъ гимназіи, успенского собора священникъ Иванишевъ. Послѣ молебствія и многолѣтія, уставъ тотъ въ бархатномъ футлярѣ и на бархатной подушкѣ понесенъ былъ въ гимназію. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытие. Предъ гимназіею стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры. У лѣстницы встрѣтилъ митрополита т. с. Чапскій съ директоромъ гимназіи Мышковскимъ и учителями, и провелъ въ залу, где послѣ водоосвященія и многолѣтія, митрополитъ благословилъ новое учебное заведеніе иконою и библіею. Затѣмъ говорены были рѣчи польскія. Первшую рѣчь говорилъ болѣе получаса г. Чапскій, дѣлая обращенія къ г. губернатору Милорадовичу, графу Ржевутскому, губернскому маршалу Потоцкому и къ митрополиту. Вторую рѣчь

также съ комплиментами и еще длиннѣе говорилъ графъ Ржевут-скій; третью—покороче говорилъ, вмѣсто маршала губернскаго, маршалъ шовѣтовый. Наконецъ въ заключеніе говорилъ благодарную рѣчъ директоръ Мышковскій, уже на Россійскомъ языке. Потомъ военный губернаторъ взялъ уставъ, лежавшій на бархатной подушкѣ, и вручилъ директору. Въ 7 часу, уже зажженными свѣчамъ, сѣли за столъ богатый; и было обѣдающихъ болѣе ста. Когда пили за здоровье государя, былъ 101 пущечный выстрѣль.—Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскіе графа.—Послѣ обѣда митрополитъ былъ провожденъ до кареты г. Чапскаго, директоромъ и учителями; даже г. Чапскому въ карету посадженъ, по учтивости крайней польской.

Возобновленіе фроловскаго монастыря.

21 февраля. Почтмейстеръ принесъ къ митрополиту письмо отъ государя императора, присланное по естафетѣ, о скорѣйшемъ возобновленіи фроловскаго монастыря. Это порученіе митрополитъ сѣшилъ возложить на никольскаго архимандрита Кипріана и самъ часто сталъѣздить въ погорѣлый фроловский монастырь. 23 марта заключенъ былъ контрактъ съ подрядчикомъ Сѣриковымъ, который взялся за 45,000 р. построить четыре корпуса келій на 56 саженяхъ. А 5 мая митрополитъ послѣ литургіи во фроловскомъ уже отправлялъ благодарный молебень, что Богъ помогъ въ погорѣломъ монастырѣ устроить четыре корпуса келій и въ нихъ поселить монахинь, а монахини со слезами благодарили митрополита за трудъ его въ устроеніи семъ многій положенный.

Отъѣздъ викарія Иринея.

12 марта. Викарій Ириней, пожалованный епископомъ смоленскимъ, въ первый разъ воздѣль на себя апеннскую кавалерію по просьбѣ митрополита.

1 апреля вечеромъ Ириней выѣхалъ въ Смоленскъ и былъ провожаемъ братію до р. Днѣпра съ колокольнымъ звономъ, продолжавшимся болѣе часу.

2 апреля митрополитъ въ Михайловскомъ монастырѣ отпѣвалъ госпожу Ханенкову.

Безполезная саперная работы надъ пещерами.

8 апреля. На Печерскъ военные люди начали размѣрять мѣстность и пазлачили рвы для баттарей надъ самыми пещерами. Это митрополиту, какъ видно, очень не нравилось, и подъ 29 мая онъ записалъ отзывъ какого-то офицера, прѣѣхавшаго изъ Брянска съ артиллерійскими лошадьми, что инженерная работа на пещерахъ предосудженню подвержена особенно потому, что пещеры оставлены безъ защиты. Часть отъ часу было не легче. 31 мая начальникъ дальнихъ пещеръ доносилъ митрополиту, что инженерный генералъ Глуховъ хочетъ приступитьъ къ тому, чтобы на пещерахъ ломать переходы. Но митрополитъ не имѣть никакой власти надъ инженерами, и ему оставалось только похаживать надъ пещерами, да посматривать, чтб дѣлаютъ инженеры. Пробовалъ жаловаться военному губернатору Милорадовичу, но тотъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, что инженерами завѣдуетъ какой-то генералъ Опперманъ. Митрополитъ жаловался, должно быть, кому нибудь и повыше. Какъ-бы то ни было, 17 июня митрополитъ получилъ письмо отъ графа Аракчеева, и въ немъ имѣющей указъ инженерному генералу Глухову, предписывающій ему имѣть всякое попеченіе о невредимости пещеръ. Въ тотъ-же вечеръ владыка побѣхалъ къ пещерамъ, гдѣ Глуховъ подѣлалъ рвы и валы, осмотрѣлъ инженерныхъ работъ и съ торжествомъ вручилъ Глухову высочайшій указъ.

14 апреля. Благодарственное молебствіе по случаю пожалованія государемъ императоромъ 34,200 р. погорѣвшему киевскому духовенству.

Какъ отражались въ Кіевѣ события 1812 года?

24 апреля. Была у митрополита философка Турчанинова и рассказывала исторію объ измѣплачествѣ Сперанского и Магницкаго.

24 июня митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ.

27 июня философка Турчанинова первая прислала копію съ приказа арміямъ о нацаденіи французовъ на наши войска при Кониѣ.

30 июня митрополитъ, возврацаясь изъ лавры въ 10 часу вечера, напечь, что крѣпость была уже заперта, и ходили на главную гофф-вахту докладываться о пропускѣ.

3 июля принесено къ митрополиту письмо отъ Турчаниновой, коимъ уведомляеть, что сей-де часъ прибыль изъ арміи курьеръ; сказываютъ-де, что было три сраженія, всѣ выгодныя для россіянъ. А 5 июля вице-губернаторъ показывалъ митрополиту и самое письмо Багратіона о трехъ побѣдахъ небольшихъ, 27 и 28 июня и 2 июля бывшихъ.

11 июля военный губернаторъ Милорадовичъ объяснилъ митрополиту, что государь назначилъ его, Милорадовича, главнокомандующимъ надъ арміею, изготавляемо между Калугою, Волоколамскомъ и Москвою, и давалъ читать только что полученный имъ Высочайший о семъ реескриптъ. Пока митрополитъ былъ у Милорадовича, пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что миръ съ турками ратификованъ сулапомъ.

13 июля. Явился къ митрополиту архимандритъ Лазарь, который имѣлъ монастырь свой въ Пинскѣ, и мѣсто-де сіе, такъ какъ и Минскъ, занято французами; и архіепископъ-де минскій Серафимъ выѣхалъ въ Смоленскъ.

14 июля философка Турчанинова доставила владыкѣ копію съ письма о побѣдѣ 1-ю арміею непріятельской арміи, состоявшей изъ 100,000, изъ коихъ 60,000 убито и взято въ плѣнъ, а 40,000 разсѣяно безъ вѣсти; въ числѣ плѣнныхъ маршалъ Макдональдъ, а Понатовскій или раненъ, или убитъ.

Съ половины юля въ Киевъ стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 июля комендантъ просилъ у митрополита позволеніе въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 человѣкъ, да вслѣдъ за симъ будуть до 400.

20 июля. Предъ литургіею былъ прочитанъ малифестъ о всеобщемъ вооруженіи и отправленъ соборомъ молебенъ о побѣдѣ на супостатовъ. Послѣ литургіи прочитано письмо генерала Тормасова о побѣдѣ надъ саксонцами при Кобрина и отправлено благодарственное молебствіе.

22 июля. Предъ обѣднею молебенъ о побѣдѣ, одержанной надъ французами генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ.

30 июля. Была сильная пальба въ лагерь, что у Златыхъ вратъ, для учения.

2 августа. Митрополитъ повѣржалъ въ соф. соборѣ доску, выгравированную со гроба князя Ярослава.

3 августа. Извѣстіе о двѣхъ побѣдахъ подъ Полоцкомъ.

6 августа. Были у митрополита вице-губернаторъ Катериничъ, С. С. Шіяновъ и почтмайстеръ Ассонъ Савичъ и сказывали, что казну, состоящую въ золотѣ и серебрѣ, изъ Киева велено вывезти въ Москву (?!), и вывезена-де. Да и депо провіантское и комміssаріатское вывозять-де отсѣль въ Москву,—и что то-де послѣдуетъ чрезъ 4 дня, ожидать надобно.

7 августа. Были у митрополита лаврскіе намѣстникъ и казначей по дѣлу о сохраненіи сокровищъ лаврскихъ. Митрополитъ ъз-дилъ къ губернатору и говорилъ съ нимъ объ угрожающихъ обстоятельствахъ, но, какъ видно, ни къ какому рѣшевію не пришли. Впрочемъ *16 августа* митрополитъ послалъ въ Черниговъ къ генералу-губернатору Лобанову письмо относительно сохраненія сокровищъ церковныхъ въ вышѣшихъ обстоятельствахъ.—Кажется, все ограничилось тѣмъ, что лаврскія драгоцѣнности были положены въ сундуки для случая.

15 августа. Былъ крестный ходъ съ иконою Богоматери кругомъ всей лавры.

16 августа. Митрополитъ ходилъ съ братію въ верхній скарбецъ, гдѣ отбирали серебро, безъ употребленія лежалшее, для пожертвованія отечеству. Въ тотъ-же день митрополитъ получиль отъ Шіянова непріятное извѣщеніе, что Смоленскъ занятъ французами *7 августа*. Но за то *2 сентября* Шіяновъ прішелъ къ владыкѣ съ извѣстіемъ, аки-бы одержана нашимъ войскомъ побѣда подъ Можайскомъ, и взято будто-бы отъ 70 до 100 пушекъ, и до 70,000 побито и ранено, и взять акибы въ чолонѣ король неапольскій, зять Наполеоновъ Іоакимъ Муратъ. *15 сентября* допель до кіевскаго владыки слухъ о московскомъ пожарѣ. *Inter rumores varios hoc a multis audiri, quasi Mosquam adivit Napoleon et multa ibi igne consumsit.* O avertat Deus hoc summum malum!

20 сентября вице-губернаторъ сообщилъ митрополиту, что Москва точно французами занята *2 сентября* и много-де предмѣстій выжжено; а наканунѣ комендантъ сказывалъ митрополиту, со словъ проѣзжавшаго курьера, акибы съ Австріею у насъ миръ объявленъ и посланникъ-де пашъ поѣхалъ въ Вѣну,—также и съ саксонцами. *29 сентября*, лекарь Бунге сказывалъ митрополиту, акибы Москва была сдана французамъ па капитуляцію. Наконецъ *3 октября* ми-

траполиту удалось получить прямое известие о Москве. Киевский воздвиженский священникъ, юзившій въ С.-Петербургъ, не могъ уже возвратиться чрезъ Москву, а проѣхалъ чрезъ родину митрополита, Александровъ и привезъ письмо отъ митрополичьяго племянника Симона Ив., священника Александровскаго девичьяго монастыря. Племянникъ писалъ, что они находятся въ великомъ страхѣ, ожидая сжечасно нашествія непріятельскаго, что московскій митрополитъ въ машицкомъ монастырѣ, а викарій его во Владимірѣ, а синодальная-де и лаврская ризницы вывезены въ Вологду, а мощи-де преп. Сергія скрыты подъ спудомъ. «О великій гнѣвъ Божій!» замѣтилъ митрополитъ, и при первой возможности послать въ Александровъ 500 р. 23-мъ бѣднымъ родственникамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы.

20 сентября въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, изъ чего разныя дѣлали заключенія.

1 октября прибыль въ Кіевъ генераль отъ кавалеріи А. М. Тормасовъ проѣздомъ изъ арміи западной въ армію подмосковную, а выѣхалъ изъ Кієва 4 октября.

20 октября. Молебень о побѣдѣ надъ королемъ неаполитанскимъ, одержанной 6 октября генераломъ Бенигсеномъ подъ Вороновъмъ.

26 октября. Митрополитъ читалъ письмо генерала Милорадовича къ кіевскому гражд. губернатору, коимъ увѣдомляется, что «Москва нами занята сего октября 11 числа, и взошелъ генераль Еловайскій первый въ городъ, а непріятель ретириуется по разнымъ дорогамъ». И затѣмъ послѣдовали все уже пріятная известія.

3 ноября митрополиту сообщено о побѣдѣ, 27 и 28 октября въ 40 верстахъ отъ Смоленска одержанной, гдѣ взято нашими 63 пушки и 3,500 пленныхъ, а болѣе того побито.

18 ноября митрополитъ узналъ, что гдѣ-то русскіе взяли въ пленъ 17,000, 8 генераловъ, 200 пушкъ и страшный обозъ.

22 ноября получено было письмо отъ фельдмаршала князя Кутузова о совершиенной безопасности кіевской крѣпости, объ открытии всѣхъ мѣсть присутственныхъ и о возвращеніи госпиталя изъ Переяславля.

24 ноября. Подишка въ пользу разоренныхъ отъ французовъ. Митрополитъ подписалъ отъ лавры 5,000 р., да отъ себя лично

1,500 р. с., губернаторъ 500 р., вице-губернаторъ 300 р. и т. д. Всего-же отправлено было лаврскимъ казначеемъ оберъ-прокурору си. синода на разоренныхъ отъ французовъ 13,575 р.

Панихида по м. Платонѣ.

19 декабря. Торжественная панихида по московскому митр. Платонѣ въ софійскомъ соборѣ, а *21 декабря* въ лаврѣ. Митрополитъ Серапионъ при семъ раздалъ на свой счетъ 390 пятикопѣчныхъ булокъ лаврской братии и оставилъ на сорокоустіе 50 р.

1813 годъ.

Крестный ходъ въ лаврѣ.

1 января былъ крестный ходъ кругомъ лавры съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Предварительно митрополитъ говорилъ съ амвона рѣчь, въ коей изъяснялъ причины хода. Вносясь въ г-жа философка Турчанинова составила описание сего хода, въ коемъ участвовало все кіевское духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое. А *26 января* былъ благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ врага, при чёмъ читаны были, по силѣ указа св. синода, два высочайшия манифеста.

Погребеніе войта Рыбальского.

24 января умеръ войтъ Рыбальский, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и любимый, и умный. Отпѣвали митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычая: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, предъ гробомъ щахло до ста гражданъ въ найлучшемъ уборѣ, на найлучшихъ лошадахъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ. Похоронили войта Рыбальского *29 января* на Щекавицѣ, гдѣ его стараліемъ сооружена каменная церковь.

30 января явился къ митрополиту черногорскій архимандритъ Дометіанъ Владевичъ, коему дозволено пребываніе въ лаврѣ, съ письмомъ отъ министра полиціи и отъ посланника пісъ Вѣны князя Куракина.

1 марта. Московский купецъ Ждановъ поднесъ м. Серапиону книжку, имъ сочиненную, о его бытствѣ изъ Москвы отъ французовъ.

23—25 марта, пребываніе въ Киевѣ в. кн. Екатерины Навловны, которая пожертвовала къ чудотворной лаврской иконѣ звѣзду бриллантовую съ превеликимъ аметистомъ по срединѣ, а сама получила изъ лавры до 10 частицъ мощей здѣшнихъ преподобныхъ.

11 апреля. Привезенъ въ Киевъ и погребенъ въ Выдубецкомъ монастырѣ трупъ полковника Василицкаго, убитаго подъ Бородино.

Покражка въ лаврѣ.

10 августа украдены въ лаврѣ кружечные деньги до 14,000 р.; а 17 ноября обокрали въ лаврѣ уставщика Гавриила: взято 4 мѣшка мѣдныхъ денегъ и до 600 р. ассигнациями и шуба; вирочемъ въ тотъ-же день и воръ, и украденное пайдены.

30—31 августа было въ Киевѣ проѣздомъ въ свою епархію могилевскій епископъ Даніилъ (Мирданскій) и подарилъ митрополиту 12 бут. венгерскаго и 32 арш. матерії.—Это приношеніе по видимому нѣсколько удивило митрополита.

Посвященіе въ Киевѣ двухъ епископовъ.

13 сентября было нареченіе, а *14 сентября* посвященіе каменець-подольскаго архимандрита Стефана во епископы житомирскіе; что было учинено митрополитомъ съ воадьюторомъ Ирииесемъ и Феофилактомъ, бывшимъ вологодскимъ.

13 октября было нареченіе, а *14 октября* посвященіе курскаго архимандрита Аполлона во епископы харьковскіе. Дѣйствующіе въ обрядѣ архіереи были тѣ же. На мѣсто новопосвященного епископа опредѣленъ въ Курскъ архимандритомъ ректоръ академіи Іоакинъ.

1814 годъ.

15 января. Былъ благодарный молебенъ по высочайшему манифесту, что наши побѣдоносныя знамена развѣиваются уже на берегахъ р. Рейна.

25 января. Сиѣгъ съ пургою, и великое множество его выпало.

12 апреля. Торжественное молебствие по случаю вступления Государа Императора въ Парижъ. Народу и господь было очень много, а особливо господь никогда почти столько не бывало. Послѣ молебна господа всѣ съ чиновниками заходили къ митрополиту, человѣкъ почти до ста. И тутъ предложено ознаменовать сіе чрезмѣрно радостное происшествіе подпиською на инвалидовъ денежною. Митрополитъ первый подписалъ 200 р., остальные тутъ же въ залѣ сотъ до семи.

27 июня. Отпѣваніе протоіеряя Леванды, скончавшагося 25 июня¹⁾.

28 июня. Торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, по случаю высочайшаго манифеста о заключеніи мира съ Франціею. 101 пушечный выстрѣль. Вечеромъ иллюминація. «И были для торжества иллюминованы софійская и лаврская колокольни. На первой было сто плошечъ, а на второй 200, къ великому удовольствію гражданиъ».

Приношенія въ лавру гр. Н. Н. Румянцева.

27 сентября. Былъ въ Киевѣ государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, а на другой день прислалъ въ лавру, гдѣ погребенъ его родитель, панагію брилліантовую всебогатую для митрополита, вѣтвь масличную и жезлъ фельдмаршалской золотые, брилліантами украшенныес.—Послѣдняя двѣ венцы и теперь хранятся въ лаврской ризницѣ.

1 октября. Прибылъ въ Киевъ графъ М. А. Милорадовичъ, герой, орденами обвѣшанный, и будучи 4 октября у митрополита на обѣдѣ, казаль златую шпагу, брилліантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость пожалованную ему Государемъ Императоромъ.

1815 годъ.

23 января. Былъ въ Киевѣ и у митрополита графъ Витгенштейнъ, герой видный, росту высокаго, орденами обвѣшанъ.

26 января. Былъ въ Киевѣ и у митрополита зейбъ-кучеръ Государя Императора, изъ Вѣны пріѣхавшій на бого molie въ Киевъ,

¹⁾ Обстоятельство это подробно описано въ кнагѣ Ф. А. Терновскаго: *Протоіерей Іоаннъ Леванда. Кіевъ. 1879 года.*—Ред.

съ бородою червою и съ усами раскольническими(!), въ кафтанѣ кунеческомъ, кушакомъ подпоясанномъ. Митрополитъ благословилъ кучера книгами и просфорою, что онъ принялъ, павъ на колѣни, съ душевнымъ восторгомъ.

26 апраля. Скончалась старушка Анна Александровна Турчинова, супруга полковника и первого камердинера императора Петра III, и погребена торжественно 28 апраля въ Выдубецкомъ монастырѣ.

20 іюня. Манифестъ по случаю вачатія войны съ Франціею.

14 іюля. Выпускной экзаменъ въ киевской гимназії. Новоприведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ раздалъ имъ и шпаги.

27 іюля. Получено было высочайшее повелѣніе срыть на пещерахъ валы и привезть все въ первобытное состояніе и все сдѣлать на государственный счетъ. Митрополитъ и заврскіе старцы возрадовались и благодарили Божію Матерь, и прочитано было оное высочайшее повелѣніе памѣстникомъ въ присутствіи митрополита въ средѣ старцевъ.

26 декабря. Молебенъ по случаю получения радостнаго извѣстія, что всеобщій миръ уполномоченными подписанъ 8 ноября въ Парижѣ.

1816 годъ.

29 мая. Присланы отъ государя императора золотые сосуды для Софійского собора при рескрипти къ митрополиту.

30 мая—3 іюня. Пребываніе въ Кієвѣ в. кн. Николая Навловича.

27 іюня. Господарь молдавскій Испілантій, жившій въ Кіевѣ, скоропостижно скончался въ 8 часу утра, на 56 году отъ роду. Мѣсто для погребенія было назначено въ Георгіевской церкви, въ углу за правымъ клиросомъ, где и въ настоящее время возвышается мраморный монументъ. Могила была вырыта съ трудностію по причинѣ оказавшихся подъ поломъ каменныхъ стѣнъ и большаго дикаго камня. Погребеніе было совершено 30 іюня. Тѣло вынесли изъ дома господарскаго противъ столбовой никольской церкви (т. е. никольского монастыря, именовавшагося *Слуга*), при величайшемъ стеченіи господъ и народа: 15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами. Литургія и

отпѣваніе были въ Софійскомъ соборѣ. Вдовица-княгиня была въ сильнейшей скорби.

8 августа. Былъ у митрополита князь Голицынъ, зять покойнаго князя Прозоровскаго, съ просьбою о переносѣ тѣла покойнаго изъ лавры въ церковь, отъ нихъ при больницѣ устроенную (въ Прозоровскую башню).

Пребываніе Императора въ Кіевѣ.

30 августа. Получено формальное увѣдомленіе, что Государь Императоръ въ Кіевъ прибудетъ къ 7 сентября и пробудетъ до 12.

7 сентября. Четверг. Въ половинѣ 7 часа вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ лавру, гдѣ во св. вратахъ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ братією въ полномъ облаченіи и привѣтствованъ рѣчью. Потомъ провождентъ, при пѣти братію и пѣвчими стиха: *Днесъ благодать св. Духа, до церкви.* По вішествіи въ оную, запѣли шевчіе: *Достойно есть,* въ которое время изволилъ прикладываться къ мощамъ при препровожденіи митрополита. Потомъ эктенія и многолѣтіе. И отбылъ изъ лавры; и зажжена была иллюминація на колокольнѣ. И иллюминована была и колокольня софійская.

8 Сентября. Иятиниа. Праздникъ Рождества Богоматери. Въ 11 часу изволилъ прибыть къ собору Государь Императоръ и встрѣченъ у св. воротъ митрополитомъ съ духовенствомъ, причемъ митрополитъ говорилъ краткое привѣтствіе. Но вішествіи въ соборъ, Государь изволилъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ. Потомъ началась обѣдня, которую совершалъ митрополитъ съ тремя архимандритами и четырьмя соборными. Проповѣди не было. Послѣ литургіи, Государь изволилъ входить въ новую ризницу, осмотрѣлъ мозаїку и гробъ Ярославовъ. Послѣ посѣтилъ митрополичи покой, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канапѣ, предстоящимъ генераламъ, и графинѣ Браницкой, и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчіванъ сперва кофеемъ съ чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего поль-рюмки искушалъ за здоровье митрополита, и немногого откушалъ вырезуба и пирожка частицу. И отбыть изволилъ благополучно и радостно для всѣхъ съ шумомъ ура у собора.

9 сентября. Суббота. Во 2-мъ часу дня митрополить ѿздили къ Государю съ духовенствомъ, и подносими были иконы: отъ лавры образъ Успенія въ окладѣ, и хлѣбъ, и книги; отъ собора образъ Софіи, премудрости Божіей, отъ фроловскаго монастыря образъ Вознесенія и хлѣбъ, а отъ академіи ода. И принято было благоволительно. Пригласивъ митрополита во внутренніе покой, Го- сударь бесѣдовалъ съ нимъ милостию и обѣщался завтра слушать въ лаврѣ обѣдню, поемую лаврскими старцами.

10 сентября. Воскресенье. Прибытие государя въ лавру послѣдовало въ исходѣ 11 часа; и былъ встрѣченъ у вратъ святыхъ экономомъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитомъ съ крестомъ. И по вшествіи, изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушать литургію, совершающую митрополитомъ, спѣвае- мую братію и продолжавшуюся два часа. Послѣ литургіи, Госу- дарю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащи къ рукѣ. Затѣмъ Государь прощенъ былъ въ архи- мандричи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, ра- зоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарили Государя за посѣ- щеніе и подчиналь его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и Госу- дарь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ потчива- рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ бытъ на обѣдѣ у Государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митрополитъ, графъ Сакенъ и графъ Рже- вутскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человѣкъ, и всѣ почти генералы. Въ 5 часу встали изъ за стола и Государь, поговоривъ немногого, откланился. Кушанье для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше.

11 сентября. Понедѣльникъ. Полученіе митрополитомъ брил- лантовыхъ знаковъ ордена Андрея Первозваннаго, а лаврскимъ на- мѣстникомъ бриллантового креста. Посѣщеніе Государемъ академіи.

12 сентября. Вторникъ. Государь изволилъ слушать обѣдню, отправляемую однимъ намѣстникомъ въ церкви преп. Антонія. Послѣ обѣдни митрополитъ представилъ Государю схимника во всемъ схимническомъ одѣяніи, который и благодариль за пожало- ванный ему бриллантовый крестъ. Изъ церкви Государь прощенъ бытъ въ кельи начальничья, гдѣ, мало наливъ вина, выпилъ за

здравье митрополита, и много разглагольствовалъ о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди 15,000-ной арміи въ 7 церквахъ. Потомъ Государь зашелъ въ лаврскую великую церковь, гдѣ приложился къ образу Божіей матери. При выходѣ митрополитъ поднесъ Государю образъ пречистой и сказалъ краткую благодарную рѣчъ. «И тако», заключаетъ митрополитъ свое сказаніе о пребываніи Государя въ Киевѣ, — «въ исходѣ 10 часа за полночь отбылъ Государь, сѣвъ въ коляску у вратъ святыхъ, въ дальнѣйшій путь. И симъ все совершилось благополучно. Проводивъ, взошли въ церковь и отпѣли благодарный молебенъ за вся благая, памъ ниспосланная чрезъ царя благочестивѣшаго».

Освященіе церкви въ инвалидномъ домѣ кн. Прозоровскаго.

21 сентября. Литургію совершалъ митрополитъ. Послѣ тутъ и обѣдали. За столомъ было до 30 человѣкъ, все почти генералы, да дамъ до 5: кн. Прозоровская, генеральша Раевская, кн. Голицына хозяйка, да генеральша Давыдова. Обѣдъ былъ богатый.

27 октября. Митрополиту была доставлена чрезъ г. Шпанова ода, сочиненная полковникомъ Морозовымъ па прибытіе въ Киевъ Государя Императора.

31 октября. Былъ у митрополита сенаторъ Болотниковъ съ объявленіемъ о назначасомъ имъ мѣстѣ для католицкой церкви, гдѣ аптека, близъ дворца.

1817 годъ.

9—12 января. Пребываніе въ Киевѣ преосв. Михаила черниговскаго, виослѣдствіи м. петербургскаго.

13 апреля. Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому Государю, аки бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена.

24 апреля. Присланъ отъ Государя Императора въ Михайловскій монастырь образъ архангела Михаила, въ златой ризѣ, брилліантами и другими драгими каменями украшенный.

23 мая. Митрополитъ осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 г. хранились деньги серебромъ 10,000 и золотомъ червонцевъ тысяча.

О лаврскомъ скарбцѣ упоминается въ дневнике владыки еще разъ, именно подъ 15 февраля 1805 г., именно, что митрополитъ и старцы ходили въ скарбецъ, что въ великой церкви, и золожили остатковъ отъ прошлаго 1804 года, за расходами разною монетою 20,000 р. къ имѣемымъ отъ прежнихъ годовъ 55,000 р. Кроме 12,000 златыхъ, qui sub pavimento absconditae тутже. О похищенніи изъ лаврскаго скарбца см. подъ 4 марта 1821 года. Существуетъ ли въ настоящее время лаврскій скарбецъ, не знаетъ.

Открытие кіевскаго отдѣленія россійскаго біблейскаго общества.

11 Августа. Въ лаврской церкви былъ отслуженъ молебенъ съ проповѣдью Божія благословенія на начатіе благаго дѣла сего, при чёмъ были генералъ Раевскій, Капцевичъ, комендантъ Масен, губернаторъ Назимовъ и прочее дворянство и купечество. Изъ церкви всѣ пошли въ митрополичиіи покоя и заняли мѣста въ большой залѣ. Митрополитъ произнесъ рѣчь (которую случайно бытій при семъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ запискахъ не похвалилъ и назвалъ рутинною). Затѣмъ читаны были правила біблейскаго общества, была подписька приношеній (при чёмъ митрополитъ подписалъ 1,000 руб. единовременно и 300 р. ежегодно) и выборъ членовъ комитета. Собрание началось пѣніемъ духовныхъ стиховъ: *Днесъ благовать ся. Духа нась собра, и Благословенъ еси Христе Боже нашъ, и закончилось пѣніемъ: Тебе Бога хвалимъ.* 25 августа было первое собрание, на коемъ въ добавку къ прежнимъ выбрали новые директора, въ томъ числѣ пасторъ лютеранскій.—Изъ этого видно, что біблейское общество имѣло не вѣроисповѣдный, а общехристіанскій характеръ.—Въ слѣд. 1818 г., апрѣля 4, у митрополита были англійскій пасторъ и раздаватель бібліи и нового завѣта евреямъ и другой міссіонеръ англичанинъ (Гендерсонъ и Патерсонъ) и много разговаривали обѣ обращеніи евреевъ въ вѣру христіанскую.

30 Августа. Закладка костела католицкаго близъ театра на горѣ.

Священикъ—авторъ.

14 Сентября. Митрополитъ произвелъ въ протоіеремъ чернобыльскаго священника Іоанна Рубановича, 70-лѣтняго, автора исто-

рической книги на польскомъ языке: «О началѣ церкви христіанской до послѣднихъ временъ съ возраженіями о заблужденіяхъ римской церкви».

5 декабря. Увѣдомленіе оберъ-прокурора св. синода кн. Голицина о томъ, что государь приказалъ отдать кіево-печерской лаврѣ рыбную ловлю въ черниговской губерніи.

18 декабря. Княгиня Испилати просила митрополита о дозволеніи совершать для неї богослуженіе греч. іеромонаху съ острова Патмоса.

1818 годъ.

8 января. Панихида по графу Румянцеву, на которой былъ сынъ его, графъ Семенъ Петровичъ, и ассистентами были шесть кавалеровъ, получающихъ тысячную пенсію, и солдатъ два батальона подъ командою генералъ-майора Орлова. За панихиду графъ далъ братіи 500 р., а воинамъ 4000 рублей.

12 марта. Раздача кіевскимъ іереямъ бронзовыхъ крестовъ на владимірской лентѣ въ память войны 1812 года.

22 октября. Подполковница Марья Степановна Высоцкая лично просила митрополита объ устроеніи въ Выдубецкомъ женского монастыря (въроятно на ея счетъ). О томъ же просила она и св. синодъ. Просьба, какъ видно, осталась безъ послѣдствій.

19 ноября. Устроено вновь въ церкви преп. Варлаама, на близкихъ пещерахъ, иконостасъ мытный, позолоченный очень блестительно чрезъ огонь, на что 239 червонцевъ пошло.

20 ноября. Лаврскій намѣстникъ со встревоженнымъ духомъ заявилъ митрополиту затрудненіе намѣстнической должности, болѣе жалуясь на типографа о постановленіи ангела близъ нужнаго мѣста.

30 декабря. Похороненіе на Оскольской могилѣ полковника Будьянского, скончавшагося отъ прорванія пупка. Послѣ похоронъ полицмейстеръ, провожая митрополита, положилъ ему въ карету 800 р., чѣмъ владыка былъ удивленъ.

1819 годъ.

8 февраля. Панихида по королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ, скончавшейся на 32 году.

23 мая—3 июня. Двѣнадцать дней гостилъ въ Киевѣ Антоній, архіепископъ подольскій.

20 августа. Молебенъ о рожденіи в. кн. Марии Николаевны, а *31 августа* о крещеніи ея.

13—14 сентября. Былъ въ Киевѣ военный министръ Петро Петровичъ Коновницький.

28 сентября. Открытие кіевской академіи по новому уставу (См. *Труды к. д. ак.* 1883 № 2).

1820 годъ.

11 апреля. Генеральное собраціе біблейскаго общества въ лаврѣ.

1821 годъ.

Похищеніе изъ лаврскаго скарбца.

4 марта. Похищено неизвѣстно сколько изъ лаврскаго скарбца церковнаго казенныхъ денегъ 18.897 р. Подозрѣвался какой-то іером. Федоръ. Найдено какое-то орудіе, подкинутое за иконостасомъ. Наконецъ воръ былъ отысканъ въ Бердичевѣ совѣтникомъ Саксомъ, слѣдователемъ дѣла, и представлена митрополиту. По описанію владыки, въ его залѣ, 7 мая въ 12 часовъ дни, разыгралась слѣдующая сцена. Полицмейстеромъ и совѣтникомъ Саксомъ воръ былъ привезенъ и введенъ въ залу. Воръ просилъ, чтобы чиновники оные тутъ не были, а были бы духовные, архимандритъ, или протоиохъ, или іеромонахъ. Митрополитъ приказалъ взойти въ залу своему economy игумену Никандру и духовнику, при коихъ воръ былъ спрашиваемъ и признавался въ похищениіи въ лаврѣ въ соборѣ денегъ и много говорилъ о своихъ беззаконіяхъ и преступленіяхъ великихъ, коимъ онъ не надѣется здѣсь получить отщущенія и разрѣшенія, но понесеть на тотъ свѣтъ великое бремя своихъ грѣховъ и будетъ съ Богомъ говорить. Митрополитъ всячески утѣшалъ грѣшника, но тщетно. За тѣмъ воръ много жаловался на духовныхъ, которые ему ни хлѣба куска, ни кваса просящему не давали. А отходя совсѣмъ, сказалъ: я васъ въ другой разъ не увижу.—Воръ по имени не называется, но очевидно это былъ кто-то изъ лаврской братіи. Въ тотъ же день вечеромъ, памѣтникъ доложилъ владыкѣ, что преступникъ былъ въ лаврѣ у схимника, и отѣхавъ

отъ него съ полицмейстеромъ, преступникъ велѣль, проѣхавъ домъ Ахордовъ, остановиться и у конюшни въ навозѣ порыть. Найденъ былъ боченочекъ такой, въ какихъ сельди продаются, закупоренный. Въ боченочкѣ оказалось 345 полуимперіаловъ и 1600 руб. ассигн.

14 мая. Опущеніе отъ склепа (въ приѣздѣ архидіакона Стефана) привезенного въ лавру тѣла генераль-фельдмаршала Ив. Вас. Гудовича. Митрополитъ совершилъ надъ гробомъ панихиду со всѣмъ киевскимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, за что сынъ Гудовича доставилъ владыкѣ 2,000 р.

15 мая. Бракосочетаніе генераль-маіора Мих. Осод. Орлова (впослѣдствіи декабриста) съ дочерью генерала Н. М. Раевскаго, Екатериною въ церкви Спаса на Берестовѣ. Пѣли митрополичьи пѣвеціе, и дано имъ отъ жениха сто руб. ассигн.

7—10 августа. Былъ въ Кіевѣ Досюеї, еп. бывшій орловскій.

16 августа. Пожаръ въ фроловскомъ монастырѣ небольшой.

25 августа. Пожаръ юрданской церкви на Подолѣ.

Отголоски греческаго восстания.

3 сентября. Былъ у митрополита архимандритъ (Наисій, грекъ), который тѣло убиеннаго Григорія, патріарха константинопольскаго, привезъ въ Одессу. Около того же времени сказывали митрополиту генералъ Раевскому, что въ Одесѣ такая бѣдность у грековъ изгнанниковъ, что продаютъ собственныхъ дѣтей. А г-жа Турчанинова рассказывала владыкѣ, что Иисиланти, сынъ господаря, умершаго въ Кіевѣ, собирается въ Молдавіи добровольцевъ.

7—10 октября былъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ, епископъ бывшій владимірскій, пожалованный архіепископомъ каменець-подольскимъ, проѣздомъ на свою епархію.

27 октября. Скончался архим. Гавріїлъ на 87 году, жившій въ лаврѣ на обѣзданіи почти 20 лѣтъ.

За 1822 годъ дневника не сохранилось.

1823 годъ.

Кончина епіскопа Иринея.

29 апреля. Въ 10 часу утра Ириней епіскопъ, викарій кіевскій, ие болѣвъ, скончался скоропостижно.

9—12 іюля. Былъ въ Киевѣ М. М. Сперанский. 11—16. Былъ въ Киевѣ проѣздомъ въ Петербургъ Димитрій Сулима, архіепископъ кишиневскій. 21—24. Былъ въ Киевѣ и у м. Серапіона графъ А. А. Аракчеевъ.

1824 годъ.

Кончина протоіерея Снигиревича.

11 یєнваря. Утромъ скончался протоіерей софійского собора Димитрій Снигиревичъ. «Вѣчная ему память!» записалъ м. Серапіонъ, «а о дѣлахъ его Богу судить, и въ причиненныхъ имъ мнѣ оскорбленияхъ Богъ его да проститъ!»

17 фесоря. Пожаръ на Печерськѣ, гдѣ всѣ близъ владимірской церкви деревянныя лавки въ два часа сгорѣли.

Археологическая находка.

24 іюля. Учитель гімназії г. Берлинскій приносилъ м. Серапіону венци, найденные мѣщаниномъ киевскимъ подъ горою противъ церкви трехъ-святительской, какъ то: панагія золотая, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, и двѣ серебрянныя большія серги, съ изображеніемъ на нихъ животныхъ во вкусѣ того времени, и двѣ штучки золотыхъ съ жемчугомъ (надобно думать, были онѣ у евангелія на корнѣ).

Вотъ все, чѣмъ мы могли выбрать сколько-нибудь цѣпнаго для характеристики киевской общественной жизни изъ дневника митр. Серапіона! Не велика наша находка! И на это двѣ причины: тихо былся пульсъ киевской общественной жизни, и близорукъ былъ старческій взглядъ м. Серапіона, только скользившій по поверхности явленій. Но что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКІХЪ КОЛОНІСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ^{1).}

Въ концѣ 1775 года назначенъ былъ намѣстникомъ и генераль-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Такъ какъ въ составъ астраханской губерніи входилъ еще съверный Кавказъ,—насколько онъ принадлежалъ вамъ,—то къ обязанности Потемкина относилось также веденіе дѣлъ кавказскихъ. Положеніе этихъ дѣлъ было такого рода, что побудило Потемкина, между прочими мѣрами, приступить къ колонизації громаднаго района незаселенныхъ земель, тянувшихся отъ Моздока до Азова, на протяженіи пятисотъ верстъ^{2).} Впрочемъ, еще до Потемкина правительство сознавало необходимость распространенія какъ можно болѣе «россійскихъ селеній» у Кавказа, вверхъ по Тереку. Въ сенатскомъ указѣ 20 сентября, 1762 г. было высказано мнѣніе, что съ помощью липы такихъ селеній возможно будетъ скорое и действительно прочное покореніе «варваровъ» (кавказскихъ горцевъ). Поэтому Потемкину предстояло только осуществить указанную сенатомъ мѣру, и надо отдать ему справедливость: онъ первый положилъ основаніе широкой колонизації дотолѣ пустыннаго края. Такъ, послѣ устройства по моздокско-азовской линіи ряда военныхъ укрѣплений, объявлено было о раз-

¹⁾ Существенный матеріалъ для этой статьи взятъ изъ «Сентенцій отъ 5 мая 1855 года военно-судной коллегіи, учрежденной при ставропольскомъ уѣздномъ судѣ надъ зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущенія маслакутскихъ крестьянъ въ 1853 году (современная копія).

²⁾ Полное Собр. Зак., т. XX, №№ 14,464 и 14,607.

дачѣ подъ поселеніе на этой линіи земель однодворцамъ и всѣмъ другимъ, безъ различія рода и званія¹⁾, т. е. открыть быль свободный притокъ гражданскому населенію. Затѣмъ, со дня образования кавказской области, указомъ 9 мая 1785 г. на имя генераль-поручика Павла Сергеевича Потемкина (двоюроднаго брата князя Потемкина), предоставлялось кавказскому генераль-губернатору право раздавать земли, остающіяся отъ надѣла переселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ *населить ихъ и завести хозяйства*²⁾. Этотъ указъ открылъ путь частному землевладѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостной колонизаціи. Но насколько легко было помѣщикамъ получить землю, настолько трудно и убыточно показалось имъ заселять ее собственными крѣпостными людьми. Переводить ихъ изъ Россіи—значило обезсиливать уже устроенные хозяйства; помимо того, заводить хозяйства на одинъ свой страхъ здѣсь, на посомъ мѣстѣ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, представлялось дѣломъ рискованнымъ: сплошь и рядомъ бывали примѣры, что однимъ наѣгомъ горцевъ въ какой нибудь часъ истреблялось то, что стоило долгаго труда и не малыхъ денежнѣхъ затратъ³⁾. Въ виду этого, собственно крѣпостная колонизація достигла на сѣверномъ Кавказѣ самыхъ незначительныхъ результатовъ⁴⁾, и земли многихъ частныхъ владѣльцевъ могли-бы остатся вовсе не населенными, если-бы на подмогу не явились колонисты—бѣглые.

Извѣстно, что въ послѣдней четверти XVIII в. положеніе нашего крестьянства значительно ухудшилось. Если указами 70-хъ годовъ помѣщикамъ дано было право ссылать крѣпостныхъ за дерзости въ каторжную работу и въ Сибирь на поселеніе, а у крестьянъ отнято право заносить на господъ членитѣ за всякія беззаконія и притѣсненія⁵⁾, то жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. предоставила помѣщикамъ такія права, большие которыхъ

¹⁾ Ibid., т. XXI, № 15,619; т. XXII, № 16,401.

²⁾ Ibid., т. XXII, № 16,194.

³⁾ Примѣры см. у Буткова: >Матеріалы для новой истор. Кавказа<, издан. 1869 года, или у Дубровина: >Братья Потемкины на Кавказѣ—Русский Вѣстникъ<, 1878 г., кн. 12, стр. 545.

⁴⁾ >Хозяйствен. описание астрах. и кавказской губерній<, издавіе 1809,—>Статистические труды П. Штукенберга<, т. 1, изданіе 1857 года.

⁵⁾ II. С. З., т. XVII и XVIII, № 12,511, 12,556, 12,557 и 12,966.

уже и давать было нечего: крестьянинъ сдѣлался полною частною собственностью помѣщика, собственностью, на которую онъ имѣлъ такое-же вещное право, какъ на прочее недвижимое имѣніе¹). Хорошо, если помѣщикъ былъ »добрымъ экономомъ« и по совѣту неизвѣстнаго автора записки, поданной въ 1791 г. въ »Вольное Экон. Общество« заботился о крестьянахъ, какъ о домашней скотинѣ, имѣя въ виду размноженіе рабочаго племени,—тогда по крайней мѣрѣ возможно было жить; но такие »экономы« случались въ рѣдкость; на оборотъ: »многіе помѣщики, по свидѣтельству современника, были до того жестоки, что охотниче заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большую частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ²). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, юридическое право протеста противъ рабовладѣльческаго гнista у крестьянъ было отнято, послѣдовавшее же протеста открытаго, фактическаго еще срѣди были въ памяти; оставался, слѣдовательно, одинъ способъ облегчить свою судьбу,—бѣгство.—На Кавказѣ не употреблялось пока стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ, поэтому цѣлымъ массы ихъ дѣйствительно направлялись сюда³). Здѣсь они или смиливались съ легальными переселенцами, или селились отдельно отъ нихъ, не па тѣхъ даже мѣстахъ, заселеніе которыхъ входило въ планы правительства, или-же привлекались на земли частыхъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переселенцамъ представлялось не мало выгода, хотя въ то-же время они поступали въ обязательныя отношенія къ помѣщику, со временемъ переходившія въ крѣпостную зависимость. Землевладѣльцы оказывали поселявшимся на ихъ земляхъ колонистамъ материальныя пособія, что для людей, ничего не имѣвшихъ, какими, безъ сомнѣнія, были бѣглые населенники, имѣло громадное значеніе; владѣльцы-же болѣе вліятельные обеспечивали свои имѣнія отъ беспристанныхъ набѣговъ горцевъ при помощи размѣщеннаго или вблизи имѣній, или даже въ самыхъ имѣніяхъ той или другой воинской части. Такимъ образомъ и для помѣщиковъ и для

¹) П. С. З., т. XXII, № 16,187; т. XXIII, № 17,076.

²) »Вѣсти. Евр.«, 1866 года, т. I, стр. 371.

³) П. С. З., т. XXII, №№ 16,471 и 16,715.

бѣглыхъ выходила обоюдная выгода. Помѣщики выигрывали въ томъ отношеніи, что избавлялись отъ необходимости преселять крѣпостныхъ своихъ изъ Россіи и, хотя расходовались, но надѣялись расходы свои возмѣстить, что и бывало конечно. Бѣглые-же сразу могли осѣтиться и заняться хозяйствомъ, а это былъ единственный исходъ, чтобы не голодать, такъ какъ въ краѣ, где экономическая и гражданская жизнь только зарождалась, другихъ источниковъ прокормленія не было. Но изъ этихъ обоюдныхъ выгодъ могло выйти въ концѣ концовъ нѣчто несообразное. Дѣло въ томъ, что обязательная экономическая отношенія, въ которыхъ становились къ помѣщикамъ бѣглые, съ теченіемъ времени и, быть можетъ, незамѣтно для самихъ крестьянъ переходили въ крѣпостную зависимость—это съ одной стороны; съ другой, мѣстное начальство не считало своею обязанностью входить въ разборъ правъ колонистовъ частныхъ земель, и они оставались никуда не приписанными и не зачисленными. Поэтому выходило, что такие колонисты будто подлежали вѣдѣнію одного землевладѣльца. Понятно, что подобный порядокъ въ свою очередь въль къ закрытию. По прошествіи десятка-другого лѣтъ, когда многое изъ первыхъ насельниковъ умерли-бы, а оставшіеся въ живыхъ, за давностью, свыклись-бы съ своимъ положеніемъ, новое поколѣніе очутилось-бы въполномъ владѣніи помѣщика. Результатъ этотъ ничего невѣроятнаго не представляетъ: въ данномъ случаѣ Кавказъ только повторилъ-бы то, съ чѣмъ знакомить настѣнную исторію «крестьянъ на Руси».

Вотъ такъ именно поставлено было дѣло въ имѣніи князя П. С. Потемкина. Урочище Масловъ-Кутъ, на р. Кумѣ (нынѣ ставропольской губ.), отведено Потемкину въ 1785 году. Въ имѣніи этомъ считалось до 30,000 десят. богатой, хлѣбородной земли¹⁾). При отводѣ никакого поселенія здѣсь не было; но управляющій, капитанъ Ковалевскій, энергично принялъся за дѣло, скромъ скоро привлечь цѣлыхъ сотни поселенцевъ, обѣщаю имъ всевозможныя льготы и пособія. По свѣдѣніямъ кавказскаго губернатора Жукова, уже въ 1786 г. въ Масловомъ-Кутѣ считалось 426 душъ одного муже-

¹⁾) «Ставропольскія Губернскія Вѣдомости», 1876 года, № 34-й, стр. 5; № 41-й.

скаго пола¹). Въ »Сентенци²« же военно-судной комиссіи прямо сказано, что Ковалевский заселялъ имѣніе »людьми, показывающими себя выходцами изъ заграницы, а въ сущности бѣглыми крестьянами разныхъ губерній и частью польскими выходцами«). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ той-же »сентенци²«, оказывается, что главный контингентъ колонистовъ составляли выходцы изъ малороссійскихъ губерній³), и все они были бѣглые; между тѣмъ сенатскимъ указомъ 27 января 1789 года разрешалось бѣглыхъ разнаго званія людей, въ кавказскую губернію западшихъ, зачислить въ казенное вѣдомство, не различая, кто они и откудаѣхали; »впредь-же подъ жестокимъ наказаніемъ« запрещалось, »чтобы пигдѣ на порожихъ земляхъниччи... и никакие бѣглые не селились, и того строго наблюдать⁴)... По полученіи этого указа, начальству пришлось сдѣлать разборку населенію, такъ какъ сразу объявились много бѣглыхъ, требовавшихъ зачисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло дошло и до частныхъ имѣній, и крестьяне Маслова-Кута, всѣ безъ исключенія, поступили въ вѣдѣніе казенной штаты и занесены были въ окладныя книги.

Такимъ образомъ, указъ 1789 г. спасъ маслокутцевъ отъ крѣпостной зависимости, но не надолго. Въ 1793 г., послѣ смерти князя Нотомкина, имѣніе по наследству перешло во владѣніе генералъ-маіора Высоцкаго, который черезъ годъ продалъ его камердинеру Екатерины II, камеръ-фурьеру Зотову, по купчей крѣпости, совершенной 20 марта 1794 года, въ с.-петербургскомъ верхнемъ надворномъ судѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ этомъ же году Зотовъ подалъ государинѣ прошеніе, гдѣ жаловался, что купленную имъ землю съ населеніями на ней людьми отъ него будто бы отбираютъ. Хотя произведеннымъ дозваніемъ констатировало было, что Зотову продана одна только земля безъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе Екатерина подарила своему камердинеру маслокутцевъ въ полное владѣніе и бѣглые колонисты были закрѣпощены за помѣ-

¹) Вѣдоность Жукова составлена была 20 апрѣля 1786 г. Ibid. № 34-й.

²) Гѣство малороссіянъ на Кавказъ и въ сѣжаную ею астраханскую губ. («Списокъ населен. мѣстъ Россійской Имперіи», т. II, стр. IX дал.) составляетъ вообще очень замѣтный фактъ въ исторіи Малороссіи XVIII в.

³) П. С. З., т. XXIII, № 15743.

щикомъ окончательно, навсегда. Не смотря на то, крестьяне не считали объявленный имъ объ этомъ указъ действительнымъ и полагали, что закрѣпощеніе ихъ сдѣлано помимо высочайшей воли, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ указомъ, на основаніи котораго они зачислены въ крестьяне государственные. Какъ ни пытались они примирить въ своеемъ умѣ такое противорѣчіе, но не могли свыкнуться съ мыслю о »крѣпости«. Отъ словъ и разговоровъ вопросъ свелся къ дѣлу: крестьяне отказались повиноваться помѣщику и въ концѣ 1798 г. отправили прошеніе на имя государя, въ которомъ доказывали незаконность отдачи ихъ помѣщику, и въ тоже время жаловались на жестокое обращеніе съ лими управляющаго имѣніемъ, Колпакова. Однако, проосьба эта не принесла пользы маслокутцамъ, наоборотъ мѣстная власти открыли въ Масловомъ-Кутѣ бунтъ и призвали на помощь войска. Воспираю силу заставили крестьянъ покориться помѣщику, а подетрекателей и главныхъ виновниковъ (въ числѣ 38 человѣкъ), кроме того, подвергли наказанію: семь человѣкъ были прогнаны »сквозь строй«, а обѣ остальныхъ георгіевскій уѣздный судъ постановилъ: первыхъ зачинщиковъ и неодобренныхъ на »повальное обыскѣ«, наказавъ на мѣсть преступленія кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, а также поставивъ указные знаки, сослать на вѣчныя времена въ Нерчинскъ, для употребленія на крѣпостныя работы; одобренныхъ-же наказать непадно плетьми и отдать крестьянамъ Маслова же Кута на поруки. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 22 сентября 1799 года. Съ этого времени до 1825 года въ семъ имѣніи никакого замѣчательного события не получилось. А событие 1825 года замѣялось вотъ въ чемъ. Крестьяне развѣдали, что Зотовъ (сынъ) намѣренъ продать имѣніе Ивану и Степану Калантаровымъ, армянскимъ дворянамъ, почему немедленно-же отправили государю съ особыми ходоками прошеніе о взятіи ихъ въ казну, а Зотову обѣщали выплатить въ теченіи 8 лѣтъ 40,000 р. ассигн. выкупа.

Между тѣмъ, пока крестьяне хлопотали въ Петербургѣ, Зотовъ успѣлъ продать имѣніе. Но при вводѣ во владѣніе Калантаровыхъ 8 августа 1825 г. крестьяне заявили, что продажа эта совершина неправильно, такъ какъ владѣлецъ не дождался решения по ихъ прошенію; выѣсть съ тѣмъ они не дали подписки въ выслушаніи указа о переходѣ къ новымъ помѣщикамъ, отказались вы-

полнять повинности и наконецъ произвели явное возмущеніе. Тогда же крестьяне вновь отправили государю жалобу на неправильность продажи ихъ, людей не крѣпостныхъ, а государственныхъ, жаловались также на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ и т. п. 3-го января 1826 г. крестьяне были усмирены съ помощью войска, зачинщика-же и главнаго виновника возмущенія Илью Остапенка сослали въ Сибирь, предварительно наказавъ его »непадно«.

Какъ первая, такъ и вторая просьбы крестьянъ разматривались въ комитѣтѣ министровъ. Вопросъ объ ихъ поселеніи и случайномъ закрѣпоценіи оставленъ безъ всякаго вниманія; собирались свѣдѣнія о томъ лишь, имѣютъ-ли право Калантаровы владѣть крѣпостными. Оказалось, что Калантаровы признаны герольдіею и сенатомъ дворянами, слѣдовательно были вполнѣ, такъ сказать, правоспособными къ рабовладѣльству, а потому комитѣтъ положилъ: прошенія крестьянъ с. Маслова-Кута оставить безъ разсмотрѣнія.

Но мысль обѣ освобожденій тѣми или иными средствами изъ крѣпостной зависимости и послѣ того не оставляла маслокутцевъ. Заручившись удостовѣреніями общества близайшихъ государственныхъ селеній о своей принадлежности къ этимъ селеніямъ, маслокутцы продолжали свой искъ противъ незаконной ихъ продажи и порабощенія. Въ свою очередь Калантаровы настаивали у властей разслѣдовать выдачу такихъ удостовѣреній, подтвердить маслокутцамъ о состоявшемся рѣшеніи комитета министровъ и внушить имъ, чтобы »изъ повиновенія помѣщикамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выходили«. Дворянскій засѣдатель, которому поручено было это дѣло, донесъ, что крестьяне въ выслушаніи распоряженія »о бытности ихъ въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ подпиши дать не согласились«.

Съ этого времени возникало еще нѣсколько дѣлъ по жалобамъ крестьянъ Маслова-Кута на ихъ помѣщиковъ-армянъ и обратно. Одни изъ такихъ жалобъ рѣшены на мѣстѣ; другія-же были на разсмотрѣніи сената, при чѣмъ крестьяне почти всегда жестоко платились: такъ по некоторымъ жалобамъ главные подстрекатели были наказаны и сосланы въ Сибирь, по другимъ только наказаны и оставлены на мѣстѣ; были и такие виновные, которыхъ вина прощена по высочайшей волѣ.

Но все жалобы имѣли за собою основаніе и вызывались прежде всего варварскимъ управлениемъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ на это обстоятельство обратили вниманіе и мѣстныя власти. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ прекратить преслѣдованія крестьянъ за подачу жалобъ, а имѣніе велѣлъ взять въ опеку. Уѣра эта употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, и будь Калавтаровы дѣйствительно »добрими экономами«, она не была бы примѣнена къ нимъ. Надо однако сказать, что намѣреніе Паскевича облегчить участъ крестьянъ не достигло своей цѣли, ибо фактическими управителями Масловъ-Кута остались тѣ же владѣльцы-армяне. Пошли вновь просьбы и жалобы, и все съ тѣми же, безплодными и печальными послѣдствіями. Маслокутцы, потерявъ всякую надежду на свободу, обратились наконецъ къ послѣднему средству—къ побѣгамъ; во и здѣсь не было имъ удачи: бѣглецовъ перехватывали и водворяли на мѣстѣ; въ имѣніи поставлена была даже воинская команда, наблюдавшая за бѣглецами. Съ своей стороны и помѣщики не остались въ долгу и еще больше тѣснили крѣпостныхъ, еще шире пользовались своею властью въ отношеніи не повинующихся.

Въ 1837 г., во время проѣзда имп. Николая I чрезъ кавказскую область въ Тифлисъ, маслокутцы подали государю жалобу на помѣщиковъ. Какъ и прежде, она разсмотрѣна была въ комитѣтѣ министровъ. Справки въ дѣлахъ и доставленныя мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣнія показали, что какъ жалоба крестьянъ, такъ и обвиненіе ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ были уже на разсмотрѣніи комитета и по нимъ объявлено уже его рѣшеніе, а потому комитетъ положилъ на сей разъ »считать ихъ оконченными«. Не добившись этимъ путемъ удовлетворенія, маслокутцы, спустя пять лѣтъ, именно въ 1842 г., обратились съ жалобою къ начальству области на жестокое обращеніе съ ними помѣщиками и доказывали свои права на свободу. Не помогло и это; обѣ ихъ домогательствахъ у мѣстныхъ властей установилось опредѣленное мнѣніе, и генералъ Граббе приказалъ лишь подтвердить жалобщикамъ, чтобы они »не вовлекались въ такое домогательство, котораго неосновательность и вредныя послѣдствія имъ вполнѣ извѣсты«. Жалобщики измѣнили лишь путь для заявленія своихъ домогательствъ; по отъ самой мысли о нихъ и не думали отказываться: въ 1844 г.

они отправляютъ въ Петербургъ съ прошеніемъ двухъ ходаковъ: Васильчика и Шульева; прошеніе оставлено безъ разсмотрѣнія, а ходаки поплатились.... Казалось, всякая надежда оставить маслокутцевъ, упорству и терпѣнію ихъ настанетъ конецъ; но они ловили каждый случай для подачи жалобъ и въ 1845 г., въ проѣздѣ намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, прибѣгли къ нему съ своею всегдашиною жалобою на помѣщиковъ и просьбою о зачисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Воронцовъ лично разъяснилъ имъ, что сдѣлать послѣдняго пельзя. Годъ спустя, до него стороной долили свѣдѣнія о крайне жестокомъ обращеніи Калантаровыхъ съ крестьянами. Шли запросы, справки; помѣщики спохватились и постарались замять дѣло: они заявили, что, напротивъ, крестьяне ими теперь довольны, «особенныхъ признаковъ отыскыванія свободы въ настоящее время не обнаруживаются и остаются въ должномъ повиновеніи». А между тѣмъ, при помощи мѣстнаго земскаго заѣздателя, лично продолжали расправляться съ подстрекателями и послушниками, то и дѣло устраивая въ имѣніи экзекуціи розгами и палками. Такимъ образомъ дѣлошло до 1853 года. Въ это время первыхъ владельцевъ уже не было въ живыхъ, имѣніе-же перешло къ дѣтамъ Степана Калантарова: Акиму, Гаврилу и Герасиму и находилось въ управлѣніи Герасима Калантарова, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра.

Такимъ образомъ мысль о свободѣ не покидала случайно за-кабаленныхъ жителей Маслова-Кута въ теченіи цѣлаго полстолѣтія. За это время успѣли уже народиться новыя поколѣнія; по онѣ, очевидно, воспитались на этой мысли и продолжали дѣло дѣдовъ и отцевъ. Въ свою очередь преемственность обратнаго характера видна и въ семье помѣщиковъ: то, что дѣлали отецъ и дядя, продолжали дѣлать дѣти и племянники, нисколько не измѣния фамильного гнѣта, безпредѣльно царившаго надъ крестьянами. Мало того, Герасимъ Калантаровъ довелъ этотъ гнетъ до послѣдней степени, ибо при немъ только крестьянское «искательство свободы» завершилось пакощецъ поголовнымъ возстаніемъ маслокутцевъ. Случилось это въ началѣ 1853 года.

Утромъ 2 января, на берегу р. Кумы, близъ кузницъ собралась толпа крестьянъ изъ малороссийскаго кута и подъ руководствомъ Василія Кикоти вела о чёмъ-то оживленный разговоръ. Но

распоряженію старосты, крестьянина Заиченко, на рекѣ произвѣдилась въ это время ломка льда и перевозка его въ помѣщичьи ледники. Но дѣло какъ-то не спорилось. По многимъ мужицкимъ сливамъ прошлась палка старосты, который выбивался изъ силъ, подгоняя рабочихъ; крестьяне въ концѣ концовъ, одинъ за одинъ, побросали работу, воловъ и проч. и ушли въ толпу; понемногу прибывали сюда-же крестьяне изъ села. Часа черезъ два сходбище возросло человѣкъ до ста. Затѣмъ толпа двинулась къ селу. Проходя по улицамъ, она призывала присоединиться къ ней всѣхъ, кто желаетъ «искать свободу». Изъ конторы выслали отрядъ съ цѣлью разогнать сходбище; но посаженные были избиты. Тогда къ возмущившимся вышелъ староста и просилъ ихъ объяснить, чего они хотятъ; но тѣ отказались вести разговоръ съ конторскимъ начальствомъ и продолжали свой путь по селу, захватывая все большую и большую массу людей. На дорогѣ толпа встрѣтила мѣстного священника о. Никанора Руденка. «Благословить, отче, па общественное дѣло», почтительно просила она его. О. Руденко, не зная, въ чёмъ дѣло, сталъ благословлять; но замѣтивъ въ толпѣ палки, на лицахъ изступленіе, въ словахъ ожесточеніе, послѣпили въ свой домъ и тутъ уже, чувствуя себя въ безопасности, произнесъ: «па не доброе дѣло нѣть моего благословенія».

У священническаго двора толпа стояла въ недоумѣніи. Противъ нея вторично выслали отрядъ въ 50 человѣкъ изъ той части села, которая населена была великокорсіянами. Произошла свалка; хохлы смили караповъ; послѣдніе частью бѣжали, частью присоединились къ бунтовщикамъ. Къ вечеру сходбище перевалило въ малороссийскій кутъ и тамъ размѣстилось на ночлегъ въ трехъ дворахъ. На слѣдующій день утромъ возмущившіеся выступили на площадь, къ церковной оградѣ и здѣсь приступили, такъ сказать, къ организаціи возстанія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ ихъ были исключительно почти малороссіяне, по этому главными заправилами были избрани малороссы-же: атаманомъ упомянутый уже Кикотя, его помощникомъ Рудаменко, а для представительства велико-русской половины избранъ крестьянинъ Кокинъ. Избрали кроме того особый совѣтъ изъ 20 стариковъ; для письменной части учредили канцелярію. Четыре писаря, подъ руководствомъ главнаго изъ нихъ—Григорія Бабенкова, «отбирали отъ крестьянъ руки».

въ томъ, что никто не измѣнить общему дѣлу и скорѣе всѣ, какъ одинъ, погибнуть, но помѣщику, проклятому армянину, который такъ угнетаетъ ихъ, повиноваться не станутъ». Давшій клятву не долженъ былъ нарушать ее подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и даже смерти.

Междудѣнье о воленіи крестьянъ контора дала знать полиціи и помѣщику, котораго въ имѣніи въ то время не было. 4-го января прибыли въ Масловъ-Кутъ исправникъ, засѣдатель и уѣздный стряпчій, составивъ такимъ образомъ на мѣстѣ временное отдѣленіе земскаго суда. На распросы отдѣленія, крестьяне объяснили, что они не могутъ выносить чрезвычайно обременительныхъ работъ и безчисленныхъ сборовъ въ пользу помѣщика, что помѣщикъ и управляющіе его подвергаютъ ихъ тяжкимъ побоямъ и взысканіямъ, не рѣдко безъ вины, по одному капризу, и что желая освободиться изъ крѣпостной зависимости, они просятъ передать о томъ высшему начальству, сами же не уйдутъ съ площади до тѣхъ поръ, пока не получать воли. Не долго думая, отдѣленіе рѣшило снести съ ближайшими воинскими начальниками о высылкѣ командъ для усмиренія исповинующихся крестьянъ. Изготовивъ вужиня для этого бумаги, отдѣленіе приказало париждать подводу для отправки ихъ съ нарочнымъ; но атаманъ Кикотя потребовалъ отъ исправника объясненія, куда именно и кого нужно везти, при чемъ заявилъ, что если отдѣленію нужно отправить куда либо бумаги, то этимъ будетъ завѣдывать онъ, Кикотя. При такихъ условіяхъ отдѣленіе не нашло возможнымъ оставаться въ Масловомъ-Кутѣ и на слѣдующій день выѣхало въ ближайшее село. Въ это время, т. е. 5-го января, все маслокутцы (до 4-хъ тысячъ об. пола) примкнули уже къ первоначальной группѣ возставшихъ. Въ ожиданіи воинскихъ командъ, они дѣятельно укрѣпляли занятую ими на площади позицію. Въ работѣ помогали жены, дѣти, старики и старухи. Огородились возами и бочками съ водою, точь въ точь, какъ въ былое время таборъ козацкій на войнѣ; изъ замкнутаго круга никто уже не выходилъ. Когда все было готово для сопротивленія на случай боя, крестьяне попросили священника освятить ихъ дѣло—отслужить молебень; но о. Руденко, конечно, не уважилъ ихъ просьбы, за исполненіе которой ему самому пришлось бы поплатиться.

7-го ливаря отдѣленіе земскаго суда вновь появилось въ Масловомъ-Кутѣ, но теперь подъ прикрытиемъ вооруженной команды до 700 человѣкъ. Однако прежде, чѣмъ приступить къ серьезному дѣйствіямъ, оно послало на площадь двухъ священниковъ, для разумленія бунтующихъ.

Въ полномъ облаченіи, со крестами и евангеліями въ рукахъ, приблизились священники къ табору крестьянскому. Первымъ говорилъ къ взбунтовавшимся благочинный Замятинъ. «Всѧка душа властемъ предержащимъ да повинуетсѧ», началъ онъ, и этимъ опредѣлялись характеръ и содержаніе его рѣчи. Несколько времени на площади царилъ типина; крестьяне со вниманіемъ слушали батюшку; но вдругъ кто-то изъ толпы крикнулъ: «вы, отцы, не христіанъ увѣщевать, а проклятаго выплыти защищать!» Громада замолхала, зашумѣла, стала натирать на передніе ряды. Тогда атаманъ попросилъ священниковъ уйти. Тѣмъ и кончилось дѣло. На слѣдующій день увѣщанія, однако, возобновились. Теперь рѣчь началъ отецъ Руденко; но крестьяне не дали ему говорить, а вынеся «слѣдовавшую псалтырь», попросили его прочитать вслухъ начальную статью о церстосложеніи. Когда батюшка дошелъ до словъ: «проклятіи-же аріане», — крестьяне просили его объяснить имъ, какимъ образомъ армянинъ можетъ владѣть православными, если въ священской книжѣ опять названъ проклятымъ. Объясненіемъ о. Руденка крестьяне остались недовольны.

Утромъ 9-го ливаря въ Масловъ-Кутѣ прибылъ пятигорскій уѣзденый воинскій начальникъ, генераль-маіоръ Принцъ и съ нимъ команды: рота кавказскаго лицейнаго № 5-й баталіона въ 230 человѣкъ при двухъ офицерахъ, подвижнаго запаснаго царка 19-й артиллерійской бригады 122 человѣкъ при двухъ офицерахъ, казаковъ 250 челов., четыре артиллерійскія орудія и проч., всего свыше 800 человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Генераль-маіоръ Принцъ приказалъ войскамъ оцѣпить лагерь бунтовщикоівъ и не выпускать къ нему дѣтей и женщінъ, посыпавъ горячую пищу; но задеражанные казаками бабы подняли крикъ, и бунтовщики бросились на казаковъ. Въ одинъ мигъ могла возгорѣться кровопролитная, но преждевременная стычка. Принцъ поспѣшилъ отменить свое распоряженіе и попробовать подействовать на крестьянъ другими средствами: опять высказать къ ихъ становищу

привезенного имъ изъ г. Георгіевска священника о. Попова, поручивъ ему произнести предъ непокорными слово вразумленія. Крестьяне приняли о. Попова ласково, объявили, что охотно выслушаютъ все, что имѣть онъ сказать.

— «Маслокутцы!» возвысивъ голосъ, заговорилъ о. Поповъ. «Все время, какъ я знаю васъ, я убѣжденъ былъ, что вы православные христіане, усердно чтите Бога, почитаете святый законъ Его, слушаетесь пастырей церкви, любите царя и повинуетесь властямъ. Въ настоящее время я не могу думать, чтобы въ добрыхъ сердцахъ вашихъ произошла какая-либо перемѣна. Не можетъ быть, чтобы такое многолюдное собраніе имѣло въ предметѣ то, что противно Богу, царю и его законамъ. Вы, думаю я, собрались для того, чтобы прилично принять начальниковъ вашихъ и высказать имъ свое горе. Господинъ-ли васъ утѣшилъ, нужду-ли какую имѣете, все вы можете высказать начальникамъ, и я ручаюсь вамъ пастырскою мою совѣстью, что все будетъ выслушано ими, разобрано и сдѣлано по истинѣ. Правда, передъ вами стоятъ вооруженные воины, но это не должно приводить васъ въ сомнѣніе, будто-бы начальники ваши предпринимаютъ противъ васъ что-либо непріятное; воины присланы сюда потому, что начальству было донесено, будто вы, отъ старого до малаго, не исключая и женъ вашихъ, вооружены колющими и дубинами и не хотите, какъ дѣти отцамъ, высказать нужды свои начальникамъ, а скрываете въ мысляхъ дурное предпріятіе. Не видя васъ вооруженными, я думаю противное».

— «Благодаримъ васъ, батюшка, что вы не потеряли о насъ доброго мнѣнія,—отвѣчали крестьяне. Дѣйствительно, всѣ мы для того собрались сюда, чтобы здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, начальство выслушало насъ и рѣшило дѣло между нами и помѣщикомъ. Мы вѣдь давно страдаемъ подъ гнетомъ его; терпѣніе наше истощилось. Да и кто нами владычествуетъ: армянинъ, проклятый еретикъ!»

— «Но, возражалъ о. Поповъ, жаловаться вы иначе могли-бы; писали-бы просьбу».

— «Просьбу!.. закричали крестьяне: да кто-же рѣшился подать ее? Тюрьмы Ставрополя и Нятигорска вамъ давно знакомы. Просьбы мы подавали,—счету имъ не знаемъ, да податели никогда не возвращались съ пріятными отвѣтами; самихъ-же либо въ тюрьму сажали, либо въ Сибирь ссылали. У помѣщика золота много—за-

кроетъ имъ, кому надо, глаза, да такъ, что и жалобы то нашей не станетъ видно».

Шоки везлись мирныя бесѣды въ этомъ родѣ, надъ головами маслокутцевъ собиралась страшная гроза.

12-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ ставропольскій граждансій губернаторъ, генераль-майоръ Волоцкой. Крестьяне встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и на распросы Волоцкаго повторили тоже, что въ началѣ говорили отдѣленію земскаго суда. Губернаторъ пробовалъ было подействовать на крестьянъ угрозами, но угрозы встрѣчались крикомъ: «хотимъ воли!» Видя неудачу, Волоцкой предложилъ самому Калантарову вступить въ переговоры съ возмущившимися его-же крестьянами, успокоить и уговорить ихъ разойтись. Калантаровъ заверѣлся на мѣстѣ: спачала онъ не рѣшался пдти, опасаясь нападенія; потомъ выступилъ впередъ на иѣсколько шаговъ, но сказать что-нибудь все-таки побоялся и поспѣшилъ удалиться со словами: «пусть стоять, негодяи, я свое возьму!» И онъ действительно взялъ свое. Промеж сїе иѣсколько времени въ переговорахъ, все также безплодныхъ и ни къ чему не приводившихъ; наконецъ, генераль Волоцкой, потерявъ всякую надежду образумить исповинующихся мѣрами кротости и отѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ стрѣлять. Первыми двумя выстрѣлами повалило двухъ главныхъ бунтовщиковъ, ранило смертельно агамана. Толпа даже не шевельнулась. Махая вверхъ налками, атакуемые кричали: «ура, воля, ура!» Постѣдующіе два выстрѣла также не имѣли никакого вліянія. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генераль подѣжжалъ къ толпѣ и требовалъ разойтись. Отвѣтомъ были крики: «хотимъ воли!» Постѣд четырнадцатаго картечного выстрѣла, на барrikаду направили каваллерию. Толпа была смята, скомкана и обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ: убитыхъ м. п. 92 человѣка, ж. п. 35, раненыхъ м. п. 107, изъ которыхъ впослѣдствіи умерло 27 человѣкъ, ж. п. 34, изъ нихъ умерло 6; всего убитыхъ и раненыхъ 268 человѣкъ. Въ тотъ-же день были схвачены оставшиеся въ живыхъ главные зачинщики восстанія.

Началось слѣдствіе. По обычаяу того времени тянулось оно долго, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Добитыя имъ дания относятся главнымъ образомъ ко времени управления имѣшемъ Герасимомъ Калантаровомъ и группируются около той неподлежащей

сомнѣнію истины, что помѣщикъ этотъ, далекій отъ мысли неизвѣстнаго автора 1791 года, исподтино сдирая съ крѣпостныхъ по нѣсколько шкуръ, угнетать ихъ и материально, и нравственно, распоряжался имуществомъ крестьянъ и даже самою жизнью ихъ, по своему господскому усмотрѣнію.

Вотъ что показали крестьяне:

1) Тѣ изъ цихъ, которые платили оброкъ помѣщику, самъ по себѣ попомѣрию великий, отъ господскихъ работъ все-таки освобождались не были.

2) Находившіеся на беззмѣнной господской работѣ хотя имѣли право на льготы въ домѣ, по льготами не пользовались, отчего та-кія семьи не успѣвали припасать себѣ хлѣба и должны были голодать. Иванъ Москаленко попытался было просить о льготѣ, но помѣщикъ приказалъ наказать его немилосердно.

3) Имѣвшіе избытокъ хлѣба не могли продавать его безъ вѣдома помѣщика; если-же онъ узнавалъ о такой продажѣ, то деньги отбиралъ въ экономію, а послушника наказывалъ розгами нещадно. Кто-же желалъ продать хлѣбъ, тотъ обязанъ былъ ссыпать его въ магазины помѣщика и получать плату по назначению послѣдняго. Молотъ зерно не на помѣщицкихъ мельницахъ строго воспрещалось.

4) Помѣщикъ производилъ выдѣлку вина на собственныхъ виноградныхъ плантaciяхъ, для продажи. Если не все вино распродавалось, то остающіяся бочки сваливались крестьянамъ и ихъ заставляли платить цѣну, какую назначалъ помѣщикъ. Но если случалась надобность въ винѣ, по случаю хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, то онъ приказывалъ отбирать его у крестьянъ, денегъ-же не платилъ.

5) За освобожденіе отъ рекрутчины платилось отъ 300 до 2000 руб.; по освободившися не пользовались льготами въ отбываніи тягловой повинности. Выкупъ брался не съ общества, а съ семьи и даже съ тѣхъ крестьянъ, которые желали идти въ солдаты. Выбиваясь изъ силъ, чтобы уплатить помѣщику выкупъ, такія семьи окончательно и на много лѣтъ разорялись.

6) Занимаясь поставкою въ интенданство провіанта и проч., помѣщикъ употреблялъ крестьянъ съ ихъ волами для перевозки по назначению муки, сухарей и т. д. Но цѣльмы годамъ приходилось

быть на господскомъ извозѣ и если на этой работе падала сбогтина, помѣщикъ не вознаграждалъ за нее хозяевъ. Григорій Шевченко показалъ, что ему возвратили одно только ярмо и колесо, а Сивокоза, что ему отдали съ павшихъ воловъ шкуры, когда-же онъ заявилъ просьбу объ уплатѣ денегъ за воловъ, приказано было наказать его розгами.

7) Помѣщичья земля не давалась крестьянамъ подъ посѣмы хлѣба, а для этого отводились участки на казенной земль, которую содержалъ помѣщикъ въ оброкъ, въ 70 или 80 верстахъ отъ села. За всякую распаханную десятину съ крестьянъ взималось два р. с., а въ описываемое время цѣва не могла быть выше 15-ти коп.

8) За впускъ скота въ луговыя помѣщичьи мѣста виновныхъ подвергали несоразмѣрному штрафу: ихъ или заставляли возить помѣщичій хлѣбъ съ полей, или наряжали на перевозку въ отдаленныя мѣста по подрядамъ господскимъ.

9) Подати взыскивались всегда въ Петровъ день; а таъ какъ въ это время была самая горячая работа и крестьяне денегъ не имѣли, то должны были занимать ихъ у помѣщика подъ хлѣбъ и доставлять его по указанію Калантарова и при томъ по цѣнамъ, имъ-же назначеннымъ.

10) Всю экономическую контору крестьяне содержали па свой счетъ, платя барину въ годъ свыше 3000 руб. Номимо такихъ крупныхъ сборовъ, собирались и мелкія дани, въ видѣ мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей: брались полсти, холстъ, веревки, доски, колеса и т. п.

Злой по характеру, помѣщикъ какъ-бы нарочно подбиралъ такихъ-же приказчиковъ и старость и требовалъ отъ нихъ самого суроваго личнаго отношения къ крестьянамъ. Въ размѣрахъ и орудіяхъ наказанія самъ помѣщикъ не стыдился: наказывалъ розгами, плетьми, палками и кнутомъ; тоже дѣлали и конторскія власти. Невыносимо тяжело читать всѣ показанія объ этомъ. Такой-то былъ бить нещадно плетьми, проработѣть затѣмъ годъ, не вставая съ кровати, и умеръ; такая-то, послѣ немилосерднаго наказанія воловымъ кнутомъ, болѣла мѣсяцъ и теперь чувствуетъ нестерпимую боль въ боку; наказала-же за то, что не пошла на ночь къ конторщику Сукачеву; такую-то помѣщикъ своеручно наказалъ кнутомъ такъ, что она «залилась кровью» и съ нею сдѣлался обморокъ, а

послѣ того была въ безпамятствѣ трое сутокъ. А вина ея: не успѣла выдоить коровъ, когда на скотный дворъ изволилъ зайти баринъ. Приказчикъ Заика нерещеголялъ даже самого барина: Лукарью Васильченкову онъ наказаць такъ жестоко, что на другой день она Богу душу отдала. Также наказалъ Степанъ Лемешко, по приказу барина, крестьянку Робченко за то, что безъ спросу мочила въ рѣкѣ Кумѣ коноплю. Вообще были старыхъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, беременныхъ и рожениць; отъ побоевъ никто, не былъ застрахованъ. Особеннымъ рисункомъ по этой части отличался Заика, пьяница, грязный развратникъ, но «хорошій хозяйскій глазъ». Помѣщикъ дорожилъ имъ, какъ субъектомъ, который вполнѣ отвѣчать его требованіямъ, и потому Заика чувствовалъ себя вторымъ послѣ барина. Большой любитель женской стыдливости, онъ не пропускалъ ни одной крестьянки, имѣвшей несчастье приглянуться ему; если же какая противилась и давала отпоръ негодяю, онъ связывалъ ее, мазалъ лягтемъ половое мѣсто и билъ по немъ кнутомъ. На слѣдствіи Калантаровъ оригинально защищалъ Заику. «Я, говорилъ помѣщикъ, убѣжденъ въ невозможности Заикѣ гоняться быстро за дѣвками по тучности его и потому еще, что онъ всегда бывалъ сть женою; жалобы-же подобныя (т. е. о прелюбодѣяніи Заики) могутъ доказывать только безнравственность моихъ крестьянъ».

Всѣ болѣе или менѣе тяжкія показанія, падавшія на помѣщика и конторскихъ властей, слѣдователями были признаны мало-доказательными; къ открытю-же истины они не нашли средствъ (!), ибо давшіе эти показанія прежде никому не жаловались въ отдѣльности, а при слѣдствіи представили такихъ свидѣтелей, которые прикосновенны къ бунту. Тѣмъ не менѣе о дѣйствіяхъ помѣщика Калантарова нашли нужнымъ произвести особое дознаніе, которое и было представлено, согласно существовавшему порядку, на высочайшее усмотрѣніе. Мы однако не слышали, чтобы Калантарова подвергали какой-либо ответственности. Что-же касается крестьянъ, то осудили изъ нихъ только лицъ, наиболѣе виновныхъ, именно: зачинщиковъ и руководителей бунта, собравшихъ скопище 2 января 1853 г. и организовавшихъ восстание на площади. За смертью убитыхъ и раненыхъ, такихъ обвиненныхъ все таки оказалось 60 человѣкъ. Изъ женщинъ ни одна не была осуждена. Хотя изъ

дѣла видно, говорится въ »сентенції«, что женщины принимали участіе въ бунтѣ, но какъ не обнаружено, какія именно, такъ какъ никто не показываетъ, а тѣ, которые были за ранами въ госпиталѣ, объявили, что заплы въ толпу съ пищею къ мужьямъ и отцамъ, то..... онѣ не подлежать никакому взысканію».

Всѣ обвиненные крестьяне приговорены частично къ ссылкѣ въ рудники, частично въ Сибирь или въ тюрьму съ предварительнымъ наказаніемъ сквозь строй щипорутиками и т. п., но вслѣдствіе манифеста 27 марта 1855 года были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и благодаря этому манифесту, а также 26 августа 1856 г., судьба ихъ вообще значительно была облегчена.

Дознаніемъ, между прочимъ, открыто участіе въ дѣлѣ маслокутцевъ мѣстнаго сельскаго дьячка Суходольскаго. Оказалось, что онъ сочинилъ въ послѣднее время прошенія отъ имени маслокутцевъ и первый указалъ крестьянамъ на мѣсто въ слѣдовавшій псалтыри о »проклятыхъ аріалахъ«.... Конечно, крестьяне сами не могли пачать на такую мысль, а познанія Суходольскаго въ сравнительномъ богословіи не помогли ему отличить аріанъ отъ арманъ. Въ виду всего этого, была признана наличность вины дьячка, и дѣло о немъ поступило къ спархіальному начальству. Чѣмъ оно кончилось,—не знаемъ.

Прошло восемь лѣтъ послѣ описанного здѣсь события, и

*Порвалась чѣнь велика,
Порвалась, раскачалася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по музыку!....*

Сильно пришибла она и Калантаровыхъ. Послѣдующіе наслѣдники и владѣльцы Маслова-Кута »оскудѣли«.... Два или три года тому назадъ мы встрѣтили въ газетахъ объявление о продажѣ имѣнія Калантаровыхъ за долги, кажется, ставропольскому городскому банку....

И. С—р—ъ.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селєцкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолжение¹⁾).

ХV. Испания.

Мы приталили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красновато-золотистые лучи погасавшаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрыты изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминацией. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага издали представилась мнѣ громадной погребальной часовней (*chapelle ardente*) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Лек. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью нестрой и оживленной толпы, по-всюду звуки гитары, иѣни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Нания сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

¹⁾ См. „Киевская Старина“, 1894 г., юньск. чн., стр. 239—266.

водить время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ же выходить изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Лей. Лей проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и пересѣжала въ Малагу въ началѣ сентябрь; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Лей въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеду. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несметная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевиня мантиліи и неразлучные вѣры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддающаяся веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденный испанецъ, — и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домъ Лей не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерниаго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, по довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающіе Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ — вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

иускной торговли, здесь делаются большие обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рискаютъ значительные капиталы.

Мужъ Лей былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ пе-гоцантовъ Малаги; онъ вѣль постоянно оптовую торговлю виномъ, ко-торое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходится по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ десертнымъ; здѣш-няя почва даетъ превосходный столowyя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ нату-ральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не вы-носить перевоза, какъ и всѣ вина южной Испаніи.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какого нибудь сабаллего; женщинъ совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дома, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѻхать въ дили-жансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли ногулять. Наима хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой го-родъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живая изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимон-ные и апельсинные деревья, виноградники, плантации сахарного трост-ника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей до-роги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одиночнія венки. Задолго до приѣзда въ Гре-наду представилась взорамъ нашимъ величественная Сьерра Невада съ своей бѣло-скѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ неспоснаго жара въ ущел-9

яхъ горъ, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышеніи, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшійся предо мною картины, и иѣтъ словъ передать ея чарующую прелестъ: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ пѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарного тростника, винограда, рису и туфовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Лей. Насъ не ждали; приемъ былъ самый дружескій. Мужа Лей, Натаана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы говорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всмѣть вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Лей, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположіе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго умѣряется въ Гренадѣ обильемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусственно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенному и содержимому садѣ. Ежедневные прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наймѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Найму рано или поздно мою супругой, чему объяцала содѣствовать Лей,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно весель и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы рассказывали Лей наши путевые впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразила меня своюю красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Лей; по-тому мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейского города: узкие, извилистые улицы, полуразрушенный мавританский постройки, новые дома, не представляющие ничего особенного, церкви ничемъ не замѣчательны, исключая большаго собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цветными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенней древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточного характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обилиемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непремѣнно произведеть на васъ впечатлѣніе обаятельное; она вѣсна очаруетъ. Ея большая площадь Виграмбла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альамбы, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрах, шумными, пѣнистыми Хенилемъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматический воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтить солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинахъ Сьерры Невады, тѣмъ обильнѣе лются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьють фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу; историческую воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романической, почти сказочныя похожденія, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, лужко было думать объ отѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отерочки и тогда только согласилсяѣхать въ Малагу, когда Натаанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мнѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: *cuesta de las lagrutas*, съ котораго, рыдалъ, Воабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянула на Гренаду. Скала эта называется: *el ultimo sospiro del moro*, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хелералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ известны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить и павсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, гениальное произведеніе арабскаго искусства. Оно вѣсъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами линией работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груду развалинъ.

Я очень полюбилъ Натаана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный нѣгоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Нравъ онъ былъ крѣпкаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троемъ; Натаанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ заходѣніемъ солница всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ нею. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человѣкъ маркизъ Б., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Лей. Маркизъ каждыи вечеръ подходилъ къ Наймѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самыи холодный иріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбудилъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Найму, бросаль на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наймѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ затѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встречались. Тѣмъ не менѣе я такъ непавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, по все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы оставльную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ patio, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсалежъ обыкновенно лучшими растеніями и цветами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, ираморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ patio, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ patio на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ patio всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостиной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отдѣлки и меблировки.

Лея ухаживала за Наймой, какъ нѣжная мать. Найма чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Оставалось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Найма, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Наташи отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкального самозабвенія необыкновеннымъ движеньемъ въ домѣ; вѣгаешь ко мнѣ Наталья блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимѣ очень дурно. Опометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ известно, мужчины помышляются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившая за нею женщина попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но всѣтѣ съ тѣмъ начались мучительные боли и къ вечеру Наима скончалась, разрывшись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханного трупа Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ся смертного ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимѣ. Лея отвѣтила, что усмиряетъ моего сына.

Что было потому со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденіемъ, горячечномъ состояніи. Пропоминаю впрочемъ, что, не простясь, бѣжалъ изъ Малаги и ускакалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ днихъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни рѣстительностью. Заслуживаетъ вниманія громадный соборъ, уступающій размѣрамъ одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готического стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведений кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеніе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣтительная башня Хиральда служить колокольней. Алькасарь, извританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзьбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alameda del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течеть за городомъ; вокругъ пустыни, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

По кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудеть чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанию, о которой мечтали въ годы молодости, читал Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себѣ въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженного воображенія, вращаетесь въ мірѣ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемѣны въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливалася на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посыщенія, грустный убитый горемъ, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ стала другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я живописно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣть на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлечениѣ особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремлениемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственное возбуждение, своего рода оьянение, последняя вспышка потухшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣть движенія, нѣть жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинаами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севильянки высшихъ слоевъ общества и рассматриваютъ товары, предлагаемые услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ *tomar fresco*. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцевальный напѣвъ, стукъ кастањетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобрения привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицъ цѣнится въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ первическое дрожание бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Паступила ночь, на балконахъ появляются севильянки, у каждого балкона кавалеръ съ гитарой. Это *novio*; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, *pelar la rava*, какъ выражаются испанцы. Почти никогда не видно европейского платья; вездѣ богатые андалузскіе костюмы таjo, темный плащъ, алдалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкий и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черные тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелестъ, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цветка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускломъ горящемъ фонарѣ вѣсь обдастъ, какъ молией, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгасть по жиламъ, вѣсь влечеть какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной — здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы *estranjero*, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка — чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣть изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главныя ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершающій не похожій на приятыя условія европейской красоты. Женщины Севиля не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ балашечкъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженные до плечь; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудные формы шеи и груди, просвѣчивающія сквозь кружево черной мантиліи, накинутой сверхъ черного платья. Это миниатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неодражаемой, врожденной грацію, не имѣющею ничего общаго съ выдержанкою и выправкой европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки исключительно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣрочкой, блескъ глазъ, упѣренная походка и гибкость талии придаютъ имъ совершенно особенную физіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движений и остроумія женщины: *dona Salada* (соленая женщина). Здѣсь говорять женщинѣ: »какъ вы *солоны*«, и нѣть выше этого комплиманта. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица исправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и никакъ не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большие, продолготватые, черные, бархатистые глаза, осененныя длинными рѣчицами, шурпуровый, какъ гранатовый цветокъ, маленький, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цѣрѣ лица — блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышать здоровьемъ.

Самая красивая принадлежать къ числу Могенас, отличающихся темными, оливковымъ цветомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпурного ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность физиономіи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дні и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризующій, сверкающій молniей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголь: ojeas (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросавъ взглядъ заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливается вѣснами своимъ взглядомъ и опускаетъ ресницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ — не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые следы въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fe, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотою, которая дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался бы и дольше, еслибы совершиенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильи. У визенъского балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забрекчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не знаю почему и для чего мнѣ неизрѣменно захотѣлось увидѣть лицо кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулся назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащемъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройдти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣрено или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніі вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ руку его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоружъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда я гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я вѣсъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождалъ свою руку; между нами старые счеты, и оскорбление, которое вы намесили мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Прійдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немногого, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натаанъ. Я бросился въ его объятія, спрашивалъ о Лей. Натаанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго же могъ онъ объяснять моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроенному моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отиравился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натаана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я рассказалъ Натаану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посыпаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы пріискать секунданта.

Натањ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ я несогласныемъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натањ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натањ, ты не знаешь языковъ и обычаевъ Испаніи; въ дуэли дворянинъ есть сыномъ гранда и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть *hidalgo* по меньшей мѣрѣ. Маркизъ знаетъ, что я негоціантъ; купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ *hidalgo*; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ *caballero*: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, по одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

- Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.
- Не думаю, чтобы это было возможно.
- А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?
- Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершишь преданіе себѣ въ ихъ руки.
- Знаешь что, Натањ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполнѣ можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. *Novio*, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножемъ или стилетомъ; *hidalgo*, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.
- Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.
- Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убить взмѣннически?
- Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

скль-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говорить русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не пріищу секунданта, на которого вполнѣ можно было бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Наташъ ушель. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одинадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большого роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неудобно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза В.?

— Графъ П., секундантъ маркиза В., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особы графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчить припятіемъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себѣ въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Наташъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицемъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянуль о благоприятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этими молодыми человѣкомъ. Наташу хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шагахъ. Наташа это країко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ви старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которымъ я владѣлъ слишкомъ хорошо, Наташъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ беспокоиться, когда я сказаъ, что и шагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наймѣ. Наташъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наймы съ маркизомъ. Наташъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неестественнѣмъ. Найма-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполнѣ принадлежала мнѣ. Маркизъ дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наймѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гулянья до отѣзда Наймы въ Берлинъ. По мнѣнию Наташи, маркизъ былъ пустой, по честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался некоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полагаго уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтраго. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совсѣмъ драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормального, возбужденного состоянія духа; но размыленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Лей и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Лей. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натаанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквири и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я нежалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагалъ-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, напесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизъ и я изъявили на это согласіе. Маркизъ владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпариовалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, мои шпага, имѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и острѣе его шпаги воизилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпариованы; на четвертомъ шпага мои проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизъ упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко изволкованъ; мысль, что напесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

ніемъ, съ глубокимъ раскаяніемъ взоръ мой остановился на покрытомъ мертвенною блѣдностью лицѣ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатіе руки маркиза и взглядъ, полный примиренія, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили посылки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествіе направилось къ его квартирѣ; я просилъ изволенія сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изсѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насѣвомъ, шага разрѣзала и десну. Обмывъ запекшуюся кровь, докторъ спилъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтить меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращеніи домой, я засталъ Наташу въ большомъ безновой-ствѣ; долгое мое отсутствіе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастіе. Когда я ему рассказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состояніи произошелъ сильный переломъ: возбужденіе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣть словъ описать мое тогдашнее положеніе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наимы, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщины, жертвы, принесенные ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Лей, отвращеніе къ сыну, безумнал, непрерывная оргія Севильи, ничѣмъ неоправдываемая скора съ маркизомъ, убійство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ проеcтилъ, и я прозрѣлъ и стала ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натањ, замѣтивъ перемѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроение:

Ogni oggetto ch' altrui piace.
Per me licto pi non :
Ho perduta la mia pace,
Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли вѣ было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я павѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли отгласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натањ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ II. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Опять возвратилъ мнѣ письмо, назначеннное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Лею навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О смысѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщалъ писать изъ Марселя, куда Натањ долженъ быть отправить мои вещи. Болѣе всего я держалъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходѣ отправился я изъ Севильи въ Кадиксъ, и въ день моего туда приѣзда отбылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сосливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясений, собраться съ мыслями, окрѣпнуть духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе с.мъдуется).

Библіографія.

*Голубовський.—Печениги, торки и половци до нашествія татаръ.
Історія южно-руssкихъ степей IX—XIII в. Кieвъ. 1884 г.*

Книга г. Голубовского по самому сюжету своего исследования представляет высокий интерес для средневѣковой русской истории; выбранный имъ предметъ несомнѣнно одинъ изъ болѣе трудныхъ и автору приходилось бороться съ весьма существенными препятствіями при выполнении своей задачи: съ одной стороны, онъ могъ пользоваться только разрозненнымъ и весьма неполнымъ историческимъ материаломъ, который онъ собралъ весьма тщательно въ историческихъ памятникахъ: русскихъ, византійскихъ, венгерскихъ, польскихъ и арабскихъ (поскольку послѣдніе могли быть доступны автору въ переводѣ на русскій или другіе европейскіе языки); съ другой стороны, при невозможности пользоваться подлиннымъ текстомъ восточныхъ писателей и сличеніемъ между собою тюркскихъ языковъ, авторъ невольно долженъ былъ ограничить въ этомъ отношеніи свои выводы и отказаться отъ цѣлого ряда историческихъ указаній.

Не смотря однако на указанныя трудности, г. Голубовскому удалось свести до довольно полную картину исторіи южно-руssкихъ степей до XIII ст. Собравъ все, что возможно было собрать въ извѣстныхъ поимѣ источникахъ, авторъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія съ большою осторожностью и съ большимъ критическимъ тактомъ; не смотря на то, что ежеминутно онъ встрѣчалъ широкое поле для догадокъ, онъ пользовался этой возможностью очень умѣренно и въ рѣдкихъ только случаяхъ поставилъ весьма правдоподобными, но выѣстъ съ тѣмъ и весьма осторожными гипотезы. Къ числу почтенныхъ качествъ, которыми отличается сочиненіе г. Голубовского, принадлежитъ высказанное имъ въ

предислові и строго выдержанное въ самой книгѣ положеніе, вслѣдствіе котораго авторъ отказывается отъ полемического пріема въ изложениіи избраннаго имъ вопроса. »Мы не излагаемъ, говорить г. Голубовскій, всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу, и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самимъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣшій, съ которыми мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ«. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что избранный имъ пріемъ проще, скромнѣе и выѣстѣ съ тѣмъ полезнѣе для самостоятельной разработки предмета, чѣмъ пріемъ полемической, при которомъ авторъ можетъ высказать и свое остроуміе, и свою эрудицію, по который невольно отвлекаетъ его на каждомъ шагу отъ прямой цѣли его изслѣдованія и очень часто замѣняетъ эту цѣль второстепенными вопросами, дающими поводъ къ спору, и отодвигаетъ ее невольно на задній планъ сочиненія. Другой критический пріемъ, несомнѣнно весьма цѣнныій въ историческомъ изслѣдованіи, высказанъ авторомъ также въ его предисловіи: »Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки... Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки на основаніи источниковъ первой руки. Ими-же и только ими одними мы будемъ защищать свои положенія«. Послѣдній пріемъ авторъ старался дѣйствительно применѣніи, по мѣрѣ возможности, въ своей книгѣ, но, къ несчастью, скучный матеріалъ источниковъ первой руки не всегда дозволилъ ему строго следовать по указанному пути; во временемъ онъ былъ поставленъ въ необходимости прибѣгать къ наведеніямъ изъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя соображенія долженъ былъ заимствовать изъ источниковъ далеко не первой руки. Впрочемъ нельзя не признать, что подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ книгѣ г. Голубовскаго относительно рѣдко и весьма добросовѣстно имъ-же отмѣчены.

Сочиненіе г. Голубовскаго раздѣлено по содержанію на 6 главъ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной: »Степи до появленія печенѣговъ (т. е. до IX ст.), авторъ старается представить картину южно-русскихъ степей въ ту отдаленную эпоху; онъ пришелъ къ заключенію, по собраннымъ имъ свидѣтельствамъ, что степи въ то время были далеко не такъ пустынны, какъ въ послѣдствіи; значительная часть ихъ была покрыта лѣсомъ, другая пересѣкалась лѣсными грядами; лѣса давали возможность селиться осѣдлому населенію и составляли естественное препятствіе для вторженій первыхъ кочевниковъ. Славянское населеніе занимало всю степную полосу до моря; авторъ особенно тщательно со-

бралъ доказательства въ пользу того положенія, что славянское населеніе существовало въ то время въ бассейнѣ Дона и простиралось сплошными поселеніями къ юго-востоку до Тмутараканіи.—Вторая глава посвящена истории печенѣговъ, торковъ и половцевъ до пришествія татаръ; авторъ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о кочевьяхъ этихъ народовъ въ средней Азіи и въ юго-восточной Европѣ, устанавливаетъ ихъ общее происхожденіе и, указывая на принадлежность ихъ къ тюркскому племени, наравнѣ съ турками сельджуками и османами, ставить гипотезу, что все названные народы правдоподобно выдѣлились изъ одного племени «гузовъ», кочевавшаго въ IX—X столѣтіяхъ въ арабо-каспийскихъ степяхъ.

Самая подробная и обстоятельная глава труда «Русь и кочевники» рассматриваетъ отношенія поочередно смѣнявшихся степныхъ ордъ къ славянскому населенію степей и порубежныхъ съ степью мѣстностей. Авторъ въ этой главѣ, не ограничиваясь изложеніемъ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ, характеризируетъ весьма типично политику разныхъ вѣтвей русского княжеского рода по отношенію къ кочевникамъ и весьма подробно устанавливаетъ границы и боевые линіи со стороны степи, выдвинутыя князьями рязанскими, сѣверскими, Переяславскими и кievскими.

Указавъ на постепенные смѣны одной орды другою, онъ обращаетъ вниманіе на поселеніе остатковъ вытѣсненныхъ ордъ въ предѣлахъ Руси и даетъ весьма конкретный и живой очеркъ Черныхъ Ключиковъ и того положенія, какое они занимали на югѣ Россіи.

Четвертая глава озаглавлена: «Судьбы окраиннаго славянскаго населенія»; г. Голубовскій собралъ въ ней свѣдѣнія, сохранившіяся о томъ славянскомъ населеніи, которое заселяло южно-русскія степи до прихода печенѣговъ и которое, по его мнѣнію, въ значительной мѣрѣ уцѣлѣло въ южныхъ степяхъ отъ Дона до Прута, несмотря на завоеваніе этихъ степей кочевниками. Это излѣданіе г. Голубовскаго отличается совершенною самостоятельностью и возбуждаетъ весьма живой интересъ. Онъ указываетъ, какъ на остатки славянского поселенія, на Тмутарабань, затѣмъ въ степяхъ у Дона онъ видѣтъ его остатки въ упоминаемыхъ лѣтоискусъ городахъ: Тарукани, Сугровъ, Балинъ, Чешлюевъ; онъ указываетъ на то, что славянское населеніе придонскихъ степей и береговъ Азовскаго моря извѣстно было нашимъ лѣтоискусъ подъ именемъ бродниковъ, затѣмъ онъ переходитъ къ очерку такихъ-же славянскихъ поселеній въ степахъ, занятыхъ кочевниками, на западной степной территоії, указываетъ на существовавшіе въ этой территоії въ удѣльно-вѣчевое время города: Олешие, Бѣлогородъ, Черный городъ (Очаковъ),

Малый Галичъ, Берладъ, Текучій и устанавливаетъ название »берладники«, какъ имъ, подъ которымъ современникамъ извѣстно было славянское населеніе юго-западныхъ степей. Главу эту г. Голубовскій заключаетъ гипотезою, поставленной вирочемъ весьма осторожнo, о томъ, что въ берладникахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть первоначальное козачество. Гипотеза эта несомнѣнно очень остроумена, но, какъ намъ кажется, не можетъ быть обставлена сколько нибудь удовлетворительно научными данными, вслѣдствіе совершенаго ихъ отсутствія. Желая подкрѣпить ее сколько нибудь вѣскимъ соображеніемъ, г. Голубовскій поставленъ былъ въ необходимости отступить отъ своего обычнаго приема — основывать свои выводы исключительно на источникахъ первой руки и потому вовлеченъ былъ въ ошибку: съ одной стороны онъ долженъ былъ допустить, вопреки ясному свидѣтельствамъ, что Запорожье дало начало осѣдлому козачеству, а не наоборотъ, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшихъ современныхъ свѣдѣній о началѣ козачества; съ другой стороны, въ подкрѣпленіе своей гипотезы авторъ принялъ въ основаніе грамоту, данную будто бы запорожцамъ королемъ Стефаномъ въ 1576 г., заимствованную не изъ источника первой руки, а изъ позднѣйшаго, несомнѣнно апокрифического пересказа.

Въ пятой главѣ: »Кочевники у себя« авторъ собралъ всѣ дошедши до насъ данные о внутреннемъ бытѣ кочевниковъ. Онъ указываетъ на дѣленіе ихъ на колѣна и роды, на значеніе власти князей, на состояніе у нихъ военнаго дѣла, ихъ бытъ, вооруженіе, привычки, одежду и наружный видъ; указываетъ также и на постепенно развивавшееся среди кочевниковъ культурное влияніе Руси и на попытки мисіонерской среди ихъ дѣятельности.

Наконецъ шестая глава разсказываетъ исторію изгнанія изъ степей половцемъ татарами; авторъ прослѣдилъ судьбу половецкаго народа до его исчезновенія въ исторіи и указалъ выселеніе ихъ частью въ предѣлы Руси, частью на Балканский полуостровъ, иль Венгрію и даже въ Египетъ.

Вообще книга г. Голубовскаго представляетъ весьма серіозное изслѣдованіе по предмету, мало понынѣ разработанному, изъ древнерусской исторіи и содержитъ очень обстоятельный очеркъ отношеній южно-русскаго населенія въ сосѣдямъ, составившимъ въ теченіи трехъ столѣтій постоянную грозу, висѣвшую надъ этими населеніями и въ значительной мѣрѣ задержавшую развитіе его культуры и гражданственности.

В. А.

Указатель из изданий Киевской Комиссии для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическихъ. Киевъ, 1883 г. Составилъ И. П. Новицкій.

Несколько лѣтъ тому назадъ Киевская Археографическая Комиссія предприняла составление отдельныхъ указателей къ своимъ изданимъ, выпущеннымъ въ свѣтъ въ теченіе 34-хъ-лѣтнаго существованія ея (съ 1845 по 1877 г.) и составившимъ 27 отдельныхъ томовъ. По плану Комиссіи, это изданіе должно составить три отдѣла: 1) указатель личныхъ именъ, 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Въ 1878 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ этого изданія, составленный также г. Новицкимъ; теперь-же предъ нами находится II томъ того-же изданія, представляющій, подобно I-му, очень увѣсистую книгу, въ объемѣ болѣе 60-ти печатныхъ листовъ.

По своему характеру, Указатель г. Новицкаго значительно отличается отъ общепринятаго типа указателей: это не есть только простой сводъ упоминаемыхъ въ источникахъ географическихъ именъ со ссылками на страницы; въ немъ составитель старается пріурочить каждое имя къ предмету, къ той или иной по возможности точно опредѣленной мѣстности, съ точнымъ обозначеніемъ ея географического положенія, современаго названія и административной принадлежности — въ прошломъ и въ настоящемъ. Мало того, при весьма многихъ географическихъ именахъ приведены указанія на такие предметы, которые собственно выходятъ за предѣлы географического указателя, или относятся къ другимъ его отдѣламъ. Напримеръ, подъ названіемъ г. *Киева* мы встрѣчаемъ не однѣ толико ссылки на источники, въ которыхъ упоминается этотъ городъ, но сверхъ того имѣемъ слѣдующія частные указанія, расположенные въ алфавитномъ порядкѣ: *Академія киевская*, при чемъ перечислены всѣ упоминаемые въ источникахъ ректоры ея, префекты и профессоры; всѣ урочища г. *Киева*, о какихъ только упоминается въ источникахъ, улицы, дворы, даже дома; всѣ церкви, монастыри, костелы, съ перечнемъ священниковъ, игуменовъ, церковныхъ имѣній; замокъ съ именами городничихъ; всѣ киевскія учрежденія: митрополія съ именами митрополитовъ, губернія съ именами губернаторовъ, козацкій полкъ съ именами полковниковъ и пр. и пр., наконецъ — случившіяся въ г. *Киевѣ* историческія и другія события — войны, сѣмьи, пожары и т. под. Такимъ образомъ можно сказать, что каждое почти географическое имя представляеть въ Указатѣ г. Новицкаго готовый сводъ данныхъ, на основаніи которыхъ легко можетъ быть составлена полная (на сколько позволяютъ источники) исторія данной мѣстности, и въ этомъ смыслѣ г. Новицкій вполнѣ основа-

тельно назвалъ свой трудъ *«Материалами для исторической географии Южной и Западной России»*.

Кто пользовался изданными историческими материалами въ ихъ, такъ сказать, сыромъ, необработанномъ видѣ, тотъ легко пойметъ тѣ громадныи трудности, какія, безъ сомнѣнія, пришлось преодолѣвать со-ставителю подобнаго систематического Указателя при опредѣлениі, напр., мѣстностей съ одинаковыми названіями, или мѣстностей, подвергавшихся неоднократнымъ переименованіямъ и даже исчезнувшимъ безслѣдно съ лица земли, или, наконецъ, мѣстностей, названія которыхъ въ источникахъ иногда бываютъ испорчены до неузнаваемости и т. под. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователю приходится подвергать тщательному многократному анализу всѣ мѣста въ источникахъ, въ коихъ упоминается данная мѣстность, и прибѣгать къ цѣлому ряду различныхъ сопоставленій, со-ображеній и домысловъ. Безъ сомнѣнія, такую-же чисто критическую работу приходилось г. Новицкому совершать почти на каждомъ шагу при составленіи его настоящаго труда. Къ сожалѣнію, онъ скрылъ отъ насъ тѣ критическіе приемы, какими онъ пользовался при этомъ, и по-тому намъ не всегда ясны основанія его выводовъ. Напримеръ ему при-шлось встрѣтить въ источникахъ цѣлый рядъ мѣстностей съ именемъ *Каменка* въ значеніи поселеній, рѣкъ и урочищъ. Для пользующагося Указателемъ г. Новицкаго остается неизѣстнымъ, почему въ такихъ-то мѣстахъ источникъ Каменка означаетъ деревню херсонскаго уѣзда, а въ такихъ-то слободу того-же херсонскаго уѣзда, или въ такихъ-то мѣ-стахъ Каменка есть лѣвый притокъ р. Роси, впадающей въ *асильков-скому уѣзду*, а въ такихъ-то тоже лѣвый притокъ Роси, но впадающей въ *каневскому уѣзду*, или еще: почему упоминаемое въ актахъ XVI в. поселеніе *Новогородчицы* есть именно теперешняя деревня острожскаго уѣзда *Новорочинцы*. Вѣроятно, составитель имѣлъ достаточныхъ основаній для подобныхъ утвержденій; но онъ, повторимъ, не посвятилъ лицъ, именующіхъ пользоваться его Указателемъ, въ тайну своихъ соображеній и тѣмъ поставилъ ихъ въ необходимость или сѣло вѣрить его опре-дѣленіямъ, или-же по цводу каждого, подобнаго вышеуказанымъ имени самимъ производить ту критическую работу, какую пришлось произвести ему самому при составленіи настоящаго труда. Очевидно, что книга г. Новицкаго весьма нуждается въ особомъ предисловіи, въ которомъ бы были предложены читателю тѣ необходимыя объясненія, о которыхъ мы нашеекаемъ. Если такое предисловіе почему-то не было приложено къ са-мой книжѣ, то, намъ кажется, оно могло-бы быть и отдельно напечатано.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ поселенія, лежащія въ цынѣшии Гали-ции, опредѣляются въ Указатѣ г. Новицкаго не по административной

ихъ принадлежности къ округамъ или провѣтамъ, а по деканатамъ. Это опредѣленіе настолько же удобно при пользованіи его Указателемъ, какъ еслибы кто вздумалъ опредѣлить поселенія, лежащія въ Россіи, не по губерніямъ и уѣздамъ, а по духовнымъ блаючинамъ...

Ограничивающими этими замѣчаніями, минуя мелочные недосмотры, неизбѣжные при столь капитальномъ и объемистомъ изданіи, и скажемъ въ заключеніе, что Указатель г. Новицкаго во всякомъ случаѣ составляеть настолько драгоценную справочную книгу, что навѣрное всякій, кто будетъ ею пользоваться, не разъ скажетъ составителю ея большое спасибо».

О. Л

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in 4—то. Спб. 1883 г. Ц. 12 р.

23 ноября 1868 г. скончался величайший изъ єпарховъ нашей церкви, литовскій митрополитъ Іосифъ Симашко. На всемъ протяженіи ея исторіи трудно найти имя, равное ему по исключительности его положеній, великолѣтия совершенного имъ дѣла, по уму, энергіи и глубокому пониманію судебъ русскаго народа, нуждъ церкви и государства. На ряду съ нимъ можетъ быть поставлено имя дѣйствовавшаго при другихъ обстоятельствахъ знаменитаго кievскаго митрополита Петра Mogилы. Съ именемъ митр. Іосифа Симашки неразрывно связано одно изъ самыхъ крупныхъ событий пынѣшнаго и другихъ столѣтій — возвращеніе къ православію полутора миллиона русскихъ обитателей Бѣлоруссіи и Литвы, пріобщеніе ихъ къ тѣмъ къ русской народности, возстановленіе тамъ вѣками попранаго православія, пробужденіе угасавшаго народнаго сознанія, подъемъ русской власти и силы и закрѣпленіе за Россіею всего сѣверо-западнаго края. Дѣло воєсединенія уніатовъ во всемъ сѣверо-западномъ и даже юго-западномъ краѣ принадлежитъ м. Іосифу Симашкѣ всепрѣло и безраздельно, и исторія этого дѣла, равно утвержденія воєсединеніи въ православіи, тинувшемся десятки лѣтъ, есть только исторія тяжелой борьбы этого великаго дѣятеля съ колебаніями самаго правительства нашего и тѣли препятствіями, вавія ставились ему не только противною партіею, но и рѣдко русскими властями.

Изданныя теперь Записки митр. Іосифа Симашки представляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ какъ для исторіи воєсединенія уніатовъ въ 1889 г., такъ и въ частности для біографіи глав-

наго виновника оного. Собственіо Записки, писанныя собственноручно митр. Іосифомъ, занимаютъ немнога меныше половины I-го тома, около 300 стр., остальная свыше 450 стр. этого тома, равно весь II и III томы наполнены офиціальными и частными разнаго рода документами, касающимися веденія авторомъ Записокъ для возсоединенія. Записки представляютъ собою связное и последовательное изложеніе того, что дается массою предложенныхъ документовъ, на которые авторъ въ соотвѣтственныхъ мѣсахъ дѣлаетъ ссылки и указанія. Оны писаны разновременно, обнимаютъ собою различные періоды описываемаго событія и подраздѣляются на пять частей, къ каждой изъ которыхъ пріурочена особая группа документовъ, въ пей объясняемыхъ. Часть *первая*, написанная въ октябрѣ 1850 г., обнимаетъ собою дѣтство и воспитаніе автора Записокъ, переходъ его изъ Вильны Петербургъ, въ первые годы его службы и выступленіе съ первымъ проектомъ мѣръ къ возвращенію униатовъ къ православію. Часть *вторая* написана въ мартѣ 1861 г.; она очерчиваетъ положеніе униатовъ до 1828 г., выдѣление ихъ изъ общей съ римско-католиками юрисдикціи въ фільмъ рядъ припятыхъ по проекту Іосифа Симашки мѣръ къ радикальному замѣненію управлениія и состоянія униатской церкви съ цѣлью приближенія ей къ православной греко-российской церкви, вообще событія 1828 – 1836 г. Часть *третья*, написанная въ апрѣлѣ того-же года, излагаетъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ униатскаго вопроса, начавшійся съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ св. синода гр. Протасова, подписанію униатской іерархіею акта возсоединенія и постепенное осуществленіе этого дѣла съ нацлежащую постановкою дѣла православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ періодъ времени 1837 – 1844 г. Часть *четвертая*, написанная въ октябрѣ 1861 г., обнимаетъ время 1844–1851 г., рисуетъ тягостный застой въ дѣлѣ возсоединенныхъ и не менѣе тягостное положеніе самаго виновника этого дѣла, приводившее его къ мысли удалиться на покой. *Пятая* часть, написанная въ ноябрѣ того-же 1861 г. и касающаяся событій въ судьбѣ возсоединенныхъ 1852 – 1860 г., даетъ общій очеркъ всего дѣла обращенія униатовъ, съ характеристикою главныхъ гражданскихъ дѣятелей и самого митрополита Іосифа.

Понимая, какъ и никто можетъ быть другой, громадное значеніе совершенного имъ дѣла для церкви и государства, митр. Іосифъ не желалъ, чтобы память объ этомъ дѣлѣ, о немъ лично, перешла въ потомство съ тѣми превратными сужденіями и толками, какіе разсѣвались о нихъ всюду враждебною латино-польскою партіею, и зная всю цѣну принадлежавшихъ ему лично документовъ, не рѣшался отдать на долю случая ихъ цѣлость и обнародованіе, но подобрать ихъ за жизнь въ

известномъ порядкѣ, связавъ и посыпивъ во многомъ ему одному доступными объясненіями, подъ общимъ заглавіемъ своихъ бумагъ, хранилъ эти драгоценныя рукописи въ теченіи п'есколькихъ лѣтъ въ особомъ сундукѣ, завѣщавъ передать ихъ послѣ его смерти въ академію наукъ, избранную его сыномъ почетнымъ членомъ, съ просьбою вскрыть и издать эти бумаги, по ея усмотрѣнію, на особую, имъ-же назначенную, сумму пять тысячъ рублей, въ видѣ непрерывнаго доходнаго билета его имени.

Академія наукъ издала Записки м. Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, безъ всякихъ опущеній и перемѣнъ, снабдивъ ихъ указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Запискахъ, что само собою вызывалось обширеностію изданія и научнымъ его назначениемъ; къ изданию приложены три портрета автора Записокъ: къ первому тому портретъ его въ санѣ униатскаго епископа, ко второму — въ санѣ православнаго архіерея и къ третьему — въ санѣ митрополита, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Трудно, совсѣмъ почти не возможно въ короткой журнальной замѣткѣ объ этомъ изданіи ознакомить читателей съ богатѣйшимъ его содержаніемъ. И самыя Записки м. Іосифа, и приложенія полны такого высокаго интереса, что положительно не знаешь, чему отдать въ нихъ преимущество. Если все это обширное изданіе посвящено безраздѣльно дѣлу возсоединенія униатовъ 1839 г. и даетъ неоцѣнимый материалъ для ознакомленія съ этимъ дѣломъ и творцемъ онаго м. Іосифомъ, то въ обстоятельствахъ, подготовлявшихъ это дѣло, сопровождавшихъ осуществленіе онаго и послѣдовавшихъ за нимъ, какъ нельзя болѣе отражаются съ одной стороны могущество и сила латино-польской партіи на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи и Литвы, крайнее обнищаніе и приниженіе униатской церкви, съ другой — безасиліе русской власти и русскаго элемента въ русскихъ областяхъ и колебательная политика нашихъ высшихъ сферъ въ правлениѣ даже такого твердаго государя, какимъ былъ императоръ Николай I-й. Газеты наши, какъ только появилось это изданіе въ нынѣшнемъ году, отдавъ ему заслуженную цѣну, извлекли изъ него то, что такъ сказать бѣть въ глаза, — отдельные нѣкоторые эпизоды, въ особенности прямодушные и не всегда лестные отзывы м. Іосифа о тогдашнихъ гражданскихъ дѣятеляхъ, прикасавшихся къ униатскому вопросу, каковы Д. И. Блудовъ, гр. П. А. Протасовъ и виленскіе генералъ-губернаторы: кн. Долгоруковъ, О. Я. Мирковичъ, И. Г. Вибиковъ и Вл. И. Назимовъ. Насъ интересуетъ сущность самого дѣла возсоединенія, его ходъ и система, а также характеристическія черты м. Іосифа и его положеніе между двумя противными сторонами: православно-рус-

скою и латино-польскою. Представимъ ихъ хотя въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Возсоединеніе униатовъ Вѣлоруссіи и Литвы съ православною пер-
ковью привлекло въ свое время вниманіе православнаго и католическаго
мира и въ послѣдніемъ вызвало ожесточенные нападки на наше прави-
тельство и личность Симашкі; стоустая молва, съ помощью загранич-
ной печати, распространяла самые невѣроятные толки и извѣстія, сво-
дившіеся къ тому, что возсоединеніе было актомъ варварскаго насилия
съ одной, честолюбіа и продажности съ другой стороны. Такіе толки и
извѣстія долго бродили въ нашемъ не только польско-католическомъ,
но отчасти и православномъ обществѣ; отголоски ихъ остались кой-гдѣ
и теперь. Между тѣмъ, прочитавъ записки митр. Іосифа, самый предъ-
убѣжденный человѣкъ не можетъ не признать, что тутъ по самому су-
ществу дѣла и личнымъ качествамъ Симашкі не могло быть ничего
подобнаго тому, что съ такою увѣренностю въ свое время утверждали
враги православія. Въ изданныхъ теперь Запискахъ дѣло возсоединенія
раскрывается во всей его сокровенности и полнотѣ, со всѣмъ его ходомъ
и системой, отъ первой мысли о возсоединеніи до послѣднихъ дѣйствій
относительно утвержденія возстановленнаго православія. Записки даютъ
намъ слѣдующія несомнѣнныя, документально подтверждаемыя данныя.
Во 1-хъ мысль о возсоединеніи униатовъ зародилась самостоительно и
совершенно независимо отъ какихъ либо постороннихъ вліяній въ душѣ
Іосифа Симашкі, зародилась подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и при
исключительныхъ условіяхъ его домашняго воспитанія, развивалась при
дальнѣйшемъ образованіи и ознакомленіи съ исторіею римской и униат-
ской церкви и укрѣпилась при близайшемъ знакомствѣ Симашкі съ
печальнымъ положеніемъ униатской церкви, когда онъ сталъ сначала
членомъ луцкой униатской консисторіи, а потомъ членомъ римско-като-
лической коллегіи по департаменту униатскихъ дѣлъ, окончательно же
выражена ить въ формѣ стройнаго проекта въ запискѣ совершенно част-
наго характера, написанной имъ въ ноябрѣ 1827 г. по поводу случай-
наго разговора съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій
Карташевскимъ, который, безъ вѣдома и согласія автора, передалъ ее ми-
нистру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишкову, а этотъ представилъ
государю Николаю Павловичу; во 2-хъ мысль эта, по тогдашнимъ на-
шимъ взглядамъ на присоединенные отъ Польши провинціи и совер-
шенному незнакомству съ ихъ исторіею и современнымъ составомъ и
положеніемъ, не могла возникнуть въ правительственныхъ сферахъ и
совершенно чужда была нашей недавней относительно ихъ политикѣ,
но которой мы великодушно рѣшались возвратить ихъ нами-же возста-

новліемой Польшѣ, а потому въ своемъ развитіи и осуществленіи встрѣчала массу недоумѣній, колебаній и препятствій и если доведена до окончанія, то, какъ свидѣтельствуетъ авторъ Записокъ, единственно твердою волею имп. Николая, принявшаго ее съ сердечнымъ удовольствіемъ и, прибавивъ отъ себя, видѣвшаго вообще гораздо далѣе своихъ виѣшнихъ и внутреннихъ политиковъ; въ 3-хъ, къ тому времени унія совершила свой недолгій историческій путь и уже подъ русскимъ владычествомъ приблизилась къ окончательному слїянію съ польско-католическою церковью, потому самою жизнью выдвигался теперь вопросъ о томъ, отдать-ли уніатовъ на жертву латинству и чоловѣцизму, или-же возвратить ихъ къ тому, чѣмъ они были прежде, а о выборѣ между тѣмъ и другимъ и вопроса быть не могло; въ 4-хъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ возвращенію уніатовъ въ изѣра прав. церкви (о сохраненіи самой унії, обнаружившей полную свою историческую несостоитѣльность, не могло быть и рѣчи), по проекту Симашки, были столь-же естественны, какъ и справедливы, и состояли въ отдѣленіи уніатовъ отъ общей римско-католической юрисдикціи, установлениіи отдѣльного управлениія уніатской церковью, обновленіи состава высшей уніатской іерархіи свѣжими и надежными силами, въ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ болѣе важныхъ латинскихъ примѣсей, а уніатскаго клира отъ ярыхъ папистовъ, возстановленіи въ уніатскомъ духовенствѣ сильно упавшей дисциплины, освобожденіи уніатскихъ школъ отъ налазора и гнета монаховъ-базиліанъ, постепенномъ перевоспитаніи въ духѣ намѣченной реформы и конечной ея цѣли какъ наличнаго священства, такъ и будущихъ пастырей церкви и наконецъ въ негласіонѣ, личномъ соглашеніи на дѣло возсоединенія выдающихся въ уніатскомъ клире лицъ, съ отображеніемъ отъ нихъ письменныхъ въ этомъ росписокъ; въ 5-хъ самое возсоединеніе подраздѣлилось на два отдѣльные акта: возсоединеніе *de jure* и возсоединеніе *de facto*, изъ которыхъ первое состояло въ подписаніи представителями уніатской церкви соборнаго о семъ постановленія, утвержденіи онаго св. синодомъ и государемъ, ко безъ оглашенія его и тѣчь болѣе какихъ либо церемоній и обрядовъ, а второе совершилось постепенно, въ теченіи долгаго времени, и состояло въ подчиненіи возсоединившихся епископовъ и ихъ епархій вѣдѣнію и управлѣнію св. синода, въ устроеніи уніатскихъ церквей и всей обрядности уніатской по чину православной церкви и постепенной замѣнѣ уніатскими епископами и священниками ихъ костюма и виѣшнаго вида общимъ всему православному русскому духовенству. Собственно народъ, изъ видѣ массы крестьянскаго уніатского населенія Бѣлоруссіи и Литвы, ничего не зналъ о задуманной и совершенной перемѣнѣ, пока не уви-

цѣль се въ очію въ формѣ измѣненной обрядности, богослуженія и падежного вида своихъ пастырей и лишь самыи дѣломъ вошелъ въ общеніе съ прав. церковью. Это виолай совпадало и съ тогдашимъ совершенно безправнымъ положеніемъ нашего крестьянства, и съ особымъ возврѣніемъ униатско-католической церкви и самаго Симашки, что въ дѣлѣ вѣры паства должна слѣдовать за своими пастырями.

Таковы существенные данныи относительно памятнаго возсоединенія 1839 г., представляемыи разсматриваемымъ нами изданіемъ.—Почти половина Записокъ и приложеній къ чимъ заключаютъ не менѣе драгоценный матеріалъ для исторіи утвержденія православія въ съверо-западномъ краѣ и возведенія его по внутреннему и наружному положенію на ту высоту, которая отвѣчала бы ему, какъ исповѣданію господствующему. Къ сожалѣнію, славная дѣятельность въ семъ отношеніи митр. Іосифа и его долгая неутомимая борьба съ препятствіями, лежавшими на этомъ пути, не обнимаются Записками во всей полнотѣ, такъ какъ самыи Записки доведены лишь до 1861 г., а смерть митр. Іосифа послѣдовала въ концѣ 1868 г. Пере автора Записокъ не коснулось послѣднаго 8-ми лѣтнаго періода въ его жизни, когда ему пришлось переживать примирительную политику нашу предъ восстаніемъ 1863 г., быть свидѣтелемъ пламени восстанія, грозившаго истребить все дѣло рукъ его, порадоваться на короткое время пробужденію духа народнаго, торжеству надъ усиленіями противниковъ, возстановленію въ самой резиденціи митрополита—Вильнѣ многихъ памятниковъ православія и закрыть глаза на вѣки при видѣ начинавшейся шутовской игры въ дружбу въ управление Потапова.

Впрочемъ и того, что даютъ намъ о жизни и дѣятельности митр. Іосифа изданныя теперь его Записки и приложенія, слишкомъ достаточно, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ великомъ дѣятель недавняго времени и определить его характеристическія черты. Сынъ «уніатина», жителя с. Павловки, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, ставшаго впослѣдствіи униатскимъ священникомъ въ м. Илинцахъ, Іосифъ Симашко происходилъ изъ древней бѣлорусской дворянской фамиліи. Неизвѣстно, когда предки его перепали въ Україну; но уже дѣду его былъ священникомъ въ Павловкѣ,—въ такой степени униатскимъ, что носилъ бороду и длинные волосы, а за приверженность къ russскимъ едва случайно избавился отъ польской висѣлицы. Мать Симашко и въ старости не знала польского языка, а отецъ его, занимавшійся до принятія священства въ 1811 г. чумачествомъ, не польскою, конечно, рѣчью пробавлялся, когда ходилъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой; въ домѣ ихъ не слышалась польская рѣчъ и языкъ семьи былъ при-

родный малорусский языкъ. «Родина моя, пишеть митр. Іосифъ, была нопричемъ двухъ-вѣковой борьбы между малороссійнами, запицавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями—польскими. Я слушалъ разсказы этого народа, прикрашенные Ѣдими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималь съ дѣтскимъ сочувствиемъ его стопамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе». О страстной его любви къ народному пѣснямъ мы знаемъ изъ разсказовъ свидѣтелей его дѣтства¹⁾ и самъ онъ говорить: «насъ дѣтей отецъ заставлялъ въ праздничное послѣобѣднее время пѣть малороссійскія пѣсни, подъ игру не безъискусную его скрипки». Но самое пламенное удовольствіе моего дѣтства, замѣчаешь оно дѣлѣ, было слушать сказки. Я просиживалъ до полуночи, вставая съ первымъ пѣтухомъ, если кто изъ служителей потѣшилъ бывало меня сказкой. Самъ отецъ былъ мастеръ рассказывать и часто въ длинные зимніе вечера дѣлалъ намъ дѣтямъ это удовольствіе. Но удивительный рассказчикъ былъ безногій Федъко, который часто портияжилъ въ домѣ моихъ родителей. Этого я готовъ былъ слушать день и ночь, и когда вносясь въ читаль о восточныхъ рассказчикахъ, то всегда представлялъ себѣ старого Федъка—его сказки хоть бы вписать въ тысячу и одну ночь». Съ другой стороны унія, въ которую по крещенію былъ записанъ будущій ея искоренитель, совсѣмъ не вспнулась его въ дѣтство. Симашко родился въ 1798 г., т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ съ присоединеніемъ края къ Россіи народъ самъ оставилъ имена винтную унію. Мать Симашко водила его въ православную церковь, отецъ самъ посѣщалъ эту церковь, пока не стала уніатскимъ священникомъ. Учителемъ Іосифа былъ православный дѣячекъ Бочковскій и если обучилъ его польскому чтенію, то лишь потому, что безъ этого нельзя было въ школы поступить. Въ домѣ отца были кое-какія книги. «Я перечитывалъ ихъ съ жадностію, пишеть авторъ Записокъ; библію прочель три раза, римскую и англійскую исторію звалъ почти наизусть». Къ гимназіи 12-лѣтній Іосифъ Симашко оказался настолько подготовленнымъ, что хотя поступилъ въ первый классъ, но нерѣдко былъ призываляемъ во второй отвѣтчать за лучшихъ учениковъ. Прилежаніе и память его были необыкновенны; во всѣхъ классахъ онъ шелъ первымъ. Но въ гимназіи царилъ непотизмъ, взяточничество; большинство учащихся были дѣти зажиточной польской шляхты, богатыхъ пановъ, квартировали у учителей; платившіе больше занимали первыхъ въ классѣ скамьи, упіаты-поповиціи мѣстились на Запорожье. Вдругъ распоря-

¹⁾ См. іюньск. кн. «Кіевск. Стар.» на 1884 г., стр. 334 и 335.

женіе изъ виленскаго университета, которому подчинены были гимназіи, — разсадить учениковъ по усиѣхамъ, и уніаты-поповичи, числомъ семь, заняли первую скамью, а первымъ въ ряду ихъ сѣлъ Симашко. Съ годами и развитіемъ ослабѣла въ немъ память, но развилась способность и страсть къ математикѣ. Первымъ онъ оканчиваетъ курсъ гимназіи въ 1816 г. и переходитъ въ виленскій университетъ на богословскій факультетъ. Для воспитанниковъ этого факультета, католиковъ и ушатовъ, было особое помѣщеніе и учрежденіе, подъ названіемъ *Главной Семинаріи*. Здѣсь читались имъ уроки профессорами университета, здѣсь, въ этомъ общежитіи, на казенный счетъ, по особой системѣ велось ихъ воспитаніе и вся подготовка къ специальному служенію. Весь строй и духъ заведенія былъ ультра польско-католической; но, думаю, — замѣчаетъ авторъ Записокъ, — ни въ одной православной академіи воспитанники не услышать о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ тамъ; противъ православной церкви намъ ничего не говорили, вѣроятно боялись... и безъ предубѣжденія противъ сей послѣдней выѣхалъ я изъ Вильны, напротивъ съ важными предубѣжденіями противъ римской». Духъ воспитателей и совсѣмъниковъ былъ явно враждебный Россіи; русскихъ книгъ нигдѣ нельзя было достать, и когда товарищъ Симашки Автоній Зубко добылъ гдѣ-то № стариннаго журнала *Улей* и оба они накинулись на него въ классѣ въ виду товарищей, послѣдніе подняли шумъ: «развѣ такие намъ нужны священники, которые забываютъ мать Польшу... сочувствуютъ Россіи?... Но былъ старикъ Чернявскій, профессоръ русской словесности. »Это, говорить авторъ Записокъ, была настоящая ходачая библіотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи; алфавитически, безъ всякаго порядка, но занимателно, съ чувствомъ и душою рассказывалъ онъ вместо урока все, что приходило ему на мысль о Россіи, ея исторіи, герояхъ, ея бытѣ народномъ. Много-бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него... Онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи».

Таковы были сѣмена, посыпанные въ душѣ Симашки семьею и школою! Могли-ли они заглохнуть, могли-ли иной плодъ принести, чѣмъ какой принесли?

Окончивъ курсъ университета со степенью магистра богословія, Симашко, убѣжденный настоятельными совѣтами луцкаго епископа Іакова Мартусевича, рѣшился безженннымъ вступить въ уніатскій клиръ и принять службу въ луцкой уніатской консисторіи. »Я былъ днѣвъ для свѣта, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, чуждъ вскихъ свѣтскіхъ связей и равнодушенъ къ женитьбѣ... Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приходомъ, если придутъ семейные заботы, что станется съ моими кни-

гами, куда обратится моя любовь къ чтенію и познаніямъ?» Быстро прошелъ онъ первыя священные и служебныя степени, далеко раньше всякихъ сроковъ стала священникомъ и членомъ консисторіи; но тутъ же онъ увидѣлъ бездну, на краю которой стояла уныя: требовалось не много времени, чтобы она поглощена была латинствомъ. Заговорили природные инстинкты, послышались вліянія дѣтства, поднялись соображенія яснаго, положительного ума. «Пусть ненавидятъ насъ православные русскіе,—они враги; за что-же обижаютъ друзъ?» Зародившаяся душевная борьба усилилась въ Симашкѣ, по поводу перѣзда его въ Петербургъ на должность члена коллегіи, вѣдавшей католиковъ и униатовъ. Повсюду въ Бѣлоруссіи и Литвѣ видѣлъ онъ до невѣроітія бѣдныя, на сараи и амбары походившіе униатскіе храмы, а за Великими Луками, въ долинѣ Ловати, насчиталъ 13-ть каменныхъ, чисто обѣленныхъ, подъ желѣзными крышами православныхъ церквей. Пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ храмы великолѣпныя, богослуженіе прекрасное, пѣніе отличное..., тутъ же богатый латинскій костелъ, а для богослуженія униатскаго, митрополичьяго «скудная бесѣдка»... А въ коллегіи, въ обоихъ департаментахъ, было полное господство латинства и полонизма, ловко опутывавшихъ своими сѣтями самое правительство русское; въ дѣлахъ царили полная несправедливость, пристрастіе, взяточничество. Самъ митр. Булгакъ былъ на сторонѣ римлянъ; въ коллегіи то и дѣло возникали проекты, гибельные для униатовъ. Сокращенія униатовъ шли десятками тысячъ. Твердость и смѣлость помогали Симашкѣ иное остановить, иное измѣнить, но удержать и потому всеножирающей лавы было выше его силъ. Между тѣмъ, еще съ первого приѣзда своего въ Петербургъ онъ принялъся изучать его; перебывалъ всюду, все пересмотрѣлъ, ироникъ въ публичную библіотеку, у одного Глазунова въ одинъ первый годъ перечиталъ болѣе 400 книгъ, а ежегодно тратилъ на покупку ихъ по 100 р. Такъ прошло семь лѣтъ. Съ 1822 г. Симашко былъ иprotoіереемъ, съ 1823 каноникомъ, съ 1825 ирелатомъ; предъ нимъ былъ архіерейскій санъ. Но въ душѣ его происходила невыносимая борьба. «Я давно уже, пишетъ онъ, убѣдился въ православіи восточной церкви, а между тѣмъ принадлежать къ западной. Я былъ членомъ, и не маловажнымъ, церкви русской, хотя и униатской, а между тѣмъ долженъ былъ служить орудіемъ оковчательного измѣненія оной въ латинскую. Я преданъ былъ Россіи сердцемъ и душой, а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежавшимъ неизрѣзненной для нея Польши... Борьба разрѣшилась рѣшительнымъ намѣреніемъ его принять православіе и монашество въ александро-невской лаврѣ. Симашко сталъ писать сочиненіе о православіи восточной церкви, довелъ до половины, какъ вдругъ случайная бесѣда съ Карташевскимъ и данная ему записка о

положенія унії, о которыхъ мы выше упоминали,—и дальнѣйшая судьба Симашки измѣняется неожиданно и безоворотно.

Такъ совершился въ душѣ Симашки внутренній переворотъ, повлекшій за собою переворотъ всего уніатства, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и первымъ годамъ жизни и службы.

Нуженъ былъ необычайно тонкій и проницательный, обширный и глубокій умъ, чтобы обнять судьбы унії на всемъ историческомъ ея течениі, сообразить силы противниковъ, изъ-за нея боровшихся, взѣсть данныхя прежняго и того времени и безъ предубѣжденія и пристрастія рѣшить, при какомъ исходѣ борьбы положеніе исповѣдниковъ унії можетъ быть естественнѣе и счастливѣе; нужна была быстрая сообразительность, находчивость и практичность, что-бы въ одну ночь написать такой проектъ возвраленія уніатовъ въ православію, отъ которого правительство не отступило ни на шагъ до самой развязки всего дѣла. Требовалась съ другой стороны необычайная сила воли, крѣпость убѣжденій, увѣренность въ своихъ силахъ и правотѣ дѣла, полное наконецъ самоотреченіе, чтобы бросить вѣрное, почетное и обѣщающее положеніе и пуститься на неизвѣстный, скользкій и опасный путь, способный привести къ полной неудачѣ и разочарованію. И таковы именно были умъ и характеръ Симашки. Чѣмъ далѣе шло, усложнялось и запутывалось дѣло возсоединенія, тѣмъ болѣе раскрывались его зоркость и проницательность, энергія, смѣлость и настойчивость и та особая гибкость, которая отличаетъ людей, стоящихъ между двухъ партій. Ему одновременно приходилось бороться съ коварствомъ и интригами уніатовъ и польскаго, равнодушіемъ и недовѣріемъ православныхъ, иногда-жъ и съ ихъ неумѣлостію и незнаніемъ дѣла. Въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ крайнимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Смѣлость и прямота его были такъ велики, что одна записка его вызвала замѣчаніе имп. Николая I Блудову: «это обвинительный актъ противъ тебя и меня.» Въ 1833 году, уже въ санѣ епископа и когда дѣло о возсоединеніи было въ ходу, но затормозилось отъ нерѣшительности Блудова, Симашко явился въ синодъ съ прошеніемъ о присоединеніи его лично къ православію, что равносильно было отреченію отъ дѣла, и хотя не подалъ прошенія, потому что не могъ дождаться оберъ-прокурора, который ввелъ бы его въ присутствіе, но этимъ шагомъ рѣшительно подвинулъ дѣло впередъ. Тотъ же приемъ и съ такимъ-же успѣхомъ онъ повторилъ въ 1836 г. и подвинулъ дѣло въ рѣшительной развязкѣ. Отказъ въ средствахъ для устройства возсоединенія епархій и поднятія православія съ вѣшней стороны на подобающую ему въ центрѣ католицизма высоту, а также въ удовлетвореніи другихъ пред-

ставленій Симашки заставлялъ его выступать съ прошеніемъ обь отставкѣ, какъ было въ 1842, 46 и 51 г., и каждый разъ онъ выходилъ изъ затрудненія съ торжествомъ. лично для себя онъ ничего не просилъ и ничего, кроме обычныхъ наградъ и пенсіи въ 6,000 р., не получалъ, отказавшись на отрѣзъ отъ возвышенія ея до 10,000 р. Но онъ былъ ревнивъ къ судьбѣ созданного имъ дѣла и отстаивалъ и поддерживалъ его цѣлость и зоркимъ наблюденіемъ за дѣйствіями противной партіи, и искусною политикою съ юристами и высшими властями, письмами, записками и изрѣдка печатными статьями. Положеніе его въ завоеванной имъ Вильнѣ и краѣ было всегда въ высшей степени напряженное и трудное и требовало особаго такта, умѣнья, хладнокровія и терпѣнія. Побѣжденные имъ противники не могли простить ему своего посрамленія и громаднаго урона, распускали о немъ небылицы, подканывались подъ него со всѣхъ сторонъ. Въ то-же время русскіе администраторы играли не рѣдко въ руку польской партіи, по недомыслу и другимъ причинамъ, а ихъ чоловѣки, закупленные панами, и прямо дѣйствовали во вредъ ему. Съ другой стороны въ средѣ чиновныхъ русскихъ, особенно военныхъ, было не мало такихъ, которые и къ православію архиепископа и митрополита относились съ недовѣріемъ. Нашелся генералъ, который въ глаза ему назвалъ его служеніе неправославнымъ. Оказалось, что генералъ не зналъ архіерейскаго служенія и считалъ униатствомъ все, что не сходствовало съ литургію его полковаго священника. Высшее православное духовенство относилось къ Симашкѣ по временамъ неискренно, перемѣнно, почти недоброжелательно, опасаясь его новаго возвышенія и преобладанія. Особой мудрости и ироничательности Симашки надо приписать то, что онъ предупредительно отклонилъ дважды готовившееся ему возвышеніе въ званіе первоприсутствующаго синода, въ видахъ преобразованія церковнаго управления. Хотя онъ несомнѣнно могъ бы ввести новую струю въ эту сферу, всегда требовавшую иѣкотораго освѣщенія; но въ складѣ его мыслей и церковно-практическихъ воззрѣній, въ самомъ образѣ его жизни было иѣчто такое, что могло возбудить противъ него и соархикастырей и самую наставу его. Въ 1851 г. просясь въ отставку и опасаясь перемѣщенія, Симашко писалъ государю Николаю Павловичу: «Я не привыкъ къ обычаямъ, нравамъ и самымъ постамъ; не привыкъ къ заученнымъ фразамъ и движениямъ, которыя приобрѣтаются только изъ дѣтства, и по необходимости покажутъ странными среди древне-православнаго населенія, а тѣмъ болѣе среди иноязыкъ». Къ нашемъ церковному управлѣнію онъ всегда видѣлъ больше формы, нежели дѣла; сложившійся подъ многоразличными вліяніями образъ его жизни вовсе не походилъ на традиціонную жизнь нашихъ

іерарховъ. Митр. Іосифъ въ своихъ Запискахъ съ подробностю очерчиває привычки и особенности своей жизни. Въ молодые годы, въ санѣ каноника и прелата онъ бывалъ въ театрѣ и отдѣлялъ на это 100 р. въ годъ, читалъ самыя разнообразныя книги, не пропускалъ и Вольтера, игралъ въ карты, хотя рѣдко на деньги; уже въ санѣ архіерея уніатскаго и православнаго, живя въ Жиржицахъ, собирая у себя по вечерамъ служащихъ съ семействами, допускалъ при томъ музыку и танцы, развлекался землевѣдніемъ, статистическими и политическими соображеніями, а также путями сообщеній и астрономическими наблюденіями и вычисленіями, любилъ произведенія свѣтской живописи и украшалъ ими свои комнаты въ Вильнѣ и Тринопольской дачѣ, до конца жизни дважды въ недѣлю дѣлился часами досуга съ семьею сестры своей Елены, жены каеедральнаго протоіерея Гомолицкаго, допускалъ певинное развлеченіе музыкою и пѣніемъ, а на дачѣ игрою и прогулками съ дѣтьми и стряпаньемъ общими силами ужина въ оврагѣ, надѣ прудомъ. Привычку къ польскому языку онъ сохранилъ до постг҃дніихъ дней, но употреблялъ онъ лишь съ самыми близкими людьми. Съ переходомъ Симашко въ Вильну, отношеніе его къ постороннимъ было, по его словамъ, «вѣсъ сколько офицальное, этикетальное, а въ такомъ положеніи, прибавляется онъ, освѣжительного развлеченія не найдешь». «На артистическая произведенія издержалъ я по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. Меня, кажется, обвинили за это, а я не могъ понять, какъ другіе могутъ довольствоваться образами, и то еще безобразными. Вы, господа, обращаетесь съ живымъ міромъ, говорилъ я инымъ; не удивляйтесь, что я любуюсь имъ хотя въ картинахъ». Достойно замѣчанія, что достигши высшихъ почестей и удобствъ жизни, митр. Іосифъ, какъ истый украинецъ, идеаломъ счастья поставлялъ для себя уединенный домикъ, садикъ, прудъ и комнату съ книгами.

Говоря объ авторѣ разсматриваемыхъ Записокъ, не можемъ не сдѣлать въ заключеніе одного исторического сопоставленія, которое напрашивается, такъ сказать, само собою. За три четверти вѣка предъ воссоединеніемъ бѣло-русско-литовскихъ уніатовъ бѣлорусецъ Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, своимъ ораторскимъ талантомъ и энергическимъ ходатайствомъ въ Варшавѣ и Петербургѣ поддержалъ Украину въ борьбѣ ея съ унію и католичествомъ; теперь Україна дала Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣтеля, который помогъ имъ снять съ себя тѣ же вѣковыя оковы и возвратиться къ единой вѣрѣ отцевъ.

Собственно объ изданіи говорить нечего; оно безъукоризненно: и цѣна его, 12 р. за 3, хотя и большие, тома, непомѣрно высокая. Матеріальная стоимость изданія, безъ сомнѣнія, не вынуждала къ назначе-

шюю такой цѣны академію наукъ, получившую на это издание, по завѣщанію автора, пятитысячный непрерывно доходный билетъ съ процентами—вѣроятно съ 1862 г., т. е. составленія завѣщанія и опредѣленія этой суммы.

А. Н.

Андріевскій А.І. Исторические материалы изъ архива киевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Киевъ. 1884 года. 225 стр. Цена 50 коп.

Издание г. Андріевского, шестой выпускъ котораго теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ, но крохотливыхъ работъ, которыхъ, не производя въ обществѣ шума и не дѣлая громкой славы издателю, тѣмъ не менѣе приносятъ несомнѣнную и весьма важную пользу для науки. Отряхнуть отъ тѣлѣющихъ архивныхъ хартий пыль и грязь, извлечь и спасти изъ груды канцелярскихъ переписокъ все, что можетъ намъ освѣтить общественную и бытовую обстановку нашего прошлаго и тѣмъ восполнить пробѣлъ въ нашей исторіографіи,—это трудъ не легкій, не видный, мало благодарный, но тѣмъ не менѣе полезный и важный. Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ каждый выпускъ издания г. Андріевского и отъ души желаетъ ему успѣха на этой почѣ.

Читатели «Киевской Старины» знакомы съ характеромъ изданий по рецензіямъ на прежніе выпуски, а потому и ограничусь только указаниемъ на содержаніе шестого выпуска. Онъ посвященъ главнымъ образомъ г. Киеву и отчасти его окрестностямъ.

Изъ двѣнадцати отдѣловъ разнообразныхъ материаловъ большую половину выпуска занимаютъ послѣдніе два, относящіеся къ питейному вопросу. Въ первомъ изъ нихъ: «Казенные кабаки и корчевство» изложены *in extenso* нѣсколько дѣлъ, возбужденныхъ въ 1738—1754 г.г. о кражѣ денегъ изъ казенныхъ кабакахъ и о корчевствѣ отставныхъ солдатъ. Во второмъ (12-омъ) отдѣль: «борьба киевскаго магистрата съ »неуказанными на подступъ мѣсту шинкованіемъ» изложены девятнадцать дѣлъ 1743—1757 годовъ, возникшихъ по поводу нарушеній козаками, проживавшими въ Киевѣ, и киевскими монастырями привилегіи, по которой предоставлялось киевскому магистрату исключительное право продажи хлѣбнаго вина распивочно и на выносъ въ особыхъ шинковыхъ домахъ въ »нижнемъ городѣ Киевѣ на Подолѣ«. Дѣла эти возникали или вслѣдствіе ходатайствъ магистрата о закрытии постороннихъ шинковъ, или же по жалобамъ монастырей и козаковъ на магистратскихъ »шотыжниковъ« и др. урядниковъ за учиненные ими »гвалты, боя и пр.«.

Въ остальныхъ десяти отдѣлахъ материалъ довольно разнообразный. Для исторіи землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи и для топографіи немалый интересъ представляютъ дѣла по взаимнымъ спорамъ изъ за раз-

ныхъ грунтовъ между монастырами и между этими послѣдними и магистратомъ. Мирныя обители, по общему унаслѣдовавшему отъ прежнихъ временъ обычая, прибѣгали иногда къ «гвалтовному» занятию спорныхъ участковъ, какъ это напр. случилось въ 1725 г. въ спорѣ о правѣ на островъ Муромецъ между Днѣпромъ Черторыемъ, когда игуменъ троицкаго монастыря, прогнавъ чиновника, посланного отъ ген. губ. канцелярии, «самовольно и насильно сѣна до щенту восемь скиртъ заѣрабилъ и перевозилъ на свой берегъ подъ село Троетчину».

Далѣе не лишенъ интереса для истории промышленности свѣдѣнія о кожевенномъ промыслѣ въ г. Кіевѣ и раскольничихъ слободахъ въ 1766 г. По именному указу его императорскаго величества были потребованы отъ кіевскаго генераль-губернатора Воейкова справки о выдѣляемыхъ кожахъ, ихъ цѣнности и сбытѣ. Изъ репортовъ оказалось, что «какъ въ самомъ здѣшнемъ городѣ Подолѣ, такъ и въ присутственномъ къ оному подгородѣ Преорії, Сырцѣ и Куреневщинѣ кожевенныхъ фабрикъ никогда не было и выѣ не состоять», но нашлись «шартикулярные мѣщанскіе 22 дома, въ которыхъ сырца кожи выдѣлываются». Кромѣ мѣстнаго убоя, кожемяки скупали еще въ Малороссіи, но выдѣланные кожи въ отчужденную торговлю не шли, а потреблялись на мѣстѣ.

Весьма любопытенъ представленный въ 1747 г. въ кіевскую генераль-губернаторскую канцелярію кіевскимъ полицмейстеромъ Акимомъ Литвинымъ проектъ организаціи въ Кіевѣ полицейскаго надзора. Надзоръ этотъ касался только «великороссійскаго народа людей», таѣ какъ по указу отъ 9 апрѣля 1734 г. «до нижнаго города Кіева, прозвываемаго Подола, гдѣ только малороссійскаго народа люди особливое жительство имѣютъ, дѣйствительно подъ гетманскимъ региентомъ, и вѣдомы они въ кіевскомъ магистратѣ, кіев. полицмейстерской конторѣ интересоваться не вѣдѣс». Въ проектѣ играетъ главную роль вопросъ о безпаспортныхъ людяхъ. Въ утѣшениѣ нынѣшихъ кіевскихъ домовладѣльцевъ, платящихихъ часто за несвоевременную прописку видовъ, можемъ привести слѣдующую выдержку изъ проекта: «когда-жъ кто къ себѣ жить пустить, онъ объявлять подъ опасеніемъ за необъявленія съ обывателей взятія штрафа 50 рублей въ годъ».

Въ 1738 г. по указамъ изъ кабинета его императорскаго величества о сысканіи въ кіево-межигорскомъ монастырѣ янтаря, дѣлались сначала подъ наблюденіемъ капитана Веревкина, а затѣмъ присланного изъ генераль-бергъ директоріи саксонца Питера Пикарта въ продолженіи цѣлаго лѣта раскопки «янтарной руды». Янтарь дѣйствительно былъ найденъ, но въ весьма маломъ количествѣ и въ мелкихъ кускахъ, а потому «штенгеръ» Пикартъ былъ отозванъ, причемъ велико ему привезти найденный янтарь и «такожъ, въ которыхъ мѣстахъ оной янтарь лежалъ, изъ нихъ взять по нѣкоторой части для признаку каждого слоя земли съ яснымъ описаніемъ».

Ц. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературный, этнографический и исторический).

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖИЦА КОНЦА XVIII СТ.

Разнообразный и обширный составъ южно-русской библиографіи прежнихъ временъ далеко еще не определенъ даже простымъ перечислениемъ порядкомъ и едва ли скоро будетъ исчерпавъ. Интересующемуся южно-русскими изданіями прежняго времени приходится не рѣдко встрѣчаться съ новинками, о которыхъ огнь не мечталъ. Въ частныхъ библиотекахъ и архивахъ, на чердакахъ деревенской глупши поцадаются остатки разнообразныхъ изданій, потерявшихъ нынѣ всякое практическое значеніе для своихъ владѣльцевъ, но бросающіе все новые лучи свѣта на наше прошлое въ его культурныхъ и бытовыхъ проявленіяхъ.

Къ числу такихъ остатковъ относится и книжица, съ которой желаю познакомить читателя. Это сборникъ разныхъ секретовъ и лечебныхъ средствъ, необходимыхъ въ «господарствѣ». Принадлежитъ онъ теперь проф. В. Б. Антоновичу; печатанъ въ 16-ю долю листа; переплетъ недавний, но истрапанный, свидѣтельствуетъ о долгомъ употреблении книги; заглавного листа нѣтъ и потому ни мѣсто, ни годъ изданія, ни имя автора неизвѣстны. Но трифту, бумагѣ и предисловію можно заключить, что книжка напечатана во второй половинѣ XVIII ст., въ одной изъ типографій правобережной Украины; въ предисловіи неизвѣстный авторъ прямо говоритъ, что она напечатана для «поспольства Волынскаго, Кіевскаго, Польскаго и Брацлавскаго воеводствъ». Кроме заглавнаго листа

въ книжкѣ не достаетъ еще иѣсколькихъ страницъ: послѣ 96-ой слѣдуютъ стр. 103—108, но и изъ нихъ видно, что книга безъ конца.

Предисловіе на польскомъ языку и занимаетъ въ страницѣ, а затѣмъ слѣдующее малорусское заглавіе, печатанное славянскимъ шрифтомъ:

» Книжиця для господарства, указующа, якъ ратовати въ хоробахъ всяку скотину, то есть, конь, воли, тѣвцы, козы, свини, якъ бѣгити полотно, якъ боронити пашни отъ саранчи, якъ ратовати отъ джумы, якъ губити гусеницию отъ капусты, якъ ловити рыбу, якъ губити мыши и щуръ, якъ ратовати скаженіи собаки, якъ ратовати людей, которыхъ собаки скаженніи покусали, якъ ратовати человѣка, который не въ давномъ времени зъ ума зайдетъ.

Все содержаніе книги состоять изъ наставлений на всѣ показанные случаи. Наставленія изложены по малорусски; напечатаны славянскимъ шрифтомъ; на послѣднихъ шести страничкахъ помѣщены иѣскоторыя изъ тѣхъ же наставлений шрифтомъ польскимъ.

Приведемъ въ русскомъ переводе польское предисловіе; оно ознакомитъ насъ съ цѣлью издания книжки, ея значеніемъ и назначениемъ.

» До сихъ поръ издаваемы были книги разныхъ лекарствъ языкомъ и шрифтомъ польскимъ. Можно безошибочно утверждать, что чтеніе и разноска такихъ книгъ въ нашемъ русскомъ краѣ не приносили никакой или весьма малую пользу: книги попадали всегда въ руки землевладѣльцевъ поляковъ, въ руки паповъ, а они прочитавъ однажды ради любопытства или желанія развлечься отъ праздности, болѣе не имѣли побужденія въ нихъ заглядывать, будучи заняты свойственными ихъ состоянію забавами, которыя не оставляли времени для испытанія на дѣлѣ совѣтовъ, какъ подавать помощь больнымъ животнымъ.—Вслѣдствіе этого печатаемъ Книжечку лекарствъ для скота, лошадей, овецъ и пр., переведенную изъ польскихъ и другихъ авторовъ на языкъ русский, обыкновенно употребляемый и понимаемый польскимъ простонародiemъ въ воеводствахъ волынскомъ, кіевскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Мы употребили даже шрифтъ славянскій, т. е. русскій, какъ знакомый большей части простого народа и такой, которому народъ легче можетъ обучиться. — »По этому,

мы можемъ разсчитывать, что польские подданные, занятые преимущественно земледѣльемъ, знаютъ, что ихъ рабочій скотъ: волы и лошади и часть ихъ имущества, состоящая изъ коровъ, овецъ и свиней, необходимы для ихъ работъ и жизненныхъ потребностей, будутъ со вниманіемъ читать такую книжечку и тѣмъ охотнѣе будутъ ей слѣдоватъ, что она обѣщаетъ имъ пользу и отвѣчаетъ ихъ требованіямъ».

» Каждое село въ нашемъ краѣ нуждается въ достаточномъ количествѣ лошадей и воловъ, однако въ сотомъ разѣ семенія можно розыскать человѣка, который, въ случаѣ заболѣванія лошади или вола, съумѣлъ бы подать помощь.—Поэтому кстати будетъ предложить всѣмъ владельцамъ городовъ и сель, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственныя совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ. При этомъ условіи, можно надѣяться, мы имѣли-бы въ скоромъ времени отличныхъ хозяевъ, опытныхъ въ уходѣ за разными скотомъ, отличныхъ коноваловъ, полезныхъ слугъ и конюховъ при стадахъ и конюшняхъ, а отъ сего быстро развилась-бы торговля и благосостояніе края«.

» Но чтобы молодежь простонародія дошла до того, что съумѣла-бы читать и исполнять предписанія и совѣты, вы священники обряда греческаго (*Ritus Graeci*) и всѣ настоятели изъ любви къ близ-нему и къ вѣрению вашему управлению паствѣ, предпишите своимъ церковнымъ дедаскаламъ, чтобы въ приходскихъ школахъ дѣтямъ, набранымъ для обученія чтенію книгъ, печатанныхъ на славянскомъ языке, и эту также книжечку для упражненія давали.—Вѣдь и вы почтенные (*zasci*) настоятели греческаго обряда должны стараться о преуспѣяніи блага отечества.—Хотя эта книжечка и не содержитъ въ себѣ ничего возвышенного, однако проникнута она надеждой на общественную пользу, преслѣдуя ту цѣль, чтобы бѣдные люди, которыхъ судьба не надѣлила состояніемъ, достаточнымъ для содержанія ихъ и ихъ дѣтей, будучи опытными въ леченіи домашнихъ животныхъ, могли найти средства къ жизни».

» Въ этой книжкѣ приложены и нѣкоторые хозяйственныя секреты, полезныя какъ для народнаго здравія, такъ и для удобства; они полезны не менѣе первыхъ, а именно: о ловлѣ рѣчныхъ

рыбъ, о выбѣлкѣ полотна, о предосторожности отъ змѣй, заразы, сарапчи; о посадкѣ и прищепкѣ плодовыхъ деревьевъ, о посѣѣ лѣсныхъ деревъ и о поданіи помощи на случай пожара въ городахъ и селахъ. Все, заключающееся въ этомъ маломъ сборниکѣ, можетъ показаться кому либо недостаточнымъ; но желающимъ открывается поле для просвѣщенія простого и бѣднаго люда въ ихъ нуждахъ съ помощью подобнаго изданія правилъ на разные случаи; къ этому по всей вѣроятности можетъ побуждать не одного изъ польскихъ соотечественниковъ стремленіе быть полезнымъ въ этой или другой мѣрѣ своему народу».

Какъ видимъ, авторъ предназначалъ свою книжницу для простого народа во имя просвѣщенія во имя блага народа и отечества. Предлагаемые имъ советы и наставленія извлечены изъ польскихъ и другихъ авторовъ и расположены въ слѣдующемъ порядке: сначала указываются лекарства противъ болѣзней лошадей, потомъ воловъ, далѣе овецъ и свиней; за тѣмъ слѣдуютъ разные хозяйственныес секреты и домашнія средства противъ болѣзней людей, а въ концѣ помѣщено нѣсколько статеекъ, посвященныхъ садоводству.

Въ ряду советовъ и средствъ, изложенныхъ въ книжкѣ, много такихъ, которые теперь уже покажутся несостоятельными и даже пакиными, но въ большей части они основаны на разумныхъ соображеніяхъ или же на опыта и чужды суевѣрія и предразсудковъ, которыми руководствуется знахорство, нѣкоторые же советы, особенно въ отдѣлѣ о лошадяхъ, о прививкѣ деревьевъ и пр., до сихъ поръ съ успѣхомъ могли-бы быть примѣняемы.

Изъ числа рецептовъ наивныхъ и курьезныхъ, приведемъ слѣдующіе четыре:

1) *На слиногуръ.* Слиногуръ значится болячка въ горлѣ конскому, отчего и языки пухне, на то треба лѣтніои воды и положивши коня, треба ляти на языкъ и въ губу, щобъ загрѣвся языкъ и губа, а заразъ воловою жовачко патерти языкъ и губу, а при томъ не давати нѣчего иного быти, тиляко ячмѣнь перегибаний и отовчаній зъ салѣстрою пѣвтора лута (ст. 44).

2) *Якъ таи робаки губити, котории на дровы въ садахъ листы и цветы обѣльдаютъ?* Рибу якуколвакъ росплатай въ штуки, покрай

и помочи въ водѣ, нехай можне чрезъ день единъ, накривши, и тою водою кроши всѣ древа ѿ дня, зробивши крошило зъ соломы (ст. 88).

3) *Когдѣ зуби болѧтъ, якъ ратоватися.* Лучину смолную вари з оцтомъ, и тимъ губу часто полоши, а хрѣну утерши на терцѣ, приложи на руку до локтя с противной стороны, з которой зубы не болять (ст. 86).

4) *Якъ ратовати человѣка, который недавно з ума зйиде?* Тому человѣкови треба пустити з ноги едной кровъ рано, з другой ноги въ вечеръ, а заразъ хустку въ зимнюю воду умочивши, на каркъ ему прикладати уставичне чрезъ день и ночь, а на ночь давати ему салѣтри въ водѣ наперстокъ, тожъ и на рано (ст. 84).

Въ языкѣ книжки обращаетъ на себѣ вниманіе совершенное отсутствіе вліянія языка церковно-славянскаго; это простая мало-русская рѣчъ, испещренная по мѣстамъ полонизмами и то главнымъ образомъ въ техническихъ словахъ. Употребленіе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени всегда съ твердымъ окончаніемъ, напр. робляти, болѧти, даетъ поводъ думать, что авторъ былъ подъ вліяніемъ подольского говора.

Интересно было бы разрѣшить вопросъ о національности автора. Польскій языкъ въ предисловіи самъ по себѣ не даетъ еще основанія считать автора исключительно полякомъ; по польски говорили и писали тогда и малороссіяне; но на польское происхожденіе автора указываютъ: тонъ предисловія, название: *pospolstwo polskie* и эти заботы его о благѣ народа польскаго, отечества польскаго, очень напоминающія настроеніе лучшей части польского общества во времена упадка Рѣчи Посполитой, настроеніе, выразившееся въ Коллонтаевскомъ движении и конституціи 3-го мая, проникнутыхъ надеждой на спасеніе съ помощью поднятія уровня нравственного и материальнаго положенія народа.

Ц. Г. Нейманъ.

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ОТКРЫТИЮ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА И ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНИЯ ВЪ ОНЫЙ.

Жизнь отодвинула насъ отъ этого сравнительно недавнаго со-
бытия. Много-ли въ живыхъ осталось свидѣтелей этого торжества,
которые могли-бы разсказать намъ, какъ оно происходило, какія

думы, чувства, надежды будило,—не въ тѣхъ, что устроили празднество и распоряжались имъ,—они исполняли лишь свой служебный долгъ, и не въ тѣхъ, что призывались къ участію въ немъ,—едвали оно было имъ по сердцу, но въ томъ коренномъ населеніи и Киева и края, которое удалено было цѣлымъ ходомъ исторіи отъ участія въ этомъ торжествѣ, которому не было на немъ мѣста и предъ которымъ долго еще закрыты были двери открывавшагося тогда святилища наукъ?

Существовали, и уже давно, университеты въ Москвѣ и Петербургѣ; былъ университетъ въ Харьковѣ, даже въ Вильнѣ; еще въ прошломъ столѣтіи проектировалось не разъ учрежденіе университета въ Глуховѣ и Батурина, а въ началѣ нынѣшняго даже въ Новгородѣ-Сѣверскѣ. О Киевѣ, какъ мѣстѣ для университета, упоминалось подъ конецъ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра I, но самаго университета дождался онъ въ тотъ годъ, когда отмѣнены были для его чиновниковъ польскіе мундиры, прекращено дѣйствіе магдебургскаго права и замазаны въ великой церкви кіево-печерской лавры портреты великихъ кіевскихъ князей и гетмановъ малороссійскихъ. Но такова была историческая судьба столицы равно-апостольнаго Владимира, колыбели просвѣщенія, матери градъ русскихъ, что даже на открытіи здѣсь первой гимназіи, въ памятный 1812 годъ, митрополитъ, генераль-губернаторъ и прочія русскія власти угощены были подъ рядъ тремя польскими рѣчами и только четвертую, послѣднюю, сказаль директоръ Мишковскій на россійскомъ уже діалектѣ¹⁾).

Скоро университетъ св. Владимира празднуетъ 50-лѣтній юбилей своей жизни. Открытие университета происходило 15 іюля 1834 г., начало ученія 15 августа того-же года, въ промежуткѣ шель пріемъ студентовъ, юбилейное-же торжество совершился 8 сентября сего года. Но если воображеніе способно будетъ перенести участниковъ сего послѣдняго торжества за 50 лѣтъ, то не встрѣтить оно затрудненія перенести ихъ и еще за нѣсколько дній назадъ, ибо на то у него есть крылья.

Въ газетахъ появляются уже воспоминанія о прежней жизни университета св. Владимира, печатаются приглашенія ко дню юбилей-

¹⁾ См. въ этой же книжкѣ стр. 449.

наго торжества. Умѣсто будеть ознакомить читающу публику съ приглашеніемъ къ открытию самого университета и правилами поступленія въ онъй, какъ они опубликованы были въ печатныхъ экземплярахъ 50 лѣтъ назадъ, въ 1834 г. Эти два письменные памятника того времени, въ такой степени мало значительные, что получавшіе ихъ тогда же употребляли ихъ на обертку сальныхъ свѣчей и на другія надобности, говорятъ кое-что объ этомъ-же времени, отъ нихъ вѣтъ также исторію. Приглашаются къ торжеству открытия университета св. Владимира, въ день посвященный его памяти, *почтеннѣйшее Сословіе Дворянства нынѣшихъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края*, а поступающіе въ университетъ обязываются представлять свидѣтельство о *свободномъ состояніи*. Изъ кого-же состояло, какой національности принадлежало это *« почтеннѣйшее сословіе»*, въ качествѣ любителя отечественаго просвѣщенія, приглашавшееся *быть свидѣтелями* столь важнаго для края событія, и кто эти *свободные состояніемъ*, для которыхъ однихъ открыть былъ доступъ въ храмъ наукъ? Пояснить это едва-ли есть надобность;—слишкомъ известны тогдашній составъ дворянства юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (мы не понимаемъ только, какъ въ число ихъ попала губернія черниговская) и нашъ тогдашній государственно-общественный строй. Скажемъ развѣ, что мѣстное русское купечество въ то время почти не существовало, а и существовавшее сторонилось даже отъ гимназій, держась правила, что не книга кормить брюхо; что-же касается дѣтей священни и церковно-служителей, то для поступленія какъ въ гимназію, такъ и въ университетъ они должны были увольняться изъ духовнаго званія, приписываться въ мѣщане или крестьяне и за тѣмъ брать удостовѣренія отъ ихъ обществъ, что они будутъ платить за нихъ подать и пр. и не препятствуютъ учиться. Если въ университетъ св. Владимира допускались тогда, въ качествѣ студентовъ, чиновники, служащіе и отставные, то опять сказать надо, что чиновниковъ русскихъ въ обоихъ краяхъ въ то время можно было по пальцамъ счесть. Какъ особенность программы вступительныхъ экзаменовъ можно отмѣтить требованіе, чтобы поступающій въ университетъ *« излагалъ свои мысли на латинскомъ языке, безъ грамматическихъ ошибокъ»*.

Приводимъ текстъ и приглашенія и правила по печатному экземпляру 1834 г.

Объявление о торжественном открытии императорского университета св. Владимира.

Его императорское величество, всемилостивейший государь нашъ въ непрестанномъ попечении о благѣ народовъ, провидѣніемъ Ему вѣреныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одно упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣллю развитіе высшаго образованія, основанаго на благихъ началахъ, правительстvомъ предписанныхъ.

Основаніе сего учрежденія подробно изложено въ обнародованыхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ: здѣсь излагается кратцѣ ихъ содержаніе.

Учреждаемый въ семъ краю университетъ, преобразованный изъ Волынскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образования губерній: кievской, волынской и подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Кіевъ, столица святаго равноапостольнаго князя Владимира, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предзначається сіе избраніе успѣхи новаго разсадника просвѣщенія, въ духѣ благочестія и нравственности!

Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владимира, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подъ особое покровительство его императорскаго величества.

Университету св. Владимира дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями кievской, волынской и подольской губерній для волынского лицея и кievской гінназіи; по недостатку же сихъ средствъ, всемилостивѣше повелѣно увеличить оныя значитель-

ными пособіями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета.

Виѣтъ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лицей въ г. Оршѣ, по неимѣнію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составѣ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университете св. Владимира; на каковой конецъ суммы, на построеніе лицей въ г. Оршѣ назначенные, обращены на возведеніе зданій университета св. Владимира.

Таковы благодѣтельныя мѣры правительства! Благотворныя памѣрія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семь краю. Да увѣнчаются попеченія Николая I-го о благѣ тысячи народа, промысломъ ему избранныхъ, полнымъ успѣхомъ!

Основаніе университета въ семь краю сопряжено было съ толичими затрудненіями, что открытие его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ. Попеченія господина министра народнаго просвѣщенія, Сергея Семеновича Уварова, при просвѣщеніи участія г. кіевскаго военнаго, волынскаго и подольскаго генераль-губернатора, много содѣствовали къ преодолѣнію сихъ препятствій,— и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ университета св. Владимира уже составленъ и удостоился высочайшаго утвержденія; возникавшему заведенію доставлены всѣ пособія, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія; важный-шія каѳедры его замѣщены; совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и университетскіе курсы будутъ начаты 15 августа сего года.

Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владимира, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, симъ честь имѣть извѣстить почтенѣйшее сословіе дворянства губерній: кіевской, волынской, подольской, черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ бѣлорусскому учебному округу: витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области, что торжественное открытие университета св. Владимира послѣдуетъ 15 іюля сего года, въ день, посвященный памяти св. равноапостольнаго князя Владимира.

Объявляя о семъ, советъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользуамъ онаго,—пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія.

При семъ прилагаются: высочайше утвержденное постановленіе о распределеніи учебныхъ предметовъ по факультетамъ и правила для приватія студентовъ въ университетъ.

1834 года. Г. Кіевъ.

Высочайше утвержденное постановленіе о распределеніи учебныхъ предметовъ по факультетамъ.

Университетъ св. Владимира составленъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Философскій раздѣляется на два отдѣленія.

Въ составъ философскаго факультета входятъ слѣдующія каѳедры:

І-е отдѣленіе.

- 1) Философія.
- 2) Греческая словесность и древности.
- 3) Римская словесность и древности.
- 4) Россійская словесность.
- 5) Всеобщая и россійская исторія и статистика.

ІІ-е отдѣленіе.

- 1) Чистая и прикладная математика.
- 2) Астрономія.
- 3) Физика и физическая географія.
- 4) Химія.
- 5) Минералогія и геогнозія.
- 6) Ботаника.
- 7) Зоология.
- 8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетъ юридическомъ преподаются:

- 1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣденія, или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учреждения российской империи, законы о состоянияхъ людей въ государствѣ.

3) Российские гражданские законы какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ иныхъ законовъ, кои дѣйствуютъ въ иныхъ только губерніяхъ.

4) Российские уголовные законы.

5) Законы благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

7) Римское законодательство въ соединеніи съ исторіею его какъ внутреннею, такъ и вѣнчаніе.

Сверхъ того, для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковного права, опредѣляются двѣ особыя не-принадлежащиа къ факультетамъ каѳедры: одна для студентовъ греко-российского, а другая для студентовъ римско-католического исповѣданія.

Въ университетѣ будуть преподаваться языки:

1) Французскій.

2) Нѣмецкій.

3) Итальянскій.

4) Польскій.

Свободныя искусства:

1) Рисованіе.

2) Фехтованіе и волнижированіе.

3) Музыка.

4) Танцованіе и

5) Верховая Ѣзда.

Правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1. Всѣ желающіе поступить въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе, при чемъ одобрительныя свидѣтельства гимназій принимаются въ особое уваженіе и даютъ право предстать на экзаменѣ немедленно и прежде прочихъ.

2. Предметами испытанія будуть науки, входящія въ составъ гимназического курса, а именно:

а) Законъ Божій, священная и церковная исторія.

б) Русская грамматика, словесность и логика.

в) Языкъ латинскій. Отъ испытуемаго требуемо будеть, чтобы онъ могъ переводить и объяснять изъ прозаиковъ Саллустія, Ливія и Цицерона, изъ поэтовъ Виргилія и лучшія оды Горація, равно излагаль-бы мысли свои на латинскомъ языкѣ безъ грамматическихъ ошибокъ.

г) Языкъ нѣмецкій. Желающій поступить въ университетъ долженъ понимать и разбирать лучшихъ писателей на семъ языкѣ, какъ прозаиковъ, такъ и стихотворцевъ, и излагать мысли свои на нѣмецкомъ языкѣ, подобно какъ и на латинскомъ, безъ грамматическихъ ошибокъ.

д) Въ такой-же степени требуется отъ испытуемаго знаніе языка французскаго.

е) Ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени включительно, геометрія и плоская тригонометрія.

ж) Исторія всесобщая и россійская.

з) Географія и въ краткомъ обозрѣніи статистика.

и) Физика общая и частная.

3. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, перемѣнивъ мѣсто жительства, можетъ окончить онъ въ университетѣ св. Владимира, и обратно, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ изъ сихъ заведеній въ число лѣть, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, если причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будуть уважены попечителемъ, и если, по предварительному испытанію, представить вполнѣ одобрительный отъ того университета аттестатъ. Впрочемъ такой зачетъ времени въ университетѣ св. Владимира можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда откроются всѣ четыре курса, въ наступающемъ же академическомъ году открыть будетъ одинъ первый; слѣдующіе будуть вводимы постепенно, всикій годъ по одному.

4. Дабы предоставить способы къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукахъ и получению права на ученыя степени или чины, къ слушанію университетскихъ курсовъ допускаются, съ дозволенія

и попечителя, кроме студентовъ, также и чиновники служащіе и отставные; они должны для сего выдержать испытание, подобно желающимъ вступить въ число студентовъ университета, а служащіе имѣютъ представить сверхъ того позволеніе на то отъ своего начальства.

5. Государю императору благоугодно было при семъ университѣтѣ опредѣлить комплектъ казенномокотныхъ студентовъ изъ 50 человѣкъ; въ томъ числѣ 26 предполагаются въ учительское званіе, и 24 въ гражданскіе чиновники.

6. Для каждого изъ сихъ званій ежегодно будетъ принимаемо только по 6 человѣкъ, всего 12; они избираемы будутъ изъ учениковъ гимназій, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами.

7. Казенные студенты, по окончаніи 4-хъ годичнаго въ университѣтѣ курса, поступаютъ по распределенію начальства въ учителяи заведеній кіевскаго учебнаго округа, или въ гражданскіе чиновники въ губерніяхъ: кіевской, волынской и подольской, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которое определены будутъ.

8. Сверхъ предполагаемаго комплекта казенномокотныхъ студентовъ, будутъ принимаемы въ университетъ и пансионеры, съ платою за полное свое содержаніе 800 рублей ассигнаціями въ годъ, на правилахъ, для благороднаго пансиона при кіевской гимназіи постановленныхъ.

9. Время приема въ университетъ назначается отъ 1 юля до 15 августа. Вступающіе должны имѣть слѣдующіе документы:

а) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи.

б) Свидѣтельство о происхожденіи и свободномъ состояніи.

в) Аттестатъ или одобрительное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ изъ гимназій, ежели въ оныхъ обучались.

г) Тѣ, кои желаютъ поступить въ число казенныхъ студентовъ или пансионеровъ, должны представить также докторское свидѣтельство о бывшей на нихъ патуральной или прививной оспѣ.

Графъ Милорадовичъ.

ЕЩЕ О БОРОВИКОВСКОМЪ.

Дополненія и поправки г. Божеранова къ замѣткѣ моей о Боровиковскомъ, помѣщенные въ предыдущей книгѣ «Кievской Старинѣ», нуждаются въ оговоркахъ. Эти оговорки пригодятся, быть можетъ, будущему биографу Боровиковскаго, если наши замѣтки,— моя и г. Божеранова,— попадутся ему на глаза.

Прежде всего о случаѣ изъ юности художника, сохраненномъ въ разсказѣ г. Данилевскаго «Екатерина II на Днѣпрѣ». По этому разсказу, Боровиковскій освобожденъ былъ отъ солдатчины по просьбѣ дѣда своего, козака Грицька, участника полтавскаго боя, и впослѣдствіи обратилъ на себя талантомъ вниманіе царицы, росписавъ стѣны одного изъ домовъ, выстроенныхъ для ея остановокъ.

Какихъ лѣтъ могъ быть козакъ Грицько, просившій Екатерину за своего внука? Полтавская битва была въ 1709 году. Екатеринаѣздila въ Крымъ въ 1787. Козаку, слѣдовательно, было лѣтъ сто и болѣе. Былая долговѣчность допускаеть конечно такой возрастъ, но противъ розсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго. Онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить изъ двухъ одно: или онъ овдовѣлъ сейчасъ послѣ женитбы и до отѣзда въ Петербургъ или, что вѣрѣте, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, росписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина, путешествуя въ Крымъ. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ приемномъ залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись. Но живопись эта груба, не поситъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что сюжеты фресокъ совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Гдѣ былъ тотъ домъ—въ подлинности неизвѣстно, и самъ г. Данилевскій конечно не считаетъ живописи полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданіи имъ впослѣдствіи описаніи «достопримѣчательностей» Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Наконецъ послѣднєе. Въ официальныхъ бумагахъ

первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Боровиковскій называется поручикомъ. Съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу и его не могли дать ему ни академія, ни Левицкій, ни Лампи. Когда-же могъ онъ его достичь? Не въ короткій-ли промежутокъ между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отѣзгомъ въ Петербургъ? Хотя въ эту эпоху бывали примѣры особенно быстраго движенія по чиновной лѣстницѣ, но на такое движеніе давали права таланты иного свойства, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Боровиковскій.

Къ официальнымъ даннымъ о Боровиковскомъ, заимствованымъ г. Божеряновымъ изъ «Сборника материаловъ для исторіи императорской академіи художествъ», могутъ быть прибавлены свѣдѣнія, сообщенные Н. Н. Петровымъ въ «Художественномъ Сборнике». Мы оставили ихъ въ сторицѣ, считая служебныя подробности дѣломъ найменѣе важнымъ въ характеристицѣ художника. Но въ біографіи онъ будуть необходимы. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала Боровиковскому въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью устава академіи, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое, но на конкурсѣ, о которомъ упоминаетъ г. Божеряновъ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получиль все таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искусствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Вуаля и г-жу Виже-Лебрэнъ, гостившую тогда въ Россіи, но подчашъ и самого Лампи.

Къ одному изъ этихъ портретовъ относится указанная г. Божеряновымъ логрѣшность въ составленіи мною списка работъ Боровиковскаго, гдѣ портретъ великой княгини Александры Павловны названъ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Ошибка произошла отъ сокращенія въ рукописи, въ чёмъ ссылаюсь на уважаемаго редактора «Кievской Старины»¹⁾). Свидѣтельство

¹⁾) Дѣйствительно, такъ.—Ред.

его привожу въ тѣхъ видахъ, что мало почтенныхъ пріемомъ савливали своихъ грѣховъ на плечи часто неповиннаго наборицка злоупотребляли слишкомъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Что касается »Портрета неизвѣстнаго священника«, бывшаго прежде въ галлереѣ Цянишникова, а нынѣ находящагося въ Румянцевскомъ Музѣѣ, то относительно него я правъ. Какъ доказано выше, этотъ портретъ писанъ Левицкимъ и изображаетъ отца художника. Писаннаго-же Боровиковскаго священника, извѣстнаго или неизвѣстнаго, въ Румянцевскомъ музѣѣ нѣтъ.

Сводя разнорѣчивыя цифры печатныхъ замѣтокъ о Боровиковскомъ, г. Божеряновъ хочетъ установить нѣчто въ родѣ *средняго числа* для опредѣленія въ точности дня его смерти. На этотъ счетъ есть свѣдѣніе вполнѣ достовѣрное. Это надпись на могилѣ Боровиковскаго, гдѣ ошибки быть не можетъ. Надпись эта, теперь полуистертая, гласить слѣдующее: »На сѣмь мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника академіи Владимира Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, въ 6-й день апреля 1825 г.

Смоленское кладбище, гдѣ поконится прахъ художника, лежитъ на одной изъ дальнихъ окраинъ Васильевскаго острова въ Петербургѣ. Близость моря даетъ себя чувствовать неустойчивостью и влажностью почвы. Вновь вырытыя могилы,—а ихъ ежечасно требуетъ сѣверная столица,—тотчасъ наполняются водою. Нечальныя и тощія березки осѣняютъ это жилище смерти.

Въ сторонѣ отъ средней дороги стоятъ церковь святой Троицы. Здѣсь, близъ самой церкви на право, маленький, почернѣлый, гранитный саркофагъ украшенъ надписью, приведенною выше.

Въ этой церкви два престола. Иконостасъ верхняго, во имя Михаила Архангела,—работы Боровиковскаго. Есть слухъ, что онъ писанъ во время предсмертной болѣзни художника. Фигуры иконъ далеко не закончены, а мѣстами только едва начерчены. Къ счастью ничья чужая рука не коснулась этихъ, полныхъ скорбнаго чувства, набросковъ. Царскія врата изображаютъ все ту-же отрадную минуту Благой Вѣсти. На мѣстныхъ иконахъ Христосъ и Богоматерь, окруженные ангелами, во всей своей славѣ. Но въ выборѣ остальныхъ сюжетовъ отразилось страдающее настроеніе художника. Вотъ исцѣленіе Гоѳіп, вотъ Архангель Михаилъ, поражаюшій Змія, и наконецъ вотъ шестой образъ,—странный и таинствен-

ный: полуденный пейзажъ, съ караваномъ вдали, а прямо, противъ зрителя, ангель уносить на небо пожилого человѣка. Лицо очень обыкновенного типа, но на немъ печать такого просвѣщенія и блаженства, какая грезились вѣрно художнику во время предсмѣртныхъ молитвъ. Не смотря на свою незаконченность, это лучшая изъ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго. Здѣсь всего ярче передалъ онъ свой внутренній міръ, свою вѣру, здѣсь остался лучший следъ этой, глянувшей въ вѣчность, нѣжной души, стремившейся къ высшей правдѣ и красотѣ.

В. Горленко.

КІЕВСКІЙ ПЕЩЕРНИКЪ XVIII СТ.

Традиціональная форма отшельничества,—пещерное житіе, ведущая свое происхожденіе отъ начальника русскаго иноческаго житія, пр. Антонія печерскаго, удерживаясь въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на множество перемѣнъ во вѣцьшинѣ и внутренней жизни русскаго народа, доходитъ до нынѣшняго даже столѣтія. Пещерничество, отъ котораго, по вѣцьшинѣ обстановкѣ и условіямъ жизни, мало чѣмъ разнится суровая жизнь нашего крестьянства, въ болѣе близкое къ намъ время находило своихъ приверженцевъ преимущественно въ этой послѣдней средѣ. Строгіе указы Петра В. и его преемниковъ о непринятіи въ монастыри людей бѣглыхъ и не свободныхъ могли только поддерживать именно этотъ видъ иночества, который освобождалъ отшельника отъ узъ общественного рабства и навсегда укрывалъ его отъ взоровъ міра и полицейскихъ. Только десятки годовъ суроваго анахорѣтства привлекали снова къ спасающемуся такимъ образомъ вниманіе міра, но уже полное благоговѣйшаго уваженія.

Извѣстіе объ одномъ такомъ кіевскомъ пещерникѣ нашлось въ массѣ разнородныхъ фамильныхъ бумагъ малорусскаго рода Лашкевичей. Записано оно неизвѣстно кѣмъ на полулистѣ синей бумаги, почеркомъ конца прошлаго столѣтія. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

„Кіево-печерскія Лавры рясофорный ионахъ, старецъ Досиоей родою былъ великороссіянинъ, крестьянинъ нѣкоего изъ великихъ россий-

скихъ боляръ: имъя непремѣнное желаніе быть монахомъ, когда не могъ исполненія своему желанію получить въ великой Россіи, лико не уволнен-
ный рабъ, то удалился въ малую Россію, во градъ Кіевъ, какже и въ кіевскихъ обителяхъ не могъ получить желанію исполненія, рѣшился жить при пустыни китаевской, въ горѣ пазыравской Китай, при вершинѣ ея, выривши въ ней небольшую пещерку, гдѣ и прожилъ немалое время въ великому воздержаніи. 1744 года, посѣщаю Кіевъ, блаженныя памяти благочестивѣйшая императрица Елизавета Петровна, услышавши о живущихъ богоугодиѣ въ пустыни китаевской монашествующихъ и о семъ пещерникѣ Доспѣе, благоизволила не оставить убогаго мѣста сего августѣйшемъ своимъ посѣщеніемъ, куда съ многими духовными и свѣтскими чиновными персонами прибывши, изволила идтио шествовать на гору Китай по здѣланнымъ на тотъ случай невеликолѣпнымъ, прибытиемъ къ земли изъ деревянекъ стеченькамъ. Пришедши къ пещерѣ Доспѣевої, повелѣть изволила вызвать его и за вопросеніемъ увѣдо-
мивши, что за рабство онъ не постриженъ, изволила повелѣть на другой день постричь, и постриженъ въ рясофоръ и долгое время постъ постриженія въ той же пещерѣ прожилъ. Когда указъ послѣдовалъ, чтобы отшелникамъ не быть нигдѣ, по причинѣ послѣдовавшихъ нѣко-
торыхъ злоупотребленій; то и Доспѣю отъ лаврскихъ властей ведено преселится въ лавру, и жилъ на дальней пещерѣ и невозбраненно слу-
жилъ уединенно затворникомъ, получая по желанію пищу отъ лавры, которую ему послушникъ опредѣленій приносилъ тогда, когда подвиж-
никъ сей щиталъ яужною къ употребленію. На пещерѣ прожилъ онъ по 74 и годъ, а сего года, по совѣту митрополита кіевского, Гавріила Кременецкаго, архимандритомъ Зосимо Валерьевичемъ удалень въ пустынь китаевскую и жилъ въ келлійѣ уединенной, при прудѣ, всегда съ обычнимъ воздержаніемъ; по годъ отъ сего скончался, имъя отъ рожде-
нія близъ ста лѣтъ, съ коихъ три части проживъ въ великому воз-
держаніи. Изъ сего можно заключить о его дивной жизни, что во все въ горизонтахъ кіевскихъ время пребывалія его никогда не согрѣвалъ себя вещественнымъ огнемъ и никогда не вознѣщалъ огня въ келліи до кончины жизни своея".

Имеетъ ли Лавра печенская свѣдѣнія объ этомъ подвижникѣ своемъ? Имеетъ ли она другія подобныя свѣдѣнія за время позд-

нѣйшее? Тамъ писались нѣкогда лѣтописи, патерики, житія, сказанія. Пишется ли и хранится ли теперь что-либо, кромѣ бумагъ офиціальныхъ, о подвижникахъ этой древнейшей обители въ ближайшее къ намъ время?—Извѣстія, въ родѣ сообщаемаго теперь, съ какой-бы стороны ни рассматривалъ ихъ, имѣютъ значеніе не для одной монастырской, но и вообще бытовой нашей жизни.

Сообщ. Ал. Лашкевичъ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЬ НАПЕСТЬЯ ШВЕДОВЪ НА РОССІЮ.

Установилось мнѣніе, подтверждаемое массою несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что измѣна Мазепы не встрѣтила никакого сочувствія въ малорусскомъ народѣ и что на сторону Мазепы, кромѣ запорожцевъ, стали лишь весьма немногіе изъ козачей старшины дорогою потомъ поплатившіеся за свое сочувствіе къ измѣннику.

Намъ довелось услышать преданіе, совершило противоположное такому мнѣнію и свидѣтельствующее о сочувствіи къ Мазепѣ и его союзникамъ шведамъ не отдельныхъ, при томъ служилыхъ лицъ, но цѣлой и притомъ довольно численной общины.

Какъ преданію, въ которомъ не выяснены ни мотивы, ни ближайшія обстоятельства передаваемаго имъ факта, мы отнюдь не думаемъ придавать значенія историческаго свидѣтельства, подрывающаго установленвшееся въ исторической наукѣ мнѣніе. Сохраненный имъ случай все-таки единичный и могъ быть плодомъ частнаго внушения или недоразумѣнія. Народъ, чуткій къ общимъ перемѣнамъ въ своей судьбѣ, плохо понимаетъ тонкости политики случайной, каковъ былъ союзъ Мазепы съ Карломъ, составлявшій секретъ для самаго Петра; обыкновенно онъ становится на сторону того, кто заступается или видѣетъ показываетъ, что заступается за него; по части же забирания фуража и провантанта въ то военное время русскія войска конечно не уступали шведамъ. Однако, какъ преданіе весьма опредѣленное къ извѣстной мѣстности, мы считаемъ совсѣмъ не лишнимъ привести въ извѣстность: въ крайнемъ случаѣ передаваемый имъ фактъ можетъ служить образчикомъ великодушія побѣдителя Карла XII, па которое онъ былъ способенъ и въ минуты самаго сильнаго гнева.—Вотъ въ чемъ дѣло.

На границѣ харьковской губерніи существует уѣздный городъ курской губерніи Грайворонъ или по мѣстному Гайворонъ. Грайворонъ въ степень уѣзда возведенъ только въ 30-хъ годахъ настоащаго столѣтія, до этого-же времени былъ селомъ хотмыжскаго уѣзда. Основаніе села Гайворонки относить къ очень далекимъ временамъ и основателемъ называютъ нѣкоего казака Жеребилу, потомки котораго, а также и потомки другаго, дѣйствующаго въ преданіи лица, Гетепана, живутъ и по настоащес время въ Грайворонѣ; первые теперь носятъ фамилію Жеребилювыхъ, а вторыне не измѣнили таковой и остались Гетепапами.

Преданіе говоритъ, что во' время движенія Карла XII подъ Полтаву, а за нимъ по пятамъ Петра I, Грайворонъ или въ то время село Гайворонка находилась на пути. Жители села, по соѣту своего старшины Жеребилу, а можетъ быть и по собственному соображенію, охотно дѣлились всѣми возможными сѣйственными привасами съ шведскими войсками. Узнавъ-же о приближеніи русскихъ войскъ, весь провіантъ попрятали и по прибытии Петра I не переставали тайкомъ доставлять въ шведскія войска, отказывая по немѣнію русскимъ. Петръ I, узнавъ о такомъ отношеніи своихъ подданныхъ къ врагу, страшно разсердился и порѣшилъ наказать все село полнымъ уничтоженіемъ,—такъ сказать, стереть его съ лица земли. Для исполненія этой казни было приказано обложить село кругомъ соломой и никого не выпускать оттуда, а дабы предупредить всякое пополновеніе къ бѣгству, обставить село пушками и въ бѣглецовъ стрѣлять. При исполненіи-же казни зажечь одновременно со всѣхъ концовъ солому и палить въ село изъ пушекъ. Казнь должна была быть совершена въ присутствіи самого Императора. Гайворонцы, видя свою неминуемую гибель и не ожидая пощады, собрали раду и обратились къ тому-же Жеребилу, который, посовѣтовавъ подчиниться своей горькой участіи, предложилъ однако испробовать послѣднее средство, заключавшееся въ томъ, чтобы въ день казни собрать всѣхъ могущихъ только ходить дѣтей и выслать ихъ за село на дорогу, по которой будетъѣхать Государь. Совѣтъ радою былъ принятъ и дѣти, какъ говорить преданіе, въ числѣ болѣе ста душъ, были высланы по назначенію. Государь, увида столькихъ плачущихъ дѣтей, былъ крайне озадаченъ и остановившись, спросилъ разясненія. Въ это время подѣхалъ случив-

шійся здѣсь уроженецъ Гайворонки, козачій старшина Гетепанъ, находившійся въ войскахъ русскихъ и обратился съ слѣдующими словами къ Императору: «Ваше Императорское Величество, это невинныя дѣти тѣхъ виновныхъ отцовъ и матерей, которые сегодня должны погибнуть. Дѣти эти могли бы быть вѣрными и полезными слугами Вашего Величества, но со смертью своихъ родителей и ихъ ожидаетъ гибель. Пощадите ихъ!». Государь, ничего не сказавши, махнулъ рукой и возвратился, приказавъ оставить въ покое Гайворонку.

А. Натрухинъ.

Александрия.
Херсонской губерніи.

МНОГОЛѢТИЕ, ВОЗГЛАШЕННОЕ ВЪ КІЕВѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII В.

Помѣщаемое здѣсь многолѣтіе сохранилось въ современной записи, на особомъ листѣ сдѣланной, по-всей вѣроятности, для возглашавшаго его діакона. Оно знакомить настъ съ составомъ высшаго духовенства въ г. Кіевѣ и съ цѣлой корпораціей служившихъ въ кіевской академіи въ началѣ XVIII вѣка. Не трудно догадаться, что это особое многолѣтствованіе составлено по случаю какого-либо академического праздника. Странно одно: въ немъ нѣтъ имени кіевскаго архиастыря, между тѣмъ какъ не забыть кіевскій войтъ. Отсюда можно заключить, что многолѣтіе относится къ 1718—1722 г., когда по смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, 4 года митрополичья каѳедра въ Кіевѣ оставалась вакантною.

Всечестнымъ игуменомъ кіевскимъ *Христофору*¹⁾, обители пустынно-никольскія, *Іоанникию*²⁾ обители святаго архистратига Михаила златоверхія, *Феодану*³⁾ обители Богоявленскія, братскія, ректору и богословію учителю, *Евстратію*⁴⁾ обители свято-троицкія

¹⁾ Чарвукому—(1706—1709 ректоръ кіевск. академії).

²⁾ Сенютовичу—1715 года; съ 1715 по 1729 года архимандритъ печерской лавры.

³⁾ Прокоповичу—1711 года, съ 1718 года епископъ псковскій, архіепископъ новгородскій.

⁴⁾ Самборовичу—1713 года.

кириллія, *Лаврентію*¹⁾ архангелова чудова выдубицькаго, *Іосифу* свято-петропавловскому и всѣмъ всечестнымъ игуменомъ и строителемъ многая лѣта.

Мыслениаго винограда дѣлателемъ трудолюбивымъ *Сильвестру*²⁾, учителеви философіи и префекту училищъ кіевскихъ, *Феодосію*³⁾ реторицкому, *Симону*⁴⁾ поэтицкому, *Афанасію*⁵⁾ синаксискому, *Іосифу*⁶⁾ грамматицкому, *Епифанію*⁷⁾ инфимисскому, *Геннадію*⁸⁾ аналогитскому въ православномъ собраніи кіевскомъ учителемъ и всѣмъ во словѣ ученія и наставленія труждающимся, честнымъ православнымъ протопресвитеромъ и пресвитеромъ и всему церковному причту многая лѣта.

Его царскаго пресвѣтлаго величества державной отчизны Богоспасаемаго града Кієва упревѣлеованному войту, благочестивому *Димитрію*⁹⁾ со всѣмъ майстратомъ и со всѣми гражданами и всѣмъ повсюду во благовѣріи и благочестії сіяющимъ православнымъ христіаномъ благодать, милость, миръ, тишина, здравіе и изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта.

Сообщ. П. Л—въ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КОНО- КРАДСТВА.

Конокрадство—величайшій бичъ нашего времени, преимущественно южныхъ мѣстностей Россіи. Изъ всего, что придумано было противъ этого зла на нашихъ глазахъ, въ нашей памяти пайболѣе врѣзалось то, что когда были учреждены специальные чиновники для пресѣченія конокрадства, народъ безъ всякаго умысла, а просто для удобства произношенія называлъ ихъ конокрадами. У нашихъ предковъ было, какъ кажется, средство подѣйствительнѣе нашихъ.

¹⁾ Горкѣ—1713—1719 г.

²⁾ Пимовскому—1716 г.—1721, г.

³⁾ Глѣбскому.

⁴⁾ Кохановскому.

⁵⁾ Хиарному.

⁶⁾ Волчанѣцкому.

⁷⁾ Тихарскому, съ 1722 г. епископъ бѣлогородской.

⁸⁾ Шпаковскому.

⁹⁾ Полацкому—1700—1729 г.

Это запродажные записи, совершаляемыя по точной формѣ тогдашнихъ купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущество. Запись краткая, свидѣтельствовалаась мѣстною, хотя бы самою низшею инстанціею и служила до нѣкоторой степени гарантію для покупщика, что продана ему лошадь не завѣдомо краденая. Одну изъ такихъ записей мы нашли въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ и предлагаемъ ее для любопытства читателей.

Погарскій мѣщанинъ Яковъ Петровъ продаётъ лошадь калужскому посадскому человѣку Семену Дехтереву 1701 г., 11-го декабря, и вотъ какъ обезпечивается ему принадлежность этой лошади на все послѣдующее время:

Се азъ Яковъ Петровъ, мѣщанинъ и абыватель Погарский, ведомо чиню сею мою купъчою, же я продалъ своею коня власнаго, шерстѣ гнедого, лѣтъ пяти, грива на право, на правомъ стеганіи зостаетъ пынуроў зъ четыри. А продалемъ посадскому человѣку Семену Дегтяреву калуженину за конъ девятнадцать, котораго то коня во всемъ чистого, а не краденого, и волно ему Семену оныи конемъ, якъ хотячи продать, даровать и заминять и якъ хотячи владеть. А ежели въ оного коня кто могъ бы увозънати (опознati), то его Семена маю у каждого суду и права его Семена заступовать и очышщать и на томъ ему Семену подаю сею купъчую предъ урядомъ, предъ начальникою Гаврилою Еремиевъчемъ, сотникомъ Погарскимъ и предъ Григоремъ Притыкою, атаманомъ городовымъ, съ подписомъ рукъ и зъ приставленiemъ печати урядовои. Въ Погарѣ, року 1701, декабря 11. Гаврило Еремиевъчъ, сотникъ войска Его Царскаго Пресвѣтлого Величества запорожскаго Погарскій.

Сообщ. А. Марневичъ.

ОРЕСТЬ МАРКОВИЧЪ НОВИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Другую уже книжку намъ приходится заканчивать некрологомъ, и также киевскаго профессора и учешаго. 4-го юня скончался въ Киевѣ на 79-мъ году жизни, въ чинѣ дѣйст. стат. совѣтника, б. профессоръ киевской академіи и киевскаго университета Орестъ Марковичъ Новицкій. Съ его именемъ соединяются воспоминанія о самой лучшей, цвѣту-

щей порѣ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Кієва; это птенецъ изъ гнѣзда знаменитаго Иннокентія, это старѣйший профессоръ кіевскаго университета, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ его открытия и всей его полувѣковой жизни, не дожившій лишь около полутора мѣсяца до 50-ти лѣтняго его юбилея. Орестъ Марковичъ пережилъ своихъ братьевъ, массу знакомыхъ, родныхъ, сослуживцевъ и многихъ, весьма многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Грустную картины представзялъ собою гробъ его, вокругъ котораго стояли лишь не многие его ученики и одинъ товарищъ по первымъ годамъ университетской службы. Это зрѣлице смерти среди потухающей жизни, точно листья пожелтѣвшіе, чутъ-чуть держація на изсохшихъ стебелькахъ, а предъ ними упавшій съ дерева, совсѣмъ засохшій листъ...

Покойный Орестъ Марковичъ былъ уроженецъ Волыни и происходилъ изъ древней дворянской фамилії, но уже отецъ и дѣдъ его были священниками, что въ ту пору было дѣломъ обыкновеннымъ. Волынско-шляхетское его происхожденіе сказалось въ немъ отсутствіемъ той простоты и угловатости, которая нерѣдко выдаютъ духовнаго воспитанника въ самыхъ высшихъ чинахъ и должностяхъ. Чувство порядочности, иѣкотораго даже изящества и лоска было присуще ему, какъ и двумъ старшимъ его братьямъ, изъ которыхъ Наркисъ Марковичъ скончался въ званіи житомирскаго каѳедральнаго протоіерея, а Феофиль Марковичъ, б. варшавскій каѳедральный протоіерей, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя Паскевича и близостью къ нему, извѣстенъ своею трагическою судьбою: въ первое польское возстаніе онъ былъ объявленъ народовымъ жондомъ виѣ законовъ и всякий поймавшій его, какъ гласили афиши на фонарныхъ столбахъ, могъ убить его, какъ собаку, а предъ началомъ втораго возстанія, по странному недоразумѣнію, былъ высланъ изъ Варшавы въ 24 часа, съ отрѣшениемъ отъ всѣхъ должностей, и умеръ въ Кіевѣ въ 1864 г.

Первоначальное образованіе Орестъ Марковичъ получилъ въ домѣ отца, который для своего времени и круга былъ довольно образованымъ и начитаннымъ человѣкомъ. За тѣмъ онъ учился въ острожскомъ духовномъ училищѣ, волынскій духовной семінарії, помѣщавшейся тогда въ м. Аннопольѣ, и паконецъ въ кіевской духовной академії, въ со-

ставъ воспитанниковъ V-я курса, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ одній изъ первыхъ со степенью магистра. Полагать надо, что только не имѣніе свободныхъ наставническихъ вакансій въ академіи помѣшало академическому начальству оставить этого даровитѣйшаго воспитанника при академіи; но, какъ пред назначеній къ ней, онъ получаетъ мѣсто въ ближайшей къ Кіеву Переяславской семинаріи, а спустя менѣе двухъ лѣтъ мы видимъ его въ должностіи баккалавра кіевской академіи — сперва на каѳедрѣ польскаго языка, а потомъ философіи. Первое мѣсто службы Ореста Марковича было совсѣмъ не по его натурѣ. Переяславская семинарія и въ болѣе позднѣе время отличалась отъ всѣхъ другихъ такою крайнею патріархальностію нравовъ и такими наклонностями и привычками ея профессоровъ и учениковъ, которые много напоминаютъ собою послѣдніе годы Сѣчи Запорожской. Въ самостоятельной, иначе направленной натурѣ Ореста Марковича Переяславская атмосфера не оставила никакихъ слѣдовъ, но и въ послѣднѣе время своей жизни онъ не могъ безъ особой улыбки вспоминать о своей службѣ въ Переяславѣ.

Перемѣщеніе въ академію подѣйствовало на него освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. Во главѣ ея стоялъ *Иннокентій*, извѣстный и тогда уже своими талантами и обширными познаніями; онъ не давалъ никому заснуть, часто посѣщалъ лекціи профессоровъ, указывалъ каждому новѣйшія и лучшія изслѣдованія по его предмету въ иностранной литературѣ, всѣхъ и каждого располагалъ и возбуждалъ къ дружной научной работѣ. Много ученый тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ могъ только расположать къ научному труду. Вліяніе обоихъ сказалось на молодомъ баккалаврѣ; первые шаги его на академическомъ почище вполя опровергали возлагавшія на него надежды. Скоро пришлось ему раздѣлить свой трудъ между двумя заведеніями. Въ юлѣ 1834 г. открывался въ Кіевѣ университетъ св. Владимира; по рекомендациіи Иннокентія, Новицкій приглашенъ былъ, въ званіи адъюнкта, къ чтенію лекцій по философіи студентамъ первого университетскаго курса. Съ открытиемъ втораго курса въ слѣдующемъ году и увеличеніемъ занятій, онъ оставилъ академію съ званіемъ экстраординарного профессора и остался

я кафедръ университетской, гдѣ спустя два года получилъ званіе ординарнаго профессора. Можно безъ преувеличенія сказать, что это былъ лучшій и даровитѣшій профессоръ того и послѣдующаго времени; равнаго ему по совокупности всѣхъ качествъ блестящаго профессора мы не можемъ указать за все 50-лѣтнєе существованіе университета. Широкое, разностороннее образованіе, основательное знаніе своего предмета, подновляемое неустранною работою философствующаго ума и чтеніемъ всѣихъ изслѣдований въ области философіи, стройное сочетаніе и развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, систематическое развитіе мысли и тонкій анализъ, ясное представленіе излагаемаго въ цѣломъ и частяхъ и необычайно ясное и простое изложеніе — таковы преподавательскіе таланты, отличавшіе О. М. Новицкаго. Прибавьте къ этому свободную, плавную и изящную рѣчъ, чистую, явственную дикцію, мягкій, дышащий спокойствіемъ и добродушіемъ голосъ, при самой счастливой и представительной наружности, и вы будете имѣть наглядное представленіе о томъ блестящемъ лекторѣ, который очаровывалъ, увлекалъ не только своихъ постоянныхъ слушателей, но всѣхъ, кому приходилось быть на его лекціяхъ. Высокій, стройный, красавецъ и въ возрастѣ болѣе, чѣмъ зрѣломъ, съ высокимъ открытымъ челомъ, съ благородной, исполненной достоинства осанкой и умными, то сосредоточенными, то улыбающимися выраженіемъ лица, онъ производилъ неотразимое впечатленіе на всѣхъ, кто видѣлъ его хоть на короткое время. Не даромъ студенты боготворили его, не даромъ начальство университетское съувѣренностью препровождало на его лекціи высокихъ посѣтителей въ понятномъ желаніи выставить университетъ съ лучшей стороны. Вѣришъ вполнѣ восторженнымъ отзывамъ слушавшихъ его лекціи, вѣришъ и тому, что онъ имѣлъ огромное влияніе на развитіе въ нихъ не просто идеального философствованія, — оно было тогда въ ходу у насть и за границей, но строгаго, отчетливо мышленія, а это имѣло неоцѣнимое значеніе и въ научныхъ занятіяхъ студентовъ и въ самой ихъ жизни. Въ этихъ отзывахъ вся карьера умершаго профессора, весь его формуляръ и мы не могли прибавили бы къ nimъ, если-бы сказали о служебныхъ его отличіяхъ и неоднократномъ прохожденіи имъ съ полнымъ достоинствомъ должности декана, въ которую онъ былъ избираемъ своими сослужив-

цами. Кар'єра стоящая множихъ отличій, почестей и самыхъ гром-
кихъ дѣлъ!

Къ сожалѣнію, Оресту Марковичу пришлось оставить ее сдва не
на половинѣ обычнаго ея срока, въ полночь разївѣтѣ ума и знанія.
Въ 1850 г. по политическимъ соображеніямъ закрыты въ Россіи фи-
лософскія каѳедры при всѣхъ университетахъ. Университетъ св. Влади-
міра понесъ двойную утрату: кромѣ первостепенной важности предмета,
онъ лишился въ лицѣ Новицкаго даровитѣйшаго и самаго вліятельнаго
своего дѣятеля. Съ полнымъ стоицизмомъ, руководясь соображеніями,
которые вызывала необеспеченность довольно численной сеіи, онъ
принялъ должность цензора, отиудь не требовавшую ни его таланта,
ни знанія, и на ней окончилъ такъ блестяще начатую и продолжен-
ную службу.

Печатные труды Ореста Марковича дополняютъ его репутацію,
какъ человѣка разносторонне образованнаго и замѣчательнаго мысли-
теля, самостоятельно относившагося къ разнымъ философскимъ системамъ
и направленіямъ и въ самой доступной формѣ знакомившаго своихъ слу-
шателей съ результатами научныхъ работъ въ области философіи. Пер-
вымъ печатнымъ его трудомъ было историко-критическое изслѣдованіе
о сектѣ Духоборцевъ, написанное покойнымъ еще на студенческой
скамье и доставившее ему степень магистра богословія. Напечатанное
въ 1832 г. на счетъ академіи, оно привлекло къ себѣ вниманіе уче-
ныхъ и въ особенности самихъ духоборцевъ. Въ пять впервые явля-
лисъ въ печати новыхъ, недоступныхъ дотолѣ свѣдѣнія о зарожденіи и
распространеніи у насъ этой секты, и ея ученіе приведено въ связь съ
раціоналистическими сектами западной и древней восточной церкви.
Систематический умъ молодаго автора сказался тутъ какъ нельзѧ ярче;
разнообразная, не ясная вѣрованія сектантовъ, какъ они представлены
въ слѣдственныхъ ихъ показаніяхъ, приведены здѣсь въ стройную систему
и изложены въ опредѣленной научно-богословской формѣ. Духоборцы
увидѣли въ первой части сочиненія Новицкаго какъ бы нарочито для
нихъ составленный катихизисъ и дорого, десятками, сотнями рублей,
купали эту небольшую книжечку въ 146 страницъ. Издание разошлось
быстро и ставъ не доступною бібліографическою рѣдкостю, возбудило

неосновательные толки о томъ, будто оно подверглось запрещенію. Къ академическимъ трудамъ Ореста Марковича относится и его изслѣдованіе »О первоначальномъ переводѣ св. писанія на славянскій языкъ«, написанное по предложенью митр. Евгенія и вошедшее въ составъ трудовъ воспитанниковъ кіевской академіи 1839 г. Слѣдующа за тѣмъ три неравныя по объему сочиненія: 1) *Объ упрекахъ отъляемыхъ философіи*, въ формѣ рѣчи для университетскаго акта 1837 г., 2) *Руководство къ опытной психологіи* 1840 г. и 3) *Постепенное развитіе философскихъ учений въ связи съ религіозными вѣрованіями*, въ 4-хъ томахъ, 1860 г., составляютъ плодъ специальныхъ его занятій философіею. Главное отличительное достоинство этихъ сочиненій состояло также въ необычайной ясности изложенія, а чтобы определить значение этого качества, припомнимъ, что говорилъ о философіи другой, столь-же ясный и положительный русскій умъ. »До сихъ поръ думаю«, писалъ въ своихъ Запискахъ въ 1850 г. (т. I, стр. 20) митрополитъ Іосифъ Симашко, что главный недостатокъ философіи состоять въ томъ, что для нея иѣмцы выдумали особый языкъ, котораго многіе изъ нихъ самихъ не понимаютъ, и что они любятъ болтать ва пѣлые томы о томъ, что на обыкновенномъ языкѣ можно изложить на иѣсколькихъ страницахъ.«

Столь малое число философскихъ работъ не отвѣчаетъ дарованіямъ и трудолюбію покойнаго профессора, но это не должно удивлять насъ. Въ составъ философіи входили тогда слѣд. науки; логика, психологія, умозрительная философія или метафизика, философія нравственная или этика и наконецъ исторія философіи. Въ то время, какъ въ академіи для преподаванія философіи въ этомъ-же составѣ назначались четыре профессора, въ университетѣ оно лежало на одномъ—Новицкомъ, а читать ему приходилось не однімъ студентамъ философскаго отдѣленія, но также математикамъ и юристамъ. При такомъ громадномъ, не посильномъ для другого труда, ему никогда было думать объ обработкѣ всѣхъ своихъ изустныхъ чтеній для печатанія, которое, правду сказать, было тогда и не въ модѣ, когда-жъ Орестъ Марковичъ послѣ многочисленныхъ напряженныхъ трудовъ овладѣлъ вполнѣ столь сложнымъ предметомъ, изученіе философіи надолго было прервано и печатать было не

для кого. Пока прошло время запрета, радикально изменилось направление философии, ее приемы и самая основа; въ самомъ обществѣ начались зародились новые стремленія, отюдь не гармонировавшія съ прежнимъ идеальнымъ философствованіемъ. Философствовать печатно приходилось въ убытокъ, что отчасти показалось на послѣднемъ изъ упомянутыхъ выше философскомъ трудѣ Ореста Марковича Новицкаго. Лучше другихъ это видно было ему самому и потому, продолжая до послѣднихъ дней жить въ области науки, онъ не возвратился къ изданію какого либо нового философскаго труда, а принялъ за свой первый историко-критический этюдъ, переработать его на ново, пополнить данными за цѣлую 50 лѣтъ и издалъ въ 1882 г. Послѣднею литературною его работой была обширная его автобиографія, написанная, по приглашенію университета для предстоящаго юбилейнаго торжества и готовящагося къ тому времени исторического сборника. Съ этими интересными мемуарами мы надѣемся въ свое время ознакомить нашихъ читателей, а пока закончимъ нашу характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля высшей науки указаніемъ на выдающіяся нравственные его черты.

Спокойствие и твердость, глубокая честность и благородство, прямота и искренность, привѣтливость и добродушіе—таковы отличительныя свойства характера и жизни Ореста Марковича. Ни предъ кѣмъ онъ не преклонялся, ни въ комъ не заискивалъ, ничего не искалъ, ни къ какой партии никогда не примыкалъ; свое мнѣніе и положеніе охранять съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, но сторонился отъ всякихъ ухищреній, шумной полемики, ссоры и разлада. Въ кружкахъ академическомъ и университетскомъ, въ кругу знакомыхъ и родныхъ это былъ любимый собесѣдникъ, остроумный и веселый; для дѣтей это былъ нѣжнѣйший отецъ, для внучатъ любящій, попечительный дѣдушка. Съ stoическимъ спокойствиемъ и покорностю судьбъ онъ переносилъ нерѣдкіе ея удары, какъ нежданную свой выходъ изъ университета, смерть старшаго сына, блестяще окончившаго курсъ училища Правовѣдія, катастрофу съ братомъ, равносильную смерти болѣзнь старшей дочери, нежданную смерть второй и смерть жены, скончавшейся за мѣсяцъ предъ нимъ. Съ такимъ же настроениемъ онъ оставилъ жизнь, спокойно отдавшись въ объятія смерти.

Университетъ св. Владимира, готовясь къ юбилейному своему торжеству, избралъ Ореста Марковича почетнымъ своимъ членомъ, и это была высшая награда его честной и славной дѣятельности на поприщѣ науки и просвѣщенія. Смерть не дала ему дождаться ни торжественаго провозглашенія этой награды, ни той высшей послѣдней радости, какую доставило бы ему участіе въ самомъ торжествѣ и которую онъ могъ-бы воспринять всѣми первами своей старческой души.

Да будетъ ему вѣчная память!

ЗАГАДОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Свите, свите, исеялъ мисяць,
Ще й вечирняя зоря;
Пише, пише кроль французскій
Ажъ до билого царя:
Та оддай намъ нашу Польщу
Билый, рускій Царь,
Бо не втерплю я вже больше,
Буду битись, якъ лыкарь.
Якъ не вернешь нашой Польщи,
То мы тебе розобъёмъ;
По твоихъ деревилхъ, по новихъ заводахъ
Конюшеньки становлѣмъ».
Зажуривъся Олександеръ царь,
У сенати сидючи;
Схиливъ, склонивъ головольку,
Перо въ пальцахъ держучи.
Обизвався славный дранъ Шашевичъ:
»Не журися, билый царь,
Наберемо війско—крѣпкого запасу,
То й мы ёго розобъёмъ,
По ёго свитлицяхъ, по его скамницяхъ
Конюшеньки становлѣмъ».
Дурна, дурна французска голова,
Що стала битись—боеваться
Та противъ билого царя! Сообщ. А. Маркевичъ.

Записано въ Кіевѣ въ 1864 г. 13 декабря, отъ 12-лѣтняго деревенскаго хлопца Павла Стременецкаго, родомъ изъ Волыни.

КЪ ПОРТРЕТУ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ.

Лице, изображеніе котораго мы предлагаемъ, даже занимающемся русскою исторіею едва извѣстно по имені. Оно принадлежить такому отдаленному времени что самое появление его изображенія способно возбудить во многихъ недоумѣніе, не есть-ли оно плодъ фантазіи художника позднѣйшаго времени. Настоять поэтому необходимость говорить объ исторической дѣйствительности лица и подлинности его изображенія и отъ первого идти къ послѣднему.

Анна Ярославна, одна изъ дочерей великаго киевскаго князя Ярослава Мудраго, состояла въ замужествѣ съ Генрихомъ I, королемъ французскимъ и по признанію многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ была одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какія когда либо появлялись на тронѣ Франціи. Кіеву и Россіи она принадлежить лишь по рожденію и первымъ годамъ юности; съ выходомъ отъ нась она становится для нась иностранкой и напрасно мы стали-бы искать какихъ либо свѣдѣній о ней въ нашихъ лѣтоисчислѣ. Иностранкой тѣмъ болѣе была она для Франціи и нѣтъ ничего удивительнаго, что и тамъ занимались ею менѣе, чѣмъ заслужила она по своимъ прекраснымъ качествамъ, что тамъ нѣтъ доселѣ посвященной ей монографіи, что являлись писатели, которые, подъ влияніемъ духа династическихъ партий, отвергали ея русское происхожденіе и производили ее изъ французскаго дома *Roucy*, отрасли дома Гуга Капета.

Намъ русскимъ пріятно было-бы, хотя и по французскимъ источниковъ, узнать, какова была судьба и жизнь нашей киевской княжны по переселеніи ея отъ нась, что принесла и дала она отъ себя новому своему отечеству, оставила ли тамъ слѣды своего пребыванія, сохранила ли свои национальныя вѣроисповѣдныя черты, какъ долго жила, когда и гдѣ умерла и гдѣ погребена. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, что-бы представить болѣе или менѣе подробнѣя біографическая свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ, по разкорткю позднѣйшихъ французскихъ сказаний обѣ ней, необходимо обратиться къ источникамъ первоначальныимъ, къ актамъ и документамъ того далекаго времени, которыхъ, по справкамъ, не оказывается въ лучшыхъ нашихъ библіотекахъ и даже въ библіотекѣ императорской цубличной. Работа длинная, уто-

мительная: отлагая ее на дальнѣйшее время, ограничимся на сей разъ указаніемъ лишь главнѣйшихъ, болѣе достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ о жизни Аны Ярославны, опуская критику доступныхъ теперь намъ источниковъ, а также представимъ тѣ данные о ея портретѣ, какими располагаемъ въ настоящее время,

Время рожденія Аны Ярославны, не отмѣченное въ нашихъ лѣтописяхъ, по сопоставленію французскихъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Генриха I и возрастѣ, въ какомъ она осталась вдовою, можно приблизительно относить къ 1034 году. Первое предложеніе о помолвкѣ Аны Ярославны съ Генрихомъ I, французскимъ королемъ, принятие и объявление этой помолвки, по свидѣтельству болѣе достовѣрныхъ французскихъ источниковъ, падаетъ на 1044 годъ. Съ тѣхъ поръ Аниа считалась невѣстою Генриха и хотя ей могло быть въ ту пору 10—11 лѣтъ, но по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ это не можетъ казаться страннымъ. Сватовство Генриха произведено заочно, носредствомъ особыго посольства, прѣѣждавшаго изъ Франціи въ Кіевъ ко двору Ярослава, и хотя брачная сдѣлка могла считаться и тогда уже дѣйствительной, тѣмъ не менѣе переговоры по поводу оной продолжались и въ послѣдующіе годы, а въ 1049 г. прибыло въ Кіевъ новое посольство. Въ составѣ его были, кроме свѣтскихъ сановниковъ, еписконы мельденскій Вальтерій и епископъ каталонскій Рогерій; отъ послѣдняго сохранилось извѣстіе о томъ, что великий князь Ярославъ показывалъ ему главу Елімента, папы римскаго, привезенную прежде въ Кіевъ. Посольство прибыло осенью 1049 г. и пробило въ Кіевѣ до лѣта 1050 г., задержанное, какъ думать можно, не затрудненіями въ окончательномъ соглашеніи, а трудностію переѣзда въ зимнюю пору. Не въ апрѣль 1050 г. случилась смерть княгини Ирины, жены Ярослава, матери Аны и бракъ состоялся въ Парижѣ лишь въ 1051 г., съ чѣмъ согласуется и опредѣленно извѣстный (1052) годъ рожденія у Генриха и Аны первого сына Филиппа.

¹⁾ Собирая свѣдѣнія обѣ Аны Ярославѣ и ея портретѣ, мы совершенно неожиданно получили изъ Переяслава отъ Степана Дашиловича Карпенка извѣстіе о томъ, что, обучаясь въ 30-хъ годахъ въ кіевской гимназіи, онъ у товарища своего Кириченка, сына кіево-подольского гражданина, видѣлъ

Кромѣ Филиппа были у нихъ еще два сына: Робертъ и Гуго, а также дочь, имя которой остается неизвѣстнымъ.

Бракъ Анны съ Генрихомъ былъ счастливый, но продолжался всего около десяти лѣтъ. Въ 1060 г. Генрихъ умеръ; Аннѣ было тогда едва 25 лѣтъ, старшему сыну Филиппу исполнилось лишь 8 лѣтъ. Еще при жизни отца, въ 1059 г. онъ былъ коронованъ и помазанъ на царство; ожиданиемъ его Генрихъ самъ назначилъ мужа сестры своей Аделаиды, графа фландрскаго Балдуина. Такое назначеніе произвело разладъ въ королевской семье; образовались партии, произошло смятеніе, грозившее государству переворотомъ: явилсялись попытки освободить отрока-короля отъ опеки Балдуина, котораго подозрѣвали въ честолюбивыхъ и коварныхъ замыслахъ, и возстановить права королевы-матери. Положеніе Анны было не только не удобно, но крайне затруднительно. Чтобы обезопасить себя отъ случайностей въ борьбѣ партий, Анна, дождавшись чрезъ годъ окончанія траура, вышла за мужъ за могущественнѣйшаго изъ велиможъ графа Рудольфа Креми. Онъ удалилъ для этого отъ себя вторую свою жену Элеонору, но кроме того между имъ и умершимъ королемъ по тогдашнимъ понятіямъ находили родство, такъ какъ оба они были Капеты. Бракъ Анны съ Рудольфомъ хотя объявленъ платоническимъ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное волненіе при дворѣ и въ народѣ. Негодовалъ Римъ и успокоился, лишь когда узпаль объ истинной цѣли брака. Рудольфъ скончался въ 1074 г., Анна имѣла на него самое благотворное вліяніе. Не смотря на этотъ бракъ, между матерью и сыномъ-королемъ существовали самые добрыя отношенія, которые сохранялись какъ при жизни, такъ и по смерти втораго мужа и остались такими до смерти самого Филиппа въ 1108 г. По отсутствію положительныхъ свидѣтельствъ, мы не можемъ установить, какъ, когда и въ силу какого государственного акта Анна

и читалъ пергаменную рукопись, написанную по церковно-славянски и заключавшую въ себѣ подробное описание пріѣзжавшаго въ Киевъ для сватанія дочери Ярослава Анны посольства отъ французскаго короля Генриха I, съ попеченіемъ бывшаго въ посольствѣ лицъ и разсказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, время препровожденіи, угоженіяхъ и пр. Если бы это было такъ и если бы нашлась самая рукопись или списокъ съ нея, на что мы не теряясь надежды, то въ нашей исторіи явился-бы новый интересный листокъ изъ ея древняго периода.—Ред.

стала соправительницею своего сына; но на это указываютъ уцѣлѣвшія грамоты и другіе акты того времени, на которыхъ послѣ подписи короля слѣдуетъ подпись королевы-матери въ такихъ словахъ: *Agna Dei gratia francorum Regina* (Анна Божію милостію королева французская). Первый изъ такихъ актовъ относится, если не ошибаемся, къ 1060 году, но подобная же подпись находимъ въ актахъ послѣдующихъ годовъ, до 1075 г. и далѣе.

По смерти Генриха, Анна Ярославна избрала своимъ мѣсто-пребываніемъ старый замокъ въ Санли, недалекъ отъ Парижа. Здѣсь она еще при жизни мужа выстроила великолѣпную церковь во имя св. Викентія, а потомъ учредила при ней аббатство. Въ этой церкви на стѣнѣ былъ написанъ ея портретъ, съ которого точный снимокъ изданъ въ концѣ XVII в. ученымъ Мезерэ въ его жизнеописаніяхъ французскихъ королевъ.

Годъ смерти Анны Ярославны не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно, но мѣсто погребенія ея въ точности известно. Въ 1682 г. ученый іезуитъ Менестріе нашелъ въ Вилье, въ тамошнемъ систеріапскомъ аббатствѣ, надгробную плиту, на которой было изображеніе этой королевы съ короной на головѣ, въ родѣ вѣнца, даваемаго курфирстамъ, и начинавшуюся такими словами надгробную надпись: *Hic jacet Domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis...* Раньше этого времени другой ученый—Парадэнъ открылъ ея гербъ съ лилиями, древнею эмблеммою Франціи, на одной половинѣ, — крѣпостными открытыми воротами на другой и короной на верху, сходной съ короной на прилагаемомъ портретѣ. Не включила-ли Анна Ярославна въ свой гербъ дорогія ея серцу кіевскія *Златыя враты*, родныя, отчій?...

Древніе французскіе писатели, у которыхъ находимъ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ, отзываются о ней съ благоговѣніемъ, какъ о женщінѣ, которая *plus de futuris, quam de praesentibus cogitavit*. По ихъ свѣдѣніямъ, съ высокимъ уваженіемъ и похвалою си добродѣтелямъ отзывались папы Николай I и Григорій VII, первый въ письмѣ къ ней 1059 г., а второй въ письмѣ 1083 г. Въ духѣ благочестія воспитывала ее мать ея Ирина, за что похвалилъ эту послѣднюю митрополитъ кіевскій Иларіонъ. Независимо отъ того можно думать, что Анна Ярославна получила въ домѣ своихъ родителей об-

разование, соотвѣтственное готовившейся ей высокой роли. Достаточно времени давало для этого долго длившееся скананье и достаточно средствъ образованность семьи Ярослава; самъ онъ, по свидѣтельству прѣѣзжавшаго въ посольство епископа Рогерія, велъ съ нимъ разговоры на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ сыновей его, Всеволодъ, какъ известно, объяснялся на пяти языкахъ. Такимъ образомъ Анна Ярославна, прибывъ въ Парижъ для бракосочетанія, не могла показаться тѣмъ дикаркой и простушкой, но съ разу пріобрѣла то уваженіе, которымъ, какъ видно, пользовалась до самой смерти.

Удержанала-ли она во Франціи свои вѣроисповѣдныя и национальные особенности, судить обѣ этомъ трудно. Вопросъ о переходѣ ея въ католичество въ смыслѣ нынѣшнемъ не могъ тогда имѣть мѣста, такъ какъ Анна прибыла во Францію двумя годами раньше раздѣленія церквей; но безъ сомнѣнія она связалась впослѣдствіи съ особенностями тамошняго богослуженія и его языкомъ, который она знала, какъ показываютъ ея подписи, а равно усвоила языкъ, обычаи и нравы новаго своего отечества. Есть впрочемъ данныя, заставляющія полагать, что на первыхъ порахъ она имѣла своего священника, вывезенного изъ Киева, свои иконы, богослужебныя и молитvenныя книги. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и знаменитое реймское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли, и другія книги и рукописи, которыя ученыe Сорбоны показывали Петру I-му, остались отъ временъ Анны Ярославны. По ей, конечно, желанію, ея первенцу, будущему королю въ первый разъ дается имя христіанскаго святаго, а духъ ея благочестія отразился въ послѣдующихъ поколѣніяхъ королевскаго дома Франціи.

Что касается прилагаемаго здѣсь портрета Анны Ярославны, то гравюра его обязательно сообщена намъ полковникомъ Д. М. Резвымъ, а имъ получена отъ академика Вассена, къ которому перешла въ составъ богатой и рѣдкой коллекціи отъ отца его, б. профессора живописи въ императорской академіи художествъ. Отъ кого и когда получена этимъ послѣднимъ, съѣдѣній обѣ этомъ не имѣмъ. Гравюра, какъ показываетъ подпись подъ неей, сдѣлана въ Венеціи, а русская надпись на ней: *Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Киевѣ, скончалась близъ Парижа* указываетъ на то, что она сдѣлана по заказу кого

либо изъ русскихъ, жившихъ за границей. Почекъ русской падициси начала выиѣшняго, если не колца прошлаго столѣтія. Имѣеть свѣдѣнія, что въ 1825 г. князь Лобановыпъ-Ростовскій была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языке біографія Аны Ярославны съ относящимися къ вей документами. Былъ-ли при ней портретъ, не знаемъ, да и самаго изданія этого нигдѣ разыскать не могла. Что настоящая гравюра сдѣлана съ какого либо древняго портрета, на это указываетъ корона — несомнѣнная принадлежность XI в. Не есть-ли это снимокъ съ изданія Мезера, которое, какъ снятое съ современаго оригинала, имѣть всѣ условия автентичности? Прическа указываетъ по видимому на вѣкъ Людовика XIII и ничего неѣть невѣроятнаго въ томъ, что она подковлена на портретахъ того времени. Девизъ на дугѣ герба королевы Аны свидѣтельствуетъ также о древности изображенія, послужившаго основою для гравюры. Смыслъ его: *оплакиваю мою жизнь и его смерть* эмблематически выраженъ въ видѣ горлицы, унуло сидящей на землѣ: предъ ней безплодное, увядающее дерево, назади кустъ ліліи, символъ чистоты. Горлица—это древнѣйшій, излюбленный въ нашихъ думахъ и пѣсняхъ символъ скорби и грусти; какъ нельзіи болѣе онъ идетъ къ положенію вдовы-королевы, отвѣчаетъ ея думамъ и чувствамъ. Вдали отъ родины, забытая своими, чуждая всѣмъ и всему окружающему, лишившись друга жизни, ради которого пожертвовала всѣмъ дорогими, Ани Ярославна хотя и соединяетъ свое имя съ именемъ новаго друга, покоряясь политической необходимости, но не принадлежитъ ему ни тѣломъ, ни душой, всѣмъ существомъ своимъ живетъ въ прошедшемъ, оплакиваетъ свою падомленную жизнь, когда-то широко распустившуюся, льетъ слезы о безвреднной смерти своего подружія, какъ горлица-голубка воркуетъ и въ этомъ воркованіи вся ея жизнь, приближающая и ее къ неизмѣнному предѣлу. При взглядѣ на этотъ образъ нашей кievской книжны, невольно приходятъ на память слова кievской-же пѣсни, правда школьнай, но симпатично и полно доказывающей смыслъ неяснаго въ подробностяхъ образа.

Горлица, какъ друга лишился,
Во вѣки въ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Вѣтыми украшено,
Не сядетъ...

От редакции.

Журналъ «Киевская Старина» выходитъ *неизменно* 1-го числа каждого мѣсяца и въ тотъ-же день разсыпается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперія и за границу.

Редакція отвѣтствуетъ за исправное получение журнала ляшь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, где допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на исполненіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя бы подписка была сдѣлана въ одновремь изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявлению Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе жѣсткой почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи въ пріятомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородній-же высылается *четыре семикопѣчныя марки*.

Подписанная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперія 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высыпаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ опої (Киевъ, Софійская площасть, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Огзоблина въ Киевѣ и Петербургѣ, «Нового Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Дигтера, Дьяконова и Малецкаго въ Киевѣ и др.

Издателемъ и авторахъ книгъ и брошюръ по южно-русской истории и этнографіи, присылающимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и материалы просимъ высыпать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно со полями, а не съ сиюшными и слишкомъ тѣсно стоящими строками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправлѣвіямъ. Этнографический материалъ, киевъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просямъ предварительно собирать съ существующими Сборниками и снабжать прамѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдельныхъ книжекъ въ замѣнѣ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки «Киевской Старины» предыдущихъ или нынѣшнаго года, могутъ въ замѣнѣ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
“КІЕВСКАЯ СТАРИНА,”
1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторії южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

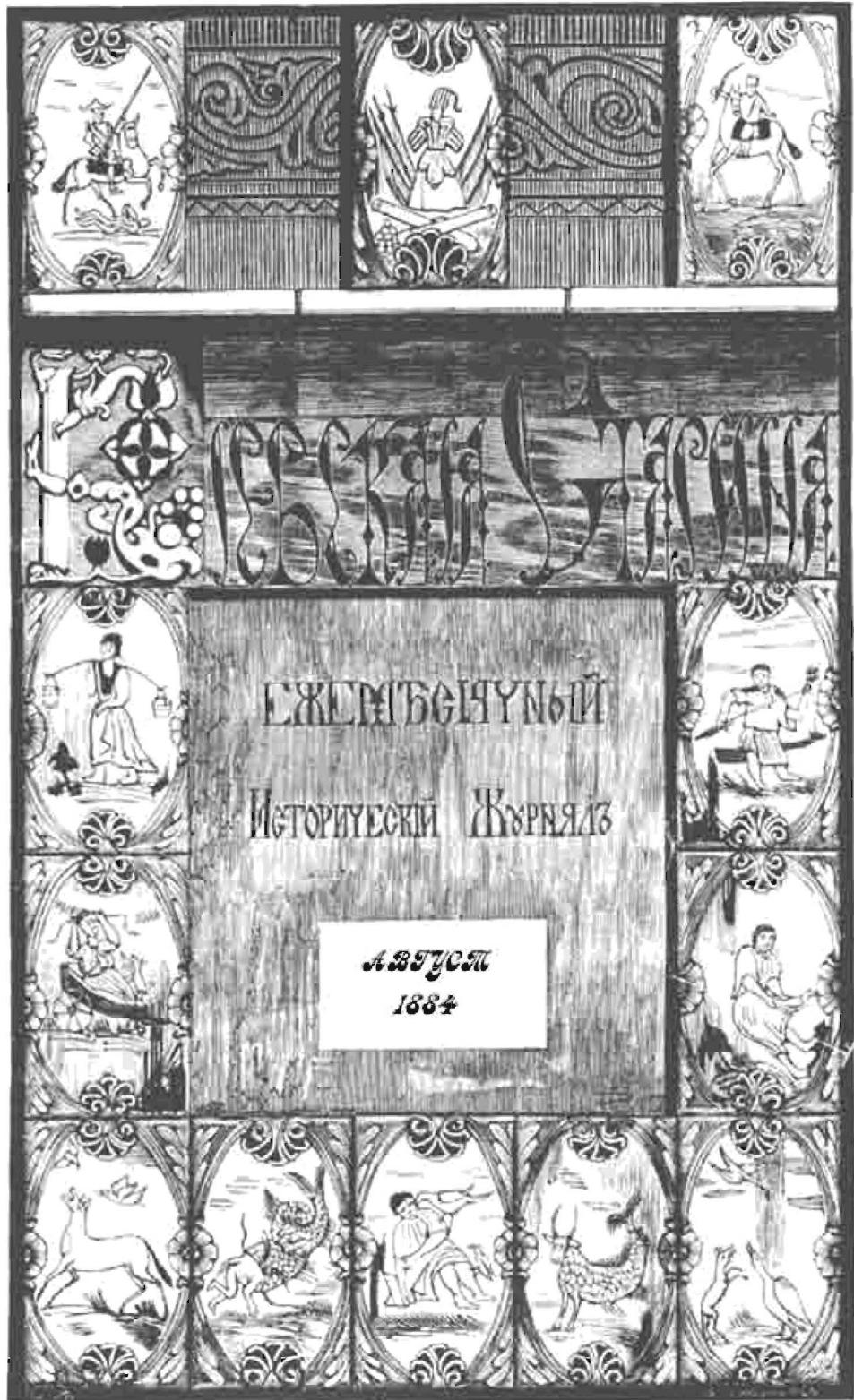
Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, исторические документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о выдающихся памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическая извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписанная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыль-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставліе въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высыпаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площасть, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, га-зету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особы приложенія состав-ляютъ оригиналныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылькою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Августъ, 1884 г.

	СТР.
I. СМЕНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографи- ческія записки). (<i>Продолженіе</i>). Ир. Житецкаго	561
II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.	580
III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (<i>Продолженіе</i>).	609
IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. О. И. Левицкаго.	627
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. (<i>Продолженіе</i>). .	655
VI. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Слб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозамочномъ землевладѣніи въ мѣстно- сти бывшей слободской Украины. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—д. <i>Багамъ</i> .— в) Александръ Барвінскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.— в. А.—г) Тематич. мѣстца въ «Словѣ о Польську Игоревѣ». Поясненія Ом. Партицкій. Часть первая. У Львовъ. 1883 г.—И. Голубовскаго.	681
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. И. Л.—в.—б) Движеніе народнаго образованія въ юго- западномъ краѣ—К. Ц.—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. В. Ястребовъ.—г) Загадочные портреты.—Д. Са- пожниковъ.—д) Панская блажь, холеская навасть, а чиновничья пижма.—К. Ц.—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ изыскѣ Мазепы и избраниіи нового гет- мана).—Сообщ. графъ Милорадовичъ	715
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕЦКА. (1727—1753 г.). Съ предисло- віемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (<i>Приложеніе</i>)	65—80
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна
съ приложеніями и пересыпкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской
Старинѣ“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незна-
чительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается
по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ^О

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ IX.

АВГУСТЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ'

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ IX.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл.у., соб. домъ.

Смѣна народностей въ южной Россіи. (Историко-этнографический замѣтки).

(Продолженіе) ¹⁾.

ГЛАВА 3-я.

Татарская эпоха лѣтописного периода ²⁾.

Въ XIII ст. произошли исторические события, рельефно отразившіяся на этнографической судьбѣ южного славяно-русского населения; это были: вторженіе въ предѣлы южно-русской страны монголовъ, поселившихся потомъ въ южно-русскихъ степяхъ, и занятие князьями польско-русского побережья Балтийскаго моря. Послѣднее имѣло то значеніе, что князья, оттеснивъ поляковъ и литовцевъ отъ моря и въ силу борьбы поднявъ послѣднихъ до государственной жизни, бросили эти двѣ народности на ослабленную всѣми предыдущими обстоятельствами южно-русскую страну. Нѣсколько иной смыслъ имѣло монгольское вторженіе.

Такъ называемое «монгольское нашествіе» не представляетъ въ своихъ общихъ типическихъ чертахъ чегонибудь особеннаго: это, какъ мы уже и говорили выше, было послѣднее звено въ той

¹⁾ Сл. «Кievsk. Star.», 1883 года, Т. VI, майск. кн., стр. 1—30, юльск. кн., стр. 399—453.

²⁾ Татарская эпоха обнимаетъ около вѣка (съ конца первой четверти XIII столѣтія до начала второй четверти XIV в.) и относится къ лѣтописному периоду южно-русской исторіи, такъ какъ для воспроизведенія этнографической картины страны служить, между незначительными другими источниками, главнымъ образомъ по прежнему лѣтопись.

цѣпи движенія азіатскихъ кочевниковъ, крайними звенями кото-
раго представляются памъ съ одной стороны скіоы, а съ другой
монголы, и слѣдовательно оно однородно съ движеніемъ хозарь,
печенѣговъ и половцевъ. Сравнительно съ послѣдними, монголы
имѣютъ двѣ особенности, именно: они явились въ южную Русь,
какъ представители довольно стройно организованной центральной
власти и потому не остановились въ степныхъ пространствахъ съ
момента появленія, а проникли сразу въ глубь страны и сдѣлались
полными властителями надъ ея обитателями по всему простран-
ству. Но чтобы достигнуть болѣе правдоподобной оцѣнки значенія
въ жизни южно-русскихъ обитателей бурного натиска монголовъ,
безусловно необходимо обратить вниманіе на три обстоятельства:
1) на топографическія особенности южно-русской страны, 2) на
систему разселенія въ ней обитателей въ XIII ст. и 3) на обыч-
ный ходъ движенія почвенныхъ монгольскихъ ордъ.

Изъ 12,359,53 кв. м. (или 597,459 кв. в.) общаго простран-
ства теперешней южной Россіи въ началѣ XIII в. осѣдлые поселе-
нія разбросаны были приблизительно на 6,738 кв. м.¹⁾ (322,045 кв. в.),
что составляетъ около 55% всей территории. Область южной Россіи
въ указанныхъ предѣлахъ, разрѣзываемая въ ширину (съ сѣвера на
югъ) приблизительно параллельными течеліями главныхъ рѣкъ (Днѣпра
и Днѣстра) и передѣляемая по всей длины отиреками Карпатъ
(съ запада на востокъ), подраздѣляется на двѣ полосы: на южную
и сѣверную. Южная—это возвышенная равнина съ поднятиемъ по-
верхности надъ уровнемъ моря на 1,000 ф. на волынно-подольскомъ и
на 900 на галиційскомъ плато; здѣсь значительныя рѣки, параллель-
но почти текущія съ сѣвера на югъ, имѣютъ рѣзкія береговыя
очертанія, а общія условія почвы благопріятствуютъ проживанію
земледѣльческаго населенія. На противъ, сѣверная полоса представ-
ляетъ собою плоскую болотистую низменную равнину, съ высотою

¹⁾ Мы считаемъ не занятыми осѣдлыми поселеніями въ XIII в. приблизи-
тельно слѣдующія пространства: новороссійскій край, включая сюда въ аккерман-
скій уѣздъ Бессарабіи, губернію воронежскую, Землю Войска Донскаго, харьков-
скую губернію и прилегающія части курской, а также константиноградскій
уѣздъ полтавской губерніи, именно около 5,621 кв. м. (или 275, 414 кв.
верстъ).

надъ уровнемъ моря въ 435,85 ф. (уровень Цинь у г. Пинска)¹⁾ — это по преимуществу область лѣсовъ. Въ наше время на пространствѣ рассматриваемыхъ нами 322,045 кв. в. южной Россіи лѣсомъ занято приблизительно около 82,000²⁾ кв. в. или 25%. Изъ этого числа изъначительная часть лѣсовъ, именно около 8,562 кв. в. представляеть отдельныя лѣсныя заросли по рѣчнымъ прибрежьямъ южной полосы; остальные лѣса связаны въ двѣ неровныя группы: 60,975 кв. в. лѣса занимаютъ почти безъ промежутковъ сѣверную границу южной Россіи, отъ восточной до западной ея оконечности, представляя т. наз. *Польсье*, а 13,463 кв. в. лѣса покрываютъ срединныя Карпатскія горы, входящія въ южную Россію на ея зап. границѣ. Бескиды или лѣсистые Карпаты, занятые южно-русскими поселеніями, въ рѣдкихъ мѣстахъ достигаютъ высоты за 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, и въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, спускающимися до самой почти подошвы; среди сплошной массы густаго краснолѣсія изъ рѣдка торчатъ одинокія скалистыя вершины (Іллемскій Горгань, Іропа, Яловая и др.), или же свѣтятся, какъ плѣши среди лѣсовъ пространныя горыя настбища (»полонины«); для хлѣбопашства удобны лишь скаты горъ, и только по надрѣчнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царину), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ³⁾). Переходъ черезъ Карпаты удобенъ

¹⁾ Докучаевъ. »По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности обѣ осушенній Польсья«.—Отеч. Зап. 1875 г. № 9, стр. 81.

²⁾ Въ волынскій губерніи 26,499 кв. в., кievской 10,750, подольской 5,544, полтавской 2,697, черниговской 8,061, въ малорусскихъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой 3,690, восточнай Галиціи 11,522, Буковинѣ 1,941, гродненской 2,976, инской 8,082, въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи 321 кв. в. Слѣдѣнія взяты для Буковины у Головацкаго »Карпатская Русь. Географич.-стат. и историко-этногр. очерки Галичини, сѣверо-восточной Угріи и Буковины« (Славянскій Сборникъ 1877 г. т. II, стр. 56—57), для восточнай Галиціи изъ *Wiadomości statystyczne* Рr. Pilata, 1881 г., стр. 135—137, а относительно остальныхъ приблизительныя вычислія сделаны по Де-Ливрану (стр. 76—77 и стат. табл., стр. 27—28). Въ количествѣ лѣса точности быть не можетъ; на наши выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительное отношеніе лѣсныхъ пространствъ къ остальной области.

³⁾ Головацкій, »Карпатская Русь«. Слав. Сборникъ, т. I, стр. 3—4.

лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ, текущихъ въ противоположныя стороны, близки другъ къ другу и гдѣ потому и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой¹⁾). Аналогичными свойствами, хотя и совершенно другого типа, обладаетъ южно-русское Полѣсье. Центральнымъ мѣстомъ этой области лѣсовъ является такъ называемое минско-киевское или белорусское Полѣсье,—это пространство въ 8 миллионовъ десятинъ, приближающееся по формѣ къ треугольнику, представляется собою плоскую, болотистую, поросшую дремучими лѣсами страну по обѣ стороны рѣки Припети²⁾). На востокѣ за границу Полѣсья принимаютъ Днѣпръ, а на западѣ верхнее теченіе р. Буга³⁾). Но отъ этого центральнаго Полѣсья болотисто-лѣсистыя мѣстности продолжаются какъ на западъ, вдоль Буга, Нарева, Вислы, Вепржа и т. д. (Полѣсье волыно-подлясское), такъ и на востокѣ отъ Днѣпра до г. Брянска (Полѣсье чернигово-сѣверское)⁴⁾), такъ что опушка непрходимыхъ лѣсовъ, составляющихъ главный характеръ мѣстности, простирается на сѣверъ до черты, проведенной отъ Бреста-Литовскаго до Могилева, а на югъ отъ Владавы до Киева⁵⁾) и далѣе черезъ Днѣпръ на востокѣ мимо г. Чернигова. На югѣ границею Полѣсья, имѣющею реальное значение, представляется волыно-подольское и галицкое плато. Внутри Полѣсья представляетъ болотистую мѣстность, покрытую лѣсомъ и изборожденную по всѣмъ направлѣніямъ безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и протоковъ то соединяющихся, то снова раздѣляющихся, то пересѣкающихся въ разныхъ направлѣніяхъ: словомъ, это лабиринтъ водъ, гдѣ даже трудно уследить одну и ту же рѣку, опредѣлить ся направлѣніе. Въ половодье рѣки выступаютъ во многихъ мѣстахъ изъ своихъ береговъ, затоцляютъ окрестныя мѣста, сливаются, представляя такимъ образомъ водныя пространства на 10—15 верстъ шириной, а зимою многія воды Полѣсья, благодаря бью-

¹⁾ Головацкій, «Карпатская Русь». Слав. Сборн., т. I, стр. 19.

²⁾ Макшеевъ, «Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи», 1867 года, стр. 61.

³⁾ Докучаевъ, «Отеч. Зап.» 1875 г. № 9, стр. 79.

⁴⁾ Макшеевъ, стр. 61.

⁵⁾ Ibid.

щимъ изъ грунта ключамъ, совершенцо не замерзаютъ¹⁾), такъ что полѣсскія пространства и въ наше время во многихъ мѣстахъ являются непроходимыми²⁾). Обитающія пространства составляютъ высокія сухія мѣста по берегамъ рѣкъ и отдельные песчаные бугры, или «острова» по мѣстному. Аналогичными свойствами обладаютъ какъ западныя, такъ и восточныя окраины Полѣсся, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ, типичныхъ формахъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ Полѣсемъ въ наше время, приводятъ къ выводу, что оно находится въ регрессивномъ состояніи: Полѣсье постепенно высыхаетъ (Эйхвальдъ), открытыхъ болота, хотя и медленно, но въ огромныхъ размѣрахъ постоянно превращаются въ торфяники, а эти послѣдніе въ черноземныхъ пахатыхъ земляхъ (Зеленскій), а г. Кантреме на основаніи документовъ и инвентарей приходитъ къ выводу, что съ давняго времени въ Полѣсѣ пространства земли, покрытыя водою, съ каждымъ годомъ уменьшаются³⁾). Наблюденія о регрессивномъ ходѣ Полѣсся въ связи съ изслѣдованіями орографическими и геологическими, а также нѣкоторыми историческими указаніями (Геродотъ) послужили къ созданію весьма вѣроятной гипотезы (Н. П. Барботъ де Морни, Эйхвальдъ, Мурчисопъ), что въ Полѣсѣ уже въ историческая времена (при Геродотѣ) существовало огромное озеро (внутреннее море); въ послѣдствіи оно могло обмелѣть, раздѣлиться на отдельные озера и открытыхъ болота и явиться памъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ Полѣсье теперь⁴⁾). Можетъ быть въ непосредственной связи съ регрессомъ Полѣсся, какъ главнаго, внутренняго водного резервуара, находится наблюдаемое уменьшеніе дождевой влаги и воды въ рѣкахъ, упадокъ вообще флоры и въ частности лѣсной растительности. Вѣкъ назадъ страдающія отъ засухъ южно-

¹⁾ Докучаевъ.

²⁾ По случаю низменной почвы Полѣсся, говорить г. Эремичъ, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва-ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волагѣ, столько-же на лодкѣ и около того же пройти пѣшкомъ⁵⁾ (Вѣсты. Зап. Россіи, 1877 г., № 11, стр. 101. Очерки белорусск. Полѣсся).

³⁾ Докучаевъ, стр. 20.

⁴⁾ Докучаевъ, стр. 84.

русския степи покрыты были еще обильною и роскошною травянистою растительностью, напоминающею тропическую, и п'есколько десятковъ лѣтъ не больше назадъ громадные лѣса тянулись по побережью рр. Ворсклы (отъ ея устья до г. Полтавы), Орели, Псла, Сулы и пр. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время текутъ мелководныя рѣки южной Руси, напр. Альта, Трубежъ, Пселъ, Ворскла и пр., п'есколько столѣтій назадъ были судоходныя рѣки; даже въ херсонскихъ степяхъ напр. въ болѣе или менѣе отдаленное время были рѣки тамъ, гдѣ теперь находятся однѣ огромныя сухія балки. Подобныя указанія, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, послѣдовательно приводятъ къ выводу, что семь-восемь вѣковъ тому назадъ южную Русь необходиимо представлять въ болѣе лѣсистою страною и болѣе обильною водою вообще, и въ частности, что Полѣсье и въ XIII ст. не только сохранило свои лѣсисто-болотистыя оригиналности, но что граница Полѣсья спускалась гораздо южнѣе тогда, чѣмъ въ наше время. Судя по прогрессивно увеличивающимся болотамъ можно думать, что ранѣе въ Полѣсьѣ было болѣе текущихъ водъ и такъ какъ спускъ водъ былъ свободнѣе, то и больше было сухихъ пристрастствъ, пригодныхъ для обитанія.

Намъ приходилось уже касаться вопроса о разселеніи южнорусскихъ обитателей въ предшествовавшіе періоды (см. «Кievsk. Стар.» 1883 г., юль, стр. 407—411), и мы тогда признали, что южные славяно-русы, занимаясь не только земледѣліемъ, но и скотоводствомъ, и особенно охотою за рыбой, птицами, звѣрями, *общатами по побережьямъ рѣкъ, ручьевъ и водныхъ болотъ, въ мѣстахъ близкихъ для промысла среди болотъ и лесовъ*, почему у нихъ преобладалъ, можно думать, видъ отдельныхъ хуторскихъ поселеній. Такъ продолжали разселяться южно-русы въ XIII в. и позже. Управляли здѣсь разселеніемъ не столько соціально-политическая условія, — большая безопасность отъ нападенія людей, сколько промышленно-экономическая. Въ ту эпоху, какъ и до конца рассматриваемаго періода, земледѣліе давало только необходимый продуктъ внутренняго потребленія, предметами же торговли вышней служили исключительно продукты промысловъ: шкуры, медъ, воскъ и т. д. Отсюда мѣстности съ обиліемъ водъ, болотъ и лѣсовъ были гораздо прѣнѣ, чѣмъ области тучнаго чернозема, дававшія исклю-

чительно хлѣбъ, и потому населеніе, въ силу уже хозяйственно-экономическихъ побужденій, стремилось удержаться ближе къ лѣсамъ и болотамъ, чѣмъ къ открытымъ степнымъ пространствамъ. Въ XIV—XVI вв., отъ которыхъ до此刻 дошли документальные материалы, продолжаетъ преобладать въ южно-русскомъ населеніи тотъ-же взглядъ при оцѣнкѣ угодій: мѣстности лѣсисто-болотныя »съ бортями«, »бобровыми гонами«, со звѣрями и дичью и съ лѣсными материалами предпочтитаются всячимъ другимъ. Отсюда произошло то явление, что напр. въ повѣтахъ мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ и въ сѣверныхъ частяхъ кievскаго и житомирскаго, вообще въ лѣсной полосѣ земляне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано¹⁾), тогда какъ въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кievскаго и житомирскаго »земляне или вовсе не берутъ »службы« и »выслугу«, или берутъ ихъ весьма неохотно²⁾«. На тоже указываютъ и тѣ подраздѣленія населения по запятіямъ, какое мы находимъ въ литовской періодѣ; напр. между крестьянами преобладали »колесники«, »бондари«, »плотники«, рыболовы, »осочники« и »бортники«, »подгазники« или »полозники«, »бобровники«³⁾). Аналогія съ разселеніемъ южныхъ славяно-руссовъ въ лѣтописный періодъ и потомъ въ XIV—XVI в. в. даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ XIII в. лѣсистыя области древлянъ, дреговичей, сѣверныхъ волынянъ, верхнихъ сѣверянъ, вятичей и радимичей были гуще заселены, чѣмъ прочія области южной Россіи, а такія заселенія области были: Подлясье, сѣв. Волынь, минско-кіевское и чернигово-сѣверское Полѣсье. Отсутствіе большихъ городовъ въ этой полосѣ въ то время можетъ быть объяснено тѣмъ, что защитою для населения въ случаѣ нападенія непріятелей, виѣсто городовъ, служили лѣса и болота (*• paludes silvaginee* Іордана), а сбыть продуктовъ промысла удовлетворяли города южной полосы, расположенные на лѣсныхъ опушкахъ при рѣкахъ, какъ Черниговъ, Кіевъ, Луцкъ и пр. Въ южной, болѣе

¹⁾ Актоноевичъ. »Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV в. по XVI ст.« (»Кіевск. Стар.«, 1883 г. янв., стр. 30).

²⁾ Актоноевичъ, *ibid.*

³⁾ Писцовая книга бывшаго липскаго староства, Вильню. Ч. I, стр. III.

степной полосы Руси та славяно-русская масса, которая не находила себѣ мѣста и удобствъ жизни въ городахъ, не отличавшихся тогда современными размѣрами и занятыхъ княжескими и боярскими дворами, духовенствомъ и иноземцами, была разбросана мелкими поселками, сообразно съ удобствами какъ земледѣлія, такъ и ловли рыбы, охоты за звѣрями и пр.

Въ южную Русь, въ страну на половину почти покрытую лѣсами и обильную водами, явились въ 1237 г. монголы. Какъ кочевой народъ, они двигаются въ предѣлахъ степей всею массою: съ семьями, со стадами, съ кибитками, встрѣчая же на пути области, не приспособленныя природою для кочевой жизни, они посылаютъ въ нихъ временно болѣе или менѣе большия конные отряды. Эта черта общая у монголовъ съ половцами, печенѣгами и проч. Но есть у нихъ и свои важныя особенности: монголы приковчевали къ предѣламъ южной Руси въ такой періодъ своего бытowego устройства, когда у нихъ организовалась уже своя центральная регулирующая власть, представители которой были довольно многочисленны, пользовались силою и имѣли опредѣленное постоянное мѣстопребываніе въ средней Азіи¹⁾). Движеніе монголовъ не отличается исключительно стихійнымъ характеромъ: въ задачу его входитъ не только расширеніе предѣловъ своихъ кочевьевъ, но и увеличеніе вообще подвластной территоїи, умноженіе подвластного населенія въ видахъ какъ увеличенія жизненныхъ средствъ, такъ и обогащенія правящихъ классовъ. Такимъ образомъ монголамъ не чужда была идея завоевателей—сохранять населеніе для извлечения болѣе продолжительныхъ выгодъ, въ видѣ разнаго типа даней. Проходя по странѣ уже заселенной, они и требляютъ лишь населеніе сопротивляющееся; тутъ у кочевниковъ разгораются дикия свойства и они являются безпощадными; населеніе-же мирно-поддавшееся они не только не истребляютъ, но даже оберегаютъ: такъ Батый «придѣ къ Володимерю, и взя и копъемъ и изби и не щадя, также и градъ Галичъ»²⁾), тогда какъ мирно поддавшуюся землю болоховскую

¹⁾) Илано-Карпини. «Любопытѣшее путешествіе монаха францисканского ордена Жана дю Иланъ-Карпина». Москва, 1800 г., стр. 19—21.

²⁾) Ипатск. лѣт. 1245 г., стр. 528, 1250 г., стр. 536.

³⁾) Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 523.

»оставили.... татарове, да имъ оруть пшеницию и просо«¹⁾). На сколько можно возстановить по лѣтописи, завоеваніе монголовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1237 г. кочевыя орды монголовъ достигли области половцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и отсюда стали посыпать конные отряды въ лѣвобережныя земли южно-русовъ²⁾; сопротивляющіеся города Переяславль, Черниговъ были взяты и разрушены, такая же участь постигла, можно думать, г. Глуховъ³⁾ и др. сѣверскіе города. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ монголы оставались на лѣвомъ берегу, не переставая, вѣроятно, опустошать сѣверную область до предѣловъ лѣсовъ, куда проникнуть мѣшала сама природа. Въ 1240 г. перешедши очевидно въ пунктъ постепеннаго перехода всѣхъ предшествовавшихъ кочевниковъ, ниже впаденія Десны въ Днѣпръ⁴⁾, монголы подошли къ Кіеву со всѣми своими кочевыми обозами⁵⁾, взяли и разрушили сопротивлявшійся городъ, закочевали въ степяхъ на правой сторонѣ Днѣпра, а конные военные силы пошли во внутрь страны⁶⁾ и проникли даже за карпатскій хребетъ въ Венгрію: при этомъ одни города со всѣмъ населеніемъ были взяты и истреблены, какъ Колодяжный, Каменецъ, Володимеръ, Галичъ⁷⁾, другіе устояли подъ напоромъ монголовъ, напр. Кременецъ, Холмъ, нѣкоторые были сохранены, какъ болоховскіе города: Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Божьскій, Дядьковъ⁸⁾, наконецъ нѣкоторыхъ и не коснулось нашествіе, напр. Бакоты, Дрогичина, Пинска, и пр.⁹⁾. Черезъ два года

¹⁾ Ibid., 1241 г., стр. 526.

²⁾ »Батыеви-же вземши Козлескъ, и поиде въ землю Воловецкую. Оттуда же поча посылать па грады Руськыя«. Ипатск. лѣт., 1237 г., стр. 520.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Си. глава 2-я »Слѣдна народностей«, »Кіевская Старина« 1883 года, № 6-ой, стр. 415—416.

⁵⁾ »И бѣ Батый у города и отроци его обѣдяку градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипання тельгъ его, множества ревения вельблудъ его и ржанія отъ гласа стадъ конь его. Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 522.

⁶⁾ У насъ нѣть фактическихъ оснований соглашаться съ мнѣніемъ, что монголы вездѣ двигались цѣлою массою, всюю ордою со стадами и имуществомъ. Дашикевичъ, »Ки. Даи. Галицк.«, стр. 84, Антоновичъ, »Кіевск. Стар.«, стр. 511.

⁷⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

⁸⁾ Ипатск. лѣт., 1241 г., стр. 526.

⁹⁾ Ibid., 1240 г., стр. 524, 525.

(въ 1243 г.) на возвратномъ пути «изъ Угровъ татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше»¹), и всѣдь за этимъ они еп *masse* очевидно исчезаютъ въ степи въ своихъ кочевьяхъ, а Батый, завоевавшій южную Русь, удаляется въ свою ставку на Ахтубу, чѣмъ и заканчивается собственно завоеваніе южной Руси монголами, такъ какъ дальнѣйшіе набѣги татаръ (1255, 1259, 1260 и т. д.) имѣютъ, какъ увидимъ, совершенно другое значеніе. Города Руси, изъ которыхъ правила страною до этого времени князья, подчинились монголамъ, а черезъ это подчинилась имъ и вся страна. Умолчаніе лѣтописи, въ связи съ послѣдующими историческими событиями, и указанныя пами выше топографическія условія Карпатскихъ горъ и Польши, гдѣ природа ставитъ на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія не только для движения кочевыхъ массъ, по даже и кочевыхъ отрядовъ, — заставляютъ думать, что такъ называемое «нашествіе монголовъ» не коснулось непосредственного населенія этихъ областей²), нѣть также данныхъ, показывающихъ, что монголы прошли за Днѣпръ, въ такъ называемое Подгорье (округи коломыйскій, станиславовскій, стрыїскій и отчасти самборскій); потому, какъ уже и говорили мы, сохранилось населеніе волыно-подольскихъ областей, принадлежавшихъ болоховскимъ городамъ. Въ остальныхъ областяхъ южной Россіи пострадали прежде всего и болѣе всего города и ихъ обитатели, а также то вблизи живущее населеніе, которое искало спасенія въ стѣнахъ города. Расположеніе городовъ обусловливало главнымъ образомъ направленіе пути для движенія кочевниковъ; остальными поселенія сдѣвали служилы цѣлью нападеній, а захватывались развѣ по пути. Къ городамъ болѣе всего и относится извѣстіе Цлано-Карини, что большая часть руссовъ была побита и уведена въ плѣнъ татарами³). Истребленіе сопротивлявшагося городского населенія и ихъ имущества, а равно и встрѣченіе

¹) Ibid., 1243 г., стр. 528.

²) Мѣткое, что Шейбанъ, братъ Батыя, и Кайданъ, полководецъ его, разорили въ 1240 г. Пинскъ, Новогрудокъ и др. города и села Польши... по были разбиты около Мозыря литовскими княземъ Эрдвилемъ (Николай архимандритъ, «Историко-Статистическое описаніе минской епархіи». Спб. 1864 г., стр. 12) малоѣроятно, особенно въ опредѣленіи времени.

³) Максимовичъ, «Собрание сочинений», т. I, стр. 133.

наго впѣ городского поселенія, было страшное¹⁾), а много жителей было захвачено въ пленъ и частію увлечено въ качествѣ войска завоевателей²⁾), частію выведено въ степи³⁾), за предѣлы южной Россіи. Однако нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ, хотя и неясныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, которыя говорятъ намъ, что часть населенія бѣжало, по выражению Воскресенской лѣтописи, «въ дальнія страны»⁴⁾), какими были прежде всего Венгрия, Польша, а также Литва и сѣверо-восточная Русь. Удалились изъ страны, конечно, особенно князья, бояре и высшее духовенство—классы, обладавшие средствами для быстрого и далекаго передвиженія⁵⁾). Можно думать, что выселилось изъ южной Руси все иноземное населеніе; какъ торгово-промышленники, иноземцы обладали средствами для передвиженія, не связанны были органически со страной на столько, чтобы жертвовать собой въ защиту ея, а если часть иностранцевъ не успѣла удалиться, то, проживая главнымъ образомъ въ большихъ

¹⁾ Вотъ какую картину рисуетъ лѣтописецъ: «Далілови-же со братомъ пришду къ Берестью, и не возмогша ити въ поле страдя ради множества избѣгніыхъ, не бѣ бо на Володимеръ остался живой, церкви святой Богородицы исполнена была трупъя и тѣлесъ мертвыхъ».—Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 526.—О томъ-же говоритъ и замѣтка Плано-Карпини, что, проѣзжая скоро послѣ нашествія монголовъ, онъ видѣлъ въ степи множество череповъ въ костяхъ человѣческихъ. Дашковичъ, стр. 84.

²⁾ Въ войскѣ, есаждающемся замки въ Венгрии и Польши, находились пѣхотные руссы, половцы и угры.—Илов. т. II, стр. 392.

³⁾ Посоль французского короля Людовика IX (въ 1253 г.) и его товарищи слышали, что русские насли стада въ кочевьяхъ монголовъ (Илов., 402). То же посольство, на пути отъ Дона до Сарай, было въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ, побоюючи бѣдняковъ переселенные татарами въ степи изъ Руси, Венгрии и Аланіи, соединились по 20—30 человекъ и по почамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчшаго (Ibid., стр. 403).

⁴⁾ Житіецній. >Очеркъ звуковой истории«, стр. 283; Дашковичъ, стр. 84—85.

⁵⁾ Михаилъ, князь черниговскій, при появлении татаръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, бѣжалъ въ Угрю, а «потомъ до ляговъ» (Ипатск. лѣт. 1238 г., стр. 521) со своей семьей, людьми и товарою» (522). Въ 1241 г. князь Даниилъ на пути изъ Венгрии въ Польшу на р. Полцѣ встрѣтилъ свою «родину» (брата, дѣтей, княгиню), «яко вышли суть изъ русское земль въ лягы предъ безбожными татарами» (Ипатск. лѣт. 1240 г., 524). Около того-же времени переселялись, вѣроятно, черниговскіе бояре (ibid., 525 и пр.).

городахъ, которые подверглись раззоренію, она была истреблена. Однако и рядовое славяно-русское населеніе, какъ городское, такъ и вѣ живущее, не только въ сѣверной, но и въ южной полосѣ, сохранилось въ значительномъ количествѣ: оно если не могло удалиться, за нѣкоторыми исключеніями, за предѣлы страны, то спѣшило укрыться въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, пещерахъ¹⁾ и т. п. недоступныхъ для кочевниковъ мѣстахъ. Данійль въ синеводскомъ монастырѣ, въ Карпатскихъ горахъ, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ«²⁾; часть удалившіхся изъ Киева монаховъ укрылась въ волынскихъ лѣсахъ и основала тамъ почаевскую лавру³⁾; много населенія сберегли лѣса и болота Полѣсся (Чернигово-Сѣверскъ, Киево-Минскъ и пр.), а равно и недоступныя для кочевниковъ мѣста въ самой южной полосѣ. Дѣло въ томъ, что южно-руssы привыкли уже укрываться отъ набѣговъ кочевниковъ: хазаръ, печенѣговъ, половцевъ и т. д.; самое появленіе монголовъ не было внезапное: предварительно были истреблены военные силы южно-руссовъ на Калкѣ, раззорена и опустошена сѣверо-восточная Русь; наконецъ переходъ за Днѣпръ совершился лишь на третиѣмъ году послѣ появленія монголовъ въ области южной Руси; за это время сдѣжалась известна какъ сила монголовъ, такъ и ихъ умѣніе брать города, и потому, если скоплялось населеніе въ такъ хорошо защищаемыхъ городахъ, какъ Киевъ, Кременчугъ и др., то несчастный опытъ Сѣверщины, города которой были разрушены, долженъ быть послужить урокомъ, чтобы предпочитать городу болота и лѣса; наконецъ въ города и не могло сбѣжаться все населеніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ поступало сельское населеніе въ болѣе доступное по свѣдѣніямъ времени: въ случаѣ нападенія часть населенія бѣжала въ городъ, другая часть, по выражению г. Шараневича, »утѣкала въ лѣсы, яскинѣ и въ подземліи дыры«, въ недоступныя мѣста »межи багна и мочары« и скрывалась тамъ съ родиною и остаткомъ добытку⁴⁾, какъ передъ та-

¹⁾ Иловайскій, 387, Костомаровъ, »Монографіи«, т. I, стр. 218.

²⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

³⁾ Даšкевичъ, стр. 88.

⁴⁾ Шараневичъ, »Исторія Галицко-Владимірской Руси«, стр. 356, 399.

тарами, такъ и передъ поляками и литовцами¹), а по отходѣ враговъ возвращалась изъ убѣжищъ на старыя жилища²). Но лучшимъ основаніемъ для вывода, что значительная часть населенія осталась и во время погрома монгольского внутри³) страны, служить сравнительная быстрота появленія населенія въ разоренномъ краѣ. Въ областяхъ Галиціи, съверной половины Волыни, на Подлясьѣ, въ предѣлахъ пинскаго и туровскаго княжества, непосредственно за удаленіемъ монголовъ жизнь политическая забила полнымъ ключемъ⁴) (княженіе Даниила Галицкаго); но не остались пустыней Киевщина, Черниговщина и Подолія—области наиболѣе пострадавшія. Явились въ Киевъ, а также и въ Черниговъ⁵) князья, а также и людіе, еже бѣху разбѣглися на чужей землѣ, придоша на свою землю⁶). Около 1245 г. Плано-Карпини нашелъ Киевъ бѣднымъ городомъ, но въ немъ былъ и тысяцкій, и бояре кievскіе, и около 200 дворовъ жителей⁷); съ 1243 г. и почти до конца XIII ст. въ немъ проживаютъ безъ перерыва князья⁸); продолжаютъ существовать главные кievскіе монастыри и церкви: кіево-печерская лавра, выдубецкій монастырь, софійскій соборъ и пр.⁹); населеніе было и

¹) Ibid., стр. 356, 399, 400, 420, 425 и пр.

²) Г. Самоквасовъ говоритъ: «какъ до татаръ народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной жизни, въ стѣнахъ городовъ, такъ послѣ татаръ стала искать его въ разрозненности—въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ до татаръ, въ случаѣ опасности народъ бѣжалъ въ стѣны города, такъ послѣ татаръ въ подобныхъ случаяхъ онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсамъ и болотамъ (162). Но есть и другое мышеніе, что уже въ первое нашествіе татаръ 1241 г. «жители оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронились за багвами и мочарами». Шараневичъ, стр. 88.

³) Не слѣдуетъ забывать словъ, которыя говорилъ Дмитрій, тысяцкій кievскій Батыю, раззорившему Съверщину, Киевщину, Волынь и пр. «Не мози страшати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже пойти, аще ли умешкаешь, земля ти есть сильна; соберутся на тя и не пустятъ тебѣ въ землю свою». — Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

⁴) Антоновичъ, «Кievъ» и проч., стр. 4; Данилевичъ, стр. 87.

⁵) Литецкій, стр. 283.

⁶) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

⁷) Максимовичъ, т. I, стр. 133; Иловайскій, стр. 394.

⁸) Антоновичъ, «Кievъ» и проч., стр. 4—5.

⁹) Ипатск. лѣт., 1250 г., стр. 535; Максимовичъ, стр. 133, Антоновичъ, «Кievъ» и проч., стр. 5.

вікъ Кієва, въ селахъ¹⁾). На значительную населенность кіевской области въ XIII ст. указываетъ фактъ перехода въ XIV ст. 1700 княжатъ и дѣтей боярскихъ къ московскимъ князьямъ²⁾). Присутствіе южно-русского населенія непосредственно послѣ первого нашествія татаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра видно изъ факта возвращенія Ростислава въ Черниговъ въ 1240 г.³⁾), а также изъ извѣстной поѣздки Михаила въ Сарай за полученіемъ ярлыка на черниговское княженіе⁴⁾). Хотя скоро чернигово-сѣверская земля теряетъ политическую самостоятельность, но сѣверные ея части, очевидно заселенные тогда, примили къ возникшему въ то время Брянску⁵⁾; видно, сѣверское населеніе, оставшееся послѣ нашествія монголовъ, подвинулось на сѣверъ, въ лѣсистую область и продолжало держаться тамъ, такъ какъ на югѣ, въ нижнемъ Подесеньѣ и Посемье заселенію мѣшиали близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ краѣ естественныхъ средствъ защиты⁶⁾). Что касается Подолія (или Понизья), то хотя этотъ край дѣйствительно пострадалъ и здѣсь не осталось »ни одного города ни деревомъ рубленаго, ни каменными стѣнами укрѣпленнаго«⁷⁾), но есть основаніе предполагать и здѣсь остатки славяно-русского населенія: непосредственно за первымъ нашествіемъ въ Подолію является оригинальное татарское устройство съ атаманами⁸⁾ и пр., и потомъ поселившіеся здѣсь

¹⁾ Въ 1246 г. Цлано-Карини оть первой татарской заставы на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куренса,ѣхалъ до Кієва шесть дній. На этомъ разстояніи и ниже селенія Канавы (Канева) были подобныя же селенія (*villae*), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Мижей*, провожавшій путешественниковъ до татарской заставы. Это очевидно было на пространствѣ между рѣками Росью и Тисъяниномъ, на которомъ были уже города и селенія русскіе, въ томъ числѣ и Боровой, виосл. Боровица.—Максимовичъ, стр. 135.

²⁾ Ibid., 136.

³⁾ Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

⁴⁾ Ibid., 1245, стр. 528.

⁵⁾ Багалѣй, 307—309.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Шарашевичъ, стр. 88.

⁸⁾ У Daniłowicz'a по поводу пораженія князей Ольгердомъ татаръ при Свялѣ Водахъ говорится: сія три брата татарские князья отчины и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани, а баскаки, приселяющіи отъ нихъ, у атамановъ имывали пізъ Подольской земли дань.—Daniłowicz, Latopisiec Litwy

татары оказываются обрушившими¹⁾). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, южная Русь при первомъ нашествіи монголовъ не обезлюдѣла, а сохранила въ значительной степени коренное славяно-русское населеніе, хотя и не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. Густота населенія понижалась по направлению съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: южная черноземная полоса потеряла больше, чѣмъ сѣверная лѣсная, и далѣе восточная половина южной полосы болѣе, чѣмъ западная. Изъ всѣхъ областей южной Россіи черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ: менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе г. Костомарова, что «въ Руси едва ли осталась десятая часть прежняго населенія». Затѣмъ чувствительныя потери населенія поочесены были южлою половиною кievской области и подольской. Послѣднія области продолжали терять свое осѣдлое населеніе и послѣ первого нашествія монголовъ, благодаря тому обстоятельству, что они прымкали непосредственно къ кочевьямъ татарскихъ ордъ, расположившихся въ степяхъ на всей южной и восточной границѣ Руси отъ Днѣстра и далѣе на востокѣ за Волгу. Близость кочевыхъ ордъ, отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты, конечно, все это не способствовало развитію благосостоянія въ такихъ странахъ, какъ Подолье, южная часть Кіевщины (Чоросче), Піосемье и нижнее Подесенье, гдѣ населеніе должно было постоянно бѣгать въ лѣса, а потому послѣднее постепенно выселяется изъ этихъ мѣсть: колонизация южно-русская во второй половинѣ XIII ст. направляется *на запад*—въ области галицко-волынскія и далѣе за Карпаты, *на сѣвер*—въ Польсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождающейся московской Руси. Галицко-волынскія области, какъ самая безопасная среди прочихъ южно-русскихъ областей, несомнѣнно привлекали славяно-русское

¹⁾ i kronika Ruska, стр. 50, по Повицкому «Очеркъ исторіи крестьянского сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ». Кіевъ. 1876 г., стр. 31.

¹⁾ Антоновичъ, «Исторія Великаго Княжества Литовскаго», стр. 147 и 149.

населеніе изъ другихъ районовъ, какъ въ видѣ князей¹), бояръ²), такъ и изъ среды рядового населенія. Извѣстенъ фактъ, что къ Да-ніилу бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкно-вешіе щадить при набѣгахъ и братъ въ плѣнъ ремесленниковъ³). Были въ галицко-волынскій землѣ и насильно переселенные южно-руssы изъ другихъ областей: по взятію и разрушеніи Дзвягля, Даниилъ »*моде изведе и вдастъ я на падѣль ово брату, ово же Львови, другия Шварнови*«⁴). Благодаря переселенію славяно-руss-каго населенія въ предѣлы галицко-володимірской территории, эта область со временемъ монгольского нашествія удерживаетъ за собою преимущественное название „Руси“, „Русской земли“.

Другимъ пунктомъ, куда направилась тогда же колонизація южныхъ славяно-руssовъ, были области литовскихъ поселеній⁵). Славяно-руssы »утиснени, по выраженію г. Шараневича, подъ яр- момъ татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои от- щѣства и переходили въ великомъ множествѣ въ сосѣдственную Литву, строили себѣ жилища и православныя церкви и распространяли свои поселенія далеко за правый берегъ Віліі въ самую глубь Жмууди⁶).«.

Чѣмъ далѣе къ XIV в., тѣмъ нацлыvъ русскаго населенія возрасталь, особенно въ ятвяго-руssкой области⁷), пынѣшней малорусской части Гродненской губерніи.

¹) »Князѣ зъ роду Ольговичей, черниговскій, Василій и Мстиславъ Глѣбово- вичи бѣжали передъ татарами въ Галицко Володимірскую Русь и вступили въ службу Давила. Мы срѣтили ихъ яко воаждей и хоробрыхъ борцей въ ополченії Давила передъ Ярославлемъ«. Шараневичъ, стр. 92.

²) Галицкіе бояре »войшли съ черниговскими боярами въ порозумѣніе, призвали ихъ въ Галичъ и пороздавали боярамъ и хлопцамъ княжескіе города п області«. Шараневичъ, стр. 84.

³) Дашкевичъ, стр. 93.

⁴) Ипатск. лѣт. 1258 г., стр. 556.

⁵) Ibid., 1259 г., стр. 558.

⁶) »Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края«, XXVI.

⁷) Акты, изданные комиссией въ Вильнѣ, т. I, стр. 2—Шараневичъ, стр. 118.—Кукольникъ, »Историческія замѣтки о Литвѣ«. Вильна. 1864 года, стр. 10.

⁸) Кукольникъ, стр. 37. »Историческія замѣтки о Литвѣ«.

Менѣе интенсивно переходило южно-русское населеніе въ сѣверо-восточную Русь, которая тогда еще сама страдала отъ татарскихъ и другихъ бѣдъ и не могла представить прочной гарантіи въ безопасности населенія. Главнымъ образомъ въ сѣверо-восточную Русь перешло то южно-русское населеніе чернигово-сѣверской области, которое не успѣло укрыться за Днѣпръ¹⁾; изъ другихъ частей южной Россіи переселялось туда главнымъ образомъ высшее духовенство, князья и бояре. Въ 1299 г. татаре творили великое насилие въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не могъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ клиросомъ своимъ и со всею службою своею отошелъ черезъ Брянскъ и Суздаль во Владимиръ Клязменскій²⁾). Въ началѣ XIV в. вызванъ былъ московскимъ княземъ на службу кіевскій вельможа Родіонъ Несторовичъ, вышедший съ 1700 *княжатъ и дѣтей боярскихъ*³⁾). Къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины запустѣли и нѣть признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ курской губерніи⁴⁾, въ степномъ районѣ черниговской и полтавской по Сулѣ, Сейму и нижней Деснѣ⁵⁾; почти въ такомъ-же состояніи оказались и степные области кіевской, волынской и подольской губерній. Въ выше лежащихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ населеніе пополнялось притокомъ новой колонизаціи, но оно постоянно и систематически въ свою очередь разрѣжалось⁶⁾ спорадическими набѣгами татарскихъ ордъ⁷⁾, которыхъ похищали, рѣзали, палили, раззоряли⁸⁾.

Кромѣ измѣненія направленія южно-русской колонизаціи, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, а чрезъ это насильственнаго задержанія славяно-руссовъ въ томъ районѣ ихъ

¹⁾ Шараневичъ, стр. 120 и 124.

²⁾ Максимовичъ, т. I, стр. 136.

³⁾ Багалѣй, стр. 308.

⁴⁾ Германовъ, стр. 2; Багалѣй, Ibid.

⁵⁾ Въ 1283 г. по отшествію Телебузинѣ и Іогаевѣ Левъ князь сочте, колко погибло во его землѣ людей, что пепмано, избито и что путь Бююю воюю измерло полътретинадесять тысячъ⁸⁾. Ипатск. лѣт., стр. 589.

⁶⁾ Въ 1253, 1258, 1259, 1260, 1261, 1277, 1281, 1283 годахъ и т. д.

⁷⁾ Шараневичъ, стр. 88.

территорії, ізъ котораго они постоянно стремились разселиться внизъ по течению пересѣкающихъ ихъ страну рѣкъ,—монгольская эпоха оказала и другія вліянія на этнографическая судьбы коренного нассленія. Прежде всего въ это время докончилось то этнографическое объединеніе южно-руссовъ, процессъ котораго отмѣтили уже мы въ періодъ княжескихъ междоусобій. Политические областные центры или исчезли совершенно, или же ослабѣли до неузнаваемости (Черниговъ, Киевъ, Каменецъ и пр.), княжеские роды, поддерживавшіе традицію удѣловъ и областей, ступевались передъ монголствомъ сарайского правителя Руси и силою волыно-галицкаго рода, наконецъ перемѣщеніе населенія, обитаніе его на сравнительно меньшей терраторіи, слѣдовательно подъ менѣе разнообразнымъ вліяніемъ разъединяющихъ географическихъ условій, и единеніе въ виду общаго врага—монголовъ—все это неизбѣжно служило въ теченіи почти столѣтія монгольской эпохи къ стиранію областныхъ особенностей въ южныхъ славяно-русахъ. Тогда-же заложено было и основаніе той оригинальности въ сословномъ организмѣ южно-руссовъ, съ какою они существуютъ и въ наше время—это отсутствіе національного городскаго сословія. Какъ мы уже и говорили, при нашествіи монголовъ главнымъ образомъ пострадали города и городское населеніе, такъ что XIII в. можетъ быть обозначенъ, какъ періодъ упадка южно-русскихъ городовъ по преимуществу, ибо возникавшіе въ волыно-галицкой землѣ и достигшіе цвѣтущаго состоянія города не имѣли, какъ увидимъ, этнографическихъ чертъ коренного населенія. Въ разрушившихъ и обезсиленыхъ городахъ погибло нарождавшееся ремесленно-торговое населеніе, исчезли дружины княжескія и ослабѣло мѣстное духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены или устремились на другія цѣли¹⁾); задержано было материальное и умственное процвѣтаніе въ южной Руси и само собою пріостановилось »широкое развитіе русскаго слова«²⁾). Наконецъ занявшие своими кочевьями нижнее теченіе главныхъ рѣкъ южной Россіи: Днѣпра, Буга и Днѣстра монголы прекратили живыя и разнообразныя спошениа южно-русскаго населенія

¹⁾ Житецкий, стр. 49.

²⁾ Ibid., стр. 276.

съ греческимъ византійскимъ міромъ, а черезъ это увеличилось сношениe и взаимодѣйствiе славяно-руссовъ между германо-романскимъ міромъ, пивеллируемымъ тогда особенно римскимъ католичествомъ. Древняя Русь (что мы уже видѣли) вообще не чуждалась запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношения, но особенно часты были сношения, конечно, въ пограничныхъ съ нимъ Галиціи и Волыни. Съ сосредоточенiемъ политической жизни южной Руси въ этихъ областяхъ и съ прекращенiемъ уравновѣщающаго значенiя въ торговлѣ и въ политическихъ связяхъ и сношенияхъ Византіи, западъ приобрѣтаетъ особенную силу. Къ тому же западная Европа въ это время для населенiя южно-русскаго не только стала просвѣтительнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ, по представляла изъ себя и ту политическую силу, на которую только и можно было разсчитывать, какъ на опору противъ нападенiя монголовъ: на послѣднее особенно указываетъ известная исторiя сношений Даниила Галицкаго съ папою¹⁾). Если въ XIII в. и не видно еще особыхъ результатовъ этого западно-европейскаго вліянiя на южную Русь, то во всякомъ случаѣ въ это время создались тѣ условiя, которыми впослѣдствiи воспользовались западно-европейскiе элементы для своего воздействиia на южно-русское населенiе: культура края начала съ этого момента развиваться подъ западнымъ вліянiемъ²⁾ и въ ростѣ ея культурномъ и сословномъ нельзя не замѣтить параллелизма съ западной Европой.

Таковы общiе результаты вліянiя монгольского нашествiя на этнографическiя судьбы южной Руси; что-же касается до этнологического взаимодѣйствiя татаръ и южно-руссовъ, то обѣ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Ир. Житецкiй.

(Продолженiе въ с.м.д. книжкѣ).

¹⁾ Данилевичъ, стр. 95, 99, 102.

²⁾ Ibid., стр. 94.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКОГО КОЗАЧЕСТВА.

Не возможно излагать историю запорожского козачества, не касаясь истории южно-русского козачества вообще. Запорожское козачество составляет только частный фактъ въ явлениі южно-русской козачини; обособилось оно въ отдѣльный типъ только послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ этой послѣдней.

Поэтому, прежде чѣмъ станемъ изслѣдоватъ причины и условія, подъ воздействиемъ которыхъ сложилось запорожское козачество, намѣтимъ въ общемъ главнѣйшія черты, характеризующія все южно-русское козачество.

Козачество—явленіе общерусское. Съ XV вѣка встрѣчается оно на территорії какъ московской, такъ и литовской Руси. Слово »козакъ«, перешедшее отъ татаръ и обозначавшее у нихъ нижний классъ свободнаго военнаго сословія, не вездѣ въ русско-славянскомъ мірѣ выражало одно и тоже понятіе. Можно установить два различныхъ значенія этого слова. Оно обозначало человека свободнаго, исполняющаго обязанности военной пограничной службы: таковы были козаки, упоминаемые въ лѣтописи въ началѣ XV вѣка въ рязанской землѣ¹); такое-же значеніе имѣли известные съ послѣдней четверти XVI столѣтія донскіе козаки²). Но было и другое значеніе слова »козакъ«: оно обозначало еще свободнаго мелкаго земельнаго собственника. Такъ, изъ доку-

¹⁾ Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 192, годъ 1444.

²⁾ Kronika Bielskiego, Kraków, 1597 г. 719 стр.

ментовъ, относящихся къ 1530-мъ годамъ, видно, что въ смоленской области были козаки—свободные хлѣбопашцы, бѣжавшіе изъ московскаго государства, изъ подъ Торопца, въ Литву¹⁾). Число козаковъ въ смоленской области было значительно. Во время войны Цольни съ московскимъ государствомъ въ 1580 году Филонъ Кмита, бывшій въ то время воеводой смоленскимъ, дѣйствовалъ противъ московскихъ войскъ, имѣя у себя до 2,000 козаковъ, набранныхъ въ смоленской области²⁾). Такіе свободные мелкіе землевладѣльцы, по недостаточности земельныхъ участковъ, нерѣдко занимались различными торговыми промыслами, а главнымъ образомъ извозомъ соли. Иногда они бралисъ и за другія занятія. Такъ, въ XVI вѣкѣ козаками назывались свободные рабочіе на волжскихъ судахъ³⁾). Упоминаются также въ XVI вѣкѣ полоцкіе козаки: эти, какъ и тѣ, что находились въ смоленской области, были prawdopodobno мелкими земельными собственниками, отправлявшими въ случаѣ надобности военную службу. Козаки полоцкіе въ 1579 г. овладѣли небольшимъ московскимъ укрѣпленіемъ Нещердою⁴⁾). Такимъ образомъ, какъ въ московской, такъ и въ литовской Руси, въ областяхъ порубежныхъ, принадлежавшихъ съ XV вѣка то тому, то другому изъ этихъ центровъ русскихъ земель, были козаки не несшіе постоянной военной службы и представлявшіе собою малоземельное свободное сословіе.

Съ достовѣрностію можно полагать, что въ названныхъ русскихъ областяхъ козачество не имѣло исконнаго, въ татарскомъ смыслѣ наѣздническаго характера въ силу условій мѣста. Здѣсь русско-литовскія области примыкали къ русскимъ-же московскимъ областямъ; народъ осѣдлый былъ въ сосѣдствѣ съ народомъ осѣдлымъ-же; вооруженные столкновенія между великими княжествами московскимъ и литовскимъ происходили не часто. Такимъ образомъ козаки здѣсь были обставлены совершенно другими условіями, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, которыхъ были въ сосѣдствѣ съ кочующими татарами. Въ этихъ послѣднихъ земляхъ татары могли явиться для грабежа и опусто-

¹⁾ Арихъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I-й, № 105.

²⁾ Kronika Bielskiego, 775.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. IX, изд. 1870 г.

⁴⁾ Kronika Bielskiego, 768 стр.

шений во всякое время; поэтому тамъ необходимы были козаки—воины. И козачество въ такихъ земляхъ действительно являлось козачествомъ въ подлинномъ, татарскомъ смыслѣ этого слова. Козаки здѣсь всегда должны были быть на готовѣ отражать татарскія вторженія; при томъ же они, отплачивая татарамъ тѣмъ же, естественно могли предпринимать набѣзы и на татарскія земли¹).

Такимъ образомъ татарское слово «козакъ», перенесенное на русскую почву для обозначенія факта, по всейѣ вѣroятности аналогичнаго съ тѣмъ, какой обозначался этимъ словомъ у татаръ, съ теченіемъ времени въ русскихъ земляхъ двоится въ своеѣ значеніи. Козаки въ земляхъ, открытыхъ для нападенія татаръ, составляютъ особое военное сословіе; въ другихъ-же земляхъ пограничныхъ, гдѣ паличная условія не требовали ни защиты, ни нападеній, козаками назывались просто свободные мелкие собственники, случайно принимавшіе участіе въ войнѣ. Слово «козакъ» теряетъ здѣсь свой первоначальный смыслъ; подлинное козачество, если и было когда-нибудь въ этихъ земляхъ, къ концу XVI вѣка отошло въ область преданія; реальная условія жизни обратили козаковъ въ обыкновенныхъ свободныхъ поселянъ, которые помимо указанныхъ уже занятій являлись иногда въ литовской Руси въ качествѣ иррегулярныхъ отрядовъ при войсکѣ. Такъ, въ 1581 году, при движениі войска Рѣчи-Посполитой подъ Ржевъ, козаки вмѣстѣ съ татарами, расположившись по обѣ стороны главной арміи, одни по одной сторонѣ, другіе по другой, опустошали непріятельскую землю²). Кроме того, козаки въ литовской Руси состояли иногда на службѣ у частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми выступали и въ походы. Такъ Бѣльскій, перечисляя военные силы Рѣчи-Посполитой, участвовавшія въ походѣ подъ Данцигъ, упоминаетъ о козакахъ Струсевыхъ, Темрюковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ³).

Что-же касается характера южно-русского козачества, уже существующаго въ концѣ XV в. въ южныхъ порубежныхъ земляхъ литовской Руси, то козачество это принадлежало къ первому типу

¹) Kronika Bielskiego, 719 стр.

²) Тамъ-же, стр. 783.

³) Тамъ-же, стр. 746.

козачини въ русско-славянскихъ земляхъ. Южные украинныя земли литовской Руси, граничившія съ татарами, подвергались постояннымъ вторженіямъ этихъ постѣднихъ, и потому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ русско-славянского міра, гдѣ нужно было вести борьбу съ татарами, должно было возникнуть козачество. Но помимо вліянія этой главной причины, южно-русское козачество складывалось и развивалось еще подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ факторовъ, сообщившихъ ему особую физіономію. Особенности мѣста его распространенія, особенности внутреннихъ распорядковъ великаго княжества литовскаго, въ предѣлахъ котораго оно возникло, и наконецъ этнографическая особенности юго-западныхъ русскихъ славянъ обусловили собою особый бытъ и особый внутренний строй южно-русского козачества. Благодаря именно этимъ частнымъ условіямъ, оно со ступени незначительного сословія, жившаго промыслами и войной съ татарами, поднялось на высокую ступень цѣлаго народа, ознаменовавшаго себя многими знаменитыми дѣяніями и имѣвшаго свою славную исторію.

Плодородныя южныя окраины литовской Руси, обезлюженныя татарскими нашествіями, въ XV вѣкѣ представляли степную полосу и лежали почти пустопорожними. Въ это время очень немногія мѣста степной полосы были заселены. Значеніе прежнихъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь городовъ пало; населеніе виѣ городовъ не существовало вовсе. Все населеніе края въ эту пору сосредоточивалось только въ немногихъ городахъ—острогахъ. Такими городскими укрѣпленіями въ концѣ XV в. были Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Хмельникъ, Баръ, Винница и Брацлавъ; только въ половинѣ XVI в. возстановлены еще два: Звенигородъ и Переяславъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были довольно оригинального происхожденія. Такъ городъ Черкасы построенъ при Витовтѣ¹⁾), который осадилъ здѣсь пятигорскихъ черкасы, выведенныхъ съ крайнаго юговостока Европы²⁾). Каневъ же около этого времени заняли выходцы изъ нынѣшней Полтавщины, совершиенно беззащитной въ

¹⁾ Въ описаніи каневского замка неточно сказано при Гедиминѣ.

²⁾ Описаніе каневского замка; рукопись литовской метрики; Антоновичъ, Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, стр. 62—63.

то время противъ татарскихъ вторженій¹⁾). Къ каждому изъ городовъ, находящихся въ степной полосѣ, были приписаны громадныя пространства земли, которыя въ началѣ XVI в. оставались совершенно пусты. Немногочисленное населеніе этихъ городовъ, большою частію мѣщане, занималось промыслами и торговлею; только въ лѣтнее время расходилось оно по этимъ землямъ на промыслы зѣбринные, рыбные и бобровые. Между тѣмъ плодородная степная полоса литовской Руси не могла оставаться безъ насельниковъ: населеніе, оставившее прежде этотъ край вслѣдствіе грозныхъ татарскихъ нашествій, въ лицѣ своихъ потомковъ такъ или иначе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ближайшихъ причинъ, должно было спась занять его. Въ дѣлѣ вліянія мѣста распространія южно-руssкаго козачества на его отличительныя черты важное значеніе имѣло то обстоятельство, что за такъ называемой Украиной, т. е. за староствами черкасскимъ, каневскимъ, бѣлоцерковскимъ, хмельницкимъ, барскимъ, винницкимъ, брацлавскимъ, авенигородскимъ и Переяславскимъ, въ сторону юга, лежали обширныя степи, совершенно дикия, безъ малѣйшихъ признаковъ осѣдлого существованія обитателей. Этотъ обширный край, протянувшійся отъ Орели, Тясмина и Синюхи до самаго Чернаго моря, былъ обладаемъ татарами, если только обладателями можно считать полудикия татарскія орды, безпрерывно менѣяющія свои кочевья и главнымъ образомъ занимавшія южный, примыкающій къ Чёрному морю край этого степного пространства. Природныя богатства степей и то обстоятельство, что онѣ неустойчиво были занимаены татарами, издавна привлекали сюда энергичныхъ насельниковъ Украины. Какъ можно заключать изъ документальныхъ данныхъ, движеніе украиннаго населенія направилось сюда задолго до 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія²⁾). Обширность этого края, близость татаръ и относительная немногочисленность являющихся сюда поселенцевъ обусловили собою своеобразный полукучевой характеръ колонизаціи, нашедшей здѣсь примѣненіе. Южная украиннага земли литовской Руси начали вновь заселяться съ XV вѣка. Главной причиной, вызывавшей это заселеніе, было то, что въ русскихъ

¹⁾ Описание каневского замка. Рукопись литовской метрики.

²⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 195.

областяхъ великаго княжества литовскаго, еще со времени правления Витовта постепенно происходит переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Тотъ принципъ земельнаго владѣнія, который въ продолженіе вѣковъ существовалъ въ западно-русскихъ земляхъ, началъ колебаться подъ влияніемъ литовскаго государственного принципа. Центральная власть великаго княжества литовскаго не считаетъ земли собственностью общины, какъ это было въ русскихъ земляхъ прежде, а смотрить на землю, какъ на достояніе государства и раздаетъ ее тѣмъ, которые несутъ военную службу. Естественно, что при феодальномъ распорядкѣ, правоспособными нести военную службу скоро оказались только высшій и средній классы и поземельные отношенія, регулируемыя литовскимъ феодальнымъ государственнымъ принципомъ, должны были вызвать стѣсненіе крестьянскаго сословія въ правѣ пользованія землею, повлекшее за собою постепенное обезземеленіе онаго. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ развитію козачества на южномъ рубежѣ этого княжества. Крестьяне, теряя земельные права внутри государства, могли свободно пользоваться ими на южныхъ окраинахъ этого-же государства. Дѣло въ томъ, что западно-русскія земли мирнымъ путемъ соединились съ собственною Литвой подъ властію князей литовскаго корня и вытекавшій изъ литовскихъ юридическихъ понятій феодализмъ реформировалъ только поземельные отношенія, вовсе не касаясь сословныхъ; вслѣдствіе этого крестьяне въ западно-русскихъ областяхъ, теряя прежнее право на землю, не теряли личной свободы и безпрепятственно на первыхъ порахъ могли переходить съ мѣста на мѣсто. Если крестьяне оставляли мѣста прежнаго жительства, то въ этомъ случаѣ съ государственной точки зрѣнія не страдали ничьи интересы, и у правительства великаго княжества литовскаго не было побудительныхъ причинъ препятствовать крестьянскимъ передвиженіямъ. Напротивъ, для государства могло казаться выгоднымъ, чтобы безлюдная степная полоса, граничившая съ татарами, заселялась. Государство нуждалось въ защитникахъ страны отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ. Военные силы великаго княжества литовскаго, по тогдашимъ условіямъ военной организаціи, не были вполнѣ пригодны для этого дѣла. Въ

великомъ княжествѣ литовскомъ въ XV вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, а вооруженные контингенты поставлялись лицами, несущими обязанности военной службы, всякий разъ по особому распоряженію центральной власти. Если взять въ соображеніе, что такие военные контингенты не могли быть выставлены вдругъ, а татарские набѣги совершились внезапно, то ясно, что для обороны страны отъ татарскихъ вторженій нужны были иные защитники.

Еще одинъ фактъ внутреннихъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ способствовалъ тому, чтобы крестьяне, уходившіе изъ центральныхъ западно-русскихъ областей въ степную Украину, взяли на себя дѣло защиты страны отъ татарскихъ вторженій. Мы имѣемъ въ виду особенность экономического строя въ этомъ княжествѣ, продолжавшуюся до люблинской унії (1569 г.). Особенность эта заключалась въ томъ, что земледѣліе здѣсь составляло второстепенную вѣтвь хозяйства, державшагося главнымъ образомъ на лѣсномъ промыслѣ. Поэтому украинные черноземные, пригодныя наибольше для пахоти земли въ данное время цѣнились весьма низко, и лица привилегированныхъ сословій, имѣющія права на владѣніе землей, старались получать себѣ земельные участки преимущественно въ центральныхъ областахъ великаго княжества литовскаго, гдѣ характеръ мѣстности былъ лѣсной или болотистый¹⁾). Такъ какъ лица привилегированныхъ сословій избѣгали брать земельные участки въ Украинѣ, а между тѣмъ военные силы здѣсь вслѣдствіе близости татаръ были необходимы, то правительство великаго княжества литовскаго на украинскихъ поселенцевъ возлагаетъ всѣ виды военной службы. Всѣ насељники украинскихъ городовъ отбываются то нѣкоторыя, то всѣ существующія въ краѣ повинности воинскія. Они поставляютъ стражу «замковую», «городовую», «польную», они обязаны преслѣдовывать уходящихъ съ добычею татаръ и предпринимать вмѣстѣ съ старостами или ихъ помощниками походы въ татарскія земли²⁾.

Что же касается особенностей этнографическихъ элементовъ, оказавшихъ влияніе на складъ южно-русского козачества, то нужно

¹⁾ Антоновичъ, Исторические дѣятели юго-западной Россіи, стр. 2.

²⁾ Описания украинскихъ замковъ; рукопись литовской метрики.

сказать, что элементы эти коренились глубоко въ жизни юго-западныхъ русскихъ славянъ, восходили къ отдаленнымъ преданіямъ киевской Руси съ ея общиннымъ началомъ, вѣчемъ и другими основами прежняго общественаго устройства. Западно-русскія и южно-русскія земли, примкнувшія при Гедиминѣ и Витовтѣ къ литовскому центру, не могли, какъ мы уже отчасти видѣли на фактѣ переустройства земельныхъ отношеній, не подвергнуться чуждому вліянію господствующаго государственного племени. Козачество южно-русское и въ лицѣ тѣхъ выходцевъ изъ центральныхъ западно-русскихъ земель въ степную Украину, которые имѣли къ козачеству лишь косвенное отношеніе, въ смыслѣ подготовительного материала, и въ лицѣ уже прямо относящихся къ нему козаковъ украинскихъ, которые козаковали «на полѣ» за промыслами и на «низу» въ татарскихъ поселеніяхъ, было протестомъ противъ распорядковъ въ великому княжествѣ литовскомъ. Какъ протестующій элементъ, козачество естественно стремилось найти новые устои для общественной жизни и очутившись на пустопорожніхъ земляхъ, вѣй сильнаго давленія государственного строя и основанныхъ на немъ распорядковъ, могло оживить померкшіе идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправления, общественаго устройства.

Полки въ Украинѣ, курени въ Запорожье, рады войсковыя—это такія формы общественныхъ отношеній, которыхъ могли возникнуть въ южно-русскомъ козачествѣ именно путемъ возвращенія къ преданіямъ вѣчевой и общинной древней Руси,—путемъ обнаружения и осуществленія таившихся въ душѣ народа его завѣтныхъ идеаловъ.

Такимъ образомъ съ XV вѣка часть степной полосы великаго княжества литовскаго, воеводство брацлавское и южная часть воеводства киевскаго, заселяется поселенцами—воинами, послужившими основой для имѣющаго здѣсь развиться и разцвѣсти козачества южно-русскаго. Земли, прежде опустошенныя грозой татарскихъ нашествій, вновь принимаютъ населеніковъ. Западно-русская и южнорусская народности, реагируя на татарскія вторженія, примѣняясь къ условіямъ своего быта, выдѣляютъ каждая свои элементы для козачества.

Козаки украинные, какъ видно изъ документовъ, относящихся къ самому началу второй половины XVI в.¹⁾), составляютъ въ украинскихъ староствахъ особое сословіе, отличное отъ сословія такъ называемыхъ бояръ и мѣщанъ. Первоначальные украинные козаки представляли въ степной полосѣ бродячій элементъ, не имѣющій постоянной осѣдлости. Время отъ времени они появлялись въ украинскихъ городахъ въ качествѣ временныхъ посѣтителей. Въ описаніи черкасского замка, 1552 года, читаемъ: «окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бывають у нихъ (т. е. у черкасцевъ) прихожые козаки; сее зимы было ихъ разомъ о поль-третиаста». Точно также въ описаніи каневского замка, относящемся къ тому же времени, значится: «а кромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ не равно завжды, але яко которыхъ часовъ». Въ описаніяхъ украинскихъ замковъ мы встрѣчаемъ указанія и на родъ занятій козаковъ. Тамъ говорится, что если черкасцы, или каневцы, или козаки добудуть въ землѣ непріятельской такъ называемые «бутынки», т. е. добычу, то обязаны давать старостѣ по его выбору одно что-нибудь лучшее изъ плѣнниковъ («языковъ»), коней или другихъ какихъ-нибудь предметовъ. Есть и другое указаніе на занятія козаковъ. Въ описаніи каневского замка въ томъ мѣстѣ, где говорится о городскихъ уходахъ (владѣніяхъ) на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ теперешней Полтавщинѣ, прибавляется еще слѣдующее: «переказа уходомъ онимъ свѣрскими тыхъ часовъ не только отъ татаръ, а большъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичне тамъ живуть на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свѣлотовъ (?) и сытять тамъ собе медь, яко дома». Сверхъ того не будетъ, кажется, натяжкой относить къ козакамъ и слѣдующее мѣсто изъ указанного уже описанія черкасского замка: «указаль (составлявшимъ описаніе) тежъ староста служебниковъ своихъ ездно зъ броней 50 молодцевъ пріездъчихъ, а тutoшихъ черкасцевъ и каневцевъ, которые ему съ дѣтку служать—11... Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о «почетѣ служебниковъ старостныхъ», т. е. о числѣ лицъ, которые состоять на службѣ у старости въ качествѣ добровольцевъ. Мы видѣли уже, что были козаки Струсевы, Темрюковы и т. д. По довольно точной анало-

¹⁾ Тамже.

ті можно считать и этихъ служебниковъ старостиныхъ козаками. Въ пользу такого пониманія черкасскихъ »служебниковъ старостиныхъ« можно указать еще на то, что эти служебники выдѣлены въ описаніи отъ городскихъ служебниковъ вообще, имѣющихъ названіе драбовъ, которыхъ въ Черкасахъ было 100, и съ которыми ротмистръ Петъ Розбискій »ново тамъ присягнулъ«. Выдѣлены старостины служебники изъ »почета служебниковъ« въ особый »почетъ«, правдоподобно не потому только, что тѣ были пѣши, а эти конные, во и потому, что тѣ были обычнымъ войскомъ, дисциплина которого была точно опредѣлена, а эти были охочимиъ, »прѣїзжими« войскомъ, которое—хотѣло—служило, хотѣло—нѣть, т. е. было именно такимъ, какимъ козачество являлось всюду и всегда.

Первоначальное козачество, какъ особое сословіе въ украинскихъ староствахъ, характеризуется въ »Описаніи украиныхъ замковъ« еще слѣдующими важными указаніями. Въ описаніи черкасского замка говорится, что городу принадлежать нѣкоторая озера, и затѣмъ прибавляется: »А ходять озеръ тыхъ волочити козаки съ Черкасъ«. Въ томъ-же описаніи говорится: »козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и ты даютъ старосте колядки (подать, взимаемая передъ Рождествомъ) по 6 грошей и сена косать ему по два дни толоками за его стравою и за медомъ. А которые козаки, не уходячи у козацтво на поле, а на рекою у пизъ, служать въ местахъ бояромъ або мещаномъ, тыи колядки давати, або сена косити по повинни«. Изъ описанія-же каневскаго замка видно, что городскими уходами козаки пользовались на правахъ половинниковъ, т. е. имъ доставалась только половина того (рыбъ, бобровъ, меду), что они приобрѣтали въ этихъ уходахъ; остальная же половина отдавалась старостѣ.

Такимъ образомъ первоначальные украинные козаки характеризуются слѣдующими чертами: они, не имѣя осѣдлости, передвигаются съ мѣста на мѣсто и ютятся главнымъ образомъ или въ степи, где они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, занимаются человодствомъ, или на низовьяхъ Днѣпра, где они сверхъ этого еще грабятъ татаръ; кроме того козаки — самый маломощный въ имущественномъ отношеніи классъ свободныхъ людей: они обязаны отбывать городскія повинности (колядка и толока), подъ-

часть являются въ услужении у городскихъ бояръ и мѣщанъ, иногда ловить рыбу на старосту въ принадлежащихъ городу озерахъ или въ качествѣ половинниковъ пользуются городскими уходами.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ козачество становится фактотъ все болѣе и болѣе крупнымъ, явленіемъ все больше и больше замѣтнымъ. На пути къ козачеству, въ силу условій мѣста, находилось не мало лицъ и изъ украинскихъ бояръ и мѣщанъ. Несколько повинности сторожевой службы, выдерживая частыя нападенія татаръ, постоянно воюя съ ними и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ войны, какъ-то: пѣшу, потерѣ семьи и имущества, украинское боярство и мѣщанство въ свою очередь изъ среды себя выдѣляло людей, для которыхъ война являлась привычкою и какъ-бы потребностію жизни и которые становились козаками, т. с. людьми не имѣющими опредѣленной осѣдлости, а, какъ уже сказано, про-мышляющими то «въ полѣ», то на низовьяхъ Днѣпра.

Украинское козачество въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ сторонъ значительно видоизмѣнилось. Имѣя недостаточно ясную начальную исторію, которую мы посильпо прослѣдили, козачество украинное обособилось потомъ въ два опредѣленные типа: козачество собственно украинное, такъ называемое городовое, и козачество низовое, въ собственномъ смыслѣ запорожское.

Что касается времени возникновенія запорожского козачества, какъ особаго типа, то оно явилось въ концѣ XVI столѣтія. До этого времени запорожского козачества въ собственномъ смыслѣ не было, было только украинское козачество вообще. Отдельные лица или группы изъ этого козачества, то київскіе, то черкасскіе, то бѣлоцерковскіе и т. д. козаки, а иногда и мѣщане съ боярами украинныхъ городовъ, время отъ времени для промысловъ и для вторженій въ татарскія и турецкія земли отправлялись на низовья Днѣпра, за пороги. Но эти козаки только временно козаковали на Запорожье, устойчивая же запорожская община возникла послѣ цѣлаго ряда измѣнений въ судьбѣ украинскаго козачества,—она явилась только тогда, когда нѣкоторые эле-

менты силою обстоятельствъ должны были оторваться отъ остального козачества.

Какъ и вслѣдствіе чего проявились въ украинномъ козачествѣ элементы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для возникновенія особаго запорожскаго товариства, можно видѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ начальной поры украиннаго козачества. Такъ, съ конца XV в. можно прослѣдить, хотя на первыхъ порахъ и нѣсколько не ясно, двоякое движеніе украиннаго козачества въ сторону Запорожья,—военное и промысловое. Въ 1489 году Янъ Ольбрахтъ, сынъ Казимира IV, впослѣдствіи король польскій, преслѣдовалъ ворвавшихся въ Подолію татаръ; его войску передъ вели козаки, какъ хорошо знающіе мѣстность, по которой приходилось преслѣдовать татаръ. Преслѣдованіе совершалось до Савраны, притока Буга¹⁾.

О промысловомъ движеніи въ сторону Запорожья украиннаго козачества можно заключать уже изъ грамоты великаго князя литовскаго Александра, выданной въ 1499 году Кіеву съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ этой грамотѣ говорится между прочимъ, что если козаки привезутъ рыбу съ низу, то братъ съ нихъ поплину²⁾.

Затѣмъ съ 1508 г. начинается цѣлый рядъ походовъ, предпринимаемыхъ съ участіемъ козаковъ противъ татаръ, иногда во главѣ украинныхъ старостъ и ихъ помощниковъ, а иногда и подъ предводительствомъ просто отважныхъ лицъ, выступавшихъ въ походъ по личной иниціативѣ. Такъ кн. Константина Ивановича Острожскаго, староста брацлавскаго и виленскаго, замѣчательный полководецъ своего времени, почти всю жизнь отражалъ съ козаками набѣги татаръ. Въ 1508 году³⁾ этотъ Острожскій разбилъ на голову загонъ татаръ, громившихъ пограничныя области литовской Руси, а другой загонъ разбилъ Полюсъ Русакъ, славный козакъ, какъ говорить о немъ Бѣльскій. Затѣмъ 1512 г. Прецлавъ Ланцкоронскій, каменецкій староста, »собравши людей служебныхъ и иныхъ«, уничтожилъ загонъ татаръ, ворвавшихся въ южные пре-

¹⁾ Kronika Polska Bielskiego, стр. 476.

²⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 1.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 512.

дѣлы великаго книжества литовскаго. Эта орда была разбита совокупными усилиями козаковъ съ украинными насыльниками, надъ которыми начальствовалъ все тотъ-же Острожскій, и отрядомъ польскаго войска. Первыми ударили на враговъ козаки, при чёмъ Острожскому не малаго труда стоило убѣдить поляковъ, что сраженіе должны начинать козаки, хотя и »менѣе збройные«, но умѣющіе сражаться съ татарами, что въ сраженіи съ послѣдними должно стоять на первомъ планѣ¹⁾). Съ 1516 г., когда, по замѣчанію Бѣльского, при украинныхъ замкахъ служебныхъ людей стало больше²⁾), что онъ считаетъ за начало козаковъ, начинаются козацкіе походы въ татарскія и турецкія земли. Къ этому-же 1516 году относится походъ во главѣ Лапцкоронскаго, каменецкаго старосты, подъ Бѣлгородъ, откуда было привезено много татарской и турецкой добычи³⁾.

Затѣмъ въ 1528 году былъ предпринятъ подъ Очаковъ генеральный походъ во главѣ большинства украинныхъ старостъ: Лапцкоронскаго, въ это время старосты хмельницкаго, Остафія Дащковича, старосты черкасскаго, а также старосты винницкаго и брацлавскаго. Въ этотъ походъ татары были трижды разбиты; 30,000 головъ скота и 500 коней досталось козакамъ въ добычу⁴⁾.

Съ 1541 г. геросмъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли становится Бернатъ Претфицъ, староста барскій, по замѣчанію Бѣльского, достойный памяти всѣхъ поляковъ. Въ этомъ году онъ съ козаками и черемисами (?) преслѣдовалъ татаръ до самаго Очакова, и такъ-какъ захваченные въ русскихъ предѣлахъ въ оковахъ уже были отправлены моремъ изъ Очакова въ Кафу, то онъ отомстилъ »зnamenito« татарамъ и съ полономъ возвратился назадъ. Такой походъ предпринималъ онъ и на слѣдующій годъ⁵⁾.

¹⁾ Kronika Polska Bielskiego стр. 519.

²⁾ Тамъ-же, стр. 534.

³⁾ Тамъ-же, стр. 534.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 560.

⁵⁾ Тамъ-же, 582 стр.

Къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія относится козакованье князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. Деятельность его открывается съ 1556 года. Въ это время Вишневецкій, будучи предводителемъ козаковъ на пизовьяхъ Днѣпра, за порогами, построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и чрезъ козачьяго атамана Михаила Есковича былъ челомъ царю Ивану Грозному, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Царь прислалъ Вишневецкому «опасную» грамоту и жалованье¹⁾. Вишневецкій скоро послѣ этого, чрезъ того-же Михаила Есковича, названнаго на этотъ разъ Миской, искалъ протекціи у Сигизмунда Августа, короля польскаго и великаго князя литовскаго. Король, какъ видно изъ его грамоты, отправленной Вишневецкому въ 1557 году²⁾, хвалилъ его за военные подвиги, мужественную оборону вновь устроеннаго хортицкаго замка отъ хана перекопскаго, приказывалъ не нападать на владѣнія турокъ и татаръ, такъ какъ съ ними заключены мирные договоры, и особенно на пословъ крымскихъ, посыпалъ Вишневецкому и жалованье, желая привлечь его на свою сторону; по этой послѣдней предпочтель на сей разъ служить Ивану Грозному. Въ 1558 г. Вишневецкій оставилъ хортицкое укрѣпленіе, такъ какъ крымскій ханъ съ турками и волохами собирался вторично штурмовать оное, у негожъ, какъ писалъ онъ царю московскому, корму не стало и козаки его разошлись. Вишневецкій выступилъ изъ-за пороговъ и занялъ Черкасы и Каневъ; но Иванъ Грозный, вслѣдствіе мира съ великимъ княжествомъ литовскимъ, велѣлъ ему отступиться отъ этихъ городовъ и далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ³⁾. Недолго однако пробылъ Вишневецкій и въ Бѣлевѣ. Въ 1561 г., по ходатайству брата его, Михаила Вишневецкаго, старосты черкасскаго и каневскаго, Сигизмундъ Августъ посыпалъ Дмитрію Вишневецкому два «глейтовныхъ листа», дающихъ амнистію за самовольную отлучку изъ государства; при этомъ милость королевская мотивируется тѣмъ, что Дмитрій Вишневецкій поддавался московскому царю не для чего иного, какъ только для того, чтобы, узнавши «справы непріятеля», онъ могъ съ возможно большей пользой служить Рѣчи Посполитой⁴⁾. Король

¹⁾ Максимовичъ, 1-й т., 284 стр.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 130.

³⁾ Максимовичъ, т. I, стр. 289.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, №№ 142, 143.

объщаетъ Вишневецкому свою милость и всѣ вольности и свободы, которыми пользуются «иные княжата и пана»¹). Въ 1562 г. Вишневецкій, поддавшійся сперва татарамъ, а потомъ московскому царю, прибылъ въ отчество и былъ торжественно встрѣчаемъ громадными толпами людей²). Печальный конецъ постигъ Вишневецкаго въ 1563 г. Въ этомъ году онъ съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ пошелъ добывать обѣщанной ему короны молдавской, тамъ предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томажѣ и переданный отъ него туркамъ, былъ замученъ въ Константиополѣ³). Важнѣйшимъ дѣяніемъ козачества подъ властію Вишневецкаго было взятие города Исламъ Керменя (1556 г.), изъ которого были вывезены пушки во вновь устроенное хортицкое укрѣпленіе⁴).

Къ 1556 году относится также походъ днѣпровскихъ козаковъ подъ Очаковъ, предпринятый ими вмѣстѣ съ московскимъ дьякомъ Ржевскимъ; атаманами днѣпровскихъ козаковъ въ этотъ походъ были нѣкто Млинскій и Михайло Есковичъ, тотъ самый, который, приставъ потомъ къ Вишневецкому, былъ самымъ довѣреннымъ его лицомъ и отправлялся, какъ уже сказано, отъ его имени съ челобитьемъ къ Ивану Грозному и листами къ Сигизмунду Августу⁵.

Въ ряду наиболѣе крупныхъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли однаго стоитъ козацкій походъ въ Крымъ, за Переокопъ, 1575 года. Въ этомъ году воевода кіевскій, узнавъ, что татары переправляются черезъ Днѣпро съ цѣлью вторгнуться въ ближайшія южно-русскія земли, послалъ противъ нихъ кіевскихъ, черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Козаки, спустившись внизъ по Днѣпу на чайкахъ, близъ Чорнаго лѣса (при впаденіи Тясменя въ Днѣпръ), неожиданно напали на татарскую стражу въ нѣсколько сотъ человѣкъ и всю ее перебили. Татары показали видъ, что возвращаются назадъ въ свои земли, между тѣмъ громадной ордой переправившись чрезъ Днѣпро, начали страшно опустошать всю прилегающую къ Синявѣ мѣстность и, по словамъ Бѣльскаго, захватили въ полонъ около 50 тысячъ человѣкъ; тогда козаки съ вож-

¹) Тамъ-же, № 144.

²) Kronika Bielskiego, стр. 612.

³) Kronika Bielskiego, стр. 614.

⁴) Максимовичъ, I т., 289 стр.

⁵) Тамъ-же.

демъ своимъ Богданкомъ ворвались въ Крымъ, проникли за Черекопъ и въ свою очередь безщадно опустошили многіе татарскіе улусы¹⁾.

Эти самые крупные козачьи походы въ татарскіе и турецкіе предѣлы, занесенные въ хронику Бѣльского, не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ походовъ, которые предпринимались козаками въ земли татаръ и турокъ. Были, безъ сомнѣнія, и другія, не известныя для исторіи попытки проникнуть въ татарскіе и турецкіе предѣлы, предпринимаемыя по инициативѣ не должностныхъ лицъ, каковыми были украинные старости, а лицъ частныхъ, увлекаемыхъ желаніемъ добычи, жаждой найти удовлетвореніе личной удали, или наконецъ местью. Эти походы не только разширяли ряды козаковъ, но и служили для нихъ настоящей школой, гдѣ они входили во вкусъ своеобразнаго, чисто козацкого, способа вести войну, --военнаго ремесла и вырабатывались въ жѣлезныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ²⁾.

Но сколько ни предпринималось подобныхъ походовъ противъ татаръ, эти послѣдніе все-таки были грозой для значительной части пограничныхъ польско-русскихъ земель. Правительство Польши и Великаго Княжества Литовскаго постоянно было озабочено присоединениемъ радикального средства противъ татарскихъ вторженій, такъ какъ практиковавшіяся для этого средства не защищали страны. Въ городахъ и замкахъ иные вовсе уклонялись, другое, по особо уважительнымъ причинамъ, самимъ королемъ освобождались отъ обязанности ходить въ погоню за татарами³⁾). Самая эта повинность, лежавшая на южныхъ перубеждныхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, помимо ея обременительности, не приводила къ желаемой цѣли.

Въ 1533 году староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашковичъ, весьма опытный воинъ, побывавшій въ плену у татаръ и бѣжавшій изъ этого пленна (1523 г.)⁴⁾, мужественно обо-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 721 и 722.

²⁾ Надхенъ. Памятники о Запорожье, стр. 9.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 111.

⁴⁾ Миллеръ. Историческія сочиненія о Малой Россіи, стр. 3—4.

ронявшій черкасскій замокъ отъ осады крымскаго хана Сайдета (1531)¹), на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ проектъ защиты противъ татарскихъ вторженій, состоявшій въ томъ, чтобы на низовьяхъ Днѣпра находилась постоянная стража, тысячи въ двѣ человѣкъ, которые бы, разъѣзжая на чайкахъ, препятствовали татарамъ перевозиться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ двумъ тысячамъ Дацhevичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которые бы добывали въ окрестностяхъ («*obmyslali*») необходимые припасы, на мало доступныхъ днѣпровскихъ островахъ (вѣроятно за порогами: до пороговъ остроють на Днѣпрѣ очень мало) построить замки и завести поселенія. Предложеніе всѣмъ понравилось, но, какъ замѣчаетъ Бѣльскій, ничто изъ предложеннаго не было сдѣлано²).

Въ 1534 году въ вѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, Кіевщины и Брацлавщины, куда татарсѣ наїчаше предпринимали набѣги, оправлялись замки и окружались валами городскія поселенія. Работы производились подъ руководствомъ великаго гетмана Яна Тарновскаго, который находился съ частью своего войска въ Хмельникѣ; замокъ и городъ этого имени онь особенно укрѣпилъ³). Конечно, и это была мѣра въ ряду другихъ мѣръ; но какъ мало Польша и Великое Княжество Литовское были защищены противъ татарскихъ вторженій, видно изъ королевскаго листа 1546 г. къ литовскимъ раднымъ панамъ. Король пишетъ въ очень минорномъ тонѣ, печалуется на чрезмѣрную требовательность, высокомѣrie и гордость крымскаго хана; предлагаетъ раднымъ панамъ рѣшить, давать-ли требуемые «упоминки» крымскому хану, или «Бога на помочь взяв-

¹) Тамъ-же.

²) *Kronika Bielskiego*, стр. 563.

³) Тамъ-же, стр. 571.

‘) Не есть ли этотъ Янъ Тарновскій, гетманъ короны польской, двойникъ того явлнаго гетмана козаковъ, а по другимъ (Миллеръ) предводителя низовцевъ, имя котораго вѣкоторыя польскія лѣтописи, а за ними и козацкія ставятъ подъ 1534 годомъ, именно Венжика Хмельницкаго? Вопросъ напрашивается, такъ сказать, самъ собою: первая часть имени этого загадочнаго лица, *Венжикъ*, не есть собственно имя, а прозвание: *Венжикъ* уменьшительное отъ *шагъ*—укъ и относится къ внутренней характеристики лица, которое такъ прозвано. Вторая часть имени, *Хмельницкій*, до вѣкоторой степени основательно можетъ сближаема съ названіемъ замка *Хмельникъ*. Япа Тарповскаго съ Хмельникомъ сближаетъ не то

ши, воевать»; просить радныхъ пановъ отнестись серьезно къ рѣшѣнію этого вопроса и результатъ своей рады сообщить ему¹⁾.

Междуд тѣмъ само собою, народною жизнью, выдвигалось боязнь вѣрное средство для защиты края отъ татарскихъ вторженій въ увеличивавшемся все больше и больше числѣ мѣщанъ и бояръ въ украинныхъ поселеніяхъ на южномъ рубежѣ государства. Заселеніе Украины было въ интересахъ государства, поэтому украинные нацельники естественно должны были найти поддержку центральной власти государства. Обязанные постоянно быть на готовѣ, чтобы встрѣтить вторженія татаръ, прежде всѣхъ и больше всѣхъ терявши въ имущественномъ отношеніи отъ этихъ вторженій, они должны были стать въ особое отношеніе къ государству; въ свою очередь правительство Рѣчи Посполитой своими мѣропріятіями становилось пособникомъ выроставшаго въ Украинѣ козачаго сословія. Съ начала второй половины XVI вѣка можно прослѣдить цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ, фактически выдѣлявшихъ низший классъ населенія въ Украинѣ отъ этого-же класса въ осталѣномъ государствѣ. Такъ въ 1558 году окружною грамотою польскій король Сигизмундъ-Августъ освобождается мѣщанъ города Канева, какъ людей украинныхъ, отъ платежа за живность по всему великому княжеству литовскому. Льгота²⁾), данная каневцамъ, не была единственою; одновременно съ нею и послѣ нея подобныя и еще болѣе важныя льготы получаютъ мѣщане и другихъ украинныхъ городовъ. Къ тому-же 1558 году относится окружная грамота того-же короля, освобождающая мѣщанъ города Винницы отъ платежа »мыта« по великому княжеству литовскому, по случаю перенесенія ихъ поселенія подъ новый винницкій замокъ, и такая-

только, что онъ строилъ Хмельницкъ и некоторое время проживалъ въ немъ, а еще слѣдующее совпаденіе лѣтописныхъ сказаний: Бѣльский, говоря о столкновеніи съ татарами подъ Заславлемъ, называетъ предводителемъ польского войска Яна Тарновскаго; авторъ-же лѣтописи Самовидца, говоря объ этомъ-же самонѣ столкновеніи, называетъ предводителемъ на польской сторонѣ Венжика Хмельницкаго. Правдово-добно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Kronika Bielskiego, стр. 571; Лѣтопись Самовидца, стр. 2.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I, № 108.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 131.

же грамота въ пользу бояръ и мѣщанъ города Черкасъ, предоставляемая имъ, »какъ людямъ украиннымъ«, право беспошлинного проезда тѣхъ товаровъ, которые они имѣли при себѣ въ поѣздкахъ для покупки живности¹⁾). Въ 1559 году изданъ королевскій универсаль²⁾ въ пользу брацлавскихъ мѣщанъ, а въ 1571 г. жалованная грамота³⁾ жителямъ Бѣлой-Церкви. Мѣщанамъ этихъ послѣднихъ городовъ давались еще болѣе крупныя льготы, въ виду того, что татары »въ маєтностяхъ ихъ великия шкоды чинять и не мало братыи ихъ въ полонъ ведутъ«. Изъ жалованной грамоты жителямъ Бѣлой-Церкви видно, чѣмъ вызывались эти льготы и какія обязанности бѣлоцерковцы должны были исполнять за дарованныя имъ права: они должны были при постройкѣ бѣлоцерковского замка взять на себя надзоръ надъ рабочими и рабочимъ скотомъ, сверхъ того содержать караулы на поляхъ и шляхахъ и паконецъ, въ случаѣ приближенія непріятеля, давать знать и въ бѣлоцерковский замокъ, и королю. Такими актами обозначались заботы польского правительства о заселеніи степной украинной полосы. Въ 1571 г. попрось объ этомъ заселеніи подготавливается для обсужденія его »вольнымъ« сеймомъ варшавскимъ⁴⁾, а давая новымъ насељникамъ Украины различныя льготы, простирая олыш и на тѣхъ, которые »придутъ и осядутъ« около того или иного замка, заботясь о томъ, дабы люди »осѣдали и множились«, правительство польское прежде и болѣе всего имѣло въ виду отпоръ татарскимъ вторженіямъ.

Но не одними льготами украинскимъ насељникамъ правительство помогало образованію украинскаго козачества; къ тому-же проводили отрицательныя его мѣры. Такъ, поддерживая сначала украинныхъ мѣщанъ и бояръ, а впослѣдствіи насильственно подчинивъ ихъ юрисдикціи пановъ, оно вытолкнуло этихъ бояръ и мѣщанъ на путь вольныхъ, по собственному признанію, людей, козаковъ. Тоже можно видѣть и въ отношеніи правительства къ тѣмъ козакамъ, которые самовольно удалялись за пороги и нападая на татаръ и турокъ, навлекали гибель ихъ на Рѣчъ Посполитую. Въ

¹⁾ Тамъ-же, № 133.

²⁾ Тамъ-же, № 136.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I-II, № 160.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, стр. 174.

1540 г. такимъ послушникамъ изъ каневскихъ и черкасскихъ козаковъ Сигизмундъ-Августъ посыпалъ »глайтовый листъ«, которымъ гарантировалъ имъ безнаказанное возвращеніе къ оставленнымъ замкамъ.

Козачество росло, усиливалось и давало чувствовать свою силу и значение какъ соѣдѣніи врагамъ, такъ и собственному правительству. Запретительныя мѣры противъ козацкихъ поисковъ надѣ не-пріятелемъ показываютъ только, какъ трудно было положеніе въ этомъ дѣлѣ правительства польскаго. Въ грамотѣ 1541-го года подъ имъ маршалка князя Андрея Каширскаго король Сигизмундъ I, строго воспрещая козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы¹⁾), не-менѣе строго выговариваетъ украиннымъ властямъ за то, что они, не смотря на многократныя королевскія приказанія, не удѣрживаютъ украинныхъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія земли, а напротивъ того позволяютъ такие набѣги »для пожитковъ своихъ, добытыхъ козаковъ дѣлъ на полы съ ними«. Извѣщая украинныхъ урядниковъ, что ханъ крымскій строжайше требуетъ прекращенія вторженій въ татарскія земли и всякихъ другихъ »шкодъ« татарамъ отъ козаковъ, въ противномъ-же случаѣ угрожаетъ »свою головою« идти въ предѣлы Рѣчи Посполитой и надѣ украинскими замками вымѣстить татарскія потери,—король исчисляетъ вины козаковъ,—какъ около этого времени они произвели нападеніе на татаръ, идущихъ за добычою въ московскую землю, 20 человѣкъ изъ нихъ убили и захватили при этомъ 250 коней, какъ погромили крымскихъ гонцевъ въ Польшу при исправлѣніи черезъ Днѣпъ и »статки« ихъ побрали, какъ ограбили гонцевъ казанскаго хана и какъ нападая много разъ на кочевья соѣдніихъ татарскихъ ордъ, людей убивали, скотъ захватывали въ добычу и пр. Тщетно впрочемъ Сигизмундъ въ той-же своей грамотѣ грозитъ украинскимъ урядникамъ, что они не будегъ впредь принимать ихъ оправданій, будто козаки тайно отъ нихъ предпринимаютъ вторженія въ татарскія земли, напрасно велить этимъ урядникамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, какие козаки идутъ на низъ для рыбнаго и другаго промысла, а при возвращеніи козаковъ съ низовьевъ Днѣпра осматривать »добытки« ихъ, что-бы такимъ образомъ знать, кто изъ нихъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 105.

ходилъ только для промысла, а кто и для грабежа въ татарскихъ земляхъ, тщетно на коне приказываетъ маршалку Каширскому уговаривать козаковъ записаться въ реестръ и исполнить королевскую волю, а ослушниковъ «за горло имать и карать». Весьма центральной власти безсильны были задержать козацкое теченіе между насельниками Украины, обусловленное сложными причинами внутреннихъ отношеній въ государствѣ и постоянно поддерживаемое стремлениемъ къ отпору одной народности противъ напора другой. Бессиліе власти сказалось уже въ 1545 году. Въ этомъ году подъ Очаковомъ козаки ограбили турецкихъ купцовъ; для разслѣдованія дѣла, по жалобѣ турецкаго правительства, королю пришлось послать комиссаровъ и изъ «своего скарбу» заплатить убытки¹⁾.

Движеніе населенія украинныхъ земель на «изъ», противъ татаръ, продолжается изъ года въ годъ; нападенія козаковъ вызываютъ набѣги татаръ, и наоборотъ. Въ 1560 г. Андчакъ, предводитель татаръ бѣлгородскихъ, опустошившій предъ тѣмъ поселенія возлѣ бѣлоцерковскаго замка, писалъ Сигизмунду II, что онъ это сдѣлалъ въ отместку за то, что козаки кіевскіе, бѣлоцерковскіе, брацлавскіе, винницкіе, каневскіе и черкасскіе подданнымы турецкаго султана «великіе шкоды дѣютъ». При взаимныхъ столкновеніяхъ крымскаго ханства и Рѣчи Посполитой, эта послѣдовавшая должна была уступать первому, покровительствуемому въ то время могущественнымъ турецкимъ султаномъ. По этому Сигизмундъ тогда-же писалъ воеводѣ кіевскому кн. Острожскому и всѣмъ украинскимъ старостамъ, приказывая не посыпать въ поле козаковъ даже для сторожи, чтобы они тамъ на своей волѣ не причинили турецкимъ и крымскимъ подданнымъ обидъ²⁾; но въ тоже самое время, зная, что набѣги татаръ не прекратятся, онъ велѣть держать козаковъ наготовѣ, чтобы въ случаѣ татарскаго нападенія было кому предѣлѣовать уходящихъ татаръ и отбивать полонъ. Столкновенія козаковъ съ татарами происходили нерѣдко между самими небольшими группами мирныхъ людей съ той и другой стороны и были такъ сказать будничнымъ явленіемъ. Кочующіе татары въ обшир-

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 586.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 137.

номъ размѣрѣ занимались скотоводствомъ; при приближеніи ихъ стадъ козацкіе настуки первѣко отбивали и угоняли скотъ въ украинныя поселенія. «Не для чѣго большая шкода (отъ татаръ) въ панствахъ нашихъ дѣется, пишетъ король Сигизмундъ кн. К. Острожскому, «одно за таковыми чабанники, которые за убезпеченьемъ Украины быдло беруть, а неприятель прыходячи и надъ поддаными нашими помсту чинить»¹⁾.

Не въ силахъ будучи справиться съ зародившимся и постоянно усилившимся козачествомъ, правительство Рѣчи Посполитой относительно его долго не могло придумать опредѣленнаго плана, но, сознавая одинаково и пользу и вредъ его для государства, поступало въ отношеніи къ нему по усмотрѣнію и теченію обстоятельствъ, то воспрещая козачьи пѣдѣзы на татарскія и турецкія земли, то поощряя оные, какъ необходимые и цѣлесообразные, то отвлекая козачьи силы въ другую сторону, то предоставляя своимъ агентамъ вѣдаться съ ними согласно видамъ вѣнчайшей политики. Около 1561 года козаки опустошили очаковскія окрестности. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ писаль старостѣ черкасскому и каневскому Михаилу Вишневецкому, что если въ его районѣ возвратятся тѣ козаки, которые «Очаковъ збурыли», то чтобы онъ уговаривалъ ихъ не оставаться долго въ украинныхъ замкахъ, а идти черезъ Могилевъ и Полоцкъ въ Эстляндію, при чемъ имъ будетъ даваться датокъ (жалованье) и живность. Одновременно почти тотъ-же Сигизмундъ Августъ, отправляя охранный листъ для находящихся «на пизу» козаковъ воеводѣ кіевскому, велить переслатъ этотъ листъ козакамъ только въ томъ случаѣ, если это, по его (воеводы) зреіому обсужденію, не повлечетъ опасности со стороны Турціи и Крыма²⁾. Гораздо позже, именно въ 1568 г., онъ же, примѣтивъ, что украинное козачество продолжаетъ стремиться на низовья Днѣпра, особымъ универсаломъ приказываетъ козакамъ, оставившимъ украинные города и замки и собравшимся въ разныхъ мѣстахъ «на низу»,—разойтись, причемъ предлагаетъ желающимъ службу при (украинныхъ) замкахъ и обѣщаетъ давать имъ жалованье, если они перестанутъ грабить татаръ³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 143.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, № 3.

Увеличившееся въ числѣ, окрѣпшее въ силахъ, освоившееся съ своею профессіею, украинское козачество не имѣло какой либо опредѣленной организаціи. Выступая за пороги, пробираясь къ татарскимъ и турецкимъ землямъ, оно избирало своихъ старшихъ подъ названіемъ атамановъ и гетмановъ, но, возвращаясь на свои жилища, поступало въ завѣдываніе украинскихъ старостъ и воеводъ. Козаковъ привлекали къ отбыванію замковыхъ и другихъ повинностей, что не могло быть по вкусу имъ, вкушившимъ свободы. Отсюда взаимные неудовольствія и жалобы: воеводы и старости обвиняли козаковъ въ своеволствіи и непослушаніи, козаки жаловались на притѣсненія старостъ и воеводъ. Около 1572 года коронному гетману Юрію Яловецкому удалось привлечь подъ свою юрисдикцію козаковъ ходившихъ ва пизовья Днѣпра. Предлогомъ избрана защита ихъ отъ притѣсненій со стороны украинныхъ воеводъ и старостъ, а приманкой послужила выдача жалованья изъ королевскаго скарбу. Расположивъ къ себѣ козаковъ, Яловецкій ходатайствовалъ предъ королемъ о назначеніи для нихъ ближайшаго начальника и такимъ назначеньемъ была королевскою грамотою 1572 г. шляхтичъ Бадовскій. Этотъ старшій долженъ былъ давать судъ и управу по дѣламъ, касающимся низовыхъ козаковъ («окромъ гвалту и рѣчей кровавыхъ») въ то время, когда эти послѣдніе возвращались съ низу въ украинныя поселенія. Резиденція Бадовскаго была въ Бѣлой-Церкви¹).—Такимъ образомъ часть населенія украинныхъ староствъ, которую привилегированная грамота Бадовскому называетъ низовыми козаками, не только получила право свободно ходить въ пизовья Днѣпра, на промыслы, но была изъята изъ-подъ юрисдикціи украинныхъ воеводъ и старостъ. Низовыя козаки поставлены были въ непосредственную зависимость отъ короннаго гетмана; цамбѣстникомъ этого послѣдняго при козакахъ былъ особый старшій, на этотъ разъ Бадовскій.

Принятая теперь правительственная мѣра, продолженіемъ которой была реформа Баторія, еще не выдѣляла украинныхъ козаковъ въ особое сословіе съ строго опредѣленными правами и обязанностями: то была уступка центральной власти развивающемуся, главнымъ образомъ, вѣнѣ ея вѣданія, помимо ея воли и желанія

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 149.

явлению въ народной жизни,—уступка вызванная известною силою этого явленія, но уступка первая и потому неполная.

События 1572 года были таковы, что могли побудить Сигизмунда-Августа искать службы козаковъ: онъ протежировалъ Богдану, сыну прежде бывшаго господаря молдавскаго Александра, получить молдавскую корону и съ этою цѣллю сперва посыпалъ специальное посольство къ турецкому султану, а потомъ, съ появлениемъ леваго претендента на молдавское господарство, въ лицѣ Ивона, поддерживаемаго 20 т. турецкаго войска, долженъ былъ оказать своему кандидату вооруженную помощь. Эта-то поддержка кандидатуры Богдана на молдавский престолъ и могла побудить короля дать или давать вѣкоторое время жалованье козакамъ: козаки были нужны Сигизмунду-Августу, чтобы съ помощью ихъ утвердить на молдавскомъ престолѣ Богдана; они могли быть необходимы для правительства Рѣчи Посполитой и въ томъ случаѣ, еслибы Турція за молдавскія дѣла объявила ему войну. Давая жалованье козакамъ, Сигизмундъ-Августъ разсчитывалъ по своей волѣ распоряжаться ими въ случаѣ надобности; съ другой стороны жалованье это могло обязывать козаковъ не производить опустошений въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ и не нарушать такимъ образомъ мира съ этими неугомонными и опасными сосѣдями.

Признанное въ своемъ существованіи и вѣкоторыхъ правахъ, украинное козачество, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается и, встрѣчая благопріятныя условія, начинаетъ играть видную роль и впѣтъ своей страны. Въ 1574 г. украинныхъ насељниковъ, въ числѣ которыхъ были и козаки, призвать на помощь упомянутый выше Ивоня, молдавскій господарь, одолѣвшій своего соперника Богдана. Турецкій султанъ потребовалъ съ него за право управлять Молдавіей такую плату, какую предложилъ ему вновь явившійся искатель молдавской короны, иѣкто Петрило, братъ мультанскаго воеводы; въ противномъ случаѣ Ивоня долженъ былъ оставить молдавскій престолъ. Получивъ такое требование, Ивоня послѣ представительного совѣта съ представителями своего государства объявилъ Турціи войну. Тщетно обращаясь за помощью къ польскому королю, Ивоня въ концѣ концовъ обратился къ вѣкоторымъ изъ украинныхъ жителей, которыхъ зналъ, какъ «мужей вольныхъ и храбрыхъ». На зовъ Ивона явилось въ Молдавію изъ Украины 1200

человѣкъ. Они были подъ начальствомъ семи предводителей, изъ которыхъ главнѣйшихъ было два: Свирчовскій и Бастанъ¹). Въ командѣ каждого предводителя было по двѣсти и по сто человѣкъ; 200 человѣкъ брацлавянъ, правдоподобно въ собственномъ смыслѣ козаковъ, составляли особую команду. Съ почетомъ встрѣтилъ Ивона военные отряды изъ Украины. При пушечной пальбѣ угощались они въ парадныхъ палатахъ господаря,—шляхетныя лица особо, простыя особы. Снабдивши эти отряды виномъ и золотомъ, Ивона выступилъ противъ непріятеля. Три раза были разбиты турки, три раза обогащались украинскіе выходцы и добычею непріятеля, и наградами благодарнаго Ивона. Въ концѣ концовъ Ивона вслѣдствие измѣны одного изъ своихъ приближенныхъ, былъ разбитъ турками; но и разбитый, онъ мужественно защищался, окопавшись съ украинскими выходцами на пожарищѣ одной деревни. Турки предложили Ивонѣ сдаться; онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ онъ живымъ былъ отданъ въ руки султана и чтобы выходцы изъ Украины были отпущенены здравыми и невредимыми. Условія Ивона были приняты; но когда онъ, простившись съ своими украинскими друзьями и въ послѣдній разъ щедро наградивши ихъ, подѣхалъ къ турецкому войску, турки вѣроломно убили его. Украинскіе выходцы хотѣли было занять свой прежній окопъ, но его уже заняли турки. Окруженнай со всѣхъ сторонъ непріятелями, украинская дружина мужественно отбивалась, многіе изъ украинскихъ выходцевъ пали въ этой неравной борьбѣ и только 12 человѣкъ изъ ихъ ополченія было взято турками въ пленъ²).

Къ этому именно времени относится первое обстоятельное извѣстіе современаго польскаго писателя³) о козакахъ украинскихъ. Вотъ по возможности близкій переводъ избранныхъ мѣстъ этого классического для исторіи начального украинаго козачества свидѣтельства.

«Козаки — посполитые люди на низу, т. е. на низовьяхъ Днѣпра; занимаются они тамъ ловлею рыбы, которую тамъ-же и

¹) Имена остальныхъ предводителей, какъ передаетъ ихъ Бѣльскій, слѣдующія: Козловскій, Стуженскій, Ячн и Соколовскій.

²) Kronika Bielskiego, стр. 791—717.

³) Бѣльскаго-отца (Мартына) или, можетъ быть, и сына (Якима).

сушать на солицѣ; живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ секретномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ «на куренѣ», какъ они говорятъ, на стражѣ (przy strzelbie). Есть у нихъ также и свои пушки, которыя они частію захватили въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частію отняли у татаръ. Прежде козаковъ не было такъ много, по теперь ихъ собирается по нѣсколько тысячъ; особенно число ихъ увеличилось въ послѣднее время. Козаки часто большую бѣду причиняютъ татарамъ и туркамъ и уже много разъ нападали на Очаковъ, Тегиню (Бендери), Бѣлгородъ и другія укрѣпленія; въ поляхъ также они захватываются не мало добычи, такъ что теперь ни турки, ни татары не отваживаются пасти овецъ или скота такъ далеко отъ своихъ укрѣпленій, какъ прежде они пасти; также не пасутъ скота нагдѣ (и) по той сторонѣ Днѣпра на протяженіи 10 миль (отъ днѣпровскаго берега). Козаки наѣтъ наибольше и ссорять съ турками да и татары говорятъ, что если-бы не козаки, то у насъ съ ними (татарами) никогда не было бы вражды. Но татарамъ не нужно вѣрить; хорошо, чтобы были козаки; но нужно, чтобы они подчинены были уряду и получали жалованье; пусть-бы они тамъ постоянно находились, на днѣпровскихъ островахъ, изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если-бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то и самое большое войско ничего-бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ Коханія; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, длиною въ нѣсколько миль (?). Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не съ такимъ удобствомъ переправляются па нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременчуцкій и кучманскій броды, которыми оно обыкновенно переправлялось. Недалеко отъ этого острова есть другой, Хортица,—тотъ самый, на которомъ нѣсколько прежде пребывалъ Вишневецкій. Шока Вишневецкій быль тамъ, то татары не осмѣливались такъ часто вторгаться къ намъ, потому что приструє его служило имъ большой помѣхой. Есть и третій островъ—Томаковка, на которомъ больше всего проживаетъ низовыхъ козаковъ, такъ что онъ служить имъ главною твердынею (замѣкъ).

Есть много и другихъ меньшихъ острововъ, и еслибы на нихъ построить замки и осадить поселенія, то не отваживались бы татары такъ часто врываться къ намъ. Но мы въ Самборѣ (?) предпочитаемъ отъ нихъ защищаться. Со стороны рѣки также никто не могъ бы никакого вреда причинить въ тѣхъ мѣстахъ, потому что со стороны моря никакія галеры, ни баты не могутъ подниматься по Днѣпру по причинѣ пороговъ, которыми самъ Богъ опредѣлилъ быть тамъ, и еслибы не они, то тѣ края давно-бы навѣстили турки. Козаки-же такъ изловчились, что тѣ пороги переплы whole="true">ваютъ въ кожаныхъ лодкахъ, называемыхъ у нихъ чайками,—переплываютъ, при помощи веревокъ спускаясь внизъ и такъ-же по веревкамъ поднимаясь въ гору. Въ такихъ-же самыхъ лодкахъ прежде Русь воевала съ греческими императорами, нападая иногда на самый Константионополь. И теперь козаки едва-ли не сдѣлали бы того же, если-бы ихъ было такъ много. Потому-то турки и хотятъ, чтобы этотъ край былъ пустъ и людей тамъ не умножалось, чтобы имъ безопаснѣе было въ Константионополь. Быть тоже тамъ въ прежніе годы большой портъ, именно въ Бѣлгородѣ, изъ которого въ Кипръ цепеницу изъ Подоліи возили. Теперь только черезъ тотъ городъ и черезъ Очаковъ караваны въ Москву ходятъ. Изъ Бѣлгорода въ Очаковъ идетъ широкая дорога, на которой козаки разбиваются часто турецкихъ купцовъ, и если желають добыть языка, то достаются его тамъ всего скорѣе»...

Въ заключеніе Бѣльскій высказываетъ свой планъ, по которому можно бы привести въ порядокъ козаковъ; говоритъ онъ въ этомъ случаѣ со словъ своего дяди Оришевскаго, который бывалъ гетманомъ у козаковъ, т. е. предводителемъ козачьихъ отрядовъ. Планъ состоять въ томъ, чтобы не только по Днѣпру, но и по его притокамъ были построены замки и осаждены поселенія¹⁾).

Въ этой до некоторой степени обстоятельной характеристики начального козачьяго быта существенно важно свѣдѣніе о томъ, что козаки, возвращаясь на зиму въ свои украинныя поселенія, оставляли «на зиму» стражу изъ нѣсколька сотъ человѣкъ.

Является вопросъ, не есть-ли эта стража признакъ уже организовавшагося козачества запорожскаго, обособившагося отъ ос-

¹⁾) Kronika Bielskiego, стр. 718—719.

тального украиннаго?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Отсутствіе запорожскаго козачества въ собственномъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова можно прослѣдить, начиная съ 30-хъ годовъ XVI ст. и кончая 1574 годомъ, къ которому относится замѣтка Бѣльскаго о сторожѣ на низу. Въ 1533 году Осташій Дашковичъ на шотрковскомъ сеймѣ вносилъ извѣстное уже намъ предложеніе о защищѣ противъ татаръ на низовьяхъ Днѣпра,—ясно, что этой защиты тогда не было, а слѣд. не было и козачества запорожскаго. Не существовало это козачество и въ 50-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Хотя въ эту пору на низовьяхъ Днѣпра и появляется хортицкое укрѣпленіе, но укрѣпленіе это, построенное по іниціативѣ Дмитрія Вишневецкаго, не было постояннымъ жилищемъ козаковъ, а только временнымъ лагеремъ для козачихъ милицій, куда вводился гарнизонъ лишь въ случаѣ надобности, большую частію на время лѣта, на зиму же такой гарнизонъ удалялся домой¹⁾). Вишневецкій оставилъ это укрѣпленіе въ 1558 году въ виду предстоящаго приступа татаръ, и нужно полагать, что оно было вскорѣ разрушено татарами, такъ какъ въ слѣдующемъ году на польской сторонѣ Днѣпра, »между Хортицею и Черкасами«, московскій царь хотѣлъ строить другое укрѣпленіе, которое могло бы замѣнить прежде существовавшее хортицкое²⁾).

Припомнімъ указанныя раньше королевскія грамоты, изъ которыхъ видно, что козаки, побывавъ на Запорожьї, вновь ищутъ возвращенія въ Украину и что главными утѣснителями татаръ являются »чабанники«, угояющіе татарскій скотъ въ украинныя поселенія; сопоставимъ съ ними два королевскія листа 1561 г.: одинъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому о пропускѣ татарскаго посла, другой къ жителямъ городовъ Черкасъ и Канева съ приказомъ не нападать на имѣющія пройти мимо Черкасъ и Канева татарскія войска. Какъ грамоты, такъ и листы равно указываютъ, что въ то время было только одно украинное козачество, въ противномъ случаѣ король послалъ бы и на Запорожье такого же содержанія листы, и это значилось бы въ листахъ къ Ви-

¹⁾ Костомаровъ, »Богданъ Хмельницкій«, изд. 1870 г., т. I, стр. XXIII.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 134.

шниневецкому и жителямъ Черкасъ и Канева, чего въ данномъ случаѣ не видимъ.

Тоже утверждаетъ призваніе Ивонею на помощь себѣ ополченій изъ Украины. Будь въ 1574 г. отдельное запорожское козачество, Ивоня обратился бы къ нему, какъ къ своему ближайшему сосѣду, и въ такомъ случаѣ не пришло-бы въ Молдавію ополченіе изъ Украины во главѣ семи предводителей, изъ которыхъ главныхъ было два, не выдѣлялись бы въ этомъ случаѣ и тѣ 200 брацлавянъ, которые составляли особый отрядъ съ отдельнымъ (не названнымъ) предводителемъ. Запорожскіе козаки явились бы къ Ивонѣ, подчиненные одному лицу, кошевому атаману. Свирчовскій, раздѣлившій, по словамъ Бѣльскаго, съ Барсаномъ главное предводительство надъ украинными ополченіями, былъ въ этомъ случаѣ такой же гетманъ, какимъ былъ въ свое время дьякъ Ржевскій, когда къ нему пристали для похода въ Крымъ пизовые козаки съ атаманомъ Млинскимъ и Михаиломъ Есковичемъ¹), какимъ былъ въ пору своего козакованья Дмитрій Вишневецкій, какимъ бывалъ, по Бѣльскому, и дядя его Орнишевскій.

Принявъ все это въ разсчетъ, можно сказать, что стража, которая оставалась на визовьяхъ Днѣпра, при козачьихъ лодкахъ и оружіи, не служитъ признакомъ существованія организованнаго запорожскаго козачества, не представляясь еще собою запорожской общины; она все таки состояла изъ украинныхъ козаковъ и пополнялась ими. Если и возможно установить какое либо отношеніе этой стражи къ имѣвшей сложиться запорожской общинѣ, то это была одна изъ ступеней въ процессѣ развитія украиннаго козачества, за которой слѣдовало выдѣленіе изъ него въ собственномъ смыслѣ запорожскаго козачества.

(Продолженіе съыдустѣ).

¹) Максимовичъ т. I-й, 289.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селєцкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

(Продолжение¹⁾).

XVI. Обратное путешествие на родину.

Заграницы мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставитъ ей мой прѣездъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшился.

Узналъ, что изъ Марселя недѣли чрезъ днѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компанией морскихъ путешествій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиною года; плата за каюту первого класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлечениемъ; и спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были места стоянки и вре-

¹⁾ См. „Киевская Старина“, 1884 г., ювѣск. кн., стр. 239—266.

ма посещения новыхъ, небѣдомныхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ перевѣздамъ моремъ.

Съ вещами присланными Наталиою, между которыми находился и драгоценный для меня портретъ Наймы, получилъ я письмо Лей. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лей понимала, что приѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаше.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убийцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго события, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получиль письмо отъ матушки. Око было отвѣтомъ на уведомленіе о кончинѣ Наймы, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня съященіемъ; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданіи съ матушкой я ожиль, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибыль въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отѣздомъ изъ Марселя поблагодариль я письменіо графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Лей, извѣстить ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наймы, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоценный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При перебѣзѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутрен-
нее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ;ѣхали тихо,
какъ будто въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теп-
лая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ
ышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня беспо-
коить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напро-
тивъ какой-то старикъ немецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія от-
крыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просять не отворять: у дамы
болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ облада-
телямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ ка-
кой-то толстый краснощекій бургерь, противъ него рижій англичанинъ.
Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбиона отвѣ-
тилъ, что ничего противъ этого не имѣть и самъ желалъ опускать
стекло, но немецъ не дозволилъ; я обратился къ бургеру и получилъ
отвѣтъ, что какъ онъ сидѣть у окна, то можетъ имъ распоряжаться
по своему усмотрѣнію и открыть не дозволить. Какъ ни старался я
его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путе-
шественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался
неизмененъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенний воздухъ оживилъ
меня. Бургеръ былъ вѣнъ себя отъ негодованія, началъ кричать, оста-
новилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена
оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка,
и онъ благодарили меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ *hôtel de Saxe*, въ томъ самомъ
номерѣ, изъ которого уѣхалъ съ Наймой. Хотѣлъ остаться день,
другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохарканьемъ свалила меня съ ногъ;
нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ;
онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфстенгель постоянно спидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу,
прилежно ею занимался, развлекая меня своими рассказами и ухажи-
вая за мною, какъ родной. Я просилъ снять кошю съ портрета Наймы,
онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Лѣѣ.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился
я: и болѣзнь, и душевные страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

дни терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ...

Однажды я легъ спать позже обычновенного и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говорить: благодарю, не забыть ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Бессонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К.; покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глязами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что едалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтила: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свѣль въ могилу ея отца. Будь....

— Не проклиная меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, чтобы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бѣ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всѣ будуть умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будешь у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновеніе, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, несправедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣніе. То былъ сѣдой, какъ луна старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучить сомнѣніе на счетъ твоего здравья, сказалъ опять мнѣ. Не унывай: тяжкая потеря надо долго оставить глубокіе слѣды въ душѣ твой; во тѣлесныхъ силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нетъ жизни въ сердцѣ? Существовать, проявлять, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говорилъ ты?

— Ты любопытенъ, значитъ, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтрашняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твоё лицо мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, еслибы слова мои, сказанныя тебѣ въ Киевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, которого я встрѣтилъ въ Киевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавалъ особеннаго значенія его предсказанью, я вырочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рождения. Въ ящикѣ осталось пятьдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣніе тревожило меня. Я просилъ Гаифстенгеля спрашиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Гаифстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ Наймы скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моихъ слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ Наймѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣніе предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, для счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ..

Молодость вскорѣ освѣлила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дній въ Дрезденѣ, совершаю отдаленные прогулки по сопѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, прѣхавший въ Дрезденъ изъ Петербурга съ Бальзакомъ. Чрезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани разсказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государи Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три днія, остановился въ Европейской гостинице. Вечеромъ, наканунѣ моего отѣзда, слышу въ сосѣдствѣ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанского танца: *ола*. Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесъ. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположении духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицейстру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесъ тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Гистѣ, о Берлинѣ; Лола рассказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей, обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи.. Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, дошедшее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ ловеласовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурины собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Уточленный Ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я паниль еврея, у которого былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочь-карета. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ женихъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ большого дремалъ постоянно, начиная жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, перетахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскоцилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи на-цкай дало ему поводъ приять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня кепскій и что дальше яѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ вымѣрированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объясняетъ, что станововой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которые не представляли никакого сомнѣнія въ моей национальности; упомянулъ и о Бибиковѣ. Объясненія мои такъ подействовали на становового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное влияніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извозчика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становового. Попутчикъ мой стала обращаться со мною съ большими подобострастіемъ, услыхавъ, что я знакомъ съ Бибиковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиції.

Безъ всякихъ приключений, благополучно прибылъ я въ Киевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекція. Я имѣлъ возможность оказать ему позже какогорыя услуги.

Въ Киевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наниою; дядя, извѣщаю о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Киевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наниою въ первое время моего съ нею обѣженія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей переписки не имѣлъ. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнию и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давать дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезображеный до нѣзѣлъ оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, по имѣль громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околотѣ взвѣстныхъ почетомъ. Домъ въ Киевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣть къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и разсчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надѣть совѣсть мою тяготѣло долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Лей десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминаль объ этомъ Лей въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхыхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требование совѣсти возлагало на меня обязанность разсчитаться съ Лей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обеспеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Киевѣ я побѣхалъ къ Димитрию Гавриловичу Бибикову. Быть принять очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Распрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой *Кюстин la Kupie et les Kupes*;

остался очень доволенъ моими рассказами. При прощанья спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѿду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибиковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Киевѣ — милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну къ лучшему. Больѣ другихъ любилъ я сестру Софію Дмитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образцѣ, въ спальнѣ моей матери, я рассказалъ матушкѣ мои отношенія къ Намѣ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и почальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хољствомъ и дѣлами по должностіи; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утреннему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ я замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ виолѣтъ откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепіано въ четыре руки; я дирижировалъ, потому матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежит на большой почтовой дороге на Киевъ, не вроходило дни, что-бы кто нибудь не постыль нась; посещенія эти мнѣ крѣпко надоѣдали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; рассказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположение духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигель, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность мои увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣ съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать иѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастію посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ воѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репину. Мои воротились въ тотъ же день, я провелъ тамъ иѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинѣ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявший въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репниныхъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованъ, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и по томъ долгое время былъ генераль-губернаторомъ малороссийскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе миллиона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, всѣдѣствие чего вошелъ въ значительные долги. Обыщано было уплатить изъ казны издержанные Репинными деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанные Репинными, не были

возвращены. Въ царствование государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александру Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссийского генераль-губернатора, на имѣиѣ его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣй князя продано съ публичного торга (Почепъ, купленный Клеймихелемъ), въ концѣ концовъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позаимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцать тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгиня, князь быть-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знаявшій меня еще ребенкомъ, посыпал часто наль по пути изъ Повисовъ въ Иготинъ, принялъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этоѣ отношеній была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлереи. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ, превосходная копія Дау, достался моему отцу, особенно преданному памяти Бла гословелнаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся девица зреѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, во добрая, остроухая, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибывающихъ къ ея помощи и сопѣту.

Изъ постороннихъ въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванию. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рабой, съ мутными карими, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчательнъ чистотою малороссійскаго языка, плавными, мѣрными стихомъ, звучными строфами, задушевными чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священнаго огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но *de mortuis aut bene, aut nihil*, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чаю въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репнинами, съ княжной, заставляли Шевченку читать Екатерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Рассказы Фишера были очень интересны; онъѣздилъ въ Египетъ, на исыѣ Доброй Надежды и знако-
милъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кіевской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія какого нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демию художествъ, и живопись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генераль заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціяи. Портретъ, нарисованный Шевченкомъ, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вымѣску цирульника. Генераль, проѣзжая однажды чимо цирульни, увидѣлъ себѣ на вымѣску и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагалъ двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ иѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя немногую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участіи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерю портreta Жуковскаго, написанного по этому случаю Брюловымъ; нѣть надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была чертства душа человѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *иъмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступили Шевченко въ этомъ отношеніи.

[Нѣсколько разъ игралъ я на фортепиано въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, иольскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языке либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героического и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ пылу спора у меня сорвалось слово: измѣнникъ, и мы чуть-чуть иль за этого не разгорелись. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ языке, я былъ противоположного мнѣнія и увѣрять, что Шевченко владѣеть на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьезную и на языкѣ общѣ-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятиицъ, съ закругленною рѣкой, представлялъ удобное и вполне барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Киевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерской, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кievской коменданты и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Киевъ въ Турію, и просить позволенія назначить въ домъ Разумовскаго временный постъ, наравкѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, по по-томъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно выслали въ Киевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригиналъ способъ избавиться отъ постомъ? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Киевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Былъ я потомъ въ Дехтири, поѣздея Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровиѣ К., сестрѣ мужа моей кузины, о которой упоминаль выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старый, но болѣзnenный человѣкъ, типъ богатаго малороссийскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была премилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтири однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Ка-чельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первымъ

скрипка: крѣпостной Артёмъ, прожившій три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурни. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюрь. Краузе хвалилъ мои произведения, но какъ опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохие, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслитъ въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Бѣздѣль именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Наиѣмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антицатѣй къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Гала-ганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наследниковъ, жила открыто и издерживала все свои доходы, довольно значительные—на пріемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Доморощененный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большие праздники всегда бывало много гостей въ Мюсевѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только близайшіе сосѣди, но изъ дальнихъ мѣстностей все ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили днѧ три, четыре у гостепримной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троціной.

Григорій Степановичъ человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ юнщина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, брилліантовыя запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнаго туалета. Высокопарная рѣчъ, по большей части безсмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, приобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими похвѣствами, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посагательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общеизвѣстныхъ и избытыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшееся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скучность, доходившая до скрижничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическая черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ исполнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они принадлежали въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисѣевну Троціну. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество брилліантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисѣевнѣ. Анна Елисѣевна была не хороша собою, но слыла не глупой, скромной и доброй дѣвушкою, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисьевна превосходная партия и что не мѣшало бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисьевной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на moi первы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ отель вѣжливъ и ни въ чёмъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Москвѣ, куда отправились мы всѣ вѣтъ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковать ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, поѣсть Галагана, не приѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіянской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій понесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кругъ собравшійся около настѣ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считалъ себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкою, гостившемъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и геніальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ иного недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и пѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляется что-то неяснѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отиравлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперу, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно писать музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя“.

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но счѣль своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушки. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадриль Анну Елисѣевну, не смотря на сильную къ ней антипатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Москве, и пріема гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отиравился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части съдуется).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ.¹⁾.

Религіозная жизнь известного народа не можетъ развиваться иными путями, отличными отъ тѣхъ, какими совершаются развитіе остальныхъ сторонъ его исторической жизни. Поэтому идеи и направлениа, руководящія въ данное время жизнью общественною и политическою, непремѣнно отражаются въ событияхъ жизни церковной. Это положеніе, примѣнимое къ исторіи каждого народа, находитъ особенно яркое подтвержденіе въ примененіи къ прошлой жизни южно-русского племени, для котораго вѣра долгое время служила знаменемъ народности. Судьба южно-русской церкви была всегда неразрывно связана съ судбою его народныхъ началь, и потому эпохи торжества послѣднихъ были въ тоже время эпохами торжества первой, и наоборотъ. Аналогія эта не ограничивается лишь единствомъ ихъ виѣшней судьбы: она можетъ быть распространена и на внутренний строй жизни церковной и общественной. Какъ известно, основными чертами народного южно-русского общественного строя были всегда стремленіе къ равноправности и къ самоуправлѣнію и выборное начало. Я хочу показать, что тѣ-же черты были основными и для внутренняго церковнаго строя въ южной или, точнѣе, юго-западной Руси и что борьба за сохраненіе ихъ составляетъ главное содержаніе исторіи западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. Само собою разумѣется, что, во вниманіе къ условіямъ хѣста и вре-

¹⁾ Читано въ годичномъ собраниѣ Общества преподобнаго Нестора Лѣтописца, 11-го марта 1884 г.

жеви, я буду избегать подробностей въ раскрытии моей мысли и постараюсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ избранного для настоящей бесѣды предмета.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси въ временѣ XIII и первой половинѣ XIV в.е., трудно сказать что-нибудь определенное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но группируя отрывочныя свѣдѣнія сѣдѣющей за тѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организаціи церковныхъ отношеній не было здесь прервано татарскимъ и затѣмъ литовскимъ захватомъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ-же началь, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII в.в. замѣчаемъ, что избрание епископовъ, совершившееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по санкцію великаго князя, постепенно становится дѣломъ мірянъ, представителей мѣстныхъ настѣль. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избрание епископовъ принадлежало ярдному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что, по смерти или удаленіи епископа, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посыпалъ къ киевскому митрополиту для посвященія. Внѣслѣдствіи въ московской Руси обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избрание епископовъ совершалось по прежнему обычая, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего «людетва» той епархіи, для которой избирался архипастырь. Когда здесь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ-же порядкомъ совершалось обыкновенно избрание и киевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличиемъ, что въ составѣ избирателей входили князья, бояре и «людетво» во одной какой-либо епархіи, а всей митрополіи. Таже система избрания примѣнялась къ замѣщенню и другихъ степеней церковныхъ до низшихъ клириковъ включительно. Имеются документальныя свидѣтельства, что еще въ кончинѣ XVI в. архимандриты киево-печерской и другихъ обителей избирали не одинъ старцы монастырскіе, но также князья, земяне и

бояре кіевской земли; а виленские мѣщане до временъ упніи сами избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей. То же встрѣчаецъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западной Руси.

Избирательная система обыкновенно сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную правственную связь; такъ было и въ данномъ случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды яіріанъ, западно-русское духовенство XV—XVI в.в. жило одною жизнью съ своими насомыми, приносило видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устраяло мірянъ отъ такого-же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ церковнаго вѣданія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльные княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ «рядъ» или совѣтъ; впослѣдствії, въ XVI в. мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ, а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 г. можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества литовскаго. Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нечто такое, что должно подлежать вѣданію всѣхъ и каждого изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Оказывая церкви покровительство и щедрыя благодѣлія, свѣтскіе люди того вѣка считали своимъ правомъ блести за церковными порядками и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, что-бы представители церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и отношений: напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство мірянъ въ такія дѣла, которые и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Сохранились документальные свидѣтельства о томъ, что міряне входили въ составъ духовныхъ судовъ не только епископскихъ, но даже интональныхъ, и принимали участіе въ рѣшеніяхъ дѣлъ, касавшихся собственности церковнаго управления. Наконецъ міряне участвовали въ церков-

нихъ соборахъ, которые обыкновенно были созываемы для решения более важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV в. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы митрополита, то великий литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ одними епископами, но, слѣдя очевидно мѣстному обычая, «събра вси князи литовскихъ и русскихъ земель, и бояръ, и вельможъ, архимандриты же и игумени, и благоговѣйныа иконы и ионы, и сихъ всѣхъ совѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ» былъ окончательно решенъ вопросъ объ отдѣленіи кievской митрополіи и объ избраниіи въ митрополиты Григорія Симвлака. Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, неизмѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI в. на нихъ появляются, промѣнъ князей, земянъ и другихъ «западныхъ свѣтскихъ становъ», еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ.

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западно-русской церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI в. нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви, такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ воззрѣній южно-русскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самыми благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система по самой природѣ своей не могла не служить наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ избранію обыкновенно предшествовало «взысканіе многое» достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управления и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное участіе къ интересамъ церкви. При этихъ

условіяхъ церковь оставалась живымъ национальнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ устройствѣ княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направлении и вносящія строгое ограничение въ православную церковь въ то время Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры. Созиная, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключениемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, не только постоянно относились къ православной церкви съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Но въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, злоупотребленіе которымъ вносящія строгое ограничение въ православную церковь и привело ее къ крайнему разстройству; то было знаменитое ихъ право *»подаванія»* столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ, т. е. право жалованья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ известной нѣмецкими императорами, всесѣю вытекало изъ феодального литовско-государственного строя, по которому великий князь признался верховнымъ господаремъ всѣхъ земель на территории княжества, а следовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которые принадлежали епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ каѳедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквяхъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каноническое утвержденіе и называлось *»подаваніемъ»*. Такимъ образомъ «подаванье» не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь по-жалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными

имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались «подавцами хлѣбовъ духовныхъ». Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху унії, когда польскіе короли иrogократнымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія¹⁾). Но жѣрь безпрестаннаго жалованья литовскими государами служилымъ людямъ—князьямъ, земянамъ и боярамъ—земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вѣстѣ съ тѣмъ переходило и право «подаванья» по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право приобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступить это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право «подаванья», первоначально принадлежавшее одному лишь верховному господарю, раздѣлилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ кафедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не разданыхъ въ частные руки. Нерѣдко король жаловалъ право «подаванья» церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣльнымъ обществамъ того или другого города и церковнымъ братствамъ.

Нечего и говорить о томъ, что право «подаванья» рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое

¹⁾ Авторъ знаменитаго *Апокрифиса* (изд. въ 1597—1599 г.), искажая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: «Ишаша есть речь урядъ (духовный), а ишиша—добра до уряду для доброго его отправления прилучочные. Урядъ власне отъ духовныхъ при иссвященію, добра засъ не отъ духовныхъ, але отъ короля его ипостаси даваны бывають» (Русская Историч. Библиотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

время и сами литовские князья, и частные лица, умъренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковнообщественные отношения было почти не замѣтно. Долѣе всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и еписконы до начала XVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ¹⁾, господарское же право »подаванья« при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что во-первыхъ безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право »подаванья« въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земяне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удельныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множествомъ ионятій и черть, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и святочили »стародавніе звыти« своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ »шпитали« для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права »подаванья«. Часто случалось, что они выпрашивали у короля ту или другую церковь или монастырь, находившіяся въ его подаваннѣ, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей »опекѣ и оборонѣ« и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобными патронамъ, что они »не мають отъ своихъ церквей ножит-

¹⁾ Авторъ *Апокрифиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ XVI в., православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыхъ королевскія грамоты, подтверждающія имъ право избирать себѣ духовныхъ властей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

ковъ некоторыхъ собѣ мети, ио сами мають церкви Божіи всѧкими речьми надавати и направляти и ихъ въ опекѣ своей и оборонѣ мети¹⁾). Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и стариннымъ, древне-русскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, по утверждалъ основатель или князь²⁾). Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваніи, какъ наприм. кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни иченіо этой порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и местными обывателями, а королю принадлежало лишь право утверждения избраннаго³⁾; другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частныхъ лицахъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены человѣка »годного, хто будетъ любъ братии, старцомъ того монастыря⁴⁾). Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ⁵⁾). Можно думать, что и право подаванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является внаслѣдствіи. Во времена, предшествовавшія люблинской унії, когда не существовало еще вполнѣ обязательныхъ отношеній между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ — земянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разсѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли конечно брать подъ свое особое пощеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и материально обезпеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужите-

¹⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 124.

²⁾ Исторія р. церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

³⁾ Архівъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

⁴⁾ Акты запад. Россіи, т. II, № 117.

⁵⁾ Віленскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

лей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. название «поповъ посполитыхъ». Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (кошные суды), также имѣли свои церкви и сами свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священно-служителей для такихъ церквей виолѣтъ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ кемъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избрание и утвержденіе новоизбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Найболѣе раннее указаніе о злоупотреблѣніи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. «Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради жирской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры *безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*». Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. Съ другой стороны соборъ жаловался, что нѣкоторые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами по томъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдоха епархіального архіерея; другое по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священодѣйствовать въ ихъ церквяхъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобная злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правилъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки

святительскихъ кафедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ «верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ», т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшного злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: «никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ля, или игуменъ, или священникъ, или мірянинъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякой священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и господарь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостойнство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать таковому посвященіе». А если что-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или склонности, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана¹⁾.

Господарь, вмѣшательства которого въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великий князь литовскій и вмѣсть король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ игонителемъ православія, напротивъ это былъ умный и вполнѣ вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а жилъ почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполнѣ усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ известно, избирательное начало было всегда чуждо римско-католической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластия. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разные виды симоніи, подкуповъ и искаательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время приобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ и бенефицій. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искаательствъ и добились того, что

¹⁾ Дѣянія Віленскаго Собора.—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

взяли исключительно въ свои руки назначение духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде шли римскому двору отъ лицъ, искальшихъ церковныхъ должностей. Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ-же широко понимать и припадлежавшее ему право подаванья по отношению къ православной западно-русской церкви; отсюда и проистекали справедливыи опасенія отцѣ виленского ебора. Тѣ «подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священиками», о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явление: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такие преждевременные кандидаты назывались *номинантами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искальствства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ не энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ известно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмундѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Конти, котораго онъ посыпалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татарь. Исполнивъ порученіе, Конти издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его — и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василію Евлакьевичу, король пожаловалъ епископскую кафедру — луцкую или владимирскую (обѣ самыя богатыя по имѣніямъ), какая прежде станетъ праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Конти и за понесенная имъ на службѣ издержки даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ кафедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и обѣщается «тое епископыи никому инику не

отдавати», кроме отца его¹⁾). А въ 1524 г. иѣкто Андрей Дягилевичъ изъ Киева повѣдалъ королю, что имѣть намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ просяилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему въ Киевѣ три церкви королевского подаванья: межигорскую, юрданскую и рождественскую. И король охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дягилевичу три названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же ходатайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій²⁾. Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался желаніемъ намѣренно вредить православію, да сдавали онъ и соизволъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корѣ главную силу церквной іерархіи и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католической церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего ревниво оберегалъ, какъ ему казалось, прерогативы своей верховной и заботился объ уменьженіи королевскихъ доходовъ. Онъ впрочемъ допускалъ и существование прежнихъ выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но имѣлъ новый обычай,клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно: бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежнаго приношенія, такъ называемыя «чолобитъл», каждый разъ, когда утверждалъ избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандрическія мѣста³⁾; значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ церковную должность, и отъ тѣхъ, кому «подавалъ» іерарховъ. При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ въ ротерпимостию своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется искальствомъ и подкупами у короля и его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ награду выслужившимъ предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вни-

¹⁾ Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 105.

²⁾ Ibidem, № 110.

³⁾ Акты южн. и зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

мания на нравственные ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизаціи было положено въ самое по видимому благопрѣятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушающимъ никакими попытками къ введенію унії, когда обѣ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ въ правлениѣ лучшихъ и наиболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государи своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означеннѣй дезорганизаціи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей унії, какъ то обыкновенно утверждаютъ наши историки унії, по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба эти короля совершенно такъ-же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?— Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зреющаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны оно чутко прислушивалось къ ходу событий въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католического міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посыпали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любилиѣездить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и

свободно распространялись ихъ ученія. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ виленскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Приимбръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилий, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣжалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ былъ вполнѣ отъ него свободенъ¹⁾). Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религиознымъ броженіемъ, исподволь совершился еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полнаго господства въ немъ польского влиянія. Люблинская унія справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, знаменующимъ начало коренного измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію ливонско-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободного землевладѣнія, уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, до того времени чуждыхъ строгаго разграничения и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на вѣрѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественные категории: шляхтичей и людей посполитыхъ. Занятиеование формъ польского общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ, и усвоеніе привычекъ и формъ шляхетскаго общежитія. Подъ влияніемъ этого въ русско-шляхетскомъ обществѣ становятся господствующими такие пороки, какъ стремленіе къ роскоши и тщеславію и отсюда всеобщая погоня за пажиной и неразборчивость въ средствахъ къ ея достижению, сословное высокомѣріе и чрезмѣрная ревность къ охранѣ своего приви-

¹⁾ Lukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Litwie.

легированного положенія; отсюда презрительное отношение къ людямъ низшихъ сословій и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ былыхъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новые сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затѣмнѣвали въ нихъ сознаніе национальной ихъ индивидуальности: въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противоставленіе *«Руси»* и *«Литовѣ»*: ихъ племенное различие какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: «шляхта и рыцерство закону греческого и римского». Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ прежнюю силу: съ одной стороны тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой «русской» вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую, а съ другой то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь ниголовно все западно-русское дворянство, то все же значительно расшатывало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религіозный индифферентизмъ.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ сеъ эти послѣдствія общественнаго перелома, связанного въ исторіи юго-западной Руси съ эпохой люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской церкви. Прежде всего сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и мірянъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русского общества и парализовала ихъ совместное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія выѣстъ съ немногими представителями бѣлого духовенства образовала изъ себя *шляхту духовного стану* и скоро совершенно слилась во всемъ съ «панами шляхтю становъ свѣтскихъ», а низшее духовенство зачислено было въ ряды *«постоинного стану»* и выѣстъ съ ними обречено на жертву само-

властю со стороны »становъ шляхетскихъ«. Получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, священники привыкли подчиняться имъ даже и въ такихъ дѣлахъ, которые выходили изъ сферы собственно подданическихъ отношений и касались прямо ихъ пастырскихъ обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье поддананье, тому и послушаніе поповъ. На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники и арендаторы третировали священниковъ, какъ своихъ подданныхъ, сами и судили ихъ, сажали въ свои тюрьмы, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ быта сельского духовенства, самое званіе православнаго священникапало такъ низко, что, по свидѣтельству современниковъ, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только одно «сметье людское, голодные и неуки тиснулись» въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, »южъ трудно было рознинати, где былъ частій пресвитеръ: въ корчмѣ, чи въ церквѣ«. Совершенно обратно измѣнилось теперь положеніе высшаго духовенства, въ рядахъ котораго стали стремиться одни шляхтичи, часто представители имѣтыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Шольшѣ, где высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельмож и государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, вышедшія сословія которой переживали тогда экономической кризисъ. Велѣдствіе измѣнившихся бытowychъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-руssкіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ материальнаго обеспеченія и старались отыскать новые. Такъ какъ православнія епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, то отсюда становится понятной охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ попоня за »духовнымъ хлѣбомъ«, т. е. епископиями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достижению достоинствъ, т. е. всенародное избрание, для большинства искателей представлялъ иного неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ королю и на-

перерывъ другъ предъ другомъ выспрашивали у него жалованья грамоты на духовника должности—кто за военную службу, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство прямо за деньги. Принявъ посвященіе, шляхтичи, никако не измѣняли прежняго образа жизни и прежнихъ привычекъ и нравовъ и на каждомъ шагу попирали самымъ дерзкимъ образомъ церковныя правила и предписанія. Многіе вступали въ управлениѣ епархіями или монастырями, имѣя живыхъ женъ и, посвятившись, продолжали вести прежнюю склонную жизнь. Эти непривычные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ: все внимание и всѣ ихъ помыслы были поглощены одной заботой—о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили »крышанъ«, т. е. соборныхъ священниковъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершили безъ всякаго контроли: раздавали цѣлья помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. п. Не довольствуясь этимъ, владыки произвольно налагали поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви. Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквями, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями. Въ своей частной жизни владыки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ шляхтичей и съ излишествомъ превозносились всѣмъ порокамъ, какіе распространены были среди тогдашняго русско-шляхетскаго общества.

Таковы были послѣдствія новой системы отношеній въ западно-русской церкви. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты ея древняго, соборнаго строя, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало-по-малу уступилъ място королевскому и частному »подаванью«, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, духъ жизни сталъ угасать въ живомъ до того времени и дѣятельномъ организѣ церковномъ и не

прошло полуѣка, какъ въ немъ обнаружились печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами, которая можно было купить за деньги; на архіерейскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ вся资料 призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно парушавшіе каноническія правила и церковные обычай; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякий могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица опозоренныя тягчайшими преступленіями спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ порочныхъ пастырей, предавались пьянству и большие заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помощникамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ сама пасомые, лишенные духовнаго руководительства и потерявшіе всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отцевской вѣрѣ и толпами уходили въ чужія вѣры и секты, другіе-же стали склоняться къ мысли объ унії. При созерданіи всего этого становится совершенно понятіемъ отчаяніе современниковъ, о которомъ въ 1591 г. львовскіе братчики увѣдомляли константино-польскаго патріарха, что многие изъ православныхъ смущаются недовѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели православной церкви?

Западно-русская церковь однажды не погибла и была обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ея соборныя преданія не были окончательно забыты западно-русскимъ обществомъ и сохранились въ чистотѣ среди низшихъ классовъ населенія. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, мысль о реформѣ церковной находила все большее число сторонниковъ; недоставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началь должна быть предпринята эта реформа. Православные патроны, даже столь могущественные, какъ князь К. Острожскій, оказались бессильными не только предпринять такую реформу, но и указать путь и средства къ ней. Несравненно способнѣе и пригоднѣе къ этому дѣлу оказались западно-русскіе мѣщане, преимущественно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались само-

управлениемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества многихъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой униi удержали право завѣдыванія своими церквями и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ и энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же архипасты-
рей. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому роду торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою достаточно развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городами и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ болѣе крупныхъ городовъ, напр. Львова, Вильны и другихъ нерѣдко встрѣчались лица, обладавшія настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западно-русское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и несмотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствию протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцеской вѣры. Мы готовы даже до-
пустить, что проповѣдь реформаціи иѣкоторыми ея сторонами, напр. отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрюющихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под., скоп-
рѣ могла оказывать подзеное влияніе на западнорусскихъ мѣщанъ, раз-
вивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соответствія начала православнаго ученія, столь же противоположныя начали католическимъ, и пріучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ собственныхъ своихъ іерар-
ховъ. Какъ-бы то ни было, но нельзя не признать, что западнорус-
ское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ реформы церковной, тѣмъ болѣе, что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, которыхъ могли стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковный братства.

Извѣстно, что братскіе мѣщанскіе союзы существовали въ нѣкото-
рыхъ западно-и южно-русскихъ городахъ еще съ половиною ХV в.,
но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ:

отчасти религиозныхъ и отчасти цеховыхъ корпораций. Но съ наступлениемъ послѣдней четверти XVI в. церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какія нибудь 10--15 лѣтъ образуютъ довольно густую сеть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Въ это же время обнаружилась недостаточность одного попеченія о материальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, что составляло доселѣ задачу братствъ, и мѣщане стали убѣждаться въ необходимости такихъ учрежденій, которая имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквямъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости реформировать ихъ внутренній строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Такая реформа и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятыму старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ. Воспользовавшись прѣѣздомъ во Львовъ антіохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для южно-русскихъ братствъ. По смыслу нового устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныхъ религиозно-благотворительныхъ цѣли, но является общecerковнымъ учрежденіемъ, задача котораго во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства, впервыхъ, теряютъ прежній, полуцеховой характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составѣ котораго могли вступать и мѣщане, и знатные шляхтичи, и посполитые, и вообще люди «всякого стану», и притомъ не одни мужчины, но и женщины; во вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, т. е. помочи церквямъ, «шипиталямъ» и вообще бѣднымъ и не-частнымъ, братства считаютъ теперь главнѣйшимъ своимъ дѣломъ: открытие училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ; и въ третьихъ, въ видахъ достижения единства и солидарности

своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общий союзъ, въ ко-
торомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами,
какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право
нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью. Патріархъ видѣлъ, что
въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная
сила, могущая реформировать западно-русскую церковь, и потому не
только утвердилъ новый братскій уставъ, но и съ своей стороны даро-
валъ имъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, брат-
ства являлись законными органами высшей церковной власти. Такъ
имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіан-
скому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе, наблюдать за
жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ сто-
роннихъ, какъ мирянъ, такъ и духовныхъ, и не исправляющихъ пре-
давать церковному суду и даже подвергать отлученію; наконецъ, что
особенно важно, братствамъ предоставлялось право надзора за дѣй-
ствіями и поступками самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда
еликочъ управлять своей паствой не по правиламъ церковицъ, брат-
чики имѣли власть «противиться ему, какъ врагу истины». Ползаясь
этими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержаніе православ-
ныхъ дворянъ, которые стали охотно вписывать свои имена въ брат-
скіе реестры, братства настойчиво стараются простираТЬ свое вліяніе
на высшее управление дѣлами западно-русской церкви и обуздатъ свое-
вольное и безнравственное духовенство: они ставятъ архіереевъ на видъ
всѣ безобразія, творившіяся тогда въ іерархической средѣ, побуждаютъ
ихъ созывать ежегодно соборы, сами посыпаютъ на эти соборы своихъ
уполномоченныхъ и вносятъ предложения, направленія къ кореннѣй
церковной реформѣ и къ возстановленію древняго ея благоустройства.
Такъ, напр.; въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ братскіе «послы» или
депутаты внесли между прочимъ слѣдующія важныя предложенія: обѣ
измѣненіи существовавшихъ порядковъ замѣщенія высшихъ церковныхъ
должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти долж-
ности путемъ избрания, а равно обѣ учрежденія въ юго-западной Руси посто-
яннаго зѣстопребыванія патріаршаго экзарха или намѣстника въ ви-
дахъ усиленія надзора за жизнью и дѣятельностью высшей іерархіи.

Наконецъ, потерявъ надежду на добровольное исправление своихъ владыкъ, братства стали побуждать константинопольского патріарха къ созыву чрезвычайного собора для суда надъ ними.

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ стали тогда многие изъ архіереевъ, уже достаточно усвоившіе шляхетско-католическую теорію о непрекаемости авторитета власти епископской и невмѣшательствъ мірянъ въ церковныя дѣла. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ отъ патріарховъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ архіереевъ поднялся вопль о томъ, что патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ: шевцамъ, гѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопы-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣиваются вмѣшиваться въ церковное управление и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что-нибудь «о собѣ промышляти». Это «промышлениe» о себѣ западно-руссихъ архіереевъ выражилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уїї и въ число главныхъ условій этого договора внесли требование, чтобы выданная братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ. Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уїї, а о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ одинъ изъ современниковъ выразился, что онъ, томимый со стороны львовскаго братства, былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самого дьявола, а не то что римались. Архіерейское вѣроотступничество нимало не остановило начавшагося на Руси своего рода реформаціоннаго движения: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви со стороны владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія, и такимъ образомъ архіереи сами подали поводъ къ еще болѣе решительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Заволновались церковныя братства, къ нимъ присоединились мѣщане и большинство православныхъ дворянъ, и всѣ въ одинъ голосъ протестовали противъ уїї и заявляли именемъ всего русскаго народа, что не признаютъ бо-

лье измѣнниковъ-архіереевъ своими пастырями. Напрасно король старался успокоить эти волненія, угрожая мѣщанамъ и убѣждая дворянъ, что они, люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архиастырями, но должны безпрекословно слѣдовать за ними, не испытывая, чѣму учать тѣ, которыхъ Духъ св. дѣлъ имъ въ вожди до конца жизни. Этому, чисто католическому принципу православные противопоставляли свой, соборный принципъ и утверждали, что бѣзъ совѣшаній соборныхъ и бѣзъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи. Вскорѣ былъ открытъ знаменитый брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ «колъ» или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся однако вмѣстѣ и разсуждавшихъ сообща. Коло свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго; въ его составъ входили депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также отъ церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, прибывши на соборъ съ инструкціями отъ своихъ избирателей, сходными въ двухъ главныхъ требованіяхъ: а) чтобы митрополитъ и владыки, самоволно подчинившися папѣ, были низложены и лишены духовнаго сана, и б) чтобы затѣянная ими єдинія была отвергнута. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательного разрыва между двумя направлениями, дававо уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клирикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направлений, какъ не согласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику — латинству; разсчитывая при его помощи достигнуть преобладанія надъ направлениемъ ему противоположнымъ, оно въ свою очередь старается, въ видахъ самосохраненія, оживить и яснѣе формировать свое основное начало. Таковъ, по нашему видѣнію, внутренній смыслъ борьбы между єдиніей и православіемъ, открывшейся тотчасъ послѣ брестскаго собора.

Унія стала теперь виѣшнимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархического полновластія въ церковныхъ отпоменяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопределение въ дѣлахъ вѣры и самоуправление въ дѣлахъ церкви, какъ религиозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣнениемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, несмотря на первоначальную малочисленность открытыхъ ей приверженцевъ и вообще негодованіе, съ какимъ встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появление, не погибла преждевременною смертью, но съ течениемъ времени стала приобрѣтать сочувствие и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ недавно еще клялась на брестскомъ соборѣ оказывать ей все-возможное противодѣйствие. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборного строя, основанаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому безсословно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ южной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавши за него свое достояніе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ православной церкви, нежли въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа, въ лицѣ его представителей—казаковъ.

Чтобы иллюстрировать наше положеніе, обратимъ вниженіе на полемическую литературу того вѣка, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣ же основные принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе-же то были принципы? Если исключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ обра-

сомъ къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ въ первомъ патристическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту унії, проводится слѣдующая воззрѣнія: соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кроме нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса: право разсуждать обѣ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не мірянамъ, которые обязаны слѣдить вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями своихъ пастырей, даже и тогда, когда бы они заблуждались, ибо въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловного повиновенія имъ. Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ «Апокризисѣ», искусно опровергаются эти патристическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ, соборная понятія православной церкви. Съ особенной смѣлостью авторъ «Апокризиса» развиваетъ и защищаетъ тезисъ обѣ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ усвояетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о доктринахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ обѣ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ Апокризиса называетъ *жидовскими* ученіемъ, говоря, что «такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ рабиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество нелѣпыхъ выдумокъ, приказали жидамъ вѣрить всему этому подъ угрозою проклятія»; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать, согласно-ли съ словомъ Божіимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вражумлять постѣдныхъ, когда они заблуждаются или поступаютъ беззаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложению; «ибо, говоритъ онъ, кто имѣетъ право избирать духовныхъ, тотъ можетъ и низвергать ихъ». Уніатскіе писатели объявили автора «Апокризиса» еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣ же воззрѣнія были повторены и другими, несомнѣнно православными по-

лемистами. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія простого южно-русскаго монаха, Иоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ то время въ одномъ изъ мѣонскихъ монастырей и оттуда приславшаго въ Малую Русь свои поистинѣ «соборныя» посланія. Вишенскій не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и безъ сомнѣнія вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго общества. Въ своихъ посланіяхъ онъ проводить тѣ же воззрѣнія, что и авторъ «Апокрифіса», но формулируетъ ихъ съ большою еще смѣлостью и рѣзкостью. «Да будуть прокляты, восхликаетъ онъ, владыки, архимандриты и игумены, которые на мѣстахъ святыхъ лежучи, троши збираютъ, жены украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты заijdутъ, роскошь свою поганскую исполняютъ». Онъ прямо провозглашаетъ, что «хлоны, кожемяки, сѣдельники, шевцы», вообще міряне и простолюдины—это и есть самое тѣло церкви, имѣющее, по гласу Христову, власть «скверно- начальника (архіерея) извергнуть, осудить и даже подвергнуть отлученію». Въ другомъ жестѣ онъ убеждаетъ православныхъ: «всякого такого, который на священническій санъ не по правиламъ восходитъ, але похоти плотскія ради, и мяѣнія и наиства самъ наскакуетъ, не пріимайте, и отъ короля даного, безъ ваниого избранія, изjdенѣте и прокленѣте. Лѣпшие наимъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкви ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званими, у церкви быти и съ той ся ругати. Не попы бо насть спасуть, или владыки, или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненiemъ заповѣдей Божиихъ—тое насть спасти масть».

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсь клерикальнымъ тенденціямъ католико-уніатской партіи. Правду сказать, никогда еще соборный принципъ православной церкви не формировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ нами полемистовъ, особенно же у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Мы упомянули, что католико-уніатскіе писатели признавали ихъ мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; къ этому прибавимъ, что такими-же

отчасти признаются и некоторые изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными богословами. Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Скажемъ лишь, что голосомъ всей западно-русской церкви подобныя мнѣнія признавались тогда вполнѣ православными, а если кто изъ православныхъ начинать смущаться ихъ церковно-республиканскимъ характеромъ, тотъ неминуемо оканчивалъ тѣмъ, что измѣнялъ православію и оказывался въ рядахъ уніи. Это именно и случилось съ однимъ изъ талантливѣйшихъ слугъ и защитникомъ православія, известнымъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершившихъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, неожиданно стала соблазняться тѣмъ, что въ южно-русской церкви «не духовные въ спрахахъ духовныхъ радятъ, але свѣтскіе, а духовные (какъ онъ выражался) только рго *forma*», и это сознаніе произвело столь рѣзкий переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свою прежнюю дѣятельность, признавъ ее насажденіемъ на Руси «лютерской и кальвинской ересей», и перешелъ въ унію. Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрившіе такое участіе. И когда въ 1620 г., въ южной Руси была снова возстановлена высшая правоединая іерархія и вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ-же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., присяла себѣ въ руководство слѣдующее постановленіе: «Не слѣдоватъ безбожному папскому правилу, но которому хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не смѣеть сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Поэтому не гнѣваться на младшихъ или низшихъ степенію, если-бы они архіереи и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться. Ипатій Чотѣй, Рагоза и другіе иль единознаніи были немалыя головы, не смотря на то предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые люди, дерзали обличать ихъ безбоязненно. Тоже подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ».

Съ тѣхъ поръ до самаго конца существованія самостоятельной киевской митрополіи, всѣ церковныя должности въ Малороссіи отъ митрополита до приходскаго священника были избирательныя и общеніе между духовнымъ и мірскими сословіями было такъ тѣсно, что нерѣдко на высшія духовныя достоинства были избираемы заслуженные козаки, и наоборотъ—лица духовныя при случаѣ выбирались въ войсковыя должности. Такъ еще въ 1692 г. въ архимандриты киево-печерской лавры былъ выбранъ единогласно значный войска запорожскаго товарищъ, войсковый генеральный судья Михаилъ Вуяхевичъ, а подъ 1715 г. малороссійскія лѣтописи передаютъ, что какой-то протопопъ Лисовскій «того року сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ учиненъ». Что-же касается сельскаго малороссійскаго духовенства, то и въ настоящую пору живо еще поколѣніе, которое хорошо помнитъ тѣ времена, когда сельскія «громады» па Українѣ вольными голосами выбирали къ своимъ «парахвіямъ» священниковъ и заключали предварительный договоръ относительно ихъ обезпечениія и вообще взаимныхъ отношений. И кто знаетъ, не въ этой-ли свободѣ отношеній между пастырями и пасомыми кроется объясненіе того, почему у насъ въ старину и духовенство было дѣятельнѣе, и школы и инитали существовали почти при каждой церкви, и общество пиаче относилось къ церкви и къ духовенству, и не было слышно тѣхъ нареканій на него, какими столь болгато наше время.

О. И. Левицкій.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Новость изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ¹⁾).

IV.

Вѣсть о томъ, что Балабуха отбылъ ольшаницкую парофию у Моссаковскаго, пришла скоро въ Чайки. Какой-то дьячекъ, бывъ въ Ольшаницѣ, заѣхалъ въ Чайки и передалъ эту вѣсть матушкѣ Прокоповичѣ. Отецъ Степанъ на ту пору отдыхалъ въ пасѣкѣ. Лишь только гость за порогъ, матушка опрометью бросилась въ пасѣку и чуть не опрокинувъ улья на пути, влетѣла въ »катрагу«. О. Степанъ сладко почивалъ, лежа на спинѣ и вольно раскидавъ руки и ноги. Матушка дернула его изо всей силы и крикнула на всю пасѣку.

— Чи ты знаєшъ, що сталося? Чи ты знаєшъ, що дістесь?

— Га, що, де? Пожежа! крикнула въ свою очередь панъ-отецъ; схватившись съ своего ложа и уївшишись на лавкѣ.

— Чи ты знаєшъ, що сталося? крикнула еще громче пани-матка и толкнула своего »господинка« въ бокъ.

— Що? церква горить? Дзвони на гвалть! лизъ на дзвиницю! кричалъ въ просонкахъ Прокоповичъ.

— Лизъ уже ты на дзвиницю, та дзвони. Пропала Вильшаниця, та вже й не вернется.

— А, злодій! Хтось укравъ Вильшаницю? Запрягай кони та дотяни,—молоть совсѣмъ еще сонный панъ-отецъ.

¹⁾ См. »Киевская Старина« 1884 г., юньск. кв., стр. 267—288.

— Та перехрестись, та прочумайся! вразумляза его пани-матка. Яки тамъ злодіи! Ось Балабуха одбивъ Вильшаницю у нашого Харитона. Тильки що бувъ дакъ, забула вже звидкиль, встутивъ до господы, та й росказавъ оце.

— Та чортъ ёго бери, коли одбивъ. Про мене, нехай соби исса одибъе. Тильки мене перелякала. Я думавъ, що може де нибудъ пожежа, сказалъ Прокоповичъ, занятый только сномъ и опасенiemъ пожара.

— Отъ тоби й на! Це гарний батько! А що жъ теперъ робiteme наша Онися? спросила Прокоповичка.

— Про мене, нехай соби й за Балабуху йде! пробормоталь Прокоповичъ, ничего уже не соображавшй;—на него налегъ сонъ и онъ, какъ спопъ, свалился на лавку.

— Та вставай, та давай намъ пораду! крикнула матушка и дернула мужа такъ, что тотъ чуть не полѣтѣлъ подъ лавку и со страха уцѣпился обѣими руками за жену.

— Одчепись, бо якъ дамъ, то й перекинешся! закричаль онъ сердито, снова сѣвъ на лавку: дай мени доспати, а потимъ...

И о. Степанъ сидя дремалъ, сѣсивъ голову и упершиесь руками въ колѣни.

— Вставай. Онъ архіерей приихавъ! крикнула ему жена, замѣтивъ, что онъ дремлетъ.

— А вже-жъ! Пиддуришъ, якъ разъ, не откryвая глазъ, проговорилъ о. Степанъ и опроміпувшись на лавку лицемъ къ стѣнѣ, мгновенію захрапѣлъ. Жена плюнула съ досады и пошла въ комнаты на совѣтъ къ Онисю.

Онися ходила по свѣтлицѣ и спокойно забавлялась сѣмечками, точно ничего непріятного не произошло. Мать замѣтила ея равнодушный видъ, и ее разбирала невольная досада на равнодушіе къ слушавшемуся со стороны мужа и дочери и что ей одной приходилось мучиться за всѣхъ.

— Похожай доню, та насцинячко лузай! проговорила она язвительнымъ тономъ, обращаясь къ дочери.

— А що-жъ маю робити! отвѣчала дочь. Хиба сиду, та буду слезы лити?

— Ато-жъ нема чого плакати? съ сердцемъ вскрикнула мать.

— Я, мамо, не зъ тихъ, що плачутъ, спокойно сказала Онися и по прежнему ходила и грызла сѣмячки.

— Якъ не зъ тихъ, то про мене, йди замижъ за карапишан-скаго дяка, бо вже попадею не будешъ.

— То й пиду! Още велико лихо! Хиба дякъ не чоловикъ.

— Якій винъ чоловикъ! будешъ лито й зиму боса ходити та горицомъ воду посити.

— Абы не дирявый горицъ, та й носитиму, сказала Онися, глядя въ окно и не переставая грызть сѣмячки.

— Хиба-жъ ты думаешьъ за ёго йти замижъ? крикнула мать.

— А бо що?

— А те, що винъ поцомъ у Вильшаници не буде. А якажъ друга громада выберетъ такого дурня за попа?

— Харитонъ не дурень. Я ёго люблю и за ёго замижъ пиду, хочь-бы я на вики зосталась дичихою, сказала Онися, снова заглядывая въ окно.

Если-бы Онися не глядѣла въ окно, а взглянула на мать, послѣдняя, быть можетъ, стала бы мягче и покойнѣе: равнодушіе дочери раздражало ее.

— То ты пиденъ за того дяка, за ту чехоню? Ба не пиденъ! крикнула мать.

— Ба пиду й за чехоню, тихо сказала Онися, сдерживая гнѣвъ.

— Ба не пиденъ, бо мы тебе не отдамо!

— Я й сама пиду. Хиба я маленька, щобъ вы мене отдавали.

— Та мы тоби ничего не дамо! Пиденъ до ёго хиба пишени въ Казраши.

— То й цишки пиду. Це мени пе загажить.

— Шфу на того дурного дяка. Та винъ-же отъ хлібъ святый обминяйтъ, а до тебе й слова не промовивъ. Ото знайшла розумъ.

— Тимъ винъ мени й сподобався. Вмію я й сама говорити. Якъ бы въ ёго бувъ языкъ довгій, ябъ ёму наклада новень визъ гарбузъ, якъ вашому академистови.

— Якъ ты ёму не накладешъ гарбузинъ, то я ёму накладу не то въ визъ, а въ ёго голову, бо въ ёго голова така розумна, якъ гарбузъ.

— И, вже ваше минуло. Не часъ вамъ гарбузувати. А я Харитона люблю и билынъ ии за кого замижъ не ишу, окримъ ѿго, хочъ-бы тутъ двадцать академистивъ було.

Тяжело вздохнула мать, хлоннула дверью и пошла къ мужу. Отецъ Степанъ хропѣлъ такъ, что лавка подъ нимъ дрожала. Матушка поглядѣла, потопталась и не рѣшилась прерывать крѣпкій сонъ своего мужа, между тѣмъ пройдясь по саду, пѣнного остыла, успокоилась и побрела въ комнаты. Опися ходила по свѣтлицѣ и грызла сѣмячки.

— Хто ёго зна, ишо це га люди, заговорила какъ-бы про себя мать, переступая порогъ: той хропе въ катрази, а ця насинячко лузя. Немае имъ дила ии до чого. Сама за всихъ клопочись, тай годи.

— За мене, мамо, не клопочиться. Я сама за себе поклопочусь, сказала Опися.

Только что Опися произнесла эти слова, какъ на дворѣ залаяли собаки и раздался глухой трескъ вѣзвѣжавшаго воза. Опися, не взглянувъ даже въ окно, догадалась о томъ, кто вѣзвѣжалъ во дворъ. Догадывалась и мать и тѣмъ не менѣе спросила:

— А хто то прыихавъ?

— Владайтѣ! отозвалась Опися, не обращаясь къ матери.

— Певие карапишанска чехоня, сказала со злостью мать, удалившись въ комнату, и прибавила: крутись-же зъ пимъ, бо я не буду коло ёго папъкаться.

Спустя пѣсколько минутъ отворилась дверь въ свѣтлицу и на порогѣ показался Моссаковскій въ черномъ длинномъ жупанѣ, въ сапогахъ на подборахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ рубахи, застегнутой на этотъ разъ голубой лентой. Лице его сіяло, синія очи блестѣли тихимъ радостнымъ свѣтомъ. Русыя кудри свѣтлымъ пламенемъ охватывали кругомъ его голову. Подъ мышкой у него бѣлья паляница. Прекраснѣйшая величина на Моссаковскаго черезъ порогъ не ласковыми очами, приотворила дверь и стала за ней. Моссаковскій взглянулъ на Описю и на его матово-блѣдномъ лицѣ появился легкій румянецъ. Опися почуяла въ себѣ непонятный страхъ при видѣ этого совсѣмъ смиренаго человѣка. Она чувствовала, какъ забилось въ груди ея сердце, какъ стыли ся руки и ноги.

— Добры-день вамъ! эъ недилею будьте здорови! тихо сказалъ Моссаковскій и поцѣловалъ Онисю въ руку.

Онися поцѣловала его въ щеку и мгновенно почувствовала, что кровь хлынула ей въ лицо, а руки и ноги совсѣмъ онѣмѣли.

— Доброго здоровьячка! спасыби вамъ! сдава слышно отвѣтила Онися. Моссаковскій положилъ наляницу на столъ, остановился и опустилъ руки. Онися попросила его сѣсть, Моссаковскій робко опустился на стуль.

Настало молчаніе, Моссаковскій и Онися не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза. Мать стояла за дверью и все прислушивалась.

— Правдива чехона! подумала она послѣ пѣкотораго ожиданія, не вміє навить изъ дивною чоговорити й чожартувати. Мій отець Степанъ не такъ поводився зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ.

Долго молодые сидѣли и молчали. Онися зпала, что Моссаковскій готовъ до вечера молчать да смотрѣть на нее; но ей самой становилось неловко, и она наконецъ прямо заговорила о томъ, что у нихъ обоихъ было на мысли.

— Вы, Харитоне Петровичу, може думаете, що я одкинусь одъ васъ черезъ те, що вы втерили вильшаницкую парфюю? Не думайте сего...

— Ни, я... ничего не думаю... на силу отозвался Моссаковскій и сказалъ правду: въ ту минуту онъ дѣйствительно ли обѣ чѣмъ не думалъ, но только глядѣть на Онисю и любовался ею.

— Я не одкинусь одъ васъ, я пиду за васъ замижъ, хоть-бы вы остались дякомъ въ Карапишахъ, смѣло сказала Онися.

— Спасыби вамъ, Онисе Степановно! Или вы добри.

Мать за дверью такъ мотнула головой, что памятка на ея плечахъ проподнялась чуть не выше головы.

Моссаковскаго лицо горѣло, глаза блестѣли отъ радости; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Ониси, но даже глазами не шевельнулся.

— Я пиду за васъ замижъ, хоть-бы мій батько та мати не пристали на те, опять сказала Онися и съ этими словами схватилась съ мѣста и сѣла рядомъ съ Моссаковскимъ. Моссаковскій не выдержаль, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Онися цмоинула его въ щеку.

Мать, застывшавъ цѣлованье, дернула дверью и вскочила въ свѣтлицу. Молодые сидѣли, потупивъ глаза. Лице Прокоповички было блѣдно, глаза горѣли, какъ угли.

— Оце гарно,—начала она, сій Богу гарно! Де весиляя, а вони вже цмокаются.

— Ей Богу я ни въ чому не винептъ, тихо промолвилъ Моссаковскій, схватившись со стула и цѣлую Прокоповичку въ руку.

Прокоповичка не знала, что дѣлать, что болыше сказать; метнулась сюда-туда по свѣтлицѣ, такъ что памятка на ней заколыхалась, и молча выпла въ садъ.

— Ваша паниматка на мене чогось сердяться, сказаль Моссаковскій; вони не одадутъ васъ за мене.

— Якъ не одадутъ, то я сама пиду, сказала Опися, сердито глянувъ въ слѣдъ удалившейся матери.

А мать межъ тѣмъ бѣгомъ устремилась въ пасѣку и, найдя мужа уже проснувшимся, накрыла его, какъ говорится, мокрымъ рядномъ:

— Иди вже до хаты, та говори зъ тимъ дякомъ. Вже прыихавъ мабуть по мою душу!

— Отъ и добра, що прыихавъ: буде зъ кимъ по чарци выпити.

— Тоби тильки по чарци. Готовый свою дитину иронити. Сплять соби, а я одна клоочусь та бигаю.

— Вже правда, що разбигалась, якъ курка зъ лайцемъ; не дала й выспатись. И чого пакъ ты прибигала въ пасику гвалтувати? Що тамъ трапилося: чи пожежа, чи?...

— Пожежа! Добра пожежа! Балабуха одбивъ Вильшаницю одъ Моссаковскаго. Виддавай темеръ дочку за дяка.

— А дочка що каже?

— А дочка здурила. Иди ще ты поговори зъ пею: цилуется зъ тѣмъ дурнимъ дякомъ, нема стыда й сорома.

— Гм... Гм... Це вже не до заду... Треба щось робити... закончила Прокоповичъ, направляясь съ женою къ дому.

Тѣмъ временемъ Моссаковскій сообщилъ Описѣ, что ольшаницкая громада выжила Балабуху и что владыка таїмъ предоставилъ ему оттѣ приходъ, какъ того желала громада. Опися сообщила, что въ такомъ разѣ ей и думать не обѣ чемъ и что родители ся никакой пѣть пужды мѣнять свое слово. Одно то ей ждало, что, благодаря робости и молчаливости ся жениха, дѣло не вдругъ объясняется; бо и это болѣе забавляло, чѣмъ беспокоило ее.

Скоро появились папъ-отецъ и пани-матка. Моссаковскій привѣтствовалъ ихъ низкимъ поклономъ. Онися съ любопытствомъ поглядывала то на отца, то на мать. Мать сѣла на капакѣ, надулась, глядѣла на стѣну и молчала. Отецъ смотрѣлъ покойнѣе и ласконѣе; не желая раздражать жены, онъ обратился къ Онисѣ и велѣлъ ей принести водки и закуски. Онися послѣшно выходила; мать въ догонку говорила:

— Та нарижь, Онисю, теси паліаныци, що лежить тамъ зъ самого верху!

Онися усмѣхнулась: съ самаго верху лежала черствая паліаница. Онися нарѣзала самой свѣжей и вынесла вмѣстѣ съ водкой въ свѣтлицу.

Выпили по рюмкѣ. Моссаковскій молчалъ, не имѣя привычки много говорить. Прокоповичка молчала съ досады и все глядѣла на стѣну. Прокоповичъ пробовалъ завести разговоръ, но, не вполнѣ очнувшись еще отъ сна, только зѣвалъ во весь ротъ. Молчаніе и надутый видъ жены ему не нравились и онъ, желая развеселить ее, обратился къ ней съ шутливымъ вопросомъ:

— Чого це ты, паниматко, такъ пильно дивишся на стину? Чи мухъ личишъ, чи що?

Прокоповичка бросила на мужа гибній взглядъ и стала смотрѣть на печку такъ пристально, будто тамъ была очень искусно написанная картина.

Въ свѣтлицѣ опять стало тихо. Прокоповичъ еще разъ зѣвнуль и перекрестилъ ротъ. Всѣ молчали, Прокоповичъ вновь начать поддразнивать жену.

— Отъ же ты, паниматко, закохалась въ груби. Дивися тай дивися на пеи и очей не зводишъ, сказалъ онъ.

— Говори вже ты; мени нема чого говорити, сердито отвѣтила Прокоповичка, не сводя глазъ съ печки.

Онися внутренно смѣялась. Моссаковскій глядѣлъ въ землю.

— Выпиймо ще по чарци! Може зъ чарки добудемо размовы, сказалъ Прокоповичъ, наливая по второй.

Выпили по второй; языки въ самомъ дѣлѣ развязались. Прокоповичъ сталъ распрашиватъ Моссаковскаго про Ольшаницу, по издалека.

— Иль же вы, Харитоне, думасте теперъ распорядитися собою? спросилъ опь Моссаковскаго.

— Мени треба скорише женитись, щобъ часомъ зновъ хтось не отбивъ у мене Вильшаныци, отътиль Моссаковскій. Прокоповичка перевела глаза съ печи на дверь.

— Якъ же такъ! А Балабуха де дився? спросилъ Прокоповичъ.

— Балабуха мусицъ выихати эзъ Вильшаныци, бо ёго громада не схотила держати на парафіи. Владыка оддавъ мени Вильшаныцу, сказаль Моссаковскій.

Прокоповичка перевела глаза съ дверей на Моссаковскаго и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Така оддавъ вамъ парафію? вскрикнула она, схватившись съ мѣста.

— Оддавъ, совершенно спокойно отвѣчалъ Моссаковскій. Громада настояла на своему. Теперь мени треба поснинати, щобъ парафія зновъ не втикла эзъ руку.

— Голубчику, Харитоне! Цздоровляю васъ одъ щирого сердца! воскликнулъ Прокоповичъ и бросился обнимать Моссаковскаго. Прокоповичка въ свою очередь начала обнимать и цѣловать его. Всѣ развеселились, всѣ говорили, пихто никого не слушалъ. Прокоповичка засуетилась, завертѣлась, выскочила въ спальню и снова въ свѣтлицу вѣжала. Овnisя хохотала, закрывшись рукавомъ.

— А що, паниматко, коли поличила вси мухи, то ставъ могоричъ. Выносъ наливки, настойки, запикалки! Давай на стиль широги, калачи, всяки ласонци, маки маєшъ! Давай разомъ полуденъ и вечерю, выкрикивалъ Прокоповичъ.

Прокоповичка бросилась въ кладовую, въ кухню, подняла на ноги всю прислугу. Въ кухнѣ затопили въ печи. Закричали куры подъ пожемъ, завизжалъ поросенокъ, котораго взяли на закланіе. Въ свѣтлицу какъ будто на крыльяхъ влетѣли фляшки съ наливками и настойками. Откуда взялись широги въ систанѣ, бублики на яйцахъ, маковники, всякие «пундюки». Пояшла чарка за чаркой, полилась веселая бесѣда. На всѣхъ сіяла радость. Моссаковскій разговорился, раскраснѣлся, повеселѣлъ. Прокоповичка любовно глядѣла на его нѣжное съ румянцемъ лицо и только теперь убѣдилась, что опь похожъ отнюдь не на чехоню, а на какого нибудь павка.

— Теперь хочъ и пидъ винецъ! не выдержала и осмѣшила выказаться Прокоповичка, выпивъ чарку запеканки: нема памъ чого

гаятись. Въ цоли, хвалити Господа, зовсімъ обробились, дома роботы не гуртъ,—можно й погуляти.

— Про мене, хочъ и заразъ, сказаъ Моссаковскій; бо справди нема чого гаяти чать.

— Шкода, що вы не прихали зъ братомъ: мы-бъ оце поговорили зъ нимъ, якъ зъ сватомъ, говорила Прокоповичка, ласково глядя Моссаковскому въ глаза. Про те мы своеї дочки не обидимо: съ въ насъ, хвалити Бога, и худоба, и кони, и возы, и плуги.

— И спасыби намъ, паниматко! Хто-жъ не знає про вашу добристы? Про це нема чого й говорити, съ довѣріемъ произнесъ Моссаковскій.

— Одна дочка, одна дитина: для кого-жъ мы дбали? прибавилъ Прокоповичъ, и тѣмъ кончились переговоры о приданомъ.

Пошла чарка опять изъ рукъ въ руки. И гость и хозяева, перекидываясь веселыми шуткам и прибаутками, принялись за полдникъ и не переставали выпивать и закусывать, пока не настало время «вечери». Прокоповичка, снимая со стола закуски и очищая мѣсто для ужина, со вздохомъ произнесла:

— Оце-жъ я наварила й напекла, та не буде кому вечеряті: ко-либъ Господь принисъ якихъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, пани-матко, отозвался Прокоповичъ: якбы Господь пославъ гостей, то все-бъ таки бильше ззилось и выпилось въ кумпашії.

Какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, неожиданно для всѣхъ въ свѣтлицу вончель старшій братъ Харитона, завернувшись мимоѣздомъ.

— Десь Господь послухавъ мої молитви и принисъ васъ, иначе на крылахъ! радостно вскричала Прокоповичъ и бросилась обнимать и цѣловать гостя.

Прокоповичка отъ радости и съ хмѣлю чуть не поцѣшилась гостю на шею. Она ся цѣловала его руки, а Харитонъ въ увлеченіи обіцпмъ восторгомъ такъ прижималъ и цѣловалъ брата, будто не видѣлся съ пимъ много лѣтъ. Настало новое оживленіе, пошла опять кругована, разошлись въ бесѣдѣ, запчуяли.

— Теперь моя вечера не пропаде! сказала Прокоповичка и побѣжала въ кухню.

Въ неупродолжительномъ времени столъ былъ готовъ къ ужину: по срединѣ его, какъ на громадскомъ обѣдѣ, возвышалась цѣлаз гора свѣже-парѣзанной паяпицы, по краямъ протянуты были полотенца, въ замѣнѣ салфетокъ. Добавлено было разныхъ настоекъ и наливокъ, долито было и широкое *пуздро* (родъ графина) съ водкой. Усѣлись за столъ, выпили со всѣми причитаньями по первой и принялись за лашпу съ курицей такъ усердно, какъ бы дотолѣ во рту съ угра ничего не держали. Выпили по второй, и отъ большущаго поросенка скоро остались однѣ только кости. Справились съ болѣшимъ полумискомъ жареныхъ куръ и закончили варениками, выпивая *до и по*, и паконецъ на потуху.

Прокоповичъ давно уже чувствовалъ, что у него шумитъ въ головѣ и потому спѣшилъ закончить дѣломъ.

-- Ну, господине, началь онъ, обращаясь къ нареченному своему зятю, пока ще наши языки повертаются въ роти, поговоримо по Божому, коли то намъ те веселля справляти.

— Воля ваша, отець Степанъ, сказалъ Моссаковскій; мени здаеця, що нема чого одкладати.

— А вже-жъ нема чого одкладати, подхватила Прокоповичка, пуще всего боявшаяся, чтобы кто нибудь опять не отнялъ прихода у Харитона. По предложенію о. Степана, согласились всѣ праздновать свадьбу чрезъ недѣлю.

— Въ субботу сиечено коравай та шишки, а въ неділю й до винца, заключила Прокоповичка, поправляя на головѣ очишокъ и намитку «.

Встали изъ за стола, помолились и вновь присѣли. Въ свѣтлицѣ стояла духота. О. Степанъ раскрылъ окна; въ комнату целилась свѣжая прохлада сухой, теплой осени. Надѣ садомъ по темному пебу блестѣли звѣзды; но пресыщеннымъ гостямъ и хозяевамъ не приходило въ голову любоваться звѣздной почью; они сидѣли и цыхтѣли, обтирая потъ. Бесѣда не клеилась, всѣхъ клонило ко сну. Немилосердно зѣвнула о. Степанъ, га нимъ пали-матка, по томъ старшій гость. Только Онися, забывшись въ уголѣ съ Харитономъ, тихо щебетала, какъ пріѣзжалъ свататься Балабуха и какъ падавала ова ему «гарбузовъ», а Харитонъ съ дѣтскимъ смѣхомъ слушать ся разсказъ, жадно слѣдя за движеніемъ ея кро-

шечныхъ губъ, изъ подъ которыхъ блестѣли, какъ жемчугъ, ровные красивые зубки.

— Теперь хоть и до дому, сказаъ наконецъ братъ Харитона, наѣзвавшись до слезъ.

— Та зоставайтесь почувати, просилъ Прокоповичъ, не твердо державшися на стулѣ: пичь темна: треба переправлятись черезъ Рось. Борони Боже якои намасті!

— И хто таки въ глупу ничъ ѿде? приговаривала Прокоповичка. Зоставайтесь! Постелемо отутъ покотомъ; выспитесь добре, та тоди ѹ поидете.

Но и сама она чувствовала, и гости понимали, что это такъ ради «зычую» говорится.

Когда гости стали прощаться, хозяева стали выполнять другой «зычай».

— Выпиймо-жъ на дорогу, щобъ колеса не торохтили, произнесъ Прокоповичъ, лаливая по чаркѣ.

Вышли, «щобъ колеса не торохтили», и вышли на крыльцо.

— Выпьемо по другій, щобъ конямъ веселише було быти, сказаъ опять Прокоповичъ.

Вышли, «щобъ конямъ веселише було быти». Гости совсѣмъ стали прощаться.

— А ще-жъ, щобъ дорога сталаась скатертю, примолвила Прокоповичка, и изъ своихъ рукъ поднесла.

Казалось, все уже исполнено, всѣ обычай соблюдены, оставалось уѣзжать гостямъ; но о. Степанъ вспомнилъ о погоницахъ и сталъ потчивать ихъ, а какъ на нихъ закончить казалось не ловкимъ, то пришлось хозяевамъ и гостямъ еще разъ выпить на прощанье.

Была полночь, когда гости тронулись со двора. По затихшему, будто мертвому селу громко застучали ихъ повозки и дребезжацій ихъ стукъ скоро замеръ гдѣ-то глубоко внизу надъ Росью.

— А що, мамо, чи буду я соломою тошити, та горшкомъ воду носити? подшучивала надъ матерью Онися.

— Теперь-же, пани-матко, вже не бигай, ясь курка зъ яйцемъ, та не буди мене, якъ буду спочивати въ катрази, поддалъ о. Степанъ. Прокоповичка не напллась возразить дочери и мужу и лишь указывала на предстоящія сї хлопоты:

— Смійтесь, смійтесь зъ матери; набигається мати, поки ще й весілля настане.

Чрезъ недѣлю, въ субботу, въ пекарнѣ о. Степана, посѧѣ раніяго обѣда, собравшияся изъ села »молодыци« и прїїхавшія родственницы невѣсты начали готовить коровай и шишки. Онѣ постанили среди пекарни два стола, помыли руки, засучили рукава и выкинули изъ большой дежи тѣсто въ очи, а потомъ на столь. Старостиха завела тоненькимъ голоскомъ:

Свѣти, Боже, зъ раю
До нашого коровою,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибесенько!

Дружно подхватили молодиць и матушки. Закипѣла работа подъ звуки грустно-веселыхъ, не скончаемыхъ пѣсель: завертѣлись десятки рукъ вокругъ стола, защевелились голые локти, дрожа, вертясь и цѣпляя другъ друга. Громадная глыба тѣста раздроблена на большие и меньшіе куски; привычныя, быстро вертѣвшіяся руки давали имъ то ту, то другую форму: однѣ выдѣмывали сердцевину коровая, другія поясокъ къ нему, третія ширечники, четвертые вѣнецъ; тѣ вымѣливали шишки, эти голубковъ, и т. д., и т. д. Изъ частей слагалось цѣлое; соорудили коровай, вокругъ его расположили массу шишокъ, голубковъ и пр., и все это двинули съ причитаньями да съ припѣвами въ большущую широкую печь. Молодицы помыли опять руки и застлали столы скатертями. Въ пекарню вошли Прокоповичка и Онися, неся водку и закуски. Началось полдничаше. Онися благодарила мѣсившихъ, кланялась каждой въ поясъ, потчиваля изъ своихъ рукъ. Вотъ молодиць поставили дѣжу на столъ, закрыли ее вѣкомъ, зажгли и прильшили вокругъ восковыя свѣчки, стали въ кружокъ, подняли дѣжу въ верхъ и держа ее на рукахъ, съ притошуваньемъ, съ припѣвомъ трижды обошли вокругъ стола и трижды стукнули єю въ потолокъ, каждый разъ, какъ оканчивали кругъ. Запѣло все, что было въ кухнѣ, зашѣли старыя бабы, вспомнили свои молодые годы, когда и для нихъ готовили коровай... Море звуковъ залило пекарню, отдалось въ свѣтлицѣ и компатѣ и сквозь растворенные окна разливалось далеко по селу.

По ка выпекался коровай въ печи, молодицы и матушки выпивали и закусывали, перекидывались шутками и прибаутками, па этотъ случай издавна придуманными, и отъ времени до времени затягивали пѣсни, одна другой лучше. Уже подъ вечеръ вынули изъ печи коровай и шипки; коровай удался какъ пельзя лучше. Еще разъ запѣли молодицы и разошлись по домамъ, неся въ рукахъ свадебныя шипки да гостище дѣтамъ.

Въ то время, когда съ такими церемоніями готовился коровай, о. Степанъ хлопоталъ приготовить помѣщеніе для гостей, которыхъ ждали много въ лицѣ званныхъ и незванныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, парочитыхъ и проѣзжихъ. Такимъ помѣщеніемъ избиралась обыкновенно клуна, гдѣ молотять хлѣбъ, а по сторонамъ складываютъ сполы, припасаемые для молотьбы. Еще наканунѣ было утрамбовано долбешками гумно, слито водой и смазано глиной, а боковыя части, »засторонки«, освобождены отъ сноповъ, тщательно вычищены и выметены. Теперь заняты были убранствомъ свадебнаго помѣщенія: въ почетныхъ углахъ стѣны завѣшены были коврами, въ другихъ мѣстахъ простынями, рядами, кусками пебѣленаго полотна. Въ одномъ изъ »засторонковъ« поставили столы и ослоны для музыкантовъ, въ другомъ для гостей. На двухъ столбахъ, подпиравшихъ крышу, повѣшены были фонари для освѣщенія сцены, т. е. мѣста талцевъ; столы предположено освѣщать свѣчками и кагандами.

На дворѣ рѣзали и потрошили птицу и порослять, на огородѣ смалили кабана. Къ вечеру Прокоповичъ самолично привезъ изъ Богуслава большую бочку водки; Прокоповичка вытачивала и разливала наливки и настойки, варила варенуху. Вездѣ кипѣла работа, шевелились и бѣгали люди. Въ кухнѣ то и дѣло мѣсили тѣсто, пекли кишки, наляницы, пироги, варили ноги воловы, свинья и порослячы на холодецъ, жарили курь, утокъ, гусей, индюковъ, мыли посуду, прибирали, выметали. Далеко за полночь, утомленные работой хозяева и помогавшіе имъ улеглись спать, гдѣ кого сонъ свалилъ.

На утро Ониша схватилась раньше всѣхъ; ей не спалось уже, хотя на дворѣ только занималась заря. Ониша вавинула кацавейку и выпила въ садѣ. Въ домѣ всѣ спали; вездѣ было тихо. На сель гдѣ-то далеко пѣли пугухи, сышался ревъ коровы. Синее небо

широкимъ шатромъ покрывало спящую землю. Внизу дремала Рось и чуть замѣтно лоснилась ея поверхность, отражая слабый свѣтъ утренней зари. Раскинувшись по горѣ садъ, высокіе берега Роси, покрытые лѣсами, будто думу думали, глядя за Росью, на густой спящій лѣсъ, на небо, зардѣвшееся надъ лѣсомъ. Густым осенним роса гнула къ низу еще совсѣмъ здоровый листъ на деревѣ. Въ воздухѣ стояло какъ-бы лѣто и только пожелтѣвшіе кой гдѣ листья напоминали о наступившей осени.

Онися окинула глазами садъ, оба берега Роси, густые лѣса, взглянула на засыхавшія гряды чернобривцевъ да гвоздиковъ, вспомнила, что она сегодня вѣничается, что это послѣдній для нея здѣсь день и почуяла въ сердцѣ тихую боль. Ей стало жаль и садка, и густыхъ лѣсовъ, и Роси, и роднаго гнѣзда. Онися кинула глазами на широкія поля и луки за Росью, гдѣ чуть замѣтно темными чертами обозначались ольшаницкія хаты, вербы и груши, и почувствовала, что ея сердце облилось неиспытанною радостію.

— Тамъ я буду господищею, матиму свое государство, свою худобу... Тамъ мое царство и панство! подумала Онися и душа ея, какъ выгорхающая впервые изъ гнѣзда птичка, запрала и задрожала. Она гордо подняла голову, еще разъ окинула взоромъ широкую роскошную картину за Росью и не примѣтила совсѣмъ, какъ изъ-за густаго лѣса выкатилось мыло солнце, облитое короткимъ огненнымъ пламенемъ и пронизало золотистыми стрѣлами курчавые верхи дубовъ.

— Тамъ мое царство и панство! Тамъ я буду господищею! подумала Онися и спокойная, гордая вернулась домой.

— А що дочки! Часъ тоби убиратись до винца. Швидко задзвонить до церкви, сказала мать, встрѣтивъ Онисю на крылечкѣ.

Не успѣла Онися умыться, какъ къ ней влетѣли разрядившіяся по свадебному, разукрашенныя цветами и лентами дружки, дочери лучшихъ хозяевъ въ селѣ. Дивчата живо расчесали и зацѣли Онисѣ косу, увили ее густыми рядами лентъ, убрали голову цветами. Онися надѣла дорогую шахту, затканную желтымъ и бѣлымъ шелкомъ, одѣлась въ яспо-синюю юбку съ серебряными цветками, обулась въ красные сафьяновые башмаки и взяла въ руку вышитый «рушникъ». Ударили въ колоколь и Онися дошла съ дружками въ церковь.

Немного спустя приехалъ Моссаковскій съ боярами, а за нимъ стали съѣзжаться его близкіе родичи. Молодые причастились за обѣдней и, по давнему обычаяу, не выходя изъ церкви, тутъ-же обѣничались. Когда они направились домой, за ними повалило слѣдомъ все, что было въ церкви, а для такого случая собралось чуть не все село: въ тѣ поры праздникъ священника былъ праздникомъ всего прихода. Около каждого двора на воротахъ стояли покрытые скатертями столы, а на столѣ лежали хлѣбъ и соль. Каждый хозяинъ съ приближеніемъ молодыхъ привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Прокоповичка встрѣтила молодыхъ на крыльцѣ; она благословила ихъ хлѣбомъ-солью, а одна близкая родственница обсыпала новобрачныхъ овсомъ и пшеницею пополамъ съ мѣдными и серебряными деньгами. Чалѣвшія со всего села дѣти бросились подбирать деньги и немилосердно толкали, пихали, опрокидывали другъ друга, чуть не дрались. Поднялся шумъ и гвалтъ. Масса народа облегала крыльцо, наполнила весь дворъ; яркое солнце сіяло на живописныхъ уборахъ дѣвчатъ и молодицъ, переливаясь въ тысячахъ цвѣтонъ; черные свиты и головы мужчинъ мелькали, шевелились всюду по двору и у крыльца. Молодые вошли въ домъ и усѣлись обѣдать въ пебольномъ кружкѣ родныхъ. Обѣдь былъ непродолжительный; это была какъ-бы прелюдія къ свадебному циру.

Скоро послѣ обѣда начали съѣзжаться гости: собралось много родныхъ и сосѣдей, не мало и совсѣмъ непрошеныхъ; приѣхали и Мелхиседекъ съ Мартою. По срединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ; на столѣ красовалось сосновое *тише*, подъ сѣнью его *коровай*, убранный листовымъ золотомъ, вокругъ большія и малыя *тишики*. Дружки разцвѣтили *тиши* каиниою и мелкими букетиками изъ колосьевъ ржи и овса. Они сю усадили на *носади*, а за столомъ усѣлись дружки,—дочери священниковъ и подруги-крестьянки изъ села. Дружки запѣли; водворилась тишина, все замерло, все обратилось въ слухъ. Опися сидѣла задумчивая, сосредоточенная; подруги пѣли, понимая всю важность и торжественность минуты. Чувствовалось, будто совершаются священодѣйствіе, пдѣть новое вѣнчанье, не по чину церкви, а по обряду міра съ его широкою жизнью. Шѣси смыкались пѣснями: радостныя, веселыя—грустными, заунывыми. Въ нихъ вытивалось все, что могло волновать душу въ эти торжественные минуты, и спѣшнми ключемъ била жизнь

съ ея думами, мечтами, надеждами, тайнымъ предчувствіемъ Матушки взыхали, Проколовичка стояла подперши голову рукой, Онися не разъ подносила хусточку къ глазамъ...

Черепѣли наконецъ все, что положено на этотъ разъ; Онисю подняли »эзъ посаду«, и она, поблагодаривъ подругъ, въ сопровожденіи ихъ отправилась въ клуню, чтобы тамъ начать танцы. Тамъ ждали »музыки въ засторонкѣ«, а противъ нихъ длинными рядами вокругъ столовъ расположилась вся компанія гостей; столы уставлены были всякими закусками и напитками. Съ появлениемъ, Ониси, богуславскіе жидки заиграли на своихъ органахъ; открылись танцы на »току«. Для начала Онися »перекрутилась« по разу съ каждой изъ подругъ, и затѣмъ пошель нескончаемый *жозакъ* въ одилочку, по парамъ и гуртомъ, мѣняемый на десятки ладовъ. У обѣихъ широкихъ дверей толнились большія массы народа, собиравшагося со всего села. Батюшки и господари изъ села съ своими женами угощались за столами. Матушки сминались съ простыми парафіанками и только лучше выбѣленныя и болѣе тонкія намитки, да болѣе толстые намиста съ золотыми дукачами да парчевыми жупавами отличали однихъ отъ другихъ.

Солнце запло. Въ клунѣ зажгли фонари и свѣчи; »музыки« все играли; а дѣвчата съ паничами и парубками продолжали танцевать. Стали наконецъ подавать »вечерю«, точиѣ сѣнить и подбавлять кушанья и напитки, которые на минуту не сходили со столовъ. Это послужило поводомъ къ новой усиленной выпивкѣ. Нѣкоторые изъ гостей, нагрузившіеся раныше, не выдержали и подъ общій шумъ и гоготанье побрели спать, заваливаясь, гдѣ только можно было найти какое либо прикрытие. Вообще всѣ держались чинно и даже зачинные гуляки не очень напивались: ихъ день былъ въ понедѣльникъ. Лишь въ полночь все затихло. Батюшки, вообще мужчины расположились спать кто тутъ-же въ клунѣ, кто въ другихъ постройкахъ, на бричкахъ и возахъ, не заботясь о постели. Матушки разобрали прихожанки по своимъ хатамъ.

Въ понедѣльникъ рано проспулись гости, оставившіе на почѣ въ клунѣ, и калякали, лежа на сѣнѣ.

— А що, отецъ Мелхиседекъ, чи щумить въ голови писля вчорашніго? спросилъ Прокоцовичъ, толкал локтемъ своего сосѣда.

— Въ мене така голова, що зъ одного дня не замумить, отвѣчалъ Мелхиседекъ, потягиваясь подъ кожухомъ: може замумить ажъ сегодня ввечери. А въ тебе, отець Степанъ, шумить?

— Шумить, але мабуть одъ музыкъ. Сказати правду, нема писля чого й похмеляться. Але часъ ужс молодыхъ скрывати! А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та пидемо до коморы выводить молодихъ, бо вже по чарци хочеться, крикнулъ Прокоповичъ на спавшихъ »покотомъ « гостей.

Гости зашевелились, зѣвали, потягивались, но никто не спѣшилъ вставать. День быль тихій, но холодный: каждому хотѣлось еще полежать на мягкому сѣнѣ, подъ теплой покрышкой.

— Тай ледачи зъ васъ люди! крикнулъ отець Мелхиседекъ; нема на васъ мої жинки. Вона-бъ даја вамъ добромъ прочуханки. А доки вы будете отутъ вывертаться на вси боки! Онъ вскочила на ноги и попель стаскивать съ гостей одежду. Охваченые холодомъ собраты попеволѣ искашивали и припимались за свой не хитрый туалетъ: разыскивали свои кафтани, облачались и шли умываться къ колодцу, который быль тутъ-же на дворѣ, а освѣжившись холдою водою, расплстались и замлетались, а равно причесывались съ помошью лишь собственныхъ пальцевъ и потомъ расходились въ одиночку, чтобы »переговорить *Отче нашъ и Помилуй мя Боже».*

Скоро потянулись къ дому батюшки и другіе гости со всѣмъ концемъ двора, ідѣ кого почь застигла.

Собрались у крыльца, а на искосокъ отъ него была комора, гдѣ почивали молодыс. У коморы расположились »музыки« въ ожиданіи выхода молодыхъ. Раньше проникнули туда свашки: они подняли Онисю, помогли ей одѣться, повязали голову платкомъ и вывели молодыхъ изъ оночивальні. Лишь только растворились двери, юдки заиграли какой-то маршъ, подъ звуки котораго молодые съ конфузившимъ видомъ прослѣдовали въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ ихъ повели въ церковь. »Музыки« шли за ними и играли, пока они не вступили въ колокольню. Въ церкви цѣльно прошли молитву на слятіе вѣнцевъ и затѣмъ вся компанія возвратилась домой: »музыки« на пути играли, а свашки подилясьвали. Онись надѣли очи-полѣ, потомъ *намитку* и повесли въ клуню. Тамъ уже накрыты были столы и поставлены яства и питья. Подъ звуки музыки па-

чалось всеобщее сиѣданье. Къ тому времени со всого села ко двору батюшки шли да поклонъ молодымъ хозяева и хозяйки, и шли не съ чистыми руками: кто несъ курицу, утыканную калцою, кто гуся, кто утку или поросенка, кто тащилъ овцу, кто бычка либо теляку. Иные изъ хозяекъ несли суви полотна, пряжу, ленъ, ченьку. Когда окончился завтракъ, молодые стали потчивать каждого изъ гостей поочередно. Харитонъ держалъ подносъ. Опися наливала и приправляла. Выпившіе вручали или объявляли свои подарки. Молодые кланялись и обязательно съ каждымъ прѣловались. Раскочеливались батюшки и матушки: кто выкладывалъ деньги, кто заявлялъ, что дарить коня или лошеника, корону или теленка, улей или два пчель, кругъ колесъ и пр. и пр. Просыпались подарки отъ прихожанъ: дарили, что принесли и вновь обѣщали, кто мѣшокъ или мѣрку пшеницы, кто жита, проса, ячменя или овса. Всѣ прибавляли: «на ноге хазайство», и выражали свои пожеланія, кто какъ могъ. Молодые въ короткое время завелись чуть не цѣльмъ хозяйствомъ. Счастливые, довольные и въ тоже время крѣпко уставшіе, они усѣлись на свое почетное мѣсто «князя и княгини».

Заиграли «музыки»; придани, сдавъ съ руки подарки, пустились въ плясъ. Число танцующихъ росло съ каждой минутой; танцевали всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силу шевелить погами. Скоро вся клуня превратилась въ всепародное гульбище: перемѣшились мужчины съ женщинами, старые съ молодыми, міряне съ духовными. Танцевали на току и въ засторонкахъ, въ клупѣ и за клуней. Забыли крепаки свое горе и нужду, нескончаемую работу и напскіе нагаи и отдирили не хуже, чѣмъ ихъ предки на Хортицѣ. Уставшіе отъ танцевъ присаживались къ цировавшимъ за столами, выпивали и закусывали и вели шумную бесѣду, въ которой исчезало различіе между пастырями и пасомыми. Вдругъ среди общаго шума, стука, гоготанья, въ клуню вошли двѣ жидовки и одинъ жидъ. Одна жидовка тащила полную корзину курь, другая на одной руцѣ несла концепку съ яйцами, а другой держала пару утокъ за ноги. У жида въ обѣихъ рукахъ висѣли внизъ головами по два пѣтуха, а еще два пѣтуха, связанные ногами, были перекинуты черезъ плечо. Жиды направились къ тому столу, гдѣ сидѣли молодые, сами хозяева и о. Мелхиседекъ. У жидовокъ были парчевые чаушники, обшитые бисеромъ и стеклярусомъ. Изъ подъ нихъ ви-

дѣлись черные нахосы изъ шелковой материіи, закрывавши съ обритыя головы. Одѣты они были въ старые капоты; лица имѣли грязныя, выщаканныя. Жидовки приступили къ Мелхиседеку.

— Добрыдень, панотченку! поздоровлю васть эъ весиллякомъ вашои дочки. Дай Боже вамъ и вашай дочци счасты й здоровья!

— Що це за мара? Звидкия вы взялись? спросилъ Мелхиседекъ.

— Ми йдемо на ярмарокъ въ Богуславъ, та почули, що въ васть весилля, ну й занесли до васъ. Чи не треба вамъ курей? Въ мене кури гладки, ять печи. Ожъ нате поконтийте, яки добри! говорила старшая жидовка и съ этими словами она вытащила изъ корзины одну курицу, перевернула ее вверхъ ногами и приблизясь къ Мелхиседеку, ткнула ему чуть не въ бороду.

— Чи не сказилась жидивка! Тыче мени живу курку въ зубы! Попеси своему Лейби, нехай поконтиуете.

— Якъ не хочсте цеєи, ну, то визьмить оцю; це ще гладша. Я оцю курку цілый мисяць сама годувала кукурузою, продолжала жидовка и опять ткнула курицею Мелхиседеку чуть не подъ са-
мий вось.

— Одчесиши къ нечистому! Мени не треба курей.

— Якъ-же не треба? Я знаю, що треба. Выдаете таку доню, таку гарну, якъ сопце, а курсай не треба. Де вже не треба. Я выдала недавно свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. А може визьмете пивливъ?

Тутъ жидъ съ пейсами, въ напочахъ и патникахъ подсту-
пиль къ Мелхиседеку и хвостомъ пѣтуха ткнуль ему въ руки.

— Иди къ нечистому! Не знаєшъ, котримъ бокомъ показувати курсай.

— Може визьмете яечокъ! приговаривала другая жидовка: я знаю, що вамъ треба гугеля на весилля, бо я сама недавно оже-
нила свого Мояка...

— Якого це черта вы напали на мене эъ курми! Я не госпо-
дарь! отмахнулася Мелхиседекъ.

Жидъ подступила къ Прокоповичу и стала переворачивать предъ нимъ пѣтуховъ на всѣ бока. Жидовка показувала куръ Описъ, ся матери, мужу. Одна, что постарше, вновь пристала къ Мелхи-

седеку, совала ему въ лице курицей, а дальше начала пеперемонно дергать его за рясу. Мелхиседекъ разсердился.

— А ты проклятуща! Якъ ты смѣшь смыкати мене за рясу? Геть пишила къ нечистому! Иди соби зъ курми до своего Лейбы.

— На що мени ити до Лейбы, коли я васъ, Господи, якъ люблю; хай вамъ Богъ дастъ здоровьяя. На що мени ити до Лейбы, коли я и теперь коло своего Лейбы, сказала жидовка и кинулась обнимать Мелхиседека.

Мелхиседекъ схватился съ мѣста и прыснулъ, точно понюхалъ крѣпкаго табаку. Вокругъ раздался хохотъ. Жидовки не вытерпѣли и также расхохотались.

— Чи це ты мене не пизпавъ? а хиба-жъ я тебе не люблю?

Мелхиседекъ вытаращилъ глаза. Опь только теперь по голосу узнавъ жену свою Марту. Предъ нимъ стояла истая жидовка въ наушникахъ, съ шелковыми начосами, въ старенькомъ капотѣ со спущеннымъ однимъ рукавомъ, въ старыхъ патинкахъ.

Марта однако такъ измѣнила голосъ, такъ искусно въ разговорѣ поддѣлалась подъ говоръ и всѣ пріемы жидовокъ, что ее никакъ нельзя было уснать. Наушники, начосы, капотъ, патинки—все это взято было у жидовъ въ корчмѣ; въ добавокъ къ этому Марта выщакала сажею лицо, разрисовала брови, попатерла калиной и яичнымъ желткомъ щеки такъ, что сдавалась пожилою и длинноликою. Жидомъ нарядился одинъ академистъ, роль второй жидовки исполняла одна пріѣзжая дѣячиха.

Въ клунѣ поднялся смѣхъ и говоръ. Жидовъ узнали, по роль вхъ еще не была окончена. Жидъ крикнулъ «музыкамъ», чтобы играли жидовскій танецъ. Переодѣтые комедіанты пошли танцевать по жидовски, держа въ рукахъ курь и утокъ. Жидовки выступали одна противъ другой тихо, плавно, поводя граціозно станомъ и руками. Жидъ мѣрно переходилъ отъ одной къ другой, выдѣлывая граціозные пируэты, страстно глядя въ очи, осматривая сзади. Музыканты заиграли быстро, жidки подхватили полы и пошли столь же быстро выбирать ногами; лейсы, полы тряслись, куры, корзины болтались; всѣ помирали со смѣху. Въ концѣ всего танцевали, повернувшись спинами другъ къ другу: стали подскакивать на обѣихъ ногахъ, но не разомъ, а одинъ за другимъ, какъ ступы въ мельницѣ, толкая другъ друга спинами. Картина была такъ за-

бавна и смѣшина, что въ клунѣ поднялся не смѣхъ, а просто гвалтъ. На шумъ со всего двора и кухни сбѣжались парубки и дѣвчата, погоничи, наймиты и наймички смотрѣть «кумедію». Натѣшивши компанию, жідѣ бережно взялъ своихъ дамъ одну по другой подъ мышки и спесъ ихъ на стулья. Жидовки взяли въ руки по курицѣ и будто вѣрами обмахивали свои разгорѣвшіяся лица. Пошли шутки, приставаны; но актеръ и актерки, исполнивъ свою роль, шибко убѣжали.

Завтракъ все тянулся: подбавлялись закуски и питья, гости выпивали, ъли и весело шумѣли. Въ полдень Прокоповичка велѣла подавать обѣдь. За обѣдомъ шло непрерывное потчеванье; выпита была масса водки и наливокъ, но пьяныхъ не было. Потчевали по-перемѣнно хозяева, молодые, кто либо изъ родныхъ. Шли нескончаемыя причитанья, пожеланья, припрашиванья и отыкыванья: пока рюмка переходила отъ одного конца до другого и возвращалась на старое мѣсто, у выпившаго змѣль вылетѣлъ изъ головы. Съ такими-же передышками, облегченіями шло потребленіе обѣда; съѣдена была неимовѣрная масса вареного и печеного: порѣшили карбапа, сѣѣли поль быка, несчетное число куръ, гусей, утокъ, индюковъ, а гости не уставали ъсть. Подали сладкое, мучное: хрустѣ, маковники, разные коржики. Хозяинъ обратился къ женѣ:

— А що, папиматко! чи не ма въ тебе чого мицнишого одѣцеи гирькои. Щось напа горилка не дуже бѣе въ голову. Тягнемъ, тягнемъ, а въ голови не шумить. Тыбъ зварила намъ варенухи, або що.

— Я вже й зварила, безъ твого приказу, сказала Прокоповичка и послала въ пекарню молодицъ за варенухой.

Молодицы принесли два горника варенухи. По клунѣ разположился запахъ вареной водки, меду, гвоздики, перцу и всякаго коренья. Охотники до варенухи даже облизывались. Прокоповичка цаливала варенуху въ разнокалиберныя чашки, стаканы и большия рюмки. Сильный запахъ перцу съ медомъ дошелъ до другого конца клуна, гдѣ сидѣли жидки музыканты. Жидки загерготали и зацмокали языками. Батюшки дразнили ихъ черезъ «точъ», показывая имъ чашки зъ варенухой.

— Ну, отець Мелхиседекъ! теперь начувайся. Писля цеи варенухи пидешъ и ты въ танецъ, смѣялся о. Степанъ.

— А ну поицобую, чи иду въ танець, чи зостанусь на мисти и пагъ не пидведу, сказаль Мелхиседекъ.

Пока гости смаковали и хвалили варенуху, въ дворъ вошли цыгане и направлялись къ клунѣ. За ними гналась цѣлая стая собакъ. Впереди шли двѣ «плащуватыя» цыганки, закутанныя съ головы до ногъ въ разноцвѣтное тряпье. У одной за спиной торчало въ мѣшкѣ дитя, грязное, закоштѣло, почти голое. Цыганки обвѣшаны были щетками и нучками веретенъ. Ростый, черный, косматый цыганъ едва выглядывалъ изъ кучи решетъ, сить и подситковъ, которыми была обвѣшана спереди и сзади. Цыганки вошли въ клуню и направились къ гостямъ, показывая имъ щетки и веретена, цыганъ совалъ матушкамъ решета и сита, выхватывая свой товаръ. Одна изъ цыганокъ подошла къ Описѣ, взяла ее за руку и стала ворожить.

— И поздоровъ тебе, Боже! Дай тоби викъ довгій! Отъ дай свою билу ручельку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслива и вродлива, довго будешъ жить; будешъ мати двадцятеро дитет, кучерявихъ, гарнихъ та чорнявихъ, якъ свята земля. Но влади-жъ мени па руку золотого, я тоби ще ипину правдоныку скажу.

Опися положила на руку цыганкѣ золоты.

— Спасибо тоби, молодая пачи! Богъ тебе благословить. Будешъ мати тридцятеро сандушкивъ, будешъ жити зо сто роківъ та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодити надъ начами, падъ жидами. Твои сандуники будуть кучеряви та чорняви, якъ въ комини сажа. А будешъ богата, якъ свята земля и николи не вмрешъ...

Гости размѣялись. Послѣ разыгранной жидами «комедії» трудно уже было кого-либо ввести въ заблужденіе. Въ новыхъ комедіантахъ всѣ узнали двухъ дьячихъ и чорнаго пучеглазаго богуславскаго ляка. «Музыки» заиграли. Цыганъ повезъ цыганокъ въ танець, и онѣ начали настоящій дикій цыганскій танець: поднявъ свои лохмотья, они изумительно быстро въ тактъ музыки неслись по току, щелкая языками, всмѣшивая приподнятыми руками, откидывая головы назадъ, кружаась на одномъ мѣстѣ, страшно взрагивая бедрами, икрами, всѣмъ становясь. Цыганъ выдѣльвалъ «халинду», немилосердно колотя себя пятами, при чемъ сита и решета, колотясь другъ о друга, вторили музыкѣ. Послѣ

танцевъ цыгане безъ церемоніи попросили себѣ варенухи, сѣли за столами между гостями и долго еще плели всякую небылицу и во-рожили батюшкамъ и матушкамъ.

Перевалило за полдень, обѣдъ все еще тянулся. Приданки запѣли:

А все тута не по нашему,
А все тута не по вашему.
А спидания до обидания,
А обидания ажъ до полудня,
А полудень ажъ до вечери,
А вечеря ажъ о пивъ ночи!

Варенуха развеселила гостей, но не сполна ихъ. Матушки и молодицы разъохотились пѣть, а потомъ пустились танцевать. Танцевали и пѣли до вечера, пока не настала пора для ужина. Опять молодицы потащили на столы всякую живность: ставились опять холодные поти, жареные куры, гуси, поросыта, вареники въ смешанъ, мпишики, всякие пундюки. Неустанный чарка обходила столы.

Гости собирались уже вставать, какъ вдругъ подъ однимъ столомъ что-то сильно заворчало и заревло. Гости подумали, что подъ столъ залѣзла собака и не обратили вниманія; но спустя минуту послышалось новое, еще болѣе сильное рычаніе, и что-то схватило Мелхиседека за ногу. Мелхиседекъ почувствовалъ, что въ его ногу вѣпались зубы, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ. Всѣ умолкли. Въ эту минуту изъ подъ стола вынырнула какая-то страшная, черная и съ рогами голова и зегла мордой на столъ. Рога, какъ у вола, морда черная, какъ сажа, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, глаза напиты кровью. Голова зарычала. Всѣ вскрикнули. Въ одно мгновеніе изъ подъ стола выпрыгнулъ огромный звѣрь и вскочивъ на столъ, сталь на четырехъ лапахъ. Фигура звѣря походила на медведя, вокругъ висѣла длинная шерсть. На головѣ однако торчали воловы рога; вокругъ шеи повисли длинные черные космы, точно грива у льва. Звѣрь сердито водилъ глазами вокругъ, оскаливъ зубы и издавалъ ревъ на подобіе медвѣжьяго. Всѣ шарахнулись отъ него и разбѣжались; поднялся крикъ и визгъ. Жи-ды перестали играть. Звѣрь повернулся два раза на столѣ, заревѣлъ, прыгнулъ со стола и бросился черезъ токъ къ жидаамъ. Жи-

ды побросали инструменты, подняли гвалтъ и пустились удирать на другой конецъ клуни, гдѣ стомились гости. Медвѣдь погнался за жидами, поймалъ одного изъ нихъ, повалилъ на земль лапой, и стала рвать зубами. Ой вей! Гвулть! Ратуйте! кричалъ безъ памяти жидокъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы въ сторону жидовъ. Раздалось неистовое: гвулть! Медвѣдь повернулся къ обмершему жидку и поднялъ его передними лапами вверхъ. Жидокъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Настала мертвая тишина: изрѣдка слышалось: ой вей миръ! Гости сбились въ одну кучу и глядѣли въ недоумѣніи; у болѣе трусливыхъ мигомъ вышелъ хмѣль изъ головы...

Мгновенно звѣрь принялъ позу человѣка, сорвалъ рога и по-крышку съ головы, сбросилъ вывернутый перстню тулубъ: предъ глазами зрителей очутился исполинскій дьякъ. Хохоту, удивленію не было конца. Дьячекъ попытъ обмыть лицо, а жидки еще не скоро пришли въ себя, чтобы быть въ состояніи опять играть.

Удовлетворенные искусственнымъ представлениемъ гости принялись доказывать варепуху.

Загѣли вновь молодицы, къ нимъ примкнули матушки, а потомъ на долго загудѣло все священство и почтенное духовство. Шѣли сперва церковныя и просто набожная пѣсни: Съ небесныхъ круговъ, Преукрашенная, Дивное имя Твое, Стань Давидѣ звѣслами и пр. и пр., при чемъ матушки и бабки то вздыхали, то набожно крестились; но потомъ пошли свѣтовыя пѣсни, козацкія, чумакія и просто народныя: А еже козакъ та и докозакувався, Козакъ душа правдива, А я чумакъ несчастливый, Ой на гори та женции жнуть, Ой за гаемъ, гаемъ и пр. под. Пѣли хоровыя, пѣли въ одиночку: Ходить гоминъ по дуброви, Ой оре Семенъ и пр. Не смотря на то, что поющіе были подпивши, въ общемъ выходило удивительно мелодичное пѣніе, глубоко дѣйствовавшее на всѣхъ; то пѣла простая, безхитростная жизнь, веселящаяся во всю свою широту. При хоровомъ пѣніи жидки подраживались своими инструментами и вторили поющимъ. Выходило восхитительно. До полночи вся клуния пѣла и играла. Шѣли, казалось, ворота, пѣли сохи и присошки, кроквы и латы, даже самые спопки на покрышкѣ. Только въ полночь изнуренные цѣлодневнымъ весельемъ гости разбрелись по угламъ и уснули, гдѣ кому пришлось.

Во вторникъ утромъ, проснувшаяся свадебная компания чувствовала уже потребность опохмелиться. Опять сѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, поздничали до вечери, а вечерили до полночи, и уже въ среду предъ вечеромъ *перезва*, состоявшая изъ болѣе близкихъ лицъ, поѣхала въ Ольшаницу къ молодому.

Ольшаницкія молодилы еще предъ свадьбою привели въ порядокъ домъ и дворъ Моссаковскаго: выбѣлили внутри, тщательно обмазали и побѣлили снаружи, помыли окна, вычистили дворъ, почистили и подмели дорожки въ саду. Родички Моссаковскаго, уѣхавъ раньше со свадьбы, наготовили всего и ждали гостей. Пока перезва доѣхала до Ольшаницы, на дворѣ совсѣмъ смерклось. Люди со всего села сбѣгались посмотреть па молодыхъ, на перезву и якъ «смалитимуть молоду». На всей широкой улицѣ, которая вела чрезъ плотину ко двору Моссаковскаго, господари порастворяли ворота и па воротахъ поставили столы съ хлѣбомъ и солью. По всей улицѣ у каждого двора лежали кучи соломы и обмолоченные споповъ. Перезва вѣхала въ село. Соломенные костры загорались одинъ за другимъ и скоро вся улица была залита огнемъ. Огонь освѣтилъ бѣлыя хаты, застланнныя столы, освѣтилъ группы людей около каждого двора. Моссаковскій и Опися останавливались у воротъ и слѣзали съ повозки. Господари кланялись и поздравляли, молодые цѣловались съ поздравителями, оставляя по нѣсколько грошей на столѣ. Перезва медленно двигалась по улицѣ и уже поздно дѣхала до плотины. Тутъ по всей плотинѣ надъ водою стояли горящіе кули соломы. Хлопцы разложили костры везде: по надъ прудомъ, въ саду у берега, вокругъ церкви и по обѣ стоюни воротъ у Моссаковскаго двора. Пламя освѣтило прудъ; вода блестѣла огнемъ. Церковь, домъ, садъ были видны, какъ среди дня. У двора и па дворѣ стояла масса народа и ждала молодыхъ. Еще разъ остановили лошадей подлѣ церкви, гдѣ за столомъ стояли староста съ старостихой, привѣтствуя молодыхъ хлѣбомъ - солью. Между двухъ горящихъ костровъ перезва вѣхала во дворъ. У крыльца выстроились молодицы *«приданки»*. Они встрѣтили молодыхъ свадебною пѣснью и съ пѣснью провели ихъ въ покой. *«Приданки»*, тутъ-же при себѣ держали дары, которыхъ молодые такъ много уже набрали въ Чайкахъ. *«Музыки»* заиграли на крыльѣ и веселыя *«приданки»*, едва успѣть отдать дары, живо пустились

танцевать. Половина двора разомъ заплясала. Дѣвчата и молодицы стали въ большой кругъ и парами пустились въ метелицу. Костры пылали и обливали дворъ яркимъ свѣтомъ. Звонкие голоса поющіе перемѣшивались зъ звуками музыки. Парубки и хлопцы то и дѣло подбрасывали солому въ костры. Огненный свѣтъ среди темной ночи, ярко освѣщенная кроваваго цвѣту вода, изступленные танцы, массы молодицъ, музыка и пѣсни давали картинѣ видъ чего-то дивнаго, миѳического, вакханальнаго.

Весь свадебный поѣздъ вышелъ на крыльце и долго любовался необычайной картиной, пока не потухли костры, пока не истомились молодицы въ непрерывныхъ танцахъ. Музыки и гости вошли въ комнаты, а за ними и «приданки». Въ просторной свѣтлицѣ вновь начались танцы, но танцевали уже молодыя матушки, дѣтконы и дѣячихи.

На накрытыхъ нѣсколькоихъ столахъ поставлены были закуски и папитки. Ониша потчивала »приданокъ«, а Моссаковскій господарей. До поздней ночи выпивали и танцевали, пока совсѣмъ не изморились хозяева и гости.

Еще два дня тѣже и новые гости здѣсь, какъ и въ Чайкахъ, сидѣали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери. Только въ субботу разѣхались по домамъ и то потому, что священникамъ надо было служить вечерню.

Въ воскресенье послѣ обѣди собрались почестнѣйшіе хозяева, сдѣлали складку на постригъ Моссаковскому и проводили его въ Киевъ. Староста пригрѣлъ свою лошадь и отправился съ Моссаковскимъ въ путь. И родня Моссаковскаго и будущіе его духовныя и словесныя чада проводили Харитона за село; тамъ за цариною, подъ грушевою усѣлись на травѣ, выпили, закусили и распрощались. Харитонъ поѣхалъ въ Киевъ, а Ониша съ отцемъ и матерью вернулись въ Чайки.

(Продолжение сльдуетъ).

Библіографія.

(Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883.¹⁾ (Литва и Бѣлоруссія—
соч. Киркора).

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едва-
ли не единственное популярное историческое изданіе въ Россіи: разно-
образіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта застав-
ляютъ желать весьма не многаго. Точно также и со стороны содержан-
ня она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки
историко-статистического и этнографического материала. Но въ сожа-
лѣнію въ ней помѣщено прѣколько очерковъ, составленныхъ и иллю-
стрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: народности ли-
товскаго польсья, историческая судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ
и наконецъ название г. Вильны.

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго
отчета, для кого собственно и съ какою цѣлью они составлены и вле-
сены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предначинаются для
русскихъ; но, судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Мож-
етъ быть еще третье предположеніе, но неблаговидное: они предна-
значаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго
преслѣдованія цѣлей польскихъ.

¹⁾ Заемствую эту весьма любопытную библіографическую замѣтку съ яѣ-
которыми сокращеніями изъ Латовскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей. Въ недавно
полученномъ наимѣ № 13 газеты «Русь» помѣщена какъ самая эта замѣтка, такъ
еще болѣе любопытная статья проф. Кошловича, разъясняющая происхожденіе и
характеръ изданія: Живописная Россія. Оказывается, что еще въ 50-хъ годахъ

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чѣму-то ограничился только польскими источниками; на русскіе-же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія. Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія виленской археографической комиссіи, Археографической сборнику виленского учебнаго округа, Акты кіевской комиссіи, Акты витебскіе, специальная сочиненія по истории церкви митрополита Макарія, по истории ученіи профессора Кононовича, Памятники з.-русской старинѣ П. Н. Батюшкова, Исторический очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многія другія. Исключение въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ писемъ гг. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного акта с. п. археографической комиссіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-и-о, и некоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорирование массы трудовъ и исследованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтѣ въ наши дни. Съ такимъ-же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрице этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соответственные имъ дѣятели стороны русской.

М. О. Вольфомъ, о которомъ извѣстно, что это былъ выкращенный польскій еврей, задумано было съобща съ польскими писателями издать *Живописную Польшу* въ старыхъ ея предѣлахъ, со включеніемъ Бѣлоруссіи, Литвы, Украївы, Волыніи, Подоліи и Галиціи съ цѣлью удержать въ памяти поляковъ образъ ихъ сѣчизны. Предпріятіе это тогда не состоялось, а послѣ восстанія 1863 г. стало совсѣмъ псевдобычимъ. Въ 1878 г. тотъ-же Вольфъ придумалъ достичнуть той-же цѣли изданіемъ *Живописной Россіи*, которое начало съ описанія указанныхъ, нѣкогда польскихъ провинцій, причемъ рѣшено было поручить эту работу польскимъ патріотамъ, а по выходѣ ею въ русскомъ текстѣ перевести и издать въ текстѣ польскомъ, чтобы за одно просвѣтить и русскихъ и поляковъ относительно польского характера тѣхъ провинцій. Для отвода глазъ къ описанію коренныхъ частей Россіи приглашены русскіе писатели и художники, а главная редакція поручена выдающіемуся дѣятелю русской науки, предсѣдателю русскаго географическаго общества П. П. Семенову. Не душеной планъ и повѣстіи великая русская простота! Начало этой удивительной польской затѣи положено письменно этимъ III томомъ *Живописной Россіи*, но за смертью Вольфа въ 1883 г. дальнѣйшая работа простоявшася.—Р. д.

Мы съ большимъ интересомъ рассматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; рассматривали католическая процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній другихъ вѣроисповѣданій; рассматривали высокомѣрную фигуру знаменитаго юезутскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (кн. Острожскаго, Льва Санѣги, Волоничей, Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицкаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плэяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Коаловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ па поприще западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блестало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ Музѣѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забыть однажды помѣстить на стр. 108. Уже-ли авторъ, вносящий въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлона, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиливать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? *Est modus in rebus...*

I.

Но перейдемъ къ частностимъ. Къ литовскому Полѣсью авторъ очерковъ относить дѣлыхъ три губерніи: ковенскую, виленскую и гродненскую; но тутъ-же оговаривается, что ливы живеть только въ иѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи и одномъ уѣздѣ гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же ливы отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и рациональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упомянуть по этому поводу Географического Общества, которое часто посыпаетъ ученыхъ экспедиціи на дальний востокъ и мало обращаетъ вни-

манія на близкій западѣ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы проѣхали ее по очерку «Живописной Россіи» и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностю. Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстного народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта литовскихъ населеній въ вилейскомъ уѣзда, съ востока на западъ до станціи Евье (тринадцатаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошными литовскими поселеніями; въ дѣйствительности же это далеко не вѣрио. Отъ станціи Евье на сѣверъ и югъ встречается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкахъ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать наименѣемъ этнографической границы между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-руssы врѣзались въ средину литовцевъ подъ ударами татаръ, то ему можно противодействовать другое, совершилoе равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ середину бѣлоруссовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскимъ лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ литва платила ему дань лыками и вѣнниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикого и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опиралась эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе беспристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилий и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничные поселенія, на крайнемъ западѣ, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣть

даже въ публичной библиотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій географического общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершенно измѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго Полѣсся включить только губернію ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ свинецкаго, троцкаго и виленскаго. Тѣ же литовскія поселенія, которыхъ встречаются въ уѣздахъ: яндскомъ, ошмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ, считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ старостѣ винскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской: но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаю*, или другого вѣльможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и они не могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ нѣограниченный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ: этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ троцкомъ и виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое, духовенство, ни крещеная въ католичество литва, а только исконо мѣлорусское племя этихъ уѣздовъ: а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ кореннымъ жителямъ Литовскаго Полѣсся авторъ очерка причисляетъ и поляковъ. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многие белоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую национальность, польский языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польские нравы и обычаи, наконецъ коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе“.

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слыхали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдельныхъ лицъ. Ни кто, конечно, не можетъ запретить известнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чуждую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обычай, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, кѣмъ они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или известного племени считать

такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такие люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотить считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотять оставаться среди ея, то должны считаться „*тубыльцами*“, отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаться коренными чужеземцами никакъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше..

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: все ли белоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацию, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими поляками, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами родичами, хотя-бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними известный *modus vivendi*, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ томъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ наслаждать политическій убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія Рѣчи-Посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простотѣ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) никогда не считали себя поляками, хотя многие изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится-ли коронное войско въ какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; забереть ли корона изъ литовского скарба деньги—протестъ; получиль-ли какой-либо »коронажъ« на Литвѣ должность или имѣніе, хотя-бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной *ad male narrata*; нарушится ли очередное собраніе сейма—протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія Рѣчи-Посполитой, почти на канунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничного съ Короной брестского воеводства чрезъ

своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая комиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыхъ были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу Рѣчи-Посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что нарушило бы права в. княжества литовско-русскаго, полученный имъ на основаніи унії и 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было по ровну распределено между Короной и Литвой¹⁾. Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію въ Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латино-польского правительства — подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже размѣшаны и надломаны. Съ какого времени чѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Междуда народностями Литовскаго Полѣсся авторъ очерка находить и *черноруссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лідскаго уѣзда. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такого названія мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ виленскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченаго *minimump'a* въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ виленской, гродненской и во всей губерніи минской; учебникъ географіи 1770 г., изданый въ Варшавѣ для школъ, указываетъ на Черную Русь въ новгородскомъ воеводствѣ (*ostatnie to wojewodstwo (новгородское) nazywa się pospolicie Rusią Czarną*, стр. 257, *Gieographia powszechna*, Warszawa, 1770 г.); а *Encyklopedia Powszechna* 1866 г. находитъ эту Русь и въ московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козацкимъ и еще Богъ знаетъ где (Ст. Бартоненчика). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводить ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскіи же привилегіи и акты, а изъ Киева. Должно быть, это были дѣти евреи-

¹⁾ Акты Виленск. Арх. ком., т. IV и др.

скихъ миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваєтъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные исторические материалы и специальная изслѣдованія. Таковы, напр., У. т. Актовъ виденской археографической комиссіи, акты, изданные проф. Бершадскимъ, его же специальное изслѣдованіе о древнійшихъ судьбахъ евреевъ и другіе, кромѣ изслѣдований польскихъ.

Намечи на сеймъ 1788 года, когда Рѣчъ-Посполитая проектировала даровать евреямъ полныхъ права гражданства, слишкомъ неумѣстны Мало-ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ *Volumina Legum* и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки иекселлы деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупничествомъ, запрещено было даженосить обыкновенные шинки, кромѣ жолtyхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограничений! Единственное, что разрѣшила и узаконила для евреевъ Рѣчъ-Посполитая – это *каказъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные противы со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоить теперь предъ христіанскими міромъ во всеоружіи *еврейскою всемирнаю союзомъ*. Съ этой точки зрѣнія Рѣчъ-Посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальныя племена края, положивши пеизмѣримое количество своего труда и своихъ kostей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои задушевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, памъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели разсказъ объ отвѣщеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянского труда и капитала? Въ серьезному историческому очеркѣ такие рассказы отзываются балагурствомъ доброго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія околицы и приводить подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные права и обычай; но при этомъ

забываетъ пояснитьъ, что эти окопицы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обломки древнаго пущаго и панцирнаго боярства, частію превращеннаго въ хлоповъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между такой шляхтой на Польши есть цѣлыя селенія, ни слова не горящія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной комиссіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на чѣста ихъ были созданы такія же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ, »Просвѣщеніе и народное творчество«, на 101 стр. читаемъ: »мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Иоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическихъ). По всейѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ (а въ дѣйствительности могли, по-жалуй, и несуществовать?).

Можно ли выразиться по поводу этого важнаго предмета здѣсь и насмѣшливѣ? Вѣдь самъ-же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), »что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственного развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ«. Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминовичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секре-тари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языке русскомъ во всѣхъ предѣлахъ л. р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическіхъ? И вы, достойные представители и поборники западно-русскаго просвѣщенія, скажите намъ, для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или »коренныхъ чужеземцевъ«? Мы обезшоколи могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность

ихъ чисто-русская, патріотическая, подвергается не только сомнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстъ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и *Volumina Legum*, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что онъ *властеуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстю*. Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, по экзальѣ *p.-католическаго епископа*, строго предписываетъ запретить диссидентамъ скучать дома и плады для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 кошъ литовскихъ гривней пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подъ маской доброжелательства: *«сохранилъ миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣль не мене nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus»*).

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казимира виленскимъ переплетчикамъ, выданная по ходатайству виленскаго *p.-католическаго епископа*. Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить, *«чтобы никто изъ диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильню никакихъ книгъ, а также не открывалъ библіотекъ»*, въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность переплетчикамъ по выморочному отъ короля праву¹⁾.

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная комисія, состоявшая изъ 35 ксендзовъ (для литовского польсья), на которую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библіотекахъ-книжныхъ складахъ, если онѣ заключали въ себѣ ядъ противъ обычаевъ и *римско-католической вѣры*²⁾.

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще

¹⁾ Акты Вил. Арх. ком., т. VIII.

²⁾ Акты Вил. Арх. ком., т. X

³⁾ Акты Вил. Арх. ком., т. X.

значительное количество для истребления и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностю въ этомъ родѣ бывшей Рѣчи Посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель виленскаго учеб. округа, на конецъ основатель Ламберова отели и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамильную программу онъ развивалъ въ своемъ же помѣстїи Шулавахъ. По выражению одного современнаго польскаго писателя Козміана, «Шулавы сдѣлялись польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разрушениіи большої Трои, основалъ Трою малую». Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проектировать уставъ для виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помоющники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Фаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора виленской академіи Стройковскаго, второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣтительской польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закивѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. «Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на място учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ. Но если учительскія мяста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языке, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польского языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли Императора таковы¹⁾), что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было «правительство». Но каково было ихъ разочарованіе, когда

¹⁾) Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I, видно, что Государь соглашался образовать изъ литовско-русскаго княжества—литовское герцогство съ мястной администрацией на польскомъ языке. Русск. Архивъ, 1874 г.

Стройковскій долженъ быть допустить въ своемъ уставѣ (составленномъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на учченую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась бури. »Виленскій университетъ, писалъ по этому-же дѣлу Дмоховскій Колонтай, наполняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вильонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорблениѣ, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутацией, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать себѣ преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. Гдѣ мы закладывали инъзда польской языка и польской литературы, тамъ будетъ сдѣланыше ильмечихъ трансценден-талистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ «.. Колонтай по этому же поводу писалъ Снидецкому: »въ своемъ проектѣ онъ (Стройновскій) призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивши суду недоучившихся виленскихъ учченыхъ«. Но крутые мѣры были несогласны съ политикой кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польского направленія гораздо успѣшище, нежели какъ опасались рѣжные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить юго-западный губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ университета киевскаго. Съ этой цѣлью онъ нарочноѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкаго съ слѣдующимъ представленіемъ: »открывать новый университетъ въ Киевѣ чрезвычайно неудобно во 1-хъ потому, что Киевъ стоитъ въ сторонѣ отъ с. з. края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Киева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкахъ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Киевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—не здѣшнимъ, а право цер-

ковное на основаниі права восточного, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе спосоно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьнное образованіе унаследовало здѣсь иѣменцій уставъ, допускающей только четыре факультета». Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. «Какъ полагає, писалъ по этому поводу Колонтай Снайдецкому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытия университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыхъ препятствій въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытия и нового округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія». По-русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытия кіевскаго университета и округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего полонизаторскаго вліянія иѣшкольскихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости границъ в. княжества литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось Рѣчи Посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество литовско-руssкое сдѣлалось по-прищемъ для развитія въ немъ политики національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигентіи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена Рѣчи Посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры с.-западной и юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ проискамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движений. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки и архіеп. Агтонія, примирившихъ уніатовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣнены. И ихъ-то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успешно велись дѣла ополяченія молодежи въ школахъ виленского учебного округа, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ комиссіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно западно-руssкой исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще нужно было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже добровольно

обрекали себя на жертву отечеству, а въ 1824 году во имя Польши совершили уже уголовно-политический преступлени.

Самымъ довѣреннымъ лицемъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей былъ Контримъ. »Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ нешь Новосильцовъ цесаревичу Константина Павловичу, »втораго онъ никогда не искалъ перемѣнить, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ каѳе университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сія, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну «.

При содѣйствіи этого человѣка и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ, Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зорянъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитаций Ходзько, Новосильцовъ доносилъ цесаревичу, что »этотъ дворянинъ былъ посланъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ виленского учебного округа и производилъ свои визитации съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространялъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями«.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчики—политканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертю сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой: восводъ, старость, часицъ, хоружихъ и т. д.

Вотъ откуда пошло къ западной Руси новое племя »коренныхъ поляковъ«. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и национальномъ сознаніи иѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ имѣнемъ романтизма. Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось присудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этой целью составленъ былъ даже специальный верховный комитетъ—изъ графа

Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто виѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора по средствамъ удвоеннаго количества инспекцій. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имеемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдование этого предмета, потому что это виѣш нашей задачи¹⁾. А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкоторой частью западно-русской интеллигентіи обязана преимущественно школамъ кн. Чарторыйскаго. Стѣдовавшиe за тѣмъ математи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, дощущеніе польского языка въ школы, нѣкоторыя periodicas изданія и мѣстную литературу — не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но, что всего печальнѣе, на долгое время сбили съ толку народныхъ массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собой твердую почву до тѣхъ поръ, пока польский языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основаніемъ, по которымъ авторъ очерковъ старается сохранить орографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слышкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Vilnia* и происходит отъ древнаго русскаго названія рѣки *Vili* или *Velis*; ибо литовское название этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Выгандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: *>civitas Ruthenica<*.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильнія. Такихъ названій мы видѣли по мѣньшей мѣрѣ тысячу 60. Свою же ореографію авторъ очерковъ основываетъ главнымъ образомъ на одномъ актѣ изданія с.-петербургской археографической комиссіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую ореографію: Вильна называется Вили-о; Ковно — *Kovens*; Гродно — *Goroden*; Новогрудокъ — *Novogorodok*; Брестъ — *Berestye*; Минскъ — *Monesk* и др.; эти послѣднія названія, кроме Вильны, встрѣчаются и въ актахъ

¹⁾ Лицъ, желающихъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., где была напечатана наша статья объ этомъ-же предметѣ.

позднейшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ название Вильны съ окончаниемъ *a* и я встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Привимац во вниманіе, что единичные случаи правописанія какого либо слова должны считаться не правиломъ, а исключениемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться съ окончаниемъ *a*, или *я*, но отюдь не съ окончаниемъ *o*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ назнаніями городовъ Гнѣзно, Лѣшно, Сѣдно, не имѣющими никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны название по вышеупомянутому документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ назнаній и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія назнанія западно-русскихъ городовъ, измѣненныхъ польской ореографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе не обязательной. Если волки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ получить, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ должно слѣдоватъ.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣль подозрѣнія на виленскихъ мучениковъ, происхожденіе которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и св. синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что житиеописаніе виленскихъ мучениковъ помѣщено въ Четьмѣ *Минея* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патріаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе, нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православной русской церковью? Согласіе св. синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святые мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхожденіе мучениковъ не можетъ быть подвергено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освавившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіянства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденияхъ автора часто встречаются явныхъ натяжекъ, и потому неѣть ничего удивительного, что признавая за бесспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францишкановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, не-желѣ двусмысленно, говоря: »въ царствование Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностью«. Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францишкановъ во времена этого-же Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не историческая критика, а тенденціозно-польская, для которой только то истинно, что соотвѣтствуетъ ей интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся по преимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотребимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытии въ Вильнѣ музея древностей. »Не всѣмъ еще доступно, говорено было однѣмъ изъ выдающихся членовъ археологического общества, что археология чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скоплия въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ минувшемъ, предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ про-износить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будуть же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремлений слова апостола Павла: Навель ли, или Апоколосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь или смерть, или настоящее или будущее, все наше: мы же Христовы, а Христосъ Божій«¹⁾) (I Кор. III, 22—23).

Но не прошло 5—6 лѣтъ, Виленскій Музей представилъ собой самое блестательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ-то въ витринѣ даже Литовскій Статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскимъ старинныя русскія рукописи — въ нишѣ за шкафами были обречены на гибеніе.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторыя мѣста X очерка, носящаго название »Народный трудъ«.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ

¹⁾ Записки Виленск. Арх. ком., ч. I. 1856 г., стр. 38—39.

изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безправственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и коно-крадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ иоучительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ въ подлинникѣ:

» Трудно, говорить авторъ, съ увѣренностию сказать, улучшаются ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ ковенской губерніи, где почти сплошное населеніе римско-католического исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычай. Въ вилейской-же и гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прокажихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, большую частію по выбору административныхъ сельскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе себѣ долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружного начальника. Понятно, что мы не пытаемъ въ виду всего духовенства, какъ православцаго, такъ и католического, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія (стр. 215).

Мы не пытаемъ подъ рукой необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки даетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ значія условій мѣстной жизни, который въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствие въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснить преимущественною ролью земли въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Рассмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Киевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля были очень сильнымъ ключемъ въ средѣ коренного литовского и белорусского племени: здѣсь были купцы — христіане, торговцы — христіане, ремесленники — христіане, испришлы, а туземные; они имѣли свои братские уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностью, распространявшимся на многія мѣста великаго княжества литовско-русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ »витинахъ«; но противъ

нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ «острило» противъ нихъ ограничительный законъ, известный въ Volumina'хъ Legum подъ названиемъ «lex sumptuaria», снизу—кальное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этого же дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкуренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Что-же имъ остается, кроме земли? Ничего! Но это вовсе не значитъ, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственный цѣлъ, сколько исключительный, направленный къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-католического духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить водку пивомъ, какъ это и теперь еще практикуется вѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пить разныя кантинчи, отличавшияся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по вѣкоторымъ причинамъ признаемъ это неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственного и экономического благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма прискорбны, какъ и всякая злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурного вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ «Живописной Россіи», принадлежащемъ Н. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ граѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возрасло до 32%. Кто знакомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значитъ 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплоатациі.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, иль-же отсутствію общества трезвости, или же ослабленію вліянія римско-католического духовенства... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни докумен-

тами, такъ что читатель по неволѣ долженъ теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчевые и кабачные притоны. Эти темные гнѣзда всевозможныхъ преступлений всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра и такое-же легкое укрывательство и подстрекательство къ защите подобного рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, какого-бы то ни было поколѣнія — старого или молодаго. Съ другой-же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатывались на спины преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступлений должно казаться значительно больше. Закройте корчевые притоны — и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды — и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строхи, выписанные нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католического духовенства, отличаются крайней двусмысленностью, хотя и обставлены нѣкоторыми громоотводами, въ родѣ «мѣстности» и «православнаго духовенства».

Смысль этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ-же виленской и гродненской, гдѣ вѣроксповѣданіе или смѣшанное, или-же по преимуществу православное, нравственные добродѣтели народа иссякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народные добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей сплошной впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтили, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудиновъ, увлекающихъ по преимуществу прусскимъ спиртомъ, о конокрадствѣ-же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, толкуетъ дальше авторъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшились административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видѣть только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры виленской и гродненской губернія роковымъ образомъ повлияло не только на народную нравственность, но и на личныхъ добродѣтелей самого духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственные чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше-ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католического духовенства, хотя и знаемъ, что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ, что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлечений: для этого нужны факты, которыхъ мы не имѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностраннѣхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особыхъ давлений нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помещены о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С.... Въ этихъ органахъ онъ провозглашалъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ специальныхъ наставниковъ и была въ сфере его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ «нужно знать, какъ вещи есть», а онъ очень незамысловатъ: этотъ человѣкъ совершаѣтъ ио-русскіи римско-католическое дополнительное богослуженіе!... »Басни эту можно-бы и болѣе пояснить«, но она не касается прямо »Живописной Россіи« и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляемъ самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Сборникъ судебныхъ решеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украины. Составилъ В. В. Гуроъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 и., XVII, IV. 705.

Чередъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украины. Въ прошломъ году въ Харьковѣ же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ «Кievskoy Stariны» появилась объемистая монографія г. Шиманова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украины. Такое обилие трудовъ объясняется прежде всего практическою важностью данного вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевского и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались определить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ казаковъ, нынѣшихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на старозаимочные процессы. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами материального права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевского мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣть самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говорить: «. . . эти спорные положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онъ выдвигаются на сцену не одни только чисто специальные юридические вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрагиваются собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ легли права, которыя первоначально приобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ—крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятныя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей слободской Украины (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ заимки дикихъ, никому не принадлежащихъ земель . . . вслѣдствіе этого «волею не волею пришлось поближе ознакомиться какъ съ общую исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ».

подъ названиемъ слободской Украины, таѣ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполнѣ обстоятельныхъ изслѣдований по указаннымъ вопросамъ, побудило тѣжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительного количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихихъ къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени». И дѣйствительно въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гурова очень часто обращается къ исторіи слободской Украины вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію «Сборника» г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи. Сборникъ состоить изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебный состязательныи бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочные земли, 2-й—решенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованные грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлѣ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжными новѣренными г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебнную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ известно, признаетъ старозаимочныи земли казеною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаний на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньшѣ; а теперь пе-рейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводить 5 положительныхъ решеній окружнаго суда и палаты, дополненная такимъ образомъ проблемы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ известно, нетъ ни одного положительного решенія; какъ видно изъ этихъ решений, судъ призналь, что черкасы, колонизовавши слободскую Украину, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не огра-

ничивалась одними положительными решениями, г. Гуровъ приводить въ приложениі и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слободскихъ полковъ; все они, (кромѣ одной, какъ видно изъ примѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно вирочетъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 7196 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣть никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходять къ тѣмъ, которымъ напечатаны были раньше. Такова напр. грамота, выданная харьковскимъ черкасамъ 23 сентября 1659 г.; она вполнѣ идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполнѣ соотвѣтствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ наиболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію воззачихъ замоекъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссийскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатыя данныя для характеристики колонизации слободской Украины. Остальная пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 июня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не заключаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи слободской Украины вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) освобождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы,

борты и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похвала есть за вѣрность во время изгѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ исправно или по винѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строкѣ сверху 459 страницы напечатано: » и по святой Господней евангельской заповѣди «, а нужно читать: » и Его святых Господних евангельских заповѣдій «, такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строкѣ снизу на той-же страницѣ вместо »оное лично« нужно читать »одно лично«; въ 1-й строкѣ снизу на той страницѣ вместо »ссыку« нужно читать »ссылки«.

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

За тѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описание нѣсколькихъ граней полковыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онъ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и бесполезныхъ подробностей о границахъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указания на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыи данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящиися къ старозамочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное; здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣть немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тяжбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилициемъ, или указъ государственной военной коллегії гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полковой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и казаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ комиссарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны комиссарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по

всѣмъ селамъ харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управлениія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельный вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это иѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковского университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствомъ о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковского губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правлѣнію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административного воздействиія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшиі непорядокъ*, состоящій въ томъ, что «казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати», и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кроме общественной пользы казенныхъ обывателей, *загибъть сохраненіе самаго казеннаго интереса*. »Слѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурора здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставилъ сдѣлать со стороны своей *строжайшия предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскими и земскими полиціямъ обще съ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣзжаныя стряпчие удостовѣрились, во всѣхъ ли трехъ полахъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ *уравнительно*, а буде въ кото-рой волости еще такового уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше покудицъ къ тому волостныхъ начальниковъ*, имѣть неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано *не премѣнино* въ самой скорости,— и что въ каждой волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія... » Независимо отъ всего выше изложенаго, предла-гаеть казенную палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно пос-пѣшиѣ *строжайше предписаніе* отъ себя всѣмъ волостнымъ правлені-

амъ о непремѣнномъ уравненіи волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ».

Въ данномъ случаѣ радители казенного интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага очекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенными, а не ихъ собственностью...

Подведемъ теперь итоги.

Рѣшаетъ ли » Сборникъ « г. Гурова окончательно староземочныи вопросъ? Во всей широтѣ его неѣть.

Вопросъ этотъ можетъ быть расщлененъ на три другіе: 1) происхожденіе староземочныхъ земель, 2) сущность и внутренняи организація землевладѣнія и земледѣлія въ староземочныхъ земляхъ и 3) судьба староземочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣднаго времени.

Материалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрагиваются; впрочемъ и относительно первого вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая земка простыхъ казаковъ въ крупной земкѣ туземной старшины и привлажа дворянства,— считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было бы знать, чѣмъ отличалась земка слободскихъ казаковъ отъ земки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ одноворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь желательно было бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ староземочныхъ дачъ въ концѣ прошлаго столѣтія (по комиссарскихъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главныйща и весьма цѣнная услуга » Сборника « г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ докumentальныхъ свидѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность староземочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи » Сборникъ « г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на судьбу староземочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ онъ подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ староземочныхъ дачахъ оставилъ совершенно открытымъ. Г. Шимановъ отождествляетъ староземочное землевладѣніе съ наследственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣлствія, то этимъ все-таки не решается вопросъ о первоначальной формѣ земле-

владѣнія у слободскихъ казаковъ; положительныи доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участковаго землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполнѣ убѣдительны.

Такимъ образомъ староземочинный вопросъ требуетъ еще новыхъ материаловъ и новыхъ изслѣдований.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго Сборника г. Гурова и отложимъ дальнѣйшіи подробности для изслѣдованія о староземочинномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Д. Багалтѣй.

*Александеръ Барвінський.—Історія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.
16°. 96 стр.*

Львовское Общество «Просвѣта», продолжая свою полезную издательскую дѣятельность серьезныхъ популярныхъ книгъ для народнаго чтенія, издало новую книжку «Історія Руси». О предыдущихъ изданіяхъ этой серии мы въ свое время дали отчетъ въ бібліографическомъ отдѣлѣ «Кievskoy Stariны». Новый выпускъ, составленный г. Александромъ Барвінскимъ, не только не уступаетъ прежнимъ по достоинствамъ содержавію и изложенію, но еще болѣе доказываетъ неоспоримый талантъ автора къ популяризаціи серьезнаго знанія въ средѣ своего народа.

Пятый выпускъ «Історія Руси» посвященъ исключительно очерку внутреннаго быта западной Руси отъ времени династического соединенія Литвы съ Польшею (въ концѣ XIV столѣтія) до славянъ обоихъ государствъ въ одно политическое тѣло, т. е. до люблинскаго сейма 1569 года. Несомнѣнно, что очеркъ такой труднѣе всего составить для публики мало привыкшей къ серьезному чтенію. Не смотря на живой интересъ факторъ внутренняго быта, на ихъ рѣшительное значеніе для судьбы всякаго народа, уразумѣніе ихъ требуетъ вѣкоторой привычки къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ и историко-философскимъ выводамъ; авторъ рѣдко только можетъ илюстрировать всѣ положенія рѣдкими примѣрами и драматическими эпизодами и потому лишенъ возможности пользоваться возбужденіемъ чувства и воображенія у своего читателя, т. е. лишенъ самаго цѣннаго орудія для всакой популяризациіи знанія. Не смотря на эти трудности, г. Барвінскій исполнилъ прекрасно свою задачу, благодаря своему методу: онъ строго логически обдумалъ сюжетъ, развилъ каждую его часть ясно, логично и просто, особенно же умѣль устранилъ все второстепенное, не важное и сосредоточилъ вниманіе читателя исключительно на существенныхъ чертахъ изо-

браженій имъ картины; онъ не затемнилъ ни разу главныхъ чертъ исторической картины и передалъ ихъ на столько рельефно и наглядно, на сколько ясно и отчетливо понимъ ихъ самъ, извлекши положенія свои изъ весьма численной и разнообразной исторической литературы, которую пользовался при составленіи своей книги.

Общий планъ сочиненія г. Барвінскаго построенъ слѣдующимъ образомъ: онъ рассматриваетъ вначалѣ вліяніе польского государства на тѣ области Руси, которые раньше были покорены Польщею, т. е. на Русь Галицкую, Белзскую, Холмскую и Подольскую, и затѣмъ переходитъ къ очерку внутреннаго быта Руси литовской. Въ каждой изъ этихъ двухъ областей западной Руси онъ рассматриваетъ бытъ отдѣльныхъ сословій: рыцарского, городского и сельскаго и затѣмъ состояніе православной церкви. Онъ съ полнымъ безпристрастіемъ констатируетъ на всѣхъ пунктахъ стремленіе со стороны польского правительства и общества къ подавленію русской народности, то удалениемъ русиновъ отъ пользованія гражданскими правами, то льготами, которыя расточались исключительно только для католиковъ, то просто мѣрами весьма рѣзкаго и начѣмъ не вызванного насилия.

Въ рельефномъ очеркѣ г. Барвінскаго мы наглядно можемъ наблюдать патологический фактъ государства, которое упускаетъ совершенно изъ виду существенные цѣли и обязанности всякаго государственного организма: удовлетвореніе законнымъ стремленіямъ своихъ жителей къ возможному материальному и моральному благоденствію и къ лучшему и всестороннему развитію своихъ силъ и вмѣсто того поставляетъ свою цѣлью неосуществимую въ антропологическомъ и культурномъ отношеніяхъ задачу—передѣлать национальное начало части своихъ гражданъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать ихъ нѣчно пассивными слугами другой половины обывателей того-же государства. Помимо цѣлѣности и безнравственности такой задачи, весьма рельефно, хотя вполнѣ безстрасно и объективно, представленной г. Барвінскимъ, всякий читатель, знакомый съ общими историческими законами чувствуетъ, что многогодковая историческая неправда неминуемо должна вызвать историческую Немезиду, которая покараетъ тотъ политический организмъ, который вмѣсто цѣлей благосостоянія и прогресса преслѣдовалъ въ теченіи трехъ столѣтій лишь несбыточныи затѣи самодурства и фанатизма. Въ минуту предшествовавшую первому появлѣнію этой исторической Немезиды, послѣднимъ актомъ польской политической нетерпимости, т. е. люблинскимъ сеймомъ 1569 года и его ближайшимъ результатами заканчивается 5-й выпускъ «Исторіи Руси».—Не трудно отгадать, что слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ козацкимъ восстаніямъ, и содержанія этого мы

желемъ не только вслѣдствіе хронологической послѣдовательности, но и потому, что авторъ въ 5-мъ выпускѣ возбудилъ въ нась сильное желаніе увидѣть картину восстановленія права и правды, попиравшихся столь долго и настойчиво и вызывавшихъ столь долго и напрасно о спра-ведливости.

Искренно желаемъ продолженія полезнаго труда г. Барвінскаго и глубоко убѣждены, что подобныцъ его сочиненію популярная книга не только сообщаютъ своимъ читателямъ фактическія свѣдѣнія, но имѣютъ для нихъ серьезнѣе нравственно-воспитательное культурное значеніе.

В. А.

Темній мъстциа въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«. Поясненіе Ом. Партикій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.

Достаточно просмотрѣть »Критический очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ«, г. Барсова, или »Литературу Слова« со времени открытия его до 1876 г., чтобы убѣдиться, на сколько сильно интересовало и до сихъ поръ интересуетъ русскихъ ученыхъ это замѣчательное произведеніе русской письменности до-татарской эпохи. Да и какъ не интересоваться имъ? Изъ того отдаленнаго времени дошло до нась весьма мало литературныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ лѣтописи, но ониъ искажены въ своемъ языке позднѣйшими переписчиками; притомъ всякой, занимавшейся ихъ изученіемъ, согласится, что ониъ рисуютъ намъ одну вѣнчаную жизнь и что въ нихъ выражаются взгляды, стремленія, умственное богатство людей, которыхъ было немного на Руси въ то время, людей книжныхъ, большей частью монаховъ. Даже въ тѣхъ, иногда довольно большихъ отрывкахъ лѣтописей, которые видимо написаны рукою мірянина, излагаются факты вѣнчаной жизни: усобицы князей, ихъ счеты за столы, борьба съ сосѣдами и пр. Бытовая извѣстія приходится собирать, какъ кручинки. Сохранившіеся въ весьма незначительномъ количествѣ юридические памятники не даютъ намъ также никакого материала для характеристики современного имъ русского человѣка. Слова и поученія рисуютъ современное общество со стороны религіозной и нравственной, рѣдко общественно-бытовой. Въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«, независимо красоты поэзіи, рисуется жизнь тогдашнаго общества, даются четкія характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей, выступаютъ ясно временные отношенія ихъ, выражаются взгляды на ходъ политическихъ событий того времени и политические идеалы книжескихъ дружинниковъ. Кромѣ указанного, въ авторѣ этого

художественного произведения ясно сказывается человѣкъ по тогдашнему образованій: типъ дружицника съ его возврѣніями на проходящую передъ нимъ жизнь, съ его вѣрованіями и предразсудками, съ его удалью и вѣрою, съ любовью къ родной землѣ и народной старинѣ, къ ея вѣрованьямъ и поззіи.

Слово о Полку Игоревѣ имѣеть обще-русскій интересъ, какъ единственный памятникъ поззіи до-татарского периода; въ частности на немъ лежать слѣды южно-русской жизни. Этимъ памятникомъ однѣако интересуются и историки, и изслѣдователи литературы, и лингвисты.

Но не смотря на общія усилія, въ этомъ памятнике остается еще много темныхъ, трудно объясненныхъ мѣстъ. Являются постоянно новые конъектуры. Трудъ, заглавіе которого мы выставили, также посвященъ всесдѣло разбору темныхъ мѣстъ въ Слово о Полку Игоревѣ.

Нѣкоторые догадки автора весьма остроумны, но нельзѧ сказать, чтобы онъ не были всегда натянутыми. Ограниченнѣе размѣромъ краткой замѣтки, мы приведемъ только два мѣста, отличающіяся, по нашему разумѣнію, особой натажкой. »Се бо Готскія красныя дѣвы, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ, вѣспѣша на брезѣ синему морю; звоня Русскимъ златомъ, поютъ время Гусово«.... Готскія красныя дѣвы, говоритъ авторъ, что имѣютъ лебединныя крылла и тѣшатся »златомъ« непріятельской земли,—то извѣстныя въ миѳологіи германскихъ народовъ Валькирии, также дѣвицы-войницы (*Schlachtjungfrauen*), или дѣвицы-лебедки (*Schwanenjungfrauen*) и т. д. (28—29). Дѣва авторъ считаетъ нужнымъ искать также въ скандинацкой миѳологіи (стр. 36). Авторъ не допускаетъ возможности, чтобы готы сохранили свою народность до XII в.; онъ даже сомнѣвается, осталась-ли хоть часть ихъ въ южной Руси послѣ общаго выселенія въ V в. подъ напоромъ гунновъ. Между тѣмъ готы сохранили свой языкъ и позже. Буздекъ, посланный въ 1565 г. римскимъ императоромъ въ Константинополь, передалъ исторіи списки готскихъ словъ. Въ IX в. богослуженіе совершалось у готовъ на родномъ языкѣ, и только въ XVIII ст. оно стало совершаться на татарскомъ. Русские поселенцы въ Крыму рассказываютъ о кладбищѣ при селеніи Біа-Салы: »нѣть, это не греческое кладбище. Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это готвейское кладбище; сказываютъ, готва какая то еще прежде грека тутъ находилась«. Такъ долго держалось воспоминание о готахъ на Крымскомъ полуостровѣ. Оставшаяся часть готовъ занимала также Таманский полуостровъ, и, по остроумной догадкѣ г. Васильевскаго, имя города Тмуторовани имѣеть связь съ наименіемъ тетрокситовъ, какъ именовались здѣшніе готы. Все, что получали половцы путемъ грабежа въ Руси, вымѣнивалось ими на пред-

меты роскоши въ черноморскихъ торговыхъ городахъ. Туда шло и русское изграбленное золото, переходило въ руки торговцевъ, въ числѣ которыхъ были несомнѣнно и готы. И вотъ готскія дѣвы радуются русскому золоту, полученному ими отъ ихъ отцовъ и братьевъ. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ оживленнѣе торговля, тѣмъ больше прибыли черноморскимъ торговцамъ, тѣмъ больше радости готскимъ дѣвамъ. — Вотъ, по нашему мнѣнію, простой смыслъ этого мѣста Слова.

«Въ Словѣ о полку Игоревѣ», говорить авторъ, «замѣты три религіозныхъ стихіи: боги готовы (Дѣвы, Готскія дѣвы, Стрибогъ, Бусь) стоять на сторонѣ половцевъ; боги славянскіе (Дажбогъ, Хорсь) выступаютъ больше нейтрально, пассивно...» и т. д. Почему именно готскіе боги стоять на сторонѣ половцевъ? Пѣвецъ Игоря хотѣлъ искусственнымъ образомъ увеличить поэтичность своего произведенія? Онъ уже не могъ помнить скандинавской міѳологіи, ибо никакихъ слѣдовъ скандинавизма не осталось на Руси въ XII в., какъ исчезъ онъ уже и въ X ст. Достаточно толковали о норманскомъ происхожденіи Велеса, Перуна, и пора-бы перестать отнимать природныхъ боговъ у славянъ.

Но г. Партицкій идетъ еще далѣе. Онъ видѣтъ нормановъ—бояръ даже въ XII в. Князь Святославъ Всеволодовичъ разсказываетъ свой известный сонъ боярамъ. Г. Партицкій, объясняя это мѣсто «Слова», говоритъ слѣдующее: «Князь говоритъ и думаетъ по русски, у него »моутенъ« значить неясный; а бояре въ этомъ »моутенъ« слышать скандинавское выраженіе: »тиот-енъ—отъ тиот-а—походачій, Божій. Въ сѣверной міѳологіи Miot означало тоже, что Воданъ (61). Князь говоритъ: »въ Кіевѣ«, а боярамъ чудится въ Skialf'ѣ, т. е. Wala-skialf'ѣ, палатѣ Водана». Словомъ выходитъ, будто кіевскіе и черниговскіе бояре XII в. плохо понимали русскій языкъ и были прочитаны скандинавскими вѣрованіями и преданіями. Съ такими объясненіями никто, конечно, не согласится.

Впрочемъ нѣкоторыя толкованія автора, на нашъ взглядъ, кажутся очень интересными. Напр. слово »папорози« г. Партицкій объясняетъ словомъ »папоротникъ«, какъ талисманъ противъ непріятельскихъ ударовъ (13—15). »Длѣго ночь меркнетъ; зара свѣтъ зацала; мѣгла цоля покрыла«. »Зацала«, по автору, есть аористъ отъ глагола »запалати«, а »зары« есть родительный падежъ единственного числа. Все это мѣсто передается такъ: долго ночь меркнетъ: свѣтъ зари заблисталь, мѣгла степи покрыла. Нельзя не согласиться съ г. Партицкимъ, что пѣвецъ мастерски выясняетъ понятіе »меркнетъ« двумя и послѣдующими предложеніями. Прекрасно, по нашему мнѣнію, у г. Партицкаго и объясненіе другого мѣста въ Словѣ: »прыснуо море полоунощи: идоуть съморчи мѣглами«. Авторъ соединяетъ его

съ молитвой Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и Солнцу. Такая же образность выраженія есть у Шевченка въ его »Гамалії«. Днѣпръ неустранимо пронесть слезы Ярославны къ морю. Море, замѣтивши слезы юнагини, сейчасъ заплакалось; изъ него поднялись безчисленные туманы, которыхъ оно посыпало въ помощь Игорю. Вѣтеръ понесъ ихъ на поля половецкія и покрылъ ими землю. Солнце уже не свѣтило такъ ярко: его лучи скрываются за туманами.

Въ концѣ своего труда г. Партицкій проводить мысль, что пѣвецъ былъ родомъ галичанинъ, перешедшій въ число болѣръ князя Новгорода-Сѣверскаго вмѣстѣ съ женой послѣдняго, дочерью галицкаго князя Ярослава. Мы не можемъ сказать, какъ сильны филологическая доказательства автора, но историческія не имѣютъ никакого значенія. Если пѣвецъ знаетъ Плѣсенскѣ и Искаванскую дуброву, находящіяся, по словамъ автора, въ Галиціи, то онъ также хорошо знакомъ и съ другими мѣстностями земли русской. Попытки, сдѣянныя г. Партицкимъ (хотя мы и не можемъ согласиться съ многими изъ нихъ) для разясненія темныхъ мѣстъ этого замѣчательнаго памятника литературы древней Руси во всякомъ случаѣ весьма интересны и явились плодомъ долгаго обдумыванія и тщательной работы. Трудъ г. Партицкаго стоитъ того, чтобы на него было обращено вниманіе нашихъ филологовъ и историковъ.

По общности предмета не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу статьи г. Гонсіоровскаго, напечатанной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: *Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ*. Главный интересъ этой статьи въ тошнѣ разрѣшить вопросъ о языкѣ этого памятника. По мнѣнію г. Гонсіоровскаго, языкъ Слова о полку Игоревѣ представляетъ смысль древнаго великорусскаго съ языками витиче-польскими. Чтобы дойти до этого положенія, авторъ долженъ быть представить много изысканій и соображеній относительно развѣтвленія древне-русскаго языка и выдѣленія изъ него нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, при чёмъ первое изъ нихъ онъ считаетъ прямымъ потомкомъ того языка, а въ витичахъ и радимичахъ видитъ слѣды польского типа и происхожденія. Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ соображеній г. Гонсіоровскаго основательнымъ и правдоподобнымъ можно считать лишь то, что образованія малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій нельзя объяснять позднѣйшимъ влияніемъ на языки южно-русскихъ славянъ языка польского и что начало образованія этихъ нарѣчій надо искать въ эпохѣ до-татарской. Затѣмъ польское происхожденіе витичей и радимичей есть не болѣе, какъ лѣтописная легенда, и фактъ переселенія этихъ племенъ изъ Польши къ берегамъ Днѣпра ничѣмъ не можетъ быть подтверждентъ;

съ другой стороны, считать великорусский языкъ прямымъ потомкомъ древне-русского значило бы противорѣчить всей истории колонизаціи съверо-восточной Руси славянскими племенами, претворенія ими аборигеновъ финского племени и образованія изъ этой смѣси особаго типа населенія и его языка. Поэтому и самая попытка г. Гонсіоровскаго разрѣшить вопросъ о языкѣ Слова о полку Игоревѣ, какъ построенная на столь шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ, не выдерживаетъ критики и лишена серьезнаго научнаго значенія.

П. Голубовскій.

Ізвѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

РАЗСКАЗЫ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ О СТАРЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

Въ течениі долгой моей службы, нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви киевской губерніи.

Не смотря на свое скромное название и положеніе, Бѣлая-Церковь имѣть свою исторію, при томъ очень древнюю. Существуетъ мнѣніе, хотя и мало доказанное, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Юрьевъ на Руси и кафедра поросскихъ или юрьевскихъ епископовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи пр. Нестора. Какъ населенное мѣсто, освобожденное въ концѣ XIV в., при великомъ князѣ литовскомъ Олгердѣ отъ власти татаръ, Бѣлая-Церковь упоминается въ хроникѣ Стрыйковскаго. Болѣе опредѣленная ея исторія начинается съ половины XVI в., со времени постройки здѣсь замка воеводою киевскимъ, княземъ Семеномъ Глѣбовичемъ Проинскимъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь, съ именемъ города, играетъ видную роль въ исторіи Польши и козачества, какъ важный стратегическій укрѣпленный пунктъ и какъ административный центръ одного изъ богатѣйшихъ старостствъ, или талихъ имѣлій, доходы съ которыхъ, по усмотрѣнію польскихъ королей, давались знатнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ—русскимъ и польскимъ. Бѣлочерковскіе мѣщане владѣли обширными земельными пространствами и угодьями, пользовались магдебургскимъ правомъ, т. е. имѣли

свой собственный судъ и управлениe. Какъ укрѣпленный замокъ съ гарнизономъ, Бѣлая-Церковь составляла предметъ постоянныхъ споровъ и захватовъ со стороны польского правительства и козаковъ и переходила изъ рукъ въ руки, въ особенности при Хмельницкомъ и Паліѣ, пока прутскимъ договоромъ не былъ положенъ конецъ правобережному козачеству и сегобочная Украина не стала достояніемъ Польши до возвращенія ея снова въ Россіи въ 1794 г. Когда вскорѣ послѣ первого раздѣла Польши, именно въ 1774 г. Станиславъ Понятовскій раздарила польскимъ магнатамъ предоставленная сеймомъ въ личную его собственность украинскія староства, Бѣлая-Церковь съ ея обширѣшими округомъ, при населеніи свыше 100,000 душъ, досталась участнику дебошей короля, толерантному во времена расправы съ гайдамаками региментарю польскихъ войскъ, нынѣ коронному гетману, Ксаверію Браницкому, а Екатерина, чтобы еще болѣе склонить этого послѣдняго на сторону Россіи, женила его на одной изъ пяти племянницъ князя Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтѣ, по смерти дади своего увеличившей бѣлоцерковское старство полученными по наслѣдству обширными имѣніями въ черкасскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ. Польскіе магнаты, вторя какъ-бы объявленному Екатериной въ 1783 г. закрѣпошенію лѣвобережной Украины, закрѣпостили въ правобережной Украинѣ всѣхъ вольныхъ людей, отбросивъ въ сторону грамоты королей и великихъ князей литовскихъ раньше, чѣмъ наступило окончательное распаденіе Польши и Украина возвратила Россія. Такъ и Бѣлая-Церковь пришла подъ скипетръ российскій не свободно, а рабскою и новый скипетръ только закрѣпилъ и усилилъ ея рабство. Съ тѣхъ поръ Бѣлая-Церковь стала извѣстна какъ резиденція богатѣшихъ польскихъ пановъ въ Россіи, владѣвшихъ болѣе нежели 300,000 душъ и не рѣдко осчастливляемыхъ высочайшими по сѣщеніями. Устроенный здѣсь Браницкими, съ громадными затратами, великолѣпный садъ, подъ именемъ Александріи, придалъ Бѣлої-Церкви новую извѣстность въ глазахъ туристовъ.

Въ такомъ видѣ нашелъ я Бѣлую-Церковь въ 50-хъ годахъ, и странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжemu человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ,

казь польско-жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданию, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва видѣлись остатки валовъ и рововъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменные церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интелигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и пр. и пр., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картины довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлые лица и руки и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой-Церкви простидалось тогда до 20,000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство.

Но въ средѣ закабаленного люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панчины, большого простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялись надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ съ вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда и на мѣстѣ записывалъ ихъ разсказы слово въ слово. Тому минуло 30 лѣтъ; рассказчики давно въ могилѣ, отъ ихъ словъ вѣеть замогильной давностью. Тутъ своя исторія, не связная, не полная, не точная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи.

Подаю эти разсказы въ печать, раздѣливъ ихъ по именамъ повѣствователей, отчасти самому содержанію. Начну съ разсказа Бучинскаго, которому въ 1854 г. было уже 70 лѣтъ. Онъ служилъ въ русской арміи при Александрѣ Благословленномъ и Нико-

ляй I и дослужился чина прaporщика, а выйдя въ отставку, возвратился на родину и доживалъ свой вѣкъ на отцовскомъ пепелище. У него хранился реестръ правъ и привилегій, данныхъ мѣщанамъ Бѣлої-Церкви польскими королями; у него-же была какая-то тетрадка съ записью объ основаніи Бѣлої-Церкви и замка. Тетрадку эту, по его словамъ, онъ получиль отъ старого польского жолнира, который, не имѣя нигдѣ пристанища, жилъ въ развалинахъ Налевої церкви и питался подаяніемъ. Изъ этой-то тетрадки и почертнуты имъ переданныя мнѣ свѣдѣнія.

1) Рассказъ прaporщика Бучинскаго.

Основаніе Бѣлої Церкви. Прибѣгъ воинъ, изъ бояръ, и сталъ на скалѣ, гдѣ теперь костель, а мѣсто вокругъ было пусто, не заселено. Со скалы увидаль онъ дымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Шваровка, а тамъ въ яру жила вдова Била, жена Матвія Бѣлаго, атамана разбойничьяго; она держала сотъ до семи разбойниковъ, б. товарищѣ своего мужа и хранила у себя ихъ добычу. Воинъ съ своей дружиной своееваль бабу Билу, захватиль въ полонъ всю ватагу и все добро ея и заставилъ плѣнныхъ разбойниковъ строить крѣость, а на счетъ добытой казны соорудить здѣсь церковь, которую называли церковью билю, *Білою Церквою*.

Основаніе бѣлоцерковскаго замка. Когда начинали строить бѣлоцерковскій замокъ, изъ ольхъ, росшихъ на берегу р. Роси, выбѣжала, неизвѣстно чья, лошадь; лошадь поймали и живую закопали на сѣверо-западномъ углу крѣости. На сѣверо-восточномъ углу закопали живаго пѣтуха. На юго-восточномъ углу закопали живою дѣвку; она несла воду ведрами, ее схватили и закопали. На юго-западномъ углу закопали какое-то животное—кошку или собаку. Ровъ крѣпостной шелъ отъ р. Роси, начинаясь между усадьбою доктора Познанскаго и Барановой, огибаль графскія конюшни и церковную плоскадь и спускался къ рѣкѣ Роси за мясными лавками. По рву стоялъ палисадъ изъ огромнаго дубового частокола. Изъ палисада вели двое воротъ, однѣ были къ востоку отъ Налевої-Церкви, гдѣ смозу проходять на поворотѣ дороги, у горба, на которомъ стояла Андреевская церковь, а другими воротами, стоявшими близъ двора Осмоловскаго, выѣзжали на бердичевскую улицу.

На берегу, у нынѣшней мельницы была хатка, въ которой помѣщалась стража для надзора за проѣзжающими. Лавки драчные находились на мѣстѣ нынѣшней становой квартиры. Въ самую крѣпость или замокъ вѣзжали подземными воротами, устроенными въ валу, на дворѣ нынѣшняго мельника—Нѣмца, а подлѣ нихъ была маленькая церковь. Къ берегу рѣки изъ замка былъ подземный ходъ, а въ замокъ изъ города вела крутая лѣстница, которая сначала шла прямо, а потомъ поворачивала на право. На сѣверо-западномъ углу крѣпости стояла большая пушка, которая упала въ воду и тамъ осталась; ее было видѣть мальчики, ныряя въ воду при купанье. Изъ замка чрезъ рѣку шла каменная плотина, которая въ засуху выступала наружу.

2) Рассказъ Андрея Мосципана.

Була колись *Колієщина*, десь воно взялось зъ Чигиринщины; въ Жаботинѣ, въ монастыри якійсь то прійшовъ ажъ зъ Запорожья, а другій зъ Басарабії. Були вои и коло Билои-Церкви, тутъ ихъ розигнали. Вои стали якъ разъ, де теперъ коминотрусы, на горбочку; але якъ выпалили зъ пушки зъ замку, то такъ и убили самого старшого межъ ними предводителя, що бувъ таки зъ Билои-Церкви. Тоди вои утикатъ, геть туды въ Сквари потянулись, а въ руди покинули цилу бочку серебра на побережини, у Троцька, де и теперъ Троцьки сидять. Такъ росказуе було батько, а єму въ очаковську зиму було 18 лить. Дидъ звався Сербинъ Иванъ, а батько Мусій Мосципанъ.

Я пце памятаю, якъ Суворовъ сей край забиравъ. Прійшли москали—цилый полкъ, та и стали на выгони. Тутъ де Навроцькій сидить, була полкова церква. Насъ послали на ничъ за синомъ; вернулись зъ синомъ, ажъ нема ни москаливъ, ни церкви. Ажъ на другій день якъ показалась уже вся сила ва Шкаровски гори, та стали зъ пушокъ стрилять холостыми, то за тимъ вишли въ мисто, та польске тутешне висько и роспустили—такъ козаки (на-дворни) и розійшлися по домамъ господаровать. Отже Степура, Шитковскій и Навроцкій, батьки пынипихъ, служили въ тимъ виську.

Старий Браницкій захавъ до Билои-Церкви въ саму очаковську зиму. Шоля тоди були не маряни; уже въ три годы по

смерти Браницького помирали—за комисара Липомана; отъ ще за Бурковського не мирили були: де хто хотивъ, тамъ и оравъ.

Церковь стару (каменну), кажуть, збудував Семенъ Палій; винъ бувъ лыцарь, алежъ чиномъ меншій одъ Мазепи; Мазепа зиславъ єго кудесь.

Въ очаковську зиму (1788 г.) на Івана Купала обвалилась гора, що одъ Шкаровки (сосѣднія села). Тоді саме й я родився. Троїцької церкви ніпъ, отець Петро не схотивъ хрестити мене дома; сказавъ—пидемо съ процессією на криницю, що явилася на горі, то тамъ і охрещу єго; тамъ мене і хрестили коло криниці. Обвалилась гора такъ: хлопци пасли скотъ на Шкаровській горі, бо тамъ бувъ чагаръ. Отъ прыйшовъ до ихъ якісь стаřичокъ, тай каже: хлопци, втикаите! Тильки що одійшли, а вона і обвалилась, а тамъ въ провалъ проявилася криниця. Вода іи була така помична, тяжко помична, якъ хто на очі слабіє; але-же прокляти нечисти (черти) і вбрались туды купальця, тай спаскудали воду.

3) Рассказъ Августія Голяна.

О татарскихъ набѣгахъ. Худе время було колись; гарко було народови. Було, кажуть, стережись въ господи, стережись и на поля. Татаринъ було наниже на дрючокъ народу, сиріцею позавязує, та и жене. Отъ за магазиномъ¹⁾, въ Александрії²⁾ есть могила Стрижовка (сторожевая); на тій могилі було чоловикъ стоить зъ вихою, та и выгляда татаръ. То отъ куды виха похилилась, туды и народъ втикає. Або ось влизе було чоловикъ въ кушину по шию, голову накладе гразью, та и выгляда звидтиль на татаръ. На колинцяхъ було и дитей годують. А добро де хто має, то було ховають то въ лиси, то въ яру, що и теперъ зовеця «Добролеживко». Закопає було добро въ ямы, та хашемъ прикидає, та и втика въ лисъ, а въ ту пору коло Таращи³⁾ лиса були таки не проходыми. А колись, росказували то ще стари люди, що чули отъ батьківъ, 40 літъ пусто було въ Білій-Церкви, народъ порозбигався. Ще про

¹⁾ Хлібний складъ гр. Браницькихъ.

²⁾ Садъ гр. Браницькихъ.

³⁾ Уѣздный городъ кіевской губернії въ 40 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви.

д�다 сихъ Ярмоливъ було рассказывать. Прйшли два татарина, та и застали ёго, що топивъ пичъ. Отъ же одинъ каже: побижу ще до другои хаты, та и побигъ, а ты, каже, бери цёго. Ось заразъ, каже Ярмола татаринови,—загорну тилки пичъ; та вибы загортать, сунувся до печи, та якъ ухватитъ зъ печи горшокъ зъ окроюмъ, та въ татарина, татаринъ такъ и впавъ, якъ порося опарене, ажъ очи ёму вылизли. Тоди Ярмола ухвативъ татарина, озволикъ ёго зъ синей въ комору, въ засинъ и вкинувъ, тай давай утикатъ. Прибигъ зъ другои хаты татарюга, ажъ нема татарина, нема и Ярмолы. То уже не пивидко до гоеноды довидався, ажъ той татаринъ замердився, що и до коморы не навернутиця, ледви выкидали зъ коморы те татарьске падло.

4) Разсказъ Романа Валентого.

О гайдамакахъ. Було колись рѣбієство—гайдамащина така, нибъ то зъ Чигирищины вона взялась. Прйшли гайдамаки пидъ Билу Церкву, та и стали тутъ за броваромъ, за цегельнею, коло могилы. Тамъ бувъ пидварокъ (фольваркъ),—вони ёго спалили. Та отъ спаливши пидварокъ, взяли човень, насыпали сребромъ, та и закопали тамъ коло могилы. Отъ же и доси никто не потрапить, де те сребро лежить; це вже шукали де яки, та не найдуть. Найстаршій мејть гайдамаками бувъ Швачка, чибъ то ни—Бондаренко, отакъ здаєця. Та кажуть, що бувъ мејть гайдамаками якісь и генераль, тильки убрање чумакомъ. Вони тильки постояли за мистомъ, ихъ одигнали. Звидтиль цинили вони въ Фастовъ, та тамъ ихъ и зааренитовали. Людямъ вони ничего не робили, тилько ризали панивъ, та жидивъ, та грабили. Ось рассказываютъ було саливонци:¹⁾ йхавъ разъ ляшокъ зъ Кієва, по мужицьки убраний; зострили ёго гайдамаки и стали роспитувать, чи не ляхъ. Довго говоривъ, не пизнаютъ, таки не пизнають; зусимъ уже бувъ викрутився, тильки сказавъ якесь: «допиро» (теперь), по цёму одному слову гайдамаки и пизнали, що лахъ, заразъ и вбили ёго на тимъ мисти.

О возвращенії України отъ Польши къ Россії. Суворовъ прйшовъ пидъ Билу Церкву въ саму Петривку. Москали таъ

¹⁾ Саливонки—предмѣстье Бѣлой Церкви.

скрытно підійшли Добролеживкою; ничего не было, а то заразъ на Заричи стало кійска, такъ якъ хмары. А самъ Суворовъ вийшовъ зъ козаками. Підійшли до замку, до брамы; отступи, кричить польске військо, та и штыки понаставляли. «Штыки кидай», закричавъ Суворовъ; тоди напе військо покидало все, та и пропустили Суворова съ козаками. А не було въ Білій Церкви польского війська більшъ якъ одинъ шкадронъ, бо була змина. Тоди якъ стали москали підходить, та бьють въ таки велики барабани, та музыки грають; оттаке, що весь світъ гуде, такъ весь вигонъ и заняли. Суворовъ чоловикъ соби не величкий бувъ, сухенький, та жвавый; було ходить до Успенія въ церковь на службу, та и самъ на криласи спікавъ, якъ росказує було покійний Владіміръ, що дякувавъ. Владіміръ хотивъ и попомъ буть, та спизнися, уже не можна було. А першъ, за уні то и зъ мужыківъ були цопы, дастъ 100 рублій, та и пипъ.

О Білій-Церкви. Людей въ Білій Церкви було дуже мало, якъ газнаю. И не знаю, на щожъ було 7 церковъ на таке мале місто; мабуть давніше ще було більшъ пароду въ Білій Церкви. Тильки и мисда було, що коло старої церкви муровало. А де Жуачинській сидить, була церковь Петра и Павла, а де смолу теперъ продають жиды, тамъ була сама столична брама, въ неї було и граль (Браницкій) їде. А за брамою була церква съ трёма верхами, здаєця, звана Андрея Нервозванного. Де крамниці теперъ, то тамъ мы волы пасли. Бувъ ще старый будиночъ тамъ, де теперъ скарбець, а пей уже за графини (А. В. Браницкої) построили; кухни то ще за Мишко, стародавни.

По Суворови було ще симъ пятачківъ щодумного, а изъ трохъ хатъ одињъ ходивъ на паницину па шість днівъ, та ще и 6 грывень дають ему па смолу, по грывні за день, а пишому за два дни плата—золотий.—Потимъ зайхавъ до насъ граль, їхавъ отъ зъ Гребинокъ; старый уже бувъ чоловикъ, а вона молоденька. Та ще и за грала не робили паницини. Першъ граль завивъ контрагенты заводами, та ставками. Потимъ якъ стали принужжать людей до роботы, тоди найшлись три чоловики: Бучинській, Самко и Августиновичъ; пойхали вони до Варшавы, та тамъ сидили пивтора роки, а звидсіль громадою все гроши имъ висилали, щобъ старались. Отъ и виходили вони тамъ право такс, що мы вольни.

Коли жъ якъ дочувся графъ, запригъ кони, та за ними. Коли жъ розминувся, а винъ бы ихъ тамъ и на смерть позабивавъ. Поки винъ ихъ шукавъ по сторонахъ, а вони въ Житомирі те право и облятували (занесли въ вчинки апеляціонного суда). Тоді вернувся графъ, зъихали и судови, приказують: «Давайте права, а вони бояця подаватъ. Та вже Бучинський на вколишкахъ лизъ, та на шапці подавъ¹⁾). Тоді графъ, ничего робить, сказавъ: «Нехай уже тилки селане роблять панщину», и давъ таку бумагу, що написавъ золотими литерами: «Оддаю мисце подбровольне». Отже якъ потимъ взяли молодого Бучинського въ рекрутъ, баба—жінка старого Бучинського—за папири, та до Києва, думала, що по тымъ папирамъ вызволять сына. Де тамъ? Бумагу ту, що золотими литерами, взявъ губернаторъ, та и заславъ до графа: тамъ вона и сchezла. Баба и сына не вызволила и право запропастила. А то те само право, ще и теперъ есть у Бучинського прaporника.

Це до Липпомана (управляющего) не робили панщини въ Білій Церкви. Хоть робили було що, то ото въ субботу по реестрамъ и выплачують всимъ. А то уже стало за Липпомана: робили мы тиждень, не ма платы,—другій, третій, четвертий и пятый, не ма платы. Въ неділю по штимъ тижня приходимо до комісара, писарь каже: «заждить, пишовъ панъ до косціоля». Коли ось прйшовъ зъ косціоля; тоді писарь закликавъ пась въ хату, та и каже: «ото добри люди, на панській землі вы сидите, робить же панщину, а платы бильшъ уже не має». Тоді взявъ, та и порвавъ передъ нами ти реестри, що пять неділь робили на плату. Отоди вже началась панщина.

Александру ще не було, якъ графъ зайхавъ. Мали садъ заходить за старымъ близюмъ и ями уже покопали; ото тилки липа одна въ дворку за чугуннимъ заводомъ осталась съ того саду.

¹⁾ Отецъ упомянутаго прaporника Бучинскаго, ислопотавшій въ Варшавѣ урядовую вину правъ и привилегій, бѣлоцерковскіхъ мѣщанъ. Опираясь на эти привилегії, онъ съ двумя другими уполномоченными добивался свободы отъ барщини, подобно жителямъ Черкасъ, Тараща и Звенигородки; но трудно было имъ отстоять это право, хотя Бѣлая-Церковь была дана Браницкому не на крѣпостномъ, а на старостинскомъ правѣ—*salvis juribus*, которыми пользовались мѣщане.

Бувъ у нась колись то давно, кажуть, священникъ чи протоієрѣй Ковтунъ, Ковтуновскій: то то, де Александрія, бувъ єго хуторъ колись.

Унія и благочестіе. Якъ графъ захавъ, то була ще унія. Графиня благочестива була, и не ходила въ Успенську церкву до уніата. Скоро потімъ настало благочестіе, Успенська церква на самий передъ стала благочестивою.

Памятаю, якъ прыхали до нась базиляне, чоловикъ шість, а въ Успенській церкви зробили три престолы, такъ якъ въ косціолі; то кожлій день було три служби мають и казань кажуть—народъ научають и держать въ церкви до двадцятого часу. Ото, захавли, базиляне взяли бумагу таку, якъ рядно, та й писали съ процессією по мисту, та й приказують: »посылайте дитей до церкви учиться!« То оце було сходимось вечеромъ до церкви, то три учатъ дитей вири, а три учатъ спивать писни. Якъ скоро корота дитина выучить, то було дають образки тому чи Варвары, чи Спасителя. То оце приходить до дому, та и хвалиться: »ось мыни стилки и стилки образкивъ дали!« Окроме учили хлопчиківъ, окроме дивчатокъ. Оце було пытаєца: »хлопци, скілько у васъ боги?« то хто скаже *одинъ*, а хто *три*, та зновъ за Тройцю пытає, та научає. Ото такъ четыри педили учили нась и службу отправовали. Ти сами писни и теперъ знаю; я бувъ хлопець спрітный, було и образкивъ съ пять принесу отъ базилянъ. Народъ зъ силь до церкви зганаєзи, та говорили, та приказували: »райтесь люди, бо земля трясеся одь вашихъ грихивъ!« Богу молитися учили нась поповичи и дяки. Було дякъ не дастъ квитка передъ сповидью, поки Богу не помолинися.

Петро Вонкунъ бувъ старий священникъ у Покровы. Высвятившись десь, не приставъ на унію; отъ же не правивъ, на бурку сидавъ у Покровы, ажъ поки зновъ не настало благочестіе. Було говорити: слава Тоби, Господи! що я вири своєи, якъ други, не поломавъ и дождавъ сего часу, що зновъ благочестіе настало. Але жъ недовго и правивъ потинъ, скоро вмеръ, бо дуже старий бувъ. И попадя єго старев'ка, низького росту, була. Вона було говорити до нась: »жиночки, голубоньки мої, ходить до мене, вychачайте мою памитоньку! такъ мыни Богъ прививъ, а я колись

шостирикомъ їздила. То мы було и покори повымазуемо и намитку выкачаемъ. А намитка у неи була гарна, задніцяняська, била, та тонка и очіпокъ золотый; бо тоди вси походи въ намитеахъ ходили и Духнѣвичка въ намитци ходила.

Сообщ. П. Л—въ.

ДВИЖЕНИЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Жизнь творить исторію, каждый прошедшій ея моментъ—достояніе исторії. Выдающіеся моменты недавней жизни не мѣшаютъ отмѣтить изданію историческому; въ массѣ текущихъ газетныхъ извѣстій они быстро забываются и не скоро потомъ извлекаются изъ пыли архивной.

Эти нѣсколько словъ мы сочли нужнымъ предположить сообщающей замѣткѣ въ предъупрежденіе недоумѣнія читателя, привыкшаго видѣть на страницахъ исторического журнала »дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой«.

Въ послѣднее время вниманіе печати и общества привлекло къ себѣ школьнное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, благодаря обнаруженнымъ тамъ политическимъ тенденціямъ польской партіи. Раскрыто до очевидности, что оно не отвѣчаетъ нашему политическому положенію и задачамъ, равно какъ и потребностямъ населенія: обнаружено застой, скудное приращеніе въ числѣ училищъ, уменьшеніе числа учащихся и другіе недостатки. Личные счеты корреспондентовъ, писавшихъ объ этомъ дѣлѣ, съ мѣстною учебною администрациєю долгое время держали положеніе этого дѣла въ запутанномъ видѣ, пока даровитый и опытный корреспондентъ »Нов. Времени« г. Молчановъ не снялъ съ заслуженныхъ упрековъ съ представителя тамошней учебной власти и не выставилъ съ полною рельефностью, что предъ нашою школою въ сѣверо-западномъ краѣ стоитъ во всеоружіи недоступныхъ намъ средствъ грозная сила противной партіи, съ которой мы тщетно боремся цѣлые вѣка, благодаря нашему-же непостоянству.

Но когда такая случайная и скорбная извѣстность выпала на долю школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, школа юго-западнаго края остается въ неизвѣстности и лишь изрѣдка обращаеть на себя вниманіе мѣстной только печати и мѣстного общества. Въ

этомъ отношеніи мы остановились на прежде сложившемся мнѣніи, что и тутъ дѣло затормозилось, застыло и не имѣть движенія, соответственно пространству и населенію края. Но оно не застыло, оно движется,—вотъ что мы хотимъ сказать и подтвердить настоящую замѣтку.

Предъ вами официальная вѣдомость обѣ открытии пародныхъ училищъ за послѣдніе три года въ юго-западномъ краѣ, т. е. губерніяхъ кіевской, подольской и волынской. По этой вѣдомости вновь открытыхъ за это время училищъ значится 125. По губерніямъ это число распредѣляется не равно: на долю кіевской приходится лишь 24, волынской 31 и подольской 70. Общая сумма по содержанию этихъ училищъ составляетъ 72,751 р. 75 к., или 582 р. на каждое изъ нихъ. Самую большую часть этой суммы, именно 45,059 р. 75 к. даютъ крестьянскія общества, 27,322 р. отпускается изъ казны, 150 р. идетъ изъ фундушевыхъ записей и 250 р. отъ частныхъ лицъ. Жалованье учителя колеблется между 300 и 400 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ опускаясь ниже 300; жалованье законоучителя между 50 и 150 р., средняя же норма его 100 р. Если принять въ расчетъ, что ученикъ въ сельской школѣ идетъ 4—5 мѣсяцевъ, а уроковъ Закона Божія бываетъ обыкновенно въ недѣлю два и не свыше 8 въ мѣсяцъ, то плата за каждый такой урокъ можетъ простираться отъ полутора до трехъ и нѣсколько болѣе рублей. Такимъ образомъ и содержаніе учителей можно считать обеспеченнымъ и вознагражденіе законоучителей достаточнымъ даже и для большаго числа уроковъ, гдѣ таковое могло бы случиться.

Но не обѣ устройствъ и положеніи школъ наша главная рѣчь; мы хотимъ сказать, что дѣло школьнаго въ юго-западномъ краѣ движется и число новыхъ школъ увеличивается съ значительнымъ успѣхомъ. Кому цифра 125 для трехъ губерній съ свыше 5-ти миллионнымъ населеніемъ, покажется недостаточною, тому мы вспомнимъ, что тѣже препятствія, которыя служатъ главнымъ тормазомъ школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣютъ отчасти мѣсто и здѣсь, и что сверхъ того здѣсь сохраняютъ всю свою силу другія причины, которыя не имѣютъ мѣста тамъ. Школы у насъ были, начиная съ временъ Владимира и Ярослава, существовали при всѣхъ превратностяхъ въ политической судьбѣ края, существовали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ большемъ, чѣмъ

теперь числѣ и закрылись на нашихъ глазахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Съ наступленіемъ освобожденія крестьянъ, духовенство первое принялось за учрежденіе вновь школъ и мы можемъ указать здѣсь мѣста и лица, гдѣ первыя школы были открыты, именно священниками по собственному ихъ почину. Но что доступно было однімъ, оказывалось не по силамъ многимъ другимъ, а между тѣмъ епархиальная власть, увлекшись первымъ легкимъ успѣхомъ и общею мыслью, что главная обязанность священника *учить*, сдѣлала учрежденіе школъ въ приходахъ обязательнымъ для всѣхъ священниковъ и поддерживала свое требование весьма энергично и настойчиво. Такъ было въ киевской епархії, ей старались подражать епархиальная власти Подолії и Волинії. Почти въ каждомъ приходѣ явились школы: явились энергические и умные настыри, которые обставили школу хорошо и повели дѣло ученыя умѣло и съ жаромъ, но большинство не имѣло ни того, ни другаго, дѣйствовало по подражанію и что еще хуже по приказу. Самое же главное — никто почти не подумалъ о прочномъ материальномъ обезспеченіи школы: священники и прихожане, дѣйствуя съ горяча, вели дѣло на вѣру, па словахъ, кто сколько дастъ; потомъ охладѣвали либо одна, либо другая сторона, подъ часъ и давать стало печего. Громадное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ; возвѣяли вѣты и оно стало разрушаться. Таже школьная горячка дхвтила въ слѣдъ за духовенствомъ учебные кружки и долгое время дремавшее наше общество. Отъ школъ воскресныхъ, блеснувшихъ метеоромъ, перешли въ Кіевъ къ школамъ постояннымъ, смастерили на скоро временные педагогические курсы, съ горяча, между людьми дѣльными, напустили туда всякаго хламу, кроме самого дѣла, начинкали новыхъ педагоговъ разныемъ вздоромъ и пустили ихъ учить и благовѣстить... Но свободныхъ мѣстъ для новыхъ школъ почти уже не было. Свѣже испеченымъ педагогамъ приходилось входить въ готовыя уже, духовенствомъ заведенные школы; но тутъ обнаружилась разность взглядовъ, направлений и приемовъ учредителей и новыхъ руководителей школъ. Шли состязанія, словопрепенія, выступалъ вопросъ о правѣ, преимуществѣ и пр. Отъ учрежденія не моглихъ, не приходскихъ школъ перешли къ мысли обезпечить и перестроить кой-гдѣ плохія приходскія школы. Завязалось соперничество, препирательство двухъ

вѣдомствъ—епархіального и учебнаго, изъ которыхъ на сторонѣ одного были *jus regii*, на сторонѣ другаго денежныя средства. Соглашенія не послѣдовало; загорѣлась борьба. Въ паусыківаніяхъ, подстрекательствахъ недостатка не оказалось. Педагоги корили духовенство незнаніемъ «новѣйшихъ методовъ», духовенство упрекало ихъ въ пустозвонствѣ, верхоглядствѣ. Тамъ и здѣсь была своя доля правды, которой не призывали однако стороны враждующія. Споръ перешелъ въ новый фазисъ, когда на сторону учебнаго вѣдомства стала гражданскія администрація. Борьба кипѣла: разъѣждали чиновники, допрашивавшіе крестьянъ, жалують-ли они имѣть школу министерскую, или церковно-приходскую. Обѣ стороны въ запальчивости и раздраженіи не рѣдко скандализировали себя и профанировали школу въ глазахъ ничего не вѣдавшаго народа. Дѣло само собою затормозилось; споръ перешелъ въ высшія сферы и Высочайшею властію разрѣшенъ быть въ смыслѣ *statu quo*, иначе говоря: школы, учрежденныя духовенствомъ, должны были оставаться въ его завѣданіи, а школы, устроенные учебнымъ вѣдомствомъ, подлежать вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, какъ *modus vivendi*, усталовано было, что вѣдомство учебное съ одной стороны даетъ изъ собственныхъ суммъ пособія церковно-приходскимъ школамъ, но усмотрѣніи ихъ успѣховъ и нуждъ, а для сего послѣдняго получаетъ право осмотрѣа ихъ, съ другой, при учрежденіи вновь школы сго вѣдѣнія, въ такомъ пунктѣ, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, исправливаетъ соглашенія епархиальной власти.

Хотя такимъ образомъ положеніе двухъ стоящихъ другъ противъ друга вѣдомствъ и выяснилось, но нельзя сказать, что-бы оно точно опредѣлилось и не оставило мѣста недоразумѣній и соблазну для низшихъ ихъ органовъ при случаѣ подставить другъ другу вожку. Послѣ всего происходившаго оба вѣдомства не могутъ не считать себя двумя противными, по меньшей-же мѣрѣ отдельными лагерями. Горячая когда-то схватка ихъ, ожесточенная полемика, продолжавшаяся свыше десяти лѣтъ, не могла не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Примиреніе не уничтожило охлажденія ихъ какъ между собою, такъ отчасти и въ самому дѣлу; охладѣло къ дѣлу и само населеніе, извѣрившись въ тѣхъ и другихъ руководителяхъ своего образованія. А время шло; пора об-

щаго увлечения школою давно миновала. Каждое общественное дело имѣеть такую пору: когда оно ново, когда оно предметъ впервые сознанной потребности, вопросъ дня, просто моды,—на него набрасываются разомъ всѣ, другъ друга возбуждаютъ, другъ другу помогаютъ; тогда многое можно сдѣлать. Кто пропустилъ эту пору, тому наверстывать послѣ бываетъ очень трудно. Такъ случилось и съ школьнымъ здѣсь дѣломъ: послѣ длиной пертурбациіи и общей реакціи оно совсѣмъ пришло было въ застой. Не помогло и учрежденіе инспекціи. Прибавилась одна лишняя ко многимъ другимъ инсталлациія въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе сельской школы. Между тѣмъ народъ не терпитъ волокиты и иногда со всѣмъ отказывается отъ дѣла, когда увидитъ, что оно затянулось, а тутъ оно невольно затягивается вслѣдствіе самой процедуры, установленной закономъ.

Если строго и беспристрастно взглянуть всѣ условія, въ какихъ стояло и стоитъ школьнное дѣло въ юго-западномъ краѣ, то приведенную выше цифру 125 школъ, учрежденныхъ за послѣднее трехлѣтіе, нельзя не признать весьма почтенною. Когда въ областяхъ дѣла нѣть ничего возбуждающаго и воспособляющаго, напротивъ есть много препятствующаго, объясненія успѣха дѣла надо искать въ личныхъ качествахъ руководителей онаго. Что и здѣсь, какъ говорится, дѣло мастера боится, на это прямо указываетъ число школъ, открытыхъ въ послѣдніе три года въ подольской губерніи, болѣе чѣмъ вдвое превышающее число школъ, открытыхъ за тотъ-же срокъ въ губерніяхъ кіевской и волынской. Сельскія общества, какъ известно, не обладаютъ собственою инициативою: въ дѣлѣ учрежденія школы, какъ и во всемъ другомъ, они требуютъ вышняго толчка, напоминанія, возбужденія и еще болѣе соглашенія. Недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣть: у сельскихъ обществъ много, даже слишкомъ много честуновъ, руководителей и охранителей въ лицѣ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей; но что начинаетъ одинъ, тому рѣдко помогаетъ, но чаще препятствуетъ другой. Положеніе инспектора народныхъ школъ, не имѣющаго и тѣни какой-либо власти и значенія въ средѣ называемыхъ дѣятелей и въ виду ничѣмъ не связанныхъ съ нимъ сельскихъ обществъ, поистинѣ трудное. Требуется много ума,

также, енергії, терп'ючія, миролюбія, иногда очень остережного и искусного обращенія, чтобы согласить всіхъ и все, не задѣть ни чього самолюбія, расположить, захотить и въ концѣ концовъ со-здать, хорошо обставить и поставить на ноги такое простое и миньятюрное учрежденіе, какъ сельская школа. Но тотъ же трудъ, тѣ-же качества, въ той-же, если не въ большей степени должны быть присущи центральному управлению народнымъ образованіемъ въ краѣ, ибо своими верхушками достигаютъ его тѣ-же разнородные элементы, среди которыхъ находятся его посредствующіе органы, и ему приходится дѣйствовать и сверху и снизу, чтобы поддержи-вать ихъ самихъ и создаваемое ими по частямъ дѣло, поддержи-вать то соглашеніе, котораго тѣ успѣваютъ достигнуть, охранять устроеніе ими отъ весьма частыхъ попытокъ пошатнути и повер-нуть въ ту или другую сторону, направлять и руководить дѣло начального образованія, которое въ массѣ дѣлъ средняго и высшаго образованія, составляетъ слишкомъ тяжелый и ощутительный при-датокъ. Говоримъ такъ потому, что напр. въ привилійскомъ краѣ съ средини, а въ сѣверо-западномъ съ конца 70-хъ годовъ суще-ствуютъ дирекціи училищъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи кото-рыхъ находятся начальные училища, и что въ послѣднемъ суще-ствуетъ кромѣ того изрядное число инспекторовъ народныхъ школъ, а въ первомъ учреждается, какъ сообщено не давно въ газетахъ, должность помощниковъ начальниковъ учебныхъ дирекцій; въ юго-западномъ-же краѣ дѣло управления народными школами, при не-значительномъ числѣ однихъ лишь инспекторовъ, лежить всею почти тяжестю на учебномъ округѣ. Если за всѣмъ тѣмъ число началь-ныхъ школъ, какъ мы уже видѣли, растетъ здѣсь съ несомнѣннимъ усиїкомъ, то нельзя не считать этого особою заслугою админи-страціи учебнаго округа и не приписать ея опыности, енергії и особому умѣнью соглашать самые разнородные элементы и теченія и обходить тысячи препятствій. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не радо-ваться такому успѣху школьнаго дѣла: если гдѣ, то именно здѣсь, по сравненію съ окраинами, въ слѣдствіе вышеуказанныхъ при-чинъ, мы сильно пострадали, и благо, что хотя теперь наверсты-ваемъ. Надѣяться можно, что съ учрежденіемъ для юго-западнаго края дирекцій народныхъ училищъ, которое можетъ наступить къ концу нынѣшняго даже года, дѣло народнаго здѣсь образованія

относительно рабочихъ силь придется въ равновѣсіе съ другими мѣстностями и не только число школъ будеть возрастать, но и самое обученіе въ нихъ развиваться, совершенствоваться и давать желаемый плодъ. Ожидать значительного увеличенія церковно-приходскихъ школъ сдѣлать возможно, такъ какъ, несмотря на обладавшія пе давно новые объ нихъ правила, ихъ учрежденіе и содержаніе, организація и завѣдываніе остались въ прежнемъ положеніи. Разсужденія болѣе года объ устройствѣ ихъ комисія, не придумала ничего болѣе, кромѣ предоставленія духовенству права открывать эти школы, т. е. того права, котораго никто у него не оспаривалъ и которымъ оно пользовалось болѣе 20 лѣтъ. Объясняемое въ этомъ отношеніи духовенство паше сдѣлало уже, что можно, въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ школьніе дѣло доступно по дарованіямъ и призванию, личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ и по многому другому; но никому не доказать, что это словесное исключительно педагогическое, а тѣмъ болѣе сдѣлать его такимъ. Что въ правѣ и обязанностяхъ, когда для осуществленія ихъ не изыскано никакихъ средствъ? *Ex nihilo nihil fit.* Что до духовенства юго-западнаго и мѣстнаго учебнаго округа, они лишились теперь и тѣхъ средствъ, какими доселѣ располагали: расходовавшіяся доселѣ *тридцать* тысячъ рублей на пособія лучшимъ церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства, перечислены теперь въ общи фондъ для церковно-приходскихъ школъ всей Россіи.

И. Ц.

ОЧАКОВСКАЯ ЗИМА ПО СОВРЕМЕННОМУ ОПИСАНИЮ.

Очаковская зима, т. е. та, въ которую взять Очаковъ (1788), памятна народу до сихъ поръ своей необыкновенной жестокостью. Намъ удалось получить въ копіи описание этой зимы, принадлежащее современнику ея, Семену Кущинскому, жителю Новоархангельска—нынѣ елисаветградскаго, а тогда новомиргородскаго уѣзда херсонской губерніи. Описание сдѣлано на первомъ листѣ библіи, теперь составляющей собственность крестьянина с. Тишковки елисаветград-

скаго уѣзда Мурашкина, и доставлено памъ сыномъ его, обучающемся въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Елисаветграда. Оно интересно, какъ показаніе современника.

Жительствовавшему мнѣ новомиргородскаго уѣзда селенія архангельскаго (т. е. Новоархангельска), аѣти (1788) года бысть допущеніемъ Божімъ грѣхъ нашихъ ради на насъ зима. Октября го (13) дня, хавъ я въ Елисаветь (Елисаветградъ), вышавъ снѣгъ такій великий, что въ силу возомъ до дому верпувся, а ноября 3 (7) вишавъ снѣгъ и лягла настоящая зима. Сего-же года Очаковъ браль декабря 5 (6) Потемкинъ о зимномъ Николаѣ: и начали вѣтры пре величайшия замети крѣпкіе и нарочито замитало, когда дней 5 (2) или 6 (3), а зачальнѣ была метель недѣль 5 или и болѣе. Продолжалась лютость до самаго свѣтлого воскресенія и тако по малу роставало, что по балкамъ былъ снѣгъ, которій вишавъ прежде фелипповаго поста. Можно было безъ нужды вискать снѣгъ по балкамъ мая 5 (16) дnia; еще-жъ и се помяну, что замѣтами снѣгъ лѣси обыкновенно поломавъ, сади, дерево родючое, тоже и лѣсь немилостиво повимерзть и посохъ, вишни (вишни) и сливи въ пень порубили, а заземки отростати стали въ петровъ постъ. Предъ Онуфріемъ¹⁾ морозъ быль великий, что мѣстами хвасоля, огурци, дыни, пшеничка вовсе померзла, жито солома весма хороша, а зерна ничего нема, ярина весма хороша.

Сообщ. В. Ястребовъ.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ черниговской губерніи, стародубскомъ уѣздѣ, близъ села Сытия-Буды и мѣстечка Ропска, на берегу рѣки Сновы находится каменскій, пѣкогда мужескій, теперь женскій монастырь съ церковью во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Этотъ монастырь, окруженный и до нынѣ лѣсомъ, расположень на горѣ и получилъ название каменскаго отъ того, что вся площадь, имъ занимаемая, представляется сплошный камень, красный песчаникъ, а за оградою

) Празднуется 12 июня.

обители торчать тамъ и здѣсь дикія скалы, разорванныя провалами. Каменскій монастырь основанъ «старцемъ Іоною Болховскимъ» (или Полховскимъ), который и былъ потомъ игуменомъ этой обители, бывшей первоначально общежитиою. На столбахъ западнаго входа въ начальный храмъ обители были подпись: «Бога Отца изволеніемъ, Бога Сына благословеніемъ, Бога Духа Святаго послѣшествомъ Пресвятой Богородицы Успенія храмъ сооруженъ 1687 г.¹⁾». Въ этомъ-же году памятный Малороссіи Иванъ Степановичъ Мазепа, въ благодарность Богу за свое избраніе въ гетманы, «для устроенія и содержанія каменской обители, утвердилъ универсаломъ за нею земли на рѣкѣ Сновѣ отъ рѣки Рясни по рѣчку Трубежъ съ сушаковскою отчиною²⁾», а въ 1694 г. дозволилъ этому монастырю «въ кутку бучковскому», подъ рѣчки Трубежа и подъ уро-чища Городица, осадить слободку тридцатью хатами. Преемникъ его Скоропадскій, въ 1713 г., «не только утвердилъ прива камен-скаго монастыря на село Шумиловку, слободку и половину села Бровничъ, но сице придалъ ей и мельницу на рѣкѣ Ревнѣ». Кроме этихъ лицъ, въ числѣ благодѣтелей каменскаго монастыря былъ и Павелъ Полуботокъ, черниговскій полковникъ, въкоторое время на-казненный гетманъ, извѣстный своею неудачною попыткою отстоять прежнія права Малороссіи. Свѣдѣнія о фундаторахъ и благодѣте-ляхъ каменскаго монастыря имѣютъ непосредственную связь съ тѣмъ произшествіемъ, о которомъ хотимъ разсказать.

Спустя полстолѣтія отъ основанія каменской обители, мирная ся жизнь нарушена была такимъ казуснымъ дѣломъ, котораго никто не могъ предполагать, которое привело въ трепетъ всѣхъ живущихъ въ ней и оставило по себѣ скорбныя воспоминанія.

Въ 1737 г., въ началѣ іюля, изъ черниговской кафедры ка-федральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Иракліемъ Комаровскимъ былъ посланъ для сбору штрафныхъ денегъ съ тѣхъ, кто на исповѣди не бывалъ, священникъ села Сытыхъ-Будъ Иванъ Ромацкевичъ; вмѣсть съ нимъ Ѵадиль и дьячекъ того-же села Ефимъ ѩедоряченко. Порученіе, данное Ромацкевичу, было не изъ лестныхъ; это былъ

¹⁾ Историко-статистическое описание черниговской епархіи (Архиепископъ черниговский Филаретъ), кн. 4 стр. 55.

²⁾ Тамъ-же, стр. 56—66.

родъ подводной, или постойной повинности. Бѣдить на свой счетъ, подвергаться всѣмъ трудностямъ пути, развозить указы о правежъ денегъ, добиваться денегъ, когда ихъ пѣтъ, или дать не хотять, провѣрять наличность по вѣдомостямъ каѳедры, вести счетъ получкамъ и недоплатамъ, беречь деньги и отчитываться предъ каѳедрою было и хлопотно, и убыточно, тѣжело и досадно. Ромацкевичъ прежде сего судился за какое-то дѣло въ консисторіи и едва ли не въ наказаніе дано было ему столь тягостное порученіе, отрывавшее его отъ хозяйства въ самую горячую пору уборки хлѣба. Ромацкевичъ былъ кромѣ того человѣкъ спокойный и, по обычаю всѣхъ людей того времени, любилъ вышить. Въ какихъ отпопеніяхъ стоялъ онъ къ каѳедральному писарю,—неизвѣстно.

Среднихъ чиселъ іюля, Ромацкевичъ и Федораченко прибыли въ каменскій монастырь и остановились въ немъ. Игумена въ ту пору въ монастырѣ не было: игуменомъ считался самъ катедральный цисарь Ираклій Комаровскій, по жиль въ Черниговѣ при консисторіи. Пока Ромацкевичъ трактовалъ съ монастырскими властями и съ дороги подкрѣплялся, дѣячекъ Ефимъ, въ сопровожденіи монастырскаго пономаря монаха Тита, пошелъ посмотретьъ монастырскую церковь, которой никогда прежде не видалъ. Титъ показывалъ Ефиму достопримѣчательности церкви, а первое мѣсто между ними имѣла икона Успенія Пресвятой Богородицы,—не столько самое «существо» иконы, сколько »намуленія на ией персоны«. Монахъ Титъ говорилъ дѣячку Ефиму:

— Гляди! вотъ свыше того образа намулены четыре персоны: первая царь Петръ I, вторая Петръ II, третья гетмана Мазепы, а четвертая полковника Полуботка.

Дѣячекъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, а придя въ комнату, гдѣ помѣщался Ромацкевичъ, сообщилъ ему о видѣніи. Подстрекаемый любопытствомъ, Ромацкевичъ отправился и самъ посмотрѣть необычную икону. Тотъ-же монахъ Титъ пояснилъ и ему, что за персоны нарисованы на томъ образѣ, когда-же Ромацкевичъ спросилъ его, зачѣмъ тѣ персоны на образѣ и выразилъ не одобрение образу, старый чернецъ безцеремонно отвѣтилъ ему:

— Жаль, что тебя не было въ ту пору, когда писался образъ и ты не указалъ, какъ малевать здѣсь иконы; а впрочемъ пѣтъ тебѣ до того и дѣла.

Сконфуженный Ромацкевичъ не нашелся, что отвѣтить пономарю, вышелъ изъ церкви и отправился домой. Оставаясь въ монастырѣ, Ромацкевичъ успѣлъ повздорить съ монахами и одного изъ нихъ, іеромонаха Самуила Грудницкаго, монастырскаго писаря, жестоко избить. Полагать надо, что досталось при этомъ отъ братіи и самому Ромацкевичу, а іеромонахъ Самуилъ подалъ на него жалобу архиерею.

Продолжая исполнять свою не легкую коммисію, Ромацкевичъ перекочевалъ въ Стародубъ, гдѣ была полковая канцелярія. Тутъ пришло ему на мысль воспользоваться видѣннымъ имъ образомъ съ намуленными па немъ персонами, чтобы разомъ насолить и монахамъ, нажившимъ ему бока, и самому катедральному писарю, давшему столь тягостное и убыточное порученіе. Не долго думая, Ромацкевичъ, подаетъ доцесеніе въ стародубовскую полковую канцелярію, что въ каменскомъ монастырѣ на храмовомъ образѣ Успенія Божіей Матери написаны, въ числѣ другихъ, портретъ измѣнника Мазепы и Полуботка. И Ромацкевичъ и его спутникъ дьячекъ Ефимъ тутъ-же были допрошены и отпущены домой.

Началось страшное политическое дѣло: кто, съ какимъ злымъ умысломъ, для каковыхъ причинъ и пр.? Это было время бироновщины, полное политическихъ доносовъ, конфискацій, ссылокъ, казней и пр. Ромацкевичъ продолжалъ свою экспедицію, злобно радуясь, что затѣялъ такое дѣло, которое приведеть въ трепетъ и всѣхъ чѣрницовъ каменскихъ и самую катедру. Вдругъ, когда онъ возвратился уже домой и не спѣша съ отчетомъ, отдыхалъ отъ трудовъ, схватываютъ его самого, отбираютъ у него пожитки, заковываютъ въ кандалы, отправляютъ въ Черниговъ и сажаютъ въ тюрьму при катедрѣ. До катедры дошло уже извѣстіе о сдѣланномъ Ромацкевичемъ въ полковую канцелярію доцесеніи и какъ онъ косвенно хотѣлъ упечь каменскую братію и катедру, такъ теперь катедра косвенно понимала его. На вопросъ Ромацкевича, почему берутъ его подъ караулъ и заключаютъ въ тюрьму, ему отвѣчдаютъ: за то, что изъ катедры указы не скоро розвозилъ. Но этимъ не ограничились пониманье Ромацкевича: въ тюрьмѣ даютъ ему пятьсотъ розогъ, а когда онъ спросилъ: за что? отвѣчаютъ уже съ большою откровенностью: »а чтобы, будучи въ чужихъ церквяхъ,

всего не рассматривать». Ромацкевича продержали въ архіерейской тюрьмѣ съ 9 августа до 24 сентября.

Изъ найденнаго нами въ архивѣ министерства юстиціи краткаго «экстракта» этого дѣла, по которому воспроизводится настоящій разсказъ, мы не видимъ, какой первоначальный ходъ возымѣло извѣстное уже донесеніе Ромацкевича. Полагать надо, что оно на первыхъ порахъ было замято, такъ какъ на взглядъ мѣстныхъ властей содержаніе въ церкви каменскаго монастыря иконы Успенія Божіей Матери съ портретами на ней царей и правителей не представляло не только ничего преступнаго, но даже выходящаго изъ круга обыкновенаго. Въ Малороссіи всегда было въ обычай не только имѣть въ церкви ва стѣнахъ отдѣльные портреты основателей и благодѣтелей монастырей и церквей, но иписать ихъ изображенія на иконахъ. Въ Переяславѣ въ успенской церкви и теперь хранится икона Успенія Божіей Матери, на которой изображены Петръ I, его жена и двѣ дочери, а также пѣсколько придворныхъ, въ томъ числѣ и гетманъ, всего вѣроятнѣе Скоропадскій. Но Ромацкевичъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ и получивъ вѣсколько сотъ розогъ, не унимался и если въ экстрактѣ сего дѣла мы находимъ указаніе на сдѣланій имъ въ св. синодѣ доносъ, то нельзя не предположить, что онъ слажъ доносы и другимъ свѣтскимъ командамъ. Объ иконѣ съ памулованными персонами узнали въ синодѣ, въ сенатѣ и въ канцеляріи министерскаго правленія. Въ Петербургѣ иначе, конечно, смотрѣли ва дѣло столь обыкновенное въ Малороссіи; достаточно было тамъ одного имени Мазепы, чтобы придать дѣлу характеръ чрезвычайного, политическаго. Для разслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ по сенатскому указу лейбъ-гвардіи маіоръ Шиповъ; слѣдствіе сосредоточено было въ «канцеляріи министерскаго правленія». Къ дѣлу привлечены, кроме доносчика попа Ромацкевича, дьячка Ефима Федоряченка и попомаря Тита, всѣ безъ исключенія монахи каменскаго монастыря, въ томъ числѣ и бывшій короткосъ времія лгуменомъ этого монастыря, каѳедральныи писарь, теперь уже архимандритъ троицко-ильинскаго черниговскаго монастыря Ираклій Комаровскій и жена давно умершаго Полуботка, а въ качествѣ экспертовъ и свидѣтелей генеральная старшина. Суть всего разслѣдованія сосредоточивалась на томъ, были-ль на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, которые въ вопро-

сахъ и отвѣтахъ не разъ обзываются измѣнниками. Иено, что слѣдствіе доискивалось въ написаніи ихъ портретовъ политического замысла и памѣрсія, а для разъясненія этого ставились добавочные вопросы о томъ, кѣмъ, когда, по чьему желанію и заказу и на чей счетъ написана икона и на ней портреты четырехъ персонъ. Большинство привлеченныхъ къ допросу давали уклончивыя показанія, или отговаривались невѣдѣніемъ, въ слѣдствіе-ли дѣйствительнаго незнанія обстоятельствъ дѣла, или подъ вѣдѣніемъ весьма понятнаго страха и не желанія навлечь на монастырь или на кого либудь бѣду. Лишь не многіе выяснили въ своихъ показаніяхъ происхожденіе иконъ, заказчиковъ одной, писавшаго ее и время написанія; но вопросъ о «намуленныхъ персонахъ» и была-ли въ числѣ ихъ картина измѣнника Мазепы остался затертымъ; никто не отважился сказать, что таковъ былъ обычай въ странѣ, что въ особенности портреты фундаторовъ монастырей и церквей можно было найти почти повсюду (въ гамалѣевскомъ гетмана Скоропадскаго, въ максаковскомъ воеводы Биселя и т. д. и т. д.) и что гетманъ Мазепа былъ фундаторомъ именно этого каменскаго монастыря, а Скоропадскій и Полуботокъ его благодѣтелями. Передадимъ сущность показаній каждого изъ допрошеныхъ.

Полъ Ромацкевичъ и дьячекъ Ефимъ Федоряченко ничего къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили и ничего въ нихъ не измѣнили. Вышій въ началѣ дѣла игуменомъ каменскаго монастыря Ираклій Комаровскій заявилъ, что опъ хотя и числился игуменомъ, но оставался въ Черниговѣ при дѣлахъ, посѣть лишь однажды свой монастырь и будучи въ церкви, того образа и написаніи пыхъ на немъ персонъ совсѣмъ не замѣтилъ и ни отъ кого обѣихъ дотолѣ не слыхать, что-же касается пона Ромацкевича, то племями его за то, что-бы онъ, будучи въ чужихъ церквяхъ, ничего не смотрѣть, не наказывать и пожитковъ его не брать, а все это дѣжалось по волѣ архіепископа, за непостоянство Ромацкевича, за побой, учиненный имъ каменскаго монастыря іеромонаху Грудницкому, и многое другое.

Пономарь Титъ призналь, что сперва дьячку Федоряченку, а потомъ поцу Ромацкевичу показывалъ «намуленныя на иконѣ Успенія Божіей Матери четыре персоны», поясняя, что первыя двѣ означаютъ царей Петра Великаго и Петра Алексѣевича, что относи-

тельно третьей, »представляется ли она гетмана Мазепы или Скоропадского, подлинно сказать не можетъ, ибо писать не умѣеть, а подъ картинами подписей нѣтъ, что на четвертой несомнѣнно изображенъ полковникъ Полуботокъ и что какъ самая икона, такъ и вся эти четыре персоны мулеваны въ городѣ Черниговѣ, черниговскимъ мѣщаниномъ, тогда уже умершимъ, Якимомъ, а въ какомъ году, не припомнить«.

Назначенный въ генварѣ 1738 г. игуменомъ каменскаго монастыря, іеромонахъ Натрий Лисянскій передалъ лишь то, что успѣль узнать при пріемѣ монастыря, а именно, что па обратной сторонѣ образа Успенія Богородицы значится 1716 г., т. е. годъ написанія иконы, что, по показаніямъ монаховъ того монастыря, образъ писанъ черниговскимъ мѣщаниномъ, маляромъ Якимомъ, а чьимъ тицаніемъ, неизвѣстно, и что нарисованыя на томъ образѣ двѣ персоны означаютъ покойнаго гетмана Скоропадского да полковника Полуботка, а другіе чьи, безъ подписи знать не можетъ.

Памѣтникъ іеромонахъ Савва Любичъ показалъ, что самъ онъ находится при каменскомъ монастырѣ съ 1728 года, что образъ Успенія Богородицы писанъ въ 1716 году, что »писаль тотъ образъ черниговскій маляръ Якимъ, по заказу монастыря и деньги ему за то плачены монастырскіе и что намулеваны тамъ кругомъ Успенія, по признанію старыхъ людей,—Петръ Великій, покойникъ гетманъ Скоропадскій и полковникъ Полуботокъ, а четвертая персона кого именно выражаетъ, того онъ, Савва, не знаетъ, но измѣнника Мазепы персоны на томъ образѣ не написано«.

Іеромонахъ Іоакимъ Хоминскій говорилъ, что монахомъ онъ въ каменскомъ монастырѣ живетъ съ 1712 года и что образъ Успенія Богородицы рисовалъ черниговскій маляръ Якимъ при бытности его, по заказу игумена Гедеона, который умеръ въ 1724 году, по чьи именно персоны на томъ образѣ написаны, не знаетъ, а подлинно знаетъ, что измѣнника Мазепы на томъ образѣ не писано и игуменъ Гедеонъ, подряжая маляра Якима писать тотъ образъ, приказывалъ ему изобразить лишь одно существо Успенія Богородицы, писать же притомъ какія персоны не повелѣвалъ, и написать ихъ тотъ маляръ самъ собою, безъ всякаго повелѣнія, ради украшенія, а съ прежняго-ли какого образа, или отъ себя вздалъ, того онъ Хоминскій не знаетъ«.

Допрошенные порознь іеромонахи: казначей Тихонъ Козелец-
кій, усталицікъ Иллікентій Червінскій, писарь Самуилъ Грудницкій,
іеродіакони: Дмитрій Глазовский, Трифілій Козельскій и монахи:
Матеїй Березовскій, Феофіль Бѣляевъ, Тихонъ Могилевецъ и Ага-
піасій Мелецкій, поступивши въ каменскій монастырь разновременно
между 1720 и 1732 г., въ одинъ голосъ отзвались въ большей
частіи невѣдѣпіемъ относительно происхожденія образа и написанныхъ
на немъ персонъ, передавая лишь какъ слухъ, полученный ими отъ
другихъ, что образъ написанъ при игуменѣ Гедеонѣ черниговскимъ
маляромъ Якимомъ. Существенно въ ихъ, какъ и во всѣхъ другихъ
показаніяхъ то, что говоря объ изображенныхъ персонахъ, они
особо утверждаютъ свое нѣвѣдѣніе въ томъ, находятся ли на иконѣ
изображенія Мазепы и Полуботка. Лишь монахъ Трифілій Староду-
бецъ и Титъ Шкурчевскій, проживавшіе въ каменскомъ монастырѣ съ
1713 года, прибавили нѣчто новое къ прежнимъ показаніямъ: первыи
слышалъ отъ самаго игумена Гедсона, а второй отъ другихъ,
что «къ написанію того образа тщаніе имѣла и деньги за работу
Якиму маляру платила жена умершаго полковника Полуботка»,
но какъ первый, такъ и второй отзвались нѣвѣдѣніемъ ни имени
ея, ни того, были-ли на иконѣ изображенія «Полуботка измѣнника
и измѣнника Мазепы».

Прошло много свидѣтелей, потрудились не мало слѣдователи;
но то, чего доискивались послѣдніе, именно—есть-ли на иконѣ пор-
треты Мазепы и Полуботка, никакъ не давалось. А иконы и портреты
были на лице. Оставалось допросить людей, которые лично и при-
томъ близко знали и Мазепу и Скоропадскаго и Полуботка, не
признаютъ-ли они ихъ въ «намулованныхъ персонахъ». Призваны
были: генералій подскарбій Андрей Марковичъ, генеральпій войско-
вой суды Забѣла и генеральпій эсаулъ Феодоръ Лысенко съ тѣмъ,
чтобы дали вѣрныя показанія, дѣйствительно-ли при томъ образъ
Успенія Богородицы парисованы Мазепа, Скоропадскій и Полубо-
токъ; но и они объявили, «что при этомъ образѣ никто изъ на-
писанныхъ персонъ на гетмановъ Скоропадскаго и измѣнника Ма-
зепу и полковника Полуботка нимало не похожи, ибо де гетманъ
Скоропадскій бытъ сухъ, а измѣнникъ Мазепа волосомъ рудявъ,
долголикъ и съ бородою, а полковникъ Полуботокъ былъ дороденъ
и волосомъ русявъ». Вѣрность своихъ показаній генеральпія стар-

шпна подтверждала своими подписями, заявляя, что показываетъ по чистой совѣсти.

Была послѣдняя надежда у слѣдователей—допросить жену Полуботка, на которую столь прямую ссылку ссылали послѣдніе два свидѣтеля. Она находилась въ живыхъ; но, будучи привлечена къ допросу, заявила, что никакого отпоменія къ рисованію образа Успенія Богородицы не имѣла. Привѣряя ея показанія, навели справку въ генеральной канцеляріи и узнали, что Полуботокъ былъ женатъ два раза, что первую его жену звали «Ефимъ», а какой она фамиліи и въ какомъ году умерла, неизвѣстно, и что оставшаяся въ живыхъ вторая его жена Арина Романовна, вышла за него замужъ лишь въ 1719 году, между тѣмъ образъ съ четырьмя персонами, какъ доселе несомнѣнно выяснилось, быть писанъ въ 1716 году.

Принялись въ третій разъ допрашивать попомаря монаха Тита: надо было узнать, откуда онъ получилъ тѣ свѣдѣнія о названіяхъ «намулованныхъ персонъ», изъ-за которыхъ возникло все дѣло, по которымъ не подтверждались теперь нибѣль почти изъ свидѣтелей. Монахъ Титъ, чтобы окончательно выгородить себя изъ столь опаснаго дѣла и отстрѣлить отъ себя всякия ссылки на него другихъ свидѣтелей, рѣшительно заявилъ, что «съ игуменомъ Патрикіемъ и ни съ кѣмъ изъ монаховъ о томъ образѣ и написанныхъ на немъ персонахъ никогда ничего не говорилъ и по чьему приказу онъ писалъ, ни съ кѣмъ въ разговорѣ о томъ не упоминалъ», священнику-жъ Ромацкевичу передалъ то, что слышалъ отъ другихъ, ибо, находясь издавна при той церкви, много разъ видѣлъ, какъ «при томъ образѣ Успенія Б. Матери всякие проѣзжающіе малороссіянне останавливались, а некоторые изъ тѣхъ, смотря на тотъ образъ, между собою разговаривали: на ссыѣ-де образѣ имѣются персоны ихъ императорскихъ величествъ Петра I и Петра II, гетмана Мазепы или Скоропадскаго (а которого именно, онъ Тигъ прислушать не могъ), да полковника Полуботка; но кто именно изъ проѣзжающихъ и когда такъ разговаривали, онъ Титъ за давностью не помнить».

Тѣмъ кончилось слѣдствіе на мѣстѣ; какія затѣмъ исканії проходило это дѣло, было-ли переслѣдованіе, новые допросы, дополнительныя показанія и свѣдѣнія, изъ имѣющагося у насъ экстракта не видно. Слѣдствіе кончено въ юлѣ 1738 г. и болѣе, нежели черезъ годъ, именно 12 сентября 1739 г., па имя слѣдователя по сему

дѣлу лейбъ-гвардіи маюра Шапова данъ изъ правительствующаго сената указъ, которымъ давалось ему знать, что его слѣдственное донесеніе и приложенный къ нему экстрактъ изъ дѣла »по доносу попа Ивана Ромацкевича на чернецца Тита и архимандрита каменскаго монастыря объ усмотренномъ имъ въ томъ монастырѣ образѣ Успенія Богородицы, вмѣстѣ съ копіею съ того образа, на которомъ написаны персонамъ государей Петра Великаго, Петра Втораго, да измѣника Мазепы и полковника Полуботка, поставлено отослать для разсмотрѣнія и подлежащаго рѣшенія въ святѣйшій правительствующій синодъ, понеже оно подлежитъ до разсмотрѣнія того святѣйшаго синода¹⁾«.

Изъ приведеннаго указа и разрешенія сената очевидно, что, во 1-хъ, по совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, а быть можетъ и съ помощью новыхъ какихъ-либо доказательствъ, сенатъ признавъ, что на иконѣ между другими изображеніями былъ портретъ Мазепы, во 2-хъ, что за смертью сооружавшихъ икону съ портретами, именно: маляра Якима, игумена Гедеона и первой жены Полуботка, политическая сторона дѣла оставлялась безъ вниманія и въ 3-хъ, что сенатъ ставилъ вопросъ лишь объ умѣстности храненія въ монастырской церкви иконы съ портретомъ между прочимъ измѣника Мазепы, но самый вопросъ считалъ подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, куда и передалъ все дѣло. Какъ разрѣшилъ это дѣло святѣйший Синодъ и изыскали онъ изъ употребленія икону, бывшую причиной столькихъ тревогъ,—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ лицъ близкихъ къ синодальному архиву паведеть въ немъ справку и откроетъ любопытный конецъ этого дѣла.

Возвращаясь къ самому дѣлу, не можемъ не замѣтить, что въ добытыхъ нами изъ его экстракта свѣдѣніяхъ многаго еще не достаетъ для разрѣшенія вопроса о бывшихъ на иконѣ Успенія Божіей Матери въ каменскомъ монастырѣ портретахъ, что многое въ этомъ дѣлѣ кажется намъ то не полнымъ, то не точнымъ, то просто загадочнымъ. Такъ въ выпискѣ изъ сенатскаго указа значится, что при дѣлѣ находилась и въ синодѣ препровождена копія образа, а не самъ образъ. Трудно согласить это съ обычаями того, да и

¹⁾ Моск. арх. министерства юстиціи. Дѣла сената по синоду, кн. 28 - 790, стр. 1001.

нашего времени; но если-бы и такъ, то подлинная икона должна была оставаться въ монастырѣ, и не находится-ли она тамъ и теперь, или копія его въ синодальныхъ складахъ? Въ той-же выпискѣ въ числѣ портретовъ на иконѣ значится портретъ императора Петра II, а между тѣмъ въ 1716 г., когда писалась икона, ему могло быть лишь нѣсколько мѣсяцевъ отъ рождения. Генеральная старшила: Марковичъ, Забѣла и Лисенко даютъ показанія о видѣ Скоропадского, Мазепы и Полуботка не сходныя во многомъ съ известными доселѣ ихъ портретами. Одно изъ двухъ: или показанія ихъ не вѣрны, или мы не имѣемъ вѣрныхъ портретовъ названныхъ лицъ, особенно Мазепы. Наконецъ игумена Гедеона не находимъ ни въ какихъ общихъ и частныхъ спискахъ настоятелей монастырей.

Тѣмъ не менѣе, сводя всѣ свѣдѣнія, даваемыя экстрактомъ сего дѣла, мы готовы признать, что жена ли Полуботка, или игуменъ Гедеонъ, или та и другой вмѣсть могли дляувѣковѣченія памяти обѣ основателяхъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря, по обычаю того времени, изобразить на храмовой иконѣ портреты гетмана Мазепы, Скоропадскаго и полковника Полуботка, а къ нимъ прибавить и портретъ царствовавшаго тогда государя Петра I.

Д. Сапожниковъ.

ПАНСКАЯ БЛАЖЬ, ХЛОНСКАЯ НАПАСТЬ, А ЧИНОВНИЧЬЯ ПОЖИВА.

Что паны чудили, это всякому извѣстно; но такъ чудить, какъ например панъ Винцентій, сдавали и въ голову кому либо приходило, да и погрѣтъ тому было-бы трудно, если-бы произшествіе, о которомъ хотимъ тутъ разсказать, не совершилось на нашей памяти и такъ сказать на нашихъ глазахъ.

Когда паче чудить было чудить, хлону немицусмая напастъ,—отъ пана-ли самого или отъ кого другаго, все равно. Паны-магнаты расплачивались щедро и совершиенно добровольно за свои причуды; съ пановъ средней руки взимали приличную дань блюстители порядка, даже и въ то время, когда они вовсе того не желали и не предполагали. Между этими послѣдними выдавались люди съ удивительно тонкимъ чутьемъ на счетъ того,

гдѣ и чѣмъ можно было поживиться. Любимымъ копѣкомъ ихъ въ послѣдніе годы крѣпостнаго права было тоже, что и у самихъ пановъ — неповиновѣніе и бунты крестьянъ, и они открывали это зло даже тамъ, гдѣ его не могли заподозрѣть самые паны. Выигрывали въ такихъ случаяхъ или паны, или полицейской власти и суды, проигрывали одни лишь крестьяне, расплачиваясь имущество мъ и спинами, или же отдѣльнаясь страхомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Нашъ панъ Винцентій былъ помѣщикъ хотя средней руки, но все-же очень богатый и жилъ не вдалекѣ отъ славнаго города Бердичева. Любилъ онъ поддерживать свой древній шляхетскій родъ, жилъ въ пышной и богатой обстановкѣ; по вѣсты съ тѣмъ былъ необычайно набоженъ и вѣръ строго-пѣломудренную жизнь. Въ 50-хъ годахъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, пану Винцентію было около тридцати лѣтъ, и не смотря на всю роскошь панскую, на богатство, на частые соблазны, онъ былъ строгій дѣвственникъ, избѣгалъ и даже боялся женскаго общества; каждое воскресеніе посѣщалъ бѣлопольскій костелъ, почти ежемѣсячно говѣль и исповѣдывался у бѣлопольскаго пробоюща, ежедневно часа по три, по четыре выстанивалъ въ своей домашней каплицѣ на молитвѣ, часто ударяя себя въ грудь и преклоняя колѣна. Когда наступала жатва, онъ ежедневно отправлялся съ любимымъ лакеемъ на свои поля, собственоручно нажиналъ по двадцати сноповъ пшеницы и нажатое дарилъ бѣднымъ; съ крестьянами своими обращался ласково, человѣколюбиво и милостиво; будучи добрымъ католикомъ и полякомъ, онъ помогалъ православному священнику и даже подарилъ ему пѣсколько морговъ земли. Любилъ нашъ панъ Винцентій посѣщать по временамъ бердичевскій клашторъ, гдѣ ксендзы-монахи съ особеннымъ торжествомъ совершили богослуженіе и произнесли весьма трогающія польскую душу казанья; въ клашторѣ притомъ бытъ отличный органъ, превосходные музыканты и хорошие пѣвцы и пѣвицы. Въ Бердичевѣ привлекала по временамъ пана Винцентія и славная во всемъ краѣ онуфріевская ярмарка, на которой совершались всевозможныя художественные и коммерческія сдѣлки и на которую еще въ пятидесятыхъ годахъ стѣжалось все окружное польское панство, какъ на пѣкоторое торжество, стараясь превзойти другъ друга блескомъ,

и роскошью поѣзда и парядовъ. Вотъ па одну изъ этихъ ярмарокъ отправился однажды и наль панъ Винцентій: Ѳдетъ онъ цугомъ въ каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, за нимъ сѣдуетъ также на четверки, по уже не въ каретѣ, а въ рессорной бричѣ управляющій, а тамъ парой на бричѣ экономъ, а дѣлѣ па простой подводѣ, но четверкой Ѳдуть гумсенный и поваръ въ запасами для кухни и овсомъ для лошадей, да еще сверхъ этого идутъ дѣлъ подводы съ сѣномъ, а за ними гонять батраки лошадей, быковъ, коровъ и воловъ для продажи или въ обмѣнъ на другихъ. Заѣзжій жидовскій дворъ напередъ договоренъ па время ярмарки, и огромный поѣздъ съ гикомъ и шумомъ вваливается туда и располагается на двухцедельное житѣ. Панъ Винцентій тщательно окуриваетъ комнаты, чтобы истребить жидовскій духъ, вынимаетъ изъ шкатулки Распятіе и ставить его въ углу, падасть предъ нимъ на колѣни и возносить благодарственную молитву Богу за благополучное прибытіе въ г. Бердичевъ.

На утро онъ устремляется въ кляшторъ и старается пробраться въ одинъ изъ угловъ вблизи престола, чтобы, ничѣмъ не развлекаясь, предаться молитвѣ; но костель уже полопъ, протиснувшись впередъ нельзя, да и назадъ податься трудно, и онъ во лней-неволей остановился. Спереди и сзади его стояла масса молящихся; онъ машинально повелъ глазами вокругъ, чтобы определить свою позицію, и видѣть, что рядомъ съ нимъ стоитъ паненка необычайной красоты. Взглянувъ панъ Винцентій еще разъ и приступить въ неописанное смущеніе, но уже не могъ глазъ оторвать отъ прекрасной паненки. Кровь жгла ему лицо, бушевала во всемъ тѣлѣ; онъ пробовалъ молиться, но глаза его не поднимались къ алтарю. Наконецъ сила воли взяла свое и панъ Винцентій пустился опрометью изъ костела. Пріѣзжаетъ домой, распостирается крестомъ иредъ Распятіемъ, исповѣдуется свой грѣхъ; по угрызенія совѣсти растутъ съ каждымъ часомъ: чѣмъ ему не мило,ничто не интересуетъ и онъ, предоставивъ своему жонцѣ вести всѣ дѣла па ярмаркѣ, самъ отдается молитвѣ. Но еще съ большей силой преслѣдуютъ его тѣ же угрызенія совѣсти; онъ молится, по видѣть, что никакой молитвой не искушить ему свое грѣха. Вспомнилъ панъ Винцентій, какъ бичевали себя многіе святые и грѣшные монахи, кануяя плоть свою, и рѣшился самъ подвергнуть себя

такому же истязаю: зоветь лакеевъ и велитъ дать себѣ 50 розогъ. «Змілуйся, панъ, падь самимъ собою!» говорили лакеи; по онъ слушать не хотѣлъ и грозилъ каждому отпустить по 50 нагаекъ. «Отъ же здурившъ пагъ!» перешептывались между собою слуги, по наконецъ рѣшились произвести падъ пимъ требуемую екзекуцію. Не пожалѣли, правда, руки, и паяль Винцентій остался виолій доволенъ, благодарила всѣхъ, даъ каждому по червонцу и совершенно успокоился. Объ одномъ онъ просилъ своихъ слугъ и строго имъ называлъ—не болтать и никому о случившемся не рассказывать. Но какъ умолчать о такомъ необычайномъ дѣлѣ? Пана Винцентія его простые хлопы и прежде считали «придурковатымъ», а теперь и просто признали «божевильнымъ» и не считали нужнымъ молчать о томъ. Пошло отъ одного къ другому; къ вечеру о панской сескуції знали чуть не всѣ на ярмаркѣ. Отъ лакеевъ пана Винцентія узнали лакеи сосьдей-пановъ, отъ нихъ самые паны. Пошли толки по всему Бердичеву и дошли до помощника исправника П. Тотъ сначала посмѣялся, но потомъ задумался...

Въ то время онъ приторговалъ для себя дома въ Бердичевѣ, очень выгодный и довольно дешево, по ему не хватало тысячи рублей серебромъ для покупки. П. занять былъ думою, где и какъ раздобыть эту недостающую тысячу, а тутъ какъ разъ вѣсть о сескуції, произведенной падъ паномъ Винцентіемъ его собственной прислугой... Дѣльце подходящее, подумать про себя П. и мгновенно летить къ своему приятелю убѣдному врачу, сообщать ему свой планъ, увлекасть его съ собой, береть пристава, разсыльныхъ, понятыхъ и катить въ резиденцію пана Винцентія учинить дознаніе о бунтѣ и насилии, произведеніи его дворовыми людьми.

— У васъ, я слышать, бунтъ, заговорилъ П., явившись съ цѣлой комиссіей предъ очами изумленного пана. Всіни дворовые вышли изъ повиновенія вамъ, учинили падъ пами...

— Никакого бунта, отвѣчать смишавшись панъ; то добрые, спокойные люди.

— Да; но дошло до моего свѣдѣнія, получено секретно донесеніе... Необходимо дознать, начальству донести.

— Мой паніе! начасть было панъ Винцентій; но П. че даъ ему говорить и мгновенно потребовать всю дворю.

— Какъ! закинулся онъ съ яростю на входящихъ лакеевъ и другихъ дворовыхъ. Такъ вы булы затѣяли? Пана своего убить, замучить хотѣли! Неблагодарные, изверги. Законной власти не покорястесь? Я васть...

И дворовые и панъ рѣшительно растерялись. П. шумѣлъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Сознавайтесь, подлецы, скѣли пана? закричалъ онъ вновь, глядя въ упоръ стоявшимъ впереди дворовымъ.

— Та вжежъ выбили, коли... закинулся было одинъ; но П. тотъ часъ перебилъ его:

— Коли?! Такъ вы еще колоть думаете? Вы это все свою Колінвіціну вспоминаете... Бунтовщики, разбойники! Вязать ихъ, забрать всѣхъ въ тюрьму! Тамъ допросимъ всѣхъ и каждого по kostochкамъ перебремъ.

— Змилуйтесь, пане! кричали дворовые; и караульные и понятые бросились забирать и выводить ихъ.

— Змилуй-сіе, пане! воціль въ свою очередь панъ Винцентій; по П. вновь огоропилъ его:

— Какъ! и вы за бунтовщиковъ? Укрытиельство... потакательство! Хотите общий бунтъ въ край привести? Мало этихъ бунтовъ? Нѣтъ; я этого не допущу. Протоколь, актъ! въ тюрьму ихъ, на кобылу ихъ! А васть, яспевельможный, попрошу раздѣться, показать знаки насилия. Вотъ докторъ; надо освидѣтельствование привести, протоколъ дополнить, чтобы все въ порядкѣ было.

— Змилуй-сіе, пане! только и можетъ говорить растерявшийся панъ. Не хочется ему раздѣваться; но П. не отстаетъ, требуетъ, грозить, а чиновникъ скрипить перомъ, протоколъ доказываетъ.

— Да надо, я думаю, говорить П., обращаясь въ доктору, упомянуть, сколько ударовъ дано, какимъ орудіемъ, по какой части тѣла и какие слѣды отъ ударовъ остались.

— Непремѣнно, непремѣнно! произнесъ докторъ. — Но надо все видѣть. Панъ позволить? обратился онъ къ пану Винцентію.

Тотъ не выдержалъ и метнулся на мипуту въ сналью. Врачъ и П. многозначительно переглянулись. Выбѣгасть панъ Винцентій и съ словами: мой пане! суетъ П. въ руку свертокъ бумажекъ. Тотъ взялъ, измѣрилъ пачку своимъ опытымъ глазомъ и безъ обиня-

ковъ сказаль: мало, панъ! Панъ Винцентій полѣзъ опять въ шкатулку и когда вишуя и вручилъ П. другой подобный первому свертокъ, то перестали и актъ писать, и спину пана свидѣтельствовать, и дворовыхъ въ тюрьму вести.

Наскоро и безъ особой человѣкости распрошался П. съ паномъ Винцентіемъ, сдѣлалъ на выходѣ должное вѣщаніе его дворовымъ и укатилъ съ своею импровизированною коммисіею. Въ карманѣ у него оказалось ровно столько, сколько не доставало для покупки дома. Дворовые только перекрестились и въ ледоумѣніи вздохнули; а панъ Винцентій съ этой поры сталъ считать себя совершенно очищеннымъ отъ своего грѣха и на другой день очень рано побѣхалъ въ кляшторъ благодарить Бога за избавленіе отъ искушенія.

И. Ц.

ГРАМОТА ПЕТРА I ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПІСКОПУ ІОАННУ МАКСИМОВИЧУ¹⁾.

(Объ измѣнѣ Мазепы и избраніи нового гетмана).

Поспѣшествующею милостію мы пресвѣтѣйшій и державный-лій великий государь, царь и великий князь Петръ Алексѣевичъ, всѧ Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и съверныхъ отчизнъ и дѣдичъ, и паслѣдникъ, и государь, и обладатель, наше царское величество, объяляемъ богомольцу нашему, преосвященному Ioannu Maximовичу, архієпископу черниговскому и новгородскому: извѣстно намъ великому государю учинилося, что гетманъ Мазепа забыть страхъ Божій и свое крестное и намъ великому государю цѣлованіе, и измѣнилъ, и перебѣхалъ къ непріятелю нашему королю

¹⁾ Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы застигло Петра въ расплохъ и лагерь подъ Десной въ виду приближающагося непріятеля. Петръ былъ въ болѣтѣ тресвогъ и при первой вѣсти отправилъ въ Кіевъ князя Б. О. Куракина доставить къ нему въ лагерь кіевскаго митрополита и знатѣйшее духовенство. Очевидно, въ туже пору написана настоящая грамота и вѣроятно такая-же грамота послана была съ Куракинымъ кіевскому митрополиту. Помѣщенную грамоту мы нашли въ разницѣ архієрейскаго дозора при черниговскомъ Ильинскомъ монастырѣ и приводимъ здесь отъ слова.—Гр. М.

шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ првѣда выбраннмъ на королевство польское, дабы съ общаго согласія съ ними Малороссійскую землю поработить по прежнему во владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать во упію, и понеже намъ, яко государю и оборонителю малороссійскаго края, належитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то пора-бопеніе и разореніе Малой Россіи, такожъ и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать, того ради повелѣваемъ: вамъ богомольцу нашему, и всей генеральской старшинѣ, и полковникамъ, и прочимъ чинамъ войска запорожскаго, дабы ва прелестъ и измѣну сего из-мѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашахъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякого зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана, вы богомолець пашъ и вся старшина генеральская и полковая сбѣжались немедленно въ обозъ нашъ къ Деснѣ, для обратки по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами нового гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всей Малыи Россіи состоится. Данъ сей пашъ царскаго величества указъ въ обозѣ при Деснѣ, за приписаніемъ власнага нашей рука и принесаніемъ печати. Октября въ 28 день 1708 года. *Петръ.*

Сообщ. графъ **Милорадовичъ.**

3. Послѣ обѣда была въ банѣ у отца архимандрита Інаксія Малюковскаго, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукаромъ Конюшевичемъ проповѣдывалось, въ коллежума московскаго прѣбывающими, видѣлися, зъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначень езасвѣтомъ въ іркутскую епархію, а отецъ Конюшевичъ въ кадетской корпусъ учителемъ.

4. Получилъ писмо отъ п. текѣ въ Ригу, чрезъ вѣнгерскаго маюра іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошель въ монастырь певскій и тамъ, передъ вечернями прѣпѣтии, поочувств. у отца Василія, свидѣніемъ таинства.

5. Послѣ утрени исповѣдались у духовника отца Герасима и причащались па службѣ Божій въ деревянной церкви; потохъ быть у отца архимандрита и обѣдать у отца намѣстника Симеона; по обѣду быть у отца економа и у гостинца Василія Кириловича Тредіаковскаго. Тандем побуждены у отца Василія свидѣніемъ, отехать па послѣдахъ, отъ отца намѣстника и економа дающихъ. Оцу духовнику данъ 1 р. Розыглое па разлопро 26 к. Ехъ імператорское величество изволилъ врибыть изъ Петергофа къ С. Н. Бурхъ коло вечерень, и на пріездъ изъ многихъ пушокъ шалено.

6. Были рано у графа Головкина, а паничъ быть и во дворцѣ, где послѣ службы Божій пожалованъ гостинецъ Потоцкій капитаномъ Андрея Первозваннаго и офицеръ вѣѣ препображенскаго полку сядли къ столу, ради праздника ихъ полку. На мѣсто пошли 27 $\frac{1}{2}$ к.

7. Будучи рано у гостинца Курбатова, засталъ тутъ и графа Саду Владиславовича, который за утро причинялся, только что не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдались у пана Полуботка, и потому заходить и да отца Малюковскаго, тако онаго въ дому не подучилъ. На перевозъ пошло 8 к., на ирон. 8 к.

9. Проехавъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который спасъсь просить гостиницы, чтобы зъ панъ обще пріехали слушать моего дѣла. Рано быть у пана Полуботка, по обѣду гостинецъ Новогорицкій, личнаго портсигера начину привозить. Книгу Телемака присланъ уставащиъ писаревпанъ Панъ Петровичъ.

10. Раво быль у Петра Василіевича, который казаль мнѣ у тебе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными разговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказаль мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ изъ коллегіи іностранной, что братъ его двоюродный Иванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтается въ Москвѣ, преставился тауъ въ недавниихъ числажъ: и именно сего августа 1-го числа¹⁴⁹.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясновелможнаго, до пана Скоропадскаго и до канцеляриста пала Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевскаго Александра Бершова. За чолки и вски полотняные 14 к.

13. Получены листы отъ ясновелможнаго б въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ: 1) о неизміаніи лашвахъ ратій и порцій сверхъ опредѣленнаго, 2) о мекленбурцахъ¹⁵⁰, 3) о сельтранныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о сель п. Холодовичу определенномъ, 5) о выдахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясновелможнаго, отъ сотника воронежскаго п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ коллегію и вручили синие Петру Василіевичу. За жите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Раво были у графа Головкина, службы Божой слушали въ Тройца. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича, одтоль быль я у Ивана Александровича Дурова, сына полковника нашаго, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Раво быль у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясновелможнаго, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника готвяцкаго пана Федора Остроградскаго¹⁵¹). Быть у Навла Івановича Апостола лѣвой дворцовскій Артемъ Івановичъ падъ вчери.

¹⁴⁹) Ил. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. постъ за Уазелью (внѣстъ съ зданіемъ Двалтрея) и по смерти Уазели назначень былъ Ордакомъ—генеральскимъ писаремъ; изъвратился въ Жигириско въ 1715 году, поседевъ съ Уазелью, гдѣ и умеръ.

¹⁵⁰) О стоявшихъ въ Малороссіи вскаузъ, называемыхъ мекленбурцами.

¹⁵¹) Федоръ Матвеевичъ Остроградскій былъ вицегубствія, съ 1752 г., подковильскій губернаторъ. Онь былъ правдивъ, изъвестного математика Михаила Василіевича Остроградскаго.

17. Была у графа Гаврила Головкина и отдано писмо отъ ясновѣзможнаго благодарственное за прибавку паническѣхъ жалованій. По обѣдѣ были у насть господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузиковскій, смолянинъ, а рало пашъ Андрей Полуботокъ. Розыгались на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Нацу Армашенку даны 30 к. По полудни были зъ учитеlemъ Бальтазаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновскаго полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошли 5 к.

19. Рано быть паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляющи его тезоименитствомъ. Ея імператорское величество изволила быть у того же господина Ушакова на обѣдѣ, где налено на прѣездъ ея величества первое зъ 31, потомъ зъ 25, также зъ 17. Послѣ муштровалась рота семеновскаго полку гренадерская, которая штурмами изволила зъ оружія и гранатъ бросала на воду болѣе годины дѣлагровой, а между тѣмъ изъ пушки налено. Въ неходѣ же б-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отѣхать зъ дому номанутого господина генерала Ушакова водою на лѣюбкѣ въ дворецъ свой лѣтній, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 46 пушокъ и музика камерная играла. Хлоюду Андрѣйду іменинику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дѣлагарка, даны за оный 35 к., за фронтиеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отѣхалъ зъ своей мизы, называемой Гоши.

20. Рано быть паничъ у графа Остерхана. Послѣ полдня прислала отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему и его книжку отпустила: *Josephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.*

21. Писать писмо въ отвѣтъ до сего ника голтвіанскаго пана Остроградскаго въ Москву и послано оное писмо къ подвижнѣисту Хрілу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которое надобно за мореъ покупить, а именно: 1., *Claverii introductio in universam geographiam*—12, 2., *Cellarii Geographia antiqua et nova*—12, 3., *Mattliae theatrum Histor.*—4, 4., *Cluverii epitome historiae totius mundi*—4, 5., *Puffendorphi introductio ad histor. Europ.*—8, 6., *Buddei Historia eccl. V. T.*—4, 7., *Veysiani Histor. eccl. N. T.*—4, 8., *Pistorii Florus Polonicus* 12, 9., *Josephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccl. A.* 10., *Sulpitii Severi hist. saera 8, 11., Nic. Bergius de statu eccl.*

religionis Moschoviticæ, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicæ Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695.—8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitæ Rezanensis et Muromensis ex ejus opere posthumo Theosophico «Petræ fidei» dicto in epistola familiarí revelatus 1730—4, 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отосланъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писавшое, которое памѣрень бытъ послать чрезъ маюра, въ Риги прѣездившаго, гостюдина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ея і. величество восирѣть маршъ по каналу Ладожскаго сухимъ путемъ и при вѣзѣ ся величества изъ С.-Пітербурхъ видалено зъ крѣпости лъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Бытъ въ коллегіи, а одголь возвратившись, засталъ у себѣ Ивана Ісаева Іскуса, пѣвчаго государини імператрицы, да Іакова Воробьевскаго, пасынка Словинскаго, стародубскаго. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на хедъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Ивана Іскуса, у которого въ другій пѣсцій Иванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти дамы 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василіевичъ имѣть разговоръ о ігумену пустыни-николескомъ кіевскомъ отцу Іоанну Волчанскому, который назначенъ на епископію могилевскую. Розмылось на перевозъ и хлѣбъ французскій 11 к.

26. Vacat. Князь Шаховской возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о ученищемъ на піарей, асауловъ и прочихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленія. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожскаго канала въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полууди въ ради приблѣтія ея і. величества зъ многихъ налено пушекъ изъ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Нашичъ рано бытъ у государини цесаревны и отдать листъ яспевелможного о общахъ поддавшихъ паникахъ, отъ полуурившій¹⁸² дѣючихъ. После обѣда

¹⁸²) Хлѣбъко Певорянца, кролесского уѣзда, привидѣвало въ звичую єѣтвенность Екатеринѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились лягушки-какава Апостола-Шабалтаскаго, Хлѣбявицъ и Лузинъ.

были въ квартерѣ нашей ея-же высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокиевскому дать еще 1 р. 50 к., а прежде подобавшою велалось ему-же 2 р. 50 к., итого всего выдано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой дацъ 1 р. Алексію давъ 1 р. на его нужды. Розыглось на медь, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣзяпе конина и канцѣліи мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновскаго полку Федора Макелмовича, и весь день на той сторонѣ пробавить, а рано по-даль пакетъ въ коллегію отъ исправляемаго втора присессенный о служителѧхъ. Видѣлся зъ Гудовичемъ¹⁶³) козо адмиралтейства.

29. Рано быль у князя Шаховскаго, но за многолюдствомъ тамъ бывшии не получиль времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Врана были обще зъ паническимъ у князя Шаховскаго и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерекимъ святого Александра Невскаго праздникою. Вручили я и писмо отъ Богаевскаго зъ Ошоншаго до его сіятелства письменное, на которое злеціи чинѣ одніе. Потомъ быть въ домѣ графа Савы Владиславича и вручить Алексію Николаевичу Требинскому, Славу брату¹⁶⁴), меморіаль о нуждахъ монхъ для обявленія графу Савѣ Владиславичу. На перекосъ 4 к. Вѣ исходитъ 11 часовъ ирѣтъ полуночью падено зъ пушечкы изъ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

¹⁶³) Вѣрою говорится объ Андрей Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланской, которой вогонь сѣвался почечицѣ въ кондаковскѣхъ съ Мешопитова и однихъ изъ усюностинышихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостоль изызвалъ его въ Грузинѣ, то онъ, отказываясь быть, говорилъ: «лучше клаватся чѣмъ въ газоѣ, исколпъ въ посмогъ». Черниг. Листопадъ 1863 г., № 8.

¹⁶⁴) Три брата Славуѣ, Алексій и Максимъ вышли изъ Сербіи изъ Малорогіи про Петрѣ В. и получили здѣсь прозвание Требинскіи. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ «быль воеводою у венеціанцевъ у Константина и что » во времена турки воїви, служилъ онъ царскому величеству и въ Монголії и Герцеговинѣ съ потерявіемъ воеводства, отчизны и пушкии своего ». За эту службу Славуѣ сѣвалъ быть приѣмѣнскими сотниками. Около 1720 г. Славуѣ живѣлся на землѣ лукохѣскаго сотовника Василія Пивкова (Белѣнѣ Аязогубъ), и думать было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть имѣніями изъ отца (Лашовка, Мозолевка и Чатѣвка), которыхъ и утверждены быти за сына Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Ико-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ се-жъ время пожалованъ кавалерю ордена святого Александра Невского генераль-полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Ивановичъ Пузиревскій, смоленскій пляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михаило I. Новоторждовъ, который привезъ паничу за дѣвь трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и странцій графа Г. I. Головкина Ефимъ Васильевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писаные писма подъ датою сего августа 29 днѧ одиравлены сего числа до яспевелможного, до п. Скоропадскаго и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, па лугу, подъ дворца лѣтнаго, одиравали екзерццію, при которой и ея императорское величество изволила присутствовать, а оними полками комендировали генераль-фельмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, генераль-лейтенантъ и преображенскаго полку маіоръ лантыграфъ госсель-гамбургскій Людовикъ и генераль-маіоръ и подполковникъ полной гвардіи князь Алексій I. Шахонскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 р. Сего-жъ числа быль у Василія Федоровича Иворского, камерь-юнкера, где имѣль честь видѣть и сожителницу его княжну Марию Семеновну. До дому пришедши, имѣль разговоръ съ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Врана и за полдень быль день восьмь свѣтлый и погодный. Быль сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника па Васильевскомъ острову Воскресенскаго. Потомъ у отца префекта московскаго коллегіума, занконоспасскаго, Иллентія Нероновича, также у

зѣкъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) учѣбѣть въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣни обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправилъ въ Соб. хлопотать о возвратѣ его съ братями и другими публіями, указывая ил. с. Брулодерянцы и Сававин. Коллегія иностраннѣйшъ дѣлъ вспомя, что >за временну и вымѣшную службу Требинскаго и для предупрѣдженія такового потребнаго случая и лучшаго утверждженія и пасквала всего замѣшнаго (сербскаго) благочестіяного народа, потребно ить, Требинскаго, во въ скурости, во въ пристойномъ личествѣ содержать &., почему именныи указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскаго въ зубенскіи полку 70 дворовъ. Вследствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. и. Оржану и с. Плезовъ (зубенскаго уѣзду).

госп. Вишневского, полковника ланте-милицкихъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французскій бѣлый пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже сорвѣмъ окончена и другая винска зъ Корсаковыиъ чеобитьемъ сочиненна. Таже былъ у п. Полуботка, по котораго требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланыхъ, о требованіи лишныхъ порцій и рацій и о межевнбурцахъ послали къ нему-жъ чрезъ Баловскаго. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мизи (Ропши).

3. Обѣдали у панаца гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Селявинъ и Балашинъ, да Новоторжцевъ и Леонтьевъ канцеляристы, тако-жъ протомопъ петровловскій Петръ Григоріевичъ и трактованы ради именикъ паническихъ, бывшихъ августа 30, а на водіиъ только былъ оберсекретарь Иванъ Юсевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви служили службы Божіи. *Sabebtrii fuiusnam eum hospitibus pet totam diem potati.*

4. Ноєль шестнадцати былъ на Василіевскомъ острову у господина Балашинаго, а потомъ былъ у бандиряста дворцоваго Ермолая Савченча, у котораго и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ попшло 16^{1/4} к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуночью сядилъ къ государини цесаревичъ Елизавета Петровна иоздравлять ея высочество теломъ-питетвомъ и тотъ часъ быти докущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу ноєль молебствія въ Троїці архіереемъ вологодскіемъ Афанасіемъ Кондоці отправлешего, начено зъ крѣпости и въ адмиралитетвѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 испалено. Подальше письмо его превосходительству, господину генералу Андрею Ивановичу Ушакову отъ сотника голівянскаго п. Федора Остроградскаго и обѣ отвѣтѣ сказаниемъ къ токужъ сотнику писать, включивъ писмо до Уріма. Розылось на разницы 4^{1/2} к.

6. За мите рубанюкъ прачцѣ 10 к., за перевозъ 3 к. Пріехали Козма Иакимовичъ Крічевецъ и Павель Войничъ, бурмистры кіевские, въ С. П. Бурхъ.

7. Выдѣлься рано на Василіевскомъ острову зъ оапки прібылыми и писма чрезъ нихъ получить. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у васъ были. За книжку латинскую, называемую *Hugo Grotius de veritate religionis Christianae*, даво 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Быть у меня рано Григорій Кременецкій и присеь писмо отъ и. Михаила Забѣлы, судіи войск. сен-р., быль же и и. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французскій бѣлый 4 к. Сего жъ числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ефимомъ Василевымъ и разговоръ имѣть стороны поручелого ему отъ Корсака челобития о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскому видѣть мене графъ Сава Владиславичъ +. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралитетѣствѣ сего сентевр. 3-го числа, остановился на берегу и не поспѣлъ на воду. Постано писмо графскому па почтѣ о поездѣ яспевелможнаго въ Сорочини.

10. Слушать обѣди на Василевскомъ, где имѣть и первую проповѣдь отець Лука Константичъ: потомъ бысть въ квартерѣ бургомистровъ кіевскихъ Войнича и Кричевца и у ихъ обѣдали. Послѣ бысть въ домѣ преосвященнаго новгородскаго. Розыщлось на перевозъ 9^{1/4} к.

11. Пото разломать мостъ на Василевскомъ острову корабль, недавно слущенный. Я рано бысть въ коллегіи, потому до пѣвчихъ цесаревицыхъ зашедъ. тутъ и обѣдали. Розыщлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлый французскій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бургомистры кіевские, по обѣдѣ бысть у преосвященнаго новгородскаго, послѣ чрезъ келейника Илю Борисова писмо отъ Ігумена глуховскаго, да отъ и. Лисакевича. Постоалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бургомистровъ. Розыщлось на перевозъ и цюч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову письмо отъ себѣ сторожи дѣль монхъ, къ вечеру смужъ поданы письма чрезъ Григорія Кременецкаго гетманскіе и отъ и. Забѣлы судіи сен-р. и засѣть гетманскій же къ коллегію подлежащими, сторони (относительно) того же нами судіи дѣла о Райгородку и Царевцѣ^{**}).

14. Кременецкій подалъ графу Головину писмо гетманское и томъ же дѣль.

^{**} Село Райгородокъ въ деревня Царевка, прозекеніаго 1333, принадлежало съ воинственю архиепископу . Забѣла должно бѣть зволотить получать изъ земли урадъ.

15. Сездились къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайная канцелярія гостинка господа Степанова и Курбатовъ, куда явилась и п. п. Позуботовъ да Алексей, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что здѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жесточая верховая погода, а по полднѣ обратилась въ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристали всѣ потопились, много отъ всюду бревенъ рончесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣжалось не мало. На перевозъ Алексею 2 к., котораго посыпалъ къ Якимовичу и къ Ильи Борисову на В. остротъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло па полторя аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что и пересадить было весьма невозможно, чего ради я почевали у пась п. п. Полуботокъ и Алексей, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обяжены всѣ мои дѣла, въ коллегіи иностранной имѣющіеся.

17. Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племянникъ, прислать водки анкерокъ. Сего же числа Гротъ, лікаръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣду. Служителямъ, что привнесли водку, дамы 20 к.

18. Писаны писема до ясновелможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежскаго И. Холотовича, да подъ 13-мъ числомъ до жевы и до Степана, также до Косача штасара судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписаный на имя канцеляриста старшаго войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцеляриѣ при отправлениі тѣль оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включечень въ иже до подканцеляриста Уриза Ларіоновича въ Москву и одиравленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а почевать у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонца у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дало за каламарь и писочницу 25 к. На перевозъ резинилось 11 $\frac{1}{2}$ к. Тамо былъ у Петра Василіевича и слышать отъ него, что на дѣло могъ есть резолюція: потому быть у князя Шаховскаго, который посыпалъ своей, полку конной гвардіи, два шквадрона: прензряю въ полое плате убранный и на изрядныхъ вѣмѣдкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подъ лѣтнаго дворца, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паническыи быть разговоръ о томъ, что не учится и поступасть не по приличию своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Ихову дано водки. Графу Мойсею Ивановичу вчора благодарили въ коллежіи за обсыпку водки. Помѣнялся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на цуздерка (фляшки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горловка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Ивановичъ Владиславичъ. Подачому Михаилу Годостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Череповъ, и посланы тѣ писма чрезъ куріера, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленного. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтванскоаго, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говориль панъ Федоръ Максимовитъ и чтобы отобрали два дникарки у Апавы Ивановны, съ распискою пана полковника миргородскаго ¹²⁶⁾, заплатя 6 р. даиныхъ за направу, послать на почтѣ въ письмо до Урила Ларіонова въ Москву. Объдать у бурмистровъ. Розмѣлое на перевозъ 11 к. Арманденку послана бутелка водки.

22. Козма Икимовичъ о моемъ дѣлѣ говориль мнѣ въ коллежіи; тутъ же видѣль кнажа Щербатого, который быть посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда быть у Петра Василіевича, который *de legibus nostris discurrerbat*, quasi въ шахъ написано о выдачи людей переходящихъ изъ мѣста на другое и о взиманіи хода малого пожилого. Розмѣлое на перевозъ и проч. З к.

24. Послѣ обѣда быть у нась старый Гудовичъ ¹²⁷⁾, потомъ Ісаусъ и Шлемкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащий при архимандриту троцкому. Въ 10-мъ часу по полднѣ были разные звани на небѣ, белые и черные, и многообразно церемониаились въ великой

¹²⁶⁾ Апава Ивановна Апостоль, сестра пашата Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневнике Ханенко. — См. прилѣч. 130. — Полковникъ хиргородскій, Ласерь Даниловичъ Апостоль, ея зять.

¹²⁷⁾ См. прилѣч. 153. — Старый отъ называется потому, что въ это время старший его сынъ Василий быть уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василий властѣствіи быть генеральскимъ подеварѣхъ и тайныхъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгали отъ одной стороны на другую. На мѣдь пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховскаго, который сказовалъ, что говорить о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщаюсь. Обѣдали я у отца префекта Гаврилія Нероповича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. После обѣда былъ въ лазѣ у Г. и тамъ почоватъ. На перевозъ пошло 4 к. Обѣдали у насть панъ Иванъ Ивановичъ Консаговъ, капитанъ семеновскаго полку гвардіи ^{***}).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтоль чрезъ крѣпость ишоль и бывъ въ церкви Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое панихидило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Постѣ нолдия въ 7-мъ часу званные отъ Николая Ивановича Чузировскаго были первой у него на квартерѣ, а поѣхъ у иѣкоторого дворцоваго келліемайстера Михаила Дмитріевича Колошина великаго дворца и тамъ въ обоихъ жѣстакъ очень много трапезованы разными винами, и жестоко былъ пьянъ, чего для и почовать принужденье былъ у пѣвчихъ цесаревицыхъ; тутъ же зѣ наимъ былъ и иѣкоторый Гаптъ Федоровичъ Маменевъ муншенъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подачему кој. інос. за переписку трехъ листовъ дать 25 к. За лоттора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Поѣхъ обѣда былъ и вечеряль у насть Иванъ Петровичъ установицѧ, чрезъ котораго и книжку разговоровъ Патруя изъ Герцогъ отослали.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошло 9 к., за голову цукру 53 к., пивцю 2 к. Алексею за чокки новаго 11 к. Кирилу імениннику 30 к. Вчорашиного числа посолудишъ въ 11-мъ часу представился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

^{***}) Эта Консаговъ праходилася племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Жакетти Михайлова Боротовича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея честь чужиннаго вѣжнія, яѣстечка Лютевицкаго (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Консаговъ владѣлъ Лютевицкимъ въ 1760 г., будучи тогда генерал-лейтенантомъ.

30. Письма и письма до жены и до служителя Степана и оные отправлены через Гудовича. Сего же числа писано письмо къ яспен-велможному и въ ономъ включено пакеть отъ капитана поруччика гвардії семеновскаго полку Ивана Ивановича Косогова. Къ тому же господину Косогову поехавши, завѣтный ради тезомилитства сына его Григорія, обѣда у него: где постѣ обѣда наставнича же адютантъ семеновскаго полку Иванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, купивъ сѣбѣрковый разодрази, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменинику молитовщику печерскій въ паргаменѣ бѣломъ подъ маринесками по-золоточными. Розыпалось за перевозъ 10 к.

Окторвый.

1. Рано привезено пакеть зъ коллегіи, который туда пришолъ за почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію іностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому письма. Весь же день сей пролежалъ гдѣ дому болень. На выпо реческое 10 к.

2. Посѣдалъ мене Алексій Славуловъ братъ и выпущенный изъ гетмана пакеть подъ латою 30-го сентября одправить на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посыпаному до Кричевца, на перевозъ 2 к. Зъ сочинскою чеботанкою ездить панъ Горленко до Петра Василіевича, просичи совѣту, токмо оного въ дому не получитъ.

3. Отосланъ номянутые 6 листовъ гетманскихъ черезъ Григорія Кременецкаго до рукъ Козмы Іакимовича, чтобы подать въ коллегію іностранной. И того числа оный же Горленко ездить зъ чеботанкою мою до Петра Василіевича, которую совѣтоватъ обявить князю Шаховскому. За перелисане свой чеботанкой дать 10 к. Государинъ изволила пересхать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко зъ чеботанкою мою ездили первей до князя Шаховского, который вѣльть подать генералу Ушакову, а послѣ опишъ былъ и у Стефана Федоровича Апраксина, который просватъ зъ чеботанемъ удержатися до утра. Но обѣдѣ прі-ездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Иванъ и Василій Андріевы сини Воейковы просить прощенія, а потомъ былъ у менѣ и капитанъ поруччикъ господинъ Косоговъ зъ женой о томъ же просячи. За жите плати портомон 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано були собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуєвъ братъ да бургомістри кіевскіе Кричевець и Войновъ, но толькo одинъ приходивъ адвокантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелемъ не собрались ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. Несогодя були бургомістри для тогожъ миротворенія, толькожъ въ изобіядиній сторони никто не бывалъ. Дано Грифеску 5 к.

7. Отъезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ члобитшю и подаль генералу Ушакову, а скоро отъѣхали, то господинъ Косоговъ присласть сержанта семеновскаго полку зъ промісіемъ, чтобы члобитя не производили. Господинъ Новоторжцовъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдь, ради крестить дочери его предъ сихъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Поехъ поздня пріездилъ господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ напть Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому пасначили день прійдучій понедельковий, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ въ паничу компасъ москвійский (мѣдній).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и поспіло уже одтоль прибути.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибыль господинъ Косоговъ зъ Воейковымъ и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, позвріться я зъ онци на топъ уговорѣ, чтобы табакерку и кунтушъ нагородили, а въ проземъ всемъ зъ пана проститься, на которомъ примиреніи были Іванъ Гаворичъ Косоговъ, капитанъ поручичій семеновскаго полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Івановичъ Чузировскій, бургомістри два кіевскіе, да наши домовіе. Попло на вино и проч. 62 к. На мало до вимогъ кунтуша 2 к.

10. Быль панъ Горленко у Стефана Федоровича Аїраненса, капитана гвардії семеновскаго полку, зъ обявленіемъ, что поширились.

11. Писаны писма зъ Глуховъ къ ясновѣтному, до пана Скоропадскаго и до пана Юркевича, до пана Гакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жено, до старшого Галецкого подъ чесломъ 4, до Стефана Максимовича, до висара судового Косача и до Стефана въ Переїсовъ, зъ цедулами до атамана город. погарскаго Ветая и до Леонідія Галецкого, также висаль до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горлєвка. На нитки до личинного платя 2 к.

12. Оные письма одираны на почтѣ. Сего числа въ лазъ милья и кровъ банками пущацъ зашкуруную. На перевозъ и проч. разошлись 24 к.

13. Посыпалъ Каленика до господина Косогова, упоминаяющій о награжденіе шкоды, Воейковымъ учившемъ, которій обладающій, что то исполнено будеть. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василию, который кровъ пущацъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда бывъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велись Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіаль. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мыло кунтуша 4 к.

15. Подачіе і. коллегіи Інховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавали. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаются. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіаль о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василий Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновскаго полку подпоручикъ и привезъ срѣбнюю табакерку за мою, которая чрезъ похъ въ домъ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣть говорить.

18. Письма въ Глуховъ до пана Забѣты судікъ енеръ, до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посыпкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а изъ Москву до Уріла подкащеляриста, прося о пересыпку оніхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву же до сотника голітвянскаго пана Федора Остроградскаго и туда же послано писмо отъ преосвященнаго Інокентія Нероновича, епископа іркутскаго, до отца Феофилакта Журовскаго. За гаплики (крючки) до юницы 2 к.

19. Писали письма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропидскаго и оные, также вчера писанные, одираны на почтѣ зъ коллегіи іштранной. За полтора ведра между 37 $\frac{1}{2}$ к. На тафту до шлафриотка личинного 28 к., за пуговки и на лыски 22 к.

20. Куплены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За митѣ плати прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегію іностранный о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣль Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣлениі на кормъ и квартеру. Писало писмо до пана Свороцадского чрезъ рятара кіевскаго Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталь-майстера ея высочества, государыни цесаревны Елизаветы Петровны, Александра Ивановича Шувалова и забавились въ ночь до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8½ к.

23. Подаль доношеніе его сіятелству графу Головкину о опредѣлениі миѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованія; за переніску опого доношенія и прочаго писцу дали 10 к., на перевозъ 2 к. Ночевалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Васильевскомъ острову и выигралъ въ карты 39 %, к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ стороны молницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Переогона подлежащыхъ, яко и о рангѣ-вомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу обявлять. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французскій 5 к.

25. После полдня былъ у кнзя Шаховскаго и подаль писмо отъ ясновелможнаго стороны дѣлъ, въ коллегію іностранный имѣючиъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., за шовъ до шлафрака дитячаго 9 к. Въ ночь послали въ сесилку Петръ Марковичъ.¹²³⁾

26. Весь день пробавилъ въ квартирѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унїверсалу на урядъ меѣ данного, такожъ въ унїверсалу Сената гетмана на Найшутовича, данного судія полковому Самойлу Иванову, справлены коші къ дѣлу¹²⁴⁾. На перевозъ пошло 7 к.

¹²³⁾ См. држчн. 142.

¹²⁴⁾ Хавенко, какъ видно, старался выложить себѣ какуюнибудь вину, что речь о своемъ судействѣ и дѣлѣ, это единѣ изъ его предѣстинниковъ по сдѣстину Самойло Ивановъ, владѣлъ сердцемъ Найшутовичами «на рабѣ», т. е. лишь за время замѣнѣи должности, стала клонять объ этомъ селѣ я, какъ огло, усѣсть. См. 20 дек. 732 г.

28. За піти у шлафочки Василкового петель даны 5 к., за фурро до тогожъ шлафочки 45 к., за хлѣбъ французскій бѣлый и ржаній 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховскаго, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянскаго, по словамъ нача Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государини цесаревны Екатерины Іванорны пажено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ся імператорское величество изволила обѣдать у ея же высочества государини царевны. У насъ обѣдали бурніетри кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Выловши зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященнаго іркутскаго и у полковника Вишневскаго. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянскаго въ письмо до подканцеляриста Уріма одправлено якъ почтѣ. Шевцю даны для подпита сапоги и смужъ задатку дало 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За полакерка между 38 к. Подачому Іанхову даны чорные шолковые чулки; отдать должныхъ Кирилу 70 к., заявлены у нача Андрея Горленка 2 р.

Ноєврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостями у Кузми Іакимовича Кричевца, бурніетра кіевскаго, ради гезонменитства его и у пихъ же почавъ, *factus enclitiatus*.

2. Зъ Василевскаго острѣва умноходомъ вступивъ къ вотчинной коллегіи секретарю Елифашу Мартиновичу и у него зъ часть и болигъ проскідѣвъ, прашбъ до квартери право. На перевозъ пошло 7 к.

3. Испука зъ квартери не ходить. Салдату, что принесъ писма изъ Москвы отъ Уріма, даны 3 к.

4. Быль въ коллегіи и вынеску досмотрѣть о жалованіи па кормъ и на квартеру. На жало пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашovalъ Петъ Василевичъ о сину Степана Корсуня, который изъ Гданську учится¹⁶²⁾.

5. Были рано у трифа и тутъ обѣдали слушали. За хлѣбъ бѣлый французскій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

¹⁶²⁾ Степанъ Корсунъ — начала сотника фессалій (хѣстечко Сепча, лавчище ўбѣзд); а позже — лубенскій полковой поручик (1729 г.) песяцъ (1732 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ IX томѣ «Киевской Старины»¹⁾.

А.

Абрамовичъ, Варшавскій оберъ-полиціймайстеръ временъ кн. Паскевича, 614.
Аджамка, р., 43.
Александра Павловна, в. кн., 533.
Александра Федоровна, имп-ца, 621.
Александрия, г., 53.
Александровскъ, г. екат. губ., 52, 179, 181, 183, 189—190.
Александъръ, в. кн. лит., 591, 696.
Александъръ I Павловичъ, имп.; пребываніе его въ Киевѣ въ 1816 г., 459—461; улom., 215, 450, 691.
Александъръ II Николаевичъ, имп., 351.
Алексѣй Михайловичъ, царь и в. кн., 151.
Алешки, г., 40, 46—47, 197.
Альта, р., 566.
Анатолій, (Мартыновскій) архіеп. могилевскій; его посмертныя бумаги, 210—240.
Англія въ списанія П. Д. Селецкаго, 261—262.
Андріївскій, А., сообщ. «письмо къ З діаволамъ», 340—342; разб. 6 выпуска издаваемыхъ имъ «историч. матеріаловъ», 523—524.
Андріївскій, М. А.; разборъ его книги: «коzацкая дума о з азовскихъ бра-тьяхъ», 130—138.

Анна Ярославна, дочь в. кн. Ярослава М., жена Генриха I, франц. короля; ее портретъ съ поясненіемъ, 555—560.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензіи на книги: а) «Богданъ Хмельницкій», Н. Костомарова, 315—320; б) «Печевѣті, Туки» и пр., В. Голубовскаго, 505—508; с) «Исторію Руси», А. Барвіньскаго, 708—710; уном., 525.
Антовій (Амфитеатровъ), архіеп. смол., 234.
Антоній (Зубко), архіеп. могилевскій, 518, 643.
Антоній, архіеп. подольскій, 464.
Аполлось, сп. баркіонскій, 456.
Аракчеевъ, графъ А. А., 451, 466, 694—695.
Арсеній (Москвінъ), митр. кіев., 347—348.
Аршеневскій, И. И., сен., 448.
Атаки, г. бес. губ., 369, 382, 387.
Аталькова, р., 393.
Афанасій (Корчановъ), еп. цензенскій, 447.

Б.

Бабина, р., 393.
Багалѣй, Д. И., доц. барк. у-та, авт. разб. книги гг. Гурова и Бредскаго:

¹⁾ Цифры означаютъ стр. тома.

- «Сборникъ судеб. рѣшений» и пр., 702—708.
- Бадовскій, старшій козацкій, (1572 г.) 602.
- Базавлукъ, р., 45, 179, 392—395, 398, 400, 410.
- Балабино - Петровское, с. ал-дров. у., 52.
- Барабашъ, Демьянъ, атаманъ кош., 40.
- Барвінський, А.; разборъ его «Исторія Руси», 708—710.
- Барсанъ, козацкій предв. (1574 г.), 606, 608.
- Барь, с. 583.
- Басалка, р., 393.
- Бахмутъ, р., 42—44.
- Безбородко, графъ, гос. канцлеръ, 327. — графъ И. Я., 437.
- Бельгія 40-хъ гг. наст. ст. въ описа-вії П. Д. Селецкаго, 263.
- Берда, р., 41, 45, 399.
- Бердичскъ, г., 42—43.
- Береза, К.; сообр. посмертныи бумаги архіен. Аватолія (Мартыновскаго), 210—240.
- Березняговатая, р., 399.
- Березовка, р., 43, 392.
- Беретти, строитель соб. св. Влад. въ Киевѣ, 323—326, 344—353.
- Бернгардтъ, архіт., одинъ изъ строит. собора св. Влад., 350—351.
- Бешка, р., 43.
- Бібиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 353, 615—617.
- Богодаръ, с. ал-дров. у., 52.
- Божерионовъ, авт. статьи о В. А. Боровиковскомъ, 327—332, 538—541.
- Боксель-до, полк., составитель ланд-карты Запорожья, 42.
- Бонякъ, полонецкій ханъ, 14.
- Бопланъ, франц. піж., авт. ізв. «Описанія України», 49—50, 179, 191, 417—418.
- Боровиковскій, В. Л., рус. художникъ XVIII ст.; замѣтка о немъ Божерионова, 327—332, 538—541.
- Брага, с. под. губ.; его описание и исторія, 384—387; упом., 319, 369—371, 373.
- Браницкая, Ал-ара В., жена гр. Кс. Браницкого, 20, 717, 724.
- Браницкій, графъ Ксаверій, 716, 719—720, 723—724.
- Брассенъ, Луи, академикъ, 559.
- Брацлавъ, г., 583.
- Бристана, р., 393.
- Бродскій, Е К; разборъ его книги: «Судебная рѣшенія» и пр., 702—708.
- Брунъ, соврем. историкъ, 57—58.
- Брюловъ, ізв. рус. художникъ, 621.
- Бугъ-Западный, р., 564.
- Бугъ-Южный, р., 37, 39—45, 50, 392, 395—397, 399, 400, 410, 579.
- Бурганска, р., 392.
- Быстрый-Переваль, р., 393.
- Бѣлай, р., 392.
- Бѣлая-Церковь, м.; разсказы о ней, 715—725; упом. 583, 598.
- Бѣлицкій, Алексій, кошевої атаманъ, 416.
- Бѣлобрежскій, Мартынъ, катол. еписк. каменецкій, 20.
- Бѣлозерка, р., 392.
- Бѣлозерскій, Н. М., авт. «добавокъ и поправокъ читателя Кіев. Старины», 146—151.
- Бѣлоруссія, см. Литва.
- Бѣльскій, пол. хронікъ XVI ст., 582, 591, 592, 594—595, 604—607.

В.

- Вагнеръ, Рихардъ, ізв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 78—79.
- Валкевичъ, Зосима, архим. К.-печ. лавры, 542.
- Вамбери, венгерскій ученый, 59—60.
- Василько Романовичъ, кн., 18.
- Васильковка, с. ал-дров. у., 52.
- Величела, р., 393.
- Велачко, Самуїль, малорос. лѣтопи-сецъ, 306—308.
- Вепржъ, р., 564.
- Веровчина, р., 392.
- Веселовскій, Н., акад., 60, 61.
- Вілля, р., 576.
- Вильна, г., 681, 695—696.
- Вильшанска, р., 372.
- Вишица, г., 583.
- Висла, р., 564.
- Висунь, р., 40, 41, 44, 399.

Виталій (Гречулевич), еписк. могилевский, 238.
 Витовтъ, в. кн. литов., 10, 30, 583, 585.
 Вишенскій, Іоаннъ, южно-рус. уч. XVII ст., 652.
 Вишневецкій, ви. Д. И., 194, 593—594, 605, 607, 608.
 Вишневецкій, кн. Еремія, польскій магнатъ и полководецъ XVII ст., 147.—, кн. М. И., староста черкас. и канев., 593, 601, 607—608.
 Владиславъ IV, кор. пол., 374.
 Воеводская см. Полковничья.
 Воланъ-де, инженеръ, регулировалъ Днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181.
 Волнянка, р., 393.
 Водчы-Воды, р., 44, 45, 52, 132, 399.
 Воронал, р., 393.
 Воронково, в., 308—309, 311.
 Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 475.
 Ворскла, р., 566.
 Вуяхевичъ, Михаиль, генер. судья, 311, 654.
 Высь, р., 53.
 Вятлинскій перевалъ, р., 392.

Г.

Гаэриловцы, с. под. губ., 362—363.
 Гайворонка, с. ютыых. у., выкѣ Гайворонъ, г. курской губ., 544, 545.
 Галагашъ, Петръ Григор., 622—623, 625.
 Ганчукъ, р., 52, 399.
 Гарбузника, р., 41, 44.
 Гарда, р., 45.
 Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій, 648.
 Генрихъ I, кор. франц., супругъ княжны Аны Ярославны, 555—557.
 Германія 40-хъ гг. наст. ст., въ описії П. Д. Селецкаго, 77—88, 239—242.
 Геродотъ, изв. греч. ист., 45—49, 56—76, 177, 393, 400.
 Герцикъ, И., полк. полтавскій, 342.
 Гика, господарь молдавскій, 321.
 Гирьы, р., 392.
 Глинка, М. Н., пзв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 625—626.

Говорскій, К., изд. журнала: «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 213, 220.
 Гоголь, Н. В., его рукописный журналъ «Метеоръ», 143—146.
 Голицынъ, кн., об.-прок. св. синода, 448.
 Голландія 40-хъ гг. наст. ст. въ описії П. Д. Селецкаго, 262—263.
 Головченко, Іоакимъ, полк. Переяславъ, 311.
 Голубовскій, П. В., его рецензія на книгу О. Шартыцкаго: «Текия мѣстия въ Словѣ о Пльку Игоревѣ», 710—714.
 Гома, Ив., изв. коз. предв., 170—172.
 Горголя, сенаторъ, 706.
 Гордѣенко, Конст., кошевой атаманъ, 41, 343.
 Горлевко, В. И., авт. зам. о В. И. Боровиковскомъ, 538, 541; унос. 327—328, 331—332.
 Грайворонъ см. Гайворонка.
 Григорій, митр. С.-Пет., 236, 238.
 Григоровичъ, Вас. Ив., конференц-секретарь акад. художествъ, 330.
 Громоклея, р., 41, 44, 45, 50, 52.
 Грушевка, р., 392.
 Грушевка, с. херсонск. у., 52.
 Гудовичъ, Ив. Вас., фельдм., 465.
 Гуровъ; разб. сго книги «Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.

Д.

Данілевскій, Григ. Петр., изв. пис., 327—328, 532.
 Даніиль (Мирдановъ), еп. могилев., 456.
 Даніиль Романовичъ, кор. Галицкій, 17—18, 579.*
 Дацкевичъ, запорож. атаманъ, 37.
 Дацковичъ, Остафій, староста черкасскій, 592, 595, 596, 607.
 Десна, р., 569, 577.
 Дмитрій (Муртова), архіеп. херсон., 238.
 Дмитрій (Сулима), архіеп. клишиев., 466.
 Дмоховскій, Францъ, 691—692.
 Даѣтраше, р., 392
 Даѣрище Чортомльцкое, р., 392.

Двѣрь, р.; острова, заставы на ней, пороги и рукава, 37—54, 171—200, 392—422, 564, 569, 571, 572, 578, 601.
 Днѣстровъ, р., 45, 53, 368, 391, 570, 578.
 Добрая, р., 399.
 Должокъ, с. под. губ., 360—361.
 Домонтово, и. золотонош. у., 308.
 Демоткань, р., 392, 404.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кіев. ген.-губ., 351.
 Донецъ Сѣв., р., 37, 42, 399.
 Донъ, р., 39, 571.
 Дорошенко, гетманъ, 376.
 Дотцауэръ, изв. польончелестъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81.
 Дрезденъ 40-хъ гг. наст. ст. въ описании П. Д. Селецкаго, 78—87.
 Дримайлівка, р., 392.
 Дублянськіе, звор. розъ, 342—344.
 Дурназъ, р., 392.

ІІІ.

Екатерина II, імп-ца, 181, 186, 321—322, 327—329, 342, 471—472, 538, 716.
 — Павловна, в. княжна, 456, 463.
 Екатеринославъ, г., 52, 179—180, 183.
 Еланецъ, р. 44.
 Еланецъ Гнилой, р., 399.
 Елавчикъ, р., 45.
 Елизавета Петровна, імп-ца, 542.
 Елизаветы св. крѣпость (Елизаветградъ), 43, 53.
 Енидифоръ, еписк. кам.-под., 238.
 Есковичъ, Михаилъ, атаманъ козачий, 593, 594, 608.
 Ефименко, Н. С., авт. зам.: а) «Приятия духовенства», 151—153, и б) «Способы возвращать нѣмому языкъ», 353—354.

ІІІІ.

Жабинцы, с. под. губ., 361.
 Жванецъ, м. той-же губ.; его история и описание, 365—388; упом., 319, 359—360, 363.
 Жванчикъ, р., 368—372, 378.
 Ждановъ, художникъ XVIII ст., 329.
 Жеребецъ, р., 399.

Жеребило, старшина с. Гайворонки, (1709 г.), 544.
 Житецкий, И., авт. ст. «Смѣна народ. въ южн. Руси», 561—579.
 Жолковский, гетманъ, 385.
 Жуковский, В. А., изв. поэтъ, 621.

ІІІІІ.

Забѣло, генер. судья, 739.
 Завадовский, графъ П. В., мин. нар. просв., 430, 692.
 Замойскій, Янъ, коронный канцлеръ, 385.
 Запорожье; топографическій его очеркъ Л. И. Эвартицкаго, 33—54, 177—200, 392—422; пропск. запорож. козачества, 590—608.
 Збручъ, р., 382.
 Золотая, р., 392.
 Зотовъ, Писката, моск. дѣякъ, путеш. по Украинѣ, 50.
 Зыгровить, Янъ, уч. XVI ст., 25—26.
 Зелинскій, митр. римско-кат. церквей въ Россіи, 234.

ІІІІІ.

Ивановъ, П. В.; сообш. драму XVII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 289—305.
 Ивоя, господ. молдав., 603, 604, 608.
 Идеромъ, р., 392.
 Иконниковъ, В. С., проф. у-та св. Влад.; его рецензія на кн. Михалевича: «кам.-подольская гимназія», 323.
 Иларіонъ, митр. кіевскій, 558.
 Иловайскій, Д. И., изв. историкъ, 47, 58, 61.
 Иигуль Большой и Малый, рр., 40, 41, 43—45, 52—59, 392, 394—395, 399—410.
 Иновокетій, архіеп. херсонскій, 321, 548—549.
 Инатій Печѣй, си. владимиро-волынскій, пропагаторъ унії, 153.
 Иосилата, Конст., господарь молдав., 438, 458—459.
 Ирина, кн., супруга в. кн. Ярослава Мудраго, 558.
 Ирицій, (Фальковскій) коадьюторъ кіев. митрополіи, 423, 432—433, 443, 449—450, 457, 465.

Исаковцы, с. под. губ., 372, 378.
Испания 40-хъ гг. наст. ст. въ спи-
сая П. Д. Селенского, 485—504.
Италия 40-хъ гг. наст. ст. въ спи-
сия П. Д. Селенского, 249—255.

Ж.

Іероєсій, митр. кіев., 441.
Іоанн I, царь и в. кн., 593—594.
Іосиф II, імп. австрійський, 322.
Іосиф (Симашко), митр. латовський;
«матеріали для его біографії»,
332—340; рецензія на его «За-
писки», 511—523; упом., 552, 693.

ІІ.

Кавказь; малорус. колонисты на Кав-
казѣ, 467—484.
Кагарликъ, р., 43.
Казимир-Чейндорфъ, генералъ, 429.
Казимір Ягайловичъ, в. кн. лят., 10.
Каніръ, а) Сухая-Широкая, б) Мечет-
ная, с) Западная, д) Крутая, е).
— Турецкая, рр., 393.
Кайдаки Старые и Новые, с., 41.
Калиновікіе, двор. родъ, 372—373.
Калиновский, Валентій, ген. подольський,
373—374.
Калміусъ, р., 42—45, 132, 133,
399—400.
Кальчики, р., 45, 399.
Каменецъ-Подольский, г., 17—19, 22,
359—361.
Каменка, р., 40, 44—45, 50, 146,
312, 399.
Каменка Мокрая, р., 393.
— Сухая, р., 393.
Каневъ, г., 583, 593, 597, 607.
Кантемиръ, журза буджанскій, 31.
Капаність, полковникъ, сост. ландкарти
Запорожья, 42.
Кашуливка, с. екат. у., 52, 695.
Карачикракъ, р., 399.
Касмала, р., 390.
Карачковицъ, с., 11, 14—19.
Карль XII, кор. швед., 41, 543—544.
Карленко, С. Д.; пис., 556—557.
Карташенский, дир. деп. постро. исповѣ-
даній, (1827 г.) 514, 519.
Катериничъ, кісв. вице губ. наст. ст.,
453.
Катериновка (Малая), с. ал-дров. у., 52.

Катруківъ, А., авт. зам. «Ізъ времень
нашествія тиходовъ на Россію».
Качорскіе, двор. родъ, 30.
Каширскій, кн. Андрей, маршалокъ, 599.
Кантка-Основяненяко, Г. Ф., изв. пис.;
статья о немъ Н. Ф. Сумцова,
201—209.
Князікірмень, г., (нынѣ Бериславль)
40, 41, 44, 50, 179, 196, 199,
415.
Кильчель, р., 398.
Книбурнь, г., 181.
Книртъ, уч., ист., 57—58.
Киркоръ, авт. III тома «Живописной
Россіи»; разборъ этой книги, 681—
701.
Кисель, Адаиль, воевода кіев., 737.
Китаевская близъ Кієва пустынь, 542.
Китицівъ, И.; сообщ. зам. «Малояз»,
историч. родъ, 342—344.
Кіевскій соборъ св. Влад.; исторія его
сооруженія, 323—326, 344—353.
— уть св. Влад.; приглашеніе къ
его открытию и правила его, 529—
537; упом., 549—551.
Козацкая, р., 394.
Козловскій, скульпторъ XVIII ст., 539.
Коловоротъ, р., 392.
Колонтай, Гуго, 692, 693.
Колотовская, р., 393.
Кольбергъ, Оскаръ; разборъ II тома
его «Покутья», 126—130.
Коловиницъ, графъ П. И., воинный
мил., 464.
Конка, р., 37, 40—46, 50, 52, 194,
197, 199, 393—394, 398—399.
Константин Багрянородный, імп. Виз.,
хронікеръ, 179, 183, 184, 193.
Константин Павловичъ, цесаревичъ,
427, 694.
Корабельня, р., 45, 399.
Коріятовичи, князья подольськіе, пле-
міяники Ольгорда.
Косинский, гетьманъ, 316.
Костомаровъ, И. Н., изв. ист.; раз-
боръ 4 изд. его «Богдана Хмельн.»,
315—320; упом., 131.
Котляревскій, И. Н., малорос. пис.,
342.
Кочъ-Мегметъ, турец. паша, постанов.
иженую запись 1705 г., 40.
Кошевая, р., 197, 394.

Кременецький, Гаврійль, митр. кіев., 542.
 Кременчукъ, г., 179.
 Кривинський, Арсений, протопоць кіево-
 владимірський, 444, 447.
 Крутые Верги, с. полтав. у., 342.
 Крылоють, г., 53.
 Крынка или Кринка, р., 132, 133.
 Ксенофонть, архієп. под., 465.
 Кулишъ, П. А., пис., 143—144.
 Куямеръ, віолончелістъ, 78—79, 81.
 Куракинъ, кн. Б. О., 747.
 — кн., рус. послиця въ Вѣнѣ
 (1813 г.), 455.
 Кутузовъ-Голенищевъ - Смоленський, кн.
 М. И., 432, 435, 455.
 Кушумъ, р., 52.

Ж.

Ладожскій каналъ; донесеніе о работахъ
 на немъ козаковъ, 117—122.
 Лазаревский, А. М., ист., 149—150.
 Лазня, р., 197.
 Лампа, президентъ акад. художествъ, 329.
 Ланской, кіев. гражд. губ., 444.
 Ланника, р., 392.
 Ласси, фельдмаршаль, 4.
 Лашкевичи, двор. родъ, 541.
 Лашкевичъ, А.; сообщ. зам. «Кіевскій
 пещерникъ XVIII ст.», 541—543.
 Лебединецъ, Г. С.; сообщ. п'єсю о
 понадъѣ, 356—358.
 Лебединцевъ, А. Г., одес. као. протоіерей,
 321—322.
 — П. Г., кіев. као. протоіерей;
 сообщ. зам. «Многолітіе въ Кіевѣ
 нач. XVIII ст.»; письмо къ нему
 протоіерей Мацкевича, 545—548,
 332—340.
 Леванда, проповѣди, кіев. као. прот.,
 425, 429, 433, 442, 447.
 Левицкій, портретистъ прошлаго в.,
 539—540.
 — И. С., авт. новѣсти: «Старосвѣт.
 Батюшки и Матушки», 88—116,
 267—285, 655—680.
 — О. П., авт. статья: «Основныя
 черты внутр. строя зап.-рус. церкви
 XVI и XVII ст.», 627—654;
 рецензія его на «Указатель» И. П.
 Новицкаго, 509—511.
 Лелевель, пзв. ист., проф. віленського
 у-та, 694.

Леноржансъ, соврем. француз. ист.,
 68—69.
 Леонтьевъ, бригадиръ, завѣд. работами
 на Ладож. каналѣ, 119—121.
 — Семенъ, сост. синика запорож.
 земель, 43.
 Лининскій, скрипачъ 40-хъ гг. наст.
 ст., 78—79, 81, 623.
 Лисенко, Н. В., соврем. композ., 154.
 Литва и Вѣлоруссія; разборъ моно-
 графія о вѣл. Кяркора, 681—701.
 Лобавовъ-Ростовскій, кн.—біографъ
 королевы Анны Ярославны, 560.
 Логановскій, Іоакимъ, ректоръ к. дух.
 академія (1805 г.), 428, 440.
 Лозацівскій, прот., наст. кіево-андреев-
 ской церкви (1805 г.), 428.
 Лопатиха, р., 393.
 Лопухинъ, Ив. Влад., сенаторъ, 430.
 — Ив. Влад., мін. юстиції нач. нин.
 ст., 437.
 Луганъ, р., 44.
 Лучицкій, Ив. В., проф. у-та св. Влад.;
 сообщ. З документа къ історії бунта
 1687 г., 306—314.
 Лысенко, Осдорпъ, ген. есауль, 739.
 Любомирскій, кн., гетманъ, 374.
 Лянцкоронскіе, двор. родъ, 373—374.
 — Предславъ, гетманъ запорожскій,
 38—39, 591—592.
 Лиссота, Эрихъ, чосоль имп. Рудольфа II,
 179, 191.

ІІІ.

Магницкій, 451.
 Мазепа, Ив. Степ., гетманъ, 306, 309,
 543—544, 720, 733—742, 747—
 748.
 Макарій (Булгаковъ), митр. московський,
 236—237.
 Маковскій, Є; сообщ. зам. «Загадочное
 преданіе», 170—172.
 Максимовичъ, Іоаннъ, архієп. черніг.;
 грамота къ нему имп. Петра I,
 747—748.
 Максимъ, митр. кіевський (1299 г.), 577.
 Мамай-Сурка, р., 54, 393.
 Марія Феодоровна, пмп-ца, супруга имп.
 Павла, 448.
 Маркевичъ, А., авт. зам. «Средство
 противъ копокрадства», 546—547
 и «Загадочная п'єсня», 554.

Марковичъ, Андрей, генер. подскарбій, 739.
— Яковъ, авт. «Днів. записокъ», 146—147.
Мартусевичъ, Іаковъ, еписк. луцкій нач. XIX ст., 518.
Мартиновъ, неізажистъ конца XVIII ст., 539.
Масловъ-Кутъ, уроцище на р. Курѣ; історія его заселенія, 470—484.
Масси, кіев. кохендатъ, 462.
Мацкевичъ, Ал-дръ, протоіерей; письмо его о м. Іосифѣ Сняжкѣ, 332—340.
Мезэръ, франц. уч. XVII ст., 558, 560.
Мендельсонъ, композиторъ; отзывъ о немъ И. Д. Селецкаго, 77—78, 83.
Менестріз, уч. іезуїтъ XVII ст., 558.
Меншиковъ, кн. А. Д., фаворитъ Петра I, 117, 119, 122.
Мертвыя воды, р., 40—45, 200, 399.
Миллеръ, кіевской вицѣ-губ., (1804 г.), 425.
Милорадовичъ, графъ Г. А.; сообщ. «Приглашеніе къ открытию университета св. Владимира», 529—537, и грамоту Петра В. объ пам'ятѣ Мазепы, 747—48.
— графъ М. А., воен. кіев. губ., впослѣдствіи СІБ. ген. губ., 443—444, 446, 449—453, 455, 457, 460.
Минихъ, фельдмаршалъ, 41—344.
Михалевичъ; рецензія на его соч. «Каменецъ-под. гімназія», 323.
Михайлъ, еп. минскій, 237.
— (Рагоза), митр. кіевскій, 648, 653.
— митр. саб., 461.
Мищенко, О. Г., авт. ст. о царскихъ скинахъ, 55—76.
Милюскій, козачій атаманъ, 594.
Могила, Іеремій, господарь молдавскій, 385.
— двор. родъ, 30.
Мокрая Маковка, р., 41.
Монтесть, Лола, ізв. танцовщица, 614.
Московка, р., 45, 179, 181.
Московка Сухая, р., 393.
— Мокрая, р., 393.

Муравьевъ, графъ М. Н., вілен. ген.-губ., 213.
Мусінъ-Шушкінъ, графъ, президентъ академії художествъ, 329.
Мышковскій, первый дир. кіев. гімназії (1812 г.), 449.
Мюлленгоферъ, академикъ, соврем. герм. учений, 57—58, 69.
Мюлдеръ, Францъ, соврем. этнографъ, 59.

■.

Назимовъ, кіевскій губернаторъ, 462.
Напосоковка Мокрая и Сухая, рр., 392.
Наревъ, р., 564.
Нейманъ, Карль, соврем. нѣм. ист., 58—60, 66.
— Ц. Г., авторъ слѣд. рецензій: а) на II томъ «Покуття», О. Кольберга, 126—130; б) на «Козацкую думу о З братъяхъ», М. А. Андріевскаго, 130—138 и в) «Історич. матеріали», А. А. Андріевскаго, 523—524; его же зам.: а) «Малорус. писаникъ XVIII ст.», 153—158, б) Предисловіе къ драмѣ XVIII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 288—292, и в) «Любопытная книжка XVIII ст.», 525—529.
Непажора, р., 392.
Николаевъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад. въ Кіевѣ, 351—352.
Николай I, імп., 458, 474, 514, 515, 520, 521, 619.
Никоноль, м. екатер. у., 191, 199.
Новицкій, И. Н.; разборъ его «Указателя къ пзд. кіев. археограф. комісії», 509—511.
— Наркисъ Марк., житом. кафедр. протоіерей, 548.
— Орестъ М., проф. у — та св. Влад.; некрологъ о немъ, 547—554.
— Осафіль М., парш. кафедр. протоіерей, 548.
Ново-Архангельськъ, г., 53.
Новомиргородъ, г., 53.
Новосильцевъ, сенаторъ, 693—695.
Нѣгінь, с. под. губ.; его исторія и описание, 20—23.

О.

Овечья вода, р., 50.
 Огнинский, графъ, 691.
 Окопы св. Троицы, с. под. губ.; его исторія и описание, 382—384; упом., 369, 377.
 Олешина, р., 392.
 Ольгердъ, в. кн. лит., 10, 696—697, 715.
 Омельникъ, р., 132.
 Омельникъ Большой и Сухой, рр., 392.
 Омельникъ, р., 393.
 Опалинскій, польск. пис., 34.
 Орель, р., 37, 39, 42, 45, 50, 392, 404, 566, 584.
 Орловъ, И., авторъ зам. «Мелочи изъ нар. преданий», 355—356.
 Освѣтіемъ, авторъ изв. дневника, 316—318.
 Осегровка, р. 392.
 Османъ, султанъ турецкій; осада Павловца, 27.
 Осокоровка, р., 392—393.
 Острожскій, кн. Конст. Ив., 591, 592, 600, 601, 638, 644.
 Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію, 731—732.

III.

Павель Петровичъ, имп., 330.
 Павловка, с. липов. у., родина митр. Іосифа Сѣмашки, 516.
 Павлюкъ, р., 196, 392.
 Палій, Семенъ, изв. коз. предв., 716, 720.
 Паневцы, с. под. губ.; его исторія и опис., 24—29; упом., 383.
 Панкратьевъ, кіев. гражд. губ., 438, 440—442, 454, 458.
 Параденъ, франц. уч. XVII ст., 558.
 Партизкій, О.; разборъ его книги: «Семи мѣстци въ Словѣ о полку Игоревѣ», 710—714.
 Паскевичъ, кн., намѣст. Царства Польскаго, 614.
 Переставка, р., 392.
 Петровъ, И. И., проф. кіев. дух. академіи, 147.
 Петръ I Алексеевичъ, имп., его грамота архіеп. черниг. Іоанну Максимовичу, 747—748; зам. о его пор-

третѣ, 736—742; упом., 41, 151, 182, 309, 310, 342—343, 543, 545, 559, 621.

Петръ II Алексеевичъ, имп., 734, 737, 740—742.

Пина, р., 563.

Платонъ, (Левицінъ), митроп. москов.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1804 г., 424—426.

Подзачье, предмѣстье Каменца Под., 360.

Подолье (Путевые очерки), 1—32, 359—391.

Подольская, р., 45, 392—394.

Покровское, с. екат. у., 52.

Покутье; разборъ соч. о цемѣ 0. Кольберга, 126—130.

Полковничья, д. херсон. у., 52.

Полуботокъ, Павель, полк. черниг., 343, 733—742.

Пономаровъ, С. И.; его замѣтка о журналь Н. В. Гоголя, 143—146.

Потебня, А. А., академикъ, 134, 136.

Потемкинъ, кн. Григ. Ал—дровичъ, 321, 322, 343, 467, 468, 716, 732.

— Пав. Серг., ген.-поручикъ, 468, 470.

Потоцкій, графъ, маршалокъ кіевскій, (1812 г.), 449.

— Николай, генералъ подольскій (1589 г.), 25.

— Янъ, воев. брацлавскій, 25—26.

— Стан., (Реверча) его племянникъ, 27—28.

Претфіцъ, Бернатъ, полк., староста, 592.

Пряпель, р., 564.

Прогной, р., 394.

Пронскій, кн. Сем. Глѣб., воев. кіевскій, 715.

Протасовъ, графъ, обер-прок. сп. синода, 237.

Протовчанка, р., 392, 398.

Писъ, р., 566.

Пулавскій, Казимиръ, конфедератъ, 383.

Р.

Радзивилль, Николай, воев. віленскій, 640.

Раздоровка, с. херсон. у., 52, 196, 199.

Разумовский, граф Еир. Григ., гетманъ, 340—341, 622.
 Ребелника, р., 392.
 Ревия, р., 753.
 Резвой, Д. М.; сообщ. портретъ кн. Аны Ярославны (портретъ при томѣ).
 Репинъ, кн. Вас. Илк., 618.
 — кн. Ник. Григ., малорос. ген.-губ., 618—619.
 Ржевусский, графъ, киевскій дворянъ, маршалъ (1808 г.), 437, 449—450, 460.
 Рогачикъ, р., 393.
 Родионъ Несторовичъ, вельможа киевскій XIV ст., 577.
 Розентъ, баронъ, либреттистъ «Жизни за царя», 625.
 Ролле, І. І., истор. польск. пис., 379.
 Рось, р., 718—719.
 Румянцевъ, графъ П. А., 148, 321, 353—354
 — графъ Н. П., гос. канцлеръ, 457.
 — графъ С. П., 463.
 Русская балка, р., 393.
 Рыбальский, Ю. И., киевскій войтъ (1809 г.), 440, 455.
 Рѣчище, р., 392.
 Рясня, р., 733.

С.

Савченко, И., авт. рассказа «Дѣдушкинъ вексель», 158—168.
 Сагайдачный-Конашевичъ, Петръ, гетманъ, 194, 373, 386.
 Саксаганъ, р., 45, 399, 410.
 Самара, р., 37, 41, 43—45, 49—54, 132—134, 138, 179, 181, 393, 397, 399—401, 404.
 Самойловичъ, гетманъ, 306.
 Самотканъ, р., 49, 392.
 Сапожниковъ, Д. И., авт. ст. «Загадочные портреты», 732—742.
 Свирцовскій, предв. шляхет. вольницы (1574 г.), 606, 608.
 Свѣчинъ, ген.-майоръ, 425.
 Святая, р., 393.
 Селецкій, П. Д.; его записки, 77—87, 239—266, 485—504, 609—626.
 Сельчинъ, р., 392.
 Семь (Сеймъ), р., 577.

Семеновъ, И. П., през. яни. геогр. общ., 699.
 Серапіонъ (Александровскій), митр. киев.; хроника киевской жизни по его дневнику, 423—466.
 Сигизмундъ I, кор. польскій, 10, 11, 37, 38, 629, 636—638.
 — II, кор. польскій, 38, 383, 593, 594, 597—603, 607, 638, 640, 649.
 Синюга, р., 39, 42, 43, 45, 53, 395, 399, 410, 584.
 Скарбная, р., 392, 393.
 Скопцы, с., 308, 309, 311, 313.
 Скоропадскій, Ив., гетманъ, 310, 343. 736—742.
 Случъ, р., 45.
 Смотрицкій, Мелетій, архієп. полоцк. XVII ст., 653.
 Смотричъ, р., 8—30, 361.
 — и.; его история и опис., 10—13.
 Снигиревичъ, прот. киево-соф. собора, 427, 447, 466.
 Снова, р., 732—733.
 Снядецкий, польск. писатель, 693.
 Сокиль-гора, (Соколья), ея описание, 13, 19.
 Соловова, р., 44, 398.
 Софья Алексѣевна, царевна, 309, 310.
 Спарро, киев. архитекторъ, 346—347.
 Сперанскій, графъ М. М., 451, 466.
 Станиславъ (Понятовскій), кор. польскій, 716.
 Старжинские, двор. родъ, 28—29.
 Старуха, р., 393.
 Стефанъ Баторій, кор. польскій, 20, 39—40, 690.
 — , еп. житомирскій, 456.
 Страбонъ, древ. географъ, 57, 61—70.
 Строгановъ, графъ А. Г., 619.
 Стройковскій, ректоръ виленск. академіи (1808 г.), 691, 692.
 Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. Италийскій, 719, 721—722.
 Сугаклея-Каменоватая, р., 43.
 Сула, р., 566, 577.
 Сулима, Иванъ, воронковскій сотникъ, 308—314.
 Сумцовъ, Н. Ф., доц. харьк. у-та, авт. ст. «Слоб.-украин. дворянство въ произв. Квятки», 201—209.
 Сура, р., 392.

Сура Мокрая, р., 410.
Сытыя-Буды, с., 732—733.
Сѣрко, Ив. Дм., кошевой атаманъ, 196.

Т.

Танскій, полк. кіевскій, 342.
Тарасовка, р., 392.
Тармань, р., 392.
Тарновскій, Григ. Ст., помѣщикъ полт.
губ., 623—626.
—, Янъ, гетманъ, 596, 597.
Татарка, р., 393.
Ташлыкъ Черныѣ, р., 40, 41, 44, 399.
Тереневка Большая и Сухая, рр., 392.
Терехтемировъ, 39, 40.
Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Влад.;
его ст. «Хроника кіев. общ. жизни»,
423—466; разб. «Слав. Ежегодникъ»,
123—126; некрологъ о Ф. А.
Терновскомъ, 358.
Терса, Верхняя, Сред. и Нижняя, р.,
399.

Томаковка, р., 392.
Томара, Стефанъ, полк. Переяславскій,
308—310, 314.
Торецъ, р., 399.
Тормасовъ, кіев. ген.-губ., 427, 429,
455.
Тотлебенъ, графъ Э. И., вілен. ген.-
губ., 344, 345.
Тоттъ, баронъ, авт. записокъ объ
Украинѣ, 47.
Трощинскій, Д. П., мин. юстиціи, 444,
622.
Трубежъ, р., 566, 733.
Турчанинова, А. А., 451, 452, 458.
Туръ, р., 43.
Тяглинка, р., 392.
Тякинъ, Вас., путешеств. по Украинѣ,
50.
Тясьминъ, р., 42, 45, 53, 584, 599.

У.

Угрюмовъ, художникъ XVIII ст., 329.
Устье, с. под. губ., 24, 29—32.
Украинцевъ, Ем., рус. посолъ (1705
г.), 40.

Фалльевъ, инженеръ, регулировавший дѣль-
пров. пороги при Екатеринѣ II, 181—
182.

Филаретъ (Амфитеатровъ), митр. кіев-
скій, 213, 324, 346.
Франція 40 тѣ гг. въ описації І. Д.
Селецкаго, 263—266.
Фундуклей, И. И., кіев. губ., 322.

Х.

Хвольсонъ, проф. пет. у-та, 60—62.
Херсонъ, г., 179, 181.
Хмелецкій, Стефанъ, сенаторъ и восво-
да, 31.
Хмельникъ, г., 583, 596, 597.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ, 27, 40,
195, 306, 315—320, 374, 376, 716.
Хованскій, ки., белорус. губ., 695.
Хортна, Верхняя, Средняя и Нижняя,
рр., 392.
Хотинъ, г., 360, 362, 369, 376—
377, 385—391.
Хресна, р., 392.

Ч.

Царева, р., 393.
Царицынъ-Куть, с. ал-древ. у., 52.
Цыбульникъ, р., 392.

Ч.

Чайка, р., 41.
Чаплыга, р., 393.
Чарнышъ, И., полков. гадяцкій, 342—
343.
Чарторыйскій, ки. Адамъ, 221, 691—
694.
Чацкій, Фаддей, его сотрудникъ,
691—692.
Червонная, р., 392.
Черкасы, г., 40, 583, 589, 593,
598, 607.
Чернишевка, с., 52, 194.
Чернявскій, проф. вілен. у-та, 518.
—, Вас., инс. XVIII ст., 50, 51,
Чернякъ, полковникъ, 117—122.
Черче, м. под. губ., 20.
Чигиринъ, г., 39, 40.
Чижевскій, Сигизмундъ, епіск. камен.,
380.
Чичиклея, р., 395—396.
Чобручи, с., 320.
Чортомлыкъ, р., 45, 52, 195, 392.

Ш.

Шагинъ Гирей, послѣд. крым. ханъ, 321.

Шарай, р., 392.

Швейцарія 40 къ гг. въ описанії
П. Д. Селецкаго, 255—261.

Шебалина, р., 392.

Шевченко, Т. Г. въ воспом. П. Д.
Селецкаго, 620—622.

Шишковъ, А. С., миа. нар. просв.,
514, 695.

Штромъ, архитекторъ, 346.

Шубертъ, композиторъ, 78 79.

Ә.

Эварницкій, Д. И., доц. харьк. у-та;
его статья: «Топографич. очеркъ
Запорожья», 33—54, 177—200,
392—422.

ІІ.

Яблоновский, кн. Стан., гетманъ корон-
ный, 382—383.

Ягайлло, в. кн. лит., 63, 372, 682.

Язловецкій, Юрій, гетманъ коронный,
602.

Янчикракъ, р., 399.

Янчуль, р., 399.

Янъ-Казимиръ, кор. польскій, 374—
376, 382, 690.

Янъ Собесскій, кор. польскій, 147.

Яромірка, р., 10.

Ярославъ Мудрый, в. кн. кievskий,
555—559, 684.

Ястребовъ, В.; сообщ. зам.: «Очаков-
ская зима 1788 г. по соврем. опи-
санию», 731—732.

ОВЪЯВЛЕНИЕ:

ВО ВСѦХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ КIEVA
и продаются слѣдующіе учебники

ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ:

Иллюстрированная Хрестоматія, составленная изъ сочиненій лучшихъ писателей, съ 25 портрет., 3-е изданіе Павленкова, сост. А. Тарнавскій, ц. 1 руб. Допущена къ употребленію въ городскихъ училищахъ юго-западнаго края.

Практическая грамматика. Небольшія статьи.—Примѣры.—Правила.—Объясненія ихъ.—Образцы систематической диктовки. 3-е изданіе Южно-русскаго книжнаго магазина, составилъ Ал. Тарнавскій, ц. 50 к.
— 1-е изд. допущено въ библіотеки, городск. и сельск. училищ юго-западнаго края, новороссійскаго и привислянскаго.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМА IX. 1883 г.

М а й , 1 8 8 4 г .

	СТР.
I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ. Н. М	1
II. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. Д. Эварницнаго.	33
III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИОАХЪ. Ф. Мищенка	55
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. <i>(Продолжение).</i>	77
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). <i>(Продолжение).</i> И. Левицнаго.	88
VI. ОБЪЯСНЕНИЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѣ	117
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Издание кievскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакцію Т. Д. Флоринскаго, доцента віо. університета св. Владимира. Кіевъ. 1884 г.—Т. Ф.—б) Кольбергъ, Оскаръ. Покутье. Этнографический этюдъ. Т. II. Krakowъ. 1884 г.—Ц. Неймана.—б) Андріевскій, М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—Ею-же.—в) Библіографіческий указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—П. Ефименка	123
VIII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—С. Покомарева—б) Добавки и исправки постояннаго читателя »Кievской Старины«.—Н. Бѣлозерскаго.—в) Присяга духовенства.—Н. Ефименка.—г) Малорусскій писемникъ XVIII вѣка.—Ц. Неймана.—д) Дѣдушкінъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Кресть-	

- ишиа Иоакима Савченка.—*в*) Ребяческая забава въ сараевную иншу-
ту.—*В. О.*—*ж*) Загадочное преданіе.—*Е. Маковскаго*—*з*) Изъ на-
родныхъ усть (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143
IX. ДѢВЕНИКЪ ПИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48
-

Іюнь, 1884 г.

I. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (<i>Продолженіе</i>). <i>Д. Эвариницкаго</i>	177
II. СЛОВОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ <i>Г. О. Квитки. Н. Ф. Сумцова</i>	201
III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХИЕПИСКОПА АНАТОЛИЯ МАРТЫНОВСКАГО. Сообщ. <i>К. Береза</i>	210
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. (<i>Продолженіе</i>)	241
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта укра- инскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (<i>Продолженіе</i>). <i>И. Левицкаго</i>	267
VI. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловіемъ <i>Ц. Г. Неймана</i>	286
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ <i>И. Луцицкаго</i>	306
VIII. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Издание четвертое, исправленное и допол- ненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.— <i>В. А.</i> —б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.— <i>И. Л.</i> —в) Каменецъ- Подольская гімназія— <i>В. И.</i> —г) О строящемся соборѣ во имя св. Владимира въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.— <i>А. К.</i>	315
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника <i>В. Л. Боровицкаго</i> .— <i>И. Н. Божерянова</i> .—б) О митрополитѣ Іосифѣ Си- машкѣ. (Изъ письма, писавшаго вскорѣ послѣ его смерти).—Протоіерея <i>Александра Мацкевича</i> .—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ. <i>А. Андріевскимъ</i> .—г) Малоизвѣстный исторический родъ.— <i>П. Кити- цына</i> .—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія.— <i>А. К.</i> —Старинные способы возвратить языкъ кѣому и разсѣять ложные слухи.— Сообщ. <i>П. Е-ко</i> .—е) Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій.—	

III

	СТР.
<i>И. Орлова.—ж)</i> Еще пѣсни о посадѣ, не взлюбившей бороды.	
Сообщ. Г. С. Лебединецъ.—Некрологъ.	327
Х. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лизаревской. (Приложение)	49—46

Іюль, 1884 г.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ. (Продолженіе). К. М	359
II. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (Окончаніе). Д. И. Эварницкаго	392
III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г.)	423
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНІСТОВЪ НА СЪВЕРНОМЪ КАВКАЗВ. И. С—р—а	467
V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРИЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. (Продолженіе)	485
VI. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовский.—Шеченіги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Історія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.— <i>В. А.</i> —б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммісіи для разбора древніхъ актовъ. Т. II. Имена географическая. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.— <i>О. Л.</i> —в) Записки Іосифа, митрополита літовскаго, изданныя імператорскою академією наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г. — <i>А. К.</i> —г) Андріевскій, Ал. — Исторические материалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.— <i>Ц. Н.</i>	505
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. <i>Ц. Г. Неймана.</i> —б) Приглашеніе къ открытию университета св. Владимира и правила поступленія въ оній.—Графа Милорадовича.—в) Еще о Боровиковскомъ.— <i>В. Горленка.</i> —г) Кіевскій пешерникъ XVIII ст.—Сообщ. <i>Ал. Лашкевичъ.</i> —д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.— <i>А. Катрухина.</i> —е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. <i>П. Л—ев.</i> —ж) Историческое средство противъ копокрадства.—Сообщ. <i>А. Маркевичъ.</i> —з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Пекрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. <i>А. Маркевичъ.</i> —і) Къ потрету Аны Ярославны.	525
VIII. ПРИЛОЖЕНИЕ.—Портретъ Аны Ярославны.	

Августъ, 1884 г.

I. СМЪНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическая замѣтка). (<i>Продолженіе</i>). Ир. Житецкаго	561
II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.	580
III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (<i>Продолженіе</i>).	609
IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦѢРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. О. И. Левицкаго	627
V. СТАРОСВѢТСКИЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (<i>Продолженіе</i>)).	655
VI. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Слѣд. 1883. (Литва и Бѣлоруссія — соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозамочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украины. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—Д. Баамъ.—в) Александръ Барвінскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—В. А.—г) Темы мѣстца въ «Словѣ о Польку Игоревѣ». Поясненіе Ом. Партицкій. Часть первая. У Львовъ. 1883 г.—П. Голубовскаго.	681
VII. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Рассказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. П. Л.—в.—б) Движеніе народного образованія въ юго-западномъ краѣ—К. Ц.—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. В. Ястребовъ.—г) Загадочные портреты.—Д. Сапожниковъ.—д) Панская блажь, хлопская пашать, а чиновничья пожива.—К. Ц.—е) Грамота Петра I черниговскому архиепископу Ioannу Maximовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи нового гетмана).—Сообщ. графъ Милорадович	715
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕВКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (<i>Приложеніе</i>)	65—80
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизменно 1-го числа каждого мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣтствуетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, где допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявлению Почтоваго Департамента, не позже получения или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣчныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кievъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, *«Нового Времени»* и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издавальня и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и хлѣтералы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непрѣмѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленимъ. Этнографический материалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ написи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнѣ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки «Кіевской Старины» предыдущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнѣ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«КИЕВСКАЯ СТАРИНА»,
1884 г. (Третій годъ изданія), 1884 г.

Журналъ „Киевская Старина“, посвященный исторії южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составѣ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, исторические документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическая извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Киевской Старины“, Киевъ, Трехъсвятительская улица, д. № 8-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Киевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особые приложения составляютъ оригиналныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложений 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.